Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1877 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ 9.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ЩИЛОВОЙ.
1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева. — Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна 4 рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева. — Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна 3 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. И. Ростовцева. — Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова). Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. — Бумаги П. А. Демидова. — Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. — Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826 — 1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

(1876).

3

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

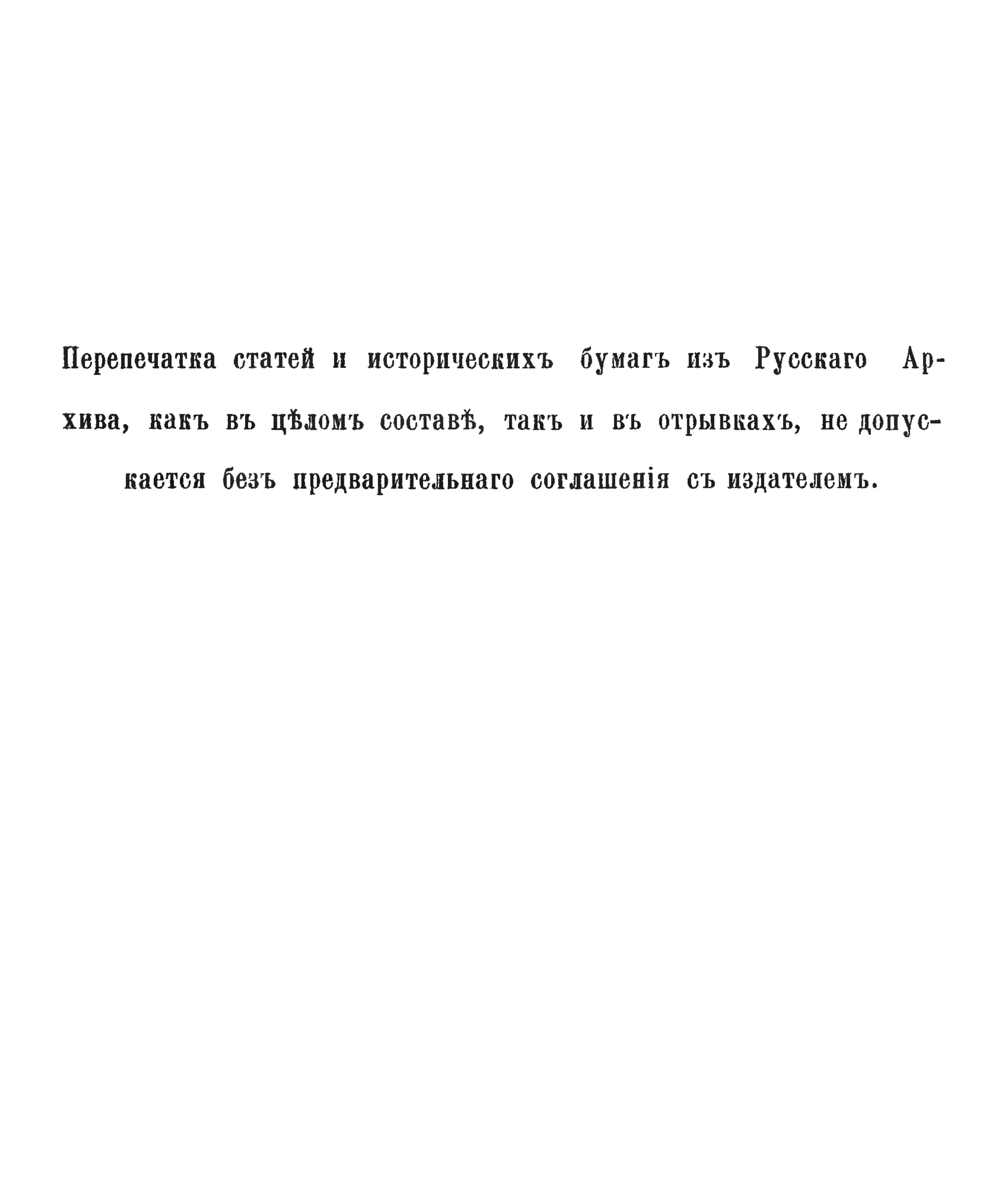
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

(1876).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ,
1876.



ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БОБРИНСКОЙ И ЕГО БУМАГИ.

Нижеслѣдующія бумаги важны для насъ потому, что онѣ служатъ отчасти къ разъясненію любопытнѣйшей стороны въ жизни императрицы Екатерины II-й, именно ея отношеній къ графу А. Г. Бобринскому. Для отстраненія пустыхъ анекдотовъ и невѣрныхъ по сему разглашеній, мы должны собирать положительныя извѣстія о личности близкаго къ Екатеринѣ человѣка, и при томъ въ видахъ психологическаго изученія необыкновенной женщины, которую судьба ставила иногда въ положенія безъисходныя. Въ одномъ письмѣ къ В. И. Суворову (Сборникъ Имп. Р. Истор. Общ. VII, 293) Екатерина сама свидѣтельствуетъ, что бывшій канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ (еще при Елисаветѣ вполнѣ оцѣнявшій ея царственныя способности) имѣлъ намѣреніе предложить ей вступленіе въ бракъ съ графомъ Г. Г. Орловымъ *). Это было въ Москвѣ, въ Маѣ 1763 года, на одиннадцатомъ мѣсяцѣ Екатерининскаго царствованія. Въ то время здоровье наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича, было ненадежно: если бы онъ скончался, положеніе только что установленнаго правительства сдѣлалось бы весьма затруднительно. Вопросъ, кому царствовать въ Россіи послѣ Екатерины грозно возникалъ въ умахъ государственныхъ людей. Не вызывать же было на свѣтъ Божій бывшаго императора Ивана Антоновича, который хотя и не былъ вполнѣ лишенъ разсудка (какъ недавно обнаружено С. М. Соловьевымъ по донесеніямъ караульныхъ офицеровъ), но по своему воспитанію и понятіямъ, за одно съ братьями и сестрами, былъ вовсе не способенъ къ самодержавному правленію? Между тѣмъ существовалъ законъ Петра Великаго, гласившій о томъ, что царствующему государю принадлежитъ право выбрать себѣ въ наслѣдники кого ему заблагоразсудится. Бестужевъ и многіе другіе дѣятели первыхъ годовъ Екатерининскаго времени жили подъ этимъ закономъ: въ царствованіе Петра Великаго они сами присягали на соблюденіе этой „Правды воли Монаршей". ....Волненіе въ умахъ не замедлило обнаружиться. Составился тотчасъ первый противъ Екатерины заговоръ, имѣвшій цѣлью истребленіе Орловыхъ. Къ счастію, 9-ти лѣтній наслѣдникъ престола выздоровѣлъ, и памятникомъ его выздоровленія осталась въ Москвѣ Павловская больница (за Серпуховскими воротами)....

---

*) Есть преданіе, что мысль о бракѣ съ графомъ Орловымъ была не только предложена, но и обсуждаема въ тогдашнемъ (весьма малолюдномъ) Государственномъ Совѣтѣ, и что графъ Н. И. Панинъ, когда пришла его очередь высказать мнѣніе, отозвался такъ: „Государыня безъ сомнѣнія вольна поступить какъ ей угодно; но графинѣ Орловой нельзя быть императрицею Всероссійской". Произнося эти слова, графъ Панинъ стоялъ у стѣны и выпрямился во весь ростъ. На стѣнѣ оставались потомъ бѣлыя пятна отъ осыпавшейся съ головы его пудры, и въ послѣдующія засѣданія Совѣта члены онаго нарочно терлись объ эти пятна, говоря въ шутку, что они набираются Панинской отваги и твердости въ отзывахъ.

П. Б.

Алексѣй Григорьевичъ Бобринской родился за годъ передъ тѣмъ, въ царствованіе Петра III-го, въ 1762 году, 11 Апрѣля, въ Четвергъ на Святой недѣли, черезъ нѣсколько дней по переѣздѣ двора изъ стараго зимняго дворца (теперь домъ Елисеева у Полицейскаго моста) въ нынѣшній зимній, тогда едва отстроенный. Поспѣшный переѣздъ и общая праздничная суматоха не дозволяли порядка. Разсказываютъ, что когда наступилъ часъ появленію на свѣтъ Бобринскаго, Василій Шкуринъ, давній повѣренный и рачитель тайнъ его матери, рѣшился зажечь собственный домъ гдѣ-то на концѣ Петербурга, дабы отвлечь постороннихъ лицъ на пожаръ и тѣмъ выиграть родильницѣ минуты для разрѣшенія отъ бремени. 6 Августа 1762 года Шкурину и женѣ его Аннѣ Григорьевнѣ пожаловано 1027 душъ, при чемъ употреблено выраженіе: „для незабвенной памяти нашего къ нему благоволенія“, а 28 Іюня 1763 (т. е. на день воцаренія) „за особливую, долговременную при насъ службу и отличную къ намъ вѣрность“, бригадиръ Шкуринъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, и поручено ему „главное надзираніе надъ всѣми нашими собственными казенными“, т. е. надъ кладовыми (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ. VII, 133 и 301). Такъ называемые *Делисы*, помѣстье съ оригинальнымъ домомъ по Петергофской дорогѣ, нынѣ владѣніе княгини Е. Э. Трубецкой, принадлежало Шкурину. Покойная графиня А. М. Толстая (урожд. Хилкова, воспитывавшаяся въ домѣ Козодавлева), передавала, что Бобринской въ младенчествѣ своемъ считался младшимъ сыномъ этого Шкурина и вмѣстѣ съ двумя настоящими сыновьями былъ отправленъ на воспитаніе въ Лейпцигъ; что къ этимъ младенцамъ присоединили *семилѣтняго* О. П. Козодавлева (впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ), и что всѣ они возвратились въ Россію, пробывъ въ чужихъ краяхъ *15 лѣтъ* (Р. Арх. 1870, стр. 1775). Козодавлевъ род. въ 1755 году, стало быть, если показаніе графини Толстой вѣрно, то Бобринской въ самый годъ рожденія увезенъ въ Германію и вернулся оттуда въ 1777 году. Такимъ образомъ Лейпцигскій пансіонъ, гдѣ потомъ получило воспитаніе нѣсколько человѣкъ изъ Русскаго дворянства, и въ томъ числѣ Радищевъ, возникъ ради Бобринскаго, и сей послѣдній получилъ первоначальное образованіе Нѣмецкое. Знаменитый впослѣдствіи баронъ Гриммъ принялъ участіе въ этомъ образованіи, и тутъ начало его сношеній съ императрицею Екатериною.

По возвращеніи на родину видимъ Бобринскаго кадетомъ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса, находившагося тогда подъ начальствомъ *Бецкаго*. Положеніе его въ корпусѣ и дальнѣйшія событія его жизни видны изъ сохранившагося послѣ него Дневника (который будетъ напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ) и по нижеслѣдующимъ письмамъ къ нему Екатерины, Бецкаго, графа Завадовскаго и другихъ близкихъ къ нему лицъ. У него было два генія, злой и добрый. Первымъ служилъ извѣстный Неаполитанскій проходимецъ Рибасъ, вкравшійся въ довѣренность Бецкаго и потомъ овладѣвшій имъ посредствомъ женитьбы на лѣвой его дочери Настасьѣ Ивановнѣ Соколовой. Геніемъ добра, попечительно охранявшимъ нравственность Бобринскаго, былъ другой воспитатель Кадетскаго Корпуса, Страсбургскій уроженецъ Лёхнеръ. Бобринской кончаетъ ученіе свое въ корпусѣ 20 лѣтъ отъ роду; ему пожалованъ гербъ, положенъ на его имя значительный капиталъ изъ доходовъ обширныхъ, ему предназначенныхъ (Бобриковской и Богородицкой) волостей, и 29 Мая 1782 года Бецкій обращается ко всѣмъ намѣстникамъ имперіи съ бумагою, въ которой сказано: „Имѣя высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе касательно до путешествія по Россіи четырехъ господъ, выпущенныхъ изъ кадетскаго Шляхетнаго Сухопутнаго Корпуса, лейбъ-гвардіи поручиковъ: Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, Алексѣя Ульяновича

Болотникова, Николая Сергѣевича Свѣчина и Николая Ивановича Борисова и отправленнаго съ ними господина полковника Алексѣя Михайловича Бушуева, во время проѣзда по губерніи вами управляемой, препоручаю ихъ вспомоществованію вашего превосходительства, къ удовольствованію ихъ любопытства, пріобрѣтающаго имъ полезнѣйшія о своей землѣ познанія. При нихъ ѣдетъ и г. профессоръ Озерецковской" (Р. Арх. 1865, изд. 2-е, стр. 893).

Изъ товарищей молодаго путешественника Свѣчинъ (супругъ извѣстной Софьи Петровны) былъ при императорѣ Александрѣ генералъ-провіантместеромъ, а Болотниковъ однимъ изъ дѣятельныхъ сенаторовъ. Но самому Бобринскому ученіе и путешествія долго не приносили прямой пользы. Екатерина, 13 Іюля 1786 года, приказывала Бецкому, чтобы чрезъ придворнаго банкира Сутерланда доставляли гвардіи секундъ-ротмистру Бобринскому, при началѣ каждой трети года, по десяти тысячь рублей въ то мѣсто, гдѣ онъ находиться будетъ. Деньги не могли удержаться у молодаго человѣка. Онъ сыпалъ ими. Пылкое, довѣрчивое сердце еще не умѣло сдерживать своихъ молодыхъ порывовъ. Парижскіе игроки и другіе проходимцы не замедлили воспользоваться его прямодушіемъ и широкимъ образомъ жизни. Онъ сблизился съ такимъ же гулякою, маркизомъ Вертильякомъ, который долженъ былъ тайкомъ уѣхать въ Лондонъ, избѣгая заключенія въ Бастилію. Бобринской поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ. Это было позднею осенью 1787 года. Въ это время встрѣтилъ его въ Лондонѣ отправленный туда курьеромъ отъ нашего двора графъ Е. Ѳ. Комаровскій, который такъ описываетъ эту встрѣчу въ своихъ Запискахъ: „Однажды, по утру рано, пришелъ ко мнѣ графъ Бобринской. При видѣ встревоженнаго на немъ лица, я спросилъ у него о причинѣ столь ранняго прихода ко мнѣ. Онъ бросился ко мнѣ на шею и почти со слезами сталъ убѣдительно меня просить ѣхать съ нимъ въ Парижъ на нѣсколько дней, ибо знакомая ему особа внезапно туда уѣхала, а безъ нея онъ жить не можетъ. Я ему сказалъ, что охотно бы это исполнилъ, но что не завишу отъ себя и безъ позволенія министра *) никуда отлучиться не могу. Онъ былъ въ такомъ изступленіи, что почти ничего не понималъ, что̀ я ему говорилъ и твердилъ только одно, чтобы я ѣхалъ непремѣнно съ нимъ. Къ счастію моему въ это время пришелъ ко мнѣ Левашовъ, котораго графъ Бобринской нѣсколько уважалъ, и насилу вразумилъ его, что онъ не вправѣ требовать такой отъ меня жертвы. Изъ Лондона выѣзжать можно когда угодно: сто́итъ только послать за постъ-шезомъ, что̀ графъ Бобринской и сдѣлалъ. Черезъ часъ его уже въ Лондонѣ не было. Графъ Бобринской былъ ротмистръ конной гвардіи; онъ писалъ въ Петербургъ и просилъ, чтобы позволено ему было, по случаю войны, возвратиться въ Россію и служить въ полкахъ, употребленныхъ противъ непріятеля; этому предложенію были очень рады, ибо давно желали возвращенія его. Онъ опять началъ просить ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даже объяснился на этотъ счетъ съ графомъ Воронцовымъ. Мнѣ самому этого хотѣлось, но къ счастію моему случилась нужда послать изъ Лондона въ Россію курьера, и меня отправили. Я говорю къ счастію моему, ибо графъ Бобринской только что пріѣхалъ на нашу границу, какъ тамъ приказано было отвезть его въ Ревель и оставаться въ томъ городѣ впредъ до повелѣнія, гдѣ онъ и прожилъ до восшествія императора Павла на престолъ. Что́ же бы со мною тогда случилось, какъ съ его сопутникомъ?" (XVIII-й Вѣкъ, кн. I, стр. 331).

---

*) Т. е. нашего посла, графа С. Р. Воронцова.

Это было въ самомъ началѣ 1788 года. Надъ молодымъ проказникомъ назначенъ опекуномъ человѣкъ, нѣкогда очень близкій къ Государынѣ, графъ П. В. Завадовскій, и скоро добрыя природныя качества взяли верхъ надъ увлеченіями. Бобринской написалъ къ Екатеринѣ письмо, съ изъявленіемъ раскаянія, и она отвѣчала ему удивительнымъ письмомъ, въ которомъ изобразила ему самаго его какъ въ зеркалѣ. Кажется, что до самой кончины Екатерины Бобринской оставался въ Эстляндіи. Благодаря попеченіямъ графа Завадовскаго, дѣла его пришли въ должный порядокъ. Онъ остепенился, сталъ самъ заботиться о своемъ благосостояніи, купилъ себѣ имѣніе Оберъ-Паленъ, свелъ знакомство съ мѣстнымъ дворянствомъ и въ началѣ 1796 года женился на женщинѣ отмѣннаго ума и сердца, баронессѣ Аннѣ Владиміровнѣ Унгернъ-Штернбергъ (род. 9. Января 1769, ум. 28 Марта 1846). Сохранилось преданіе, что вскорѣ послѣ свадьбы Бобринскому и его супругѣ дозволено было пріѣхать въ Петербургъ, и что Государыня, съ отмѣнною нѣжностью приблизивъ молодую къ колѣнямъ своимъ, сказала ея мужу нѣсколько заботливо-наставительныхъ словъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, положеніе Бобринскаго внезапно измѣнилось. 11 Ноября 1796 года генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ объявляетъ ему, по высочайшей волѣ, что онъ „пріѣхать въ С. Петербургъ и изъ онаго выѣхать можетъ свободно, когда ему заблагоразсудится".

Изъ этого надо заключить, что до того времени графъ Бобринской продолжалъ находиться подъ особымъ надзоромъ, не смотря на свою женитьбу.

Бобринской поспѣшилъ въ Петербургъ, откуда написалъ къ своей молодой супругѣ, только что разрѣшившейся отъ бремени, слѣдующія два письма, по прочтеніи которыхъ припомнилось намъ выраженіе Пушкина, что если несчастіе называютъ хорошею школою, то счастіе есть лучшій университетъ: прекрасное сердце, выражающееся въ этихъ письмахъ, свидѣтельствуетъ, что взысканный неожиданнымъ счастіемъ былъ достоинъ его.

„Спб. 17 Ноября 1796.

„Начну, моя милая, съ вопроса о твоемъ здоровьи, которое меня озабочиваетъ. Ты конечно уже слышала обо всѣхъ милостяхъ. Изъ нихъ самыя значительныя, безъ всякаго моего участія, оказаны мнѣ. 12 Ноября я и нашъ малютка [1]) сдѣланы графами Россійской имперіи, и Императоръ пожаловалъ мнѣ Бобриковскія и Богородицкія земли и, какъ мнѣ передавали, еще другія, вдвое болѣе богатыя. Меня увѣряли, что всѣ эти щедроты изліялись по собственному его побужденію. Коль скоро это правда, то я вдругъ сдѣлался большимъ бариномъ, а ты, моя милая, большою госпожею. Когда приходитъ счастіе, оно, какъ видно, приходитъ вдругъ. Я говорилъ только съ однимъ человѣкомъ, который мнѣ показывалъ копію съ двухъ императорскихъ указовъ по этому предмету, отъ 12 Ноября. Если это такъ, то, изъ благодарности, я попрошусь въ служ-

---

[1]) Этотъ первенецъ умеръ въ младенчествѣ. Второй сынъ графа Бобринскаго, славный дѣятель Югозападнаго края, графъ Алексѣй Алексѣевичъ, которому воздвигнутъ памятникъ въ Кіевѣ, родился въ Январѣ 1800 года (См. о немъ статью князя П. А. Вяземскаго въ Русскомъ Архивѣ 1868 года).

бу. Ты станешь на это сердиться; но, мой милый другъ, за такія милости, оказанныя Императоромъ по собственному побужденію, мало пожертвовать спокойствіемъ: даже самая жизнь, которая всего дороже, будетъ посвящена ему на служеніе. Между тѣмъ я полагаю, что ты находишься подъ покровительствомъ Божіимъ и что пришедшее ко мнѣ счастіе есть слѣдствіе того, что ты моя жена: ты ни въ чемъ невиновна, и такъ какъ самоё тебя наградить нечѣмъ, то Богъ награждаетъ тебя, изливая на мужа твоего благодѣянія, на которыя онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права. Дружески и почтительно цалую обѣ твои руки и съ уваженіемъ остаюсь твой другъ

„Алексѣй Бобринской".

„Поговоривъ съ разными лицами, у которыхъ мнѣ надо освѣдомиться и удостовѣрившись въ томъ, что Императоръ жалуетъ мнѣ домъ, гдѣ жилъ князь Орловъ, я тотчасъ пошлю нарочнаго просить тебя, чтобы ты пріѣхала и вступила во владѣніе нашимъ счастіемъ; но только пожалуста пріѣзжай тогда одна и съ одною служанкою и возьми съ собою капрала, чтобы дорогою не было тебѣ непріятностей. Если правда, что̀ я тебѣ написалъ и о чемъ говорилъ, то Оберъ-Паленъ будетъ принадлежать тебѣ лично" [2]).

---

[2]) St. Pétersbourg, 17 Nov. 1796.

Je commence par demander de ta santé, ma chère; car elle m'intéresse. Vous avez appris certainement toutes les grâces qui ont eu lieu et parmi lesquelles j'ai été, sans y avoir contribué, le mieux partagé. Du 12 Novembre j'ai été fait comte de l'Empire de Russie, ainsi que le petit, et l'Empereur m'a donné les terres de Bobriki, de Bogoroditzк, et y a ajouté encore des terres, à ce qui m'a été dit, encore deux fois plus considérables. Toutes ces générosités ont eu lieu, à ce qu'on m'a assuré, de son propre mouvement. Me voilà, si cela est vrai, tout-à-coup grand seigneur et toi, ma chère amie, grande dame. Quand le bonheur vient, il paraît qu'il vient tout-à-coup. Je n'ai parlé qu'à un seul homme qui m'a montré par écrit une copie de deux ukazes à ce sujet de l'Empereur, du 12 Novembre. Si cela est, je demandrai en reconnaissance d'entrer au service. Tu en sera fâchée; mais, ma chère amie, pour de telles bontés de l'Empereur de son propre mouvement c'est trop peu que de sacrifier son repos, et même la vie qui est le bien le plus précieux sera à son service. En attendant je crois que Dieu te protège et que le bonheur qui m'arrive soit une suite de ce que tu es ma femme: tu n'a point fait des péchés, et puisque tu ne peux être recompensée pour toi-même, Dieu te recompense en versant sur ton mari des bienfaits auxquels il n'a pas le moindre droit. J'embrasse avec amitié et respect tes deux mains et suis avec estime ton ami Alexis Bobrinsky.

Quand j'aurai un peu parlé avec les différentes personnes avec les quelles j'ai à parler et que je serai fort de ce qui m'a été dit que l'Empereur m'a donné la maison où le prince Orloff a demeuré, j'enverrai aussitôt un exprès pour vous prier de venir prendre possession de notre bonheur; mais ayez la bonté seulement de venir alors seule et avec une fille de chambre, et prenez alors le caporal pour que vous n'ayez point de désagremens en chemin.—Si cela est vrai ce que je vous écris et ce qu'on dit, alors la terre d'Oberpahlen vous appartiendra en propre.

Человѣкъ, о которомъ упоминаетъ въ этомъ письмѣ графъ Бобринской, есть по всему вѣроятію Лондонскій знакомецъ его графъ Ростопчинъ, пользовавшійся въ то время неограниченнымъ довѣріемъ Государя. Для Ростопчина жизнь въ Лондонѣ была лучшимъ воспоминаніемъ молодости, и по всему вѣроятію онъ передалъ императору Павлу о прекрасномъ сердцѣ и благородномъ образѣ мыслей графа Бобринскаго. Черезъ день графиня Бобринская получила отъ мужа новое извѣщеніе.

„Спб. 19 Ноября (1796). Четвергъ.

„Милый и почтенный другъ. Вчера, въ 7½ часовъ утра, я представлялся Императору, моему Государю. Онъ принялъ меня самымъ милостивымъ образомъ и назначилъ шефомъ четвертаго конногвардейскаго эскадрона. Черезъ два дня я вступаю во владѣніе нашимъ домомъ. Я представлялся также императрицѣ, великимъ князьямъ Александру, Константину и Николаю, моему шефу, также великимъ княгинямъ, ихъ супругамъ и сестрамъ. Я ходилъ къ тѣлу покойной Государыни и поцаловалъ у нея руку. Милый другъ! Если я сколько нибудь счастливъ этимъ милостивымъ пріемомъ, то приписываю это единственно покровительству Божію, которое всегда почивало на тебѣ. Прошу тебя, поблагодари съ своей стороны преблагаго Господа за всѣ милости, ниспосылаемыя твоему мужу. Моли Его, чтобы Онъ далъ твоему мужу болѣе крѣпкаго здоровья, дабы служить новому моему Благодѣтелю съ усердіемъ и пользою, которыхъ онъ въ такомъ правѣ отъ меня ожидать. Позабылъ сказать тебѣ, что вчера я былъ приглашенъ къ Императору на обѣдъ, гдѣ и обѣдалъ. Всѣ глядѣли на меня такими удивленными глазами, не зная, чему приписать мое появленіе. За обѣдомъ, Императоръ и императрица нѣсколько разъ говорили со мною, и внезапно взоры всѣхъ присутствующихъ устремлялись на меня. Всѣ говорили: „ахъ, господинъ бригадиръ, я имѣлъ честь знать васъ тамъ-то или тамъ-то“, и всѣ оказывали мнѣ величайшія любезности, тогда какъ половины изъ числа этихъ людей я вовсе не знаю. — Завтра переѣзжаю въ нашъ домъ, гдѣ я занялъ три комнаты. Прости, мой добрый другъ. Всѣ дворы похожи между собою. Когда несчастливъ, никто объ тебѣ не думаетъ и всѣ отъ тебя отворачиваются; а когда приходитъ счастіе, всѣ любезничаютъ. Но я отнюдь не увлекаюсь всѣми заявленіями столькихъ лицъ“ [3]).

---

[3]) 19 Novembre. Jeudi. St. Pétersbourg.

Ma chère et respectable amie. J'ai été présenté hier à 7½ heures du matin à l'Empereur, mon Maître, qui m'a fait l'accueil le plus gracieux et m'a nommé chef de quatrième escadron des gardes à cheval. En deux jours je prends possession de notre maison. J'ai été présenté de même à l'impératrice, aux grands-ducs Alexandre, Constantin et Nicolas, qui est mon chef, ainsi qu'aux grandes duchesses leurs épouses et grandes duchesses leurs soeurs. J'ai été voir le corps de la défunte Souveraine, à laquelle j'ai baisé la main. Ma chère amie! Si j'ai tant soit peu de bonheur en ce gracieux accueil, je ne l'attribue qu'à la Protection dont Dieu a toujours veillé sur toi. Je te prie, remercies le bon Dieu de ton côté pour toutes les grâces qui arrivent à ton mari et prie

Къ этому же времени относятся двѣ записочки, сохранившіяся въ бумагахъ графа Бобринскаго: одна вице-канцлера, отъ 21 Ноября 1796, въ которой сказано, что Государь позволяетъ Бобринскому являться къ его столу обѣдать и ужинать, какъ ему вздумается; а другая (безъ числа), писанная графомъ Ростопчинымъ, повторяетъ ему тоже самое и приглашаетъ его явиться во дворецъ къ 6 часамъ, „въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ". Вскорѣ Бобринскому пожалованы значительныя помѣстья въ Тульской и другихъ губерніяхъ, предназначенныя, но не отданныя ему Екатериною. Кромѣ того ему подаренъ такъ называемый Штегельмановскій домъ въ Петербургѣ, нѣкогда принадлежавшій князю Орлову. Это обширное зданіе, находящееся рядомъ съ Воспитательнымъ Домомъ, не осталось однако у Бобринскаго: онъ узналъ, что императрица Марія Ѳедоровна желала имѣть его для своихъ человѣколюбивыхъ учрежденій и передалъ его въ вѣдомство Воспитательнаго Дома. Взамѣнъ того Государь пожаловалъ ему домъ на Галерной улицѣ, нынѣ принадлежащій графу А. А. Бобринскому.

При всѣхъ этихъ милостяхъ, опекунство графа Завадовскаго не было снято, какъ читатель увидитъ ниже въ одномъ изъ его писемъ. Новый графъ не долго несъ тяжесть тогдашней военной службы и вскорѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора, но пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ Государя. Павелъ писалъ къ нему письма въ Тульскую губернію, куда онъ благоразумно удалился изъ Петербурга, и Богородицкій почмейстеръ самъ привозилъ ему и вручалъ царскіе пакеты.

Дальнѣйшая жизнь графа Бобринскаго протекла безъ шуму, и объ ней сохранилось немного извѣстій. Онъ проживалъ въ деревняхъ своихъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и минералогіею, а по зимамъ въ Петербургскомъ своемъ домѣ, гдѣ имѣлъ обсерваторію. Нѣкоторые Петербургскіе старожилы еще помнятъ, какъ онъ ходилъ гулять въ старомодномъ сертукѣ и раздавалъ бѣднымъ разложенныя по карманамъ монеты, то золотыя, то серебрянныя, то мѣдныя, смотря по лицу просившаго. Говорятъ, что необыкновенная судьба его отразилась и въ его характерѣ. Онъ имѣлъ странности: носилъ затасканное платье, спалъ по разнымъ комнатамъ.... Въ началѣ нынѣшняго столѣтія его занимала мысль о личномъ помѣстьи императрицы Екатерины, мѣстечкѣ Еверъ, въ Ольденбургѣ: ходилъ слухъ, что Государыня завѣщала его графу Бобринскому, и что Нѣмецкіе князья отказались при этомъ отъ владѣльческихъ родовыхъ правъ своихъ.

---

qu'Il donne à ton mari la santé un peu plus continue pour pouvoir servir mon nouveau Bienfaiteur avec le zèle et l'utilité dont il a tant de droit de prétendre de ma part. J'ai oublié de te dire qu'hier j'ai été invité chez l'Empereur à dîner, où j'ai aussi dîné. Tout le monde m'a regardé, avec des yeux si étonnés qu'ils ne savaient à quoi attribuer mon apparition. L'Empereur, ainsi que l'impératrice m'ont à table adressé à différentes reprises la parole, et tout-à-coup les yeux de tous les assistans se fixèrent sur moi, et tout le monde se disait: ah, monsieur le brigadier, j'ai eu l'honneur de vous connaître là bas. D'autres dirent: là bas, et tiens, tout le monde me disait avoir les plus grandes amitiés, dont la moitié je ne connaisais point. Demain j'entre en notre maison, où j'ai pris trois appartemens. Adieu, ma bonne amie. Toutes les cours se ressemblent. Quand on est dans le malheur, personne ne pense à vous et vous fait des grimaces, et quand le bonheur vient, alors tous le monde vous fait des complimens et amitiés; mais je ne me laisse point à toutes les démonstrations de tant d'individus.

По порученію графа Бобринскаго нѣкто Альбаумъ ѣздилъ отыскивать это завѣщательное письмо въ архивахъ Гамбурга, Гельмштета и другихъ сѣверогерманскихъ городовъ; но поиски не привели ни къ чему. Точно также безуспѣшно было желаніе графа Бобринскаго получить изъ Англійскаго банка большія деньги, яко бы положенныя нѣкогда на его имя княземъ Г. Г. Орловымъ. По этому случаю возникло цѣлое дѣло, которому оказывалъ милостивое содѣйствіе самъ государь Александръ Павловичъ, и уже по кончинѣ графа Бобринскаго производились розысканія дипломатическими лицами; но за неотысканіемъ самаго банковаго билета оно кончилось ничѣмъ.

Графъ А. Г. Бобринской скончался 20 Іюня 1813 года въ своемъ помѣстьи подъ городомъ Богородицкомъ, гдѣ и похороненъ.

Любопытно, что въ бумагахъ графа Бобринскаго сохранился въ спискѣ рескриптъ Екатерины отъ 20 Мая 1773 года князю Г. Г. Орлову, коимъ онъ, по возстановленіи здоровья, приглашался вступить вновь въ отправленіе должностей своихъ. Тутъ же на оборотѣ листка и Нѣмецкій переводъ этого рескрипта, столь важнаго въ домашней жизни Екатерины II-й. Бобринскому тогда было 11 лѣтъ, и если не онъ самъ, то его Лейпцигскіе дядьки должны были слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ, чѣмъ кончится размолвка Государыни съ давнимъ другомъ ея.

Достойно замѣчанія, что заботы о Бобринскомъ поручены были Бецкому. Это еще разъ свидѣтельствуетъ объ особенно близкихъ отношеніяхъ Екатерины къ Бецкому. Екатерина питала къ нему дочернее уваженіе. Онъ былъ ея старше на 26 лѣтъ и могъ знать ее съ самаго рожденія, видаясь съ ея родителями въ Штетинѣ и Гамбургѣ. Прибывъ въ Россію въ 1744 году, Екатерина съ матерью почти ежедневно видала Бецкаго, жившаго у сестры своей принцессы Гессенгомбургской, гдѣ проживалъ тогда и отецъ его, престарѣлый князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой. Очень можетъ быть, что Трубецкіе подѣйствовали на Елизавету Петровну въ пользу принцессы Ангальтсербской, когда рѣшался вопросъ о выборѣ супруги наслѣднику Россійскаго престола. По смерти Екатерининой матери, Парижскіе заимодавцы ея обратились за уплатою ея долговъ къ Бецкому. Дочь Бецкаго (весьма замѣчательный сходствомъ съ Екатериною портретъ ея сохранился въ Одессѣ у М. О. Рибаса) сопровождала Екатерину изъ Петергофа раннимъ утромъ 28 Іюня 1762 года. Изъ Записокъ Порошина видно, что по воцареніи Екатерины Бецкій сдѣлался у нея вполнѣ домашнимъ человѣкомъ. У Бецкаго былъ секретаремъ Шведъ Марко Ивановичъ Хозиковъ (мать Бецкаго была Шведка, баронесса Вреде), пользовавшійся особеннымъ его довѣріемъ; онъ одинъ могъ оставаться при Бецкомъ въ то время, когда посѣщала его Екатерина, и у внуковъ Хозикова сохранилось вполнѣ опредѣлительное семейное преданіе, что, входя въ комнату къ Ивану Ивановичу, Государыня обыкновенно цаловала у него руку. Узнавъ, что дочь Бецкаго, Н. И. Рибасъ мучилась въ родахъ, Екатерина не дождалась пока запрягутъ ей карету, поскакала на извощичьихъ лошадяхъ и лично исправила должность повивальной бабушки (Р. Арх. 1870, стр. 2080). Такъ сильна была въ ней приверженность къ Бецкому. Бумаги Бецкаго и любопытные разсказы о немъ И. С. Горголи, женатаго на его внукѣ, напечатаны въ Чтеніяхъ Москов. Общ. Ист. и Древн. 1863, кн. 4-я, куда они сообщены И. А. Чистовичемъ, отъ котораго поступила въ Р. Архивъ, чрезъ посредство Я. К. Грота, и часть нижеслѣдующихъ бумагъ, а именно на стр. 21—24. *П. Б.*

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ ГРАФУ А. Г. БОБРИНСКОМУ *).

1.

Алексѣй Григорьевичъ. Извѣстно мнѣ, что мать ваша, бывъ угнетаема разными непріязньми и сильными непріятелями, по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ, спасая себя и старшаго своего сына, принуждена нашлась скрыть ваше рожденіе, воспослѣдовавшее 11 числа Апрѣля 1762 года. Какъ вы мнѣ ввѣрены были, то я старалась вамъ дать приличное вашему состоянію воспитаніе. Осталось вамъ нынѣ добродѣтельною жизнію, ревностію и усердіемъ къ отечественной службѣ и непоколебимою вѣрностью къ престолу отличить себя во всѣхъ случаяхъ, въ чемъ да поможетъ вамъ Всевышній.

Екатерина.

Апрѣля 2-го 1781 года.

2.

Алексѣй Григорьевичъ. Чрезъ сіе объявляю вамъ, что отъ 11 числа Апрѣля 1782 года до 11 числа Апрѣля 1792 вы имѣете получать съ положеннаго мною въ Воспитательномъ Домѣ для васъ капитала проценты, а съ 11 числа Апрѣля 1792 года и весь тотъ положенной мною и въ Воспитательномъ Домѣ для васъ собранной капиталъ вамъ и потомству вашему, какъ собственность неотъемлемая, принадлежитъ.

Екатерина.

Апрѣля 2 числа 1781 года.

3.

Алексѣй Григорьевичъ. Симъ письмомъ дозволяю употребить приложенный гербъ [1]), которой я вамъ и потомству вашему жалую.

Екатерина.

Апрѣля 2 числа 1781 года.

4 [2]).

(Алексѣй Григорьевичъ, письмо ваше изъ). M-r Zavadowsky m'a remis votre lettre écrite de Reval, par laquelle vous me marquez que

---

*) Въ подлинникахъ, на трехъ первыхъ письмахъ (писанныхъ отъ одного числа) означены номера: 3. 4. 6. Слѣдовательно были еще номера: 1. 2 и 5, которыхъ нынѣ не имѣется.

[1]) Въ гербѣ графовъ Бобринскихъ замѣчательно то, что въ него вошли части Ангальтскаго герба, т. е. лично-Екатерининскаго: красная городская стѣна съ идущимъ по ней медвѣдемъ въ золотой коронѣ. По срединѣ герба Русскій двуглавый орелъ. Девизъ: „Богу слава, жизнь Тебѣ".

[2]) Сохранилось въ черновомъ подлинникѣ, со многими помарками; главное изъ того что́ было написано и помарано, означается здѣсь скобками. Въ началѣ

vous étes pénétré de douleur de votre conduite passée, par laquelle vous supposez avoir confirmé des impressions peu favorables qui auront pu m'être donné à votre sujet depuis longtems (comme votre conduite, votre situation).

Je passe une éponge sur votre conduite passée. Je n'ai garde (je pense que vous n'avez pas vous-même beaucoup de plaisir) de la relever. Vous avez trop d'esprit pour ne pas faire vous-même les réflexions qui vous pourraient être utiles pour l'avenir. Mais puisque vous me dites qu'un de vos plus grands tourments est d'avoir par une conduite peu reglée peut-être confirmé des impressions peu favorables qui auront pu m'être données à votre sujet depuis longtems et lesquelles dans le moment présent semblent être pleinement justifié [1]), je m'en vais vous dire franchement ce que je pense à votre sujet, afin que vous voyez, combien peu il convient de donner souvent croyance aux avis et suppositions des gens passionnés et par là trop officieux.

Vous avez le coeur bon, de l'esprit, de ce courage que les Français appellent valeur; vous (êtes excessivement méfiant, naturellement porté) aimez la justice (et la vérité) et respectez la vérité (vous êtes naturellement porté à l'économie). Vous êtes passionné pour le bien public et vous souhaitez avec feu de servir votre Patrie; vous êtes naturellement économe, mais vous negligez l'ordre et avez beaucoup de nonchalance. A cela vous joignez beaucoup de méfiance, ce qui vous rend très-volontaire [2]) ial pour les bons avis d'autrui. Vous vous laissez entraîner cependant par la compagnie que vous fréquentez par ci par là à des écarts dont vous gémissez au fond de votre coeur, quand vous savez que vous n'êtes pas dans le droit chemin. Vous êtes jeune, et comme le fond de votre caractère n'est pas méchant dutout, vous espérez de réparer un jour vos fautes. Dans ce moment-ci vous êtes tour à tour dans l'abattement ou le désespoir, parce que vous êtes tant soit peu fougueux. Vous savez que vos affaires sont dans un état très-délabré, qu'il n'est pas bien clair encore, comment et combien l'on pourra sauver du bien considérable que vous avez (eu de mes mains). Je vous ai envoyé à Reval. En attendant que vous partiez pour l'armée, j'ai confié à m-r Zavadowsky la tutelle de votre bien pour qu'il mette de l'ordre à vos affaires afin que vous n'augmentiez point votre ruine. Je sais très-bien que Reval n'est pas ni Paris, ni Londres, que vous vous ennuyez d'y être; mais il est bon pour vous d'y être (de vous corriger un tantinet). Faites y des réflexions qui vous corrigent un tantinet, et vous n'en deviendrez que meilleur. Je souhaite de tout mon coeur que votre santé soit dans un état satisfaisant, afin que vous puissiez servir avec honneur.

письма Государыня написала къ попечителю Бобринскаго, графу Завадовскому: „Петръ Васильевичъ. Приложенная цидула пошлите къ Алек. Гр. Бобринскому". Письмо это относится къ 1788 году.

[1]) См. на 16 и 17 страницахъ извинительное письмо Бобринскаго къ Екатеринѣ.

[2]) Слово, коего разобрано только окончаніе.

Par tout ce que je viens de vous dire, vous voyez que je regarde d'un oeil calme et sans aucune colère tous vos écarts, que je connais vos bonnes qualités et vos défauts. Je sais que chacun a les siennes! Je ne suis nullement prévenu contre vous. Au contraire, ce que je fais, ce que je ferai, je le ferai toujours pour votre bien. J'espère même que votre conduite à l'avenir répondra à mes bonnes intentions. Adieu! Prenez quelque patience. M-r Zavadowsky vous fera savoir quand il sera tems que vous quittiez Reval.

Переводъ.

Г-нъ Завадовскій передалъ мнѣ ваше письмо, писанное изъ Ревеля. Вы говорите, что вы проникнуты горестью по поводу вашего прежняго поведенія, которое, какъ думаете вы, подтвердило не слишкомъ благопріятное мнѣніе, каковое издавна могло быть мнѣ подано на вашъ счетъ.

Я предаю забвенію прежнее поведеніе ваше. Я не намѣрена говорить о томъ. Вы слишкомъ умны, и сами можете вывести заключенія, которыя на будущее время могутъ быть вамъ полезны. Но такъ какъ, по вашимъ словамъ, васъ наиболѣе мучитъ то, что непорядочнымъ поведеніемъ вы, можетъ быть, подтвердили не слишкомъ благопріятное мнѣніе, каковое издавна могло быть мнѣ подано на вашъ счетъ и что мнѣніе это въ настоящее время по видимому оказалось вполнѣ справедливымъ: то я вамъ откровенно скажу то, что̀ я думаю на вашъ счетъ, чтобы вы видѣли, какъ мало можно давать излишнюю вѣру отзывамъ и предположеніямъ людей страстныхъ и отъ того слишкомъ угодливыхъ.

У васъ доброе сердце; вы умны и одарены бодростію духа, которую Французы называютъ словомъ valeur. Вы любите справедливость и уважаете истину. Вы принимаете горячее участіе въ общественномъ благоденствіи и ревностно желаете служить вашему Отечеству. Въ сущности вы бережливы, но не брежете порядкомъ и часто дѣйствуете безъ оглядки. Къ этому присоединяется въ васъ значительная недовѣрчивость, вслѣдствіе которой вы очень падки къ доброму мнѣнію другихъ. Между тѣмъ посѣщаемыя вами разныя общества увлекаютъ васъ къ крайностямъ, и вы сокрушаетесь въ глубинѣ сердца, коль скоро видите, что вы не на прямомъ пути. Вы молоды, и такъ какъ основа вашего характера вовсе не дурна, то вы разсчитываете исправить со временемъ ваши недостатки. Въ настоящую минуту безучастное равнодушіе и отчаяніе поперемѣнно владѣютъ вами, потому что вы страдаете нѣкоторою необузданностію. Дѣла ваши, какъ вы знаете, очень разстроены, и нельзя еще сказать навѣрное, какъ и на сколько можно будетъ спасти значительное состояніе, которое вы имѣете (отъ меня). Я послала васъ въ Ревель. Покамѣстъ вы не отправитесь въ армію, я поручила г-ну Завадовскому опеку надъ вашимъ имуществомъ съ тѣмъ, чтобы онъ привелъ въ порядокъ ваши дѣла и чтобы вы не разорились еще больше. Я очень хорошо знаю, что Ревель не то что́ Парижъ или Лондонъ и что вы въ немъ скучаете; но вамъ полезно пожить такъ. Придите въ себя и нѣсколько поисправьтесь, и вамъ будетъ лучше. Желаю отъ всего моего сердца, чтобы здоровье ваше было въ удовлетворительномъ состояніи, дабы вы могли служить съ честью.

Изо всего мною сказаннаго вы видите, что я гляжу спокойно и безо всякаго гнѣва на ваши увлеченія, что мнѣ извѣстны ваши добрыя качества и ваши недостатки. Я знаю, что у каждаго есть свои! Я вовсе не предубѣждена противъ васъ. Напротивъ, что́ я дѣлаю и сдѣлаю, все это всег-

да будетъ сдѣлано для вашего блага. Надѣюсь даже, что поведеніе ваше будетъ соотвѣтствовать моимъ намѣреніямъ. Прощайте! Будьте нѣсколько терпѣливы. Г-нъ Завадовскій увѣдомитъ васъ, когда настанетъ время выѣхать вамъ изъ Ревеля.

5.

J'ai reçu votre lettre du 6 Mars avec ses annexes. Personne, je pense, ne vous dispute votre capital, déposé à la Maison des Enfants Trouvés. Quoique de votre aveu ce capital soit plus que considérable, vous conviendrez aussi que les dettes que vous avez laissé en pays étrangers surpassent de beaucoup ce capital, et que si vous n'aviez été mis sous tutelle, il y a longtems que l'intérêt et capital seraient dépensé. Il est très-vrai qu' à votre âge ordinairement on est hors de tutele, et si on vous en a donné, il est très-sûr que cela n'a été fait qu' à fin que vous ne soyez pas privé de ce que vous auriez dissipé d'ailleurs et qui même l'était déjà, si la tutelle n'avait été établie. Ainsi, mes bienfaisantes dispositions ont été toujours les mêmes pour vous et ne se sont jamais démentis. Je n'ai aucune colère contre vous, mais j'ai l'apprehension que vous vous ruinerez, et tout ce qui a été fait ne l'a été que pour empêcher votre ruine. Il est fâcheux sans doute que vous n'entrez point dans les raisons susdites et qu'il vous paraît qu'on vous fasse tort lorsqu'on a tâché d'empêcher votre ruine.

Ce 11 Mars 1792.

Переводъ.

Я получила ваше письмо отъ 6 Марта съ приложеніями къ нему. Никто, я думаю, не оспариваетъ у васъ вашего капитала, положеннаго въ Воспитательномъ Домѣ. Хотя, по вашимъ же словамъ, капиталъ этотъ слишкомъ значителенъ; но вы согласитесь также, что долги, оставленные вами въ чужихъ краяхъ, превышаютъ много этотъ капиталъ, и что не будь вы подъ опекою, давно бы издержаны были и проценты, и капиталъ. Совершенно справедливо, что въ вашъ возрастъ люди не бываютъ подъ опекою, и если вы отданы подъ опеку, это несомнѣнно сдѣлано на тотъ конецъ, чтобы вамъ не лишиться того, что̀ иначе было бы вами растрачено въ другихъ мѣстахъ, и это бы случилось уже, если бы не была учреждена опека. И такъ, мои благодѣтельныя относительно васъ распоряженія были всегда одни и тѣже и ни разу не измѣнялись. Я вовсе не сержусь на васъ, но я боюсь вашего разоренія, и все сдѣланное имѣло единственною цѣлью воспрепятствовать оному. Безъ сомнѣнія досадно, что вышеизложенные доводы васъ вовсе не убѣждаютъ, и вамъ кажется, будто къ вамъ несправедливы, тогда какъ стараются помѣшать вашему разоренію. 11 Марта 1792.

Письмо графа А. Г. Бобринскаго къ Екатеринѣ II-й.

Votre Majesté!

Je ne saurais presque point exprimer, combien je suis pénétré de douleur d'avoir pu dementir auprès de la personne que je révère et par droit de reconnaissance, et par droit de respect. Mon intention n'est point de chercher des raisons pour excuser des fautes qui ne

sont dans les circonstances présentes point en mon pouvoir de réparer. Un de mes plus grands tourments est d'avoir par une conduite peu régleé peut-étre confirmer des impressions peu favorables qui auront pu étre données à mon sujet depuis longtems, et lesquelles dans les moments présents semblent être pleinement justifiés. Tout mon espoir est fondé sur votre clémence que j'implore. Jettez un regard favorable pour un moment sur les sentiments d'un homme affligé de la plus profonde douleur et qui, tourmenté par des remords, sent son tort provenant d'une jeunesse peu réflechie. Diminuez ce désespoir par la permission de tomber à vos pieds avec un plein et sincère repentir.

Tout ce qui a rapport aux affaires dont Votre Majesté a désiré que je me rapportasse à m-r de Zavadowsky, je les lui ai communiqués tous verbalement. Daignez agréer les voeux que forme pour la conservation de vos jours un coeur pénétré de vos bontés et qui ne respire que pour pouvoir les reméritеr un jour par son assiduité et son zèle.

C'est avec les sentiments de la plus parfaite considération et du plus profond respect que j'ai l'honneur d'être de Votre Majéste

le très-humble et très-fidèle sujet

De Bobrinskoy.

Reval. Ce Avril 1788 *).

Переводъ.

Ваше величество! Я почти что не умѣю выразить, до какой степени горько мнѣ, что я не оправдалъ ожиданій лица, передъ которымъ я благоговѣю какъ по признательности, такъ и по уваженію. Я вовсе не имѣю въ виду искать поводовъ къ извиненію проступковъ, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ уже никакъ не возможно загладить. Всего болѣе меня мучитъ то, что непорядочнымъ поведеніемъ я, можетъ быть, подтвердилъ не слишкомъ благопріятное мнѣніе, каковое издавна могло быть подано на мой счетъ и что мнѣніе это въ настоящее время по видимому оказалось вполнѣ справедливымъ. Вся моя надежда основана на вашемъ милосердіи, къ которому я взываю. Взгляните на минуту милостивымъ окомъ на чувства человѣка, одержимаго глубокою скорбью, терзаемаго угрызеніями и сознающаго свою вину, происшедшую отъ молодости и необузданности. Смягчите это отчаянное положеніе, дозволивъ пасть къ вашимъ ногамъ съ полнымъ и искреннимъ раскаяніемъ.

Относительно моихъ дѣлъ, по волѣ вашего величества, я все словесно сообщилъ г-ну Завадовскому. Удостойте принять пожеланія многихъ лѣтъ, питаемыя сердцемъ, которое проникнуто сознаніемъ вашихъ милостей и бьется только для того, чтобы постоянствомъ и усердіемъ заслужить ихъ вновь.

Съ чувствами совершеннѣйшей преданности и глубочайшаго почитанія имѣю честь быть вашего величества покорнѣйшій и вѣрнѣйшій подданный Бобринской. Ревель. Апрѣль 1788.

---

*) Печатается съ черноваго подлинника.

ПИСЬМА КЪ ГРАФУ А. Г. БОБРИНСКОМУ ЕГО ВОСПИТАТЕЛЯ И. И. БЕЦКАГО.

1.

Государь мой Алексѣй Григорьевичъ!

Письмо ваше изъ Уфы отъ 2-го числа сего Октября я съ удовольствіемъ получилъ, тѣмъ наиболѣе, что оное увѣряетъ меня о совершенномъ вашемъ выздоровленіи отъ болѣзни, которая меня смутила и которую Алексѣй Михайловичь Бушуевъ приписывалъ дорожнымъ обстоятельствамъ; но я, слыша здѣсь отъ другихъ о примѣченномъ и мною вашемъ пристрастіи къ охотѣ съ ружьемъ, полагая оную причиною вашего припадка, по извѣстному вамъ моему усердію, за долгъ мой почитаю, если слышанное все правда, сказать: что во всемъ доколѣ наши охоты управляетъ благоразуміе, то они забава; а когда, вышедъ изъ мѣры, обратятся въ страсть, то, овладѣвъ разсудкомъ, разстроиваютъ здоровье и другіе вреды наносятъ. Я надѣюся отъ вашего благоразумія, что вы себя до того не допустите. А сверхъ того слышалъ я также, что вы купили оловянный сервизъ. Вы знаете, что небезвредно и лучшее Аглинское олово. Каково же должно быть тамошнее, въ которомъ конечно большая половина свинца? Несравненно полезнѣе употреблять кушанье въ пути по Россіи изъ горшковъ и на простыхъ глиняныхъ тарелкахъ, а имѣть съ собою въ чужихъ краяхъ сервизъ, по причинѣ изобилія трактировъ, нѣтъ нималой нужды. Чтожъ касается до желанія вашего продолжить еще путь по сторонѣ Россіи, означенной въ письмѣ Алексѣя Михаиловича Бушуева, я къ удовольствію вашему на то охотно согласенъ. Прежнее намѣреніе мое, чтобъ вы выѣхали сей осени за границу Россіи состояло только въ томъ, чтобъ вамъ въ горячихъ климатахъ не быть въ жаркія времена года. Въ присланіи шахматной ко мнѣ игры, сдѣланной изъ Илецкой соли, я за ваше намѣреніе благодарю; но тотъ, кому вы велѣли оную переслать, видно никогда не ѣзжалъ въ дорогахъ, потому что не имѣлъ ловкости уложить, и я оную получилъ истертую въ кусочки. Достойно будетъ сожалѣнія, если тѣ вещи, кои вы для себя захотите сохранить, отъ неумѣнія укладывать будутъ той же участи подвержены. Я прошу отъ меня поклониться вашимъ сопутникамъ, увѣрить ихъ и вамъ быть увѣреннымъ о моемъ усердіи, съ которымъ всегда пребуду вамъ, государю моему, покорнымъ слугою

„Иванъ Бецкой".

P. S. Кланяются вамъ его сіятельство графъ Минихъ, Настасья Ивановна, также и Осипъ Михаиловичь де Рибасъ, которой пишетъ, что уже изъ Неаполя выѣхалъ.

Октября 30 дня 1782 года. С.-Петербургъ.

2.

Государь мой Алексѣй Григорьевичъ!

Имѣя вѣрный случай съ отправляющимся отселѣ обратно къ вамъ господиномъ Болотниковымъ писать, отвѣтствую вамъ на

письмо ваше отъ 14 Ноября, что ваша чувствительность, произведенная моимъ доброжелательствомъ къ вамъ и хотѣніемъ вашего благосостоянія, для меня весьма пріятна. Вы меня вашимъ письмомъ совершенно разувѣрили въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя я о васъ вамъ самому открылъ. Я радуюсь, что любопытству вашему и вашихъ спутниковъ доставилъ удовольствіе позволеніемъ продолжить еще ваше путешествіе по мѣстамъ Россіи, которыя вы желали видѣть. Будьте увѣрены и увѣрьте также вашихъ товарищей, что желаніе мое есть вамъ доставлять полезное и оказывать то усердіе, съ которымъ всегда пребуду, какъ имъ, такъ и вамъ, государю моему, покорнымъ слугою

„Иванъ Бецкой".

P. S. Окончивъ сіе, получилъ я отъ васъ съ господиномъ Варвацы *) письмо и воду вами присланную, которой дѣйствіе испытать я препоручить не оставлю. Я весьма радуюсь, узнавъ, что вы и ваши спутники здоровы. Читанныя мною въ вашемъ письмѣ примѣчанія касательно до проѣзжаемыхъ мѣстъ, показывая мнѣ, что вы усердствуете доставить себѣ полезныя свѣдѣнія, принесли мнѣ немалое удовольствіе. Благодаря васъ за поздравленіе меня съ новымъ годомъ и, соотвѣтствуя вамъ тѣмъ же, желаю всего чтò можетъ послужить къ вашему благополучію.

Рукою Екатерины II-й на подлинномъ письмѣ Бецкаго приписано:

„Sa Majesté m'a ordonné de vous faire ses compliments".

Генваря 18 дня 1783 года. С. П.-Бургъ.

3.

Государь мой Алексѣй Григорьевичъ!

Съ великимъ удовольствіемъ получилъ я извѣстіе о пребываніи вашемъ въ Варшавѣ и радуюсь, по письму ко мнѣ Алексѣя Михаиловича Бушуева, отмѣнному пріему васъ и вашихъ спутниковъ отъ его величества и вельможей Польскихъ. Я надѣюся, что вы по своему поведенію, дѣлающему честь вашему воспитанію, вездѣ такъ приняты будете. Участіе, которое я въ васъ принимаю, заставляетъ меня входить во всѣ подробности, касающіяся до васъ. По дружбѣ моей къ вамъ, произведенной во мнѣ ничѣмъ инымъ какъ только вашими добрыми качествами, не хочу я ничего оставить безъ вниманія, чтò только можетъ служить въ вашу пользу. И потому какъ вы нынѣ начали путешествовать въ чужихъ краяхъ, отъ Отечества вашего во всемъ отличныхъ, то надѣюся, если я иногда, пользуяся моею испытанностію и правами, которыя мнѣ надъ вами даетъ ваше ко мнѣ дружество, стану вамъ подавать совѣты, то сіе вамъ будетъ не противно. Мнѣ ваша чувствительность извѣстна; вы наполнены честностію и безстрашіемъ; но имѣете нравъ нѣсколько горячій и не весьма склонной къ уступчивости, и словомъ таковъ, какой по большей части имѣютъ моло-

*) Богатый Грекъ, житель Астрахани, предокъ поэта Д. П. Ознобишина. *П. Б.*

дые люди. Юношество въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вы будете проѣзжать, также весьма вспыльчиво и сварливо; я признаюся вамъ, что сіе меня весьма безпокоитъ. И такъ, пожалуйте, старайтесь всячески отъ такихъ случаевъ убѣгать и сберегайте ваше безстрашіе, гдѣ должно оное оказать съ пользою Отечеству, то есть съ пріобрѣтеніемъ истинной, а не мечтательной чести. Несравненно славнѣе уступить какому вертопраху, нежели противиться ему. Вашъ примѣръ будетъ и вашимъ спутникамъ полезенъ: они, подражая умѣренности вашей, станутъ также хранить хладнокровіе, владѣть собой и обуздывать запальчивость. Часто ссора, происшедшая за бездѣлицу, на балѣ, на спектаклѣ, на гуляньѣ, а особливо въ игрѣ, имѣетъ ужасныя слѣдствія. Я это по опытамъ знаю; и для того прошу васъ доказывать мнѣ ваше дружество убѣжаніемъ всякихъ распрей и тѣмъ съ сей стороны прекратить мое за васъ опасеніе: тогда я совершенно буду въ разсужденіи васъ спокоенъ.

Я чаю, что сіе письмо застанетъ васъ въ Вѣнѣ, откуда, думаю, отправитесь въ Италію, какъ о томъ отъ меня писано къ Алексѣю Михайловичу Бушуеву, если онъ положитъ туда съ вами путь обратить. Осипъ Михайловичъ Дерибасъ самъ къ вамъ пишетъ. Анастасья Ивановна и графъ Минихъ вамъ кланяются. Поклонитесь отъ меня вашимъ спутникамъ и вѣрьте, что я всегда вашъ другъ и покорный слуга

„Иванъ Бецкой".

Августа 22 дня 1783 г. С.-Петербургъ.

Его Высокоблагородію государю моему
Алексѣю Григорьевичу Бобринскому.

„Я для того вашего письма въ особливой пакетъ не печатаю, чтобы меньше бумаги было: ибо почта весьма дорого за вѣсъ платитъ".

4.

Государь мой Алексѣй Григорьевичъ!

Я съ великимъ удовольствіемъ въ вашемъ письмѣ увѣдомился объ отмѣнномъ пріемѣ, сдѣланномъ вамъ въ Вѣнѣ отъ его величества императора, и весьма лестно для меня было слышать его толь милостивыя обо мнѣ напоминанія. Произносимыя имъ къ чести моей слова составляютъ то возмездіе за добрыя дѣла, для котораго всякой человѣкъ на свѣтѣ существовать долженъ. По моей привязанности къ вамъ, я лучшаго для васъ желать не могу, чтобъ и вы равной чести достигли. При семъ желалъ бы я, чтобы вы увѣдомляли меня подробнѣе о всѣхъ происшествіяхъ, съ вашими объ оныхъ заключеніями, дабы я узнать могъ какъ о томъ, какое они удовольствіе вамъ приносятъ, такъ и о томъ, чтò вы въ познаніи свѣта къ вашему свѣдѣнію присовокупляете. Сіе сдѣлало бы мнѣ удовольствіе видѣть чувствительнѣе пользы, въ путешествіи вами пріобрѣтаемыя. Я прошу отъ меня поклониться вашимъ спутникамъ и быть увѣрену, что я навсегда съ усердіемъ пребуду вамъ

покорнымъ слугою
„Иванъ Бецкой".

Декабря 22 дня 1783 года.

5.

Государь мой Алексѣй Григорьевичъ!

Алексѣю Михайловичу Бушуеву отъ меня повелѣніе дано со всѣми вами, по полученіи, того же часу ѣхать назадъ въ Россію. Естьли вамъ по тому предписанію не будетъ угодно возвратиться, то, какъ вы прежде, со мною разговаривая о Швейцарцахъ, оказывали всегда отмѣнную склонность къ сей землѣ, можете одни отправиться въ Женеву, куда и деньги, сколько надобно будетъ, изъ вашихъ доходовъ, по письмамъ вашимъ или по данному кредитиву, всегда переводить буду. Также перешлю къ вамъ, буде надобно, и рекомандательныя письма къ тамошнему министру, или кому другому. Естьли вы примите сіе намѣреніе, то прошу обо всемъ тотчасъ меня увѣдомить съ нарочно посланнымъ ко мнѣ отъ г-на Бушуева штафетомъ. Я не сумнѣваюся, когда оное вамъ угодно, получить на то соизволеніе отъ Ея Императорскаго Величества, что̀ предаю на ваше разсужденіе, и остаюсь со всегдашнимъ моимъ усердіемъ вамъ, государю моему, всегда покорнѣйшимъ слугою

„Иванъ Бецкой".

С.-П.бургъ. Марта 12 дня 1785 года.

P. S. Буде вамъ изъ вашихъ друзей или кто другой здѣсь находящійся будетъ надобенъ для бытія съ вами, я постараюся, склоня его на то, сдѣлать, если вамъ угодно, и въ томъ вамъ удовольствіе. При семъ копію съ письма моего къ А. М. Бушуеву посылаю.

Планъ путешествія г-на Бобринскаго, начертанный его превосходительствомъ г-номъ Бецкимъ, 2 Февраля 1784.

(*Переводъ съ Французскаго*).

1784. 1 Мая. Ѣхать изъ Рима во Флоренцію, Ливурну, Лукку, Парму, Миланъ, Генуювъ и Туринъ.

20 Іюня. Изъ Турина въ Женеву и Швейцарію.

20 Іюля. Изъ Швейцаріи на Страсбургъ въ Брюссель въ Голандіи.

10 Августа—20 Сентября. Оставаться въ Голандіи.

20 Сентября—8 Октября. Во Фландріи.

8 Октября. Ѣхать въ Англію и оставаться тамъ до Апрѣля 1785.

1785. 1 Мая выѣхать изъ Англіи въ Брестъ и на западный берегъ Франціи, въ Бордо, Лангедокъ, Провансъ, Ниццу, оттуда въ Ліонъ и

30 Сентября прибыть въ Парижъ, гдѣ и оставаться до послѣднихъ чиселъ Февраля 1786.

1786. 1 Марта Ѣхать изъ Парижа на Монбельяръ, Франкфуртъ, Дрезденъ, Берлинъ, Брауншвейгъ, Гановеръ, Гамбургъ, Копенгагенъ, Стокгольмъ.

31 Августа пріѣздъ въ Петербургъ.

Письмо Бушуева къ Бецкому, изъ Марсели 30 Декабря 1784.

Милостивой государь!

Я имѣлъ честь доносить вашему высокопревосходительству изъ Ліона, что выпавшій въ великомъ количествѣ снѣгъ и довольно сильная стужа, продолжавшаяся нѣсколько дней, сдѣлавъ дорогу почти непроѣзжею, были причиною, что принуждены мы были тамо промедлить. Не смотря на то, претерпѣли мы довольно безпокойства въ дорогѣ до Авиніона, не могши почти ѣхать ни водою по Рону, ни сухимъ путемъ. Въ здѣшнемъ городѣ проводили мы столько времени, сколько нужно было для удовольствованія любопытства нашего, изъ котораго завтрешній день отъѣзжаемъ въ мѣста назначенныя намъ по росписанію вашему.

При наступленіи новаго года, не обычаю, но движенію преданной вамъ души моей слѣдуя, пріемлю я смѣлость принесть вашему высокопревосходительству искреннѣйшее поздравленіе мое, соединяя оное съ усерднѣйшимъ желаніемъ всего лутчаго вамъ на свѣтѣ. Сколь пріятно желаніе сіе душѣ моей, столь лестно мнѣ имѣть честь быть съ отмѣннымъ высокопочитаніемъ, милостивой государь, вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшимъ слугою

Алексѣй Бушуевъ.

Марсель, 30-го Декабря 1784. (Получено 11-го Генваря 1785).

*

(Въ подлинникѣ маленькій почтовый листъ въ осмушку).

Рукою Бецкаго:

N'étant pas en état, Madame, d'apporter moi-même les ci-jointes, je prends la liberté de le lui envoyer en attendant les ordres qu'il plaira à Votre Majesté de me donner.

J'espére qu'après demain Dimanche je pourrai avoir le bonheur de lui faire ma cour.

ce Vendredy au matin

Рукою Екатерины II-й:

Мой совѣтъ есть, чтобъ вы писали къ Бушуеву повелѣніе возвратиться въ Россію съ путешественниками своими, не заѣжжая и не представляя нигдѣ, не сказавъ не единое слово болѣе.

Письмо Бецкаго къ Бушуеву.

(Примѣчаніе Бецкаго). Сіе письмо имѣлъ третьяго дни въ карманѣ вашему величеству прочесть, въ силу перваго повелѣнія.

Государь мой Алексѣй Михайловичъ!

По полученіи сего извольте со всѣми вашими сопутниками незамедлительно возвратиться прямо въ Петербургъ, не заѣзжая ни

куда и нигдѣ себя не представляя. Въ протчемъ остаюсь съ моимъ почтеніемъ вамъ, государю моему, покорнымъ слугою

(Примѣчаніе Бецкаго). Нынѣ, по второму повелѣнію, нижеслѣдующее Р. S. приписать надлежитъ:

Р. S. Если Але. Гри. по сему письму не пожелаетъ возвратиться съ вами въ Россію, а возметъ намѣреніе ѣхать въ Швейцарію, какъ о томъ къ нему писано, то въ такомъ случаѣ оставить сіе на его волю, снабдить его нужнымъ числомъ денегъ и съ нарочнымъ штафетомъ о томъ меня тотчасъ увѣдомить.

Марта 8-го дня 1785 года. С. П. Бургъ.

Черновое письмо Бецкаго къ Бобринскому.

Государь мой Алексѣй Григорьевичъ!

Алексѣю Михайловичу Бушуеву отъ меня повелѣніе послано со всѣми вами, по полученіи, того же часу ѣхать назадъ въ Россію. Если же вамъ по тому предписанію не будетъ угодно съ ними возвратиться, то, какъ вы прежде со мною разговаривая о Швейцаріи, оказывали всегда отмѣнную склонность къ сей землѣ, можете отправиться въ Женеву, а прочіе всѣ сюда. Сколько же вамъ денегъ надобно будетъ изъ вашихъ доходовъ, по письмамъ вашимъ переводить буду. Также перешлю къ вамъ, буде надобно,и рекомандательныя письма къ тамошному министру или и кому другому. Если вы примете сіе намѣреніе, прошу тотчасъ обо всемъ съ нарочно посланнымъ штафетомъ меня увѣдомить. Я не сумнѣваюся, когда вамъ оное угодно, получить на то соизволеніе отъ Е. И. В., что̀ все предаю на ваше разсужденіе и остаюся.

Р. S. Если же вамъ изъ вашихъ друзей или кто другой здѣсь или тамъ находящейся будетъ надобенъ для бытія съ вами, я постараюсь такого склонить на то, если вамъ угодно, и въ томъ вамъ удовольствіе сдѣлать.

Je suis convaincu, Madame, que Votre Majesté à trouvé ce qu'il y a de mieux. Pardonnez la hâte; j'ai été toute la matinée à la Communauté, et demain la poste part.

*

На листѣ тогдашней почтовой бумаги въ четвертку

Рукою Бецкаго:

Господина Бобринскаго капитала состояло. .	675.164	р.	20	к.
Изъ оныхъ по повелѣнію Вашего Величества, въ прошломъ году Іюня 19 дня выдано Сутерланту.	31.427	„		„
Нынѣ госп. Сойманову.	58.394	„	21	„
и по тому капитала остается.	585.342	р.	99	к.
съ которыхъ въ годъ получается процентовъ .	29.267	„	10	„
а нынѣ еще отпустить должно	30.000	„		„

не достаетъ . . . . 733 „ „

Ежелижъ оные каждой годъ изъ капитала дополнивать, за неимѣніемъ болѣе никакого прихода, то черезъ нѣсколько лѣтъ весь капиталъ исчезнетъ.

Резолюціи съ боку рукой Екатерины II:

Тѣ деньги, кои требуетъ Соймановъ и коихъ ему отдать слѣдуетъ, мы не почитаемъ принадлежностію господину Бобринскому.

ПИСЬМА РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ КЪ ГРАФУ БОБРИНСКОМУ.

Письмо I. М. Рибаса.

St. Pétersbourg, ce 1-er Août 1783.

Ayant appris depuis hier, mon cher monsieur, votre arrivée à Varsovie, je m'empresse à vous demander de vos chères nouvelles. Mes lettres et vos réponses ne devant parcourir desormais que des pays fort connus, j'espère qu'elles ne se perdront plus. Rester 14 mois sans vos nouvelles, mon cher ami, après avoir passé 9 ans *) avec vous, je vous assure qu'il ne m'a pas été indifférent: je ne saurais jamais m'imaginer que vous m'ayez entiérement effacé de votre coeur; car je n'ai jamais rien fait pour demériter votre amitié.

Mon voyage vous savez qu'il n'a été que de huit mois. J'ai parcouru, malgrès cela, l'Allemagne, l'Italie et la France; mais jugez vous-même, mon cher monsieur, si ce vogage de courrier a pu me faire plaisir. Cependant cette course m'était très-nécessaire pour m'étourdir et pour remplir le vide dont je me trouvais environné après ma séparation d'avec vous, qui fut un terrible jour pour moi. Mais mon retour ici m'a plongé dans une tristesse que je ne saurais vous peindre: vous seul pourrez la concevoir, si vous vous souvenez des personnes avec lesquelles je vis et si vous y ajoutez tout ce que la calomnie et la perfidie la plus atroce peut inventer pour faire du tort à un innocent. Imaginez vous, monsieur, que pendant mon absence, il n'y a pas d'horreur que mes ennemis ne m'ayent imputé sur la conduite que j'ai tenu avec vous, s'appuyant sur ce que je n'avais pas été choisi pour être de votre voyage. Je serais honteux moi-même de vous en faire le détail, mais qu'il me soit permis de vous parler d'un seul grief pour vous donner une idée du reste. On prétend que je vous ai dépouillé au jeu et que je vous ai obligé de vous acquitter envers moi à raison de 500 r. par mois. Vous savez ce qui en est. L'ordre cependant pour ce payement existe chez les Livio. Comment pourrais-je donc me justifier un jour de cette imputation? D'après ce trait vous ne serez plus surpris qu'on aie crû en ville les autres infamies d'ont on m'a accusé, par exemple que je débauche tous les jeunes cadets, que j'en fais des bardaches, que je vole et je pille les fonds de la

*) Это показаніе надо сопоставить съ приведеннымъ выше на стр. 6-й. Можетъ быть, Рибасъ былъ приставленъ къ Бобринскому еще въ первую бытность сего послѣдняго за границею. *П. Б.*

Maison etc. Je vous laisse considérer, mon cher monsieur Bobrinskoy, si j'ai pu m'empêcher d'être sensible à tout ceci. Je ne trouve de consolation que dans mon innocence. Un moyen de m' en faire goûter beaucoup plus sera de me donner de tems en tems de vos nouvelles; du moins vos lettres me serviront commes des certificats. Ah, mon Dieu! Je n'aurais jamais imaginé de devoir en avoir besoin!

Comment ça va-t-il? Etes-vous content? Vous amusez-vous? M-r Barissoff est-il toujours chevalier? Que de questions je voudrais vous faire! Que ne puis-je voler chez vous! Je voudrais tout savoir, car tout ce qui vous regarde m'intéresse infiniment. A propos, vos voitures sont-elles bonnes? Je n'en ai pas une grande idée, surtout pour votre voyage d'Italie. Je crois que vous feriez fort bien de les laisser à Boulogne: vous les reprendriez à votre retour, et vous pourriez parcourir l'Italie avec quatre chaises de poste (qu'on nomme sedie) que vous pourriez louer à Boulogne même, et votre banquier ferait caution. Je vous aurais envoyé volontiers des lettres pour toute l'Italie à des personnes qui pourraient vous être très-utiles; mais j'ignore si cela vous serait agréable et j'attends là dessus vos ordres pour vous les faire tenir soit à Venise, Boulogne ou Turin, comme il vous plaira; car je les préparerai pour vous les expédier tout de suite.

Si vous avez occasion d'entretenir le prince Kaunitz à Vienne, vous m'obligerez beaucoup de lui présenter mes très-humbles respects. Mille choses aussi de ma part au prince Galitzine, au ministres d'Angleterre, de Lucca et de Naples, ainsi qu'à l'ambassadeur d'Espagne.

Je vous prie de faire bien des complimens à m-r le colonel Bouchoueff et à m-rs vos camarades. Je vous souhaite à tous une très-bonne santé et beaucoup de plaisir. Restez toujours bons amis ensemble et soyez toujours prêts à vous pardonner réciproquement les petites fautes: car la paix et l'harmonie dans le ménage forment le bonheur de ce monde. On m'a dit qu'Ozeretskoffsky vient ici; mais il n'est pas encore paru. Ce matin est arrivé chez moi un certain Thomas qui vous a servi, a ce qu'il dit et que vous laissâtes malade à Kislar. Ce pauvre diable, en partant de là bas pour se rendre à l'armée, a été attaqué lui huitième par les Kursky Tartars; il a été blessé d'un coup de feu à la tête et a en une grosse contusion à une jambe. J'ai vu la cicatrice, et il fait pitié. Je lui aurais donné volontiers quelque chose, car il est dans la plus grande misere, mais comme dans l'attestat qu'il eut de m-r Bouchoueff il n'est pas parlé de sa conduite, cela m'a donné des soupçons, et je lui ai dit que je voulais prémièrement vous écrire pour prendre des informations. Il me paraît un bon homme et il se loue infinimeut de vous. Il dit aussi qu'on lui avait laissé en partant 80 r. et que vous lui en aviez donné aussi 25 ducats.

Azor est ici, toujours le même, libertin plus que jamais et souvent couvert de blessures. Quand il m'a revu à mon retour, il a pensé me casser de joie tous les meubles de ma chambre; il apporte le kalpak, il pleure du son de la pendule. Je garde ici chez moi une grande caisse cachetée qui vous appartient. On me dit que votre lit y est enfermé. Cela m'est égal. M-r Squanci vous assure de ses respects, et moi je

vous embrasse de toute mon âme et suis pour la vie votre serviteur et ami Le chev. de Ribas.

P. S. Si vous me faites l'honneur de me répondre, je vous prie de m'écrire sur un ton amical et non pas de cérémonie, et plus vos lettres seront barbouilleés, mieux je les aimerai.

Переводъ.

С.Петербургъ, 1-го Августа 1783 г.

Вчера узналъ я, что вы пріѣхали въ Варшаву и спѣшу просить васъ дать мнѣ о себѣ вѣсточку. Надѣюсь, что ваши письма и мои отвѣты не будутъ теперь теряться, такъ какъ они съ этихъ поръ будутъ проходить только по странамъ извѣстнымъ. Увѣряю васъ, мой милый другъ, что я не могу быть равнодушенъ, не получая отъ васъ извѣстія 14 мѣсяцевъ, тогда какъ прожилъ съ вами 9 лѣтъ. Никогда не буду я въ состояніи вообразить себѣ, чтобъ вы изгладили меня совершенно изъ вашего сердца, потому что я никогда ничего такого не дѣлалъ, чтобъ потерять вашу дружбу.

Вы знаете что мое путешествіе продолжалось всего 8 мѣсяцевъ. Не смотря на это, я объѣхалъ всю Германію, Италію и Францію; но судите сами, милый мой, могло ли это курьерское путешествіе доставить мнѣ удовольствіе. Однако поѣздка эта была мнѣ необходима, чтобъ разсѣяться и наполнить пустоту, въ которой я находился послѣ разлуки съ вами. То былъ ужасный для меня день. Но возвращеніе мое сюда опять ввергло меня въ печаль, которую я не съумѣю описать. Вы одни можете понять ее, ежели вспомните особъ, съ которыми я живу и ежели прибавите къ тому то чт́о самое ужасное злословіе и вѣроломство могутъ изобрѣсти, чтобъ повредить невинному. Вообразите, себѣ, мой другъ, что во время моего отсутствія, нѣтъ ужаса, котораго бы непріятели мои не сказали о моемъ обращеніи съ вами, и все это на томъ основаніи, что я не былъ избранъ сопутствовать вамъ. Мнѣ стыдно даже говорить вамъ объ этомъ въ подробности, но да будетъ мнѣ позволено разсказать вамъ объ одномъ оскорбленіи, чтобъ дать вамъ понятіе объ остальныхъ. Говорятъ, что я обыгралъ васъ и принудилъ расквитаться, уплачивая по 500 рублей въ мѣсяцъ. Вы знаете, въ чемъ дѣло. Однако приказъ объ этой уплатѣ существуетъ у Ливіо. Какъ же мнѣ оправдаться отъ этой напраслины? Послѣ этаго вы не будете удивляться, что въ городѣ повѣрили другимъ выдумкамъ, напримѣръ: что я развращаю молодыхъ кадетъ и дѣлаю изъ нихъ непотребныхъ людей, что я ворую и граблю казну заведенія. Предоставляю вамъ разсудить, милый Бобринской, каково мнѣ это. Нахожу утѣшеніе только въ моей невинности. Но еще болѣе буду я утѣшенъ, получая отъ времени до времени извѣстія о васъ; по крайней мѣрѣ на ваши письма я могъ бы ссылаться. Ахъ Боже мой! Никогда я не думалъ, что буду имѣть въ томъ нужду.

Какъ вы поживаете? Довольны ли? Г-нъ Борисовъ такой же ли все рыцарь? Сколько вопросовъ хотѣлось бы вамъ сдѣлать! Зачѣмъ не могу я перелетѣть къ вамъ? Я бы желалъ знать все, потому что все касающееся до васъ меня безконечно интересуетъ. Кстати, кареты ваши? Хороши ли онѣ? Я не имѣю о нихъ очень хорошаго мнѣнія, особенно для вашего путешествія по Италіи. Думаю, что вы сдѣлали бы хорошо, если бы оставили ихъ въ Булони и взяли бы обратно на возвратномъ пути, а Италію могли бы объѣхать въ почтовыхъ колясках, которыя тамъ на-

зываются sedie и которыя вы можете нанять въ самой Булони, а вашъ банкиръ поручится за васъ. Я охотно прислалъ бы вамъ рекомендательныя письма во всю Италію, къ особамъ, которыя могли бы вамъ быть полезны; но не знаю, будетъ ли это вамъ пріятно. Стану ожидать вашего приказанія, чтобъ прислать все въ Венецію, Булонь, или Туринъ, какъ вамъ заблагоразсудится; письма у меня будутъ приготовлены, чтобъ тотчасъ же вамъ отправить ихъ.

Ежели вы будете имѣть случай разговаривать съ княземъ Кауницемъ, то засвидѣтельствуйте ему мое глубочайшее почтеніе, чѣмъ меня очень обяжете. Тысячу любезностей отъ меня министрамъ Англійскому, Лукскому и Неаполитанскому, также и Испанскому посланнику. Прошу сказать мой поклонъ полковнику Бушуеву и всѣмъ вашимъ товарищамъ. Желаю всѣмъ совершеннаго здоровья и много удовольствія. Оставайтесь всегда дружны и будьте готовы прощать другъ другу небольшіе проступки, потому что миръ и согласіе въ обществѣ составляютъ счастіе на этомъ свѣтѣ. Мнѣ сказали, что Озерецковскій сюда пріѣхалъ, но онъ еще не являлся. Сегодня утромъ пришелъ ко мнѣ нѣкто Ѳома; онъ говоритъ, что служилъ у васъ и что вы оставили его больнаго въ Кизлярѣ. Бѣдный человѣкъ выѣхалъ оттуда, чтобъ отправиться въ армію, но на него и его семерыхъ спутниковъ напали Курскіе Татары, ранили ружьемъ въ голову и оконтузили ногу. Я видѣлъ шрамъ отъ раны. Онъ весьма жалокъ. Я далъ бы ему что нибудь, потому что онъ въ большой нищетѣ, но какъ въ атестатѣ, который ему далъ Бушуевъ, не говорится о его поведеніи, то я возымѣлъ подозрѣніе; даже сказалъ ему, что напишу прежде вамъ для полученія свѣдѣній. Мнѣ кажется, онъ хорошій человѣкъ, и онъ васъ очень хвалитъ; говоритъ, что вы, уѣзжая, оставили ему 80 рублей и дали ему 25 червонцевъ.

Азоръ здѣсь, все такой же, своевольный болѣе чѣмъ когда нибудь и часто покрытъ ранами. Когда онъ меня увидалъ по моемъ возвращеніи, съ радости чуть не переломалъ всей мебели въ моей комнатѣ. Онъ приноситъ колпакъ и плачетъ, когда бьютъ часы. Я сохраняю здѣсь большой запечатанный ящикъ, принадлежащій вамъ. Говорятъ, что тамъ находится ваша постель. Мнѣ все равно. Г-нъ Скванчи [1]) свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе, а я цѣлую васъ отъ всей души и на всю жизнь вашъ слуга и другъ кавалеръ Рибасъ.

P. S. Если вы сдѣлаете честь мнѣ отвѣчать, то прошу васъ писать мнѣ въ дружескомъ тонѣ, безъ церемоній и чѣмъ небрежнѣе будетъ письмо, тѣмъ пріятнѣе оно для меня будетъ.

ПИСЬМО ЛЁХНЕРА [2]).

(*Переводъ съ Французскаго*).

С.Пбургъ, 4 (15) Марта 1785.

Вступая въ свѣтъ, человѣкъ бываетъ игралищемъ обстоятельствъ. Я имѣлъ непріятность испытать на себя справедливость этого из-

---

[1]) Если не ошибаемся, этотъ Скванчи служилъ въ Сохранной Казнѣ Петербургскаго Воспитательнаго Дома.

[2]) Лёхнеръ былъ однимъ изъ учителей Бобринскаго въ Кадетскомъ Корпусѣ. Онъ остался ему преданъ на всю жизнь, которую и окончилъ въ домѣ Бобринскихъ. Порученный ему конвертъ остается для насъ загадкою.

реченія. Вы видите, милостивый государь, что я пишу къ вамъ дрожащею рукою и, зная меня, вы повѣрите, что сердце мое дрожитъ еще сильнѣе, нежели рука: я долженъ покинуть мѣсто, которое останется для меня навсегда драгоцѣннымъ, потому что я привыкъ къ нему, проживъ въ немъ пятнадцать лѣтъ и посвятивъ ему лучшіе годы жизни, потому что въ немъ родились трое дѣтей моихъ, и потому наконецъ, что, можетъ быть, я былъ ему полезенъ. Я поступаю на десять, а если захочу, то и на шестнадцать лѣтъ, къ богатому и честному владѣльцу горныхъ заводовъ и фабрикъ, Ивану Петровичу Осокину, зятю славнаго Затрапезнова. Черезъ нѣсколько дней я уѣзжаю, сначала въ Ярославль, гдѣ находится теперь семейство Осокина, а оттуда въ Казань, гдѣ оно поселится на жительство. Я увожу съ собою жену, дѣтей, изъ которыхъ одному всего два мѣсяца, кормилицу и служанку. Посудите, милостивый государь, какое переселеніе! Посудите, какъ сильны должны быть причины, заставившія меня подвергнуться неизбѣжнымъ невзгодамъ подобнаго странствія.

Я долженъ прежде всего доложить вамъ, что̀ именно мною сдѣлано для того, чтобы вы продолжали оказывать мнѣ довѣріе, коимъ ваше благородное, превосходное сердце меня удостоило. I) Ваши физическіе инструменты оставлены въ Кадетскомъ Корпусѣ и поручены храненію моего преемника, г. профессора и академика Крафта. II) Тамъ же оставилъ я вашъ Кавказскій лукъ и принадлежащія къ нему вещи. III) Я отдалъ на обязательное храненіе и вѣрное возвращеніе двоюродному брату моему и повѣренному г-ну Луи Жерве: 1) находившіеся у меня ключи, 2) дипломъ, полученный вами изъ Кадетскаго Корпуса, 3) связку сукна, 4) ящикъ покрытый холстомъ, 5) другой ящикъ маленькій, длинный 6) книги, отданныя мнѣ подъ сохраненіе во время путешествія вашего по Россіи, 7) свертокъ, содержащій въ себѣ два рукописные плана.—Порученный мнѣ вами запечатанный конвертъ увожу я съ собою. Онъ положенъ въ кожаный мѣшечекъ, и я повѣсилъ его себѣ на шею, подъ рубашку, и если кто захочетъ у меня отнять его, тотъ прежде отниметъ у меня жизнь и пронзитъ мнѣ сердце, которое вѣчно будетъ къ вамъ привязано и вамъ предано. Жена знаетъ что̀ у меня на груди и даетъ вамъ клятву, что если что нибудь со мною случится, она увѣдомитъ васъ о томъ въ наискорѣйшемъ времени. Я долго размышлялъ самъ въ себѣ что̀ мнѣ дѣлать съ этимъ конвертомъ. Плодомъ всѣхъ моихъ соображеній было, что мнѣ слѣдуетъ увезти его съ собою, въ ожиданіи новаго распоряженія. Коль скоро вы думаете иначе, умоляю васъ, милостивый государь, именемъ всего что̀ для васъ наиболѣе до̀рого и священно, не взыскивать съ меня за то, такъ какъ время и полная неизвѣстность относительно настоящаго вашего мѣстопребыванія не дозволили мнѣ испросить новыхъ наставленій. Вѣроятно, что вы раньше меня возвратитесь въ Петербургъ; поэтому позвольте мнѣ назвать лицъ, принимающихъ во мнѣ участіе. Можетъ быть, вамъ угодно будетъ сдѣлать имъ честь отыскать ихъ или позвать ихъ къ себѣ, для того чтобы освѣдомиться обо мнѣ и объ участи моей. Эти лица суть:

совѣтникъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и кавалеръ ордена св. Владиміра, г-нъ Кохъ, зять мой архитекторъ Жерве, двоюродный братъ моей жены и мой повѣренный г. Луи Жерве, соотечественникъ мой и истинный другъ г. Бель и главнѣйше г. Оттъ, соотечественникъ мой и другъ, услужливый и обязательный; онъ состоитъ въ конторѣ придворнаго банкира Сутерланда. Онъ взялся доставить вамъ это письмо и всѣ тѣ, съ которыми, смотря по обстоятельствамъ, буду я имѣть честь обращаться къ вамъ. Онъ сообщитъ мнѣ и приказанія, которыми вамъ будетъ угодно почтить меня. Этотъ г. Оттъ—человѣкъ образцоваго характера; онъ лучшій изо всѣхъ насъ, Страсбургскихъ уроженцевъ. Напослѣдокъ назову вамъ г-на совѣтника Тейльса и весельчака г-на Шмита, служащаго старшимъ хирургомъ въ Кадетскомъ Корпусѣ. Ими обоими я одолженъ безмѣрно. Если предпріятіе мое удастся, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то имъ обязанъ я буду моимъ счастіемъ и—больше того—спокойною, беззаботною жизнью и кускомъ хлѣба на старости лѣтъ, а по смерти моей жена и дѣти мои не останутся нищими.

Письмо Машкова, посольскаго секретаря въ Парижѣ.

Въ Парижѣ, ч. 17 (28) Декабря 1787.

Милостивой государь мой Алексѣй Григорьевичъ. Почтенное письмо ваше отъ 10-го сего текущаго я имѣлъ честь на сихъ дняхъ получить и, принося вамъ за оное чувствительнѣйшую благодарность, изъявляю сожалѣніе мое о томъ, что вы такъ долго не получали бумагъ, вырученныхъ мною отъ прокурора Бюфену, которыя вы конечно уже теперь имѣете: ибо я справлялся въ домѣ Аглинскаго посланника, посланы ли были оныя или нѣтъ, и мнѣ отвѣтствовано было, что оныя уже съ оказіей отправлены. Что же касается по дѣлу вашему съ извѣстнымъ вамъ полковникомъ, оное, какъ сказываетъ Николай Константиновичъ [1]), все еще въ прежнемъ положеніи; но онъ надѣется однакожъ въ скоромъ времени дать вамъ объ ономъ извѣстіе, которымъ бы, конечно, такъ долго не замедлилъ, еслибъ онъ почти со дня вашего отъѣзда не былъ боленъ.

Услуга, которую я оказалъ князю Николаю Васильевичу [2]) передъ его изъ Парижа выѣздомъ, есть не великая, и онъ напрасно оную столь выхваляетъ. Я ему досталъ въ заемъ на пять мѣсяцевъ на вексель триста луидоровъ, помощію которыхъ, присовокупя къ онымъ пожалованныя вами три тысячи луидоровъ, да десять тысячь, полученныя имъ изъ Ломбарда на брилліанты, онъ и былъ въ состояніи отсюда выѣхать.

Позвольте мнѣ, милостивой государь мой, поручить въ покровительство ваше вручителя сего Ивана Черникова, который уже имѣетъ честь быть вами знаемъ. Онъ служилъ у графа Скаврон-

---

[1]) Хотинскій, тогдашній нашъ посолъ при Французскомъ дворѣ.

[2]) Голицыну.

скаго, у Алексѣя Михайловича Бушуева, у князя Алексѣя Яковлевича Шаховскаго и у графини Софьи Степановны Разумовской, которые имъ были отмѣнно довольны; даже и сія послѣдняя, которая его для того отъ себя отпустила, что онъ, Черниковъ, не могъ ужиться съ ея любимымъ камердинеромъ. Она ему отдаетъ справедливость, въ томъ, что онъ чрезвычайно исправенъ въ его должности, никогда не пьетъ, не играетъ, даже и за дѣвками не волочится; только нашла въ немъ великую вспыльчивость, отъ которой онъ вѣрно поправится. Если бъ вы, милостивой государь мой, изволили взять его въ услуженіе ваше, вы конечно бы имъ были весьма довольны: онъ весьма хорошій курьеръ и очень исправный и видный лакей. Симъ бы вы ему оказали благодѣяніе, а мнѣ одолженіе. Вашъ Максимъ служитъ у Александра Петровича Ермолова *). Скажу вамъ, что его превосходительство началъ опять со мною обходиться съ милостію, и я думаю, что мнимой мой пріятель Петръ Алексѣевичъ былъ причиною холодности, коя между А. П. и мною существовала; только я у него бываю не очень часто. Вседневная моя теперь бесѣда бываетъ у графини Софьи Степановны или у Варвары Ивановны Кошелевой, которыя обѣ прелюбезныя барыни; онѣ неоднократно о васъ отзывались въ самыхъ лутчайшихъ выраженіяхъ, и первая изъ нихъ просила меня засвидѣтельствовать вамъ отъ нея поклонъ.

Провѣдалъ я на сихъ дняхъ нечаянно, что Ал. Петр. разстался навсегда съ бывшею своею возлюбленною мад. Мерикуръ, на дорогѣ изъ Кале въ Парижъ. Онъ поѣхалъ въ сей послѣдній городъ, а она въ отчизну свою, городокъ Вернанъ; теперь она въ Парижѣ на содержаніи у одного стараго и претолстаго чужестранца, съ которымъ ее видѣли уже неоднократно въ спектакеляхъ. Теперь его превосходительство живетъ вдовой.

При заключеніи сего дозвольте мнѣ принесть вамъ искреннѣйшее поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ. Желаю вамъ, милостивой государь мой, столько же добра, сколько бы и себѣ самому я могъ желать. Надѣюсь, что сей годъ мы оба проведемъ немного поспокойнѣе прошлаго. Поклонитесь пожалуйста отъ меня любезной вашей мад. Е.; также и Алексѣю Андреяновичу прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Пребываю въ протчемъ съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностью, милостивой государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Машковъ.

P. S. Николай Константиновичъ свидѣтельствуетъ вамъ нижайшее свое почитаніе.

*) Извѣстнаго фаворита, тогда путешествовавшаго по чужимъ краямъ.

ПИСЬМО ГРАФА БОБРИНСКАГО КЪ ГРАФУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Ревель, 27-го Ноября 1790 года.

Милостивой государь Петръ Васильевичъ.

Писаніе ваше отъ 17-го Сентября съ включенными деньгами въ свое время получилъ я, такъ какъ и послѣднее ваше отъ 18-го Ноября, и спѣшу вамъ, милостивой государь, на содержаніе оныхъ отвѣтствовать, какъ и просить о присылкѣ 4000 руб. на содержаніе мое.

Въ 1787 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, пришелъ ко мнѣ князь Николай Васильевичь Голицынъ, въ послѣднихъ дняхъ моего отъѣзда въ Англію, и просилъ меня ему помочь въ его крайней нуждѣ, сказывая, что ежели я ему не услужу, онъ себя будетъ видѣть въ крайнемъ несчастіи и безсиліи. Я у него спрашивалъ, въ чемъ состоитъ та услуга, которую онъ требуетъ отъ меня, и что хотя я его коротко не имѣлъ счастія знать, но навѣрно радъ буду услужить, ежели въ моихъ силахъ будетъ. На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что, находясь въ положеніи черезъ должниковъ своихъ идти въ тюрьму, проситъ меня его снабдить 3000 ливрами дней на 15, пока онъ самъ поворотъ сдѣлаетъ и мнѣ послѣ сего съ благодарностію возвратитъ. Я ему прямо отказалъ, ссылаясь на недостатокъ и на мой отъѣздъ, для котораго мнѣ самому деньги потребны. Недѣлю спустя, пришелъ онъ вновь ко мнѣ, препровожаемъ г. Машковымъ, секретаремъ тогда нашего посольства тамо, возобновляя свою просьбу и подкрѣпляемъ г. секретаремъ всѣмъ тѣмъ, что́ нѣкоторую вѣроятность могло дать о возвратѣ сей суммы. На сіе я имъ отвѣтствовалъ, что я имъ наличными деньгами не въ состояніи услужить, но въ уваженіе печальныхъ и тѣсныхъ обстоятельствъ князя и участія, которое беретъ г. Машковъ, я имъ могу услужить, давъ имъ вещь, на которую они желаемую сумму могутъ получить. Взявши отъ князя росписку въ полученіи сей вещи, отдалъ я имъ оную. Вотъ дѣло, какъ оно до меня извѣстно. Съ тѣхъ поръ я не умедлилъ упоминать князю о своемъ обязательствѣ неоднократно, чтобъ сдержалъ свое обѣщаніе; но вмѣсто успѣха въ моихъ ожиданіяхъ не получалъ какъ тщетныя обѣщанія на обѣщанія, и время отъ время отлагалъ исполненіе оныхъ, и въ Октябрѣ мѣсяцѣ еще нынѣшняго году клялся, что конечно черезъ два мѣсяца окончить предъуспѣетъ сіе дѣло, о чемъ я извѣщенъ писаніемъ вышеупомянутаго г-на Машкова.

Какъ мнѣ ни прискорбно васъ сими длинными и непріятными объясненіями трудить, но какъ вы требуете оныхъ, я не преминулъ вамъ отписать, такъ какъ до моего знанія находятся.

Обязательство, находящееся у г. Велигорскаго, есть самая та бумага, о которой я имѣлъ честь раза два къ вамъ писать; она состоитъ въ 8440 ливрахъ, и срокъ оной вышелъ, какъ показано въ письменномъ объясненіи, которое вамъ подалъ г. Велигорскій.

Въ разсужденіи процентовъ я нахожу, по моему мнѣнію, что они справедливы. Съ симъ же г. Велигорскимъ я имѣю счетъ съ 1783 года, состоящій въ 2000 золотыхъ Голландскихъ червонцевъ, по которому я на 1000 письменное обязательство имѣю, а на другую 1000 ссылаюсь на собственное его признаніе къ вамъ. Съ письменнаго же обязательства заплатилъ онъ еще до сѣхъ поръ 1500 р. безъ всякихъ процентовъ, какого бы званія ни были, которыхъ я и не требовалъ, что̀ я и надѣюсь, что въ разсужденіи требуемыхъ по камбіи и рекамбіи 2520 рублей онъ также поступитъ со мною такъ умѣренно, какъ и я съ нимъ. Слѣдовательно, послѣ всѣхъ разсчетовъ съ нимъ, останется ему заплатить невеликую сумму, которую я не могу самъ теперь означить, не знавъ настоящаго курса, но думаю, что не составитъ совершенно 1000 рублей.

Изъ сихъ двухъ дѣлъ вы можете усмотрѣть, милостивой государь, сколь для усмотра моихъ дѣлъ и порядочнаго надзиранія надъ оными мое пребываніе здѣсь, по удаленію, препятствуетъ вамъ вспомоществовать, какъ бы я желалъ и можетъ статься и могъ, чтобъ привесть въ желаемый порядокъ дѣла мои.

ПИСЬМО БАРОНА ГРИММА КЪ ГРАФУ А. Г. БОБРИНСКОМУ.

Получено 1 Декабря 1787 въ Лондонѣ черезъ каналъ гр. Воронцова, принесено г. Смирновымъ.

J'espère, monsieur, que ces lignes vous trouveront en bonne santé en Angleterre et déjà tout acclimaté dans cette belle région de notre Europe. Si le zèle que j'ai mis dans l'arrangement de vos affaires pouvait me donner le droit de vous faire quelques représentations, je ne vous en ferai pourtant pas, parce que je crois que l'expérience représente bien plus fortement que tous les sermons de morale qu'on pourrait faire. La seule observation que je me permettrai de vous faire, c'est que je crois cette espèce de gens à qui vous avez eu à faire à Paris, encore bien plus dangereuse en Angleterre et que votre ruine me paraîtrait inévitable, si vous vous laissiez aller à la plus légère liaison avec eux.

Depuis votre départ, monsieur, j'ai eu des nouvelles de l'Impératrice, dans lesquelles Sa Majesté, n'ayant pas encore reçu mes lettres, suppose cependant, comme de raison, que je me suis occupé de l'arrangement de vos affaires et que vraisemblablement vous êtes parti pour l'Angleterre. Ensuite elle ajoute: „Ses dettes payées, il peut rester par congé où il est et manger paisiblement son revenu, à moins qu'il ne montre de l'envie de s'embarquer en Angleterre l'année qui vient sur nos vaisseaux qui iront dans la Méditerranée". Et puis, après m'avoir parlé d'autre chose, Sa M. y revient et me dit: „S'il désire de faire cette croisade en mer, je n'y refuse pas mon consentement, et l'amiral pourra encore à temps recevoir l'ordre de le recevoir".

Voilà, monsieur, une volonté impériale manifestée avant que Sa M. ait pu être instruite de la nôtre. C'est à vous à vous décider maintenant sur le parti que vous jugerez à propos de prendre. Ce que je crois, c'est qu'il est convenable que vous me mettiez en état de répondre à Sa M. sans perte de temps sur cet article: car peut-être n'aurai-je pas d'autre réponse après votre lettre arrivée, et puisqu'elle s'est croisée avec celle de l'Impératrice, Sa M. attendra peut-être la réponse à la sienne avant de me parler de nouveau sur cet objet d'autant que m-r de Toutolmin ayant été fort retardé, je ne compte pas recevoir un courrier avant le mois de Janvier. J'ai remarqué dans toutes les occasions que Sa M. avait une prédilection particulière pour le service maritime, et cela est d'autant plus naturel que c'est une gloire qui lui appartient d'avoir rétabli la marine de l'Empire crée par Pierre le Grand. Il me paraît par conséquent tout simple qu'elle conseille ce service préférablement.

Vous pourrez compter sur l'empressement extrême et invariable de ma part de vous rendre tous les services qui dépendront de mon zèle, ainsi que sur l'attachement parfait et respectueux avec lequel j'ai l'honneur etc.

Grimm.

A Paris. Ce 17 Novembre 1787.

Переводъ.

Надѣюсь, милостивый государь, что строки эти найдутъ васъ въ Англіи, въ добромъ здоровьи и вполнѣ освоившагося съ этою прекрасною страною нашей Европы. Хотя усердіе, оказанное мною къ устройству вашихъ дѣлъ, и могло бы дать мнѣ право обратиться къ вамъ съ нѣкоторыми совѣтами, но вы отъ меня не услышите ихъ: потому что мнѣ кажется, опытъ гораздо убѣдительнѣе всякихъ нравственныхъ проповѣдей. Позволю себѣ замѣтить только, что по моему мнѣнію люди такого разбора, съ какими вы имѣли дѣло въ Парижѣ, еще болѣе опасны въ Англіи, и разореніе ваше представляется мнѣ неизбѣжнымъ, коль скоро вы войдете хотя бы въ малѣйшую связь съ ними.

По отъѣздѣ вашемъ, милостивый государь, я имѣлъ извѣстія отъ Императрицы. Не получивъ еще моихъ писемъ, Ея Величество естественно полагаетъ, что я занятъ устройствомъ вашихъ дѣлъ и что, по всему вѣроятію, вы отправились въ Англію. Къ сему она присовокупляетъ: „По уплатѣ долговъ, онъ можетъ оставаться въ отпускѣ тамъ, гдѣ находится, и проживать мирно свои доходы, развѣ въ слѣдующемъ году не вздумается ли ему въ Англіи сѣсть на одинъ изъ нашихъ кораблей, которые отправятся въ Средиземное море“. Потомъ, поговоривъ о другихъ предметахъ, Ея Величество возвращается къ прежнему и говоритъ: „Если онъ захочетъ совершить этотъ морской крестовый походъ, я не отказываю въ моемъ согласіи на то, и адмиралъ будетъ еще имѣть довольно времени для полученія приказа принять его“.

Вотъ, милостивый государь, императорская воля, выраженная прежде чѣмъ Ея Величество узнала о нашей. Теперь вамъ остается рѣшить, что вы заблагоразсудите сдѣлать. Мнѣ же кажется, прилично было бы, чтобы вы, не тратя времени, поставили меня въ возможность отвѣчать Ея Величе-

ству относительно этого предмета, потому что, можетъ быть, послѣ вашего теперешняго письма, я буду имѣть другой отвѣтъ и, въ случаѣ, если онъ встрѣтится съ письмомъ Императрицы, Ея Величество, прежде чѣмъ опять со мною говорить о томъ, станетъ пожалуй ожидать отвѣта на свое письмо, тѣмъ болѣе, что я не ожидаю новаго курьера до Генваря мѣсяца, въ виду того, что г-нъ Тутолминъ ѣхалъ очень долго. Я часто замѣчалъ, что Ея Величество имѣетъ большое пристрастіе къ морской службѣ, и это тѣмъ естественнѣе, что ей принадлежитъ слава возстановленія Русской морской силы, созданной Петромъ Великимъ. Поэтому мнѣ кажется очень понятнымъ, что она совѣтуетъ поступать преимущественно въ эту службу.

Расчитывайте на горячее и неизмѣнное съ моей стороны желаніе оказывать вамъ всѣ услуги, какія будутъ зависѣть отъ моего усердія. Расчитывайте также на совершенную и почтительную привязанность, съ коею имѣю честь быть и проч. Гриммъ. Парижъ, 7-го Ноября 1787.

ПИСЬМА ГРАФА П. В. ЗАВАДОВСКАГО КЪ ГРАФУ А. Г. БОБРИНСКОМУ.

1.

Милостивый государь мой Алексѣй Григорьевичъ. Письмомъ вашимъ отъ 30 Августа увѣдомленъ бывъ о полученіи посланныхъ къ вамъ денегъ еще отъ 13 Мая, провождаю при семъ по требованію вашему чрезъ почту другія четыре тысячи рублей, прося васъ увѣдомить о полученіи оныхъ безъ толикаго промедленія. Въ семъ послѣднемъ письмѣ вашемъ вы показываете противъ меня свое негодованіе. Естьли мои резоны васъ не убѣждаютъ, или мои мысли не приходятъ на ваши желанія, то развѣ можете роптать на то, что когда требовали моего совѣта, я давалъ оной вамъ искренно, соображая обстоятельства вашего положенія.

Еще одинъ вопросъ сдѣлаю и больше не стану отводить васъ отъ пункта, въ которомъ мы неодинакаго мнѣнія. Какую пользу вы себѣ предполагаете имѣть, чтобъ вашъ капиталъ теперь вамъ былъ отданъ? Долги ваши равняются со всею суммою, и заимодавцы, лишь свѣдали бы о томъ, къ вамъ приступятъ. Честность вамъ не дозволитъ отказать удовлетворенія. Слѣдственно одна опека сохраняетъ послѣднее имѣніе, что вы онаго не лишаетесь. Напротивъ, по праву опекуна, я могу отказать, я могу торговаться по вашимъ долгамъ. Къ моему удивленію, пользы собственной вы тутъ не ощущаете. Короче скажу: когда отдать вамъ капиталъ, онъ не будетъ вашъ, а заимодавцевъ; доколѣ въ Банкѣ и подъ опекою—онъ весь вамъ принадлежитъ. Указъ, на которой ссылаетесь, данъ былъ прежде, чѣмъ могли думать, что дѣла дойдутъ до какой разстройки. Отъ сей послѣдней произошла опека. Весь сей разговоръ примите токмо за мой собственной; а когда найду удобной случай, то доложу о вашемъ желаніи. Впрочемъ ничто не въ моей волѣ, равно и то, когда я не могу вящимъ моимъ усердіемъ перемѣнить вашего ко

мнѣ неудовольствія. Пребываю со всегдашнимъ почтеніемъ вашимъ, милостиваго государя моего, покорнымъ слугою

Петръ Завадовской *).

Сентября 17, 1791. Петровъ Градъ.

2.

По полученіи письма вашего отъ 9 Декабря Ея И. В-о, призвавъ меня, соизволила указать отписать къ вамъ, чтобы вы еще потерпѣли пріѣхать сюда, а предоставляетъ времени, когда ей будетъ угодно сказать вамъ тогда свое на то соизволеніе.

С. Петербургъ. Декабря 14-го 1792.

3.

Марта 3-го 1794. С.-П.-бургъ.

Ваше письмо отъ 25 Февраля Ея И. В. соизволила ко мнѣ прислать при своеручной запискѣ, содержаніе которой, по моей полной къ вамъ довѣренности, сообщаю и ожидать стану отъ васъ увѣдомленія, какую деревню вы сторгуете, чтобъ о заплатѣ за оную выполнить мнѣ повелѣнное, пребывая и пр.

Записка Екатерины II-й къ графу Завадовскому.

Бригадиръ отставной Алексѣй Бобринской проситъ у меня купить въ Эстляндіи или иномъ мѣстѣ деревню, на чтò соизволяю, о чемъ съ нимъ перепишитесь, и какъ сыщетъ, то деньги заплатите изъ его суммы. И увѣрьте его, что я на его ни сердца, ни гнѣва не имѣю, а обстоятельства не дозволяютъ ему сюда пріѣхать, въ чемъ, какъ и во всемъ протчемъ, кромѣ Бога никакому отчету не подлежу, а довольно на то воля моя.

Марта 2-го 1794 г.

4.

Письма ваши минувшаго Марта отъ 13-го и сего Апрѣля отъ 22-го дошли до меня исправно. Первымъ увѣдомляли вы объ отказѣ за вами купленной деревни, и вторымъ о покупкѣ разнаго движимаго, при ней состоящаго. На заплату сего, равно какъ и на покупку овса и скота, требованные вами 13,240 р., да къ собственному вашему содержанію 4,500 р. у сего съ курьеромъ моимъ препровождаю, котораго отправляю къ вамъ нарочно для того, что пересылка сей суммы по почтѣ стоила бы не дешевле. Для доставленія вамъ 200 пудъ мѣди далъ я знающему товаръ сей человѣку комиссію; но годная для котловъ мѣдь, сказываютъ, у немногихъ, и естьли здѣсь ея не отыщутъ, надобно выписывать изъ Москвы, о чемъ впредь васъ увѣдомлю. Радуюсь сердечно, когда деревня ваша васъ утѣшаетъ и желаю столь же искренно, дабы она занимать и веселить васъ продолжала, но только бъ безъ убытка. О

*) При слѣдующихъ письмахъ начáла и концы опускаются.

сію пору, считая мѣдь заготовляемую, стòитъ она вамъ болѣе 381.000 р. Надобно, чтобъ вы на худой конецъ получили отъ нея въ годъ 20000 р. доходу чистаго; иначе попеченія ваши вознаграждены не будутъ.

Петровъ Градъ 1795. Мая 1-го дня.

P. S. По моимъ обстоятельствамъ не могу васъ обнадежить о точности моего прiѣзда и весьма желаю, лишь можно будетъ, сдѣлать вамъ угодное.

5.

По поднесеніи вашего письма Ея Императорскому Величеству, получилъ я высочайшую резолюцію въ сихъ словахъ: „Пусть женится; напишите къ нему, что всякъ женится для себя, и ему не запрещено". Больше ни вопросовъ, ни разговора не было. Потому, опричь мнѣ повелѣннаго, прибавить ничего не имѣю. Мое усердіе въ вашу пользу безпредѣльно, но силы не таковы: больше желаю, нежели могу. Къ чувствамъ своего сердца приглашайте собственной разсудокъ. Я не престану хотѣть вамъ всѣхъ благъ.

5 Августа 1795. С.-П.-бургъ.

6.

Былъ нездоровъ, былъ я занятъ упражненіями столь заботливыми, что задолжалъ вамъ отвѣтомъ на ваши письма: извините въ томъ пріятельски. Благодареніе принести [1]) безпосредственно я считаю пристойнѣе, свершивъ женитьбу, предая себя покровительству въ новомъ быту; а прежде оной утруждать отзывомъ за данное дозволеніе—шагъ, мнѣ кажется, лишній. Покупку нужныхъ вамъ вещей по присланному реестру я всю приготовлю, чтобъ первымъ саннымъ путемъ къ вамъ доставить: ибо транспортъ по теперешнему бездорожью былъ бы во вредъ и самыхъ вещей; да и возчиковъ найти трудно, развѣ за дорогую плату. Санной же путь, если не въ исходѣ нынѣшняго, то въ началѣ будущаго мѣсяца, ляжетъ; слѣдственно еще въ пору надобное получите. И вездѣ, а въ столицѣ наипаче, на всѣ вещи цѣны вздорожали; потому и на многіе артикулы, я считаю, дойдетъ учинить прибавку платы противу вашего назначенія. Не сомнѣвайтесь однакожъ, чтобъ я передалъ лишнее: во всемъ поторгуюсь. Но между тѣмъ скажите, въ Ревель, или въ вашу деревню сію покупку должно отправлять?

Примѣчая изъ вашего объясненія, что имѣете нужду въ наличныхъ деньгахъ, съ отходящею завтра почтою посылаю 4000 р., дабы въ пріуготовленіи себя къ новому состоянію не могли вы въ чемъ либо стѣсняться. Когда ваши расходы и не столько потребовали бы, то лишекъ, чтò у васъ, чтò у меня остающійся, разницы не дѣлаетъ; ибо деньги ваши. А чтò я здѣсь издержу на означенную покупку, о томъ пришлю вамъ счетъ при отправленіи оной.

---

[1]) Т. е. Государынѣ.

Третьяго дня Государыня вопросила меня, женились ли вы. Я донесъ изъ вашего письма, что въ Генварѣ то будетъ, и сіе происходило со благоволѣніемъ.

И прежде, и по смерти Бецкаго [1]) я хлопоталъ о библіотекѣ. Но какъ вамъ извѣстно, что въ жизнь покойника не дозволялось чинить настоянія, равно и по смерти его чрезъ шесть недѣль: то, по прошествіи срока, былъ я у Н. Ив. Рибасъ и говорилъ о вашемъ правѣ. Она отзывалась, что помнитъ только то, что за 16.000 р. была продана для васъ одна оружейная, а о библіотекѣ ничего не вѣдаетъ; и ежели вы какое доказательство имѣете о покупкѣ оной, то лишь бы сообщили оное, она готова отдать по тому всѣ книги: ибо въ прочемъ и домъ [2]), и все что̀ въ ономъ, покойникъ ей отдалъ оставленнымъ завѣщаніемъ, въ которомъ ни словомъ не упомянуто о библіотекѣ. Я докладывалъ сей казусъ Ея Имп. Величеству, и соизволила сказать, что „она прошедшаго дѣла ясно не упомнитъ, и что́ же дѣлать тутъ, когда не остались виды на оное"? Буде имѣете на бумагѣ? А когда того не осталось, то изъ памяти вашей сообщите мнѣ происхожденіе покупки особливымъ письмомъ, которымъ бы я могъ убѣдить Рибасшу къ возвращенію купленнаго; ибо, сколько я имѣю понятія объ оружейной, то она въ толь великую цѣну не могла вознестись.

Дайте мнѣ знать вашу волю о серебряномъ сервизѣ и прочихъ вещахъ, которыя вы хотѣли, чтобъ изъ Ломбарда взялъ г. Скванчи, что̀ и получилъ онъ во свое сохраненіе и содержитъ: не отправлять ли и оныя съ прочими? Ибо сервизъ вамъ конечно будетъ надобенъ. Жеребца, о коемъ предлагаете, хотѣлъ бы купить; но, не видя его своими глазами, очень сомнѣваюсь, чтобъ онъ былъ доппель-клепперъ прямой породы. И ростъ, и шерсть подозрительны; соловые едва ли бываютъ. Надобно знать, у соловыхъ ежели глаза не черные, а бѣлые, таковы худо видятъ и часто слѣпнутъ. За цѣну я не постоялъ бы, но заочно не могу рѣшиться; ибо для завода, каковъ имѣю, посредственное не годится, а отличное выбрать надобно знатока искуснаго. Берейторъ мнѣ не нуженъ; при заводѣ служитъ у меня таковъ же изъ Пруссіи.

Желаю отъ всего сердца, чтобъ благословилъ васъ Богъ всѣмъ удовольствіемъ блаженнаго союза. Поручите меня, я васъ прошу, засвидѣтельствовавъ мое почтеніе, благосклонности вашей невѣсты.

Петровъ Градъ. Ноября 11 дня 1795.

7.

Не подосадуйте, милостивый государь мой графъ Алексѣй Григорьевичъ, что вчера вамъ не прислалъ денегъ: во весь день голо-

---

[1]) Бецкій скончался 31 Августа 1795.

[2]) Нынѣ дворецъ Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, пріобрѣтенный отъ наслѣдниковъ Рибасши (у которой было двѣ дочери: одна за Петербургскимъ оберъ-полицмейстеромъ Александровскихъ временъ Иваномъ Савичемъ Горголи, а другая, Софья Осиповна, за извѣстнымъ гулякою княземъ М. М. Долгорукимъ).

ва была занята, и послѣдній разъ отъ васъ посланный нашелъ меня въ постелѣ. Посылаю при семъ 12000 р., а послѣднія на сихъ дняхъ отдамъ. Что не всѣ вдругъ, есть тому причина, которая до васъ не касается. Естьли удосужусь, сегодня къ вамъ заѣду. Надобно условиться мнѣ съ графинею, какъ установить домъ во образъ приличной вашему состоянію. Отнюдь нѣтъ моего намѣренія стѣснять въ чемъ нибудь вашу волю; напротивъ усердствую какъ нельзя больше вашимъ пользамъ. По долгу, отъ Государя возложенному на меня, объ одномъ прошу я васъ, чтобъ о томъ, что̀ хочете дѣлать, прежде исполненія всегда посовѣтовали со мною. Примите усерднѣйшее почтеніе.

5 Декабря 1796 [1]).

Записка графа Бобринскаго о карточной игрѣ [2]).

...Разсмотримъ съ сей стороны изъ нынѣшнихъ забавъ однѣ только карты. Они столь общимъ сдѣлались употребленіемъ, что нѣтъ ни одной компаніи, ни одного собранія большаго или малаго, въ коемъ бы не занимала въ нихъ карточная игра большую часть времени, времени толико драгоцѣннаго. Простительно ли же для разумнаго человѣка, а особливо важной должностію занятаго дворянина, судьи и проч., препровождать всякій почти день многіе часы за столикомъ въ перебираніи и раздаваніи картъ, не имѣя другихъ разговоровъ, кромѣ состоящихъ изъ нѣсколькихъ словъ, употребительныхъ въ игрѣ, и коего мысли занимаются только черными или красными пятнышками, расположенными въ разныхъ видахъ? Но дабы намъ судить было можно о сихъ двухъ забавахъ, т. е. и о старинной въ компаніи попойкѣ, и о нынѣшнихъ картахъ, то выведемъ изъ сравненія оныхъ заключеніе. Попойка предковъ нашихъ основывалась на древнѣйшемъ обыкновеніи, а не на склонности къ пьянству или къ праздности, ибо никогда и у нихъ пьянство не почиталось инако, какъ за гнусный-же порокъ; а склонность къ карточной игрѣ основаніе свое имѣетъ по большей части на праздности, которая есть мать развращенія нравовъ. Въ компаніяхъ старинныхъ и за самыми рюмками и стаканами не переставали заниматься полезными разсужденіями и разговорами, а пристрастившіеся къ картамъ не имѣютъ другихъ разговоровъ, какъ о проигрышахъ, о выигрышахъ, о умѣніи и неумѣніи игроковъ, о ихъ уловкахъ. При попойкѣ не имѣютъ никакихъ (видовъ) ко вреду ближняго; ежели-же случаются отъ излишнихъ паровъ ссоры и распри, но опять со сномъ и прекращаются и болѣе не возобновляются; а у картежныхъ игроковъ всѣ мысли устремлены къ опустошенію кошельковъ ближняго: ибо не хотѣть играть иначе, какъ на большія деньги, не есть ли сему доказательство? Послѣ

[1]) Писано уже въ царствованіе Павла, когда графъ Бобринской, хотя и осыпанный милостями, продолжалъ находиться подъ опекунствомъ графа Завадовскаго.

[2]) Сохранилась въ черновомъ отрывкѣ. *П. Б.*

попойки, вытрезвившись, принимаются за дѣла по долгу обязанности своей къ обществу, къ семейству и къ самому себѣ; а пристрастившіеся къ игрѣ дѣлаются уже ни къ чему неспособными, какъ развѣ къ причиненію несчастія ближнему. Я разумѣю подъ симъ о тѣхъ, которые изъ картъ составили себѣ, такъ сказать, родъ промысла и изъ которыхъ нѣкіе до того забываютъ себя, что къ обыгранію и разорѣнію ближняго употребляютъ всѣ недозволенные способы и даже плутовскіе. На такой-то конецъ слагаются изъ нихъ цѣлыя шайки, и хитрыя сплетаютъ сѣти на уловленіе простодушныя невинности; на такой-то конецъ между ими есть, такъ сказать, свои и пристанодержатели. Сколько молодыхъ людей, попадая въ оныя, становятся несчастною жертвою подборовъ ихъ! Сколько разорилось отъ нихъ домовъ! Сколько пострадало и самыхъ невинныхъ сельскихъ жителей отъ перемѣны господъ своихъ и отъ излишнихъ поборовъ, для сей игры на нихъ налагаемыхъ! Сколько теряется отъ того же самаго и въ экономіи государственной! Ибо пристрастившіеся къ игрѣ и не думаютъ объ оной въ деревняхъ своихъ, въ коихъ они никогда не живутъ и, не имѣя времени входить въ состояніе крестьянское, мнятъ, что чѣмъ большіе на нихъ налагаютъ поборы, тѣмъ больше приходятъ они въ состояніе платить оные. Да и какихъ умоначертаній изъ таковыя, такъ сказать, пагубныя школы получить могутъ всѣ молодые люди, не говоря уже о дѣтяхъ картежниковъ, какъ не подобныхъ же? Нѣсколько составившихъ себѣ игрою таковою, какъ говорится, счастіе, суть первыми ихъ предметами къ достиженію до таковаго же счастія; а между тѣмъ, въ надеждѣ того, теряютъ и послѣднее и, можно сказать, теряются для государства и сами, дѣлаясь для онаго не только безполезными, но и вредными. Пьяной безобразіемъ и сумасбродствомъ своимъ не можетъ (дать) повода молодымъ людямъ къ подражанію, но паче возбуждаетъ въ нихъ и къ себѣ и къ пьянству отвращеніе и омерзѣніе; а картежники не представляютъ изъ себя безобразія, но, подъ маскою честности вкрадываяся у незнающихъ ихъ въ довѣренностъ, уловлятъ предающихся оной въ сѣти свои. Имѣющій преклонность къ пьянству вреденъ по большей части себѣ только самому, а таковый картежникъ вреденъ всему обществу. Пьяной уподобляется по справедливости глупому и гнусному скоту; а таковой картежникъ съ бо́льшимъ приличіемъ уподобленъ можетъ быть хищному и лютому звѣрю. Тигръ имѣетъ удовольствіе терзать безъ жалости попадающихся въ его когти; подобно и картежникъ таковой, безъ малѣйшей жалости, ввергаетъ ближняго въ несчастіе и терзаніе проигравшагося почитаетъ пріятнѣйшимъ своимъ удовольствіемъ. И ежели сорадоваться въ счастіи ближнему, сострадать ему въ несчастіи, есть дѣйствіе нѣжнаго и чувствительнаго сердца; если не быть тронуту при видѣніи страждующаго въ бѣдствіи подобнаго себѣ человѣка есть дѣйствіе окаменѣлости скотской и недостойной человѣка нечувствительности: то какимъ же именемъ назвать должно такого, который, причиняя самъ несчастіе ближнему, радуется, смотря на бѣдственное его состояніе и на мучительное терзаніе совѣсти?

Петръ Великій не инако же разумѣлъ о людяхъ сихъ, запретя строжайше играть имъ. Вотъ законъ его о семъ: Если кто станетъ играть въ домахъ въ зерна и карты, а иной вѣдая о томъ, не донесетъ, то таковый имѣетъ быть, какъ бы самый зернщикъ, наказанъ кнутомъ и сосланъ на каторгу, а имѣніе его обоего пола рода взято будетъ на Государя.

Колико уязвляются сердца сыновъ Отечества, видя изъ числа зараженныхъ безчестною сею страстью немалое число и изъ самыхъ благорожденныхъ, жертвующихъ оной всѣми своими правами и достоинствомъ! Премудрая Законодательница наша поступки противные дворянскому званію поставляетъ не только въ измѣнѣ, разбоѣ, всякаго рода въ воровствѣ, въ нарушеніи клятвы и даннаго слова, но и во всякомъ обманѣ противномъ чести и во всякихъ такихъ дѣйствіяхъ, которыя влекутъ за собою уничиженіе. Изъ сихъ словъ Великой Екатерины кто не ощутитъ, что благородство состоитъ не въ имени, но въ дѣйствіяхъ, достойныхъ званія сего? Но достоинъ ли тотъ званія сего, который, по словамъ сей же великой Государыни, открылъ домъ свой днемъ и ночью для запрещенной игры, кто входитъ въ оной же для игры, кто дѣлаетъ себѣ изъ таковый игры постыдное ремесло, кто пособствуетъ игрокамъ деньгами, вещами, векселями и проч. и кто за все оное осуждается въ заплатѣ пени и къ посаженію въ смирительный домъ, кольми же паче тотъ, о которыхъ сей же законъ говоритъ тако: буде кто въ игрѣ употребилъ воровство, мошенничество, того отослать къ суду, и да накажется яко мошенникъ, какъ закономъ предписано?

Праздность есть мать всѣхъ пороковъ.

ПИСЬМА ПРОФЕССОРА ОЗЕРЕЦКОВСКАГО КЪ И. И. БЕЦКОМУ О ПУТЕШЕСТВІИ БОБРИНСКАГО ПО РОССІИ [1]).

1.

Переѣздъ нашъ отъ Москвы до Казани кратко описалъ я въ письмѣ моемъ, изъ Казани отправленномъ. Теперь подробнѣе намѣренъ я описать путь нашъ отъ Казани до Екатеринбурга и отъ Екатеринбурга до Уфы.

Изъ Казани отправились мы по обыкновенной Сибирской дорогѣ, по которой до Екатеринбурга слишкомъ 800 верстъ почитается. 400 верстъ ѣхали большими лѣсами, по однимъ сторонамъ дороги растущими до самой рѣки Камы. Никакихъ хорошихъ городовъ не проѣзжали кромѣ двухъ маленькихъ, Арска и Аханска, изъ коихъ первый въ 65 верстахъ отъ Казани находится, а другой лежитъ на самой рѣкѣ Камѣ. На семъ пространствѣ селенія не очень часты, и живутъ по большей части Вотяки, которые пашутъ землю и вре-

---

[1]) Печатаются съ современныхъ, довольно неисправныхъ, списковъ. *П. Б.*

менемъ промышляютъ бѣлокъ, коихъ въ иной годъ множество проходитъ оными лѣсами.

Подъ упомянутымъ городомъ Аханскомъ переправились мы черезъ Каму; а тутъ имѣли случай развѣдать рыбные промыслы, по рѣкѣ сей производимые, которые отправляются весною и подъ осень; ибо осетры, стерляди и бѣлая рыба отъ устья рѣки поднимаются въ верхъ, а подъ осень уходятъ они въ низъ въ великомъ множествѣ, такъ что за голыя крючья, на веревкахъ въ рѣку по узкимъ и мелкимъ мѣстамъ раскиданные, зацѣпляются либо брюхомъ, либо хвостомъ и такимъ образомъ въ немаломъ количествѣ добываются. Зимою же оныхъ въ Камѣ не бываетъ, а ловятся язами одни только налимы и щуки.

Въ тринадцати верстахъ отъ Камы, по дорогѣ къ городу Перми, видѣли мы въ первый разъ мѣдиплавильной заводъ, Юго-Камскимъ называемый, лежащій при рѣчкѣ Югѣ впадающей въ Каму, который принадлежитъ князю Борису Григорьевичу Шаховскому. Мѣдная руда, которая металомъ очень небогата, плавится тутъ въ шести печахъ и по объявленію приставленнаго къ сему заводу прикащика изо ста пудовъ менѣе трехъ пудовъ даетъ она мѣди. Сверхъ того при семъ заводѣ есть молотовая, въ которой находится четыре молота для ковки желѣза, съ другаго завода чугуномъ сюда привозимаго.

На семъ заводѣ не могли мы хорошенько удовлетворить нашего любопытства, которое прикащику тамошнему въ нетрезвомъ видѣ казалось подозрительнымъ; потому немедленно оставили мы Югокамскій заводъ и продолжали путь нашъ къ городу Перми, который отъ Ханска (*sic*) въ 66 верстахъ находится.

Августа 26 числа пріѣхали мы въ Пермь. Новоучрежденный городъ сей сохраняетъ еще видъ той слободы, изъ которой онъ родился и которая Егожихою называлась. Построенныя тутъ присутственныя мѣста и другіе деревянные домы для главныхъ начальниковъ, хотя и сдѣлаютъ нѣкоторую перемѣну, но какъ зданій сихъ еще немного, то и мѣсто сіе больше походитъ на пустыню, нежели на губернскій городъ. Онъ стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Камы, за которою правая очень низка сторона и пространнымъ покрыта лѣсомъ, которому конца не видно. Сіе также дикость сего мѣста не мало умножаетъ; но г. губернаторъ Иванъ Варѳоломеичъ Ламбъ пріятствомъ своимъ усладилъ пребываніе наше въ семъ городѣ; г-нъ же генералъ-губернаторъ Евгеній Петровичъ Кашкинъ находился тогда въ Тобольскѣ для открытія тамъ намѣстничества.

Первѣйшая выгода жителей сего города состоитъ въ томъ, что они по рѣкѣ Камѣ могутъ производить торговлю. Нынѣшняго лѣта водянымъ путемъ пришло туды нѣсколько судовъ съ разными товарами, на Макарьевской ярманкѣ накупленными.

Въ 3-хъ верстахъ отъ Перми, вверхъ по рѣкѣ Камѣ, могутъ производить мѣдиплавильной заводъ, Егожихинскимъ называемой, на которомъ были мы вмѣстѣ съ г-омъ губернаторомъ и тутъ полу-

чили довольное понятіе о плавкѣ мѣдной руды, которая привозится съ разныхъ казенныхъ рудниковъ, верстахъ въ 30-ти отъ завода находящихся. Ставятъ тамъ же руду на сей заводъ и частные люди съ пріисканныхъ ими рудниковъ и получаютъ за то платы по 180 копѣекъ съ пуда чистой мѣди, изъ ихъ руды выплавленной. Руда плавится тутъ въ 12-ти печахъ, изъ которыхъ выходитъ мѣдь черная, по причинѣ постороннихъ матерій, въ ней еще содержащихся, отъ которыхъ очищается она въ особливой печи (шплейсофенъ) и растопленная выпускается въ круглую яму, возлѣ печи придѣланную, въ которой застываетъ, начиная отъ поверхности, и застывшая мѣдь большими кругами, коихъ крицами называютъ, снимается съ лежащей въ исподи мѣди, которая еще не простыла. Такимъ образомъ вся мѣдь, застывая постепенно, раздѣляется на толстые оные крицы, которые еще немало въ себѣ нечистоты содержатъ, и потому снова переплавляются въ горнѣ, гармахерскимъ называемомъ, изъ котораго выходитъ уже совсѣмъ чистая мѣдь и разливается въ формы, фунтовъ по 16-ти въ себѣ вмѣщающія. Въ сей видъ приведенная мѣдь называется штыковою и идетъ уже въ употребленіе.

Для удобнѣйшей переплавки мѣдной руды прибавляютъ къ ней песокъ и известь. На Егожихинскомъ заводѣ изо ста пудовъ руды выходитъ не болѣе трехъ пудовъ чистой мѣди.

Когда горячую и жидкую мѣдь выпускаютъ изъ печей, то всячески стерегутся, чтобъ не попала на нее хотя одна капля воды; ибо отъ того вся бы мѣдь, съ великимъ громомъ разлетясь, могла бы причинить ужасныя бѣдствія; но когда она уже нѣсколько застынетъ, то безопасно поливаютъ ее водою.

Въ Перми видѣли мы сухопутную лодку Агличанина Бентома, странствовавшаго по Россіи; она была на роспускахъ о трехъ колесахъ, на которыхъ нарочито свободно возили ее три лошади, хотя длины въ ней и три сажени; но когда надобно ѣхать на ней водою, то она съ роспусковъ снимается, и вся сухопутная сбруя въ ней укладывается. Странная сія лодка дѣлана въ Сибири на Нижнемъ Тагильскомъ заводѣ.

Августа 28 числа выѣхали изъ Перми и черезъ Кунгуръ-городъ продолжали путь нашъ къ Екатеринбургу. За Кунгуромъ по дорогѣ проѣхали три желѣзныхъ завода, а именно: Суксунъ, Билимбаевской и Штайнской. Первой принадлежитъ Александру Григорьичу Демидову, и тянутъ на немъ только желѣзо, а руды не плавятъ; втораго хозяинъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ; а третьяго—заводчикъ Ширяевъ. На двухъ послѣднихъ заводахъ довольно мы насмотрѣлись, какимъ образомъ добываются изъ земли, пережигаются на открытомъ воздухѣ и плавятся въ домнѣ желѣзныя руды, которыя при сихъ заводахъ довольно хороши: ибо изо ста пудовъ руды слишкомъ 50 пудовъ выходитъ чугуну, а изъ 12-ти пудовъ чугуну вытягиваютъ 8 пудовъ чистаго желѣза.

Въ Екатеринбургъ пріѣхали Сентября 2-го числа; но чтобъ не трудить ваше высокопревосходительство пространствомъ моего письма, оставлю я говорить о семъ городѣ и о проѣздѣ нашемъ въ Уфу до другаго времени.

Октября 1 дня 1782.
Въ Уфѣ.

2.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ, Октября 1-го числа, изъ Уфы отправленномъ, описалъ я в. в. п. проѣздъ нашъ отъ Казани до Екатеринбурга, на которомъ остановился; потому съ него теперь и почичаю.

Въ семъ нарочито обширномъ городѣ главнымъ предметомъ нашего любопытства былъ монетный дворъ, на которомъ дѣлаются мѣдныя деньги, отъ пяти копѣечника до полушки. Вся мѣдь съ казенныхъ Пермскихъ заводовъ, до 30.000 пудовъ, идетъ на оныя фабрики; а съ частныхъ заводовъ, находящихся въ Пермскомъ, Казанскомъ и Уфимскомъ намѣстничествахъ, сверхъ десятой доли, которая берется въ казну даромъ, вступаетъ на оныя фабрики цѣлая половина изъ выплавляемой на нихъ мѣди. Какъ за казенную мѣдь, такъ и за половину съ частныхъ заводовъ получаемую платится изъ казны по пяти рублей съ полтиною за пудъ; всей же мѣди выходитъ на денежное дѣло до 130.000 пудовъ въ годъ.

Мѣдь на сіи фабрики при нынѣ *) входитъ штыковая, то есть въ видѣ продолговатыхъ брусковъ, которые вѣсомъ бываютъ въ 13, 14 и 15 фунтовъ. Съ мѣдными штыками поступаютъ такимъ образомъ: раскаливъ оные дровами въ большихъ печахъ, въ кои кладется за одинъ разъ по 50 пудовъ мѣди, расковываютъ каждый штыкъ въ долгую полоску, которую потомъ на двое разрубаютъ. Для сей расковки находится тамъ восемь большихъ молотовъ, которые дѣйствуютъ водою. Раскованная въ полоски мѣдь вѣсомъ отдается въ плющильную фабрику, гдѣ снова раскаливъ ее углемъ, сперва горячую пропускаютъ сквозь вальки, то есть между двумя желѣзными цилиндрами двухъ указныхъ становъ, и чрезъ то дѣлается она немного тонѣе и шире, заглаживаются также на ней знаки отъ молотовыхъ ударовъ, во время расковки происходящіе; потомъ холодныя полоски протягиваютъ еще сквозь такіе же вальки трехъ указныхъ становъ и тутъ уже приводятъ ихъ въ такую толщину, какая для денегъ потребна.

Плющеная мѣдь вѣсомъ отпускается въ прорѣзныя фабрики, которыхъ двѣ. Въ нихъ находится 25 становъ, водою въ дѣйствіе приводимыхъ, на которыхъ изъ плющенныхъ мѣдныхъ полосъ вырѣзываются денежные кружки. Здѣсь въ сутки на одномъ стану два человѣка поперемѣнно вырѣзываютъ пятикопѣечныхъ кружковъ на 832 рубля.

Вырѣзанные кружки вѣсомъ отдаются въ выжигальную фабрику, гдѣ дровами раскаливаютъ ихъ въ большихъ печахъ на чугунной

*) Т. е. въ нынѣшнее время.

доскѣ; раскаленные выгребаютъ въ холодную воду, въ которой ихъ моютъ. Такимъ образомъ очищается съ нихъ деготь, въ прорѣзной къ нимъ пристающій, и лучшій доставляется имъ видъ.

Обожженые кружки загуртиваютъ по борту и загурченные отдаютъ уже счетомъ и вѣсомъ въ чеканную для тисненія; изъ чеканной уже только счетомъ, а не вѣсомъ, отдаются деньги въ магазинъ казначею. Пудъ мѣди привести въ деньги со всѣми расходами становится казнѣ въ 33 и 35 копѣекъ, а изъ пуда выходитъ 16 рублей; всѣхъ же денегъ дѣлается въ годъ до двухъ милліоновъ пятисотъ тысячь рублей.

Слишкомъ бы пространно было описывать здѣсь, сколько при какой работѣ людей употребляется, какая производится имъ плата, также сколько въ какомъ дѣлѣ теряется мѣди. Сіе все оставляю я для моихъ дорожныхъ записокъ; вообще донесу в. в. п., что всѣ мѣдныя крохи, въ разныхъ придѣлкахъ мѣди отдѣляющіяся, вся окалина при расковкѣ, плющеньи, пожогѣ и гурченіи отъ мѣди отстающая, всѣ обрѣзки изъ прорѣзной и негодные кружки изъ чеканной фабрики рачительно собираются и сплавливаются на пяти гармахерскихъ горнахъ, изъ коихъ выходитъ снова штыковая мѣдь, которая паки обращается въ прежнее дѣло. Изо ста пудовъ окалины чистой мѣди получается 75 пудовъ. Самая сажа, во время раскаливанія мѣди въ трубы поднимающаяся, не пропадаетъ, а идетъ въ масляныя краски. Работники собираютъ еще въ печахъ, въ коихъ мѣдь раскаливаютъ, весьма мелкій мѣдный порошокъ, который при семъ в. в. п-ву посылаю. Онъ заслуживаетъ вниманія потому, что заводскіе люди по чайной ложкѣ принимаютъ его внутрь для очищенія желудка, который пищею чрезмѣрно обременять они привыкли. Порошокъ оное дѣйствіе сіе производитъ весьма сильно, такъ что дни по три сряду неумѣренно ихъ слабитъ. Вредное сіе лекарство почти послѣднее, и оно находится у нихъ въ употребленіи, хотя примѣчено, что нѣкоторые отъ приниманія онаго безсильны дѣлались удерживать въ себѣ до времени воду.

На монетномъ дворѣ многія находятся фабрики для дѣланія и починки разныхъ заводныхъ инструментовъ, для которыхъ дѣлаютъ тамъ и сталь, которая крѣпостію своею много уступаетъ Аглинской стали. Еще сталь приготовляютъ такимъ образомъ. Отъ разныхъ испортившихся инструментовъ собранное желѣзо растопляютъ въ нарочномъ горну, растопленное выпускаютъ на чугунныя доски, гдѣ оно застываетъ; застывшее ломается на части, которыя, сложивъ вмѣстѣ одну съ другою, кладутъ паки въ прежній горнъ и жаромъ связываютъ ихъ въ одинъ кусокъ величиною въ три или четыре пуда; потомъ, вынявъ изъ горна, разрубаютъ оной кусокъ на три или на четыре части, которыя подъ большимъ огнемъ растапливаютъ или молотомъ вытягиваютъ въ шины; вытянутыя шины называются укладокъ. Изъ укладу дѣлается сталь въ особливомъ горну, который нарочно составляютъ изъ глины и толченаго угля, смѣсивъ ихъ густо водою; сею смѣсью набиваютъ яму и вырѣзываютъ на ней горнъ, который подобенъ бываетъ половинѣ

шара. Переломавъ укладныя шины и плотно сложа одинъ кусокъ съ другимъ, кладутъ въ оной горнъ, въ которомъ отъ жара связываются между собою укладные куски, но не растопляются. Какъ скоро куски соединятся, вынимаютъ ихъ изъ горна, подъ молотомъ приводятъ въ шины, бруски и очень узкія полоски, которая потомъ паки нагрѣваютъ и горячія опускаютъ въ холодную воду, или закаливаютъ. Сталь въ шинахъ называется пружиною, въ брускахъ—коробочною, а въ плоскихъ—образцовою.

Почему Аглинская сталь превосходнѣе нашей, то остается развѣдать въ Англіи; а изъ химіи знаю я одно то, что для превращенія желѣза въ сталь надобно только напитать его возгораемымъ началомъ или флогистомъ; потомъ лучше дать ему самовольно простынуть, нежели закаливать въ холодной водѣ.

При монетномъ дворѣ есть также фабрики, въ которыхъ гранятъ и шлифуютъ разные каменья, какъ то: агаты, яшмы, аметисты, переливты, топазы и проч. Для шлифованья употребляютъ иностранный наждакъ, который есть весьма крѣпкая порода. Пудъ наждаку въ Екатеринбургѣ покупается по 16 рублей. Камень сей толкутъ въ очень мелкій порошокъ, который, смѣшавъ съ водою, употребляютъ на шлифованье. Наждакъ находятъ и около Екатеринбурга, но составляющія его частицы не такъ мелки и крѣпки какъ въ наждакѣ, изъ чужихъ земель въ С. Петербургъ привозимомъ.

Въ Екатеринбургѣ цвѣтныхъ камней поддѣлывать не умѣютъ, а знаютъ только искусство давать желтый цвѣтъ темнымъ и непрозрачнымъ топазамъ. Для сего кладутъ ихъ въ горячую золу, когда уже сильный жаръ въ истопленной печи нѣсколько поубудетъ; въ золѣ держатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока она простынетъ; чрезъ сіе теряютъ они темный цвѣтъ и становятся желты и прозрачны, но только прежней своей крѣпости лишаются и бываютъ ломки.

По осмотрѣ всѣхъ Екатеринбургскихъ работъ, ѣздили изъ сего города на заводы г. Турчанинова, Сысертной и Полевской, изъ коихъ первой въ 40 верстахъ отъ Екатеринбурга находится, а до другаго 44 версты отъ Сысортнаго завода почитается. На обоихъ сихъ заводахъ плавятся мѣдныя и желѣзныя руды; мѣдныя добываются въ 4-хъ верстахъ отъ Полевскаго завода въ Гумешевскомъ рудникѣ, на которомъ спускались мы въ шахту глубиною двадцати одной сажени и тамъ видѣли мѣдную руду въ натуральномъ ея положеніи. Но въ бытность нашу не было въ жилахъ пригожихъ малахитовъ, которыми рудникъ сей отмѣнно славится.

На возвратномъ пути изъ Полевскаго завода, отъ котораго Екатеринбургъ въ 53 верстахъ находится, видѣли мы двѣ марморныя ломки Кособродскую и Горнощитскую; и золотопромывальный заводъ Уктусъ называемый, въ 7-ми верстахъ отъ Екатеринбурга находящійся. Вашему в. п-ву извѣстно, какой марморъ съ оныхъ ломокъ въ С. Петербургъ привозится. Мнѣ остается только сказать, что на обѣихъ оныхъ ломкахъ марморъ ломаютъ въ неглубокихъ ямахъ, на самой поверхности земли, и отвозятъ его зим-

нимъ путемъ на Чусовскую пристань, которая въ близкомъ разстояніи отъ ломокъ оныхъ находится. На пристани въ зимнее время дѣлаютъ изъ него разныя утвари, которыя отправляютъ въ С.-Петербургъ, водою весеннею, ко двору. При Горнощитской ломкѣ есть жительство, гдѣ находятся приставленные къ добыванію мармора офицеры; тутъ имѣются также мастера, которые и въ лѣтнее время въ разные виды марморъ обработываютъ. При самой Горнощитской ломкѣ весьма изрядная желѣзная руда, которая доставляется оттуда на Верхъ-исетской заводъ, въ 2 верстахъ отъ Сенаторной Урги находящійся и принадлежащій Савѣ Яковлеву Собакину. По объявленію бывшаго на ономъ рудникѣ подрядчика, который ставитъ руду на заводъ, изо ста пудовъ сей руды выходитъ чугуну больше 10 пудовъ; а изъ сего количества чугуна выковываютъ чистаго желѣза около 50 пудовъ.

На упомянутой золотопромывальный заводъ Уктусъ, лежащій на рѣкѣ Исетѣ, золотая руда привозится съ Березовскаго рудника, который въ 15 верстахъ отъ Екатеринбурга находится. На Уктусѣ въ недѣлю вымываютъ золота до двухъ фунтовъ.

По возвратѣ нашемъ въ Екатеринбургъ оставалось намъ еще съѣздить на Березовскій золотой рудникъ, куды Сентября 9-го числа и отправились. На семъ рудникѣ много находится шахтъ, изъ коихъ опускались мы въ двѣ глубиною въ 9 и 11 и въ одну водолейную 8 сажень. Въ нихъ жилы золотой руды лежатъ по большей частей въ бѣлой мытой глинѣ и въ кварцѣ, который отъ горныхъ людей Ураломъ-камнемъ называется. Добытая изъ рудниковъ руда тутъ промывается и отсылается еще на два казенные завода Уктусъ и Пышминской, гдѣ оную толкутъ и промываютъ. На сихъ трехъ заводахъ въ годъ вымывается золота немного больше четырехъ пудовъ.

12-го числа Сентября оставили мы Екатеринбургъ и предпріяли путь нашъ къ городу Уфѣ по Кунгурской дорогѣ, по которой въ Екатеринбургъ ѣхали. Въ день выѣзда нашего проѣхали мы 52 версты и остановились ночевать въ Билимбаевскомъ заводѣ, гдѣ Сентября 13-го числа занемогъ у насъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринской. Для излеченія простудной лихорадки надлежало принять ему покой, и потому остались мы въ Билимбаевскомъ заводѣ до 18 числа Сентября: тогда здоровье его позволяло уже продолжать путь нашъ.

Отъ Билимбаевскаго завода по Кунгурской дорогѣ лѣсными и гористыми мѣстами ѣхали мы 138 верстъ и за Очистскою крѣпостью въ 9 верстахъ поворотили съ оной дороги въ лѣвую сторону на Игринской желѣзной заводъ въ 30 верстахъ отъ Очистской крѣпости, куды пріѣхали Сентября 20 дня. Стоитъ между каменныхъ горъ при рѣчкахъ Иргизѣ и Муртанѣ. Заводъ сей принадлежитъ директору Ивану Осокину. Для плавки желѣзной руды находится тутъ одна домна, а для ковки желѣза три молота. Въ прошломъ 1781 году выплавлено здѣсь чугуну 74.626 пудовъ и 30 фунтовъ, а изъ сего чугуну выковано желѣза 729 пудовъ и 8 фунтовъ;

и изъ чугуна при выпускѣ изъ домны выливаютъ заводные молоты, чугунныя доски и втулки, въ которыхъ пудъ онаго продается по 50 копѣекъ. Формы для молотовъ и досокъ выдѣлываются въ пескѣ, въ который впускаютъ плывущій изъ домны чугунъ въ надлежащемъ количествѣ и даютъ ему тутъ застынуть; а для втулокъ разливаютъ оный желѣзнымъ ковшикомъ по вырѣзаннымъ также на пескѣ формамъ и втулки оныя обдѣлываютъ.

Отъ Иргинскаго завода до Уфы оставалось еще 306 верстъ; на семъ разстояніи переѣхали мы лѣсной волокъ, 10 верстъ продолжающійся, на которомъ поселилось нѣсколько Русскихъ крестьянъ Кунгурскаго уѣзда. Волокомъ онымъ дорога наша шла неразлучно возлѣ рѣки Атеря, на которой по незамерзающимъ мѣстамъ часто зимуютъ раки. За волокомъ слѣдовали лебеди.

Красивыя мѣста, на которыхъ живутъ Татары, Мещеряки, Черемисы и Русскіе, мѣста оныя изобилуютъ березовымъ и дубовымъ лѣсомъ. Приближаясь къ Уфѣ, два раза переправлялись черезъ рѣку Бѣлую, сперва въ 60 верстахъ отъ сего города, потомъ за 5 верстъ отъ онаго. Въ Уфу пріѣхали Сентября 26-го дня.

Объ Уфѣ и о проѣздѣ нашемъ черезъ Бугульму въ Симбирскъ донесу я в. в. п-ву въ слѣдующемъ моемъ письмѣ.

Октября 26 дня 1782. Отправлено изъ Симбирска.

3.

Мнѣ слѣдуетъ теперь донесть в. в. п-ву объ Уфѣ, гдѣ съ 26 дня Сентября пробыли мы до 4 Октября. Отсутствіе г. генералъ-губернатора Ивана Варѳоломеича Якобія и отрѣшеніе отъ службы г. губернатора князя Матвѣя Аѳанасьевича Фабулова не препятствовали намъ получить довольное свѣдѣніе объ Уфимскомъ намѣстничествѣ. Намъ доставлены были извѣстія не только о числѣ народовъ въ сей губерніи находящихся, которыхъ считается 211,185 человѣкъ, но также и о всѣхъ доходахъ въ сей губерніи собираемыхъ, которые въ прошломъ 1781 году состояли изъ 563.163 рублей, 11¼ копѣекъ. Доходы сіи собираются не съ однихъ платящихъ подати жителей, которыхъ числомъ 121.694 человѣка, съ коихъ годоваго доходу 214.806 рублей, 60 копѣекъ; но возрастаютъ они отъ мѣдиплавленныхъ и желѣзодѣлаемыхъ заводовъ, въ сей губерніи находящихся, отъ пограничныхъ таможенъ Оренбургской и Троицкой, отъ питейныхъ откуповъ, отъ продажи соли и отъ приказныхъ дѣлъ, какъ то отъ купчихъ, закладныхъ, явочныхъ, исковыхъ и проч.

Число жителей никакихъ податей не платящихъ простирается въ сей губерніи до 89,491 человѣка, въ числѣ которыхъ однихъ Башкирцовъ 64.648, Мещеряковъ 11.172 и пр.

Въ вѣдомствѣ Уфимскаго намѣстничества всѣхъ заводовъ мѣдиплавленныхъ и желѣзодѣлаемыхъ въ дѣйствіи находится 22, кои всѣ принадлежатъ частнымъ людямъ. На желѣзныхъ заводахъ доменныхъ печей считается 13; съ каждой домны ежегодно платится въ казну по 100 рублей. На мѣдиплавиленныхъ заводахъ всѣхъ

печекъ находится, считаясь 71. Съ каждой изъ нихъ казна получаетъ по 5 рублей въ годъ. Сверхъ того съ выплавляемаго на желѣзныхъ заводахъ чугуна платится въ казну по 4 копѣйки съ пуда. Сей доходъ, вмѣстѣ съ упомянутымъ на домны и мѣдиплавиленныя печки, складомъ въ прошломъ 1781 году составилъ 26.598 рублей 4 копѣйки и 3/4, потому что выплавленнаго на заводахъ чугуну было 623.576 пудовъ и 8 фунтовъ; а отъ мѣдиплавиленныхъ заводовъ, сверхъ пятирублеваго съ печекъ доходу, получено мѣди на десятую долю, которая даромъ въ казну берется 6156 пудовъ 19 фунтовъ 1/4. Сіе количество мѣди, полагая пудъ въ 6 рублей, даетъ доходу 36.938 рублей 88 копѣекъ и 3/4. И такъ весь прибытокъ отъ 22 заводовъ будетъ состоять въ 63.530 рубляхъ 93 1/2 копѣйкахъ. Кромѣ оныхъ 22 заводовъ имѣются въ Уфимскомъ намѣстничествѣ еще шесть, изъ коихъ одинъ казенный, а пять партикулярные, но состоятъ безъ дѣйствія.

Отъ пограничныхъ таможень Оренбургской и Троицкой въ прошломъ 1781 году получено доходу 55.677 рублей 25 копѣекъ. Сей доходъ составляетъ не одна пошлина съ товаровъ, которые въ оныхъ двухъ мѣстахъ вымѣниваются, но нарочито пріумножаютъ его и полавочныя деньги, которыя собираются съ лавокъ и анбаровъ, находящихся въ Оренбургскомъ гостиномъ и мѣновномъ и въ Троицкомъ, также гостиномъ и мѣновномъ дворахъ. Въ Оренбургскомъ гостиномъ дворѣ, который внутри города, всѣхъ лавокъ находится 150, съ которыхъ въ годъ собирается полавочныхъ денегъ 3320 рублей. Въ Оренбургскомъ мѣновномъ дворѣ, который построенъ въ 1751 году по другую сторону рѣки Урала, въ трехъ верстахъ отъ города, по всѣмъ сторонамъ 140 анбаровъ и 243 лавокъ. Съ анбаровъ годоваго сбору 2314 рублей, съ лавокъ 984 рубли. Въ рединѣ сего мѣновнаго двора для пріѣзду Азіатскихъ купцовъ построенъ небольшой дворикъ о восьми анбарахъ и 98 лавкахъ съ наружныхъ сторонъ. На анбары годоваго окладу 160 рублей, а на лавки 800 рублей; а внутри сего дворика построенныя 49 лавокъ безпошлинно занимаютъ Азіатскіе купцы.

Въ Троицкой крѣпости гостинный дворъ, построенный въ 1751 году, состоитъ изъ 30 лавокъ, на которыхъ годоваго оклада 180 рублей; въ мѣновномъ дворѣ, который стоитъ за рѣкою Уемъ, отъ перваго въ 400 саженяхъ, лавокъ находится 178, анбаровъ 176; какъ съ лавокъ, такъ и съ анбаровъ годоваго доходу получается 2008 рублей 50 копѣекъ. Различіе между сими двумя таможнями въ разсужденіи доходовъ весьма велико, ибо Оренбургская съ полавочнымъ онымъ складомъ собираетъ пошлины съ вымѣнныхъ товаровъ въ посредственной для торговли годъ 52176 рублей 28 копѣекъ, какъ то въ прошломъ году было; а Троицкая того жъ сбору не болѣе 3500 рублей 97 копѣекъ имѣла.

Товарамъ, какіе и въ какомъ количествѣ на двухъ оныхъ дворахъ со стороны нашей и Азіатцевъ взаимно вымѣниваются, получили мы подробную роспись, которая не содержитъ въ себѣ какъ только одни наименованія получаемыхъ и отпускаемыхъ нами вещей, а потому здѣсь исчислять ихъ было бы излишне.

Отъ продажи соли въ Уфимскомъ намѣстничествѣ прибыли бываютъ, полагая въ примѣръ прошлый годъ, 45.090 рублей 45¼ копѣекъ. Здѣсь употребляется соль Илецкая, которой для Уфимскаго намѣстничества и Оренбургской области въ окружныхъ 12 магазейнахъ на два года до 400.385 пудовъ имѣть должно; а для отправленія оной соли въ другія губерніи ежегодно запасается по 500.000 пудовъ въ магазейнахъ, изъ коихъ одинъ находится въ самой Илецкой Защитѣ, гдѣ соль добывается, второй въ Оренбургѣ, третій и четвертый при рѣкѣ Бѣлой, на пристаняхъ Стерлитамацкой и Уфимской; а пятый магазейнъ при рѣкѣ Камѣ на Беткинской пристани. Изъ Илецкой Защиты въ Оренбургскій магазейнъ привозится соль по большей части Оренбургскими жителями и окольными поселянами, а изъ Оренбурга въ другія мѣста нанимаются оную ставить пріѣзжіе повозчики, которые легче для себя почитаютъ брать соль изъ Оренбурга, нежели изъ Илецкой Защиты, откуда во время проѣзда до Оренбурга въ лѣтнюю пору на обозы нерѣдко нападаютъ Киргизцы и дѣлаютъ всякія наглости, а зимою на степной оной дорогѣ сильные случаются бураны, отъ которыхъ возчики не только теряютъ иногда своихъ лошадей, но и сами пропадаютъ.

По Бѣлой рѣкѣ соль отправляется на казенныхъ судахъ, а по Камѣ въ верховые города, развозятъ ее подрядчики на своихъ собственныхъ судахъ. Чтобъ показать всѣ доходы, составившіе въ прошломъ году вышеобъявленные 563.163 рубли 11¼ копѣекъ, надобно присовокупить еще три статьи, а именно: откупную сумму за питейные сборы, которой въ Уфимскомъ намѣстничествѣ по 8 округамъ было 83.600 рублей, а въ Оренбургской области по 4 округамъ 86.108 рублей 49½ копѣекъ; неокладные доходы съ купчихъ, закладныхъ, явочныхъ, исковыхъ и пр. составили 9440 рублей 88¼ копѣекъ.

Если къ сему присовокупить описаніе городовымъ гербамъ Уфимскаго намѣстничества, планъ Илецкой Защиты и соляной ломки, краткое описаніе нѣкоторымъ городамъ сего намѣстничества, которыхъ жители большею частію промышляютъ хлѣбопашествомъ, то сіе составитъ всѣ свѣдѣнія, которыя мы въ Уфѣ получить могли.

Остается донести вашему в. п-ву о самомъ городѣ Уфѣ, что онъ на выгодномъ стоитъ мѣстѣ, по причинѣ Бѣлой рѣки, возлѣ его протекающей, въ которую повыше города впадаетъ рѣка Уфа, съ той же правой стороны, на которой и городъ находится; въ обѣихъ сихъ рѣкахъ довольно рыбности, и въ Уфѣ очень хорошія ловятся стерляди. Городъ состоитъ изъ 767 домовъ, которые не лучше бѣдныхъ крестьянскихъ избъ и разставлены между буераками, которые городъ сей очень безобразятъ. Кромѣ купцовъ и мѣщанъ, живутъ тутъ отставные солдаты и казаки, кои пашутъ землю, къ сему городу принадлежащую. Намѣстническое правленіе и генералъ-губернаторскій домъ построены изъ дерева, ниже города, по теченію Бѣлой, на ровномъ и возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго луговая, ровная и чистая сторона рѣки Бѣлой видна очень далеко и ясно.

При строеніи намѣстническаго правленія срытъ былъ одинъ высокой курганъ, наономъ мѣстѣ находившійся, въ которомъ найдены разныя вещи, какъ то: копья, кольца и другія къ сдѣланному прибору принадлежащіе товары, но они всѣ растащены были работниками. Такихъ кургановъ близь онаго мѣста находится еще три. Уповательно, что и они содержатъ въ себѣ какіе нибудь остатки стариннаго богатства, съ которымъ прежніе сихъ странъ жители людей погребали. Климатъ здѣсь умѣренный; на вольномъ воздухѣ родятся арбузы и дыни; сады изобилуютъ яблонями, на которыхъ прошлаго лѣта довольно много родилось яблокъ, что̀ особливо примѣчанія достойно, потому что прошлою зимою во всѣхъ проѣханныхъ нами городахъ, начиная съ Москвы, почти всѣ плодоносныя деревья въ садахъ позябли.

Октября 4 дня отправились мы изъ Уфы въ Симбирскъ, до котораго отъ Уфы 538 верстъ почитается. Въ пяти верстахъ отъ города переправились черезъ рѣку Бѣлую. Дорога наша лежала на городъ Бугульму, до котораго отъ Уфы 208 верстъ. Мы ѣхали по Татарскимъ, Башкирскимъ и Мещеряцкимъ деревнямъ, красивыми мѣстами, на которыхъ поперемѣнно встрѣчались намъ пространныя поля и березовые лѣса; на поляхъ, не безъ сожалѣнія, видѣли мы оставленныя хорошія травы, которыхъ жители, за изобиліемъ, косить не могутъ.

Октября 7 числа пріѣхали въ Бугульму. Маленькій сей городъ, въ которомъ 299 домовъ находится, стоитъ на большой Оренбургской дорогѣ. Онъ раздѣленъ на двѣ части рѣкою Бугульмою, которая, прошедъ городъ, впадаетъ въ рѣчку, Лѣсной Зай называемую, для различенія отъ Степнаго Зая, въ близости протекающаго. Въ семъ городѣ живутъ ясашные крестьяне и отставные солдаты, кои всѣ кормятся хлѣбопашествомъ.

Отъ Бугульмы оставалось еще до Симбирска 335 верстъ; на семъ пространствѣ селенія были Татарскія, Мордовскія и Чувашскія. Въ Чувашской деревнѣ Тенѣевой, при рѣкѣ Кондургѣ, видѣли мы кочующихъ Ставропольскихъ Калмыковъ. Переходя отъ одной деревни къ другой, становятъ кибитки, шьютъ для жителей одежду и тѣмъ кормятся. Въ другой Мордовской деревнѣ, Средняя Бѣсовка называемой, нашли мы одного изъ Кизильбашцовъ, которыхъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ 300 человѣкъ находится. Они всѣ выбѣжали къ намъ изъ плѣну отъ Киргизцовъ, приняли христіанской законъ, производятъ торговлю и пашутъ землю, при томъ никакихъ податей не платятъ. Кизильбашникъ, съ которымъ мы разговаривали, живетъ уже 24 года въ Россіи; онъ, выбѣжавъ изъ Киргизской степи въ Оренбургъ, тотчасъ досталъ себѣ маленькой крестъ и повѣсилъ оной на шею, чтобъ тѣмъ доказать домогавшемуся его Киргизцу, который за нимъ же въ Оренбургъ пріѣхалъ, что онъ уже христіанинъ и что его не выдадутъ.

Мѣста отъ Бугульмы до Симбирска весьма плодородны, и во всякой деревнѣ около гуменъ очень много находилось кладей ржанаго хлѣба. Весьма часто также встрѣчались обширныя поля съ весьма

хорошею травою, которая оставалась некошена; березовые лѣса были не рѣдки; а въ 50 верстахъ отъ Симбирска, при казенномъ винокуренномъ заводѣ Мелекесѣ, довольно имѣется и сосноваго лѣсу. Заводъ сей находится не подалеку отъ рѣки Черемшана, которую мы два раза переѣзжали; а называется Мелекесомъ по рѣчкѣ, на которой онъ построенъ. Имъ управляетъ брегадиръ Александръ Алексѣевичъ Семеновъ. Вино водою отправляется отсюда въ С. Петербургъ, и ведро онаго съ провозомъ и со всѣми заводными расходами становится казнѣ въ 76 копѣекъ. Прошлаго года выкурено здѣсь вина 120.000 ведръ: изъ девятипудовой четверти ржаной муки вина пять ведеръ съ половиною; а если выйдетъ, что получается онаго больше, то за сіе правитель завода получаетъ въ награжденіе по гривнѣ съ ведра. На содержаніе завода и потребныхъ для онаго людей получаетъ г. брегадиръ по 3000 рублей въ годъ, въ которыхъ полагается и его жалованье. Хлѣбъ для муки и вина покупаетъ у окольныхъ жителей разными цѣнами, смотря по урожаю онаго; остающеюся отъ высиженнаго вина бардою кормитъ скотину, которая отъ сей пищи чрезвычайно жирѣетъ.

Октября 12 числа пріѣхали мы къ Волгѣ, за которою виденъ былъ Симбирскъ. При тихой погодѣ, переправляясь чрезъ Волгу, которая шириною тамъ въ двѣ версты, слышали отъ перевощиковъ, что рѣка сія, по примѣчаніямъ старожилыхъ людей, по большой части становится въ то время, когда пятнадцатый часъ въ ночи прибываетъ; а вскрывается обыкновенно, когда пятнадцатый часъ во дни приростаетъ, такъ что никогда не устаеваетъ до прибыванія 16-го часа, что̀ подтвердили намъ и другіе Симбирскіе жители.

Переправясь благополучно черезъ Волгу, до полуночи поднимались мы съ нашими каретами на высокую гору, по которой расположенъ городъ.

Во время пребыванія нашего въ Симбирскѣ написалъ я къ в. в. п. довольно пространное письмо, которое оттудаже и отправилъ по почтѣ Октября 26 дня.

Съ Симбирска начну я описывать путь нашъ по нагорному берегу рѣки Волги и покорнѣйше прошу в. в. п. извинить недостатки моихъ описаній дорожными безпокойствами.

Ноября 15 дня 1782.
Въ Саратовѣ.

4.

Въ письмѣ моемъ, изъ Саратова къ в. в. п-ву отправленномъ, говорилъ я о казенномъ винокуренномъ заводѣ Мелекесѣ; но тогда не пришло мнѣ на мысль сдѣлать одно примѣчаніе, которое кажется довольно важнымъ, чтобъ сообщить оное в. в. п-ву. Въ 1768 году, когда отправлялся я въ физическую экспедицію съ г. Лепехинымъ, между прочими наказами поручено намъ было смотрѣть мѣстъ, способныхъ къ заведенію скотскихъ заводовъ. Вспомня сей наказъ, обратилъ я мое вниманіе на упомянутый винокуренный заводъ Мелекесъ и думаю, что никакое мѣсто не можетъ быть къ тому способнѣе, какъ сей заводъ, на которомъ до 120.000 ведръ вина въ годъ

выкуривается. Сколько употребляется тутъ количество ржанаго хлѣба, усмотрѣть легко можно изъ того, что изъ девятипудовой четверти хлѣба не болѣе выходитъ вина, какъ только 5 ведеръ съ половиною; и такъ, для полученія 120.000 ведеръ вина, много четвертей хлѣба употребить должно. Хлѣбъ сей отъ выкуреннаго вина остается въ видѣ барды или гущи, которая весьма питательную для скота составляетъ пищу, такъ что коровы и лошади чрезвычайно отжирѣютъ и ѣдятъ оную весьма охотно. Я не знаю, куда по сіе время употреблялась оная барда, и розыскивать сіе дѣло до меня не принадлежитъ; а только то скажу, что вещь сія, сама по себѣ, какъ кажется, неважная, великую можетъ принести пользу, когда употреблена будетъ на содержаніе скота. Частные люди, у которыхъ есть винокуренные заводы, всегда держатъ при оныхъ много скота, который кормить ничего имъ не стоитъ, и отъ котораго они не меньше обогащаются, какъ и отъ самаго вина. Для чегожъ не содержать скотины и при казенныхъ винокуренныхъ заводахъ, на которыхъ толь великое количество вина ежегодно выкуривается? При Мелекесѣ жъ и самыя мѣста весьма къ тому удобны; ибо въ близкомъ разстояніи отъ онаго пространныя находятся поля, на которыхъ весьма изрядныя ростутъ травы и, за множествомъ сѣнныхъ угодьевъ, остаются некошены. Если скажутъ, что за скотомъ надобно имѣть присмотръ, гонять его въ поле и для всякаго случая заготовлять сѣно, то сіе еще не есть такое неудобство, для котораго бы не должно было содержать скота при винокуренномъ заводѣ, гдѣ толикое множество барды, весьма изряднаго для скота корму, пропадаетъ напрасно. Для сего полезнаго заведенія можно опредѣлить нѣкоторое число крестьянъ, такъ какъ опредѣлено ихъ нѣсколько тысячъ къ казенному шелковому заводу, который находится на луговой сторонѣ Волги, близъ Царицына: ихъ тутъ слишкомъ много, и безъ всякой разстройки сего шелковаго завода можно удѣлить часть оныхъ къ Мелекесу для скотскаго завода, отъ котораго польза, безъ сомнѣнія, будетъ велика. Основательно ли мое мнѣніе, отдаю на разсмотрѣніе в. в. п-ва.

Ноября 21 дня 1782.
Въ Камышинѣ.

5.

Изъ Симбирска имѣлъ я честь писать къ в. в. п. о пребываніи нашемъ въ Екатеринбургѣ и о проѣздѣ оттуда въ Уфу; изъ Саратова сообщилъ я вамъ свѣдѣнія наши о Уфимскомъ намѣстничествѣ и описалъ путь нашъ отъ Уфы до Симбирска; а въ дополненіе сего описанія отправилъ я изъ Камышина свое мнѣніе въ разсужденіи винокуреннаго завода Мелекеса. Но не описалъ еще я проѣзда нашего отъ Симбирска до Астрахани, и оный будетъ содержаніемъ сего моего письма.

Въ Симбирскѣ получили мы краткое извѣстіе о Симбирскомъ намѣстничествѣ и 26-го Октября отправились въ нашъ путь къ Саратову, которой отъ Симбирска въ 332-хъ верстахъ находится. На

семъ разстояніи много имѣется жительствъ, въ которыхъ обывают большею частію вмѣстѣ и государственные крестьяне, и помѣщичьи. Пахотной земли почти всѣ они имѣютъ довольно, выключая экономическое село Рачейку, въ 99-хъ верстахъ отъ Симбирска отстоящее, въ которомъ обывателей 950 человѣкъ считается. По причинѣ толикаго числа людей претерпѣваютъ они недостатокъ въ пахотной землѣ, которую принуждены нанимать верстъ за 20 отъ своего жила у Кашкурскихъ пахотныхъ солдатъ. Какъ самая плата за землю, такъ и отдаленность оныя отъ ихъ жительства дѣлаетъ уже въ крестьянскомъ домоводствѣ разстройку, которую отвратить, кажется, весьма удобно переселеніемъ одной части крестьянъ на другое мѣсто; а въ сей части Россіи рѣдкое намѣстничество не имѣетъ пустыхъ мѣстъ, на которыхъ крестьянинъ жить можетъ.

Въ 22-хъ верстахъ отъ села Рачейки проѣхали мы ясашное село Тамышево, въ которомъ живутъ ясашные, экономическіе и господскіе крестьяне. Сіи имѣютъ хлѣба довольно и отвозятъ оной въ Уральской городокъ, верстъ за 500 отъ своего жила, и тамъ мѣняютъ его на коренную или красную рыбу, которую привозятъ къ себѣ домой и продаютъ.

Въ 52-хъ верстахъ отъ Тамышева слѣдовала на пути нашемъ большая Татарская деревня, Кулатка называемая, за которою въ 6 верстахъ находится Татарская жъ деревня Зимницы, не столь великая, какъ Кулатка. Татара двухъ деревень, коихъ только двѣ по сей дорогѣ и находится, кромѣ всѣхъ обыкновенныхъ податей, обязаны ежегодно посылать отъ себя подъ Казань, для рубки дубоваго лѣсу, по одному человѣку конному съ 27 душъ и по одному пѣшему съ 36 душъ: первыхъ на четыре мѣсяца въ году, а другихъ на шесть мѣсяцовъ. Великая отдаленность ихъ жительства отъ Казани дѣлаетъ, что они сами для рубки онаго лѣсу туда не ходятъ, а нанимаютъ тамъ вмѣсто себя работниковъ, которые имъ гораздо дороже становятся, нежели сколько платы изъ казны за то производится, почему они весьма обремененными себя почитают и жалуются проѣзжающимъ на свое состояніе.

По 31 Октября, когда ужъ мы были въ 63-хъ верстахъ отъ Саратова, погода стояла очень хорошая; не было ни снѣгу, ни дождя, и мы съ удовольствіемъ проѣзжали красивыя мѣста, между Симбирскомъ и Саратовомъ лежащія, на которыхъ довольно бы мы увидѣли пригожихъ птицъ, звѣрковъ, насѣкомыхъ и растеній, ежели бы въ лѣтнюю пору пріѣхать на оныя успѣли; но тогда не безъ тягости бы было проѣзжать намъ сіи мѣста, въ которыхъ во все лѣто дождей не было, и отъ сильныхъ жаровъ весь яровой хлѣбъ на чисто выгорѣлъ, такъ что одинъ крестьянинъ въ селѣ Теремнѣ, отстоящемъ отъ Симбирска во 155 верстахъ, отъ высѣянныхъ имъ семи осминъ овса нажалъ только онаго сорокъ сноповъ, и потому, за недостаткомъ овса, лошади у всѣхъ жителей были очень худы. Въ ночи на 31 Октября началъ лить сильной дождь, которой, продолжаясь весь слѣдующій день, сдѣлалъ дорогу столь грязною, что

мы въ оный день съ трудомъ проѣхали только 22 версты до послѣдняго села Ельшанки, отъ котораго оставалось еще до Саратова 11 верстъ, на которыхъ никакого жительства по дорогѣ не находится, кромѣ одного умета, куда высланы были изъ Саратова для насъ подводы. Ноября 1-го числа вся грязь къ утру подмерзла и выпалъ небольшой снѣжокъ, который, и по пріѣздѣ нашемъ сегодня въ Саратовѣ, уже не сходилъ, а день ото дня понемногу прибавлялся. И такъ можно сказать, что въ сей сторонѣ 1-го Ноября стала настоящая зима.

Въ Саратовѣ г. губернаторъ Иванъ Игнатьевичъ Поливановъ, великій любитель наукъ, старался доставить намъ, какъ въ разговорахъ, такъ и другими подаваемыми чрезъ него способами, всѣ свѣдѣнія о Саратовскомъ намѣстничествѣ, и мы одолжены ему пространнымъ географическимъ сего намѣстничества описаніемъ, котораго лучше ни въ какомъ другомъ намѣстничествѣ не получали.

Исправя въ Саратовѣ нѣкоторыя надобности, отправились мы въ Камышинъ, до котораго отъ Саратова по стельной дорогѣ, станишникомъ называемой, 175 верстъ почитается. Сіе пространство заселено Нѣмецкими колоніями, чрезъ которыя мы ѣхали и видѣли жизнь сихъ иностранцевъ, кои почти всѣ очень хорошо привыкли къ здѣшней землѣ и помаленьку въ лучшее приходятъ состояніе, выключая одну Французскую колонію, Россоши называемую, при рѣкѣ Иловлѣ лежащую, которая состоитъ изъ сорока каменныхъ изрядно построенныхъ домовъ; но изъ нихъ только въ 17-ти дворахъ жители остались; прочіе же стоятъ пусты: хозяева ихъ разсыпались по неизвѣстнымъ мѣстамъ искать неизвѣстнаго счастія. Въ предпослѣдней по пути нашему колоніи, Каменкою называемой, лежащей при рѣчкѣ того же имени, нашли мы католицкаго священника, который въ 1774 году, на луговой сторонѣ Волги, изъ одной колоніи захваченъ былъ Киргизцами въ плѣнъ, девять разъ изъ рукъ въ руки продаванъ и наконецъ черезъ четыре года выкупленъ изъ Бухаріи однимъ Астраханскимъ купцомъ. Сей пострадавшій священникъ, у котораго мы ночевали, сказывалъ, что въ Бухаріи множество находится Россіянъ и Нѣмцовъ, которые тамъ подъ игомъ невольничества стонутъ.

Всѣхъ иностранныхъ колоній между Саратовомъ и Камышинымъ, на нагорной и луговой сторонѣ Волги, находится теперь 104; а жителей въ нихъ считается до 26,000 человѣкъ. Они всѣ поселены на степныхъ мѣстахъ, на которыхъ много растетъ дикихъ вишенъ и яблонь; а дровяной лѣсъ находится только на займищахъ рѣкъ, при которыхъ они живутъ.

Въ Камышинъ пріѣхали мы Ноября 19 дня и на другой день ѣздили смотрѣть каналъ, извѣстной для соединенія Волги съ Дономъ посредствомъ рѣки Иловли, при государѣ Петрѣ Первомъ сдѣланной, до котораго отъ Камышина на 12 верстъ считаютъ. Холодная и вѣтреная погода не позволила намъ ѣхать до самаго начала онаго канала; мы видѣли только исходъ его къ вершинѣ рѣчки Камышенки и за нимъ другой ровъ въ близкомъ разстояніи, параллельно съ первымъ

проведенной. Каналъ оной весьма глубокъ и широкъ, воды въ себѣ не содержитъ, по дну и по бокамъ обросъ травою, однако нимало не осыпался; другой же ровъ шириною оному уступаетъ. Оба они начинаются близь рѣки Иловли, изъ которой, во время водополи, заходитъ въ нихъ нѣсколько воды. Мы только были зрителями многотрудной сей работы, а не судьями и потому, посмотря оную, возвратились въ Камышинъ и на другой день, то есть Ноября 21-го дня, отправились въ Царицынъ, до котораго отъ Камышина 180 верстъ почитается и куда пріѣхали мы Ноября 24-го дня.

Покойный Царицынской комендантъ г. Абалдуевъ, которой, по отъѣздѣ нашемъ, скоропостижно умеръ, присылалъ намъ изъ комеданской канцеляріи, для показу, толстую вязовую дубину, длиною слишкомъ въ два аршина и ветхой суконной картузъ, сказывая, что вещи сіи оставлены нѣкогда въ Царицынѣ государемъ Петромъ Великимъ, потому, какъ достопамятныя и хранятся въ тамошней канцеляріи.

Волга, текущимъ льдомъ покрытая, воспрепятствовала намъ съѣздить изъ Царицына на Актубинской шелковой заводъ, въ луговой сторонѣ находящійся; но мы спознали въ Царицынѣ, что прошлаго лѣта всѣ шелковые червяки тамъ позябли, и шелку ни волоса не получено; что каждой годъ посылаетъ тамошній директоръ офицера въ Кизляръ для покупки сѣменъ или шелковныхъ червей и что при семъ заводѣ слишкомъ 7000 человѣкъ крестьянъ находится, изъ чего видно, сколь выгоденъ заводъ сей.

На пути отъ Царицына къ Астрахани, до которой оставалось 389 верстъ, видѣли мы минеральную воду, близь Сарептской колоніи находящуюся; она содержится въ изрядной чистотѣ. Самая вода съ виду очень прозрачна, вкусъ имѣетъ островатой, но гораздо слабѣе, нежели вкусъ Седлицкой воды; для питья она ни мало не противна и кажется быть нѣсколько тепла, что̀ безъ ѳермометра точно узнать было неможно. Въ Сарептской аптекѣ много вываривають изъ нея слабительной соли и магнезіи; самой вкусъ доказываетъ, что въ ней содержатся и другія тѣла, которыхъ покойной Сарептской докторъ, какъ сказываютъ, нашелъ въ ней до двѣнадцати; между ими считаютъ Кельской купоросъ, сѣру, повареную соль, желѣзную охру и симъ подобное. Хотя вкусъ соленой воды всѣ оныя тѣла и заглушаетъ, но при маломъ оныя употребленіи, по дѣйствію ея въ тѣлѣ, чувствовать можно, что не одна слабительная соль въ ней находится; ибо два стакана, которые я выпилъ, сдѣлали мнѣ примѣтное обремененіе, которое больше чувствовать нежели описать можно.

Изъ сего моего опыта и изъ примѣру разныхъ тѣлъ заключаю я, что многое ея употребленіе для меня могло бы быть вредно; но, какъ сказываютъ, что нѣкоторые отъ употребленія сей разноминеральной воды примѣтное въ болѣзняхъ своихъ получили облегченіе, а другіе же, напротивъ того, говорятъ, что какъ при наблюданіи строгой діэты, самая сія вода здоровья ихъ лишила: то она для всякаго должна быть опасна, потому что неизвѣстно, кому сдѣлаетъ вредъ, кому пользу. И такъ, человѣчество требуетъ, чтобъ воду сію наиточнѣе испытать и вѣрно опредѣлить, въ какихъ именно бо-

лѣзняхъ она полезна быть можетъ; а посылать туды всякихъ больныхъ, для наживы Сарептскимъ колонистамъ, у которыхъ все чрезвычайно дорого, для всякаго врача почитаю я за самое безсовѣстное дѣло. Мнѣ думается, что нѣтъ ни одной изцѣлимой болѣзни, которой бы, безъ всей минеральной воды, другими лекарствами вылечить было не можно.—Сарептская колонія есть такое мѣстечко, въ которомъ многія заключаются ремесла и рукодѣлія: тутъ ткутъ разныя полушелковыя и бумажныя матеріи, плисъ, платки, колпаки, чулки, выдѣлываются юфти; хорошихъ имѣютъ столярей, портныхъ, хлѣбниковъ и другихъ ремесленныхъ людей; но все ихъ искусство отъ Россіянъ сокрыто, ибо имъ это надобно, чтобъ всякая вещь у нихъ однихъ и притомъ дорого была покупаема.

Отъ Сарепты ѣхали мы чрезъ Черной Яръ, Енотаевскую крѣпость по казачьимъ станицамъ до Астрахани, куда пріѣхали Декабря 6 дня, и тѣмъ окончили сей 1782-й годъ.

Въ Астрахани.
Декабря 27 дня 1782.

6.

По сіе время не могъ я писать къ в. в. п-ву о упражненіяхъ нашихъ въ Астрахани, потому что не имѣлъ о семъ мѣстѣ всѣхъ свѣдѣній, которыя приходили до насъ въ разныя времена, по причинѣ множества предметовъ, примѣчанія и любопытства достойныхъ; ибо Астрахань сама по себѣ заслуживаетъ вниманія тѣмъ, что обитаютъ въ ней разные народы, какъ то: Армяне, Индмиры, Персіяне и Татара, которые какъ наружнымъ видомъ, такъ и нравами не только отъ Россіянъ, но и между собою очень разнятся. Кочующіе около Астрахани Калмыки и родомъ жизни, и своими обычаями отъ всѣхъ оныхъ народовъ отмѣнны и, слѣдовательно, о нихъ особливыя потребны были примѣчанія. Промыслы Астраханскихъ жителей, въ устьяхъ Волги и на Каспійскомъ морѣ производимые, обширную подаютъ матерію къ показанію всѣхъ выгодъ для Астраханскаго купечества, которое отмѣнными пользуется преимуществами. Торговля съ Персіею и Бухаріею есть также предметъ немаловажной. На всѣ сіи пункты имѣю я теперь немало объясненій, которыя въ свободное время и при лучшемъ здоровьѣ, нежели каково теперь мое, постараюсь привести въ порядокъ и, въ видѣ историческаго описанія Астрахани, сообщить в. в. п-ву.

Къ доставленію мнѣ извѣстій немало способствовалъ Астраханскій епископъ Антоній, человѣкъ ученой и весьма добродѣтельной, который и впредъ нужныя дополненія сообщить мнѣ не отрекается:

Марта 15 дня 1783.
Въ Астрахани.

7.

Извѣстія о нашемъ путешествіи сообщалъ я в. в. п-ву до самой Астрахани, отъ которой паки продолжать ихъ намѣренъ, зная, что дорожныя мои описанія в. в. п-ву непротивны.

Проѣздъ нашъ отъ Астрахани до Кизляра сопряженъ былъ съ немалыми трудностями, кромѣ которыхъ почти ничего мы на семъ разстояніи не видали, потому что ѣхали пустою степью, которая и лѣтней одежды на себѣ еще не имѣла. На всей дорогѣ нѣтъ никакого селенія, кромѣ шести форпостовъ, для отправленія почты учрежденныхъ, на которыхъ обыкновенно стоитъ только по десяти весьма худыхъ лошадей. Разстояніе между сими форпостами весьма велико, ибо на 360 верстахъ, кои такъ длинны, что вѣрно 500 мѣрныхъ верстъ составятъ, находится только, какъ я уже сказалъ, шесть форпостовъ, на которыхъ подводы перемѣняются; потому и лошади, кои по 50 и по 70 верстъ, а взадъ и впередъ по 100 и по 140 верстъ на каждой недѣлѣ нѣсколько разъ возить должны то почту, то проѣзжающихъ,—не могутъ не быть худы. На первыхъ трехъ форпостахъ отъ Астрахани содержатъ оныхъ лошадей Астраханскіе Татара; а на другихъ трехъ форпостахъ къ Кизляру стоятъ подводы Нагайскихъ Татаръ, въ степи оной кочующихъ. Для проѣзду нашего чрезъ сію степь пріумножены были подводы на форпостахъ; а другія поставлены были между форпостами на половинѣ разстоянія; сверхъ того на каждой перемѣнѣ лошадей стояло по три кибитки то Калмыцкихъ, то Трухменскихъ для нашего пріюту: ибо время было еще нарочито холодно, и въ самыхъ кибиткахъ не можно было ночевать безъ огня, которой поддерживали камышомъ и степною полынью, потому что никакого лѣсу въ степи сей не ростетъ. Прогоны отъ Астрахани до Кизляра во всякое время платятся двойные, т. е. по двѣ копѣйки за версту на каждую лошадь. Дорога по большой части ровная, и большихъ горъ совсѣмъ на ней нѣтъ, а мѣстами встрѣчаются только песчаные пригорки. Степь изобилуетъ озерами, изъ которыхъ многія содержатъ въ себѣ горькую и соленую воду. Въ 50-ти верстахъ отъ Астрахани, на правой сторонѣ отъ дороги, проѣхали мы соленое Мочаговское озеро, возлѣ котораго видны были большія кучи соли, прошлаго лѣта въ семъ озерѣ наломанной, которая ставится отсюда въ Астрахань, и для храненія оной приставлены тутъ солдаты, которые живутъ въ землянкахъ. Въ сію пору озеро оное наполнено было водою, которая превращается въ соль отъ лѣтнихъ жаровъ.

У Калмыковъ, разставленныхъ по дорогѣ съ кибитками для нашего проѣзду, часто видѣли мы верблюдовъ, которые двумя на спинѣ горбами отъ другихъ верблюжьихъ породъ отличаются; на нихъ Калмыки великія навьючиваютъ тяжести, когда съ одного мѣста на другое перекочевываютъ. Животное сіе управляется ремнемъ, сквозь рыло выше ноздрей продѣтымъ, за которой сѣдокъ поворачиваетъ и останавливаетъ верблюда по своему произволенію. Когда не хочется верблюду больше возить на себѣ человѣка, то онъ безъ приказу самъ останавливается, сгибаетъ у себя ноги и ложится на брюхо. Сіе мы собственнымъ своимъ узнали опытомъ.

На всей дорогѣ, кромѣ озеръ, имѣли мы двѣ рѣки съ прѣсною водою; первая во 115-ти верстахъ отъ Астрахани называется Зиньели, нарочито глубока и изобильна рыбою, вторая рѣка Куаса во 117-ти

верстахъ отъ Кизляра, которая по правую сторону дороги, разстояніемъ отъ нея версты на три, втекаетъ въ большое озеро и въ немъ скрывается, такъ что по другую сторону озера теченія больше не имѣетъ. Говорятъ, что она продолжаетъ ходъ свой подъ землею и производитъ озера, которыя на пути ея къ морю очень часты.

Въ 17-ти верстахъ отъ Кизляра еще была на пути нашемъ Горькая рѣчка, по вкусу воды такъ прозванная, за которою по сторонамъ дороги кочевали Нагайскіе Татара съ превеликими стадами всякаго скота; мы заходили въ ихъ кибитки, которыя гораздо темнѣе Калмыцкихъ и не очень удобны. У женщинъ видѣли въ ноздряхъ продѣтыя серьги. Нѣкоторые изъ Нагайцевъ говорили съ нами порусски, очень были учтивы и казалися смирными, каковы они и въ самомъ дѣлѣ есть. Народъ сей довольно достаточенъ, какъ скотомъ, такъ и деньгами, которыя достаютъ они извозомъ, ставя съ Ачинской пристани провіантъ въ Кизляръ, въ Моздокъ, на линію и отвозя чихирь и всякіе товары въ Астрахань.

За 11 верстъ отъ Кизляра переправились мы на паромъ чрезъ быструю и глубокую рѣку Терекъ, которой ежегодно шире становится, размывая рыхлые свои берега. О сей рѣкѣ долженъ я донести в. в. п., что прежде текла она позади Кизляра и защищала городъ сей отъ набѣговъ горскихъ Татаръ; но лѣтъ, можетъ быть, за 17, вздумалось бывшему Кизлярскому коменданту Потапову раздѣлить Терекъ выше города на двѣ части и провести изъ него воду по другую сторону города, дабы тѣмъ защитить Кизляръ отъ нападенія горскаго разбойника Сокусъ-аджи, которой тогда во внутренной нашей степи, коею мы ѣхали, дѣлалъ разбой. Разбойникъ оной никакого на Кизляръ покушенія не сдѣлалъ, а рѣка, обратившись вся въ лѣвую сторону, оставила Кизляръ на непріятельской сторонѣ безъ защиты, такъ что теперь въ томъ днѣ, гдѣ текла она прежде и которое позади Кизляра, очень часто воды и по колѣно лошади не бываетъ. Сказываютъ, что немало денегъ издержали, стараясь обратить ее на прежнее мѣсто; но трудъ былъ тщетенъ, и деньги потеряны. Нынѣ очень нерѣдко случается, что горскіе Татара отгоняютъ у Кизлярцовъ лошадей; а подъ видомъ горцовъ городскіе бездѣльники безпрестанно дѣлаютъ шалости; при всемъ томъ и переправа черезъ Терекъ ѣдущимъ изъ Кизлира и въ Кизляръ обозамъ стоитъ денегъ, хотя перевозъ и казенной. Но сіе до меня не принадлежитъ.

Въ Кизляръ пріѣхали мы Марта 28 дня. Сей городъ примѣчанія достоинъ по множеству виноградныхъ садовъ, съ него начну я слѣдующее мое письмо.

Въ Кизлярѣ
Апрѣля 9 дня 1783.

(*Дальнѣйшихъ писемъ у насъ не имѣется*).

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

Шарады.—Князь И. М. Долгоруковъ.—Отзывъ Батюшкова о стихахъ своихъ.

Вотъ еще нѣкоторыя упражненія подмосковнаго деревенскаго общества, во время холеры *):

Шарады.

1.

Читатель добрый мой, охотникъ до новинки,
Раздѣлишь-ли меня ты на двѣ половинки,
Вотъ что во мнѣ найдешь, когда догадка есть:
Одна—есть Божій даръ; ему хвала и честь!
Душистъ онъ и душа обѣда, вечеринки,
Годится для крестинъ, для свадьбы, на поминки;
Онъ освѣжаетъ умъ и сердце веселитъ.
Другая—тѣло въ насъ отъ холода хранитъ.
А, если скажешь ты: шарада плоховата!
Она тебѣ въ отвѣтъ: какъ быть? Я виновата.

2.

Извѣстно, климатъ нашъ большихъ похвалъ не стóитъ.
Здѣсь слогу *первому второй* онъ часто строитъ.
А цѣлое мое: поэтъ и весельчакъ.
Теперь забвеніе, въ гробу, его покоитъ,
Но въ старину и онъ былъ славенъ кое-какъ.
Онъ насъ въ кулачный бой заводитъ и въ кабакъ,
И боекъ стихъ его, и много въ немъ размаху;
Живописуетъ намъ онъ красную рубаху
И православный нашъ кулакъ.

3.

Есть шаръ земной; но есть, быть можетъ, шаръ и ада.
Какъ-бы то ни было, а все таки шарада.

4.

Возьмите Турку вы, возьмите Нѣмца вы,
И каждому изъ нихъ по трубкѣ въ ротъ воткните;

---

*) См. въ прежнихъ выдержкакъ изъ Старой Записной книжки, въ Р. Архивѣ 1874 года.

Потомъ тѣ два лица въ одно лице сложите,
И выльется Русакъ отъ ногъ до головы.

5.

Во мнѣ вы встрѣтите Чухонца и Француза;
И, если Русская трагическая Муза
Не совершенно вамъ чужда,
Вы мой и весь составъ найдете безъ труда.

6.

Загадка.

Напоминаю вамъ я пѣсни Оссіана,
Страну и зимнихъ вьюгъ, и бардовъ, и тумана.
Приставьте букву мнѣ у самой головы,
Быть можетъ, ключницу свою найдете вы.
Вамъ мало-ли того? Свой узелъ вновь затянемъ
И въ географію Россійскую заглянемъ.
Вотъ здѣсь: не то село, не то что городокъ,
А такъ ни то ни сё, заштатный уголокъ.
Не нравится онъ вамъ?—По щучьему велѣнью
И почеркомъ пера, во слѣдъ воображенью,
На Югъ, роскошный Югъ стремглавъ перелетимъ.
Вотъ, славная рѣка, съ преданьемъ вѣковымъ;
Вотъ царство розъ, и здѣсь ихъ вѣчно свѣжъ румянецъ;
Душисто здѣсь цвѣтутъ лимонъ и померанецъ,
Неувядаемой здѣсь блещетъ красотой
Земля цвѣтущая подъ твердью голубой;
Здѣсь круглый годъ веснѣ и солнцу новоселье.
Вотъ городъ, южнаго поморья ожерелье!
Но, можетъ быть, хотите заглянуть
Въ вѣка минувшіе? Я вамъ открою путь.
Изъ всѣхъ частей теперь разбросанныхъ предъ вами
Составьте вы лице одно:
Мужское-ль, женское-ль? Вы разгадайте сами.
Да, вамъ и разгадать, я чай, немудрено.
Въ немъ видѣнъ крѣпкій умъ и пылъ любви свободной,
Оно съ лица земли сошло давнымъ давно;
Но въ Русскихъ хартіяхъ еще живетъ оно,
Живетъ и въ памяти народной.

7.

Гордится дѣвушка, что съ головы до ногъ
Мой первый слогъ ее на первый балъ одѣлъ;
Полякъ гордится тѣмъ, что онъ второй мой слогъ;
Голландецъ тѣмъ, что я въ саду его разцвѣлъ.

*

Если Державинъ Русскій Горацій, какъ его часто называютъ, то князь И. М. Долгоруковъ, въ такомъ же значеніи, не есть ли Русскій Державинъ? Въ Державинѣ есть мѣстами что-то Гораціянское; въ Долгоруковомъ есть что-то Державинское. Все это, слѣдуя по нисходящей линіи. Державинъ кое-гдѣ и кое-какъ *обрусилъ* Горація. Долгорукову удавалось *еще обрусить*, или *перерусить* Русскаго

Державина, опопуляризировать его. Державинъ не вездѣ и не всегда каждому Рускому въ пору. Долгорукова каждый пойметъ. Не знаю въ точности почему, а можетъ быть, просто и ошибаюсь, но читая Долгорукова, я невольно припоминалъ Державина: разумѣется не того, который паритъ, а того, который легко и счастливо скользитъ по землѣ и метко дотрогивается до всего житейскаго. Впрочемъ, не думаю, чтобы Долгоруковъ именно и умышленно подражалъ Державину. Онъ не искалъ его, а просто сходился съ нимъ на нѣкоторыхъ проселкахъ. По большимъ дорогамъ поэзіи онъ не пускался. Въ томъ и другомъ много житейской философіи: въ Долгоруковѣ болѣе потому, что онъ не увлекался въ сторону и на высоты. Въ томъ и другомъ есть поэзія личная, такъ сказать, автобіографическая; но въ Долгоруковѣ даже ея болѣе нежели у Державина; она, можетъ быть, даже живѣе и разнообразнѣе. Онъ болѣе держится около себя, менѣе обращая вниманія на событія, а болѣе на впечатлѣнія и ощущенія свои. Какъ ни своенравенъ пѣвецъ Фелицы, какъ ни далекъ онъ отъ такъ называемой классической поэзіи, но все же подмѣчаются въ немъ нѣкоторые классическіе пріемы. Видно, что и ему хочется быть академикомъ и показать, что онъ чему нибудь учился. Въ другомъ никакъ не отыщешь этихъ изволеній, этихъ притязаній. Читая его, нельзя не убѣдиться, что въ поэтахъ онъ болѣе охотникъ, чѣмъ присяжный и отвѣтственный поэтъ. Онъ писалъ стихами потому, что такъ пришлось, потому, что риѳмы довольно легко и послушно ложились подъ перо его. Еще—и здѣсь отдѣляется онъ отъ Державина—бывалъ онъ поэтомъ, когда бывалъ влюбленъ; а влюбленъ бывалъ онъ очень часто. Это раскрываетъ онъ намъ въ первомъ выпускѣ стиховъ своихъ: *Бытіе сердца моего.* Это *бытіе* раздѣляется на многія, маленькія отдѣленія. Могъ бы онъ назвать книгу свою: лѣтописью о сердечныхъ мятежахъ. Но междуцарствія въ сердцѣ его не бывало; только часто смѣнялись цари, то есть царицы. Кто-же изъ влюбленныхъ не бывалъ въ свой часъ поэтомъ? Не у каждаго выливались стихи на бумагу, но поэтическая нота, хотя и глухо, а звучала въ груди каждаго. И каждый могъ сказать:

Auch ich bin in Arkadien geboren.

А Долгоруковъ не только родился въ этой Аркадіи, но исходилъ ее изъ края въ край, вдоль и поперекъ и постучался у каждаго женскаго сердца. Онъ влюбчивый поэтъ. Онъ поэтъ-сердечкинъ, но не въ родѣ князя Шаликова. Въ немъ была искренность, была нерѣдко глубина чувства. Вотъ начало одной пѣсни его:

Безъ тебя, моя Глафира,
Безъ тебя, какъ безъ души,
Никакія царства міра
Для меня не хороши.

Разумѣется, это не изъ лучшихъ стиховъ его. Здѣсь ничего нѣтъ особеннаго; ничего нѣтъ художественнаго ни въ выраженіи, ни въ отдѣлкѣ, ни въ фактурѣ стиха; но есть замѣчательное дви-

женіе въ приступѣ. Это невольное, сердечное восклицаніе. Такъ и слышится, что оно вырвалось изъ груди и высказано прежде, чѣмъ было оно написано. Опять, можетъ быть, ошибаюсь, и обманываютъ меня первоначальныя впечатлѣнія мои; но эти четыре стиха какъ-то особенно пріятно и нѣжно звучатъ въ памяти моей.

Умъ поэта нашего былъ преимущественно Русскаго склада. Этимъ складомъ и выразилъ онъ себя. Русскія поговорки такъ имъ и расточаются и почти всегда съ толкомъ и удачно. Онъ вовсе не ищетъ блеснуть мужиковатостью своею; онъ употребляетъ простонародную поговорку потому, что она сподручна мысли его. Этотъ Русскій складъ, съ поговорками, или безъ поговорокъ, особенно замѣтенъ въ немъ, въ Державинѣ и въ Крыловѣ. Въ Пушкинѣ болѣе обозначалась народность историческая; въ тѣхъ трехъ, народность житейская. Немного парадоксируя, Пушкинъ говаривалъ, что Русскому языку слѣдуетъ учиться у просвирень и у лабазниковъ; но, кажется, самъ онъ мало прислушивался къ нимъ и въ рѣчи своей рѣдко простонародничалъ. Странное дѣло, и нельзя кстати здѣсь не замѣтить: рожденіемъ простолюдинъ и Холмогорецъ, Ломоносовъ, едва-ли изъ нашихъ писателей не наименѣе Русскій въ томъ значеніи, которое присвоиваемъ опредѣленію нашему. Даже Сумароковъ, который изо всей мочи подражалъ Французамъ и выдавалъ себя за прямаго питомца Расина и Вольтера, имѣлъ въ жилахъ своихъ болѣе Русской крови: онъ болѣе глядитъ Русскимъ, нежели Ломоносовъ. Этотъ Нѣмцевъ ненавидѣлъ, но умъ свой одѣлъ въ Нѣмецкое платье.

Въ Долгоруковѣ, можетъ быть, отыщешь еще болѣе кореннаго Русскаго языка, всѣмъ общедоступнаго, болѣе *руссицизма*, нежели у самаго Крылова. Но у Крылова эти *руссицизмы* очищеннѣе и въ самой простотѣ своей художественнѣе. Отъ Долгорукова художества не жди: онъ не родился художникомъ, художникомъ и не сдѣлался. Ему некогда было воспитывать дарованіе свое. Онъ самъ вамъ говоритъ:

Угоденъ, пусть меня читаютъ;
Противенъ, пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не ищу.

И это въ немъ не уловка смиренія. У него была своя публика, разукрашенная разными Глафирами, Парашами, Людмилами, Раидами и многими другими, которыя, всѣ вмѣстѣ и каждая въ свою очередь, одаряли поэта вдохновеніемъ. Въ предисловіи къ третьему изданію сочиненій своихъ онъ прямо говоритъ: „Первое изданіе моихъ стиховъ, вышедшее въ 1802 году и второе въ 1808-мъ, были посвящены женскому полу". И чистосердечно, и похвально! Критикѣ нечего тутъ совать свой носъ и перо свое. Это не по ея части.

Любопытно также и то, что̀, въ предисловіи своемъ, говоритъ онъ о новомъ изданіи сочиненій своихъ. „Я очень мало поправлялъ мои стихотворенія, и въ 3-мъ изданіи также много стараго вздору

оставилъ, какъ и въ прежнихъ двухъ, да еще и много новаго прибавилъ; потому что я въ стихахъ моихъ хотѣлъ сохранить всѣ оттѣнки чувствъ своихъ, видѣть въ нихъ, какъ на картинѣ, всю исторію моего сердца, его волненія, перемѣну въ образѣ мыслей". „Я ни одной бездѣлки, ни одного стиха не вымаралъ, потому что всякой напоминаетъ мнѣ какое-либо происшествіе, или мысль, или чувство, которое на меня дѣйствовало тогда и тогда".

Нѣтъ сомнѣнія, что въ изданныхъ четырехъ частяхъ Долгорукова не все изящный товаръ, а довольно есть и балласта. Читатели, конечно, не могутъ раздѣлить съ авторомъ пріятное чувство собственности, съ которымъ онъ, такъ сказать, любуется каждымъ стихомъ, напоминающимъ ему день, часъ, минуту протекшей жизни его. Но мы можемъ выбирать изъ жизни и сочиненій его то, въ чемъ способны сочувствовать ему, то что́ не исключительно личное и для насъ постороннее: съ нимъ во многомъ можно не только встрѣтиться, но и сойтись. Во всякомъ случаѣ, полагаемъ, что сокращенное, выборное, дешевое изданіе Долгорукова могло-бы найти читателей и сочувствіе между грамотными простолюдинами нашими. Простонародная литература наша очень бѣдна. Даже басни Крылова не совершенно общедоступное чтеніе. Не думаю, чтобы басня могла встрѣтить большой успѣхъ въ простомъ народѣ. Онъ такъ сжился, свыкся съ животною и прозябаемою натурою, что мудрено увлекаться ему художественнымъ воспроизведеніемъ этой натуры. Онъ знаетъ, что дубъ, заяцъ, лошадь не говорятъ, и не станетъ слушать ихъ рѣчей, когда со стороны заставятъ ихъ говорить. Воображеніе этихъ людей мало развито, мало изощрено. Имъ нужны не иносказанія, а сказанія простыя, живыя, слѣдовательно дѣйствительныя. Міръ басни заманчивъ и хорошъ для насъ, разрозненныхъ съ натурою. За отсутствіемъ настоящей, мы любуемся очерками ея въ художественныхъ картинахъ; насъ плѣняетъ простота въ хорошей баснѣ потому, что въ насъ самихъ простоты уже нѣтъ; попавъ нечаянно въ деревню, мы лакомимся ломтемъ оржанаго хлѣба и крынкою свѣжаго молока, потому что въ городѣ пресытились бѣлымъ хлѣбомъ и разными пряными приправами.

Вотъ разговорился я о Долгоруковомъ, какъ покойникъ о покойникѣ. Но для кого разговорился я? Кто знаетъ Долгорукова? Кто читаетъ его? Кому до него теперь дѣло? Правда, Пушкинъ еще зналъ наизустъ нѣсколько десятковъ стиховъ его; но едвали и Пушкинъ не смотритъ покойникомъ. Пока еще хорошо бальзимированнымъ покойникамъ, почетнымъ. Все это такъ, но все-же за живаго выдавать его нельзя. Посмотрите на живыхъ: они совсѣмъ другіе!

Вотъ видите-ли, я думаю, въ чемъ дѣло и отъ чего на Долгорукова нѣтъ нынѣ потребителей. Въ немъ вовсе нѣтъ *гражданскихъ мотивовъ*, скажутъ многіе. Не знаю, есть-ли такіе мотивы въ немъ и какъ-то худо понимаю сродство гражданскихъ мотивовъ съ поэзіею. Поэзія сама по себѣ, гражданство само по себѣ. На это есть у васъ журналы, газеты. Неуже-ли мало съ васъ? Но за неимѣні-

емъ гражданскихъ, въ Долгоруковѣ встрѣчаются человѣческіе мотивы. Въ нихъ звучитъ своя грудная, а не головная нота; напѣвы здѣсь не поддѣльные, не напускные; здѣсь слышится отголосокъ теплаго, любящаго чувства. Въ поэзіи нѣтъ ничего суше, противнѣе тенденціозности политической, соціальной, обличительно-полицейской, уголовно-карательной. Не уже ли весело вамъ видѣть рабочій вопросъ въ стихахъ? Долгорукова нельзя читать, языкъ его такъ устарѣлъ, говорятъ другіе.—Нѣтъ, устарѣлъ не языкъ: языки не старѣютъ. Старѣютъ, то есть видоизмѣняются, нѣкоторыя формы языка, выраженія, пріемы и оттѣнки, иногда къ лучшему, иногда къ худшему. Нынѣшнія формы естественнѣе, свободнѣе, развязнѣе, изящнѣе. Стихъ Жуковскаго и Пушкина побѣдилъ старый стихъ. Это неоспоримо. Но никого и не принуждаютъ держаться стараго почерка, когда усовершенствованная каллиграфія ввела новые образцы. Изъ того не слѣдуетъ, что не надобно читать и хорошее, когда писано оно старымъ почеркомъ, почеркомъ своего времени. Милости просимъ, пишите Пушкинскими стихами, если кто изъ васъ умѣетъ ими писать; но, что мы такіе за деспотическіе щеголи, что не только сами носимъ платье по самому новѣйшему покрою и повязываемъ шейный платокъ такимъ узломъ, что старинѣ и присниться-бы онъ не могъ, но не пускаемъ на глаза свои и несчастныхъ стариковъ, которые не одѣты, не приглажены и не причесаны какъ мы?

Это напоминаетъ гробовщика, который объявлялъ въ газетахъ, что онъ для желающихъ изготовляетъ гроба въ новѣйшемъ вкусѣ и совершенно новаго фасона.

*

Болѣзнь Батюшкова уже начинала развиваться. Онъ тогда жилъ въ Петербургѣ, лѣтомъ, на дачѣ близь Карповки. Пріѣзжій пріятель его, давно съ нимъ не видавшійся, посѣтилъ его. Онъ ему обрадовался и оказалъ ему ласковый и нѣжный пріемъ. Но вскорѣ болѣзненное и мрачное настроеніе пересилило минутное свѣтлое впечатлѣніе. Желая отвлечь его и пробудить, пріятель обратилъ разговоръ на поэзію и спросилъ его: не написалъ ли онъ чего новаго? „Чтó писать мнѣ и чтò говорить о стихахъ моихъ!“ отвѣчалъ онъ; я похожъ на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ онъ на головѣ красивый сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился въ дребезги. Поди, узнай теперь, чтó въ немъ было!“

*

ВѢСТИ ИЗЪ РОССІИ ВЪ АНГЛІЮ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову *).

1799-Й ГОДЪ.

Читатели помнятъ, что этотъ годъ составляетъ эпоху въ Русской и въ общеевропейской жизни. Это годъ Суворовскаго Итальянскаго похода, съ его безсмертною славою, которой потомъ не могла намъ простить Европа. Тогдашними событіями и отношеніями на долго опредѣлился дальнѣйшій ходъ всемірной исторіи. Графъ Ростопчинъ, находясь при императорѣ Павлѣ Петровичѣ во главѣ управленія политическими дѣлами, писалъ свои желчныя, рѣзкія, но полныя животрепещущаго интереса, письма къ человѣку, пользовавшемуся его особеннымъ уваженіемъ. Въ письменной бесѣдѣ съ графомъ Воронцовымъ графъ Ростопчинъ отводилъ себѣ душу. Поэтому эти письма принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ историческихъ показаній того времени. *П. Б.*

1.

16 Марта 1799. С. Петербургъ.

Здоровье князя-канцлера [1]) очень плохо. 12-го вечеромъ, съ нимъ былъ ударъ; память и языкъ ослабѣли чрезвычайно. Правая рука поражена. Больной понимаетъ вполнѣ свое положеніе и не обольщается вовсе. Онъ почти ничего не говоритъ, и когда убѣждается, что не въ силахъ вспомнить о чемъ нибудь, слезы видны въ глазахъ его. Стараются доставить ему всевозможное спокойствіе. Онъ отчаевается даже, въ состояніи ли будетъ ѣхать на воды. Доктора, Блокъ и Крузе, опасаются вторичнаго удара. Вчера и сегодня ему получше: онъ довольно хорошо спалъ, тверже на ногахъ и неровными шагами съ полчаса прохаживается по комнатѣ. Мысль о кончинѣ не покидаетъ его; онъ глядится въ зеркало и трогаетъ себѣ ротъ рукою, желая убѣдиться, не перекосило ли его. Вице-канцлеръ [2]) хочетъ провожать своего дядю.

Графъ Ростопчинъ объявилъ Императору, что если его повысятъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, то онъ почтетъ это за наказаніе. Онъ сознаётъ свою неспособность къ управленію и вовсе не думаетъ быть вице-канцлеромъ. Онъ желаетъ, чтобы пріѣхалъ графъ Семенъ; а если не онъ, то графъ Александръ [3]).

---

*) См. выше стр. 81.

[1]) Т. е. князя Безбородки († 6 Апрѣля 1799), бывшаго другомъ графа С. Р. Воронцова еще съ молодыхъ лѣтъ: они служили вмѣстѣ при графѣ Румянцевѣ въ первую Турецкую войну. Кончина кн. Безбородки, управлявшаго нашими иностранными дѣлами почти цѣлую четверть вѣка, была важнымъ событіемъ.

[2]) В. П. Кочубей.

[3]) Т. е. Воронцовы. Первый не согласился принять эту должность и отвѣчалъ отказомъ на предложеніе, сдѣланное ему Государемъ. Второму и не предлагали, такъ какъ Павелъ Петровичъ почему-то не любилъ его.

2.

6 Апрѣля 1799, въ 9 часовъ утра.

Другъ вашъ приближается къ концу своей жизни. Надежды нѣтъ. Третьяго дня былъ ударъ. Чувства нѣтъ, единое остается дыханіе. Богъ съ нимъ! Добрыя его дѣла превосходятъ слабости, отъ добраго же сердца проистекшія. Люди всѣ въ слезахъ. Россія будетъ имъ гордиться; но онъ ея не любилъ, яко сынъ любитъ мать.

Кочубей третьяго дня пожалованъ въ Россійскіе графы.

Я къ вамъ болѣе писать ничего не могу. Я любилъ князя, привыкъ видѣть его главой дѣлъ, и теперь вижу лишь преждевременный конецъ его. Жалѣю и жалѣть буду, что онъ подозрѣвать меня могъ быть ослѣпленнымъ счастіемъ и алчностью—играть важнѣйшую роль. Богъ съ нимъ! Я не извергъ и все что̀ онъ дѣлалъ и хотѣлъ для меня сдѣлать, забыто не будетъ никогда.

3.

18 Апрѣля 1799 г. С.-Петербургъ.

Англійскій курьеръ привезъ мнѣ ваши письма. Я съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю, какой отвѣтъ вы дадите на приглашеніе Государя [4]). Нужно предупредить васъ объ одномъ обстоятельствѣ, которое обнаружится по отъѣздѣ вашего курьера, но можетъ успокоить васъ, въ случаѣ, если вы отклоните предложеніе прибыть сюда: а именно, Государь Императоръ ожидаетъ вашего отказа. И такъ, онъ заранѣе мало расчитываетъ на ваше согласіе. Между тѣмъ, Богъ знаетъ, какъ это все устроится. По смерти князя Безбородки, Кочубей, отчасти вслѣдствіе непріятностей, встрѣчаемыхъ въ исправленіи своей должности, отчасти вслѣдствіе Государева личнаго предубѣжденія противъ него, и лишившись поддержки дяди, рѣшился оставить службу. Онъ уже сказалъ объ этомъ генералъ-прокурору князю Лопухину, и его просьба, черезъ нѣсколько недѣль, будетъ доложена Императору. Кандидатовъ много на должности канцлера и вице-канцлера, но еще ничего не рѣшено. Они, большею частью, извѣстны какъ творенія Императрицы, и едва-ли будутъ имѣть успѣхъ. Таковы Репнинъ, Куракинъ, Румянцовъ Николай и Сиверсъ. Вы знаете всѣхъ этихъ господъ. Первый, какое-бы мѣсто онъ ни занималъ, достоинъ играть главную роль въ передних и ползать, вмѣсто того чтобы ходить прямо. Второй—такой болванъ, что слѣдовало бы ему быть Нѣмецкимъ принцемъ, изгнаннымъ изъ своихъ владѣній, или-же идоломъ у дикарей. Третій—безхарактерный, тщеславный, неспособный и Французъ въ душѣ, можетъ только быть придворнымъ бревномъ и болтать вздоръ съ утра до вечера. Четвертый почти впалъ въ старческое слабоуміе; я думаю, что онъ имѣлъ нѣкоторыя достоинства, но теперь ни на что̀ не годенъ [5]). Графъ, вашъ братъ,—вотъ че-

[4]) Т. е. приглашеніе заступить мѣсто князя Безбородки въ управленіи иностранными дѣлами.

[5]) Говорится про извѣстнаго, въ то время престарѣлаго, графа Якова Ефимовича Сиверса. Конечно только одинъ этотъ отзывъ имѣетъ въ себѣ нѣкоторую долю правды.

ловѣкъ, котораго слѣдуетъ призвать; но Государь очень предубѣжденъ противъ него. Марковъ имѣетъ дарованія, но Государь его терпѣть не можетъ.

Сказавши вамъ все это, не знаю, что̀ еще сообщить. Увидимъ впослѣдствіи. Я очень доволенъ однимъ обстоятельствомъ, а именно тѣмъ, что не предстоитъ мнѣ никакого перемѣщенія или опредѣленія на должность, повидимому, высшую. Въ городѣ думали и думаютъ еще до сихъ поръ, что я добиваюсь сдѣлаться канцлеромъ. Но я убѣжденъ, что даже черезъ десять лѣтъ я не былъ бы въ состояніи принять на себя главное завѣдываніе дѣлами, и не на столько я безуменъ, чтобы стать во главѣ ихъ въ настоящее время. Должность вице-канцлера, коль скоро будетъ канцлеръ и секретарь, или кто-либо для докладовъ Государю, останется должностью ничтожною и непріятною по отношеніямъ къ иностраннымъ министрамъ: тутъ приходится тратить время для того только, чтобы ставить себя въ неловкое положеніе и выносить ихъ нелѣпыя притязанія. Я получилъ удостовѣреніе отъ Государя, что останусь, какъ былъ, и теперь я спокоенъ [6]).

Вы будете горевать о князѣ Безбородкѣ. Онъ васъ любилъ и былъ къ вамъ привязанъ. Вы тоже любили его, потому что цѣнили его умъ и сердце; но вы потеряли его изъ виду. Вотъ моя исторія съ нимъ. Передаю ее единственно вамъ. Вы повѣрили мнѣ вашу [7]), которую я отослалъ обратно съ курьеромъ. Прочтите мое письмо и бросьте его въ огонь. Судите меня строго. Я увижу по тону вашихъ писемъ, находите ли вы меня виновнымъ, или продолжаете считать благороднымъ человѣкомъ, какимъ я былъ и буду во всю мою жизнь.

По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, я рѣдко видѣлъ графа Безбородку. Онъ жилъ съ своими пріятелями, дѣвками и разною сволочью. Онъ вспомнилъ, что вы поручали меня его благоволенію. Самойловъ просилъ обо мнѣ. Онъ далъ мнѣ занятія на конгрессѣ [8]), вмѣсто Самойлова. Онъ послалъ меня курьеромъ въ Петербургъ. Онъ писалъ къ Зубову, но изъ этого ничего не выходило. Самойловъ пріѣхалъ, сталъ хлопотать, и я былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры. Я хранилъ чувство благодарности къ графу Безбородкѣ. Однакоже, въ исторіи моего изгнанія, при покойной Государынѣ, онъ оставилъ меня безъ поддержки. Впрочемъ тутъ онъ не могъ ничего сдѣлать. Возвратившись изъ ссылки и удостоившись довѣрія Государя (тогда великаго князя), я съ прискорбіемъ замѣтилъ, что Государь ненавидитъ графа, предубѣжденный противъ него многими изъ своихъ приближенныхъ. Онъ до такой степени былъ во-

---

[6]) Ростопчинъ сталъ во главѣ управленія иностранными дѣлами только 25 Сентября этого 1799 года, когда его назначили первоприсутствующимъ въ Иностранной Коллегіи; до того времени (съ 24 Октября 1798) онъ былъ только „третьимъ присутствующимъ“.

[7]) Т. е. автобіографію графа Воронцова, напечатанную въ 1-й книгѣ Р. Архива 1876.

[8]) Въ Яссахъ.

оруженъ противъ Безбородки, что я часто страшился послѣдствій, которыя могли бы оказаться по восшествіи на престолъ. Въ продолженіи 18-ти мѣсяцевъ я боролся противъ этого предубѣжденія. Я упросилъ Государя присутствовать на праздникѣ, который былъ данъ Безбородкою Императрицѣ, въ бытность здѣсь короля Шведскаго. Тутъ произошло примиреніе между хозяиномъ дома и великимъ княземъ. При самомъ восшествіи на престолъ, когда Императрица лежала въ предсмертныхъ мукахъ, графъ Безбородко взялъ меня за руки и умолялъ, заливаясь слезами, выхлопотать ему отпускъ, такъ какъ ему ничего не надо при 220,000 р. доходу. Онъ ожидалъ опалы, или чего нибудь худшаго. Я успокоилъ его. Вы знаете, что̀ онъ получилъ въ коронацію. Государь совѣтовался со мною, чѣмъ наградить его за подарокъ дома [9]). Мнѣ пришла мысль о княжескомъ достоинствѣ, и Государь благодарилъ меня. Итакъ, съ 6 Ноября по 5 Апрѣля, Безбородко получилъ 16,000 душъ, приносившихъ ему 180.000 р. годоваго дохода, 80.000 десятинъ земли, стоющихъ покрайней мѣрѣ 800.000 р. (такъ какъ треть оныхъ состоитъ въ лѣсахъ Воронежской губерніи); портретъ Государя, первый и единственный доселѣ пожалованный; мать его сдѣлана статсъ-дамой и получила орденъ Св. Екатерины большаго креста. Наконецъ даны повышенія и награды всѣмъ его родственникамъ и приближеннымъ, которые всѣ остались при немъ, не смотря на происки Куракиныхъ, домогавшихся удалить его и замѣстить княземъ Репнинымъ. Меня заставили выдти въ отставку [10]). Онъ высказалъ холодность, неискренность и заочно осуждалъ мои дѣйствія, говоря: *Онъ самъ виноватъ. Какъ могъ онъ не дѣлать того, что̀ дѣлаютъ всѣ, и не кадить Государю и другу его, Нелидовой?* Я возвратился. Государь былъ возбужденъ противъ него. Я старался все уладить. Князь очень сердился на маленькаго плута Обрѣзкова. О его дѣйствіяхъ доложено было Государю, но вмѣсто того, чтобъ наказать плута, бравшаго взятки и котораго, по буквѣ закона, можно было посадить въ крѣпость, его произвели въ сенаторы, дали ему 2000 рублей, и какъ никто лучше князя не умѣлъ пользоваться минутой, то онъ доставилъ мѣсто и повышеніе Кочубею, что̀ не стоило большаго труда: потому что Государь заботился, какъ бы загладить непріятность, которую мнѣ сдѣлали весною. Онъ вызвалъ Пестеля, чтобъ дать ему назначеніе въ Москвѣ. Государь, недовольный тѣмъ, что впродолженіи пяти дней Безбородко не доставлялъ ему бумагъ, прогнѣвался и наназначилъ Пестеля здѣшнимъ почтдиректоромъ вмѣсто Беклешова. Тогда князь вообразилъ, что я покровительствовалъ этому плуту и въ раздраженіи выразился: *этого бы и Обрѣзковъ со мною не сдѣлалъ.* Это меня очень огорчило. Я написалъ вамъ о томъ тог-

---

[9]) Графъ Безбородко подарилъ Государю свой Московскій домъ въ Нѣмецкой Слободѣ.

[10]) Кратковременная отставка графа Ростопчина относится къ Маю мѣсяцу 1798 года; 24 Августа этого года онъ снова занялъ прежнее положеніе при императорѣ Павлѣ, а 22 Февраля 1799 пожалованъ графомъ Россійской имперіи.

да-же [11]). Но я ссылаюсь на Кочубея, измѣнилъ ли я хотя въ чемъ нибудь мои отношенія къ его дядѣ.

Вотъ все, что́ происходило между нами; и вотъ причины, побудившія меня перемѣнить мнѣніе о человѣкѣ, къ которому я чувствовалъ уваженіе и признательность. Я встрѣтилъ въ немъ ненасытную страсть къ наживѣ и пріобрѣтенію. Онъ не брезгалъ никакимъ добромъ. Онъ набралъ картинъ и бронзъ отъ мошенника Вута, пріѣхавшаго разорять нашу страну своими проектами, которыхъ достойнымъ образчикомъ служитъ послѣдній банкъ. Князь получалъ всѣ припасы для своего дома отъ раскольниковъ, которыхъ обнадеживалъ въ своемъ покровительствѣ. Онъ выписывалъ множество запрещенныхъ товаровъ, не платя никакихъ пошлинъ и раздѣляя барыши пополамъ съ Соймоновымъ, человѣкомъ достойнымъ висѣлицы. Онъ промѣнялъ бы всю Россію за какой нибудь бриллiантъ. Наконецъ всѣ эти налоги, которые возбудили такой сильный ропотъ въ народѣ и нисколько не уменьшили государственныхъ долговъ, придуманы имъ, а у него одинъ эполетъ сто́илъ 50.000 рублей! Судите и произнесите приговоръ.

19-го Апрѣля.

Я вполнѣ раздѣляю ваше негодованіе на поступки Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ. Хорошо еще, что сей послѣдній высказался въ пользу нейтралитета. Но ужасно, что оба эти государя словно печати или клéйма, налагаемыя на бумагу. Приходится имѣть дѣло то съ Тугутомъ или Гаугвицемъ, то съ танцовщицами, любимцами, любовницами и всякими перелетными птицами. Сожалѣю, что Грабенъ, отчасти по миролюбивому настроенію, отчасти по глупости, не донесъ, какимъ образомъ потребовали отъ него ультиматума: ибо это могло бы произвести нѣчто больше, чѣмъ развитіе оборонительной системы. Успѣхи Австрiйцевъ меня очень радуютъ, какъ въ виду пользы для общаго дѣла, такъ и по соревнованію, которое они возбудятъ между союзными войсками. Я опасаюсь, не возникло бы низкой зависти, которая губительна, мѣшая другимъ дѣйствовать на благо.—Слѣдуетъ, по истинѣ, простить Шведамъ и Датчанамъ ихъ мелкія глупости, чтобъ не сказать плутни. Эти страны такъ бѣдны! Согласно желанію Шведскаго короля, хотѣли приступить къ исправленію границъ, постоянно спорныхъ со времени заключенія мира въ Або; но генералъ Клингспоръ, комисаръ со стороны Шведскаго короля, придалъ важность этому дѣлу. Нашъ уполномоченный Кутузовъ возбудилъ затрудненія, и дѣло не состоялось. Рѣшили оставить его впредъ до новаго приглашенія.—Вы получите съ ближайшимъ курьеромъ отвѣтъ на все, о чемъ вы и кавалеръ Витвортъ спрашивали. Но сообщаю вамъ теперь же свѣдѣнія.

Корпусъ Нумсена, вышедшаго въ отставку, ввѣренъ генералъ-лейтенанту Корсакову, котораго вы знаете. Онъ идетъ въ Швейцарію. Я сейчасъ докончилъ инструкцію ему и съ первымъ курьеромъ пришлю вамъ копію.

---

[11]) Письмо это нами не найдено.

Мы предоставили себѣ условиться о денежномъ вспомоществованіи за отправку другаго корпуса войскъ противъ Французовъ. Мы должны поставить сильный отрядъ на границахъ Пруссіи, особенно послѣ недавняго нашего объявленія ей, съ котораго прилагаю при семъ копію.

Для Гамбурга ничего нельзя сдѣлать. Какимъ образомъ и чрезъ кого послать туда отъ 4-хъ до 5 тысячь человѣкъ, на жертву всякихъ случайностей? Если король Прусскій хочетъ поставить тамъ гарнизонъ, то кто можетъ помѣшать ему, особенно теперь, когда онъ заручился гарантіей всей сѣверной Германіи? Англичанамъ предоставлена неограниченная свобода дѣйствій.

Ханыковъ получилъ позволеніе принять шпагу. Государь возвращаетъ корабль Леандръ, взятый въ Корфу. Тамарѣ пишутъ, чтобы Порта на это согласилась, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія. Онъ недавно писалъ, что отправка Албанцевъ въ Италію продолжается безостановочно, и что набираютъ ихъ.

Полагаютъ, что обстоятельства, и въ особенности успѣхи противъ общаго врага, сблизятъ дворы Вѣнскій и Лондонскій. Необходимость нерѣдко связывала честнаго человѣка съ мошенникомъ. Таковъ и настоящій случай.

Но спѣшу дать вамъ отчетъ о дѣйствіи вашего письма, присланнаго съ курьеромъ Винтомъ, который прибылъ три часа тому назадъ. Государь не былъ удивленъ вашимъ отказомъ, котораго ожидалъ, слышавши о вашей болѣзни. Онъ поручилъ мнѣ написать письмо, которое получите съ первымъ курьеромъ отъ Витворта, и сказать: *что намѣреніемъ его, вызывая васъ сюда, было поставить васъ во главѣ дѣлъ, для ихъ преуспѣянія; но коль скоро пребываніе здѣсь можетъ вамъ повредить, то онъ отказывается отъ надежды имѣть васъ при себѣ и предпочитаетъ, чтобъ вы оставались въ Лондонѣ, продолжая завѣдывать тѣми дѣлами, которыя ведете съ такимъ отличіемъ.* Вотъ угасъ для меня послѣдній лучь надежды обнять васъ, видѣть, слушать и подражать вамъ. Но вы здѣсь были бы несчастливы. Живите между Англичанами. Вамъ не нужно жить между Русскими, чтобъ любить и служить имъ. Еслибъ у Государя былъ другой, какъ вы, то онъ избѣгнулъ бы многихъ золъ. Цари, по истинѣ, несчастливы. У нихъ такъ много подданныхъ, но они такъ рѣдко избираютъ добрыхъ и, вмѣсто друзей, оказываются возлѣ нихъ только люди неблагодарные.

Я забылъ сказать вамъ, что васъ благодарятъ за мысль послать уполномоченнаго въ Америку и за готовность устроить это посольство. Узнайте, не желаетъ ли г. Лизакевичъ принять это назначеніе. Въ случаѣ его отказа, можно послать Форсмана, съ чиномъ статскаго совѣтника и званіемъ министра-резидента 3-го разряда. Въ Понедѣльникъ ѣдутъ въ Павловскъ, то-есть 25-го числа. 24-го будетъ обрученіе великой княжны Елены. Принцъ—человѣкъ жеманный, въ сущности простоватый и невѣжественный, но добрый малый.—Забылъ сказать, что бывшіе при князѣ Безбородкѣ получили повышеніе. Пишу съ эстафетою на имя моего отца, черезъ Москву, къ вашему брату, чтобъ извѣстить его о дѣйствіи вашего письма.

4.

27 Апрѣля 1799. С.Петербургъ.

Завтра утромъ уѣзжаютъ въ Павловскъ, и я пишу вамъ эти строки передъ тѣмъ какъ ложиться спать, освободившись на короткое время отъ текущихъ дѣлъ и хлопотъ по случаю отъѣзда. Ка́къ былъ бы я несчастливъ, еслибъ пришлось надолго разстаться съ женою и дѣтьми! Вы увидите по письму Государя, Императора какимъ образомъ онъ принялъ вашъ *вѣжливый отказъ*. Онъ спросилъ меня, отправилъ ли я курьера: *ибо*, продолжалъ Государь, говоря о васъ, *можетъ случиться, что онъ начнетъ готовиться къ перемѣщенію; и такъ лучше будетъ, если онъ какъ можно скорѣе узнаетъ, что я желаю удержать его въ Англіи и что онъ тамъ остается.*

Я сообщилъ и письмо ваше, и данный вамъ отвѣтъ на оное графу Завадовскому, и онъ написалъ обо всемъ этомъ вашему брату, который былъ увѣдомленъ эстафетою, посланною мною въ тотъ-же день. То былъ день моихъ имянинъ, и Государь, въ видѣ подарка мнѣ, произвелъ моего отца въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ кавалеры ордена Св. Анны 1-ой степени.—Очень прискорбно извѣстіе объ отставкѣ эрцгерцога Карла. Болѣзнь заставляетъ его возвратиться въ Вѣну; вы знаете, вѣроятно, что онъ страдаетъ падучею болѣзнью. Это очень важная потеря, особенно въ настоящее время, когда такъ много ожидали отъ него. Эрцгерцогъ Іосифъ получаетъ послѣ него главное начальство надъ войсками, а фельдмаршалъ Суворовъ командуетъ одинъ всею Италійскою арміею. Его приняли съ отмѣннымъ восторгомъ; а что̀ всего лучше—это радость жителей по поводу возвращенія Австрійцевъ. Принимаются за осаду Пескіеры. Что́ касается Мантуи, то о ней нельзя думать безъ содроганія: тутъ словно столица смерти. Получено утвержденіе брачнаго договора великой княжны Александры съ эрцгерцогомъ Іосифомъ. Обрученіе великой княжны Елены, отложенное по причинѣ бывшаго съ нею лихорадочнаго припадка, послѣдуетъ въ Павловскѣ, черезъ недѣлю. Я сегодня задалъ себѣ праздникъ, побывавши у Кобенцеля по его просьбѣ. Я упомянулъ ему о его переговорахъ съ Бонапартомъ, и повѣрите ли, что этотъ старый плутъ и лгунъ разсыпался въ увѣреніяхъ, какъ ему противно было переговаривать *съ этимъ мерзавцемъ* и какой ужасъ внушаютъ ему коммисары республики, а между тѣмъ онъ былъ въ тѣсной связи съ Жанъ-де-Бри, вербовавшимъ цѣлый легіонъ цареубійцъ, и давалъ балъ г-жѣ Бонапартъ въ годовщину смерти королевы. Онъ сказалъ мнѣ, что Французы требовали отъ него и думали добиться уступки всей имперіи. „Но вы доказали имъ противное", сказалъ я, „уступивши имъ только часть"? Онъ разразился хохотомъ и успокоился [12]).

---

[12]) Это относится къ извѣстнымъ переговорамъ о мирѣ въ Кампоформіо, когда Бонапартъ, тогдашній побѣдитель въ Италіи, въ бесѣдѣ съ Кобенцелемъ, разбилъ

Государь съ этимъ курьеромъ написалъ Муравьеву[13]), что онъ возобновитъ свое покровительство городу Гамбургу, коль скоро Сенатъ прогонитъ отъ себя клубъ, называемый Филантропическимъ Обществомъ и выдастъ Англійскому министерству задержанныхъ Ирландцевъ, въ числѣ коихъ находится Напперъ-Танди [14]).

5.

10 Мая 1799. Павловское.

Напишу вамъ немного, потому что боленъ; но такъ какъ я терпѣть не могу оставаться въ постелѣ, то, по обыкновенію, каждое утро выхожу изъ моего уединенія, въ которомъ протекаютъ остальные часы моего дня. У насъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ этой вѣсти объ убіеніи Французскихъ уполномоченныхъ [15]). Событіе крайне несчастное, потому что правители Франціи могутъ имъ воспользоваться, чтобы воспалить умы и вновь возбудить ненависть къ союзникамъ. Ваше порученіе или вѣрнѣе ваше приказаніе относительно Чичагова исполнено. Онъ опять принятъ въ службу контръ-адмираломъ, что̀ ему слѣдовало по старшинству, и опредѣленъ въ эскадру Макарова. Онъ поѣдетъ къ вамъ, женится и потомъ предастъ себя смерти: все очень естественно. Графъ Кушелевъ всячески хлопоталъ, чтобы исполнить ваши желанія; признается, что Чичаговъ—офицеръ великихъ достоинствъ, только держитъ себя съ нѣкоторою гордостью, и служитъ какъ сынъ адмирала. Опасенія ваши на счетъ поѣздки сюда должны теперь вполнѣ миновать, и вы уже видѣли по моимъ письмамъ, что я вовсе не зналъ о письмѣ, которое Государь написалъ къ вамъ.

6.

21 Мая 1799. Павловское.

Въ одномъ изъ трехъ послѣднихъ писемъ, полученныхъ мною отъ васъ, прочиталъ я упрекъ, который мною не заслуженъ; онъ касается амбарго, наложеннаго на Гамбургскія суда. Эта мѣра принята по внушенію вице-президента Кушелева, и я узналъ о ней лишь нѣсколько дней спустя. Въ настоящую минуту вамъ уже извѣстно все что̀ произошло по этому поводу, и я нисколько не сомнѣваюсь, что городъ Гамбургъ, для свободы торговли своей, согласится на требованія императора и Англійскаго короля. Вы увидите изъ отвѣта, посланнаго къ вамъ по этому дѣлу, что было нѣкоторое неудовольствіе; но увѣряю васъ, что оно прошло. Что́

въ дребезги фарфоровый сервизъ, грозя, что такъ разобьетъ и Австрійскую монархію, послѣ чего Кобенцель уступилъ во всемъ. Конечно, Бонапартъ не требовалъ, чтобъ ему уступили всю имперію; но эта черта рисуетъ Кобенцеля и Австрійскую политику, состоявшую въ пожертвованіи имперскими землями для сохраненія наслѣдственныхъ.

[13]) Ивану Матвѣевичу Муравьеву-Апостолу.

[14]) Ирландецъ, дѣйствовавшій для освобожденія своей земли отъ Англіи.

[15]) На Раштадскомъ конгрессѣ.

касается положенія дѣлъ на материкѣ, то вы не удивитесь, узнавъ, что баронъ Тугутъ мѣшается въ составленіе военнопоходныхъ плановъ. Онъ просилъ черезъ добрѣйшаго Луи Кобенцеля, чтобъ корпусъ генерала Корсакова, состоящій на иждивеніи Англіи, вмѣсто похода въ Швейцарію, направился на нижній Рейнъ и занялся осадою Филипсбурга, Эренбрейтштейна, Майнца и пр. Но это не удалось, потому что въ вопросѣ о назначеніи арміи всегда будутъ предпочтительно слѣдовать совѣтамъ той державы, на чей счетъ она содержится, и въ этихъ предложеніяхъ Австрійскаго министра не трудно распознать замышляемое разграниченіе между войсками его націи и войсками ея союзниковъ, которымъ онъ желаетъ предоставить труднѣйшую задачу. Тугутъ даже привелъ весьма нелѣпый доводъ въ пользу крайней необходимости занять Швейцарію Австрійскими войсками, ссылаясь на тождество языка, какъ будто бы необходимо говорить понѣмецки, чтобъ возстановить Французскаго короля на престолъ, и въ особенности чтобъ проникнуть въ Ліонскую область для похода на Парижъ.

Въ Италіи баронъ Тугутъ недоволенъ тѣмъ, что графъ Суворовъ не беретъ приступомъ Мантуи, Тортоны, Александріи и пр. Онъ знаетъ, что наши солдаты идутъ на приступъ какъ на катанье съ горъ во время масляницы; но за чѣмъ же губить ихъ тысячами? Война ведется съ блестящимъ успѣхомъ въ этой странѣ, и вы увидите изъ прилагаемой реляціи графа Суворова, что Французы дерутся плохо. О томъ свидѣтельствуютъ генералъ Серрюрье и взятіе Пескіеры, о которомъ тоже прилагаю реляцію: доказательство, что они защищаются еще хуже. Но пока Піемонтъ въ ихъ рукахъ съ крѣпостями, и Мантуа занята Французскимъ гарнизономъ, успѣхъ кампаніи нельзя считать рѣшительнымъ. Посмотрите еще, какія подлости творятъ съ этимъ бѣднымъ эрцгерцогомъ Карломъ. Конечно, если размыслить обо всемъ, то въ глубинѣ сердца убѣждаешься, что Французы ничего не сдѣлали кромѣ глупостей, и великими подвигами своими обязаны лишь развращенію нравовъ, безбожію, неспособности министровъ и ничтожеству многихъ Европейскихъ государей.

Почти рѣшено, что Прусскій король просидитъ у окна и будетъ глядѣть, что́ происходитъ на улицѣ. Всячески старались вывести его изъ этого оцѣпенѣнія, но тщетно. Другой сталъ бы, по крайней мѣрѣ, вооружаться у себя; но онъ не даетъ себѣ даже этого труда, и теперь пусть онъ лучше остается спокойнымъ и не мѣшаетъ другимъ дѣйствовать: ибо, если его затронутъ, онъ можетъ найти себя вынужденнымъ броситься въ объятія Франціи и сдѣлается очень опаснымъ врагомъ, особенно для насъ.

По прибытіи генерала Стамфорда займутся проектомъ завоеванія Голландіи съ 20.000 нашихъ войскъ. Государь велѣлъ устроить совѣщанія между вице-канцлеромъ, адмираломъ Кушелевымъ и кавалеромъ Витвортомъ. Мнѣ кажется, что эта экспедиція едва-ли состоится въ настоящемъ году, ибо войска не могутъ быть доставлены въ Голштинію ранѣе послѣднихъ чиселъ Августа. И то еще

нужно имѣть увѣренность въ успѣхѣ тотчасъ по прибытіи въ Голландію. Иначе, эти войска должны будутъ отступить обратно къ Гамбургу и оттуда переправиться въ Англію на зимовку. Я съ удивленіемъ узналъ, какъ малоопытны Англичане въ употребленіи судовъ гребной флотиліи. Они хотѣли, чтобъ эти 20.000 войска переправлялись открытымъ моремъ на галерахъ и канонирскихъ лодкахъ, тогда какъ подобныя суда не могутъ удаляться отъ береговъ безъ крайней опасности.

По просьбѣ кавалера Витворта, приказано адмиралу Ушакову отдѣлить отъ своей эскадры два фрегата для присоединенія къ эскадрѣ коммодора Сидней-Смита, противъ Бонапарта. Визирь отправленъ съ войсками противъ сего послѣдняго, и я надѣюсь, что, съ помощью генерала Келлера, эта экспедиція будетъ удачна. Но какое мнѣніе можно имѣть о силахъ Оттоманскихъ, коль скоро эта высокая Порта снаряжаетъ 200 тысячь человѣкъ для сраженія съ 8 тысячами? Извѣщаю васъ, что дозволенъ вывозъ хлѣба изъ нашихъ портовъ, чѣмъ избавится часть Швеціи и Норвегіи отъ голодной смерти. Вывозъ лѣса за границу также разрѣшенъ, но только всякій разъ по прошеніямъ, представляемымъ на усмотрѣніе Государя. Вамъ сообщатъ проектъ господина Ла-Мезонфà. Кажется, это предпріятіе одно изъ лучшихъ, ибо оно просто, и Баррасъ, отдавъ въ распоряженіе короля письмо своей руки, рискуетъ головой въ случаѣ неуспѣха. Очень естественно, что этотъ Французъ помышляетъ о перемѣнѣ настоящаго Французскаго правительства, главнымъ образомъ потому, что оно ему надоѣло, что онъ можетъ обогатиться и прослыть человѣкомъ, менѣе вреднымъ, чѣмъ прочіе злодѣи. Государь имѣетъ въ виду поддержать этотъ планъ военными дѣйствіями Корсакова, отправить короля съ самою малою свитою, инкогнито, и провести его во Францію черезъ Швейцарію, если все удастся, чтò болѣе чѣмъ сомнительно. Самое лучшее въ замышляемомъ переворотѣ есть то, что никто ничѣмъ не рискуетъ, и что если продѣлка не увѣнчается успѣхомъ, то единственною жертвою будетъ негодяй Баррасъ.

Я живу совершенно какъ въ деревнѣ. Я даже не обѣдаю болѣе при дворѣ. Не люблю тамошняго воздуха, и еслибъ каждый слѣдовалъ моему примѣру, то дѣлà велись бы лучше: правительственныя лица менѣе предавались бы интригамъ, и можно было бы жить болѣе спокойно и, слѣдовательно, болѣе счастливо.

18-го числа великая княгиня [16]) родила дочь, которая наречена Маріей. Мать здорова, и дитя тоже. Это взволновало всю челядь, ибо ко всему прицѣпляются, и каждый хочетъ схватить чтò-нибудь. Но я хочу, чтобъ меня оставили въ покоѣ у себя и не могу этого добиться. Требуютъ, чтобы я ползалъ, а я ходилъ, хожу и всегда буду ходить прямо. Сплю хорошо, ни въ чемъ себя не упрекая. У меня есть очень удобный домъ въ деревнѣ, и я презираю все остальное. Теперь несомнѣнно, что графъ Кочубей ничего не получитъ изъ наслѣдства своего дяди.

---

[16]) Елисавета Алексѣевна.

7.

2 Іюня 1799 г. Павловское.

Пишу къ вамъ съ курьеромъ, который поѣдетъ сухимъ путемъ, а копія съ этого письма отправится моремъ, чтобы вамъ знать о предметѣ этого сообщенія. Капитанъ Пофамъ, пробывшій сюда самымъ необычайнымъ способомъ (онъ совершилъ въ 6 дней весь переѣздъ отъ Лондона до Кронштата) былъ представленъ сегодня Государю. Онъ имѣлъ съ нимъ совѣщаніе, длившееся часъ съ четвертью, обѣдалъ у Государя и долженъ опять явиться послѣ завтра. Вамъ извѣстна цѣль его миссіи; вотъ ея результаты. Государь даетъ 17.000 человѣкъ войска, взятыхъ изъ Лифляндскаго корпуса. Эти войска будутъ посажены на суда въ Либавѣ и въ Ригѣ. Транспорты будутъ отъ Англіи и на ея расходахъ. Англія же должна довольствовать эти войска содержаніемъ во время переправы и доколѣ отрядъ будетъ состоять въ распоряженіи и на жалованіи Англіи. Въ случаѣ, если-бы экспедиція въ Голландію не могла состояться, войска будутъ перевезены въ Англію на зимовку и для обратнаго доставленія въ Россію, или же вновь употреблены въ дѣло, смотря по обстоятельствамъ. Генералъ Германъ будетъ командовать этимъ корпусомъ. Онъ ученикъ Бауера, человѣкъ съ дарованіями. Отправка войскъ назначена на 1-е Августа.

Король Шведскій, по собственному побужденію, предложилъ отрядъ изъ 8000 человѣкъ для военныхъ дѣйствій противъ Французовъ, и флотъ изъ 8 кораблей и 4 фрегатовъ. Онъ просилъ Государя выхлопотать ему субсидій отъ Англіи. Къ нему отправили курьера съ предложеніемъ отдать эти 8000 чел. для экспедиціи въ Голландію. Если онъ согласится, то ихъ посадятъ на суда въ Готенбургѣ, и это съ нашими составитъ 25.000. Если же не согласится, то 17.000 Русскихъ отправятся одни; на худой конецъ, это займетъ силы Французовъ и озаботитъ ихъ. Тогда Прусскій король предприметъ что́-нибудь съ своей стороны, ибо тутъ ему нечего будетъ терять, а напротивъ онъ много можетъ выиграть. Если король Шведскій выскажется въ пользу коалиціи, то и Датскій къ ней присоединится. По моему мнѣнію, эта экспедиція, которая ни въ чемъ не препятствуетъ видамъ императора, можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Дай Богъ, чтобы счастье сопутствовало нашимъ доблестнымъ солдатамъ [17])!

Вѣнскій дворъ, непонятный и надѣвающій на себя маску, выкинулъ еще новую фарсу: онъ позволяетъ жить въ Тріестѣ Гомпешу, этой тѣни великаго магистра. Тамъ у него дворъ и посылка депутатовъ. Скажу вамъ, что Баварскій курфирстъ угомонился, и въ Вѣну отправленъ курьеръ, чтобы уладить все это дѣло. Не знаю, доволенъ ли будетъ баронъ Тугутъ этимъ умиротвореніемъ: ему хотѣлось, чтобы дали ему возможность поступить съ Баваріею, какъ

---

[17]) Патріотическое желаніе гр. Ростопчина, какъ извѣстно, не оправдалось, по бездарности герцога Іоркскаго, начальника войскъ отъ Англіи, и Голландская экспедиція кончилась побѣдой Французовъ, подъ начальствомъ генерала Брюна,

они поступили съ Венеціею.—Графъ Кобенцель очень боленъ; онъ въ ужасномъ состояніи: слабъ, покрытъ ранами и убитъ духомъ. Доктора думаютъ, что ему не поправиться.

Въ день крестинъ были милости: Левашовъ получилъ голубую ленту; графъ Головинъ, Толстой и сенаторъ Ржевскій—Александровскую; инымъ досталась св. Анна. Графинѣ Шуваловой дали большой Екатерининскій крестъ; Загряжской, Нарышкиной Марьѣ Алексѣевнѣ, Тизенгаузенъ и баронессѣ Васильевой малый крестъ. Какъ я ни уклонялся, но Государь назначилъ меня главноуправляющимъ почтовою частію. Эта должность простирается на всю имперію. Ни страшные доходы этого вѣдомства, ни чиновники не затрудняютъ меня; но я не знаю, какъ привести его въ порядокъ. Простите, графъ; пожалѣйте меня и пожелайте мнѣ больше здоровья.

8.

12 Іюня 1799 г. Павловское.

Я получилъ ваши два письма, которыя вы называете очень большими, хотя я желалъ бы впредъ получать еще болѣе пространныя. По тому положенію, которое вы приняли, съ той минуты, какъ вамъ было приказано возвратиться сюда, я нисколько не удивленъ, что дозволеніе оставаться въ Англіи принято вами за милость. Государь сначала не хотѣлъ вѣрить, чтобъ ваше здоровье было такъ разстроено. Теперь онъ совершенно убѣжденъ въ этомъ и недавно сказалъ мнѣ: „Я нисколько не имѣлъ намѣренія заставить его умирать здѣсь. Достаточно одной зимы, чтобъ покончить съ такимъ больнымъ. И такъ, пусть онъ тамъ остается на здоровье, и мы всѣ будетъ довольны".

Вы сообщаете мнѣ о Кочубеѣ мысли, которыя я вполнѣ раздѣляю. Но что̀ прикажете дѣлать? Государь увѣренъ, что онъ преданъ Императрицѣ, которая не такъ давно поручала генералъ-прокурору князю Лопухину просить у Государя графскаго достоинства для Кочубея. Сей послѣдній твердо рѣшился выдти въ отставку и уже сообщилъ о томъ князю Лопухину, который не могъ исполнить свое обѣщаніе, будучи съ нѣкоторыхъ поръ въ немилости по причинѣ разныхъ мошенническихъ продѣлокъ его любимцевъ и безконечныхъ интригъ, затѣянныхъ имъ въ надеждѣ на поддержку его дочери. Труднѣе всего замѣнить Кочубея. Нѣтъ никого, ни даже одного честнаго человѣка. Таково наше оскудѣніе. Государь выберетъ кого захочетъ; во всякомъ случаѣ не я буду вице-канцлеромъ. Предоставляю вамъ самимъ судить, до какой степени заманчиво имѣть въ виду товарища въ лицѣ какого нибудь пройдохи или дуботолка. Между тѣмъ, это единственный исходъ, ожидающій меня. Надѣюсь, однакоже, отдалить по возможности срокъ этого рѣшенія; но вы знаете, какъ трудно поколебать доводами предвзятую мысль, и таковъ, мнѣ кажется, настоящій случай съ графомъ Кочубеемъ.

Вы увидите, по сообщаемымъ вамъ бумагамъ, что предположенная экспедиція противъ Голландіи устроена съ замѣчательною

скоростью, замѣчательною даже для Пофама, великаго дѣятеля на скорую руку. Мы, конечно, теперь немногимъ рискуемъ, пожертвовавъ уже до 100.000 чел. на благое дѣло. Выгоды этой экспедиціи очень важны и могутъ наконецъ вывести неподвижнаго Прусскаго короля изъ его состоянія политической смерти. Доселѣ онъ только прогуливается, и я немножко подозрѣваю графа Панина, что онъ есть жалкое игралище отсрочекъ и проволо̀чекъ графа Гаугвица. Вы найдете, что новый договоръ о денежномъ содержаніи Русской арміи отъ Англіи предусматриваетъ послѣдствія неуспѣха, обезпечивая нашимъ войскамъ квартиры, содержаніе и хорошую погоду для возвращенія въ свои порты.

Дѣла́ въ Италіи идутъ изумительно хорошо. Главный залогъ успѣха, это презрѣніе нашего солдата къ Французу. „Да они хуже Поляковъ, а съ Турками и равнять не можно; давай ихъ сюда!“ Ожесточеніе ужасно и, послѣ дѣла при Лекки, гдѣ Французскій батальонъ сначала положилъ оружіе, а потомъ сталъ стрѣлять въ нашихъ, Французамъ не даютъ пощады. Слѣдуетъ ожидать кровопролитнаго сраженія у Чени, гдѣ укрѣпился Моро̀ съ остаткомъ своей арміи, не превышающимъ 13 чел. Графъ Суворовъ отрядилъ генерала Края съ 28 т. чел. противъ Макдональда, который шелъ на соединеніе съ Моро̀; 15 т. оставлены для обложенія Мантуи. Если фельдмаршалъ разобьетъ Моро̀, Туринъ не устоитъ и повлечетъ за собою паденіе Мантуи. Директорія направляетъ теперь свои усилія на Италію, и если Брестскій флотъ удачно выполнитъ свое назначеніе, то онъ снабдитъ провіантомъ Мальту, наведетъ сильный страхъ на Сицилію и можетъ сдѣлать немало вреда союзнымъ флотамъ, разсѣяннымъ по Средиземному морю. Надѣюсь, однакоже, что лордъ Сентъ-Винсентъ одержитъ еще побѣду.

Къ намъ пріѣхалъ ген. Стамфордъ, съ такимъ же планомъ экспедиціи, какъ Пофамъ. Найдя это дѣло уже устроеннымъ, онъ уѣзжаетъ на дняхъ и вѣроятно будетъ участвовать въ предпринимаемомъ походѣ, во время котораго можетъ оказать большія услуги, обладая превосходнымъ знаніемъ мѣстностей.

Пріобрѣтеніе помощи Шведскаго короля—отличное дѣло. И, правду сказать, онъ отдаетъ четвертую часть своей арміи! Я очень люблю этого короля. Онъ исполненъ прямодушія. Жаль, что женскія сплетни при дворѣ покойной Императрицы и тупоуміе государственныхъ людей того времени разстроили его бракъ съ великой княжной Александрой Павловной.

Поговоривъ о положеніи дѣлъ вообще, хочу дать вамъ отчетъ въ вашемъ недавнемъ порученіи. Рескриптъ, данный вамъ по этому поводу, изъяснитъ вамъ все. Онъ заключаетъ въ себѣ подлинныя слова Государя. Я надѣюсь, что нашъ добрый и почтенный отецъ Смирновъ будетъ доволенъ этимъ повышеніемъ оклада на 200 фунт. стерлинговъ.

Я живу здѣсь отшельникомъ, и мои занятія такъ многочисленны, что я въ теченіи дня едва могу найти время для необходимаго мо-

ему здоровью движенія. Впрочемъ, мое здоровье хотя и не въ цвѣтущемъ состояніи, но его достаетъ на работу. Правда, я очень берегу себя, и нельзя вести болѣе правильной жизни. Кажется, я сообщилъ вамъ, что Государь непремѣнно захотѣлъ поручить мнѣ главное управленіе почтою, и я принялъ эту должность. Это департаментъ очень обширный, богатый и приведенный въ крайнее разстройство. Прощайте. Я забылъ сказать вамъ, что г. Галло пріѣхалъ сюда просить опять помощи. Кажется, однакоже, Государь сдѣлалъ все что̀ могъ для его Сардинскаго величества, и корпусъ, бывшій генерала Германа, нынѣ Ребиндера, поспѣшно отправленъ къ арміи графа Суворова, для употребленія на службу Неаполитанскому королю, вопреки совѣтамъ барона Тугута, который находитъ еще свободное время для сочиненія военнопоходныхъ плановъ.

9.

18 Іюня 1799 г. Павловское.

Извѣстіе о разрѣшеніи его Британскому величеству отъ нашего Государя употреблять корпусъ Германа для защиты Англіи будетъ убѣдительнымъ доказательствомъ его готовности всегда цѣнить дѣйствія тѣхъ, кто поступаетъ съ нимъ прямодушно. Англичане еще болѣе полюбятъ Павла I-го, когда узнаютъ, что онъ по собственному побужденію предложилъ имъ услуги.

Мы на дняхъ подпишемъ конвенцію, по которой корпусъ, называемый генералъ-лейтенанта Ребиндера (и предназначенный идти на Неаполь) переходитъ на содержаніе Англіи. Часть его присоединится къ арміи Корсакова, другая направится къ Мальтѣ, для ускоренія завоеванія острова или для его занятія.

У насъ теперь чрезвычайно много хлопотъ. Свадьбы, празднества, депутаціи изъ областей, посѣщенія принцевъ и пр. Курфирстъ Баварскій прислалъ своего шурина князя Биркенфельда, недавно сдѣланнаго герцогомъ Баварскимъ, который прибылъ сюда подъ именемъ графа Нейбурга, чтобъ привѣтствовать Государя и удостовѣриться въ его неизмѣнномъ покровительствѣ. Курфирстъ рѣшился на единственный шагъ, который ему оставалось сдѣлать: ибо, броситься въ объятія Австріи, значило бы довѣрить свой кошелекъ тому, кто протягиваетъ руку, чтобъ похитить его. Нашъ добрый Луи Кобенцель страшно суетится, но съ нѣкоторыхъ поръ оставляетъ меня въ покоѣ, видя, что плоскія любезности и общія мѣста не дѣйствуютъ на мой образъ мыслей, быть можетъ, очень невыгодный для него съ компаніей, но, по моему мнѣнію, полезный для Государя и Россіи, которымъ я преданъ сердцемъ и душою.

Благодарю васъ за сообщеніе свѣдѣнія объ этомъ Ренье. Это величайшій негодяй, и его прогнали. Сильно опасаюсь, не направился бы собранный флотъ въ Нѣмецкое море, послѣ появленія у береговъ Ирландіи. Было бы большимъ несчастіемъ, еслибъ наши храбрые солдаты попали въ плѣнъ, не успѣвъ сдѣлать выстрѣла.

Не понимаю, какъ могли выпустить его изъ Гибралтарскаго пролива.

10.

28 Іюня 1799 г. Петергофъ.

Генералъ Толь, коммисаръ и довѣренный человѣкъ Шведскаго короля, пріѣхалъ съ 8000 рейхсталеровъ въ карманѣ, которые предназначены королемъ для Голландской экспедиціи. Завтра у насъ будетъ совѣщаніе съ нимъ и Штедингомъ. Король желаетъ, чтобъ Государь гарантировалъ договоръ о субсидіяхъ, заключаемый съ Англіею; но мнѣ кажется, что Шведскія требованія нѣсколько преувеличены. Лишній расходъ и пріобрѣтеніе лишняго союзника заслуживаютъ нѣкотораго пожертвованія. Государь предписалъ барону Крюднеру откланяться Датскому королю и оставить Копенгагенъ. Тамъ рѣшительно расположены въ пользу Французской партіи, что̀ повлечетъ прекращеніе всякихъ сношеній и можетъ произвести перемѣну системы. Нашъ усердный союзникъ, баронъ Тугутъ, посреди самыхъ важныхъ дѣлъ, выкидываетъ штуки, свидѣтельствующія, что онъ гораздо болѣе дорожитъ общимъ мнѣніемъ о его могуществѣ, чѣмъ славою Австрійской монархіи. Я никогда не пожелалъ бы видѣть этого человѣка ни министромъ у Государя, ни моимъ другомъ, ни наставникомъ моего сына.

Посылаю вамъ два портрета графа Суворова. Тотъ, на которомъ онъ изображенъ съ жезломъ главнокомандующаю, поразителенъ по осанкѣ. Другой болѣе похожъ. Прошу васъ отдать одинъ изъ нихъ лэди Спенсеръ, какъ восторженной поклонницѣ этого истинно-великаго челокѣка. Она проститъ мнѣ эту вольность, когда вы скажете ей, что я всецѣло принадлежу вамъ. Не она ли въ 1787-ли году была въ Батѣ? [18]) Помню, что меня тамъ заставляли говорить порусски, у герцогини Девонширской, съ г-жею Козенцъ, которая находилась при лэди Гаррисъ, и что лордъ Нортъ нашелъ нашъ языкъ пріятнымъ. Государь, читая вашъ похвальный отзывъ о графѣ Панинѣ (гдѣ вы говорите, что не имѣли тѣсныхъ связей съ его семействомъ) замѣтилъ: „за это я ручаюсь", и разсказалъ мнѣ всю вашу исторію съ покойнымъ графомъ Панинымъ [19]).

11.

3-го Іюля 1799 г. Петергофъ.

Вы уже знаете всѣ великія новости изъ Италіи. Послѣднія силы Французовъ подавлены. Если падетъ Мантуа, то можно считать эту страну спасенною и вырванною изъ рукъ этихъ всемірныхъ разбойниковъ. Что̀ скажете о нашемъ старомъ фельдмаршалѣ? Каковъ отвѣтъ тѣмъ, кто увѣрялъ, что онъ обладаетъ военными дарованіями только противъ Турковъ! Императоръ Россійскій спасаетъ Европу, и его фельдмаршалъ достойно служитъ его видамъ. Я очень радъ, что въ Англіи отдаютъ должную справедливость ве-

---

[18]) Извѣстныя купанья въ Англіи.

[19]) Эта исторія доселѣ намъ неизвѣстна.

ликодушнымъ намѣреніямъ нашего Государя. Да увѣнчаетъ ихъ Богъ полнымъ успѣхомъ! Я опасаюсь, чтобы всѣ глупости Прусскаго короля и продѣлки его гнуснаго министра не заставили бы Государя рѣшиться противъ него на какую-нибудь понудительную мѣру, что̀ можетъ очень невыгодно отозваться на Россіи. Дѣло со Шведами разстроилось, по неумѣренности суммы, какой они потребовали. Но если этотъ договоръ о денежномъ пособіи не состоялся теперь, то онъ легко можетъ осуществиться на другихъ основаніяхъ, и въ Стокгольмъ отправленъ курьеръ съ предложеніемъ дать 8 или 10 тысячъ чел. войска для присоединенія къ нашимъ противъ Французовъ. Я полагаю, что Англія въ такомъ случаѣ можетъ сдѣлать нѣкоторыя пожертвованія для пріобрѣтенія лишняго союзника, что̀ можетъ имѣть самыя счастливыя послѣдствія. Успѣхъ этихъ переговоровъ очень близко принимается къ сердцу Государемъ, и я надѣюсь на короля Великобританскаго. Что̀ значатъ одинъ или два милліона въ массѣ громадныхъ расходовъ, которые одной только Англіи по силамъ?

Сообщу вамъ свѣдѣнія о Чичаговѣ, которому вы покровительствуете. Онъ попался въ просакъ, частью по незнанію двора, частью по желчности своего нрава. Онъ наговорилъ Государю черезъ чуръ смѣлыхъ вещей и, между нами будь сказано, не совсѣмъ приличныхъ, особенно въ настоящее время. Теперь все уладилось: ему поручено начальство надъ 1-ою дивизіей эскадры, которая везетъ войска въ Голландію, и потомъ онъ отправится въ Англію, чтобъ жениться и служить во флотѣ у Макарова.

Маркизъ Галло, можетъ быть, имѣлъ нѣкоторыя намѣренія, но все было сдѣлано до его пріѣзда. Корпусъ Ребиндера (бывшій Германа) идетъ въ Италію, и графу Суворову предписано назначить его непремѣнно для службы Неаполитанскому королю. Если маркизъ имѣлъ свои виды на миръ, то не впопадъ. Государь хочетъ продолженія войны и чтобъ помышляли только объ истребленіи Французовъ. Послѣ будетъ довольно досуга каждому кричать и толковать о дѣлежѣ. Впрочемъ, этотъ крикунъ-маркизъ человѣкъ ограниченный, шарлатанъ благороднаго званія, который, мнѣ кажется, не умѣетъ ни служить своему господину, ни понимать интересы своего отечества. Вашъ любимецъ Кобенцель все предлагаетъ крайнія средства, чувствуя, что его голова нездорова; не думаю, чтобъ она могла породить что̀-нибудь опасное.

Въ теченіи послѣднихъ 18 мѣсяцевъ я только одинъ разъ не являлся утромъ къ Государю. Я обязанъ этимъ моему образу жизни и строгому надзору за моими физическими и нравственными силами, которыя, и тѣ и другія, ничего не стоятъ.

12.

10 Іюля 1799. Петергофъ.

Изъ государева рескрипта ваше сіятельство усмотрите, сколь будетъ важно, чтобы Шведскій король присталъ къ коалиціи. Я нимало не сомнѣваюсь, что вы вразумите лорда Гренвиля [20]). Имъ будетъ такъ легко дѣйствовать иначе относительно Шведскаго короля, коего мысли, послѣ послѣднихъ его заявленій Государю Императору, представляются совсѣмъ не такими, какъ прежде. Англія, даже и въ эту минуту, въ состояніи дѣлать денежныя пожертвованія, такъ какъ для васъ, безъ сомнѣнія, ясно, что она добивается (и по праву) торговаго первенства, а ея издержки въ пользу добраго дѣла вознаградятся съ лихвою. Лондонскій дворъ обращается съ Швеціей не безъ деспотизма. Вы мнѣ скажете, что надобно отнимать средства у того, кто ихъ доставляетъ нашему непріятелю; но слѣдуетъ же соблюдать хоть какую нибудь тѣнь справедливости, а соблюдена ли она въ послѣднемъ поступкѣ Англіи, наложившей амбарго на Шведскія суда? Къ тому же интересы Англіи въ настоящую войну одинаковы съ интересами Государя. Они заключаются въ силѣ и единствѣ, и король Шведскій пособитъ имъ, въ особенности послужа примѣромъ для Даніи, которой, коль скоро она станетъ уклоняться, можетъ предстоять жестокій удѣлъ отказаться отъ торговли, такъ какъ Англичане оную уничтожатъ. Ваше сіятельство сдѣлаете доброе дѣло. Государю угодно, чтобъ этотъ трактатъ состоялся; но у насъ нѣтъ денегъ и, не смотря на это, онъ готовъ дать свой собственный милліонъ въ счетъ суммы, которой проситъ Швеція для снаряженія войскъ своихъ. Кавалеръ Витвортъ испрашиваетъ наставленій у двора своего. Устройте, чтобъ ихъ прислали ему поскорѣе. Позвольте вамъ замѣтить по сему случаю, что Государь соглашался на всѣ просьбы Англійскаго правительства. Часто предупредительность была съ его стороны, а въ дружбѣ нужна взаимность.

Голландская экспедиція скоро состоится. Въ Ревелѣ работаютъ съ необыкновенною скоростію. Боюсь только двухъ вещей: вѣтровъ и герцога Іорскаго [21]), тѣмъ болѣе, что нашъ Германъ послѣ обѣда никуда не годенъ; поэтому судите сами, какого успѣха ждать для нашихъ семнадцати тысячъ Русскихъ, которые такъ весело идутъ драться, куда бы ихъ ни повели? Они уже не спрашиваютъ, въ какой части свѣта имъ придется воевать, коль скоро знаютъ, что воевать противъ Французовъ. Я живу здѣсь недалеко отъ дома, гдѣ помѣщается человѣкъ двадцать красавцевъ-гренадеровъ Государева батальона; проходя мимо, я разговариваю съ ними. Однажды они мнѣ сказали: „Попросите Государя, чтобъ приказалъ Французовъ-то живыхъ не оставлять. Ужъ этотъ родъ нечестивый весь перевесть должно“. Согласитесь, что трудно было бы

[20]) Тогдашняго перваго министра въ Англіи.

[21]) Опасенія графа Ростопчина, какъ извѣстно, были основательны: герцогъ Іоркскій и Германъ покрыли себя позоромъ.

проповѣдывать имъ равенство и настроивать ихъ (les travailler), какъ говорятъ знатные эмигранты.

Французскій король пребываетъ въ спокойствіи, поджидая, чтобы присутствіе его гдѣ-нибудь понадобилось [22]). Съ пріѣздомъ королевы при этомъ дворѣ не оберутся сплетней. О герцогинѣ Ангулемской говорятъ съ чрезвычайною похвалою.

Государь нетерпѣливо ожидаетъ подробностей побѣды, одержанной надъ Макдональдомъ [23]). Сраженіе, должно быть, было кровавое. И такъ Сардинскій король воленъ возвратиться въ свои владѣнія. Маркизъ Галло представилъ записку о вознагражденіяхъ на случай мира, и судите о глупости этого господина, вообразившаго, что онъ живетъ во времена царей, а про себя думающаго, можетъ быть, что онъ Адамъ Олеарій или Тавернье: къ своей запискѣ приложилъ онъ плохую карту Италіи и замѣчаетъ, что это сдѣлалъ изъ опасенія, чтобы мы не перепутали. По распоряженію Государя, ему сказано въ отвѣтъ, что теперь нужно думать только о томъ, чтобы драться, а записки пойдутъ въ ходъ при всеобщемъ замиреніи.

Кобенцель по прежнему плохъ; у него гніетъ кость на лбу, и не рѣдко онъ громко стонетъ.

У насъ очень дурная погода; сыро, печально, и жизнь здѣшняя довольно непріятна. Князь Лопухинъ просилъ увольненія и получилъ его. Онъ замѣщенъ Беклешовымъ. Князь Лопухинъ слишкомъ свѣтскій человѣкъ; имъ легко руководятъ; онъ слишкомъ раболѣпствуетъ партіямъ, чтобы самостоятельно управлять дѣлами и вести ихъ какъ слѣдуетъ. Въ добавокъ, это одинъ изъ такихъ слугъ, которые домогаются сами управлять своими господами. Племянникъ вашъ Татищевъ [24]) сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ и помѣщенъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ двумя тысячами рублей жалованія.—Жена моя благополучно разрѣшилась дочерью Софьею [25]); я черезъ день ѣзжу къ ней въ Павловскъ.

Кочубей повидимому успокоился, и я этому очень радъ. Въ этихъ случаяхъ главное дѣло уничтожить силу перваго движенія.

13.

25 Іюля 1799 года. Петергофъ.

Генералъ Германъ, вручитель этого письма, передастъ вамъ приказанія Государя касательно Голландской экспедиціи и другихъ дѣлъ. Боюсь, чтобы морскіе вѣтры не подшутили надъ нашими мореходцами-завоевателями; а то начало этого предпріятія вовсе не

---

[22]) Людовикъ XVIII проживалъ въ Митавѣ съ Марта мѣсяца 1798 года.

[23]) Это была знаменитая битва при Требіи, продолжавшаяся трое сутокъ.

[24]) Дмитрій Павловичь, славный впослѣдствіи дипломатъ; онъ былъ дальнимъ родственникомъ графу Воронцову, по тёткѣ сего послѣдняго, Прасковьѣ Ларіоновнѣ Татищевой.

[25]) Недавно скончавшаяся во Франціи графиня Сегюръ.

такъ трудно, какъ самый ходъ онаго, требующій такого сопряженія обстоятельствъ, какое не всегда встрѣчается. Счастливо еще, что, въ случаѣ неудачи, войска эти могутъ зимовать въ Англіи и будутъ находиться подъ вашимъ попеченіемъ.

Письмо мое выдетъ безпорядочно, потому что я взбѣшенъ извѣстіями, которыя сегодня привезены изъ Берлина и которыя вѣроятно дошли до васъ по донесеніямъ Томаса Гренвиля [26]). Какая надобность возобновлять переговоры, когда они уже кончились, и къ чему проэктъ трактата, коль скоро не хотятъ заключать его? Этой исторіею обнаруживается весьма дурное качество въ особѣ его Прусскаго величества. Его считали упрямымъ и мало сообразительнымъ; теперь оказывается, что сверхъ того онъ перемѣнчивъ въ мнѣніяхъ и не имѣетъ никакого самолюбія. Графъ Панинъ выѣхалъ изъ Берлина и, полечившись на водахъ, возвратится сюда. Жаль, что его дарованія были употреблены по напрасну, потому что невозможно было дѣйствовать съ бо̀льшимъ искусствомъ, а Гренвиль какъ нельзя лучше помогалъ ему. Государь приказалъ вызвать изъ Берлина повѣреннаго въ дѣлахъ Сиверса. Сказать вамъ правду: лучше, чтобъ дѣла оставались въ такомъ положеніи, потому что изъ этой проклятой страны приходятъ безпрестанно непріятныя и раздражающія извѣстія.

Вѣнскій дворъ очень худо соотвѣтствуетъ чистотѣ побужденій нашего Государя. Зависть, вѣроломство и двуличіе руководятъ малѣйшими дѣйствіями этого великаго барона Тугута. Боже мой! Гдѣ находятъ они времени на изобрѣтеніе столькихъ хитростей и каверзъ? По счастію, графъ Суворовъ не обращаетъ вниманія на интриги и, благодаря нашимъ доблестнымъ войскамъ, и тому одушевленію, которое онъ умѣлъ внушить Австрійскимъ, занимается только спасеніемъ Европы. Скажу вамъ, и только вамъ однимъ, что ему приказано, по очищеніи Италіи, соединить свою армію (т. е. Русскія войска) съ арміею Корсакова и направиться во Францію черезъ Швейцарію и Франшъ-Конте [27]). Какъ нравится вамъ предложеніе Вѣнскаго кабинета жаловать нашихъ офицеровъ за храбрость и отличныя дѣянія орденомъ Маріи Терезіи? Если судить по этому, никто изъ нашихъ офицеровъ не отличился, потому что о̀рдена еще никому не дано. Кажется однакожъ, что графъ Суворовъ и Великій Князь составляютъ исключеніе. Надо вамъ сказать, что этотъ молодой царевичъ (сверхъ моего ожиданія), ведетъ себя какъ ангелъ, исполненъ храбрости и усердія и думаетъ только, какъ бы лучше дѣйствовать [28]). Таковы его письма, отъ которыхъ я въ вос-

---

[26]) Англійскаго посланника въ Берлинѣ.

[27]) Показаніе чрезвычайно важное: стало быть, еще до побѣды при Нови (въ началѣ Августа 1799) Павелъ Петровичъ имѣлъ въ виду непосредственное движеніе во Францію для возстановленія Бурбоновъ; и слѣд. Тугутъ имѣлъ довольно времени, чтобы не допустить Русскія войска во Французскіе предѣлы и подвергнуть ихъ истребленію въ Швейцарскихъ тѣснинахъ (конецъ Сентября).

[28]). Читатели припомнятъ прежніе отзывы графа Ростопчина о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ.

торгѣ. Вотъ вамъ копія письма, которое Государь послалъ Суворову при своемъ портретѣ.

Неаполитанскій дворъ даетъ о себѣ знать лишь черезъ маркиза Галло и дюка Серра Капріола; за тѣмъ о немъ ничего не слышно. Король охотится и ловитъ рыбу въ Палермо, королева не имѣетъ никого значенія, и генералъ Актонъ боится перевезти дворъ, или вѣрнѣе свою собственную особу, назадъ въ Неаполь, гдѣ тѣмъ временемъ всѣхъ вразумляетъ кардиналъ.

Кобенцель поправился и выходитъ. Смерть на этотъ разъ пощадила его. Ему немножко не по себѣ, потому что Государь замѣчаетъ всѣ ихъ хитрости и соотвѣтственно тому относится къ ихъ дѣйствіямъ, которыя всегда направлены только къ ихъ собственнымъ цѣлямъ.

Союзнымъ дворамъ предложено прислать уполномоченныхъ для совѣщанія о будущемъ состояніи Европы и о способѣ возстановить политическое равновѣсіе. Государь пожелалъ, чтобы совѣщанія происходили въ Петербургѣ; но я предвижу множество неудобствъ и опасаюсь ихъ. Гораздо бы лучше назначить съѣздъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, и въ такомъ случаѣ представителемъ Государя и предстателемъ за правое дѣло нельзя никого выбрать лучше, какъ моего благодѣтеля [29]). Если это состоится, графъ Панинъ могъ бы быть весьма вамъ полезенъ. Скажите что̀ вы объ этомъ думаете.

Право не знаю что̀ дѣлать и что̀ сказать графу Кочубею. Онъ рѣшительно хочетъ оставить службу, яко бы изъ опасенія разориться; но настоящая причина та, что служба ему наскучила и что онъ обиженъ холодностью, которую ему оказываетъ Государь.— Скажите нашему почтенному отцу Смирнову, что Самборскій поѣдетъ съ великою княжною Александрой Павловной въ Вѣну, а священникъ Данковскій, находящійся въ Берлинѣ, водворится въ Рошток ѣ при будущей наслѣдной герцогинѣ Меклембургъ-Шверинской.

14.

12 Августа 1799.

Мнѣ недосужно писать, и потому ограничусь нѣсколькими строками. Штакельбергъ ѣдетъ въ Швейцарію, чтобы совмѣстно съ Викгамомъ возстановлять Французскую монархію и прежнее управленіе въ Гельветическихъ кантонахъ. Графъ Кочубей оставилъ службу. Его мѣсто займетъ графъ Панинъ. Графъ Суворовъ пожалованъ княземъ Италійскимъ. Князь Чарторыжскій назначенъ министромъ къ Сардинскому королю.

Простите. Я боленъ. Работа убиваетъ меня. Я все дѣлаю самъ. Позабылъ увѣдомить васъ, что Государь приказалъ закрыть гавани Датчанамъ, съ тѣхъ поръ какъ у нихъ устроился Клубъ Просвѣщенія и Датское правительство имѣло слабость допустить его у себя.

---

[29]) Т. е. графа С. Р. Воронцова.

15.

25 Августа 1799. Гатчино.

Вы уже знаете, что предложенъ конгрессъ и что это не совсѣмъ нравится Вѣнскому двору, который боится помѣхи своимъ видамъ. Говоря со мною объ этомъ конгрессѣ, еще въ Петергофѣ, Государь тотчасъ же назвалъ васъ. Онъ даже прибавилъ слѣдующія слова: „Если онъ боится здѣшней зимы, по крайней мѣрѣ его не испугаетъ климатъ Германіи, и онъ можетъ туда поѣхать, чтобы трудиться на благо Европы". Была рѣчь о назначеніи къ вамъ графа Панина и Колычова; но какъ первый изъ нихъ ѣдетъ сюда, то не знаю, кого вмѣсто него пошлютъ на конгрессъ. Судя по ходу дѣлъ и зная, какъ Государь недоволенъ Вѣнскимъ дворомъ, я сильно опасаюсь, что въ одно прекрасное утро пропадутъ безъ слѣда всѣ эти успѣхи, эти прекрасные подвиги и радостныя надежды. Тугутъ и Кобенцель, надмѣваясь успѣхомъ, который достался имъ благодаря чужой помощи, и понуждаемые нами, не знаютъ, какъ имъ быть. Они слишкомъ расчитывали на дружбу Государя и, чтобы подогрѣть ее, вздумали прислать сюда депутацію отъ Богемскаго великаго пріората; но попытка не удалась. Все ограничилось тѣмъ, что Государь принялъ депутатовъ въ Петергофѣ и приказалъ мнѣ дать имъ обѣдъ, на которомъ былъ Кобенцель, имѣвшій позволеніе присутствовать и на аудіенціи. Забавно, что первый депутатъ, старый генералъ-лейтенантъ Коловратъ, принадлежитъ къ отъявленнымъ противникамъ Тугута: онъ громко порицаетъ всѣ дѣйствія этого министра, зоветъ его деспотомъ и эгоистомъ. Но согласитесь со мною: покуда во Франціи останется нынѣшнее ея правительство, Австрія легко достигнетъ своей цѣли. Она заключитъ съ Франціею отдѣльный миръ и, пользуясь первыми минутами покоя этой разореной и издыхающей державы, увѣнчаетъ свои подвиги такимъ успѣхомъ, въ которомъ некому будетъ помѣшать ей. Черезъ нѣсколько лѣтъ Французы, пожалуй, опять придутъ хозяйничать въ Италіи; а до того времени страна эта сдѣлается добычею Австрійскаго дома, который отниметъ у Итальянскихъ государей все, что̀ ему будетъ угодно. Но если настоящее правительство во Франціи падетъ, если, благодаря междоусобію, революціи или оружію союзниковъ, въ ней возстановится монархія, тогда Австрійскій домъ принужденъ будетъ удовольствоваться тѣмъ, что̀ ему дадутъ; а Прусскій король, теперь позорно бездѣйствующій, поспѣшитъ подать руку на обузданіе державы, которую онъ считаетъ самымъ исконнымъ и непримиримымъ врагомъ своимъ. Турки будутъ въ повелѣніяхъ нашего Государя; и я не удивлюсь, если вмѣсто холоднаго величія, обыкновенно являемаго Вѣнскимъ дворомъ, мы услышимъ отъ него крики благодарности. Но въ данную минуту, къ его поступкамъ, возмущающимъ Государя, прибавьте негодованіе фельдмаршала Суворова, который уже просилъ отозвать его и предполагаетъ возобновить эту просьбу, какъ скоро будетъ взята Генуя; прибавьте недоразумѣнія между Лондонскимъ дворомъ и Вѣнскимъ кабинетомъ и множество обстоятельствъ, способныхъ

подвигнуть на гнѣвъ Государя, который даже и слышать не хочетъ о видахъ на какія бы то ни было возмѣщенія и отзывается, что Вѣнскій дворъ и безъ того будетъ въ большомъ барышѣ, коль скоро сохранитъ свои Венеціянскія владѣнія и снова водворится въ Нидерландахъ. Подумайте обо всемъ что̀ я вамъ говорю. Мелкими неудовольствіями сто̀итъ пожертвовать для уничтоженія Французской республики. Впрочемъ намъ неизвѣстно, чего желаетъ Лондонскій дворъ. Онъ удерживаетъ за собою право заключить по своей волѣ миръ на моряхъ, и если у него въ виду Французскія и Голландскія владѣнія въ Индіи, то не выдетъ ли Англія вдвое богаче и могущественнѣе послѣ войны, нежели была до войны? Владѣя Гибралтаромъ и имѣя въ Мальтѣ союзникомъ нашего Государя, она станетъ владычицею Левантской торговли.

Вы будете довольны назначеніемъ Штакельберга министромъ въ Швейцарію. Я думаю, что этотъ молодой человѣкъ, когда ему было десять лѣтъ, былъ благоразумнѣе, нежели отецъ его въ шестьдесятъ. Бюцовъ и Сиверсъ будутъ скоро повышены. Это люди съ большими достоинствами. У насъ въ Коллегіи съ полдюжины отличныхъ головъ.

Принцъ Баварскій, зять курфирста, только что пріѣхалъ. Курфирстъ стремглавъ кидается въ объятія Государя, чтобы спастись отъ плотоядности Австрійскаго дома.

Я вынесъ еще болѣзнь. Страдалъ горломъ. Пью Пирмонтскую воду. Слѣдовало бы дѣлать движеніе, да нѣтъ времени. Прибавьте къ перепискѣ по дѣламъ иностраннымъ пи́сьма къ государямъ и князьямъ, къ начальникамъ армій и флотовъ, касательно ихъ отношенія къ нашимъ посламъ. На меня возложена переписка съ фельдмаршаломъ Суворовымъ и Корсаковымъ; я долженъ завѣдывать дѣлами по бракосочетаніямъ. Цѣлый день у меня занятъ, и иной разъ не знаешь, когда удастся поѣсть; потому что я люблю кончать, не откладывая до завтраго. Не сердитесь же на меня. По истинѣ, я усталъ и гублю себѣ здоровье, которое очень слабо послѣ моей послѣдней поѣздки на войну съ Турками.

16.

23 Сентября 1799. Гатчино.

Сегодня утромъ, проснувшись, получилъ я ваше письмо и ваши депеши. Сіи послѣднія уже прочтены Государю, и съ слѣдующимъ курьеромъ вы получите приказаніе сообщить благодарность Его Величества герцогу Іоркскому за тѣ лестныя изъявленія, которыя онъ выражалъ видѣвшись съ вами. Здѣсь слишкомъ хорошо знаютъ про хитрости барона Тугута; ибо, по несчастію, этотъ жалкій писака соединяетъ въ особѣ своей и волю Римскаго императора, и духъ Вѣнскаго кабинета, и средства Австрійскаго дома, коему онъ готовитъ гибель. Въ разговорѣ съ Витвортомъ, когда онъ сталъ говорить, что желательно, чтобы нашъ Государь поудержался въ изъявленіи своего негодованія, я отвѣчалъ ему, что можетъ быть баронъ Тугутъ вынудитъ и Лондонскій дворъ громко протестовать противъ его поступковъ. И вотъ что происходитъ сію минуту по

поводу пріѣзда лорда Мюльграва. Они не задумываются разглашать повсюду, что эрцгерцогъ съ своею арміею отступилъ изъ Швейцаріи по настояніямъ Лондонскаго двора и по явному желанію нашего Государя. Но прежде чѣмъ покидать Швейцарію, слѣдовало образовать армію въ 45 т. человѣкъ подъ начальствомъ герцога Фердинанда Виртембергскаго, который долженъ былъ занять часть Швейцаріи, расположившись между Русскою арміею и войсками эрцгерцога. Не слѣдовало оставаться все лѣто въ бездѣйствіи, покидая на избіеніе своихъ генераловъ, нелѣпыхъ, бездаланныхъ и достигшихъ этого чина лишь по долговѣчности. Теперь эрцгерцогъ съ приближенными своими оплакиваетъ участь Швейцаріи, которую якобы предоставятъ на разграбленіе нашимъ войскамъ. И вотъ возмездіе за ихъ геройскую доблесть. Горе тому, кто положится на Вѣнскій дворъ! Фельдмаршалъ Суворовъ прислалъ бумаги, удостовѣряющія, что этотъ безмозглый Меласъ, не спросясь своего начальника, отослалъ во Францію Французскихъ плѣнныхъ и далъ имъ наставленія, какъ пройти, чтобы не попасть въ руки Русскихъ разбойниковъ. Таковы его собственныя слова. Вотъ увидите, что какъ только уйдутъ наши войска, этихъ негодныхъ Австрійцевъ поколотятъ въ Италіи, и весь великолѣпный походъ выдетъ лишь безполезнымъ пожертвованіемъ на доброе дѣло.

Изъ копіи предписаній фельдмаршалу вы увидите, что ему велѣно дѣйствовать одному въ Швейцаріи и во Франціи, коль скоро умы тамъ опять заколеблятся. Но я боюсь, что, еще до прихода нашего старца-героя, Массена опрокинется на корпусъ Корсакова. У него 33 тысячи человѣкъ превосходнаго войска, но у непріятеля вдвое, и если сему послѣднему удастся разбить и откинуть корпусъ Гоце [30]), онъ ударитъ на нашихъ съ боку и въ тылъ. Сохрани Боже отъ этого несчастія! Но послѣ всего происшедшаго между двумя императорскими дворами, нѣтъ возможности возстановить согласіе. Находясь постоянно на стражѣ противъ Вѣнскаго двора, мы не можемъ ждать отъ него искренняго содѣйствія. Вы знаете, что въ Вѣнѣ хранятъ молчаніе о судьбѣ Франціи и объ ея королѣ, котораго тамъ не признаю́тъ. Испуганные успѣхами въ Голландіи, Австрійцы спѣшатъ въ Нидерланды, покидая совершенно Швейцарію и Италію. Кто поручится, что они не заведутъ переговоровъ и не заключатъ отдѣльнаго мирнаго трактата съ Директоріею, съ которою они столь сходствуютъ въ правилахъ? Какъ скоро войска ихъ, разсѣянныя и разрозненныя, будутъ разбиты непріятелемъ, и нечего будетъ ждать помощи отъ союзниковъ, которымъ они измѣнили, тогда на выручку явится Кампоформіо. Баронъ настоитъ, чтобы короли Сардинскій и Неаполитанскій, Папа и Генуя уплатили своими владѣніями за издержки Австрійскаго до̀ма.

Быть можетъ я ошибаюсь, но теперь нужно принять всѣ возможныя мѣры для перемѣны правленія во Франціи. Къ чему бы ни повела эта перемѣна, во всякомъ случаѣ будетъ выгодно осво-

---

[30]) Предводитель мѣстныхъ Швейцарскихъ войскъ.

бодиться на годъ или на полтора отъ хлопотъ по поводу этой страны, поглощающей теперь все вниманіе кабинетовъ. Французы либо станутъ избивать другъ друга, не зная сами, чего имъ хочется; либо устроится у нихъ правленіе, на первыхъ порахъ конечно слабое, и этимъ временемъ надо будетъ воспользоваться. Слѣдуетъ немедленно поукротить гордыню Австрійскаго дома, который охотенъ до захватовъ, хочетъ пробавляться чужимъ безпорядкомъ, сѣять смуты и отъ нихъ наживаться. Прусскій король не откажется помочь дѣлу, цѣлью котораго будетъ униженіе его заклятаго непріятеля. За Турокъ можно, кажется, поручиться: они очень теперь тревожатся поступками Вѣнскаго двора. Можно бы довести дѣла до того, чтобы баронъ не предписывалъ, а слушался. Но для этого необходимо избавиться отъ заботы о Французахъ, чего весьма трудно достигнуть. Увѣряю васъ, что пріобрѣтеніе Лондонскимъ дворомъ этихъ 20 тысячь Баварцевъ имѣетъ въ настоящую минуту большое значеніе.

Эрцгерцогъ [31]) пріѣзжаетъ сюда недѣли черезъ двѣ. Онъ привезетъ съ собою двухъ главныхъ сподручниковъ писаки-министра: принца Фердинанда Виртембергскаго, который купленъ барономъ и предложилъ свои услуги и свое неизсякаемое краснорѣчіе для приведенія дѣлъ къ желаемой цѣли, и графа Дидрихштейна: это повѣренный и совмѣстникъ барона. Онъ въ числѣ трехъ камергеровъ, сопровождающихъ эрцегерцога. Ему поручено наблюдать, настроивать, возбуждать и пр. Баронъ находитъ, что у графа Кобенцеля убыло энергіи, и я не удивлюсь, если Дидрихштейнъ, съ цѣлью занять его мѣсто, устроитъ, чтобы его прогнали. На Кобенцеля жалко смотрѣть: онъ точно преступникъ, котораго ведутъ на казнь. Онъ не знаетъ, куда преклонить голову и напоминаетъ плохія картинки, изображающія воскресшаго Лазаря. Мнѣ въ особенности забавно то, что баронъ удостоиваетъ меня своей ненависти и въ числѣ невинныхъ наставленій, данныхъ графу Дидрихштейну, предписано стараться о моемъ удаленіи. Самъ эрцегерцогъ—отличный малый. Онъ очень влюбленъ, очень робокъ и очень не любитъ барона, который шесть мѣсяцевъ дразнилъ его, обѣщая послать въ армію и не посылая. Его отправили жениться и дали ему свиту; а чтобы трактовать о дѣлахъ, объ этомъ нѣтъ никакого заявленія. Вы же знаете, что кто не бываетъ у Государя по утрамъ, тотъ можетъ прожить здѣсь цѣлый годъ, не увидавши меня, развѣ на улицѣ, когда я гуляю пѣшкомъ или катаюсь для здоровья. Впрочемъ, если будетъ что нибудь важное къ сообщенію, то сдѣлается письменно.

Графъ Панинъ немедленно вступитъ въ обладаніе дѣлами. Указъ о томъ еще не подписанъ, такъ какъ я съ недѣлю не выходилъ, заболѣвъ жолчной лихорадкой, которую захватили во время. Графъ Панинъ ласкаетъ себя надеждою, что король Прусскій двинется, побуждаемый съ одной стороны завоеваніемъ Голландіи, а съ дру-

---

[31]) Стефанъ, женихъ великой княжны Александры Павловны.

гой видами Вѣнскаго двора на Нидерланды. Но инструкціи, данныя его здѣшнему повѣренному въ дѣлахъ, удостовѣряютъ, что Берлинскій дворъ рѣшился выносить все, лишь бы не дошло до разрыва. Графъ Панинъ будетъ переписываться съ графомъ Гаугвицемъ, въ коего искренность относительно себя онъ вѣритъ, признавая также слабость его характера въ управленіи дѣлами. Если усмотрится малѣйшая возможность начать переговоры съ Пруссіею, тогда, по мнѣнію графа Панина, можно будетъ для развѣдки послать кого нибудь въ Берлинъ, снабдивъ на случай надобности полномочіемъ и такъ, чтобы не показать, что мы заискиваемъ. Для подобнаго порученія всѣхъ пригоднѣе баронъ Крюднеръ. Это человѣкъ съ большими дарованіями и опытностью. Изо всѣхъ, кого можно послать, онъ одинъ въ состояніи какъ слѣдуетъ держаться на такомъ мѣстѣ, какъ Берлинское посольство.

Меня не удивляетъ, что до васъ дошелъ слухъ о назначеніи этого Финна Алопеуса. Передъ выходомъ изъ службы графа Кочубея дипломатическій корпусъ вообразилъ, что его мѣсто займетъ Алопеусъ. Но если Россія могла произвести Бестужевыхъ, Воронцовыхъ, Безбородокъ, Румянцевыхъ и Суворовыхъ, то ей нечего довѣрять свои дѣла иноземцамъ. Она найдетъ Русскихъ людей, можетъ быть безъ генія и талантовъ, но не безъ преданности и не безъ усердія служить ей.

Разумовскій получилъ орденъ съ бриліантами, по представленію фельдмаршала Суворова, который значительно перемѣнилъ свое мнѣніе о немъ. Алопеусу данъ Александровскій орденъ за бракосочетаніе герцогини Меклембургской, такъ какъ онъ велъ переговоры о томъ; онъ получилъ эту милость во время обрученія, благодаря нашептываніямъ друга своего Финна Брискорна, который лизалъ руки у этого безстыжаго князя Лопухина. Его отзывъ обо мнѣ обличаетъ вполнѣ душу негодяя, которому страшенъ даже взглядъ честнаго человѣка. Онъ говорилъ про меня: „Какъ онъ на меня взглянулъ, то какъ будто въ застѣнокъ хочетъ вести".

При слѣдующемъ чинопроизводствѣ по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Бюцовъ и Сиверсъ произведутся въ статскіе совѣтники. Посылаю вамъ декларацію, съ которою Государь обращается къ членамъ Германской Имперіи, также копію съ указа, который дѣлаетъ честь душѣ нашего Монарха. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы помѣстили ихъ въ Англійскихъ газетахъ. Походъ противъ Французовъ ознаменованъ такими подвигами геройства нашихъ войскъ, что я закажу нарисовать нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе достопамятные, и эти рисунки отправлю къ вамъ, чтобы вы приказали ихъ награвировать. Есть же гравюры, изображающія смерть Вольфа, Ассаза и пр. Отчего не награвировать черты Русскаго геройства? Простите. Я слабъ. Голова у меня кружится.

17.

29 Сентября 1799. Гатчино.

Не могу довольно вамъ выразить, въ какое негодованіе привело меня извѣстіе объ этомъ несчастномъ нападеніи на Голландію. Знаю

страну и безчисленныя препятствія, которыя она представляетъ на каждомъ шагу; но не начальнику Русскихъ войскъ отдаваться въ плѣнъ, даже не получивъ раны. Время все выяснитъ. Меня огорчаетъ также, зачѣмъ г-нъ Пофамъ, не бывъ свидѣтелемъ дѣла, покрайней мѣрѣ не находившись тамъ, гдѣ былъ Германъ, пишетъ женѣ этого Нѣмца, что мужъ ея бросался впередъ, но что солдаты за нимъ не пошли. Да будетъ онъ проклятъ! Вы знаете Русскаго человѣка: его нужно вести, и онъ всюду пойдетъ. Въ такихъ дѣлахъ не люблю я, что правды не сыщешь подъ красками, которыми расцвѣтятъ дѣло. Пофамъ пишетъ Государю, что наши солдаты погрѣшили излишествомъ отваги. Также отзывается и герцогъ Іоркскій. Но вѣдь храбрый солдатъ не покидаетъ своего генерала. Отчего же Жеребцовъ убитъ? Вотъ разница между Русскимъ и Нѣмцемъ, и г-нъ Пофамъ невѣрно судитъ о Русскихъ. Мнѣ извѣстна причина: ему хочется, чтобы Германъ видѣлъ въ немъ себѣ друга и воспользовался средствомъ, которое онъ ему предоставляетъ, для извиненія своего поступка. Но если войска были расположены хорошо и столько оставалось ихъ въ запасѣ: отчего, съ 4 часовъ утра до 6-ти вечера не посылали подкрѣпленія отряду, направлявшемуся на Бергенъ? Бѣда весьма поправима; но я полагаю, что Голландцы станутъ драться и помогать этимъ негоднымъ Французамъ и что г-нъ Пофамъ есть кабинетный морякъ и скорѣе Австріецъ, чемъ Англичанинъ.

У меня нечего вамъ сообщить, и я не могу писать, потому что это дѣло возобновило мою болѣзнь и отдалило выздоровленіе. Посланцы барона Тугута пріѣхали, и его свѣтлость герцогъ Фердинандъ, явившійся вчера, весьма опредѣлительно услышалъ изъ устъ Государя, что онъ можетъ оставаться, лишь бы не говорилъ о политикѣ и о военныхъ дѣйствіяхъ. Эрцгерцогъ прибудетъ дней черезъ пять, а свадьба великой княжны Елены Павловны состоится 5 Октября. Графъ Разумовскій пожелалъ въ теченіи зимы отлучиться изъ Вѣны на шесть недѣль и побывать у своего отца. Государь уволилъ его въ шести-мѣсячный отпускъ и приказалъ Колычову немедленно вступить въ посольскую должность и исправлять ее въ отсутствіе Разумовскаго. Вотъ еще прекрасная черта Тугута. Уговаривались о посредствующей арміи; она не существуетъ. Затѣмъ, Гоце оставленъ въ Гризонахъ, и обѣщано его подкрѣпить; теперь эрцгерцогъ даетъ знать графу Толстому, что ему велѣно отозвать Гоце съ его корпусомъ и что, не имѣя довольно людей, чтобы предпринять осаду Майнца, онъ пребудетъ въ оборонительномъ положеніи. Такимъ образомъ это армія на зимнихъ квартирахъ.

Прощайте, графъ. Вы раздѣлите мою горесть. Но чѣмъ пособить? Русскимъ приходится плакать по своимъ соотечественникамъ.

18.

9 Октября 1799. Гатчино.

Пользуюсь курьеромъ, котораго отправляетъ кавалеръ Витвортъ, чтобы поговорить съ вами и поставить васъ въ извѣстность относительно событій, слѣдующихъ одно за другимъ съ великою бы-

стротою. Я вамъ сообщу о самыхъ послѣднихъ. Негодованію нашего Государя нѣтъ предѣловъ. Я раздѣляю оное и не могу не бѣсноваться, видя, какъ негодный человѣкъ, коего идеи не должны бы выступать изъ круга мелкаго секретарства, вырываетъ, такъ сказать, спасеніе Европы у ея освободителей и, губя собственную свою страну, погружаетъ опять цѣлую часть свѣта въ пучину золъ. По истинѣ, нужно быть или геніемъ, или ничтожествомъ, или совершеннымъ эгоистомъ, чтобы выносить тяготу дѣлъ. Умъ изнемогаетъ подъ дѣйствіемъ скорби, и немудрено, что я умру съ горя, если дѣла останутся въ такомъ положеніи или если не поспѣшатъ освободить меня отъ нихъ. Я безпрестанно простужаюсь. Нервы мои въ страшномъ состояніи. Дѣла́ и доктора завладѣли мною, и въ 34 года я совсѣмъ старикъ. Но какъ подумаешь, сколько храбрыхъ людей гибнутъ въ сраженіяхъ за Государя и Отечество! И мнѣ погибнуть отъ изнеможенія на службѣ тому и другому.

Эрцгерцогъ здѣсь. По письмамъ лорда Минто вы увидите, что свита его послана на похожденія, схожія съ похожденіями Аргонавтовъ. Этотъ величавый принцъ Фердинандъ Виртембергскій, за 60 тысячь флориновъ, полученныхъ отъ барона, пріѣхалъ повѣреннымъ его неправдъ. Великимъ дѣльцомъ—Дидрихштейнъ, плутъ перваго разряда. Онъ всѣмъ орудуетъ. Недовольны Кобенцелемъ, и Дидрихштейнъ хочетъ его мѣста. Вотъ предложенія, на которыя они всего болѣе разсчитываютъ, чтобы возстановить доброе мнѣніе нашего двора о Вѣнскомъ дворѣ:

1) Обмѣнъ Баваріи на Нидерланды.

2) Изъ Піемонта образовать государство для императорскаго сына, эрцгерцога Антонія и испросить ему въ супружество великую княжну Анну Павловну (которой всего четыре года).

3) Изъ трехъ легатствъ образовать княжество для эрцгерцога Іосифа.

4) Союзъ противъ Прусскаго короля, и для того держать двѣ наблюдательныя арміи: одну Русскую на нашихъ Польскихъ границахъ, а другую Австрійскую на Богемской границѣ.

5) Указать на невозможность вступленія во Францію.

Все это поручено устроить Дидрихштейну. Принцъ Фердинандъ долженъ былъ склонить августѣйшую сестру свою, чтобы она подкрѣпляла всѣ нелѣпости барона, имѣющаго въ виду выиграть время. Но по пріѣздѣ эрцгерцога Дидрихштейнъ узналъ, что ему нѣтъ помѣщенія (въ Гатчинѣ). Онъ взбѣсился и долженъ былъ уѣхать назадъ въ Петербургъ, взваливая всю вину на Кобенцеля.

Меня безпокоитъ походъ фельдмаршала [32]). Я боюсь больше Австрійцевъ, нежели самихъ Французовъ. Австрійская ненависть къ этому удивительному воину не знаетъ предѣла. Здѣсь было возвѣщено, что ему дадутъ орденъ Маріи Терезіи, и однако онъ не получилъ его.

---

[32]) Т. е. Суворова въ Швейцаріи, въ это именно время только что кончившаго безсмертные свои подвиги.

Маркизъ Шастелеръ, состоявшій при фельдмаршалѣ во время похода и очень имъ отличаемый, отозванъ въ Вѣну, а по письму этого маленькаго Дидрихштейна грозятъ ему заключеніемъ въ крѣпость за то, что онъ исполнилъ распоряженія фельдмаршала касательно Александріи. Вспомните, что въ Маѣ мѣсяцѣ баронъ говорилъ о томъ, что образуютъ двѣ арміи въ Италіи, одну для удержанія непріятеля въ окрестностяхъ озера Комо, а другую для осады Мантуи. Теперь дѣло идетъ обо всей Италіи. Любопытно мнѣ знать что́ онъ сдѣлаетъ, когда Государь отзоветъ свои войска; ибо Французы не податливы на миръ и можетъ быть скорѣе чѣмъ когда либо захотятъ предписать условія Вѣнскому двору. Арміи снова наводнятъ Италію, и я почти увѣренъ, что не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ Римскій императоръ тщетно станетъ искать себѣ убѣжища, преслѣдуемый непріятелемъ, который будетъ хозяйничать у него въ столицѣ. Посмотримъ, что́ скажетъ Тугутъ на предъявленія Колычова. Онъ начнетъ притворяться, полагаться на великодушнаго и искренняго союзника своего государя, и все только чтобъ выиграть время.

Вѣнскій кабинетъ внушаетъ ужасъ всей Италіи. О томъ свидѣтельствуютъ письма изъ Палермо. Кого жаль, такъ это короля Сардинскаго. Никакой оборотъ въ дѣлахъ не принесетъ ему выгоды. Его повѣренный, кавалеръ Бальбо, ѣдетъ сюда просить покровительства и помощи; но сколь бы искренно ни желалъ нашъ Государь возстановить каждаго въ его правахъ, при всей доброй волѣ, что̀ можетъ онъ сдѣлать въ эту минуту? Всего важнѣе узнать, когда пройдетъ параличь Прусскаго короля и начнетъ ли онъ вновь пользоваться своими силами, въ виду всѣхъ этихъ чудовищныхъ притязаній Вѣнскаго двора. Теперь онъ правъ, уклоняясь отъ войны противъ Французовъ, потому что всѣ усилія союзниковъ ограничиваются тѣмъ, что служатъ цѣлямъ Австрійскаго дома и облегчаютъ ему достиженіе оныхъ. Во сколько Вѣнскій кабинетъ лживъ и коваренъ подъ величавою наружностью, во столько Берлинскій низокъ и подлъ безъ застѣнчивости. Приступленіе Даніи къ видамъ Государя произведетъ небольшой проломъ въ Сѣверномъ нейтралитетѣ. Вамъ предлежитъ доставить Даніи безопасность, которой она добивается отъ Лондонскаго двора.

Изъ Голландіи у насъ нѣтъ извѣстій съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ курьеръ, посланный генераломъ Ессеномъ и привезшій подробности несчастнаго дѣла 19 числа. Нашихъ выбыло убитыми и взятыми въ плѣнъ 1420 человѣкъ; раненыхъ слишкомъ 1000 человѣкъ. Свинья Германъ въ плѣну, а Жеребцовъ убитъ. Атака назначена на 26-е. Курьеръ выѣхалъ 25-го, и пишутъ изъ Гамбурга, по извѣстіямъ, полученнымъ отъ 28-го изъ Гаги, что взятъ Горнъ и вся сѣверная Голландія. Дай-то Богъ, чтобъ это была правда!

Мы наканунѣ свадебъ, и весь городъ собирается сюда. 12-го будетъ свадьба Елены Павловны, а 19-го—Александры. Повѣрьте мнѣ, что не къ добру затѣяли укрѣпить союзъ съ Австрійскимъ дворомъ узами крови. Это только лишнее обязательство и стѣсненіе; и та-

кія связи пригодны лишь въ частномъ быту. Но сдѣланной ошибки не поправить. Въ добавокъ, изо всѣхъ сестеръ своихъ она будетъ выдана наименѣе удачно. Ей нечего будетъ ждать, а дѣтямъ ея и подавно.

Что̀ скажете о Турецкой исторіи въ Палермо? На Порту можно разсчитывать надежно, на ея министерство меньше, а на ея подданныхъ нельзя вовсе. Они воюютъ для своего удовольствія и по своей охотѣ. А когда война надоѣстъ, они уходятъ.

Маркизъ Галло здѣсь, и я уже не понимаю, чего онъ ждетъ. Онъ объяснился обо всемъ, и ему не о чемъ просить. Конгрессъ, повидимому, не состоится. Мнѣ сдается, что маркизъ затрудняется, какъ ему вернуться. Генералъ Актонъ до такой степени завладѣлъ дѣлами, что совсѣмъ пересталъ сообщать депеши министрамъ иностранныхъ дворовъ.

Графъ Кочубей женится тотчасъ послѣ праздниковъ и уѣзжаетъ къ себѣ въ деревню, а оттуда въ чужіе краи. Графъ Панинъ уже исправляющимъ должность вице-канцлера. Онъ самъ пожелалъ, чтобы его такъ именовали, въ томъ разсчетѣ, что тутъ онъ не лишается возможности при первомъ случаѣ получить назначеніе за границу. Онъ чрезвычайно работящій человѣкъ; но я боюсь, выдетъ ли онъ чистъ..., потому что, между нами сказать, онъ не прочь поинтриговать и впутывается въ исторіи. Впрочемъ онъ благоразуменъ, воздерженъ и очень остороженъ. Этимъ онъ побѣждаетъ самаго себя, такъ какъ по природѣ онъ вспыльчивъ.

Бибиковъ и Алопеусъ возвращаются сюда. Они ничего не дѣлали и стоили Государю ежегодно по 32 т. рублей. Первый уменъ, но вовсе не разсудителенъ. Второй—Прусакъ тѣломъ и душою, и хотя онъ членъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, но не увидтъ ни одной бумаги: въ этомъ я вамъ порукою. Вы не можете себѣ представить, какъ ненавидитъ меня Нѣмецкое племя; и оно право, потому что я не скрываю своего отвращенія къ нему. Штакельбергъ недоволенъ настроеніемъ умовъ въ Швейцаріи и полагаетъ, что ему будетъ довольно трудно ихъ образумить. Они подъ двойнымъ страхомъ: Австрійцевъ и Французовъ. Я весьма опасаюсь будущаго и теряю надежду.

Вы конечно знавали Зубову, Марью Воиновну, умную и любезную женщину во вкусѣ г-на Мортёля въ Опасныхъ Связяхъ (Liaisons Dangereuses). Она умерла отъ удара за бостономъ у Загряжской.

У насъ двѣ свадьбы: 47 лѣтній графъ Кушелевъ женится на 16 лѣтней графинѣ Безбородко [33]), и наслѣдникъ графа Остермана графъ Остерманъ-Толстой на княжнѣ Голицыной. Вотъ мои новости. Жена моя здорова, дѣти какъ нельзя лучше. Тугутъ не портитъ имъ крови. Будьте и вы здоровы: безъ того жизнь есть патентъ на скуку.

---

[33]) Въ одномъ изъ другихъ своихъ писемъ графъ Ростопчинъ говоритъ, что этотъ неравный бракъ устроенъ графомъ Завадовскимъ.

19.

15 Октября 1799. Гатчино.

Франція еще разъ возвращается къ республиканскому образу правленія, благодаря непрерывнымъ каверзамъ Вѣнскаго кабинета. Я получилъ ваше письмо, въ которомъ вы излагаете что̀ можетъ произойти вслѣдствіе неподанія помощи Корсакову. Я прочелъ его вечеромъ, а утромъ на другой день пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной Массеною. Австрійцы не преминули свалить всю вину на Корсакова и приписываютъ несчастіе недостатку осторожности. Судя по письму самаго Корсакова, кажется, что успѣхъ Массены есть слѣдствіе неопытности генерала Дурасова, который фальшивую атаку принялъ за настоящую. Онъ не пришелъ въ надлежащее время на помощь къ другому отряду, который по этому былъ опрокинутъ и тѣмъ далъ возможность напасть съ боку на позицію Корсакова, находившагося въ центрѣ съ 10 тысячами человѣкъ и заслонявшаго собою Цюрихъ. Массена успѣлъ окружить его и предложилъ ему сдаться, но Корсаковъ не согласился и на другой день пробился, сражаясь въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. Весь его обозъ, экипажи, казна, бумаги, все погибло; но не брошено ни одной пушки и ни одного знамени.

Пишутъ, что фельдмаршалъ Суворовъ, перебравшись черезъ С. Готардъ, находится въ Луцернѣ. Дай-то Богъ, чтобъ они соединились и чтобы эти 54 тысячи Русскихъ героевъ, предводимые вождемъ, достойнымъ начальствовать ими, могли возвратиться въ Отечество, славу коего они возвысили своею доблестью.

Изъ двухъ предъидущихъ моихъ писемъ вы могли замѣтить, до какой степени въ эти двѣ недѣли возрасло негодованіе Государя. Графъ Разумовскій прислалъ Государю отвѣтъ Тугута на вопросы, которые поручено было ему сдѣлать. Баронъ вторично уклоняется и не разъясняетъ, какіе у нихъ проэкты вознагражденій, что̀ они думаютъ касательно возстановленія монархіи во Франціи и съ какого повода они поступаютъ съ легатствами, Піемонтомъ и Сардиніею какъ съ землями завоеванными и распоряжаются въ нихъ именемъ своего императора. Кромѣ того, Сардинскій король получилъ изъ Вѣны очень вѣжливое приказаніе поселиться во Флоренціи, покамѣстъ будетъ рѣшено, можетъ-ли онъ возвратиться въ свои владѣнія. Видя, что Вѣнскій дворъ ведетъ войну для своихъ цѣлей, а не для общаго блага, и раздражаемый его вѣроломствомъ, Государь рѣшился на мѣру, о которой вы узнаете изъ его собственнаго рескрипта, къ вамъ посылаемаго. Тутъ два довода, противъ которыхъ нечего возразить, а именно: коль скоро Францію нельзя одолѣть, то зачѣмъ усиливать Австрію? И потомъ: два порядочные человѣка могутъ ли имѣть одну общую цѣль съ негодяемъ?

Этотъ шагъ нашего Государя повлечетъ за собою неисчислимыя бѣдствія для Италіи. Вы мнѣ скажете, что можно-бы еще подождать; но послѣ недавнихъ поступковъ Вѣнскаго двора кто отважится взять на себя отвѣтственность за событія? Переставая быть орудіемъ ихъ властолюбія, Государь неминуемо обрекаетъ войска

свои на невзгоды, и потомъ жизнь этихъ 54 тысячь Русскихъ дороже всей Италіи и Австріи. Я очень доволенъ, что здѣсь еще не провѣдали о такомъ рѣшеніи нашего Государя относительно Вѣнскаго двора. Черезъ четыре дня назначена свадьба эрцгерцога съ великою княжною Александрой Павловной. Нечего и говорить, что Кобенцель и Дидрихштейнъ, если узнаютъ о настоящемъ положеніи дѣла, то не преминутъ изобрѣсти всевозможные предлоги для отстрочки бракосочетанія, въ томъ уповаліи, что Государь, изъ желанія устроить судьбу своей дочери, на многое посмотритъ сквозь пальцы и склонится къ какому ни на есть сближенію, а между тѣмъ выиграется время, что̀ больше всего и нужно Вѣнскому двору. И посудите, какова была-бы участь шестнадцатилѣтней великой княжны, если бы бракъ ея во второй разъ разстроился! Признаюсь вамъ, что я буду въ очень добромъ расположеніи духа на другой день этой свадьбы. Какъ скоро Прусскій король узнаетъ, что наша связь съ Вѣнскимъ дворомъ порвана, то я увѣренъ, что онъ будетъ радехонекъ сблизиться и согласится на союзъ, который ему предложатъ, тѣмъ болѣе, что не станутъ мѣшать ему въ его отношеніяхъ къ Франціи, имѣя въ виду лишь ослабленіе Австрійскаго дома. Конечно лучше было-бы, чтобы дворъ Берлинскій заступилъ мѣсто двора Вѣнскаго въ нынѣшней коалиціи; но я не смѣю на это надѣяться. Желаніе пріобрѣсть себѣ что нибудь и быть обезпеченнымъ со стороны Россіи—суть два могущественные двигателя для этой державы, которая много разсчитываетъ и порядкомъ труситъ. Утѣшаюсь мыслію, что воздадутъ справедливость чувствамъ нашего Государя и пожалѣютъ, что въ Римскомъ императорѣ онъ не нашелъ соотвѣтственныхъ себѣ благородныхъ убѣжденій.

Муравьевъ, который въ Гамбургѣ, назначенъ министромъ въ Копенгагенъ, а Лизакевичъ, бывшій въ Генуѣ, министромъ въ Гамбургъ. Мнѣ не ловко давать совѣты человѣку мнѣ незнакомому, и потому пожалуста скажите его брату, чтобъ онъ написалъ ему, что относительно Дрозда-Боначевскаго онъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Имя этого человѣка, о которомъ онъ доносилъ, какъ объ измѣнникѣ и приверженцѣ Французовъ, было прибито къ позорному столбу; его привезли сюда, и теперь выходитъ, что все его преступленіе состояло въ знакомствѣ съ подозрительными лицами, жилъ-же онъ въ Пизѣ ради болѣзни. Такъ какъ наказаніе непоправимо за невозможностью провѣрить обвиненіе, а подозрѣніе все таки существуетъ, то я просилъ Государя послать этого молодца на жительство въ Иркутскъ, подъ чужимъ именемъ, съ выдачею ему по 400 въ годъ.

Приступаемъ къ переговорамъ по заключенію трактата съ Даніею. Бломъ—человѣкъ очень достойный и благородно мыслящій. Кажется, что Голландскія дѣла идутъ чудесно, и коль скоро Амстердамъ въ нашихъ рукахъ, мы овладѣемъ всею Голландіею. Дѣло весьма естественное, которому я былъ свидѣтелемъ въ 1787 году [34]).

---

[34]) Графъ Ростопчинъ, путешествуя по чужимъ краямъ, въ тогдашнихъ Нидерландахъ былъ свидѣтелемъ своеобразнаго и поучительнаго движенія: войска

Если-бы Англійское правительство захотѣло направить туда побольше своихъ сухопутныхъ силъ, то въ Нидерландахъ можно было бы предпринять кое-что важное и возбудить ихъ къ возстанію. Но я не хочу и казаться подражателемъ Тугута, и мнѣ самому было-бы стыдно этого.

Великая княгиня Анна Ѳедоровна возвратилась изъ своего путешествія. Она очень поправилась и удивительно подобрѣла. Очень хотѣлось ей остаться на родинѣ, но она побоялась это сдѣлать. Наслѣдный принцъ Мекдембургскій женился 12 числа сего мѣсяца и поѣдетъ по первому санному пути, т. е. въ Декабрѣ. Относительно эрцгерцога еще ничего не рѣшено; но какъ въ Вѣнѣ узнаютъ о рѣшеніи Государя, то я полагаю, что его возвращеніе не замедлится. До сихъ поръ милости ограничиваются Александровскою лентою барону Люцову, гофмейстеру наслѣднаго принца или вѣрнѣе его отца и фрейлинскимъ шифромъ вашей племянницѣ Нарышкиной. Генералъ Левашовъ держалъ вѣнецъ надъ великою княжною Еленою Павловной. Дидрихштейнъ сознаетъ, что онъ *имѣлъ несчастіе* не понравиться. Онъ говоритъ, что уѣдетъ назадъ въ Вѣну. Туда и дорога негодяю! Я имѣлъ совѣщаніе съ Витвортомъ. Онъ очень недоволенъ происходящимъ, но оправдывать Австрійскій домъ трудно. Витвортъ надѣется на Голландскую экспедицію.

Забылъ сказать вамъ, что 16 сенаторовъ отправятся осматривать всѣ присутственныя мѣста въ Имперіи. Они поѣдутъ по двое. Выборъ сдѣланъ удачный, что̀ довольно было трудно, такъ какъ сенаторовъ много, а ума между ними мало.

20.

23 Октября 1799. Гатчино.

Курьеръ изъ Голландіи привезъ намъ извѣстіе, что герцогъ Іоркскій отступилъ къ Гельдеру. Можете судить, какъ это поразило Государя. Присоедините къ тому негодованіе, возбуждаемое поведеніемъ нашихъ войскъ, въ особенности офицеровъ. Арбеневъ исключенъ изъ службы съ прописаніемъ за что̀. Офицеры, которыхъ списокъ присланъ Ессеномъ, будетъ разжалованы и ошельмованы. Но что̀ изъ всего этого выдетъ? Какая участь войскъ, въ это время года, на морскомъ берегу и безъ пристанища? Усилившіеся непріятели не преминутъ напасть на нихъ, и тогда какъ отплыть? Хочу думать, что оно уже и случилось и что герцогъ Іоркскій, чтобъ не прогнѣвить Государя, ограничился увѣдомленіемъ, что онъ приметъ оборонительное положеніе въ ожиданіи благопріятной минуты для нападенія. По моему, лучше бы ему оставить Голландію. Экспедиція не удалась, но она не безплодна, потому-что Голландскій флотъ въ Англійскихъ рукахъ. Ради Бога, займитесь спасеніемъ нашихъ Русскихъ людей. Я не могу свыкнуться съ мыслію, что они оплошали. Ими дурно управляютъ; имъ нужно Русскихъ началь-

---

императора Іосифа II-го дрались противъ мѣстнаго населенія, которое стояло за старину и ни за что не хотѣло принять вольнолюбивыя нововведенія своего просвѣщеннаго государя.

никовъ. Дѣла въ Швейцаріи еще того хуже. Нѣтъ никакихъ вѣстей о фельдмаршалѣ Суворовѣ. Мы знали, что онъ былъ въ Вальштатѣ, но потомъ ни слуху. Французскія войска напали на Корсакова; онъ побилъ у нихъ 3 т. человѣкъ, и самъ потерялъ 800. Принцъ Конде едва не былъ захваченъ со всѣмъ своимъ корпусомъ, по милости эрцгерцога, который велѣлъ ему занять Констанцъ вмѣсто выведенныхъ оттуда четырехъ Австрійскихъ батальоновъ. Не будь гусарскаго полка подъ командою Бауера, погибли бы эти три Бурбона и 1800 эмигрантовъ. Прибавьте къ сему, что послѣ Цюрихскаго дѣла Корсаковъ растерялся и не знаетъ какъ ему быть. Вотъ плоды Тугутовой дѣятельности. Государь твердо рѣшился отозвать войска и дождаться, какой оборотъ примутъ дѣла. Его охолодили порядкомъ: онъ не захочетъ больше играть роль доблестнаго и правдиваго рыцаря. Простите. Я страдаю страшно. Въ эту минуту хотѣлось бы быть скорѣе Австрійцемъ, чѣмъ Русскимъ.

21.

26 Октября 1799, Гатчино.

По тому, что̀ произошло у насъ съ Вѣнскимъ дворомъ и по намѣренію перевезти весною назадъ Русскія войска, находящіяся въ Голландіи, вы видите, что Государь твердо рѣшился предоставить кабинетамъ вести войну между собою, какъ имъ угодно. Онъ желаетъ союза только съ Англіею и съ Портою. Дворы Стокгольмскій и Копенгагенскій будетъ легче удержать въ спокойствіи. Англія возобладаетъ на моряхъ. Французы еще не станутъ мириться съ Вѣнскимъ дворомъ, потому что Директорія нуждается въ войнѣ для сохраненія своей власти. Адмиралу Ушакову посланы приказанія черезъ Константинополь, чтобы онъ попробовалъ овладѣть Мальтою съ находящимися у него шестью пѣхотными батальонами, а въ случаѣ неудачи и если нечего будетъ дѣлать у Итальянскихъ береговъ, чтобы возвращался въ Черноморскія пристани и чинилъ корабли своей эскадры. Не взгомозилась бы Порта, видя, что Государь отстаетъ отъ коалиціи! Пожалуй, она вздумаетъ сближаться съ Франціею, у которой во всякомъ случаѣ есть великое пугало—Бонапартъ. Экспедиція великаго визиря ведется плохо, и изъ нея ничего не выдетъ. Войска непослушны, дворъ недоволенъ, и говорятъ, что визирь уже погибъ въ Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе весною придется дать имъ нѣсколько кораблей, и хотя пользы отъ этого пособія не выдетъ, но оно все таки необходимо для поддержанія добраго согласія и для того, чтобы Турки по своей привычкѣ не стали подозрѣвать, что имъ измѣняютъ. Я не знаю, удастся ли удержать ихъ въ добромъ расположеніи къ намъ: на нихъ нападаетъ боязливость, коль скоро они бездѣйствуютъ, а дѣлать имъ скоро будетъ нечего. Тамарѣ [35]) посланы весьма подробныя наставленія, какъ ему держать себя. Мы въ мучительной тревогѣ. Отъ князя-фельдмаршала нѣтъ никакихъ извѣстій. Не за-

[35]) Нашему послу въ Константинополѣ.

будьте, что съ нимъ великій князь Константинъ Павловичъ. Газеты противорѣчатъ: то онъ побѣждаетъ, то разбитъ и уничтоженъ. Какое коварство! И какъ могли склонить Государя положиться на Тугута и довѣрить ему 60 тысячь войска и честь оружія!....

По письму Витворта кажется, что Голландская экспедиція теперь уже кончилась, слѣдов. войска наши должны возвратиться въ Англію. Мнѣ досадно, за чѣмъ оборотили въ Россію перевозочные суда. Это устроилъ Пофамъ: послѣ первой неудачи онъ счелъ нужнымъ услать эти суда, чтобы Государю не вздумалось вызвать свои войска назадъ. Теперь онъ желаетъ, чтобы до весны вы приняли ихъ подъ свое попеченіе. Онъ пишетъ: „По крайней мѣрѣ ужъ я спокоенъ буду".

О конгрессѣ нѣтъ рѣчи. Если заговорятъ о немъ опять, я воспользуюсь тѣмъ, что̀ вы мнѣ недавно писали, хотя Государь будетъ очень затрудненъ [36])...

22.

1 Ноября 1799, Гатчино.

Вы не можете себѣ представить, въ какомъ находился я мученіи до 28 числа, когда адъютантъ Государя Кретовъ привезъ извѣстіе о великой побѣдѣ, одержанной фельдмаршаломъ надъ Французскою арміей. Его походъ, прибытіе въ Швейцарію, тамошнія обстоятельства и то что̀ предстояло ему впереди, все это могло довести до отчаянія. И тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ быть спокоенъ и даже не переставалъ шутить. Но послѣ сраженія онъ заплакалъ, выражая благодарность Богу, и сказалъ: „Богъ спасъ Россійское войско и недостойнаго раба своего". Онъ могъ бы предотвратить несчастіе, которое постигло Корсакова, но Меласъ обманулъ его, не доставивъ муловъ въ Беллинцону, вслѣдствіе чего онъ добрался до Швейцаріи пятью днями позже. Число убитыхъ у Корсакова не превышаетъ 2 т. человѣкъ, но онъ лишился 17 знаменъ и 14 пушекъ, о чемъ умолчалъ въ своемъ донесеніи. Фельдмаршалъ сказалъ про Массену, что, бывъ генераломъ послѣ пораженія Корсакова, онъ теперь опять сталъ капраломъ. Приходилось бороться съ природою, стихіями и голодомъ, такъ какъ наши солдаты ни за что не ѣли Швейцарскаго сыра, утверждая, что это гниль. Дождь шелъ десять дней сряду, и это многихъ спасло: тѣ, которые скатывались съ горъ, не ушибались, потому что падали на размокшую землю. Вотъ доказательство, что людей погибло тутъ немного: на триста лошадей, низвергшихся въ пропасти, не досчитываютъ только по семи солдатъ. Батальонъ стрѣлковъ переправился по Чертову мосту, въ то время какъ онъ горѣлъ и готовъ былъ обрушиться. Въ другомъ мѣстѣ сорокъ человѣкъ солдатъ спустились въ пропасть по связаннымъ офицерскимъ шарфамъ и избѣгли непріятеля. Багратіонъ съ полкомъ своимъ прошелъ четырехверстное болото, по поясъ въ водѣ, и къ вечеру на-

---

[36]) Къ сожалѣнію, окончанія этого письма̀ не имѣется. *П. Б.*

стигъ Лекурба. Словомъ, подвиги безсмертные, и я не могу постигнуть, что это тѣже самые Русскіе люди, что̀ въ Голландіи. Но нашимъ солдатамъ нужно Русскихъ начальниковъ. Нужно умѣть говорить съ ними, и тогда они пойдутъ хоть въ преисподнюю. Голосъ достигаетъ сердца, проходя черезъ ухо, а иностранный выговоръ вмѣсто вниманія вызываетъ усмѣшку. Я не знаю, какъ говорилъ порусски Вейсманъ [37]; но другіе, какъ бы краснорѣчиво ни объяснялись, все имъ одно прозвище: „бачка шафранъ". Въ этихъ двухъ послѣднихъ дѣлахъ въ особенности отличился младшій сынъ графа Каменскаго. Во главѣ полка своего, онъ обманулъ генерала Монитора, пробравшись черезъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ проходовъ. Государь пожаловалъ фельдмаршала генералиссимусомъ и велѣлъ воздвигнуть ему статую [38]. Онъ теперь въ Швабіи, гдѣ останется для кратковременнаго отдыха. Итальянская его армія умалилась до 14 т. человѣкъ, т. е. столько же погибло во время кампаніи. Онъ соединился съ Корсаковымъ и будетъ готовиться къ возвращенію въ Россію.

Случилось странное дѣло. Послѣдній курьеръ изъ Палермо привозитъ депеши маркизу Галло отъ кавалера Актона, въ которыхъ маркизъ названъ однимъ изъ двухъ уполномоченныхъ на имѣющемъ собраться въ Петербургѣ конгрессѣ; а между тѣмъ король Неаполитанскій, въ своеручномъ письмѣ къ Государю, отказывается ото всего того, что̀ маркизъ здѣсь сдѣлалъ, такъ какъ-де онъ поѣхалъ сюда по собственной волѣ и король не давалъ ему никакихъ опредѣленныхъ наставленій, будучи всегда далекъ отъ того, чтобы желать какого либо вознагражденія и имѣя въ виду остаться при своемъ, какъ было до войны (status quo ante bellum), маркизъ же Галло осмѣлился подать записку, совершенно противную намѣреніямъ своего Государя и проч. Такимъ образомъ теперь обнаруживается, что маркизъ присланъ сюда любезнымъ барономъ [39], чтобы напередъ пустить въ ходъ мысль о вознагражденіяхъ. Пользы отъ этого не будетъ Вѣнскому двору, такъ какъ онъ самъ не желаетъ конгресса. Негодуя на таковое дѣйствіе сего Неаполитанскаго министра, Государь приказалъ внушить ему, чтобы онъ уѣзжалъ изъ Петербурга безъ прощальной аудіенціи. Палермскій дворъ встревоженъ отплытіемъ Ушакова и увѣряетъ, что флотъ этотъ могъ бы замѣнить собою войска, назначенныя на службу королю Неаполитанскому и перешедшія потомъ на Англійскія субсидіи. Герцогъ Серра Капріола говоритъ, что въ присутствіи нашего флота Австрія не стала бы дѣйствовать у нихъ такъ безцеремонно; но вѣдь Суворовъ и цѣлая армія не обуздали же ея наглости. Разумовскій, не зная о томъ, что посольство Дидрихштейна не удалось и не смотря на то, что ему велѣно сдать дѣла Колычеву, пожелалъ остаться

[37] Храбрый сподвижникъ графа С. Р. Воронцова въ первую Турецкую войну при Екатеринѣ.

[38] Извѣстная статуя близь Мраморнаго дворца въ Петербургѣ.

[39] Т. е. Тугутомъ.

въ Вѣнѣ и предъявилъ, что воспользуется даннымъ ему 6-ти мѣсячнымъ отпускомъ не прежде, какъ уладивъ всѣ дѣла, относящіяся до разъясненій съ барономъ Тугутомъ. Можете себѣ представить, какъ это принято Государемъ! Ему посланы отзывныя грамоты съ приказомъ ѣхать къ своему отцу фельдмаршалу. Мнѣ очень жаль его; но, сказать между нами, я не знаю никого, кто бы такъ былъ ослѣпленъ этимъ мошенникомъ Тугутомъ, какъ графъ Андрей Кириловичъ.

Эрцгерцогъ уѣзжаетъ 21-го числа, чтобы поспѣть въ Вѣну къ новому году. Государь говоритъ, что пока баронъ Тугутъ останется въ министерствѣ, онъ ни за что не сблизится съ Вѣнскимъ дворомъ. Происходятъ частыя конференціи съ Испанскимъ посланникомъ, и есть слухъ, что нѣкто Миллеръ, довѣренное лицо барона, былъ посыланъ въ Швейцарію для устныхъ переговоровъ съ комиссарами Директоріи. Разъ что̀ они узнаютъ о рѣшеніи нашего Государя, миръ у нихъ съ Французами будетъ заключенъ, во что бы то ни стало. Я не знаю, что̀ вы думаете о возвращеніи Бонапарта во Францію; но мнѣ оно желательно. Армія, покинутая въ Египтѣ, будетъ истреблена жителями, либо безъ труда разбита Турками; а Бонапартъ, котораго хотѣли спровадить изъ Франціи, никогда не рѣшится служить своимъ злодѣямъ и скорѣе произведетъ, можетъ быть, какой-либо переворотъ во Франціи въ пользу королевской власти, либо въ свою собственную.

23.

15 Ноября 1799, Гатчино.

Маркизъ Галло уѣхалъ. Онъ предъявлялъ письма кавалера Актона, въ которыхъ король одобряетъ его поведеніе. Возвѣщая о его пріѣздѣ, король писалъ къ государю, что маркизъ Галло пользуется его полнымъ довѣріемъ и что онъ поручилъ свои интересы сему достойному министру. Во всей этой исторіи замѣшано письмо отъ васъ въ Палермо или въ Неаполь къ кому-то играющему большую роль.

Вашъ Дерябинъ пріѣхалъ, и вотъ его исторія. Тотчасъ по пріѣздѣ его, я доложилъ о немъ Государю. Наградить его чиномъ ассессора было-бы мало, потому что этотъ чинъ ему слѣдовалъ по старшинству; поэтому его сдѣлали оберъ-бергмейстеромъ, т. е. надворнымъ совѣтникомъ. Онъ членъ Бергъ-Коллегіи и, участвуя въ управленіи всего руднаго дѣла, имѣетъ возможность принести еще бо̀льшую пользу. Кромѣ жалованья по должности ему назначено изъ Кабинета ежегодно по 1000 рублей и выдано 2000 на уплату долговъ. По приказанію Государя я написалъ Соймонову, чтобъ Дерябина снабдили всѣмъ нужнымъ для путешестія, которое онъ предприметъ, и все на счетъ казны, не стѣсняясь деньгами. Кажется, что онъ доволенъ; но всего болѣе польстило ему то, что Государь, у себя въ кабинетѣ, изволилъ съ нимъ разговаривать въ продолженіи часа. Мнѣ сдается, что этотъ Дерябинъ, кромѣ своего дѣла, имѣетъ другія познанія и что онъ человѣкъ очень смышленый. Если настоящій его жребій васъ порадуетъ, я буду въ вос-

торгѣ; потому что я исполнилъ ваши приказанія, которыя всегда буду исполнять, по возможности моей, съ усердіемъ, особливо, ежели вы будете поручать мнѣ людей Русскихъ.

Очень я радъ вашему намѣренію прислать въ Петербургъ вашего сына. Планъ его путешествія нахожу отличнымъ и не вижу препятствій къ исполненію онаго. Обратитесь къ Государю съ письмомъ и просите у него также позволенія Смирнову ѣхать вмѣстѣ съ вашимъ сыномъ. Пришлите мнѣ имена тѣхъ лицъ, которыя будутъ сопровождать его, дабы выслать паспорты. Я съ вами согласенъ, что всего лучше ему помѣститься у г. Николаи. Я просилъ бы отдать предпочтеніе мнѣ, но меня безпрестанно не бываетъ въ Петербургѣ, и я не могъ бы быть такъ полезенъ вашему сыну, какъ Николаи; но если ему вздумается провести нѣсколько времени въ Павловскѣ, Гатчинѣ, или въ Петергофѣ, я сильно огорчусь, коль скоро онъ остановится не у меня. Обстановка у насъ простая; но если онъ любитъ слушать, какъ говорятъ объ его почтенномъ отцѣ и любитъ видѣть людей, которые состязаются между собою въ приверженности къ нему, то ему всего лучше бывать у меня и моей жены. Я васъ попрошу сказать мнѣ заранѣе, чѣмъ угодно вамъ будетъ, чтобы я занялъ его здѣсь и какого рода работу вы предпочитаете: порусски или пофранцузски. Онъ можетъ съ г. Рындинымъ съѣздить въ Финляндію и посмотрѣть ваши безплодныя земли.

Графъ Завадовскій уволенъ вслѣдствіе кражи въ его Банкѣ. Онъ располагаетъ уѣхать съ наступленіемъ зимы въ свое прекрасное помѣстье [40]. Графъ Кочубей женился и, по первому санному пути, ѣдетъ къ себѣ въ деревню, прежде чѣмъ отправиться въ чужіе края. Эрцгерцогъ уѣзжаетъ 21 числа нынѣшняго мѣсяца, принцъ Мекленбургскій 15 будущаго Декабря, и около этого времени прибудетъ великій князь Константинъ Павловичъ. Ему прислали орденъ Маріи Терезіи, равно и генералиссимусу; командорскій крестъ кн. Багратіону, а малые кресты въ распоряженіе кн. Суворова. Сей послѣдній отдыхаетъ въ Швабіи, его главная квартира въ Аугсбургѣ. У Корсакова выбыло изъ строя 5800 человѣкъ. Генералъ Эссенъ получилъ отставку, не просивъ ея. Эскадра Брейера еще не вступала въ наши гавани; тамъ были сильные вѣтры. У насъ здѣсь бальи Флаксландеръ, тотъ, которой принималъ столь большое участіе въ возстановленіи главнаго Баварскаго пріората. Это человѣкъ умный, хорошо говорящій, изящнаго обращенія, старый щеголь, очень изысканный въ одеждѣ и посреди самаго серьезнаго разговора безпрестанно подносящій къ своему носу пузырекъ съ духами. Я его видѣлъ два раза и надѣюсь, что больше не увижу. Вчера кончились наши празднества. Я въ нихъ участвовалъ только тѣмъ, что былъ всѣ эти дни вмѣстѣ съ гр. Головинымъ, который у меня останавливался; самъ же я не бываю ни на балахъ, ни на спектакляхъ. Мнѣ праздникъ, когда я могу заниматься, ходить пѣшкомъ, никого не навѣщать и быть покойнымъ.

---

[40]) Лыличи, въ Черниговской губерніи.

Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ выдастъ свою младшую дочь, прелестную дѣвушку, за сына графа Владиміра Орлова, у котораго будетъ со временемъ 300.000 доходу.

24.

22 Ноября 1799, Гатчино.

Существенною опасностью Европы и извѣстною преданностью нашего Государя доброму дѣлу вызваны новыя мѣры, о коихъ вамъ дано знать. Распаденіе союза противъ Франціи заставило призадуматься тѣхъ, которые хотѣли въ этой рѣшительной борьбѣ оставаться простыми зрителями. До Марта мѣсяца генералиссимусъ будетъ отдыхать съ своимъ войскомъ, и тѣмъ временемъ, коль скоро Вѣнскій дворъ не совершенно лишится здраваго смысла и войдетъ вполнѣ въ намѣренія Государя, займутся вмѣстѣ съ нимъ и съ Англіею планомъ будущей кампаніи, такъ чтобы уговориться впередъ на счетъ послѣдствій. Государь весьма желаетъ возстановить Италію въ прежнемъ ея положеніи, какъ она была до войны, въ началѣ прошлаго года. Судя по послѣднимъ донесеніямъ Колычова, Римскій императоръ и первый министръ его (который есть послѣдній изъ его слугъ) чрезвычайно поражены письмомъ нашего Государя. Они трудятся надъ отвѣтомъ, все еще надѣясь, что дѣла снова уладятся. Надо, чтобъ лордъ Минто [41]) сговорился съ Колычовымъ и держалъ себя твердо, такъ какъ теперь не время поблажать лукавой державѣ: надо принудить ее, чтобы она содѣйствовала спасенію Европы. То, что̀ случилось во Франціи, разстроитъ Тугута, потому что надо будетъ принять какое-нибудь рѣшеніе и, одолѣваемый желаніемъ оттягивать и вести переговоры съ Франціею, онъ будетъ затрудненъ, къ кому обращаться посреди этой анархіи. Мнѣ кажется, что Бонапартъ, если только онъ уже не умерщвленъ, будетъ тоже что̀ Оливье Кромвель, либо дастъ Франціи своего короля: человѣкъ такого, какъ онъ, закала, послѣ всего того, что̀ съ нимъ произошло, никогда не удовольствуется положеніемъ второстепеннымъ и, имѣвъ возможность править самому, дѣйствовавъ самовластно въ Египтѣ, не захочетъ быть орудіемъ въ рукахъ Сіеса или кого бы то ни было. Вы окажете большую услугу доброму дѣлу, уладивъ поскорѣе съ Англійскимъ министерствомъ все, что̀ относится до нынѣшней посылки. Я имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ кавалеромъ Витвортомъ. Онъ сулитъ всевозможныя вспоможенія на 80.000 войска и помощь на морѣ и на сухомъ пути, если только найдутъ средства проникнуть во Францію, высадившись на ея берега; но лучше было бы дѣйствовать массою, подъ начальствомъ одного вождя, который уже заявилъ себя своими побѣдами. Сіе послѣднее намѣреніе Государя сообщено здѣсь посланнику Шведскому и министрамъ Даніи, Неаполя и Португаліи.

Говорятъ, что графъ Кобенцель будетъ отозванъ и на его мѣсто пріѣдетъ графъ Бельгардъ. Это статскій генералъ. Третьяго дня уѣ-

[41]) Англійскій посланникъ въ Вѣнѣ.

халъ принцъ Фердинандъ Виртембергскій; оказалось, что у него были полномочія для переговоровъ съ Государемъ Императоромъ. Этотъ принцъ есть существо наиболѣе лукавое. Вчера уѣхала также эрцгерцогиня Александра Павловна. Колычеву велѣно разглашать, что Государь не подастся на сближеніе съ Вѣнскимъ дворомъ, коль скоро Тугутъ не будетъ удаленъ. Королева Неаполитанская скоро пріѣдетъ въ Вѣну, а дочь ея терпѣть не можетъ Тугута. Но тутъ ничего еще нельзя сказать вѣрнаго.

Мнѣ весьма досадно, что перечатъ моему усердію и моей горячности къ чести моего Государя, слѣдовательно противодѣйствуютъ успѣху добраго дѣла, которое онъ поддерживаетъ. Будучи въ отчаяніи отъ того, что союзъ распадается и видя, что дѣло ея гибнетъ (это ея собственныя слова) ...., выходила изъ себя и все происшедшее взваливала на меня. Надо вамъ сказать, что она часто говоритъ, будто я заставляю Государя подписывать что̀ мнѣ угодно. Она увѣряла, что я руковожусь вашими совѣтами, что я купленъ Англіею, что вы подчиняетесь Англійскому министерству и проч. Не опровергая этихъ обвиненій, слишкомъ явно несправедливыхъ, я отнюдь не вмѣшиваюсь въ дѣла, не хочу и думать о нихъ, ни подавать какое либо мнѣніе, съ тѣхъ поръ какъ Государь прогнѣвался на меня весною, за то, что я заклиналъ его не объявлять войны королю Прусскому. Когда онъ посылалъ приказъ генералиссимусу идти съ арміею назадъ, я изобразилъ ему положеніе дѣлъ и показалъ, что подобная мѣра не соотвѣтствуетъ его достоинству; онъ трое сутокъ дулся на меня за это. Теперь онъ чувствуетъ, что я говорилъ ему какъ человѣкъ честный, и убѣдился въ справедливости своего изреченія на мой счетъ: онъ прямъ, да и упрямъ.

Въ томъ, что̀ произошло съ маркизомъ Галло, виною было ваше письмо. Во всемъ этомъ графъ Панинъ дѣйствовалъ непрямо, и мнѣ этого очень жаль, потому что онъ человѣкъ способный къ доброму общественному служенію, и внѣшность у него честная. Мы хороши между собою. Я никогда ни стану ссориться съ человѣкомъ безъ настоящей причины, но убѣжденія у насъ разныя.

Я думаю, вы знаете этого Віомениля. Это вѣрный Французъ, хорошій офицеръ, дѣятельный, но слишкомъ пылкій. Наконецъ, въ предположеніяхъ нашихъ, какъ и всегда, надо положиться на Провидѣніе. Въ настоящую минуту дѣла такъ запутались, что никто не можетъ опознаться въ этомъ хаосѣ. Отвѣтственность за событія слишкомъ велика, чтобы мнѣ брать на себя что-либо.

Шведскій король прислалъ великому князю Александру Павловичу орденъ Серафимовъ. У него родился сынъ, названный Руставомъ.

Я грущу и горюю о томъ, что великихъ людей найти еще труднѣе чѣмъ честныхъ женщинъ. Кавалеръ Бальбо представлялся Государю и долженъ быть доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ.

(Окончаніе будетъ)

КЪ СЕРБАМЪ.

ПОСЛАНІЕ ИЗЪ МОСКВЫ.

Это посланіе написано А. С. Хомяковымъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины († 23 Сент. 1860). Кромѣ его подписи, подъ посланіемъ подписалось еще десять человѣкъ его друзей и единомышленниковъ (изъ которыхъ теперь осталось въ живыхъ только пятеро). Посланіе было переведено на Сербскій языкъ, напечатано въ Лейпцигѣ и послано въ Сербію. Не знаемъ, на сколько распространено оно въ Сербіи; но у насъ оно извѣстно лишь немногимъ лицамъ. Между тѣмъ это завѣтное слово не утратило нимало своего смысла и значенія для всего православнаго міра и для Славянскаго дѣла, коего такимъ сознательнымъ и могучимъ провозвѣстникомъ былъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. *П. Б.*

Много получили вы, братья, милостей отъ Господа Бога въ послѣдніе годы: свободу отъ нестерпимаго ига народа дикаго и невѣрнаго, самостоятельность и самобытность въ дѣлахъ общественныхъ, возможность мирнаго и безмятежнаго житія, возможность развитія умственнаго, нравственнаго и духовнаго, согласно съ духомъ просвѣтившаго насъ Христіанства, и наконецъ возможность содѣйствовать благу меньшихъ братій вашихъ наставленіями и примѣрами вашими. Такихъ счастливыхъ пріобрѣтеній достигли вы собственнымъ мужествомъ, отчасти также содѣйствіемъ и сочувствіемъ единокровнаго, единовѣрнаго вамъ народа Русскаго, болѣе же всего благословеніемъ Бога, устроившаго обстоятельства политической жизни для прекращенія бѣдствій и униженія, которыми испытывалъ Онъ въ продолженіи вѣковъ вашу вѣру и терпѣніе.

Такимъ Божьимъ милостямъ не могли бы мы не порадоваться, когда бъ онѣ посѣтили и всякой другой, вполнѣ намъ чуждый народъ; но никому не можемъ мы сочувствовать такъ, какъ вамъ и другимъ Славянамъ, особенно же православнымъ. Никакой иноземецъ (какой бы ни былъ онъ добрый и благомыслящій) не можетъ въ этомъ съ нами равняться: ибо для него вы все таки чужіе, а для насъ, Сербы, вы земные братья по роду и духовные братья по Христу. Намъ любезенъ вашъ наружный образъ, свидѣтельствующій о кровномъ родствѣ съ нами; любезенъ языкъ, звучащій одинаково съ нашимъ роднымъ языкомъ; любезенъ обычай, идущій отъ одного корня съ нашимъ собственнымъ обычаемъ. И такъ искренно и отъ глубины души благодаримъ мы Бога за милости, которыя Онъ вамъ ниспосылаетъ, и просимъ, дабы Онъ продлилъ и увеличилъ ваше благоденствіе, и прославилъ васъ всякою истинною славою блага духовнаго и преуспѣянія общественнаго предъ всѣми народами.

Доброе начало положено вами.

Великое ваше терпѣніе подъ многовѣковымъ игомъ, блистательное мужество въ часъ освобожденія, болѣе же всего разумъ и чувство правды, которые недавно васъ освободили отъ правителя — мнимаго защитника и истиннаго измѣнника Сербскаго народа — останутся навсегда незабвенными. Такія прекрасныя начала обѣщаютъ и прекрасное будущее. Народъ Сербскій, внушившій уже почтеніе другимъ народамъ, не унизитъ никогда своего достоинства.

Но мы знаемъ, что послѣ испытаній, чрезъ которыя вы уже прошли, предстоятъ вамъ другія испытанія, не менѣе опасныя, хотя по видимому и менѣе тяжелыя. Свобода, величайшее благо для народовъ, налагаетъ на нихъ въ тоже время великія обязанности; ибо многое прощается имъ во время рабства ради самаго рабства и извиняется въ нихъ бѣдственнымъ вліяніемъ чужеземнаго ига. Свобода удвоиваетъ для людей и для народовъ ихъ отвѣтственность передъ людьми и передъ Богомъ. Съ другой стороны, счастіе и благоденствіе преисполнены соблазна, и многіе, сохранившіе достоинство въ несчастіяхъ, предались искушеніямъ, когда видимое несчастіе отъ нихъ удалилось и, заслуживъ Божіе наказаніе, навлекли на себя бѣдствія хуже тѣхъ, отъ которыхъ уже избавились. Всякія внѣшнія и случайныя несчастія могутъ легко быть побѣждены; часто даже, испытывая народную силу, они ее еще укрѣпляютъ и воспитываютъ для будущей славы; но пороки и слабости, вкравшіеся въ жизнь и душу народа, раздваиваютъ его внутреннюю сущность, подрываютъ въ немъ всякое живое начало, дѣлаются для него источникомъ болѣзней неизцѣльныхъ и готовятъ ему гибель въ самые, по видимому, цвѣтущіе годы его благоденствія и преуспѣянія.

Поэтому да позволено будетъ намъ, вашимъ братьямъ, любящимъ васъ любовью глубокою и искреннею и болѣющимъ душевно при всякой мысли о какомъ нибудь злѣ, могущемъ васъ постигнуть, обратиться къ вамъ съ нѣкоторыми предостереженіями и совѣтами. Мы старше васъ въ дѣйствующей исторіи, мы прошли болѣе разнообразныя, хотя не болѣе тяжелыя, испытанія, и просимъ Бога, чтобы опытность наша, слишкомъ дорого купленная, послужила нашимъ братьямъ въ пользу, и чтобы наши многочисленныя ошибки предостерегли ихъ отъ опасностей, часто невидимыхъ и обманчивыхъ въ своемъ началѣ, но крайне гибельныхъ въ своихъ послѣдствіяхъ: ибо опасности для всякаго народа зараждаются въ немъ самомъ и истекаютъ часто изъ началъ самыхъ благородныхъ и чистыхъ, но не ясно сознанныхъ, или слишкомъ односторонне развитыхъ. Посему просимъ васъ, братья, не обвинять насъ въ гордости, какъ людей, надѣющихся на свою мудрость для преподаванія вамъ какихъ нибудь уроковъ, но вѣрить въ нашу братскую любовь, которая не хочетъ, чтобы знаніе, пріобрѣтенное нами посредствомъ многихъ и горькихъ опытовъ, оставалось для васъ безполезнымъ.

Первая и величайшая опасность, сопровождающая всякую славу и всякой успѣхъ, заключается въ гордости. Для человѣка, какъ и

для народа, возможны три вида гордости: гордость духовная, гордость умственная и гордость внѣшнихъ успѣховъ и славы. Во всѣхъ трехъ видахъ она можетъ быть причиною совершеннаго паденія человѣка или гибели народной, и всѣ три встрѣчаемъ мы въ исторіи и въ мірѣ современномъ. Самый разительный примѣръ гордости духовной находимъ мы не въ Римѣ (гдѣ все духовное является болѣе предлогомъ, чѣмъ началомъ), но въ позднѣйшихъ или нынѣшнихъ Грекахъ. Богу угодно было избрать ихъ языкъ для прославленія Своего имени въ Священномъ Писаніи и ихъ самихъ для распространенія вѣры въ мірѣ. Незабвенна память ихъ мучениковъ, незабвенна слава ихъ духовныхъ учителей. Отъ нихъ просвѣтились многіе народы; и мы, Славяне, отъ нихъ получили лучшее свое достояніе, истинное знаніе Бога и Спасителя нашего, свободное отъ всякой ереси и лжи, которыми помрачены народы Западные. Никогда безъ благодарности и безъ искренняго благоговѣнія не могли бы мы вспомнить такіе великіе труды и заслуги Грековъ; но отъ этихъ самыхъ заслугъ возгордились они безумно. Славу своихъ прежнихъ подвижниковъ переносятъ они на себя и, наряжаясь въ нее, превозносятся передъ другими народами и презираютъ братьевъ своихъ о Христѣ. Вѣру, которой нѣкогда служили ихъ предки, считаютъ они какъ бы не общею для всѣхъ исподающихъ ее, но своею, Греческою, и себя единственными сынами Церкви, а другихъ какъ будто рабами и пріемышами. Изъ этого гибельнаго начала проистекаетъ ненависть ихъ ко всѣмъ другимъ народамъ, несогласнымъ съ ихъ неумѣстными притязаніями, и въ особенности къ намъ, Славянамъ; желаніе порабощать насъ или держать насъ въ рабствѣ Турецкомъ, чтобы черезъ Турокъ надъ нами господствовать; вражда противъ нашего языка, который, если бы могли, они изгнали бы изъ храмовъ Божіихъ и изъ священнодѣйствія церковнаго, въ противоположность ихъ же первоучителямъ; и наконецъ такое ожесточеніе, что православный Грекъ становится тяжелѣ племенамъ Славянскимъ, чѣмъ Турокъ-магометанинъ. Это извѣстно всему міру. Конечно и другія страсти, какъ-то корыстолюбіе и любовь къ власти, примѣшиваются къ враждѣ Грековъ противъ Славянъ; но начало ея есть духовная гордость, въ слѣдствіе которой они, какъ Евреи въ древности, готовы считать себя единственными избранниками Божіими, а всѣ другіе народы чѣмъ-то низшимъ и созданнымъ для служенія избранному племени, Греческому. Таковы въ нихъ плоды духовной гордости: вражда ко всѣмъ народамъ и умственная слѣпота, не позволяющая имъ видѣть свои собственныя выгоды. Дай Богъ, чтобы они исправились отъ такого страшнаго порока! Мы и теперь любимъ ихъ, какъ братьевъ и учителей нашихъ; но какъ еще ревностнѣе стали бы мы тогда заботиться о ихъ благѣ и даже проливать нашу кровь за нихъ, забывая всякое зло и помня только объ ихъ заслугахъ и о великой Божіей благодати, данной ихъ предкамъ!

Духовной гордости Грековъ соотвѣтствуетъ умственная гордость всѣхъ Западныхъ народовъ. Богу угодно было оградить ихъ отъ такихъ бѣдствій, которыя обрушились на Грецію и на племена Сла-

вянскія, и облегчить имъ преуспѣяніе въ развитіи наукъ, художествъ и гражданственности. Они воспользовались милостію Божіею и достигли высокаго развитія умственнаго; но, ослѣпленные своими успѣхами, они съ одной стороны сдѣлались (какъ извѣстно) вполнѣ равнодушными къ высшему благу — Вѣрѣ, и коснѣютъ въ слѣпотѣ духовной, а съ другой—сдѣлались не благодѣтелями остальнаго человѣчества (къ чему были призваны), но врагами его, всегда готовыми утѣснять и порабощать другіе народы. Горькій опытъ слишкомъ ясно доказалъ это Славянамъ; да и въ цѣломъ мірѣ корабли Европейскихъ народовъ считаются не вѣстниками мира и счастія, а вѣстниками войны и величайшихъ бѣдствій. Какова надменность Англичанина, или любаго Нѣмца (какъ бы ни было мелко и ничтожно его собственное отечество), каково презрѣніе его ко всѣмъ остальнымъ народамъ міра, каково желаніе попирать ногами всѣ ихъ права и обращать ихъ въ безсильныя орудія своей корысти——знаютъ всѣ. Гибельное сѣмя даетъ и гибельный плодъ, и вражда Западныхъ народовъ, особенно же Англичанъ и Нѣмцевъ, противъ всѣхъ, пораждаетъ естественную и справедливую ненависть во всѣхъ народахъ противъ нихъ. Таково наказаніе гордости умственной.

Обращаясь къ вамъ братія наши, съ полною откровенностію любви, не можемъ мы скрыть и своей вины. Русская земля, послѣ многихъ и тяжкихъ испытаній отъ нашествій съ Востока и Запада, по милости Божіей освободившись отъ враговъ своихъ, раскинулась далеко по земному шару на всемъ пространствѣ отъ моря Балтійскаго до Тихаго Океана и сдѣлалась самымъ обширнымъ изъ современныхъ государствъ. Сила породила гордость; и когда вліяніе Западнаго просвѣщенія исказило самый строй древне-Русской жизни, мы забыли благодарность къ Богу и смиреніе, безъ которыхъ получать отъ Него милости не можетъ ни человѣкъ, ни народъ. Правда, на словахъ и изрѣдка, во время великихъ общественныхъ грозъ, на самомъ дѣлѣ душою смирялись мы; но не таково было общее настроеніе нашего духа. Та вещественная сила, которою мы были отличены передъ другими народами, сдѣлалась предметомъ нашей постоянной похвальбы, а увеличеніе ея единственнымъ предметомъ нашихъ заботъ. Умножать войска, усиливать доходы, устрашать другіе народы, распространять свои области, иногда не безъ неправды,—таково было наше стремленіе; вводить судъ и правду, укрощать насиліе сильныхъ, защищать слабыхъ и беззащитныхъ, очищать нравы, возвышать духъ, казалось намъ безполезнымъ. О духовномъ усовершенствованіи мы не думали; нравственность народную развращали; на самыя науки, о которыхъ, повидимому, заботились, смотрѣли мы не какъ на развитіе Богомъ даннаго разума, но единственно какъ на средство къ увеличенію внѣшней силы государственной, и никогда не помышляли о томъ, что только духовная сила можетъ быть надежнымъ источникомъ даже силъ вещественныхъ. Какъ превратно было наше направленіе, какъ богопротивно наше развитіе, уже можно заключить и изъ

того, что во время нашего ослѣпленія мы обратили въ рабовъ, въ своей собственной землѣ, болѣе двадцати милліоновъ нашихъ свободныхъ братій и сдѣлали общественный развратъ главнымъ источникомъ общественнаго дохода. Таковы были плоды нашей гордости. Война,—война справедливая, предпринятая нами противъ Турціи для облегченія участи нашихъ Восточныхъ братій, послужила намъ наказаніемъ: нечистымъ рукамъ не предоставилъ Богъ совершить такое чистое дѣло. Союзъ двухъ самыхъ сильныхъ державъ въ Европѣ, Англіи и Франціи, измѣна спасенной нами Австріи и враждебное настроеніе почти всѣхъ прочихъ народовъ заставили насъ заключить унизительный миръ: предѣлы наши были стѣснены, военное наше господство на Черномъ морѣ уничтожено. Благодаримъ Бога, поразившаго насъ для исправленія. Теперь узнали мы тщету нашего самообольщенія; теперь освобождаемъ мы своихъ порабощенныхъ братій, стараемся ввести правду въ судъ и уменьшить развратъ въ народныхъ нравахъ. Дай Богъ, чтобы дѣло нашего покаянія и исправленія не останавливалось, чтобы доброе начало принесло добрый плодъ въ нашемъ духовномъ очищеніи и чтобы мы познали навсегда, что любовь, правда и смиреніе одни только могутъ доставить народу, также какъ и человѣку, милость отъ Бога и благоволеніе отъ людей.

Безъ сомнѣнія, гордость силъ вещественныхъ, по самой своей основѣ, унизительнѣе, чѣмъ гордость умственная и гордость духовная: она обращаетъ все стремленіе человѣка къ цѣли крайне-недостойной. Но за то она не столь глубоко вкореняется въ душу и легко исправляется уже и потому, что ложь ея обличается первыми неудачами и несчастіями жизни. Бѣдственная война насъ образумила; твердо надѣемся, что и успѣхи (когда Богу угодно будетъ насъ утѣшить ими) не вовлекутъ насъ въ прежнее заблужденіе.

И вы, братія наши Сербы, легко можете подпасть такому же искушенію въ отношеніи къ другимъ, нашимъ общимъ братьямъ. Передъ иными можете вы превозноситься, видя ихъ слѣпоту въ дѣлѣ богопознанія; передъ другими, видя ихъ порабощеніе, передъ многими—видя ихъ слабость. Но подумайте, что у васъ лучшее богопознаніе не отъ васъ самихъ, а отъ милости Божіей: отцы ваши завѣщали вамъ Православіе, какъ инымъ завѣщали ересь; а сохранять истину легче, чѣмъ возвратиться къ истинѣ отъ наслѣдственной лжи. Тутъ есть великая причина къ радости и благодаренію, но нѣтъ повода къ гордости. Также и порабощеніе, хотя и горькое, не даетъ повода къ пренебреженію. Успѣхъ въ борьбѣ часто зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ самое отчаянное мужество побѣдить не можетъ. Не долго ли рабствовали вы сами? Не долго ли рабствовала Русская земля передъ Татарами? И вотъ Господь освободилъ сперва насъ, а потомъ и васъ; а Болгаре, которыхъ царство славилось далеко, теперь подъ игомъ; а Чехи, которыхъ подвиги достойны были всякаго удивленія, преклоняютъ голову предъ чужероднымъ владычествомъ. Такова воля Божія теперь, но будущее неизвѣстно; ибо хотя по несчастію большая часть

Славянъ порабощена чужой власти, но по мужеству своему они всѣ достойны свободы. Также и слабость племени не оправдываетъ пренебреженія, ибо часто слабые и незамѣчательные въ мірѣ дѣлаются самыми крѣпкими орудіями воли Божіей. Поэтому не оскорбляйте братьевъ презрѣніемъ, которое несноснѣе самого угнетенія, но помните, что они вамъ ровны, хотя менѣе счастливы. Вы, по милости Божіей, православные, свободные и сильные, искреннимъ дружелюбіемъ привлекайте къ себѣ слабыхъ, порабощенныхъ и ослѣпленныхъ. Пусть всякой Славянинъ, изъ какого бы края онъ ни былъ, видя вашу къ нему братскую любовь, будетъ готовъ васъ подкрѣплять доброжелательствомъ, сердечнымъ сочувствіемъ и союзомъ на дѣлѣ. Таковъ законъ Божій, и такова даже ваша собственная выгода. Богъ устроилъ современныя намъ судьбы міра такъ, что лучшая изъ человѣческихъ добродѣтелей—братолюбіе — есть въ тоже время единственное спасеніе для Славянъ и единственная сила, могущая освободить ихъ отъ враговъ и утѣснителей, которыхъ, вы сами знаете, и называть не нужно. Благодаримъ Его святую волю.

Мы знаемъ, что есть Славянскія племена, которыя еще ничѣмъ не прославились, между тѣмъ какъ вы уже изстари можете хвалиться многими блистательными подвигами; но и тутъ нѣтъ повода къ гордости; ибо подумайте! Хотя уже и въ прежнее время вы отличались мужествомъ, но сколько въ лѣтописяхъ вашихъ разврата, измѣны, междоусобнаго кровопролитія, братоубійствъ и даже отцеубійствъ, чѣмъ и язычники гнушаются. Не явно ли, что святая Вѣра, озарившая вашихъ предковъ, не проникла въ сердца ихъ и не сдѣлалась, какъ слѣдовало, для нихъ источникомъ святости и добродѣтели? За ихъ пороки и черезъ эти самые пороки Господь Богъ наказалъ ихъ на многія поколѣнія. Это говоримъ мы конечно не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ, нашихъ дорогихъ и уважаемыхъ братій, но съ тѣмъ, чтобы, отстранивъ всякую гордость и уразумѣвъ, какъ свои собственныя вины, такъ и наказанія Божіи, вы стремились впередъ ко всякой добродѣтели и всякой честной славѣ, достойной народа христіанскаго, и пріобрѣли отъ всѣхъ почтеніе и любовь, чему, какъ мы уже сказали, доброе начало вами положено.

По истинѣ, Сербы, великія милости даровалъ вамъ Богъ, бо́льшія, думаемъ, чѣмъ вы сами знаете. Тѣлесное здоровье есть одно изъ лучшихъ благъ для человѣка; но цѣну этого блага узнаётъ онъ, когда лишится его, или когда изучитъ чужія болѣзни и сравнитъ ихъ съ своимъ собственнымъ здоровымъ состояніемъ. Такъ и вы можете узнать свои преимущества только по сравненію съ недостатками другихъ обществъ (а на такое сравненіе вы еще не обращали вниманія), или по откровенному признанію самыхъ этихъ обществъ, узнавшихъ изъ опыта свои болѣзни и ихъ причины. Пусть это знаніе послужитъ вамъ предостереженіемъ, дабы вы могли избѣжать ошибокъ, которыхъ другіе народы избѣгнуть не умѣли, и дабы, перенимая доброе и полезное, вы не заразились злы-

ми началами, часто примѣшанными къ добру и вовсе незамѣтными для неопытнаго глаза.

Первое, важнѣйшее и неоцѣнимое счастіе ваше, Сербы,—это единство ваше въ Православіи, то есть въ высшемъ знаніи и въ высшей истинѣ, въ корнѣ всякаго духовнаго и нравственнаго возрастанія. Таково ваше единство въ Вѣрѣ, что для Турка слова „Сербъ" и „Православный" кажутся однозначущими. Этимъ лучшимъ изо всѣхъ благъ болѣе всѣхъ должны вы дорожить и охранять его, какъ зѣницу ока: ибо, дѣйствительно, что̀ есть Православіе, какъ не зѣница ока внутренняго и духовнаго?

Не насиліемъ посѣяно Христіанство въ мірѣ; не насиліемъ, а побѣждая всякое насиліе, возрасло оно. Поэтому не насиліемъ должно быть охраняемо оно, и горе тѣмъ, которые хотятъ силу Христову защищать безсиліемъ человѣческаго орудія! Вѣра есть дѣло духовной свободы и не терпитъ принужденія; Вѣра же истинная побѣждаетъ міръ, а не проситъ меча мірскаго для торжества своего. Поэтому уважайте всякую свободу совѣсти и Вѣры, дабы никто не могъ оскорблять истину и говорить, что она боится лжи и не смѣетъ состязаться съ ложью оружіемъ мысли и слова. Ревнуйте къ чести Божіей не робостью и сомнѣніемъ въ ея могуществѣ, но смѣлостью и спокойною увѣренностью въ ея побѣдѣ.

Но съ другой стороны, имѣйте всегда въ виду значеніе и достоинство Вѣры. Весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ, что она ограничивается простымъ исповѣданіемъ, или обрядами, или даже прямыми отношеніями человѣка къ Богу. Нѣтъ: Вѣра проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему; она какъ бы невидимыми нитями или корнями охватываетъ и переплетаетъ всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ стремленія его. Она есть какъ будто лучшій воздухъ, претворяющій и измѣняющій въ немъ всякое земное начало, или какъ бы совершеннѣйшій свѣтъ, озаряющій всѣ его нравственныя понятія и всѣ его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними. Поэтому Вѣра есть также высшее общественное начало: ибо само общество есть ничто иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними.

Здоровое общество гражданское основывается на понятіи его членовъ о братствѣ, правдѣ, судѣ и милосердіи, а эти понятія не могутъ быть одинаковыми при различныхъ Вѣрахъ. Еврей и Магометанинъ исповѣдаютъ единаго Бога, какъ и Христіане, но одинаковы ли ихъ понятія о правдѣ и милости съ нашими? Конечно скажутъ, что они не знаютъ ни таинства Святой и приснопокланяемой Троицы, ни любви Божіей, спасшей насъ черезъ Христа, и что слѣдовательно различіе между ими и нами слишкомъ велико; но мы знаемъ, что и у Христіанъ, кромѣ истинной Православной Церкви, нѣтъ ни вполнѣ яснаго понятія, ни вполнѣ искренняго чувства братства. Это понятіе, это чувство воспитывается и крѣпнетъ только въ Православіи. Не даромъ община, и святость мірскаго приговора, и безпрекословная покорность каждаго передъ единогласнымъ рѣшеніемъ

братьевъ—сохранились только въ земляхъ православныхъ. Ученіе Вѣры воспитываетъ душу даже безъ общественнаго быта. Папистъ ищетъ власти посторонней и личной, какъ онъ привыкъ ей покоряться въ дѣлахъ Вѣры; Рефоматъ доводитъ личную свободу до слѣпой самоувѣренности, также какъ и въ своемъ мнимомъ богопознаніи: таковъ духъ ихъ ученія. Одинъ только Православный, сохраняя свою свободу, но смиренно сознавая свою слабость, покоряетъ ее единогласному рѣшенію соборной совѣсти. Отъ того-то и не могла земская община сохранить свои права внѣ земель православныхъ; отъ того и Славянинъ вполнѣ Славяниномъ внѣ Православія быть не можетъ. Сами наши братья, совращенные въ Западную ложь, будь они Announcing Паписты или Реформаты, съ горемъ сознаются въ этомъ. Тоже окажется и во всѣхъ дѣлахъ суда и правды и во всѣхъ понятіяхъ объ обществѣ, ибо въ основѣ его лежитъ братство.

Да будетъ же всѣмъ полная свобода въ Вѣрѣ и въ исповѣданіи ея! Да не терпитъ никто угнетенія или преслѣдованія въ дѣлѣ богопознанія или богопоклоненія, никто, хотя бы онъ былъ (чего Боже избави) совратившійся съ пути истиннаго Сербъ; да будетъ онъ вамъ все еще братомъ, хотя несчастнымъ и ослѣпленнымъ! Но да не будетъ уже онъ ни законодателемъ, ни правителемъ, ни судьею, ни членомъ общиннаго схода: ибо иная совѣсть у него, иная у васъ. Великій Апостолъ языковъ говоритъ: „Не стыдно ли вамъ Христіанамъ судиться передъ язычниками? Пусть судятъ между васъ братья". Поэтому иновѣрецъ долженъ быть для васъ, какъ гость охраняемый вами отъ всякой неправды и пользующійся всѣми вашими правами въ дѣлахъ жизни частной, но не долженъ быть полноправнымъ гражданиномъ или сыномъ великаго Сербскаго дома, судящимъ съ братьями въ дѣлахъ общественныхъ. Богъ избавилъ васъ отъ внутренняго разъединенія: не допускайте такаго разъединенія въ самыхъ нѣдрахъ совѣсти народной и общественнаго духа. Горько намъ подумать, что не всѣ Славяне православны. Вѣримъ, что и они со временемъ всѣ просвѣтятся истиною, любимъ ихъ душою и всегда готовы протянуть имъ руку братства и помощи противъ всѣхъ; но думаемъ, что они такимъ исключеніемъ оскорбиться не могутъ, и сами по любви къ вамъ не захотѣли бы внести сѣмена раздора и разномыслія въ ваше общество.

Есть между вами богатые и бѣдные, точно также какъ сильные и слабые, здоровые и немощные, умные и глупые; но что̀ бы вы сказали о законѣ, по которому велѣно бы было такому-то быть богатымъ, а такому-то быть бѣднымъ, или такому-то быть сильнымъ, а такому-то быть слабымъ, или такому-то умнымъ, а такому-то глупымъ? Разуменъ ли былъ бы такой законъ и согласенъ ли съ Христіанствомъ? Не всѣ ли вы люди? Не всѣ ли вы Славяне? Не всѣ ли Сербы? Счастливы вы передъ всѣми народами въ томъ, что всякій Сербъ смотритъ на Серба, какъ на брата ровнаго ему, и нѣтъ между вами высшаго или низшаго, кромѣ службы обществу, которая опредѣляетъ людямъ разные чины по разнымъ заслугамъ или потребностямъ государства. Сохраняйте

это равенство, дорожите такимъ великимъ сокровищемъ! Не допускайте никакихъ законовъ, никакихъ мѣръ правительственныхъ, никакихъ обычаевъ, которые могли бы разрывать братство. Во всѣхъ другихъ земляхъ ввелось такое злое начало, что иной считается благороднымъ, иной низкимъ по крови: „такой-то мнѣ не ровенъ", или „такой-то не можетъ быть въ нашемъ кругѣ, потому что онъ низкаго происхожденія", или „такой-то не смѣетъ свататься за мою дочь, потому что онъ неблагороднаго дома", и такъ далѣе. Изъ великой неправды возникаетъ великое общественное зло: гордость мнимо-высшихъ, злоба и зависть мнимо-низшихъ, и слѣдовательно раздоры и слабость общественная. Пусть это зло остается при тѣхъ, у которыхъ оно уже существуетъ и проистекло изъ исторіи. Не прививайте себѣ болѣзни, отъ которой васъ Богъ избавилъ. Не забывайте примѣра Польши, вамъ единокровной. Тамъ немногія тысячи считали себя народомъ, а народъ считали стадомъ, едва достойнымъ имени человѣческаго; и вотъ, не смотря на всѣ свои ратные подвиги, на все свое мужество, на свою славу, государство Польское пало. Не забывайте такого урока! Пусть судія судитъ, и правитель управляетъ, и князь княжитъ, какъ нужно обществу; но внѣ своей должности да будетъ всякій Сербъ нынѣ и всегда ровенъ своимъ братьямъ.

Многому еще должны вы учиться, братья, у тѣхъ народовъ, которымъ Богъ далъ издавна свободу отъ внѣшняго угнетенія и возможность посвятить мысль и дни свои усовершенствованію наукъ и художествъ. Сами вы видите, и не нужно вамъ доказывать, какія силы наука даетъ человѣку, и какъ покоряетъ она ему самую природу; но наука даетъ еще болѣе. Она расширяетъ предѣлы Богомъ даннаго намъ разума, уясняетъ наши понятія, просвѣтляетъ наши умственные взоры, раскрываетъ тайны міра Божьяго и чудеса Его творческой премудрости. Пріобрѣтать науку не только необходимо для жизни общественной, но и обязательно для исполненія воли Божіей, давшей намъ разумъ какъ поле многоплодное, которое не должно лежать въ залежи и поростать терніями невѣжества и ложныхъ мнѣній, но украшаться жатвою знанія и истины. И такъ мы говоримъ, что много добрыхъ и полезныхъ знаній еще должны вы пріобрѣсти отъ другихъ народовъ (будь они Нѣмцы или иные) для достиженія той степени умственнаго развитія, къ которой вы призваны; но знаніе не есть еще истинное просвѣщеніе. Знаніе есть расширеніе умственнаго богатства; просвѣщеніе же истинное, сверхъ знанія, заключаетъ въ себѣ развитіе высшихъ началъ нравственныхъ и духовныхъ. Пріобрѣтеніе знанія немноготрудно; пріобрѣтеніе же высшаго нравственнаго развитія есть высшая задача для человѣка, и многіе люди, лишенные по обстоятельствамъ жизни знанія научнаго, но глубоко проникнутые нравственнымъ свѣтомъ, ближе къ полному просвѣщенію, чѣмъ многознающіе, но лишенные силы жизни духовной.

Вѣрьте намъ, Сербы, знающимъ и испытывающимъ надъ собою, и отчасти надъ самымъ Отечествомъ нашимъ, болѣзни современна-

го міра! Многіе и лучшіе люди въ цѣлой Европѣ завидуютъ вамъ, хотя и не вполнѣ еще знаютъ ваши преимущества. И эта зависть понятна: ибо въ единствѣ Вѣры, въ законѣ и чувствѣ братскаго равенства, въ цѣльности жизни и простотѣ нравовъ заключаются такія сокровища, которыхъ уже не купятъ ни знаніе, ни усилія частныя, ни сила и учрежденія государственныя. Вы приступаете къ развитію умственныхъ своихъ богатствъ, и конечно еще многому должны научиться; но вы приходите не какъ убогіе, а какъ богатые, не какъ низшіе въ обществѣ народовъ, а какъ высшіе: ибо все то, что̀ есть у другихъ, вы можете пріобрѣсти съ небольшимъ трудомъ, а что̀ у васъ собственнаго, Богомъ даннаго, того они пріобрѣсти не могутъ. Храните свои сокровища и дорожите ими! Гордость есть великій и гибельный порокъ; но не менѣе гибельно и самоуниженіе, не знающее цѣны даровъ, полученныхъ нами отъ Бога. Пусть наши ошибки послужатъ вамъ предостереженіемъ и урокомъ.

И мы имѣли многія изъ тѣхъ преимуществъ, которыя вы имѣете теперь, нѣкоторыя въ меньшей степени, какъ напримѣръ: братское равенство и простоту жизни; нѣкоторыя даже въ высшей, какъ напримѣръ: полноту и силу общиннаго устройства. И мы, также какъ вы, въ слѣдствіе происшествій историческихъ, пришли въ соприкосновеніе съ Европою и ея просвѣщеніемъ. Съ горестью увидѣли мы свое невѣжество, съ удивленіемъ чужое знаніе. Мы полюбили это знаніе, мы старались усвоить себѣ его сокровища, и мы были правы: ибо такова обязанность человѣка. Но въ слѣпомъ благоговѣніи передъ чужимъ богатствомъ, мы не умѣли распознать его злую примѣсь, а свое высшее богатство забыли. Намъ казалось, что страны, болѣе насъ ученыя, должны превосходить насъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что всякой обычай ихъ, всякое учрежденіе лучше нашихъ собственныхъ. Всему чужому стали мы не учиться только, какъ слѣдовало, а подражать. Вмѣсто смысла просвѣщенія, вмѣсто внутренняго зерна мысли, въ немъ проявляющейся, стали мы перенимать его формы и наружный видъ; вмѣсто того, чтобы возбудить въ себѣ самодѣйственную силу разума, мы стали безъ разбора перенимать всѣ выводы, сдѣланные умомъ чужимъ, и вѣровать въ нихъ безусловно, даже когда они были ложны, такъ что то самое, что̀ должно было въ насъ пробуждать бодрственную дѣятельность мысли и духа, погрузило насъ на долго въ умственный сонъ. Судъ принимали мы отъ Нѣмцевъ съ его тайною и съ его формальностію, отстраняющею права̀ человѣческой совѣсти; управленіе строили на Нѣмецкій ладъ, не соотвѣтствующій нашимъ собственнымъ потребностямъ; чиноначалія гражданскія и военныя рядили въ иностранныя имена; войско обращали понѣмецки въ движущіяся машины, на перекоръ народному духу, и эти машины стягивали въ уродливые наряды, какъ въ цѣпи, уничтожающія всякое свободное движеніе членовъ; красивую и удобную одежду нашихъ предковъ замѣняли безобразными одеждами Западныхъ народовъ, о которыхъ со временемъ безъ насмѣшки и

вспомнить нельзя будетъ; всѣ обычаи свои измѣняли, чтобы принимать обычаи чужіе, и снова безпрестанно мѣняли эти новые обычаи по указу иноземному; наконецъ (даже стыдно объ этомъ вспомнить) самый языкъ свой, великое нарѣчіе рѣчи Славянской, древнѣйшее и лучшее изо всѣхъ словъ человѣческихъ, презирали мы и бросали на письмѣ, въ обществѣ, и даже въ дружеской бесѣдѣ, замѣняя его жалкимъ лепетомъ самаго скуднаго изо всѣхъ языковъ Европейскихъ. Таково было наше безуміе, таковы были явленія того времени, когда вещественная гордость государства сопровождалась самоуниженіемъ народа. Но это самоуниженіе было не въ народѣ, а только въ высшемъ сословіи, оторвавшемся отъ народа. Оно хотѣло подражать всему иноземному, хотѣло казаться иноземнымъ, и для народа оно сдѣлалось иноземнымъ. Исчезло всякое довѣріе, исчезло всякое духовное общеніе, всякій размѣнъ мысли. Разумъ милліоновъ оставался безплоднымъ для общества, добровольно заключившаго себя въ тѣсные предѣлы тѣхъ немногихъ тысячъ, которыя согласились отказаться отъ всѣхъ своихъ родныхъ обычаевъ. Эти немногія, подъ именемъ просвѣщенія, гонялись только за его ложнымъ призракомъ, гордяся тѣмъ, что въ глазахъ народа они казались Нѣмцами; а народъ удалялся отъ истиннаго знанія, видя въ немъ какъ бы силу враждебную и гибельную для Русскаго народа. Ошибка высшихъ ввела низшихъ въ ошибку, ей противуположную, и наше слѣпое поклоненіе знанію и просвѣщенію Европы остановило на долго развитіе знанія и просвѣщенія въ Русской землѣ.

Не нужно, братья, объяснять вамъ, какъ гибельны были послѣдствія такого внутренняго разъединенія, какое множество ошибокъ истекло изъ одной ошибки, какими неправдами и страданіями въ жизни частной, какою безплодностью въ жизни общественной, какимъ безсиліемъ въ жизни государственной были мы наказаны за наше чужепоклонство. И теперь не избавились мы, и еще нескоро избавимся, отъ его горькихъ плодовъ. Для насъ они видны и чувствительны вездѣ и во всемъ. Для васъ, живущихъ далеко, они не могутъ быть столько явными, и поэтому мы считаемъ необходимымъ представить вамъ хоть одинъ примѣръ, по которому вы могли бы судить о прочихъ.

Извѣстно всѣмъ, что, прежде императора Петра Перваго, берега Чернаго моря принадлежали Турціи, и только одно устье Днѣпра было въ рукахъ Русскихъ казаковъ, нашихъ братьевъ Запорожцевъ. Не было у нихъ ни кораблей, ни возможности строить корабли. На легкихъ челнокахъ, часто на однодеревкахъ и душегубкахъ, пускались они въ бурное море, изстари страшное мореплавателямъ, страшное даже и теперь при всѣхъ усовершенствованіяхъ мореплаванія, и тысячами налетали на берега вѣчныхъ враговъ имени Христіанскаго. Отъ Батума до Цареграда гремѣла ихъ гроза. Трапезундъ и Синопъ и самые зáмки Босфора дрожали передъ ними. Турецкіе флоты, смѣло гулявшіе по Средиземному морю и нерѣдко грозившіе берегамъ Франціи, Италіи и Испаніи,

прятались въ пристани предъ лодками Запорожскими. Не изъ хвастливости, но по истинной правдѣ говоримъ мы: свидѣтелями намъ самыя Турецкія лѣтописи и еще теперь незабытыя преданія. Не было въ цѣлой Европѣ ни одного народа, который могъ бы похвалиться такими дивными подвигами мужества на моряхъ, и опять безъ хвастливости можемъ мы сказать, что люди Сѣверные ничѣмъ не уступали своимъ Южнымъ братьямъ. Не слѣдовало ли думать, что съ такими людьми Русскій флотъ далеко превзойдетъ флоты другихъ народовъ, когда лодки замѣнятся могущими и сильно вооруженными судами? Такой успѣхъ былъ вѣроятенъ; смѣло скажемъ, онъ былъ несомнѣненъ. Но ожиданія не сбылись: въ этомъ должны мы признаться, не смотря на безспорное мужество нашихъ моряковъ. Отъ чего же такая неудача? Отъ чего люди, далеко превосходившіе на морѣ всѣхъ своихъ соперниковъ, стали едва ровными имъ? Причина весьма проста. Они стали не тѣми людьми, которыми были прежде. Императоръ Петръ началъ первый у насъ строить большіе корабли по образцу Голландскому (и за это ему честь и слава!), но къ разумному дѣлу онъ примѣшалъ страшное неразуміе. Названіе всѣхъ частей корабельныхъ, всѣ слова, относящіяся до мореходства, всѣ слова команды принялъ онъ также отъ Голландцевъ. Какія же вышли послѣдствія? Этихъ Нѣмецкихъ словъ, этихъ названій, вовсе безсмысленныхъ для Русскаго уха и не представляющихъ ничего Русскому уму, набрались тысячи. Теперь поступаетъ на корабль будущій морякъ, человѣкъ, котораго Богъ одарилъ и ловкостью, и смѣлостью необычайною, человѣкъ подобный тѣмъ, которые въ старые годы на узкихъ лодкахъ громили берега Чернаго моря, потрясали Царьградъ и уничтожали флоты Турецкіе; но онъ теперь поступаетъ не въ моряки, а въ школьники. Ему надо твердить тысячи безсмысленныхъ и дико-звучащихъ словъ, и въ этомъ безсмысленномъ ученіи проходятъ года его горячей и живой молодости. Вмѣсто любви къ своему дѣлу, вмѣсто опытности моряка, онъ пріобрѣтаетъ равнодушіе и даже какъ бы отвращеніе отъ своего занятія, отъ своего корабля, отъ самаго моря. Пройдутъ года, и морской богатырь обратится въ полумертвый Нѣмецкій словарь. Правда, онъ будетъ исправлять свою обязанность, потому что онъ Христіанинъ и Русскій; но истинный морякъ уже погибъ въ немъ безвозвратно. По этому примѣру, братья, судите и обо всемъ. Вся земля Русская обратилась какъ бы въ корабль, на которомъ слышатся только слова Нѣмецкой команды. По милости Божіей мы теперь начали образумливаться и возвращаться къ своему языку, къ своему собственному духу. Насъ спасла Вѣра, которой мы не измѣнили, насъ спасла стойкость народа, который не обольстился примѣромъ высшаго сословія; но не скоро излечивается болѣзнь, и потерянные года уже не возвратятся. Да будетъ нашъ примѣръ урокомъ для васъ! Учитесь у Западныхъ народовъ, это необходимо; но не подражайте имъ, не вѣруйте въ нихъ, какъ мы въ своей слѣпотѣ имъ подражали и вѣровали. Да избавитъ васъ Богъ отъ такой страшной напасти!

Чужой умъ долженъ въ васъ пробуждать дѣятельность собственнаго ума, и этою дѣятельностію будете вы возвышаться болѣе и болѣе; но вы не должны прививать къ себѣ чужой жизни потому, что съ нею вы привьете къ себѣ не чужое здоровье, а чужія болѣзни. Даже скажемъ болѣе: то, что̀ въ другомъ народѣ не только безвредно, но даже и полезно, то въ васъ сдѣлается началомъ зла и гибели. Всякое живое созданіе имѣетъ свои законы бытія, свой строй и ладъ, на которыхъ основано самое существо его и которые въ свою очередь опредѣляютъ свойства его проявленій и произведеній. Но то, что̀ въ одномъ стройно и ладно (потому что согласно съ его существомъ), дѣлается началомъ нестройности и разладицы, когда оно привито къ другому, котораго существо основано на иномъ законѣ. Никто не можетъ пѣть чужимъ голосомъ, или красиво ходить чужою походкою.

Такъ и внутренняя жизнь народа приходитъ въ нестройность и разладъ, когда она позволяетъ струѣ жизни чужой влиться въ ея жилы. Поэтому обсуживайте строго чужія мысли, прежде чѣмъ примете ихъ, и не будьте спѣшны на нововведенія, развѣ бы польза ихъ была ясна и несомнѣнна.

Много есть у васъ единокровныхъ за границею вашего княжества, и эти вамъ единокровные люди истинно желаютъ вамъ добра, и часто по своей образованности и знаніямъ могутъ принести вамъ много пользы. Принимайте ихъ съ любовію, выслушивайте ихъ добрые совѣты, пользуйтесь ихъ сердечною службою съ сердечною же благодарностью; но и тутъ не откладывайте осторожности. Часто бываетъ, что они жили и образовались подъ сильнымъ вліяніемъ чужеземныхъ началъ, хоть бы напр. Нѣмецкихъ, и не остались чуждыми ихъ прелести. Часто случается, что по привычкѣ, принятой изъ дѣтства, они измѣнили безсознательно ладъ своей жизни внутренней и своего ума; научились, напримѣръ, принимать умноженіе формальностей за правительственную мудрость, стѣснительныя мѣры за порядокъ, бумажную отчетливость за ручательство, которое будто бы лучше и вѣрнѣе человѣческой совѣсти; чиновническое вмѣшательство во все и чиновническую опеку надо всѣмъ — за единственную охрану спокойствія и порядка общественнаго; наконецъ вообще Нѣмецкую хитрость за образованность истинную, а Славянскую простоту за остатокъ старинной дикости. Точно также и многіе обычаи иноземные привыкли они часто предпочитать своимъ, Сербскимъ. Конечно ихъ въ этомъ винить нельзя, ибо самая ихъ ошибка очень естественна; но васъ просимъ мы оберегаться ея, а ихъ просимъ мы не слишкомъ довѣрять своей мнимой мудрости и помнить, что они приступаютъ къ вашему союзу не какъ чистѣйшіе и безусловно лучшіе, но напротивъ того какъ люди нѣсколько искаженные и требующіе, такъ сказать, внутренняго омовенія отъ иноземной проказы. Простота есть степень высшая въ общественной жизни, чѣмъ искусственность и хитрость, и всякое начало, истекающее изъ духа и совѣсти, далеко выше всякой формальности и бумажной админи-

стративности. Одно живо и живитъ, другое мертво и мертвитъ. Предоставьте послѣднее Австріи!

Точно такое же слово обращаемъ мы и къ вашимъ молодымъ согражданамъ, чадамъ Православной Сербіи, получившимъ свое научное воспитаніе внѣ предѣловъ родной земли, въ странахъ чужихъ, на Западѣ, а можетъ быть даже и въ нашей Россіи. Безъ сомнѣнія много умственныхъ сокровищъ пріобрѣли они для обогащенія своего Отечества, и иначе пріобрѣсть ихъ не могли; но рѣдкій изъ нихъ, и едва ли кто нибудь, остался свободнымъ отъ всякаго вреднаго вліянія. Они сами не должны себѣ слишкомъ много довѣрять. Живая связь съ Отечествомъ не прерывается на нѣсколько лѣтъ вовсе безнаказанно: много замираетъ — хотя на время — чувствъ добрыхъ и естественныхъ, много закрадывается въ душу соблазновъ и неустройствъ. Пусть возвратившійся самъ себя ставитъ какъ бы на искусъ. Пусть сживается онъ опять вполнѣ съ своей родиной, до тѣхъ поръ, покуда самъ почувствуетъ себя опять истиннымъ, простымъ Сербомъ, только коечему научившимся въ школѣ другихъ народовъ. Пусть заслуживаетъ онъ ваше довѣріе, прежде чѣмъ получитъ довѣріе къ самому себѣ.

Ни строгостью, ни законами нельзя оградить обычаевъ отъ искаженія. Строгіе законы только обличаютъ неувѣренность общества въ своей собственной твердости и, подъ ихъ мнимой защитой, тайный источникъ нравственной порчи растетъ и наполняется мало по малу скрытымъ нарощеніемъ, до тѣхъ поръ покуда онъ осилитъ, или измѣнитъ самый законъ. Часто даже строгость закона переживаетъ его самого и обращается на то, что̀ онъ прежде ограждалъ. Такъ напримѣръ: у насъ нѣкогда уголовными и неразумными законами думали оградить обычаи Русскіе отъ измѣненія иноземнаго; а потомъ императоръ Петръ сталъ наказывать смертію или ссылкою на каторгу не только тѣхъ, которые держались Русскаго обычая въ одеждѣ, но даже и тѣхъ, которые такую одежду изготовляли для желающихъ носить ее. Трудно повѣрить такому безумному ожесточенію противъ нравовъ отечественныхъ, но мы не выдумываемъ, а свидѣтельствуемся собраніемъ Русскихъ законовъ, и признаёмъ, что начало позднѣйшей жестокости заключалось въ неразуміи прежнихъ, мнимо-охранительныхъ мѣръ. Только внутреннее убѣжденіе и чувство народное могутъ охранять обычай, который всегда истекаетъ изъ внутренней жизни. Да будетъ же у васъ огражденіемъ Сербскаго обычая не строгость законовъ, но презрѣніе общественное къ его нарушителямъ. Мы знаемъ, что обычаи не могутъ оставаться навсегда неизмѣнными, и что требованія жизни мало по малу измѣняютъ или принаравливаютъ ихъ согласно измѣненіямъ самой жизни. Внутреннее чувство народа само служитъ мѣриломъ для законности и необходимости этихъ постепенныхъ измѣненій. Такъ, напримѣръ, самый языкъ принимаетъ отъ другихъ языковъ необходимый приливъ чужихъ словъ для выраженія предметовъ или понятій, чуждыхъ природѣ

отдѣльной страны или жизненному строю ея жителей. Не нужно, конечно, Сербу выдумывать свои названія для заморскаго тигра или крокодила, для Англійскаго пера, для Французской моды или Нѣмецкой дипломатіи; но къ чему бы стали вы, подобно намъ, искать чужихъ словъ для тѣхъ предметовъ и понятій, которые точно также могутъ получить названія изъ вашего собственнаго нарѣчія? Въ такомъ приливѣ иноземныхъ звуковъ, по видимому, заключается только пустая ошибка; но это не такъ: въ ней заключается прямой и страшный вредъ, котораго послѣдствія трудно исчислить. Начало его есть умственная лѣнь и пренебреженіе къ своему собственному языку; послѣдствія же его — оскудѣніе самаго языка, т. е. самой мысли народной, которая съ языкомъ нераздѣльна, гибельная примѣсь жизни чужой и часто разрушеніе самыхъ священныхъ началъ народнаго быта. Дайте какой бы то ни было власти названіе иноземное, и всѣ внутреннія отношенія ея къ подвластнымъ измѣнятся и получатъ иной характеръ, который нескоро исправится. Назовите святую Вѣру религіей, и вы обезобразите самое Православіе. Такъ важно, такъ многозначительно слово человѣческое, Богомъ данная ему сила и печать его разумнаго величія. Мы уже показали вамъ, какъ вредно было для насъ иноземное названіе всѣхъ предметовъ, принадлежащихъ къ мореплаванію, и могли бы показать еще много и много другихъ примѣровъ. Но что̀ скажемъ мы о несчастной Польшѣ? Рано вступила она въ тотъ гибельный путь, на который мы попали поздно и, надѣемся, только на время; рано исказила она свою жизнь этою словесною иноземщиною. Шляхта, кастеляны, маршалки, рыцари, войты, изуродовали ея Славянскій бытъ и Славянскую простоту ея общественныхъ отношеній; народъ разорвался пополамъ, и зародышъ будущей гибели запа̀лъ и разросся въ самое время мнимой государственной силы. Польша гордилась тѣмъ, что въ ней процвѣталъ языкъ Римскій (вмѣстѣ съ Римскою религіей); Польша гордилась тѣмъ, что во Франціи ея паны удивляли самихъ Французовъ изяществомъ слова; а слово народное, а мысль народная, спа̀ли какъ заброшенное поле, не приносящее никакихъ добрыхъ плодовъ человѣку. Послѣдствія вамъ извѣстны. Горько намъ говорить объ ошибкахъ и грѣхахъ Польши; но мы обязаны вамъ напоминать о несчастныхъ примѣрахъ, уже представленныхъ другими народами и, какъ видите, непристрастно говоримъ о самихъ себѣ.

Обогащайте умъ знаніемъ языковъ, но у себя не допускайте чужеязычія. Пусть въ Сербіи добровольный чужеязычникъ пользуется только тѣмъ уваженіемъ, которое подобаетъ попугаю. Предоставьте ему топырить хохолъ и охорашиваться на своей насѣсти.

По видимому весь обычай состоитъ изъ мелочей, но онъ не мелочь. Что́ бы могло быть, напримѣръ, важнаго въ одеждѣ? Не все ли равно, какъ человѣкъ одѣтъ, и какъ сшиты лоскуты, которыми онъ прикрывается? Вѣдь это вещь вовсе мертвая и неспособная

дѣйствовать на жизнь? Такъ и у васъ толкуютъ; но вы этимъ толкамъ не вѣрьте. Таково благородство души человѣческой, что и мертвое получаетъ отъ нея живое значеніе и въ свою очередь дѣйствуетъ на жизнь. Измѣненіе одежды народной и предпочтеніе одежды Западной происходятъ отъ злаго источника, отъ презрѣнія къ своему и раболѣпства передъ чужимъ. Совмѣстно ли такое чувство съ братолюбіемъ и съ тѣмъ почтеніемъ, которое всякій человѣкъ обязанъ питать къ своей родинѣ и къ своему народу? Извинительно было бы измѣненіе платья для бо̀льшаго удобства или даже для красоты; но судите сами: было ли что нибудьудобнаго или красиваго въ одеждахъ Западныхъ отъ шитаго кафтана и пудры до теперешняго фрака и галстука? О женскихъ одеждахъ и говорить нечего: онѣ всегда были то уродливыми, то непристойными, а по большей части уродливыми и непристойными вмѣстѣ. Западная одежда безпрестанно измѣняется и безпрестанно опредѣляется такъ называемо̀ю модою; а что такое мода? Гдѣ нибудь (по большей же части въ Парижѣ) извѣстный кружокъ людей перемѣняетъ покрой платья или прическу по своей прихоти, и остальные Французы, а за ними и другіе народы, не медля, принимаютъ эту перемѣну, не смѣя даже сомнѣваться въ ея красотѣ, какъ бы ни была она нелѣпа. Вдумайтесь безпристрастно въ причины этого подражанія, и вы убѣдитесь, что оно происходитъ изъ душевнаго холопства передъ мнимо-высшими; а гдѣ замѣшалось холопство, тамъ душа теряетъ чистоту и благородство. Одежда народная есть свободный обычай народа; измѣненіе ея ради удобства можетъ отчасти показать нѣкоторую свободу и даже разумность человѣка (ибо и самый обычай такъ созидался); но подраженіе Западному наряду есть ничто иное, какъ признанное холопство передъ вкусомъ мнимо-высшаго общества. Пусть тѣ, которымъ нравится такое признаніе, пользуются уваженіемъ, которое они заслуживаютъ, а именно тѣмъ самымъ, которое человѣкъ оказываетъ обезьянѣ.

Многому, какъ мы уже сказали, должны вы учиться у иноземцевъ, часто даже пользоваться ихъ услугами. Умѣйте цѣнить ихъ, награждайте ихъ; любите ихъ и благодарите за пользу, которую они вамъ принесутъ; но не включайте ихъ въ свое общественное братство, развѣ бы они были Православные, а особенно Православные Славяне, ибо эти вамъ не иноземцы. Мы говоримъ: пользуйтесь ихъ услугами и по мѣрѣ услугъ награждайте ихъ, но все это говоримъ мы о дѣлахъ торговли, наукъ и искусства:—въ дѣло гражданственности вашей имъ вмѣшиваться не должно. Что̀ же сказать о дѣлѣ ратномъ? Честно и праведно сражаться за родину и братьевъ; честно и праведно сражаться за всякую правду человѣческую; но есть люди, которые, не разбирая за кого и за что сражаться будутъ, нанимаются биться за иноземцевъ и за чужія государства. За деньги продаютъ они свою кровь и кровь тѣхъ, которыхъ убивать будутъ; и есть цари и народы, которые покупаютъ ее. И то и другое да будетъ чуждо вамъ, благороднымъ и мужественнымъ Сербамъ. Предоставьте разнымъ Нѣмцамъ продавать себя въ убійцы; а храброму Неаполю,

честной Англіи и главѣ Римской религіи, Папѣ, предоставьте покупать ихъ. При нихъ пусть и остается такая мерзость! Мы думаемъ, что намъ не слѣдовало бы васъ и предостерегать въ этомъ; но вы вступили въ кругъ другихъ народовъ, въ которомъ понятіе о честномъ и безчестномъ весьма шатко и неопредѣленно, и по неволѣ должны мы васъ предостерегать противъ такого зла, которое еще мало оглашено и осуждено, и слѣдовательно можетъ соблазнить людей, не предупрежденныхъ противъ него. И мы встарину нанимали Нѣмцевъ сражаться за насъ; за то немало и поработали мы имъ въ послѣдствіи!

Не вдавайтесь въ соблазнъ быть Европейцами! Это слово употребляется теперь нерѣдко, но какой же въ немъ смыслъ? Испанцы, Шведы и Французы одинаково Европейцы: похожи ли они другъ на друга? Въ нихъ общаго весьма мало. Или не означаетъ ли это слово какого нибудь высшаго развитія человѣческаго духа? Хорошо нравственное развитіе обществъ, защищающихъ себя руками продажныхъ убійцъ и не понимающихъ даже гнусности своего грѣха; а эти общества тоже Европейскія. Хорошо нравственное развитіе обществъ, составившихъ союзъ для спасенія народа, искони враждебнаго Христіянству и законамъ человѣчества; а это союзъ обществъ Европейскихъ. Хорошо развитіе обществъ, которыхъ представители безъ стыда постоянно готовы брататься съ такими отступниками, каковъ Омеръ-Паша. Очень невысоко нравственное достоинство Европы. Еще недавно, при несчастномъ кораблекрушеніи, Негръ-Африканецъ, чтобы спасти своихъ сотоварищей отъ голодной смерти, добровольно пожертвовалъ жизнію; а эти товарищи, Нѣмецкіе Европейцы, приняли жертву и съѣли его. Кто былъ выше передъ людьми и передъ Богомъ? Черный ли Африканецъ, отдавшій жизнь свою для спасенія братьевъ, или Нѣмцы, съѣвшіе его, чтобы продлить свою жизнь? Гдѣ же честь Европейскаго имени? И дѣйствительно, между собою народы полу-Римскіе и Нѣмецкіе не хвалятся имъ: они, или лучше сказать, ихъ хитрые посланцы, да наши братья, измѣнившіе своему родному обычаю, употребляютъ это слово, какъ ловкую приманку для Славянъ, чтобы привесть ихъ въ духовное рабство, и къ несчастію часто еще поддаемся мы на ихъ обманъ. Будьте глухи къ этому жалкому соблазну! Ищите имени человѣковъ, а еще болѣе Христіянъ, и всего того, чѣмъ такія имена оправдываются, и не думайте вовсе о томъ, какими путями, Европейскими или иными, достигнете вы своей высокой цѣли. Не надѣвайте на свою умственную свободу щегольскаго ошейника съ надписью „Европа".

Сохраняйте простоту своихъ нравовъ. Въ ней одной найдете вы залогъ общественной силы и общественнаго здоровья, въ ней корень истиннаго мужества и способности къ самопожертвованію. Пусть Сербъ въ своемъ отечествѣ не думаетъ отличаться отъ своихъ братьевъ ничѣмъ, кромѣ услуги, оказанной своему Отечеству или землямъ Славянскимъ. Еслибъ даже онъ заслужилъ почести въ иныхъ земляхъ, какое вамъ дѣло до нихъ? Ему чваниться такими

подвигами передъ вами неприлично, и вамъ не слѣдуетъ дозволять такого тщеславія. Положимъ, что̀ его уважаютъ, или ему благодарны за что ни было иноземные властители: пусть и выставляетъ онъ на показъ знаки этого уваженія или благодарности внѣ Сербіи; но въ соборѣ Сербовъ имъ мѣста быть не должно. Всегда ли похвала Англійской королевы или Австрійскаго императора будетъ похвалою и въ вашихъ глазахъ? Не думаемъ. Пусть Сербъ украшается только наградами, полученными имъ отъ народнаго мнѣнія и отъ государства Сербскаго. Если случится, что его труды даже въ другихъ земляхъ послужили ко благу или чести его родинѣ и братьямъ, пусть сама Сербія о томъ судитъ и награждаетъ, а чужаго суда и чужихъ наградъ вамъ допускать нельзя. Въ самыхъ почестяхъ и знакахъ отличія будьте осторожны. Да служатъ они воздаяніемъ только за службу общественную! Кто служилъ Отечеству, можетъ получать отъ общества свидѣтельство своей службы; но не допускайте и отвергайте всякое внѣшнее отличіе за тѣ подвиги, которые человѣкъ-Христіянинъ совершаетъ въ пользу ближняго, или въ исполненіе закона Христова. Въ нихъ служитъ онъ уже не обществу людскому, а высшему Судіи, своей совѣсти и Тому, Кто судитъ его совѣсть, Богу. Всякая общественная награда, всякій знакъ отличія былъ бы оскорбленіемъ самаго подвига и посягательствомъ на такой судъ, который выше вашего. Мы знаемъ, что другіе народы позволяютъ себѣ такую незаконность; но вы удаляйтесь отъ нея съ презрѣніемъ. Разсудите сами: осмѣлились бы вы дать какую нибудь золотую бляху на грудь Апостолу Павлу за его апостольство? Такъ точно судите, хотя и въ меньшей степени, обо всякомъ подвигѣ, совершенномъ ради совѣсти и Бога, будь то милостыня, или спасеніе людей съ опасностію собственной жизни, или трудъ духовный. Что̀ можетъ быть, напримѣръ, неразумнѣе и, скажемъ болѣе, что̀ можетъ быть богопротивнѣе знаковъ отличія, данныхъ людьми за дѣло проповѣди, поученія или правленія церковнаго? Почему же бы уже не давать наградъ за постъ, за усердіе къ молитвѣ и за дары исцѣленія? Общество отличаетъ и награждаетъ службу общественную; но это не должно подавать повода къ тщеславію; и поэтому мы совѣтовали бы вамъ отличать только старцевъ, уже кончившихъ свое служеніе, чтобы ихъ всякій могъ узнавать въ соборѣ народномъ и радоваться, глядя на заслуженнаго старца; а тому, кто еще служитъ, пусть будетъ наградою его самая служба, его должность и ваше довѣріе къ нему.

Презирайте роскошь: она сама по себѣ недостойна людей разумныхъ, а васъ она сдѣлала бы данниками другихъ народовъ. Не увлекайтесь ихъ примѣромъ! Не смѣшивайте предметовъ, служащихъ къ истинному удобству жизни, съ предметами роскоши! Одни улучшаютъ мало по малу жизнь даже бѣдняка (какъ напр. лучшее освѣщеніе, крѣпкія и легкія ткани, огнеупорные сосуды и пр.), а другіе служатъ только къ нѣгѣ богатыхъ. Не смѣшивайте искусства, которое выражаетъ лучшія стремленія души человѣческой и облагораживаетъ ее, съ щегольствомъ или потѣхою, которыя уни-

жаютъ ее. Во всемъ этомъ мы ни отъ кого не могли слышать предостереженія, и впадали, и часто еще и теперь впадаемъ, въ ошибки, вредныя для нашей общественной и частной жизни. И теперь мы еще готовы отличать почти одинаково великаго пѣснопѣвца, прославляющаго свое Отечество, и театральную плясею, которой искусство ничего не заслуживаетъ кромѣ презрѣнія. Теперь вы еще бѣдны, какъ недавно вышедшіе изъ рабства, но земля ваша богата дарами Божіими, и вы сами трудолюбивы; богатство ваше должно увеличиваться. Не употребляйте новаго богатства на пустой блескъ, нѣгу и роскошь! Пусть богатый употребляетъ лишки своего богатства на помощь бѣднымъ (разумѣется, не поощряя тунеядства), или на дѣло общей пользы и общаго просвѣщенія. Пусть будетъ у земли Сербской та святая роскошь, чтобы въ ней не было нужды и лишеній для человѣка трудолюбиваго! За тѣмъ богатство и блескъ да украшаютъ храмы Божіи. Но въ вашихъ частныхъ жилищахъ должна быть простота также, какъ и во всемъ вашемъ домашнемъ быту. Роскошь частнаго человѣка есть всегда похищеніе и ущербъ для общества. Она должна внушать вамъ пренебреженіе. Бархаты да парчи Польскихъ пановъ одѣли Польшу въ рубище, да и намъ нечѣмъ похвалиться. Въ самыхъ общественныхъ зданіяхъ соблюдайте строгую простоту, которая, впрочемъ, не исключаетъ красоты. И въ нихъ роскошь, щегольство и блескъ всегда сопровождаются пожертвованіемъ истинной пользы, и даже когда повидимому безвредны, уже вредны тѣмъ, что служатъ признакомъ общественной гордости и государственнаго самопоклоненія, а ко всему этому Богъ не благоволитъ. По истинѣ, Сербы, та земля велика, въ которой нѣтъ ни нищеты у бѣдныхъ, ни роскоши у богатыхъ, и въ которой все просто и безъ блеска, кромѣ храма Божія. Такая страна дѣйствительно сильна: она угодна Богу и честна у людей.

По свѣту ходитъ объ васъ великая похвала, которую, какъ думаемъ, вы заслуживаете: это похвала чистотѣ вашихъ нравовъ. Съ нею связана святость и крѣпость узъ семейныхъ, счастіе и истинныя радости жизни, здоровье народное и, прямо или косвенно, всѣ начала общественнаго преуспѣянія. Не умаляйте своей славы! Пусть будетъ безъ чести въ обществѣ, кто нечестенъ въ своей жизни домашней! Тотъ, кто не имѣетъ чистой совѣсти, или совѣсти не слушается въ своемъ дѣлѣ личномъ, не послушается ея въ дѣлѣ общественномъ, и слѣдовательно ему довѣрить нельзя; а показывая уваженіе къ людямъ порочнымъ, общество дѣлается участникомъ ихъ пороковъ. Напрасно говорятъ иные, что должно допускать ихъ до гражданскихъ должностей за ихъ умственныя способности: это несправедливо. Удаляйте порочныхъ, и изъ добрыхъ найдутся люди съ неменьшимъ умомъ и болѣе заслуживающіе довѣрія. Наконецъ должно сказать, что та частная польза, которую могъ бы принести умъ человѣка порочнаго въ должности общественной, гораздо ниже того соблазна, который истекаетъ изъ его возвышенія. Вы теперь больше прежняго будете находиться въ сношеніяхъ съ другими наро-

дами; не увлекайтесь примѣромъ ихъ равнодушія къ чистотѣ нравовъ, особенно же примѣромъ Франціи и Германіи. Въ этомъ отношеніи много выше всѣхъ другихъ народовъ Англія, и отъ чистоты ея домашняго быта зависитъ даже ея политическая сила. Также есть у многихъ народовъ нелѣпое и богопротивное мнѣніе, что чистота нравовъ болѣе прилична женщинѣ, чѣмъ мущинѣ. Смотрите на такое мнѣніе съ презрѣніемъ! Отъ нравовъ мужескихъ зависитъ нравственность женщины; а мущинѣ, сосуду крѣпкому и главѣ созданія Божіяго, требовать отъ сосуда слабаго—женщины — такихъ добродѣтелей, которыхъ въ немъ самомъ нѣтъ, есть дѣло не только неразумное, но и нечестное.

Будьте строги въ судѣ общественнаго мнѣнія: безъ этого не убережетесь отъ постепенной порчи нравовъ. Но не давайте воли неразумнымъ подозрѣніямъ и недовѣрію, а исправляющихся не отталкивайте и не оскорбляйте. Въ судѣ же законномъ и уголовномъ будьте милосерды: помните, что въ каждомъ преступленіи частномъ есть бо̀льшая или меньшая вина общества, мало оберегающаго своихъ членовъ отъ первоначальнаго соблазна, или не заботящагося о Христіянскомъ образованіи ихъ съ раннихъ лѣтъ. Не казните преступника смертью! Онъ уже не можетъ защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитнаго, Христіянину же грѣшно лишать человѣка возможности покаяться. Издавна у насъ на землѣ Русской смертная казнь была отмѣнена, и теперь она намъ всѣмъ противна, и въ общемъ ходѣ уголовнаго суда не допускается. Такое милосердіе есть слава Православнаго племени Славянскаго. Отъ Татаръ до ученыхъ Нѣмцевъ появилась у насъ жестокость въ наказаніяхъ, но скоро исчезнутъ и послѣдніе слѣды ея. Будьте, говоримъ мы, милосерды въ наказаніяхъ, но милосердіе ваше да будетъ разумно! Лучше казнь по видимому строгая, но поражающая истиннаго преступника, чѣмъ мнимо-легкая, но падающая на его семью. Въ такомъ наказаніи болѣе неправды, чѣмъ милосердія. Многіе ищутъ того, чтобы наказаніе было неунизительно для преступника, и думаютъ, что въ этомъ они слѣдуютъ духу человѣколюбія. Это великая ошибка. Всякое наказаніе (кромѣ духовнаго назиданія), унизительно по тому самому, что оно есть насиліе надъ человѣкомъ; но честь его уже нарушена преступленіемъ, и наказаніе, будучи послѣдствіемъ преступленія, имѣетъ своею цѣлію исправленіе и не прибавляетъ ничего къ безчестію: ибо человѣкъ безчестится не тѣмъ, что̀ терпитъ по неволѣ, а тѣмъ, что̀ дѣлаетъ по волѣ своей. Всякое другое понятіе прилично только людямъ, не вѣрующимъ въ достоинство духа человѣческаго, и годно развѣ для Нѣмцевъ, отъ которыхъ оно и пошло, а не для Славянъ. Правда и милосердіе въ наказаніяхъ заключаются въ томъ, чтобы всякая ненужная жестокость была устранена, и чтобы невинный нисколько не страдалъ за виновнаго. Напримѣръ, не болѣе ли правды въ судѣ Китайскомъ (хотя, разумѣется, мы и того не хвалимъ), по которому отцы отчасти наказываются за дѣтей, которыхъ они воспитали, чѣмъ въ судѣ Европейскомъ, гдѣ дѣти отчасти наказываются за отцовъ, на ко-

торыхъ они никогда не могли имѣть вліянія? Наказаніе, говоримъ мы, не можетъ быть унизительнымъ для преступника: оно можетъ только быть унизительнымъ для самаго наказывающаго. Но и въ этомъ должно сохранять здравое понятіе. Человѣкъ не унижается, исполняя горькую обязанность, налагаемую на него обществомъ и охраненіемъ спокойствія и жизни братьевъ. Часовой, стоящій у темницы и, такъ сказать, связывающій преступника, дѣлается уже орудіемъ казни; но онъ этимъ не унижается: тоже скажемъ и обо всѣхъ временныхъ исполнителяхъ суда военнаго или общиннаго. Унизительно ремесло постояннаго казнителя, посвящающаго жизнь свою совершенію казней надъ братьями, ремесло палача. Вездѣ онъ въ презрѣніи, какъ лице безнравственное и унижающее человѣческую природу; но достойны ли уваженія тѣ общества, которыя сами созидаютъ ремесло, унижающее человѣка, и потомъ презираютъ его за то, чему сами виноваты? Это или лицемѣріе, или фарисейская неправда. Устройте уголовные законы такъ, чтобы у васъ не было палача. Именемъ этого ремесла безчестится законъ и общество, которымъ этотъ законъ управляетъ. Наконецъ дайте въ судѣ болѣе мѣста совѣсти, чѣмъ формѣ, и тогда судъ Сербскій будетъ уважаться всѣми народами. Такъ было изстари въ племенахъ Славянскихъ; такъ теперь въ Англіи, и она этимъ славится.

Еще скажемъ: да не будетъ у васъ никакой торжественности въ наказаніяхъ, ибо всякое частное преступленіе и его наказаніе есть уже общее горе.

Дайте совѣсти мѣсто и въ судѣ гражданскомъ. Стыдно, когда законный обрядъ въ обществѣ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ правда и добрая совѣсть; а это часто случается у другихъ народовъ. Не развивайте у себя сутяжничества: оно противно миру и братолюбію. Мы думаемъ, что хорошо бы было, еслибы всякій споръ шелъ сперва на третейскій судъ; за тѣмъ, если третьи не согласны между собою, пусть споръ рѣшается общиною; а если онъ происходитъ между членами разныхъ общинъ, пусть онъ идетъ на судъ людей постороннихъ, чтобы не было раздора между общинами.

Болѣе всего держитесь всякаго учрежденія и всякаго суда общиннаго. Въ немъ болѣе правды, чѣмъ во всякомъ другомъ; да черезъ него и люди привыкаютъ искать добраго мнѣнія у братій своихъ. Гдѣ сходъ сельскій или городской рѣшаетъ дѣлá, тамъ уже съ раннихъ лѣтъ воспитывается въ человѣкѣ здравое понятіе о законности и справедливости, развивается разумное сужденіе и уничтожается гибельное и весьма обыкновенное у многихъ народовъ равнодушіе къ общему дѣлу. Сходъ мірской есть для народа училище, которое выше всякаго книжнаго воспитанія и никакою книжною мудростію не замѣняется. Мірскими сходами были спасены духъ и разумъ Русскихъ крестьянъ, не смотря на рабство, въ которое заковалъ ихъ неправедный законъ.

Желательно, чтобы сходъ рѣшалъ дѣла приговоромъ единогласнымъ. Таковъ былъ издревле обычай Славянскій. Отъ Нѣмцевъ перешелъ къ Славянамъ обычай считать голоса, какъ будто бы муд-

рость и правда всегда принадлежали большему числу голосовъ, тогда какъ дѣйствительно большинство зависитъ весьма часто отъ случая. — Разсудите еще и о томъ, что гдѣ дѣла идутъ на рѣшеніе большинствомъ, въ людяхъ пропадаетъ или по крайней мѣрѣ слабѣетъ желаніе убѣдить своихъ братьевъ, а слѣдовательно слабѣетъ и самое стремленіе къ согласію въ совѣсти и разумѣ. Если уже нельзя получить рѣшеніе единогласное, лучше передать дѣло посреднику излюбленному отъ всего схода. Совѣсть и разумъ человѣка почтеннаго общимъ довѣріемъ, надежнѣе, чѣмъ игра въ счетъ голосовъ. У Англичанъ въ судѣ уголовномъ требуется единогласіе присяжныхъ для осужденія, и ихъ судъ уважается всѣмъ міромъ.

Вы Христіане, вы Православные: да будетъ же у васъ правда выше всего! Не вѣрьте, чтобы какому нибудь народу могла служить неправда основою долговѣчнаго успѣха и счастія: она возстановляетъ противъ него чувство злобы въ другихъ народахъ и окружаетъ его врагами. Много на свѣтѣ людей, которые думаютъ, что доброй цѣли позволительно достигать и злыми путями. Таково, какъ извѣстно, ученіе Іезуитовъ; но оно строго осуждается Святымъ Апостоломъ. Всякая неправда отъ лжи и отъ земнаго духа; а его не заставишь служить свѣту Божію, развѣ побѣждая его правдою. И перехитрить его нельзя, ибо весь умъ его въ хитрости. Если когда и кажется, что добрая цѣль бываетъ достигнута злымъ путемъ, это только обманъ, которому не должно поддаваться. Отъ злыхъ средствъ остается въ самомъ добрѣ закваска, черезъ которую видимое добро обращается въ неожиданное зло, и люди неразумные удивляются потомъ такой перемѣнѣ, не разсуждая путей Божіей правды, которая всегда неизмѣнна. Мы смѣемъ васъ предостерегать въ этомъ дѣлѣ, братья наши Сербы, потому что нѣкоторые изъ васъ, какъ извѣстно, привыкая къ жизни другихъ народовъ, привыкаютъ и къ хитрости ихъ, особенно въ сношеніяхъ дипломатическихъ, и думаютъ черезъ нее послужить своему Отечеству. Обманчива такая надежда. Въ хитрости нельзя побѣдить ни Іезуита, ни Австрійца, но хитрость его легко побѣдить прямодушіемъ и простотою: въ нихъ сила, и сила истинная.

Вы создали у себя власть. Повинуйтесь ей и укрѣпляйте ее, дабы не впасть въ безначаліе и безсиліе; но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнѣнія какъ словеснаго, такъ и письменнаго. Она созидаетъ силу духа, царство правды и жизнь разума въ народѣ. Безъ нея глохнутъ и умираютъ всѣ добрыя начала, какъ видно изъ опыта многихъ народовъ, и отчасти изъ нашего собственнаго. Она нужна гражданамъ, и можетъ быть еще болѣе нужна самой власти, которая безъ нея впадаетъ въ неисцѣльную слѣпоту и готовитъ гибель самой себѣ.

Мы говоримъ: охраняйте свободу мнѣнія и охраняйте ее не только отъ власти, но и отъ самихъ себя. Пусть высказывается всякое сужденіе, какъ бы оно ни было противно вамъ самимъ. Если оно справедливо, оно распространится къ благу общему; если оно ложно, оно обличится также ко благу общему: ибо правда

всегда разумнѣе лжи. Что же бываетъ тамъ, гдѣ мнѣнія не высказываются изъ страха? Справедливыя пропадаютъ потому, что онѣ любятъ свѣтъ; а ложныя, которыя любятъ тьму, не будучи обличены, разрастаются, какъ скрытая язва и заражаютъ собою самые источники жизни. Выслушивайте все, обличайте неправду, и вы побѣдите ее своею вѣрою въ силу истины, которая есть отъ Бога.

Не говорите много о правѣ и правахъ, и не очень слушайте тѣхъ, которые говорятъ о нихъ; но слушайте охотно тѣхъ, которые говорятъ объ обязанности, потому что обязанность есть единственный живой источникъ права. Знаніе собственнаго права въ сильномъ ничего не значитъ, освящая только его волю, а въ безсильномъ оно ничтожно по самому его безсилію. Знаніе же обязанности связываетъ сильнаго, созидая и освящая права слабыхъ. Себялюбіе говоритъ о правѣ: братолюбіе говоритъ объ обязанности.

Уважайте своихъ пастырей духовныхъ. На нихъ лежитъ великая отвѣтственность передъ Богомъ, и справедливо, чтобы они имѣли великій почетъ у людей; но не дозволяйте, чтобы они величали себя церковью отдѣльно отъ народа. Будьте въ этомъ ревнивы къ своей чести, ибо вы всѣ члены Церкви Божіей. Латинское духовенство называетъ себя Церковью, отстраняя мірянъ или считая ихъ стадомъ безсловеснымъ; за то у нихъ нѣтъ и Церкви истинной. Патріархъ и епископы Восточные еще въ недавнемъ времени обличили эту Латинскую ложь, и тѣмъ заслужили великую и вѣчную благодарность отъ всего Православнаго Христіанства, хотя, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ на дѣлѣ остаются не совсѣмъ вѣрными своему собственному ученію, стѣсняя права народа и черезъ такую невѣрность даютъ сами противъ себя оружіе иновѣрцамъ въ Болгаріи.

Наконецъ всячески пекитесь объ образованіи и распространеніи знанія во всемъ Сербскомъ народѣ. Старайтесь, чтобы оно могло быть доступно всѣмъ. Распространеніе всякаго знанія въ народѣ требуется не только пользою общественною, но и самою справедливостью; ибо существованіе богатыхъ и безъ того уже много имѣетъ преимуществъ передъ жизнію бѣдныхъ: справедливо ли, чтобы богатые одни удерживали у себя и это великое сокровище—знаніе? Любите и поощряйте науку не только ради прямой пользы, которую она приноситъ обществу и частнымъ людямъ въ жизни общественной, но гораздо болѣе ради того, что ею расширяется и укрѣпляется разумъ, великій Божій даръ. Знайте и то, что тамъ, гдѣ наука пользуется свободою и почетомъ ради самой себя, тамъ она доброплодна и сильно содѣйствуетъ общественному благу; тамъ же, гдѣ ее принимаютъ какъ наемную работницу, тамъ она безсильна и не приноситъ никакихъ плодовъ самому обществу. Это мы отчасти сами испытали и испытываемъ даже и теперь.

Сохраняйте же и развивайте у себя всѣ добрыя начала. Будьте вѣрны Православію и едины въ просвѣщеніи духовномъ. Не измѣняйте никогда братскому равенству и будьте едины въ цѣльности народной. Стремитесь къ образованности и правдѣ и будьте едины въ достиженіи всякаго общественнаго блага и разумнаго совершенства.

Остальное, что̀ справедливо и вамъ полезно, скажетъ вамъ собственный вашъ умъ; мы же сочли своимъ долгомъ сказать вамъ то, что̀ узнали изъ опыта и предостеречь васъ отъ ошибокъ, въ которыя легко можетъ впасть народъ, входя въ неизвѣданную имъ область умственныхъ сношеній съ другими Европейскими народами. Другія племена Славянскія ранѣе васъ вступили въ это общеніе: некому ихъ было предостеречь отъ предстоящей опасности, и тяжела была судьба ихъ. Чехи и Поляки пали подъ власть чужую; мы спаслись, но и то теперь только начинаемъ оправляться отъ болѣзни, которая грозила намъ духовною смертію. Насъ спасли, какъ мы уже сказали, стойкость народа, святое Православіе и милость Божія; но не скоро еще исчезнутъ слѣды болѣзни; не скоро еще будемъ мы истинно Русскою землею, живущею въ духѣ Русской самобытности. Грѣхъ было бы и стыдъ, еслибы нашъ опытъ не послужилъ въ пользу младшимъ братьямъ нашимъ, вступающимъ въ новое поприще жизни общественной, вамъ и кого еще Богъ призоветъ: ибо мы надѣемся, что день милости Божіей взойдетъ и для всѣхъ другихъ.

Можетъ быть, мы многаго вамъ не досказали, или сказали неясно, или даже съ ошибками. Вы братья, пополните недосказанное, поймите сказанное неясно, исправьте ошибочное, а слова наши, слова отъ сердца и любви, примите съ любовію и благоволеніемъ.

Да будетъ Сербія счастлива и сильна, радостью для всѣхъ Славянъ и предметомъ уваженія для всѣхъ народовъ!

Примите нашъ братскій поклонъ.

Въ Москвѣ, въ 1860 году.

ШРАМЪ НА ГОЛОВѢ РУССКАГО АРТИСТА.

Въ весьма интересныхъ статьяхъ А. Н. Попова, „Французы въ Москвѣ въ 1812 году", помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ нынѣшняго года, поднятъ между прочимъ вопросъ о томъ, кто сжегъ Москву. По этому вопросу я считаю нелишнимъ сообщить слѣдующее обстоятельство. Извѣстно, что, при вступленіи Французовъ въ Москву, деревянный театръ, находившійся у Арбатскихъ воротъ, сдѣлался одною изъ первыхъ жертвъ пожара (см. „Очеркъ постепеннаго хода и усовершенствованія Русскаго театра" въ драматическомъ Альбомѣ П. Н. Арапова, стр. LXV). Заслуженный ветеранъ Русской сцены, извѣстный артистъ Императорскихъ Московскихъ театровъ Н. М. Никифоровъ, который оставался съ своимъ отцемъ въ Москвѣ во время пребыванія въ ней Французовъ, не разъ мнѣ разсказывалъ, что театръ этотъ подожженъ былъ сторожемъ, унтеръ-офицеромъ Петромъ Васильевымъ Мельниковымъ, который самъ передавалъ Н. М. Никифорову, что онъ поджегъ театръ по приказанію *начальства.* (Управляющимъ Московскимъ театромъ въ то время былъ Приклонскій). Этотъ унтеръ-офицеръ Мельниковъ былъ лицо замѣчательное. Онъ служилъ подъ начальствомъ Суворова, который зналъ его лично. Вышедъ въ отставку изъ военной службы, онъ совершенно пересталъ употреблять мясную и рыбную пищу, а послѣ 1812 г. пошелъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ.

Кстати напомнимъ о происшествіи, бывшемъ съ самимъ Н. М. Никифоровымъ, во время пребыванія Французовъ. Вотъ что разсказываетъ его біографъ. „Въ дѣтствѣ Николая Матвѣевича случилось слѣдующее происшествіе, едва не стоившее ему жизни. Спустя нѣсколько часовъ по занятіи столицы Французами, множество непріятельскихъ солдатъ разсыпались по городу для грабежа. Отецъ Николая Матвѣевича, видя, какъ разбойничали и буйствовали солдаты и дрожа каждую минуту за жизнь близкихъ ему, рѣшился бѣжать изъ дому; но только, что вышелъ онъ на улицу, какъ на первыхъ же шагахъ нагналъ его Баварскій солдатъ, тащившій огромный узелъ съ награбленными вещами. Баварецъ остановилъ его и, отдавая узелъ, приказывалъ нести за собой. Никифоровъ всячески старался объяснить солдату, что онъ боленъ, что у него нѣтъ силъ; но всѣ его знаки и просьбы были напрасны: солдатъ все болѣе бѣсился и наконецъ ударилъ Никифорова въ грудь прикладомъ ружья. Семилѣтній Николай Матвѣевичъ, на глазахъ котораго все это случилось, видя, какъ отецъ его упалъ на мостовую, закричалъ и толкнулъ солдата; въ отвѣтъ на это Баварецъ ударомъ ружья прошибъ ему голову. Ребенокъ упалъ замертво, обливаясь кровью. Въ ту минуту, когда солдатъ замахнулся, чтобы нанести еще ударъ, къ мѣсту происшествія подскакалъ Французскій кирасиръ, ударилъ Баварца саблей по головѣ, соскочилъ съ лошади, досталъ флягу и, примочивъ водкой голову раненаго ребенка, обвязалъ ее платкомъ, послѣ чего отецъ перенесъ ребенка въ домъ князя Долгорукова, гдѣ въ то время квартировали всѣ артисты." (Моск. Вѣдом. 1874 г. № 147).

Шрамъ отъ удара, нанесеннаго Баварскимъ солдатомъ, до сихъ поръ виденъ на головѣ заслуженнаго артиста Московской сцены Николая Матвѣевича Никифорова.

Вл. Родиславскій.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Записки *князя Θедора Николаевича Голицына.*— Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.— Записки *Ильи Θедоровича Тимковскаго.*—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Θ. Одоевскаго.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма *Д. В. Волкова* къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю Потемкину. — Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Канцлеръ князь Безбородко (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. И. Григоровича.* — Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма *графа Н. И. Панина* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Изъ Записокъ *Н. И. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго* и письма *А. Θ. фонъ-деръ Бриггена* о Минихѣ въ Сибири.—Статья *И. В. Кирѣевскаго* о Баратынскомъ съ предисл. *Н. А. Елагина.* — Семь шуточныхъ стихотвореній *С. А. Соболевскаго.*—Неизданные стихи *Θ. И. Тютчева.*—Еще стихи *Θ. И. Тютчева* (Какъ ни бѣсилося злорѣчье).—Θедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья *И. С. Аксакова.* Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1876 ГОДА
(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива, или въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта.*

Лица, подписавшіяся до Февраля мѣсяца сего года на Русскій Архивъ въ книжномъ магазинѣ Базунова въ Петербургѣ, благоволятъ доставить въ Контору Русскаго Архива подписныя квитанціи вмѣстѣ съ своими адресами.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ Газетной Экспедиціи С. Петербурскаго почтамта; можно подписываться также въ Гостиномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1864—1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Вагановa.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива 1876 г. не продаются, но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, платя по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—64 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к., и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ. За перемѣну городскаго адреса на городской или иногороднаго на иногородный платится 10 коп. Иначе адресы не мѣняются.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанномъ мѣстѣ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ 10.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева. — Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева. — Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ и пр.). Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. И. Ростовцева.— Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова). Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. — Бумаги П. А. Демидова. — Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. — Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826 — 1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

ФРАНЦУЗСКОЕ НАШЕСТВІЕ.

ПИСЬМА ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ ВЪ 1813 ГОДУ.

Письмо первое.

Разставаясь со мною на берегахъ Волги, гдѣ мы вмѣстѣ ощутили столько разнобразныхъ чувствованій, сначала уничиженія, трепета, потомъ надежды и наконецъ полнаго торжества, ты поручилъ мнѣ, другъ мой, описать тебѣ состояніе, въ которомъ я найду Москву, и сообщить заключенія о *будущемъ* ея въ разсужденіи населенія, отстройки и вообще состава общества. Трудную ты возложилъ на меня коммиссію, къ которой я не знаю какъ приступить и не вѣдаю, съ чего начать. Пріѣзжай сюда самъ и увидишь, что Русскому съ Русскимъ сердцемъ и душею, въ обращенной въ пепелъ Москвѣ, не такъ легко говорить о ней, какъ-то намъ казалось издали. Здѣсь, — посреди пустырей, заросшихъ крапивою, гдѣ разсѣянныя развалины печей и трубъ свидѣтельствуютъ, что за годъ до сего стояли тутъ мирные кровы нашихъ родственниковъ и согражданъ,— здѣсь, говорю я, ненависть къ извергамъ-Французамъ [1]) объемлетъ сердце, и одно чувство мщенія беретъ верхъ надъ всѣми прочими. Когда душа наполнена столь живыми ощущеніями, тогда языкъ не въ силахъ выразить ея движеній. И такъ, другъ мой, довольствуйся на первый случай не тѣмъ, чего ты требовалъ отъ меня—довольствуйся не *описаніемъ Москвы*, а описаніемъ, безо всякаго систематическаго порядка, впечатлѣній, которыя зрѣлище ея во мнѣ произвело. Москва, по мнѣнію моему, въ видѣ опустошенія, въ которомъ она теперь является, должна быть еще драгоцѣннѣе Русскому сердцу, нежели какъ она была во время самаго цвѣтущаго ея положенія. Въ ней мы должны видѣть величественную жертву спасенія нашего и, если смѣю сказать, жертву очистительную. Закланная на олтарѣ Отечества; она истлѣла вся; остались однѣ кости, и кости сіи громко гласятъ: „Народъ Россійскій, народъ доблестный, не унывай! Доколѣ пребудешь вѣренъ церкви, царю и самому себѣ, дотолѣ не превозможетъ тебя никакая сила. Познай самъ себя и свергни съ могучей выи своей яремъ (поработившій тебя—исполина!) подражанія пигмеямъ, коихъ всѣ душевныя силы истощились вѣками разврата. Познай себя! А я, подобно фениксу, воспарю изъ пепла своего и, веселясь о тебѣ, облекусь во блескъ и красоту, сродные матери градовъ Россійскихъ, и снова вознесу главу мою до облаковъ!“ Такъ, я слышу гласъ сей.......

А ты смѣешься надо мною, что съ самыхъ первыхъ строкъ я ударился въ декламацію; но, другъ мой, вспомни о томъ, что̀ мы говаривали въ Нижнемъ. Не соглашались ли мы въ томъ, что нельзя теперь о Россіи

---

[1]) Нынѣшнее слово *Французъ* синонима чудовищу, извергу, варвару и проч. такого рода; слѣдственно, избѣгая *плеоназма*, я впредъ буду употреблять которое нибудь изъ нихъ. Во всякомъ случаѣ оно будетъ значить: *нынѣшній Французъ*. *Соч.*

ни писать, ни даже говорить слогомъ обыкновеннымъ? И какъ тому быть иначе? Въ событіяхъ нашего Отечества все чудесно: какъ будто читаешь Аріоста. Европа вся опрокинулась на насъ. Полмиліона (со временъ Дарія, число людей невиданное подъ одними знаменами) вторгается въ наши предѣлы подъ предводительствомъ разбойника; пространство земли на тысячу верстъ потекло кровію; огонь и мечъ опустошаютъ города и села; Москва—столица!—пылаетъ, и злодѣй, осклаблясь на зарево ея, мечтаетъ: *нѣтъ болѣе Россіи!* Нѣтъ, злодѣй! Есть Россія, и будетъ, а твоихъ пятисотъ тысячь рабовъ не стало: ихъ кости разсѣяны по землѣ, ими опустошенной, и ты, покрытый срамомъ и проклятіями, бѣжишь, во свидѣтельство предъ вселенною, что слава твоя—лишь смрадный дымъ, а Россія, какъ скала гранитная, непоколебима, доколѣ пребудетъ вѣрна Богу и себѣ.

Истинно, все чудесно у насъ! Какой народъ! Какія въ немъ силы тѣлесныя и душевныя! Пространство земли нашей—семнадцать миліоновъ квадратныхъ верстъ; народонаселеніе—сорокъ четыре миліона, изъ которыхъ сорокъ миліоновъ однимъ языкомъ говорятъ, однимъ крестомъ крестятся!.... И думаютъ, что есть здравый смыслъ у человѣка, вздумавшаго мѣрить такую Имперію, какова наша, тѣмъ самымъ масштабомъ, который онъ прикладывалъ къ Піемонту, Виртембергу, Саксоніи и проч.?

Не могу не вспомнить при семъ случаѣ презабавнаго признанія, которое мнѣ сдѣлалъ нѣкто господинъ П.... бывшій Американскимъ посланникомъ въ М.... Онъ звалъ меня къ себѣ обѣдать. На вопросъ мой, кто еще будетъ у него обѣдать, онъ отвѣчалъ: „весь дипломатическій корпусъ: Россійской и Англійской посланники.“—„Какъ?“ прервалъ я рѣчь его: „развѣ вы въ дипломатическомъ сословіи признаете только посланниковъ Русскаго и Англійскаго? — „Почти такъ,“ продолжалъ улыбаясь П....: „я, Американецъ, привыкъ взглядомъ на карту судить о державахъ; напримѣръ, на древнемъ материкѣ я вижу, что почти весь Сѣверъ его подъ Россіею, и говорю: вотъ исполинъ-держава! Она то что̀ мы въ сѣверной Америкѣ. Я вижу Китай—и это держава. Англія, хотя не велика пространствомъ, но за то владычествуетъ на моряхъ и повелѣваетъ въ обѣихъ Индіяхъ, въ Африкѣ и пятой части свѣта—вотъ прямо держава! Испанію [2]) я примѣчаю не въ Европѣ, а въ Мексикѣ и Перу. Португалліи я бы и не доискался на картѣ, естьлибъ она не лежала послѣдняя на западномъ краю Европы и не *смотрѣла* на Бразилію. Прочее же все у васъ (говоря о Европейцахъ) обветшало, износилось; нравственный и политическій *маразмъ* [3]) истощилъ всѣ душевныя силы и довелъ до такого единообразнаго ничтожества, что̀, какъ у всѣхъ покрой платья одинъ, такъ точно и физіогномія характера однаже: эгоизмъ и рабство. При такихъ обстоятельствахъ *Бонька* (Boney—такъ называлъ онъ Бонапарта) вздумалъ основать *великую имперію* свою, и глотаетъ своихъ робкихъ и малодушныхъ сосѣдей, но и ему наконецъ подавиться. Сила Франціи судорги, а геній властелина ея—не благоразуміе, а дерзость. И такъ

Vis consilii expers mole ruit suâ!“ [4])

Ты правъ, господинъ П.....! И что̀ здравый твой Американскій разсудокъ предузналъ, то 1812 годъ оправдалъ въ полной мѣрѣ. На Бородин-

---

[2]) Это было говорено въ 1805 году.

[3]) Такъ называется въ врачебной наукѣ *сухотка*, т. е. крайняя сухость и увяданіе всего тѣла.

[4]) Т. е. сила безъ благоразумія сокрушается подъ собственною своею тяжестію.

скомъ полѣ погребена мнимая непобѣдимость Французовъ; въ Кремлѣ *Бонька* сложилъ съ буйной головушки своей оскверненный имъ вѣнецъ, а пятьсотъ тысячъ разбойниковъ его обрѣли погибель отъ роковой для всѣхъ враговъ нашихъ Москвы, о которой можно съ Клавдіаномъ сказать:

Hanc urbem insano nullus qui Marte petivit
Laetatus violasse redit, nec numina sedem
Destituent [5]).

Не правда ли, другъ мой, что сіи Клавдіановы слова не столько Риму приличны, какъ Москвѣ? И въ самомъ дѣлѣ, кто изъ враговъ, разорявшихъ ее, могъ веселиться ударами, ей нанесенными?—Татара? Они подъ пятою Россіи.—Поляки? Участь ихъ всѣмъ извѣстна.—Французы? Имъ-то, кромѣ сбывшагося, я предвѣщаю годину, противу всѣхъ враговъ нашихъ ужаснѣйшую. Позволь мнѣ на минуту быть пророкомъ. Вотъ! Я уже стою на треножникѣ; власа на главѣ вздымаются, измѣняется цвѣтъ въ лицѣ; присутствіе божества тѣснитъ духъ въ груди моей. Deus! Ecce Deus! Послушай! Не пройдетъ цѣлаго вѣка, и Французская нація исчезнетъ. Политическое ея чудовищное бытіе, несовмѣстное съ цѣлостію общества человѣческаго, уже двадцать лѣтъ какъ обрекло ее уничтоженію и довело всѣ племена, всѣ народы до такого противу нея раздраженія, что погибель ея содѣлалась почти необходимою для общаго спокойствія. Приговоръ, delenda Francia! [6]) во всѣхъ сердцахъ, если еще не у всѣхъ въ устахъ; онъ исполнится, и тогда развратнѣйшій изо всѣхъ народовъ представитъ собою ужасное позорище на театрѣ міра. Останки его, скитающіеся по свѣту, будутъ вопить, подобно Ѳезею, въ Виргиліевомъ адѣ:

Discite justitiam moniti et non temnere divos! [7])

—и докажутъ примѣромъ своимъ, что безъ вѣры общество человѣческое, какъ оно бы сильно ни было, долго существовать не можетъ. Жиды, хотя и безъ Отечества, но имѣютъ нѣкоторое политическое существованіе: религія служитъ узломъ, связующимъ бродящее ихъ общество; Французамъ же не предстоитъ и подобнаго сему жребія. Одно имъ останется—быть особливымъ родомъ Цыганъ: старые мѣняютъ лошадей, ворожатъ, пляшутъ; новые будутъ дѣлать помаду, чепчики и учить танцовать, но не языку своему, которому честь пройдетъ чрезъ сто лѣтъ даже и у насъ.—Вѣрь пророчеству моему, и прощай!

Письмо второе.

Нѣтъ, другъ мой, я не состояніи былъ ужиться въ Москвѣ. Съ утра до ночи имѣть передъ глазами развалины—не времени слѣды, но неистовства враговъ нашихъ; безпрерывно воображать себѣ, что здѣсь они томили тяжкою работою несчастныхъ нашихъ согражданъ, здѣсь оскверняли храмъ Божій, тутъ ужасными истязаніями вырывали послѣдній кусокъ хлѣба, послѣднюю надежду отчаянной матери съ груднымъ младенцемъ ея; тамъ изнуреннаго болѣзнію и горемъ старца мучили, допрашивая, гдѣ сокрыто мнимое сокровище; повсюду жгли, повсюду грабили.... Нѣтъ,

[5]) Никто изъ напавшихъ на сей городъ безумною бранію не возвращается, радуясь, что осквернилъ оный. Боги не оставятъ обители своей.

[6]) Истребить Францію.

[7]) Научитесь (смертные!) творить правду и почитать боговъ.

это такая пытка, которая ни съ чѣмъ сравниться не можетъ, и я, будучи не въ силахъ долѣе сносить ее, рѣшился выѣхать изъ города и поселился въ Петровскомъ.

Здѣсь я дышу свободнѣе; все по старому, все на своемъ мѣстѣ. Тѣже поля предъ домомъ, тотъ же лѣсокъ налѣво, на тѣхъ же окнахъ ласточки свили гнѣзда свои: дѣла рукъ человѣческихъ преходящи, а природа неизмѣнна, какъ Творецъ ея. Эта мысль оскорбительна для *Наполеоновъ-зажигателей;* имъ конечно хотѣлось бы и вселенную оставить по себѣ въ развалинахъ; но для тѣхъ, кои только желаютъ тихомолкомъ перейти долину жизни, созерцаніе спокойной, неизмѣняющейся природы утѣшительно и отрадно. Когда, въ безоблачную ночь, я сижу на крыльцѣ и любуюсь царствующею вокругъ меня тишиною, съ какимъ восхищеніемъ сравниваю я тогда спокойствіе природы съ мятежностію человѣковъ! Одинъ Корсиканецъ Бонапарте удобенъ разрушить миръ на цѣлой половинѣ земнаго шара, а въ небесномъ пространствѣ, несчетные міры катятся по ѳирному своду, и одинъ другому пути не препинаетъ; движутся въ безмолвіи и повинуются вѣчнымъ законамъ порядка. Какъ Лаландъ могъ быть безбожникомъ? Я бы этому не повѣрилъ, еслибъ самъ не зналъ, что онъ точно былъ таковъ.

Когда третьяго года явилась звѣзда *„сыплющая съ ужасныхъ власовъ своихъ войну и моръ на землю“* какъ говоритъ Мильтонъ—from his horrid hair shakes pestilence and war—или просто сказать, когда я въ первый разъ увидѣлъ комету, знаешь ли какое странное чувство—не скажу: тревожило меня—а какъ-то *шевелило* мое сердце? Мысль о возможномъ разрушеніи вселенной казалась мнѣ страшною, потому что я бы могъ пережить, хотя на минуту, понятіе мое о безконечности міра и быть свидѣтелемъ начинающагося безпорядка на небѣ, гдѣ я привыкъ видѣть существенный порядокъ и почитать его вѣчнымъ. Изъ сего ты можешь заключить, что я не таковъ, какъ Попе: не жалуюсь на то, что послѣ меня все пойдетъ также хорошо, какъ и при мнѣ шло, „что солнце также будетъ ярко, также свѣтло небо, также зелены луга“ [8]).

— — What if this face be seen no more The world will pass as cheerful as before; Bright as before the day-star will appear, The fields as verdant and the sky as clear [9]).

Нѣтъ, я не таковъ! Напротивъ того, я утѣшаюсь мыслію, что чрезъ нѣкоторое время, когда меня уже не станетъ, солнце будетъ грѣть и освѣщать поколѣніе, противу нынѣшняго счастливѣйшее, которое не изъ собственнаго опыта, но только по преданіямъ будетъ проклинать *Наполеона-Пугачова.*

Ты, другъ мой, еще въ Нижнемъ замѣтилъ мою меланхолію, которой прежде во мнѣ не бывало. Это правда; она здѣсь усилилась, а началась съ прошлаго Августа, какъ я пріѣхалъ въ Москву. И могло ли быть иначе! Престольный древній градъ за три мѣсяца назадъ вмѣщалъ 600 тысячь жителей спокойныхъ и счастливыхъ; я увидѣлъ вдругъ его опустѣвшимъ, какъ послѣ моровой язвы; видѣлъ улицы его и площади по-

---

[8]) Мысль эту выразилъ Попе, не помню въ какомъ-то письмѣ, кажется, не за долго передъ смертью его писанномъ; слѣдующіе же стихи, изъ элегіи Уеста, Греева друга.

[9]) Для чего, когда это лицо не будетъ болѣе видимо, на свѣтѣ все останется также весело какъ прежде; также ярко будетъ появляться дневное свѣтило, поля также зелены и небо также чисто.

крытыя ранеными собратіями нашими, лившими кровь свою за насъ на Бородинскомъ полѣ! Я видѣлъ.... Нѣтъ! этого я никогда не могу вспомнить безъ ужаса—я видѣлъ зарево пылающей столицы! Видѣлъ всю дорогу отъ Москвы до Владиміра усѣянную гражданами, ищущими спасенія въ бѣгствѣ; видѣлъ—съ грудными младенцами, блѣдныхъ матерей, въ отчаяніи подъемлющихъ къ небу слезами наполненные глаза; видѣлъ на одной повозкѣ цѣлыя семейства, вчера—богачей, сегодня—нищихъ, въ рубищахъ и безъ пропитанія; видѣлъ телѣги, наполненныя израненными, умирающими плѣнными, которые на трехъ или четырехъ разныхъ языкахъ проклинали коронованнаго ихъ разбойничьяго атамана; повсюду видѣлъ уныніе поселянъ, трепетъ женъ и дѣтей ихъ; повсюду слышалъ стонъ, рыданіе и вопль—однимъ словомъ: *нравственное зло* представилося мнѣ въ самыхъ ужасныхъ, отвратительныхъ чертахъ его.... Всемогущій!... Судьбы Твои неисповѣдимы, и какъ могу я осмѣлиться ихъ испытывать? Но—Ты милосердъ, а я человѣкъ, твореніе Твое, я стражду, я слабъ—Ты простишь мнѣ, что я дерзнулъ тогда вопросить тебя: къ чему зло въ мірѣ? Сотри съ лица земли тирана, проливающаго съ удовольствіемъ кровь человѣческую; карай богача, тебя забывшаго, утопающаго въ нѣгѣ, нечувствительнаго къ состраданію. Но бѣдный поселянинъ, коего цѣлая жизнь трудъ и забота, который, кромѣ отдыха въ усталости, другой роскоши не знаетъ—этотъ чѣмъ могъ прогнѣвать Тебя, долготерпящаго? А я видѣлъ ихъ цѣлыя тысячи, лишенныхъ крова, пропитанія, скрывающихся въ лѣсахъ, въ жилищахъ звѣрей — отъ подобныхъ себѣ человѣковъ, сдѣлавшихся хуже дикихъ звѣрей.

Ахъ! другъ мой, видно, что со временъ Троянской войны, о которой говоритъ Горацій: Quidquid delirant reges plectuntur Achivi — до нынѣшней поры, люди все тѣже люди! Скажи, что̀ за странное, непостижимое твореніе человѣкъ? Разобрать его въ *единствѣ*, нѣтъ ничего совершеннѣе. Что̀ можетъ быть глубокомысленнѣе Невтона, мудрѣе Сократа, умнѣе Аристотеля, добрѣе Марка-Аврелія, великодушнѣе Екатерины! Потомъ разсмотри того же *человѣка* въ *совокупности*, и выйдетъ совсѣмъ иное. Не говоря уже о черни, которая вездѣ и всегда или волкъ, или волъ, или овца, возьмемъ въ примѣръ такихъ людей, которыхъ мы привыкли называть *лучшими*, воспитаніемъ, дарованіями, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, что̀ отличаетъ человѣка въ обществѣ; соберемъ такихъ сотню вмѣстѣ и дадимъ имъ полную волю судить, рядить и управлять: что̀ изъ того послѣдуетъ? Отборные люди наши сдѣлаются хуже обыкновенныхъ; разсудокъ ихъ покорится страстямъ; дарованія употребятся во зло, и выйдетъ—Французское народное собраніе. Странное противорѣчіе! Человѣкъ сотворенъ для общества въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, а въ обществѣ-то онъ и заражается пороками, истребляющими общество. Откуда произошла война?... Война, скажутъ мнѣ, во всей природѣ. Да, между разнородными, а между подобными себѣ, гдѣ она кромѣ какъ у людей? Волкъ не давитъ волка; овца овцы не ѣстъ: одинъ человѣкъ употребилъ всѣ способности, пріобрѣтенныя имъ въ обществѣ, для того, чтобы усовершенствовать искусство истреблять подобныхъ себѣ человѣковъ. Въ рукахъ его война сдѣлалась промышленностію. Тутъ никакая страсть не дѣйствуетъ; Итальянецъ, Вестфалецъ, Виртембергецъ приведены за нѣсколько тысячъ верстъ отъ домовъ своихъ, чтобъ умереть на Бородинскомъ полѣ. Потому ли, что они были движимы мщеніемъ и ненавистію противу Россіи? Ничего не бывало! Все дѣло состоитъ въ томъ, что Наполеонъ, фабрикантъ мертвыхъ тѣлъ, имѣющій на ежемѣсячный расходъ свой по 25 тысячь Французскихъ и союзничьихъ труповъ, захотѣлъ сдѣлать мануфак-

турный опытъ и изъ онаго узнать, сколько именно Русскихъ труповъ и во сколько времени онъ произвести можетъ, посредствомъ полумиліонной махины своей.... Бѣдное человѣчество!

Изъ всѣхъ сихъ размышленій какія выведемъ мы заключенія? — Одно то, что Провидѣнію угодно было на все, принадлежащее человѣку, положить явную печать необходимости въ непосредственныхъ сношеніяхъ его съ Творцемъ, въ сношеніяхъ, которыя мы иначе называемъ *религіею*. Сколь сей даръ небесный ни измѣнялся, переходя отъ истины къ заблужденіямъ и обратно, но цѣль его, отъ начала міра и до сихъ дней, одна и таже. Деизмъ, политеизмъ, исламизмъ—и сколько ни есть исповѣданій, всѣ они различествуютъ между собою по одному только наружному виду, въ существѣ же они одно и служатъ къ одному. Посему-то мнѣ кажется напрасно говорятъ: *Теократія была у одних Евреевъ*. Нѣтъ, она вездѣ, гдѣ есть правительство, а не насильство. Деспотизмъ, монархія, олигархія, аристократія, демократія,—назови, какъ хочешь, вездѣ дѣйствующая первая пружина—Богъ. Гдѣ онъ сообщается съ людьми посредствомъ религіи, тамъ процвѣтаютъ и всѣ добродѣтели нравственныя и гражданскія: любовь къ Отечеству, повиновеніе законамъ и властямъ; тамъ правда въ судахъ, мужество на полѣ брани, въ трудахъ терпѣніе, въ правленіи разумъ. Однимъ словомъ: *Богъ-судія* и *безсмертіе души*—тайное соглашеніе всѣхъ народовъ, основа всѣхъ религій отъ начала міра: вотъ понятія, которыя служатъ узломъ, связующимъ всѣ общества человѣческія. Послабнетъ узелъ, послабнутъ и связи общественныя; расторгнется, и все станетъ къ верху дномъ, какъ мы то видѣли и еще видимъ во Франціи и по сей день.

Моя система, для меня по крайней мѣрѣ, прочна и утѣшительна. *Галлева*, признаюсь, гораздо проще и рѣшительнѣе. Еслибы спросить этого черепослова-мудреца: зачѣмъ цѣлыя восемь лѣтъ кровь льется по всей Европѣ? Зачѣмъ полмиліона разноплеменныхъ воиновъ хлынули съ Запада на Востокъ и пришли въ Россію жечь, грабить и опустошать ее? Зачѣмъ древняя столица, Москва, стала жертвою пламени? Онъ бы на всѣ эти вопросы отвѣчалъ на отрѣзъ: потому, что въ 1769 году родился въ Корсикѣ нѣкто Наполеонъ, у котораго на черепѣ слѣдующія примѣты: желвакъ, какъ рогъ, на самой серединѣ лба—знакъ неслыханной дерзости; на темени глубокая впадина—знакъ презрѣнія и ненависти ко всему роду человѣческому; у лѣваго виска шишка—страсть видѣть текущую человѣческую кровь; между бровями два возвышенія—знаки вѣроломства и.... Постой, господинъ Галль! Мнѣ уже кажется, я все это вижу. Ахъ! съ какимъ удовольствіемъ подержалъ бы я въ рукахъ своихъ Бонапартовъ черепъ!

Письмо третье.

Ты упрекаешь меня, другъ мой, въ томъ, что я *слишкомъ* сержусь, *слишкомъ* браню Французовъ: оно можетъ быть и правда, и я готовъ буду признаться въ *излишествѣ*, только съ тѣмъ, чтобъ ты сперва доказалъ мнѣ, какъ въ подобномъ случаѣ можно быть *умѣреннымъ*. Слова, выраженіе мыслей, должны ли быть, сколько возможно, соразмѣрны съ движеніемъ души того, который ихъ произноситъ? Буде оно такъ, то зачѣмъ почитать бранью, если я называю Французовъ неистовцами, извергами, чудовищами? Я точно также поступаю, когда называю розу—алою, свинецъ—тяжелымъ, перецъ—горькимъ: я говорю то, что̀ чувствую и вызываю всѣ академіи въ свѣтѣ, даже Парижскій Институтъ, доказать мнѣ, что я неправъ. Укоряя меня въ недостаткѣ умѣренности, ты другъ мой, забылъ

бездѣлицу: забылъ, что я живу въ Москвѣ, окруженъ памятниками злобы Французовъ противу насъ, гдѣ быть *умѣреннымъ* въ чувствахъ къ неистовѣйшимъ врагамъ нашимъ значитъ по моему заключенію тоже, что быть колодою, а не человѣкомъ. Боже упаси меня отъ такой *умѣренности*, хотя бы она и добродѣтелью называлась! Но я скорѣе соглашусь съ Дантомъ, который въ адѣ своемъ выдумалъ особливой *лимбъ* для этихъ холодныхъ философовъ, добрыхъ, умѣренныхъ людей, которые могутъ не ненавидѣть виновниковъ гибели Отечества своего.

Не помню, кто-то умный человѣкъ сказалъ: „возьми Француза на удачу, перегони его въ кубѣ; выйдетъ—парикмахеръ". Я всегда соглашался съ этою мыслію и съ тѣхъ поръ, какъ чувствую себя, презиралъ нынѣшнихъ Французовъ всѣми силами души моей. Не говорю я о томъ, что они были при Св. Лудовикѣ, о просвѣщеніи ихъ въ вѣкъ Лудовика XIV: это для меня древняя исторія. Съ тѣхъ же поръ, какъ я себя помню, Французы представлялись моимъ взорамъ то мятежными гражданами, то подлыми и низкими рабами. Сперва, въ буйномъ изступленіи самовольства,— поражающими другъ друга; потомъ, сдѣлавшись орудіемъ тирана, ведущими неистовѣйшія войны противу всѣхъ народовъ, съ тѣмъ, чтобы и ихъ подвергнуть тому же рабству, въ которомъ они сами пресмыкаются. И всѣ эти перемѣны произошли въ теченіе 20 лѣтъ... Но что я говорю, 20 лѣтъ? — нѣсколькихъ мѣсяцевъ! Я самъ былъ свидѣтелемъ перехода ихъ отъ республики къ тираніи; самъ былъ въ Парижѣ въ то время, какъ Корсиканецъ началъ заносить ногу свою на тронъ Генриха IV; видѣлъ глазами моими на публичныхъ зданіяхъ нестертыя еще надписи: Liberté ou la mort! тогда какъ горделивѣйшіе изъ республиканцевъ начинали уже лизать Наполеонову руку; когда *Мартышка-Сегюръ* [10]) за счастіе поставлялъ распоряжать этикетомъ новаго *львинаго двора*; когда знатнѣйшія породою барыни добивались чести служить Баррасовой наложницѣ; когда люди [11])—и это выговариваю съ прискорбіемъ—люди, которыхъ отличала Екатерина Великая, забывъ прежнее достоинство свое, ползали у ногъ разводной жены Леграна (Legrand), бывшей тогда еще не женою, а наложницею Талейрана.

Никогда не забуду, что въ то самое время, какъ только начиналъ составляться новый дворъ *Царю-Тигру* (тогда еще подъ названіемъ перваго консула), случилось мнѣ повстрѣчаться съ Касти [12]), съ которымъ я былъ довольно коротко знакомъ. Gli animali parlano!—сказалъ я ему, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: e quante
Bestie per servir una bestia sola!

Нѣсколько вѣковъ разврата потребны были на то, чтобы пріучить потомство Гракховъ ползать у ногъ Тиверія; во Франціи это дѣлается скорѣе: сего дня издается законъ, которымъ осужденъ на смерть всякъ, кто только осмѣлится предложить возстановленіе монархіи; а на другой день все стадо Французское уже лежитъ у ногъ пришельца и присягаетъ ему въ вѣчномъ рабствѣ. Каковъ народъ? — Natio comoeda est!

До сихъ поръ я разсматривалъ нынѣшнихъ Французовъ со стороны ихъ презрительности; теперь позволь взглянуть на нихъ, какъ на извер-

---

[10]) Сегюръ, сынъ маршала Французскаго, бывшій посланникомъ при нашемъ дворѣ, проповѣдникъ свободы во время республики, при Бонапартѣ удостоенъ былъ должности—церемоніймейстера. [11]) Оба чужестранцы; одинъ изъ нихъ уже умеръ.

[12]) Сочинитель поэмы: *Gli animali parlanti*. Говорящія животные.—Животные заговорили!—И сколько животныхъ, чтобы служить одному!

говъ, заслуживающихъ ненависть, не только Русскаго, но и каждаго честнаго человѣка. Какими явились они въ нашествіи своемъ на нашу землю? Не ознаменованъ ли былъ каждый шагъ ихъ неистовствомъ, ругательствами надъ вѣрою, надъ жертвами безоружными, беззащитными? Но повторять здѣсь всѣ то, что мы на этотъ счетъ знаемъ, что слышали, что сами видѣли, было бы растравлять раны сердца, еще не закрытыя: лучше опустить завѣсу и сокрыть отъ глазъ нашихъ сіи предметы ужаса и мерзости. Дѣло теперь въ томъ, чтобы рѣшить вопросъ: Французы таковы, потому ли только, что они подъ начальствомъ Бонапарта? — Конечно нѣтъ! Наполеонъ въ Италіи былъ бы начальникомъ *бандитовъ*, въ Испаніи предводительствовалъ бы *бандолерами*; сдѣлался бы въ Германіи разбойничьимъ атаманомъ; въ Россіи—Пугачевымъ; *Гейвеманомъ* (?) въ Англіи: въ одной Франціи онъ могъ царствовать и—царствуетъ. Раздраженное небо произвело его для Французовъ, Французовъ для него.

Я на этихъ дняхъ былъ въ Донскомъ монастырѣ; молился во храмѣ, гдѣ за годъ предъ симъ безбожные враги держали лошадей своихъ. Развѣ не было конюшни? спросилъ я — „Какъ не быть!“ отвѣчалъ мнѣ монахъ: „есть, и очень хорошая, но Французы *предпочтительно* хотѣли употребить церковь на стойлы лошадямъ“.—Неужели и это Бонапартово дѣло?—Нѣтъ! Не будемъ несправедливы, не станемъ отнимать, что слѣдуетъ каждому, по достоинству его. Наполеонъ злодѣй, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ; а рабы его, хотя меньшаго калибра, но также злодѣи. Кремль взорванъ по повелѣнію Бонапарта. За то сволочь его отличалась сожженіемъ Москвы, оскверненіемъ святыхъ храмовъ ея: одно и тоже повтореніе тѣхъ же неистовствъ во всѣхъ предѣлахъ, куда только удалось разбойникамъ Французамъ ворваться съ мечемъ въ рукахъ. Съ ними ли былъ Наполеонъ, когда, овладѣвъ Таррагоною, они забавлялись, толкая съ городскихъ стѣнъ въ пропасть беззащитныхъ, просящихъ пощады жителей? Не они ли, оставляя Бургосъ, подорвали укрѣпленія, не предостерегши о томъ гражданъ, изъ коихъ нѣсколько сотенъ подавлены развалинами замка? Послѣдній ихъ подвигъ въ Гветаріи еще превосходнѣе всѣхъ вышепомянутыхъ: выходя изъ города, они оставляютъ зажженный фитиль, приведенный къ пороховому погребу, около котораго разставляютъ, для приманки народа, нѣсколько бочекъ съ виномъ.... Вотъ утонченіе варварства и злости!.... Перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ. Ахъ, другъ мой, и ты хочешь, чтобы я не *сердился*, т. е. чтобы я былъ равнодушнымъ! Нѣтъ, ты не можешь этого хотѣть: кто не ненавидитъ порока, тотъ близокъ къ тому, чтобы не любить и добродѣтели.

Какъ въ семьѣ не безъ урода, такъ конечно и между Французами есть честные люди; я сердечно сожалѣю о нихъ, что они Французы, а еще вдвое того жалѣю о (немногихъ, по счастію) Русскихъ, которые до сихъ поръ еще до того ослѣплены предразсудками воспитанія, что не хотятъ видѣть вещей такъ, какъ онѣ есть, которые до сихъ поръ еще почитаютъ Французовъ примѣрами образованности и просвѣщенія; предпочитаютъ ихъ литературу, — нынѣшнюю! варварскую! — всѣмъ прочимъ, развращенные ихъ нравы своимъ отцовскимъ, чистымъ и непорочнымъ; языкъ ихъ—своему природному.

Я не могу не согласиться съ тѣми, которые приписываютъ несказанное зло общему между нами употребленію Французскаго языка: онъ отравилъ у насъ главный источникъ общественнаго благоденствія — воспитаніе. Не говоря о важныхъ послѣдствіяхъ сего злоупотребленія, естьли только посмотрѣть на одну смѣшную его сторону, то можно сказать съ

Ювеналомъ, что Юпитеру нельзя взглянуть на насъ безъ сердца или безъ смѣха. И вподлинну, воспитаніе большой части нашихъ дворянъ и дворянокъ не заключалось ли до сихъ поръ единственно въ изученіи болтать пофранцузски? На это способы были для каждаго состоянія, такъ сказать, подъ рукою: сорванцевъ Французовъ всегда была у насъ пропасть; которому не удастся расторговаться табакомъ или помадою, тотъ идетъ въ учители; не посчастливится Француженкѣ дѣлать шляпки, она принимается въ домъ гувернанткою; и отъ такого рода наставниковъ вотъ обыкновенно какіе плоды. Въ десять лѣтъ дѣти забыли то, что̀ они научились Русскаго языка отъ кормилицъ своихъ, и до того, что даже Богу молиться не умѣютъ иначе, какъ по Французскому молитвеннику. За то они поютъ *водвили*, танцуютъ *гавотъ* и, вытараща глаза, храпятъ въ носъ тирады изъ Французской трагедіи, при чемъ нѣжные родители ихъ обливаются слезами радости.... Обливайтесь, родимые! Торжествуйте! Вы нашли легчайшій способъ исполнять долгъ отцовскій. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, служитъ школьное воспитаніе для мальчика и прилежное образованіе дѣвочки къ будущимъ ея обязанностямъ хозяйки и матери семейства? Это все педантскія бредни; ваша же цѣль состоитъ единственно въ томъ, чтобы мальчика, какъ можно ранѣе, нарядить въ офицерской мундиръ, а дѣвочку, какъ можно скорѣе, вывозить на балъ. Два таковыхъ поколѣнія, и чего ожидать? — Того что̀ мы часто видимъ: Русскихъ не-Русскихъ.

Отъ чего такое зло вкралось къ намъ? Давно ли стало укореняться? Почему есть люди—умные и хорошіе люди, которые увѣрены въ томъ, что намъ нельзя обойтися безъ Французскаго языка? Не это ли предубѣжденіе причиною, что мы еще не далеки на поприщѣ словесности? Вотъ вопросы, которые сто́ятъ того, чтобы рѣшить ихъ. Я за таковое рѣшеніе не берусь, потому что оно свыше силъ моихъ, а постараюсь впередъ предложить тебѣ нѣкоторыя мнѣнія мои о сихъ предметахъ, заслуживающихъ вниманіе всякаго, кто любитъ Отечество свое. По сему-то желалъ бы я, чтобы занялись ими люди съ дарованіями и безпристрастные, которые захотѣли бы разсмотрѣть заданныя мною предложенія со всѣхъ сторонъ и отвѣчать на нихъ безъ *сердца* и безъ *брани*, въ коихъ ты меня упрекаешь. Дай Богъ, другъ мой, чтобы и я имѣлъ причину сдѣлаться на этотъ счетъ умѣреннымъ! До тѣхъ поръ, не мѣшай мнѣ *сердиться*.

Письмо четвертое.

Голова моя была еще наполнена мыслями о томъ, что̀ я писалъ къ тебѣ, мой другъ, въ послѣднемъ письмѣ моемъ, и я только лишь успѣлъ отправить его на почту, какъ въ двери ко мнѣ пріятели мои Археоновъ и Неотинъ; оба съ дѣтства мнѣ друзья, умные, ученые люди, которые много читали, а того еще лучше — разсуждали о томъ, что̀ читали. — „Кстати! Добро пожаловать, дорогіе гости мои!“ сказалъ я имъ. „Никто лучше васъ не можетъ рѣшить задачи, которыя я, сейчасъ только, предложилъ одному пріятелю моему; онъ конечно сдѣлался бы и вашимъ, если бы вы съ нимъ познакомились“. Тутъ я прочелъ имъ заключеніе моего къ тебѣ письма.

„Рѣшить такія задачи!“ отвѣчалъ Археоновъ. „Это легко сказать, а трудно сдѣлать. Не самъ ли ты говоришь, что *есть умные и хорошіе люди* (это выговаривалъ онъ, глядя пристально на Неотина), *которые утверждаютъ, что намъ нельзя обходиться безъ Французскаго языка?*“ — „Знаю, прервалъ рѣчь Неотинъ, на чей счетъ ты это говоришь, и благодарю тебя за пріобщеніе меня къ *умнымъ и добрымъ людямъ*: въ этомъ

сословіи мнѣ будетъ не скучно; съ первымъ встрѣчусь съ тобою, и какъ съ *добрымъ*, всегда буду жить въ ладу, хотя осмѣлюсь иногда и поспорить *съ умнымъ*. Впрочемъ *спорить* не есть *ссориться*, и я ни изъ чего такъ не познаю благости Провидѣнія, какъ изъ того, что, основавъ нравственность на такихъ началахъ, о которыхъ не можетъ быть двухъ различныхъ сужденій, оно предоставило все прочее непостоянному рѣшенію премѣняющагося вкуса. Если бы этого не было, если бы заключенія наши о Расинѣ, Фенелонѣ и тому подобномъ опредѣлялись въ такой строгой точности, какъ аксіомы въ математикѣ, тогда бы, съ умомъ, оставалось только зѣвать въ обществѣ.

Отъ сего начàла пошелъ между пріятелями моими разговоръ живой и любопытный на счетъ учебной методы въ нашемъ воспитаніи; разговоръ, въ которомъ Археоновъ утверждалъ, что нынѣшній образъ ученія долженъ быть совершенно отброшенъ, а Неотинъ, что онъ долженъ быть оставленъ при нѣкоторыхъ только перемѣнахъ. Не вмѣшиваясь въ ихъ рѣчи, я былъ только что слушателемъ, и какъ подъ конецъ, *Французскій языкъ* сдѣлался единственнымъ предметомъ ихъ пренія, то записавъ, слово отъ слова, все то, чтò они на этотъ счетъ сказали, я препровождаю къ тебѣ ихъ заключенія, ничего къ нимъ моего не примѣшивая, дабы ты хоть одинъ разъ похвалилъ меня за умѣренность.

Неотинъ. Когда бы ты сказалъ, Археоновъ, что общее у насъ употребленіе Французскаго языка вредно, предосудительно, смѣшно, я бы совершенно былъ согласенъ съ твоими мыслями; но ты требуешь нѣкоторымъ образомъ, чтобы Французскій языкъ былъ выброшенъ изъ круга нашего ученія, и въ этомъ я тебя оспориваю. Такъ какъ можно быть истиннымъ сыномъ Отечества и пить не брусничную наливку, а красное Французское вино, такъ точно можно любить свой языкъ и предпочитать его чужимъ, не переставая за то учиться Французскому, и именно для того, чтобы изящностями его литературы обогащать собственную свою. Не будемъ несправедливы, не станемъ смѣшивать двухъ разныхъ вещей: народа и языка, которымъ онъ говоритъ. Первый нанесъ намъ вредъ неисчислимый; кто въ этомъ поспоритъ!—а второму, и это правда, мы обязаны почти всѣми успѣхами, которые мы сдѣлали на поприщѣ словесности.

Кромѣ Грековъ, которымъ Небо опредѣлило быть изобрѣтателями всего изящнаго въ искусствахъ воображенія, прочіе всѣ народы подражали другъ другу: Римляне Грекамъ, Итальянцы Римлянамъ, Испанцы Итальянцамъ, Французы тѣмъ и другимъ, Англичане сначала наиболѣе Итальянцамъ, и наконецъ Нѣмцы, явившіеся позже всѣхъ на поприщѣ изящныхъ письменъ, могли похвалиться классическими твореніями съ тѣхъ только поръ, какъ они покороче познакомились съ Французскою литературою. Ты согласишься со мною въ этой, кажется, неоспоримой истинѣ. И такъ остается сдѣлать одинъ вопросъ: поелику мы еще очень бѣдны въ образцовыхъ сочиненіяхъ, и слѣдственно должны искать ихъ внѣ своего Отечества, то которому изъ всѣхъ помянутыхъ народовъ должны мы преимущественно подражать?—Отвѣтъ самой простой: тому, коего литература, предъ всѣми прочими, изобилуетъ примѣрными произведеніями, а вкусъ въ оной чище и обработаннѣе. Во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, конечно Французамъ принадлежитъ пальма первенства; ибо они успѣли во всѣхъ родахъ словесности и показали путь, по которому, вслѣдъ за ними, можемъ и мы дойти до совершенства.

Изящнѣйшее, благороднѣйшее произведеніе ума человѣческаго— трагедія, нигдѣ такъ не процвѣтаетъ, какъ во Франціи, и ты конечно не на-

зовешь мнѣ никого подобнаго Расину, Корнелю и Вольтеру. Мольера можно по справедливости назвать основателемъ истинной комедіи, ибо до него, не исключая и древнихъ, не комедія была, а игрище. Въ Аристофанѣ, напримѣръ, мы видимъ кощунство и личности, что̀, при всемъ его прелестномъ Аттическомъ языкѣ, не есть еще первое достоинство Таліи. О Менандрѣ мы не можемъ судить иначе, какъ по холодному его подражателю Теренцію, въ которомъ мы находимъ сплетеніе приключеній, довольно живой разговоръ и чистоту слога, но ни одного настоящаго комическаго характера. Плаўтъ его повеселѣе; но чтобы посудить о немъ въ сравненіи съ Мольеромъ, стоитъ только взять характеръ Скупаго въ Латинскомъ комикѣ и сличить его съ Французскимъ Арпагономъ, то и увидишь тотчасъ, на чьей сторонѣ геній и истинно комическая сила. Говорить ли тебѣ о Лафонтенѣ неподражаемомъ и который самъ никому не подражалъ: ибо апологи Фригійскаго мудреца и подражателя его Федра столько же могутъ почитаться подлинниками относительно къ баснямъ Лафонтена, какъ уродливая Кастрова трагикомедія: *Сидово молодечество* (Las moçedades d'el Cid) въ разсужденіи Корнелевой трагедіи Сида!

Но какъ перечесть всѣхъ великихъ мастеровъ, прославившихъ вѣкъ Лудовика XIV, которые какъ теперь, такъ и навсегда, останутся законодателями вкуса? Поэзія высокая, легкая, краснорѣчіе, слогъ повѣствовательный—во всѣхъ родахъ они сдѣлались образцами; и мы тому языку, на которомъ они писали, перестанемъ учиться для того, что народъ, имъ говорящій, сдѣлался теперь нашимъ врагомъ непримиримымъ; для того, что нынѣшніе Французы не похожи на то, что̀ они были прежде, и что они столько теперь отличаются варварствомъ, сколько прежде знамениты были вѣжливостію нравовъ и образованностію ума! Что̀ намъ до этого за дѣло? Народъ одно, языкъ его другое. Пусть первой, подобно Римлянамъ, при послѣднемъ ихъ упадкѣ, погружается во мракъ невѣжества и варварства; языкъ его, подобно же Латинскому, переживетъ народъ, останется классическимъ и *долженъ быть таковымъ для насъ:* поелику, случайностію ли, или по выбору, но мы уже нѣкоторымъ образомъ присвоили его себѣ; слѣдственно, имѣя передъ собою готовое руководство къ усовершенствованію нашей литературы, бросить его и искать другаго — нѣтъ никакой пользы. Французскій языкъ можетъ остаться у насъ *школьнымъ*, такъ какъ всѣ мертвые языки, безо всякой опасности для нравовъ. Взгляни на Пелопонесъ: въ отечествѣ Ксенофона живутъ теперь Румелійцы; мѣшаетъ ли это Эллинистамъ презирать рабовъ Дивана?

Археоновъ. Очень бы мѣшало, другъ мой, если бы нынѣшніе Греки, подобно нынѣшнимъ Французамъ, столько же были вредны, сколько презрительны, и если бы они говорили тѣмъ же самымъ языкомъ, на которомъ писалъ Ксенофонъ; но объ этомъ въ другое время. Изслѣдованіе зла, причиненнаго (благодаря Бога не Россіи, но только такъ называемому у насъ лучшему кругу людей) общимъ употребленіемъ Французскаго языка и Французскимъ театромъ, само по себѣ такое обширное и богатое поле для разсужденій, что если бы я только вступилъ на него, то не осталось бы мнѣ ни охоты о другомъ говорить, ни времени возражать на предложенія твои, которыя, если не ошибаюсь, заключаются въ слѣдующемъ: 1-е, Французская литтература, предъ всѣми прочими, изобилуетъ образцовыми сочиненіями; 2-е, вкусъ оной есть чистѣйшій и самый обработанный, а поелику мы уже ознакомились съ нею, то намъ и не зачѣмъ искать для себя другаго руководства и слѣдственно: мы должны, по прежнему, держаться одной Французской литературы. Я оспо-

риваю оба твои предложенія, и если буду правъ, то заключеніе твое рушится само по себѣ.

Благоговѣя предъ великими людьми, каковы Расинъ, Мольеръ и проч., я однакоже, во первыхъ, не соглашаюсь, что они, между новѣйшими писателями, заслужили пальму преимущества, и даже признаюсь, ни въ одномъ не нахожу того творческаго генія, который одинъ даетъ несомнѣнное право на первосѣдалище во храмѣ Музъ. Ересь моя такъ дерзка, что можетъ быть и тебя испугаетъ, не только что людей, у которыхъ пружины языка проведены къ ушамъ безо всякаго сношенія съ мозгомъ; но перестанемъ, хотя на часъ, смотрѣть на вещи сквозь Французскіе очки; сбросимъ съ себя пелены, которыми насъ съ младенчества окутали наши наставники и осмѣлимся, въ этомъ одномъ отношеніи быть космополитами.—Ты перваго назвалъ Расина, и я съ него же начну. Онъ прелестенъ неоспоримо; но въ чемъ состоитъ его очарованіе? Въ искусствѣ подражать древнимъ и въ удивительномъ мастерствѣ владѣть языкомъ своимъ. Отними у него то, что̀ не его, что̀ принадлежитъ Омеру, Софоклу, Еврипиду, Виргилію, Сенекѣ, и останется одинъ прекраснѣйшій механизмъ стиха, достоинство хотя и великое, но не то еще, которое требуется отъ генія-творца. Это на счетъ поэта; что̀ же касается до хода трагедіи, до связи ея, до характеровъ, до развязки, то въ разсужденіи всего этого мудрено еще сказать рѣшительно, что *нигдѣ трагедія такъ не процвѣтаетъ, какъ во Франціи*. Тутъ дѣло идетъ не о томъ вкусѣ къ изящному, которой неизмѣнно принадлежитъ вообще всѣмъ вѣкамъ, всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ, но о томъ, который особенно составляется по характеру каждаго народа, по нравственнымъ его свойствамъ и по образу правленія. Я самъ, напримѣръ, ничѣмъ такъ не восхищаюсь, какъ искуснымъ представленіемъ Расиновой трагедіи; но въ правѣ ли я отъ того заключить, что всѣ непремѣнно должны точно такъ чувствовать и мыслить, какъ я, и что напрасно предпочитаютъ Расину: Англичане Шекспира, Нѣмцы Шиллера, Итальянцы Альфіери? Мое заключеніе, можетъ статься, и несходно съ истиною: кто увѣритъ меня, что не дѣйствовало надъ нимъ сильное вліяніе привычекъ и предубѣжденій, съ которыми нельзя справедливо судить о вещахъ? Буде на это мнѣ возразятъ, что привычки и предубѣжденія могутъ точно также находиться и въ другихъ людяхъ; тогда я изо всего этого выведу одно то, что на счетъ народнаго вкуса не должно никого ни винить, ни оправдывать; что всякой будетъ правъ у себя, и виноватъ, если вздумаетъ судить о другихъ по себѣ. Ипполитъ на сценѣ Французской исторгаетъ у насъ Русскихъ слезы, а на Аѳинскомъ театрѣ Греки бы расхохотались, еслибъ услышали его открывающагося въ любви къ Арисіи.

Говоря о благороднѣйшемъ, изящнѣйшемъ произведеніи ума человѣческаго, о трагедіи, ты, другъ мой, забылъ сказать о родной сестрѣ ея, не менѣе благородной и изящной—о эпической поэмѣ. Она конечно есть у Французовъ, ибо *они успѣли во всѣхъ родахъ поэзіи*: назови ее. Ты молчишь! Не смѣешь и назвать уродливой рапсодіи, холодной въ стихахъ декламаціи, которой Вольтеръ хотѣлъ присвоить честь эпопеи. Какъ же ты не постыдился сказать, *что во всѣхъ родахъ словесности пальма первенства принадлежитъ Французамъ*? Ты забылъ — кого! Итальянцевъ, которымъ мы обязаны возрожденіемъ наукъ, письменъ, художествъ и вкуса ко всему изящному; ты забылъ Данта, Аріоста, Тасса, трехъ исполиновъ, оставившихъ далеко позади себя всѣхъ новѣйшихъ эпическихъ поэтовъ и которыхъ нельзя сравнивать ни съ кѣмъ, кромѣ какъ съ учителями ихъ—Омеромъ и Виргиліемъ. Положимъ, что творенія Дан-

та и Аріоста нейдутъ въ число эпическихъ поэмъ, по точному опредѣленію имени сего; но чтò же ты скажешь о Освобожденномъ Іерусалимѣ? Не согласишься ли, что Тассъ единственный поэтъ, который можетъ стоять рядомъ съ древними творцами эпопеи, и что поэма его, въ разсужденіи плана ея и хода, равняется съ Иліадою, по характерамъ же героевъ превосходитъ Энеиду. Нельзя конечно не согласиться въ томъ, что бòльшую часть характеровъ Тассъ занялъ отъ Омера, и что во многихъ мѣстахъ не только подражаніе, но даже переводъ Виргилія; но кто же и не подражалъ отцу эпической поэзіи и преемнику славы его въ Римѣ? Чтò же иное дѣлалъ Расинъ? Не переводилъ ли онъ цѣлыхъ стиховъ изъ Энеиды? Сожалѣю о тебѣ, мой другъ, если, повѣря Буало, и ты видишь въ Освобожденномъ Іерусалимѣ одну только мишуру; я нахожу въ немъ такое чистое золото, которому подобнаго нѣтъ и въ самомъ Расинѣ твоемъ.

О Мольерѣ также не соглашаюсь съ тобою, чтобы должно почитать его настоящимъ основателемъ истинной комедіи; очистителемъ ея отъ кощунства—это правда, но и этого много. Чтò же касается до характеровъ, хода комедіи и развязки, то онъ занялъ ихъ отчасти у древнихъ, отчасти у Испанскаго театра. Кальдеронъ и Лопе де Вега были во многомъ его учителями; ихъ дѣйствующія лица въ рукахъ Мольера приноровились къ Парижскимъ обычаямъ, перерядились во Французское платье и сдѣлались для Французовъ оригинальными; намъ же Русскимъ предпочтительно нравятся потому, что и мы приноровились къ Парижскимъ обычаямъ и перерядились во Французское платье. Если комедія есть живое въ лицахъ представленіе господствующихъ нравовъ, то каждый народъ долженъ имѣть свою комедію, по той самой причинѣ, что каждой народъ имѣетъ свои собственные нравы и обычаи: Ифландъ на театрѣ своемъ представляетъ Нѣмцовъ, Шериданъ Англичанъ, а мы — *Французовъ*; потому что мы по обычаямъ Французы, и съ такими Французскими т. е. нелѣпыми предразсудками, что не стыдимся называть порокомъ то, чтò составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ въ Нѣмцахъ и Англичанахъ, что они не обезьяны, какъ мы.

То, чтò ты сказалъ на счетъ Лафонтена, всего основательнѣе: онъ неподражаемъ. Однакоже и онъ подражалъ: въ разсказѣ его видны простота Федра, умышленное простодушіе Боккачья, и если взять Аріоста и прочесть нѣсколько вступленій къ пѣснямъ поэмы его, то можно тотчасъ догадаться, что *манеру* его учился Французскій фабулистъ.

Будь же теперь справедливъ и согласись во первыхъ, что Французы не во всѣхъ родахъ словесности успѣли: у нихъ нѣтъ ни поэмы, ни исторіи, ни *живописной поэзіи* (poësie descriptive), ни пастушеской, ни даже романа своего; во вторыхъ, что если они могутъ гордиться своими Расиномъ, Корнелемъ, Буало, Мольеромъ, а особливо Лафонтеномъ, которому много было до сихъ поръ послѣдователей, а соперника еще не нашлось—за то другіе народы имѣютъ право хвалиться такими высокими умами, каковымъ нѣтъ подобныхъ во Франціи. Не повторяя объ Итальянцахъ, Испанцы скажутъ: у насъ Сервантесъ; Англичане, и не упоминая о Шекспирѣ, Мильтонѣ, Драйденѣ, Томсонѣ, выставятъ рядъ историковъ таковыхъ, какъ Юмъ, Фергюсонъ, Робертсонъ; Нѣмцы укажутъ на Виланда, Лессинга, Гете, Шиллера; а мы, развѣ не въ правѣ гордиться нашимъ Державинымъ, котораго природа одарила геніемъ удивительнымъ, а случайность предохранила въ воспитаніи отъ робкаго, изнѣженнаго вкуса Французовъ? Такъ точно, другъ мой, я смѣло утверждаю,

что Державинъ много обязанъ незнанію Французскаго языка: опутанный цвѣтками, поддѣланными изъ атласа и тафты, не размахнулся бы никогда нашъ богатырь!

Я осмѣлился сказать: *робкій, изнѣженный вкусъ*, и къ этой смѣлости, прибавлю еще дерзость — утверждать сказанное. Всѣ художества основаны на подражаніи природѣ: очарованіе ихъ состоитъ въ вѣрности сего подражанія, и тотъ художникъ наиболѣе выполнитъ необходимое условіе, который, избравъ предметъ, будетъ умѣть представить его взорамъ нашимъ въ изящнѣйшемъ его видѣ, т. е. придавъ ему тѣ украшенія, которыя сродны ему и естественны. Это Французы называютъ embellir la nature, *украшать природу*: явная безсмылица! Ибо украшать природу невозможно; напротивъ того: лишнимъ тщаніемъ давать несродныя ей прикрасы значитъ — портить ее; то что̀ Французы же въ художествахъ называютъ: genre manièré, а я—изнѣженнымъ, жеманнымъ вкусомъ. Что Французы въ живописи, скульптурѣ, музыкѣ заражены симъ несчастнымъ и противуположнымъ изящному вкусомъ, въ этомъ спору нѣтъ, и сами безпристрастные Французы давно въ томъ уже признались. Гдѣ требуются глаза да уши, тамъ болѣе найдется судей, и самый поверхностный знатокъ въ художествахъ не будетъ долго колебаться между Преображеніемъ Рафаеля и Сабинками Давида, между Альбаномъ и Буше; между памятниками маршала Саксонскаго и Папы Рецціоника; или между операми Монсиньи и Паизіелла. Для того, чтобы сравнивать всѣ эти предметы между собою, нѣтъ нужды знать нипофранцузски, ни поитальянски; довольно имѣть неиспорченный вкусъ и вѣрные глазъ и ухо. Но когда дѣло дойдетъ до сужденія о разныхъ литературахъ, то самъ скажи, можно ли быть судьею въ нихъ и не знать тѣхъ языковъ, коихъ произведенія разсматриваются какъ предметы сравненія? Не возможно, какъ бы они хороши ни были. Спроси Воронихина, постигъ ли бы онъ величіе храма Св. Петра въ Римѣ, по однимъ рисункамъ и моделямъ его; спроси Егорова, позналъ ли бы онъ Рафаеля изъ Джіордановыхъ списковъ? Такъ точно и въ общей литературѣ: хочешь ли имѣть основательное понятіе о свойствахъ, преимуществахъ и недостаткахъ народовъ, наиболѣе въ письменахъ отличившихся: сперва учись ихъ языкамъ; прочитай Данта на Итальянскомъ, Сервантеса на Испанскомъ, Шекспира на Англійскомъ, Шиллера на Нѣмецкомъ; тогда ты пріобрѣтешь нѣкоторое право произносить надъ ними приговоръ, и тогда конечно ты не скажешь, подобно тому, что̀ я читалъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ: *Долго ли Нѣмцамъ быть педантами*? Долго ли намъ быть невѣжами и бранить то, чего мы не разумѣемъ! Мы привыкли ко всему прикладывать Французскій масштабъ, и что̀ нейдетъ къ нему въ мѣру, отбрасывать, какъ недостойное сравненія. Такимъ образомъ и Шиллеръ провинился предъ нами, и именно въ томъ, что онъ не наблюдалъ необходимой (для насъ только) благопристойности,—представить героевъ своихъ въ видѣ Французскихъ маркизовъ. Я такъ за это его не виню и обращаясь къ тому, съ чего началъ: скажу, что вкусъ изнѣженности у Французовъ господствуетъ вездѣ, даже и въ лучшихъ ихъ писателяхъ. Не говоря о другихъ, довольно сказать, что и Расинъ не избавился отъ заразы: Пирръ въ Андромахѣ его, Ахиллесъ въ Ифигеніи, Ипполитъ въ Федрѣ, Неронъ въ Британникѣ,— не тѣ идеалы, которые мы воображаемъ по начертаніямъ въ Омерѣ, Виргиліи, Еврипидѣ и Тацитѣ. Они чрезвычайно хороши у Расина; можно сказать, прелестны, но все таки изъ подъ палліи или тоги выказываются у нихъ Французскіе красные каблучки. Когдаже Расинъ, великій Расинъ, не ушелъ отъ упрека въ *изнѣженности*, то что же останется ска-

зать о другихъ: ума много, а изящной природы во всей очаровательной ея простотѣ нѣтъ ни въ одномъ. Вездѣ натяжка; нигдѣ нѣтъ цвѣтовъ, которые мы видимъ въ природѣ: наблюдатель строгій тотчасъ догадается, что картина простой сельской жизни писалась въ Парижскомъ будуарѣ, а Ѳеокритовы пастухи срисованы въ оперѣ съ танцовщиковъ. И быть иначе не можетъ! Французы осуждены писать въ одномъ Парижѣ; внѣ столицы имъ не дозволяется имѣть ни вкуса, ни дарованій: то какъ же имъ познакомиться съ природою, которой ничего нѣтъ противуположнѣе, какъ большіе города? Напротивъ того, въ Нѣмецкой землѣ писатели рѣдко живутъ въ столицахъ; большая часть ихъ разсѣяна по маленькимъ городамъ, а нѣкоторые изъ нихъ цѣлую жизнь свою провели въ деревняхъ: за то они знакомѣе съ природою, и за то, между тѣмъ какъ Фоссъ начерталъ прелестную *Луизу* свою въ Эйтинѣ, подражатель приторнаго Флоріяна въ Парижѣ, смотря въ окно на грязную улицу, описываетъ испещренные цвѣтами Андалузскіе луга, или пышно рисуетъ цѣпь Пиренейскихъ горъ, глядя съ чердака на Монмартръ [13]).

Вотъ тебѣ, другъ мой, и возраженіе мое на твои заключенія, и исповѣдь моя на счетъ Французской литературы. Мысли мои о ней не съ прошлаго года, а были таковы и до нашествія злодѣевъ; слѣдственно политическая вражда никакого вліянія надъ ними не имѣетъ. Очень знаю, что новость моего заключенія возставитъ противъ меня тысячу земляковъ моихъ, которые ничего другаго не читали, кромѣ Французскаго, ничему другому не учились, какъ только пофранцузски: я противу нихъ не употребляю никакихъ доводовъ; они были бы безполезны, а осмѣлюсь только сдѣлать одно сравненіе, которое,—признаюсь,—хотя и взято изъ самаго низкаго рода жизни, но здѣсь такъ идетъ кстати, что не могу утерпѣть, чтобъ не сказать о немъ.

Когда въ Малороссійскомъ шинкѣ прохожій козакъ напьется до пьяна, то Жидъ-шинкарь, чтобъ заставить гостя своего заплатить вдвое противъ того, что̀ онъ выпилъ, употребляетъ обыкновенно слѣдующую хитрость: онъ ставитъ у изголовья усталаго и пьянаго козака мальчика сына своего, который безпрерывно надъ ухомъ засыпающаго напѣваетъ: *полтина*! *полтина*! и до того твердитъ *полтина*! что козакъ и во снѣ слышитъ ее и проснувшись чувствуетъ, что она еще жужжитъ въ ушахъ его. Онъ сбирается въ путь, спрашиваетъ, сколько долженъ; отвѣтъ шинкаря, разумѣется, *полтина*. И такъ, хотя козакъ увѣренъ въ душѣ своей, что не могъ на столько выпить, но Жиденокъ до того накричалъ ему голову *полтиною*, что, не вѣря собственному своему убѣжденію, онъ платитъ полтину, вмѣсто четверти рубля.

Государи мои! Простите меня великодушно за неучтивое сравненіе мое, но признайтесь сами чистосердечно: не похожи ли вы на козака, и не узнаёте ли вы въ Жиденкѣ наставниковъ вашихъ, которые, вмѣсто *полтины*, такъ накричали вамъ уши *Французами*, что вамъ, и проснувшись отъ сна младенчества, все слышится еще одно и тоже: *Французы* да *Французы*!

---

[13]) Это напоминаетъ намъ разсказъ покойнаго П. А. Плетнева, писавшаго, какъ извѣстно, въ молодости своей стихи. Однажды пришелъ къ нему Пушкинъ и засталъ его за стихотворнымъ описаніемъ Днѣпра (на которомъ, надо замѣтить, Плетневъ никогда не бывалъ).—„А я не зналъ, мой милый, сказалъ ему Пушкинъ, совершенно добродушно, что ты ѣздилъ въ Кіевъ“. Пушкину представлялось невозможнымъ изображать то, чего онъ самъ не видѣлъ или чего не изучилъ близко. *П. Б.*

Дабы искоренить такое зло, надобно съ того начать, чтобы перемѣнить учебную нашу методу. Учиться новѣйшимъ языкамъ не только можно, да и похвально; но Французскому оставаться у насъ классическимъ, такъ какъ онъ былъ до сихъ поръ, это значитъ тоже, что̀ убивать наши природныя способности, и доколѣ это продолжится, мы будемъ оставаться въ сущемъ младенчествѣ на поприщѣ ученія. Ни одна изъ новѣйшихъ литературъ не усовершенствовалась, какъ ты утверждаешь, отъ подражанія новѣйшимъ же: всѣ онѣ, безъ изъятія, почерпнули красоты свои въ единственномъ и неизсякаемомъ источникѣ всего изящнаго — у Грековъ и Римлянъ. Для того и намъ давно бы пора приняться за настоящее дѣло, и потому я смѣло скажу и всегда говорить буду: что пока мы не будемъ учиться, т. е. посвящать все время перваго возраста, отъ 7 до 15 лѣтъ, на изученіе Греческаго или по крайней мѣрѣ Латинскаго языка, вмѣстѣ съ Русскимъ, основательно, эстетически, до тѣхъ поръ мы, большая часть толпы, будемъ не говорить, а болтать, не писать, а лишь марать бумагу".

Этими словами кончился разговоръ, а я себѣ на умѣ: и я грѣшный бумагу мараю! Что же дѣлать? Не я первый, не я послѣдній:

Scribimus indocti doctique.

Письмо пятое.

Сведемъ теперь вмѣстѣ обоихъ 18-ти лѣтнихъ, Англійскаго мальчика и Русскаго совершеннаго мужа. Перваго я подхватилъ въ Оксфордѣ и— волшебство ничего не стоитъ — перенесъ его мгновенно въ Петербургскую гостиную комнату. Онъ въ черной ряскѣ, съ четвероугольной бархатной шапочкой на головѣ: точно въ томъ уборѣ, въ которомъ сбирался идти на лекцію. Нашъ вытянутъ какъ стрѣлка, одѣтъ какъ куколка. Онъ сбирается на балъ, гдѣ ожидаетъ видѣть отборнѣйшее общество и для того нарядился въ рейтузы, сапоги и шпоры.

У Англичанина во всѣ щеки краска: цвѣтъ молодости и здоровья. Нѣжный пушокъ, предвѣстникъ мужества, едва начинаетъ просѣдать на усахъ, и ротъ его такъ свѣжъ, такъ чистъ, какъ долженъ быть въ его лѣта, когда неумѣренность еще не отравляетъ источника жизни.

У Русскаго цвѣтъ лица немного позавялъ, и причина тому, что онъ *живетъ* уже, между тѣмъ какъ другой только что пріуготовляется жить. На щекахъ его нѣтъ пушка: онъ выскоблилъ его, дабы принудить медленную природу преждевременно наградить его, если не полною бородою, такъ по крайней мѣрѣ бакенбардами и усами, безъ которыхъ ему обойтися никакъ нельзя. Ротъ его нечистъ и несвѣжъ — и это отъ табаку, которымъ онъ съ утра до ночи коптитъ себѣ зубы.

У Англичанина можно замѣтить въ глазахъ привычку къ размышленію; въ чертахъ лица его—стыдливость; въ рѣчахъ—скромность, и вообще въ обхожденіи — застѣнчивость, сродную юношѣ, который, занимаясь книгами, не успѣлъ еще научиться обращенію съ людьми въ обществѣ.

Въ этомъ преимущество неоспоримо на сторонѣ нашего земляка: въ глазахъ его блистаетъ веселая разсѣянность мыслей; въ чертахъ лица стыдливость, та единственно, чтобы не подумали, что онъ можетъ еще чего нибудь стыдиться. Въ рѣчахъ дерзость, плодъ самонадѣянія; и вообще въ обхожденіи та ловкая смѣлость, которой нельзя пріобрѣсть за книгами.

Наши юноши другъ друга не понимаютъ: Русскій Англичанину кажется страннымъ; Англичанинъ Русскому смѣшнымъ. Распустимъ ихъ; пусть

каждый стремится къ предмету своихъ желаній: Оксфордскій ученикъ на урокъ въ Университетъ, а землякъ нашъ на балъ. — Идите, юноши, Богъ съ вами! Идите путемъ, вамъ опредѣленнымъ! — А ты, соотчичъ мой, другъ мой, не пѣняй на меня; не думай, чтобы склонность къ сатирѣ внушила мнѣ сравненіе, для тебя нелестное; не думай, чтобы я предпочелъ тебѣ иноземца; люблю Отечество болѣе всего на свѣтѣ, и ты, кто бы ты ни былъ — Русскій, братъ мой, и потому близокъ къ сердцу моему. Ахъ! и ты узнаешь цѣль мою, но поздно. На срединѣ поприща жизни, когда чадъ молодости пройдетъ и опытность откроетъ глаза тебѣ, ты воспомнишь слова мои и скажешь вздохнувъ: онъ правду говорилъ!

Такъ, другъ мой, сердце мое обливается кровью, когда я помышляю, сколько геніевъ у насъ увядаетъ, при самомъ развитіи цвѣта разума, и не принеся никакого плода Отечеству! Сколько людей, одаренныхъ способностями, осуждается жить для того только, чтобы бременить собою землю!... И все это отъ того только, что мы, по странному заблужденію, не слѣдуемъ въ воспитаніи путемъ, проложеннымъ опытностію вѣковъ, по которому всѣ просвѣщенные народы шли и будутъ идти, доколѣ станутъ предпочитать ученіе невѣжеству и истинное просвѣщеніе наружному блеску, который, подобно потѣшнымъ огнямъ, сверкнетъ, исчезнетъ—и все вокругъ себя оставитъ по прежнему въ густомъ мракѣ.

Что за диковина! Народъ, надѣленный драгоцѣннѣйшими дарами природы, наиспособнѣйшій ко всѣмъ успѣхамъ ума, съ сильною душею, съ пылкимъ воображеніемъ, добровольно ослѣпляется, отвергая дары природы и пособія Отечества. Скажемъ съ признательностію: чего не дѣлало правительство? Какихъ пожертвованій жалѣло оно для того, чтобы повести насъ путемъ истиннаго просвѣщенія? Всѣ старанія его до сихъ поръ оставались тщетными. Отецъ Отечества, при первомъ воззрѣніи на землю благодатную, Провидѣніемъ правленію его ввѣренную, увидѣлъ недостатки въ народномъ воспитаніи, и исправленіе сихъ недостатковъ было однимъ изъ первыхъ подвиговъ его царствованія. Московскій университетъ украшается новыми преимуществами. Новые университеты возникаютъ въ Харьковѣ, въ Казани, въ Дерптѣ, въ Вильнѣ. Гимназіи и разныя училища по всѣмъ губерніямъ учреждаются, какъ разсадники, въ которыхъ бы юношество готовилось быть способнымъ слушать университетскіе уроки [14]). Что же изъ этого выходитъ? Чадолюбивый Государь, помышляющій единственно о благѣ всѣхъ и каждаго изъ подданныхъ своихъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, принужденнымъ находится объявить предъ лицемъ Отечества, что онъ съ прискорбіемъ и негодованіемъ видитъ, что отеческія его старанія остаются безплодными, что дары его не цѣнятся. Вникая въ причины нерадѣнія, онъ усматриваетъ, что *чины* единственная цѣль, въ которую мѣтятъ родители, въ которой стремятся юноши и, по всей справедливости, повелѣваетъ, чтобы *чины* служили наградою въ успѣхахъ ума, предполагая, что самолюбіе сдѣлается тогда побудительною причиною къ прилежанію въ наукахъ...

На счетъ учебныхъ заведеній мнѣ случалось слышать пренелѣпые толки. Иные говорятъ: *наши университеты еще во младенчествѣ*. Въ какомъ смыслѣ? Если въ томъ, что не успѣли еще прославиться, возпріявъ начало бытія своего лѣтъ съ десять тому назадъ? Такъ! Это прав-

---

[14]) Самые даже пансіоны получаютъ лучшее и сообразнѣйшее съ правилами просвѣщенія народнаго устройство, закономъ, чтобъ содержатели ихъ знали Русскій языкъ и чтобъ на ономъ преподавались въ нихъ всѣ науки.

да; но чтò тутъ общаго между славою университета, которой онъ не успѣлъ пріобрѣсть и никогда не пріобрѣтетъ, доколѣ не будутъ въ немъ учиться, и основательнымъ ученіемъ, которое въ немъ теперь уже преподается? Сколь ни молоды эти университеты, но не лучше ли они наемниковъ-Французовъ, которые, по большой части, и собственнаго своего языка не знаютъ? — Другіе и того еще безсмысленнѣе судятъ, ибо они предполагаютъ явное противорѣчіе въ намѣреніяхъ правительства. „Военная служба, говорятъ они, въ Россіи первый долгъ, къ которому Отечество призываетъ дворянина; изъ сего слѣдуетъ, что юношѣ нельзя довольно рано вступить въ нее, какъ для того, чтобы успѣть скоро въ оной отличиться, такъ и для того, чтобы заранѣе укрѣпить физическія силы свои и сдѣлаться чрезъ то способнымъ къ трудному ремеслу защитниковъ государства". Противорѣчіе и безсмыслица!

Во первыхъ, правительство требуетъ отъ дворянина познаній необходимыхъ къ званію, которое онъ себѣ избираетъ, въ слѣдствіе чего есть повелѣніе и въ офицерскіе чины не производить иначе, какъ съ одобренія учебныхъ мѣстъ. Не изъ сего ли вы заключаете, что сыновья ваши должны быть совершенно образованы въ 15 лѣтъ, что въ такія нѣжныя лѣта они могутъ быть годными Отечеству слугами? Нѣтъ, государи мои! Отечество требуетъ отъ васъ зрѣлыхъ плодовъ; а вы, не внемля гласу его, торопитесь и какъ будто спѣшите съ рукъ сживать дѣтей, принося обыкновенное ваше въ такомъ случаѣ оправданіе: *нынѣ дѣти всѣ таковы; горятъ нетерпѣніемъ служить, и удержать ихъ невозможно.* Рвеніе ихъ прекрасно, но вашъ долгъ умѣть оное обуздывать до настоящей поры. Дѣти всегда будутъ дѣти, всегда будутъ предпочитать барабанъ и мундиръ ученію; всегда будутъ избирать и желать не того, чтò должно. Вамъ должно за нихъ избирать и желать; вамъ оправдывать ожиданія Отечества. Оно ожидаетъ способнаго слуги: дайте же ему время образоваться и старайтесь, чтобы онъ успѣхами заслужилъ одобреніе. Тогда, не въ 15 лѣтъ—и въ этомъ нѣтъ никакой потери—вы представите сына съ убѣжденіемъ, что долгъ родителя исполненъ; и тогда пусть юноша идетъ проливать кровь свою: она не безполезно потечетъ за Отечество; онъ будетъ знать, чѣмъ ему обязанъ.—Отпускать мальчика въ 15 лѣтъ на службу, для того, чтобы заранѣе укрѣпить физическія его силы! Это все равно, что сказать: дабы ускорить созрѣніе плода, должно не давать ему времени созрѣть. Безсмыслица! Но положимъ, что оно такъ; положимъ по вашему мнѣнію, что Отечеству нужны богатыри, во чтò бы они ни стали, и что оно не жалѣетъ о потерѣ девятерыхъ сыновей своихъ, лишь бы изъ десяти одинъ, вынеся трудный опытъ, вышелъ изъ онаго съ тѣломъ крѣпкимъ, какъ закалѣное желѣзо; я все еще спрошу: чтò нужнѣе Отечеству, богатырь ли тѣломъ, или богатырь душею? Если первый нужнѣе, то нѣтъ намъ надобности не только въ университетахъ, но даже и въ наемникахъ Французахъ: купать насъ всѣхъ въ Крещенскіе морозы въ прорубяхъ, какъ Ахиллеса окунула матушка его въ Стиксѣ, и кто выдержитъ, тотъ и слуга Отечеству. Буде же душа беретъ преимущественно надъ тѣломъ, и образованіе ея силъ есть первый предметъ родительскаго попеченія въ воспитаніи дѣтей: въ такомъ случаѣ пора намъ, и давно пора, образумиться и перестать воображать себѣ, что, научивъ мальчика болтать, какъ попугая, пофранцузски, и нарядивъ его въ 15 лѣтъ въ мундиръ, мы исполнили всѣ обязанности, которыя возложили на насъ Богъ, природа и Отечество.

Meliora pii docuêre parentes!

Письмо шестое.

Noch keine Nation in der Welt ist der Barbarey durch Mathematik entrissen worden [15]) Такъ пишетъ, не помню гдѣ-то, Шлецеръ, и въ этомъ изрѣченіи его заключается великая истина. Всѣ народы, приходившіе отъ невѣжества къ просвѣщенію, сперва знакомились съ Омеромъ и Виргиліемъ, а потомъ уже съ Эвклидомъ: такъ требуетъ ходъ ума человѣческаго; ибо жизнь политическая народовъ, подобно человѣку, имѣетъ свои возрасты младенчества, юношества, зрѣлыхъ лѣтъ и старости. Слѣдственно, какъ изящныя искусства наиболѣе приличны юношеству, когда воображеніе пылче и память свѣжѣе; такъ точно народамъ, возникающимъ къ просвѣщенію, должно начинать образованіе свое изящными искусствами, а не математикою. Примѣры всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ дѣлаютъ истину сію неоспоримою. Мы, съ недавнихъ поръ, захотѣли перемѣнить порядокъ вещей; не знаю однакоже, удастся ли намъ: природа не терпитъ прекословія.

Я это говорю, мой другъ, на счетъ одного предубѣжденія, которое, по наблюденіямъ моимъ, лѣтъ съ шесть тому назадъ, какъ довольно сильно начинаетъ уже вкореняться въ *домашнемъ* нашемъ воспитаніи—именно: исключительное предпочтеніе математики всѣмъ прочимъ наукамъ. *Математика*! кричатъ во все горло тѣ, которые, кромѣ математики, ничему не учились, и *математика*! — повторяетъ за ними толпа людей, которые и математики не знаютъ: *вотъ единственная наука*, *достойная человѣка*, *все прочее вздоръ*! Конечно крикъ сей не заглушитъ людей, имѣющихъ основательное мнѣніе о познаніяхъ вообще; но, по несчастію, я замѣчаю, что онъ очень удобенъ сбивать съ толку тѣхъ, которые или худо учились, или отъ природы съ головами, коихъ понятія не весьма ясны. Я встрѣчался уже не съ однимъ отцемъ, который положилъ себѣ за правило ничему другому не учить дѣтей, какъ только математикѣ, и также случалось уже мнѣ видѣть и молодчиковъ, которымъ математика единственно служитъ епанчею, прикрывающею грубое ихъ невѣжество во всемъ прочемъ.

Никто, конечно, не будетъ оспоривать пользу науки, содѣлывающей умъ человѣческій способнымъ быстро замѣчать отношенія величинъ и чиселъ; на все, однакоже, есть время, всему есть мѣсто: est modus in rebus. Первые годы отрочества принадлежатъ исключительно памяти, воображенію, а не холодному умствованію о истинахъ отвлеченныхъ: зачѣмъ же мучить несчастнаго 12-ти лѣтняго мальчика надъ $a+b$ и принуждать его потѣть, выкладывая Невтоновъ биномъ? Признаюсь, я не могу смотрѣть на такого труженика, безъ крайняго о немъ сожалѣнія: мнѣ все кажется, что онъ или съ ума сойдетъ, или ничего не пойметъ, слѣдственно потеряетъ время понапрасну, или выйдетъ изъ него такое странное, метафизическое существо, которое и въ нравственныхъ отношеніяхъ будетъ всегда искать алгебраическихъ уравненій. Этотъ послѣдній родъ людей всѣхъ опаснѣе и всѣхъ несчастливѣе. Горе намъ, если много таковыхъ у насъ расплодится! Лучше оставаться при всѣхъ заблужденіяхъ воображенія, лишь бы они не были вредны, нежели толковать движенія сердца человѣческаго по законамъ гидравлики, и отвергать все то, что̀ не можетъ быть подвержено строгому доказательству математической методы. И есть люди, которые въ этомъ только и видятъ *истину!*

---

[15]) Т. е. Еще ни одна нація не исторгнута изъ варварства математикою.

Боже упаси меня и племя мое отъ такой *истины*, буде можно назвать истиною не науку (въ такомъ смыслѣ математика не есть наука), а одну лишь методу умствованія въ отвлеченныхъ понятіяхъ о величинахъ. Въ живыхъ мертвый, я бы видѣлъ во всей природѣ одно грубое вещество и не сознавалъ бы въ себѣ *нравственнаго чувства*, этого внутренняго сокровища, принадлежности духовнаго моего бытія, которое *видитъ* и ощущаетъ прелесть міра сего и познаетъ *истину неразлучную съ добродѣтелью и красотою*.

Знаешь ли, другъ мой, мнѣ кажется, что мы во всѣхъ заблужденіяхъ нашихъ обязаны однимъ Французамъ? Не говорю я теперь на счетъ выписныхъ наставниковъ нашихъ, которыхъ право нельзя обвинить ни въ какой наукѣ, а вообще о пагубномъ вліяніи подражанія нашего Французамъ XIX вѣка. Чему подражать! Въ этомъ народѣ давно сердце *высохло*; не въ состояніи болѣе производить Расиновъ, онъ гордится теперь Кондорсетами: хладной философіей исчисленія, которая убиваетъ воображеніе и вмѣстѣ съ нимъ вкусъ къ изящному, т. е. стремленіе къ добродѣтели. Это такая неоспоримая истина, что, взявъ въ руки исторію успѣховъ ума во Франціи, можно по ней одной безошибочно, сказать: *такая-то степень просвѣщенія принадлежитъ такому-то періоду политическихъ событій*, и выйдетъ точно такъ. Появляются Монтань, Малербъ, и ты скажешь: конечно народъ Французскій начинаетъ исцѣляться отъ ранъ, нанесенныхъ ему варварствомъ, невѣжествомъ, суевѣріемъ, междоусобіемъ, и оно подлинно такъ. Возникаютъ Корнель, Расинъ, Фенелонъ; ты заключаешь, что Французы достигли до высшей степени вѣжливости — и не ошибаешься. Никогда Франція такъ не процвѣтала, какъ подъ державою Лудовика XIV или, лучше сказать, подъ министерствомъ Кольберта, коего генію надменнѣйшій изъ монарховъ обязанъ всею славою своею. Вскорѣ послѣ него, ты усматриваешь, что Музы уступаютъ мѣсто софистамъ (философовъ давно не бывало во Франціи), съ которыми на ряду становятся геометры Даламбертъ и Мопертюи. Что ты скажешь?. Пламенникъ генія гаснетъ во Франціи, и оно точно правда. Меркнетъ свѣтъ истиннаго просвѣщенія; дарованія употребляются, какъ орудія разврата, и опаснѣйшій изъ софистовъ, лже-мудрецъ Фернейскій, въ теченіи полвѣка, напрягаетъ всѣ силы необыкновеннаго ума своего на то, чтобы осыпать цвѣтами чашу съ ядомъ, уготованную имъ для отравленія грядущихъ поколѣній. Свершилось! Невѣріе подъемлетъ главу свою и, опершись на Кондорсета, Лаланда и подобныхъ имъ, явно проповѣдуетъ безбожіе: и когда? Ужасайся! раскрывается предъ тобою лѣтопись революціи, начертанная кровію человѣческою!

Революція!... И теперь еще продолжается она во Франціи, и безъ нея не атаманствовалъ бы Бонапарте! Свѣточи Фурій не столько ужасны ему, какъ пламенникъ просвѣщенія, и для того онъ употребляетъ всѣ мѣры тиранства на то, чтобы сгустить мракъ невѣжества надъ своими рабами, и если можно, распространить оной по всей землѣ: ибо онъ знаетъ, что рабство и просвѣщеніе несовмѣстны.

Когда, въ бытность мою въ Парижѣ, я посѣтилъ Политехническую Школу и увидѣлъ что *поли*технія, не смотря на наименованіе свое, занимается преимущественно, или лучше сказать, исключительно, математикою, я не утерпѣлъ, чтобы не изъявить моего въ томъ удивленія одному изъ предстоявшихъ учителей. „*Чему вы удивляетесь*? сказалъ онъ: *первому консулу нужны инженерные офицеры, во что бъ оно ни стало. Удастся одинъ изъ десяти, и слава Богу! а прочихъ хоть въ Шарантонъ* [16]).—Какъ

---

[16]) Въ Шарантонѣ содержатся сумасшедшіе.

въ Шарантонъ?—*Видите этихъ студентовъ: они здѣсь каждый день, безвыходно и часовъ по осьми сряду, осуждены ломать себѣ голову надъ Лакруа; отъ этого рѣдкой годъ проходитъ, чтобы мы не отвозили отсюда человѣка по два и по три въ Шарантонъ.*

Ты, другъ мой, счастливый отецъ семейства; дѣти твои, подобно прелестному цвѣту дерева, обѣщаютъ тебѣ сладкіе плоды. Бога ради, не учи ихъ математикѣ, доколѣ умы ихъ не украсятся прелестями изящной словесности, а сердца ихъ не пріучатся любить и искать красоты, неподлежащія размѣру циркуля, однимъ словомъ: образуй въ нихъ прежде всего *воображеніе*, тогда вредное, когда, ненаправленное стремиться ко всему изящному въ природѣ, оно дѣлается рабомъ страстей и порока. Украшенное, обработанное, оно освѣщаетъ и самый разсудокъ. Оно даетъ генію силы и бодрость искать причины вещей; оно, на крыльяхъ своихъ, возноситъ Невтона на тѣ высоты, гдѣ, подобно Промеѳею, онъ похищаетъ огнь небесный и озаряетъ имъ землю. Такъ точно: безъ воображенія и Невтонъ, великій Невтонъ, былъ бы просто счетчикомъ, не проникъ бы таинства природы, не открылъ бы законовъ тяготѣнія, не разсѣкъ бы луча солнечнаго на первообразные цвѣты. Въ великой картинѣ міозданія *разумъ* усматриваетъ *чертежъ*; *воображеніе* видитъ *краски*. Что̀ же картина безъ красокъ? И что жизнь наша безъ воображенія?

Письмо седьмое.

Нескромность твоя, другъ мой, завела меня въ переписку съ такими людьми, о которыхъ бы мнѣ и слышать никогда не удалось, если бы не познакомило меня съ ними обнародованіе моихъ къ тебѣ писемъ. Почти каждая почта приноситъ мнѣ новое знакомство, и вотъ тебѣ письмо, которое получилъ я третьяго дня изъ Рязани.

Рязан. губ. Пронскаго уѣзда, село Старожилово
Ноября 18 дня 1813.

Милостивый государь мой! Прочитавъ въ *Сынѣ Отечества* пятое письмо ваше къ пріятелю въ Нижній Новгородъ, я пораженъ былъ въ немъ обстоятельствомъ, до васъ еще никѣмъ незамѣченнымъ, которое очень близко до меня касается. Вы конечно не воображаете себѣ, чтобы обстоятельство это было: *стараніе прилагаемое въ нашемъ воспитаніи о правильномъ выговорѣ Французскаго* носоваго эна. Не менѣе того, оно точно такъ, и если вы не поскучаете прочитать письмо мое, то сами увидите, что этотъ проклятой *носовой* — или, какъ я называю его— *гнусной энъ*, столь близко до меня касается, что ни мало, ни много, отъ него, а не отъ чего другаго, рѣшился навсегда жребій жизни моей.

Я сынъ очень хорошаго дворянина, богатаго Рязанскаго помѣщика, который прожилъ цѣлый вѣкъ свой, не зная Французскаго языка. На этотъ счетъ предубѣжденіе отца моего было престранное; онъ говаривалъ: „На чорта мнѣ Французскій языкъ! Я храбро и съ отличіемъ служилъ „въ военной службѣ, которую оставилъ вмѣстѣ съ правою моею ногою, „погребенною на Франкфуртскомъ полѣ, и не зналъ Французскаго языка. „Пріѣхалъ домой въ Рязань, женился—и не знаю Французскаго языка. Ро„дился у меня сынъ, для Отечества, съ обѣими ногами, съ головою и съ „руками, и для этого не было мнѣ нужды во Французскомъ языкѣ. Былъ „я исправнымъ предсѣдателемъ въ Совѣстномъ Судѣ безъ Французскаго „языка. Въ отставкѣ теперь, живу въ деревнѣ, любимъ крестьянами мои„ми, уважаемъ сосѣдами и для этого ни малѣйшей надобности не имѣю „во Французскомъ языкѣ. И такъ я жилъ и доживаю вѣкъ, а пользы еще

„не видалъ во Французскомъ языкѣ; когда же прійдетъ часъ воли Божіей, „такъ и подавно обойдусь безъ него!“

Такія правила, можетъ быть, и похвальны сами по себѣ; но вѣкъ, въ которомъ батюшка жилъ, не похожъ былъ на тотъ, къ которому я готовился, и вышло изъ того, что за отцовское предубѣжденіе дорого заплатилъ сынъ: покуда здравствовалъ батюшка, никто бы не осмѣлился и предложить ему взять для меня Француза въ домъ, а какъ его не стало, такъ и Французъ помочь мнѣ былъ уже не въ силахъ.

Мнѣ было отъ роду 13 лѣтъ, какъ родитель мой скончался, и матушка, сколь горько ни оплакивала невозвратную утрату, не менѣе того поспѣшила отправиться со мною въ Петербургъ, дабы тамъ вознаградить потерянное въ воспитаніи моемъ время, научивъ меня языку, безъ котораго Русскому человѣку нельзя ожидать никакого успѣха въ свѣтѣ. Мы прибыли въ столицу въ 1782 году и, по милости родственниковъ нашихъ, въѣхали прямо въ нанятой для насъ домъ, всѣмъ нужнымъ снабженный, а болѣе всего нужнѣйшимъ для меня — Французскимъ гувернёромъ, который, и до пріѣзда нашего, занималъ уже назначенные для меня покои. Сперва и матушка и я не очень понимали слово *гувернёръ*, въ точномъ значеніи его; но когда, кое-какъ пріискавъ его въ лексиконѣ, мы увидѣли, что оно значитъ *губернаторъ*, тогда мы догадались, что такое нашъ Французъ, и потомъ уже изъ опыта узнали, что онъ во всемъ пространствѣ смысла — губернаторъ. Но увы! какъ ни безпрекословно все въ домѣ нашемъ повиновалось губернатору, какъ ни старались всѣ ему угождать въ малѣйшихъ его желаніяхъ, одинъ несчастный носъ мой оставался всегда преслушнымъ волѣ его и никакъ не хотѣлъ ему повиноваться! Сколько ни трудился наставникъ мой, принуждая меня съ утра до ночи твердить: Dindon! dindon!, проклятый носъ мой не соглашался на правильный выговоръ, и все выходилъ только чисто—Русскій *динг-донг*. Матушка была въ отчаяніи, учитель мой терялъ терпѣніе, я былъ измученъ — и все безъ пользы: *динг-донг*! да и конецъ всему! Что̀ дѣлать? Призвали штабъ-лекаря осмотрѣть носъ мой. Онъ, пожавъ плечами, сказалъ: „На 14-мъ году возраста носовые хрящи твердѣютъ, и чрезъ то „органъ произношенія становится неспособнымъ къ пріобрѣтенію чистаго „выговора чужестранныхъ языковъ; ergo: ad rectam linguae Gallicae „pronunciationem nasus hujus pueri semper erit inhabilis“ [17]). Строгаго сего приговора никто бы не понялъ, если бы, по несчастію, не вздумалося и Французу моему похвастаться своею латынью: *Назюсъ! Рюссюсъ! Барбарюсъ*! вскричалъ онъ, и слова эти, столь внятныя даже и тѣмъ, которые незнакомы съ языкомъ Цицерона, поразили, какъ громовымъ ударомъ, бѣдную матушку мою и надолго лишили ее чувствъ. Пришедши въ себя, она тотчасъ спросила: нельзя ли сдѣлать операцію? И я чуть не былъ осужденъ на исправленіе носовыхъ хрящей моихъ способомъ хирургіи; но, по счастію моему, воспротивился намѣренію сему губернаторъ мой, который тотчасъ смекнулъ, что выгоднѣе ему оставить меня съ носомъ, каковъ есть, а себя съ 1000 рублями жалованья, нежели подвергаться опасности потерять меня, а со мною и доходъ свой. Этотъ разсчетъ избавилъ меня и носъ мой.

Нѣтъ состоянія на свѣтѣ, какъ бы оно грустно ни было, къ которому бы человѣкъ наконецъ не привыкъ: точно такъ сбылось и со мною. Матушка перестала грустить о затвердѣніи моихъ носовыхъ хрящей; учи-

[17]) Къ правильному произношенію Французскаго языка носъ этого мальчика всегда будетъ неспособенъ.

тель пересталъ меня мучить, а я почиталъ себя наисчастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, когда въ 18 лѣтъ досталось мнѣ въ офицеры гвардіи, и я въ первой разъ, съ эспонтономъ въ рукахъ, пошелъ на караулъ во дворецъ. И какъ казалось бы не быть счастливымъ! Молодъ, недуренъ собою, богатъ, гвардіи офицеръ—чего не доставало къ благополучію моему? Увы!.. Одного только, но безъ чего нѣтъ счастія Русскому человѣку въ большомъ свѣтѣ: чистаго произношенія Французскаго языка!

Съ первыхъ дней служенія моего, я могъ уже догадаться, что затвердѣніе хрящей носа моего надѣлаетъ мнѣ множество непріятностей и хлопотъ, и въ этомъ я не ошибся. Сперва товарищи мои начали понемногу подтрунивать надъ моимъ выговоромъ; потомъ стали явно насмѣхаться надо мною, и наконецъ сдѣлали изъ меня такой предметъ общаго кощунства, что я нигдѣ не могъ показаться, чтобы какой нибудь наглецъ не присталъ ко мнѣ съ намѣреніемъ забавлять мною общество. Какъ я ни терпѣливъ отъ природы, однакоже гоненіе это въ полку мнѣ крайне надоѣло, такъ что я наконецъ сухо объявилъ сослуживцамъ моимъ, что впередъ шутки ихъ принимать буду не шуткою, а оскорбленіемъ. Это произвело, что одинъ изъ товарищей моихъ, понахальнѣе прочихъ, вздумалъ испытать, правду ли я говорю: опытъ сей стоилъ ему трехъ пальцовъ правой руки, а мнѣ доставилъ уваженіе всѣхъ однополчанъ моихъ. Перестали трунить, перестали смѣяться надо мною; отъ этого однакоже жить мнѣ не лучше стало: вся молодежь убѣгала меня, какъ будто бы опасаясь какой заразы. Въ караульнѣ, въ обществѣ, въ театрѣ — вездѣ оставляли меня одного; вездѣ чуждались меня, такъ что, потерявъ наконецъ послѣднее терпѣніе, я вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву, предполагая, что въ древней Русской столицѣ, скорѣе нежели въ новой, можно Русскому дворянину ужиться безъ чистаго Французскаго выговора; но и тутъ разсчетъ мой оказался ложнымъ и, какъ сей часъ услышите, весьма унизительнымъ для меня образомъ.

Живучи еще въ Петербургѣ, я столько наслышался о Московскомъ Дворянскомъ Собраніи, что не хотѣлъ пропустить и перваго Вторника: явился на балъ, и что̀ тутъ увидѣлъ—превзошло всѣ мои ожиданія. Людство, богатство нарядовъ, сотни прелестныхъ лицъ—все приводило меня въ восхищеніе; но все это ничего еще не значило противъ очарованія, произведеннаго во мнѣ парою черныхъ глазъ, которые, взглянувъ раза два на меня, казалось, будто сказали: „отъ насъ рѣшится здѣсь жребій твой". Подошедъ къ одному знакомому, я спросилъ: кто эта черноглазая дѣвушка, которая танцуетъ отсюда въ 3-й парѣ?— Это *Темира*, отвѣчалъ онъ, прекрасная и любезная дѣвушка, отъ которой не у тебя одного кружится голова,.. — *Темира*! такъ она чужестранка... — Ничего не бывало! Русская. При святомъ крещеніи ее назвали, въ угодность бабки ея, Татьяною; но это имя такое грубое, что ей никакъ нельзя было при немъ оставаться, и для того, какъ въ семействѣ своемъ, такъ и въ городѣ, она слыветъ подъ именемъ *Темиры*. Этакое перекрещеніе изъ Русской Татьяны во Французскую Темиру немного добраго обѣщало, и мнѣ бы тутъ уже догадаться, что она не по моимъ затвердѣлымъ носовымъ хрящамъ; но что̀ можетъ разсудокъ противъ заразы прелестнаго личика! Невольное побужденіе влекло меня къ *Темирѣ*, какъ мотылька притягиваетъ горящая свѣчка. Долго я увивался около нея: хотѣлъ подойти и не смѣлъ; наконецъ рѣшился поднять ее танцовать, и — бѣдный мотылекъ опалилъ себѣ крылья. Такъ какъ въ контръ-дансѣ болѣе говорятъ глазами, нежели языкомъ, то въ этомъ разговорѣ мнѣ такъ посчастливилось, что балъ еще не кончился, а мнѣ нельзя уже было сомнѣваться въ томъ,

что я Темирѣ непротивенъ. Какимъ прелестнымъ мечтаніямъ предавался я, пріѣхавши домой! Сонъ не сводилъ глазъ моихъ всю ночь; я не могъ дождаться утра, и лишь день насталъ, я началъ наряжаться, чтобы, какъ можно щеголеватѣе, явиться предъ Темирою. Знакомый, которой мнѣ накануне сказалъ о ней на балѣ, подъ вечеръ представилъ меня отцу ея. Хозяиномъ я былъ принятъ ласково, а дочерью еще вдвое того ласковѣе, и съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы я не былъ у нихъ въ домѣ. Въ общемъ разговорѣ употреблялся между нами Русскій языкъ, по той причинѣ, что Темиринъ отецъ, человѣкъ стариннаго покроя, ни слова не зналъ пофранцузски, и этому я былъ чрезвычайно радъ. Когда же случалось мнѣ пошептаться съ дочерью, тогда я дерзалъ и на Французской языкъ, но такъ тихо выговаривалъ и съ такòю осторожностію избиралъ рѣчи, въ которыхъ какъ можно менѣе *носовыхъ эновъ*, что хитрость моя удалась мнѣ совершенно. Не буду терять лишнихъ словъ и скажу вамъ коротко, что, чрезъ два мѣсяца сватовства, я объявилъ желаніе вступить въ супружество съ любезною; отецъ одобрилъ предложеніе мое; Темира, покраснѣвъ, дала мнѣ руку, и я чуть не умеръ отъ радости. Близкій день нашего соединенія былъ уже назначенъ; все къ нему приготовлялось въ домѣ, и наконецъ приспѣлъ дѣвишникъ, долженствовавшій быть кануномъ моего благополучія.... Ахъ! и теперь тяжело мнѣ вспоминать объ этой несчастной вечеринкѣ, которая навсегда рѣшила судьбу мою.

Лучшее общество было собрано въ гостиной у Темиры; дѣвушки перешептывались между собою; молодые люди прохаживались взадъ и впередъ мимо зеркаловъ, оправляя галстухи свои; Темира нѣжно глядѣла на меня; я, внѣ себя, ею чувствовалъ, ею дышалъ, ею одною существовалъ, какъ вдругъ, на бѣду мою, прійди въ голову старику сказать: „что это молодежъ такъ пріуныла! хоть бы вы въ фанты“..... *Въ фанты! въ фанты!* закричали всѣ дѣвушки въ одинъ голосъ, и вдругъ выскочилъ молодчикъ съ предложеніемъ играть въ забавную и остроумную игру: Je vous vends mon corbillon; qu'y met-on! *Corbillon! Corbillon!* возопили всѣ хоромъ. Меня подралъ морозъ по кожѣ: представьте себѣ, сколько *гнусныхъ эновъ* въ одной рѣчи; но что̀ было дѣлать! Оставалось только повиноваться. Пошла игра круговая; начали молодцы, другъ передъ другомъ, щеголять остроуміемъ, кто кого забавнѣе пріищетъ слово, оканчивающееся на проклятой *on*; дошла очередь и до меня; спросила Темира: qu'y met-on?—А я, не придумавъ ничего слаще, въ отвѣтъ ей: *бонъ-бонъ!* — Боже мой!какой хохотъ раздался по всей залѣ! Темира покраснѣла, опустила глаза; а я, въ изумленіи и въ досадѣ на участь мою, проклиналъ мысленно затвердѣлые хрящи моего носа. Этимъ игра прервалась; молодежъ возвратилась къ прежнему упражненію, перешептываться; а Темира, съ видомъ унылымъ и смущеннымъ, ушла въ ближнюю комнату. Я за нею вслѣдъ, схватилъ ея руку, хотѣлъ броситься къ ногамъ ея и открыться ей, что хрящи въ носу моемъ затвердѣли прежде, нежели я началъ учиться пофранцузски; но Темира, не допустивъ меня ни до какихъ объясненій, вырвала руку свою изъ моей, и съ видомъ холоднымъ сказала: „извините меня; несносно голова болитъ; — не только „ужинать, но и оставаться долѣе въ обществѣ я не въ силахъ“... И при сихъ словахъ она скрылась, затворя за собою дверь; а я остался на мѣстѣ неподвиженъ, безъ дыханія, какъ человѣкъ громомъ пораженный. Не знаю, долго ли я былъ въ этомъ положеніи, но помню только, что очутился дома, въ постелѣ, и при мнѣ лекарь, который разсказалъ мнѣ, что внезапная болѣзнь невѣсты моей столь сильно меня поразила, что я лишился всѣхъ чувствъ, и онъ привезъ меня домой и положилъ въ по-

стелю. Я вспомнилъ тогда настоящее положеніе мое, но скрывъ его отъ врача и поблагодаривъ, увѣрилъ его, что чувствую себя лучше и въ услугахъ его болѣе нужды не имѣю. Оставшись одинъ, я предался мучительнѣйшимъ размышленіямъ, ожидая дня, чтобы идти къ невѣстѣ моей и спросить ее о причинѣ столь внезапной ея ко мнѣ перемѣны. День насталъ; уже я былъ одѣтъ и готовъ ѣхать со двора, какъ принесли мнѣ письмо отъ Темиры. Сердце во мнѣ затрепетало; надежда и страхъ вмѣстѣ такъ сильно возмутили всѣ чувства мои, что я насилу, дрожащею рукою, могъ развернуть письмо. Вотъ, что оно содержало въ себѣ [18]):

„Я больна; — теперь... никогда не должно болѣе помышлять о нашемъ соединеніи. Простите мнѣ откровенность мою: я со вчерашняго дня только узнала, что мы другъ для друга не сотворены. Отдавая полную справедливость достоинствамъ ума вашего и сердца, должна я однакоже признаться, что вижу въ васъ недостатокъ, для другихъ можетъ быть незначущій, но въ моихъ глазахъ такой, что я никогда бы не могла жить счастливо за вами. — Вы меня разумѣете... и мнѣ остается только пожелать вамъ всякаго благополучія. Темира“.

Въ какомъ я былъ положеніи, прочитавъ письмо, легче вамъ вообразить себѣ, нежели мнѣ описать. Иногда, въ бѣшенствѣ, хотѣлъ бѣжать къ Темирѣ съ тѣмъ, чтобы и ее и себя вмѣстѣ лишить жизни; иногда доходилъ до такого малодушія, что желалъ быть у ногъ измѣнницы и умолять ее сжалиться надо мною; приходила и такая мысль, чтобы идти къ оператору и исправить, во что бы то ни стало, затвердѣлые хрящи моего носа. Душа моя подобилась морю, вѣтрами колеблемому, и какъ послѣ бури настаетъ обыкновенно тишина, такъ точно кончилось и мое душевное волненіе: я схлебнулъ жестокую горячку; въ десятой день только опомнился, но съ такою спокойною душею, съ такими мыслями свѣтлыми и веселыми, что не только не заботился болѣе о Темирѣ или Татьянѣ, но еще благодарилъ Бога за то, что онъ избавилъ меня отъ нея. Весна и молодость поставили меня на ноги скорѣе, нежели можно было надѣяться послѣ столь сильной болѣзни, и лишь я почувствовалъ себя въ силахъ вынести дорогу, то и въ коляску, да въ Рязань, на старое пепелище отцовъ моихъ.

Здѣсь, м. г. м., я живу 20 уже лѣтъ безвыѣздно; упражняюсь въ хозяйствѣ, въ чтеніи, а иногда, для движенія, хожу съ ружьемъ по болоту, или верхомъ скачу по полю за зайцемъ. Отъ такой жизни здоровье мое сохранилось такъ крѣпко, какъ въ 20 лѣтъ, и отъ того, конечно, что я не знаю здѣсь ни зависти, ни злословія; цвѣтъ лица моего почти таковъ же, каковъ былъ въ тотъ годъ, какъ мнѣ досталось въ офицеры. Я счастливъ..... Однакоже, признаюсь вамъ, чего-то не достаетъ къ совершенному моему благополучію: подъ часъ я чувствую какую-то пустоту въ сердцѣ, отъ которой невольно обращаюсь на протекшіе годы жизни моей и невольно проклинаю носъ мой, лишившій меня сладостнаго, для каждаго человѣка, сообщества съ единоземцами, равными себѣ. Сколько разъ я собирался возвратиться въ Петербургъ! Но размышленіе о хрящахъ носа моего всегда удерживало меня. Теперь кажется, будто бы обстоятельствамъ должно быть поблагопріятнѣе для меня и подобныхъ мнѣ, и эта надежда побудила меня приказать готовить зимнія повозки. Однакоже, чтобы не вышло по пословицѣ: *поспѣшить да людей насмѣ-*

---

[18]) Письмо было написано пофранцузски.

шить, я рѣшился васъ, м. г. м., утрудить этимъ длиннымъ письмомъ, съ тѣмъ, чтобы, извѣстивъ васъ подробно о моемъ положеніи, осмѣлиться испросить себѣ вашего совѣта: *Могу ль я теперь безъ опасности пуститься опять въ свѣтъ, или оставаться мнѣ доживать вѣкъ въ деревнѣ?*

Заключеніе ваше о *гнусномъ энѣ* доказываетъ, что, живучи въ свѣтѣ, вы наблюдаете и самыя мелочныя обстоятельства, когда они имѣютъ какое нибудь вліяніе на общество; а ненависть ваша къ Французамъ утверждаетъ меня въ упованіи, что вы не откажитесь дать вашъ благой совѣтъ доброму, честному, Русскому дворянину, котораго вся вина противъ общества въ томъ только и состоитъ, что, по причинѣ затвердѣлости носовыхъ хрящей, онъ не можетъ чисто выговаривать: mon dindon!

Съ отличнымъ уваженіемъ и проч.

Африканъ Назутовскій,
Отставной гвардіи капитанъ-поручикъ.

P. S. Позвольте спросить васъ откровенно: каково вы сами произносите *носовой энъ?*

Отвѣтъ.

Милостивый государь мой! Дурно бы заплатилъ я за лестную вашу ко мнѣ довѣренность, естьлибы я посовѣтовалъ вамъ, по первому пути, выѣхать изъ вашего Старожилова; погодите немного, въ томъ потери не будетъ. Благомыслящихъ людей у насъ много, очень много; они сильно дѣйствуютъ надъ общимъ мнѣніемъ; но привычка, какъ вы сами знаете, всего сильнѣе. Надобно дать ей время поразслабнуть и, кажется, что она уже начинаетъ хилѣть. Несчастіе, великая школа, не только для умныхъ людей, но даже и для дураковъ!

Хотя Французовъ до сихъ поръ никакое несчастіе не могло образумить, но надобно надѣяться, что мы въ этомъ будемъ ихъ умнѣе. Впрочемъ ничто не мѣшаетъ вамъ держать повозки ваши, какъ говорится, *на мази*; и между тѣмъ жить спокойно, въ увѣреніи, что я ни минуты не замедлю отправить къ вамъ эстафету, коль скоро только замѣчу, что вамъ смѣло можно явиться въ общество, не подвергая себя вновь непріятностямъ, которыя вы столько разъ испытали отъ негибкости вашихъ носовыхъ хрящей. Остаюсь и проч.

P. S. Худо ли, хорошо ли я произношу *носовой энъ*, но повѣрьте, что личностей я не употребляю никогда, ни противъ эна и ни противъ кого на свѣтѣ.

Предостереженіе автора Рязанскому помѣщику оказалось вѣрно: никогда Французскій языкъ въ Россіи такъ не господствовалъ, какъ именно послѣ 1812 года. Въ послѣдніе годы Александровскаго времени дошло въ этомъ отношеніи до того, что въ нѣсколькихъ министерствахъ бумаги писались вдвойнѣ, порусски и пофранцузски, а что̀ поважнѣе—на одномъ Французскомъ языкѣ, именно у Каподистріи и Нессельрода, у Бетанкура (по вѣдомству путей сообщенія), у маркиза Траверзе по морской части и у Канкрина по министерству финансовъ. Названныя лица представляли Государю доклады на Французскомъ языкѣ. Говорятъ, что Канкринъ былъ очень озадаченъ, когда Николай Павловичъ отказался читать его бумагу, потому что она была написана не порусски. Отъ этого болѣзненнаго явленія нѣсколько избавили насъ успѣхи Русской словесности и здравый смыслъ Государя Николая Павловича.

Вышепомѣщенныя письма показались намъ такъ замѣчательны, что мы позволили себѣ перепечатать ихъ изъ Сына Отечества 1813 года. Авторъ ихъ неизвѣстенъ; но по нѣкоторымъ указаніямъ можно догадываться, не Иванъ ли это Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, отличный знатокъ классической словесности, человѣкъ большой умственной опытности, съ которымъ читатели Русскаго Архива нѣсколько знакомы по его письмамъ къ графу С. Р. Воронцову, помѣщеннымъ въ первой книгѣ нашего изданія за сей годъ. *П. Б.*

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

*

Пушкинъ (А. С.) отыскалъ въ какой-то старой книгѣ разсказъ Французскаго путешественника о Русской банѣ. Французу захотѣлось попробовать ее, и отдался онъ любознательно и покорно въ руки баньщику. Тотъ и угостилъ его. Подробно описываетъ путешественникъ всѣ мытарства, чрезъ которыя прошелъ и кончаетъ этими словами: „Жара такая нестерпимая, что даже, когда обвѣваютъ тебя березовыми вѣтками, то никакой свѣжести не ощущаешь, а кажется, напротивъ, бываетъ еще жарче". Несчастнаго парили на полкѣ горячими вѣниками, а онъ принималъ ихъ за освѣжительныя опахала.

*

Хорошъ и другой путешественникъ! Видѣлъ онъ, что зимою грѣться кучерамъ зажигаютъ огни на театральной площади, а кажется, бывало и предъ дворцомъ, во время вечернихъ съѣздовъ. Вотъ и записываетъ онъ въ свои путевыя записки: „Стужа зимою въ Петербургѣ бываетъ такъ велика, что попечительное городское управленіе пробуетъ отапливать улицы; но это ничему не помогаетъ: топка нисколько не согрѣваетъ воздуха".

*

За границею изъ двадцати человѣкъ, узнавшихъ, что вы Русскій, пятнадцать спросятъ васъ: правда ли, что въ Россіи замораживаютъ себѣ носы? Дальше этого любознательность ихъ не идетъ.

*

N. N. увѣрялъ одного изъ подобныхъ вопросителей, что въ сильные морозы отъ колесъ подъ каретою по снѣгу происходитъ скрипъ и что ловкіе кучера такъ повертываютъ каретою, чтобы наигрывать или наскрипывать мелодіи изъ разныхъ народныхъ пѣсней. —Это должно быть очень забавно, замѣтилъ тотъ, выпуча удивленные глаза.

*

Тютчевъ утверждаетъ, что единственная заповѣдь, которой Французы крѣпко держатся, есть третья: „не пріемли имени Господа Бога твоего всуе". Для бо́льшей вѣрности, они вовсе не произносятъ его.

*

N. N. говоритъ, что онъ не можетъ признать себя совершенно безупречнымъ относительно всѣхъ заповѣдей, но по крайней мѣрѣ соблюдалъ нѣкоторыя изъ нихъ; напримѣръ: никогда не желалъ дома ближняго своего, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота; а

изъ прочей собственности его дѣло бывало всяческое, смотря по обстоятельствамъ.

*

Спрашивали стараго Француза, что̀ дѣлалъ онъ въ Парижѣ, во время такъ называемаго *царствованія террора* (1793 — 1794). J'ai vécu, отвѣчалъ онъ. Въ глубокой старости, на вопросъ, что̀ подѣлываешь? можно также отвѣчать: *живу*. Старость, пожалуй, и не совершенно эпоха *террора*, но еще менѣе того золотой вѣкъ и медовой мѣсяцъ жизни. Ложка меду давно проглощена: остается бочка дегтю, который приходится глотать.

*

Въ провинціи, лѣтъ сорокъ тому, если не болѣе, женѣ откупщика прислана была въ подарокъ изъ Петербурга разная мебель. Между прочимъ было и такое издѣліе, — а какое?—Да такое, которое, также уже очень давно, одинъ изъ Московскихъ полицмейстеровъ, на описи у кого-то движимаго имущества, велѣлъ, по недоумѣнію на что послужить оно можетъ, писарю наименовать: скрипичный футляръ о четырехъ ножкахъ. Но откупщица на скрипкѣ не играла и не могла даже и такимъ образомъ изъяснить эту диковинку. Наконецъ придумала она, что фаянсовая лахань, заключающаяся въ этой диковинкѣ, должна служить на поданіе рыбы за столомъ. Такъ и было сдѣлано. На имянинномъ обѣдѣ разварная стерлядь явилась въ такомъ помѣщеніи. Это не выдумка, а разсказано мнѣ полковникомъ, который съ полкомъ своимъ стоялъ въ этомъ городѣ и былъ на обѣдѣ.

*

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ могъ быть чѣмъ хотите, но уже отнюдь не Славянофиломъ. Впрочемъ, при немъ славянофильства ни въ поминѣ, ни въ виду еще не было. Славянофильство Шишкова было своего рода славянофильство кабинетное, литтературное, а еще болѣе голословное, корнесловное, буквальное. Онъ въ міръ историческій, гражданскій и политическій не заглядывалъ. Тогда политическая литтература сосредоточивалась въ одной галлофобіи. Французовъ ненавидѣли, и только Ростопчинъ съ краснаго крыльца (гораздо ранѣе 12-го года), Шишковъ въ своихъ полемическихъ статьяхъ, Сергѣй Глинка въ своемъ Русскомъ Вѣстникѣ были прорицателями и апостолами этой священной вражды. А жаль, что Пушкинъ не дожилъ до рожденія ценакла молодыхъ Славянофиловъ въ Москвѣ. Любопытно и забавно было бы посмотрѣть на сшибки его съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и онъ не чуждался бы ихъ, ни они не чуждались бы его. Вѣроятно, прѣнія эти кончались бы остроумною шуткою Хомякова, или нѣсколько циническою шуткою Пушкина; бойцы миролюбиво расходились бы до новаго боя, при дружескомъ и громкомъ хохотѣ самихъ состязателей и зрителей этого побоища. Пушкинъ не могъ быть приверженцемъ ни кваснаго, ни всякаго другаго пересоленаго патріотизма: Французскій умъ его и Французскій желудокъ не способны были переваривать ихъ. При каждой выходкѣ немного старорусской

или саморусской, его коробило. Тогда, нагибая, по обыкновенію своему, голову на лѣвую сторону до плеча, онъ вскрикивалъ: „Ахъ! вы блондосы! блондосы!“ Блондосы было у него выраженіе равносильное слову Бухарцы, что̀, по понятію его, равнялось бы съ нынѣшнимъ значеніемъ Славянофилы. Блондасъ, blond, бѣловолосый, бѣлобрысый, чуть-ли не Эскимосъ, не Альбиносъ. Все это сливалось у него въ одно забавное и укорительное выраженіе.

*

Какъ есть умъ и умничанье: такъ есть либерализмъ и либеральничанье. Дай намъ Богъ поболѣе ума и поменѣе либеральничанья.

*

Гдѣ-то прочелъ я:

Скажи, какъ могъ попасть ты въ либералы?
— Да такъ пришлось: судьбы не побѣдить.
Нѣтъ ни гроша, къ тому-жъ и чинъ мой малый:
Такъ чѣмъ-же вы прикажите мнѣ быть?

*

Одинъ пріятель мой, докторъ, говоритъ про зятя своего: „Онъ такъ плохо учился и вообще такъ плохъ, что я всегда совѣтую ему сдѣлаться гомеопатомъ“.

*

Т*** говоритъ про начальника своего Б***: „Я такъ увѣренъ, что онъ говоритъ противное тому, что̀ думаетъ, что когда скажетъ мнѣ: садитесь, я сейчасъ за шляпу и ухожу“.

*

Александъ Булгаковъ разсказывалъ, что въ молодости, когда онъ служилъ въ Неаполѣ, одинъ Англичанинъ спросилъ его: есть-ли глупые люди въ Россіи?—Нѣсколько озадаченный такимъ вопросомъ, онъ отвѣчалъ: Вѣроятно есть, и не менѣе, полагаю, нежели въ Англіи.—Не въ томъ дѣло, возразилъ Англичанинъ. Вы меня, кажется, не поняли; а мнѣ хотѣлось узнать, почему правительство ваше употребляетъ на службу чужеземныхъ глупцовъ, когда имѣетъ своихъ?

Вопросъ, во всякомъ случаѣ, не лестный для того, кто занималъ посланническое мѣсто въ Неаполѣ.

*

Когда М*** говоритъ о томъ, что̀ быть бы могло, когда онъ фантазируетъ и романизируетъ, у него нѣтъ и тѣни воображенія. Воображеніе его пробуждается только тогда, когда онъ заговоритъ о томъ, что̀ было и что̀ есть. Тутъ вымыслы такъ и вспыхиваютъ, такъ и разсыпаются разноцвѣтными звѣздами и блестками. Со всемъ тѣмъ, лжецомъ назвать его нельзя, хотя и лжетъ онъ безмилосердно, но безсознательно. Онъ просто сухой романистъ и мечтательный лѣтописецъ.

*

Лермонтовъ сказалъ:

Люблю отчизну я, но странною любовью,

и свою любовь выразилъ въ милой и свѣжей картинѣ. Но есть у насъ и такіе любители или любовники, изъ которыхъ каждый, въ минуту чистосердечія, могъ бы сказать:

Россію я люблю, но странною любовью;
Все хочется сильнѣй мнѣ обругать ее.

И это, можетъ быть, своего рода патріотизмъ. Но любовь эта уже черезъ чуръ героическая. Мы очень любимъ бичевать себя. Дѣло хорошее видѣть ошибки и погрѣшности свои: покаяніе дѣло похвальное. Но не надобно забывать при томъ пословицу про того, который лобъ себѣ расшибетъ, если заставить его Богу молиться. Во всемъ нужна мѣра. Многіе любятъ Россію не такою, какова она есть, а такою, которою хотѣлось бы имъ, чтобы она была. То есть, любовникъ влюбленъ въ красавицу, но сердится, что она бѣлокура и что у нея голубые глаза, а что она не черноволосая и не черноокая и каждый день преслѣдуетъ ее за то, что она такою родилась.

Хомяковъ, безъ сомнѣнія, любилъ Россію чистою, возвышенною и просвѣщенною любовью; но и онъ, однажды, въ лирическомъ увлеченіи, черезъ чуръ понатужилъ ноту и вышелъ изъ надлежащаго діапазона, когда говорилъ Россіи, что она

„Безбожной лести, лжи тлетворной
„И всякой мерзости полна".

Послѣдній стихъ рѣшительно неумѣстный и лишній. Такимъ укорительнымъ и грознымъ языкомъ могли говорить боговдохновенные пророки. Но въ наше время, простому смертному, хотя-бы и поэту, подобаетъ быть почтительнѣе и вѣжливѣе съ матерью своею. Добрый сынъ Ноя прикрылъ плащемъ слабость и стыдъ отца.

*

Послѣ долгаго спора о равенствѣ, о коммунизмѣ и о другихъ *матеріяхъ важныхъ*, кто-то резюмировалъ прѣнія слѣдующими стихами:

„Всѣ смертные равны: таковъ законъ природы".
Есть правда въ этомъ, но отыщется и ложь.
И лошади равны, какъ люди: отъ чего-жъ
И въ нихъ есть низшія и высшія породы?
Есть кляча въ пять рублей, есть лошадь тысячь въ шесть.
И въ людяхъ былъ Вольтеръ, да и Добчинскій есть.
Нѣтъ, на одинъ аршинъ нельзя творенья мѣрить,
Хоть будь они о двухъ иль четырехъ ногахъ.
Нѣтъ, милый краснобай, тебѣ насъ не увѣрить,
Какъ тамъ не горячись въ напыщенныхъ словахъ,
Что наша матушка природа коммунистка:
Нѣтъ, есть и у нея свой выборъ и очистка.
Единство видимъ въ ней, но равенства въ ней нѣтъ.
Таковъ былъ искони и есть и будетъ свѣтъ.
Какъ почву ни равняй насильственной лопаткой,
Природа кое-гдѣ глядитъ аристократкой.

*

Вотъ что Жуковскій пишетъ въ одномъ письмѣ:

Un homme instruit, mais immoral sera pernicieux: car il employera pour le mal les moyens qu'il possède. Un homme moral, mais ignorant, sera pernicieux: car avec les meilleures intentions, dépourvu de moyens, il agira de travers et gâtera la bonne cause [1]).

Еще, говоря вообще о воспитаніи наслѣдниковъ престола, выражается онъ слѣдующимъ образомъ:

Son instruction doit être plutôt complète, que détaillée. Ses idées doivent être grandes, mais pratiques. Il doit connaître les hommes tels qu'ils sont, et les choses telles qu'elles sont. Mais un *beau idéal* doit vivre en son âme: s'est celui de son rôle et de sa destination. Deux choses peuvent surtout enflammer et nourrir cet idéal, sans l'entraîner dans le pays des fictions, si dangereux pour un Souverain. C'est la religion et l'histoire. La religion pour le Souverain est la grande science de sa responsabilité devant Dieu [2]).

Какой сильный и выразительный языкъ и какія вѣрныя и возвышенныя мысли! Жуковскій, за нѣкоторыми, невольными руссицизмами, прекрасно выражался на Французскомъ языкѣ. Съ нимъ, вѣроятно, свыкся онъ и овладѣлъ имъ прилежнымъ чтеніемъ образцовыхъ и классическихъ Французскихъ писателей. Не въ Благородномъ-же Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, не отъ Антонскаго, не изъ Бѣлева могъ онъ позаимствовать это знаніе [3]). Замѣчательно, что три наши правильнѣйшіе и лучшіе прозаики, Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ, писали почти также свободно на Французскомъ, какъ и на своемъ языкѣ. Слѣдовательно галлолюбіе или французоманія не враждебны правильному развитію Русской рѣчи. Французскій языкъ, своею точностью, ясностью, логическими оборотами рѣчи, можетъ служить хорошимъ курсомъ и преподаваніемъ для правильнаго образованія слога и на другомъ языкѣ. Разумѣется, говоримъ здѣсь о Французскомъ языкѣ обработанномъ

---

[1]) Человѣкъ просвѣщенный, но безнравственный будетъ вреденъ: потому что употребитъ на зло средства, коими онъ обладаетъ. Человѣкъ нравственный, но ума необразованнаго, будетъ вреденъ: потому что, не смотря на благія намѣренія, поступать будетъ онъ криво и испортитъ доброе дѣло.

[2]) Обученіе его должно быть скорѣе всеобъемлющее, чѣмъ дробное. Понятія его должны быть обширны и возвышенны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и практическія. Онъ долженъ знать людей, каковыми они бываютъ и вещи, каковы онѣ на дѣлѣ. Но *идеалъ красоты* долженъ храниться въ душѣ его: это идеалъ званія его и предназначенія его. Два предмета могутъ особенно воспламенять и питать этотъ идеалъ, не увлекая его въ область мечтательностей, столь пагубную для Государя. Эти два предмета: религія и исторія. Религія для царя есть великая наука отвѣтственности его предъ Богомъ.

[3]) Именно изъ Бѣлевской, родной семьи Буниныхъ, Юшковыхъ и Протасовыхъ, гдѣ знаніе Французской образцовой словесности было весьма сильно и гдѣ преподавали Французскія эмигрантки. *П. Б.*

великими писателями истекшаго столѣтія; а не о нынѣшнемъ Французскомъ литтературномъ нарѣчіи. Вліяніе Нѣмецкаго языка и Нѣмецкой фразеологіи, тамъ, гдѣ оно у насъ встрѣчается, оказывается вреднымъ. Нѣмцы любятъ бродить и отыскивать себѣ дорогу въ туманѣ и въ извилинахъ перепутаннаго лабиринта. Темная фраза для Нѣмца находка, головоломная гимнастика вообще Нѣмцу по нутру. Французы любятъ или любили ясный день и прямую, большую дорогу. Русской рѣчи также нужны ясность и ровная столбовая дорога. Карамзинъ, въ письмѣ изъ Женевы 1789 г., пишетъ: „Здѣшняя жизнь моя довольно единообразна. Прогуливаюсь и читаю Французскихъ авторовъ, и старыхъ, и новыхъ, чтобы имѣть полное понятіе о Французской литтературѣ". (Нѣмецкая и Англійская были ему уже знакомы). Онъ могъ бы прибавить, что читаетъ Французскихъ авторовъ, чтобы научиться писать порусски такъ, какъ онъ послѣ писалъ.

*

Въ предъобѣденный часъ кто-то засидѣлся долго у Талейрана, вѣроятно въ надеждѣ, что хозяинъ пригласитъ его съ собою отобѣдать. Наконецъ Талейранъ позвонилъ и вошедшему дворецкому сказалъ: „когда господинъ (называя его по имени) уйдетъ, подавать тотчасъ обѣдать".

*

Дав. (П. Л.) былъ рыцарь вѣжливости и джентельменъ въ полномъ значеніи слова; но не выгодно было чѣмъ нибудь раздосадовать его. Я*** рѣчами и сужденіями своими привелъ однажды желчь его въ движеніе: „А какъ думаешь, Денисъ, спросилъ онъ Давыдова, указывая на Я***: у него на головѣ свои волоса, или парикъ?"

*

Однажды Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ распустилъ слухъ, что наконецъ однофамилецъ его Василій Львовичъ написалъ очень милые стихи. Это дошло до него и, по неожиданности, очень польстило его довѣрчивому самолюбію. Наконецъ, въ кружкѣ общихъ пріятелей, обрадованный поэтъ спрашиваетъ вѣчнаго противника своего: какіе это стихи, которые имѣли счастіе заслужить благоволеніе твое? А вотъ эти говоритъ Пушкинъ:

Charmante Récamier,
Que tu me sembles belle!
Que n'es-tu tourterelle?
Que ne suis-je ramier?

Разумѣется, что онъ-же самъ написалъ на́-смѣхъ эти стихи. Но шутка удалась, и общій хохотъ увѣнчалъ ее. Но хохоталъ-ли Василій Львовичъ? Объ этомъ исторія молчитъ.

Впрочемъ кстати замѣтить, что онъ равно правильно и свободно писалъ и Французскіе стихи. Онъ мастеръ былъ обтачивать куплеты и въ Парижѣ былъ извѣстенъ пѣснями своими. Почему-же не имѣть разнозвучные струны на своей лирѣ? Бѣды и стыда тутъ нѣтъ. Одно время жилъ онъ на Васильевскомъ острову и захва-

ченъ былъ Невскимъ ледоходомъ. Изъ заточенія своего написалъ онъ пріятелямъ своимъ и княгинѣ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Долгоруковой очень милые и остроумные стихи:

Habitant d'un autre hémisphère,
Je porte envie à votre sort:
Dans mon réduit pauvre insulaire,
Quoique vivant, je suis un mort.

Всѣхъ стиховъ не помню, но вотъ очень удачный куплетъ:

J'ai pour voisins un architecte,
Un graveur, artistes fameux.
Pour leurs talents, je les respecte,
Mais je n'ai guère besoin d'eux.
C'est dans le coeur de ma compagne,
Que je suis gravé tout de bon,
Et pour des châteaux en Espagne
Dois-je envoyer chercher Thomon *)?

Не худо было-бы, въ память стараго времени, издать родъ поэтическаго сборника и собрать въ немъ Французскіе стихи Русскихъ дилеттанте, напримѣръ, подъ заглавіемъ: Французская Муза въ Россіи. А именно: графа Шувалова, царедворца временъ Екатерины, князя Бѣлосельскаго, Ханыкова, В. Л. Пушкина, Окунева (бывшаго кавалергардскаго офицера), князя Бориса Влад. Голицына, сначала Французскаго поэта, а позднѣе члена Шишковской Бесѣды. Въ минувшемъ столѣтіи напечаталъ онъ между прочимъ во Французскомъ Календарѣ Музъ (Almanach des Muses) двоестишіе. Ривароль, въ своемъ *Маленькомъ календарѣ великихъ людей*, сказалъ о немъ: двоестишіе хорошо, но нужно-бы сократить его (il y a des longueur dans ce distique). Уваровъ (графъ Серг. Сем.) занялъ-бы не послѣднее мѣсто въ этомъ сборникѣ. Въ 1806 или 1807-мъ году ходили по рукамъ и съ жадностью читались Французскіе стихи его о счатіи умереть въ молодости, Epître à celle que je ne connais pas, и другіе. Даже и гораздо позднѣе, когда былъ онъ министромъ, припоминалъ онъ молодость свою и, посѣтивъ въ первый разъ Италію, воспѣлъ ее въ стихахъ, которые такъ начинались:

Je te salue enfin, o ma belle Italie!
Pélerin fatigué des ronces de la vie.

(Продолженіе будетъ).

---

*) Извѣстный въ свое время архитекторъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА КЪ С. А. КОЛЫЧОВУ.

Переведено съ Французскихъ подлинниковъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ барона Михайла Львовича Боде-Колычова, коего предокъ по матери, Степанъ Алексѣевичъ Колычовъ принадлежалъ къ числу славныхъ нашихъ дипломатовъ прошедшаго столѣтія, дѣйствовавшихъ, подъ управленіемъ Екатерины и князя Безбородки, въ твердомъ направленіи Русской народной политики. Одинъ изъ представителей сей послѣдней, посланникъ нашъ въ Лондонѣ графъ С. Р. Воронцовъ, кромѣ донесеній въ Иностранную Каллегію, велъ непрерывную переписку съ товарищами своими по дипломатической службѣ. Нижеслѣдующія письма писаны въ Гагу, гдѣ С. А. Колычовъ находился посланникомъ. *П. Б.*

1.

Ричмондъ, 3 Ноября 1791, н. с.

Интриганъ лордъ Мальмсбюри [1]), хотя повздорилъ съ Питтомъ и нехорошъ съ королемъ, продолжаетъ держаться Прусскихъ началъ. Однако, при всей связи своей съ оппозиціей, онъ открыто порицаетъ неизвинительный образъ дѣйствій Британскаго кабинета въ отношеніи къ Россіи. У него, какъ мнѣ кажется, такой разсчетъ: онъ надѣется, что Берлинскій дворъ со временемъ опять введетъ его въ милость къ Англійскому королю. Вѣдь онъ не брезгаетъ никакимъ средствомъ, лишь бы составить себѣ фортуну. Чего только онъ не дѣлалъ, чтобы овладѣть принцемъ Валійскимъ! Потерпѣвъ неудачу, онъ началъ необыкновенно ухаживать за герцогомъ Іоркскимъ [2]), который фанатически привержен къ Пруссіи и потому обходился съ нимъ лучше, нежели его старшій братъ. Вслѣдствіе этого сближенія и чтобы засвидѣтельствовать свою приверженность къ герцогу и къ Прусскому двору, онъ отправился въ Берлинъ на брачное торжество, которымъ, какъ увѣряютъ, окончательно утверждается тѣсный союзъ между этими государствами. Вотъ настоящая причина поѣздки этого интригана въ Берлинъ; порученій же никакихъ ему не было дано.

Мнѣ очень жаль двухъ милліоновъ Голландскихъ гульденовъ, которые нашъ дворъ далъ Французскимъ принцамъ. По истинѣ, когда подумаешь, какъ задолжала Россія, то невольно и приходитъ въ голову, не лучше ли было бы употребить эти деньги, чтобы погасить хоть часть долговъ.

---

[1]) Тотъ самой, коего депеши о Россіи напечатаны въ Р. Архивѣ 1874 года. Въ это время онъ былъ Англійскимъ посланникомъ въ Голландіи, но жилъ подолгу въ Англіи.

[2]) Вторымъ сыномъ Георга III-го.

2.

Лондонъ, Ноябрь 1791.

Адмиралъ Кенигсбергенъ очень мало знаетъ Россію, полагая, что мнѣ поручили управленіе военною частію [3]), тогда какъ мы имѣемъ фельдмаршала Румянцова, князя Репнина, двухъ графовъ Салтыковыхъ, генераловъ Каменскаго, Кречетникова и Гудовича. Онъ еще менѣе знаетъ меня, полагая, что я (если допустить даже невозможное) принялъ бы эту должность, столь превышающую мои способности: не на столько я притязателенъ и суетенъ. Въ извиненіе адмиралу скажу, что, когда онъ говорилъ вамъ то что̀ вы мнѣ сообщаете, онъ очевидно увлекался своимъ дружескимъ расположеніемъ ко мнѣ.

Имѣя отъ васъ столько оказательствъ дружбы, считаю обязанностью извѣстить васъ, что Государыня, приславъ мнѣ съ курьеромъ Смирновымъ орденскій знакъ св. Владиміра первой степени, въ тоже время увеличила мое содержаніе на шесть тысячь, которыя мнѣ назначены изъ почтоваго вѣдомства, считая рубль въ 40 штиверовъ, и наградила также чиновниковъ моей канцеляріи, наиболѣе потрудившихся. Два милостивыя письма ея ко мнѣ служатъ мнѣ доказательствами ея снисходительнаго благорасположенія; потому что все сдѣланное ею въ этомъ случаѣ внушено ей конечно не столько моими слабыми заслугами, какъ собственнымъ ея великодушіемъ [4]).

3.

Лондонъ, $^{16}/_{27}$ Апрѣля 1792.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о томъ, что Французы объявили войну Австріи, отъ того же курьера узнали мы, что они собираются дѣйствовать съ двухъ сторонъ: на Люттихъ и на Остенде. Хотя господа Якобинцы и увѣряютъ, что Голландія будетъ ими оставлена въ покоѣ, но полагаться на слова злодѣевъ невозможно. При томъ же они сами будутъ невластны, коль скоро войска ихъ, не уступая имъ въ изувѣрствѣ и имѣя въ средѣ своей Голландскихъ бѣглецовъ, такъ называемыхъ патріотовъ, расположатся по сосѣдству съ семью соединенными провинціями. Отъ этихъ каторжниковъ всего можно ждать. Надѣюсь, что власти той страны, гдѣ вы находитесь, примутъ всевозможныя мѣры къ недопущенію заразы, которую Французы стараются распространить повсюду.

4.

Лондонъ, 7 Мая 1793.

Если графъ Мерси [5]) еще въ Гагѣ, прошу васъ засвидѣтельствовать ему мою почтительную приверженность и передать сожалѣ-

[3]) По смерти князя Потемкина (умершаго 5 Октября этого года).

[4]) Говорится о наградахъ графу Воронцову за устраненіе войны съ Англіею.

[5]) Австрійскій посланникъ въ Лондонѣ.

ніе мое о томъ, что мы утратили надежду видѣть его въ Лондонѣ. Также прошу ему сказать, что если онъ не позабылъ разговоръ, которой мы съ нимъ имѣли, когда онъ мнѣ сдѣлалъ честь обѣдать у меня за городомъ, то онъ вспомнитъ, что я по несчастію справедливо предвидѣлъ, сколь вредна система что̀ Вѣнскій дворъ взялъ въ послѣдніе дни императора Леопольда. Я не знаю, сей ли государь самъ или Спильманъ суть причиною оной; но какъ мнѣ кажется, уже и поправлена быть не можетъ.

5.

Лондонъ, $^{13}/_{24}$ Мая 1793.

Передаю вамъ для вашего личнаго свѣдѣнія, что графъ Д'Артуа прибылъ въ Гуль съ цѣлью добиться, чтобы ему дали возможность дѣйствовать совокупно съ нашими войсками, которыя хотѣли послать сюда. Мнѣ поручено поддерживать его намѣренія. Россія даетъ Англіи 10 тысячь человѣкъ и на содержаніе ихъ сначала просила 600 тысячь ф. стерл., но потомъ Государыня, въ частномъ письмѣ, согласилась уменьшить эту сумму на 300 тысячь ф. стерл. Между тѣмъ Англія, не имѣя денегъ и доведенная почти до крайности вслѣдствіе несмѣтныхъ тратъ на вооруженія, не можетъ дать и десятой доли того, чего отъ нея требуютъ. Сверхъ того она уже даетъ 200 тысячь ф. стерл. Сардинскому королю, своему старому союзнику, за 50 тысячь войска, находящагося въ полномъ распоряженіи Англіи. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что, не смотря на все это, Россія предоставитъ Великобританіи 10 тысячь человѣкъ, какъ она вызвалась дать ихъ исключительно Англійскому правительству, безъ субсидій и не примѣшивая тутъ Французовъ.—Что̀ касается до Французскихъ принцевъ, то здѣсь не расположены сдѣлать что̀ либо въ ихъ пользу.

6.

Лондонъ, 4 Іюня 1793.

Я ѣздилъ въ Гуль, въ Іоркширскую провинцію, видѣться съ графомъ д'Артуа, который находился на Русскомъ фрегатѣ въ устьѣ Гумбера. Эта поѣздка отняла у меня шесть дней времени и лишала удовольствія писать къ вамъ. Графъ д'Артуа не могъ быть допущенъ сюда, потому что по Англійскимъ законамъ онъ подвергался неминуемому заточенію за долги свои, какъ это случилось съ братомъ Польскаго короля. Исключенія не бываетъ и для дѣтей короля, коль скоро они надѣлаютъ долговъ и не будутъ въ состояніи заплатить ихъ, развѣ они получали достоинство перовъ. Такъ принцъ Валійскій, герцоги Іоркскій и Кларенскій только потому не могутъ быть заточены, что они перы королевства, а не потому что они сыновья короля.

Дней черезъ 5 или 6 надѣюсь отправить обратно курьера съ ратификаціями двухъ конвенцій, подписанныхъ 14 (25) Марта, и тогда мнѣ будетъ вѣрный случай сообщить вамъ, за чѣмъ собствен-

но пріѣхалъ сюда Французскій принцъ. Разсчеты его несбыточны и доказываютъ, что въ Петербургѣ не читаютъ нашихъ депешъ, либо скоро забываютъ ихъ содержаніе. Можно подумать, что Англію у насъ знаютъ также мало какъ и Тибетъ, и это не по моей винѣ, могу васъ увѣрить. Въ восемь лѣтъ я, кажется, довольно познакомился съ здѣшнею страною и старался, чтобы у насъ ее хорошенько узнали.

7.

Лондонъ, 18 (29) Октября 1793.

Я знаю Анжели лучше, чѣмъ кто бы то ни было. Это Французъ, поступившій къ намъ изъ Датской службы волонтеромъ въ кампанію 1770 года. Помощью дворскихъ происковъ онъ добился того, что его приняли въ дѣйствительную службу и произвели въ подполковники. Онъ былъ вмѣстѣ со мною въ передовомъ отрядѣ подъ начальствомъ генерала Бауера и командовалъ 12 эскадронами. 5 Іюля, во главѣ 9 эскадроновъ, онъ побѣжалъ передъ Турецкимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 4 или 5 тысячь человѣкъ, между тѣмъ какъ подполковникъ Ельчаниновъ съ тремя эскадронами выдержалъ нападеніе и поколотилъ Турокъ. Послѣ этого подвига, г-нъ Анжели отправился въ Петербургъ, и такъ какъ фельдмаршалъ Румянцовъ не далъ о немъ добраго отзыва, то онъ обратился къ его противнику, фельдмаршалу Чернышеву, снискалъ его покровительство и черезъ разныхъ женщинъ, расположившихся въ его пользу за умѣнье хорошо играть на театрѣ, получилъ Георгіевскій крестъ, помѣстья и кавалерійскій полкъ въ дальнихъ губерніяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ жить въ Петербургѣ, занимаясь происками при дворѣ, гдѣ у него были покровители. Черезъ два года, по перехваченнымъ письмамъ, открылось, что онъ былъ шпіонъ на жалованьи у Французскаго двора. За тѣмъ его прогнали изъ Россіи. Французскій дворъ вознаградилъ его полковничьимъ чиномъ и крестомъ св. Людовика и послалъ его въ Америку. По возвращеніи изъ этой части свѣта, его послали въ Голландію, откуда онъ пожаловалъ сюда, и въ короткое пребываніе здѣсь находился постоянно съ г-дами Линденомъ и Бартелеми. Ему хотѣлось, чтобы Линденъ представилъ его ко двору; но онъ боялся, что я разскажу его исторію и явился ко мнѣ съ просьбою, чтобы я ему не повредилъ. Я отвѣчалъ ему напрямикъ, что никогда не скажу никому, кто онъ такой, если меня не спросятъ; въ противномъ же случаѣ мнѣ нельзя поступить иначе, какъ сказать всю правду. Какъ онъ ни упрашивалъ меня, я оставался при своемъ отвѣтѣ, послѣ чего онъ уже не разсудилъ представляться и черезъ три дни уѣхалъ изъ Англіи. Я донесъ объ этомъ въ Петербургъ, и тамъ одобрили меня. Мнѣ не вѣрится, чтобы этотъ человѣкъ находился въ распоряженіи Англійскаго кабинета. По крайней мѣрѣ смѣю завѣрить васъ, что лордъ Гренвиль [6]) неспособенъ дѣйствовать посредствомъ такого рода проходимцевъ.

---

[6]) Тогдашній первый министръ въ Англіи.

Анжели былъ полковникомъ Владимірскаго драгунскаго полка. Въ 1774 г., въ самый разгаръ Пугачевщины, онъ возвращался изъ заграничнаго отпуска къ полку своему, находившемуся въ Казани. Екатерина приказала его арестовать и, снявъ съ него Георгіевскій крестъ, выпроводить въ чужіе краи. (См. Осмнадцатый Вѣкъ, III, 229—231). *П. Б.*

8.

Ричмондъ, 6 (17) Генваря 1794.

Нашъ дворъ дѣлаетъ сильныя представленія Прусскому для продолженія войны противу Франціи, а здѣшнему предлагаетъ заключить оборонительный союзъ съ Россіею, не изъясняя, однакоже, что онъ намѣренъ дать помощное войско въ нынѣшнюю войну. Прилагаю въ откровенности, для вашего токмо свѣдѣнія, отвѣтъ, что̀ мнѣ вчерась вручилъ лордъ Гренвиль. Усмотрите изъ онаго, какъ сильно насъ ласкаютъ. Дай Богъ, чтобъ сіе удалось, ибо союзъ съ Англіею будетъ намъ весьма полезенъ и оградитъ насъ отъ всякихъ безпокойствъ со стороны Турковъ и Шведовъ. Потеря Тулона и неудачный вездѣ конецъ прошедшей кампаніи весьма оскорбляетъ публику и безпокоитъ министерство, которое будетъ сильно въ Парламентѣ атаковано.

9.

Ричмондъ, 12 (23) Декабря 1796.

Я былъ пораженъ, какъ и вы, неожиданнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Государыни. Лордъ Гренвиль далъ мнѣ знать о томъ черезъ нарочнаго курьера, и меня разбудили для того въ три часа утра. Событіе тѣмъ болѣе для меня поразительное, что я не зналъ ничего о болѣзни Государыни. Правда, писали мнѣ, что съ нѣкотораго времени она перестала выѣзжать и прогуливаться. Движеніе, которое она обыкновенно дѣлала, предохраняло ее отъ припадковъ апоплексіи, которымъ всегда подвержены бываютъ люди, какъ она, тучные, сангвиническіе и короткошеи. Мы лишились великой Монархини; но несомнѣнно, что преемникъ ея будетъ великимъ и добрымъ Государемъ. Мы съ вами пользовались близостью къ нему; мы знаемъ, что онъ свѣдущъ и уменъ [7]). Образъ его дѣйствій по вступленіи на престолъ свидѣтельствуетъ о превосходномъ характерѣ и возвышенной душѣ. Приверженность и сыновнее почтеніе, которыя онъ выразилъ къ памяти своего злосчастнаго отца, императора Петра III-го и награды всѣмъ тѣмъ, которые были преданы этому государю, обнаруживаютъ душу чувствительную, благородную и правдолюбивую.

---

[7]) Графъ Воронцовъ выѣхалъ изъ Россіи еще въ 1783 году.

ПИСЬМА ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ РЕПНИНА КЪ КНЯЗЮ А. Б. КУРАКИНУ.

Нижеслѣдующія письма извлечены нами изъ богатаго семейнаго архива князей Куракиныхъ, хранящагося въ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, въ селѣ Надеждинѣ, и печатаются здѣсь съ позволенія князя Ѳедора Алексѣевича Куракина, правнучтнаго племянника канцлеру князю Александру Борисовичу, къ которому писалъ эти письма знаменитый князь Репнинъ (женатый на родной его теткѣ).

Письма эти, по содержанію своему, по откровенному изложенію и по тѣмъ лицамъ, кѣмъ и кому они писаны, суть прямое достояніе Русской исторической словесности. Какъ извѣстно, императоръ Павелъ Петровичъ, въ срединѣ своего царствованія, съ болѣзненнымъ увлеченіемъ предался мысли, что ему предназначено сокрушить гидру Французской революціи и съ этой, въ сущности посторонней для Россіи, цѣлью безразсчетно тратилъ Русскія силы и Русское вліяніе—великое наслѣдіе своей матери. Къ союзу своему съ Англіею онъ захотѣлъ присоединить Австрію и Пруссію; но сіи послѣднія державы ссорились между собою. Русскій государь взялъ на себя безплодную задачу помирить ихъ и для этого послалъ въ Берлинъ стараго воина-дипломата, князя Репнина, которому подобное дѣло удалось двадцать лѣтъ тому назадъ на Тешенскомъ конгрессѣ (но при совершенно другихъ обстоятельствахъ). Князь Репнинъ, въ молодости своей, въ царствованіе Петра III-го, былъ посланникомъ въ Берлинѣ. Прусскіе виды и Прусское коварство стали ему хорошо знакомы въ послѣдствіи, когда онъ былъ посломъ въ Варшавѣ и потомъ управлялъ въ Вильнѣ присоединенными отъ Польши областями. Какое значеніе имѣлъ князь Репнинъ, видно по напечатанной ниже выпискѣ изъ Французскаго Монитёра. Пребываніе князя Репнина въ Берлинѣ въ 1798 г. описано Ѳ. П. Лубяновскимъ въ Запискахъ его (Р. Архивъ 1872).

Князь Куракинъ былъ въ то время вице-канцлеромъ. *П. Б.*

1.

Берлинъ, $^{20}/_{31}$ Мая 1798.

Я вамъ, мой другъ сердечный князь Александръ Борисовичъ, предсказалъ, что моя сюда поѣздка обнаружитъ главное наше намѣреніе преждевременно, встревожитъ тѣмъ здѣшній дворъ и самую Францію, подастъ поводъ всей Европѣ къ безконечнымъ заключеніямъ съ озабоченіемъ всѣхъ кабинетовъ и наконецъ уничтожитъ все дѣло отъ несохраненія нужной тайны. Все сіе сбылось. Всѣ взбудоражены, и даже Сіесъ сюда изъ Парижа ѣдетъ, а дѣло совсѣмъ пошло на выворотъ. Однимъ словомъ, весьма некстати его начали. Я сіе въ крайней откровенности для васъ единственно пишу. Истинно, сердце разрывается, видя Россію въ томъ положеніи, что Пруссія съ нею мѣстничается. Сами мы ее такъ увеличили. Я на старости все сіе глашаю. Вотъ что̀ и наши мѣстничествы производятъ. Горько мнѣ очень, но что жъ дѣлать! Уповаю, что долго здѣсь не останусь и пишу о томъ къ Государю. Положеніе настоящее относительно Австріи и Германіи въ совершен-

ной запутанности. Недѣль чрезъ шесть, а можетъ быть и прежде откроется, думаю, война ли будетъ или миръ. Но и при семъ послѣднемъ событіи, война образа мыслей и правилъ республиканскихъ, къ поселенію коихъ вездѣ еще болѣе Французы способности будутъ имѣть, свободно сообщаясь со всѣми государствами, мнѣ кажется для Европы опаснѣе нежели ихъ оружіе. Богъ попущаетъ ихъ быть бичемъ прочихъ народовъ, которые въ отношеніи закона Божія и нравовъ внутренно не лучше ихъ. Слѣдственно изъ развратности повсемѣстной тѣже послѣдствія произойдутъ что̀ и у нихъ, и внушенія ихъ о томъ будутъ приняты съ готовностію и согласіемъ.

Сіесъ, думаю, сей дворъ рѣшитъ [1]), соединя ли его съ Франціею обѣщаніями или угрозами, или же отвратя оный на долго отъ себя. Подлинно нельзя предузнать, но первое опасно. Боже насъ сохрани онъ всеобщей почти заразы.

2.

Берлинъ, 19 Мая (9 Іюня) 1798.

Здѣсь теперь наша начатая негосіація остановилась, ожидая возвращенія изъ Вѣны куріера князя Рейса [2]). Въ Раштатѣ такожъ ничего не дѣлаютъ, равномѣрно въ ожиданіи отвѣта Французскихъ полномочныхъ на послѣднюю ноту Германскихъ депутатовъ съ отклоненіемъ требованій первыхъ на правый берегъ Рейна. По партикулярнымъ письмамъ извѣстно, что Кобенцель ѣздилъ уже изъ Раштата во Французскіе предѣлы къ бывшему республиканскому директору François Neuchâteau, почему судя должно думать, что онъ вступитъ съ ними въ формальную негосіацію.

3.

Берлинъ, 3 (14) Іюня 1798.

Увидите вы, мой другъ сердечной, изъ сегоднишняго отправленія, до чего дѣла здѣсь доведены коварностью Гаугвица. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первымъ Вѣнскимъ отвѣтомъ негосіація здѣшняя пресѣчется безъ всякаго успѣха, и кажется не остается другаго дѣлать. Самое достоинство того требуетъ, чтобы не дать себя водить пустыми и всегда новыми выдумками и баснями. Впрочемъ овладѣніе Французами Мальты и окончаніе или разрывъ конференціи графа Кобенцеля съ бывшимъ директоромъ Neuchâteau представятъ, думать должно, новыя явленія Европѣ наглости Французской.

4.

Берлинъ, 29 Іюня (10 Іюля) 1798.

Весьма вамъ обязанъ за сообщеніе полученной милости князьями Чарторыжскими. Я подлинно сердечное участіе въ нихъ пріемлю.

[1]) Т. е. заставитъ рѣшиться.

[2]) Австрійскаго посла въ Берлинѣ.

5.

Берлинъ, 13 (24) Іюля 1798.

Кажется, подлинно лучше осмотрѣться нѣкоторое время, безъ всякаго активнаго рѣшенія, по причинѣ быстраго стремленія, съ коимъ перемѣняются политическія обстоятельства. Здѣшній дворъ ясно и точно рѣшенъ оставаться въ нейтральности, и той опасности и для него скаредности я не ожидаю, чтобы онъ соединился съ Французами. Если жъ какими обстоятельствами и собственной опасностью выдетъ изъ нейтралитета, то тогда самъ къ намъ прибѣжище будетъ имѣть; а намъ теперь за нимъ ходить было бъ непристойно и напрасно.

Сіесъ, можетъ быть, уже пытается и конечно пытаться всячески будетъ, но въ альянціи здѣшняго двора съ Франціею, думаю, какъ выше сказалъ, не предуспѣетъ. О Бонапартѣ говорятъ, что онъ разбитъ и даже взятъ адмираломъ Нельсономъ; но вѣрнаго еще ничего неизвѣстно. То вѣрно, что Нельсонъ приплылъ къ Мальтѣ три дня послѣ какъ Бонапарте отголь отправился въ дальнѣйшій путь; почему Нельсонъ, оставя три корабля блокировать гавань Мальты, съ достальными погнался за Бонапарте. Боже даруй, чтобы сей злодѣй рода человѣческаго истребленъ былъ. Ежели попадется къ намъ въ Польшу съ Косцюшкою и Домбровскимъ, уповая на Бога, надѣюсь, что ни одинъ ногъ не унесетъ.

*

Выписка изъ Французскаго Монитера 1798, № 234.

Письма съ Сѣвера увѣдомляютъ, что въ той части Польши, которая принадлежитъ теперь Россіи, сосредоточивается сильная Русская армія и что знаменитый (le fameux) князь Репнинъ, издавна употребляемый Русскимъ дворомъ лишь въ важныхъ обстоятельствахъ, ѣдетъ въ Берлинъ.

ПИСЬМО А. Н. МУРАВЬЕВА КЪ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ СВ. СИНОДА ГРАФУ Н. А. ПРОТАСОВУ *).

(1837).

Милостивый государь
Графъ Николай Александровичъ!

Возвратясь изъ моего путешествія, долгомъ поставляю представить вашему сіятельству мои замѣчанія о нѣкоторыхъ лицахъ и предметахъ, которые наиболѣе меня поразили; ибо я по всей дорогѣ старался какъ можно болѣе знакомиться съ людьми духовнаго званія, сколько краткость времени мнѣ сіе позволяла. Я начну по порядку.

Не могу сказать ничего особеннаго объ архимандритѣ Арсеніи, недавно назначенномъ въ Новый Іерусалимъ. Онъ простой, добрый старикъ; но, кажется, не въ состояніи поддержать или, лучше сказать, возстановить сію драгоцѣнную для насъ обитель по ея Палестинскимъ воспоминаніямъ, которая и нравственно и наружно уже давно въ упадкѣ, такъ что даже вовсе не привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ, не смотря на громкое имя и совершенное подобіе Іерусалима. Здѣсь бы нуженъ былъ иной человѣкъ.

Въ Троицкой Лаврѣ, гдѣ я провелъ на праздникѣ два дня въ чрезвычайной суетѣ, я замѣтилъ однакоже съ большимъ утѣшеніемъ благочиніе и устройство, которыя завелъ тамъ намѣстникъ архимандритъ Антоній, человѣкъ весьма замѣчательный въ быту монашескомъ, по своему собственно-духовному образованію, полученному въ Саровскихъ лѣсахъ. Его ежедневная трапеза для нищихъ, и больница, гдѣ самъ лѣчитъ, и богодѣльня, гдѣ всякій вечеръ читаетъ самъ правило всей братіи, по истинѣ заслуживаютъ вниманія. Въ семилѣтнее его управленіе Троицкая Лавра совершенно преобразовалась.

Между учеными архимандритами первое мѣсто занимаетъ ректоръ Академіи Филаретъ, молодой лѣтами, но весьма свѣдущій, скромный и постникъ, умѣвшій внушить къ себѣ уваженіе. Прочіе

*) Россія знаетъ А. Н. Муравьева, по его духовнымъ сочиненіямъ; но не менѣе, если не болѣе, значительны были его дѣятельность по духовно-церковнымъ дѣламъ и его вліяніе на ходъ этихъ дѣлъ. Не будучи монахомъ, онъ былъ, по выраженію Вигеля, свѣтскимъ архіереемъ. Его отношенія отчасти изображаются въ нижеслѣдующемъ письмѣ, писанномъ, если не ошибаемся, еще въ то время, когда онъ состоялъ на службѣ при оберъ-прокурорѣ Св. Синода. *П. Б.*

же, ректоръ Семинаріи и два инспектора, не произвели на меня никакого впечатлѣнія. На экзаменахъ мнѣ не удалось быть по случаю праздниковъ.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Лавры поѣхалъ я въ Воронежъ и первую посѣтилъ Рязань. Въ отсутствіе архіерея и ректора, архимандритъ Троицкаго монастыря Геннадій, человѣкъ пріятный и обходительный, показывалъ мнѣ великолѣпный соборъ, гдѣ въ совершенномъ забвеніи находится гробъ его основателя, знаменитаго Стефана Яворскаго, можно сказать, послѣдняго патріарха, которому столькимъ обязана Церковь. Кстати о соборѣ: сдѣлайте милость, не дозволяйте ломать верхняго яруса недоконченной колокольни и довершать ее въ искаженномъ вкусѣ. Этотъ проэктъ далъ какой-то неопытный, молодой архитекторъ, а зданіе крѣпко и можетъ вынести еще два яруса, по плану, хранящемуся при соборѣ. Я говорилъ съ соборянами, и мнѣ кажется, что, если отпустить тысячь 50 или 60, то не ломая можно довершить величественную колокольню; а снять ярусъ будетъ совершенное безобразіе, и лучше уже оставить ее неконченную. Теперь мода все старое ломать. Такъ и у древняго архіерейскаго дома Рязанскаго, который частію есть остатокъ великокняжескаго терема, отломали одно старинное наружное крыльцо, чтобъ замѣнить его новымъ. Въ этомъ погрѣшилъ преосвященный Кіевскій *), когда былъ Рязанскимъ, и это весьма жаль, потому что все зданіе въ старинномъ вкусѣ.

Архимандритъ Геннадій, вмѣстѣ съ инспекторомъ Семинаріи, соборнымъ протоіереемъ, человѣкомъ весьма ловкимъ въ обращеніи, и, какъ кажется, опытнымъ, показывали мнѣ Семинарію, довольно обширную, которую теперь освѣжаютъ внутри. Я попалъ на внутренній экзаменъ историческій, младшаго класса, и нашелъ тоже что̀ вы въ Академіи, т. е. совершенное незнаніе первыхъ основаній Церковной Исторіи, даже соборовъ, которые учителя, ради извиненія, относили къ Богословію, какъ будто можно относить число ихъ, время и лица къ догматамъ богословскимъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы говорить сильно противъ сего упущенія и о духѣ ученія, который угоденъ теперь Св. Синоду, равно и о неколебимости въ Православіи и старинѣ. — Тѣмъ кончилось мое посѣщеніе Рязани. Консисторія же передѣлывается вновь и покамѣстъ стѣснена въ нижній ярусъ покоевъ архіерейскихъ, но не на долго, Я говорилъ секретарю о порядкѣ и ускореніи хода дѣлъ, какіе вы желаете видѣть повсемѣстно.

Въ Воронежѣ нашелъ я преосвящ. Антонія служащаго литургію. Онъ принялъ меня весьма ласково, но былъ самъ озабоченъ непріятною и соблазнительною исторіею архимандрита Ѳеофила, который опять попалъ въ тоже нареканіе нечистоты нравственности, за какое былъ запрещенъ въ Могилевѣ. Преосв. Антоній сперва, по милосердію, хотѣлъ замять молву и просилъ васъ только о его переводѣ; но теперь молва сія слишкомъ сильно распространилась

*) Т. е. Филаретъ, въ этомъ году замѣнившій митрополита Евгенія.

по всему городу, а произвести слѣдствіе о его нецѣломудріи, въ такомъ мѣстѣ какъ Воронежъ, слишкомъ непристойно для Церкви. Преосв. Антоній нарочно призывалъ при мнѣ Ѳеофила, чтобы убѣждать его; но онъ отговаривался, что молва сія лишь только слѣдствіе вражды противъ него возбужденной и которую онъ вполнѣ заслужилъ. Признаюсь вамъ, что эта гадкая исторія отравила для меня впечатлѣніе, какое долженъ былъ произвести на меня Воронежъ; ибо услыхалъ ее въ первую минуту и слышалъ до послѣдней. Я не смѣлъ утаить сего предъ вами, но не хочу быть дальнѣйшимъ обличителемъ. Преосв. Антоній любитъ васъ отъ всей души и радуется вами. Я ходилъ къ нему ежедневно въ теченіи пяти дней и пользовался его благосклонностью; но толпа поклонниковъ его одолѣваетъ и не даетъ почти свободнаго часа, такъ что можно почти сказать, что онъ самъ какъ гробовой старецъ при мощахъ.

Теперь онъ нашелъ себѣ прекраснаго помощника въ новомъ ректорѣ Эльпидифорѣ и такъ имъ доволенъ, что даже говорилъ, что со временемъ испроситъ его себѣ въ викаріи. И точно, сей архимандритъ заслуживаетъ такое о немъ мнѣніе своею ревностью, смиреніемъ, и еще никто изъ его сверстниковъ столько мнѣ не нравился. Даже братъ мой *) повторилъ мнѣ о немъ преосв. Антонія.

Я засталъ опять въ Семинаріи Воронежской, какъ и въ Рязанской, домашній, историческій экзаменъ и, при порядочныхъ отвѣтахъ въ исторіи гражданской и библейской, нашелъ совершенное невѣжество въ церковной Россійской. На мой вопросъ: при комъ былъ первый патріархъ нашъ, мнѣ отвѣчали: при Владимірѣ. Я воспользовался симъ случаемъ, чтобы внушить ректору, учителямъ и ученикамъ всю важность нашей Церковной Исторіи и при томъ повторилъ еще полнѣе и сильнѣе то что̀ говорилъ въ Семинаріи Рязанской.

Весьма жаль отдавать зданіе, гдѣ помѣщается Семинарія. Преосв. Антоній о томъ сокрушается и проситъ васъ, чтобъ по крайней мѣрѣ ускорили разрѣшить покупку мѣста, весьма приличнаго, противъ оконъ его монастыря, гдѣ въ выстроенныхъ уже домахъ можетъ отчасти и временно помѣститься часть Семинаріи, хотя и дурно, пока будутъ строить. Цѣна домовъ возвышается до невѣроятности, и если до Сентября еще продлится сіе дѣло, то расходы умножатся: ибо хозяева новыхъ домовъ отдѣлываютъ ихъ для квартиръ пріѣзжимъ, по сосѣдству обители; а лучше сего мѣста и пространнѣе найти нельзя. Изъ послѣдняго рапорта о семъ предметѣ преосв. Антонія можно видѣть, какъ прилично и удобно мѣсто сіе, и напротивъ его онъ строить предполагаетъ духовное училище, которое выведется изъ монастыря для помѣщенія братіи и расширенія Консисторіи, стѣсняемой Бурсою. Такимъ образомъ въ виду его будутъ всѣ учебныя заведенія. Многое бы еще сказалъ о Воронежѣ, но не все удобовмѣстимо въ письмѣ.

---

*) Николай Николаевичъ (Карскій), жившій неподалеку, въ селѣ Скорняковѣ (Задонскаго уѣзда).

Тулу я только что проѣхалъ, но успѣлъ быть у преосв. Дамаскина и въ Семинаріи, лучшей изъ всѣхъ, какія я видѣлъ, по своему зданію и уединенному положенію. Ученики уже были всѣ распущены. Ректоръ, архимандритъ Нилъ, кажется, человѣкъ опытный, хотя и не старый. О немъ хорошо отзываются, и бесѣда его проста и основательна, сколько позволено судить по часу времени, которое я съ нимъ провелъ. Соборъ въ Тулѣ прекрасный; церкви исправляются отъ пожара.

Въ Калугѣ до такой степени стѣснены въ казенномъ домѣ архіерейскіе покои, Семинарія, Училище и Консисторія, что я даже не понимаю, какъ могло все сіе до сихъ поръ существовать въ такомъ видѣ. Нельзя требовать порядка отъ Консисторіи, которая вся стѣснена въ двѣ комнаты и у коей архивы въ холодныхъ чуланахъ въ два аршина ширины. Секретарь, человѣкъ расторопный, жалуется на сіе стѣсненіе; да и точно, необходимо или купить особенный домъ для Консисторіи, или сдѣлать по мнѣнію преосвященнаго: онъ предлагаетъ отдать ему для подворья прекрасный вновь купленный домъ для училища; и это было бы хорошо, потому что домъ барскій, для архіерея можетъ оставаться въ томъ видѣ, какъ есть, а для Училища надобно весь сломать. Въ этомъ домѣ могла бы помѣститься и Консисторія; а старые архіерейскіе покои, находясь въ связи съ Семинаріей, могли бы ее расширить; для Училища же пристроить къ ней корпусъ на ту сумму, какая бы пошла для передѣлки новаго дома, и преосв. Николай увѣряетъ, что за 40.000 можно бы устроить еще корпусъ, для котораго мѣсто весьма прилично. Если же не согласится коммиссія уступить новаго дома архіерею, то все таки необходимъ домъ для Консисторіи.

Ректоръ, архим. Макарій не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія, ни дурнаго, ни хорошаго; но мнѣ непріятно и неприлично было видѣть инспекторомъ молодаго мірянина, хотя и скромнаго человѣка, но съ виду похожаго на служку. Кажется, инспекторъ долженъ непремѣнно быть духовная особа: иначе не внушитъ нужнаго уваженія.

Наконецъ скажу вамъ, что въ Боровскѣ, въ древнемъ знаменитомъ монастырѣ св. Пафнутія, я засталъ развалины. Мнѣ казалось, что Французы только что прошли изъ Малаго Ярославца. Груда камней посреди ограды, церковь преподобнаго сломана; другую, теплую съ колокольнею, хотѣли ломать, не столько ради ветхости, сколько ради симетріи; да кажется, пр. Кіевскій удержалъ проѣздомъ, а то бы начали, по какому-то новому плану, утвержденному въ Петербургѣ. Древнюю паперть кругомъ главнаго собора сломали; сдѣлали новую, безобразную трапезу, съ боку припека. Намѣстника въ обители нѣтъ: судится въ Калугѣ. Архимандрита нѣтъ. Ректоръ, братія безъ начальника бѣдствуютъ. Меня приняли за самозванца и не показали ни ризницы, на библіотеки. Ради Бога, призрите сію древнюю обитель и дайте ей настоящаго архимандрита, да хорошаго человѣка; а то пропадетъ совершенно. И не дозволяйте ло-

мать стараго. Жалость смотрѣть на сію обитель! Она можетъ служить примѣромъ, какъ пагубны ректоры для монастырей и что необходимо искоренить это зло, чтобы возстановить разоряемыя ими обители

Кончаю слишкомъ длинное письмо. Я вчера только пріѣхалъ и еще не получилъ вашего отвѣта; вѣроятно онъ въ деревнѣ. Пробуду здѣсь нѣсколько дней и напишу еще о Москвѣ, а теперь спѣшу отправить сіи дорожныя замѣтки.

Примите и пр.

А. Муравьевъ.

Москва.
25 Іюля
1837.

Прошу васъ покорнѣйше засвидѣтельствовать мое глубочайше почтеніе преосвященному митрополиту Серафиму и Іонѣ.

Сей часъ представлялся я Его В., и * мнѣ говорилъ, что хорошо бы обратить вниманіе на Колоцкій монастырь (Смоленской эпархіи, близъ Бородина), потому что онъ замѣчателенъ исторически. А между тѣмъ я слышалъ отъ Жуковскаго, что * тамъ приняли очень дурно: какіе-то два монаха скитались раздѣтые по монастырю, а прочіе всѣ разошлись куда-то, ибо преосв. Смоленскій не догадался сдѣлать распоряженіе. Колокольня такъ ветха, что * едва могъ взобраться; да и все тамъ въ упадкѣ. Долгомъ поставляю довести о томъ сей часъ же до свѣдѣнія вашего сіятельства.

ПИСЬМО МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА, ГРАФУ Н. А. ПРОТАСОВУ.

(Августъ 1851).

Сіятельнѣйшій графъ! Милостивый государь!

Не могу начать сего письма, не коснувшись глубокихъ впечатлѣній отъ сихъ дней.

19 дня, по нездоровью, я отказался отъ праздника въ Донскомъ монастырѣ [1]); но не могъ освободить себя отъ обязанности совершить священнослуженіе въ домовой церкви, особенно побуждаемый къ молитвѣ мыслію, что въ сей день царское семейство въ первый разъ путешествуетъ по желѣзной дорогѣ.

Въ слѣдующій вечеръ провелъ я трудные часы, долго послѣ предназначеннаго срока не слыша съ желѣзной дороги звуковъ, означающихъ прибытіе. Наконецъ въ полночь обрадованъ былъ извѣстіемъ о благополучномъ прибытіи Государя Императора и семейства [2]).

20 дня было радостное срѣтеніе ихъ въ Успенскомъ соборѣ. Выходя изъ собора, Его Величество изволилъ объявить мнѣ, что 22 дня [3]) будетъ слушать молебное пѣніе въ семъ же соборѣ. И такъ вотъ въ чемъ торжество о совершившемся царскомъ двадесятипятилѣтіи. Какъ это христіянски-возвышенно!

Забылъ было сказать, что высочайшая воля относительно краткаго привѣтствія исполнена была мною, какъ только могъ я уразумѣть оную, и могу думать, что Государь нашелъ оную ис-

---

[1]) 19 Августа, въ день Донской Божіей Матери, совершается крестный ходъ изъ Кремля въ Донской монастырь.

[2]) Это былъ первый проѣздъ по нынѣшней Николаевской желѣзной дорогѣ Царскаго семейства, прибывшаго въ Москву по случаю исполнившагося тогда двадцатипятилѣтія царствованія Императора Николая Павловича. Разсказывали, будто, въ одномъ мѣстѣ, желая ближе осмотрѣть монументальныя сооруженія своей дороги, Государь вышелъ изъ вагона и, въ сопровожденіи графа Клейнмихеля и другихъ, пошелъ пѣшкомъ. Поѣздъ двинулся дальше съ тѣмъ, чтобы остановиться въ указанномъ мѣстѣ и дождаться Государя. Внезапно, на одномъ мосту, вагоны остановились и не могли двинуться съ мѣста. Оказалось, что, въ излишнемъ усердіи, выкрасили масляною краскою не только перила, но и самые рельсы, отчего и послѣдовала задержка движенія.—Для публики желѣзная дорога была открыта много позднѣе, именно 1 Ноября 1851 года.

[3]) День празднованія коронаціи.

полненною. Потому въ донесеніи, которое о таковыхъ случаяхъ подаетъ въ Синодальную Контору сакелларій, я уничтожилъ слово рѣчь; и когда попечитель Университета прислалъ просить у меня моей рѣчи, я отвѣчалъ, что не говорилъ рѣчи, а краткое привѣтствіе, которое не располагаюсь отдать для напечатанія; и именно просилъ не говорить въ Вѣдомостяхъ, что я говорилъ рѣчь. Не знаю, почему на другой день слово рѣчь въ Вѣдомостяхъ явилось.

Сего дня величественно было шествіе Государя Императора съ семействомъ въ соборъ чрезъ Красное Крыльцо и умилительно его моленіе въ соборѣ. Жалѣю, что вы не раздѣляли нашего утѣшенія.

Порядокъ, сколько мнѣ кажется, былъ соблюденъ. Государь Императоръ являлъ снисхожденіе. Предъ выходомъ изъ собора, похваливъ его величественную древность, изволилъ замѣтить, что нѣкоторые оклады иконъ позолотою возобновлены, а другіе требуютъ того же. Будемъ о семъ заботиться, хотя это не безъ затрудненія, особенно въ отношеніи къ способамъ.

Для изъясненія милости Государя Императора ко мнѣ и ко ввѣренному мнѣ духовенству нѣтъ словъ, кромѣ слова сердца къ Богу. Вчера, во время всенощной, которую я совершалъ въ Успенскомъ соборѣ, получилъ я высочайшій рескриптъ, вашему сіятельству извѣстный; а сего дня, въ началѣ литургіи, также въ церкви, — другой, состоявшійся по случаю моего всеподданнѣйшаго письма о приношеніи въ Успенскій соборъ отъ Московскаго духовенства златой дарохранительницы въ образѣ голубя надъ престоломъ, устроенной такъ, что сія утварь имѣетъ и характеръ памятника. Есть ли успѣю, приложу эти акты при семъ, или же изволите найти ихъ при моемъ донесеніи Св. Синоду.

Нынѣшній же день утѣшенъ я полученіемъ благосклоннаго письма вашего сіятельства. Не думалъ я, чтобы удостоилось воспоминанія мое немощное двадесятипятилѣтіе, отъ котораго не знаю, есть ли какой плодъ церкви Московской. Но когда недуманное сдѣлалось, искренно благодарю ваше сіятельво за милостивое ко мнѣ расположеніе. Господь да воздастъ вамъ Своимъ благословеніемъ за дѣятельное попеченіе о пользахъ Церкви и о утѣшеніи служащихъ ей.

Бесѣдовалъ я съ Константиномъ Степановичемъ [4]). Повѣрьте, я очень скорблю о моей медленности по нѣкоторымъ дѣламъ, но по немощамъ и мѣстнымъ неизбѣжнымъ дѣламъ не умѣю быть исправнѣе. Желаю и постараюсь.

---

[4]) Сербиновичемъ, правителемъ канцеляріи графа Протасова.

Усердно призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

вашего сіятельства милостиваго государя и благодѣтеля

покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. Московскій.

Въ Москвѣ. Августа 22-го 1855

Относительно дарохранительницы, принесенной отъ Московскаго духовенства въ Успенскій соборъ, не излишнимъ считаю сообщить вашему сіятельству свѣдѣніе о ходѣ сего дѣла. Мысль пришла мнѣ. Я сообщилъ ее старшему духовенству и благочиннымъ и спросилъ, желаютъ ли, чтобы она исполнена была отъ общаго нашего имени, отъ имени Московскаго духовенства? Они обрадовались и изъявили жаркое желаніе. Я отвѣчалъ, что сего для меня довольно: мнѣ только и нужно было узнать общее желаніе; о средствахъ исполнить оное—моя забота; пусть узнаютъ о семъ прочіе и присоединятся къ сему желанію, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Такъ поступилъ я, и не открылъ подписки для приношеній и не принялъ никакихъ приношеній (хотя совершенно увѣренъ былъ въ готовности на сіе духовенства мнѣ ввѣреннаго) по той причинѣ, что сомнѣвался, имѣю ли право открыть подписку и принять приношенія безъ высочайшаго разрѣшенія, а разрѣшенія испрашивать не было уже времени. Мысль мнѣ пришла нерано, и едва оставалось довольно времени для работы, и я получилъ дарохранительницу отъ мастера уже 20-го дня, почему ранѣе 21-го и всеподданнѣйшаго письма не могъ представить. Но, видно, Богъ благословилъ наше смиренное желаніе, и сердце царево отверзлось къ намъ такъ милостиво, какъ не дерзали мы помышлять. Завтра, въ день святителя Петра, располагагаюсь въ соборѣ принести Господу Богу благодарственное моленіе за милостивое царское слово Московскому духовенству.

(Оба эти письма, какъ А. Н. Муравьева, такъ и митрополита Филарета, напечатаны съ подлинниковъ, сохранившихся въ бумагахъ покойнаго К. С. Сербиновича).

ПОЛУЗАБЫТЫЯ ЧЕРТЫ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

Напечатанныя ниже записки, Французская и четыре Русскія, о положеніи дѣлъ въ Босніи, Сербіи и Черногоріи въ 1850—1852 годахъ, служили отвѣтомъ на запросы одной высоко-поставленной особы. Запискамъ предпосылается нѣсколько объяснительныхъ выдержекъ изъ частныхъ писемъ однаго путешественника. Многія лица, названныя или не названныя, уже кончили свое земное поприще; но сами писавшіе живы, и по нѣкоторымъ уважительнымъ причинамъ не желательно оглашать имена ихъ. Все это было писано подъ впечатлѣніемъ минуты, и многое, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрно; но въ это самое время уже готовились роковыя происшествія 1854 и 1855 годовъ и чувствовалось, такъ сказать, электричество въ воздухѣ.

Въ 1849 году, какъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, Россія много способствовала *къ обузданію дикихъ страстей* цивилизованныхъ Европейцевъ и тѣмъ самымъ возбудила ихъ ненависть; а въ тоже время нравственная ея сила, сила крѣпкаго единства между Государемъ и народомъ, зародила какую-то *глухую зависть* въ правительствахъ, и въ тѣхъ, кому она протянула руку помощи, стало проявляться чувство малодушнаго, самолюбиваго раздраженія, которое выразилось неблагодарностью и кознями противъ Россіи, записанными на страницахъ Всеобщей Исторіи.

Но не одно вмѣшательство Россіи въ дѣла революцій 1848 года поставлялось ей въ укоръ: ей не прощали участія въ дѣлахъ восточныхъ христіанъ, принятаго ею въ 1828 и 1829 годахъ и имѣвшаго послѣдствіями освобожденіе Греціи и устройство Сербіи и Молдо-валахіи. Та моральная (хотя безнравственная) работа клеветы и раздраженія противъ Россіи, которая, особенно въ Англіи, довела до Крымской войны, началась уже давно и велась неутомимо.

ИЗЪ ВѢНСКИХЪ ПИСЕМЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(Съ Французскихъ подлинниковъ).

1849 ГОДЪ.

1.

Вѣна, Апрѣль 1849.

Что̀ сказать вамъ о томъ, что̀ здѣсь происходитъ? Изъ газетъ вы знаете, что въ Венгріи замѣнили Виндишгреца Вельденомъ, дабы оживить тамошнія дѣла. Вѣна перестала веселиться, торговли почти нѣтъ, монета исчезаетъ, и бумажка въ гульденъ надрывается, чтобы удовлетворить потребностямъ денежнаго обращенія *). Мѣстные жители говорятъ, что настроеніе умовъ къ Вѣнѣ нехорошо; что̀

*) Непереводимая игра словъ: les assignats d'un florin sont obligés de se mettre en quatre pour suffir aux besoins de la circulation. Тогда вошло въ обычай рвать на четыре клочка ассигнацію въ одинъ гульденъ, чтобы, вмѣсто размѣнныхъ крейцеровъ, которыхъ не было, заплатить четверть гульдена.

касается до меня, то я еще ума не замѣтилъ. Кажется, что умы вредные готовы были проявить себя чрезъ посредство красныхъ галстуковъ. По счастію и благодаря энергіи генерала Вельдена, они усмирены прокламаціею. Однако смотрятъ сквозь пальцы на остроконечныя шляпы съ длинными лентами. Эти шляпы, какъ увѣряютъ, весьма неблагонамѣренны; впрочимъ они слишкомъ безобразны, чтобы отъ нихъ ждать чего либо радикальнаго.—Вотъ всѣ политическія новости, какія могу сообщить вамъ въ эту минуту. Въ слѣдующій разъ постараюсь для вашего любопытства разузнать о какой нибудь Славянской сплетнѣ.

2.

13 (25) Мая.

Въ письмѣ отъ 25 Апрѣля вы говорите о пораженіи имперскихъ войскъ и о томъ, что мнѣ, пожалуй, придется покинуть Вѣну раньше, нежели я думалъ. Не постигаю, гдѣ вы сыскали такое извѣстіе. Австрійская армія вовсе не была разбита, и по очень простой причинѣ: она вовсе и не билась. Напротивъ, въ стычкахъ и аванпостныхъ дѣлахъ, имперцы и особливо Іелачичъ, который былъ всѣхъ дѣятельнѣе, всегда одерживали верхъ. Если они покинули Пештъ, то это потому, что Вельденъ вздумалъ дѣйствовать совсѣмъ не такъ какъ Виндишгрецъ, и отступилъ съ цѣлью занять болѣе сосредоточенное положеніе. Бана же Іелачича посылали на Югъ для огражденія Сербовъ, которые передъ тѣмъ оставались беззащитны и даже безоружны и отданы были въ жертву шайкамъ Перцеля. Мнѣ кажется, что Вельденъ плачется только потому, что ему хочется представить положеніе дѣлъ болѣе опаснымъ, нежели оно на самомъ дѣлѣ, чтобы потомъ было ему чѣмъ похвалиться. Отправленіемъ Іелачича на Югъ датся поводъ думать, что Вѣнѣ не грозила опасность: въ критическія минуты не ослабляютъ арміи и не отдѣляютъ отъ нея корпуса тысячь въ 8-мь или 10-ть. И такъ, намъ не пришлось развлечь нашу скуку даже и страхомъ. Дѣла Кошута должно быть плохи, потому что молодые и блистательные Венгерцы начинаютъ во множествѣ поступать въ имперскія войска: точно мыши, покидающія домъ, передъ тѣмъ какъ ему рухнуть.

3.

28 Мая (9 Іюня).

Посылаю вамъ карту Венгріи, самую лучшую, какую можно имѣть въ этомъ размѣрѣ. По ней слѣдимъ мы за операціями, или вѣрнѣе за перемѣнами позицій, потому что до сихъ поръ Австрійская армія только переходила съ одной позиціи на другую; мы же дѣлаемъ больше чѣмъ дѣлалъ Геркулесъ въ баснѣ, отправляясь помогать Австрійцамъ, въ то время какъ они сами себѣ не помогаютъ. Вотъ уже два мѣсяца, имѣя армію въ 60 т. человѣкъ подъ Пресбургомъ и 12 тысячный гарнизонъ здѣсь, они продолжаютъ кричать, что Вѣнѣ не удержаться и что монархіи грозитъ опасность. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ обывателей повѣрили и со страху уложились въ дорогу.

Между тѣмъ происходятъ здѣсь любопытныя дѣла. Нѣсколько дней назадъ, арестовали двоихъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ за то, что они по почтѣ переписывались съ мятежниками! Недавно вывѣсили прокламацію объ одномъ аптекарѣ, обвиняемомъ въ томъ, что у него спрятано было оружіе, что онъ имѣлъ бюстъ Кошута, увѣнчанный и убранный знаками королевской власти и наконецъ въ томъ, что у него найдена статуетка, изображающая Елачича повѣшаннаго за шею на веревкѣ, окрашенной Нѣмецкими государственными цвѣтами. Аптекарь былъ приговоренъ къ смерти, но правительство помиловало его и осудило на 8-ми лѣтнюю каторжную работу, потому что доносчикъ не руководился чувствомъ патріотизма и обвинилъ аптекаря лишь изъ побужденій личной мести. Какъ вамъ нравится этотъ Соломоновъ судъ? Вотъ правительство, за которое станемъ мы сражаться! Не будь Сербовъ и Кроатовъ, ей-ей мнѣ было бы жаль крови, которая прольется.

4.

4 (16) Іюня.

...Что̀ касается до плохихъ вѣстей, которыя васъ безпокоятъ, я не постигаю, откуда они къ вамъ приходятъ. Мы въ Вѣнѣ совершенно спокойны, и если Австрійскимъ войскамъ пріятно, что въ Венгріи ихъ щиплятъ по мелочамъ, въ неважныхъ стычкахъ, если это оскорбительно для славы ихъ оружія, то все это не имѣетъ никакого значенія по отношенію къ общему исходу кампаніи, который несомнителенъ, съ той минуты какъ мы приняли въ ней участіе. Это не болѣе, какъ дѣло времени.

5.

13 (25) Іюня.

..... Берусь опять за перо, чтобы сообщить вамъ о небольшомъ успѣхѣ имперскихъ войскъ, или вѣрнѣе нашихъ войскъ. 21-го Гёрги переправился черезъ Вагъ, съ 30 т. человѣкъ и 80 пушками и двинулся изъ Чумы на Кираликевъ, Педеретъ и Щелье, откуда долженъ былъ уходить корпусъ Вольгемута, пока не пришла къ нему на помощь Русская дивизія Панютина, находившаяся въ окрестностяхъ Діочеса, въ резервѣ. Полки наши двинулись, взяли сперва Педередъ и потомъ, съ подошедшими остальными дивизіями этого корпуса, овладѣли всѣми позиціями праваго берега, такъ что Гёрги долженъ былъ перебраться обратно за Вагъ. Дѣло неважное по послѣдствіямъ, но тутъ Русскіе дѣйствовали первый разъ, и кажется, что храбрость ихъ произвела сильное впечатлѣніе.

6.

1 (13) Іюля.

...Я забылъ сказать вамъ о моей поѣздкѣ въ Пресбургъ съ Бергомъ. Она была вовсе незанимательна, такъ какъ дѣла̀ тогда еще не начинались. Помню только, что мнѣ пришлось быть на мерз-

комъ обѣдѣ, посреди людей самыхъ скучныхъ и по видимому въ одно и тоже время и лживыхъ, и нерасположенныхъ къ намъ. У меня осталось такое впечатлѣніе, что коль скоро дьяволъ есть отецъ лжи, то Австрійскіе чиновники воспріемники оной (les parrains). Я это замѣтилъ, читая ихъ бюллетени, въ которыхъ они, распространяясь о великихъ, Гомерическихъ подвигахъ своихъ войскъ, едва упоминаютъ о Панютинѣ; а тотъ два раза (при Педередѣ и особливо при Гиркали) спасъ два корпуса Австрійской арміи. — Я радъ покинуть эту страну и отправиться дальше, въ страну солнца и веселонравія. Слѣдующее письмо напишу вамъ изъ Италіи.

На возвратномъ пути тотъ же путешественникъ останавливался въ Вѣнѣ уже по окончаніи Венгерской кампаніи. Между тѣмъ сдѣлалось извѣстно, что Венгерцы, мстя Сербамъ за то, что они защищали Австрійскій престолъ противъ возстанія Кошута, разорили множество православныхъ Сербскихъ церквей на военной границѣ. Въ Москвѣ и Петербургѣ составлялась подписка и шли разные сборы для пересылки нашимъ единовѣрцамъ разной церковной утвари, книгъ и ризницъ. Со стороны Русскихъ отношенія были самыя теплыя и искреннія. Православное населеніе Австріи, доказавъ на дѣлѣ непоколебимую вѣрность Австрійскому императору, считало себя въ правѣ открыто и безбоязненно заявлять благодарность свою тому Государю и тому народу, которые въ минуту опасности протянули имъ руку помощи. Но Россія, единокровная и единовѣрная, не совсѣмъ приходилась пó-сердцу Вѣнскимъ Нѣмцамъ. Тѣмъ временемъ въ Турціи начинались волненія, въ Черногоріи говорили о разстроенномъ здоровьи Владыки, Германія бѣсновалась во Франкфуртѣ подъ предлогомъ своего единства, и была партія, желавшая видѣть во главѣ возстановленной имперіи одного изъ членовъ Габсбургскаго дома.

1850 ГОДЪ.

7.

Вѣна, 10 (22) Января 1850.

Трое сутокъ разыскивалъ я архимандрита, которому вы желаете передать священныя одежды для ограбленныхъ Венгерцами церквей и наконецъ встрѣтилъ его въ канцеляріи нашего посольства; но я не имѣлъ возможности побесѣдовать съ нимъ, и потому ничего не скажу вамъ про него. Съ Карловацкимъ же патріархомъ я познакомился еще въ первый мой пріѣздъ сюда. Теперь его нѣтъ. Онъ человѣкъ всегда бывшій ниже той роли, которую ему назначали обстоятельства. Самолюбіе внушило ему зависть къ Стратимировичу (во время первыхъ успѣховъ сего послѣдняго); онъ хотѣлъ даже арестовать его и предать суду; а во время бѣдствій 1849 года онъ не обнаружилъ никакой твердости. Онъ дошелъ до того, что всѣ его презираютъ. Это полная ничтожность. Онъ только и дѣлаетъ, что играетъ въ карты, которыя всегда были любимымъ его занятіемъ.

Вы желаете, чтобъ я разсказалъ вамъ о Менсдорфѣ *). Не могу сказать ничего положительнаго, такъ какъ никогда не видалъ его.

---

*) Менсдорфъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ въ 1852 и 1853 годахъ, а въ 1863 году командовалъ во Галиціи, гдѣ смотрѣлъ сквозь пальцы на вербовки въ Польскія шайки противъ Россіи.

Это очень молодой и храбрый офицеръ. Когда шла рѣчь объ его назначеніи, о немъ отзывались въ публикѣ, какъ о самомъ отличномъ и смышленомъ человѣкѣ. Позднѣе, послѣ его ошибокъ въ Голштиніи, стали оправдывать его молодостью. Думаю, что время обнаружитъ въ немъ блестящую ничтожность, какъ часто бываетъ съ людьми, получившими знаменитость въ гостиныхъ.

8.

7 (19) Марта 1850.

Въ эту минуту городъ занятъ нашею нотою по Греческимъ дѣламъ (она имѣла чрезвычайный успѣхъ между всѣми, кого занимаетъ то что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ) и послѣдними Парижскими выборами. О Франціи безпокоятся, какъ будто бы сами находились въ положеніи вполнѣ надежномъ; а между тѣмъ Богъ вѣдаетъ, хорошо ли Австріи (т. е. монархіи) посреди всей этой розни началъ, которыя ее теребятъ. Молодой императоръ, опирающійся на армію, которая еще любитъ его, согласился подписать хартію въ надеждѣ, что она никогда не будетъ приведена въ исполненіе. Вокругъ него партія, титулующая себя аристократическою, съ княземъ Виндишгрецомъ во главѣ, которому угодно топорщиться и посредствомъ дворскихъ происковъ домогаться власти, вмѣсто того чтобъ добросовѣстно вести дѣла и образовать партію охранительную, сильную своею поземельной собственностью, великими именами и даже, если это здѣсь возможно, сильную талантами, партію, которая могла бы служить преградою демократическому началу. А между тѣмъ сіе послѣднее ежедневно даетъ себя знать въ декретахъ яко бы отвѣтственныхъ министровъ народнымъ собраніямъ (по всему вѣроятію не имѣющимъ никогда состояться); министры же пользуются отвѣтственностью для достиженія своихъ цѣлей; а эти цѣли вѣроятно не далеки отъ тѣхъ, которыя они имѣли съ самаго начала, по крайней мѣрѣ отъ цѣли умнѣйшаго изъ нихъ, Баха, оставившаго службу 8 Іюля, когда и министерство Пиллерсдорфа казалось недавольно революціоннымъ.

Между тѣмъ въ Богеміи этими декретами отмѣнили разныя феодальныя повинности и на мѣсто ихъ дали учрежденія, въ слѣдствіе которыхъ крестьянинъ платитъ въ казну вдвое больше, чѣмъ онъ платилъ прежнему владѣльцу, этотъ же тѣмъ не менѣе разоренъ, и оттого естественно всѣ недовольны. Въ Венгріи преслѣдуютъ старую, неизмѣнявшую престолу охранительную партію подъ тѣмъ предлогомъ, что своимъ мирнымъ противорѣчіемъ она служитъ помѣхою дѣйствіямъ правительства, а въ Сербіи Мейергоферъ обращается съ членами комитета, оказавшаго первое сопротивленіе Кошуту, какъ съ бунтовщиками, между тѣмъ какъ это сопротивленіе началось нѣсколько мѣсяцевъ раньше, нежели у Кроатовъ, а безъ того Октябрскіе подвиги Бана были бы не возможны. Кабинетъ показываетъ видъ, что онъ цѣнитъ одного только Елачича; тѣмъ не менѣе онъ ставитъ его въ двусмысленное положеніе, не исполняя обѣщаній, данныхъ Кроатамъ, такъ что Елачичу нельзя

возвратиться въ Аграмъ, гдѣ уже начинаютъ недоумѣвать, чтò онъ такое, жертва или орудіе правительства, ненавидящаго Славянъ за то, что они оказали ему услугу. Наконецъ, чтобы довершить изъявленія благодарности, военное министерство взыскиваетъ съ Бана суммы, которыя онъ издержалъ въ первый свой походъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что представленные имъ отчеты не въ порядкѣ. Для довершенія благополучія, армія считаетъ въ средѣ своей 40 тысячь гонведовъ, и въ Итальянскихъ войскахъ (которыя лучше другихъ) эти солдаты изъ богатыхъ Венгерцевъ живутъ на широкую ногу и даютъ своимъ офицерамъ роскошные обѣды, на которыхъ конечно насыщаютъ ихъ трюфлями и добрыми началами *).

Вотъ картина, представляющаяся глазамъ моимъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался, чтò и вѣроятно, такъ какъ я здѣсь проѣздомъ и не въ силахъ быть храднокровнымъ наблюдателемъ. Непослѣдовательность однако очевидна. 4 Марта праздновали въ церкви св. Стефана годовщину пожалованной конституціи (уступка либеральной партіи); но императоръ (въ угоду охранительной партіи) не пріѣхалъ на торжество въ честь хартіи, которую онъ самъ далъ. Однако министерство присутствовало. Глупость ли это, или желаніе показать, что оно отдѣляетъ себя отъ партіи дворской и монархической? Непослѣдовательность или двуличіе, во всякомъ случаѣ дѣло не совсѣмъ хорошее.

9.

7 (19) Марта, съ курьеромъ.

Я имѣлъ здѣсь случай узнать и оцѣнить барона Мейндорфа. Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, самыхъ любезныхъ и симпатическихъ людей, и чтò всего лучше, это Нѣмецъ самый Русскій. Чтò касается до Славянскихъ дѣлъ, о которыхъ вы мнѣ пишете, я уже давно собирался поговорить о нихъ; но чтò прикажете сказать вамъ о томъ, чѣмъ здѣсь никто не занимается? Жители Вѣны не хотятъ и знать про Славянъ, потому что Славяне спасли ихъ, и если о нихъ вспомнить, то придется подумать о благодарности, а благодарность не въ обычаѣ у Австрійцевъ. Однако я познакомился съ нѣкоторыми Сербами изъ Баната (изъ Славянъ они одни мнѣ по душѣ). Видàю ихъ иногда, но трудно съ ними сблизиться и вызвать на откровенность. Здѣшніе Русскіе чуждаются и боятся ихъ, въ особенности Стратимировича, котораго я ближе знаю.

10.

23 Марта (4 Апрѣля).

Вотъ новость для васъ несомнѣнно-любопытная. Елачичь женится на графинѣ Штокау. Ей 17, ему 49. Къ подвигамъ муже-

---

*) Съ тѣхъ поръ Венгерскіе гонведы, составлявшіе армію мятежа, еще болѣе пошли въ гору. Вдовамъ убитыхъ во время возстанія назначены пенсіи, а Сербы военной границы, спасшіе престолъ своею кровью, распредѣлены по полкамъ и отданы въ распоряженіе Венгерцевъ. Даже въ среднихъ школахъ запрещено преподаваніе на Сербскомъ языкѣ.

ства, оказаннымъ съ 1848 года, присоединяетъ онъ еще и этотъ *). Третьяго дня былъ большой парадъ и раздача крестовъ Маріи Терезіи. Стратимировичь не получилъ креста; за то дали его Мейергоферу, находившемуся во время войны въ Бѣлградѣ.

11.

Апрѣль 1850.

Нынѣшнюю ночь, послѣ пасхальной службы, я разгавливался у Оболенскихъ, вмѣстѣ съ нашею малочисленною Русскою колоніею. Тутъ я видѣлъ генерала Юрьевича, двухъ-трехъ Сербовъ, въ числѣ ихъ Михаила Обреновича и поэта Вука Стефановича. Завтра или послѣ завтра посылаю вамъ подробности о Сербіи. Ихъ повезетъ Соболевскій, который также былъ на розговѣнахъ у Оболенскихъ и конечно потѣшалъ насъ. Онъ разсказываетъ про Нѣмцевъ невѣроятныя исторіи. Разъ, на Пратерѣ, подошелъ къ намъ нищій, похожій скорѣе на убійцу, нежели на бѣдняка. Къ удивленію моему, Соболевскій подаетъ ему милостыню и, обращаясь ко мнѣ, замѣчаетъ: „А можетъ быть, онъ какого нибудь Нѣмца зарѣзалъ!" Остроты Соболевскаго всегда неожиданны. Онъ пробылъ здѣсь нѣсколько дней и служилъ мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ въ скучномъ однообразіи здѣшней жизни.

12.

21 Мая.

Ящики отъ Закревскаго **) пришли офиціальнымъ путемъ черезъ Штетинъ. Слѣдовательно мнѣ нечего было о нихъ заботиться. Вѣроятно наше посольство передастъ ихъ Австрійскому министерству для доставленія по принадлежности. Ваши сборы принесли пользу, потому что, послѣ депеши объ отправленіи этого транспорта изъ Москвы, здѣшнее правительство приказало дать разореннымъ Сербскимъ церквамъ полмилліона гульденовъ. Правда, что деньги эти взяты въ Трансильваніи съ Греко-уніатскихъ церквей; стало быть, правительство нисколько не потратилось.

13.

11 Іюня 1850.

Я не говорилъ вамъ о распоряженіяхъ касательно католической церкви, потому что не было курьеровъ, а по почтѣ нельзя было

---

*) Бракъ былъ очень счастливый, но счастіе было непродолжительно. Смерть маленькой дочери сильно подѣйствовала на здоровье Іелачича. Политическія непріятности, неблагодарность Кроатовъ и фальшивое положеніе отъ того проистекавшее, довели его нервы до такого состоянія, что можно было ожидать умопомѣшательства. Смерть скоро прекратила его страданія.

**) Съ утварью, иконами и ризами, собранными въ Москвѣ. Сборъ этотъ былъ начатъ нѣсколькими дамами въ Петербургѣ.

описывать, до какой степени общественное мнѣніе, не исключая и арміи, возстало противъ правительства. Негодовали въ особенности на уничтоженіе эдикта, изданнаго Іосифомъ II-мъ и воспрещавшаго епископамъ сноситься непосредственно съ папою. Вы знаете, какъ трудно добиться, чтобы Римскій дворъ переписывался съ духовенствомъ лишь черезъ министерство. Непостижимо, за чѣмъ правительство, безъ всякаго повода и добровольно, сдѣлало эту уступку. Даже и я, привыкшій къ здѣшнимъ нелѣпостямъ, былъ изумленъ. Въ тоже время возстановлена Іезуитская колонія въ Грацѣ, а графъ Тунъ *), подъ вліяніемъ своей мачихи, слушается Іезуитовъ. Славяне увидѣли въ этомъ умноженіе власти католическаго духовенства и опасность для православной вѣры. Такимъ образомъ неудовольствіе было всеобщее.

14.

2 (14) Іюля 1850.

Благодаря нелѣпостямъ единой Германіи, коей части того и ждутъ, чтобы вцѣпиться другъ другу въ волосы, финансовая паника до того здѣсь усилилась, что купцы ничего не хотятъ продавать: такъ они боятся, чтобы ассигнаціи не дошли, по выраженію графа Генриха Ржевусскаго, до настоящей ихъ цѣнности. Что̀ касается до политики, то новостей никакихъ не имѣется, кромѣ неполныхъ и противорѣчивыхъ извѣстій о возмущеніяхъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Турціи. Отставка Гайнау, которой бы я обрадовался въ прошедшемъ году, теперь не произвела во мнѣ почти никакого впечатлѣнія. Какъ видно, онъ не слушался приказовъ изъ министерства и отзывался дурно о Бахѣ; но окончательно погубилъ онъ себя тѣмъ, что началъ столь же усердно прощать, какъ въ прошедшемъ году вѣшалъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Вѣнѣ почитали его героемъ, а теперь увѣряютъ, будто онъ беретъ взятки съ тѣхъ, кто получаетъ отъ него прощеніе. Стало быть благодарностью равно отличаются и Австрійское правительство, и народонаселеніе, имѣющее счастіе находиться подъ его властью.... Итальянцамъ даютъ больше, нежели они желаютъ, не смотря на то, что они возмущались; а вѣрнымъ Сербамъ во всемъ отказываютъ. Ихъ стараются раздражить и довести до возстанія съ тою цѣлью, чтобы былъ предлогъ угнетать ихъ. Въ полкахъ, на всей военной границѣ, нѣтъ Славянина, имѣющаго Русскій орденъ; тѣмъ не менѣе одинъ изъ этихъ граничаръ говорилъ мнѣ: „Мы были бы счастливы, если бы императоръ Николай пожаловалъ насъ знаками отличія, которые такъ щедро розданы этимъ плюгавысъ Швабамъ, не умѣющихъ цѣнить оныхъ". Стратимировичу, напримѣръ, очень бы хотѣлось имѣть Русскій орденъ. Намедни Кламъ сказалъ при всѣхъ одному Французу, находящемуся въ Австрій-

*) Тогдашній министръ просвѣщенія. Онъ былъ родомъ Чехъ и первоначально дѣйствовалъ усердно въ пользу своего народа, но по слабодушію подчинился вліянію Іезуитовъ.

ской службѣ: „У меня два Русскихъ ордена, съ которыми я не знаю что̀ дѣлать. Не хотите ли я вамъ уступлю одинъ?" Французъ отклонилъ столь наглое предложеніе. И послѣ этого вы удивляетесь, что я чувствую отвращеніе ко всему что̀ здѣсь дѣлается.

*

Послѣ этихъ отрывковъ понятенъ смыслъ нижеслѣдующихъ строкъ изъ письма одного Австрійскаго Серба, писавшаго въ томъ же 1850 году: „Сербскій народъ, по своей природѣ, очень признателенъ, и вотъ почему, даже и въ самые тяжкія времена, въ минувшіе два года, когда сочувствовать Русскимъ было такъ опасно, Сербы не опасались выражать это сочувствіе и гордились имъ. Отъ благоденствія Россіи зависитъ и благоденствіе четырехъ миліоновъ православныхъ Сербовъ. Это каждому просвѣщенному Сербу извѣстно, и оттого-то, можетъ быть, насъ не любятъ".

О ПРАВОЛАВНЫХЪ ЕПИСКОПАХЪ ВЪ АВСТРІИ.

Вѣна, 15 Октября 1849.

Послѣднее время пребыванія Православныхъ епископовъ въ Вѣнѣ составляетъ значительную эпоху въ лѣтописяхъ здѣшней Православной церкви. Открылось явно, что здѣшнее министерство, призвавъ въ Вѣну Православныхъ епископовъ, имѣло въ виду: 1-е, поссорить ихъ между собою и, тѣмъ ослабивъ власть патріарха въ церкви, уронить и его вліяніе на всю страну вообще; 2-е, рѣшеніемъ дѣла епископа Платона *) съ патріархомъ, при предполагаемомъ раздѣленіи голосовъ, лишить Православную церковь нѣкоторыхъ привиллегій, а въ числѣ ихъ и права избирать и перемѣщать епископовъ съ согласія Синода. Святѣйшій патріархъ съ самаго начала предвидѣлъ, къ чему дѣло клонится, и вотъ причина, почему онъ сначала по видимому ничѣмъ здѣсь не занимался. Программою министерства предположено было всѣмъ епископамъ съ общаго согласія рѣшать предложенные вопросы, но едва они принялись за дѣло, какъ и разошлись въ голосахъ. Нельзя предполагать, чтобъ одно самолюбіе или недостатокъ дисциплины и уваженія къ патріарху были причиною ихъ разногласія. Нѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ, интересы епархій православныхъ, по политическому ихъ раздѣленію, различны. На примѣръ, другія постановленія имѣетъ Буковина, другія Воеводовина, другія Далмація. Какъ бы то ни было, но довольно было для министерства, что епископы разошлись въ голосахъ. Каждый епископъ сталъ подавать министерству свои голоса отдѣльно. Епископъ Шагуна искалъ совершеннаго отдѣленія отъ Сербской іерархіи. При такомъ разногласіи министерство принялось за дѣло Платона, предполагая, что теперь оно рѣшится въ пользу правительства. Надобно было, чтобъ патріархъ рѣшился на

*) Объ этомъ епископѣ, Платонѣ Атанацковичѣ, подробности находятся въ письмахъ его и Вука Караджича къ Н. И. Надеждину, въ Р. Архивѣ 1873 года.

что нибудь. Министерство дѣлаетъ ему разъ и два предложеніе помириться съ Платономъ. Патріархъ стоитъ въ своемъ мнѣніи, не хочетъ мириться иначе какъ пересмотрѣвши дѣло по канонамъ церкви. Дѣло пріостановилось. И та и другая сторона выжидали, что наскучитъ же другой сторонѣ это дѣло и она поддастся; но этого не случилось. Наконецъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, то чего не могли сдѣлать интригами захотѣли покончить силою. Министерство призываетъ къ себѣ патріарха и приказываетъ ему дѣло съ Платономъ покончить. Патріархъ отвѣчаетъ, что онъ радъ и хочетъ епископа Платона признать Бачскимъ епископомъ, но подъ условіемъ или чтобъ онъ письменно сознался въ своей несправедливости и принесъ церкви покаяніе, или чтобъ императоръ далъ обѣщаніе, что отселѣ правительство не будетъ мѣшаться болѣе въ наименованіе и перемѣщеніе Православныхъ епископовъ, безъ предварительнаго избранія и одобренія Синода. На первое условіе нельзя было согласиться министерству: значитъ, тогда оно покровительствовало епископу Платону не въ справедливомъ дѣлѣ. На второе не хотѣлось потому, что епископъ Православный—душа народа и, присвоивши себѣ избраніе своихъ епископовъ, правительство тогда могло бы какъ угодно управляться съ народомъ. Тутъ же просилъ патріархъ, чтобъ какъ условіе примиренія возвращены были ему епископомъ Платономъ и всѣ напечатанныя имъ противъ патріарха книги. Секретная же мысль патріарха при предложеніи двухъ вышепомянутыхъ условій примиренія была та, чтобъ въ послѣдствіи преградить епископу Платону путь къ занятію патріаршей каѳедры Православной церкви въ Австріи. Въ первомъ случаѣ помѣшаетъ ему добровольное письменное сознаніе, что нѣкогда онъ дѣйствовалъ противу правъ церкви и народа, во второмъ — избраніе Синодомъ, а не съ утвержденія правительства. Не зная, какъ отдѣлаться отъ этихъ условій, министерство рѣшилось дѣйствовать на патріарха страхомъ, если не силою. Дѣло поручено было графу Туну; тотъ призвалъ патріарха къ себѣ, и разговоръ между ними былъ достопамятенъ. Прежде графъ Тунъ спросилъ патріарха, почему онъ ничего не дѣлаетъ, не всегда же правительство будетъ имъ платить за пребываніе ихъ въ Вѣнѣ, что правительству это дорого, что пора рѣшить дѣло. Патріархъ отвѣчалъ, что онъ долженъ былъ заниматься дѣломъ по программѣ министерства, т. е. вмѣстѣ съ епископами и къ удивленію замѣтилъ послѣ, что, вопреки своей программѣ, министерство стало принимать отдѣльные голоса епископовъ. Ему не оставалось ничего болѣе, какъ молчать и дивиться, какъ могло министерство само идти противъ своихъ распоряженій и вмѣсто общаго согласія само раздѣлять епископовъ и потрясать отношенія ихъ къ патріарху. Что же касается до платы, то министерство ошибается: онъ не проситъ и не ожидаетъ отъ него денегъ; онъ пріѣхалъ сюда не какъ повѣренный, но какъ представитель народа, и народъ, какъ ни бѣденъ,—можетъ его содержать. Чтобы они не безпокоились о деньгахъ, онъ ихъ не принимаетъ. А надобно сказать, что патріархъ предвидѣлъ это и сколько разъ прежде ни присылали ему изъ министерства денегъ, онъ

всегда отвѣчалъ: послѣ, при концѣ разочтемся. Тогда графъ сталъ его укорять въ сношеніи съ Русскими, въ намѣреніяхъ противъ правительства, и т. п. Патріарха это огорчило особенно. „Не знаю, кто дольше и вѣрнѣе служилъ изъ насъ государю, отвѣчалъ между прочимъ патріархъ; когда я съ моими Сербами шелъ противу мятежныхъ Венгерцевъ, вы, графъ, были въ то время на Пражскомъ конгрессѣ". Наконецъ графъ сталъ его устрашать лишеніемъ мѣста, высылкою изъ Вѣны и т. п. Патріархъ отвѣчалъ, что онъ, идя къ нему, не ожидалъ встрѣтить такихъ рѣчей со стороны министра, что сегодня онъ министръ, а завтра просто графъ Тунъ; а патріархъ, и лишенный мѣста, останется патріархомъ. Съ горечью ушелъ онъ отъ графа Туна. — На другой день всѣ епископы приглашены были циркуляромъ явиться къ министру вѣроисповѣданій для совѣщанія о дѣлахъ церковныхъ. Патріархъ отвѣчалъ письменно, что онъ не можетъ явиться къ министру послѣ вчерашняго разговора. Это донесено было государю, и въ тотъ-же день былъ къ нему позванъ патріархъ на аудіенцію. Съ начала императоръ принялъ патріарха холодно и просилъ ему объяснить дѣло. Патріархъ объяснилъ, присовокупивъ: „Государь! лицемъ я стою предъ помазанникомъ, а одною ногою въ гробѣ. Вѣрою служилъ я тебѣ, и вѣрность моя не измѣнится до конца жизни. Что̀ я говорю тебѣ—справедливо, и вотъ пункты жалованныхъ грамотъ въ отношеніи церкви, по которымъ такъ и не иначе я долженъ былъ дѣйствовать". Императоръ смягчился, сказавъ, что онъ несправедливо извѣщенъ былъ объ этомъ дѣлѣ министерствомъ, и лично его разсмотритъ, и наконецъ сказалъ: „Прошу васъ кончить скорѣе дѣло съ епископомъ Платономъ и представить ваше мнѣніе на предложенные министерствомъ вопросы". — „Мнѣніе мое готово, отвѣчалъ патріархъ. Съ епископомъ Платономъ душевно готовъ кончить дѣло, но не могу, если то или другое условіе примиренія не будетъ принято. Твой я подданный, государь; ты можешь меня удалить отъ мѣста; я иду въ монастырь, но чего требуетъ благо церкви и народа, тѣмъ я не могу пожертвовать. Условія моего примиренія тебѣ, государь, извѣстны". На другой день мнѣніе патріарха на вопросы министерства за подписью еще двоихъ епископовъ, Карлштадскаго и Панкрацкаго, поднесены были министерству, и патріархъ получилъ отъ императора актъ, по которому избраніе и перемѣщеніе епископовъ впредь будетъ зависѣть совершенно отъ Синода, правительство же будетъ только подтверждать синодальное мнѣніе.

Такимъ образомъ, своимъ терпѣніемъ, твердостію и дальновидностію, патріархъ пріобрѣлъ для Православной церкви одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ ея свободы и самостоятельности; пріобрѣлъ тогда, какъ правительству нужно было болѣе и болѣе прибирать народъ къ своимъ рукамъ и менѣе давать ему частной самостоятельности; между тѣмъ какъ Римско-католическая церковь, самостоятельная, сильная, принятая правительствомъ какъ орудіе централизаціи государства, хотѣла раздробить все не-римское, испортить, ослабить,

и поглотить. И какой случай къ этому представлялся! Повидимому ничтожное дѣло епископа Платона. Но мудрый патріархъ предвидѣлъ, къ чему дѣло клонится, и тогда какъ многіе представляли его интриганомъ, слабымъ, капризнымъ старцемъ, поносили его, клеветали на него, онъ молчалъ, терпѣлъ и готовилъ народу дѣло, за которое едва ли теперь не болѣе долженъ почитать его народъ, чѣмъ за всѣ труды и подвиги во время бывшаго политическаго движенія Сербовъ. И народъ, который увидѣлъ теперь всю заботливость патріарха о своей церкви, не могъ отказать ему въ изліяніи своихъ чувствъ приверженности и надежды на него. Прежде еще я писалъ о встрѣчѣ, какую оказалъ ему народъ при возвращеніи его изъ Вѣны въ Карловацъ. Путь этотъ подлинно былъ торжественный. Народъ Сербскій хорошо понималъ, кого встрѣчалъ онъ, и за что встрѣчалъ такъ.

Теперь ожидаютъ утвержденія мнѣнія, предложеннаго святѣйшимъ патріархомъ министерству на счетъ устройства народныхъ школъ, консисторій, семинарій и состоянія духовенства. При настоящей перемѣнѣ системы Австрійскаго правительства трудно предположить, чтобы мнѣніе св. патріарха было принято какъ оно есть; но надѣются, что во многомъ оно будетъ утверждено. Первое за что̀ принялось правительство, это мнѣніе патріарха о уравненіи жалованья епископамъ, чтобъ они охотнѣе оставались на одномъ мѣстѣ и, не желая перемѣщеній, болѣе занимались своею паствою, чѣмъ вѣчными происками въ Вѣнѣ объ епархіяхъ. Я былъ такъ счастливъ, что могъ получить всѣ предложенія св. патріарха министерству, и переписываніе ихъ было причиною, что такъ долго не писалъ о здѣшнихъ дѣлахъ. Надѣюсь, что прилагаемые документы многимъ покажутся интересными.

Епископъ Платонъ, говорятъ, представилъ уже свои книги св. патріарху и отправляется на дняхъ въ Новый Садъ. Патріархъ разослалъ причтамъ Новосадской епархіи циркуляръ, въ которомъ признаетъ Платона ихъ епископомъ (снимая прежнее запрещеніе), и вѣроятно вскорѣ получитъ епископъ Платонъ и патріаршескую грамоту-сингелію.

ДѢЛА ЧЕРНОГОРСКІЯ.

9-го Ноября 1851. Вѣна.

19-го Октября 1851 года скончался владыка Черногорскій Петръ II-й Нѣгошъ. Происшествіе это произвело большое впечатлѣніе на всѣхъ Славянъ. Что̀ теперь будетъ съ Черногоріею? Кто будетъ владыкою? Останется власть въ однихъ рукахъ, или раздѣлится? Избранный умершимъ наслѣдникъ, Даніилъ Нѣгошъ, находится теперь въ Вѣнѣ, на пути въ Петербургъ. Это человѣкъ 25 лѣтъ съ природнымъ умомъ, но несвѣдущій въ дѣлахъ, не бывшій въ обращеніи съ людьми, не показавшій народу ни своего характера, ни своего удальства. Онъ можетъ быть владыкою; но еще нужно приготовиться, а въ настоящее время онъ не имѣетъ къ себѣ особенной довѣренности народа. Слѣдовательно, не смотря на волю по-

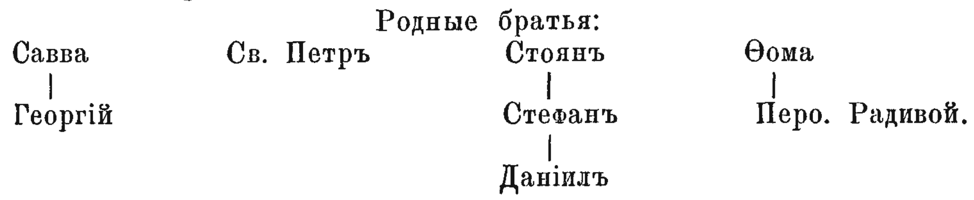
койнаго, наслѣдство Даніиломъ Нѣгошемъ княжеской власти въ Черногоріи можетъ быть вопросомъ. По завѣщанію покойнаго, какъ говорятъ Черногорцы и даже здѣшнія газеты, предсѣдателемъ Сената, до возвращенія Даніила изъ Петербурга, оставленъ старшій братъ умершаго Перо. Народъ не былъ доволенъ этимъ Перо еще при жизни владыки. Говорятъ, будто онъ бралъ съ народа взятки, и какъ только пришло сюда извѣстіе о смерти владыки, здѣсь говорили: „Едвали Перо теперь не уйдетъ изъ Черногоріи. Народъ давно винилъ его еще при жизни владыки за угнѣтеніе. Теперь, пожалуй, заставятъ его убраться. Это партія владыки, слѣдовательно партія не совсѣмъ благопріятная народу. Есть партія и противная, которая молчала при жизни владыки Петра II-го, а теперь можетъ поднять и едва ли не подниметъ голосъ".

Извѣстно, что еще Петромъ I-мъ (Нѣгошемъ или Святымъ) былъ посланъ въ Петербургъ, какъ наслѣдникъ, Георгій Нѣгошъ. Этотъ Георгій послѣ вступилъ въ Русскую службу и отказался отъ наслѣдства. И тогда посланъ былъ для посвященія въ Петербургъ Петръ II, нынѣ умершій, и сдѣлался владыкою. Въ послѣдствіи Георгій возвратился въ Черную Гору и сталъ жалѣть о томъ, чего лишился, но было уже поздно. Онъ остался сенаторомъ. При твердомъ правленіи умершаго владыки, Георгію нельзя было и выразить мысли о власти, но онъ всегда старался пріобрѣсти расположеніе народа въ военномъ отношеніи, ходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ походы, отличался въ бояхъ и пріобрѣлъ славу опытнаго, удалаго бойца. Въ народѣ съ восторгомъ разсказываютъ о разныхъ отважныхъ приключеніяхъ Георгія, о его смѣлости, хладнокровіи въ распоряженіяхъ и т. п. Не чужда народу мысль имѣть бы его и своимъ княземъ.

Георгію и хотѣлось бы быть владѣтелемъ Черногорскимъ, но не хочется, или по крайней мѣрѣ доселѣ не хотѣлось, быть владыкою. Отдѣлить владыку отъ князя—мысль несчастная для Черногоріи, но мысль эта тамъ не новая. Исторически это существовало до умершаго теперь владыки. Въ Черногоріи князья, когда переселялись въ Венецію, оставляли власть владыкамъ; но военный предводитель народа всегда существовалъ. Владыки Даніилъ и Петръ подлинно и сами находились иногда во главѣ народа во время походовъ, но болѣе какъ духовные, для воодушевленія народа. Послѣ воеводы приняли титулъ губернаторовъ, и разсказываютъ въ Черногоріи доселѣ, какъ губернаторъ Радоничъ приходилъ къ Св. Петру (не смотря на то, что народъ уважалъ и боялся Петра) требовать отъ него силою отчета въ народной казнѣ. Этотъ Радоничъ былъ губернаторомъ и при послѣднемъ владыкѣ, въ началѣ его владычества. Но послѣ владыка обвинилъ его въ сношеніи съ Австрійцами и выгналъ изъ Черногоріи, сдѣлавшись самъ единовластнымъ правителемъ. Вспомнимъ недавнюю исторію Вукотича и Вукичевича, какъ они изъ Россіи пришли въ Черную Гору. Первый былъ провозглашенъ предсѣдателемъ Сената, а другой вице-предсѣдателемъ. Они были потомки Радонича, и слѣдовательно не даромъ

съ такою радостію приняли ихъ Черногорцы. И такъ мысль о двойномъ начальствѣ еще свѣжа у Черногорцевъ. Можетъ быть, думаетъ воспользоваться этою мыслію и Георгій, оставивши тогда Даніила только духовнымъ владыкою. Увидимъ, что̀ скажутъ дальнѣйшія извѣстія.

Чтобъ пояснить отношенія всѣхъ лицъ, которыя стоятъ теперь во главѣ Черногорскаго народа, я нужнымъ считаю вкратцѣ показать ихъ родословіе.



Ѳома—отецъ умершаго теперь владыки, 96-ти лѣтъ, до сихъ поръ живъ и здоровъ.

Георгій назначенъ былъ наслѣдникомъ Св. Петра; но, уѣхавъ въ Петербургъ, вступилъ въ Русскую службу, и тогда назначенъ былъ наслѣдникомъ и посвященъ Радивой подъ именемъ Петра II-го.

Радивой, теперь умершій владыка, двоюродный братъ Георгія. Перо или Петръ, родной братъ теперь умершаго владыки, назначенный теперь президентомъ Сената.

Даніилъ, внукъ Св. Петра и племянникъ теперь умершаго, назначенъ настоящимъ наслѣдникомъ.

У Перо и Георгія нѣтъ сыновей.

*

Новаго изъ Черногоріи ничего доселѣ не слышно. По словамъ наслѣдника, раздоровъ ожидать нельзя. Могъ бы, говоритъ онъ, раздоръ учинить Перо, братъ умершаго владыки; онъ богатъ и честолюбивъ, но мало имѣетъ приверженниковъ. Про Георгія думаютъ, что онъ всегда останется миренъ. Особенно недоволенъ наслѣдникъ тестаментомъ умершаго на счетъ распредѣленія имущества. 50 т. гульденовъ онъ оставилъ и передалъ брату Перо. Перо имѣетъ только дочерей, слѣдовательно эти деньги разойдутся даромъ (а можетъ быть, не предвидѣлъ ли умершій, что Перо придется и оставить Черногорію). Процентами съ другихъ 75 т. пользуются родители умершаго, а послѣ ихъ смерти сумма предоставляется народу. Но мать владыки еще не стара, и можетъ быть лѣтъ черезъ 30 деньги достанутся народу. Только процентами съ Петербургскаго капитала пользуется наслѣдникъ, и изъ нихъ долженъ и народу помогать, и школы заводить, и церковь поддерживать, и порохъ покупать, и сенаторамъ и переникамъ платить; слѣдовательно, говоритъ онъ, одна надежда на Россію. Если она будетъ давать намъ, что̀ давала доселѣ, тогда ещѐ не будетъ плохо, а иначе мнѣ и дѣлать будетъ нечего въ Черногоріи.

Смерть владыки была замѣчательна. За часъ до смерти онъ всталъ съ постели, одѣлся и сталъ читать молитвы; послѣ сѣлъ

на постель, призвалъ сенаторовъ и сказалъ имъ: „Чувствую, что я умираю; живите мирно со всѣми, съ Турками, и особенно съ Австрійцами“. Потомъ сказалъ, что его духовное завѣщаніе у Русскаго консула Гагича. Брата Перо объявилъ онъ предсѣдателемъ Сената до возвращенія Даніила изъ Россіи. Потомъ легъ въ постель, перекрестился, и не прошло пяти минутъ какъ предалъ духъ свой Богу.

Находящійся здѣсь бывшій князь Сербскій Михаилъ Обреновичь пригласилъ 11-го Ноября всѣхъ находящихся здѣсь Славянъ, равно Австрійское министерство и Русское посольство, въ здѣшнюю Греческую церковь для слушанія панихиды по умершемъ владыкѣ.

*

Вѣна, 23 Ноября 1851.

Нынѣ избранный наслѣдникъ Черногорскаго владыки, получивъ подтвержденіе отъ Русскаго Императора, отправился изъ Вѣны въ Черногорію. Дай Богъ ему счастія и приведенія въ дѣйство тѣхъ прекрасныхъ намѣреній, которыя онъ выражалъ здѣсь въ кругу своихъ знакомыхъ. Дѣла человѣка открываются послѣ его смерти. Теперь и дѣла покойнаго яснѣе открылись, когда онъ умеръ. Но да судитъ ему Богъ, а не мы. Видно только, что церковь какъ была при немъ, такъ и осталась въ совершенномъ пренебреженіи; даже дѣло на счетъ наслѣдника не совсѣмъ чисто. За два года до смерти своей онъ назначилъ наслѣдника и когда этотъ умолялъ послать его куда либо для образованія, онъ оставлялъ его дома. Между тѣмъ проценты почти со всѣхъ народныхъ денегъ, даже пріобрѣтенныхъ за продажу нѣкоторыхъ предѣловъ Черногоріи, онъ оставилъ своимъ родственникамъ въ распоряженіе до ихъ смерти. Для чего это? Въ продолженіе 21 года своего владычества, онъ имѣлъ постоянную мысль оставить наслѣдство власти дому роднаго брата своего теперешняго президента Перо. Перо имѣлъ сына, и его послали въ Россію; онъ умеръ. Перо (неслыханное въ Черногоріи дѣло) бросилъ жену и женился на другой, но имѣлъ только дочерей. Умерла другая жена. Перо, не смотря на то, что первая жена была еще жива, женился на третьей; но отъ нея бывшія дѣти умерли въ младенчествѣ. Тогда уже назначенъ былъ наслѣдникомъ сынъ двоюроднаго брата, Даніилъ; но и тутъ (я не читалъ въ оригиналѣ духовнаго завѣщанія) говорятъ, не кроется ли что либо другое, потому что при прочтеніи духовнаго завѣщанія въ Цетиньѣ, вдругъ народъ съ общаго согласія избираетъ Перо господаремъ, а Даніила просто оставляетъ владыкою. Такъ случилось это по послѣднему извѣстію, и Даніилъ, подтвержденный Россіею, теперь долженъ былъ поскорѣе отправиться домой. Что̀ теперь будетъ въ Черногоріи? Признаютъ ли Черногорцы подтвержденіе Даніила Русскимъ дворомъ? Но теперь яснѣе открываются дѣйствія умершаго владыки, и сношенія его съ недоброжелателями Россіи, даже изъ Славянъ. Видно, что въ слѣдствіе сношеній его съ la jeune Serbie *), давно у него была мысль въ головѣ имѣть

*) Съ молодою Сербіей. Это—Сербскіе западники.

въ Черногоріи князя. Даже и ему, какъ теперь говорятъ, неоднократно предлагали Черногорцы жениться. (Въ Черногоріи, гдѣ 12-ти лѣтнихъ мальчиковъ, оженившихся на 8-ми лѣтнихъ дѣвицахъ, посвящали въ священники за частую, не странно бы было, пожалуй, женить и архіерея: до того дошла церковь). Видно, что съ этою цѣлію, онъ и оставилъ деньги своимъ роднымъ. Благая мысль Россіи—послать туда свѣдущаго человѣка для приведенія дѣлъ въ порядокъ. И выборъ хорошъ, но жаль, что онъ не палъ на генерала Левшина [1]), который знаетъ прекрасно всю Славянскую хитрость.

Имѣвши случай говорить съ лицами пріѣхавшими изъ Бѣлграда о настоящемъ положеніи Сербіи, замѣчаешь, что тамъ много зла въ настоящемъ правленіи. Много очень развелось умниковъ, пріѣхавшихъ изъ западныхъ странъ Европы или ознакомившихся съ нею фальшиво чрезъ пріѣзжихъ. Правитель ея слабъ, члены правительства интриганы. Едва ли не всякому самому хочется быть княземъ и, какъ сказалъ мнѣ находящійся теперь въ Вѣнѣ извѣстный г. воевода Вучичъ, только г. Левшину одолжена Сербія, что въ послѣднее время не было тамъ смятеній. Умѣлъ г. Левшинъ держать ихъ и заставить уважать и любить себя, чтò было видно особенно, когда провожали его изъ Бѣлграда: не только добромыслящая партія, но и противная, всѣ спѣшили изъявить ему чувство живѣйшей горести при разлукѣ. Сербы Бѣлградскіе, какъ народъ на половину просвѣщенный, возгордились мыслію, что они избраны спасти южное Славянство отъ рабства. Но нравственнаго основанія для этого нѣтъ. Нѣтъ ни истиннаго просвѣщенія, нѣтъ ни религіи въ сердцѣ, ни убѣжденія въ душѣ. Простой народъ хорошъ, ноего портятъ чиновники, приверженцы той или другой партіи, такъ что народъ не знаетъ, кого слушать и кому вѣрить. Духовенство и монашество, особенно молодое, страдаетъ безвѣріемъ и колеблетъ такимъ образомъ уваженіе и къ себѣ, и къ религіи [2]). Чтò можетъ подумать народъ о святости религіи, о благословеніи своихъ пастырей, когда видитъ, что монахи, архимандриты, умныя головы, осмѣливаются завтракать предъ совершеніемъ литургіи? И это почитается просвѣщеніемъ, и на такихъ началахъ не только хочетъ устоять, но даже и другихъ возставить Сербія! Чтò такое постъ, чтò благословеніе въ службѣ—это наставниками вѣры забыто, и свято только въ простомъ народѣ. Г-нъ Левшинъ, какъ истинный православный Русскій, много дѣйствовалъ на нихъ своимъ примѣромъ. Объ этомъ всегда именно говорили сюда пріѣзжавшіе. Стыдъ заставлялъ Бѣлградцевъ и чаще ходить въ церковь, и лучше наблюдать ея постановленія; а простой народъ съ радостію указывалъ на это и своимъ умникамъ. Теперь же трудно надѣяться, чтобы это удержалось въ Бѣлградѣ.

---

[1]) Дмитрія Сергѣевича Левшина, консула въ Бѣлградѣ, впослѣдствіи попечителя Московскаго университета.

[2]) За то, что нынѣшній митрополитъ Михаилъ отстаиваетъ вѣрованія и правила Православной церкви, про него безпрестанно распространяется разная клевета передовою партіею Сербовъ.

Ложное просвѣщеніе входитъ пространными вратами при слабомъ правителѣ, при интригахъ совѣтниковъ. Благочестіе падаетъ, нравы растлѣваются, и отъ броженія до безпокойства недалеко: тогда худо будетъ Сербамъ. Худо, что они отвращаютъ очи свои отъ Россіи и увлекаются мечтами Ципріяновъ Роберовъ, Депре и др.

Видно, что въ послѣднее время и умершій Черногорскій владыка былъ на сторонѣ молодой Сербіи подъ вліяніемъ Гарашанина; видны были въ немъ въ послѣднее время особенная холодность къ Русскимъ, стремленіе къ независимости и совершенной самостоятельности. Онъ мечталъ только о Черногорскомъ княжествѣ, искалъ и въ Сербіи и въ Австріи пушекъ, сносился безпрестанно чрезъ Гарашанина съ Сербскимъ правительствомъ и неоднократно получалъ отъ него значительныя денежныя пособія. Мнѣ говорили люди этой партіи, что вліяніе ихъ на Боснію и Герцоговину велико. Жаль, если и тамъ водворится такое же направленіе, какое мы видимъ теперь въ молодыхъ умникахъ. Оно явится народу подъ именемъ свободы и образованія, а остановить его некому. Нѣтъ тамъ, не смотря на слезную просьбу жителей тѣхъ странъ, ни Русскихъ консуловъ, ни духовенства воспитаннаго въ истинномъ духѣ Православія и пользы народной. Пишутъ мнѣ изъ Герцеговины на сихъ дняхъ, что состояніе раи тамъ нимало не улучшилось: на словахъ обѣщаютъ много, но на дѣлѣ прежнее самоуправство. Многіе изъ недовольныхъ настоящими распоряженіями бѣжали въ лѣса и грабятъ окрестные селенія и монастыри. Порядку еще долго не водвориться.

Въ Карловцѣ, въ домѣ патріарха *), собрался теперь Синодъ для избранія епископовъ на вакатныя мѣста; но что̀ и какъ дѣлается, ничего не слышно. Кромѣ избранія епископовъ занимаются, говорятъ, и разсмотрѣніемъ вопросовъ предложенныхъ министерствомъ въ Вѣнѣ. Министерству хотѣлось, чтобы и Синодъ былъ держанъ въ Вѣнѣ; но патріархъ, боясь новыхъ смутъ и интригъ, не согласился на это. Ему всегда хотѣлось, чтобъ Синодъ былъ держанъ въ Карловцѣ, гдѣ онъ свободнѣе и въ кругу своихъ. Такъ и случилось.

Г. Майергоферъ, мѣсяца два тому, удаленъ отъ управленія воеводствомъ, а на мѣсто его назначенъ генералъ Коронини. Слышно, что этимъ Коронини всѣ очень довольны: человѣкъ строгій, но справедливый, а главное безпристрастный къ народностямъ. Патріархъ съ Коронини живутъ въ добромъ согласіи.

Изъ Моравіи и отъ Славаковъ идутъ слухи, что тамъ между духовными показывается движеніе въ пользу Православной церкви. Многіе будто изъ Римскихъ священниковъ просили патріарха о присоединеніи ихъ къ Православію и что прелаты Римскіе сильно вооружаются противъ этого движенія и двигателей.

---

*) Іосифъ Раячича, о которомъ разсказано выше.

*

15 (27) Генваря 1852.

Дѣло о наслѣдникѣ Черногорскомъ до сихъ поръ не рѣшено со стороны Черногорскаго народа. Думая, что оно рѣшится съ пріѣздомъ Даніила въ Черную Гору въ его пользу, я не писалъ объ немъ обстоятельно; но теперь, когда оно стало предметомъ вопроса, хотя и въ худую сторону, я почитаю нужнымъ объяснить по возможности обстоятельнѣе ходъ его. Когда умеръ владыка, отсюда посланъ былъ одинъ чиновникъ для приведенія въ исполненіе духовной покойнаго. Какъ это дѣлалось, мнѣ неизвѣстно; только къ удивленію всѣхъ приходятъ сюда свѣдѣнія, что братъ покойнаго Перо избранъ и провозглашенъ былъ отъ народа господаремъ Черногорскимъ, и просилъ, какъ господарь, послать Даніила, который въ это время жилъ въ Вѣнѣ, въ Петербургъ, для обученія, съ тѣмъ, что когда онъ Перо найдетъ его достойнымъ быть епископомъ, то будетъ просить Русское правительство о посвященіи его въ этотъ санъ. Всѣ здѣсь поняли ясно, что Перо не хочетъ слѣдовать завѣщанію покойнаго, что интригами и оставшимися ему деньгами заставилъ онъ себя провозгласить господаремъ. Въ то время пришло изъ Петербурга утвержденіе Даніила въ качествѣ Черногорскаго владыки. Тутъ бы нужно было Даніилу, кажется, остаться въ Вѣнѣ подождать чиновника, пока онъ возвратится изъ Черногоріи и, слыша что̀ дѣлается тамъ, даже подождать другаго, который за этимъ дѣломъ отправляется туда изъ Россіи; но этого не было. Даніилъ уѣхалъ, и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ что̀ будетъ изъ его пріѣзда. Вскорѣ пошли слухи, что Даніилъ худо принятъ въ Черногоріи, что Перо поселился въ покояхъ господаря, не хочетъ принять Даніила господаремъ, имѣетъ на то другое завѣщаніе и собственноручныя письма покойнаго, что у Перо родился теперь сынъ, котораго онъ послѣ хочетъ назначить господаремъ, и что Даніилъ, удалившись, теперь живетъ въ монастырѣ, ожидая себѣ помощи отъ прибытія Ковалевскаго. Теперь я получилъ въ письмѣ вѣрныя извѣстія изъ Черногоріи и помѣщаю ихъ.

„Пріѣздъ Даніила повергъ Перо въ великое замѣшательство, особливо, какъ онъ увидалъ письмо, въ которомъ, какъ говоритъ Даніилъ, самъ Императоръ Россійскій подтвердилъ его наслѣдникомъ. Даніилъ прочиталъ это письмо предъ сенаторами, изъ которыхъ большая часть охотно бы пристала на его сторону, если бы кто ихъ могъ увѣрить, что это письмо подлинно онъ получилъ отъ Русскаго двора. Но сомнѣваются въ этомъ. Георгій охотно хочетъ держаться стороны Даніила, почитая подтвержденіе Даніила Русскимъ дворомъ за особенное вниманіе Русскаго правительства къ Даніилу и народу Черногорскому; а Перо, какъ я сказалъ, въ великомъ замѣшательствѣ и употребляетъ всѣ средства, чтобы лишить Даніила господства; и говорятъ, что когда пріѣдетъ г-нъ Ковалевскій, сторона Перова будетъ просить его оставить Перо господаремъ Черногорскимъ. Все теперь зависитъ отъ г. Ковалевскаго; если онъ скажетъ, что Россійскій дворъ точно подтверждаетъ Да-

ніила, то Черногорцы его послушаются и Перо удалится; а если онъ подтвердитъ Перо, тогда безъ кровопролитія не обойдется. Такъ какъ Перо, кромѣ его зятьевъ и тѣхъ, кому онъ даетъ въ заемъ деньги, мало кто любитъ, поэтому худо бы пошло въ Черногоріи. Народу-бы ничего не досталось, а все бы пошло въ руки этихъ пріятелей, какъ и теперь уже торговля солью и табакомъ въ Черногоріи пошла чрезъ руки его близкихъ; а это Черногорцу бѣдному очень не нравится. Про Георгія могу сказать, что онъ ни въ какія партіи мѣшаться не хочетъ. Когда поѣдетъ г-нъ Ковалевскій, прошу васъ предупредите его о нашихъ дѣлахъ. Отъ него зависитъ поссорить насъ и помирить".

Изъ этого письма видно, что дѣла въ Черногоріи такъ запутаны, что даже и подтвержденію Даніила отъ Русскаго двора не хотятъ вѣрить. Такъ застращалъ и задарилъ всѣхъ Перо. Говорятъ, что когда скончался владыка, всѣ поглавари собрались въ Цетинье, чтобы по тамошнему обычаю, предъ погребеніемъ, оплакать его. Перо воспользовался этимъ случаемъ и перетолковалъ народу, что Даніилъ по духовному завѣщанію назначенъ только епископомъ, показавъ имъ письмо владыки умершаго, писанное въ 1846 году, гдѣ тотъ изъявляетъ желаніе, чтобы Перо по его смерти былъ господаремъ.

Таковое письмо, говорятъ, подлинно есть. Говорятъ тоже, что будто умершій въ такомъ же духѣ написалъ прежде и духовное завѣщаніе, которое теперь будто хранится у Перо. Все можетъ быть. Владыка умершій, въ послѣдніе годы, что-то былъ не совсѣмъ искрененъ съ Россіею и много сносился съ возраждающеюся Сербіею, всюду просилъ денегъ и оставлялъ ихъ въ различныхъ рукахъ. У него были какіе-то планы. Думаютъ здѣсь, судя по дѣйствіямъ его, не хотѣлъ ли онъ, позапасшись матеріальнымъ благомъ, оставить Черногорію, предавъ власть брату, какъ господарю свѣтскому. Въ послѣдствіи, можетъ быть, опасаясь Россіи, онъ передумалъ или хотѣлъ похитрить, оставивъ Даніила господаремъ для того, чтобы при немъ Перо скорѣе могъ завладѣть верховною властью. Что нибудь въ подобномъ родѣ было между ними и Перо; почему нибудь да оставляли же Даніила до сихъ поръ среди простаго народа, почему нибудь да не посылали его, не смотря на всѣ его просьбы, учиться въ Петербургъ. Но они въ Даніилѣ обманулись. Малый онъ со способностями. Дастъ Богъ, поучится, можетъ сдѣлаться хорошимъ правителемъ для Черногоріи. Все, слѣдовательно, зависитъ теперь отъ пріѣзда г. Ковалевскаго, котораго ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. И чѣмъ скорѣе онъ пріѣдетъ, тѣмъ лучше. У Даніила связаны руки, а Перо дѣйствуетъ. Его болѣе боятся, чѣмъ любятъ. Своимъ корыстолюбіемъ онъ непріятенъ народу, но дѣйствуетъ деньгами и силою ложно-толкуемаго завѣщанія. Деньги во всякомъ случаѣ первая вещь въ Черногоріи. А между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что Черногорцы успѣли уже подраться съ Австрійцами, которые, какъ угодно кому думать, а не совсѣмъ честно распоряжаются въ Черногоріи. Прибавлю еще одно

о Даніилѣ что̀ слышалъ. Партія его невелика была, но когда онъ пріѣхалъ въ Черногорію и сказалъ сенаторамъ и поглаварямъ, что если дастъ ему Богъ принять власть, то первое его вниманіе будетъ обращено на улучшеніе состоянія церкви, что онъ не будетъ безотчетно, какъ доселѣ, распоряжаться деньгами: тогда многіе, зная, что̀ было доселѣ и какое теперь Перо имѣетъ намѣреніе, охотно пристали на его сторону. Когда же узнаютъ, что подтвержденіе, которое Даніилъ теперь имѣетъ у себя въ рукахъ, подлинно отъ Русскаго правительства: тогда, должно ожидать, всѣ пойдутъ за нимъ, развѣ только кромѣ родственниковъ Перо; но и Перо едвали останется тогда въ Черногоріи.

Вотъ одно письмо изъ Герцеговины: „Герцеговина стенаетъ подъ тяжкимъ ярмомъ; если такъ останется, какъ теперь, то ея положеніе во сто кратъ будетъ хуже чѣмъ до возстанія. Въ послѣднее время наложена была новая подать въ 300 кошельковъ; но сомнительно, чтобы ее могли собрать, потому что подлинно не изъ чего платить. Католическій епископъ Баришичъ, надѣясь безъ сомнѣнія на покровительство Австрійскаго консула, собравши до 400 человѣкъ своихъ, отправился было съ ними къ визирю въ Мостаръ съ представленіемъ, что народъ не можетъ заплатить такой подати; но Турки вооружились кольями и побили человѣкъ 16 Латинянъ: „оваго биша, и оваго пребиша, оваго же каменіемъ побиша", и епископа прогнали. Вотъ слѣдствія ихъ представленія! Епископъ куда-то скрылся. Консулу также дѣлаютъ непріятности и бьютъ его слугъ. Не знаю, могли ли бы они такъ поступать съ Русскимъ консуломъ. Консулъ Вулетичъ просилъ Памучину, чтобы онъ подговорилъ своихъ православныхъ писать въ Россію, чтобы Россія признала Вулетича также своимъ консуломъ въ Герцеговинѣ. Упаси насъ Боже! Неужели въ Россіи нѣтъ даже человѣка для насъ?"

„Омеръ-паша въ Сараевѣ какъ звѣрь, потому что ему не присылаютъ денегъ изъ Константинополя; но войско должно содержать, поэтому-то такія подати на народъ и налагаютъ. Едва ли весною опять чего не случится. Строгость тайной полиціи такова, что даже и въ Вѣнѣ у васъ едвали существуетъ. Съ Австрійской консульской почтой никто не долженъ посылать писемъ: иначе заплатитъ головой. Турки установили теперь свою почту и строжайше запретили пересылать письма съ частными лицами. Вотъ до чего мы дожили: и съ друзьями переписываться не можемъ! А на почтѣ всѣ письма читаютъ".

Вотъ еще одно письмо изъ Далмаціи: „О себѣ скажемъ кратко: живемъ какъ сводныя дѣти подъ отчимомъ и мачихою, утѣшаемся терпѣніемъ и надеждою. Обѣщанье глупому радость, говоритъ Сербская пословица. Католикамъ поправляютъ церкви, строятъ парохіальные дома, созидаютъ школы на общественныя суммы, духовенство получаетъ плату; а мы воздыхаемъ будто подданные другаго владыки, будто мы и не возставали за поддержаніе короны, будто платимъ не тѣ подати какъ другіе".

„Въ Рагузѣ общество православныхъ намѣрено строить церковь; какъ ни бѣдны, собрали до 10.000 гульд., но съ этою суммою нельзя приступить къ постройкѣ. Что̀, если бы здѣсь Россія помогла хоть изъ тѣхъ суммъ, которыя теперь присылаютъ патріарху? А церковь Рагузская не чужда Россіи. Вотъ по крайней мѣрѣ что говоритъ о ней преданіе. Республика Рагузская никакъ не хотѣла видѣть у себя православной церкви. Купцы православные, жившіе въ Рагузѣ, когда у нихъ кто родился, посылали за монахами въ Требинье, и то ночью. Днемъ православный священникъ здѣсь не могъ показываться. Если кто умиралъ, ночью покойника отправляли въ Требинье, тамъ отпѣвали и хоронили. Должно быть, это дошло до свѣдѣнія Россіи. Великая Екатерина и ея наслѣдники стали посылать сюда консуловъ, съ повелѣніемъ, чтобы при нихъ была и капелла Русская. Покойный консулъ Гика погребенъ здѣсь, но порученія даннаго правительствомъ на счетъ церкви не исполнилъ, будучи хорошо за это награжденъ Рагужанами. Другіе консулы (простите, такъ живетъ преданіе въ устахъ народа), когда, говорятъ, имѣли нужду въ деньгахъ, тотчасъ разглашали, что они хотятъ строить церковь, и Рагужане тотчасъ, зная въ чемъ дѣло, шли къ нимъ съ полными кошельками. Даже говорятъ, что нѣкоторые изъ консуловъ получали и дары отъ Русскаго двора на церковь и духовенство, а ни того ни другаго не существовало. Напослѣдокъ, боясь вѣроятно доноса, съ помощію здѣшнихъ православныхъ, построили въ одномъ частномъ домѣ внѣ города малую церковь, и тутъ консулъ прибилъ Русскаго орла. Съ тѣхъ-поръ эта церковь была называема Русскою капеллою. Опять скажу, за истинну всего этого не ручаюсь, но преданіе таково. Царскій орелъ былъ надъ церковію до пришествія Французовъ въ 1807 году, когда Русскій консулъ долженъ былъ оставить Рагузу. Съ того времени церковь эта получила названіе Греческой церкви и сдѣлалась приходскою“.

„Всѣ акты того времени хранятся у Русскаго консула въ Рагузѣ, въ одномъ закованномъ сундукѣ. Куда бы они были интересны для исторіи нашей церкви! Но г. консулъ не хочетъ открыть ихъ, говоря: что̀ закованнымъ получилъ, то и оставлю и послѣ меня также. Жалко!“

Кончу это письмо однимъ печальнымъ извѣстіемъ. Вчера предали мы землѣ тѣло знаменитаго Славянина г. профессора Яна Коллара, умершаго на 59 году жизни послѣ десятидневной болѣзни. Жаль, что не успѣлъ кончить самъ трудовъ своихъ о Старославянской Италіи и вновь открытыхъ Славянскихъ Ретрскихъ идолахъ; тѣмъ болѣе, что все сочиненіе уже печаталось. Въ послѣднее время знаменитый профессоръ былъ особенно занятъ корректурою, и это можно сказать ускорило его кончину. Думаю, что окончаніемъ изданія трудовъ г. Коллара займется г. профессоръ Кузмани. Тѣло покойнаго сопровождали почти всѣ здѣшніе Славяне, но вниманія должнаго откуда слѣдуетъ не было оказано. Министръ народнаго просвѣщенія гр. Тунъ, Чехъ и хорошо нѣкогда знакомый Коллару, какъ Чешскій солиттераторъ, прислалъ на погребеніе свою карету.

„P. S. 22-го Генваря. Сей часъ получилъ письмо изъ Черногоріи, гдѣ пишутъ о благополучномъ окончаніи дѣлъ въ пользу Даніила. Раздоръ между партіею Даніила и Перо почти доходилъ до кровопролитія. Въ то время Сенатъ рѣшилъ, по настоянію Георгія, снова созвать собраніе народа. Народу собралось болѣе тысячи человѣкъ. Тутъ Даніилъ показалъ себя, говорятъ, молодцомъ. Подъ открытымъ небомъ, ставъ на камень, въ короткихъ, но сильныхъ словахъ, онъ изложилъ народу ходъ дѣла, показалъ волю царскую и, заключивъ рѣчь клятвою, чтобы Богъ и не допустилъ бы его возвратиться изъ Россіи въ Черногорію, если намѣренія его въ пользу народа не искренни, спросилъ, хочетъ-ли народъ признать его своимъ господаремъ. Народъ единодушно воскликнулъ: да! Тогда, въ виду того же народа, Перо, Георгій и прочіе сенаторы поцѣловали руку Даніила, и Даніилъ, прося Перо съ помощію Сената управлять Черногоріею до возвращенія изъ Россіи, сказалъ, что чрезъ 14 дней онъ ѣдетъ туда. Пиръ, стрѣльба изъ ружей и празднество продолжались два дни, и на дняхъ, говорятъ, Даніилъ будетъ въ Вѣнѣ. Останется-ли теперь Перо миренъ въ отсутствіе Даніила? А говорятъ, куда не охотно онъ присталъ на сторону народа! Ему непремѣнно хотѣлось самому быть господаремъ и послѣ оставить власть новорожденному сыну. Утверждаютъ еще и то, что Англичане предлагали Перо 100.000 гульд. пособія ежегодно, если онъ захочетъ удержать власть Черногоріи въ своихъ рукахъ и откажется отъ Россіи. Вездѣ имъ хочется помутить, почтенный народецъ!

*

ДѢЛА ВЪ СЕРБІИ И БОСНІИ.

(Съ Французской рукописи).

Вѣна, 26 Апрѣля (8 Мая) 1850.

Вамъ желательно знать что̀ происходитъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Сербіи, и вы говорите, что положеніе дѣлъ въ Турціи становится тревожнымъ. Я могу сообщить вамъ лишь немногія, неофиціальныя свѣдѣнія, но не ручаюсь за полную ихъ достовѣрность.

Князь Сербскій, какъ увѣряютъ, произвелъ въ странѣ своей важныя преобразованія по части военной. Онъ распускаетъ всѣ строевыя войска и замѣняетъ ихъ народнымъ ополченіемъ. Каждый округъ даетъ по одному батальону и одному эскадрону. Округовъ считается 52. Деньги, которыя тратились на строевыя войска, пойдутъ на усиленіе артиллеріи, на устройство военныхъ училищъ и на выписку знающихъ людей, которые будутъ преподавать въ этихъ училищахъ. Стало быть, преобразованіе это вовсе не будетъ способствовать къ разоруженію, какое проповѣдуется Кобденомъ; напротивъ, при извѣстной природной воинственности Сербовъ, у нихъ будетъ, войско довольно внушительной численности, и безъ особенныхъ издержекъ. Спрашивается послѣ этого, гдѣ опасность

и что̀ именно побудило Карагеоргіевича предпринять столь рѣшительное преобразованіе. Для разъясненія этого вопроса, надо сдѣлать отступленіе.

Въ Сербіи, какъ вообще на Востокѣ, въ Турціи, въ Греціи и пр., разныя партіи называются именами тѣхъ державъ, на поддержку и покровительство которыхъ они разсчитываютъ. Такъ, приверженцы Карагеоргія представляютъ собою партію Австрійскую, напротивъ друзья Обреновичей суть партія Русская. Поэтому, когда говорятъ, что Книжанинъ Австріякъ, это не значитъ, что онъ любитъ Австрію, а только, что онъ преданъ нынѣшнему Сербскому князю, между тѣмъ какъ Силичъ и такъ называемая Русская партія домогаются возвращенія Обреновичей. Вучичъ держится середины и покамѣстъ не высказывается; но слово его будетъ имѣть рѣшительное значеніе. Въ послѣднее время народъ Сербскій, сочувствующій вполнѣ своимъ единоплеменникамъ, живущимъ въ Австріи, ненавидитъ сію послѣднюю за ея дѣйствія противъ Славянъ вообще и противъ Сербовъ въ особенности, и ненависть эта переносится на Карагеоргіевича и на его партію, преданную Австрійцамъ. Въ 1848 и 1849 году, чувствуя шаткость своего положенія, Сербскій князь, подъ предлогомъ помощи братьямъ, отправлялъ всѣхъ тѣхъ, кто внушалъ ему опасеніе, въ походъ противъ Венгерцевъ. Угождая повидимому народу своему и удовлетворяя воинственному пылу Русской партіи, онъ въ тоже время, черезъ Книжанина, совершенно ему преданнаго, упрочивалъ свои связи съ Австріею и съ баномъ Іелачичемъ.

Послѣ Венгерской войны Австрійское правительство охладило къ себѣ своихъ Сербскихъ подданныхъ назначеніемъ къ нимъ Майергофера, раздачею должностей Нѣмцамъ и омадьярившимся Сербамъ и полною неблагодарностью за оказанныя услуги. Негодованіе перешло и въ княжество Сербское, такъ что тамошняя Австрійская партія съ каждымъ днемъ теряетъ свою силу. Карагеоргіевичъ окончательно предался Австріи. Онъ разсчитываетъ, что въ случаѣ нужды она поддержитъ его даже военною силою. У Книжанина безпрестанныя, таинственныя пересылки съ баномъ Елачичемъ, а про сего послѣдняго (какъ ни горько вамъ будетъ узнать эту правду) я долженъ сказать, что онъ, подобно всѣмъ Хорватамъ-католикамъ, терпѣть не можетъ Россію и православное исповѣданіе. Кромѣ того, у него свои личные разсчеты, о чемъ я скажу послѣ. Возвращаюсь къ Сербскому князю. Въ настоящую минуту онъ желалъ бы прибѣгнуть къ прежнему своему средству избавляться отъ враговъ. Ему нужно спровадить ихъ на войну, которая была бы угодна народу и отвлекла бы его отъ дѣлъ внутреннихъ. Вотъ почему для него важно происходящее въ Босніи.

Вы знаете, что населеніе Босніи, по происхожденію своему сплошь Сербское, вслѣдствіе Турецкаго господства, утратило свое единство. Одни остаются христіанами, раею, другіе потурчились, получили наслѣдственныя должности и образовали изъ себя нѣчто въ родѣ дворянства. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались пашами, музелимами и

пр. Власть на Востокѣ нераздѣльна съ насиліемъ, и съ нѣкотораго времени эти паши стали угнетать и своихъ единовѣрцевъ. Произвольное обложеніе новою податью повело напослѣдокъ къ возстанію. Говорятъ, что ожесточенные Босняки-магометане захватили всѣ укрѣпленныя мѣста и прогнали изъ Босніи всѣ Турецкія войска. Но мѣстное христіанское населеніе не принимаетъ участія въ этомъ возстаніи. Старшины его, какъ напр. Кедичъ и другіе, прогоняя отъ себя пашей и спахіевъ, заявляютъ вѣрность султану и просятъ только установленія порядка въ сборѣ податей и чтобы къ нимъ не присылали грабителей. До сихъ поръ Сербія не принимала тутъ никакого участія. Но Сербское возстаніе 1804 года началось точно изъ за тѣхъ же податей и окончилось независимостью. Въ Сербіи думаютъ, что магометане-грабители кинутся на раю, и какъ скоро начнется возстаніе Боснійскихъ христіанъ, Сербы пойдутъ на помощь своимъ единовѣрцамъ, точно также какъ они ходили помогать своимъ единоплеменникамъ противъ Мадьяръ. Карагеоргіевичъ ждетъ этой минуты; но съ наступленіемъ ея обстоятельства усложнятся. Коль скоро Сербы будутъ дѣйствовать сообща, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Боснія освободится отъ Турокъ. Но чтó изъ этого выдетъ? Оправдается ли народная увѣренность Сербовъ, что имъ суждено выгнать Турокъ изъ Европы? Если восторжествуетъ христіанское начало, можно ли будетъ положить ему предѣлъ? Или возстаніе ограничится мѣстными и личными цѣлями?

У Карагеоргіевича прежде всего въ виду своя выгода: услать на войну противниковъ; за тѣмъ онъ мечтаетъ образовать изо всего Сербскаго народа южно-славянское государство подъ покровительствомъ Австріи. Вотъ разгадка, почему Книжанинъ сблизился и находится въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ баномъ Елачичемъ, которому тоже постоянно мерещилось быть основателемъ Славянской державы, Австрійской подручницы. Говорятъ, будто онъ подъ рукою распаляетъ возстаніе въ Босніи и будто закадычный другъ его Мамула посланъ въ Черногорію подъ предлогомъ миротворенія, но въ сущности для того, чтобы вести тамъ его дѣло.

Какіе же залоги успѣха? Будучи Австріякомъ и католикомъ, Елачичъ нелюбимъ Сербами. Съ нѣкотораго времени къ нему охладѣли и Хорваты, и 400 тысячъ флориновъ, которые далъ ему императоръ, конечно не помогутъ ему подняться въ народномъ мнѣніи. И такъ невѣроятно, чтобъ онъ сдѣлался основателемъ династіи. Чтó касается до Карагеоргіевича, то его значеніе въ народѣ падаетъ все болѣе и болѣе.

Надо думать, что если Боснійское возстаніе и достигнетъ размѣровъ, которые желаютъ придать ему его возбудители, то исходъ его будетъ вовсе не соотвѣтствовать ихъ ожиданіямъ. Оно будетъ на руку тѣмъ, кто съумѣетъ вó время имъ воспользоваться. Будетъ ли то Милошъ? Никто этого не знаетъ. Какая бы ни послѣдовала развязка, должно надѣяться, что она не поколеблетъ нашего вліянія, основаннаго на единствѣ племени и исповѣданія и на нашемъ всегдашнемъ живомъ сочувствіи.

ДВѢ ЗАПИСКИ ГОГОЛЯ КЪ К. С. СЕРБИНОВИЧУ.

(1834).

1.

Всѣ ваши и Сергѣя Семеновича [1]) замѣчанія я нахожу очень справедливыми и, какъ видите, воспользовался ими. Въ одномъ мѣстѣ я только оставилъ *связь* и *связываютъ*. Я нарочно такъ выразился, потому что это составляетъ фигуру въ слогѣ, а не ошибку. Такъ мнѣ кажется. При томъ, этотъ оборотъ именно тотъ, который болѣе всего выражаетъ мою мысль. Я очень вамъ благодаренъ за ваше присовокупленіе о истинной религіи. Оно очень хорошо, и я бы не выдумалъ такъ. Я къ вамъ заѣду въ 12 часовъ: авось не застану ли васъ! Теперь же сей часъ никакимъ образомъ не могу.

Много обязанный вамъ и чувствующій ваше благорасположеніе.

Н. Гоголь.

2.

29 Сент. 1834.

Очень благодаренъ вамъ за присылку коректуры. Если можно, то я бы попросилъ у васъ прислать сегодня же и хвостикъ ея. Слова *чутья* никакъ не могу перемѣнить. У насъ совершенно нѣтъ ему равнозначительнаго. При томъ, я его употребилъ потому, что оно уже получило нѣкоторое право гражданства: его употребилъ Пушкинъ, и даже Жуковскій въ путешествіи по Саксоніи, въ смыслѣ художественномъ, хотя это прекрасное письмо его, кажется, доселѣ не напечатано. Нечего дѣлать, нужно намъ перенять нѣкоторыя добродѣтели и у четвероногихъ.

Желаю вамъ совершеннаго здоровья.

Остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга

Н. Гоголь.

ЛИСТОКЪ ИЗЪ БУМАГЪ ЖУКОВСКАГО.

Быть рабомъ есть несчастіе, происходящее отъ обстоятельствъ; любить рабство есть низость; не быть способнымъ къ свободѣ есть испорченность, произведенная рабствомъ. Государь—въ высокомъ смыслѣ сего слова, отецъ подданныхъ—также не можетъ любить рабство своего народа и желать продолженія его, какъ отецъ не можетъ любоваться низостью дѣтей своихъ.

---

[1]) Уварова.—Гоголь тогда читалъ лекціи Всеобщей Исторіи въ Петербургскомъ университетѣ и помѣщалъ статьи въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія; а Сербиновичъ завѣдывалъ изданіемъ этого журнала. *П. Б.*

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА П. С. КОТЛЯРЕВСКАГО КЪ ШЕФУ ЖАНДАРМОВЪ ГРАФУ БЕНКЕНДОРФУ.

(1839)

Милостивый государь
Графъ Александръ Христофоровичъ!

Не удивляйтесь, получа письмо отъ того, съ кѣмъ познакомились подъ свистомъ пуль Ганжинскихъ *) и болѣе тридцати лѣтъ не имѣли сношенія. Важность обстоятельства причиною, что я прерываю молчаніе и обращаюсь къ вашему сіятельству, какъ къ человѣку, который, находясь при высочайшей особѣ обожаемаго Монарха, можетъ представить Его Величеству истину во всей наготѣ и споспѣшествовать тѣмъ къ отвращенію великаго зла.

Край здѣшній, послѣ трехлѣтнихъ худыхъ урожаевъ, коими жители едва могли прокормиться, запасовъ же сдѣлать было не изъ чего, постигнутъ нынѣшняго года совершеннымъ неурожаемъ и угрожаетъ голодомъ со всѣми бѣдствіями, сопровождающими оной. Для вѣрнѣйшаго свѣдѣнія вашего сіятельства представлю вкратцѣ собственное мое хлѣбопашество. Въ имѣніи моемъ посѣяно было хлѣба: господскаго и крестьянскаго 217 четвертей, а снято 51 четверть 4 четверика; пшеницы посѣяно 243 четверти, снято 1 четверть 6 четвериковъ; прочій хлѣбъ, ячмень, овесъ, гречиха, просто, пропалъ совершенно и не получено ни одного зерна. Послѣ сего вы конечно не усумнитесь въ справедливости, что уже теперь нѣкоторые казенные крестьяне питаются хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ дубовыми жолудями, древесною корою, листьями и разными кореньями, выкапываемыми изъ земли; а еще только Сентябрь, до будущаго урожая десять мѣсяцевъ. Чтобы отвратить предстоящее зло и спасти людей, нужна помощь правительства; необходима скорая доставка, въ большомъ количествѣ, хлѣба. Но вмѣсто того, съ Іюля мѣсяца, когда открылся неурожай, идетъ переписка отъ губернатора къ генералъ-губернатору, отъ сего къ министру внутреннихъ дѣлъ, а отъ сего въ Комитетъ Министровъ, который, ассигновавъ на Екатеринославскую губернію 20.000 рублей, предписалъ внушить казеннымъ крестьянамъ, чтобы они не столько надѣялись на помощь, сколько старались бы пріобрѣтать трудами. Для сего указывали на вывозку соли и на работы въ Одессѣ и на южномъ берегу Крыма; а о пособіи помѣщичьимъ крестьянамъ сдѣлано распоряженіе: тѣмъ помѣщикамъ, которые имѣютъ до 50 душъ, выдавать по 15-ти рублей на ревизскую мужескаго пола душу, имѣющимъ 100 душъ

*) Въ Персидскую войну 1804 года. *П. Б.*

по 10-ти рублей, а о тѣхъ, кои имѣютъ болѣе представлять на разрѣшеніе. Таковыя мѣры показываютъ, что Комитетъ Министровъ не имѣетъ настоящихъ свѣдѣній о бѣдственномъ положеніи или не даетъ полнаго довѣрія донесеніямъ объ ономъ. Ибо пройти голодному болѣе 500 верстъ для заработки себѣ хлѣба, оставить семейство на голодную смерть, есть дѣло неудобоисполнимое. Пособія помѣщичьимъ крестьянамъ сколько скудны, столько удивительны: 10 рублей на ревизскую мужескаго пола душу, имѣющую таковую же женскую, не прокормитъ и одного мѣсяца, по цѣнамъ хлѣба, коего четверть продается 25 рублей. Но все еще получающіе сію скудную помощь счастливѣе такъ, о коихъ велѣно представлять на разрѣшеніе.

Но чѣмъ виноваты сіи несчастные? Есть помѣщики, имѣющіе болѣе 100 душъ, которые, отслужа Государю и Отечеству болѣе 20 или 30 лѣтъ, выйдя въ отставку, занялись образованіемъ дѣтей и приготовленіемъ изъ нихъ полезныхъ сыновъ Отечества; есть также находящіеся и теперь на службы въ отдаленіи. И тѣ, и другіе, не имѣя другаго состоянія и бывъ лишены средствъ прокормить своихъ крестьянъ, должны лишиться ихъ, какъ будто въ вознагражденіе службы, для того, что имѣютъ болѣе 100 душъ. Справедливо ли сіе и достойны ли они сожалѣнія? При таковыхъ распоряженіяхъ невольно возрождается мысль, что деньги цѣнятся дороже людей. Какая же польза Отечеству сберегать деньги и терять людей? Какая польза подрывать вѣрную и крѣпкую ограду Престола — дворянство, всегда готовое по первому мановенію Монарха жертвовать и достояніемъ и жизнію? Да проситъ ли оно чего даромъ? Оно проситъ спасти людей отъ смерти, и сумма, какая употребится на то, возвратится въ сроки, которые правительству благоугодно будетъ назначить.

Объявивъ вашему сіятельству, сколько могъ кратко, несчастное положенія здѣшняго края, угрожаемаго отъ голода бѣдствіемъ, я прошу довести объ ономъ до Высочайшаго свѣдѣнія Отца-Царя и испросить мнѣ всемилостивѣйшее прощеніе, что осмѣлился написать о томъ. Любовь къ Отечеству, преданность къ Государю и состраданіе къ человѣчеству суть побудители мои, и счастливѣйшимъ себя сочту, если Его Величество изволитъ воззрѣть на сіе благосклонно.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

8 Сентября (1839).

ДЛЯ БУДУЩАГО ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. С. ПУШКИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавна у насъ слышатся съ разныхъ сторонъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ публикѣ, жалобы на то̀, что сочиненія А. С. Пушкина до сихъ поръ издаются неудовлетворительно. Существеннымъ недостаткомъ всѣхъ изданій сочиненій Пушкина признается отсутствіе въ нихъ, благодаря цензурнымъ условіямъ былаго времени, цѣлой массы мелкихъ стихотвореній и исключеніе многихъ мѣстъ, преимущественно въ стихахъ, что̀ нерѣдко искажаетъ самый смыслъ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній величайшаго изъ Русскихъ поэтовъ.

Со времени выхода въ свѣтъ лучшаго изъ всѣхъ изданій „Сочиненій Пушкина", начатаго П. В. Анненковымъ въ 1855 и оконченнаго въ 1857, почти всѣ пропуски, какъ въ стихахъ, такъ и въ про̀зѣ, были, трудами Русскихъ библіографовъ, мало по малу, возстановлены печатно, частью въ Русскихъ журналахъ, частью въ заграничныхъ изданіяхъ. Что̀ же касается мелкихъ стихотвореній Пушкина, не вошедшихъ въ изданіе г. Анненкова, то большая ихъ часть также была напечатана, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, въ разныхъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ, преимущественно въ „Библіографическихъ Запискахъ", „Атенеѣ", „Русской Рѣчи", „Библіотекѣ для Чтенія", „Современникѣ", „Времени", „Вѣстникѣ Европы", „Русскомъ Архивѣ" и „Складчинѣ". Правда, при этомъ не обходилось безъ промаховъ, и нерѣдко стихотворенія весьма мало извѣстныхъ поэтовъ являлись на страницахъ нашихъ журналовъ съ именемъ Пушкина, снабженныя самыми лестными отзывами господъ редакторовъ. Впрочемъ, недоумѣнія скоро разъяснялись, и истина обнаруживалась, причемъ мало-извѣстные поэты только выигрывали, а Пушкинъ ничего не терялъ. Такъ, напримѣръ, съ именемъ Пушкина было напечатано въ 3-й книжкѣ „Современника" на 1856 годъ стихотвореніе В. И. Туманскаго „Моя Любовь", хотя названное стихотвореніе и было напечатано двадцать лѣтъ тому назадъ въ „Весеннихъ Цвѣтахъ", альманахѣ на 1835 годъ, съ полнымъ именемъ ихъ автора; затѣмъ, въ 4-мъ нумерѣ „Библіографическихъ Записокъ" на 1861 годъ появилось, какъ Пушкинское, стихотвореніе г. Вердеревскаго „Происхожденіе Лафита", что̀, впрочемъ, было разоблачено В. П. Гаевскимъ въ 10-мъ нумерѣ того же журнала. Наконецъ, въ 1-й книжкѣ „Современника" на 1862 годъ было напечатано, съ именемъ Пушкина, стихотвореніе Шевырёва, начинающееся стихомъ: *Видалъ ли ты, какъ пляшетъ Египтянка,* вмѣстѣ съ двумя другими стихотвореніями, также приписанными Пушкину, но вовсе ему не принадлежащими, какъ оказалось впослѣдствіи. Впрочемъ, еще раньше было приписано Пушкину нѣсколько мелкихъ стихотвореній, ему вовсе не принадлежащихъ, какъ это было положительно доказано впослѣдствіи. Такъ Бѣлинскимъ („Отечественныя Записки", 1843, т. XXXI, отд. V, стр. 30) было признано за произведеніе А. С. Пушкина стихотвореніе дальняго его родственника Алексѣя Михайловича Пушкина „На смерть Кутузова", Гоголемъ („Сочиненія и письма Гоголя", т. VI, стр. 383)—„Четыре Націи" Полежаева, г. Анненковымъ („Сочиненія Пушкина", т. II, стр. 219)—„Застольная пѣснь" барона Дельвига и „Первыя мысли стихотворенія, обращеннаго къ императору Александру I" Жуковскаго и г-мъ Греномъ

(„Общезанимательный Вѣстникъ“, 1857, № I)—„Лилія“ князя Вяземскаго. Кромѣ того, выяснилось, что долго приписываемыя Пушкину стихотворенія „Цапли“, „На мнимую смерть Л. С. Пушкина“, „Къ Л. С. Пушкину“ *(Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ)*, „Эпиграмма на Н. А. Полевого“ *(Ты хочешь знать его, читатель)*, „Эпиграмма на Вигеля“ *(Для чего тебя, о Вигель)*, „Эпиграмма на Булгарина“ *(Булгаринъ, вотъ Полякъ примѣрный)* принадлежатъ не ему, а Баратынскому, Дмитріеву (М. А.), князю Вяземскому и Соболевскому. Наконецъ, вполнѣ доказано, что нижеслѣдующія эпиграммы не принадлежатъ Пушкину, хотя общественное мнѣніе до сихъ поръ упорно приписываетъ ихъ ему. Помѣщаемъ здѣсь первыя строки этихъ эпиграммъ: „Ѳедоръ Глинка молодецъ“, „Показалася у насъ новая новинка“, „Рѣшившись хамомъ стать“, „Отродіе купечества“, „Рука Всевышняго три чуда совершила“, „У Ѳедорова Борьки“, „Какъ счастливы библисты“, „Ты просишь написать надгробную, Агаѳья“, „Твои мечтанья не сбылись“, „Се самый Дельвигъ тотъ“, „На диво намъ и всей Европѣ“, „Ахъ, какія чудеса“, „Орликомъ и въ колпакѣ“ и другія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя стихотворенія, непризнанныя за Пушкинскія, оказываются нынѣ принадлежащими ему. Такъ, напримѣръ, г. Анненковъ въ своей біографіи Пушкина положительно утверждалъ, что стихотворенія „Не помнишь ли ты, ваше благородье“, „Цѣль нашей жизни“ и „Гараль и Гальвина“ не принадлежатъ Пушкину, тогда какъ теперь доказано г. Гаевскимъ, что первое изъ нихъ несомнѣнно принадлежитъ Пушкину; что̀ же касается остальныхъ двухъ, то тутъ мнѣнія раздѣляются: одни говорятъ, что стихотворенія эти не принадлежатъ Пушкину, тогда какъ другіе, весьма компетентные люди, утверждаютъ напротивъ, что они несомнѣнно писаны имъ, основываясь на томъ, что они очень напоминаютъ юношескую манеру нашего великаго поэта, особенно послѣднее, совершенно-схожее — по манерѣ и стиху — съ стихотвореніями его того же періода, именно — съ „Осгаромъ“ и „Эвлегою“, которыя суть не что иное, какъ переложенія прозы поддѣлывателя Оссіана, Макферсона, въ стихи. Придерживаясь послѣдняго мнѣнія, мы нашли нужнымъ помѣстить ихъ въ числѣ стихотвореній Пушкина, предоставляя критикѣ сказать о томъ свое послѣднее слово.

Къ сожалѣнію, не все указанное нашими библіографами было помѣщено въ послѣднія два изданія „Сочиненій А. С. Пушкина“, 1863 и 1871 годовъ, вслѣдствіе чего оба эти изданія оказались далеко неполными, что̀ даетъ право желать скорѣйшаго появленія новаго, вполнѣ достойнаго изданія, куда бы вошло все, написанное Пушкинымъ, или, по крайней мѣрѣ, все то̀, что можетъ быть издано.

Вслѣдствіе этого, сочли мы нелишнимъ собрать здѣсь все, не вошедшее въ послѣднее (1871 года) изданіе сочиненій нашего великаго поэта, но могущее быть напечатаннымъ въ будущемъ новомъ изданіи полнаго собранія его сочиненій. Сборникъ нашъ снабженъ примѣчаніями и указаны, по возможности, разныя погрѣшности, вкравшіяся въ послѣднее (Исаковское) изданіе. Само-собой разумѣется, что мы далеки отъ того, чтобы считать свое собраніе вполнѣ удовлетворяющимъ современнымъ требованіямъ библіографіи. Конечно, найдутся пропуски и другія погрѣшности, которыя, быть можетъ, подадутъ поводъ къ поправкамъ и дополненіямъ, что̀ было бы весьма желательно, такъ-какъ только этимъ путемъ можно будетъ наконецъ разъяснить, что̀ изъ всего невошедшаго еще въ „Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина“ дѣйствительно принадлежитъ ему и что̀—не его.

Николай Гербель.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА,

НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНІЕ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.

I.

ЦѢЛЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

Любимецъ божества, природы старшій сынъ,
Вѣщай, о человѣкъ, почто ты въ свѣтъ родился?
На то ль, чтобъ царь земли и свѣта властелинъ
Къ постыдной цѣли всѣхъ стремился?

На то ль, чтобъ огнь и мечъ пріявъ въ строптиву длань,
Онъ землю обагрялъ кровавою рукою,
Съ весельемъ адскимъ несъ народамъ смерть и брань
И царства попиралъ ногою?

На то ль, чтобъ въ роскоши безъ пользы дни влачилъ
И, въ нѣгѣ загрубѣвъ, скучая въ пресыщеньи,
Собою землю онъ напрасно тяготилъ,
Въ холодномъ мучась упоеньи?

На то ль во глубинѣ Сибирскихъ снѣжныхъ горъ
И злато, и сребро рождаются покрыты,
Чтобъ ими услаждалъ таинственный свой взоръ
Скупецъ, богатствами несытый?

Возстань, о сынъ небесъ, и, правдой озарёнъ,
Порочное свое восчувствуй униженье;
Дерзай на небесахъ, восторгомъ окрылёнъ,
Свое прочесть предназначенье.

Воззри: для мирныхъ стадъ разостланъ въ полѣ дернъ,
Орламъ разверзнуты небесныя равнины,
Воздвиглися скалы для быстроногихъ сернъ,
Для рыбъ изрылись водъ пучины.

Но ты!—природа вся тебѣ приноситъ дань:
И суша, и моря, и огнь тебѣ послушны;

Ты отражаешь громъ, ты движешь океанъ,
Летаешь въ области воздушны.

Воззри: то солнца лучъ румянитъ небеса,
То въ легкихъ облакахъ плыветъ луна златая,
Рождается въ поляхъ весенняя краса,
Алѣетъ роза молодая.

Таится подъ травой прохлада ручейка,
И въ кистяхъ виноградъ на холмѣ золотится,
И, тихо зыблемый прохладой вѣтерка,
По нивамъ жолтый класъ струится.

Все для тебя! Срывай блаженства жизни цвѣтъ,
Дарами Вышняго спокойно наслаждайся!
Сей міръ не есть юдоль злосчастія и бѣдъ:
Счастливымъ будь, не заблуждайся!

Всѣхъ благъ источника во вѣкъ не забывай,
Чти правду и законъ, содѣйствуй благу свѣта:
Тогда безъ трепета оставишь тлѣнья край
И въ мглѣ померкнешь для разсвѣта [1]).

II.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньи,
Кто видитъ только въ отдаленьи
Пустыню, садикъ, сельскій домъ,
Холмы съ безмолвными лѣсами,
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ,
И даже... стадо съ пастухами!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ
И надъ Славянскими глупцами
Смѣется Русскими стихами.
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижины не покидаетъ
И не во снѣ, а на яву
Свою любовницу ласкаетъ [2])

---

[1]) Есть свидѣтельство, что стихотвореніе это, въ первый разъ здѣсь появляющееся, написано Пушкинымъ въ 1814 году, въ Царскосельскомъ Лицеѣ; оно заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ первыхъ стихотворческихъ опытовъ великаго поэта.

[2]) Изъ Русскаго Архива 1874, стр. 112, помѣщено въ письмѣ Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, 1816 года.

III.

ЭКСПРОМПТЪ [3]).

Мы недавно, отъ печали,
Пущинъ, Пушкинъ да баронъ,
По бокалу осушали
И Θому [4]) прогнали вонъ.
1816.

IV.

И останешься съ вопросомъ
На брегу замерзшихъ водъ:
Мамзель Шрёдеръ съ краснымъ носомъ
Милыхъ Вельо не ведётъ? [5])
1816.

V.

СТИХИ,

написанные Пушкинымъ на дощечкѣ надъ кроватью больнаго И. И. Пущина въ Лицеѣ.

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ:
Судьба его неумолима.
Несите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви неизлечима [6]).
1816.

VI.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Онъ вышней волею небесъ
Живетъ въ оковахъ службы царской.

---

[3]) Пародія на стихи Д. В. Давыдова:

Мы недавно, отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ,
По бокалу осушали
И прогнали Мудрость вонъ.

[4]) Лицейскаго дядьку-сторожа.

[5]) Мамзель Шрёдеръ была гувернантою дочерей Царскосельскаго коменданта барона Веліо.

[6]) Оба стихотворенія, это и предъидущее, появились сначала въ Атенеѣ (*1859*, № 8), потомъ въ Библіогр. Запискахъ (*1861*, 587).

Онъ въ Римѣ былъ бы—Брутъ, въ Аѳинахъ—Periклесъ;
У насъ онъ—офицеръ гусарскій.
1817.

VII.

Отъ всенощной, вечоръ, идя домой,
Антипьевна съ Марѳушкою бранилась.
Антипьевна отмѣнно горячилась:
„Постой“, кричитъ, „управлюсь я съ тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забившись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
Постой, о всемъ узнаетъ муженёкъ!“
—„Тебѣ ль грозить!“ Марѳушка отвѣчаетъ:
„Ванюша—что? Вѣдь онъ еще дитя;
А сватъ Трофимъ, который у тебя
И день и ночь?... Весь городъ это знаетъ...
Молчи жъ, кума: и ты, какъ я, грѣшна;
Словами жь всякаго, пожалуй, разобидишь.
Въ чужой *пѣдѣ* соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна!“ [7])
1817.

VIII.

ПРОЩАНІЕ СЪ ТРИГОРСКИМЪ.

Простите, вѣрныя дубравы!
Прости, безпечный миръ полей
И легкокрылыя забавы
Столь быстро улетѣвшихъ дней!
Прости, Тригорское, гдѣ радость
Меня встрѣчала столько разъ!
На то ль узналъ я вашу сладость,
Чтобъ навсегда покинуть васъ?
Отъ васъ беру воспоминанье,
А сердце оставляю вамъ.
Быть-можетъ — сладкое мечтанье —
Я къ вашимъ возвращусь полямъ;
Приду подъ липовые своды
На скатъ Тригорскаго холма,

---

[7]) Стихотвореніе это, по словамъ И. И. Пущина (см. его „Записки“, стр. 18), было написано Пушкинымъ въ лицейской библіотекѣ, бывшей любимымъ сборнымъ мѣстомъ воспитанниковъ и находившейся въ залѣ подъ аркой, соединяющей Царскосельскій дворецъ съ зданіемъ Лицея; а поводомъ къ его написанію послужилъ подслушанный имъ споръ двухъ женщинъ, возвращавшихся отъ всенощной. Начало Пьесы было напечатано первоначально въ „Атенеѣ“, (1859, № 8, стр. 18), а затѣмъ перепечатано въ „Библіографическихъ Запискахъ“ (1861, № 19, столб. 586), но тоже безъ конца, и только въ „Современникѣ“ (1863, т. XCVII, № 8, отд. I, стр. 387) было, наконецъ, напечатано почти вполнѣ.

Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ Грацій и ума [8]).
1817.

IX.

КИНЖАЛЪ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвеё злодѣю въ очи блещетъ —
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ;
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразилъ—и мёртвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Исчадье мятежа подъемлетъ злобный крикъ.
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ [9]) уродливый возникъ.

Апостолъ гибели, усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ;
Но Высшій Судъ ему послалъ
Тебя и дѣву-Эвмениду... [10])

---

[8]) Спб. Вѣдом. 1866, № 170, въ статьѣ Семевскаго: „Прогулка въ Тригорское". Подпись Пушкина на подлинникѣ: *А. П. 10 Сентября 1817 года.* Эти стихи относятся къ первому посѣщенію Псковской деревни, гдѣ Пушкинъ провелъ лѣто вскорѣ по выходѣ изъ Лицея.

[9]) Маратъ.

[10]) Шарлотта Кордэ.

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ
Грозя бѣдой преступной силѣ, —
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ надписи кинжалъ [11]).
1821.

X.

Добра чужого не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
Но мѣру силъ моихъ Ты знаешь —
Мнѣ ль нѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю
И не хочу его села,
Не нужно мнѣ его вола:
На все спокойно я взираю.
Ни домъ его, ни скотъ, ни рабъ —
Не лестна мнѣ вся благостыня....
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи, я слабъ!
И ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во плоти—
О Боже праведный, прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!
Кто сердцемъ могъ повелѣвать?
Кто рабъ усилій безполезныхъ?
Какъ можно не любить прелестныхъ!
Какъ райскихъ благъ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгій долгъ умѣю чтить:
Страшусь желаньямъ сердца льстить,
Молчу... и втайнѣ я страдаю [12]).
1821.

---

[11]) Пушкинъ прислалъ эти стихи въ Петербургъ въ Маѣ 1821 года изъ Кишинева, исполняя данное передъ отъѣздомъ на Югъ слово Карамзину не писать по крайней мѣрѣ въ теченіи однаго года ничего предосудительнаго. Карамзинъ, которому Пушкинъ былъ обязанъ избавленіемъ отъ ссылки въ Соловецкій монастырь, говорилъ ему на прощаньи, что онъ обязанъ, щадя своихъ покровителей, не бросать на нихъ тѣни своею необузданностью. Пушкинъ отвѣчалъ, что на годъ времени онъ можетъ за себя поручиться.—Нечего, кажется, прибавлять, что стихотвореніе *Кинжалъ*, принадлежавшее нѣкогда къ числу запрещеннѣйшихъ (хотя довольно слабое въ художественномъ отношеніи) имѣетъ нынѣ только историческое значеніе.

[12]) Библ. Записки *1858*, 342.

XI.

Н. И. ГНѢДИЧУ.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгна̀нный
Овидій мрачны дни влачилъ,
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ,
Далече сѣверной столицы,
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ —
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ Молдаванъ.
Все тотъ же я, какъ былъ и прежде:
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ [13]) спорю, мало пью,
Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
Молебновъ лести не пою
И дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ, и духъ высокій,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера Музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ [14]),
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи [15]) и гордаго глупца,
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! Твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны.
Онъ Музу битвой площадно̀й
Не унижаетъ предъ народомъ
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ [16]).

1821.

---

[13]) Михаиломъ Ѳедоровичемъ.

[14]) Намекъ на то, что Гнѣдичъ, уже переведшій въ то время 6, 7, 8, 9, 10 и половину 11-й пѣсенъ „Иліады" Александрійскими стихами съ риѳмами, началъ свой новый полный переводъ поэмы Гомера, — гекзаметромъ.

[15]) Намекъ на Магницкаго и на тогдашнее господство офиціальнаго благочестія.

[16]) Складчина, *1874*, 369.

XII.

НАБРОСКИ

из политической и общественной сатиры, начатой, но не оконченной Пушкинымъ во время его пребыванія въ Кишиневѣ.

1.

Во тьмѣ кромѣшной........
Откуда изгнаны навѣки
Надежда, миръ, любовь и сонъ,
Гдѣ море адское клокочетъ,
Гдѣ, грѣшника внимая стонъ,
Ужасный Сатана хохочетъ...

2.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ [17]).
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе мрачное чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ моря зыбкое стекло...

3.

—„Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье!
Какой порядокъ и молчанье!
Какой огромный сводовъ рядъ!
Но гдѣ же грѣшниковъ варятъ?
...........“—„Тамъ, гораздо далѣ.“
—„Гдѣ мы теперь?“—„Въ парадной залѣ.“

4.

—„Сегодня балъ у Сатаны:
На имянины всѣ званы...
Смотри, какъ эти два бѣсёнка
На кухню тащатъ поросёнка...
А этотъ бѣсъ—какъ важенъ онъ,
Какъ чинно выметаетъ вонъ
Опилки, сѣру, пыль и кости...
Скажи мнѣ, скоро ль будутъ гости?“

5.

....................—Кто тамъ?“
—„Привелъ я гостя.“—„Ахъ, Создатель!
Вотъ докторъ Фрикенъ [18]), нашъ пріятель!“
— „Живой!“—Онъ живъ, да нашъ давно.
Сегодня-ль, завтра-ль—всё равно!
—„Объ этомъ думаютъ двояко;

---

[17]) Сатана.

[18]) Извѣстный Кишиневскій врачъ того времени.

Обычай требовалъ, однако,
Соизволенья моего...“ [19])
1821.

XIII.

ЭКСПРОМПТЪ.

(П. С. Пущину).

И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовёшь: „свобода!“
Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
О каменщикъ почтенный!
О Кишинёвъ, о тёмный градъ!
Ликуй—имъ просвѣщенный! [20])
1821.

XIV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ В. Л. ДАВЫДОВУ.

Межъ-тѣмъ, какъ генералъ Орловъ [21]),
Обритый рекрутъ Гименея,
Подъ мѣрку подойти готовъ,
Священной страстью пламенѣя;
Межь-тѣмъ, какъ ты, проказникъ умный,
За ужиномъ съ бутылками аи,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной.
................Раевскіе мои;
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой распустила грязь
И съ горя на брегахъ Дуная
Бушуетъ нашъ безрукій князь— [22])
Тебя, Раевскихъ и Орлова
И память Каменки [23]) любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишинёвъ и про себя...

---

[19]) Вѣстникъ Европы *1874*, № 1.

[20]) Бригадный генералъ П. С. Пущинъ былъ основателемъ масонской ложи, подъ названіемъ „Овидіевой“, существовавшей въ 1821 году въ Кишиневѣ. Напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1874, № 1.

[21]) М. Ѳ. Орловъ, командовавшій въ то время 16-ю пѣхотною дивизіей, штабъ которой былъ расположенъ въ Кишиневѣ.

[22]) Князь Ипсиланти—глава этеристовъ.

[23]) Кіевская деревня, гдѣ жилъ В. Л. Давыдовъ, вмѣстѣ съ своимъ вотчимомъ генераломъ Раевскимъ и его сыновьями.

. . . .
Говѣетъ Инзовъ, и намедни
Я промѣнялъ Вольтера бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣдни,
Да на сушоные грибы... [24])
1821.

XV.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и чорный усъ,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за-то, что былъ Французъ,
Клеонъ — умомъ её стращая,
Дамонъ — за-то, что нѣжно пѣлъ...
Скажи теперь, моя Аглая,
За что̀ твой мужъ тебя имѣлъ? [25])
1821.

XVI.

ПОСЛАНІЕ КЪ И. И. ПУЩИНУ.

Я жду тебя! Тебя со мною
Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою;
И, Музъ возвышенный пророкъ,
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ —
И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульный,
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры,
Вниманье дружнее преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ [26]).
1824.

---

[24]) Вѣстникъ Европы 1874, № 1.

[25]) Библіогр. Записки *1858*, 6.

[26]) „Современное Обозрѣніе“ *1868*, № 4, 213. Помѣта: *Михайловское, 20 Сен-р 182* .

XVII.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.

1.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Не смыслю я другаго разговора.
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ
И, всюду насъ преслѣдуя, томитъ
Предметъ одинъ и думы, и страданій —
Неправда-ли, въ толпѣ младыхъ друзей
Наперсника мы ищемъ — и находимъ;
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Нарѣчіемъ восторговъ переводимъ.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И не́чего намъ болѣе желать,
Чтобъ оживить о ней воспоминанье —
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать...

2.

О, милый другъ, кому я посвятилъ
Мой первый сонъ, надежды и желанья,
Красавица, которой я былъ милъ,
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья,
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней,
Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы?
Я научилъ послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы
Безсонницы, дѣвическую муку.
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла;
Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла...
Простишь ли ты, о милая моя?

3.

. . . .
Не сѣтуйте, красавицы мои!

О, женщины, наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды прекраснаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Берётъ урокъ стыдливости покорной....
Но поутру, оправясь понемногу,
Встаётъ блѣдна, чуть ходитъ — такъ томна:
Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ „слава Богу!"
А старый другъ стучится у окна...

4.

. . . .

Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное, спасительное пѣнье!
Храни меня! Внемли моё моленье!
Досель я былъ ере́тикомъ любви,
Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель...
Раскаянье моё благослови:
Пріемлю я намѣренья благія—
Перемѣнюсь: Елену видѣлъ я...
Подвластна ей навѣкъ душа моя...
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравиться повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея груди зажги любви желанье—
Не то пойду молиться Сатанѣ.
Но дни бѣгутъ, и время сѣдиною
Мою главу тишкомъ посеребритъ,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтарёмъ меня соединитъ...
Даруй ты мнѣ блаженное терпѣнье,
Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь!

5.

Неправда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни весной,
Оставя классъ, мы бѣгали по волѣ
И тѣшились отважною борьбой?

. . . .

Сплетенные, кружась, идутъ по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ-на-крестъ ноги, руки,

То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой... [27])
1823.

XVIII.

Напрасно ахнула Европа:
Не унывайте, не бѣда!
Отъ Петербургскаго потопа
Спаслась „Полярная Звѣзда“.
Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты—
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди, и скоты [28]).
1824.

XIX.

ЭПИГРАММА.

Нашъ другъ Ѳита, кутейникъ въ эполетахъ,
Бормочетъ намъ растянутый псаломъ:
Поэтъ Ѳита, не становися Фертòмъ!
Дьячёкъ Ѳита, ты Ижица въ поэтахъ! [29])
1825.

XX.

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю — сижу орломъ
И болѣнъ праздностью поносной.
Бумаги берегу запасъ;
Натуги вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ
И то лишь за большою нуждой.
Но твой затѣйливый навозъ
Пріятно мнѣ щекочетъ носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей [30])
И духъ мой снова позываетъ
Ко испражненью прежнихъ дней [31]).
1825.

---

[27]) „Время“ *1861*, № VII. 286; „Библіогр. Записки“ *1861*, 584 и „Современникъ 1863, № VII, 175.

[28]) „Время“ *1863*, № 11, 238 и „Христоматія для всѣхъ“, *1873*, 625.

[29]) „Р. Архивъ“ *1874*, 141.

[30]) Графъ Д. И. Хвостовъ напечаталъ басню, гдѣ говорилъ о *зубастыхъ* голубяхъ.

[31]) Изъ письма къ князю П. А. Вяземскому, „Р. Архивъ“ *1874*, 421.

XXI.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Сатирикъ и поэтъ любовный,
Нашъ Аристипъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны,
Покойной тётушки моей;
Писатель нѣжный, тонкій, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой;
Но, милый, Музы наши — сёстры:
И такъ ты все же братецъ мой! [32])

1825.

XXII.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ, ВЪ РЕВЕЛЬ.

Такъ, море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ.
Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ — земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ—
Тиранъ, предатель или узникъ [33]).

1826.

XXIII.

ПОСЛАНІЕ ВЪ СИБИРЬ [34]).

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ

---

[32]) „Р. Архивъ“ *1874,* 425.

[33]) Тогда прошелъ слухъ, что Н. И. Тургенева везутъ моремъ изъ за границы въ Петербургъ, по требованію нашего правительства. „Р. Архивъ“, 1874, 431.

[34]) Пушкинъ, подобно Грибоѣдову, какъ извѣстно, не сочувствовалъ дѣлу декабристовъ и осуждалъ ихъ замыслы; но, связанный со многими изъ нихъ узами дружбы и товарищества, онъ сохранялъ лично къ нимъ неизмѣнную привязанность. Стихи эти были написаны въ Москвѣ, въ началѣ 1827 года, и вручены имъ тогда же Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой, передъ отъѣздомъ ея въ Сибирь къ супругу. Отдавая ихъ, Пушкинъ такъ крѣпко стиснулъ руку А. Г. Муравьевой, что у нея потомъ болѣли пальцы. „Р. Архивъ“ *1874*, 703. Это стихотвореніе надо сопоставить съ извѣстнымъ осмистишіемъ Пушкина, которое кончается словами: „И въ мрачныхъ пропастяхъ земли“.

Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.
1826.

XXIV.

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
Но — Сѣверъ забывать грѣшно.
Такъ слушай: поспѣшай Карлсбадскія пить воды,
Чтобъ съ нами снова пить вино [35]).
1828.

XXV.

АННѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ОЛЕНИНОЙ [36])

которой N. N. прислалъ плодовъ изъ своего сада.

Агрономитъ, хвастунъ безстыдный,
Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ:
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ богъ садовъ.

Чему дивиться тутъ? Харита
Улыбкой дряхлость побѣдитъ,
Съ ума сведётъ *агрономита*,
И пылъ желаній въ нёмъ родитъ.

И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,
Забудетъ о своёмъ крестѣ
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.
(1828).

---

[35]) „Р. Архивъ *1874*, 1579. Помѣта: *14 (26) Іюня 1828. Стрѣльна.* Написано подъ собственнымъ портретомъ, который былъ на прощанье данъ Пушкинымъ Н. Д. Киселеву.

[36]) Пушкинъ бывалъ въ домѣ Олениныхъ вскорѣ по выходѣ изъ Лицея и возобновилъ это знакомство по возвращеніи своемъ изъ ссылки. Въ 1828 году онъ былъ влюбленъ въ младшую дочь А. Н. Оленина, нынѣ госпожу Андро, и дѣлалъ ей предложеніе; но родители, которымъ не могъ нравиться тогдашній образъ мыслей и жизни Пушкина, отказали ему. Стихи эти появились сначала въ Библіогр. Зап. *1858*, 337.

XXVI.

СТИХИ,

которыми Пушкинъ заключилъ протоколъ лицейской годовщины 1828 года.

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ „ура",
Прощайте, братцы! Мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора [37]).
1828.

XXVII.

НАДПИСЬ

къ картинкѣ изъ „Евгенія Онѣгина", приложенной къ „Невскому Альманаху" и представляющей Пушкина и Онѣгина на набережной Невы.

Вотъ перешедши мостъ Кукушкинъ,
Опершись *задомъ* о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосьё Онѣгинымъ стоитъ.

Не удостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!
1829.

XXVIII.

БУЛГАРИНУ.

Не то бѣда, что ты Полякъ:
Костюшко — Ляхъ, Мицкевичъ — Ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ Татаринъ,
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь Жидъ — и это не бѣда;
Но то бѣда, что ты Булгаринъ [38]).
1829.

---

[37]) „Отеч. Записки, *1861*, № 12, и „Р. Архивъ" *1875*, 109.

[38]) Эта эпиграмма не вошла въ послѣднее изданіе, несмотря на то, что была дважды напечатана въ Русскихъ журналахъ еще при жизни Булгарина, на котораго написана. Именно, въ первый разъ она появилась въ „Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ", журналѣ, издаваемомъ Гречемъ и Булгаринымъ (1830, т. XI, № 17, стр. 303), съ такимъ объясненіемъ: „Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда, для раздачи любопытствующимъ, эпиграмма одного извѣстнаго поэта. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ и сберечь сіе драгоцѣнное произведеніе отъ искаженія при перепискѣ, печатаемъ оное". Затѣмъ слѣдуетъ самое стихотвореніе съ примѣчаніемъ: „Правда, бѣда—по кому? Не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатинымъ и т. п.?" Въ 1858 году эпиграмма эта была напечатана снова въ 1-мъ томѣ „Библіографическихъ Записокъ" (т. I, № 12, столб. 368).

XXIX.

НЕВѢСТѢ.

Я влюбленъ, я очарованъ,
Я совсѣмъ *огончарованъ!*
Съ утра до вечера за нею я стремлюсь
И встрѣчь нечаянныхъ и жажду, и боюсь.
1830.

XXX.

ЭКСПРОМПТЪ ЖЕНѢ.

Для твоего поэта
Насталъ великій постъ.
Не ожидай, чтобъ въ эти лѣта
Я былъ такъ простъ!
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ [39]).
(1831).

XXXI.

ГАРАЛЬ И ГАЛЬВИНА.

Взошла луна надъ дремлющимъ заливомъ,
Въ глухой туманъ окрестности легли;
Полночный вѣтръ качаетъ корабли
И въ парусѣ шумитъ нетерпѣливомъ.
Взойдетъ заря — далёкъ ихъ будетъ строй.
Остри свой мечъ, воитель молодой!

Гдѣ ты, Гараль? Печальная Гальвина
Ждетъ милаго въ пещерной темнотѣ.
Спѣши, Гараль, къ унылой красотѣ!
Заря блеснётъ — и гордая дружина
Умчится вдаль грозящая войной.
Гдѣ ты, гдѣ ты, воитель молодой?

Гальвина съ нимъ. О, сколько слёзъ печали,
И сколько слёзъ восторговъ и любви!
Но край небесъ блѣднѣетъ, и въ дали
Рѣдѣетъ тѣнь. Ужь латы зазвучали;
Близка заря; несётся шумъ глухой...
Что медлишь ты, воитель молодой?

---

[39]) Эти намёки требуютъ біографическихъ разъясненій. Пушкинъ женился въ Февралѣ мѣсяцѣ этого года.

Призывному Гальвина клику внемлетъ,
Тоски, надеждъ и робости полна.
Едва дыша, разлуки ждётъ она;
Но юноша на персяхъ дѣвы дремлетъ.
Призывы битвъ умолкли за горой —
Не слышалъ ихъ воитель молодой.

Уже суда покинуть брегъ готовы,
Къ нимъ юноши съ веселіемъ бѣгутъ,
Прощальну длань подругамъ подаютъ;
Златой зари раскинулись покровы;
Но, утомленъ любовью и тоской,
Покоится воитель молодой.

Пылаетъ день. Онъ открываетъ очи.
Гальвина мнитъ ласкающей рукой
Сокрыть отъ глазъ досадный свѣтъ дневной.
„Прости, пора! Сокрылись тѣни ночи:
Спѣшу къ мечамъ!“ воскликнулъ — и стрѣлой
Летитъ на брегъ воитель молодой.

Но тихо всё; лишь у пустаго брега
Подъемлется шумящая волна;
Лишь дѣва тамъ печальна и блѣдна,
И вдалекѣ плывутъ ладьи набѣга.
О, для чего печальной красотой
Плѣнялся ты, воитель молодой?

Она въ слезахъ; въ нѣмой воитель думѣ.
„О, милый другъ! о жизнь души моей!
Что слава намъ? Что дѣлать средь мечей?
Пускай другой несется въ бранномъ шумѣ;
Но я твоя, ты вѣчно, вѣчно мой!...
Забудь войну, воитель молодой!“

Гараль молчалъ. Надменное вѣтрило
Его звало къ боямъ чужой земли;
Но съ бурею такъ быстро корабли
Летѣли вдаль, и дѣва такъ уныло
Его влекла трепещущей рукой...
Все, все забылъ воитель молодой!

И онъ у ногъ своей подруги нѣжной
Сказалъ: „пускай гремятъ набѣгъ и брань:
Забыла мечъ ослабленная длань!“
Ихъ дни слились въ отрадѣ безмятежной;
Лишь у бреговъ терзаемыхъ волной,
Дрожа, краснѣлъ воитель молодой.

Но быстро дни восторговъ пролетѣли.
Бойцы плывутъ къ брегамъ родной земли;
Сыны побѣдъ съ добычей притекли
И Скальды имъ хваленья пѣснь воспѣли.
Тогда поникъ безславною главой
На пиршествахъ воитель молодой.

Могучіе наперсники судьбины
Къ ногамъ невѣстъ повергли мечъ и щитъ;
Кровавый мечъ героевъ не лежитъ
У ногъ одной оставленной Гальвины:
Красавица вздохнула — и другой
Ее плѣнилъ воитель молодой.

Съ тѣхъ поръ одинъ бродилъ Гараль унылый.
Умолкъ его веселый прежде гласъ;
Лишь иногда въ безмолвный ночи часъ
Уединенъ шепталъ онъ имя милой.
Война зажглась — и встрѣчи роковой
Пошолъ искать воитель молодой [40]).

XXXII.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Отъ тлѣнья убѣжавъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны —
Клянусь, давно бы я оставилъ этотъ міръ.
Я сокрушилъ бы жизнь, уродливый кумиръ,
И улетѣлъ въ страну свободы, наслажденій,
Въ страну, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предубѣжденій,
Гдѣ мысль одна плыветъ въ небесной чистотѣ...
Но тщетно предаюсь обманчивой мечтѣ:
Мой умъ упорствуетъ, надежду презираетъ...
Ничтожество меня за гробомъ ожидаетъ...
Какъ? Ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мнѣ страшно, и на жизнь гляжу печаленъ вновь,

---

[40]) Стихотвореніе это до сихъ поръ напечатано не было. Оно написано Пушкинымъ ещё въ Лицеѣ и относится къ одному времени съ написанными имъ же стихотвореніями „Осгаръ“ и „Эвлега“, которыя суть ни что иное, какъ переложенія Макферсоновской прозы въ стихи. Несмотря на тонъ пьесы, видимо, настроенный подъ Оссіановскій, въ ней, тѣмъ не менѣе, всё говоритъ о томъ вліяніи Французскихъ поэтовъ, подъ которымъ Пушкинъ находился въ первые годы своей поэтической дѣятельности и которому не чужды были даже Жуковскій и Батюшковъ. Наконецъ, самая форма „Гараля и Гальвины“—чисто Французская форма начала нашего вѣка и напоминаетъ всего болѣе „Chants Elégiaques“ Мильвуа.

И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милой
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой [41]).

XXXIII.

Князь *Шаликовъ*, газетчикъ нашъ печальный,
Элегіи семьѣ своей читалъ,
А казачёкъ огарокъ свѣчки сальной
Предъ нимъ со трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, зарыдалъ.
„Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!"
Князь дочерямъ въ восторгѣ закричалъ.
„Почто, о милое дитя натуры,
Слезой наполнился твой взоръ?"
А тотъ въ отвѣтъ: „мнѣ хочется на дворъ".

XXXIV.

ПРО СЕБЯ.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь,
Я много обѣщаю —
Исполню ли? — Богъ вѣсть! [42])

XXXV.

Сошлися книжники, и вскорѣ
Михайло Дмитріевъ рецензію скропалъ,
Въ которой ясно доказалъ,
Что Горе отъ ума — не Дмитріева горе [43]).

XXXVI.

НА ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БИТВЫ ПРИ ТИВЕРІАДѢ [44]).

Не всѣхъ бѣснующихъ людей
Богъ истребилъ въ Тиверіядѣ,
И изъ утопленныхъ свиней
Одна осталась въ Петроградѣ

XXXVII.

Ѳаддей роди „Ивана",
„Иванъ" роди „Петра":

---

41) „Р. Архивъ" 1874, 221.
42) „Библіогр. Записки", *1858*, 370.
43) „Р. Рѣчь" *1861*, № 95, стр. 678 и „Библ. Записки" *1861*, 588.
44) „Драмы А. Н. Муравьева".

От дѣдушки-болвана
Какого жъ ждать добра? [45])

XXXVIII.

Рѣшилъ Булгаринъ вдохновенный,
Что я въ дворянствѣ мѣщанинъ.
Кто жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ на Мѣщанской [46]) дворянинъ [47]).

XXXIX.

Ѳаддей Булгаринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ.

Тотъ шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный Арабъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.

И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ среди морскихъ пучинъ
Громада кораблей вспылала,
И палъ впервыя Наваринъ.

XL.

Къ Смирдину какъ ни зайдешь —
Ничего не купишь:
Иль Сенковскаго найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь [48]).

XLI.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Не вѣрю чести игрока,
Не вѣрю я Француза дружбѣ,

---

[45]) „Христоматія для всѣхъ" *1873*, 625.

[46]) Улица въ Петербургѣ, нынѣ Казанская, гдѣ нѣкогда были разные притоны.

[47]) Эта эпиграмма не была до сихъ поръ напечатана.

[48]) „Библіогр. Записки" *1858*, 370.

Любви къ Россіи Поляка
И безкорыстью Нѣмца въ службѣ.

XLII.

НИМФОДОРѢ СЕМЕНОВОЙ.

Желалъ бы быть твоимъ покровомъ,
Или собачкою твоей,
Или поручикомъ Барковымъ...
Ахъ, онъ поручикъ! ахъ злодѣй! [49])

XLIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. КЕРНЪ,

по поводу встрѣченныхъ въ немъ Французскихъ стиховъ Д. Н. Баркова.

Не смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такого
Не смѣю громко произнесть [50]).

XLIV.

СЕСТРѢ Г-ЖИ КЕРНЪ.

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни Украинскихъ черешенъ [51]).

XLV.

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы, Весталка,
Тебя мнѣ жалко!

XLVI.

ЭКСПРОМПТЪ [52]).

Грядетъ съ заката царь природы —
И изумленные народы
Не знаютъ, что́ начать:
Ложиться спать или вставать.

---

[49]) „Русская Рѣчь", 1861, №, 95, стр. 678.

[50]) „Библіотека для Чтенія", 1859, IV, 127 и „Современникъ" 1863, VIII, 35.

[51]) „Библіотека для Чтенія", 1859, IV, 127.

[52]) Первый, лишенный смысла, стихъ принадлежитъ одному изъ лицейскихъ товарищей Пушкина, который усиливался, въ классѣ Кошанскаго, написать что нибудь далѣе. Пушкинъ приписалъ ему остальные три стиха.

XLVII.

КНЯЖНѢ А. А. МЕЩЕРСКОЙ [53]).

Тебѣ подобной въ свѣтѣ нѣтъ!
Весь міръ твердитъ, и я съ нимъ тоже:
Другой—что̀ годъ, то больше лѣтъ;
А ты—что́ годъ, то всё моложе.

XLVIII.

Брови царь нахмуря,
Говорилъ: „вчера
Повалила буря
Памятникъ Петра“.

Тотъ перепугался:
—„Я не зналъ! Уже ль?“
Царь расхохотался:
—„Первый, братъ, Апрѣль!“

Говорилъ онъ съ горемъ
Фрейлинамъ дворца:
„Вѣшаютъ за моремъ.....

„То-есть, разумѣю“,
Вдругъ примолвилъ онъ:
„Вѣшаютъ за шею;
Строгъ у нихъ законъ“ [54]).

XLIX.

Я вкругъ Стурдзы [55]) хожу,
Вкругъ библическаго;
Я на Стурдзу гляжу
Монархическаго.

---

[53]) „Р. Архивъ“ *1875*, 109. Княжна имѣла обыкновеніе праздновать день своего рожденья и слабость—уменьшать свои года.

[54]) „Р. Архивъ“ *1874*, 450, въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому.

[55]) „Р. Архивъ“, *1874*, 123. Эта пародія на пѣсню, начинающуюся стихомъ „Я вкругъ бочки хожу“, была написана Пушкинымъ до знакомства его съ А. С. Стурдзою. Позднѣе, познакомившись съ нимъ и узнавъ его короче, онъ оцѣнилъ высокія качества его ума и обширное образованіе, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ князю П. А. Вяземскому, отъ 14 Октября 1823 года: „Здѣсь Стурдза монархическій; я съ нимъ не только пріятель, но кое о чемъ и мыслимъ одинаково, не лукавя другъ предъ другомъ. Читалъ ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Графъ Ланжеронъ увѣряетъ меня: „qu'il y a trop de bon Dieu“.

L.

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-мудрецъ, полу-невѣжда,
Полу-подлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.
(1824)

LI.

Дѣдушка-игуменъ [56]).
Былъ ли намъ пріятенъ?
Жилъ ли онъ межъ гуменъ,
Иль межъ голубятенъ?
Бабочкамъ-молодкамъ
Онъ ли строилъ куры?
Дѣвушкамъ-красоткамъ,
Объяснялъ ли, куры
Отчего несутся?
(1825).

*

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА,

ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНІЕ ЕГО СОЧИНЕНІЙ СЪ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ПРОПУСКАМИ, ИЛИ ВЪ ДРУГОЙ РЕДАКЦІИ.

I.

ДРУЗЬЯМЪ.

Первая редакція стихотворенія того же имени, напечатаннаго на 141 страницѣ 1-го тома послѣдняго изданія „Сочиненій А. С. Пушкина“.

Среди бесѣды нашей шумной,
Одинъ унылъ и мраченъ я...
На пиръ раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любилъ и я когда-то съ вами
Подъ звонъ бокаловъ пировать
И гармонически стихами
Пировъ веселье воспѣвать.

---

[56]) Относится къ игумену Святогорскаго монастыря, которому вмѣнено было въ обязанность навѣщать Пушкина въ его сельскомъ изгнаніи и слѣдить за его нравственностью.

Но пролетѣлъ мигъ упоеній!
Я радость свѣтлую забылъ;
Меня печали мрачный геній
Крылами черными покрылъ...
Не кличьте жъ вы меня съ собою
Подъ звонъ бокаловъ пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.
Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте же, друзья!
Утратьте вечеръ скоротечный —
И вашей радости безпечной
Сквозь слёзы улыбнуся я.
1816.

II.

АЛЕКСѢЮ ѲЕДОРОВИЧУ ОРЛОВУ.

О, ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
(Хотя и Русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенный!
О, ты, который съ каждымъ днёмъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верхомъ,
Преподаешь *князей* науку,
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача [1]—
Орловъ, ты правъ: я покидаю
Мои гусарскія мечты,
И съ Соломономъ восклицаю:
„Мундиръ и сабля — суеты!"
На генерала Киселева [2])
Не положу моихъ надеждъ.
Онъ очень милъ — о томъ ни слова;
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За жирнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ — придворный: обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.

---

[1]) Телѣсныя наказанія въ полкахъ были при Александрѣ Павловичѣ, къ концу его царствованія, очень строги. Это былъ слѣдъ занятій его при Павлѣ.

[2]) Впослѣдствіи графа Павла Дмитріевича.

И такъ, смиривъ свои желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Я скроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой,
Подъ тѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
Надъ озеромъ въ покойной хатѣ,
Или въ травѣ густой луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ Бухарской шапкѣ и халатѣ,
Я буду пѣть моихъ боговъ
И буду ждать, пока возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани грозный вызовъ грянетъ.
Тогда покину миръ полей.
Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ! Я стану подъ знамёны
Твоихъ воинственныхъ дружинъ:
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечомъ и лирой боевой,
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.
1818.

III.

ОТРЫВОКЪ.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ — и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли.

И дѣлу своему владыка самъ дивился.
„Се благо!“ думалъ онъ — и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралтара.
Всё молча ждётъ удара —
Всё пало ницъ, склонились всѣ главы.

„Свершилось“, молвилъ онъ. „Давно ль народы міра
Паденье славили великаго кумира?.. [3]).
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

[3]) Точки означаютъ, что промежуточныхъ стиховъ до насъ не дошло.

„Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла?
Надеждой новою Германія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Ужъ правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?

„Давно ль? — и гдѣ же вы, зиждители свободы?
Ну что жъ? Витійствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
Вотъ Кесарь — гдѣ же Брутъ? О, грозные витіи,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!“

Онъ рекъ — и нѣкій духъ повѣялъ невиди́мо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ.
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи.
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій, какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ бровей
Не обличали въ нёмъ изгна̀ннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казнённаго по манію царей.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ.
Во цвѣтѣ здравія и мужества и мощи,
Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Аустерли́ца
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И Русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ.
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ

И съ миромъ и позоромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ...
1821.

IV.

Къ стихамъ про Кишиневъ, напечатаннымъ на 503-й стр. послѣдняго изданія „Сочиненій А. С. Пушкина“.

А здѣсь какъ бы на зло судьбѣ:
Ни сводни, ни книгопродавца,
И развѣ вечеркомъ къ тебѣ
Зайдутъ два милые красавца [4]).
(1823).

V.

КЪ СЕВЕРИНУ [5]).

Первая редакція стихотворенія „Жалоба“, напечатаннаго на 262 страницѣ 1-го тома послѣдняго изданія „Сочиненій А. С. Пушкина“.

Вашъ дѣдъ — портной, вашъ дядя—поваръ,
А вы?—вы знатный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ,
Высокородный Северинъ.

Потомокъ предковъ благородныхъ,
Увы, никто въ моей роднѣ
Не шьётъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ!
1824.

VI.

ЭЛЕГІЯ НА КОНЧИНУ ТЕТУШКИ.

Первая редакція стихотворенія того же имени, напечатаннаго на 304 страницѣ 1-го тома послѣдняго изданія „Сочиненій А. С. Пушкина“.

Охъ, тётенька! охъ Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маменькѣ любовна,
Была ты къ папенькѣ добра.

Была ты Лисаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвѣй Михайловичъ, какъ кровный,
Тебя встрѣчалъ среди двора.

---

[4]) Надо припомнить, что эти стихи были написаны Ф. Ф. Вигелю. Знавшіе сего послѣдняго поймутъ тонкость намека.

[5]) Д. П. Северинъ, впослѣдствіи посланникъ въ Мюнхенѣ, происходилъ отъ Нѣмцевъ. Будучи родственникомъ, по первой своей супругѣ, съ А. С. Стурздою, онъ пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ встрѣтился съ Пушкинымъ, который впослѣдствіи жалѣлъ объ этой сорвавшейся у него съ языка эпиграммѣ, такъ какъ Северинъ былъ человѣкъ достойный всякаго уваженія.

Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,
Какъ-бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной,
Ты раздѣляла хлѣбъ и соль?

Увы! зачѣмъ Василій Львовичъ
Твой гробъ стихами омочилъ?
Зачѣмъ стихи его поповичъ
Подлецъ Красовскій [6]) пропустилъ.
(1825).

VII.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки Русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри, пожалуй, вздоръ какой!
Я не лейбъ-кучеръ [7]), не ассессоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто — Русскій мѣщанинъ!

Понятна мнѣ временъ превратность:
Не прекословлю, право, ей.
У насъ нова́ рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ
И, слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ —
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами [8]),
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ [9]),
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками [10]),
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ [11]),
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ.
Куда жъ мнѣ быть аристократомъ!
Я, слава Богу, мѣщанинъ!

---

[6]) Извѣстный цензоръ.

[7]) Извѣстный кучеръ Александра Павловича Илья Байковъ состоялъ въ полковничьемъ рангѣ.

[8]) Князь А. Д. Меншиковъ.

[9]) Князь А. А. Безбородко.

[10]) Графъ А. Г. Разумовскій.

[11]) Бывшій деньщикъ Петра Великаго, графъ А. И. Румянцевъ.

Мой предокъ, ради славы бранной,
Святому Невскому служилъ [12];
Его потомство гнѣвъ вѣнчанный,
Иванъ Четвертый, пощадилъ.
Водились Пушкины съ царями;
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ [13],
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ граматѣ своей народъ,
Мы къ оной руку приложили [14];
Насъ жаловалъ страдальца сынъ... [15]
Бывало, нами дорожили;
Но я — я темный мѣщанинъ!

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ,
И былъ за-то повѣшенъ имъ [16].
Его примѣръ будь намъ наукой:
Не любитъ спора властелинъ...
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой.
Счастливъ покорный мѣщанинъ!

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра [17].
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой — въ крѣпость, въ карантинъ...
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ граматъ сохранилъ;

---

[12]) Радша, Прусскій выходецъ того времени.

[13]) Григорій Гавриловичъ Пушкинъ, въ честь котораго Пушкинъ далъ имя старшему своему сыну, и другіе его предки.

[14]) Четверо Пушкиныхъ подписали эту грамату.

[15]) Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.

[16]) Стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Пушкинъ былъ замѣшанъ въ Стрѣлецкомъ заговорѣ Циклера и Соковнина.

[17]) Подполковникъ Левъ Александровичъ Пушкинъ.

Я не якшаюсь съ модной знатью
И крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я просто Пушкинъ — не Мусинъ,
Я самъ-большой — не царедворецъ:
Я грамотѣй, я мѣщанинъ!

*

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Указаніе нѣкоторыхъ пропусковъ и погрѣшностей въ послѣднемъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина.

I.

КЪ СЕСТРѢ.

Стр. 7. Точки послѣ стиха: „Съ угрюмой тишиной", поставлены самимъ Пушкинымъ, и пропуска тутъ нѣтъ, какъ равно и на стр. 10-й.

II.

КЪ ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ.

Стр. 12, строка 2-я снизу: вмѣсто *отшельникъ—священникъ.*

Стр. 13, строка 9-я и 10-я читаются такъ: „Послушайте", сказалъ священникъ мужикамъ: „Какъ въ *церкви* васъ учу, такъ вы и поступайте".

III.

КОЛЬНА.

Точки, поставленныя въ двухъ мѣстахъ на страницѣ 16-й, не означаютъ пропусковъ, такъ-какъ онѣ поставлены самимъ авторомъ.

IV.

ПИРУЮЩІЕ СТУДЕНТЫ.

Стр. 24. Въ концѣ второй строки недостаетъ двухъ стиховъ:

И будутъ самые цари
Завидовать студентамъ.

Въ той же строфѣ, вмѣсто: *защитникъ—апостолъ.*

Четыре стиха, начинающіеся словами: „Острякъ любезный" (стр. 24)— относятся къ покойному поэту А. Д. Илличевскому. Слѣдующіе восемь стиховъ (стр. 25) — относятся къ князю Горчакову. Слѣдующая за ними строфа, начинающаяся стихомъ: „Товарищъ милый ,другъ прямой!" и отличающаяся особенной теплотою, обращена къ И. И. Пущину, умершему въ 1859 году. Строфа, начинающаяся стихомъ: „О ты, который съ дѣт-

скихъ лѣтъ“—относится къ М. Л. Яковлеву; слѣдующая за ней—къ И. В. Малиновскому (позднѣе полковникъ въ отставкѣ); слѣдующая (стр. 26), начинающаяся стихомъ: „Приближься, милый нашъ поэтъ!“—къ Н. А. Корсакову, умершему въ началѣ двадцатыхъ годовъ во Флоренціи. Наконецъ, послѣдніе два стиха посланія обращены къ В. К. Кюхельбекеру, умершему въ 1843 году въ Сибири.

V.

ГОРОДОКЪ.

Стр. 33. Послѣ стиха: „Увы! ни на часокъ“—опущено три стиха. Вотъ они:

Какъ-будто у налоя
Въ великій Четвертокъ
Измученный дьячёкъ.

Стр. 44. Вмѣсто точекъ:

Служителей твоихъ,
Поповъ я городскихъ,
Боюсь, боюсь бесѣды,
И свадебны обѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ...

Слѣдующую затѣмъ строку точекъ слѣдуетъ исключить, такъ-какъ тутъ пропуска нѣтъ.

Стр. 45. Опущены слѣдующія четыре заключительныхъ стиха:

Тогда клянусь богами,
(И слово ужъ сдержу)
Я съ сельскими попами
Молебенъ отслужу.

Всѣ эти пропуски были напечатаны въ „Библіографическихъ Запискахъ“ (1861, т. III, № 9, столб. 272).

VI.

ВИШНЯ.

Стр. 99. Пропущенъ 8-й куплетъ.

Корсетомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
Подъ фартукомъ скрыта
Приманка людей.

Стр. 100. Пропущенъ конецъ, неудобный для печати.

VII.

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ,

Стр. 129. Вмѣсто: *Ослова* и *Шутовского*, читай: *Шишкова* и *Шаховского*.

VIII.

ДРУЗЬЯМЪ.

Стр. 141. Первоначальная редакція этого стихотворенія была напечатана въ „Библіографическихъ Запискахъ“ (1861, т. III, № 19, столб. 591), откуда мы и перепечатываемъ ее.

IX.

КЪ А. Ѳ. ОРЛОВУ.

Стр. 187. Въ стихотвореніи этомъ, въ началѣ, пропущено нѣсколько строкъ. Онѣ были частью напечатаны въ „Библіографическихъ Запискахъ“ (1858, т. I, № 11, столб. 338).

X.

КЪ П. Я. ЧААДАЕВУ.

Стр. 188. Пропущенъ конецъ, изъ котораго въ „Библіографическихъ Запискахъ“ (1861, т, III, № 19, столб. 591) было напечатано четыре стиха, а въ „Вѣстникѣ Европы“ 1871, т. (II, № 3, стр. 453) остальные, безъ двухъ послѣднихъ доселѣ неудобныхъ для печати. Вотъ этотъ пропускъ:

Подъ гнётомъ власти роковой,
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждётъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!
Товарищъ, вѣрь; взойдётъ она,
Заря плѣнительнаго счастья:
Россія вспрянетъ ото сна...

XI.

В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Стр. 200. Въ предпослѣднемъ стихѣ пропущено: *небеснаго царя*.

XII.

ОТВѢТЪ.

Стр. 209. Стихотвореніе это, по свидѣтельству И. И. Пущина, написано въ 1816, а не въ 1819 году, какъ указано у гг. Анненкова и Ген-

нади, и было названо первоначально „Къ ней". Въ 7-мъ стихѣ пропущено слово: *царей*.

XIII.

ЧААДАЕВУ.

Стр. 214. Послѣ точекъ, означающихъ пропускъ, слѣдуетъ поставить вмѣсто Ч*аа*даевъ—Ч*а*даевъ, что требуется размѣромъ четырёхъ-стопнаго ямба.

XIV.

РѢДѢЕТЪ ОБЛАКОВЪ ЛЕТУЧАЯ ГРЯДА.

Стр. 215. Въ концѣ стихотворенія опущено три стиха:

Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Стихи эти были исключены самимъ Пушкинымъ *по особымъ причинамъ*, которыхъ теперь не существуетъ, и потому ихъ не слѣдуетъ относить къ примѣчаніямъ, какъ это сдѣлали гг. Анненковъ и Геннади, а печатать на своемъ мѣстѣ.

XV.

ЧААДАЕВУ.

Стр. 230. Вмѣсто точекъ:

Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ...

варіантъ:

Вельможи знатнаго, холопа при звѣздѣ,
Или философа...

Подъ именемъ философа здѣсь разумѣется извѣстный графъ Толстой, прозванный Американцемъ, къ которому относятся всѣмъ хорошо извѣстные стиха въ „Горѣ отъ ума":

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ
И крѣпко нà руку нечистъ.

Стр. 231. Послѣ стиха: „Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ", опущенъ стихъ, не означенный точками:

Вольнолюбивыя надежды оживимъ...

XVI.

НАПОЛЕОНЪ.

Стр. 235. Вмѣсто точекъ слѣдуетъ стихъ относящійся къ Людовику XVI-му:

Во прахѣ царскій трупъ лежалъ.

XVII.

Гробъ юноши.

Стр. 240. Точки, въ началѣ стихотворенія, поставлены самимъ Пушкинымъ и не означаютъ пропуска.

XVIII.

И нѣкій духъ повѣялъ невидимо...

Стр. 251. Опущено начало.

XIX.

Жалоба.

Стр. 262. Въ печатной и рукописной редакціяхъ этого стихотворенія есть довольно значительная разница, почему мы и печатаемъ его цѣликомъ.

XX.

Элегія.

Стр. 265. Это стихотвореніе, какъ равно и слѣдующее за нимъ, въ которомъ точки не означаютъ пропуска, такъ-какъ онѣ поставлены самимъ Пушкинымъ, относятся къ г-жѣ Ризничь, а стихъ

Скажи ещё, *соперникъ* вѣчный мой—

къ г. Сабаньскому.

XXI.

Къ морю.

Стр. 275, строка 7: опущено слово: *тиранъ*.

XXII.

Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.

Стр. 282. Строка точекъ, встрѣчающаяся на этой страницѣ, поставлена авторомъ, и потому тутъ пропуска нѣтъ.

XXIII.

Первое посланіе къ Аристарху.

Стр. 300. Въ 10-й строкѣ снизу пропущено слово: *Христосъ*.

XIV.

Второе посланіе къ Аристарху.

Стр. 302. Вмѣсто строки точекъ слѣдуетъ поставить:

Не оскорбляя тѣмъ и Господа-Христа.

Стр. 303, строки 6 и 7 въ письмѣ Пушкина къ князю П. А. Вяземскому читаются такъ:

Отъ хлада нашихъ *дней спасалъ* онъ лавръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины.

Стр. 303, строка 16: Вмѣсто К. читай—Кавелинъ.

XXV.

Элегія на кончину тетушки.

Стр. 304, послѣдняя строка: вмѣсто К........—Красовскій. Другая редакція этого стихотворенія помѣщена выше (стр. 235), въ отдѣлѣ варіантовъ и исправленій.

XXVI.

19 Октября.

Стр. 315. Послѣ стиха: „Наперсники, товарищи проказъ", въ нѣкоторыхъ спискахъ находятся слѣдующіе четыре стиха, относящіеся къ И. И. Пущину, промѣнявшему службу въ гвардіи на мѣсто судьи въ Московскомъ надворномъ судѣ:

И всё прошло: проказы, заблужденья!
Ты освятилъ тобой избранный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Стр. 317. Здѣсь пропущено три стиха, напечатанные въ „Библіографическихъ Запискахъ" (1861, т. III, № 19, столб. 588) и „Вѣстникѣ Европы" (1871, т. II, № 3, стр. 458):

Онъ человѣкъ — имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей;
Но—такъ и быть—простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

XXVII.

Ты знаешь край...

Стр. 344. Точки, встрѣчающіяся въ этомъ неоконченномъ наброскѣ, поставлены самимъ Пушкинымъ, предполагавшимъ, вѣроятно, замѣнить ихъ впослѣдствіи стихами.

XXVIII.

Риѳма—звучная подруга...

Стр. 376. Точки, встрѣчающіяся въ этомъ стихотвореніи, или поставлены самимъ Пушкинымъ, или означаютъ мѣста, которыхъ невозможно было разобрать.

XXIX.

Пародія.

Стр. 378. Опущенъ конецъ стихотворенія:

Ты помнишь ли, какъ всю пригналъ Европу
На насъ однихъ вашъ Бонапартъ-буянъ?
Французовъ видѣли тогда мы многихъ...
Да и твою, г....... капитанъ!
Хоть это намъ—и проч.

А помнишь ли, какъ были мы въ Парижѣ,
Гдѣ нашъ солдатъ и полковой нашъ попъ
Морочилъ васъ, подсѣвъ къ винцу поближе,
И вашихъ жонъ похваливалъ......
Хоть это намъ—и проч.

Стихотвореніе это было напечатано въ статьѣ В. П. Гаевскаго „Празднованіе Лицейскихъ годовщинъ", помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ". 1861, т. 139, № 12, отд. III, стр. 36.

XXX.

Эпиграммы.

Стр. 403—405. Эпиграмы, подъ №№ 1-й 2-й, написаны на Каченовскаго, а подъ № 3-мъ—на Надеждина, какъ равно и слѣдующая за нею притча: „Сапожникъ".

XXXI.

Стансы.

Стр. 406. Это посланіе къ покойному митрополиту Московскому Филарету, въ отвѣтъ на его передѣлку извѣстной піэсы Пушкина: „26-го Мая 1828 года".

У ПУШКИНА:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана? и проч.

У ФИЛАРЕТА:

Не напрасно, не случайно,
Жизнь судьбою намъ дана... и проч.

XXXII.

Моя родословная.

Стр. 433. Напечатано съ пропусками четырёхъ послѣднихъ стиховъ первой строфы, четырёхъ первыхъ стиховъ второй, всей третьей строфы, четырехъ послѣднихъ стиховъ шестой строфы и всей седьмой. Затѣмъ, въ примѣчаніяхъ къ 1-му тому (стр. XLIV) указанные нами пропуски были помѣщены, съ небольшими исключеніями. Для ясности, печатаемъ эту пьесу цѣликомъ.

XXXIII.

Въ альбомъ.

Стр. 452. Относится къ А. О. Россети.

XXXIV.

Когда бъ не смутное влеченье...

Стр. 469. Относится къ А. А. Олениной.

XXXV.

Полководецъ.

Стр. 472. Точки, встрѣчающіяся въ этомъ стихотвореніи, поставлены самимъ Пушкинымъ, и потому это не пропускъ.

XXXVI.

19 Октября 1836.

Стр. 494. Точки, поставленныя въ концѣ этого стихотворенія (стр. 494), означаютъ не пропускъ, а то, что оно не окончено самимъ поэтомъ.

XXXVII.

Проклятый городъ Кишиневъ.

Стр. 503. Десятый стихъ читается такъ:

Такъ, если вѣрить Моисею...

XXXVIII.

Меня въ бѣду повергъ..

Стр. 508. Первый стихъ читается такъ:

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ.

XXXIX.

Эпиграммы.

Стр. 510—512. Эпиграммы эти написаны: 1-я (*Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій*) — на Каченовскаго, 2-я и 3-я (*Не то бѣда...* и *Повѣрьте мнѣ...*)— на Булгарина.

XL.

Томъ III, стр. 102. Первыя четыре строки XLIII строфы четвёртой главы „Евгенія Онѣгина“ были написаны первоначально такъ:

Въ глуши что̀ дѣлать въ это время?
Гулять? но голы всѣ мѣста,
Какъ лысое Сатурна темя
Иль крѣпостная нищета.

(См. „Русскій Архивъ“, 1874, стр. 463).

1861-Й ГОДЪ.

Эпизодъ изъ исторіи Калужскаго крестьянства.

Когда вышелъ обезсмертившій имя Царя-Освободителя манифестъ 19 Февраля 1861 года, начальникомъ Калужской губерніи былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ [1]). Я въ то время былъ судебнымъ слѣдователемъ (хотя не утвержденнымъ въ этой должности) Тарусскаго уѣзда, съ городомъ включительно. Болѣе предусмотрительнаго и осторожнаго въ своихъ дѣйствіяхъ администратора, ясно излагавшаго свои наставленія подчиненнымъ, вѣжливаго въ обращеніи съ сими послѣдними, неутомимаго въ занятіяхъ и честнаго, въ полномъ смыслѣ слова, я никогда не имѣлъ надъ собою начальника. При учрежденіи (лѣтомъ 1860 года) новой должности судебныхъ слѣдователей, я былъ назначенъ В. А. Арцымовичемъ въ эту должность на основаніи первоначальнаго положенія, предоставлявшаго мѣстному губернатору, по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ, назначать судебныхъ слѣдователей по всей губерніи. Знаю, что съ моимъ отзывомъ о В. А. Арцымовичѣ, часть (если не большинство) Калужскаго дворянства не согласится; но здѣсь не мѣсто излагать всѣ фазисы этой междоусобной брани, которая доходила до ступеней царскаго престола и изъ которой правота В. А. Арцымовича получила новый блескъ, а онъ административное повышеніе [2]). Потому я прямо приступлю къ сущности дѣла, т. е. къ разсказу о томъ, какъ совершилось въ Калужской губерніи обнародованіе Высочайшаго манифеста 19 Февраля.

Не помню, какого числа былъ обнародованъ манифестъ въ Москвѣ; но по милости бюрократическихъ препятствій, В. А. Арцымовичъ не могъ для этого назначить число ранѣе 12 Марта. Одновременно съ этимъ, желая, чтобы обнародованіе великаго событія совершилось по всей ввѣренной ему губерніи въ одинъ и тотъ же день (дабы избѣгнуть недоразумѣній въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жители узнали бы о томъ по однихъ слухамъ), онъ послалъ во всѣ уѣздные города просить всѣхъ тамошнихъ чиновниковъ (безъ различій вѣдомствъ), чтобы они раздѣлили между собою весь уѣздъ по приходамъ, и за тѣмъ чтобы на слѣдующій день, 12 Марта (распоряженіе губернатора было сдѣлано отъ 11 числа) прочтенъ былъ бы во всѣхъ сельскихъ церквахъ мѣстнымъ священникомъ самый манифестъ, а чиновниками—распорядительный указъ Сената (изъ котораго крестьяне не поняли, конечно, ни единаго слова); а вслѣдъ за тѣмъ, чтобы отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. Но

---

[1]) Предмѣстникъ его, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, внезапно, лѣтомъ 1858 года, подалъ прошеніе объ увольненіи.

[2]) Возникла тогда и печатная полемика. По ходатайству губернскаго предводителя Ѳ. С. Ш....на (бывшаго во главѣ оппозиціи) выхлопотали сенаторскую ревизію. Присланъ былъ генералъ Капгеръ, который оставался въ Калугѣ болѣе года; но онъ ничего не могъ отыскать къ обвиненію губернатора. Кстати добавлю, что насъ, приверженцевъ администраціи Калужскаго губернатора, противная партія звала „Арцымистами“.

такъ какъ по скорости (или, точнѣе сказать, неусмотрительности Петербургскихъ высшихъ властей) выслано было къ губернатору самое незначительное количество экземпляровъ печатнаго „Положенія о крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости" (чуть-ли не семнадцать на весь Тарусскій уѣздъ), то на мою долю пришлось всего три, да и третій экземпляръ, помнится мнѣ, былъ неполный. Поэтому намъ приходилось объявлять съ амвона, что въ непродолжительное время пришлется вотчинымъ начальникамъ печатное Высочайшее наставленіе о новыхъ обязанностяхъ освобожденныхъ крестьянъ къ ихъ землевладѣльцамъ [3]). Отъ этой-то Петербургской оплошности возникли, быть можетъ, отчасти недоумѣнія и безпорядки, отозвавшіеся горестными довольно послѣдствіями въ томъ участкѣ уѣзда, гдѣ мнѣ пришлось объявить манифестъ.

Тарускимъ исправникомъ былъ тогда Владиміръ Антоновичъ Шумовскій, человѣкъ образованный и съ хорошимъ состояніемъ. Онъ только что вышелъ въ отставку изъ л. гвардіи Измайловскаго полка и принялъ должность исправника по просьбѣ В. А. Арцымовича, старавшагося имѣть повсюду въ администраціи благонадежныхъ и образованныхъ людей. (Самъ же Шумовскій никакого имѣнія не имѣлъ въ Тарусскомъ уѣздѣ). Уѣзднымъ судьею былъ мѣстный помѣщикъ Николай Александровичъ Гродненскій, старый гусаръ, теоретикъ-агрономъ, вѣровавшій въ разные заговоры и, паче всего, великій устроитель фонтановъ въ своемъ имѣніи; оригиналъ въ своемъ родѣ, но хорошій человѣкъ.

И такъ, мы всѣ служившіе въ Тарусскомъ уѣздѣ собрались 11 Марта утромъ на квартирѣ г-на Шумовскаго и раздѣлили уѣздъ на столько участковъ, сколько насъ было на лице; а въ составъ каждаго участка входило отъ 5 до 6 приходскихъ церквей, глядя по разстоянію между ними. Персоналъ нашъ былъ слѣдующій: В. А. Шумовскій, Валеріанъ Матвѣевичъ Горевъ, непремѣнный членъ Земскаго Суда [4]), Н. А. Гродненскій (уѣздный судья), Александръ Григорьевичъ Кондыревъ и Яковъ Григорьевичъ Даниловъ (оба засѣдатели Уѣзднаго Суда), поручикъ (или штабсъ-капитанъ) Ломошевскій (Тарусскій городничій), пристава оба стана, г. г. Красовскій и Семеновъ, поручикъ Артаковъ (начальникъ мѣстной инвалидной команды) и я. Всѣхъ же было насъ десять повѣстителей столь достославнаго событія. Приходскихъ церквей, въ томъ числѣ и двухъ городскихъ (въ Тарусѣ), было отъ 40 до 50; значитъ, на долю каждаго изъ насъ приходилось отъ четырехъ до пяти. Мнѣ достались только четыре, вѣроятно потому, что въ моемъ участкѣ разстоянія между ними были весьма значительные. Одаренный излишне-пылкою и впечатлительною натурою, нерѣдко переходящею въ энтузіазмъ, что́ самое не разъ послужило мнѣ во вредъ какъ въ частной жизни, такъ и на служебномъ поприщѣ, я едва вѣрилъ, что дожилъ до столь великаго дня и что прихо-

---

[3]) Тоже самое случилось и въ Воронежской губерніи. Туда послано было чуть-ли еще не меньше экземпляровъ, чѣмъ въ Калужскую, и это дало поводъ къ слуху, будто въ высшихъ правительныхъ сферахъ существовала красная партія, намѣренно не высылавшая губернаторамъ нужнаго числа экземпляровъ „Положенія", дабы произвести безпорядки между крестьянами. Воронежскій губернаторъ, графъ Д. Н. Толстой распорядился однакоже перепечатать въ губернской типографіи выборку главныхъ правилъ изъ „Положенія" и за то получилъ выговоръ изъ министерства.

[4]) Уѣздное Полицейское Управленіе, замѣнившее Земскій Судъ и Городническое Правленіе учреждены только въ 1863 году.

дилось мнѣ лично участвовать въ уничтоженіи гнуснаго средневѣковаго крѣпостнаго права, позорившаго наше Отечество передъ Европейскою цивилизаціею XIX вѣка [5]). Я немедленно прервалъ свои занятія въ городской моей каморѣ судебнаго слѣдователя и поспѣшилъ домой, т. е. въ имѣніе моей жены (село Знаменское, Игнатьевское тоже, въ 2-хъ верстахъ отъ Тарусы), чтобы пуститься съ вечера въ путь. Меня сопровождалъ, въ эту поѣздку, находившійся у меня въ услуженіи по найму, въ должности разсыльнаго и сыщика, только что вышедшій въ отставку рядовой Калужской жандармской команды, Кирилла Самохваловъ, лихой, ловкій и неустрашимый субъектъ, неумѣрную ревность котораго приходилось иногда останавливать. Кромѣ него, на экстренный этотъ случай, прикомандировано было ко мнѣ и каждому изъ насъ, благовѣстителей крестьянской эманципаціи, по рядовому изъ Тарусской инвалидной команды; этихъ рядовыхъ мы заблаговременно отправляли впередъ, чтобы оповѣстить въ приходахъ о сборѣ крестьянъ въ приходскую церковь. Въ этотъ годъ весна открылась преждевременно: во всю ночь съ 11 на 12 число шелъ сильный и теплый дождь, и на слѣдующій день жаворонки распѣвали надъ нашими головами [6]).

Первымъ моимъ этапомъ было с. Вятское, имѣніе нынѣ умершаго г-на Прохорова, почтеннаго старика, у котораго я переночевалъ; а утромъ, въ его и всего его семейства присутствіи, прочтенъ былъ въ сельской церкви мѣстнымъ священникомъ манифестъ, а мною—сенатскій распорядительный указъ, послѣ чего, объявивъ присутствующимъ крестьянамъ, что новое „Положеніе" будетъ на дняхъ доставлено имъ, я все таки добавилъ отъ себя (хотя этого не было въ моей инструкціи), что, до введенія въ дѣйствіе мѣстнымъ губернскимъ начальникомъ новаго порядка вещей, крестьяне должны по прежнему исполнять всѣ барскія работы. Конечно, подобная экспликація не могла быть понятна крестьянамъ, какъ противурѣчившая ожиданію свободы, и потому иные весьма логично спрашивали (только не у меня, и не въ описываемый моментъ), въ чемъ же состоитъ эта новая воля? Кстати добавлю, что когда я прибылъ ночью къ г. Прохорову, то я нашелъ его углубившимся въ чтеніе печатнаго „Положенія". Экземпляръ этотъ онъ вѣроятно получилъ изъ Москвы, такъ какъ я слышалъ, что редакціи журналовъ обѣихъ столицъ публиковали, что у нихъ продается отпечатанное ими „Положеніе" [7]).

---

5) Воспитанный за границею Англійскимъ наставникомъ, я получилъ отъ него съ раннихъ лѣтъ либеральныя тенденціи, а въ зрѣлыхъ уже годахъ, прослуживъ почти шесть лѣтъ (до 1859 года) по слѣдственной части, какъ губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій, я насмотрѣлся вдоволь на безапелляціонный произволъ помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми. И только тогда понялъ я, что изъ любви къ ближнему мыслящій человѣкъ можетъ сдѣлаться демократомъ.

6) И это обстоятельство, то есть назначеніе весенняго времени для обнародованія манифеста объ освобожденіи, было приписано иными той же Петербургской анархической партіи, о которой упомянуто выше. Рѣшительнаго мнѣнія по сему предмету я еще себѣ не составилъ: тутъ есть pro и contra; но нельзя не согласиться, что благоразумнѣе и умѣстнѣе было бы назначить для сего осеннее время, когда, по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ, оставалась свободною вся зима для сдѣлокъ между землевладѣльцами со вновь освобожденными крестьянами. Говорятъ даже, что первоначально такъ и рѣшено было, но что красные взяли верхъ.

7) А губернаторамъ ставилось въ вину перепечатываніе его!

Второй мой этапъ былъ у церкви Покрова-полей. Она стоитъ на горѣ, и кромѣ причетническихъ домовъ при ней никакихъ крестьянскихъ жилищъ нѣтъ, а потому мѣстность эту селомъ нельзя по справедливости назвать. Въ церковь никто изъ сосѣднихъ помѣщиковъ не пріѣхалъ (а она была ихъ приходскою), хотя, помнится мнѣ, священникъ сказывалъ, что онъ ихъ оповѣщалъ о моемъ прибытіи. Въ числѣ присутствовавшихъ былъ одинъ низенькаго роста въ синемъ кафтанѣ полукупеческаго покроя, который спросилъ у меня (по окончаніи молебствія), должны ли крестьяне отбывать по прежнему барщину, на что я ему отвѣчалъ: безпремѣнно должны. Впослѣдствіи я узналъ что это былъ прикащикъ сосѣдняго имѣнія сельца Кольцова, помѣщика Мухина [8]).

Отъ Покрова-полей я продолжалъ свой путь къ селу Ляпунову, по совершенной распутицѣ: сани мои такъ и ныряли въ зажорахъ, и переѣздъ этотъ былъ длиннѣе прочихъ. Когда я проѣзжалъ мимо одной помѣщичьей усадьбы, нѣкоторые изъ дворовыхъ тамошнихъ людей выскочили изъ господскаго двора за околицу и, глядя на мой поѣздъ (такъ какъ впереди меня ѣхалъ проводникъ), принимались творить крестное знаменіе. Въ село Ляпуново я попалъ уже къ вечернѣ и, утомленный голодомъ, радостно принялъ приглашеніе священника зайти къ нему въ домъ и напиться чаю. Оттуда я поѣхалъ въ сосѣднее село Рощу, князя Александра Николаевича Голицына, гдѣ кончался мой участокъ; а такъ какъ тогда уже совсѣмъ смерклось, а мнѣ предстояло переѣхать черезъ рѣку Тарусу, то я и расположился переночевать въ Рощѣ, гдѣ княжескій дворовый поваръ накормилъ меня весьма порядочнымъ ужиномъ. Размысливъ, что всѣ мои товарищи должны были, вѣроятно, возвратиться къ вечеру въ городъ и оттуда донести эстафетою губернатору объ успѣшномъ окончаніи возложенныхъ на нихъ порученій, я нанялъ было крестьянина доставить Тарусскому исправнику мой рапортъ для дальнѣйшаго препровожденія къ начальнику губерніи: я зналъ, что онъ станетъ безпокоиться на мой счетъ, если не получитъ обо мнѣ извѣстій въ одно время какъ и отъ прочихъ моихъ товарищей. И дѣйствительно, такъ и вышло на дѣлѣ. Мелкія рѣчки до того разлились, что мой посланный добрался до Тарусы на слѣдующій только день, и В. А. Арцымовичъ оставался долго безъ всякихъ обо мнѣ извѣстій, что̀ крайне его растревожило.

Выѣхавъ на слѣдующее утро изъ Рощи, я благополучно перебрался черезъ р. Тарусу по державшемуся еще пруду у Кольцовской (кажется) мельницы, но не доѣхавши до с. Лопатина (въ то время имѣніе Николая Ѳедоровича Бахметева), я попалъ въ зажору превратившуюся во временный прудъ, такъ что по оставшейся ледяной тропинкѣ невозможно было проѣхать тройкою въ рядъ. Отпрягли лошадей и пустили ихъ на волю, а кучеръ мой и жандармъ Самохваловъ стали потихоньку подпихивать руками сзади мои сани (въ которыхъ я оставался), по хрупкой ледяной коркѣ, до противоположнаго берега; а между тѣмъ умная моя бурая тройка переплыла по инстинкту черезъ весь прудъ вслѣдъ за санями. Но едва мы успѣли перебраться черезъ это водяное пространство, какъ сверху лощины хлынулъ снѣжный потокъ съ такой силой, что мигомъ промылъ весь узенькій остатокъ зимней дороги и унесъ по теченію сани одной бѣдной крестьянки, изъ сосѣдній деревни, которую я едва уговорилъ ѣхать съ нами, чтобы показать намъ путь въ Лопатино. Къ счастію, сама она вышла въ то время изъ саней и успѣла убѣжать, а иначе

---

[8]) Сынъ (отъ втораго брака) знаменитаго въ Москвѣ, въ первой четверти текущаго вѣка, медика и профессора Мухина.

непремѣнно бы утонула. И такъ, если нельзя сказать обо мнѣ какъ о Гоголевскомъ капитанѣ Копейкинѣ, что я въ знаменитомъ семъ случаѣ проливалъ нѣкоторымъ образомъ кровь за отечество, то все-таки я подвергся видимой опасности, и можно сказать, что „je l'ai echappé belle“ [9]. Это было 13 Марта, въ концѣ первой недѣли великаго поста.

Въ Лопатинѣ я узналъ, что нахожусь въ плѣну у разъяренной влажной стихіи, осадившей меня какъ бы на какомъ островѣ. Мѣстный мужичекъ попытался было пробраться пѣшкомъ до Тарусы (отъ Лопатина 16 верстъ), но воротился, и мнѣ пришлось провести тамъ весь остальной день и ночь, уже третью послѣ моего выѣзда изъ дома. Толька вечеромъ слѣдующаго дня, 14 числа, я могъ доѣхать до Тарусы, гдѣ и остался ночевать на моей городской годовой квартирѣ.

Не позже какъ 15 Марта начались волненія, а за тѣмъ и безпорядки. Первая вспышка была слѣдующая. У одной мелкопомѣстной барыни, г-жи Николаевой, въ сельцѣ Болтоноговѣ, въ приходѣ Покрова-полей, крестьяне отказались исполнять барскія работы, о чемъ она отнеслась къ исправнику г-ну Шумовскому, слѣдующимъ письмомъ. „Милостивый государь „Владиміръ Антоновичь! Прошу вашей помощи и защиты. Крестьяне „Болтоногова, со дня объявленія имъ свободы, не смотря на волю Госу„даря, ясно изложенную въ манифестѣ, рѣшительно вышли изъ послуша„нія. Первые дни я молчала, думая, что они образумятся; но молчаніе „мое ими перетолковано совершенно иначе. Черезъ три дня, я послала „имъ сказать, чтобы они пришли помочь дворовымъ людямъ набить по„гребъ льдомъ. Первый крестьянинъ, къ которому отнесся мой посланный „Абрамъ Никитинъ, далъ отвѣтъ такого рода: „я бы пожалуй и пошелъ „поработать барынѣ; но у насъ была вчера сходка, и положено, что кто „осмѣлиться пойти работать на господскій дворъ, того своимъ судомъ на„казывать“. Первые дни староста мой былъ въ отлучкѣ, а когда онъ во „Вторникъ возвратился, я сказала ему позвать ко мнѣ всѣхъ мужиковъ. „Они пришли. Я прочитала имъ манифестъ, толкуя по крайнему моему „разумѣнію его значеніе; но я напрасно два часа трудилась, и когда я „спросила ихъ окончательно, будутъ-ли они исполнять волю Государя „быть въ повиновеніи до окончанія всего дѣла, они рѣшительно мнѣ от„казали, говоря, что графъ Бутурлинъ, прочитавъ имъ вольную, позд„равилъ ихъ, приказалъ молиться за Царя и помѣщикамъ только за плату „работать, а потому иначе они не пойдутъ. Когда я имъ сказала, что они „подвергаются взысканію за неисполненіе воли Государя, они мнѣ отвѣ„чали, что я имъ объявляю эту мою волю, а не царскую, что въ Коль„цовѣ давно уже не слушаются старосты, но имъ за это ничего не было, „что видно уже такъ Богъ повелѣлъ выйти изъ послушанія. Я не знаю, „какая анархія существуетъ въ Кольцовѣ; но, слыша, что такіе примѣры „оттуда берутся, не ожидаю ничего хорошаго. Одинъ изъ моихъ кресть„янъ даже сказалъ слово о „бунтѣ“; можетъ быть, это онъ сдуру совралъ; „но согласитесь, что слово это страшное. Староста, который имѣетъ честь „подать вамъ мое письмо, находится въ совершенномъ повиновеніи, такъ „что я даже боюсь за него, чтобы онъ не претерпѣлъ чего нибудь отъ „буйныхъ крестьянъ. Сдѣлайте милость, милостивый государь, войдите „въ положеніе беззащитной старой женщины и употребите зависящія „отъ васъ мѣры для прекращенія этого безпорядка. Если вы изволите „прислать съ старостою приказъ о послушаніи, они (т. е. крестьяне) не „повѣрятъ. Извольте съ солдатомъ прислать приказъ и вытребовать

[9]) Я спасся лишь случайностію.

„ихъ въ судъ; тогда вы сами изволите удостовѣриться въ моихъ „словахъ. Имена крестьянъ, слѣдующія: Абрамъ Никитинъ, Николай „Михайловъ, Герасимъ Ивановъ, Иванъ Тимофѣевъ, Николай Ѳедоровъ; „а Абрамъ Никитинъ особенно грубъ, дерзокъ и непослушенъ, и отъ „него, кажется, всѣ безпорядки начались. Сдѣлайте милость войти въ мое „положеніе и прекратить это дѣло въ его началѣ, которое будетъ имѣть „худой конецъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Анна Николаева“.

По полученіи В. А. Шумовскимъ этого письма, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ по формѣ отношеніемъ отъ 16 Марта, за № 145. „Помѣ„щицы г-жи Тимченко и Николаева письмами отъ 15 Марта увѣдомляютъ „меня, что ихъ крестьяне дер. Болтоногова не исполняютъ барщинскихъ „работъ и на всѣ убѣжденія отзываются, что вами была имъ объявлена „вольная, чтобы работали помѣщикамъ только за деньги. Тоже самое „объяснилъ мнѣ бурмистъ сельца Кольцова г. Мухина, которому кресть„яне также перестали повиноваться и даютъ такіе же отзывы какъ и „вышеозначенные. Отправляясь завтрашняго числа въ дер. Болтоногову „къ 10 часамъ утра, а въ сельцо Кольцово къ 2-мъ часамъ пополудни, я „имѣю честь просить васъ, милостивый государь, если найдете возмож„нымъ, также прибыть въ означенныя деревни, такъ какъ въ оныхъ „обнародованіе манифеста производилось вами, и крестьяне оправдываютъ „свое неповиновеніе только вашими ложно понятыми ими словами“.

Отвѣтъ мой исправнику Шумовскому, отъ 16 же Марта, № 172, былъ слѣдующій. „На отношеніе ко мнѣ отъ вашего высокородія отъ 16 числа „сего Марта за № 145, имѣю честь, увѣдомить, что я первымъ долгомъ „считаю исполнить ваше предложеніе сопровождать васъ завтрашняго „числа при поѣздкѣ вашей въ д. Болтоногово и сельцо Кольцово, чтобы „уличить при васъ крестьянъ оныхъ селеній въ вымышленномъ на меня „нареканіи, что будто бы я, при обнародованіи имъ черезъ священника „манифеста и при чтеніи мною указа Правительствующаго Сената, объ„явилъ имъ, чтобы они работали на помѣщиковъ только за деньги; ибо я „въ такомъ случаѣ преступилъ бы Высочайшее повелѣніе оставаться „крестьянамъ въ полномъ повиновеніи помѣщиковъ, впредъ до совершен„наго устройства новыхъ учрежденій по сему предмету. При этомъ не „могу не добавить, что если бы помѣщица Тимченко и помѣщица Нико„лаева присутствовали бы, какъ помѣщикъ Прохоровъ присутствовалъ въ „селѣ Вятскомъ, при семъ обнародованіи, то вѣроятно они бы убѣди„лись сами въ несправедливости настоящаго на меня извѣта. По при„бытіи моемъ въ приходскую ихъ церковь Покрова-полей, я высказалъ мое „удивленіе тамошнему священнику объ отсутствіи г. г. Тимченко и Ни„колаевой и спросилъ, дома-ли онѣ находятся; на что́ священникъ от„вѣчалъ мнѣ, что онѣ дома и даже были въ церкви при утренней службѣ „того 12 числа Марта, и что имъ было извѣстно о сдѣланномъ мною за„благовременно распоряженіи собрать къ 12 часамъ утра въ оную церковь „всѣхъ сельскихъ и окрестныхъ прихожанъ. Усадьбы же сихъ двухъ помѣ„щицъ отстоятъ въ весьма недальнемъ разстояніи отъ церкви Покрова-полей“.

По порядку службы, Шумовскій увѣдомилъ отношеніемъ отъ 19 Марта, г. Тарусскаго уѣзднаго предводителя дворянства, Дмитрія Александровича Черткова, о событіяхъ въ имѣніи г. Мухина, въ сельцѣ Кольцовѣ, и такимъ образомъ завязалась долгая офиціальная переписка.

Оказывалось во мнѣніи нѣкоторыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, что я былъ архи-красный и старался взбунтовать Тарусскій уѣздъ. Въ этомъ отношеніи, я раздѣлялъ участь начальника губерніи, о которомъ кричали не только въ г. Калугѣ, но и въ самой Москвѣ, что онъ, какъ Полякъ, старается взбунтовать ввѣренную ему губернію.

Тщетно ѣздили г. г. Шумовскій и Чертковъ уговаривать Кольцовскихъ крестьянъ: они стояли неотступно на своемъ: или всѣмъ имъ быть на оброкѣ, или на барщинѣ. Тогда губернаторъ письменно отнесся ко мнѣ съ просьбою (вмѣсто предписанія по формѣ, на что онъ имѣлъ еще тогда право), чтобы я съѣздилъ туда вмѣстѣ съ исправникомъ. Поѣхали мы оба на слѣдующее утро въ Кольцово, но какъ ни бились въ продолженіи цѣлаго почти дня, ни въ чемъ не успѣли. Крестьяне весьма вѣжливо обращались съ нами, не орали и вообще держали себя весьма прилично, но рѣшительно повторяли одно и тоже, что на господскую работу они не пойдутъ. На мое увѣреніе, что ихъ накажутъ за ослушаніе розгами, а, пожалуй, и сошлютъ въ Сибирь, они отвѣчали: „Что же? Вѣдь живутъ и тамъ люди". А относительно угрозы тѣлеснаго наказанія, я впослѣдствіи узналъ, что у нихъ и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ вкоренилась мысль, что теперь, съ новою дарованною имъ волею, никто уже болѣе наказывать ихъ тѣлесно не смѣетъ. Когда я старался убѣждать ихъ, чтобы они повѣрили мнѣ, какъ человѣку всегда готовому поддерживать интересы крестьянъ и любящему ихъ братью, они отвѣчали: „Мы тебя знаемъ, ты добрый баринъ, и твои мужички тебя любятъ; но, воля твоя, мы не могимъ согласиться и сдѣлать по твоему; а будетъ что будетъ". Съ тѣмъ мы и уѣхали.

По донесеніи губернаторомъ Государю Императору о событіяхъ въ сельцѣ Кольцовѣ, присланъ былъ для вразумленія крестьянъ свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ Казнаковъ [10]), который, освѣдомившись о всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла у начальника губерніи, прибылъ въ Тарусскій уѣздъ 1 или 2-го Апрѣля. Одновременно я получилъ предписаніе отъ губернатора (въ обычной ему формѣ предложенія) явиться къ генералу Казнакову для содѣйствія ему. Поздно вечеромъ, 2 Апрѣля, я отправился въ с-цо Кольцово, куда съ половины дня уже прибылъ ген. Казнаковъ и пришла изъ Калуги рота, въ полномъ составѣ и съ боевыми патронами, находившагося тамъ въ караулѣ гренадерскаго полка, но какого именно я забылъ. При особѣ ген. Казнакова уже находились: князь Андрей Васильевичь Оболенскій (тогда членъ отъ правительства въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи), г. Скворцевъ, чиновникъ особыхъ порученій Калужскаго губернатора [11]) и нашъ исправникъ В. А. Шумовскій [12]). Была уже ночь, когда я подъѣхалъ къ дому, гдѣ отведена была квартирою всѣмъ этимъ господамъ обширная крестьянская фабрика, и я замѣтилъ, что этотъ домъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ часовыми. Строеніе это стояло отдѣльно отъ всякаго жилья, на пустомъ пространствѣ въ родѣ площадки, на низменномъ мѣстѣ, почти на самомъ берегу рѣки Тарусы, а крестьянскіе дома были расположены полукругомъ на крутой возвышенности. Около фабрики стояли одинъ или два сарая (или амбара) для складовъ товара.

Я засталъ ген. Казнакова одного въ комнатѣ, сидѣвшаго въ глубокой задумчивости. Онъ принялъ меня весьма ласково и не замедлилъ раз-

---

[10]) Вскорѣ послѣ сего онъ былъ назначенъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ.

[11]) Внукъ извѣстнаго камердинера императора Александра Павловича. Скворцовы помѣщики Калужскаго уѣзда.

[12]) Тогда еще не назначены были мировые посредники, а по назначеніи ихъ, немного позднѣе, г. Шумовскій поступилъ на эту должность въ Тарусскій же уѣздъ, а исправникомъ былъ назначенъ на его мѣсто Викентій Ѳомичь Раковскій, бывшій 19 Февраля правителемъ канцеляріи Калужскаго губернатора.

сказать мнѣ, что крестьяне не сдаются ни на какія его увѣщеванія, ни на угрозы прибѣгнуть къ военной силѣ, при чемъ они заявили, что на оброкъ они готовы идти, но не въ тѣхъ размѣрахъ какъ имъ объявлено было по новому „Положенію“ [13]), въ подлинности котораго они вѣроятно сомнѣвались; что онъ ген. Казнаковъ давалъ имъ время одуматься отъ полудня до вечера, но что срокъ прошелъ безъ всякой перемѣны къ лучшему въ ихъ настроеніи, и что его приказанія разойтись по домамъ и опять собраться на слѣдующее утро они не исполнили, а значительная изъ нихъ кучка осталась ночевать въ пустомъ сараѣ, рядомъ съ фабрикою (гдѣ мы помѣстились) и снаружи около нея. Видно было, что генералъ опасался какого нибудь со стороны крестьянъ непріятнаго движенія и потому усилилъ караулы вокругъ фабрики. „Чтó же предстоитъ намъ теперь дѣлать“, сказалъ онъ мнѣ, „если утромъ, по истеченіи послѣдняго даннаго мною имъ срока, они не образумятся? Положимъ, что начну тѣлесную экзекуцію; но если же, по наказаніи всей вотчины, крестьяне будутъ продолжать сопротивляться, то чтò, спрашиваю васъ, останется тогда намъ дѣлать?“. На это я ему возразилъ, что онъ по этому нехорошо знаетъ натуру Русскаго крестьянина, что ослушники теперь какъ въ чаду и что они вообразили себѣ, что по изданіи манифеста о личной ихъ свободѣ нельзя будто бы употреблять понудительныя мѣры къ отбыванію господскихъ повинностей, или тѣлесно ихъ наказывать. Я увѣрялъ генерала, что какъ только сдѣлается починъ исполненію угрозъ, и нѣсколько человѣкъ будутъ высѣчены, то всѣ остальные повинятся. Помнится мнѣ, что тогда, или на слѣдующее утро ген. Казнаковъ высказалъ мнѣ другаго рода опасенія, а именно: какъ бы солдаты не отказались наказывать крестьянъ; но на это я ему отвѣчалъ, что я никакъ не могу допустить и мысли о подобномъ анти-дисциплинарномъ уродствѣ въ нашихъ войскахъ, примѣры чему могли лишь являться во Франціи, гдѣ во время уличныхъ возмущеній случалось, это правда, что войска сдружались съ возставшимъ классомъ фобургіанцевъ. За тѣмъ я простился съ генераломъ и, присоединившись къ его свитѣ, легъ спать, подъ охраною часовыхъ, съ заряженными, на сколько помнится мнѣ, ружьями. Сзади кордона стояла или лежала въ сараѣ значительная толпа не расходившихся, но молчаливыхъ крестьянъ. Ночь прошла спокойно.

Чтобы понять распоряженія слѣдующаго дня, надо вспомнить, что одна часть крестьянъ г. Мухина была на оброкѣ, а другая (меньшая или бòльшая, не помню) отправляла барщину; но какъ уже сказано было, и тѣ и другіе крестьяне возстали противъ этого порядка управленія дружнымъ заявленіемъ: „чтó одному, то и всѣмъ“, и назначили по собственному ихъ соображенію норму платежнаго оброка несогласнаго съ новымъ душевымъ окладомъ. Эти-то самые барщинскіе крестьяне и были главными запѣвалами въ дѣлѣ.

Въ 10-мъ часу утра, генералъ Казнаковъ вышелъ на площадку, гдѣ столпился народъ въ кучку съ лѣвой стороны; а съ правой, въ близкомъ разстояніи отъ генерала, выстроилась рота подъ ружье, полуразвернутымъ, помнится мнѣ, фронтомъ. Вышли и мы всѣ, въ томъ числѣ вновь при-

---

[13]) Обстоятельство это (то есть о платежѣ по 9 рублей съ души за надѣлъ, крестьянами не признаваемомъ) осталось, впрочемъ, довольно смутно въ моей памяти и потому рѣшительно подтвердить его не могу.

бывшій утромъ приставъ 2-го стана Семеновъ [14]). „Ну что же, ребята? Одумались ли вы?" началъ генералъ. „Согласны ли вы, барщинскіе, отправиться сей часъ на работу на помѣщичью пашню?"—„Не согласны", послышался единодушный отвѣтъ: „а что̀ одному, то и всѣмъ".—„Ребята", продолжалъ генералъ, „я присланъ къ вамъ отъ имени нашего общаго Государя-Царя. За ваше упорство я долженъ признать васъ бунтовщиками противъ царской Его воли, и я въ послѣдній разъ вамъ заявляю отъ царскаго имени, что если будете продолжать сопротивляться, то я, въ исполненіе Его повелѣній, долженъ буду прибѣгнуть къ тѣлеснымъ наказаніямъ, дабы принудить васъ военною силою возвратиться къ повиновенію". „Это, батюшка въ твоей волѣ", былъ единственный отвѣтъ.

Ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ исполнить угрозу. Генералъ сдѣлалъ шагъ впередъ и началъ перекличку (по имѣвшемуся у него списку) всѣхъ барщинскихъ крестьянъ, одного за другимъ, приказывая имъ отдѣлиться отъ толпы и стать по правую сторону. Приказаніе было исполнено, и отъ толпы отдѣлились человѣкъ, я думаю, до восьмидесяти; но тутъ насталъ сценическій моментъ. Едва генералъ обратился къ военной командѣ съ приказаніемъ: „Ребята, окружите этихъ непослушныхъ", какъ послѣдніе хлынулись было соединиться къ первоначальной толпѣ (состоявшей изъ крестьянъ и другихъ деревень), между тѣмъ какъ и эта послѣдняя кучка подалась впередъ, чтобы слиться за одно съ уже отдѣленными, какъ бы съ намѣреніемъ не выдавать своихъ. Но солдаты дружно бросились между ними, предупреждая сліяніе обѣихъ кучекъ и, ловко перевернувъ ружья, принялись дѣйствовать прикладомъ. Все это произошло въ одно мгновеніе, и непослушные были окружены караульною цѣпью. Между тѣмъ, груда длинныхъ и гибкихъ палокъ, толщиною немного болѣе пальца, была уже заготовлена съ утра, и началась экзекуція. Разложили на землю перваго крестьянина, котораго крѣпко держали два солдата за руки и ноги, и послѣ 12 или 14 ударовъ онъ заревѣлъ: „пойду, пойду на работу". Я долженъ сказать, что удары были полновѣсны, со всего солдатскаго розмаха и какими не умѣли наказывать въ земскихъ судахъ и градскихъ полиціяхъ. Наказанный мужичекъ всталъ, и ему приказано было отправиться немедленно домой, запрячь свою лошадь въ соху и съ нею прибыть въ указанное мѣсто позади фабрики. Такимъ образомъ было наказано всего девять или десять (не болѣе) крестьянъ; всѣ же остальные повинились, и предсказаніе мое въ точности сбылось. Вся гора, изгибаясь амфитеатромъ надъ низменной береговой площадкой, гдѣ шла экзекуція, была унизана женскимъ населеніемъ сельца Кольцова и крестьянами обоего пола изъ сосѣднихъ деревень, приходившихъ удостовѣриться, дѣйствительно ли будутъ наказывать крестьянъ. Разсыльные Земскаго Суда, къ которымъ примкнулъ (изъ любви къ искусству) и мой отставной жандармъ Самохваловъ, поставлены были у подошвы горы, чтобы удерживать, въ случаѣ нужды, напоръ зрителей. Былъ вотъ какой примѣръ закоснѣлости. Жена одного наказываемаго крестьянина, приблизившись, на сколько могла, къ мѣсту экзекуціи, начала кланяться въ ноги наказуемому мужу и кричать ему во всю глотку: „Потерпи, батюшка, потерпи: вѣдь самъ

---

[14]) Прекрасный и безкорыстный чиновникъ: довольно рѣдкое, къ сожалѣнію, исключеніе между становыми. Это былъ личный выборъ В. А. Арцымовича, умѣвшаго находить честныхъ сотрудниковъ на высшихъ, какъ и на низшихъ должностяхъ.

Христосъ терпѣлъ". Однако же мужъ не вытерпѣлъ и послѣ девятаго или десятаго удара сдался. Самохваловъ пустился было на гору поймать эту бабу, но она какъ коза улепетнула. Передъ самымъ уже концемъ сѣканціи, къ генералу подошелъ ротный командиръ съ донесеніемъ, что одинъ изъ наказанныхъ крестьянъ, вмѣсто того чтобы отправиться домой за сохою, скрылся за уголъ фабрики и оттуда все выглядывалъ, чѣмъ дѣло кончится. Его притащили и дали вторично 13 или 14 самыхъ горячихъ ударовъ, хотя онъ съ первыхъ же ударовъ этого повторенія все кричалъ, что пойду-молъ на работу. Во время разгара наказанія, одинъ мѣстный помѣщикъ, не имѣвшій никакого права присутствовать при этомъ дѣлѣ, подошелъ къ стоявшей въ сторонѣ толпѣ крестьянъ съ неумѣстными нравоученіями, указывая имъ, какъ караютъ за непослушаніе. Меня и князя Андрея Васильевича Оболенскаго, вблизи стоявшихъ, выходка эта взорвала, и мы заставили оратора молчать и удалиться отъ мѣста, гдѣ ему вовсе не приличествовало находиться, угрожая въ противномъ случаѣ сей часъ увѣдомить генерала о его поступкѣ. Помѣщикъ удалился, но улучилъ удобную минуту жаловаться на насъ обоихъ генералу, который отвернулся отъ него, безъ всякаго отвѣта.

Спустя около часа, становой приставъ Семеновъ донесъ генералу, что онъ собралъ тутъ-же возлѣ фабрики всѣхъ барщинскихъ крестьянъ съ запряженными сохами и боронами. Всѣ мы пошли посмотрѣть на нихъ и увидѣли своего рода куріозъ. Лошади были какія-то паршивыя, полуколѣки, остовы, хуже всякихъ возможныхъ одровъ и клячей, и едва державшіяся на ногахъ; не было, по моему, никакой физической возможности работать съ такими животными, и сама сбруя соотвѣтствовала имъ. Вмѣсто шлей были намотаны какое-то тряпье и веревочки, и можно было подозрѣвать, что не нарочно-ли крестьяне ухитрились представить въ подобномъ видѣ хозяйственныя свои принадлежности, или дѣйствительно они были доведены до подобной степени нищеты умнымъ вотчиннымъ управленіемъ. Тѣмъ не менѣе, приставъ Семеновъ повелъ эту донкихотскую колонну на поле брани, то есть, на пашню, гдѣ она начала по командѣ „маршъ" царапать кое-какъ землю, болѣе чего, по моему соображенію, новозможно было ей и дѣлать.

Полное повиновеніе было возстановлено, и на слѣдующій день вся военная команда вышла изъ с-ца Кольцова. Въ 3-мъ или 4-мъ часу пополудни (въ день экзекуціи), генералъ Казнаковъ отпустилъ меня и поблагодарилъ за мое содѣйствіе, хотя оно равнялось ровно нулю, а самъ онъ (кажется) тутъ же, съ мѣста происшествія, отправилъ свое донесеніе о благополучномъ и быстромъ окончаніи такъ называемаго Кольцовскаго бунта, сдѣлавшаго на первыхъ порахъ довольно шуму по всей губерніи. Когда я возвращался домой, кучеренокъ мой Сашка, бывшій свидѣтелемъ Кольцовской экзекуціи, сталъ разсказывать дворнѣ и на деревнѣ, что, „просто, страсти, какъ тамъ сѣкли"; но не всѣ повѣрили его словамъ, и онъ долго спорилъ съ недальноумнымъ моимъ садовникомъ (смиреннѣйшимъ субъектомъ), Семеномъ Максимовымъ, который, на всѣ увѣренія моего кучеренка, скептически отвѣчалъ:—„Врешь; не можетъ этого быть"; но спустя два-три дня, и онъ долженъ былъ убѣдиться съ противномъ.

Вскорѣ послѣ Кольцовскаго эпизода, я удостоился получить именное Высочайшее благоволеніе, по представленію (конечно) генерала Казнакова, и тоже самое получилъ Тарусскій исправникъ В. А. Шумовскій.

Графъ Михаилъ Бутурлинъ.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Записки *князя Өедора Николаевича Голицына.*— Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.— Записки *Ильи Өедоровича Тимковскаго.*—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ө. Одоевскаго.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма *Д. В. Волкова* къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю Потемкину. — Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Канцлеръ князь Безбородко (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. И. Григоровича.* — Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма *графа Н. П. Панина* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Изъ Записокъ *Н. И. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго* и письма *А. Ө. фонъ-деръ Бриггена* о Минихѣ въ Сибири.—Статья *И. В. Кирѣевскаго* о Баратынскомъ съ предисл. *Н. А. Елагина.* — Семь стихотвореній *С. А. Соболевскаго.* — Неизданные стихи *Ө. И. Тютчева.*—Еще стихи *Ө. И. Тютчева* (Какъ ни бѣсилося злорѣчье).—Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья *И. С. Аксакова.* Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива, или въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта.*

Лица, подписавшіяся на Русскій Архивъ 1876 года въ бывшемъ книжномъ магазинѣ Базунова въ Петербургѣ, благоволятъ обращаться съ своими требованіями въ книжный магазинъ для иногородныхъ (Надѣина) на Невскомъ проспектѣ.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ Газетной Экспедиціи С. Петербурскаго Почтамта; можно подписываться также въ Гостиномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1864—1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива 1876 г. не продаются, но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, платя по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—64 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к., и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ. За перемѣну городскаго адреса на городской или иногородняго на иногородный платится 10 коп. Иначе адресы не мѣняются.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанномъ мѣстѣ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1877 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ 11.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева. — Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна 4 рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева. — Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ и пр.). Цѣна 3 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. И. Ростовцева. — Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова). Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. — Бумаги П. А. Демидова. — Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. — Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826 — 1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына.*—Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА

ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Отъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго къ князю А. Б. Куракину.

Нижеслѣдующія письма извлечены изъ семейнаго архива князей Куракиныхъ, хранящагося въ селѣ Надёжинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Обширный и многосодержательный архивъ этотъ въ бо̀льшей половинѣ своей состоитъ изъ писемъ разныхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, людей къ извѣстному въ Русской исторіи и уже знакомому нашимъ читателямъ канцлеру князю А. Б. Куракину. Роскошь рѣдко уживается съ порядкомъ и отчетливостью; но въ этомъ отношеніи великолѣпный, покрытый бриліантами и окруженный множествомъ всяческой прислуги князь Куракинъ составлялъ счастливое исключеніе: по видимому изнѣженный и утопавшій въ довольствѣ представитель сластолюбиваго XVIII вѣка былъ въ тоже время разсчетливымъ хозяиномъ, умѣлъ находить смышленыхъ и исполнительныхъ секретарей и прикащиковъ и отлично велъ сельско-хозяйственныя и даже торговыя и откупныя дѣла свои. Всякаго рода письменная работа была для него ежедневною потребностью. Въ то время какъ другіе вельможи разорялись, не зная счету деньгамъ, обкрадываемые своими повѣренными, князь Куракинъ самолично управлялъ обширными своими помѣстьями, и блестящая обстановка не вводила его въ долги. Можетъ быть, именно этою стороною своей дѣятельности пріобрѣлъ онъ благорасположеніе и даже пріязнь императрицы Маріи Ѳеодоровны, хозяйственныя способности которой, примѣненныя къ благотворительнымъ учрежденіямъ, принесли столько добра нашему Отечеству.

Князь Куракинъ имѣлъ привычку не только сберегать получаемыя письма, но и переплетать ихъ по годамъ и лицамъ. Замѣтимъ при этомъ любопытную снаровку его: чтобы не подвергнуть пи́сьма нескромности переплетчика, онъ предварительно перекрещивалъ ихъ нитками, концы которыхъ припечатывались его гербовою печатью, такъ что переплесть было можно, а прочитать нельзя, не сломивъ печати. Многіе десятки томовъ, въ красномъ тисненомъ сафьянѣ, служатъ нынѣ памятникомъ обширныхъ и продолжительныхъ письменныхъ сношеній князя Куракина.

Съ любезнаго и просвѣщеннаго дозволенія его правнучтнаго племянника, князя Ѳедора Алексѣевича Куракина, которому теперь принадлежатъ эти бумаги, печатаются здѣсь выдержки изъ писемъ, которыя писалъ къ князю А. Б. Куракину пріятель его, Николай Николаевичь Бантышъ-Каменскій, уже въ то время служившій въ Московскомъ Архивѣ Иностранной Коллегіи (впослѣдствіи начальникъ этого архива). Мѣсто служенія и великіе труды по Русской исторіографіи не помѣшали Бантышу-Каменскому оставаться человѣкомъ наблюдательнымъ и воспріимчивымъ; а для князя Куракина, жившаго по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ въ своемъ Надёжинѣ, эти письма изъ Москвы служили вмѣсто газетъ, которыхъ въ то время у насъ почти не было, что́ однако не препятствовало мало-

му числу тогдашняго книжнаго люда знать довольно близко совершавшіяся Европейскія и Русскія событія.

Въ понятіяхъ и отзывахъ своихъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій былъ отголоскомъ Лобановско-Куракинскаго Московскаго кружка, представителемъ котораго, по смерти братьевъ графовъ Паниныхъ, является племянникъ ихъ князь Н. В. Репнинъ. (Мы уже имѣли случай указывать на эту обширную семью приверженцевъ великаго князя Павла Петровича). *П. Б.*

1791 ГОДЪ.

1.

29 Генваря.

Monseigneur! [1])

Не знаю, чьимъ приписать молитвамъ, что вы хотите, уединеніе ваше оставивъ, къ намъ пріѣхать. Вы больше прожили, нежели обѣщали, въ своихъ деревняхъ. Кстати подоспѣете къ карнавалу нашему. Пріѣзжихъ теперь много изъ арміи, слѣдовательно пріятные составятся разговоры о храбрости нашихъ героевъ. Здѣсь теперь графъ Брюсъ, князь Молдавской Маврокордато, Самойловъ, Павелъ Потемкинъ и пр. и пр. Ожидаемъ притомъ съ часу на часъ свѣтлѣйшаго князя. Цѣль его сюда пріѣзда никому неизвѣстна, но большая часть вѣритъ—будто для удостовѣренія, такъ ли хороша Васселева жена, какъ объ ней вездѣ гремятъ [2]). Г-нъ Поповъ, вмѣсто Петербурга съ ключами, живетъ въ Решетиловкѣ, возлѣ Полтавы, въ своихъ помѣстьяхъ и ожидаетъ проѣздомъ свѣтлѣйшаго князя, съ коимъ и онъ сюда пріѣдетъ. Князь Дмитрію Ивановичу Лобанову есть легче.

Городъ нашъ между тѣмъ занимается разсужденіемъ о двухъ около 15 Генваря въ Петербургѣ умершихъ молодыхъ людяхъ. Первой сынъ г-на Л., сего безпримѣрнаго счастливца, который, по признанію всѣхъ и его самаго, не знаетъ, что̀ такое несчастіе и что̀ такое имѣть въ чемъ либо неудачу; который, недоволенъ будучи, что изъ простаго Армянина сдѣлался Россійскимъ дворяниномъ, полковникомъ и милліонщикомъ, искалъ и, по безпримѣрному своему счастію, надѣялся получить баронство и графское достоинство. Сего-то счастливаго Л-ва сынъ, вся надежда его тщеславія и гордости, умеръ какъ обыкновенный смертный человѣкъ. Исторія о смерти его сія есть: слюбился онъ съ дочерью одного штабъ-лекаря, обѣщая на ней жениться, и какъ по нынѣшнему нашему образу жизни лестно быть женою Л-ва наслѣдника, довелъ ее до состоянія матери.... Отецъ его, узнавши сіе, воспретилъ сыну: ибо низ-

---

[1]) Такъ начинаются всѣ письма Бантыша-Каменскаго къ великолѣпному князю Куракину, считавшемуся въ родствѣ съ царскимъ домомъ, такъ какъ родная прабабка его была сестрою первой супруги Петра Великаго. Въ дальнѣйшихъ выдержкахъ опускаются повторенія и не имѣющія значенія частности.

[2]) Это была послѣдняя поѣздка князя Потемкина въ Петербургъ. О развратѣ его ходили запрещенные стихи, въ которыхъ говорилось, что *Таврическая ночь* брала себѣ въ добычу *жену*, *племянницу иль дочь*.

ко уже показалось имѣть невѣстою сыну не герцогиню [3]). Штабъ-лекарь и дочь его сошли съ ума, и первой скоро потомъ съ печали во гробъ; сынокъ же Л-ва, ее кинулъ, началъ искать утѣхъ въ венерахъ и, получа язву, потерялъ носъ, а наконецъ и жизнь.

Второй—Аристарха Петровича Кашкина сынъ, влюбился въ бѣдную Нѣмочку, подполковника Фохта дочь, жившую у гр. Матюшкиной. Отецъ запретилъ ему жениться на ней, не взирая на всѣ употребляемыя со стороны сына и графини старанія; онъ, не въ силахъ бывъ преодолѣть своей страсти, застрѣлился пистолетомъ. Вотъ плоды развратности нашихъ нравовъ, буйной нашей роскоши и просвѣщеннаго нашего воспитанія, въ которомъ отводятъ дѣтей отъ приверженности къ религіи и хотятъ отдѣлить человѣка отъ Бога.

Задумались вы, читая сіи строки? А есть о чемъ подумать. Но закроемъ сію картину. Скажу вамъ, что у насъ на сихъ дняхъ совершилась скоропостижная свадьба: дочь меньшая Аграѳена Петровна Савелова вышла за оберъ-полицiймейстера нашего Глазова. Кн. Степанъ Борисовичъ [4]) былъ архитриклиномъ сего брака; слѣдовательно не дремали за столомъ гости! Было и тутъ нѣчто больше, нежели романическое; но услышите по пріѣздѣ сюда. Дай Богъ, чтобъ вы здоровы и духомъ и тѣломъ къ намъ прибыли и обрадованы бы были лицезрѣніемъ всѣхъ вашихъ родныхъ, пріятелей и покорнѣйшихъ слугъ, отъ нихъ же первѣйшій есмь *азъ*.

2.

9 Іюля.

Думаю, что вы уже благополучно достигли своего уединенія; слѣдовательно, желаю, чтобъ были здоровы и веселы на чистомъ воздухѣ. 28 и 29 числа Іюня, коихъ мы съ нетерпѣніемъ ожидали, прошли, и никому ничего, кромѣ графа Чернышева дочь меньшая во фрейлины принята. Въ Петровъ день два курьера были въ Петербургъ поутру съ извѣстіемъ, что Французской король съ королевою и дофиномъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, уѣхали изъ Парижа; дофинъ наряженъ былъ дѣвочкою. Въ вечеру другой вѣстникъ: что сіи странники, за 5 верстъ отъ Нидерландской границы, въ трактирѣ, узнаны однимъ лекаремъ, взяты и повезены паки въ Парижъ. Новая въ жизни нашей эпоха будетъ. Король премудрѣйшаго народа во узахъ у своихъ подданныхъ! Нетерпѣливо ожидаемъ, что̀ изъ сего выйдетъ. Конгрессъ въ Чистовѣ рушился, и все въ движеніи теперь на Сѣверѣ; всѣ полководцы къ своимъ тотчасъ отправлены постамъ: Чичаговъ и Нассау на воду; графъ Салтыковъ, у коего и Михаилъ Ѳедотовичъ въ дивизіи будетъ, въ Ригу. Всѣ говорятъ, что война неминуема; между тѣмъ слышимъ, что наши на Черномъ морѣ взяли крѣпость Анапу (воз-

[3]) Въ слѣдующемъ поколѣніи цѣль была достигнута.

[4]) Куракинъ, братъ будущаго канцлера, основатель и матадоръ Московскаго Англійскаго клуба.

лѣ Суджу-кале), побили 17 тыс. и 6000 въ плѣнъ отвели: вѣстникъ о семъ прискакалъ въ Петербургъ.

На сихъ дняхъ скоропостижно умеръ князь Иванъ Мих. Масальской, бывъ въ подмосковной на охотѣ; его привезли вчера въ Новоспасскій. Объявляли о семъ князь Алексѣй Ивановичъ и князь Александръ Ив. Масальскіе (мнимые наслѣдники, но не безъ спору). Кн. Дмитрій Юрьевичъ Трубецкой женилъ своего сына на Молчановой, и свадьба была огромнѣйшая.

3.

16 Іюля.

Еще новая побѣда! 28 Іюня кн. Николай Васильевичъ разбилъ за Дунаемъ при Мачинѣ визиря, 70-ю тысячами вооруженнаго. Съ симъ извѣстіемъ прискакалъ на Могилевъ кн. Дмитрій Иван. Лобановъ. Побитыхъ до 6000 считаютъ и 40 пушекъ; но обстоятельно еще всего не знаемъ. Свѣтл. князя ожидаемъ сюда на сихъ дняхъ вѣрно: онъ ѣдетъ въ Яссы. Финляндія точно поручена гр. Суворову, которой теперь укрѣпляетъ берега Фридрихсгама; а Нассау, сей вѣроломный наемникъ, получилъ абшитъ и ѣдетъ отъ насъ въ Парижъ защищать будто короля, которой подъ крѣпкою стражею. Наконецъ гр. Петръ Александровичъ Румянцовъ 1-го сего мѣсяца пріѣхалъ изъ Молдавіи въ Переяславскія свои маетности. Вотъ всѣ наши новости; а вы будьте здоровы, прыгайте хорошенько контрадансы съ г. Масаловымъ и веселитесь.

4.

„17 Іюля изъ С.Петербурга.

„Спѣшу сообщить вамъ радостное для всѣхъ извѣстіе. Аглинской полномочной г. Фавкнеръ вчера съ министрами нашими согласился о мирѣ съ Турками на тѣхъ точно кондиціяхъ, какія о томъ предложены были, то есть: отдать Очаковъ и степь по Днѣстръ въ полную намъ волю; ежели же Турки не будутъ на сіе согласны, то медіаторы помогать имъ болѣе не будутъ. Срокъ на сіе данъ четыре мѣсяца. Прусскій и Голландскій министры на сіе пристали. Свѣтлѣйшій князь, вслѣдствіе сего, спѣшитъ выѣхать отсель къ арміи чрезъ Бѣлоруссію для заключенія миру, которой должно сдѣлать въ нашемъ лагерѣ. За побѣду визиря кн. Репнину пожалованъ орденъ св. Георгія 1-й степени; кн. Голицыну, ген. поручику, орденъ св. Александра; Кутузову—шпага съ бриліантами, ибо онъ недавно Александровскій орденъ получилъ".

Вотъ что̀ я получилъ изъ Петербурга на прошлой почтѣ. Спѣшу вамъ сообщить. Кн. Дмитрій Иван. еще не возвратился изъ Петерб. Ежечасно ожидаютъ. Кн. Александръ Ив. Лобановъ произвелъ на свѣтъ княжну Прасковью, а вы что?.... [5]) Adieu.

P. S. Князь Потемкинъ и 21 числа еще былъ въ Петербургѣ.

---

[5]) Князь Куракинъ цѣлые десятки лѣтъ собирался жениться. Еще въ 1805 году онъ сваталъ знаменитую графиню Орлову-Чесменскую.

5.

24 Іюля.

О бывшемъ подъ Мачинымъ за Дунаемъ пораженіи визиря съ 80 тыс. отъ кн. Николая Васильевича 13 числа было въ Петербургѣ въ Казанской молебствіе въ присутствіи Ея Величества и Ихъ Высочествъ. Вѣстнику кн. Дмитрію Ивановичу велѣно 14 числа быть въ Царское Село; но чѣмъ онъ и подвижники награждены, вѣрнаго извѣстія не имѣемъ. А говорятъ, что князю Николаю Васильевичу дается Георгій 1-го класса, а кн. Дмитрій будетъ бригадиромъ, и мы его сюда съ часу на часъ ожидаемъ. Въ тотъ же день полученъ и отъ Гудовича курьеръ бригадиръ Поликарповъ съ извѣстіемъ, что и Суджу-кале (морская пристань отъ Анапы въ 40 верстахъ) безъ сопротивленія сдалась. Тутъ въ добычу взяты великіе запасы и магазины для горскихъ воиновъ. Всѣ горскіе народы (пишетъ Гудовичъ) дали аманатовъ и дѣлаютъ присягу. Сіе кажется весьма важно и для насъ полезно; но не отдалило бы насъ отъ миру, потому что не захотимъ такихъ важныхъ мѣстъ уступить; для Берлинскаго же двора сіе есть новая мозоль! Чтобъ вы имѣли понятіе о важности сраженія у Анапы, сообщаю копію съ письма. И за все сіе обѣщаютъ, слышно, подвижнику Георгія 2-го класса.

Свѣтлѣйшаго князя вчера сюда ждали, ждемъ и сегодня.

*

Письмо И. В. Гудовича къ тестю его графу К. Г. Разумовскому.

24 Іюня 1791 г. Анапа.

Копія.

Милостивый государь батюшка
графъ Кирила Григорьевичъ!

Преодолѣвши чрезвычайныя трудности, перешедши рѣки, лѣса и горы, наполненныя Черкесъ непріятельскихъ и бывши наконецъ десять дней безъ всякаго сообщенія съ Россіею, атаковалъ я сильно непріятельскую крѣпость Анапу безъ осадной артиллеріи. Непріятеля въ крѣпости было 25000, да въ спинѣ и въ лѣвомъ моемъ боку на горахъ, въ пяти верстахъ отъ лагеря, тысячь восемь Черкесъ, которымъ съ горъ всякой мой шагъ виденъ былъ. Не взирая на сіе, 22-го числа сего мѣсяца штурмовалъ я крѣпость по лѣстницамъ. Штурмъ былъ жестокой и кровопролитной; непріятель, не имѣя никакого убѣжища кромѣ Чернаго моря, оборонялся отчаянно, имѣя больше нежели втрое противъ атакующихъ войска́, за глубокимъ и широкимъ рвомъ, одѣтымъ камнемъ. Пять часовъ продолжался жестокой ружейной и картечной огонь, и побѣда была сумнительна. Во время самаго штурма атаковали меня сзади нѣсколько тысячь Черкесъ. Наконецъ осталось у меня въ резерфѣ (sic) 100 егерей, всѣ знамена и всѣ пушки, и съ сими я положилъ конечно или побѣдить или пасть на ратномъ полѣ. Но благодарю Бога за Его великую милость: по Его святой волѣ я одержалъ совершен-

ную побѣду. Во всю мою жизнь не находилъ я себя въ такомъ критическомъ положеніи.—Крѣпость взята, и Черкесы прогнаны, и въ крѣпости 71 пушка, 9 большихъ мортиръ, болѣе 100 знаменъ и другихъ трофей и разные магазеины. Непріятеля побито на мѣстѣ болѣе 8000, много потоплено въ морѣ; въ плѣнъ взято: сераскиръ, трехъ-бунчужной паша, славной лже-пророкъ, возмущающій всѣ горскіе народы—шахъ Мансуръ, много Черкесъ чиновниковъ и болѣе 7000 плѣнныхъ. Я спѣшу о семъ донести вамъ, зная, сколь милостиво пріймете въ томъ участіе. Уронъ нашъ тоже немалъ: убитыхъ и раненыхъ до 2000; я же, слава Богу, здоровъ, только усталъ смертельно. Поруча себя въ вашу милость, пребуду на вѣки съ глубочайшею преданностію, милостивый государь батюшка,

вашего сіятельства
всенижайшій слуга и сынъ
Иванъ Гудовичъ.

6.

6 Августа.

Свѣт. князь дѣйствительно 25 Іюля чрезъ Могилевъ отправился для заключенія съ Турками миру, коего они просятъ и не хотятъ болѣе съ кн. Репнинымъ драться. Собранныя въ Лифляндіи войска скоро будутъ, слышно, распущены, а только, для безопасности границъ два нужные корпуса, Бѣлорусской подъ командою гр. Салтыкова и Лифляндской у Игельстрома, которой будетъ и инспекторомъ войскъ. Гр. Суворовъ еще въ Финляндіи. Нассау точно уѣхалъ къ д'Артоа для помощи Французскому королю. Галерной и гребной флотъ разснащенъ будетъ; онъ порученъ, слышу, Крузу. Алексѣй Ив. Мусинъ-Пушкинъ пожалованъ въ Синодъ оберъ-прокуроромъ; онъ и церемоній-мейстеромъ остался и директоромъ корпуса Греческаго. Синодальные члены неотступно объ немъ просили свѣтлѣйшаго. Предмѣстникъ же его Наумовъ отставленъ съ пенсіею, и 3000 р. дано на оплату долговъ; о прочихъ пожалованныхъ увидите изъ списка.

7.

12 Августа.

Анапа и Суджу-кале желательно, чтобъ были нашими; но мы именно отреклись отъ мысли распространенія своей державы, а хотимъ только вѣрныхъ границъ. Но утвержденная негоціаціею статья мира не есть, какъ только base de pacification; также и образъ принятія сей статьи Турками много будетъ имѣть на сіе вліянія, и я думаю, что миръ не то только сдѣлаетъ выгодою для насъ, чтò утверждено (16 Іюля) съ министрами союзныхъ дворовъ, но что нибудь больше. Вотъ и доказательство: визирь, по увѣдомленію о бывшихъ въ Петербургѣ съ Европейскими дворами переговорахъ, всѣхъ Прусскихъ офицеровъ, при его арміи бывшихъ, выгналъ. Слѣдовательно, мы теперь вольны, какія хотимъ непріятелю предписывать статьи договоровъ мирныхъ. Сей же визирь хорошо отдѣлался

передъ Портою снятіемъ, какъ говорятъ, 16 головъ мужей, начальнѣйшихъ пашей, и симъ защитилъ свою. Онъ писалъ, сказуютъ, къ Портѣ: „что невѣрные, перешедъ тайно чрезъ Дунай, помѣшали ему въ „переходѣ на сю сторону къ Браилову и измѣною нѣкоторыхъ па„шей сдѣлали нѣкоторые успѣхи, но что онъ всѣхъ таковыхъ лишилъ „головъ, и хотѣлъ было наказать и невѣрныхъ, но сіи успѣли уда„литься паки за Дунай“.

Что кн. Репнинъ удалился, это праведно; но отнюдь не страха ради. И такъ едва ли миръ будетъ прежде зимы, да и какія свѣтлѣйшій князь, пріѣхавши туда (онъ 29 Іюля уже въ Черниговѣ и спѣшитъ въ Галацъ) приметъ мѣры, тайна ему одному извѣстна.

Г. Гудовичу, сверхъ 2-го Георгія, дана шпага съ бриліантами. Нассавскій на 6 мѣсяцевъ только уволенъ, но флотилія не Крузу, а гр. Суворову поручена ad interim. О единоглавномъ орлѣ [6]) я уже писалъ къ вамъ; помнится, что онъ отъ границъ нашихъ улетѣлъ, замолкъ и успокоился,—однимъ словомъ: на Сѣверѣ войны не будетъ, а наши войска отъ Двины домой возвращаются. Сумасшествіе Французовъ сколь ни велико, но король долженъ будетъ la constitution новую подтвердить подписаніемъ и тогда будетъ свободенъ. Сумнѣваюсь я, чтобъ въ семъ случаѣ захотѣлъ кто изъ царствующихъ помочь ему. Французская министерія давно уже всѣмъ въ зубы навязла, мѣшаясь во всѣ дѣла всѣхъ дворовъ: слѣдовательно, едвали кто захочетъ явно дать имъ помощь, которая не инако, какъ чрезъ кровопролитіе должна идти. Люди теперь умнѣе стали: кто упалъ, пусть лежитъ, пока-то до насъ очередь дойдетъ.

Послѣ кн. Ивана Мих. Масальскаго наслѣдника два: князь Алексѣй Ив. и князь Александръ Ив. Масальскіе, родитель кн. Андрея Александровича. Они еще не раздѣлились. Много долговъ осталось послѣ покойнаго: уплатя оные, тогда приступятъ къ дѣлежу; а кн. Андрею ничего покойный не далъ и не завѣщалъ, хотя и было обѣщано.

Я хотѣлъ было запечатать уже сіе письмо, какъ услышалъ, что кн. Репнинъ паки имѣлъ вторичное кровопролитнѣйшее сраженіе у Браилова съ визиремъ, которой будто въ полону уже у насъ съ 30.000 Турокъ.

8.

27 Августа.

Я ѣздилъ въ деревню къ тестю моему [7]), для того и пропустилъ важнѣйшую почту. Все, что̀ было здѣсь сказываемо о пораженіи вторичномъ визиря, выдумано было. Вмѣсто того открылось перемиріе съ Турками, по заключеннымъ 31 Іюля чрезъ кн. Николая Васильевича съ визиремъ на 8 мѣсяцовъ прелиминарнымъ пунк-

---

[6]) Т. е. о Пруссіи.

[7]) Б. Каменскій женатъ былъ на Марьѣ Ивановнѣ Купреяновой, дочери Владимірскаго помѣщика.

тамъ, которые, какъ слышно, состоятъ: 1) въ утвержденіи границъ по Днѣстръ, 2) въ возвращеніи всѣхъ крѣпостей въ такомъ состояніи, въ какомъ оныя нынѣ суть и 3) въ постановленіи впредь будущемъ для благосостоянія Валахіи и Молдавіи. Князь Потемкинъ получилъ сіе извѣстіе съ генеральсъ-адъютантомъ Панкратьевымъ (коего тутъ же и подполковникомъ поздравилъ) въ городѣ Николаевѣ на Бугѣ, отъ Очакова въ 50 верстахъ. И такъ чѣмъ теперь могутъ похвалиться союзники Турецкіе? Чтó они для насъ у Турковъ выторговали? Россія славно роль свою сыграла, устояла противу всѣхъ бурь, била своихъ враговъ, побѣдила ихъ и оружіемъ и политикою и дала себѣ миръ сама собою, когда захотѣла. А можетъ быть чрезъ 8 мѣсяцовъ и еще что выторгуемъ; а паче Анапа и Суджу-кале, яко всѣмъ для насъ нужныя крѣпости, уповаю, у насъ останутся. Цесарцы 4 Августа по новому стилю подписали мирный съ Турками договоръ въ Чистовѣ in statu quo до войны; но слышно, что еще и другой они заключатъ договоръ, не зависящій отъ медіаціи, которой разрѣшить долженъ матерію о утвержденіи впредь будущихъ границъ обѣихъ имперій. Въ Петербургѣ 15 Августа было о перемиріи молебствіе, а у насъ нѣтъ: можетъ быть Синоду о семъ не дано знать.

Францiя еще въ угарѣ. Увидимъ, подпишетъ ли король новую конституцію. Думаю, подпишетъ. Мнѣ кажется, не худо будетъ, если превыспренная ихъ политика нѣсколько ослабнетъ: довольно они всѣмъ въ зубы навязли своимъ равновѣсія наблюденіемъ. Но какъ все сіе зависитъ отъ Бога, то станемъ ожидать, вложитъ ли Онъ въ сердце Государыни о вспомоществованіи королю не на перѣ, но на самомъ дѣлѣ. Графъ Иванъ Григорьевичь Чернышевъ и Михайло Сергѣевичь Потемкинъ уволены за море для излѣченія болѣзней. Мѣсто послѣдняго ad interim занялъ г. Турчаниновъ. На сихъ дняхъ погребли генеральшу Катерину Григорьевну Племянникову, которая и самимъ роднымъ была уже въ тягость [8]).

9.

3 Сентября.

Еще военныя дѣйствія съ Турками не кончились. Судя по газетамъ Петербургскимъ, надобно, чтобы князь Ник. Вас. имѣлъ отъ свѣтлѣйшаго полномочіе, которое, уповательно, 16 Іюля, послано въ самое то время, когда въ Петербургѣ согласились мы съ Прусаками и Агличанами, что далѣе Днѣстра мы не желаемъ. Спѣшилъ свѣтлѣйшій, какъ видно (ибо въ лихорадкѣ будучи скакалъ), чтобъ удержать еще заключеніе прелиминаровъ; но не вышло по желанію. Судя по нынѣшнему Турковъ положенію и страху ихъ отъ флота нашего, у самаго устья канала стоящаго, можетъ быть и по Дунай согласились бы уступить намъ. Увидимъ однако, чѣмъ сіе важное дѣло кончится. Повидимому, г. Самойловъ и посломъ въ Царьградъ поѣдетъ. Я крѣпко надѣюсь, что мы кромѣ Очакова еще что

---

[8]) Это была сестра извѣстныхъ графовъ Чернышевыхъ.

нибудь выторгуемъ. Сейчасъ пришла почта Петербургская отъ 28 Августа. Пишутъ, что великая княгиня очень огорчена смертію брата; ей кровь пускали; трауръ наложенъ на двѣ недѣли.

Икалось ли вамъ въ день вашего патрона? Были у имянинника кн. Александра Ив. Лобанова всѣ родные ваши, куда и я приглашенъ былъ; не забыли и объ васъ тутъ же при трапезѣ.

10.

17 Сентября.

Много благодарю за трудъ вашъ въ начертаніи дражайшаго вашего отъ 6 числа письма. Читая ваши разсужденія, мучусь всякой разъ, для чего вы изъ Надёжина, а не изъ царскаго кабинета пишете; но можетъ быть тогда я лишился бы удовольствія пользоваться оными.

Что̀ перемиріе не есть миръ, ваша правда, и чуть ли свѣтлѣйшій не сократилъ онаго, назначивъ только два мѣсяца; сверхъ того Анапа есть conditio sine qua non, т. е. безъ сей крѣпости нѣтъ и не будетъ мира. А нѣкоторые и о Молдавіи говорятъ, будто независимостію хочетъ ее подарить. Все можетъ статься отъ сего дальновиднаго и счастливаго вельможи. Князь теперь въ Яссахъ и ожидаетъ изъ Царьграда рейсъ-ефендія.

Въ политикѣ происшествіями мы теперь скудны, но богаты на догадки. Думаютъ, что въ Пильницкомъ rendez-vous утверждено будетъ: a) согласіе или терпимость на Польское преображеніе, в) гарантированіе другъ другу взаимныхъ владѣній между императоромъ и Прусскимъ королемъ, даже и противъ внутреннихъ возмущеній, c) согласіе на избраніе курфирста Саксонскаго съ обѣщаніемъ не требовать дочери его въ замужество за своихъ принцовъ каждому двору, d) прошеніе къ нашей Императрицѣ о приступленіи къ сему соглашенію и о подтвержденіи онаго своимъ согласіемъ и e) можетъ быть и о Французскихъ дѣлахъ слова дватри молвятъ.

Въ разсужденіи обстоятельствъ Французскихъ слышно: нашъ дворъ отозвался ко всѣмъ дворамъ, чтобъ въ обидѣ понесенной Французскимъ королемъ считать обиду всѣмъ государямъ общею, яко поруганіе достоинству государей и получить въ оной удовольствіе; а для сего дѣйствовать совокупно, препоруча управленіе императору. Дай Богъ, чтобъ сія язва скорѣе прекратилась и не заразила бы другихъ.

Рѣчь пр. Моисея, поѣхавшаго уже въ Крымъ, препровождаю. Вы любите читать хорошія, а оная слишкомъ хороша, и Государыня весьма была оною довольна.

P. S. При самомъ запечатаніи сего пишутъ изъ Петербурга на почтѣ отъ 7 числа Сентября, что отъ гр. d'Artois присланъ къ намъ генер. маіоръ Esterhazi и тотчасъ былъ представленъ Августѣйшей нашей Матери въ Ермитажѣ чрезъ г. Зубова, къ которому онъ былъ ардесованъ отъ Нассау. Онъ въ пять дней своего пребыва-

нія четыре раза былъ въ Ермитажѣ: обѣдалъ, ужиналъ и пр..., хотя и не имѣлъ формальной аудіенціи. Слышно, что дворъ нашъ даетъ 8000 пѣхоты и 4000 конницы.

Перечень письма изъ С. Петербурга отъ 8 Сентября.

„Знали ли вы г. Вальца? Онъ былъ надворный совѣтникъ при вице-канцлерѣ. Онъ теперь, Богъ знаетъ, гдѣ. Говорятъ, будто въ Пензѣ директоромъ народной школы, но заподлинно того неизвѣстно. Съ нимъ случилось слѣдующее. Онъ жилъ великолѣпно и свыше своего состоянія и жалованья; а откуда на все то бралъ нужное, неизвѣстно, имѣнія же своего не имѣлъ; ибо онъ забрелъ сюда Богъ знаетъ откуда и какъ, и всѣ даны были ему выгоды превосходнѣйшія предъ своими природными подданными. Онъ нанималъ дачу на Стрѣльной и тамъ жилъ. Въ полночь оберъ-полиціймейстеръ самъ пріѣхалъ къ нему туда въ домъ и его взялъ съ собою изъ его дому, и съ тѣхъ поръ его не стало; за что же, о томъ никому, кромѣ, можетъ быть, трехъ или четырехъ особъ, больше неизвѣстно; съ насъ же всѣхъ коллежскихъ взяли потомъ, въ силу именнаго указа, въ Коллегію насланнаго, подписку, чтобы никто ни малѣйшаго знакомства съ министрами чужестранными и ихъ секретарями не имѣлъ. Вотъ происшествіе, случившееся уже тому нѣсколько времени и о которомъ, я думаю, уже вамъ не безъизвѣстно“ [9]).

11.

Ежели вѣрить носящимся слухамъ, то дѣло идетъ о Молдавіи и о Анапѣ. О! ежели выполнитъ Рѣшемыслъ обѣ сіи статьи, прямо великъ будетъ и словомъ и дѣломъ.

Въ Пильницѣ не долго были царствующіе. Услышимъ, что̀ изъ сего rendez-vous выйдетъ. По газетамъ видно, что всѣ желаютъ облегчить или и уничтожить узы Людовика XVI; но я сумнѣваюсь въ Леопольдѣ и въ Георгіи. Послѣдній едва-ли на сіе поступитъ. Нескоро лишеніе Америки, въ коемъ наибольше участвовала Франція, выйдетъ изъ головы Альбіонцовъ.

О пріѣздѣ сюда двора сумнительно. Нашъ губернаторъ, у пріѣзжаго изъ Петербурга гр. Алексѣя Гр. Орлова спрашивавшій о семъ, получилъ такое изреченіе: зимою быть не можетъ, а до лѣта еще далеко. Ожидали было мы указа о наборѣ рекрутъ, но еще нѣтъ. Нѣкоторые пророчествуютъ, что сего года и не будетъ. Желательно бы!

Сей день Московскій владыка у насъ на Покровкѣ. Сосѣдъ мой кн. Щербатовъ Михайло Тимофеевичъ препровождается въ вѣчность.

---

[9]) Иванъ Вальцъ потерпѣлъ наказаніе за то, что продавалъ наши канцелярскія тайны Французскому и Австрійскому посольствамъ. См. объ немъ въ Объяснительномъ указателѣ Н. П. Барсукова къ Запискамъ Храповицкаго, стр. 459. Однако, живучи въ Пензѣ, онъ получалъ 800 р. годоваго жалованья изъ почтовыхъ доходовъ (т. же, стр. 369).

Былъ въ подмосковной деревнѣ, тамъ занемогъ и, сюда бывъ привезенъ, не получилъ отъ врачей никакой пользы.

P. S. Г. Нелединскій печатаетъ оду въ честь и хвалу Мачинскаго дѣйствія. Онъ читалъ всѣмъ намъ писанную въ домѣ тётушки вашей княгини Лобановой 21 числа, въ день имянинъ князь Дмитрія Ивановича.

Пришла и почта отъ 19 Сентября. Потребованъ планъ двора гр. Безбородка, и теперь пишутъ, чуть-ли дворъ зимою не будетъ въ немъ здѣсь жить. Ему дается на пристройку сумма.

5 Сентября Парижскіе деспоты подали королю новую конституцію, и караулъ изъ покоевъ его сведенъ. Во дворецъ всѣ теперь допускаются и принимаются учтиво. Когда король въ тотъ день пошелъ въ церковь, кричали vive le roi; а когда шелъ отъ обѣдни кричали vive la reine. Монморень былъ въ голубой лентѣ. Король отвѣчалъ, что онъ разсмотритъ со всѣмъ вниманіемъ, коего требуетъ толь важное дѣло, и такъ поспѣшно, какъ возможно.

Пильницкое свиданіе, пишутъ, намъ непротивно, и съ нашего согласія. Курф. Саксонской требуетъ, чтобъ въ конституціи Польской перемѣнено было право сейма объявлять и заключать войну въ право короля обще съ сеймомъ. Ему сказано, что это не невозможно.

12.

8 Октября.

Чего вы боялись, то и содѣялось. Людовикъ XVI $^{2}/_{13}$ Сентября торжественно принялъ la chartre constitutionnelle и учинилъ на ономъ присягу, и орденъ св. Духа сложилъ съ себя. Слышно, будто королева много участвовала въ семъ дѣлѣ по той причинѣ, что между ею и братьями королевскими пробѣжала черная кошка. Далѣе о семъ вы узнаете изъ газетъ. Остается теперь видѣть, къ пользѣ ли или ко вреду послужитъ сія королевская уступчивость, и пріобрѣтетъ ли онъ чрезъ то любовь народа; также что̀ будетъ съ Пильницкою конвенціею и что́ предпріимутъ соединившіяся противу бунтовщиковъ Французской державы. Сицилія, Сардинія, Неаполь отвѣтствовали, что они готовы содѣйствовать императору. Испанія—что должно прежде испытать дружественныя внушенія, военную же руку удержать. Англія отреклась. Данія—что она не въ такихъ обстоятельствахъ, чтобы могла дѣятельно и сильно прянять участіе. Швеція—что она уже готова. Пруссія—что надо начать сперва переговоры, придвинуть войска къ границамъ, и когда дружелюбныя негоціаціи не помогутъ, тогда уже употребить силу. Но теперь всѣ планы сіи, и безъ того разногласные, разстроены, ежели только не вовсе разрушены. По крайней мѣрѣ, ежели бы къ нашему двору и самъ король отписалъ, что онъ счастливъ и ни въ чьей помощи нужды не имѣетъ, отвѣтствовать на такое письмо (думаю) не будутъ, пока всѣ соединившіяся державы не рѣшатся на что-либо. Говорятъ, что король, хотя король, но правъ или преимуществъ принцовъ

Французскихъ уничтожить или не можетъ или не долженъ: ибо принцы имѣютъ еще право прибѣгнуть къ Европейскимъ державамъ. Время окажетъ, успѣетъ ли d'Artois въ своемъ предпріятіи. Письмо къ королю отъ него и отъ принцовъ написано и твердо и красиво, но, кажется, поздно. Надобно бы ранѣе ему сіе начать.

Кн. Николай Васильевичъ пріѣхалъ сюда третьяго дня, но пріѣхалъ въ лихорадкѣ, коею и премногіе въ арміи страждутъ. А какъ братецъ вашъ съ нимъ видѣлся, то уповаю извѣстить васъ о томъ, скоро ли мы получимъ миръ. Оду, о коей я писалъ къ вамъ, препровождаю. Вотъ человѣкъ съ достоинствами, но праздной! [10])

13.

15 Октября.

Объ Яссахъ изъ Петербурга отъ 7 числа пишутъ „что полномочные Турецкіе наконецъ пріѣхали туда, но ничего еще не начато, ибо свѣтлѣйшій опять опасно былъ боленъ; но теперь ему легче, и опасность миновалась".

Сосѣдъ мой, почтеннѣйшій кн. Николай Васил. [11]) кажется, свободился лихорадки. Четвертой вчера день, и ея не было, какъ мнѣ сказывали видѣвшіе его вчера. Однако онъ слабъ и не дерзаетъ выѣзжать въ сырую, какую мы имѣемъ, погоду.

Кажется, всѣ соединившіяся державы (кромѣ Англіи, Даніи и Голланцовъ), по примѣру Россіи и Швеціи, не признаютъ вынужденнаго невольничествомъ и страхомъ у Лудовика XVI принятія конституціи за дѣйствительное. Слышно, что графъ d'Artois, accompagné de m. de Nassau, пожалуетъ къ намъ, pour solliciter sa cause auprès de l'Impératrice.

Покойникъ Щербатовъ и безъ жены и безъ дѣтей былъ. Наслѣдница всему его имѣнію родная сестра, вдова княгиня Ирина Тимоѳ. Шаховская, многочадная.

Публика наша занимается теперь толкованіемъ о разводѣ недавно сочетавшихся камергера Сабурова, женившагося на . . . . Матвѣевнѣ Толстой, племянницѣ гр. Остермана. Она-то благоволила ему запретить себя видѣть. Причины разныя отъ разныхъ сказываются. Главнѣйшія же на счетъ малоумія и слабосилія его. Едва ли не послѣднее всему причиною. Непохвально съ обѣихъ сторонъ.

14.

22 Октября.

Изъ послѣдняго моего письма вы уже знаете, въ какомъ положеніи былъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ. Его уже нѣтъ больше: 5 Октября всѣ кончилъ и дѣла и предпріятія. Въ день Покрова, чувствуя тяжесть, примирился съ Богомъ; получа же облегченіе, взду-

---

[10]) Говорится о Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ.

[11]) Домъ князя Репнина былъ на Маросейкѣ, нынѣ Человѣколюбиваго Общества, слѣд. въ сосѣдствѣ съ бывшимъ помѣщеніемъ Архива Иностр. Дѣлъ (въ Калпашномъ переулкѣ).

малъ перемѣнить воздухъ. Поѣхалъ изъ Яссъ въ Николаевскъ съ кн. Голицынымъ и племянницами. Отъѣхавъ 40 верстъ, почувствовалъ паки тяжесть. Остановился, велѣлъ послать на земли плащъ, облокотился на подушкѣ, и подняли уже мертваго. По вскрытіи тѣла нашли, что гнилая горячка и молошница были.

Въ Петербургѣ и здѣсь не скоро сему повѣрили по предразсужденію, будто-бы онъ больше нѣчто былъ, нежели смертный. 12 Октября въ 6 часовъ пополудни рѣшительное въ Петербургѣ получено объявленіе. При донесеніи о семъ, Государынѣ кинула кровь; она очень огорчена. Собранъ былъ Совѣтъ. Положено: Михайла Ѳедотовича, коему, яко старшему, поручена была въ арміи команда, оттуда отозвать и поручить генералу Каховскому ad interim; князь Николаю Васильевичу пріѣхать для объясненія въ Петербургъ, а можетъ быть и въ армію поѣдетъ оттуда; для окончанія же мирныхъ переговоровъ съ Турками и приведенія въ порядокъ дѣлъ и бумагъ покойнаго ѣхать графу Александру Андреевичу Безбородку, а въ отбытіе его по дѣламъ его комиссіи докладывать Трощинскому, и 16 числа графъ уже и поѣхалъ. Генералу кригсъ-коммисару и генералъ-провіантмейстеру ѣхать въ армію и, учиня расчеты, привесть все въ порядокъ и наконецъ, ежели не осталось завѣщанія послѣ покойнаго, то погребсти его въ Херсонѣ.

Вотъ вамъ вся исторія! Сосѣдъ мой [12]) по вчерашній день еще не имѣлъ указа. Онъ совсѣмъ здоровъ и визиты развозитъ.

P. S. И Судерландъ умеръ; а на его мѣсто Фоксъ или Фохтъ.

15.

29 Октября.

Праведно вы судили въ письмѣ вашемъ отъ 18 числа о непостижимой слабости Лудовика XVI. Мнѣ чудно, что цесарь, послѣ Пильницкаго грому, допустилъ паки Ноляя въ чинѣ посла, и что Шведъ убавилъ также жару, получивъ извѣстіе о принятіи грамоты королемъ. Но мы.... мы твердо стоимъ. Нынѣшній у насъ chargé d'affaires Французскій не только при дворѣ, но и министрами нашими не принимается, и запрещено даже официантамъ не только его самаго не впускать, но и писемъ отъ него не принимать. Сверхъ политическихъ резоновъ заперъ онъ себѣ дорогу къ нашему министерству какъ своими глупыми протестами, такъ и своимъ несноснымъ поведеніемъ. Приложенныя двѣ бумаги изъяснятъ вамъ слѣдствія смерти кн. Потемкина. Еще не знаемъ, оставилъ ли онъ завѣщаніе; если нѣтъ, то будетъ въ Херсонѣ погребенъ. Графъ Румянцовъ въ Переяславскихъ своихъ деревняхъ живетъ. Думать надобно, что графъ Безбородко заѣдетъ къ нему.

---

[12]) Т. е. побѣдитель при Мачинѣ князь Репнинъ.

16.

5 Ноября.

Какъ всѣ теперь разговоры единственно о свѣтлѣйшемъ покойникѣ занимаютъ нашу публику, то и я не знаю, что вамъ сказать иного. Отсылаю ваше любопытство къ двумъ приложеннымъ бумагамъ [13]). Въ одной увидите обстоятельства о его смерти (которое прошу возвратить, ибо списать некогда было), а о другомъ, какъ вы посудите, не знаю. Авторъ сего разсужденія вамъ знакомъ долженъ быть; но чтобъ васъ не заставить догадываться, онъ есть Денисъ Фонъ Визинъ. Часто бываетъ у сосѣда моего кн. Николая Васильевича. Его видятъ, его худо разумѣютъ, имъ можетъ быть и скучаютъ. Если бы онъ духовной былъ человѣкъ, простилъ бы я его за сіе. Какъ ни описалъ онъ суетность жизни, однако не скрылъ и тщеславія своего. Но и онъ человѣкъ, слѣдовательно слабости подверженъ. Изъ Яссъ съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстія, чѣмъ кончатся наши переговоры съ Турками. Графъ Безбородко 27 Октября въ Нѣжинѣ былъ. Проскакали туда жъ и генералъ кригсъ-коммисаръ и генералъ-провіантмейстеръ съ своими подчиненными одѣть и накормить воиновъ, кои, сказываютъ, въ томъ и въ другомъ имѣютъ нужду. Кн. Николай Васильевичъ собирается къ 24 числу въ Петербургъ; хотя и не будетъ, какъ писано, позванъ, но всѣ считаютъ, что ему не миновать поѣздки въ Яссы. Сестра его Прасковья Васильевна очень больна, и онъ дважды къ ней въ день ѣздитъ. Дочь большая выздоровѣла. Президентское мѣсто въ Военной Коллегіи готовится гр. Николаю Ив. Салтыкову, по извѣстіямъ оттуда приходящимъ. По дѣламъ гр. Безбородки докладываетъ Зубовъ Платонъ.

17.

12 Ноября.

Не всѣ такъ думаютъ о покойникѣ, какъ вы. Многіе уже злословить начинаютъ. Но о мертвомъ лучше что нибудь хорошее, или ничего не говорить. Изъ Яссъ ничего доселѣ. Всѣ говорятъ, что едва-ли Мих. Ѳедот. останется въ службѣ.

Послалъ я Фонъ Визинову рѣчь; посылаю и слово надгробное. Если и лишекъ примѣтите, то судите по сильной его къ покойному привязанности. Онъ облагодѣтельствованъ былъ отъ покойнаго безконечно: слѣдовательно . . . . и пѣлъ объ немъ громко [14]). Духовные вездѣ пѣли по немъ панихиды и обѣдни, и здѣсь и въ Петербургѣ. Онъ имъ цѣловалъ руки, но вязалъ ноги.

Перечень письма изъ Петербурга отъ 30 Октября.

„Изъ числа посланныхъ отъ Лондонскаго ученаго общества путешественниковъ одинъ, проходя внутренность Африки и не вѣря

---

13) Этихъ приложеній мы не имѣемъ.

14) Говорится о надгробномъ словѣ, которое произнесъ при погребеніи князя Потемкина архіепископъ Екатеринославскій Амвросій.

древней гипотезѣ, чтобы подъ экваторомъ нельзя было жить людямъ, пустился, какъ нѣкогда Колумбъ по морю, онъ по песку и, по счастію, попалъ подъ пятымъ градусомъ южной широты въ столичной невѣдомаго отъ невѣдомыхъ вѣковъ народа городъ, по письму его обширнѣе и многолюднѣе Лондона и Парижа; жители говорятъ древнимъ Аравійскимъ языкомъ; благочиніе и устройство гораздо лучше Китайскаго; всѣ мастерства, художества и ремесла, каковы есть въ Лондонѣ, существуютъ и тамо. Монархиня приказала писать къ Воронцову въ Лондонъ, чтобы старался получить о семъ достовѣрнѣйшее и подробнѣйшее извѣстіе“.

18.

26 Ноября.

Послалъ я къ вамъ планъ погребенія покойнаго князя; теперь посылаю описаніе, по которому все точно происходило. Тѣло его повезено въ Смоленскіе предѣлы погребсти съ отцы его. Михайло Ѳедотовичъ еще сюда не бывалъ. Изъ Яссъ не имѣемъ извѣстія доселѣ, что̀ тамъ дѣлается; но потѣшаютъ однако насъ скорымъ миромъ. Въ городѣ говорятъ, что гр. Румянцовъ принялъ команду, но на письмѣ о семъ ни отъ кого я не получалъ. Говорятъ, что кн. Николай Васильевичъ будетъ фельдцейхмейстеромъ 24 числа; но увидимъ скоро, праведенъ ли сей слухъ. На прошлой недѣли погребли гр. Ивана Григор. Орлова и Виктора Н. Самарина. Послѣдній, по дѣйствію отчаянности въ любви (ибо любовница его оставила), возложивъ на себя руки, бритвою кончилъ жизнь. Одинъ изъ докторовъ, засвидѣтельствовавъ, что сіе онъ учинилъ въ лишеніи ума, доставилъ ему погребеніе съ священникомъ. A propos de Samarin. Читалъ я у князя Степана Борисовича новую мудреную и огорчительную для васъ исторію Самарина съ г. Роде; а вчера были у меня Петръ Александ. Собакинъ и Симбирскій богачъ Кротковъ; пересказывалъ я обоимъ и услышалъ отъ нихъ, что онъ мерзкой человѣкъ. Вотъ одобреніе дворянъ дворянскому, да еще губернскому предводителю; читалъ и продолженіе сея исторіи въ письмахъ отвѣтныхъ г. Карпова, друга моего и г. Лаптева. Дѣло будетъ начинаться въ Сызранскомъ Уѣздномъ судѣ, и какъ онъ вездѣ виноватымъ останется, можетъ быть, то и будетъ по судамъ переходить и тѣмъ умножитъ хорошее о себѣ имя. Къ сожалѣнію, нашего вѣка есть еще дворяне, худо разумѣющіе о человѣчествѣ. Буду ожидать окончанія сея исторіи.

19.

3 Декабря.

Все, что́ мы отъ 25 Ноября изъ Питера имѣемъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Augustissima хотя и была одѣта въ день своего ангела, но ни поутру, ни на балъ выходить не изволила. Съ того дни кн. Николай Васильевичъ вступилъ въ дежурство, яко генералъ-адъютантъ. Онъ принятъ отъ обоихъ дворовъ весьма милостиво, да и ктоже больше достоинъ сего? Жалованныхъ никого не было въ тотъ день.

На другой день полученъ изъ Яссъ отъ 12 Ноября курьеръ, извѣщающій, что гр. Безбородко 8 числа подалъ всѣ вдругъ пункты Туркамъ, и что около новаго года ожидаетъ окончанія: да или нѣтъ; а потому всякой и возметъ свои мѣры.

О Африканскихъ новостяхъ не имѣю больше подтвержденія.

1792 ГОДЪ.

1.

24 Мая.

Кто писалъ къ вамъ, будто Платонъ, Московской митрополитъ, умре? Напротивъ того, онъ живъ, здоровъ, вчера служилъ обѣдню въ соборѣ и говорилъ проповѣдь. Правда, былъ боленъ коликою, но оная прошла. Дамаскинъ, Нижегородскій архіерей, пріѣхалъ сюда, и теперь къ вамъ собирается. Чего хочетъ, неизвѣстно. Но увидите, чего онъ стоитъ!

Іоанникію послалъ я пилюлю, отъ васъ 2 Мая мнѣ сообщенную. Хотя и старался позолотить ее, но все горька для него оная будетъ. Со всѣмъ тѣмъ не оставляйте при случаѣ напоминать, когда извѣститесь отъ меня о упаломъ мѣстѣ. Vale quam optime!

2.

Любя г. Заварицкаго, любите и брата его архимандрита Нижне-Печерскаго Іоанникія. Теперь открылся случай помочь ему. Воскресенскаго Ново-іерусалимскаго архимандрита Нектарія сегодня погребли въ Донскомъ. Мѣсто очистилось, важное и ставропигіальное, гдѣ надобенъ умной и любящій строеніе мужъ. Таковымъ я нахожу Іоанникія. Сегодня пишу о семъ къ Алексѣю Ивановичу г. Пушкину и, прося его доставленіи сего мѣста сему, а не другому, ссылаюсь на васъ, яко довольно свѣдущаго о достоинствахъ онаго архимандрита. При случаѣ (но сіе скоро надобно дѣлать, ибо охотниковъ много) скажите и вы Алексѣю Ивановичу слова два-три о семъ.

Adieu! Tout à vous
Certain.

3.

11 Августа.

Понятовскій долженъ былъ лучше оставить тронъ, нежели образъ принятыхъ мыслей и свое желаніе мнимаго Польшѣ блага. Теперь мы его будемъ держать въ оковахъ; а подданные презирать его станутъ, какъ труса. Слышно, что племянникъ его Понятовскій съ королемъ не согласился. Но unus nullus. Да хотя бы и больше ихъ было, а паче, когда Австрія и Пруссія единогласны съ нами въ семъ дѣлѣ!

27 Іюля подписанъ въ домѣ вице-канцлера трактатъ съ Пруссіею.

Князь Вяземской непремѣнно на сихъ дняхъ отставленъ будетъ. Преемниками ему выбраны кандидаты:

отъ Совѣта	отъ Государыни
Васильевъ	Поповъ
Державинъ	Державинъ.
Зубовъ старикъ	

29 числа поѣхала Государыня въ Пеллу, а оттуда въ Нарву, гдѣ, уповательно, съѣдутся ожидаемые изъ Германіи гости, коихъ Александръ Павловичъ ожидаетъ.

Прошелъ у Французовъ день новаго ихъ года свободы безъ дальняго страху. Брауншвейгской теперь будетъ главнокомандующимъ всѣми противу Французовъ войсками; слѣдовательно, князю Репнину дѣлать тутъ нечего. Однако и нашихъ ожидаютъ войскъ: видно, предоставлено Россіи творить великое и чудесное въ нашемъ вѣкѣ. Кто бы, кажется, мѣшалъ имъ и безъ насъ кончить сіе дѣло?

Поступки Зюдерманландскаго подозрительны: ищетъ преклонять людей на свою сторону; неограниченную далъ вольность книгопечатанія, сенатора Sparr'а сдѣлалъ канцлеромъ, коего послѣ Оксенстерны не было, и наконецъ Енгестрема, брата двоюроднаго убійцы королевскаго, учинилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

4.

25 Августа.

Польскія дѣла умолкли. Каховской и Кречетниковъ подвигаются, или уже въ Варшавѣ; тамъ и король, созывающій сеймъ. Но многіе изъ магнатовъ противоборствуютъ королевскому желанію. Многіе же, но не всѣ; да и многіе тѣ принуждены будутъ большинству уступить. Архіерея нашего Виктора, жившаго въ Слуцкѣ и держаннаго нѣсколько дней подъ стражею, увезли было въ крѣпость Ченстохово; но Булгаковъ принудилъ теперь возвратить его и возставить ему власть. И се о Полякахъ.

Французы не унываютъ. Брольо разбилъ принца Гогенлоге. Брауншвейгскаго манифестъ какое имѣлъ вліяніе, еще неизвѣстно; писанъ строго и важно, а сіи любомудрые невѣжи не любятъ ничего важнаго; но, кажется, приходятъ они къ развязкѣ.

Дѣло Новикова рѣшилось; но разнорѣчіе выходитъ: одни говорятъ—вѣчно, другіе—на 15 лѣтъ ему сидѣть въ крѣпкомъ мѣстѣ. Участниковъ его Ивана Волод. Лопухина, кн. Николая Трубецкаго и Тургенева изъ столицы выслать; но вчерась первому, для старика-отца, объявлено прощеніе; можетъ быть и тѣ не на долго накажутся. Да и потерпитъ ли материно сердце! Все, что̀ въ вину приписывается, по молвѣ, есть переписка съ Якобинцами. Если такъ, скажите же теперь по совѣсти, не черные ли суть сіи люди? Видимъ, что̀ дѣлаютъ сіи Якобинцы въ Парижѣ. Какого же добра отъ знакомства ихъ ожидать?

Гости изъ Германіи еще не пріѣхали; а кто они, не знаемъ. Княгиня Дашкова поѣхала на стрѣтеніе, а Augustissima нѣтъ. Скоро въ городъ переѣдетъ.

5.

8 Сентября.

Еще не рѣшено о генералѣ-прокурорѣ. Всѣ отказываются. Желалъ бы я, чтобъ князь Гавр. Петровичъ [1]) сіе заступилъ мѣсто. Преспособнѣйшій мужъ!

Чтó это во Франціи? Можетъ ли просвѣщеніе довести человѣка въ такую темноту и заблужденіе! Злодѣйство въ совершенствѣ. Примѣръ сей да послужитъ всѣмъ отвергающимъ вѣру и начальство! Говоря о чужихъ, скажу слово и о своемъ уродѣ Сушковѣ, который Іудину облобызалъ участь. Прочтите его письмо: сколько тутъ ругательствъ Творцу! [2]). Сколько надменности и тщеславія о себѣ! Такова большая часть нашихъ молодцовъ, пылкихъ умами и не вѣдущихъ ни закону, ни вѣры своей.

Гости заморскіе еще не бывали: везутъ 13-ти лѣтнюю Баденскую принцессу; она племянница родная покойной великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

6.

15 Сентября.

Наши войска всѣ въ Польшѣ расположились до окончанія сейму. Г. Каховской въ Варшавѣ. Архіерей Викторъ изъ Ченстоховской крѣпости выпущенъ и теперь живетъ у Булгакова въ домѣ и не вступается въ дѣла своей епархіи до полученія указа отъ нашего двора.

Валеріану Зубову велѣно ѣхать къ арміи противу Французовъ волонтеромъ. Но Франція чтò? Страшная совершаются тамо: король подъ стражею и сидитъ тамъ, гдѣ банкрутовъ содержатъ. Marseille, Toulon et Aix se sont érigées en républiques séparées [3]).

Раздѣлися царство на ся. Но у насъ да будетъ всегда такъ, какъ нынѣ!

P. S. Въ Дугинѣ скоро свадьба уже. Графъ Никита Петровичъ пріѣхалъ уже туда, говорятъ. Едва-ли и кн. Степанъ Борисовичъ не поѣдетъ туда; ибо звали его и Нелединскаго. О сей свадьбѣ много толковъ было pour et contre. Но ежели сквозь пальцы смотрятъ, для чего и не дѣлать? Но князь Николай Васильевичъ крайне симъ огорченъ [4]).

---

[1]) Гагаринъ.

[2]) Сушковъ застрѣлился, написавъ передъ тѣмъ письмо къ роднымъ съ изложеніемъ поводовъ своего самоубійства.

[3]) Марсель, Тулонъ и Э. сдѣлали себя отдѣльными республиками.

[4]) Сколько намъ извѣстно, здѣсь говорится о несостоявшейся свадьбѣ графини Софьи Петровны Паниной (впослѣдствіи Тутолминой) съ Новосильцевымъ (Д. А.?)

7.

22 Сентября.

Вчера читалъ я стихи и описаніе бывшаго у васъ 30 Августа торжества. Братецъ вашъ сообщилъ мнѣ оные въ домѣ тетушки вашей. Картина довольно трогательна, но и кисть достойна оной. Я мысленно представлялъ, сколь вы плѣнялись симъ торжествомъ. Но, надо быть въ Надёжинѣ, чтобъ все сіе чувствовать.

Вы въ письмѣ своемъ отъ 10 Сентября сумнѣваетесь о дофинѣ. Дѣльно! Онъ еще съ родителемъ: о семъ послѣ мы узнали. Говорятъ, будто и Страсбургъ уже сдался; но все еще далеко до Парижа. Кажется, одно воззрѣніе на Прусскіе и Цесарскіе штыки заставитъ трепетать Парижскихъ сумасбродовъ. Главныхъ только отдалить: народъ покоренъ будетъ.

Въ Польшѣ конфедерація усилилась очень, и король, при всѣхъ своихъ интригахъ, ничего не можетъ сдѣлать: на самые суровые пункты, посланные отъ конфедераціи, согласился и подписалъ; войско все и гвардія присягнула конфедераціи, а гетманамъ магистратъ Варшавскій присягнулъ; словомъ, король ничего: казна и суды всѣ не отъ него зависятъ. Теперь обѣ конфедераціи въ Брестѣ Литовскомъ; а гдѣ будетъ генеральный сеймъ, еще не назначено. Изъ Польши идетъ посольство въ С.Петербургъ.

Государыня переѣхала въ домъ кн. Потемкина въ Конногвардейской улицѣ; домъ сей велѣно называть Таврическимъ дворцомъ.

13 Сентября данъ указъ обѣимъ военнымъ коллегіямъ [5]) представить Государынѣ списки увѣчнымъ и раненымъ въ прошедшія войны для назначенія имъ по мѣстамъ пропитанія, и чтобъ не шатались по улицамъ.

Новгородскаго архіерея бюстъ мраморной велѣла Государыня сдѣлать и поставить въ Невской новой церкви; сіе уже сдѣлано. Вотъ какъ награждаются отличившіеся. Нашему Платону не сдѣлаютъ бюста, сіе-то ему и больно будетъ.

Шереметевъ и Неплюевъ, генералъ-маіоры, еще не пріѣхали въ Петербургъ; изъ нихъ, слышно, будутъ выбирать въ генералъ-прокуроры.

P. S. Уже хотѣлъ печатать сіе письмо, какъ пришла отъ 17 Сентября Петербургская почта. Пишутъ о пріѣхавшемъ отъ Прусскаго короля курьерѣ съ извѣстіемъ отъ 6 Сентября, по нов. шт., что въ Парижѣ было новое возмущеніе: епископовъ и поповъ, не сдѣлавшихъ народной присяги, всѣхъ почти перебили; тюрьмы всѣ разбиты; воры выпущены всѣ; считаютъ перебитыхъ отъ 10 до 12 тыс. Вся сія воровская шайка обратилась къ тюрьмѣ Temple, гдѣ король содержится, и что̀ сдѣлаютъ, неизвѣстно; ибо-де въ сіе время поѣхалъ изъ Парижа курьеръ къ Прусскому королю, который теперь въ крѣпости Verdun.

---

[5]) Т. е. сухопутной и морской, или собственно — Военной и Адмиралтействъ-Коллегіи.

8.

29 Сентября.

Преемнику кн. Вяземскаго даны особливые указы имѣть въ своемъ вѣдѣніи канцелярію тайныхъ дѣлъ и коммисію о сочиненіи новаго уложенія.

Кречетниковъ уже въ Петербургѣ.

Пронесся вчера слухъ, будто Прусской король вошелъ въ Парижъ; всѣ его тамъ встрѣтили, и sansculottes поднесли цвѣты и посыпали ими путь къ Temple, гдѣ несчастный Людовикъ XVI содержался, и что будто король принялъ его подъ свое защищеніе. Ахъ, если сіе правда! Одному только Богу такой можно учинить оборотъ.

P. S. Писалъ ли я къ вамъ, что еще одинъ молодецъ, сынъ сенатора Вырубова, приставя себѣ въ ротъ пистолетъ, лишилъ себя жизни? Сіе происходило въ началѣ сего мѣсяца, кажется: плоды знакомства съ Аглицкимъ народомъ! Но мы отъ всѣхъ все только дурное заимать.

9.

6 Октября.

Исповѣдь вашу отъ 25 Сентября читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. О, если бы всѣ молодые люди таковаго были мнѣнія! Но плачевныя обстоятельства просвѣщеннаго и просвѣтившаго всѣхъ царства, кажется, должны и вралямъ и попугаямъ нашимъ служить примѣромъ въ нынѣшнее время.

Самойлову поручена уже и генералъ-казначейская (больно сіе г. Васильеву) должность и мѣсто въ Совѣтѣ; изъ новыхъ сенаторовъ назначены сюда Бибиковъ и Зубовъ, а Колокольцовъ въ первомъ департаментѣ останется, и переводится сюда вся Межевая изъ Петербурга Экспедиція, въ коей будутъ присутствовать сенаторы Масловъ, Мамоновъ, гр. Шереметевъ и Ржевской. Броунъ наконецъ умеръ; говорятъ, что мѣсто его займетъ князь Н. Васил.; но лучше бы мы помѣнялись съ нашимъ кн. Ал. Алек. Прозоровскимъ.

P. S. Задунайской прислалъ просьбу убѣдительнѣйшую о увольненіи отъ всея службы. На Олонецкаго и Пермскаго намѣстниковъ вышелъ недавно доносъ: на перваго—въ вырубкѣ имъ въ его губерніяхъ казеннаго лѣсу и въ отправленіи онаго на счетъ свой за море; а на другаго — въ какихъ-то притѣсненіяхъ. Ручаюсь, что князь Александръ Борисовичъ сего бы не сдѣлалъ, и губерніи его цвѣли бы также съ прославленіемъ его имени, какъ и Надёжино. Но онъ любитъ спокойствіе духа...

Бюстъ Новгородскому больше принесетъ славы, нежели бы онъ былъ всея Россіи митрополитомъ. Какъ о семъ перевирали здѣсь! Умѣетъ Монархиня наша дѣлать людямъ отличіе. Горе нашему пастырю: извѣстіе сіе ему громовой ударъ. Для чего не намъ? Онъ еще въ Лаврѣ поживаетъ.

Г. Пестель не даромъ жилъ въ Петербургѣ: ѣдетъ сюда и съ молодою женою (двоюродною сестрою, Ив. Ив. Крока дочерью) и въ новомъ чинѣ.

10.

13 Октября.

Г. Самойловъ, для управленія канцеляріи своей, взялъ изъ Орла предсѣдателя Петра Алексѣевича Ермолова, которому тотчасъ данъ чинъ статскаго совѣтника.

Генералъ-маіоръ Шереметевъ, женившійся на Полтавской дворянкѣ Марченковой еще прошлаго года, а теперь увѣдомляющій о семъ родныхъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, принятъ милостиво и, ежели вѣрить здѣшнимъ слухамъ, опредѣленъ въ конную гвардію маіоромъ; а Боборыкинъ на два года уволенъ для излѣченія болѣзней; о Неплюевѣ же ничего не слышно.

11.

20 Октября.

Изъ Польши ѣдутъ къ намъ депутаты, главной изъ нихъ Браницкій; приготовляется имъ въ Петербургѣ домъ и опредѣляется каждому изъ нихъ на содержаніе по 700 рублей въ мѣсяцъ.

Баталъ-пашѣ купленъ домъ на Васильевскомъ острову за 15 тыс. рублей.

Внуки кн. Николая Васильевича [6]), оба повезенные въ кадетской корпусъ, пожалованы гвардіи прапорщиками. Уповательно уже кн. Николай Васильевичъ выѣхалъ къ своему посту: ему предлежитъ подвигъ встрѣтить Баденскихъ гостей, коихъ около 20 числа ожидали въ Ригу, и уже экипажи зимніе и шубы туда посланы съ однимъ камеръ-юнкеромъ, помнится, кн. Голицынымъ, на встрѣчу посланнымъ.

Намѣреніе о переведеніи Межевой Экспедиціи въ Москву отмѣнено.

12.

27 Октября.

О доносѣ на Олонецкаго уже не такъ строго судятъ, какъ заговорили было прежде.

10 Октября данъ указъ скорѣе отправить въ Царьградъ полномочнымъ министромъ камеръ-юнкера Виктора Кочубея.

Стрекалова, по возвращеніи его съ гостьми, публика назначаетъ главнымъ въ Ассигнаціонномъ Банкѣ.

Какой несчастной отецъ сенаторъ Вырубовъ: вчера другой сынъ артиллеріи офицеръ застрѣлился! Въ два мѣсяца два сына толь

---

[6]) Князья Николай, Никита и Сергѣй Григорьевичи Волконскіе, изъ которыхъ первый потомъ принялъ имя князя Репнина.

постыдно кончили жизнь свою. Опасно, чтобъ сія Аглинская болѣзнь не вошла въ моду у насъ.

Здѣсь въ Клобѣ появились на всѣхъ дамахъ красныя Якобинскія шапки. Въ Субботу призываны были къ градоначальнику всѣ marchandesses de modes, и наистрожайше, именемъ Самой, запрещена оныхъ продажа, и вчера въ Клобѣ ни на комъ не видно оной было. Вѣрно, Пензенскія мартышки въ сихъ нарядахъ щеголяютъ!

13.

3 Ноября.

Противны вамъ, какъ вижу изъ письма отъ 23 Октября, двѣ свадьбы Шереметева и Новосильцова. Но первая извинительна. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ дѣлать параду изъ своей жены: Полтавка можетъ быть ему вѣрнѣе, послушнѣе и неразорительнѣе. Когда цари наши раздѣляли ложе свое съ плѣнницами, велико ли, когда подданные ихъ брачатся съ мѣщанками, въ добронравіи воспитанными? Свѣтъ нынѣ такъ испорченъ, что, можетъ быть, потомки наши будутъ искать себѣ невѣстъ въ Камчаткѣ. Шереметева уже здѣсь: всѣ ее хвалятъ; да ктожъ? Женщины и дѣвы. Всѣ отдаютъ ей справедливость. Одно только нарѣчіе ея дико, но въ прекрасныхъ устахъ. . .

О Новосильцовой [7]) вопреки, я вашего мнѣнія, если то правда (dit soit entre nous), что интересъ и богатство влечетъ жениха къ сему, и будто напередъ требовалось укрѣпленіе части имѣнія. О, если сіе такъ, поступокъ гнусной!. Но не у конецъ сему дѣлу: хотя женихъ и уѣхалъ, но за нимъ послана погоня, и истерика сильно треплетъ невѣсту при воспоминаніи оскорбленія его, можетъ быть, и мнимаго. Ожидаемъ развязки сего дѣла. Кн. Яковъ Ивановичъ [8]) крѣпко о семъ молчитъ, ибо и онъ невиннымъ образомъ попалъ въ число дѣйствующихъ тутъ лицъ. А все, что́ знаемъ, знаемъ стороною отъ его родни, то есть Новосильцова. Сіи двѣ недѣли должны рѣшить капризы связывающихся двухъ сихъ особъ.

Боюсь, чтобъ и мы не дошли наконецъ съ свадьбами нашими до новости, какова во Франціи: нынѣ тамъ предписано заключать браки и дѣлать разводы безъ посредства церковнослужителей. Не такъ-то скоро удастся вамъ воспѣть въ вашемъ храмѣ Te Deum о избавленіи Лудовика XVI. Союзныя войска новой приняли планъ, отступили; и для чего—покрыто тайною. Оставимъ провидѣнію Вышняго, Который, владѣя царствами, ему же хощетъ, даетъ оныя. Но не могу не сказать вамъ того, что̀ ко мнѣ изъ Неаполя отъ 2 Сентября пишутъ: „Сестра короля Французскаго m-e Elisabeth испытала отъ стражей своихъ наибольшее ругательство и ужаснѣйшее, не токмо для нея, но и для всякой женщины. Она принуждена была удовольствовать восемь человѣкъ одного послѣ другаго;

[7]) Т. е. о свадьбѣ Новосильцова.

[8]) Лобановъ-Ростовскій.

„непонятно, какъ она не умерла отъ страху". О, просвѣщенный и просвѣщающій народъ!

Въ послы въ Царьградъ въ Апрѣлѣ еще двухъ поставляютъ кандидатовъ: Павла Потемкина и Завадовскаго; но такъ ли сіе будетъ— увидимъ.

14.

10 Ноября.

Дѣльно вы сожалѣете о несчастныхъ Французскихъ дѣлахъ. Они теперь загадка. Прусской король сдѣлалъ съ ними трактатъ, выступилъ изъ Французскихъ селеній и тѣмъ далъ время и способъ буянамъ симъ напасть на Франкфуртъ, гдѣ взято ими два милл. талеровъ контрибуціи, потомъ на Майнцъ, теперь въ Кобленцъ идутъ, разольются со всѣмъ своимъ ядомъ по Нидерландамъ, готовымъ всегда къ мятежу, и пр. и пр.

31 Октября умеръ въ Петербургѣ, о коемъ всѣ сожалѣютъ, полковникъ Петръ Алексѣевичь Солтыковъ; а здѣсь, вчера, кн. Алексѣй Борисовичь Голицынъ, на коего имя Московской клубъ или домъ онаго купленъ. Валеріану Зубову Прусской король далъ орденъ возобновленный Краснаго Орла: большую ленту бѣлую съ оранжевыми полосами или каймами. Въ Воскресенье (31 Окт.) былъ публичный пріемъ Польскихъ пословъ: Браницкій и Косаковскій говорили рѣчи. На прошлой недѣли убитъ отъ своихъ людей отставной морской офицеръ Иванъ Петровичь Шиповъ, на постелѣ, топоромъ, сонной; убійцы всѣ переловлены; повинились, что тиранства его не могли больше терпѣть.

15.

17 Ноября.

Видно, я позабылъ къ вамъ написать, что въ Константинополь назначенъ посломъ генералъ-поручикъ Михайла Ларіоновичь Кутузовъ, ибо вы о Кочубеѣ министрѣ только знать кажетесь.

Аудіенція Полякамъ не 31 Октября, но 4 Ноября была. Сіи господа спорятъ, что мало имъ чести воздается. Ржевуцкій требовалъ даже, чтобъ ему показанъ былъ напередъ отвѣтъ, какой отъ имени Государыни говорить на ихъ рѣчь долженъ былъ гр. Остерманъ. Но, не взирая на ихъ заносчивость, во всемъ имъ отказываютъ. Сказываютъ, что они хотятъ дать маскерадъ и назначили на сіе 10 тысячь рублей.

Національная конвенція Французовъ осудила XVI Людовика на смерть; призвавъ его, объявила ему сей приговоръ, что онъ, яко измѣнникъ, предатель отечества и виновникъ пролитой толикой крови, повиненъ смерти. Тутъ закричали pardon! и королю объявили, что великодушная нація при всемъ томъ его прощаетъ. Опредѣлено изъ заключенія его освободить, позволить ему жить, гдѣ хочетъ; дать ему имя Капета, перваго предка королей Французскихъ и опредѣлить

на годъ 500.000 ливровъ; а ежели онъ оставитъ Францію, то ничего не получитъ. И такъ Людовикъ XVI прощенъ отъ Пугачевыхъ!

Кн. Николай Вас. уже въ Ревелѣ. Ему поручено строеніе гавани и дозволено пріѣзжать въ Петербургъ и въ Москву, когда захочетъ.

Перечень письма изъ Петербурга отъ 20 Октября 1792.

Какъ извѣстныя принцессы сюда пріѣхали, то въ тотъ же самый вечеръ Ея Величество, въ препровожденіи графини Браницкой, изволила ихъ навѣстить. Какъ Ея Величество сама одѣта была въ сертучкѣ просто, напротивъ же Браницкая великолѣпно и во всѣхъ бриліянтахъ, то принцессы, увидя ихъ вшедшими, до тѣхъ поръ въ великомъ были затрудненіи, не зная, которую изъ нихъ принять за Государыню, пока Браницкая не разрѣшила ихъ недоумѣнія, указавши имъ, къ кому подойти надобно. Большая изъ сихъ принцессъ есть самая наипрекраснѣйшая: росту высокаго и имѣющая такое сходство съ нашимъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, что легко можно счесть ее родною его сестрою. На обѣихъ сихъ принцессахъ, въ самый день ихъ пріѣзда, надѣты ордена. Мать ихъ писала съ ними къ нашей Государынѣ весьма умное и трогательное письмо. Въ ономъ препоручаетъ обѣихъ ихъ въ милость и любовь Ея Величества, поставляя за особливое счастіе и честь, если которая изъ нихъ удостоится вступить въ ея семейство; въ заключеніе жъ проситъ усердно Государыню возвратить къ ней поскорѣе оставшуюся отъ выбора, опасаясь, дабы она, плѣнясь великолѣпіемъ и пышностію здѣшняго двора, не отвыкла отъ прежней жизни и не стала бъ послѣ сего скучать. Публикѣ доказывается, что и сія послѣдняя останется при здѣшнемъ же дворѣ, и чуть не угодитъ ли за одного изъ находящихся здѣсь Курляндскихъ маленькихъ принцовъ. Графиня Шувалова, привезшая сихъ принцессъ, осталась при нихъ гофмейстериною и живетъ теперь обще съ ними во дворцѣ.

Перечень письма изъ Полтавы отъ 28 Октября 1792.

О смерти пр. Моисея, епископа Ѳеодосійскаго, жившаго въ Крыму, слѣдующія получены обстоятельства. 30 числа минувшаго Сентября, то есть въ день тезоименитства покойнаго свѣтлѣйшаго князя, приказалъ онъ править панихиду, которую слушалъ съ великимъ прискорбіемъ, послѣ сего почувствовалъ боль въ головѣ и первыя дѣйствія лихорадки, о чемъ жаловался всѣмъ приходящимъ къ нему. 3-го жъ числа сего Октября, получа увѣдомленіе о смерти преосвященнаго Екатеринославскаго Амвросія, усилилась его печаль, такъ что онъ, отправляя по немъ панихиду, плакалъ неутѣшно. 4 и 5-го числъ, что̀ съ нимъ происходило, неизвѣстно; а 6-го числа поутру сысканъ онъ въ своей спальнѣ въ крови на полу мертвъ. А по осмотрѣ духовными и мірскими оказалось: на горлѣ три ра-

ны, и сысканъ тамъ же на полу церковной складной ножъ. Кѣмъ онъ умерщвленъ и что̀ тамъ дальше учинено, еще неизвѣстно. О погребеніи тѣла его и о перепискѣ имѣнія, также и ризничныхъ вещей, куда слѣдовало, указы изъ Екатеринославской Консисторіи посланы, и обо всемъ томъ въ Святѣйшій Синодъ рапортъ отправленъ.

16.

24 Ноября.

Далеко, кажется, до воспѣтія Тебе Бога хвалимъ касательно избавленія Людовика XVI. Все, что̀ о его свободѣ я писалъ, было выдумано, и видно на смѣхъ. Напротивъ, приготовляется собраніе призвать его къ суду. Но вотъ еще второй томъ вышелъ несчастнаго Людовика: Сардинскій король отъ вѣроломныхъ подданныхъ туже пьетъ чашу. Савойцы свергли съ себя иго правленія его и присоединились къ бѣшенымъ Французамъ, желая быть причислены къ нимъ. Видите, какъ пожаръ распространяется; а Францъ II спокойно почиваетъ, когда Германія вся и Нидерланды въ огнѣ и въ готовности подражать примѣру Французамъ. Славный Брауншвейгской теперь покоится, а Прусаки поворотились; но успѣютъ ли, увидимъ.

Не Завадовской, но генералъ-поручикъ Михайла Ларіоновичъ Кутузовъ посылается посломъ въ Константинополь; въ Варшаву же посломъ ѣдетъ гр. Сиверсъ, бывшій нѣкогда Новгородскимъ намѣстникомъ; однако Булгаковъ тамъ останется. Начальство надъ войсками на Югѣ и укрѣпленіе или построеніе вновь крѣпостей тамо поручено гр. Суворову-Рымникскому, которой туда скоро и отправляется.

17.

1 Декабря.

Крестнику вашему князю Лобанову читалъ я вашъ отъ 19 Ноября совѣтъ. Пріемлетъ оной съ благодареніемъ и просилъ увѣрить, что онъ точно во всемъ слѣдовать будетъ дядѣ своему кн. Николаю Васильевичу; но тотъ меньше споритъ и меньше объ военномъ говоритъ ремеслѣ, не дѣлая оному преимуществъ выше всего въ свѣтѣ: сіе пахнетъ донкишотизмомъ.

Учителемъ въ законѣ къ принцессѣ Баденской опредѣленъ архимандритъ и ректоръ Невской семинаріи Иннокентій, яко свѣдующій понѣмецки.

Вздумали было въ клубѣ нашемъ сочинять статуты, перемѣнять начальниковъ etc.; но большинствомъ голосовъ все сіе опровергнуто, и братецъ вашъ торжествуетъ. Противная сія партія (главнѣйшіе кн. Сергій Гагаринъ, кн. Николай Одоевской и кн. Юрій Долгоруковъ) называется теперь sansculottes. Долго ли до бѣды! Изъ искры пожаръ бываетъ, да и къ чему сіи клубы, кромѣ разоренія? Ибо дамы изъ кожи лѣзутъ, перемѣняя всякой разъ образъ одѣянія... Никакой пользы. Одно имя въ нынѣшнее время противно. Долго о Якобинскомъ клубѣ помнить будемъ.

P. S. Гр. Николай Петр. Шереметевъ поѣхалъ въ Ростовъ, а оттуда въ Петербургъ; Москва его женитъ на Брюсовой.

18.

8 Декабря.

Сколько ни крѣпились Австрійцы, наконецъ отдали Хотинъ и тѣмъ, уповаю, успокоили чалмоносцовъ. Но не такъ-то легко бѣшеныхъ успокоить Французовъ! Они, возгордясь успѣхами своей наглости, силятся получить отъ Порты дозволеніе въѣхать съ флотомъ въ Черное море и возвратить Crimeam паки лунѣ. Но якоже не быти сему! Augustissima велѣла 15 кораблей и 6 фрегатовъ заготовить. Можетъ быть, симъ займутъ ихъ самихъ и тѣмъ отвратятъ злонамѣреніе.

Кутузова еще нѣтъ въ Петербургѣ, а Кочубей гоститъ у матери въ Черниговѣ. Иные говорятъ, будто Кутузовъ не соглашается исполнить посольство. Неужели мала для него сія должность? Чѣмъ же хуже его кн. Ник. Васильевичъ, служившій и перомъ и мечемъ?

Синодской оберъ-прокуроръ пишетъ ко мнѣ, что о пр. Моисеѣ полученъ отъ губернатора Таврическаго рапортъ, увѣряющій по свидѣтельству, что онъ былъ въ безпамятствѣ и самъ на себя возложилъ руки; ибо деньги его, вещи всѣ цѣлы. Ergo...

19.

15 Декабря.

По газетамъ видимъ, что Россійскія пойдутъ за Рейнъ войска, и догадываются, будто подъ предводительствомъ Гудовича, которой теперь въ Петербургѣ. Весна рѣшитъ сумнѣніе. Наконецъ Кутузовъ 2 Декабря пріѣхалъ въ Петербургъ. Неуповательно, чтобъ онъ отрекся отъ возложенной на него лестной комиссіи.

Польскіе послы изъ Петербурга собираются во свояси. Перемѣна тамъ немалая: и Каховскій, и Булгаковъ смѣняются. Первой обнесенъ, и его мѣсто заступаетъ Игельстромъ, которой, уповательно, уже и выѣхалъ изъ Петербурга; а второму другія какія-то назначатся дѣла. Сиверсу на дорогу 15 тысячь, а Булгакову 3 тысячи на возвращеніе послано.

Въ Петербургѣ 1 Декабря Денисъ Иван. Фонъ Визинъ скоропостижно, а здѣсь на сихъ дняхъ кн. Дмитрій Юрьевичь Трубецкой скончались. Дочь его большая, Гагарина, вышла за какого-то Поляка, ничего незначущаго, коему однако камергерскій отъ Польскаго двора, бывши тамо, купила ключъ. Она теперь здѣсь, и отецъ 1200 душъ далъ ей по смерть только. Другая дочь за Швейковскимъ, а третья умерла; наилучшая за кн. Волхонскимъ бывшая. Слѣдовательно, сынъ единородный всему сему богатству наслѣдникъ.

Но скажу веселѣе: Дугинскіе въ прошедшую Пятницу пріѣхали прямо въ домъ гр. Володимера Орлова, гдѣ и жить будутъ два мѣсяца. Въ тотъ день у него былъ балъ; тутъ и женихъ случился, танцовалъ съ другими, но съ невѣстою бывшею—ни слова. Городъ

говоритъ, будто разошлось сіе дѣло отъ неосторожности жениха, которой стоявшей у зеркала невѣстѣ сказалъ: „куды графиня, какъ ты дурна". А нѣкто мнѣ шепнулъ (слѣдовательно прошу сіе для себя сохранить), будто онъ возревновалъ къ кн. Якову Иван. Лобанову, куда она часто въ деревню пріѣзжала. Но какъ то ни есть, а дѣло едва-ли сойдется. Судя однако по тому, что онъ въѣзжъ въ домъ Орлова, можетъ быть и паки склеится.

На мѣсто Моисея въ Крымъ пожалованъ именнымъ указомъ бывшій въ Молдавіи (а прежде въ нашей службѣ простымъ поручикомъ) архимандритъ Іовъ Потемкинъ, родня покойнаго. Сестра сего Потемкина въ 4-хъ верстахъ живетъ въ деревни отъ кн. Якова Ивановича.

20.

22 Декабря.

Желаете вы въ письмѣ своемъ отъ 9 числа вѣдать о славномъ дѣяніи Венеціанскаго жителя Мордвинова? Но услуга его закрыта. Думаютъ, будто ему поручено стараться не допустить въ Архипелагъ очумившагося Французскаго флота. А чтобъ онъ дѣятельнѣе и усерднѣе къ сему подвигу приступилъ, облекли его въ Александровскую бѣлую епанчу.

Въ клубѣ нашемъ, гдѣ моя нога однажды только отъ роду и то по приглашенію братца вашего была, продолжаются подписки еще: 1) что всѣ довольны нынѣшними директорами, ихъ управленіемъ, и что никакой нѣтъ нужды сочинять установленія сего общества и 2) чтобъ отнынѣ впредъ не именовать клубъ, но дворянское собраніе. Чтó изъ сего будетъ, не знаю. Подъ именемъ дворянскаго собранія, мы разумѣемъ въ каждомъ намѣстничествѣ собирающееся для важныхъ дѣлъ общество. Не лучше ли бы назвать скопище?

Мало было доселѣ веселостей здѣсь. Открытъ въ прошедшій Понедѣльникъ еще Французской ѳеатръ: 40 человѣкъ въѣхало тѣшить Москву по два раза въ недѣлю; долго они не допущаемы были до представленія градоначальникомъ, но наконецъ превозмогли. Похвальна tolérance; но въ нынѣшнемъ случаѣ можно бы сихъ бродягъ и выгнать: они могутъ быть орудіемъ къ разсѣванію своего отечественнаго вольнодумства. Довольно уже порочны, нося на себѣ имя Французскихъ комедіантовъ. Но, можетъ до масляницы только забавлять нашу праздность и вѣтренность будутъ. А тамъ наскучатъ малымъ сборомъ денегъ и провалятся отъ насъ.

Отъ 8 числа пишутъ изъ Петербурга, что въ тотъ день получено изъ Митавы извѣстіе, что 600 ремесленниковъ, собравшись ко дворцу, требовали возстановленія какихъ-то древнихъ правъ. Герцогъ велѣлъ имъ разойтись и обѣщалъ разсмотрѣть и удовлетворить ихъ просьбу, но толпа осталась. Тѣмъ временемъ случилось, что несли ко дворцу съ нѣкоторыми бумагами сундукъ. Недовольные, почтя, что это порохъ, напали на сундукъ и разметали всѣ

бумаги. Вслѣдствіе сего употреблены были противу ихъ пушки, и до 60 человѣкъ побито и переранено. Но мы, подъ защитою милаго нашего Отечества кн. Николаемъ Васильевичемъ, не боимся, хотя и близко, сего пожара. Видятъ теперь всѣ, сколь премудро премудрая наша Владычица учинила, ввѣривъ тотъ край недреманному сему и герою и министру!

Сегодня или завтра ожидаютъ сюда изъ Петербурга Кречетникова. Ѣдетъ онъ въ Кіевъ, приметъ тамъ корпусъ и протянетъ оной прямолинейно отъ Кіева до Каменца-Подольскаго. Ну, ежели вся лѣвая сторона сихъ бритыхъ безпокойныхъ владѣльцовъ будетъ наша! Сколь нужно сіе для комерціи съ Цезаремъ и Турками, столь и чувствительно будетъ для нихъ, что они не сохранили къ намъ должнаго во время войны съ Турками уваженія, и что справедливое заслужили наказаніе.

P. S. Гр. Алексѣй Григор. Орловъ собирается въ Петербургъ. Онъ только одинъ можетъ удержать клонящійся къ паденію клубъ. Такъ думаютъ!

21.

29 Декабря.

Спѣшатъ у насъ отправленіемъ въ Царьградъ и посла и посланника. Они должны 1 Марта быть въ пограничномъ селеніи Дубоссарахъ и размѣняться съ Турецкимъ, сюда ѣдущимъ. Тогда-то будетъ и торжество; но проклятой Semenville всѣ силы напрягаетъ о принятіи своемъ отъ республики Французской за министра. Опасно, чтобы сей воплощенный бѣсъ не надѣлалъ намъ пакостей; но сидящая на нашемъ престолѣ Премудрая отвратитъ сіе зло способами, ей только одной свойственными.

Не хорошо что-то пишутъ и о регентѣ Шведскомъ: думаетъ созвать собраніе народное, объявить незаконнорожденіе королевское и съ помощію очумившихся Французовъ завести новой родъ правленія. Нужно и тутъ бдѣніе наше, и едва-ли не для того сильная флотилія въ Петербургѣ приготовляется. Удивляюсь, что не хотятъ люди спокойно жить и стопамъ предковъ своихъ слѣдовать.

Въ нашемъ городѣ паки новое и шестое уже съ Іюня мѣсяца самоубійство. Нѣкто отставной бригадиръ Александръ Степановичъ Протасовъ, коего братъ здѣсь въ Сенатѣ, а сестра камеръ-фрейлина, въ самой Сочельникъ, садясь за ужинъ въ присутствіи жены и дѣтей, столовымъ ножемъ перерѣзалъ себѣ горло, палъ и умеръ. Поставляютъ сіе на счетъ его ипохондріи; но другіе говорятъ, что онъ, яко любостяжателенъ, проигралъ со стыдомъ какое-то дѣло бывшаго у него опекунства и не могъ сей потери перенесть. Призыванъ былъ попъ къ нему, спрашивалъ о причинѣ: отвѣтствовалъ, что онъ самъ не помнитъ, что̀ сдѣлалъ. Его отпѣли безъ церемоніи въ приходѣ и предали землѣ въ Донскомъ монастырѣ. Хотя сіе и противно всѣмъ церковнымъ установленіямъ, но снисхожденіе, видно, употреблено для фамиліи и родственниковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. П. ЩЕРБИНИНА.

На грани полувѣковаго служебнаго пути, мною пройденнаго, оглядываюсь, провѣряю, въ своей памяти, случившееся со мною на этомъ пути, вспоминаю о быломъ, невозвратномъ, подвожу итоги вынесеннымъ мною впечатлѣніямъ. Для меня воспоминанія эти драгоцѣнны тѣмъ, что неразрывно связаны съ именемъ доблестнаго, истинно-русскаго мужа, который, обнаживъ мечь свой еще подъ стѣнами Ганжинскими, при знаменитомъ Циціяновѣ, покрывъ себя воинскою славою на поляхъ Бородинскихъ и Краонскихъ, посвятилъ потомъ творческую предпріимчивость свою развитію жизненныхъ силъ на двухъ обширныхъ окрайнахъ нашего Отечества: въ Новой Россіи и на Кавказѣ. Рѣдко кому довелось, подобно мнѣ, пройти болѣе двухъ третей долгаго служебнаго поприща подъ непосредственнымъ руководствомъ одного начальника. Не изгладятся изъ сердца моего чувства благоговѣйной признательности къ нему и къ достойнѣйшему его сыну, оказавшему въ свою очередь, по кончинѣ своего отца, истинное мнѣ благодѣяніе. Эти сѣмена благодарности, возросшія весною жизни моей, созрѣвшія и умножившіяся въ теченіи лѣта и осени, доставили обильные плоды, согрѣвающіе зимніе дни моего существованія.

Въ 1825 году, проѣздомъ изъ Петербурга чрезъ Москву, Новороссійскій генералъ-губернаторъ, полномочный намѣстникъ Бессарабской области, графъ Воронцовъ посѣтилъ осѣнившую меня, почти съ колыбели, заботливою попечительностію, тетушку мою Настасію Михайловну Щербинину, дочь знаменитой княгини Дашковой, и предложилъ ей опредѣлить меня на службу къ нему въ гражданскую канцелярію. Предложеніе это было радостно принято, и состоявшій при графѣ Воронцовѣ, А. И. Левшинъ (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта) исполнилъ всѣ требуемые обряды моего опредѣленія.

15 Іюня 1825 г., снабженный подорожною по казенной надобности, осѣнивъ себя знаменіемъ Креста Спасителя, я разлучился впервыя съ своею теткою, которая посвящала себя моему воспитанію и образованію и не щадила для того ни усердныхъ трудовъ, ни матеріальныхъ пожертвованій; разлучился съ возлюбленными сестрами, раздѣлявшими со мною радости и горести первой юности; съ дорогою для сердца Русскаго Москвою, и пустился въ путь, представлявшійся моему воображенію нескончаемо-долгимъ.

Въ Кіевѣ я нашелъ письмо графа Воронцова, коимъ онъ приглашалъ меня заѣхать въ мѣстечко Бѣлую Церковь, гдѣ онъ встрѣтилъ свою супругу и съ нею вмѣстѣ гостилъ у своей тещи графини А. В. Браницкой.

Пробывъ нѣсколько дней въ прелестной Александріи, близь Бѣлой Церкви, гдѣ графиня обыкновенно проводила лѣтніе мѣсяцы, я

отправился съ адъютантомъ графа Воронцова (бывшимъ впослѣдствіи, товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ) И. Г. Сенявинымъ въ Одессу, за нѣсколько времени до прибытія туда самаго графа. Мы ѣхали по безплоднымъ тогда, безлѣснымъ и безводнымъ Новороссійскимъ степямъ, и наконецъ увидѣлъ я грозныя волны Понта Эвксинскаго. Не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня зрѣлищемъ бушующаго моря. Долго не могъ я оторваться отъ созерцанія величественной стихіи.

Въ Одессѣ мнѣ отвели квартиру въ домѣ, который нанимался графомъ Воронцовымъ для нѣкоторыхъ чиновниковъ, при немъ служившихъ; самъ же онъ помѣщался въ единственномъ тогда просторномъ и прилично убранномъ домѣ Фундуклея.

До прибытія графа Воронцова я познакомился съ моими товарищами по службѣ и во многихъ изъ нихъ нашелъ молодыхъ людей отлично образованныхъ и преисполненныхъ усердною преданностію своимъ обязанностямъ; между прочими сблизился я съ Туманскимъ, Безакомъ, Морозовымъ, Бахметевымъ, и т. д. Собирались мы иногда у Д. Е. Башмакова. Въ привѣтливой гостинной радушнаго хозяина и любезной его супруги Варвары Аркадіевны (рожденной княжны Суворовой), услаждавшей наши бесѣды музыкою и пѣніемъ, мы проводили многіе пріятные вечера, которые, конечно, памятны всѣмъ посѣщавшимъ эту гостепріимную, ласковую чету.

По пріѣздѣ въ центральный пунктъ своего управленія, графъ Воронцовъ, съ семействомъ, поселился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, на приморскомъ хуторѣ Рено, куда я долженъ былъ ежедневно являться въ 7 часовъ утра, совершая эти поѣздки верхомъ на лошади изъ конюшни графа. На этомъ хуторѣ, въ кабинетѣ незабвеннаго моего начальника, совершились первые шаги моего служебнаго поприща. Ежедневно пріѣзжали, попеременно, съ докладами начальники отдѣленій канцеляріи Новороссійскаго генералъ-губернатора и различныхъ ему подвѣдомственныхъ управленій. Здѣсь, подъ руководствомъ А. И. Казначеева и А. И. Левшина, я сталъ изучать пружины служебнаго механизма.

Послѣ обѣда, ежедневно, графъ Воронцовъ бралъ меня съ собою на прогулку, въ открытое море, на принадлежавшей ему небольшой однопарусной яхточкѣ. Онъ питалъ особенное пристрастіе къ морю и не рѣдко сѣтовалъ, что не выполнилъ своего призванія: не сдѣлался морякомъ. Находясь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ адмираломъ А. С. Грейгомъ и въ непрерывной съ нимъ перепискѣ, графъ Воронцовъ принималъ живѣйшее участіе въ судьбахъ Черноморскаго флота и содѣйствовалъ его преуспѣянію.

Въ теченіи того же лѣта, мнѣ довелось совершить съ графомъ Воронцовымъ и его семействомъ первое въ жизни моей продолжительное плаваніе, на 3-хъ мачтовой яхтѣ „Утѣха", къ берегамъ Тавриды. Мы пристали противъ Юрзуфа, гдѣ тогда было единственное, порядочное жилище, устроенное дюкомъ-де-Ришелье, пріобрѣтенное графомъ Воронцовымъ, а нынѣ принадлежащее И. И. Фун-

дуклею. Отсюда мы совершали поѣздки по южному берегу Крыма. Съ какими трудностями сопряжены были тогда переѣзды, на Татарскихъ лошадяхъ и сѣдлахъ, по едва проходимымъ тропинкамъ, скалистымъ утесамъ, каменистымъ ущеліямъ! Нынѣ тутъ прекрасная шоссейная дорога, змѣйкою извивающаяся, и окаймленная великолѣпными виллами и роскошными садами. Какимъ восторгомъ преисполнилось бы сердце геніальнаго дѣятеля, пересоздавшаго эту очаровательную страну, при видѣ Ливадіи, возникшей трудами и заботами увлеченнаго, подобно многимъ, его примѣромъ графа Л. С. Потоцкаго и превратившейся въ Царскую резиденцію! Конечно не могъ тогда графъ Воронцовъ и мечтать, чтобы когда либо столь благодатная участь постигла его возлюбленный южный Крымскій берегъ.

Вскорѣ страна эта была осчастливлена посѣщеніемъ Александра I-го. Въ Алупкѣ (избранной графомъ Воронцовымъ для основанія того величественнаго зелено-гранитнаго зданія, тѣхъ Армидиныхъ садовъ, которые приводятъ въ восторженное изумленіе нынѣшнихъ путешественниковъ), въ простой Татарской саклѣ, спаситель Европы, державною своею десницею утверждалъ разнородныя предположенія, касавшіяся развитія благосостоянія и просвѣщенія Новороссійскаго края: дарованія ему льготъ и преимуществъ, впослѣдствіи сторицею вознаградившихся умноженіемъ мѣстнаго богатства, поощренія торговой промышленности, продолженія портофранко въ Одессѣ, этомъ единственномъ тогда центрѣ отпускной торговли на Югѣ Россіи, и пр. и пр. Но это были послѣдніе дни Александра Благословеннаго. Невозможно изобразить силу скорби, овладѣвшей графомъ Воронцовымъ по кончинѣ государя: обливаясь слезами, вспоминалъ онъ о грозныхъ событіяхъ 1812-го года, о самоотверженіи Русскаго Царя и вождя, подъ знаменами коего торжествовало Русское оружіе.

Когда получено было извѣстіе о вступленіи на престолъ Императора Николая, „Великъ Богъ Русскій!" произнесъ, перекрестясь, графъ Воронцовъ.

Испросивъ соизволеніе воцарившагося Государя представиться Его Величеству, графъ Воронцовъ, весною 1826 года, отправился въ С.-Петербургъ и взялъ меня съ собою. Въ это время удостоились Высочайшаго утвержденія, по личнымъ его докладамъ, предположенія о развитіи и умноженіи жизненныхъ силъ въ Новороссійскомъ краѣ. О преобразованіи Бессарабской области, и введеніи въ ней гражданскаго устройства съ подчиненіемъ управленія, на однообразныхъ съ прочими губерніями началахъ, генералъ-губернатору, при чемъ упразднились права полномочнаго намѣстника.

Графъ Воронцовъ предполагалъ изъ С.-Петербурга отправиться въ Москву на коронованіе Государя Императора; но Его Величеству благоугодно было назначить его, вмѣстѣ съ А. И. Рибопьеромъ, уполномоченнымъ на конференціяхъ съ посланными отъ Турецкаго султана. Мѣстомъ для негоціяціи былъ избранъ небольшой, съ самыми ничтожными жилищами, городъ Акерманъ, на Днѣ-

стрѣ въ 40 верстахъ отъ Одессы. Здѣсь, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, рука объ руку съ дипломатическими занятіями, велись дѣла и по управленію Новороссійскимъ краемъ.

По заключеніи переговоровъ, мы возвратились въ Одессу, откуда, въ послѣдніе мѣсяцы года, графъ Воронцовъ отправился въ Высочайше ему разрѣшенный отпускъ за границу.

Проводивъ его до Бродъ, я поспѣшилъ въ Москву. Многіе годы протекли, но еще живо сохранились въ моей памяти тѣ сладостныя ощущенія, которыя овладѣли моимъ существомъ, когда послѣ утомительной дороги, совершенной на перекладной телегѣ, подъѣзжалъ я со станціи Подольска къ родимой Бѣлокаменной и восторженнымъ моимъ взорамъ представились златыя главы ея церквей.

Въ Москвѣ я занялся выполненіемъ нѣкоторыхъ порученій графа Воронцова, и воспользовался этимъ временемъ, чтобы держать экзаменъ въ университетѣ. Въ Мартѣ 1827 г. я получилъ аттестатъ, предоставившій мнѣ служебныя права 1-го разряда. Въ концѣ того же года, по приказанію графа Воронцова, возвращавшагося изъ своей поѣздки за границу я отправился къ нему на встрѣчу въ Ригу и, пробывъ потомъ нѣсколько времени въ С.-Петербургѣ, прибылъ въ Одессу.

Въ 1828 г. возгорѣлась война съ Отоманскою Портою, поправшею конвенцію, заключенную въ Акерманѣ и всѣ прежніе договоры. Лѣтомъ, наша Царственная Семья осчастливила своимъ прибытіемъ Одессу и помѣстилась въ только что отстроенномъ и приготовленномъ къ ея принятію великолѣпномъ домѣ графа Воронцова, на оконечности приморскаго бульвара [1]). Вскорѣ императоръ Николай отправился въ дѣйствующую армію, а Императрица Александра Θеодоровна переселилась на приморскій хуторъ Рено.

Всѣ усилія графа Воронцова и его супруги были направлены къ тому, чтобы доставить царственной гостьѣ возможное спокойствіе и развлеченіе. Между прочимъ былъ устроенъ на хуторѣ занимаемомъ графомъ Воронцовымъ и прилегающемъ къ резиденціи Императрицы, праздникъ, начавшійся съ того, что на переходѣ Ея Величества съ своего хутора на другой, она была встрѣчена толпою дѣвицъ, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, бросавшихъ къ ея стопамъ букеты цвѣтовъ. Пройдя по ковру изъ этихъ цвѣтовъ, Императрица была принята хозяевами въ импровизованномъ, на берегу моря, открытомъ павильонѣ, образующемъ какъ бы театральную сцену, на которую высажена была подплывшая на лодкѣ вдоль берега примадонна Одесской Итальянской оперы Морикони съ другими артистами. Она пропѣла арію изъ оперы Танкреда: „cara patria, dolce te ingrata

---

[1]) Домъ этотъ былъ пріобрѣтенъ за долго до того графинею А. В. Браницкою у г-на Куликовскаго. На мѣстѣ нынѣшняго прекраснаго бульвара находились еще остатки Турецкихъ конюшень, и приморскій берегъ до графа Воронцова оставался въ пренебреженіи, такъ какъ дюкъ Ришилье строилъ зданія подальше отъ берега, вѣроятно опасаясь обваловъ и зыбкой почвы. *П. Б.*

patria" и пр. За тѣмъ представлены были отрывки изъ другихъ оперъ; вечеръ окончился танцами, длившимися далеко за полночь, и ужиномъ.

Возвратившись къ Одессу съ театра войны, Императоръ Николай Павловичъ получилъ донесеніе, что князь Менщиковъ, осаждавшій крѣпость Варну, отражая 9-го Августа непріятеля, сдѣлавшаго вылазку, былъ жестоко контуженъ ядромъ въ обѣ ноги и лишился возможности вести осаду. Его Величеству угодно было возложить продолженіе оной на графа Воронцова. 16-го Августа мы сѣли на фрегатъ „Штандартъ" и черезъ 36 часовъ благополучнаго плаванія прибыли подъ Варну, 17-го Августа вечеромъ.

Передо мною развернулась жизнь новая, боевая, преисполненная треволненій и самыхъ разнообразныхъ ощущеній. Мнѣ стали знакомы чарующія доблести Русскаго воина: его отвага, самоотверженіе, сознаніе святости призванія. Посѣщая безпрестанно, въ траншеяхъ, нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ и сверстниковъ, служившихъ въ Измаиловскомъ полку, я имѣлъ случай преклоняться предъ стойкостію, терпѣніемъ и мужествомъ Измаиловцевъ, которые, соревнуя съ 13-мъ и 14-мъ егерскими полками, стремились къ достойному выполненію своего долга предъ Царемъ и Отечествомъ.

Прибытіе графа Воронцова ознаменовалось сильнымъ нападеніемъ непріятеля на нашъ правый флангъ. Ночью на 18-е Августа Турки отчаянно бросились на редутъ, открывъ сильный огонь изъ 3-хъ амбразуръ и 2-хъ наружныхъ батарей. Прискакавъ къ мѣсту сраженія, графъ Воронцовъ, съ тѣмъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ, съ коими разрѣшалъ вопросы по гражданскому управленію, приступилъ къ распоряженіямъ для отраженія непріятельскаго натиска. Турки отступили; но, остановясь за буграми въ ложементахъ, водрузили на нихъ свои знамена. Вызванные графомъ Воронцовымъ охотники, выждавъ ночь, при лунномъ сіяніи, подошли къ этимъ ложементамъ, перекололи значительное число Турокъ, обратили прочихъ въ бѣгство и овладѣли знаменами.

Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ самыхъ ожесточенныхъ кровавыхъ стычекъ, въ продолженіи осады Варны. 14 Сентября Турецкій укрѣпленный лагерь, въ 300 саженяхъ отъ крѣпости, сдѣлался добычею Русскихъ, при чемъ отбитая у непріятеля пушка пожалована была графу Воронцову Государемъ Императоромъ (прибывшимъ 27 Августа къ флоту на Варнскій рейдъ). Памятны мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, впечатлѣнія, произведенныя зрѣлищемъ взрывовъ 21-го и 22-го чиселъ, подъ бастіонами крѣпости и саперными нашими работами, чтò доставило войску нашему возможность проникнуть въ городъ и начать штурмъ, который былъ отложенъ лишь по человѣколюбію милосердаго нашего Царя, пощадившаго жизнь своихъ вѣрныхъ слугъ и повелѣвшаго, во избѣжаніе кровопролитія, вступить въ переговоры съ начальникомъ Турецкаго гарнизона. Послѣ нѣкотораго упорства Турки, убѣдившись, что стѣны крѣпости не могутъ далѣе служить имъ защитою, 29-го Сентября сдались безусловно, и побѣдоносное наше войско, съ распущенными знаменами,

при звукахъ музыки, съ барабаннымъ боемъ, вступило, чрезъ проломы бастіоновъ и главные ворота, въ Варну, никѣмъ дотолѣ непокоренную, въ древній Діонисіополь.

Въ продолженіи военныхъ дѣйствій, графъ Воронцовъ не переставалъ заниматься гражданскимъ управленіемъ ввѣреннаго ему края и разрѣшеніемъ дѣлъ, доставляемыхъ въ нашъ лагерь, на судахъ, приходившихъ изъ Одессы съ провіантомъ, снарядами и запасами. Многія предположенія были графомъ лично повергаемы на разсмотрѣніе и утвержденіе Государя Императора; между прочимъ, подъ стѣнами Варны, положены были основанія возвеличенію и обогащенію древней Пантикапеи, нынѣшней Керчи, служащей какъ бы звѣномъ соединенія Чернаго моря съ Азовскимъ.

По взятіи Варны, Государь изволилъ перейти съ корабля „Парижъ" на линейный корабль „Императрица Марія". Въ свитѣ его находился, между прочими, и графъ Воронцовъ. Послѣ 36 часоваго благополучнаго и самаго пріятнаго плаванія, началась буря, какой не могли запомнить и самые опытные моряки. Неимовѣрно-сильными порывами вѣтра всѣ снасти корабля были уничтожены; на палубѣ, заливаемой морскими волнами, едва можно было держаться. Нельзя было, безъ глубокаго благоговѣнія, взирать на стойкость и хладнокровіе нашего Государя: ни на одинъ мигъ величавое чело его не возмутилось малѣйшимъ признакомъ тревожнаго ощущенія! Были дѣлаемы разныя предположенія, какъ быть, если своеволіемъ бури корабль будетъ занесенъ въ Босфоръ. Среди всеобщаго треволненія меня лично устрашала, выше всего, мысль, что если мнѣ суждено погибнуть, то никто изъ моихъ родныхъ и друзей не увидитъ на мнѣ ордена Св. Анны 3 степени, коего я былъ удостоенъ. Этотъ первый знакъ отличія, мнѣ пожалованный, возродилъ во мнѣ наиживѣйшія чувства радости, и доселѣ, по истеченіи полувѣка, неизмѣнно сохранившіяся въ моей памяти и сердцѣ. Вскорѣ грозныя предвидѣнія гибели разсѣялись. Всевышній Промыслъ оградилъ своего помазанника: 3-го Октября, въ 3 часа ночи, я былъ пробужденъ пушечнымъ выстрѣломъ, извѣстившимъ о прибытіи нашего корабля на Одесскій рейдъ *).

---

*) Памятникомъ этого спасенія служитъ церковь, внизу приморскаго Одесскаго бульвара, во имя Св. Николая Чудотворца.

Объ этомъ достопамятномъ плаваніи находимъ нѣкоторыя подробности въ Письмахъ Ф. П. Фонтона къ Павлу Ивановичу Кривцову (Лейпцигъ, 1862, т. II-й, стр. 195 и д.): „Буря до такой свирѣпости дошла, что почти другаго спасенія не предстояло, какъ постараться въѣхать въ Босфорскій проливъ. Командиръ фрегата, Папа-Христо, имѣлъ достоинство не скрыть этого отъ Государя. Какъ ни непріятенъ этотъ принужденный визитъ Султану долженъ былъ быть для Царя, онъ принялъ это извѣстіе съ свойственнымъ ему мужествомъ духа, и потомокъ Петра оказался въ несчастіи достойнымъ предка. Говорятъ тоже, что по случаю нѣкотораго сходства нашего пріятеля Александра Суворова съ Царемъ, ему, на случай необходимости въѣхать въ Босфоръ, предназначено было быть калифомъ на часъ, и потомъ найти способъ Государя, въ качествѣ офицера, отправить въ Петер-

Возвратясь къ мирнымъ занятіямъ, графъ Воронцовъ, въ 1829 г., своими распоряженіями содѣйствовалъ безостановочному доставленію продовольственныхъ припасовъ для второй арміи, перешедшей чрезъ Балканы и побѣдоносно двигавшейся къ Адріанополю. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему пришлось бороться съ проникнувшею въ предѣлы Новороссійскаго края чумою, устраивать на Днѣстровской линіи карантины для выдержанія очистительныхъ терминовъ возвращавшимся съ театра войны войскамъ нашимъ, принимать самыя дѣятельныя мѣры къ охраненію Имперіи отъ внесенія заразы, которая стала уже появляться въ самой Одессѣ. Энергическими средствами чумѣ преграждены были повсюду пути къ развитію. Но къ сожалѣнію не вездѣ и не во всѣхъ городахъ Новороссійскаго края эти мѣры были исполнены безропотно. Въ Севастополѣ матросы воспротивились предохранительнымъ мѣрамъ, стѣснявшимъ ихъ въ общественномъ и домашнемъ быту. Это сопротивленіе приняло размѣры сильнаго возмущенія, плачевнымъ исходомъ коего были истязанія и убійство Севастопольскаго военнаго губернатора Столыпина.

Вѣсть о томъ была получена графомъ Воронцовымъ въ Одессѣ, когда онъ готовился воспользоваться всемилостивѣйше дарованнымъ ему отпускомъ для сопровожденія за границу своего семейства и страстно-любимой дочери, болѣзнь которой требовала пользованія минеральными водами. Графъ Воронцовъ благословилъ и отправилъ въ путь свою семью, а самъ поспѣшилъ въ Севастополь.

Подъ знойнымъ солнцемъ Тавриды, въ палаткахъ, на сѣверной сторонѣ города, оцѣпленнаго карантинами, провели мы нѣсколько мѣсяцевъ, въ самыхъ тяжкихъ трудахъ. Надо было изслѣдывать причины, возбудившія волненіе; опредѣлять степени виновности участвовавшихъ въ безпорядкахъ, назначать заслуженную ими кару. Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ эпизодѣ моего служебнаго поприща. Тутъ выразилась неимовѣрная, по истинѣ обворожительная снисходительность къ подчиненнымъ, которою графъ Воронцовъ умѣлъ привязывать къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ счастіе при немъ находиться, и вселялъ въ нихъ безграничную къ себѣ преданность. Когда приведены были къ совершенному окончанію слѣдствіе и судъ по прискорбному Севастопольскому возмущенію, и оставалось составить о томъ донесеніе, съ изложеніемъ малѣйшихъ подробностей этого дѣла, для представленія Государю Императору, графъ Воронцовъ, оставшись послѣ обѣда на единѣ

бургъ. Къ счастію, обошлось безъ этого всего. И слава Богу! Русскому Царю слѣдуетъ посѣтить Царьградъ, когда Софійская мечеть опять будетъ храмъ Святой Софіи". Письмо это писано изъ Яссъ, въ Ноябрѣ 1828.

Отъ одного изъ находившихся въ эти злые дни на кораблѣ „Императрица Марія" случилось намъ слышать, что графъ М. С. Воронцовъ, приглашенный въ царскую каюту на совѣщаніе о томъ, какъ быть, если буря унесетъ корабль къ Турецкимъ берегамъ и если Турки овладѣютъ имъ, подалъ мнѣніе, что въ крайнемъ случаѣ отнюдь не слѣдуетъ сдаваться въ плѣнъ, а прибѣгнуть къ дѣйствію пороха и всѣмъ взлетѣть на воздухъ. *П. Б.*

со мною, принялся диктовать мнѣ это пространное донесеніе, на что потребовалось продолжительное время. Кончивъ, онъ мнѣ сказалъ: „Теперь прочтемъ что̀ мы съ тобой написали". Ужасъ овладѣлъ мною, когда я увидалъ, что нѣсколько листовъ бумаги были мною испещрены какими-то лишенными всякаго смысла іероглифами. Утомленный отъ продолжительныхъ трудовъ, изнеможенный удушливымъ жаромъ, я находился въ какомъ-то онѣмѣніи, и хотя всё мнѣ передаваемое графомъ врѣзывалось въ моей памяти, но излагать на письмѣ я былъ не въ силахъ. И вотъ, вмѣсто ожидаемаго, вполнѣ мною заслуженнаго гнѣва, я услышалъ только слѣдующія слова: „Какъ тебѣ не совѣстно, любезный другъ? Не пожалѣлъ ты меня! „Знаешь, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю минуты, когда мнѣ „можно будетъ отправиться къ своему семейству, а ты заставилъ „меня потерять столько времени. Если ты не хотѣлъ мнѣ въ на„стоящемъ дѣлѣ помочь, то тебѣ слѣдовало мнѣ о томъ объявить, „и я попросилъ бы кого либо другаго имъ заняться". Эти слова, кроткимъ и мягкимъ голосомъ высказанныя, имѣли магическую силу. Въ мигъ я освѣжился и, такъ сказать, отрезвѣлъ... „Не безпокойтесь, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, поѣзжайте какъ всегда въ городъ *): по возвращеніи вы найдете готовый проэктъ донесенія". Такъ и было сдѣлано. Прочитавъ представленную работу, графъ меня обнялъ и благодарилъ, извиняясь, что усумнился въ неизмѣнной моей готовности ему содѣйствовать. Не часто бывали подобныя отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ!

Возвратившись въ Одессу, графъ Воронцовъ немедленно собрался въ путь и взялъ меня съ собою. Но увы! Какъ мы ни торопились, но не застали молодой графини въ живыхъ. Я былъ свидѣтелемъ скорби, имъ овладѣвшей, когда, въ недальномъ разстояніи отъ Вѣны, получена была роковая вѣсть о кончинѣ юнаго, прелестнаго существа, вмѣщавшаго въ себѣ начала всего прекраснаго: ангельской доброты, живаго, веселаго ума и необыкновенной красоты. Я видѣлъ его слезы, проливаемыя ежедневно на могилѣ дочери, надъ которой онъ поставилъ крестъ съ надписью: „Да будетъ воля Твоя!"

Такимъ образомъ первый мой шагъ за порогъ Отечества совершился при грустныхъ обстоятельствахъ; но зима, проведенная въ Вѣнѣ, оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Въ то время посломъ нашимъ, при Австрійскомъ дворѣ былъ Д. П. Татищевъ. При значительныхъ денежныхъ средствахъ, бо̀льшею частію получаемыхъ отъ нашего двора, при великомъ вліяніи на Вѣнскій кабинетъ, Дмитрій Павловичь жилъ истиннымъ Русскимъ бариномъ. Его гостинная была средоточіемъ Вѣнской аристократіи; его обѣды, рауты и балы, кромѣ привѣтливаго радушія хозяина, были украшаемы любезностію его супруги и проживавшей у нихъ

---

*) Каждый вечеръ, графъ Воронцовъ переправлялся съ сѣверной стороны Севастополя на лодкѣ въ городъ для обозрѣнія мѣръ, принятыхъ имъ къ окончательному подавленію чумной заразы и возстановленію повсюду порядка.

близкой родственницы графини Апраксиной (въ послѣдствіи вышедшей за мужъ за графа Эстергази). Вскорѣ однако увеселенія въ домѣ Русскаго посла и приготовленія къ устройству въ ономъ спектаклей были парализированы извѣстіемъ о вспыхнувшемъ въ Варшавѣ бунтѣ. На обѣдѣ данномъ Д. П. Татищевымъ, 6-го Декабря, князь Меттернихъ, провозглашая торжественно тостъ за здоровье Императора Россійскаго и короля Польскаго, выразилъ всеобщее негодованіе, возбужденное вѣроломствомъ подвластнаго ему племени.

Въ Маѣ 1830 г. я отправился съ графомъ Воронцовымъ и его семействомъ въ Лондонъ. Проѣздъ чрезъ всю Германію, по шоссейнымъ путямъ, съ остановками на ночлеги, представилъ мнѣ всѣ прелести непрестанно смѣняющихся картинъ величественной природы и твореній рукъ человѣческихъ. Въ Роттердамѣ мы сѣли на пароходъ, перенесшій насъ въ Лондонъ. Здѣсь, отдыхая отъ трудовъ, подъятыхъ на служеніе Отечеству, доживалъ свой вѣкъ маститый старецъ, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, отецъ Михаила Семеновича, стяжавшій всеобщую любовь и уваженіе, въ странѣ, въ которой былъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, представителемъ Русскихъ монарховъ. Сохранивъ до кончины свѣжесть ума всесторонне-образованнаго и память о событіяхъ, давно совершившихся, ознаменовавшихъ эпоху Елисаветинскаго царствованія, графъ Семенъ Романовичъ любилъ, въ бесѣдахъ своихъ, вспоминать о дѣяніяхъ Елисаветы Петровны, которой онъ былъ душою преданъ; любилъ указывать на дѣятельное участіе, которое принимали въ событіяхъ былой эпохи родной его братъ, бывшій государственнымъ канцлеромъ, графъ Александръ Романовичъ, о коемъ, равно какъ и о графѣ Михайлѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ, мы находимъ теперь столько драгоцѣнныхъ свѣдѣній въ „Архивѣ Князя Воронцова".

Предаваясь, съ жаднымъ любопытствомъ, осмотру всѣхъ достопримѣчательностей Лондона, я совершилъ поѣздки въ Брайтонъ, Ливерпуль и Манчестеръ, и готовился расширить кругъ своихъ наблюденій, когда постигла меня необходимость отъ нихъ оторваться. Я получилъ изъ Москвы вѣсть о кончинѣ моей тетки и долженъ былъ туда отправиться. „Какія", спросилъ меня графъ Воронцовъ, „сдѣлала твоя тетушка распоряженія по своему имуществу?"— „Не знаю", отвѣчалъ я, „но неоднократно слыхалъ отъ нея, что „она намѣревалась избрать васъ своимъ наслѣдникомъ, по завѣ„щанію, своего имѣнія въ Курской губерніи."—„Вѣроятно", сказалъ „графъ, „дѣлая такое распоряженіе, она была увѣрена, что, полу„чивъ это имѣніе, я его передамъ тебѣ. Поѣзжай же; если пред„положеніе твое оправдается и если дѣйствительно существуетъ ду„ховное завѣщаніе тетки твоей въ пользу мою, то пришли мнѣ къ „подписи довѣренность на твое имя, для полученія завѣщаннаго „имѣнія". Получивъ депеши и курьерское отправленіе отъ нашего посольства, я сѣлъ на пароходъ, отплывавшій въ Гамбургъ.

Въ началѣ рейса, мы приставали къ разнымъ мѣстностямъ вдоль береговъ Англіи, для высадки и принятія пассажировъ. Отъ при-

бывавшихъ сопутниковъ мы собирали вѣсти и съ особеннымъ любопытствомъ распрашивали ихъ о получаемыхъ свѣдѣніяхъ изъ Варшавы. Разсказъ о нѣкоторыхъ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ Поляками надъ Русскими, возбудилъ однажды взрывъ радости въ толпѣ Англичанъ. „Those noble, heroic Poles, провозглашали они, may they be triumphant for ever". Замѣтивъ, что я не принимаю участія въ этомъ ликованіи, спутники мои пристали ко мнѣ съ вопросами о причинѣ моего равнодушія. „Я Русскій", отвѣчалъ я, „вы слѣдовательно понимаете, что я не могу радоваться успѣхамъ (коимъ впрочемъ не „придаю вѣры) мятежниковъ, поднявшихъ оружіе противъ своего „законнаго Государя". Въ заявленіи моемъ я нашелъ усерднаго союзника въ возвращавшемся въ С. Петербургъ старикѣ Бердѣ. „Господа", сказалъ онъ бушующей толпѣ: „я Англичанинъ, Шотландецъ, вышедшій почти нищимъ изъ своего Отечества и встрѣтившій въ Россіи самый радушный пріемъ и покровительство. Подъ „благотворной ея сѣнію, я обрѣлъ счастіе жизни моей; мои труды „были оцѣнены и щедро вознаграждаемы; я устроилъ и упрочилъ состояніе свое и семьи моей; сердце мое на всегда будетъ „преисполнено благодарности и привязанности къ Русскому правительству и къ благодушнымъ Русскимъ". Эти слова почтеннаго основателя Невскаго пароходства имѣли сильное вліяніе на слушателей, и во все время нашего дальнѣйшаго плаванія какъ онъ, съ сопровождавшею его племянницею, такъ и я, мы сдѣлались предметами всеобщаго любезнаго вниманія.

Изъ Гамбурга я переѣхалъ, по отвратительной мостовой, въ Любекъ, гдѣ надѣялся найти пароходъ для дальнѣйшаго слѣдованія; но послѣ двухъ-дневнаго тщетнаго ожиданія, опасаясь опоздать доставленіемъ порученныхъ мнѣ депешъ, я рѣшился отправиться, на курьерскихъ лошадяхъ, въ перемѣнныхъ на каждой станціи колясочкахъ. Путешествіе это было сопряжено съ немалыми затрудненіями и остановками, по причинѣ свирѣпствовавшей холеры и принимаемыхъ на каждой границѣ мелкихъ Германскихъ владѣній предосторожностей противъ распространенія этой болѣзни. Пробывъ нѣсколько часовъ въ Берлинѣ, я поспѣшилъ въ С.-Петербургъ и, сдавъ депеши въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, отправился въ Москву.

Въ тамошнемъ Опекунскомъ Совѣтѣ хранилось дѣйствительно духовное завѣщаніе тетки моей въ пользу графа Воронцова. Я поступилъ, согласно его наставленіямъ и, получивъ отъ него засвидѣтельствованную, въ посольствѣ нашемъ въ Лондонѣ, довѣренность, принялся за выполненіе воли покойной: имѣніе ея поступило во владѣніе графа, а имъ передано мнѣ, въ послѣдствіи по купчей крѣпости, на его счетъ совершенной. Заботы по этому дѣлу, отнявшія у меня много времени, не дозволили мнѣ возвратиться въ Лондонъ, и я принужденъ былъ выжидать прибытія графа Воронцова въ Россію.

Отдохнувъ за границею, съ обновленными силами, графъ Воронцовъ принялся за довершеніе творческихъ своихъ начинаній по

управленію Новороссійскимъ краемъ. Ежедневно, съ 7 часовъ утра, его можно было заставать за работою. Въ его незабвенномъ для меня кабинетѣ, въ коемъ протекли лучшіе годы моей жизни, я позналъ, какія обильныя, драгоцѣнѣйшія сокровища могутъ совмѣщаться въ умѣ проницательномъ, всеобъемлющемъ, руководимомъ чувствомъ любви къ человѣчеству и стремленіемъ ко всему высокому и полезному. Истинно-классическое образованіе, полученное графомъ Воронцовымъ въ Англіи, развивъ въ немъ процессъ мышленія, пріучило его вникать въ глубину расматриваемаго вопроса, изслѣдовать его тайники и не прежде приступать къ выполненію какого либо предположенія, какъ по всестороннему его обсужденію.

Занимаясь, безъ устали, ежедневно съ 7 часовъ утра до 6 вечера, съ небольшимъ промежуткомъ, который употреблялся на прогулки верхомъ или пѣшкомъ по городу, графъ Воронцовъ требовалъ той же усердной дѣятельности отъ окружающихъ его подчиненныхъ. Снисходительность къ другимъ и готовность сознавать свои ошибки были его принадлежностями. Упрекнувъ меня однажды въ утратѣ одной бумаги по дѣлу, особенно его занимавшему, которую онъ отыскалъ вслѣдъ за тѣмъ въ указанномъ ему мною ящикѣ его письменнаго стола, онъ не только выразилъ сожалѣніе, что понапрасну меня обвинилъ, но по прошествіи нѣкотораго времени, когда обстоятельство это уже было забыто, готовясь къ принятію Св. Тайнъ, въ дни страстной седмицы, предъ исповѣдью, испрашивая прощенія у окружавшихъ его, обратился ко мнѣ съ словами: „Прошу тебя, не по одному лишь христіянскому обычаю про„стить меня, но потому что виновенъ предъ тобою въ несправед„ливомъ укорѣ."

Кромѣ управленія Новороссійскимъ краемъ, графа Воронцова занимали и другіе государственные вопросы. Находясь въ постоянной перепискѣ съ графами В. П. Кочубеемъ, К. В. Нессельроде, съ своимъ другомъ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ и съ другими лицами, стоявшими во главѣ различныхъ отраслей государственнаго управленія, онъ сообщалъ имъ свои соображенія по всему, что̀ могло содѣйствовать къ возвеличенію и развитію благоденствія пламенно имъ любимой Россіи. Между прочимъ, постояннымъ предметомъ его соображеній было упраздненіе крѣпостнаго права.

Въ 1833 г. въ сферу дѣятельности графа Воронцова вторгнулись новыя заботы. Новороссійскій край постигъ голодъ, вслѣдствіе повсемѣстныхъ засухъ и неурожаевъ. Для распредѣленія предоставленныхъ правительствомъ средствъ вспоможенія, составлены были комитеты подъ непосредственнымъ наблюденіемъ графа Воронцова, на которые возложено было вникать во всѣ нужды, раздавать вспомоществованія деньгами и продовольственными припасами, снабжать поселянъ зерномъ для обсемененія полей, скотомъ для полевыхъ работъ. Неусыпною заботливостію главнаго начальника Новороссійскихъ губерній и Бессарабіи, при издержкахъ, незначительныхъ сравнительно съ обширностію постигнутаго голо-

домъ края, населеніе прокормилось, и обильныя въ слѣдующіе годы жатвы доставили средства постепенно возмѣстить произведенныя хлѣбомъ и деньгами ссуды.

Въ нѣкоторое подспорье вспомоществованію устроены были въ Одессѣ спектакли, въ коихъ принимали участіе дамы высшаго круга, выказавшія замѣчательныя сценическія дарованія. Графъ Михаилъ Семеновичъ, съ тѣмъ же рвеніемъ, съ коимъ подвизался на всякое дѣло, принималъ живое участіе въ организаціи этихъ спектаклей, въ выборѣ піэсъ и въ самой обстановкѣ, и нерѣдко, во время ежедневныхъ своихъ прогулокъ, посѣщалъ репетиціи. Эти еженедѣльныя представленія, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, имѣли блистательный успѣхъ и доставили значительную денежную сумму. Рецензіи о нихъ, появлявшіяся въ Одесскомъ Вѣстникѣ, основаны были на строгой, безпристрастной оцѣнкѣ игры актеровъ.

Графъ Воронцовъ ежегодно, по нѣскольку разъ, обозрѣвалъ, во всѣхъ концахъ, обширный край, его управленію ввѣренный. Я постоянно находился при немъ. Въ одинъ изъ такихъ объѣздовъ, когда мы плыли на пароходѣ „Петръ Великій“ (это былъ первый пароходъ, появившійся въ водахъ, омывающихъ берега Новороссіи) изъ Ялты въ Ѳеодосію, Керчь и Таганрогъ, насъ постигла въ Азовскомъ морѣ сильная буря; холодный порывистый вѣтеръ дулъ немилосердно, въ теченіи многихъ дней; мы должны были стать на якоряхъ, въ значительномъ разстояніи отъ берега. На пароходѣ начиналъ чувствоваться недостатокъ въ провизіи. Наконецъ буря нѣсколько усмирилась, и оказалось возможнымъ спустить лодку, на которой адъютантъ графа Воронцова, Орлай отправился къ берегу, для привоза съѣстныхъ припасовъ. Вскорѣ потомъ и мы всѣ высадились на этотъ пустынный берегъ, окаймлявшій унылую степь, на которой разбросаны были лишь рыбачьи землянки. Окинувъ взоромъ эту мѣстность и удобства прилегающей къ ней пристани, графъ Воронцовъ угадалъ въ ней средоточіе для сбыта произведеній изъ окрестныхъ земель Азовскихъ казаковъ, селеній Менонитовъ и Нагайскихъ Татаръ, изъ губерній Таврической, Екатеринославской, а отчасти и сопредѣльной имъ Харьковской. Такимъ образомъ возникъ въ 1835 году портовой городъ Бердянскъ, нынѣ столь обогатившійся отпускною торговлею. Въ память претерпѣнной нами бури, и до нѣкоторой степени, голода, по возвращеніи въ Одессу, мы поднесли графу Воронцову серебряную вазу съ вырѣзанными на ней именами всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ путешествіи.

Вспоминаю другое любопытное и въ высшей степени пріятное плаваніе на корветѣ „Ифигенія“, командиромъ коего былъ тогда Путятинъ (нынѣ адмиралъ и графъ). Мы слѣдовали вдоль очаровательнаго восточнаго берега Чернаго моря, высаживались на разныхъ пунктахъ живописной мѣстности и посѣщали лагерь генерала Вельяминова, среди непокорныхъ Горцевъ. По возвращеніи, графъ Воронцовъ представилъ Государю Императору отчетъ объ

этой поѣздкѣ и предположенія свои о возведеніи на берегу отдѣльныхъ небольшихъ укрѣпленій на подобіе существующихъ на Англійскихъ берегахъ башенъ à la Martello, съ тѣмъ, чтобы горцы не были тайно снабжаемы порохомъ, солью и разными потребностями.

Въ 1837 г., находясь при графѣ Воронцовѣ, я былъ свидѣтелемъ великолѣпныхъ Вознесенскихъ маневровъ, послѣ которыхъ Государь Императоръ съ Августѣйшею фамиліею прибылъ въ Одессу, а оттуда на южный берегъ Крыма. Великолѣпный замокъ въ Алупкѣ, еще не совсѣмъ достроенный, удостоился помѣстить въ своихъ стѣнахъ высокихъ гостей. Оставаясь въ Алупкѣ, пока Государь ѣздилъ на Кавказъ, Императрица Александра Ѳеодоровна и Великая Княжна Марія Николаевна ежедневно обозрѣвали живописныя мѣстности края, совершая прогулки верхомъ.

Хозяева Алупки неусыпно заботились о доставленіи своимъ Августѣйшимъ гостямъ возможныхъ удобствъ и развлеченій: устраиваемы были иллюминаціи, зажигались бенгальскіе огни по скаламъ, фонтанамъ и каскадамъ на хребтѣ Яйлы, отдѣляющей южный берегъ отъ сѣверной покатости Крыма, горѣли костры на высотахъ зубчатаго Ай-Петри. Въ обширной залѣ Алупкинскаго замка была устроена импровизированная сцена, какъ бы на открытомъ воздухѣ, безъ кулисъ и занавѣса, образовавшая дремучій лѣсъ изъ огромныхъ живыхъ деревьевъ; представлена была, на Французскомъ языкѣ, піэса: *Jocrisse*, *chef de brigands*. Я участвовалъ въ этомъ представленіи, исполняя роль Жокриса. Императрица, не знавшая о приготовленіяхъ, была изумлена, при входѣ въ залу. Ея Величество казалась довольна исполненіемъ этой піесы, а Великая Княжна смѣялась отъ души, говоря, что она никогда не была такъ весела. По окончаніи представленія, Императрица взошла на сцену, съ очаровательною любезностію обратилась къ участвовавшимъ въ представленіи, милостиво выразила имъ свое удовольствіе и пригласила ихъ на вечеръ. Съ тѣхъ поръ мы имѣли счастіе постоянно быть принимаемы Ея Императорскимъ Величествомъ по вечерамъ, на которыхъ играли въ карты, занимались музыкою, а нѣкоторые изъ присутствовавшихъ пѣли. Звуки оркестра, расположеннаго на открытомъ воздухѣ, довершали прелесть этихъ незабвенныхъ вечеровъ.

Оставленное на столѣ, въ кабинетѣ Алупкинскаго зàмка, собственноручное письмо Императрицы Александры Ѳеодоровны свидѣтельствуетъ, что ей было пріятно пребываніе на южномъ берегу Крыма. Выражая, между прочимъ, сожалѣніе, что разстается съ Алупкою и что ей, можетъ быть, не доведется уже увидѣть эту страну, Государыня оканчивала свое письмо словами: „по чтò Черное море такъ отдалено отъ Балтійскаго?“

Нынѣ сблизились эти два моря. Чугунъ и пары ихъ соединили, облегчивъ передвиженіе съ Сѣвера на Югъ, и южный берегъ Крыма озарился блескомъ, дотолѣ небывалымъ.

По отбытіи Императрицы, оставалась въ Крыму Великая Княгиня Елена Павловна, жившая въ Мисхорѣ, имѣніи Л. А. Нарыш-

кина. Радушное, чуждое всякой оффиціяльности, обхожденіе ея, бесѣды, оживляемыя ея высокихъ умомъ и любезностію, устраиваемые у нея танцовальные вечера и подъ ея собственнымъ наблюденіемъ живыя картины, останутся незабвенными.

Вскорѣ графъ Воронцовъ долженъ былъ поторопиться въ Одессу. Съ Востока снова появился грозный его бичь—чума. Снова были ею вызваны тѣ энергическія мѣры, которыя увѣнчались въ 1829 году полнымъ успѣхомъ. И на сей разъ, эти мѣры достигли своей цѣли; въ память этого были выбиты золотыя и серебряныя медали, для ношенія на Александровской лентѣ, въ петлицѣ, лицами, содѣйствовавшими прекращенію заразы.

Во время господствовавшей въ Одессѣ эпидеміи бодрость духа не покидала графа Воронцова. Веселый его нравъ ни на мигъ не измѣнялся. Всякія общественныя сходки и сообщенія между жителями города были прерваны; тѣ только лица, на коихъ лежала обязанность наблюдать за исполненіемъ мѣръ для пресѣченія болѣзни, какъ то: за передачею жизненныхъ припасовъ и всѣхъ предметовъ, заразу пріемлющихъ не иначе какъ подвергнувъ ихъ окуркѣ, могли появляться на улицахъ, для чего они снабжаемы были особыми знаками. Въ генералъ-губернаторскомъ домѣ прекращены были пріемы, и къ обѣду собирались лишь члены семейства и самые приближенные люди. Самъ же хозяинъ изумлялъ своимъ остроуміемъ, любезностію и всесторонними познаніями въ областяхъ науки и искусства. Непостижимо, какъ онъ умѣлъ переходить отъ занятій, требовавшихъ сосредоточенія и глубокихъ соображеній, къ разнообразнымъ веселымъ бесѣдамъ, забавамъ и шуткамъ. Городская публичная библіотека находилась въ завѣдываніи нѣкоего иностранца Спады, національность коего оставалась для всѣхъ неизвѣстною. До прибытія въ Одессу онъ проживалъ въ домѣ графа В. П. Кочубея. Онъ былъ принимаемъ почти ежедневно у графа Воронцова. Этотъ Спада хвалился отличнымъ знаніемъ Французскихъ классическихъ твореній, любилъ блеснуть, часто не въ попадъ, цитатами изъ произведеній Вольтера, Корнелія, Расина, а иногда даже и изъ древнихъ классиковъ Горація и Виргилія, и составлять чуждые всякаго поэтическаго достоинства вирши. Однажды, вслѣдствіе спора о значеніи какого-то литературнаго произведенія, я получитъ отъ Спады посланіе въ стихахъ. Когда я прочиталъ ихъ графу Воронцову, Михаилъ Семеновичъ немедленно импровизировалъ и продиктовалъ мнѣ отвѣтъ, въ стихахъ же, съ эпиграфомъ: *à corsaire, corsaire et demi*. Каждому изъ собиравшихся къ обѣду поручено было затвердить по одному стиху, а потомъ, усадивъ Спаду въ кресло, мимо его, тихимъ шагомъ, прошла процессія, каждый членъ которой, съ поклономъ, по очереди, произносилъ затверженный стихъ.

Изыскивая средства разнообразить образъ полузатворнической жизни, графъ Воронцовъ, между прочимъ, предложилъ, чтобы каждый, поочередно, готовилъ къ обѣду блюдо, по своему избранію; самъ онъ взялся изготовить любимый его рисовый супъ, *à la Ve-*

neltienne. Обратясь ко мнѣ, онъ спросилъ, чѣмъ я намѣренъ угостить наше общество. Я отвѣчалъ, что не имѣю ни малѣйшаго кулинарнаго знанія; но что, прочитавъ, въ послѣднее время, очеркъ Испаніи, составленный однимъ Англійскимъ офицеромъ, служившимъ въ войскѣ Донъ Карлоса, я нашелъ тамъ рецептъ Испанскаго кушанія, называемаго *puchero*, которое, какъ отзывается самъ авторъ книги, отвратительно. По настоятельному требованію графа Воронцова, я изготовилъ это кушаніе; оно ему такъ понравилось, что неоднократно, въ послѣдствіи, и даже въ Тифлисѣ, онъ просилъ меня накормить его Испанскимъ *puchero*.

Такъ, на лонѣ счастія, среди занятій и забавъ, подъ благотворною сѣнію незабвеннаго начальника, протекали годы моей служебной дѣятельности. Мнѣ довелось снова совершить съ графомъ Воронцовымъ поѣздку въ Англію и провести зиму въ Вильтонѣ, близь Салисбури, великолѣпномъ помѣстьи сестры графа Михаила Семеновича, графини Пемброкъ. Тамъ жили съ графинею сынъ ея Сидней Гербертъ, получившій образованіе въ Оксфордскомъ университетѣ и успѣвшій уже заявить свои блистательнѣйшія дарованія, три дочери съ ихъ мужьями и одна дочь незамужняя. Эти дочери леди Пемброкъ отличались необыкновенною красотою и любезностію. Самую отрадную картину представляла эта благочестивая семья, всѣ члены которой были связаны между собою узами дружбы и единодушнаго согласія, въ которой царствовала полнѣйшаго гармонія чувствъ и вѣрованій, основанная на безусловныхъ правилахъ нравственности. Вильтонъ былъ удостоенъ посѣщенія Великаго Князя Михаила Павловича. Имѣлъ я счастіе быть также свидѣтелемъ посѣщенія Лондона Государемъ Цесаревичемъ, нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ и данныхъ, въ честь Его, праздниковъ Великобританскою королевою, тогда еще незамужней, герцогомъ Веллингтономъ и другими лицами высшей аристократіи, обѣда, даннаго Его Высочеству въ Сити негоціянтами, находившимися въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею, и торжественнаго пріема, сдѣланнаго Цесаревичу въ Оксфордскомъ университетѣ со внесеніемъ Его въ число членовъ этого образцоваго храма науки. Сопутствовалъ я графу Воронцову и въ поѣздкѣ его въ Шотландію. Пробывъ нѣсколько времени у его друга, лорда Гаддингтона, бывшаго, въ старые годы, королевскимъ намѣстникомъ въ Ирландіи и проживавшаго въ великолѣпномъ помѣстьѣ, мы ѣздили въ Эдимбургъ, гдѣ осматривали дворецъ несчастной королевы Маріи Стюартъ и другія достопримѣчательности.

Мы возвращались въ С. Петербургъ на Ирландскомъ, вновь сооруженномъ, пароходѣ, на которомъ, въ числѣ пассажировъ, находилась знаменитая красавица графиня Завадовская. Насъ застигъ сильный противный вѣтеръ; пароходъ сѣлъ на мель; помощи ниоткуда ожидать было невозможно, и мы находились, нѣсколько времени, въ положеніи довольно опасномъ. Сопутницами нашими овладѣли страхъ и уныніе; наконецъ, облегчивъ пароходъ отъ всѣхъ излишнихъ тяжестей и выждавъ морскаго прилива, при усиленно-

разведенныхъ парахъ, мы сошли съ мели и, продолжая плаваніе, зашли въ Копенгагенъ, гдѣ имѣли стоянку для необходимаго осмотра судна и исправленія оказавшихся поврежденій, послѣ чего довершили свой путь къ Кронштадту. Пароходъ насъ принесшій не избѣгнулъ своего предопредѣленія: въ слѣдующимъ году, совершая рейсъ въ Англію, онъ погибъ въ водахъ Балтійскаго моря.

Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ пришлось съ графомъ Воронцовымъ и его семействомъ обозрѣть южную Францію, столь богатую памятниками древности. Въ Марселѣ я разстался съ графомъ, отправившимся въ Италію, и возвратился, чрезъ Геную въ Одессу, гдѣ сверхъ другихъ служебныхъ обязанностей занялся исполненіемъ должностей предсѣдателя Статистическаго Комитета и секретаря Общества Сельскаго Хозяйства.

Въ 1844 году дѣятельности гр. Воровцова дано было направленіе, потребовавшее отъ него усиленной энергіи и трудовъ. Въ Алупкѣ, въ одну Декабрьскую ночь, меня разбудилъ прибывшій изъ С.Петербурга фельдъегерь, вручившій мнѣ, для передачи графу, собственноручное письмо Государя Императора отъ 17 Ноября 1844 г. Я поспѣшилъ, въ свою очередь, разбудить графа. Пришедъ въ свой кабинетъ и прочитавъ письмо, онъ сказалъ: „Государю угодно меня назначить на Кавказъ; но могу ли, при настоящемъ положеніи этого края, принесть ему какую либо пользу? Я старъ и дряхлъ; тутъ нужны силы свѣжія, неизнуренныя лѣтами и трудами. Я долженъ отклонить отъ себя высокое назначеніе, которое не въ состояніи буду выполнить. Такъ я донесу Государю, а теперь пойдемъ спать.“—Чрезъ нѣсколько времени, за долго до обычнаго часа, я былъ призванъ къ графу Михаилу Семеновичу. „Я передумалъ свое рѣшеніе“, сказалъ онъ; „перечитаемъ съ тобою драгоцѣнныя строки, самимъ Государемъ начертанныя, и ты убѣдишься, подобно мнѣ, что немыслимо не преклониться предъ Его священною волею. Я былъ бы не Русскій, еслибы посмѣлъ не пойти туда, куда Царь велитъ. Садись: я тебѣ продиктую отвѣтъ мой Государю.“

Въ этомъ отвѣтѣ графъ Воронцовъ, высказавъ опасенія, что, по преклонности лѣтъ и недугамъ, онъ, при всемъ неограниченномъ усердіи, не въ силахъ будетъ оправдать ожиданій Царя и оказаться достойнымъ высокаго Его довѣрія, повергалъ къ стопамъ Его Величества готовность, въ случаѣ неизмѣнной Его воли, безотчетно ей покориться.

Переписавъ своеручно проэктированное отвѣтное письмо, графъ Воронцовъ отправилъ фельдъегеря обратно въ С.Петербургъ, и до полученія окончательнаго царскаго рѣшенія это дѣло оставалось тайнымъ для всѣхъ, исключая супруги графа, которая къ несказанной его радости выразила желаніе послѣдовать за нимъ на Кавказъ, если дѣйствительно состоится его назначеніе туда.

Вскорѣ снова прибылъ фельдъегерь съ собственноручнымъ Государя Императора велѣніемъ: графъ Воронцовъ былъ назначенъ на-

мѣстникомъ Кавказскимъ и главнокомандующимъ Кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ, съ сохраненіемъ званія Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора.

Вслѣдъ за тѣмъ графъ Михаилъ Семеновичъ поспѣшилъ въ Одессу, гдѣ, сдѣлавъ надлежащія распоряженія по управленію Новороссійскимъ краемъ, отправился въ Петербургъ. Мы прибыли туда въ началѣ 1845 года.

Здѣсь, по одному случаю, суждено было мнѣ попасть въ положеніе крайне непріятное и испытать самое тяжелое ощущеніе. Совершенно-новое учрежденіе Кавказскаго намѣстничества требовало составленія инструкціи или наказа съ яснымъ обозначеніемъ степени власти, правъ и обязанностей намѣстника. Занявшись, въ одинъ вечеръ, пересмотромъ заготовленнаго по сему предмету проэкта и сдѣлавъ на него свои замѣчанія и предполагаемыя измѣненія, гр. Воронцовъ приказалъ мнѣ представить эти замѣчанія на усмотрѣніе управлявшаго дѣлами Кавказскаго Комитета статсъ-секретаря Позена. Это было мною исполнено въ слѣдующее утро. Выслушавъ мой докладъ, Позенъ сказалъ мнѣ: „Чтó это такое? Воронцовъ хо„четъ себѣ присвоить царскую власть?"—„Все чтò здѣсь изложено", отвѣчалъ я, „основано на собственноручныхъ письмахъ, коими Го„сударь Императоръ удостоилъ графа Михаила Семеновича, въ ко„ихъ между прочимъ Его Величество изволилъ выразить свою во„лю въ слѣдующихъ словахъ: „ты будешь *alter ego*".—„Очень хоро„шо знаю", возразилъ статсъ-секретарь, „чтò Государь писалъ Во„ронцову; видѣлъ и отвѣты Воронцова; но все это не даетъ ему „права на присвоеніе власти, одному царю принадлежащей". Встревоженный такимъ отзывомъ лица, облеченнаго довѣріемъ Монарха и пользовавшагося, по своему уму, замѣчательнымъ дарованіямъ и многимъ неоспоримо-важнымъ государственнымъ заслугамъ, вполнѣ справедливымъ вліяніемъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, я поспѣшилъ къ графу Воронцову, для передачи ему, слово въ слово, разговора моего съ г. Позеномъ. Графа не было дома, и я недоумѣвалъ, какъ поступить, когда, на выручку мнѣ, явился посланецъ изъ дворца, приглашавшій графа Михаила Семеновича къ обѣденному столу Ихъ Императорскихъ Величествъ. Зная, приблизительно, гдѣ графъ могъ находиться въ ту минуту, я послалъ къ нему гонца, съ увѣдомленіемъ о сдѣланномъ ему приглашеніи; онъ немедленно возвратился домой, и я, пересказавъ ему все, чтò происходило между статсъ-секретаремъ и мною, прибавилъ: „Вашему сіятельству необходимо, до отъѣзда къ мѣсту вашего на„значенія, отчетливо и безповоротно разъяснить свое положеніе, „права и полномочіе; иначе нельзя не предвидѣть величайшихъ за„трудненій и препятствій въ выполненіи вашихъ предположеній по „обязанностямъ, вами на себя принятымъ единственно изъ неогра„ниченной покорности волѣ Государя Императора". Вечеромъ этого знаменательнаго въ жизни моей дня графъ Воронцовъ сказалъ мнѣ, что онъ докладывалъ Его Величеству о всемъ, мною ему сообщенномъ и что, по повелѣнію Государя, должно послѣдовать объясне-

ніе съ г. Позеномъ, въ присутствіи военнаго министра и предсѣдателя Кавказскаго Комитета, князя Чернышева. По прибытіи вышеназванныхъ лицъ къ гр. Михаилу Семеновичу, я былъ позванъ въ его кабинетъ, и тутъ пришлось мнѣ пережить самыя тяжелыя минуты. Обратясь ко мнѣ, графъ приказалъ повторить все, что̀ я ему разсказалъ о разговорѣ моемъ съ статсъ-секретаремъ Позеномъ. Я исполнилъ приказанія буквально. Позенъ упорно утверждалъ, что онъ не говорилъ о желаніи графа Воронцова присвоить себѣ царскую власть. Я продолжалъ завѣрять, что я это слышалъ. „Слова вашего превосходительства", прибавилъ я, „слишкомъ живо впечатлѣлись „въ моей памяти, чтобы я могъ ихъ забыть". Послѣ долгихъ пререканій, статсъ-секретарь сказалъ: „Быть можетъ, я и употребилъ „выраженіе: Царская власть, но вѣдь тонъ дѣлаетъ музыку."—„Не „мое дѣло", возразилъ я, „входить въ сужденіе смысла и значенія вашимъ превосходительствомъ сказаннаго; на мнѣ лежала обязан„ность передать вамъ то что̀ мнѣ приказалъ графъ Михаилъ Се„меновичъ и таже обязанность передать его сіятельству вашъ от„вѣтъ и замѣчанія, и я это исполнилъ въ точности". Происходившее объясненіе меня крайне встревожило; меня долго терзало опасеніе, что я могъ ошибиться и недостаточно вникнуть въ сужденія г. Позена, по поводу представленнаго мною ему проэкта, что я не понялъ значенія этихъ сужденій; и я успокоился лишь по прошествіи многихъ мѣсяцевъ. По истинѣ, какъ бы гора съ моихъ плечъ свалилась, когда, посѣтивъ Одессу, адъютантъ гр. Воронцова, Орлай, остававшійся при управленіи Новороссійскимъ краемъ, сообщилъ мнѣ, что М. П. Позенъ, встрѣтясь съ нимъ, на станціи близъ Кременчуга и узнавъ, что Орлай состоитъ адъютантомъ при гр. Воронцовѣ, завелъ съ нимъ разговоръ о всемъ, что̀ происходило на Кавказѣ и о дѣйствіяхъ главнаго тамъ начальника и прибавилъ: „Мнѣ очень „жаль, что Щербининъ поссорилъ меня съ Воронцовымъ; все что̀ я „ему говорилъ, было сказано какъ товарищу, въ интимной бесѣдѣ, „отнюдь не для того, чтобы это было передано Михаилу Семено„вичу."

На пути изъ С.Петербурга въ Одессу, мы остановились на нѣсколько дней въ Москвѣ. Здѣсь гр. Воронцовъ изъ бесѣдъ съ знаменитыхъ героемъ Кавказа, А. П. Ермоловымъ, съ которымъ, во всю жизнь свою, онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, вынесъ указанія и наставленія, касавшіяся края, столь Ермолову знакомаго; края, гдѣ онъ составилъ себѣ, на вѣки, славное имя, произносимое съ глубокимъ уваженіемъ.

Путь нашъ съ Сѣвера на Югъ совершился въ зимнемъ возкѣ, при сильной стужѣ, вьюгахъ и метеляхъ. Верстъ за 60 отъ Одессы, насъ встрѣтила весна, во всемъ ея блескѣ. Графъ Воронцовъ намѣревался совершить дальнѣйшій переѣздъ на перекладной телегѣ, но я его отговорилъ отъ этого намѣренія, угрожавшаго ему утомленіемъ и разстройствомъ здоровья. Будучи знако̀мъ съ нѣкоторыми окрестными помѣщиками, я досталъ коляску; она оказалась столь мало помѣстительною, что двоимъ рядомъ, въ шубахъ, сидѣть

было невозможно. Я снялъ свою и поплатился за то жестокимъ ревматизмомъ, такъ что отъ мучительныхъ страданій, въ теченіи нѣсколькихъ дней, едва могъ двигаться. Гр. Воронцовъ уговаривалъ меня остаться въ Одессѣ, до излеченія; но я никакъ не соглашался отстать отъ него, и кое-какъ дотащился до парохода, на которомъ, въ прекрасный Мартовскій день 1845 года, мы покинули Одессу.

Изъ Керчи мы плыли вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Графъ Воронцовъ посѣтилъ укрѣпленія, по этому берегу расположенныя и осмотрѣлъ всѣ пункты, нашими войсками занятые; я же оставался все время недвижимъ, въ каютѣ парохода. Высадились мы въ Редутъ-Кале; оттуда, заѣхавъ въ Зугдизи къ владѣтелю Мингреліи, продолжали путь чрезъ Мартвили, Кутаисъ и Гори и прибыли въ Тифлисъ въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, 25 Марта 1845 г.

Графъ Воронцовъ повсюду на пути былъ привѣтствуемъ изъявленіями радости; вездѣ его встрѣчали съ восторгомъ, а въ Тифлисѣ устроено было въ честь его великолѣпное празднество, на которомъ караванъ-сараи были роскошно убраны произведеніями Востока. Фонтаны съ Кахетинскимъ виномъ, живописно размѣщенные разноцвѣтные шкалики, фонари и плошки, пылающіе костры на возвышенностяхъ, окружающихъ городъ, представляли зрѣлище по истинѣ волшебное.

Первое время посвящено было отобранію отъ бывшаго главнокомандующаго генерала Нейдгардта свѣдѣній, относившихся до положенія края и военныхъ дѣйствій, знакомству съ дѣлами управленія, пріемамъ служащихъ и приготовленіямъ къ выступленію въ походъ противъ Горцевъ.

Въ послѣдней половинѣ Апрѣля, мы отправились на Кавказскую линію. Крѣпость Внезапная была избрана сборнымъ пунктомъ для войскъ, назначенныхъ въ составъ Чеченскаго отряда; имъ было велѣно стянуться туда къ 28 Мая, а до того мы совершили объѣздъ по сѣверному Дагестану.

31 Мая, въ 5 часовъ утра, отслушавъ молебствіе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ Внезапной, мы выступили въ походъ съ Чеченскимъ отрядомъ.

Первымъ образцомъ неимовѣрной стойкости, неустрашимости и самоотверженія, одушевляющихъ Кавказское войско, было для меня занятіе приступомъ 5 Іюня высокой крутой горы Анчимееръ. Горцы, бросавшіеся по нѣскольку разъ въ шашки, не смотря на дѣйствіе поставленной ими на хребтѣ горы пушки, были вытѣснены съ урономъ и должны были поспѣшно увезти свою пушку. Мы заняли оставленную ими мѣстность и стали на позицію, на дорогѣ отъ Мичикала въ Андію.

Слѣдуя крайне-медленно, по причинѣ трудности пути, съ вьюками и артиллеріею, по дорогамъ, едва проходимымъ, мы пришли 12 Іюня къ такъ называемымъ Андійскимъ воротамъ.

Эти ворота, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, были сильно укрѣплены; но, по сдѣланной рекогносцировкѣ, удостовѣрились мы, что Горцы покинули свою сильную позицію, которая была укрѣплена каменною стѣною, толщиною около сажени, съ устроенными завалами.

14 Іюня, мы спустились чрезъ Андійскіе ворота въ роскошную долину, изобилующую ручьями и родниками, и взорамъ нашимъ представилась картина дымящихся развалинъ: селенія, разсѣянныя по долинѣ, предъ вступленіемъ нашимъ, по приказанію Шамиля, были преданы пламени.

Непріятельскія силы были сосредоточены за рѣчкою Гадоръ, на высотахъ противъ Андіи, укрѣпленныхъ завалами и батареею изъ 3-хъ орудій. Авангардъ нашъ двинулся къ с. Гочатль. Въ самомъ же селеніи Андіи завязалось жаркое дѣло съ горцами. Двѣ роты Кабардинскаго егерскаго полка, предводительствуемыя кн. А. И. Барятинскимъ (нынѣ генералъ-фельдмаршалъ) бросились въ штыки, выбили непріятеля изъ аула и, одушевленныя храбрымъ своимъ вождемъ, почти ползкомъ взобрались на скалистыя высоты, занятыя горцами. За ними вскарабкались и остальныя роты этого славнаго полка и, не смотря на сильное сопротивленіе непріятеля, на выгодность его позиціи, на устроенные имъ завалы и на неумолкаемый пушечный и ружейный огонь, овладѣли мѣстностію, обратили горцевъ въ бѣгство и очистили весь хребетъ горы. Въ этомъ славномъ дѣлѣ, кн. Барятинскій былъ раненъ. Не забуду, какъ одинъ офицеръ, прострѣленный 2-мя пулями, на вопросъ графа Воронцова о состояніи его ранъ, вмѣсто отвѣта, сказалъ: „На Анчимеерѣ, „ваше сіятельство похвалили Куринцевъ; надѣюсь, что вы признаете, „что и Кабардинцы заслуживаютъ похвалы“.

Въ Андіи простояли мы до 6-го Іюля. Сдѣланы были распоряженія объ обезпеченіи отрядовъ продовольствіемъ и артиллерійскими снарядами и объ устройствѣ укрѣпленнаго лагеря для сосредоточенія этихъ припасовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гражданское управленіе Кавказомъ и Новороссіею шло своимъ чередомъ.

6-го Іюля мы снялись съ лагеря и направились въ Дарго. Пройдя около 14 верстъ, мы вступили въ густой, вѣковой лѣсъ, по узкому гребню горнаго хребта, между крутыхъ овраговъ, съ трудными спусками и подъемами. Путь нашъ, на каждомъ шагу, былъ преграждаемъ завалами; намъ сопутствовалъ неумолкаемый свистъ пуль, на подобіе жужжанія пчелъ. Навсегда пребудутъ въ памяти моей этотъ день и впечатлѣніе на меня произведенное встрѣчею съ раненымъ адъютантомъ гр. Воронцова, кн. А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ *). Наканунѣ еще, въ палаткѣ провелъ я съ нимъ пріятнѣйшій вечеръ, въ бесѣдѣ, оживленной замѣчательнымъ остроуміемъ его и услажденной прекраснымъ пѣніемъ юнкера Мы-

*) Нынѣ генералъ-адъютантъ, Кіевскій и Подольскій генералъ-губернаторъ.

лова, въ тотъ же день убитаго, и другаго адъютанта графа Воронцова, Лонгинова *) сраженнаго, нѣсколько позже, Чеченскою пулею! Въ этотъ кровопролитный день, между прочими, въ виду главнокомандующаго, былъ смертельно раненъ пулею въ животъ генералъ Фокъ. Онъ наводилъ орудіе, поставленное на узкомъ перешейкѣ между двухъ лѣсистыхъ овраговъ; Горцы, засѣвъ между деревьями, мѣткими выстрѣлами провожали шедшихъ по этому зловѣщему перешейку.

Наконецъ, въ прекрасную ночь, освѣщаемую величавою луною, мы вступили въ Дарго.

Здѣсь мы простояли въ ожиданіи продовольственныхъ припасовъ, долженствовавшихъ прибыть изъ Андіи. Когда, 10-го Іюля, транспортъ показался на высотахъ, высланъ былъ ему на встрѣчу особый отрядъ, коему предстояло преодолѣть величайшія трудности. Уничтоженные нами, 6-го числа, завалы вновь были устроены Чеченцами съ бо̀льшею прочностію, изъ деревьевъ необыкновенной толщины; къ нимъ примыкали боковые завалы; дороги, и безъ того едва проходимыя, повсюду изрыты были проливными дождями. Въ жестокихъ схваткахъ съ Горцами, колонна наша понесла значительнѣйшія потери.

13 Іюля, по уничтоженіи нѣкоторой части нашего лагеря, обращеніемъ палатокъ на обувь и другія надобности нижнихъ чиновъ; по истребленіи менѣе необходимыхъ вьюковъ для доставленія возможности, на освобожденныхъ лошадяхъ, поднять огромное число раненыхъ, мы выступили по направленію къ Герцелъ-аулу. Между тѣмъ, начальнику лѣваго фланга Кавказской линіи, столь прославившемуся генералу Фрейтагу было предписано, собравъ войско, сколько можно, не обнажая Кумыкской плоскости, выступить къ урочищу Мискиту, на встрѣчу нашему отряду.

Невозможно передать всѣ трудности, съ коими неустрашимому, доблестному нашему войску предстояло бороться во всѣ послѣдующіе дни, при движеніи чрезъ Ичкеринскій дремучій лѣсъ изъ вѣковыхъ чинаровъ, по узкимъ тропинкамъ, окаймленымъ оврагами, и пересѣкаемымъ завалами. Но не унывали храбрые Кавказцы; ихъ одушевлялъ вождь, закаленный въ бояхъ 1812 года. Твердость, невозмутимое хладнокровіе и присутствіе духа ни на мигъ не покидали графа Воронцова. Между прочимъ, по случаю нѣкотораго смятенія, произведеннаго Горцами, ворвавшимися между вьюковъ. онъ былъ вынужденъ обнажить шашку для собственной защиты. Разъединенный съ нимъ натискомъ двигавшейся колонны, съ горными орудіями, я встрѣтилъ графа Воронцова, съ его обыкновенною, спокойною улыбкою, съ выраженіемъ полной надежности, вселявшей и въ другихъ увѣренность въ торжествѣ надъ всѣми трудностями и опасностями.

---

*) Братъ М. Н. Лонгинова.

Отраженіе натисковъ непріятеля съ 13-го по 17-е число стоило намъ дорого, и мы пришли къ аулу Шпухалъ-Берды съ огромнымъ количествомъ раненыхъ и крайне-тощимъ запасомъ артиллерійскихъ снарядовъ. Между тѣмъ непріятель, пользуясь высотою приваго берега Аксая, дѣйствовалъ на нашъ лагеръ изъ 3-хъ орудій, ядрами, картечью и гранатами. Помню, какъ, вошедъ къ графу Воронцову для доклада по дѣламъ (теченіе коихъ не останавливалось въ продолженіи всей экспедиціи), я прервалъ свой докладъ при видѣ докатившагося въ палатку ядра.—„Эхъ, любезный другъ", замѣтилъ графъ: „видно, что ты не былъ подъ Бородинымъ! Ни минуты не проходило тамъ безъ подобныхъ явленій".

18-го Іюля, въ 7 часовъ вечера, на дорогѣ отъ Мискита, засверкали штыки отряда Фрейтага, а 19-го мы тронулись съ лагеря нашего для соединенія съ нимъ. Переходъ этотъ совершенъ былъ при неимовѣрныхъ трудностяхъ; но на каждомъ шагу храбрые Кавказцы являли новыя доказательства, что нѣтъ ничего невозможнаго для Русскихъ солдатъ, оживленныхъ любовію къ Царю и Отечеству и довѣріемъ къ своему вождю.

20-го мы прибыли въ укрѣпленіе Герцель-аулъ съ распущенными знаменами, при звукахъ марша, получившаго и по нынѣ сохранившееся наименованіе Герцель-аульскаго. И до нынѣ не могу я равнодушно слышать этотъ маршъ: онъ оживляетъ во мнѣ воспоминанія объ экспедиціи, вкоренившей во мнѣ чувства благоговѣйнаго уваженія къ доблестямъ Русскаго солдата.

Пробывъ нѣсколько дней въ Герцель-аулѣ, мы отправились въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а оттуда въ Кисловодскъ.

Живописная эта мѣстность съ ея цѣлебными водами доставила намъ отрадное отдохновеніе отъ трудовъ и лишеній, нами понесенныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась предметомъ дѣятельной заботливости графа Воронцова.

Въ Кисловодскѣ графъ Воронцовъ удостоился получить, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, рескриптъ и письмо Государя Императора, при чемъ ему даровано княжеское достоинство, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ шефомъ столь имъ любимаго Куринскаго егерскаго полка.

Продолжая, въ качествѣ директора походной канцеляріи, сопутствовать намѣстнику Кавказскому въ экспедиціяхъ слѣдующихъ годовъ и объѣздахъ по краю, я не переставалъ получать самыя тревожныя извѣстія изъ переданнаго мнѣ княземъ Михайломъ Семеновичемъ имѣнія, доведеннаго недобросовѣстными дѣйствіями управителей до совершеннаго разстройства, такъ что, за неплатежъ казеннаго долга, ему предстояло быть продану съ публичныхъ торговъ. Я былъ вынужденъ просить отпуска и поспѣшить въ помянутое имѣніе. Вскорѣ я убѣдился, что приведеніе моихъ дѣлъ хотябы въ нѣкоторое устройство потребуетъ много времени, и чтобы не обременить моего благодѣтеля ходатайствомъ о дарованіи мнѣ безсрочнаго или болѣе продолжительнаго отпуска, каковыя ходатай-

ства, въ то время, разрѣшались съ большимъ трудомъ, я рѣшился подать просьбу объ отставкѣ и 20-го Марта 1848 г. былъ уволенъ отъ службы, съ дозволеніемъ носить мундиръ военнаго министерства.

Тяжелая для меня настала година испытаній. При господствовавшей засухѣ и неурожаѣ хлѣбовъ, мнѣ пришлось бороться съ свирѣпствовавшей холерою и принимать мѣры къ охраненію своего имѣнія отъ пожаровъ, истреблявшихъ окрестныя селенія. Къ этому присоединилось стремленіе, распространившееся въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Курской губерніи между крестьянами, къ побѣгамъ, причемъ кое-гдѣ возникали серіозные безпорядки и буйства. Подстрекаемые недоброжелательными личностями, распускавшими слухи, что правительство приглашаетъ помѣщичьихъ крестьянъ къ переселенію на Кавказъ, при чемъ будто даруются имъ, безвозмездно, земли, денежныя пособія на обзаведеніе и освобожденіе отъ всякихъ податей и повинностей, крестьяне цѣлыми толпами, съ семействами и пожитками, пускались въ обѣтованную землю. Въ подтвержденіе истины распускаемыхъ завѣреній, указываемо было на меня, якобы посланнаго отъ намѣстника Кавказскаго для приглашенія къ переселеніямъ, и мнѣ приходилось непрестанно входить въ разъясненія нелѣпости этихъ толковъ.

Приведя въ нѣкоторый порядокъ и устройство раззоренное мое имѣніе, я обратился къ князю Воронцову съ просьбою объ опредѣленіи меня вновь на службу и по его приглашенію отправился въ Тифлисъ, прибылъ туда въ Ноябрѣ 1848 года, а 25 Февраля 1849 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о причисленіи меня къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, съ откомандированіемъ, для занятій, къ намѣстнику Кавказскому. Вскорѣ потомъ, князь Михаилъ Семеновичъ поручилъ мнѣ управленіе его гражданской канцеляріи, по случаю назначенія въ сенаторы директора этой канцеляріи, С. В. Сафонова, находившагося, подобно мнѣ, съ самаго начала своего служенія при князѣ.

Будучи во главѣ учрежденія, въ которомъ сосредоточивались всѣ пружины по разнороднымъ отраслямъ обширнаго управленія Кавказомъ, Закавказьемъ и Новороссійскимъ краемъ, я снова обрѣлъ счастіе находиться въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеній съ княземъ Воронцовымъ, быть свидѣтелемъ соображеній и исполнителемъ его творческихъ предначертаній; изумляться его геніяльнымъ замысламъ и быстротѣ, съ которою онъ разрѣшалъ самые трудные вопросы; испытывать кроткую снисходительность, съ которою онъ дозволялъ своимъ подчиненнымъ излагать ему свои мнѣнія и возраженія. Въ одну изъ поѣздокъ князя Михаила Семеновича по краю, я представилъ ему письменно мои замѣчанія по одному дѣлу. Онъ мнѣ отвѣчалъ, между прочимъ: „Я долженъ тебѣ сдѣлать выговоръ за тѣ изы-„сканныя рѣчи, коими извиняешься, Богъ знаетъ для чего, въ томъ, „что излагаешь мнѣ свое мнѣніе, не совсѣмъ согласное съ моимъ. „Мнѣ кажется что въ теченіи 25 лѣтъ, что̀ мы съ тобою служимъ,

„ты могъ убѣдиться, что я всегда принимаю не только безъ неудовольствія, но съ благодарностію, мнѣнія и совѣты людей, которыхъ люблю и уважаю“.

Насталъ грозный 1853 годъ. Князь Воронцовъ, изнемогавшій подъ бременемъ недуговъ, вслѣдствіе губительной лихорадки, постигшей его въ поѣздкахъ по краю и между прочимъ въ землѣ непокорныхъ намъ Закубанскихъ племенъ и во время движенія въ землю Натухайцевъ и долину Адагумъ, терзался мыслію, что не въ состояніи будетъ принимать участіе въ готовившихся событіяхъ. Физическія его силы стали приходить въ разладъ съ нравственными, и хотя, по полученіи извѣстія о вторженіи Турокъ въ предѣлы Закавказья, князь Михаилъ Семеновичъ диктовалъ, съ одра болѣзни, распоряженія къ отраженію непріятеля, а радостныя вѣсти о блистательныхъ успѣхахъ нашихъ отдѣльныхъ начальниковъ и о славномъ Башъ-Кадыкларскомъ дѣлѣ оживили доблестнаго главнокомандующаго, но... не на долго. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе онъ сталъ сознавать свое безсиліе въ борьбѣ съ самимъ собою, и съ стѣсненнымъ сердцемъ нашелся вынужденнымъ просить объ увольненіи въ отпускъ къ минеральнымъ водамъ, за границу.

Въ исправленіе должностей намѣстника и главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ вступилъ генералъ Реадъ. Отношенія мои къ нему были самыя пріятныя.

Князь Воронцовъ не переставалъ и за границею, не смотря на болѣзненное свое состояніе, принимать живѣйшее участіе въ судьбахъ страны, имъ возрожденной. На сообщаемыя ему мною постоянно свѣдѣнія онъ отвѣчалъ мнѣ письмами, свидѣтельствовавшими о его любви къ этой странѣ. Письма эти составляютъ драгоцѣннѣйшее мое достояніе; отрывки изъ нихъ помѣщены были въ „Русск. Архивѣ“ (1870). Между прочимъ, его постоянно терзало опасеніе за участь укрѣпленій на восточной береговой линіи. Узнавъ о выводѣ и о состоявшейся благополучной посадкѣ этихъ гарнизоновъ на суда и прибытіи ихъ къ войскамъ, князь Воронцовъ писалъ мнѣ, отъ 22 Марта 1854: „Съ неописанною радостію узналъ я о „счастливомъ освобожденіи и переведеніи въ Новороссійскъ гарнизо„новъ 7-ми прибрежныхъ укрѣпленій между Геленджикомъ и Гагрою. „Ужасное истребленіе, которое имъ угрожало съ ихъ женами и дѣтьми „отъ руки Горцевъ, мучило меня, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣся„цевъ, и мы теперь освобождены отъ тяжкаго бремени грустныхъ „помышленій“.

Безуспѣшность леченія за границею привела князя Воронцова къ окончательному сознанію въ невозможности продолжать свое служеніе и, вслѣдствіе его просьбы, состоялось 19 Октября 1854 г. Высочайшее повелѣніе о его увольненіи.

Преемникомъ князя Воронцова назначенъ былъ 20 Ноября 1854 года генералъ Муравьевъ. Вспоминая происшедшія, нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, непріязненныя столкновенія по службѣ между симъ послѣднимъ и княземъ Воронцовымъ, я полагалъ, что въ сердцѣ

Н. Н. Муравьева не могло сохраниться благорасположенія къ лицамъ, бывшимъ въ то время ближайшими исполнителями распоряженій князя Михаила Семеновича, и предвидѣлъ необходимость передать свою должность директора канцеляріи намѣстника тому, кто для того будетъ избранъ новымъ начальникомъ. Но ласковое и вполнѣ благосклонное обхожденіе Николая Николаевича и служебныя отношенія, между нами установившіяся, вскорѣ убѣдили меня въ ошибочности моего предположенія. Очеркъ этихъ отношеній и вспоминанія о служеніи моемъ при Муравьевѣ, помѣщены въ „Русской Старины 1874 года".

Съ 1856 г. совершился переворотъ въ направленіи моей служебной дѣятельности. Я долженъ былъ оторваться отъ плѣнительнаго Кавказа; разстаться съ страною, которую я возлюбилъ всѣмъ сердцемъ; покинуть поприще, на коемъ протекло столько для меня отрадныхъ лѣтъ. По представленію ген. Муравьева, воспослѣдовало 24 Января Высочайшее повелѣніе присутствовать мнѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ. Я былъ назначенъ въ 7-й Департаментъ онаго, въ которомъ, къ великой моей радости, пришлось мнѣ засѣдать съ первымъ моимъ наставникомъ въ обязанностяхъ службы, достойнѣйшимъ и повсюду глубоко-уважаемымъ А. И. Казначеевымъ.

И такъ, постранствовавъ по разнымъ странамъ, испытавъ и перечувствовавъ многое, я снова поселился въ родной моей Москвѣ. Между тѣмъ князь Воронцовъ воспользовался нѣкоторымъ возстановленіемъ своихъ силъ, чтобы въ Августѣ 1855 года представиться Государю въ С.-Петербургѣ и принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ; лѣтомъ 1856 года онъ прибылъ въ Москву для присутствованія при коронованіи Государя Императора; но вскорѣ силы его снова ему измѣнили: изнурительная лихорадка снова приковала его къ одру болѣзни, 26 Августа 1856 г., онъ былъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ. Посѣщая его ежедневно, я былъ свидѣтелемъ, съ какимъ трогательнымъ умиленіемъ, со слезами на глазахъ, онъ перечитывалъ рескриптъ Государя Императора, въ коемъ исчислялись его заслуги Престолу и Отечеству; съ какою грустію выражалъ опасеніе, что не въ состояніи будетъ заслужить милости Царя; не можетъ явить ему доказательства своей признательности. Увы! вскорѣ сбылось это предвидѣніе. Въ Одессѣ 6 Ноября 1856 года угасла жизнь геніяльнаго дѣятеля.

Въ концѣ того же года, я получилъ приглашеніе бывшаго министра юстиціи, графа В. Н. Панина, перейти въ С.-Петербургъ, и былъ назначенъ къ присутствованію въ Межевомъ Департаментѣ Сената.

Въ 1858 г. на меня, по Высочайшему повелѣнію, было возложено обревизованіе Витебской губерніи, въ которой, между прочимъ, установились непріязненныя отношенія и пререканія между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства, и обнаружилось, сверхъ того, стремленіе помѣщичьихъ крестьянъ къ отпаденію отъ православія и переходу въ католичество. Подстрекае-

мые помѣщиками и ксендзами, внушавшими имъ, что вѣра Римско-Католическая—панская, а Греко-Россійская—холопская, крестьяне помѣщика Корсака, въ Дризенскомъ уѣздѣ, упорно, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отказывались отъ выполненія требъ по обрядамъ православія; всѣ дѣлаемыя имъ увѣщанія оставались тщетными, каковое упорство крестьянъ стало принимать размѣры, угрожавшіе не только распространеніемъ обнаружившейся тенденціи, но и самыми пагубными послѣдствіями и безпорядками.

Приступивъ, по прибытіи въ Витебскъ, къ выполненію возложеннаго на меня порученія, я вмѣстѣ съ тѣмъ избралъ день рожденія Государыни Императрицы Александры Θеодоровны 1-го Іюля, чтобы открыть, послѣ литургіи и молебствія въ соборѣ, комитетъ для составленія положенія объ улучшеніи быта крестьянъ, выразивъ собравшимся предводителямъ дворянства и депутатамъ увѣренность, что при дружномъ ихъ стремленіи совершится великое дѣло, которое должно составить одну изъ блистательнѣйшихъ эпохъ въ лѣтописи нашего Отечества. Послѣ открытія комитета данъ былъ торжественный обѣдъ у преосвященнаго епископа Витебскаго и Полоцкаго Василія.

Сдѣлавъ всѣ надлежавшія приготовительныя распоряженія, я отправился въ Дзерновицъ, имѣніе Корсака. Сознаюсь, что, по всѣмъ до меня доходившимъ слухамъ и въ виду предшествовавшихъ неудавшихся попытокъ образумить крестьянъ, я мало имѣлъ надежды на успѣхъ мною предпринятаго дѣла; но Богу угодно было благословить мои усилія. Ему единому и обязанъ я торжествомъ надъ упорствомъ взволнованныхъ фанатическими подстрекателями, умовъ. Перечень принятыхъ мною по случаю этого прискорбнаго событія мѣръ помѣщенъ въ „Русск. Архивѣ (1872)“ но я не могу не повторить здѣсь, что продолжавшіеся, въ теченіи цѣлаго дня, переговоры мои съ крестьянами мнѣ доказали, что ихъ уклоненіе отъ обрядовъ и вѣрованій предковъ было не плодомъ убѣжденія ихъ въ превосходствѣ Западной церкви надъ Восточною, но послѣдствіемъ раболѣпства и помѣщичьяго гнета, фанатическихъ внушеній Доминиканцевъ, пользовавшихся безпрекословнымъ вліяніемъ на пановъ и въ особенности на женщинъ, въ западныхъ губерніяхъ. Проѣзжая, по обозрѣніи нѣкоторыхъ уѣздовъ Витебской губерніи, въ Полоцкъ, я встрѣтилъ на одной станціи толпу возвращенныхъ въ лоно православія крестьянъ, которые съ рыданіями просили моего ходатайства у Государя Императора о забвеніи ихъ заблужденій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовали, чтобы я имъ выдалъ собственноручное, съ приложеніемъ моей печати, свидѣтельство въ томъ, что я буду ихъ защитникомъ отъ преслѣдованій и кары пановъ, каковое ихъ требованіе было мною тутъ же исполнено.

Въ 1859 году я былъ перемѣщенъ, для присутствованія, изъ Межеваго Департамента Сената въ четвертый, а вскорѣ послѣ въ первый.

Проявлявшіяся въ нѣкоторыхъ органахъ отечественной печати уклоненія и тенденціи къ рѣзкому охужденію всего у насъ существующаго, къ выходкамъ противъ современныхъ правительствен-

ныхъ распоряженій, указали на необходимость сосредоточить мѣры наблюденія. Были учреждены особые цензурные комитеты въ С. Петербургѣ и Москвѣ. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій предложилъ мнѣ принять на себя предсѣдательство въ послѣднемъ. Устрашила меня трудность предлагаемой задачи. Мною овладѣло опасеніе, что я не съумѣю опредѣлить искомую демаркаціонную черту между охраною научныхъ изысканій, творческихъ произведеній беллетристики, статей съ благонамѣренными сужденіями, и огражденіемъ общества отъ разъѣдающихъ его тлетворныхъ лжеученій, подкапывающихъ религіозные и нравственные основы порядка и благоустройства. Сильное во мнѣ вселилось недовѣріе къ самому себѣ и къ способностямъ моимъ. Я обратился за совѣтомъ къ бывшему министру юстиціи, графу Панину. Соглашаясь со мною, что путь, на который мнѣ предлагали вступить, многотруденъ и въ высшей степени скользокъ, графъ Викторъ Никитичъ заключилъ свою бесѣду со мною тѣмъ же заявленіемъ, которое постоянно служило руководящею аксіомою покойному князю Воронцову: „Если на то есть воля Царя, то немыслимо не „преклониться предъ этою священною волею; отказаться отъ выпол„ненія ея было бы недостойно Русскаго человѣка".

Въ Январѣ 1860 года состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня членомъ Главнаго Управленія цензуры и предсѣдателемъ Московскаго цензурнаго комитета, съ оставленіемъ въ должности сенатора, при чемъ мнѣ назначено присутствовать во второмъ отдѣленіи шестаго Департамента. Я отправился въ Москву.

Вооружась терпѣніемъ, хладнокровіемъ и твердою рѣшимостію ни на шагъ не отступать отъ пути, по коему мнѣ надлежало слѣдовать, я принялся за дѣло на меня возложенное: не стѣснять публицистики, предоставляя ей возможное развитіе, не допускать печатнаго слова за предѣлы, гдѣ оно могло бы сдѣлаться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ; обращать его къ уваженію святости и неприкосновенности тѣхъ основныхъ началъ, которыя цензура обязана охранять, къ соблюденію той трезвости и сдержанности, которыя необходимы при обсужденіи важныхъ государственныхъ вопросовъ и при обличеніи существующихъ злоупотребленій.

Какъ я и ожидалъ, мнѣ пришлось бороться съ трудностями всякаго рода, испытать много неудачъ и разочарованій, нажить себѣ враговъ и порицателей.

При всѣхъ, однако, скорбныхъ ощущеніяхъ, которыя мнѣ суждено было испытать на новомъ моемъ поприщѣ, истинную отраду мнѣ доставляло пріобрѣтаемое мною убѣжденіе, что нѣкоторыя руководящія изданія направляли свою дѣятельность къ отрезвленію заблудшихъ умовъ, къ отрицанію солидарности нашей серьозной, зрѣлой литературы съ тою разъѣдающею подпольною публицистикою, которая сбила съ толку наше учащееся юношество и породила многія грустныя современныя явленія, къ обличенію Польскихъ патріотовъ съ ихъ несбыточными притязаніями.

Сверхъ обязанностей моихъ по Сенату и по цензурному комитету, я былъ, вслѣдствіе предложенія предсѣдателя Московскаго Опекунскаго Совѣта, князя Н. И. Трубецкаго, назначенъ почетнымъ опекуномъ, и мнѣ поручено было управленіе Павловскою больницею.

Въ то время какъ я посвящалъ себя усердному выполненію возложенныхъ на меня обязанностей, мною получено было отъ графа Виктора Никитича Панина письмо, возродившее во мнѣ самыя радостныя мечты. Графъ Панинъ писалъ мнѣ отъ 20-го Сентября 1860 г., что, по случаю неудовлетворительнаго состоянія его зрѣнія и чтобы не замедлить въ работѣ по крестьянскому вопросу, онъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія, въ случаѣ болѣзни, пригласить меня, именемъ Его Величества, въ Петербургъ. Онъ прислалъ ко мнѣ журналы общаго присутствія редакціонныхъ коммиссій и всё что́ было по этому дѣлу издано, прося меня изучать главныя основанія крестьянскаго дѣла. Съ какимъ восторгомъ я принялся за это изученіе! Какая необъятная радость мною овладѣла при мысли, что и мнѣ предстоитъ участвовать въ совершеніи дѣла, долженствующаго внести самыя свѣтлыя, славныя страницы въ лѣтопись нашего Отечества. Но не суждено было моимъ мечтамъ осуществиться.

Продолжая наблюдать за произведеніями отечественной печати, слѣдя за литературою, этимъ проявленіемъ народной жизни, которое, какъ сама жизнь, не оставаясь неподвижнымъ, постоянно измѣняетъ свое содержаніе, направленіе, и характеръ; признавая за цензурою обязанность сообразоваться съ этимъ движеніемъ литературы и, оставаясь неизмѣнно-вѣрною своимъ основнымъ началамъ, видоизмѣнять свои требованія, я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе убѣждался въ несостоятельности, во многихъ отношеніяхъ, существовавшей у насъ цензурной системы, въ невозможности установить твердыя незыблимыя начала, на коихъ основывалась бы оцѣнка статей, предназначаемыхъ къ печати; подвести подъ одинъ общій уровень воззрѣнія цензоровъ на допускаемость сужденій, нерѣдко выражаемыхъ языкомъ полунамековъ, болѣе или менѣе замаскированныхъ, и вообще въ трудности примѣненія цензурныхъ постановленій къ предмету, столь неуловимому и измѣнчивому, какъ человѣческая мысль. Двойственность взглядовъ на статьи, представляемыя къ напечатанію, обнаруживалась появленіемъ въ печати статей, запрещенныхъ однимъ комитетомъ и дозволенныхъ другимъ. Естественно, что это должно было порождать въ издателяхъ озлобленіе противъ цензурнаго вѣдомства, обвиненіе его въ произволѣ, насиліи, сомнѣніе въ законности распоряженій. Постепенно прояснялась необходимость въ измѣненіи системы цензурнаго надзора за книгопечатаніемъ и въ примѣненія къ оному карательнаго законодательства, которое, возлагая на автора отвѣтственность предъ закономъ, послужило бы болѣе твердой гарантіей противъ преступленій, совершаемыхъ печатнымъ словомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, освобождая благонамѣренные органы литературы отъ цензурной опеки, возвысило бы въ нихъ чувство самоуваженія.

Приступлено было въ С. Петербургѣ къ составленію проэкта устава книгопечатанія, на основаніи вышесказанныхъ соображеній. По внесенію этого устава на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, я имѣлъ честь быть призваннымъ для участія въ обсужденіи проэктированныхъ правилъ. Уставъ удостоился Высочайшаго утвержденія 6 Апрѣля 1865 года; на меня возложено было званіе начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати, съ оставленіемъ сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ, при чемъ я перемѣщенъ въ второе отдѣленіе третьяго Департамента Сената.

1-го Сентября 1865 года вновь сооруженный корабль былъ спущенъ на воду и, на всѣхъ парусахъ, понесся по волнующемуся морю публицистики. Поставленный у кормила этого корабля, я вскорѣ сталъ сознавать трудность его плаванія между подводными камнями, сталъ сознавать, что семи-лѣтняя моя дѣятельность истощила мои физическія и нравственныя силы, и хотя въ теченіи $1\frac{1}{2}$ года управленія дѣлами печати, многія недоразумѣнія, недомолвки въ самомъ законѣ 6-го Апрѣля разъяснились, горизонтъ дѣятельности Главнаго Управленія сталъ значительно очищаться и осязательно обрисовываться, практикою дознанные пробѣлы въ законѣ стали пополняться и шероховатости на пути встрѣчаемыя изглаживаться; но я сталъ убѣждаться въ безуспѣшности усилій къ достойному выполненію на меня возложенныхъ обязанностей и нашелся вынужденныхъ просить увольненія отъ должности, каковое и послѣдовало 2-го Декабря 1866 года.

1-го Января 1867 года я былъ перемѣщенъ къ присутствованію во второй Департаментъ Сената, въ коемъ, къ великой моей радости, первоприсутствующимъ былъ опредѣлявшій меня на службу, глубоко уважаемый А. И. Левшинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по случаю болѣзни почетнаго опекуна Муханова, мнѣ было поручено, до его возвращенія изъ за границы, завѣдываніе Николаевскимъ Сиротскимъ Институтомъ. Познакомившись съ этимъ заведеніемъ, я съ чувствами истинно отрадными имѣлъ возможность усмотрѣть единодушное стремленіе къ достиженію двоякой цѣли его существованія: призрѣнію сиротъ, доставленію имъ образованія и тѣхъ средствъ къ обезпеченію будущности и дарованію Россіи наставницъ, взрощенныхъ въ правилахъ религіи и нравственности въ замѣнъ полуграмотныхъ пришелицъ изъ за границы, коимъ, въ старые года, бывало ввѣряемо воспитаніе женъ и матерей грядущихъ поколѣній.

Съ 1-го Января 1868 г. я состою первоприсутствующимъ въ Межевомъ Департаментѣ Сената. Съ того же времени, мнѣ поручено завѣдываніе С. Петербургскимъ Училищемъ Глухо-нѣмыхъ.

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ЯРОСЛАВСКОЙ СТАРИНѢ.

I.

Подкидышъ.

1.

Ночь съ 6-го на 7-е Декабря 1765 года была страшно холодная. Дулъ сильный вѣтеръ. Вьюга застилала дорогу отъ села Шельшедома къ селу Михальцеву [1]). Въ эту ночь только особенная, крайняя нужда могла вызвать человѣка изъ теплой избы.

У воротъ дома священника Михайла Петрова, въ селѣ Михальцевѣ, остановилась лошадь; изъ саней выскочилъ молодой человѣкъ и торопливо, оглядываясь на всѣ стороны, положилъ на крыльцо что-то завернутое въ тряпки. Черезъ минуту незнакомецъ ѣхалъ уже обратно въ село Шельшедомъ.

Утромъ, возвращаясь домой изъ церкви отъ ранней обѣдни, попъ Михаилъ замѣтилъ находку. Это была дѣвочка, по видимому только-что родившаяся. Бѣдный ребенокъ, покрытый хлопьями снѣга, замерзъ, и всѣ усилія священника возвратить подкидыша къ жизни были напрасны; при немъ оказалась записка, извѣщавшая, что дѣвочка „Лукія еще не крещена".

Попъ собралъ народъ. Крестьяне долго судили и рядили, кто подкинулъ младенца и чей онъ? Никто не могъ дать вполнѣ вѣрнаго отвѣта на эти вопросы, хотя многіе догадывались о виновникахъ его жизни и смерти. Рѣшено было, до поры-до времени, молчать и предать это дѣло на судъ Божій. Оно раскрылось во всѣхъ подробностяхъ спустя два года, вслѣдствіе доноса, поданнаго въ Ростовскую Духовную Консисторію Шельшедомскимъ попомъ Степаномъ и дьякономъ того-же прихода Иваномъ Ѳедоровымъ. Они, вмѣстѣ съ своими прихожанами: бригадиромъ Побѣдинскимъ, каптенармусомъ Ѳедоромъ и полковникомъ Саввой Малыгиными, 27 Апрѣля 1767 года, заявили Консисторіи слѣдующее:

„Имѣющійся при Шельшедомской церкви вдовый попъ Дмитрій держитъ „у себя въ домѣ своемъ солдатку Авдотью Григорьеву, которая, у него „живучи, и дѣтей родитъ; а отвозитъ ихъ сынъ его, дьячекъ Ѳедоръ „Дмитріевъ: ибо онъ прошлаго 765 года, Декабря 6-го числа, рожденна„го оною солдаткою младенца подкинулъ въ село Михальцово къ попу „Михаилу Петрову, ночью на крыльцо. И оный младенецъ на крыльцѣ „явился мертвый съ письмомъ: „молитвенъ; дѣвочка Лукія, а не крещена." „А при рожденіи его тою солдаткою у него, попа Дмитрія, былъ братъ „его, Норской волости, села Иванькова [2]), попъ Матвѣй Ѳедоровъ; при „томъ же рожденіи бабушкою была означеннаго Шельшедомскаго прихо„ду деревни Ермакова крестьянская женка Ирина Васильева, которая „именно, что ребенка откинули въ село Михальцово къ попу Михаилѣ, „знаетъ".

---

[1]) Села Шельшедомъ и Михальцово (иначе Казанское) находятся верстахъ въ 10—15 отъ уѣзднаго города Романово-Борисоглѣбска.

[2]) Въ 8-ми верстахъ отъ Ярославля, на Волгѣ противъ Толгскаго монастыря.

Возликовала Духовная Консисторія. Дѣло уголовное, запутанное, темное; въ темной же водѣ старые приказные умѣли ловить рыбу такъ хорошо, какъ и во снѣ не снилось чиновнымъ особамъ болѣе близкаго къ намъ времени, не допускавшаго пытокъ,—времени, которое, въ свою очередь, уступило мѣсто новой жизни, вызванной реформами настоящаго царствованія...

Всѣхъ потянули къ допросамъ—и женщинъ и духовныхъ отцовъ.

Изъ числа доносчиковъ, Шельшедомскіе священникъ и дьяконъ прямо, безъ запинки, высказали сильное подозрѣніе на вдоваго попа Дмитрія. „Оный попъ, державъ ту солдатку, б...ски съ нею жилъ, отчего она и дѣ„тей имѣла, и младенца Лукію сынъ того попа, дьячекъ Ѳёдоръ, по при„казу отца своего, отвезъ въ село Михальцово....“ Но священникъ, противъ котораго направлено было это обвиненіе, заперся во всемъ.

— „Я не виноватъ, отвѣчалъ попъ Дмитрій: я рѣшительно ни въ чемъ не виноватъ. Меня оклеветали. Точно, жила у меня въ работницахъ, для домашнихъ услугъ, солдатка Авдотья Григорьева, только мы другъ для друга были люди посторонніе, чужіе и никогда коротко и для грѣхопаденія не сближались. Истинно говорю...“

— „А рождала-ли она дѣтей, живши у тебя?“ спросили консисторскіе члены, игуменъ Исихій и протоіерей Стефанъ.

— „Нѣтъ, все это сущая ложь. И братъ мой, Иваньковской попъ Матвѣй, къ сему дѣлу не причастенъ, и никакого младенца у меня не молитвилъ, да и сынъ мой Ѳедоръ съ подкидышемъ не ѣздилъ. Еще утверждаю, что мы съ братомъ Матвѣемъ состоимъ во враждѣ, почему онъ и не бывалъ давно въ моемъ домѣ“.

Священникъ Матвѣй, спрошенный тѣми-же консисторскими судьями, въ подтвержденіе словъ своего брата, отвѣчалъ:

— „Въ прошломъ 1765 году, въ праздникъ Николая Чудотворца, въ селѣ Шельшедомѣ, у попа Дмитрія я, точно, не бывалъ, и жила-ли у него работница, солдатка Авдотья Григорьева, и младенца въ показанное число или въ другое время родила-ли, и кто его молитвилъ, и какое имя младенцу нарекалъ, и куда тотъ младенецъ дѣвался, и кто при той родильницѣ бабушкой была, ничего не знаю. А былъ я тогда въ селѣ Иваньковѣ и служилъ литургію, а потомъ вечерню. На утро того же дня всё въ домѣ своемъ былъ, никуда не отъѣзжалъ, что̀ и показываю по сущей справедливости и подъ опасеніемъ жестокаго штрафа за ложь“.

За тѣмъ, когда священника Матвѣя свели на очныя ставки съ женщинами, прикосновенными къ этому дѣлу, онъ всё-таки утверждалъ, что ничего знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ.

Крестьянка Ирина Васильева, опровергая это показаніе, разсказала настоящую исторію такимъ образомъ:

— „Была я въ Николинъ день за обѣднею; послѣ обѣдни встрѣтилась со мной на паперти тётка нашего попа Дмитрія Олёна Петрова и взяла меня къ себѣ въ домъ, говоря, что у нихъ, дескать, корова ногу изломала, и нужно её поправить; а пришедши въ домъ, объявила мнѣ, что работница Авдотья весьма тяжела и пришло ей время родить. При мнѣ ночью она и родила дѣвочку живую, которую я, вмѣсто бабушки, принимала; а съ кѣмъ былъ прижитъ этотъ ребенокъ, Авдотья не говорила; да о томъ я и не спрашивала её, ради стыда. Случившійся въ поповскомъ домѣ гость, священникъ Матвѣй, молитвилъ дѣвочку и нарекъ ей имя—Лукія; а потомъ тотъ же попъ съ братомъ своимъ Дмитріемъ, который

былъ тогда боленъ, и съ сыномъ его, дьячкомъ Ѳедоромъ, влѣзли на печь, и всѣ пили, ночью, пиво. Напившись изрядно, попъ Матвѣй сталъ писать, а что такое онъ писалъ, того не знаю. И потомъ впрягли лошадь въ сани и, завернувши младенца въ шубу, уѣхали вдвоемъ, то-есть Матвѣй и Ѳедоръ, а куда неизвѣстно. Часа черезъ два они возвратились уже безъ младенца, и что̀ они съ нимъ сдѣлали, о томъ я не допытывалась".

Тетка священника Дмитрія подтвердила отчасти это показаніе, объяснивъ, что она заманила къ себѣ въ домъ Ирину Васильеву, обманувъ её болѣзнью коровы, тогда какъ хворала не корова, а работница Авдотья, мучившаяся родами.

— „Меня во время этихъ родовъ не было, прибавила Елена Петрова: я ушла ночевать къ знакомой старушкѣ Устиньѣ Карповой и возвратилась домой утромъ не рано, когда уже всё было кончено; Авдотья бродила кое-какъ по избѣ, и при ней ребенка не оказалось, да и повитухи я не застала".

— „А видѣла-ли ты попа Матвѣя?" спросили судьи.

— „Нѣтъ, не видала".

— „Кто-же и куда подкинулъ ребенка?"

— „Виновата: по простотѣ своей, объ этомъ я никого не спрашивала. Дѣло мое бѣдное, вдовье; живу я, на старости лѣтъ, у племянника, попа Дмитрія, изъ милости... Какіе ужъ тутъ допросы! Ничего больше не вѣдаю..."

Все слѣдствіе поступило къ епископу Аѳанасію [3]), который, усмотрѣвъ неполноту его, именно то, что въ дѣлѣ нѣтъ показаній солдатки Авдотьи Григорьевой, „главной виновницы грѣхопаденія", распорядился словить её и допросить „ко изысканію истины". Приведенная въ Ростовскую Консисторію Авдотья на всё отвѣчала отрицательно. Если бы дать вѣру ея словамъ, въ такомъ случаѣ она оказалась бы самой цѣломудренной женщиной не только въ Ярославской провинціи [4]) но и въ цѣломъ мірѣ: „Жила-дескать я у попа Дмитрія два лѣта скромно и тихо, на мужчинъ боялась взглянуть, о рожденномъ же якобы мною младенцѣ и понятія не имѣю. Взводятъ на меня злые люди сущую небылицу, за что̀ покараетъ ихъ Богъ".

Слѣдуя примѣру Авдотьи, обѣ свидѣтельницы также во всемъ заперлись; однако ихъ легко было уличить во лжи на очныхъ ставкахъ. Сбившись въ показаніяхъ, мать подкидыша, Авдотья Григорьева, перестала разыгрывать роль угнетенной невинности. Она созналась, что „назадъ тому года три или четыре, сынъ попа Дмитрія, дьячекъ Ѳедоръ, бывъ холостымъ, изнасиловалъ её, учинивъ съ нею блудное дѣло; да и послѣ того неоднократно съ нею чинилъ тоже, и оттого она очреватѣла". О рожденіи дѣвочки Лукіи и о томъ ка̀къ былъ подкинутъ этотъ ребенокъ, Авдотья показала согласно съ отвѣтами повивальной бабки Ирины Васильевой, которая теперь не запиралась; священникъ же Матвѣй продолжалъ, какъ и сначала, упорно отрицать участіе свое въ этомъ дѣлѣ. Что̀ касается брата его, попа Дмитрія, то и онъ обвинилъ своего сына Ѳедора въ короткой связи съ работницей, слѣдствіемъ чего было рожденіе

---

[3]) Преемникъ знаменитаго Арсенія Мацѣевича, Аѳанасій Вольховскій управлялъ Ростовско-ярославскою епархіею съ 1763 по 1766 годъ.

[4]) Въ составъ ея входили четыре города съ уѣздами: Ярославль, Романовъ, Нерехта и Пошехонье.

дѣвочки Лукіи, подкинутой-дескать тѣмъ же Θедоромъ. Нужно замѣтить, что Θедоръ во время слѣдствія надъ его отцомъ умеръ, а покойники—народъ безотвѣтный! О Θедорѣ всѣ окольные люди показали, что онъ былъ человѣкъ отличной нравственности; одинъ только родитель его говорилъ противное, зная, что обвиняемый дьячекъ, спавшій вѣчнымъ сномъ на Шельшедомскомъ погостѣ, не возвысить голоса въ свою защиту.

II.

Рѣшеніе Духовной Консисторіи или, правильнѣе сказать, рѣшеніе Ростовскаго епископа Аѳанасія, заключалось въ слѣдующемъ:

„Въ резолюціи блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя „Императора Петра Великаго, состоявшейся на предлагаемыхъ отъ Свя„тѣйшаго Правительствующаго Синода Апрѣля 12-го дня 1722 года, „пунктахъ дѣламъ о любодѣйствѣ, о блудномъ насиліи и о дѣтяхъ, при„житыхъ блудодѣйствомъ, велѣно быть въ свѣтскомъ судѣ. Да по при„сланному, въ 1767 году, Іюня 20-го дня, изъ Святѣйшаго Правитель„ствующаго Синода къ его преосвященству указу, священникамъ и іеро„монахамъ какъ пристрастныхъ распросовъ [5]), такъ и никакихъ тѣлес„ныхъ наказаній чрезъ побои въ духовныхъ командахъ чинить не пове„лѣно. Того ради, по Ея Императорскаго Величества указу, его архипа„стырство, слушавъ показанное дѣло, опредѣлилъ: хотя-бы, по запира„тельству помянутаго Иваньковскаго попа въ дачѣ имъ солдаткѣ, по рож„деніи младенца, молитвы и въ письмѣ, писанномъ имъ, попомъ, и въ „отвозѣ рожденнаго означенною солдаткою младенца, а Шельшедомскаго „попа (отзывающагося, что̀ при рожденіи оной солдатки происходило, без„памятствомъ) и слѣдовало-бы утвердить распросомъ подъ наказаніемъ „плетьми; но онаго учинить имъ, за силою помянутаго 767 года указу, „невозможно. Да и показывающихъ на нихъ, поповъ, солдатокъ: Евдокію „Григорьеву, родившую младенца, и Елену Петрову, ходившую по ба„бушку, надлежало-бы утвердить пристрастными распросами, по показы„ваемымъ ими въ дѣлѣ перемѣннымъ рѣчамъ; но поелику онѣ солдатки, „а бывшая при рожденіи бабушка-крестьянка, несостоящія въ духовной „командѣ люди: то, ко изысканію истины и ко утвержденію ихъ распро„сами, отослать означенныхъ женокъ въ Ярославскую Провинціальную „Канцелярію, при указѣ“.

Поповъ тогда-же отправили въ Ярославское Духовное Правленіе, обязавъ ихъ находиться тамъ безотлучно, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ надобности, они могли немедленно явиться въ Провинціальную Канцелярію для новыхъ очныхъ ставокъ съ означенными женщинами. За тѣмъ епархіальное, начальство возложило на „закащика“ (благочиннаго) іерея Тимоѳея обязанность депутата съ духовной стороны по этому дѣлу, съ тою цѣлью, что если будутъ употреблены пытки, то онъ не дозволялъ бы ихъ чинить надъ священниками. Въ заключеніе епископъ Аѳанасій предоставлялъ единственно самому себѣ наказать поповъ, когда ихъ вполнѣ обличитъ свѣтскій судъ, т. е. Провинціальная Канцелярія.

Ярославская юстиція состояла тогда изъ трехъ лицъ; это были: воевода Аѳанасій Августовъ, воеводскій товарищъ Иванъ Толбугинъ и секретарь Осипъ Внуковъ. Они рѣшили, что дѣло о подкидышѣ требуетъ разныхъ справокъ: 1) былъ-ли живъ дьячекъ Θедоръ въ то время, когда поступилъ доносъ на его отца? 2) Кто свидѣтельствовалъ подкидыша? 3)

---

[5]) На языкѣ криминалистовъ „пристрастный распросъ“ означалъ пытку.

чьей рукой написано оказавшееся при немъ письмо? 4) Не имѣютъ-ли доносчики, кромѣ высказанныхъ ими обвиненій, другихъ уликъ? Отвѣты на первые три вопроса требовались отъ Ярославскаго Духовнаго Правленія; послѣдній же вопросъ должны были разрѣшить доносчики, Малыгины, Побѣдинскій и Шельшедомское духовенство.

Между тѣмъ, не желая терять времени въ ожиданіи дополнительныхъ свѣдѣній, Провинціальная Канцелярія 1-го Декабря 1768 года опредѣлила: „допросить тѣхъ женокъ съ увѣщаніемъ, а въ необходимомъ случаѣ и съ „пристрастнымъ распросомъ, и что̀ онѣ покажутъ записавъ и выписавъ, „доложить“ [6]).

Пытки были произведены въ тотъ же день... Пытки Екатерининскаго времени были, сравнительно съ прежними, конечно легки: заплечный мастеръ (палачъ) работалъ однѣми плетьми, не употребляя другихъ орудій казни, которыя щедро изобрѣтала западная Европа, руководимая отцами-инквизиторами; однако и плеть, полосовавшая спины мужчинъ и женщинъ подлаго происхожденія, чего нибудь да сто́итъ! Обращаясь къ Ярославскимъ криминалистамъ, мы видимъ изъ уголовныхъ дѣлъ прошедшаго столѣтія, что до изданія знаменитато „Наказа“ императрицы Екатерины II, ни одно дѣло не рѣшалось у насъ безъ пытокъ. Число ударовъ зависѣло отъ благодушія господина воеводы. Сколько плетей досталось героинямъ нашего разсказа, мы не знаемъ; въ журналѣ Воеводской Канцеляріи сказано очень темно: такія-то „жонки были спрашиваемы подъ битіемъ плетьми, а съ тѣхъ увѣщаніевъ и пристрастныхъ распросовъ показываютъ...“ Далѣе записаны слова̀, вырванныя палачемъ изъ устъ Авдотьи Григорьевой и Елены Петровой, которой было уже 60 лѣтъ, (старость не спасла ея отъ рукъ палача).

III.

Выписываемъ съ буквальной точностью отвѣты несчастныхъ женщинъ:

„Первая, жонка солдатка Авдотья Григорьева; отъ роду ей 40 лѣтъ; „въ прошломъ 765 году она Авдотья въ домѣ Шельшедомскаго вдоваго „попа Дмитрія Өедорова въ работницахъ жила, токмо съ нимъ никакого „никогда прелюбодѣйства не чинивала и младенцевъ не раживала; а толь„ко-де въ то житіе ея въ домѣ изнасиловалъ её сынъ онаго попа Дми„трія, дьячекъ Өедоръ Дмитріевъ, кой тогда былъ холостъ, отчего она и „очреватѣла. Въ Декабрѣ 6-го дня, въ праздникъ Николая Чудотворца, то„го 765 года, родила (она) въ томъ домѣ дѣвочку живую, и при томъ ро„жденіи она Авдотья послала находящуюся въ томъ домѣ онаго попа „Дмитрія тетку, солдатку-же Алену Петрову, чтобъ она привела къ ней „бабушку Ирину Васильеву, по кою она и ходила, и привела. Токмо при „томъ рожденіи хозяинъ дому, вышеписанный вдовый попъ Дмитрій, на„ходился тогда въ великой болѣзни и никакого движенія не имѣлъ. А „братъ его, Иваньковскій попъ Матвѣй, въ тоже время въ гостяхъ у не„го, былъ-ли, того, за тогдашними ея родами, не видѣла, и онъ-ли того „младенца молитвилъ и имя нарекъ Лукіею, не знаетъ. А только сказы„вала ей бабушка, что оный Иваньковскій попъ Матвѣй былъ и молитву „далъ и, по обмолиткованіи, сынъ вышеписаннаго попа Дмитрія, дьячекъ „Өедоръ, взявъ онаго младенца и обернувъ въ шубу, незнамо куда изъ „дому отвезъ, и куда подкинулъ, и какимъ случаемъ явился (младенецъ)

---

[6]) Весьма обыкновенный приказный терминъ.

„мертвъ, не знаетъ; а сама она, Авдотья, тому младенцу никакого къ „смертному убійству поврежденія не чинивала. А въ Ростовской Духов„ной Консисторіи сперва въ прелюбодѣйствѣ запиралась, что ни съ кѣмъ „того не чинивала, убоясь за то себѣ побой, и потомъ уже точно изъяс„нилась, что то прелюбодѣйство учинила съ вышеписаннымъ поповымъ „сыномъ дьячкомъ Θедоромъ Дмитріевымъ, кой умре, и съ нимъ прижив„ши, родила показанную дѣвочку живую. И въ семъ распросѣ показала „самую сущую правду, подъ страхомъ за ложь жестокаго, по указу, „штрафа“.

Солдатка Елена Петрова, выдержавъ пытку, созналась, что она ходила за повивальной бабкой, но попа Матвѣя, своего племянника, ни въ чемъ не оговорила: его-дескать не было; а другой племянникъ, Шельшедомскій попъ Дмитрій, въ то время лежалъ въ постели недвижимъ.

— „Въ Ростовской Консисторіи ты говорила иныя рѣчи“, замѣтилъ воевода Аθанасій Августовъ.

— „Точно, говорила: проста я больно, отъ глупости запиралась, воевода милостивый, а теперь показала сущую правду“.

Обѣихъ женщинъ опять заключили въ острогъ. При пыткахъ находился и попъ Дмитрій, отъ котораго, на этотъ разъ, никакихъ показаній не отбирали.

Вскорѣ полученъ былъ отвѣтъ гг. Малыгиныхъ и Побѣдинскаго [7]). Въ общихъ выраженіяхъ, неподкрѣпленныхъ фактами, они свидѣтельствовали, что означенный священникъ—человѣкъ плохой нравственности, и что они донесли на него епископу, руководствуясь народной молвой, обвинявшей попа Дмитрія въ разныхъ поступкахъ, вовсе неприличныхъ его сану; сами же такихъ поступковъ не видали.

Это голословное обвиненіе, конечно, значило очень мало. Къ счастію для попа Дмитрія, другіе его противники высказались гораздо точнѣе и опредѣлительнѣе. Шельшедомскій священникъ Степанъ и дьяконъ Иванъ обличали его жестоко, не стѣсняясь въ выраженіяхъ... Читатель долженъ постоянно имѣть въ виду, что описываемыя здѣсь событія происходили болѣе, чѣмъ сто лѣтъ назадъ, и что съ того времени бытъ Русскаго сельскаго духовенства достигъ значительнаго совершенства, какъ со стороны матеріальной, такъ и въ особенности со стороны нравственной. Исключенія могутъ быть и теперь: всѣ мы люди, и ничто человѣческое намъ нечуждо, въ томъ числѣ и „грѣхопаденіе“. Это вѣрно. Но вѣрно и то, что въ доброе старое время падали чаще, чѣмъ теперь. Образованіе много подняло наше духовенство: оно возвысило его предъ крестьянствомъ, тогда какъ прежде сельскій священникъ и его паства были одинаково невѣжественны [8]). Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, продолжаемъ прерванный разсказъ со словъ Шельшедомскаго духовенства.

---

[7]) Почты тогда не было, и вопросные пункты доставилъ служитель Провинціальной Канцеляріи.

[8]) Что нравственный уровень духовенства былъ очень низокъ, это видно изъ сочиненій Св. Димитрія Ростовскаго. Митрополитъ описываетъ, напримѣръ, поповъ, которые, „по вчерашнемъ пьянствованіи, не протрезвившеся, не приготовившеся къ служенію, дерзаютъ литургисати, еже людемъ есть на соблазнъ, а самимъ таковымъ іереямъ на погибель. Другіи же злонравіи священницы въ церкви и святомъ алтарѣ сквернословятъ, матерно бранящеся, и творятъ домъ Божій вертепомъ разбойниковъ“. (*Древн. Рос. Вивліоθика*, ч. XVII стр. 103;. *Русскій*

— „Мы доносили на попа Дмитрія не лживо, а по сущей правдѣ; живя съ нимъ въ сосѣдствѣ, мы сами усмотрѣли, что онъ ведетъ себя рѣшительно неблагопристойно. Да и попъ не скрывался, а еще хвасталъ, приходя къ намъ часто пьяный, и говорилъ: „я-дескать съ оною солдаткою блудно живу, не опасаясь ничего". На эти слова мы ему отвѣчали: „сошли отъ къ себя солдатку, сошли неотмѣнно!" А онъ въ отвѣтъ: „хотя и священства лишусь, а съ Авдотьей не разстанусь".

Всѣ усилія навести его на путь истины были напрасны. Однажды пришелъ онъ къ попу Степану и съ немалымъ безстыдствомъ укорялъ его:

— „Хотя ты и духовникъ мой, да я не боюсь тебя. Смотри, что̀ я дѣлаю..." И сталъ цѣловать и обнимать ту солдатку, какъ мужъ жену!..

Узналъ объ этомъ священникъ церкви Николая Чудотворца что̀ на Эдомѣ, отецъ Василій, бывшій закащикомъ, и сталъ бранить попа Димитрія:

— „Какъ ты смѣешь держать въ своемъ домѣ зазорныхъ людей? Сейчасъ-же прогони солдатку Авдотью и дай мнѣ подписку, что впредь будешь исправенъ".

Попъ далъ требуемое обязательство, но солдатку, по прежнему, оставилъ у себя для домашнихъ и полевыхъ работъ. Наступилъ сѣнокосъ. Во время уборки сѣна, къ немалому соблазну мірянъ, Дмитрій и Авдотья ходили на пустошахъ въ однѣхъ рубашкахъ и ночевали вмѣстѣ въ шалашѣ, живя точно мужъ съ женой; а запримѣтилъ это житіе крестьянинъ помѣщика Малыгина, Игнатій Ивановъ.

Наконецъ, свидѣтели объявили, что дьячекъ Ѳедоръ хотя и былъ живъ, когда началось дѣло о подкидышѣ, но лежалъ на смертномъ одрѣ, а потому нельзя было привлечь его къ суду, да и не за что̀: жилъ онъ смирно, цѣломудренно. Мертваго подкидыша видѣли многіе крестьяне, въ томъ числѣ выборный села Шельшедома Иванъ Семеновъ. А кѣмъ писана найденная при подкидышѣ записка, „того никакъ невозможно разрѣшить, потому-что она начертана полууставомъ".

Заручившись этими фактами, судьи (воевода съ товарищемъ) потребовали къ себѣ попа Дмитрія для объясненій, вмѣстѣ съ его братомъ, попомъ Матвѣемъ. Первый изъ нихъ говорилъ:

расколъ старообр. сочин. *Щапова*, стр. 422). Тотъ же святитель упрекалъ духовенство своей епархіи за невѣжество въ богословскихъ предметахъ: „Попы препростіи не знаютъ быти сущаго въ пречистыхъ тайнахъ истиннаго Христа Бога, ниже вѣдятъ нарицати тѣла Христова тѣломъ Христовымъ. Случися бо намъ, мимошедшаго 1702 года, во градъ Ярославль грядущимъ, внити въ единой веси въ церковь и, идѣже, по обычномъ моленіи, азъ смиренный, хотя обычную почесть и поклоненіе воздати пречистымъ Христовымъ тайнамъ, егда вопросихъ тамошняго попа: гдѣ суть животворящіи Христовы тайны? Попъ же не разумѣ словесе моего, и яко недомысляяй стояше молча. Паки рекъ: гдѣ тѣло Христово? Попъ же ничего словеси не знати можаше. Егда же одинъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ рече къ нему: гдѣ запасъ? Тогда онъ, вземь отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велію святыню, на ню же ангели смотрятъ со страхомъ... О, окаянніи іереи! Аще сами Христа Бога въ пречистыхъ Христовыхъ тайнахъ не знаете, то како простыхъ людей истиннаго богознанія научите? „Одинъ игуменъ спрашивалъ Св. Димитрія Ростовскаго: когда жилъ Илія пророкъ, по Р. Х., или до Рождества?" и проч. (Тамъ же, стр. 51 и 192).

— „О рожденіи солдаткою Авдотьею дѣвочки ничего не знаю, понеже въ то время я находился въ лютой болѣзни, и не вѣдаю, былъ-ли у меня тогда братъ Матвѣй. А къ доносщикамъ, попу Степану и дьякону Ивану, я не хаживалъ и такихъ рѣчей, что будто бы съ солдаткой безъ опасенія живу, не говаривалъ, и ее солдатку при нихъ не обнималъ и не цѣловалъ. А хотя закащикъ, попъ Василій, ко мнѣ пріѣзжалъ и обязывалъ меня подпискою не держать какъ оную солдатку, такъ и другихъ зазорныхъ людей, токмо все оное сдѣлано по происками его-же попа Степана; ибо оная солдатка сперва жила у него, а потомъ, поживъ малое время и видя отъ него разные безпорядки, ко мнѣ сошла въ работницы. Но я съ ней не живалъ, и во время сѣнокосу въ однѣхъ рубашкахъ съ ней не ходилъ, и въ шалашѣ не спалъ по ночамъ. А что Шельшедомскій попъ ссылается на крестьянина Игнатія Иванова, яко-бы онъ точно то видѣлъ самъ, и то съ него станется оклеветать по просьбѣ попа Степана, понеже онъ приходится ему кумомъ".

— „А ты чтò скажешь, попъ Матвѣй? спросилъ воевода: будетъ тебѣ во всемъ запираться, пора ужъ правду говорить. Какъ дѣло было и чтò ты видѣлъ?"

— Ничего теперь не утаю, отвѣчалъ попъ Матвѣй: былъ я, точно, въ Николинъ день, въ 765 году, у брата моего роднаго, вдоваго попа Дмитрія, который тогда находился боленъ и движенія не имѣлъ. И во время моего посѣщенія солдатка, Авдотья Григорьева, незнамо съ кѣмъ приживши, родила женска пола дѣвку (sic), и оную я обмолитвовалъ и нарекъ младенцу имя Лукіею; при семъ находилась бабушка; а чья она, того не вѣдаю. И, по обмолитвованіи, поѣхалъ я домой; а послѣ меня оный младенецъ кѣмъ изъ дома брата вывезенъ и куда, того не знаю; а тому младенцу никакого поврежденія не чинилъ".

— „Зачѣмъ же ты въ Духовной Консисторіи иное показывалъ?"

— „Показывалъ я съ простоты своей, чая себѣ истязанія, а нынѣ показываю самую сущую правду".

Возвративъ поповъ въ Ярославское Духовное Правленіе, секретарь Осипъ Внуковъ сталъ писать рѣшеніе. Много-ли мало-ли сорвалъ онъ съ подсудимыхъ, исторія объ этомъ умалчиваетъ.

Вотъ что писалъ секретать Внуковъ:

„Изъ вышеписанныхъ подсудныхъ женокъ: Автотьѣ Григорьевой, что „она въ первыхъ вопросахъ о своемъ блудодѣяніи съ поповымъ сыномъ „не признавалась, а потомъ винилась „что-де младенца прижила съ по„повымъ сыномъ Ѳедоромъ"; Еленѣ Петровой, за перемѣнныя рѣчи, „что она о призывѣ бабки къ родинамъ во второмъ допросѣ запиралась, „а потомъ первое свое показаніе подтвердила, и за тѣ ихъ несправедли„выя показанія хотя и надлежало-бы имъ учинить наказаніе—высѣчь при „публикѣ плетьми; но какъ онѣ, по тѣмъ разнорѣчіямъ, въ пристраст„ныхъ распросахъ уже истязаны плетьми, то имъ то истязаніе вмѣ„нить въ наказаніе..."

Приговоръ, какъ видитъ читатель, отличился гуманностью: судьи не хотѣли проливать кровь во второй разъ и ограничились однѣми пытками. Въ этомъ рѣшеніи желательно видѣть благотворное вліяніе тѣхъ идей, которыя распространяла въ Русскомъ обществѣ великая Государыня, отвергавшая необходимость пытокъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. (Самое же ненавистное слово „пытка" уничтожено изъ словаря Русскаго законодательства только при Александрѣ Благословенномъ, когда онъ слѣдовалъ по стопамъ своей бабки). Но, съ другой стороны, въ томъ же

самомъ приговорѣ можно заподозрить и вліяніе взятки. Какъ-бы то ни было, Провинціальная Канцелярія высказала о подсудимыхъ священникахъ снисходительное мнѣніе, что хотя они и должны быть оштрафованы, но не за участіе въ подкинутіи ребенка, а единственно за несправедливыя показанія на судѣ.

Дальнѣйшая участь Шельшедомскаго попа Дмитрія намъ извѣстна; относительно же его работницы Авдотьи въ архивныхъ бумагахъ Ярославской Провинціальной Канцеляріи находятся слѣдующія свѣдѣнія.

Авдотья, избавленная отъ вторичнаго знакомства съ заплечнымъ мастеромъ, не избавилась однако отъ наказанія духовной властью. Воевода позаботился о спасеніи души этой сорокалѣтней красавицы и опредѣлилъ: „А вышереченную солдатку Авдотью Григорьеву отослать въ Ярославское Духовное Правленіе для церковнаго покаянія и исправленія, „при промеморіи". Кромѣ того, на паспортахъ какъ самой Авдотьи, такъ и Елены Петровой обозначены были всѣ ихъ „продерзости" по настоящему казусному дѣлу, именно то, что первая изъ нихъ уличена въ развратной жизни, а вторая — въ укрывательствѣ сего „непотребнаго житія". Впрочемъ Елена Петрова не захотѣла воспользоваться такимъ паспортомъ, сказавъ, что онъ ей не нуженъ, такъ какъ она всегда жила и будетъ постоянно жить у своего племянника, попа Дмитрія, въ селѣ Шельшедомѣ. Эту причину нашли уважительной; Авдотья же волей - неволей должна была ходить по бѣлому свѣту съ паспортомъ, который въ настоящее время называется „*желтымъ билетомъ*".

Съ нимъ она явилась и въ Духовное Правленіе; оттуда ее послали въ Ростовскую Консисторію.

30-го Сентября 1769 года Консисторія опредѣлила: заключить Авдотью, на годичный срокъ, въ Угличскій Богоявленскій монастырь „въ работу", „съ тѣмъ чтобы чрезъ оное время удержать ее отъ сообщенія божественныхъ тайнъ, токмо во всѣ посты ей исповѣдываться".

Увы! было уже слишкомъ поздно, Авдотья носила опять подъ сердцемъ плодъ чьей-то любви...

„Въ бытность той женки въ ономъ монастырѣ (гласитъ промеморія Духовной Консисторіи) присмотрѣна она паки чреватою, и для того, чтобы „она рожденіемъ въ монастырѣ младенца не нанесла оному монастырю „нареканія и безчестія, по приказанію его преосвященства, взята въ Консисторію, а отъ оной отдана въ содержаніе приставу, у коего находясь, „Декабря 7-го числа 769 года, вторично родила младенца мужеска полу"... Затѣмъ слѣдуютъ подробности: кѣмъ этотъ ребенокъ крещенъ, когда онъ умеръ и гдѣ погребенъ „по умертвіи"...

Чтó было дѣлать съ солдаткой? Епископъ Аѳанасій лишилъ ее причастія, сверхъ годичнаго срока, еще на полтора года, и только „въ смертномъ случаѣ" позволилъ совершить надъ нею сіе таинство, обязавъ вмѣстѣ съ тѣмъ Авдотью исповѣдываться въ своихъ прегрѣшеніяхъ не менѣе четырехъ разъ въ годъ.

Вѣроятно, Авдотья спокойно перенесла-бы эту милостивую духовную кару; но Консисторія разсудила, сославшись на указъ Петра I, что ее нельзя оставить безъ наказанія и со стороны свѣтскаго начальства. Такимъ образомъ Авдотья снова очутилась въ рукахъ Ярославскаго воеводы и его секретаря.

---

[9]) Потомки его и теперь существуютъ въ Ярославлѣ.

Жилъ тогда въ Ярославлѣ богатый купецъ Егоръ Ѳеодоровичъ Холщевниковъ [9]; владѣлъ онъ огромной шелковой фабрикой, на которой работали приписанные къ ней крестьяне. Въ старину это бывало сплошь и кряду. Внуковъ, секретарь Провинціальной Канцеляріи, благоволилъ Холщевникову и, разумѣется, не даромъ: рука руку мыла. Секретарь, отъ котораго зависѣло выудить изъ омута указовъ тотъ или другой законъ, подходящій къ интересамъ богатаго просителя, частенько, за какой нибудь кусокъ шелковой матеріи, вознаграждалъ Холщевникова... чѣмъ, вы думаете?

— Людьми!

Да, людьми. И не мало досталось ихъ въ кабалу, на фабричныя работы, если вѣрить имѣвшимся въ нашихъ рукахъ документамъ; а не вѣрить имъ нѣтъ никакого основанія.

Точно также поступлено было и съ Авдотьей Григорьевой. Въ одно прекрасное Майское утро (сообщимъ, пожалуй, и число для любознательнаго читателя: 18-го Мая 1770 года), вольная солдатка очутилась фабричной работницей, слугой купца Холщевникова. Когда ее привели, какъ уже сказано, въ Провинціальную Канцелярію, господинъ секретарь порылся въ „Уложеніи царя Алексѣя Михайловича“ и нашелъ тамъ слѣдующія двѣ статейки:

„Кто учнетъ у себя въ домѣ дѣлати беззаконіе съ рабою, съ женкою или съ дѣвкою, и приживетъ съ нею дѣтей, и въ томъ на него та раба учнетъ Государю бити челомъ, и такихъ женокъ и дѣвокъ и на кого онѣ учнутъ Государю бити челомъ, отсылати на Москвѣ на патріаршъ дворъ къ патріаршимъ приказнымъ людямъ, а въ городѣхъ къ митрополичьимъ и ахіепископскимъ приказнымъ же людямъ, и велѣть про нихъ сыскивати святительскимъ судомъ, и указъ имъ чинити по правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ и по допросу обоихъ ихъ отцовъ духовныхъ“. „Будетъ которая жена учнетъ жити блудно и скверно, и въ блудѣ приживетъ съ кѣмъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей сама или иной кто, по ея велѣнію, погубитъ, и сыщется про то до̀-пряма, и такихъ беззаконныхъ женъ и кто, по ея велѣнію, дѣтей ея погубитъ, казнить смертію безъ всякой пощады, чтобъ, на то смотря, иные такого беззаконнаго и скверного дѣла не дѣлали и отъ блуда унялися“.

Съ какой стати были приведены эти законы, рѣшить не можемъ: Авдотья Григорьева два раза благополучно разрѣшалась отъ бремени и не убивала своихъ дѣтей, и если первый ребенокъ, подкидышъ, замерзъ, такъ развѣ она была въ томъ виновата?

Но ловкій дѣлецъ Внуковъ и не думалъ казнить смертію бѣдную бабу; онъ пріискалъ третій законъ, именно 28-й пунктъ Полицейской Инструкціи, гдѣ было сказано:

„Ежели кто просить будетъ милостыни, такихъ отдавать по первомъ, второмъ и третьемъ приводѣ со штрафами и наказаніемъ по указамъ; а по четвертомъ приводѣ могущихъ работать опредѣлять въ работу казенную и на фабрики, вѣчно и безвозвратно“.

И этотъ законъ нисколько не относился къ Авдотьѣ, которая, живя въ работницахъ, не просила милостыни, не была нищею. Да дѣло-то въ томъ, что купцу Холщевникову хотѣлось закабалить ее „вѣчно и безвозвратно“... И закабалилъ!... Впрочемъ, онъ обязался слѣдить, зорко слѣдить за ея нравственностью, ибо того требовала цѣломудренная Провинціальная Канцелярія, наказавшая Авдотью еще разъ плетьми, прежде чѣмъ отдала ее Холщевникову: „Оной женкѣ, за вторичное блудное прижитіе младенца,

да еще и въ подначальствѣ, учиня наказаніе, высѣчь при публикѣ жестоко, вмѣсто кнута, плетьми и отдать, чтобы она праздно не находилась и такихъ же или тому подобныхъ беззаконіевъ не учинила, на фабрику, кто принять ее пожелаетъ съ письменнымъ обязательствомъ“ и т. д.

Холщевниковъ охотно обязался: „Если, паче чаянія, Авдотья Григорь-„ева окажется въ непотребствахъ, то я воздерживать ее буду, а въ случаѣ „ея противности и въ Канцелярію дамъ знать“.

Такой печальный конецъ имѣли эротическія похожденія солдатки Авдотьи. Исторія этой женщины, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія, какъ фактъ, бросающій яркій свѣтъ на нравы стараго приказнаго міра, не знавшаго другихъ средствъ къ правосудію, кромѣ пытокъ. Поблагодаримъ же судьбу, которая между этимъ міромъ и нами, живущими подъ защитой гласнаго суда, образовала цѣлую бездну.

II.

Зелье-цилибуха [1].

Недалеко отъ Углича, въ селѣ Ивачевѣ (Угольники тожъ), жилъ и барствовалъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія Степанъ Степановичъ Мотовиловъ, отставной лейбъ-гвардіи подпрапорщикъ. У него была молодая жена Парасковья Савишна. Мотовиловъ обращался со своими крестьянами очень сурово, да и жена терпѣла отъ него много терзаній, особенно, когда онъ сталъ подозрѣвать ее, основательно или нѣтъ—не знаемъ, въ близкихъ сношеніяхъ съ дворовымъ своимъ человѣкомъ Никитой Лукьяновымъ. Разумѣется, Мотовиловъ ждалъ только удобнаго случая окончательно загубить ненавистнаго для него Никиту и уморить его, благовиднѣйшимъ образомъ, подъ судейскими пытками. Этотъ случай вскорѣ представился.

Въ 1767 году Мотовиловъ уѣхалъ куда-то изъ Ивачева, а жену оставилъ дома; возвратившись, онъ узналъ, что Парасковья Савишна приказала долго жить—умерла въ Угличѣ, и тѣло ея лежитъ на родномъ кладбищѣ, отпѣтое, какъ слѣдуетъ, попами. Мотовилову не было времени оплакивать покойницу: его заняла мысль о Никитѣ, котораго онъ хотѣлъ во что̀ бы то ни стало сдѣлать виновникомъ смерти Парасковьи Савишны. Послѣ кровавыхъ истязаній, ему удалось вырвать отъ Никиты признаніе, что барыня умерла по винѣ его, вслѣдствіе „выпитія зелья-цилибухи, дли изверженія младенца“, будто-бы прижитаго съ нимъ Никитой. Мотовиловъ самъ отвезъ Никиту въ Ярославль.

Здѣсь на судѣ, 12 Марта 1768 года, Никита, волей-неволей, обвинилъ себя и указалъ своихъ сообщниковъ: Угличскаго купца Ѳедора Алексѣевича Сахарнова и жену его Дарью Савельевну. Онъ утверждалъ, что „съ „тою госпожою, въ небытность господина его въ домѣ, жилъ блудно, от-„чего она очреватѣла, и ко изверженію младенца, по согласію съ нею, „сыскивалъ онъ нѣкоего зелья-цилибухи въ селѣ Мышкинѣ [2]) на торгу „у купца Ѳеодора Сахарнова, и онъ, Сахарновъ, сказалъ, что у него „есть это зелье, да въ Угличѣ. А въ прошломъ 67 году, предъ самымъ „праздникомъ Рождества Христова, оная госпожа его для того въ Угличъ

---

[1]) Настоящее дѣло заимствовано изъ архива Ярославской Провинціальной Канцеляріи (№ 197—41).

[2]) Нынѣ — уѣздный городъ Ярославской губерніи.

„къ тому Сахарнову ѣздила и въ домѣ у него нѣсколько дней была; и „въ то время, я Никита къ ней пріѣзжалъ, и по прозьбѣ ея сдѣлать то̀, „чтобы младенца извести, обѣщалъ, за что̀ и взялъ у нея рубль денегъ. „И купецъ Сахарновъ и жена его тоё госпожу мою при мнѣ прѣснымъ „тёплымъ молокомъ съ травами поили"...

Никита, скованный по рукамъ и ногамъ, сидѣлъ въ острогѣ очень долго, безъ повторенія допросовъ. Наконецъ, 25-го Іюня 1768 года, его вызвали предъ грозныя очи Ярославскаго воеводы Афанасьева и товарища его Толбухина. Секретарь Внуковъ прочиталъ „экстрактъ" изъ дѣла; но обвиняемый Никита „учинилъ запирательство".

—„Я сначала показалъ на себя и на Сахарновыхъ совсѣмъ напрасно", отвѣчалъ Никита.

—„Ради чего?" спросилъ воевода.

—„По волѣ и устрастію господина моего, бывъ въ самой робости и страхѣ. А доподлинно я съ Парасковьей Савишной блудно не живалъ, и была-ли она чревата, не знаю, и ко изверженію младенца зелья-цилибухи не сыскивалъ, и Сахарнова въ селѣ Мышкинѣ не просилъ".

—„Какъ же дѣло было, по твоему?" спросилъ опять воевода.

—„А такъ: ѣздила госпожа Парасковья Савишна въ Ростовъ, съ крестьяниномъ Михайломъ Ѳедоровымъ, на богомолье; а послѣ того ѣздила въ Угличь, 26-го Декабря, когда бываетъ тамъ годовая ярморка; и я на ту ярморку явился, и сошелся тамъ со мною купецъ Сахарновъ, и сказалъ, что госпожа у него въ домѣ весьма больна, почему я и приходилъ къ ней, и видѣлъ, что она была тяжко больна; а отъ нея никакого приказу не было. Поѣхалъ я домой; а послѣ того, на другой или на третій день, тотъ же крестьянинъ Михайло привезъ госпожу уже мертвую съ письмомъ отъ Угличскаго священника, что она, дескать, исповѣдана и св. тайнъ пріобщена, почему и схоронили ее въ селѣ Ивачевѣ, по надлежащемъ объ умершихъ отпѣваніи".

Вызваны были изъ Углича Сахарновы, для очныхъ ставокъ съ Никитой. Онъ оправдывалъ ихъ совершенно, раскаяваясь въ первомъ ложномъ обвиненіи: бѣдняка мучила совѣсть. Сахарновъ отвѣчалъ, что ни онъ, ни жена его не поили Мотовилову зельемъ въ молокѣ, и что они не получали никакихъ денегъ отъ Никиты за это, взведенное на нихъ, злодѣйство.

—„Госпожа Мотовилова, говорилъ Сахарновъ, доподлинно была у меня наканунѣ Рождества, выпросилась постоять въ домѣ и сказывала, что она ѣздила молиться; а потомъ, того-же дня, стала жаловаться на боль въ головѣ и ногахъ. Случился тогда жестокій морозъ, домой нельзя было ѣхать; она и осталась и прожила у меня трои сутки. А хворость умножалась; и лежала Парасковья Савишна все больше на печи. По просьбѣ ея, жена моя нагрѣвала ветошное платье и ноги барынины завертывала. А на утро Рождества, въ Богородичный день, вышелъ я на базарную площадь, увидѣлъ тамъ Никиту и сказалъ ему, что госпожа очень больна; почему онъ Никита къ ней приходилъ и госпожу свою видѣлъ. На другой день, по просьбѣ Парасковьи Савишны, которая жестоко разболѣлась, призвалъ я изъ Воскресенской церкви (иначе она Фроловскою называется) священника съ пономаремъ, и тотъ священникъ ее исповѣдалъ и св. тайнъ пріобщилъ. А послѣ того на другой день оная госпожа Мотовилова, по власти Божіей, умерла, и того-же дня крестьянинъ ея Михайло Ѳедоровъ увезъ мертвое тѣло, для погребенія, въ село Ивачево".

—„Не бывалъ-ли ты, купецъ Сахарновъ, прежде сего подъ судомъ?“ спросилъ воевода.

—„Нѣтъ, отвѣчалъ Сахарновъ: ни въ какихъ непотребствахъ и подозрѣніяхъ я не оказывался и въ приводѣ нигдѣ ни за что не бывалъ, въ чемъ и ссылаюсь на Угличское купечество и на приходскаго священника съ церковниками, безотводно“.

Дарья Савельевна показала тоже самое, чтò и мужъ ея, и въ свою очередь сослалась на ручательство купцовъ и поповъ.

Провинціальная Канцелярія, 11-го Іюля, рѣшила такъ: „Понеже Никита „Лукьяновъ на очной ставкѣ языкъ съ Сахарновыхъ и съ себя сговари„ваетъ, а взамѣнъ того показываетъ, что напрасно ихъ оговорилъ, по „устрастію отъ помѣщика своего, бывъ въ робости и страхѣ: то и над„лежитъ его Лукьянова въ перемѣнныхъ рѣчахъ, не напрасно-ли и не „по засылкѣ-ли онъ съ Сахарновыхъ сговариваетъ, въ силу Уложенія 21 „главы 44 и 48 пунктовъ, съ жестокимъ истязаніемъ подъ плетьми рас„просить, и чтò покажетъ изъ того распросу и въ чемъ утвердится, за„писавъ, доложить немедленно“.

Сколько плетей дали Никитѣ, исторія умалчиваетъ. Но и „подъ битіемъ со истязаніямъ“, какъ сказано въ журналѣ Провинціальной Канцеляріи, бѣднякъ рѣшительно отрекся отъ обвиненія Сахарновыхъ, доказывая, что только страхъ предъ бариномъ заставилъ его обвинить и себя и невинныхъ людей. „Я показываю теперь сущую правду, и не по засылкѣ или чьему-либо надоумѣнію, и не изъ взятокъ, въ чемъ и утверждаюсь“. Съ такой обычной формулой записаны слова Никиты; при пыткѣ его, кромѣ воеводы съ товарищемъ, находился и депутатъ отъ Ярославскаго Магистрата Ѳедоръ Ворошанниковъ. Затѣмъ на обязанности секретаря лежало пріисканіе относящихся къ данному случаю законовъ. Секретарь Внуковъ выписалъ изъ Уложенія слѣдующія статьи:

„Буде которые воры-разбойники, три или четыре человѣка, или и больше, признаны будутъ на одномъ разбоѣ и съ пытокъ учнутъ говорить на знатныхъ людей, или на дворянъ, или на дѣтей боярскихъ, или на торговыхъ людей, которые прежде того въ приводѣ не бывали, и ни на какомъ воровствѣ необъявлялися, и ни въ какихъ причинахъ не бывали, и учнутъ тѣ оговорные люди бить челомъ о сыску, чтобы про нихъ сыскать, что они никакимъ воровствомъ не воруются и ни на какомъ воровствѣ не объявлялись: и про такихъ людей, по ихъ челобитью, обыскать; да буде въ обыскахъ ихъ одобрятъ, и ихъ дать на чистую поруку съ записью, и животы имъ отдать и выти на нихъ не имать“.

„А которыхъ людей языки оговорятъ въ разбоѣ за очи, а съ очей на очи на нихъ говорить не учнутъ и во многихъ людяхъ ихъ не узнаютъ, или узнавъ ихъ, да учнутъ съ нихъ сговаривать, и тѣхъ языковъ пытать накрѣпко: не по засылкѣ-ли ихъ не узнали, или узнавъ сговариваютъ? Да буде съ пытки скажутъ, что ихъ поклепали, и тѣхъ людей давать за приставы и про нихъ обыскивать“.

„А которые дворяне и приказные люди и дѣти боярскіе приведутъ людей своихъ, или крестьянъ, или дворовыхъ своихъ, и скажутъ на нихъ разбой или татьбу, или что иное именно, а языки на нихъ въ томъ не оговорятъ, и тѣхъ людей по ихъ виду распрашивать и безъ обыску пытать, и указъ чинить, кто до чего доведется“.

На основаніи этихъ законовъ и указа отъ 4-го Февраля 1763 года, Сахарновыхъ не пытали. Ярославская Провинціальная Канцелярія обратилась къ Угличскимъ властямъ съ требованіемъ произвести повальный

обыскъ; власти допустили нѣкоторую медленность, и потому высшее начальство, которому пожаловался Ярославскій воевода, прислало изъ Москвы указъ, чтобы Угличскій Магистратъ поторопился отобрать нужныя свѣдѣнія „отъ Угличскихъ купецкихъ людей и священника съ причетники“. Между тѣмъ Сахарновыхъ выпустили изъ острога на поруки, обязавъ ихъ никуда не отлучаться изъ Ярославля. Поручились за нихъ двое: посадскій человѣкъ Иванъ Семеновъ Булошниковъ, да солдатъ Евменій Петровъ Малышевъ. Они дали подписку, что какъ скоро въ Сахарновыхъ встрѣтится надобность, они представятъ ихъ безотговорочно къ господину воеводѣ.

Угличскій Магистратъ сообщилъ, наконецъ, бумагу о повальномъ обыскѣ, доставленную купцомъ Григорьемъ Филиповскимъ, который въ то время „правилъ въ городѣ Угличѣ полицейскую надъ купечествомъ должность“. Священникъ Андрей Куницынъ, съ пономаремъ, и шестьдесятъ два купца ручались, что „Сахарновы люди состоянія добраго, и что не имѣется никакого приличества подозрѣвать ихъ въ отравленіи помѣщицы Мотовиловой“. Вѣроятно, секретарь Внуковъ сорвалъ съ Сахарновыхъ взятку, ибо написалъ журналъ объ увольненіи ихъ въ Угличъ чрезвычайно скоро, тогда какъ другія дѣла волочились многіе мѣсяцы и годы съ крайней недобросовѣстностью.

Между тѣмъ Мотовиловъ прискакалъ изъ своей деревни въ Ярославль. Здѣсь онъ узналъ, въ какомъ положеніи находится его дѣло, и сталъ требовать новыхъ пытокъ. Вотъ что онъ написалъ по этому случаю:

„Въ Ярославскую Провинціальную Канцелярію доноше-„ніе лейбъ-гвардіи подпрапорщика Степана Степанова сына „Мотовилова, о нижеслѣдующемъ.

„Имѣется въ Ярославской Провинціальной Канцеляріи объ отравѣ, въ „небытность мою въ домѣ, жены моей Парасковьи Савиновой, дворовымъ „моимъ человѣкомъ Никитой Лукьяновымъ, дѣло, по которому оный дво-„ровый человѣкъ сперва, по объявленію его въ отравѣ въ Ярославской „Провинціальной Канцеляріи на увѣщательномъ допросѣ винился и пока-„зывалъ еще и на сообщниковъ въ той отравѣ: на Углицкаго купца Ѳе-„дора Сахарнова и на жену его; почему онъ, Сахарновъ, съ женою въ „Ярославскую Провинціальную Канцелярію были вытребованы и во всемъ „на нихъ показуемомъ заперлися; да и тотъ злодѣй, человѣкъ мой Лукь-„яновъ, видно что по стачкѣ и по наущенію тѣхъ оговорныхъ, на очной „ставкѣ съ нихъ сговорилъ, а показалъ, что онъ прежде въ своемъ до-„просѣ въ отравѣ винился напрасно, якобы по устрастію отъ меня, ка-„коваго отъ меня ему никогда не было, и будучи въ самой робости и „страхѣ; почему оговорные моимъ человѣкомъ упоминаемый Сахарновъ „съ женою его, по резолюціи Ярославской Провинціальной Канцеляріи, ос-„вобождены, а означенный мой человѣкъ остается въ задержаніи“.

„Того ради, Ярославскую Провинціальную Канцелярію прошу сіе мое „доношеніе принять, и ко изысканію истины въ упоминаемомъ злодѣяніи „женѣ моей розыскать, и въ томъ истязать его, Лукьянова, указными „пытками, при чемъ спрашивать: не по засылкѣ-ли онъ съ оговорныхъ „имъ сговариваетъ? А хотя-бы онъ, по злодѣйской своей дерзости и „привычкѣ, переговорныя свои рѣчи подтверждалъ; то я къ себѣ при-„нять не желаю, потому-что онъ и прежде былъ, за продерзости его, отъ „меня битъ кнутомъ; а повелѣно-бы его Лукьянова отправить куда „надлежитъ. Сентября дня 1768 года. Къ сему доношенію Степанъ „Степановъ Мотовиловъ руку приложилъ“.

И вотъ Ярославскіе криминалисты, 3-го Октября, рѣшили и записали въ журналъ: „Въ силу Уложенія 21 главы 44 и 48 пунктовъ, отъ Лукьянова, по просьбѣ господина его, надлежитъ истину изыскать чрезъ розыскъ пытками; но, не приступая къ онымъ, сообщить на разсмотрѣніе Московскому г. губернатору: повелѣно-ли будетъ преступника пытками истязывать?“

Губернаторомъ въ то время былъ тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Юшковъ. Отъ него зависѣло рѣшить вопросъ такъ или иначе, т. е. снова пытать Никиту, или сослать его безъ повторенія пытки въ Сибирь, согласно желанію барина. Но Юшковъ не давалъ никакого отвѣта въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, и дѣло кончилось само-собою, по волѣ Господа Бога. 7-го Мая 1769 года, караульный капралъ Василій Игнатьевъ представилъ Ярославскому воеводѣ рапортъ, который гласилъ, что: „Сего Мая 6 числа дворовый человѣкъ Никита Лукьяновъ, содержавшійся по сумнительству объ умертвіи жены лейбъ-гвардіи подпрапорщика Мотовилова, волею Божіею умре, исповѣданъ и святыхъ тайнъ пріобщенъ, о чемъ и репортую“.

—Умеръ! Ну, что-же? рѣшилъ воевода: записать объ этомъ въ журналъ и отдать копію въ повытье, а тѣло погребсти при церкви, и въ спискахъ и подъ дѣломъ отмѣтить, а вотчинѣ чрезъ посланнаго, по инструкціи, дать знать и куда подлежитъ отрепортовать.

Все это было исполнено какъ слѣдуетъ: мертвеца предали землѣ; Мотовилова утѣшили вѣстью о смерти его „злодѣя“; Юшкову донесли, что „указнаго повелѣнія касательно пытокъ“ теперь уже не надо и, наконецъ, скрѣпивъ дѣло по листамъ, спрятали его въ архивъ, въ это хранилище истинныхъ, не вымышленныхъ драмъ и комедій, писанныхъ мелкой приказной братіей...

*

А Степанъ Степановичъ?... Онъ кончилъ свою жизнь также не совсѣмъ благополучно.

Дядюшка Фонвизинскаго Недоросля, знаменитый Тарасъ Скотининъ, любилъ свиней, а Мотовиловъ питалъ нѣжную страсть къ другимъ четвероногимъ—къ баранамъ. Достовѣрное преданіе говоритъ, что однажды онъ зашелъ въ овчарню и хотѣлъ приласкать своего фаворита-барана; но тотъ, вѣроятно, былъ не въ духѣ и, бросившись на Мотовилова, проколол ему рогами животъ, такъ-что всѣ внутренности вышли, и злополучный лейбъ-гвардеецъ умеръ въ жестокихъ мученіяхъ.

III.

Меланхоликъ.

Время залечиваетъ старыя раны: воспоминанія народа о крѣпостномъ бытѣ постепенно слабѣютъ, изглаживаются изъ памяти, смѣняясь надеждами на счастливую будущность. Лѣтъ чрезъ 20—30, Русскій крестьянинъ, слушая разсказы стариковъ, какъ они жили при господахъ, перекрестится и молвитъ; „все это было да прошло, и быль быліемъ заросла“.

Ярославская губернія, нужно отдать ей справедливость, никакъ не болѣе, если еще не меньше другихъ мѣстностей нашего Отечества, развила въ себѣ крѣпостничество со всѣми темными его сторонами. Извѣстно, что здѣсь, вслѣдствіе многихъ условій (между прочимъ по причинѣ скуд-

ной почвы) существуютъ и существовали издавна отхожіе промыслы. Благодаря имъ, живя въ чужомъ краю, вдали отъ барскаго глаза и барскихъ рукъ, Ярославскій смѣтливый мужичекъ пользовался, относительно говоря, большой свободой и жилъ довольно сносно, если можно назвать снснымъ положеніе раба. Но, къ несчастію, не всѣ помѣщики отпускали своихъ крестьянъ на промыслы; во многихъ, особенно въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, существовала барщина; а гдѣ она была, тамъ народъ не видалъ красныхъ дней. Герой настоящаго разсказа, „меланхоликъ", принадлежитъ къ числу мелкопомѣстныхъ. Такія личности, какъ Ѳедоръ Никитичъ Бакунинъ, жившій во времена пугачевщины, могли-бы способствовать ей своими дѣяніями, еслибъ пугачевщина, подвигаясь на Западъ съ юго-восточной окраины Россіи, коснулась Ярославской губерніи. Вѣроятно, пугачевщина обрѣла-бы и здѣсь достаточное количество матеріаловъ для своихъ всеразрушительныхъ силъ, первые удары которыхъ направились бы въ такомъ случаѣ, всего скорѣе, на маленькихъ, подобныхъ Бакунину, деспотовъ. По усмиреніи бунта, Екатерина II должна была усмирять крѣпостниковъ. Въ царствованіе ея, изъ одной Ярославской губерніи сослано было въ Сибирь нѣсколько дворянъ за жестокое обращеніе съ крестьянами и дворовыми. Бакунинъ, какъ увидитъ читатель, подвергся другому наказанію, очень слабому... Впрочемъ великая императрица поступала вообще снисходительно. Вспомнимъ знаменитую Салтычиху. Эта барыня-звѣрь, посаженная въ монастырь за свои безконечныя кровавыя дѣянія, того-ли стоила?—Чего стоилъ Бакунинъ, пусть разсудитъ самъ читатель. Описывая его исторію, представляющую любопытный матеріалъ для характеристики семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, мы будемъ въ строгой точности слѣдовать за архивными документами и не позволимъ себѣ уклониться отъ нихъ, ради краснаго словца, ни на одинъ шагъ. Екатерининское царствованіе отдалено отъ нашего времени уже на столько, что мы имѣемъ возможность спокойно и совершенно безпристрастно относиться къ своеобразнымъ, отличительнымъ явленіямъ этого царствованія, имѣвшаго свои свѣтлыя и темныя стороны.

Рыбинскій помѣщикъ Ѳедоръ Никитичъ Бакунинъ, выйдя въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта, поселился въ небольшомъ имѣніи, сельцѣ Горкахъ [1]). Тамъ, 14-го Октября 1778 года, произошло событіе, составляющее предметъ нашего разсказа.

Бакунинъ былъ женатъ на Рыбинской дворянкѣ Пелагеѣ Ерастовнѣ Жоховой [2]). Вскорѣ послѣ брака, г-жа Бакунина уѣхала погостить къ своему отцу, въ сельцо Архарово [3]), оставивъ мужа среди раболѣпной дворни, въ числѣ которой находилась молодая баба Аксинья Прокофьева. За какую вину обрушился на Аксинью барскій гнѣвъ, мы не можемъ сказать положительно вѣрно, хотя есть нѣкоторое основаніе думать, что честная женщина уклонилась отъ господскихъ принудительныхъ нѣжностей. Какъ бы то ни было, Бакунинъ прибилъ ее полѣномъ. Современные документы добродушно объясняютъ, что наказаніе было „немилостивое".

[1]) Въ Рыбинскомъ уѣздѣ есть девять селеній съ этимъ названіемъ; въ которомъ изъ нихъ жилъ Бакунинъ, мы не знаемъ.

[2]) Сестра Андрея Ерастовича Жохова, упоминаемаго въ нашей статьѣ: „Путешествіе Павла I-го по Ярославской губерніи". (Русскій Архивъ, 1870, стр. 301.

[3]) Верстахъ въ 10-ти отъ Рыбинска, по лѣвую сторону дороги къ селу Глѣбову.

Уставши отъ побой, Бакунинъ велѣлъ бросить Аксинью, едва живую, подъ навѣсъ съ дровами. Ночью онъ приходилъ къ ней два раза; въ первый разъ несчастная кричала: „Голубчикъ баринъ, помилуй!" Но Ѳедоръ Никитичъ былъ неумолимъ. Во второй разъ уже дворня не слыхала ни криковъ, ни стоновъ: все было тихо, удары сыпались на мертвое тѣло....

Утромъ 15-го Октября пришли къ Бакунину двое крестьянъ, Абрамъ Филиповъ и Кирилло Перфильевъ; они спросили барина, чтò дѣлать съ убитой?

— „Купите гробъ, отвѣчалъ Бакунинъ, и заройте скорѣе Аксинью въ лѣсу".

— „Боязно: ну, вдругъ насъ увидятъ за этимъ дѣломъ?"

— „Такъ лучше отвезите ее къ попу, чтобы онъ похоронилъ ее на кладбищѣ".

Однако попъ Ефимъ, жившій въ ближайшемъ селѣ Никольскомъ—чтò въ Задубровьѣ, оказался человѣкомъ опытнымъ; онъ сразу сообразилъ: нѣтъ, тутъ дѣло-то нечисто, уголовнымъ судомъ пахнетъ!

— „Не стану хоронить; баба умерла безъ причастія и какимъ образомъ, Богъ васъ знаетъ", отвѣчалъ попъ на просьбы крестьянъ.

— „Дозволь хоть около кладбища зарыть!" умоляли крестьяне, которымъ нельзя было явиться домой съ трупомъ, къ сердитому и грозному барину.

— „И на это не согласенъ, возразилъ попъ Ефимъ:—гдѣ хотите, тутъ и хороните".

Узнавъ объ отказѣ священника, Ѳедоръ Никитичъ приказалъ похоронить убитую въ такъ называемомъ „поповскомъ ельникѣ".... И вотъ мрачныя ели скрыли подъ своимъ густымъ навѣсомъ страшное злодѣйство, къ счастію, не надолго: слухи о немъ быстро разнеслись по Рыбинскому уѣзду, и мѣстная юстиція, въ лицѣ засѣдателя Земскаго Суда, капитана Чирикова, вырыла изъ земли трупъ, который, не успѣвъ сгнить, имѣлъ на себѣ слѣды жесточайшихъ ударовъ: верхняя губа была разсѣчена, руки и ноги переломлены.—Чириковъ немедленно арестовалъ Бакунина, за которымъ немало оказалось и другихъ грѣшковъ. Почтенному моряку грозила Сибирь. Чтобы избѣгнуть ея, нужно было ухитриться, придумать благовидное оправданіе, и Бакунинъ, наконецъ, придумалъ заявить себя человѣкомъ больнымъ, страдающимъ „меланхоліей".

Въ Рыбинскомъ уѣздномъ судѣ онъ отвѣчалъ на вопросные пункты, что убійство хотя и совершено имъ, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ припадкѣ помѣшательства или, какъ выражался Бакунинъ, „въ меланхолическомъ безпамятствѣ".

— „Разскажите все, чтò помните", спросили судьи-народъ хорошій, добрые знакомые убійцы, которому, какъ мѣстному дворянину, они сочувствовали.

— „Помню, отвѣчалъ Бакунинъ, что 14-го Октября я былъ въ своемъ домѣ и, по меланхолическому безпамятству (оно со мной случается часто), дворовую мою женку Аксинью Прокофьеву въ черной горницѣ билъ, не запираюсь; но отъ этихъ побой упала-ли она на полъ и, когда я пересталъ бить, было-ли дано мною приказаніе вытащить ее подъ навѣсъ, и чтò затѣмъ случилось,—я ничего не помню, по нашедшему на меня, какъ уже сказано, меланхолическому безпамятству. На другой же день, т. е. 15-го числа, лишь только я очуствовался, пришли крестьяне и сказали мнѣ, что Аксинья подъ навѣсомъ умерла. Тогда я въ жалостномъ

состоянiи былъ и распорядился похоронить ее на кладбищѣ, по церковному чиноположенiю. Попъ, однако, не согласился. Чего для, дабы отъ сей женки не послѣдовало вреднаго запаху, я велѣлъ зарыть ее въ ельникѣ, что растетъ у церкви..."

Дальнѣйшiе вопросы относились уже къ другимъ поступкамъ Бакунина. Судьи желали, между прочимъ, знать: билъ-ли онъ крестьянина Алексѣя Антропова, сперва полѣномъ и обухомъ, а потомъ палками, за то, что Антроповъ просрочилъ въ уплатѣ оброка? Изъ слѣдствiя оказалось, что означенный крестьянинъ, благодаря только своему крѣпкому сложенiю, остался живъ „и отъ тѣхъ побой свободу получилъ" (т. е. выздоровѣлъ). Бакунинъ опять сослался на меланхолическiе припадки.

— „Когда сiя болѣзнь случается со мною, объяснилъ Ѳедоръ Никитичъ, я нахожусь въ безпамятствѣ часа два-три и больше".

Сосѣднiе дворяне, „штабъ и оберъ-офицеры", приходскiй священникъ и другiя лица засвидѣтельствовали подъ присягой, что они неоднократно видали Бакунина въ сумашествiи и безпамятствѣ; но Ярославское городническое правленiе, подъ надзоръ котораго поступилъ меланхоликъ, отозвалось о немъ, какъ о человѣкѣ совершенно здоровомъ. Полицейскiя власти указали, впрочемъ, суду на одинъ сомнительный случай съ Бакунинымъ. Какъ-то разъ онъ былъ отпущенъ изъ полицiи въ домъ своей жены, для свиданiя съ нею, и безъ всякаго повода бросился на Пелагею Ерастовну, чтобы сокрушить ребра и зубы дражайшей половины, которая хотя и оказала храброе сопротивленiе меланхолическому супругу, но, тѣмъ не менѣе, драка прекращена была только вмѣшательствомъ караульнаго унтеръ-офицера, сопровождавшаго господина Бакунина.

— „Зачѣмъ вы дрались съ женой?" спросили его въ судѣ.

— „Зачѣмъ!.. все отъ меланхолiи!" отвѣчалъ Ѳедоръ Никитичъ.

Изъ Рыбинскаго Уѣзднаго Суда дѣло о Бакунинѣ поступило въ Ярославскiй Совѣстный Судъ. Опредѣленiе его, замѣчательное какъ образчикъ юстицiи минувшаго столѣтiя, приводимъ вполнѣ.

„1) Хотя по доказательству вышеписанныхъ на него (Бакунина) доказателей, по свидѣтельству и слѣдованiю Рыбинскаго Нижняго Земскаго Суда засѣдателя, капитана Чирикова, да и по собственнымъ его, Бакунина, отвѣтамъ оказалось, что та убитая женка точно отъ тѣхъ его несносныхъ побой умерла; но какъ онъ, Бакунинъ, тѣ побои оной женкѣ чинилъ будучи въ безпамятствѣ, а намѣренiя къ смертному убiйству никакого не имѣлъ (о которомъ его безумствѣ того Рыбинскаго уѣзда предводитель и сосѣдственные дворяне засвидѣтельствовали, со удостовѣренiемъ и подъ присягою, что они его Бакунина въ дѣйствительномъ сумашествiи видали) и по симъ обстоятельствамъ то учиненное имъ Бакунинымъ смертное убiйство за умышленное и не признается.

„А высочайшимъ ея императорскаго величества Учрежденiемъ для управленiя губернiй, въ 397 и 399-й статьяхъ, предписано: „дѣла, касающiя-„ся до таковыхъ преступниковъ, кои иногда, болѣе по несчастливому ка-„кому приключенiю, впали въ прегрѣшенiе, судьбу ихъ отягчающую вы-„ше мѣръ ими содѣяннаго, также преступленiя, учиненныя безумнымъ „или малолѣтнимъ, и дѣла колдуновъ или колдовства, поелику въ оныхъ „заключается глупость, обманъ и невѣжество, надлежитъ отсылать въ Со-„вѣстный Судъ, который единъ право имѣетъ учинить о вышеписанномъ „рѣшенiе". Такъ-какъ и онъ Бакунинъ учинилъ оное убiйство, будучи въ безумствѣ, въ примѣчанiи чего и никакого по законамъ наказанiя, подлежащаго смертоубiйцамъ, не заслуживаетъ.

„2) Но какъ изъ сего дѣла видно, что приходящее на него Бакунина безумство большею частію бываетъ съ нѣкоторою отмѣнною суровостью, сопряженною съ тиранствомъ къ человѣчеству, а особливо къ его подвластнымъ, какъ то явно оказалось въ убитіи женки, что руки и ноги у ней переломлены, также и чинимые имъ несносные побои крестьянину его Алексѣю Антропову, который долгое время былъ боленъ; а болѣе всего доказываетъ, что уже онъ Бакунинъ и во время содержанія его въ городническомъ правленіи подъ стражею, въ нашествіи на него случающагося съ нимъ безпамятства, безъ всякой причины билъ жену свою, отчего едва быть могъ удержанъ караульными: то чтобы онъ Бакунинъ впредь во время нашествія таковаго безпамятства не могъ учинить, какъ подвластнымъ своимъ, такъ либо кому и постороннимъ смертнаго убійства или несносныхъ побой, Совѣстный Судъ, предостерегая человѣчество, по силѣ Учрежденія 195 статьи, коею предписывается, что Ея Императорскому Величеству каждаго вѣрноподданнаго безопасность драгоцѣнна, по содержанію указа 1722 года, Апрѣля 6-го дня, коимъ повелѣно: „за тѣми безумными, которые подданныхъ своихъ бьютъ и мучатъ, „смертныя убійства чинятъ и недвижимое въ пустоту приводятъ, никакихъ деревень не справливать, а вѣдать такія деревни по приказной записке, и ихъ съ тѣхъ деревень поить и кормить“; то и его Бакунина ко владѣнію недвижимымъ его имѣніемъ вѣчно не допускать, а опредѣлить, по силѣ указа 1722 года, для житія въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ его, въ силу Учрежденія 389 статьи, и содержать подъ присмотромъ, чтобы онъ какъ смертныхъ убійствъ, такъ и никакихъ побой никому чинить не могъ“..

Такимъ образомъ меланхоликъ, благодаря судейскому добродушію, а можетъ быть и другимъ, такъ-сказать карманнымъ, обстоятельствамъ, спасся отъ Сибири. Недвижимое имѣніе его взято было въ опеку, и опекуншею опредѣлена Пелагея Ерастовна, обязанная давать своему мужу „пристойное содержаніе и пропитаніе“. Рѣшеніе Совѣстнаго Суда Бакунинъ выслушалъ при открытыхъ дверяхъ, и потомъ, согласно резолюціи Приказа Общественнаго Призрѣнія, отосланъ былъ къ Ярославскому коменданту, бригадиру Кудрявцеву, съ тѣмъ чтобы тотъ пріискалъ для него удобное жилище: домъ умалишенныхъ тогда еще не былъ отстроенъ въ Ярославлѣ.

Кудрявцевъ пріискалъ единственное удобное мѣсто на гаубтвахтѣ, въ Рубленомъ городѣ, близь Фроловскаго моста. Тамъ и заключили меланхолика, устранивъ отъ него всѣ орудія и вещи, которыми онъ могъ причинить вредъ себѣ и окружающимъ его людямъ. Караулъ, приставленный къ Бакунину, наблюдалъ также за тѣмъ, „чтобы ничего хмѣльнаго ему не давать“. Однако послѣднее правило часто нарушалось караульными солдатами: они пьянствовали вмѣстѣ съ меланхоликомъ, покупая на его деньги вино въ изрядномъ количествѣ, такъ что до тѣхъ поръ, пока у Бакунина имѣлись средства, онъ велъ жизнь вовсе не арестантскую. Можетъ быть, онъ хотѣлъ заглушить пьянствомъ мучившую его совѣсть, или подладиться къ солдатамъ. Бригадиръ Кудрявцевъ, исполняя волю своего начальства, рапортовалъ каждонедѣльно, что „Бакунинъ въ безумствѣ и тому подобныхъ качествахъ никѣмъ не примѣченъ“. Наконецъ, члены Приказа Общественнаго Призрѣнія рѣшились сами испытать, точно-ли здоровъ Ѳедоръ Никитичъ. Освидѣтельствовавъ его, 22-го Марта 1779 года, они нашли, что Бакунинъ совершенно здоровъ. „Входя съ нимъ въ разговоры о разныхъ матеріяхъ (такъ доносили гг. члены генералъ-губернатору А. П. Мельгунову), мы нетокмо въ болѣзни и безумствѣ его

не примѣтили, но еще и здравое природнаго разума дѣйствіе усмотрѣли."—Что̀ съ нимъ дѣлать? гдѣ его содержать? спрашивалъ Приказъ. Отвѣтъ Мельгунова былъ таковъ: „Содержать подъ крѣпкой стражей, дабы отъ него Бакунина не могло послѣдовать утечки (бѣгства) впредь до воспослѣдованія указа Правительствующаго Сената". Мы забыли сказать, что Мельгуновъ, послѣ рѣшенія дѣла Совѣстнымъ Судомъ, потребовалъ къ себѣ всю переписку и отослалъ ее въ Сенатъ со своимъ мнѣніемъ, гдѣ высказалъ увѣренность, что злодѣйскіе поступки Бакунина, неправильно признаннаго „меланхолическимъ больнымъ", получатъ должное возмездіе.

Въ ожиданіи сенатскаго рѣшенія, надзоръ за Бакунинымъ былъ усиленъ. Мельгуновъ приказалъ Ярославскому коменданту, вмѣстѣ съ городовымъ лекаремъ, еще разъ освидѣтельствовать арестанта. По этому случаю комендантъ сочинилъ безграмотнѣйшій и наивнѣйшій актъ, который мы цитируемъ съ буквальной точностью: „Означенной болѣзни меланхо„ліи хотя въ Бакунинѣ и не усмотрѣно, но кромѣ какъ только необык„новенная перемѣна въ лицѣ его и рѣчахъ примѣчаніе наводитъ нема„лое въ очевидности, кромѣ внутренности, ипахондрическую (sic!) бо„лѣзнь. Сверхъ же сего, предъ симъ временемъ, по произволу его, опре„дѣленнымъ къ нему, съ прочими, солдатомъ Семеномъ Тетеринымъ ку„плена ему Бакунину была каменная небольшая посуда, то-есть миска, „двѣ тарелки и солоница, кою, невѣдомо отчего, самъ-собою встрево„жась, при опредѣленныхъ трехъ солдатахъ, всю разшибъ безъ остатку, „бранясь при томъ непристойно, яко бы она ему не угодна..."

Такъ поступалъ меланхоликъ. Но разбитая миска—слишкомъ слабое доказательство сумашествія, и это, конечно, понималъ Ярославскій комендантъ; вслѣдствіе сего онъ привелъ другое доказательство разстройства въ Бакунинѣ умственныхъ способностей, именно то, что Ѳедоръ Никитичъ не ладитъ съ Пелагеей Ерастовной. „Сія законная жена допущена бы„ла къ нему въ р а з с у ж д е н і и человѣчества, для свиданія, и вмѣстѣ „съ нимъ обѣдала; а между тѣмъ ѣли они печеный съ курицею пирогъ „и, по окончаніи обѣда, оный (пирогъ) на тарелкѣ отданъ былъ солдату „Григорью Грибанову, который благополучно весь его доѣлъ. Напослѣ„докъ же онъ, Бакунинъ, безобразно закричалъ, бранясь притомъ, буд„то-бы жена его тѣмъ печенымъ пирогомъ испортила, и чрезъ его яко „бы чувствуетъ въ себѣ во всѣхъ членахъ боль и трясеніе ко отчаян„ности жизни. И еслибъ не удержали его солдаты, то въ предпріятіи „былъ драться", и т. д. Щадя терпѣніе читателя, не выписываемъ всѣхъ подробностей изъ этого рапорта, который кончается тѣмъ, что Бакунинъ самъ благодарилъ солдатъ за вмѣшательство ихъ въ сцену съ женой, приходившей къ нему „въ разсужденіи человѣчества". Послѣ этой ссоры Бакунина уѣхала изъ Ярославля въ свою деревню и прислала оттуда мужу-меланхолику двѣ рубашки. Узнавъ, что онѣ присланы женой, Ѳедоръ Никитичъ изорвалъ ихъ въ клочки и отослалъ обратно. Злое настроеніе духа въ немъ постоянно усиливалось. „Меланхолическая болѣзнь (доносилъ комендантъ) „нынѣ часъ-отъ-часу въ немъ возрастаетъ и никакой надежды къ со„вершенному выздоровленію не подаетъ, но паче налагаетъ на него бре„мя неудобоносимое, заставляющее его и о самой своей жизни быть без„печнымъ. А что̀ касается до постороннихъ людей, то оныхъ весьма отъ „вкоренившейся въ него, по той болѣзни, злости ненавидитъ и часто дѣ„лаетъ нападенія къ битью..."

Въ 1780 году Правительствующій Сенатъ, указомъ на имя А. П. Мельгунова, далъ знать, что „Бакунина слѣдуетъ содержать въ домѣ сумас„шедшихъ, съ тѣмъ однакожъ, что если онъ чрезъ пользованіе или вре-

„мя придетъ въ состояніе ума, то объ ономъ Правительствующій Сенатъ, „для надлежащаго о немъ опредѣленія, увѣдомить“. Вѣроятно, нашъ меланхоликъ вздохнулъ легко: сидѣть въ домѣ сумасшедшихъ все же было гораздо лучше, чѣмъ работать на каторгѣ, тѣмъ болѣе, что опекунша-жена присылала ему изъ деревни порядочныя, по тому времени, деньги.

*

Проходили десятки лѣтъ, скончалась Екатерина II, кончилось царствованіе Павла I-го; наступила лучшая эпоха Александра Благословеннаго,—а меланхоликъ все еще сидѣлъ среди настоящихъ, не мнимыхъ помѣшанныхъ. Давно истлѣли кости убитой имъ женщины; Бакунинъ изъ молодаго человѣка, полнаго дикой энергіи, обратился въ дряхлаго старика; но онъ не переставалъ думать о томъ, какъ бы ему вырваться на свободу изъ желтаго дома. Задушевная мечта его, наконецъ, исполнилась. Въ 1810 году онъ подалъ просьбу Ярославскому, Тверскому и Новгородскому генералъ-губернатору, принцу Георгію Ольденбургскому, который, найдя, что Бакунинъ перенесъ достаточное наказаніе, обратился съ ходатайствомъ за него къ императору Александру I. Рескриптъ, послѣдовавшій въ отвѣтъ на это ходатайство, какъ намъ достовѣрно извѣстно, не былъ до сихъ поръ напечатанъ. Вотъ его содержаніе:

„Его императорскому высочеству, генералъ-губернатору Новгородско„му, Тверскому и Ярославскому, Георгію Голстейнъ-Ольденбургскому.

„По представленію вашего императорскаго высочества на освобожде„ніе флота капитана-лейтенанта Бакунина изъ дома сумасшедшихъ, гдѣ „болѣе 30 лѣтъ онъ содержался и показалъ знаки совершеннаго выздо„ровленія, я согласенъ, съ тѣмъ однакоже, чтобъ, живя въ своихъ де„ревняхъ, состоялъ онъ, по лицу его и имуществу, подъ точнымъ и не„ослабнымъ опекунскимъ надзоромъ, дабы не впалъ онъ въ прежнее со„стояніе. *Александръ.*

„Въ С.-Петербургѣ, 27-го Генваря 1811 года“.

Когда умеръ Бакунинъ, намъ неизвѣстно. Во время освобожденія его, Пелагея Ерастовна была еще жива. Встрѣча супруговъ послѣ долгой, долгой разлуки, вѣроятно, имѣла особенный драматизмъ, и еслибъ мы возымѣли охоту къ сочинительству, то описали-бы эту сцену яркими красками. Но подкрашивать историческіе документы кто же рѣшится?

IV.

Старинный филантропъ.

Первые годы царствованія императора Александра Павловича ознаменовались многими попытками развить въ нашемъ обществѣ филантропическія идеи. Приложеніе этихъ идей къ жизни, осуществленіе ихъ на практикѣ часто не удавалось вслѣдствіе различныхъ канцелярскихъ формальностей, тормозившихъ добрыя начинанія. Съ другой стороны, и сами господа филантропы напрашивались на стѣсненіе ихъ дѣятельности мелочной обрядностью. Любопытный примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ намъ исторія больницы въ селѣ Лисинѣ, Любимскаго уѣзда.

Тамошній помѣщикъ, отставной лейбъ-гвардіи прапорщикъ Александръ Николаевичъ Матюшкинъ, въ началѣ 1810 года, обратился къ его императорскому высочеству принцу Георгію Ольденбургскому (генералъ-губернатору Ярославской, Новгородской и Тверской губерній) съ просьбою о позволеніи ему „учредить въ селѣ Лисинѣ больницу на собствен-

номъ его иждивеніи и подъ его смотрѣніемъ". Для этой цѣли Матюшкинъ обязывался составить капиталъ изъ доходовъ со своего имѣнія. Принцъ Ольденбургскій далъ знать Любимскому филантропу, что „усердіе его въ „пользу человѣчества весьма похвально, и отъ него зависитъ завести у „себя больницу, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ обезпечилъ содержаніе „оной, и въ разсужденіи образа леченія больныхъ соображался-бы съ об„щими правилами".

Извѣщенный объ этомъ, Приказъ Общественнаго Призрѣнія потребовалъ отъ Матюшкина, чрезъ Любимскій Земскій Судъ, точныхъ свѣдѣній: на сколько человѣкъ онъ располагаетъ учредить больницу, какимъ обезпечиваетъ ее капиталомъ, гдѣ будетъ находиться сей капиталъ, сколько назначено прислуги въ больницѣ, какая будетъ пища, какое платье?— Съ такими вопросами поѣхалъ къ Матюшкину засѣдатель Земскаго Суда Скрипицынъ. Между ними произошло непріятное объясненіе.

— „Дайте резонные отвѣты!" требовалъ Скрипицынъ.

— Какіе отвѣты дать вамъ? „возразилъ Матюшкинъ: — я все объяснилъ въ письмѣ къ принцу Ольденбургскому".

— „Этого мало".

— „Чего же еще отъ меня требуютъ?"

— „Значительнаго капитала".

— „Я буду жертвовать для больницы, сколько могу, каждогодно до моей смерти, и сколько именно, это будетъ зависѣть отъ средствъ; у меня нѣтъ и не было желанія стѣснять себя какою-нибудь опредѣленною цифрою. Я такъ и рапортовалъ его высочеству 12-го Апрѣля (1810 г.), а потомъ въ Маѣ написалъ губернатору, князю Голицыну, но не удостоился отвѣта".

Земскій Судъ донесъ Приказу о словахъ Матюшкина. Приказъ опять аттаковалъ его вопросами; Матюшкинъ не отвѣчалъ. Затѣмъ онъ получилъ отъ губернатора новое требованіе—обезпечить больницу и подчиниться контролю Приказа Общественнаго Призрѣнія. Тогда Матюшкинъ написалъ князю Голицыну слѣдующее:

„Высокопочтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 18-го числа текущаго Іюля сего года, коимъ ваше сіятельство, чрезъ почту, удостоить меня, соблаговолили, сейчасъ съ должнымъ почтеніемъ получилъ, за отбытіемъ изъ Любима почты, чрезъ Даниловъ. Поспѣшаю моимъ донесеніемъ.

„Цѣль и причины, побудившія меня къ заведенію больницы, о коей ваше сіятельство, яко начальникъ губерніи, изволите желать получить подробное свѣдѣніе, изъ письма моего вашему сіятельству уже извѣстны. Я никогда, милостивый государь, не убѣгалъ дѣяніями моими отъ взоровъ правительства, а паче старался и стараюсь, по возможности, обратить на себя оные. Будучи въ пустотѣ одиночества, хворымъ и безъ родныхъ, одно дѣланіе добра и благосклонный взоръ правительства единую отраду мнѣ составляютъ и еще надежда будущей жизни, религіею обѣщанная. Осмѣливаюсь вашему сіятельству почтительнѣйше доложить, что молчаніе мое на требованіе Приказа Общественнаго Призрѣнія послѣдовало отъ недоразумѣнія моего въ требованіи онаго, которое понималъ я о взносѣ немедленно въ оный на заведеніе и содержаніе больницы суммы, чего я вдругъ исполнить нынѣ еще не нахожу возможности безъ отягощенія. Нынѣ же изъ письма вашего сіятельства понимая настоящій смыслъ требованія, съ должнымъ высокопочитаніемъ объясняю":

„1) Для привозимыхъ больныхъ построенъ нарочный при церкви теплый каменный флигель съ сѣнями и чуланомъ. Въ немъ, для принятія больныхъ и присмотра, будетъ жить человѣкъ съ женою, умѣющій кровь пускать, ставить клестиры и прочее къ тому нужное. 2) Присмотръ мой собственный, а равно 3) лекарства, требующіяся по обстоятельствамъ, мои же собственныя, безъ всякой за оныя и хожденіе за больными платы. 4) Постели, на случай требующіяся, имѣютъ быть мои, по числу страждущихъ, которые, какъ скоро будетъ возможность по плану моему, отправляемы немедленно будутъ къ господину городовому лекарю, ибо помощь моя простирается въ случаѣ самой крайности и во время его отлучекъ. 5) Кушанье, по роду болѣзни, съ собственнаго стола моего. 6) Ежели больной не въ силахъ привезенъ быть, и извѣщено мнѣ будетъ, не отрекаюсь, ежели здоровъ на тотъ разъ буду, подать ему и на дому дѣятельную помощь; но оная 7) въ томъ и другомъ случаѣ производима мною будетъ не иначе, какъ въ присутствіи священника. 8) На все сіе требующіяся издержки произведу изъ собственнаго моего кошта, не требуя съ больныхъ платы. 9) Сіе имѣетъ продолжаться во всю жизнь мою, по самую смерть; а на случай оныя, 10) въ духовномъ завѣщаніи моемъ, хранящемся въ селѣ моемъ Лисинѣ, при Крестовоздвиженской церкви, отъ священноцерковнослужителей съ роспискою, остается сумма, ежегодно, рукою моею записанная, сколько собрать успѣю, въ распоряженіе Приказа Общественнаго Призрѣнія на увѣковѣченіе какъ сего, такъ и прочихъ заведеній моихъ, елико можно...“

На этотъ разъ чиновники Приказа удовольствовались тѣмъ, что пришили письмо Матюшкина къ дѣлу, а устроенную имъ больницу внесли въ списокъ благотворительныхъ заведеній. Нужно еще сказать, что кромѣ больницы Матюшкинъ имѣлъ въ своемъ селѣ училище для крестьянскимъ дѣтей и былъ его попечителемъ. Вообще, по архивнымъ документамъ, Матюшкинъ является въ глазахъ потомства свѣтлой личностью, добрымъ, заботливымъ господиномъ; народныя же преданія изображаютъ его совсѣмъ иначе. Нѣкоторыя черты напоминаютъ въ немъ отчасти Гоголевскаго полковника Кошкарева, страстнаго любителя письменнаго производства. У Кошкарева были разные комитеты сельскихъ дѣлъ, коммиссіи для принятія рапортовъ и донесеній, и т. п. Матюшкинъ тоже любилъ рапорты, справки, реестры входящихъ и исходящихъ бумагъ, и плодилъ ихъ удивительнымъ образомъ. Въ больницѣ, мѣсяца черезъ три послѣ ея основанія, какъ увидимъ далѣе, оказалась только одна паціентка, именно дочь дворянина Полозова, а ужъ Матюшкинъ ухитрился написать цѣлую груду бумагъ и отмѣчалъ „по исходящей домовой книгѣ“ № 46. Въ число этихъ нумеровъ входили предписанія старостѣ и отношенія къ мѣстному священнику, не смотря на то, что послѣдній жилъ отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ. Вотъ до чего простиралась въ Матюшкинѣ страсть къ бумагомаранью!

Чистенькая, опрятная больница долгое время стояла пустой: никто въ нее не заглядывалъ. Конечно, въ имѣніи Матюшкина были хворые мужики и бабы; но онъ не считалъ нужнымъ отправлять ихъ въ больницу, назначенную исключительно для постороннихъ людей. „Стараніе мое о своихъ подданныхъ, по долгу помѣщика, къ сему не относится“, доносилъ Матюшкинъ Приказу Общественнаго Призрѣнія. Наконецъ, къ великой радости Матюшкина, скорбѣвшаго о томъ, что его филантропическая задача разрѣшается съ трудомъ, явилась въ больницу дочь небогатаго помѣщика Ивана Прокофьевича Полозова, Любовь Ивановна. Она страдала простудою головы; кромѣ того, у нея болѣли глаза. Мѣстный

врачъ былъ занятъ рекрутскимъ наборомъ и потому не могъ оказать ей помощи. Матюшкину удалось вылѣчить молодую дѣвушку, о чемъ онъ и „рапортовалъ благопочтеннѣйше Приказу, испрашивая купно милостиваго наставленія и предписанія, какъ поступать на будущее время въ „подобныхъ случаяхъ". При рапортѣ доставлено было письмо отца означенной дѣвицы, въ которомъ онъ благодарилъ Матюшкина „за сіе благодѣяніе и полезное стараніе". Приказъ передалъ этотъ рапортъ, написанный высокопарнымъ слогомъ, во Врачебную Управу, требуя, чтобы она снабдила Матюшкина „наставленіемъ"; но Управа молчала. Да и какое наставленіе она могла дать? Очевидно, что не того, а благодарности „за добровольное усердіе" ожидалъ другъ человѣчества.

По излѣченіи дѣвицѣ Полозовой, Матюшкинъ остался безъ паціентовъ. Число входящихъ и исходящихъ бумагъ прибывало, но больныхъ не было. Счастливый случай помогъ Матюшкину заявить правительству ревность къ народному благу: онъ спасъ отъ смерти одного крестьянина и описалъ это событіе въ слѣдующемъ документѣ.

„Въ Ярославскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, Любимскаго помѣщика и Лисинскихъ приходскаго училища попечителя и учрежденной для внезапныхъ и скорой помощи требующихъ случаевъ больницы содержателя, лейбъ-гвардіи прапорщика Матюшкина, рапортъ.

„Имѣя счастіе начальствовать, съ дозволенія его императорскаго высочества, генералъ-губернатора Новогородскаго, Тверскаго и Ярославскаго, принца Георгія Голстейнъ-Ольденбургскаго, въ селѣ моемъ Лисинѣ, „для внезапной и скорой помощи требующихъ случаевъ, больницею,—сего „текущаго Февраля (1811 г.) съ 4-го на 5-е число, въ 9 часовъ по-полудни, имѣлъ я счастіе спасти жизнь человѣка, въ двойномъ случаѣ смертной опасности подвергавшагося, съ возвращеніемъ ему не только жизни и здоровья, но и употребленіемъ, сколько возможно, отмороженныхъ „членовъ, который и отданъ мною, по принадлежности, изъ больницы въ „вотчину, въ сохранности, съ роспискою. Учиненный же мною, по случаю сему, актъ свидѣтельства, означающій имя спасеннаго и случившіяся при томъ обстоятельства, съ роспискою на оныхъ, для благоусмотрѣнія Ярославскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія при семъ рапортѣ имѣю честь представить въ подлинникѣ, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и покорностію. По новости заведенія сего, испрашиваю „наставленія и предписанія: впредь, при подобныхъ случаяхъ, симъ-ли „самымъ порядкомъ при произведеніи актовъ свидѣтельства поступать „мнѣ, или же каковая другая форма для случаевъ сихъ предписана мнѣ „будетъ? Ибо имѣть сношеніе съ земскою полиціею ни время, ни скорость обстоятельствъ по большей части подобныхъ случаевъ позволить „не могутъ, поелику, во время сношеній о семъ, страждущему нужна бываетъ дѣятельная помощь. Февраля 6 дня 1811 года. Лисинскихъ „приходскаго училища и учрежденной для внезапныхъ случаевъ „больницы содержатель лейбъ-гвардіи прапорщикъ Матюшкинъ".

Приводимъ затѣмъ самый актъ свидѣтельства, замѣчательный по своей курьезности.

„1811 года, Февраля въ 4-й день, Ярославской губерніи, Любимскаго уѣзда, вотчины его сіятельства князя Андрея Петровича Оболенскаго, деревни Маринина, крестьянинъ Иванъ Васильевъ былъ въ городѣ Любимѣ, для покупки лѣсу, котораго и купилъ семь тесницъ, послѣ напился безчувственно пьянъ и ѣхалъ до вотчины господина Александра Николаевича Матюшкина, села Лисина и, немного до онаго села не доѣхавъ,

въ полѣ съ возу свалился въ снѣгъ, а лошадь, запутавшись возжами, остановилась. И ѣхалъ изъ Любима-же вышеписаннаго господина Александра Николаевича Матюшкина дворовый человѣкъ Иванъ Онисимовъ, и сказалъ дворовому-жъ человѣку Леонтію Ѳедорову, который доложилъ объ ономъ господину своему, лейбъ-гвардіи прапорщику, Лисинскихъ приходскаго училища попечителю и больницы содержателю, Александру Николаевичу Матюшкину, съ даннаго на сіе отъ его императорскаго высочества, Новогородскаго, Тверскаго и Ярославскаго генералъ-губернатора позволенія. Призвали для свидѣтельства, по важности случая, тогожъ села Лисина священника съ священноцерковнослужителями и сотскаго и, смотрѣвъ онаго вышеписаннаго крестьянина Васильева, что еще живъ (только ознобилъ руки, у правой руки по кисть, а у лѣвой одни пальцы; на одной рукѣ была рукавица, а съ другой лежала подлѣ него, шапки же на головѣ, ни подлѣ него не было),—котораго и взяли въ стоящій близь дороги училищный флигель и начали отливать водою, и тереть снѣгомъ, и въ ротъ лили постное масло, отчего и сдѣлался здоровъ; и при немъ лошадь и вся конская сбруя, тесъ и денегъ 1 рубль 5 коп. остались въ цѣлости; только, ѣхавши, какъ выше сказано, дорогой, потерялъ съ себя шапку, а гдѣ, того не упомнитъ. Въ чемъ, онъ Васильевъ, равно и отецъ его, вышеозначенной деревни Маринина староста, крестьянинъ Василій Кузьминъ, означенному господину Матюшкину въ прописанной помощи и спасеніи отъ неминуемыя смерти единственно стараніемъ, по приказанію его, и дѣятельною помощію сіе свидѣтельство дали“.

Актъ подписали: священникъ Емеліанъ, дьяконъ (онъ же и школьный учитель) Алексѣй Ивановъ, пономарь Василій Григорьевъ, дьячекъ Яковъ Стефановъ, сотскій и другія лица. Однимъ словомъ, вся интеллигенція села Лисина приложила свою руку къ пресловутому акту. Матюшкинъ же написалъ на немъ слѣдующую резолюцію: „№ 41. „Получено 5-го Февраля 1811 года. Записавъ во входящую книгу подлин„никомъ, представить въ Ярославскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, „при рапортѣ, въ оригиналѣ. Лисинскихъ приходскаго училища по„печитель и учрежденной для внезапныхъ случаевъ больницы „содержатель, лейбъ-гвардіи прапорщикъ Матюшкинъ“. Врачебная Управа нашла излишнимъ входить въ разсмотрѣніе этой бумаги, замѣтивъ только, что „во всѣхъ госпиталяхъ содержатся книги, гдѣ отмѣчаютъ: когда, отъ кого и кто именно поступилъ въ госпиталь, и какими пользовали его медикаментами; а другихъ актовъ никакихъ не требуется“. Матюшкинъ долженъ былъ понять, что сочиненный имъ актъ, упоминавшій о найденныхъ рукавицахъ и потерянной шапкѣ, совершенно напрасенъ.

Филантропъ огорчился и, не опуская времени, вновь запросилъ Приказъ: „Что дѣлать, если случится подобный случай впредь? Дозволено „ли мнѣ будетъ брать страждущаго безъ сотскаго, въ присутствіи свя„щеннослужителей, въ больницу? А въ случаѣ небытія оныхъ, учинена „ли будетъ въ томъ, по усердію моему, и одному мнѣ довѣренность, безъ „коей, со всѣмъ усердіемъ моимъ къ поданію помощи ближнему и страж„дущему человѣчеству, я отважиться не смѣю, дабы и самое усердіе мое „не могло послужить поводомъ къ обвиненію, слѣдствію и сужденію мо„ему единственно отъ несношенія съ земскою полиціею“... И много другихъ вопросовъ сдѣлалъ еще Матюшкинъ; между прочимъ онъ сомнѣвался, „какъ обращаться къ священнику: непосредственно отъ своего лица, „или чрезъ духовную команду?“

Приказу, по всей вѣроятности, наскучило вести съ Матюшкинымъ безполезную переписку, которая только увеличивала число бумагъ. Не труд-

но было разгадать тайное желаніе филантропа: онъ заботился не о больныхъ, а о томъ какъ бы украсить лишнимъ нумеркомъ свою „входящую“. На этомъ основаніи Приказъ далъ Матюшкину сухой отвѣтъ: „Вы можете пользовать больныхъ въ такихъ только случаяхъ, гдѣ не требуется искусства медицинскаго чиновника; гдѣ же болѣзнь превышаетъ ваше знаніе, въ такихъ обстоятельствахъ вы должны, принявъ въ больницу немощнаго, тотчасъ требовать пособія отъ уѣзднаго врача и поступать далѣе по его наставленіямъ. Вы должны имѣть особую книгу для записки больныхъ, съ означеніемъ званія каждаго, времени вступленія и высылки изъ больницы, также рода болѣзни, и эту книгу будетъ свидѣтельствовать уѣздный врачъ“... Ничего больше Приказъ не требовалъ и прекратилъ переписку съ Матюшкинымъ. Ударъ для филантропа былъ слишкомъ чувствителенъ. Онъ не перенесъ его и... закрылъ больницу! Тѣмъ и кончились его гуманныя затѣи.

Когда умеръ этотъ „другъ человѣчества“, мы въ точности не знаемъ. Огромный каменный домъ, гдѣ жилъ Матюшкинъ, среди множества молодыхъ служанокъ, существуетъ до сихъ поръ *); онъ поражаетъ своей мрачностью и запустѣніемъ; въ немъ, по вѣрованію народа, обитаютъ тѣни бывшаго хозяина и его служанокъ, число которыхъ, будто бы, простиралось далеко за сотню. Если судить по сохранившемуся портрету Матюшкина, онъ былъ очень хорошъ собою. Красота, при пособіи барской власти, дѣлала изъ него человѣка опаснаго для невѣстъ-крестьянокъ. Такимъ образомъ Матюшкинъ часто становился въ разладъ съ гуманными идеями, которыя онъ щедро выражалъ на бумагѣ. Подъ конецъ своей бурной жизни онъ обратился въ святошу и хотѣлъ вознаградить грѣхи молодости основаніемъ училища и больницы. Имѣніе его перешло, если не ошибаемся, въ родъ г-жи Канарской.

V.

МОНТІОНОВСКІЯ ПРЕМІИ

въ Россійскомъ вкусѣ.

Любимецъ императора Александра I-го, первый (по времени) министръ внутреннихъ дѣлъ и членъ того комитета, который назывался, въ шутку, „комитетомъ общественной безопасности“, графъ, впослѣдствіи князь, Викторъ Павловичъ Кочубей, въ началѣ 1805 года, имѣлъ несчастіе сдѣлать калѣкою одного крестьянина Моложскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Сколько намъ извѣстно, несчастіе это произошло отъ слишкомъ быстрой ѣзды по стогнамъ Петрограда: экипажъ, мчавшійся съ быстротою молніи, изуродовалъ прохожаго.

Графъ былъ опечаленъ несчастнымъ случаемъ. Проникнутый гуманными чувствами, Кочубей рѣшился хоть чѣмъ нибудь загладить вину своего рьянаго, а можетъ быть, и пьянаго кучера. Съ этой цѣлью онъ написалъ тогдашнему Ярославскому губернатору, князю Голицыну (брату извѣстнаго дѣятеля 20-хъ годовъ) слѣдующее письмо:

„Милостивый государь мой, князь Михаилъ Николаевичъ!

„Честь имѣю препроводить при семъ къ вашему сіятельству тысячу „рублей государственными ассигнаціями, прося васъ, милостивый госу-

*) Писано въ 1869 году.

„дарь, взнесть сіи деньги въ Ярославскій Приказъ Общественнаго Призрѣ-„нія. Я предоставляю сумму сію въ пользу Моложскаго уѣзда, села Воск-„ресенскаго, помѣщика маіора Герасима Мицкаго, крестьянина Ивана „Андреянова, который, по несчастному приключенію, здѣсь изувѣченъ,—„съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно получалъ узаконенные съ сей суммы про-„центы до смерти своей; а по смерти его, я предоставляю себѣ право, „по увѣдомленіи меня тогда о семъ отъ Приказа, сдѣлать о сихъ деньгахъ „такое распоряженіе, какое за благо признаю“.

„Самого крестьянина Андреянова я снабдилъ видомъ, съ коимъ онъ „явится въ Ярославскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, для полученія, „въ свое время, слѣдующихъ ему денегъ“.

„Честь имѣю быть, съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч.

Графъ В. Кочубей“.

„13-го Января 1805 года“.

Кочубей ошибся, думая пережить калѣку; напротивъ, тотъ пережилъ его, и ровно 33 года пользовался процентами съ означенной суммы, по 50 рублей асс. въ годъ. Наконецъ, волею Божіею, и онъ умеръ, оставивъ послѣ себя сына Василія. Послѣдній думалъ было, какъ и отецъ, быть Кочубеевскимъ пенсіонеромъ; но ему отказали на томъ основаніи, что „печальное событіе“ случилось не съ нимъ, Василіемъ, а съ его родителемъ, слѣдовательно онъ тутъ не при чемъ. Приказъ Общественнаго Призрѣнія обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ вопросомъ: какое назначеніе дать этимъ деньгамъ?

Завязалась, какъ и водится, длинная переписка. Министръ освѣдомился у сына жертвователя, князя Василья Викторовича, что̀ дѣлать съ капиталомъ и процентами. Князь увѣдомилъ, что онъ спрашивалъ приказанія у своей матери, „къ которой непосредственно относится настоящее обстоятельство“, а княгиня поручила обратить деньги на богоугодныя дѣла, не означая, на какія именно. Приказъ желалъ самъ распорядиться; но министръ Перовскій учредилъ нѣчто въ родѣ Монтіоновской преміи „за добродѣтель“, предписавъ, въ 1843 году, Ярославскимъ властямъ слѣдующее:

1) Внесенный покойнымъ княземъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ капиталъ, тысячу рублей, наименовать „Кочубеевскимъ“.

2) Проценты, причитающіеся со дня смерти Андреянова, т. е. съ 19-го Декабря 1838 года по 1-го Января 1843 года,—присоединить къ капиталу.

3) Затѣмъ, съ 1843 года, выдавать проценты ежегодно, въ день ангела жертвователя, одному изъ бѣднѣйшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Ярославской губерніи, „отличающемуся справедливостью и честностью, а „также примѣрнымъ попечительствомъ о родителяхъ и семействѣ и точ-„нымъ исполненіемъ христіанскихъ обязанностей“.

4) Выборъ такихъ достойныхъ лицъ, съ перемѣною ихъ каждый годъ, предоставить усмотрѣнію губернатора.

Извѣстившись о распоряженіи министра, Ярославская администрація задалась вопросомъ: когда князь Кочубей бывалъ имянинникомъ? Въ Ярославлѣ никто не зналъ этого. Изъ Петербурга отвѣчали офиціально, что „день ангела покойнаго князя праздновался 11-го Ноября“. Такимъ образомъ опредѣлилось время, въ которое добродѣтельные крестьяне должны были получать премію; но, далѣе, встрѣтился другой, болѣе существенный, вопросъ: кто же оцѣнитъ добродѣтель, кто будетъ искать ее въ бѣдныхъ избахъ?—Становые пристава?... Увы! этотъ народъ (соображали тогда губернскія власти) слишкомъ ненадеженъ: они, пожалуй, вмѣ-

сто Аристидовъ, отрекомендуютъ Фальстафовъ.—Сами помѣщики?.. Но вѣдь дѣло касается ихъ же собственныхъ крестьянъ, ergo и здѣсь нельзя ожидать безпристрастія, потому-что каждому захочется похвастаться образцами добродѣтели. Господа̀ могутъ затѣять между собою тяжбу и споры за чистоту нравовъ своихъ крестьянъ... Долго Ярославская администрація ломала себѣ голову надъ мудренымъ вопросомъ; наконецъ ее вдохновила счастливая мысль.

—А предводители-то дворянства? Это ихъ священная обязанность рѣшать, кто добродѣтеленъ и кто страдаетъ пагубными пороками, свойственными всему человѣчеству, худо-благо-и даже высоко-родному.

Такъ и рѣшили: снестись съ уѣздными предводителями дворянства, „потому-что помѣщичьи крестьяне состоятъ отъ нихъ въ зависимости, „и о бытѣ ихъ они, господа̀ предводители, имѣютъ болѣе подробныя свѣдѣнія“.

Вотъ и началось исканіе добродѣтели по всѣмъ уѣздамъ Ярославской губерніи. Едва-ли когда нибудь въ нашемъ любезномъ отечествѣ бывалъ подобный случай. Обыкновенно гоняются за преступниками, а тутъ гонялись за добродѣтелью,—искали ее для выдачи премій. Къ сожалѣнію, хотя въ принципѣ и было рѣшено устранить становыхъ приставовъ отъ такой погони, несвойственной служебнымъ ихъ обязанностямъ, но вскорѣ горькая дѣйствительность обнаружила, что безъ этихъ чиновниковъ ничего не сдѣлаешь, что только они и знаютъ, гдѣ скрывается скромная добродѣтель и гдѣ царствуетъ презрѣнный порокъ. Уѣздные предводители дворянства запросили земскихъ исправниковъ, а исправники предписали тѣмъ-же становымъ приставамъ искать добродѣтельныхъ мужиковъ. Происходили смѣшныя сцены. Мужика требовали въ станъ. Бѣднякъ трепеталъ отъ ужаса, полагая, что его высѣкутъ; но, вмѣсто розогъ, его встрѣчалъ съ ласковой улыбкой г. становой и объявлялъ: „Ты, братецъ, добродѣтеленъ, вслѣдствіе чего и стоишь награды!“ Мужикъ падалъ на колѣни, предполагая, что награда будетъ обыкновенная въ то время—на конюшнѣ, и умолялъ о милосердіи. Становой называлъ его, опять съ ласковой улыбкой, дуракомъ и, отправивъ домой, рапортовалъ исправнику объ отысканіи добродѣтельнаго крестьянина, заслуживающаго преміи. Иногда мужиковъ вызывали къ себѣ на аудіенцію писцы предводительскихъ канцелярій за тѣмъ, конечно, чтобъ высказать великую истину о добродѣтели, рано или поздно торжествующей и получающей достойную награду.

Первый примѣръ добродѣтели оказался въ Моложскомъ уѣздѣ. Это былъ крестьянинъ деревни Вашковой, вотчины г-жи Толбугиной, Максимъ Савиновъ. Его рекомендовалъ Ярославскому Приказу Общественнаго Призрѣнія мѣстный предводитель дворянства, г. Соковнинъ. Архивные документы, которыми я пользуюсь, описывая эту исторію, ручаются, что г. Соковнинъ не обладалъ даромъ краснорѣчія и любилъ лаконизмъ: въ своемъ отношеніи, за № 241-мъ, отъ 15-го Октября 1843 года, онъ выразился очень сухо, что вышеозначенный Максимъ добродѣтеленъ,—и всё тутъ.

Въ Ярославскомъ уѣздѣ становые пристава обшарили всѣ избы; но—великій Боже!—тамъ не оказалось ни одного праведника. Фактъ тѣмъ болѣе прискорбный, что и въ грѣшномъ городѣ Содомѣ, какъ извѣстно читателю, обрѣтался благочестивый Лотъ; въ Ярославскомъ же уѣздѣ, назадъ тому около 35-ти лѣтъ, не было ни одного Лота. Предводитель дворянства, г. Палицынъ, грустно замѣтилъ: „По развѣдыванію моему, „не открыто ни одного крестьянина съ качествами (?), который былъ-бы „достоинъ полученія процентовъ и имѣлъ бы вышеупомянутыя качества“...

Романовскій уѣздъ, благодаря тщательнымъ поискамъ исправляющаго должность предводителя дворянства, дворянскаго засѣдателя, г. Тевяшева, находился въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Тамъ жилъ одинъ добродѣтельный Сатиръ. Читатель спроситъ: „Какіе Сатиры въ Романовскомъ уѣздѣ? Тамъ, за неимѣніемъ лѣсовъ, давно уже срубленныхъ, нѣгдѣ жить Сатирамъ". Но Сатиръ, о которомъ идетъ рѣчь, назывался непросто Сатиромъ, а Сатиромъ Ивановичемъ. И жилъ онъ, бѣднякъ, въ деревнѣ Теринѣ, принадлежавшей подполковницѣ Парасковьѣ Ивановнѣ Скульской, и отличался онъ плодородіемъ, имѣлъ 9 чадъ малолѣтнихъ и двухъ (sic) престарѣлыхъ родителей, „которыхъ, при исправномъ платежѣ казен„ныхъ и другихъ повинностей, кормилъ собственными своими трудами; „въ неутомимомъ занятіи сельскими работами отличался преимущественно „отъ прочихъ крестьянъ госпожи своей; былъ примѣрно во всемъ спра„ведливъ и честенъ; праздничные дни посвящалъ на точное исполненіе „христіанскихъ обязанностей", и т. д.

И Ростовскій уѣздъ скрывалъ въ себѣ добродѣтельнаго крестьянина г-жи Кучиной, Николая Алексѣева. Г. предводитель дворянства Протасьевъ нѣсколько игриво отнесъ къ признакамъ „добродѣтелей" и пожаръ, раззорившій означеннаго мужика. Вообще г. г. предводители, по винѣ своихъ секретарей и писцовъ, впадали въ ошибки противъ орѳографіи и логики. У нихъ, какъ у одной изъ Гоголевскихъ барынь, Авдотья обращалась нерѣдко въ Обмокни. Только по свойственной мнѣ, можетъ быть излишней, скромности я не привожу здѣсь многочисленныхъ примѣровъ безграмотности „передовыхъ людей 40-хъ годовъ". Впрочемъ, по всей вѣроятности, эти передовые люди руководствовались соображеніемъ, что тамъ, гдѣ все дѣло состоитъ въ исканіи добродѣтели, посторонними предметами, въ томъ числѣ и орѳографіей, заниматься не слѣдуетъ.

Пошехонскій уѣздъ также имѣлъ своего Лота, похожаго и на многострадальнаго Іова. Звали его Парменомъ Ивановымъ. Онъ былъ крестьянинъ деревни Соколова, вотчины гвардіи поручика Окулова. Старшій сынъ Пармена ушелъ подъ красную шапку; другой сынъ, калѣка, сидѣлъ сиднемъ безъ ноги; остальныя дѣти были малолѣтки; кромѣ ихъ, Парменъ кормилъ своихъ внучатъ, сыновей солдата. Предводитель дворянства Ратаевъ писалъ, что „означенный Парменъ Ивановъ поведенія трезваго и „занимается трудолюбіемъ, но несчастливъ во всѣхъ своихъ предпріяті„яхъ и въ хозяйственномъ быту: не проходитъ ни одного года, чтобъ у „него не пала корова или лошадь, да притомъ—неурожай хлѣба. Однимъ „словомъ, онъ находится въ бѣдномъ состояніи, единственно неутомимы„ми трудами своими кормитъ многочисленное семейство и исполняетъ го„сударственныя потребности..."

Между тѣмъ наступилъ день раздачи премій. 11-го Ноября 1843 года, исправляющій должность губернатора, вице-губернаторъ, явился въ Приказъ и велѣлъ секретарю читать справку о людяхъ, сіяющихъ добродѣтелью. Секретарь доложилъ, что таковыхъ во всей Ярославской губерніи оказалось четверо, именно такіе-то.

Вице-губернаторъ, выслушавъ докладъ, произнесъ краткую рѣчь, которая сохранилась въ журналахъ Приказа, для назиданія потомства.

—„Я не знаю лично никого изъ крестьянъ здѣшней губерніи, который соединялъ-бы въ себѣ похвальныя качества, указанныя въ предписаніи г. министра внутреннихъ дѣлъ. Мнѣ неизвѣстно, кто достоинъ награды изъ капитала князя Кочубея; но я совершенно увѣренъ въ справедливости отзывовъ г.г. предводителей объ указанныхъ ими крестьянахъ, и нахожу нужнымъ выдать премію..."

—„Кому-же именно-съ?“ спросили члены Приказа:—отзывы предводителей равносильны“.

—„Дѣйствительно, равносильны, согласился вице-губернаторъ. Таковое обстоятельство можетъ встрѣтиться и впредь, а потому я признаю нужнымъ кинуть жребій для нынѣшней награды, а на будущее время установить между уѣздами очередь“.

Члены Приказа почтительно поклонились въ знакъ согласія. Вице-губернаторъ, по словамъ цитируемаго мною документа, изобразилъ своею особой слѣпую богиню счастія, Фортуну: скатавъ изъ бумаги четыре билета, онъ вынулъ одинъ изъ нихъ съ именемъ добродѣтельнаго Пошехонца Пармена Иванова. Премія, 11 руб. 95 коп., была доставлена ему чрезъ предводителя. За Пармена въ полученіи денегъ, вслѣдствіе его безграмотности, росписался нѣкто г. Краузольдъ, коллежскій регистраторъ.— Замѣчу кстати, что всѣ добродѣтельные крестьяне, всѣ поголовно, оказались безграмотными: обстоятельство, нисколько не унижающее ихъ, ибо и сами раздаватели премій были, какъ говорится понѣмецки, schwach на счетъ грамматики, хотя и изучали безсмертное твореніе Николая Ивановича Греча...

На третій день послѣ того, какъ Ярославскій вице-губернаторъ съигралъ, не безъ граціозности, роль Фортуны, получено было въ Приказѣ радостное извѣстіе, что въ Рыбинскомъ уѣздѣ также обитаетъ добродѣтель, олицетворяемая молодымъ крестьяниномъ г. Яворскаго, Иваномъ Филипповымъ. Предводитель Голохвастовъ сообщалъ: „Иванъ Филипповъ „содержитъ больную мать, съ совершеннымъ къ ней почтеніемъ, четы„рехъ малолѣтнихъ сестеръ и брата“. Приказъ включилъ и его въ списокъ „добродѣтельныхъ“.

Мышкинскій предводитель Травинъ отрапортовалъ губернатору, въ томъ смыслѣ, что тамошній уѣздъ страдаетъ, по неимѣнію въ немъ добродѣтелей. Онъ, г. Травинъ, требовалъ отъ Земскаго Суда отыскать добродѣтельнаго крестьянина тогда-то и тогда-то, за такими-то №№, „но Земскій „Судъ и по сіе время не дѣлаетъ мнѣ никакого отзыва, почему таковое „молчаніе представляю на распоряженіе вашего превосходительства“. За тѣмъ г. Травинъ (27 Сентября 1844 года, за № 404) далъ знать Приказу, что „при объявленіи благороднымъ дворянамъ Мышкинскаго уѣзда отно„шенія г. начальника губерніи, за № 3196-мъ, никто изъ нихъ тако„выхъ крестьянъ, которые были-бы достойны полученія процентовъ, не „объявилъ“... О, дѣти Мышкинскихъ крестьянъ! воскликну я въ ужасѣ: вотъ каковы были ваши родители!...

Не обошлось и въ Любимскомъ уѣздѣ безъ вмѣшательства Земскаго Суда въ оцѣнку нравственности крестьянъ. Только съ помощью исправника, предводитель г. В. Н. Скульскій нашелъ добродѣтельнаго крестьянина г-жи Неѣловой, Ивана Григорьева, патріарха, имѣвшаго пятнадцать человѣкъ дѣтей. Овладѣло г. Скульскимъ страстное желаніе видѣть сего патріарха. „Я (писалъ предводитель) истребовалъ Григорьева къ „себѣ для личнаго моего обозрѣнія“. Патріархъ ушелъ въ Вологду, гдѣ онъ добывалъ кусокъ хлѣба мелочною торговлей. Но г. Скульскій не любилъ шутить. „Какъ!“ воскликнулъ онъ: „я ищу добродѣтель, а она „ушла торговать въ Вологду“? И вытребовали добродѣтель изъ Вологды чрезъ полицію для „личнаго обозрѣнія“. Хорошо по крайней мѣрѣ, что онъ получилъ премію въ 1847 году; нѣкоторые-же крестьяне, представленные къ наградѣ, успѣли умереть прежде ея полученія. Будемъ надѣяться, что эти труженики будутъ вознаграждены тамъ, гдѣ не пишутъ рапортовъ и отношеній...

Выдача премій производилась, такъ или иначе, съ курьозами въ родѣ описанныхъ, или безъ курьозовъ, до того времени, когда начался крестьянскій вопросъ. Послѣ него, съ 1860 года, предводители Ярославской губерніи полагали, что добродѣтель исчезла: „достойныхъ награды нѣтъ!“ Приказъ Общественнаго Призрѣнія требовалъ, нѣсколько разъ, свѣдѣній о добродѣтельныхъ крестьянахъ, и все получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ.

За упраздненіемъ Приказа, Кочубеевскій капиталъ перешелъ въ руки Ярославскаго земства, назначившаго его, вмѣстѣ съ другими источниками, на устройство ремесленнаго училища. Исторія этого капитала, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ черты нелишнія для характеристики недавно-минувшаго времени, которое, къ счастію для насъ, не повторится.

Л. Трефолевъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПИСКА ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ.

(1802).

Вмѣсто предисловія.

*Письмо графа С. Р. Воронцова къ другу его и сослуживцу, графу П. В. Завадовскому *).*

Лондонъ, 6 (18) Марта 1802.

Ты писалъ мнѣ изъ Москвы, изъ своей деревни и потомъ вернувшись въ Петербургъ, чтобы я составилъ записку объ нашемъ войскѣ и препроводилъ ее къ Государю: задача трудная даже и въ томъ случаѣ, если бы у меня было изъ чего составить эту записку. Желая однако сдѣлать тебѣ угодное, я написалъ ее, на основаніи того, что́ видѣлъ, читалъ и слышалъ, руководствуясь единственно памятью; память же у меня стала никуда не годная. Посылаю тебѣ мою тетрадь, но не могу вполнѣ исполнить, чего ты отъ меня желаешь. По твоему, я долженъ послать ее къ Государю; а между тѣмъ это невозможно, такъ какъ ты самъ же находишь, что я слишкомъ часто обращаюсь къ Его Императорскому Величеству съ моими представленіями, хотя сіи послѣднія относились къ дѣламъ политическимъ, которыми я занимаюсь 18 лѣтъ, и были вызываемы повелѣніями, мнѣ данными, либо дѣлами, въ которыхъ я обязанъ принимать участіе. Послѣ этого, какъ же мнѣ безпокоить Государя по предмету, вовсе не касающемуся теперешняго моего служенія и говорить ему о военной части, отъ которой я отвыкъ, оставивъ военную службу 25 лѣтъ тому назадъ? И такъ, записка моя составлена для частнаго сообщенія кому либо изъ членовъ комиссіи, учрежденной для устройства нашего войска. Я присоединилъ къ ней письмо, которое можетъ быть обращено одинаково къ тебѣ или къ двумъ другимъ друзьямъ моимъ, графу Кочубею и Николаю Николаевичу Новосильцову. Прочитай ее имъ обоимъ, и если Новосильцовъ, который самъ нѣкогда былъ воиномъ, найдетъ, что она стоитъ того, чтобъ ее показать Государю, то кто нибудь изъ васъ троихъ можетъ представить ее. Мнѣ бы хотѣлось даже, чтобы прежде представленія вы дали ее прочитать Вязмитинову, дабы потомъ, если записка будетъ одобрена, не встрѣтилось противорѣчія со стороны лицъ, которымъ, пожалуй, можетъ быть непріятно это вмѣшательство въ ихъ вѣдомство. Легко станется, что во многихъ отношеніяхъ я не вѣрно сужу о настоящемъ положеніи нашего войска, такъ какъ свѣдѣній до меня не доходитъ никакихъ. Въ такомъ случаѣ выкиньте что́ хотите и дайте переписать вновь. Я не хочу скрывать свое имя, но не подписался единственно для того, чтобы вы могли имѣть новый чистый списокъ, выпус-

*) Французскіе подлинники какъ этого письма, такъ и „Записки о Русскомъ войскѣ“ помѣщены въ недавно вышедшей X-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“.

тивъ, по совѣту людей знающихъ, все чтò окажется неточнымъ, либо можетъ быть неугодно Государю. Объ одномъ умоляю васъ: не уничтожайте того, чтò я говорю о мелочныхъ и безплодныхъ занятіяхъ, въ которыхъ тратятся драгоцѣнные досуги Государя, долженствующаго употреблять ихъ на дѣла болѣе важныя для блага государства. Ему слѣдуетъ посвящать эти досуги на совѣщанія, присутствовать въ Сенатѣ на прѣніяхъ, слѣдить за дѣлопроизводствомъ, пріѣзжать, безъ предваренія, въ Военную Коллегію, Адмиралтейство и другія коллегіи, какъ это дѣлалъ Петръ Великій. Такими посѣщеніями поддержатся дѣятельность, порядокъ и благоприличіе во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ; самъ же онъ ознакомится со множествомъ предметовъ, которыхъ иначе ему никогда не узнать.

*

Войско въ Россіи, также какъ и другія служебныя вѣдомства этой обширной имперіи, имѣло несчастіе подвергаться безпрестаннымъ измѣненіямъ, со времени кончины своего славнаго учредителя. Въ царствованіе императрицы Анны, фельдмаршалъ Минихъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ составѣ онаго, а въ 1763 году новые воинскіе штаты, измѣнивъ его составъ, хозяйственную часть и ходъ службы, болѣе и болѣе удалили наше военное вѣдомство отъ первоначальнаго учрежденія, созданнаго Петромъ Великимъ. Я зналъ генераловъ, которые проходили службу еще до этихъ измѣненій, и они отзывались (въ томъ числѣ графъ Броунъ, поступившій въ службу еще къ Петру Великому), что всякая перемѣна, противорѣчившая первоначальному составу, либо ослаблявшая его, только ухудшала нашу военное дѣло. Но смертельный ударъ нанесли нашему войску безпрестанныя преобразованія, безъ всякой пользы, безъ малѣйшаго теоретическаго или практическаго повода, по одному лишь произволу, которыя дѣлалъ покойный князь Потемкинъ, а въ особенности перемѣны, наставшія послѣ покойной Государыни. Наше войско не есть уже войско Петра Великаго; его нельзя даже назвать Русскимъ войскомъ, при этой амальгамѣ нововведеній вызванныхъ подражаніемъ Пруссіи и не имѣющихъ никакого отношенія къ нашей землѣ. Чтобы показать это, необходимо обратиться на минуту къ источнику вкравшагося зла.

Петръ Великій устроилъ свое войско, издалъ Воинскій Уставъ и сводъ узаконеній, извѣстный у насъ подъ названіемъ Воинскаго Артикула, лишь въ серединѣ войны своей съ Швеціей. Все это онъ заимствовалъ изъ лучшихъ учрежденій, существовавшихъ тогда въ Европѣ, т. е. изъ учрежденій Австріи и Пруссіи. Австрійское основалъ Монтекукули и усовершенствовалъ принцъ Евгеній; въ Пруссіи военная часть устроена княземъ Ангальтъ-Дессаусскимъ, создавшимъ Прусскую армію при отцѣ Фридриха Великаго. Но Петръ Великій, будучи геніемъ высшаго разряда, бралъ только то, чтò было несомнѣнно полезно для приспособленія къ его войску. Онъ конечно сознавалъ необходимость сообразоваться съ климатомъ, нравами и бытомъ своей земли. Такъ, въ Воинскомъ Уставѣ своемъ (лучшемъ, когда либо существовавшемъ твореніи по предмету войсковаго устройства), онъ опредѣлилъ обязанности каждаго лица, съ солдата до фельдмаршала, но не принялъ ни одѣянія,

ни внутренняго полковаго хозяйства, которыя были при немъ въ войскахъ Прусскомъ и Австрійскомъ. Чтобы солдаты больше полюбили знамёна, подъ которыми они сражались, онъ далъ Русскимъ полкамъ имена Русскихъ земель, и въ полку было знамя съ гербомъ той земли, именемъ которой назывался полкъ. Черезъ это солдатъ почиталъ себя принадлежностью государства, такъ какъ онъ служилъ въ полку, носившемъ имя одной изъ частей государства; а когда полки прозвались именами генераловъ, тѣже солдаты считали, что они принадлежатъ этимъ генераламъ, которые были ихъ начальниками и именами которыхъ назывались полки. Когда я имѣлъ несчастіе командовать корпусомъ, возвратившимся изъ Голландской экспедиціи *) и навѣщалъ нашихъ солдатъ въ Портсмутскомъ гошпиталѣ, на мои вопросы, изъ какого они полка, я выслушивалъ отвѣты: „Прежде былъ такого-то полку; а теперь не знаю, батюшка, какому-то Нѣмцу данъ полкъ отъ Государя". И слова эти сопровождались тяжкимъ вздохомъ. Имя полка не мѣнялось, и отъ этого возникало соревнованіе между полками; славные подвиги, совершенные въ полку такого-то имени, сохранялись по преданію во всемъ войскѣ и возбуждали другіе полки къ таковымъ же. Кто не знаетъ, что полки Астраханскій и Ингерманландскій всегда отличались передъ прочими во время войнъ Петра Великаго? Все Русское войско знаетъ, что мы побѣдили въ сраженіи при Гроссегерсдорфѣ, благодаря первому гренадерскому полку, что этотъ же полкъ и третій гренадерскій наиболѣе отличились въ сраженіи при Цорндорфѣ, что Ростовскій полкъ оказалъ чудеса храбрости въ Пальцигской битвѣ, что первому гренадерскому полку принадлежитъ честь побѣды въ сраженіяхъ при Франкфуртѣ и Кагулѣ. Всѣ эти полки, по преданію, знали славу своего имени и ревностно оберегали ее. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ на другой день послѣ одного дѣла подъ Силистріей, гдѣ отличился первый гренадерскій полкъ, когда фельдмаршалъ Румянцовъ, проѣзжаясь вдоль этого полка, благодарилъ гренадеровъ за ихъ геройскую храбрость, они ему закричали въ отвѣтъ: „Чему ты дивишься, когда мы йнако были?". Меня увѣряютъ, что зло, о которомъ я говорю, болѣе не существуетъ, и что полкамъ возвращены ихъ прежнія названія; но я распространился здѣсь объ этомъ изъ опасенія, чтобъ у насъ опять не возвратились къ вредному Прусскому и Австрійскому обычаю (онъ сохраняется только въ Пруссіи, Австріи и у мелкихъ Нѣмецкихъ князей).

Подражая иностранцамъ въ томъ что̀ у нихъ было хорошаго, Петръ Великій не подражалъ имъ въ воинскомъ одѣяніи. Онъ хорошо зналъ, что въ Пруссіи солдаты на двѣ трети суть иностранцы-наемники, и что потому тамъ больше заботились о сбереженіи денегъ, нежели о сбереженіи людей. Отъ этого онъ далъ войскамъ своимъ сапоги и шинели, чего нѣтъ у Прусаковъ (по причинѣ дороговизны). Тотъ же создатель нашего войска отлично пости-

---

*) Въ 1799 и 1800 годахъ. *П. Б.*

галъ, что хозяйство въ полку должно быть отдѣлено отъ взысканій по службѣ и подчиненности. Сими послѣдними вполнѣ завѣдывалъ полковникъ, хозяйственная же часть находилась въ рукахъ полномочнаго отъ комиссаріата. Инструкція Петра Великаго инспекторамъ, которые должны были ежегодно производить смотры во всѣхъ полкахъ, есть произведеніе неподражаемое. Инспекторы эти были изъ членовъ комиссаріата. Ихъ принимали въ полку, какъ бы Государя, съ опущеніемъ знамёнъ. Осмотрѣвъ полкъ подъ ружьемъ, они отводили полковника въ сторону и спрашивали его, не имѣетъ ли онъ какой либо жалобы на своихъ офицеровъ; потомъ отводились офицеры и могли также предъявлять свои жалобы на полковника. Послѣ этого онъ отсылалъ полковника и офицеровъ и ходилъ по рядамъ между солдатами, спрашивая ихъ, не имѣютъ ли они какихъ жалобъ на своихъ начальниковъ и все ли до нихъ вѣрно доходитъ, что̀ имъ назначено отъ Государя. Окончивъ эти личные распросы, онъ принимался обслѣдывать кассу и книги комиссара и полковаго казначея и пересчитывалъ находившіяся у нихъ деньги. Эти полковые комиссары зависѣли болѣе отъ комиссаріата, нежели отъ полковника, и не выдавали копѣйки, не получивъ отъ полковника письменнаго предписанія, которое должно было быть вполнѣ законно: потому что, если предписаніе малѣйше противорѣчило указамъ, комиссаръ обязывался не исполнять его. По окончаніи смотра, виновный въ чемъ либо, будь онъ полковникъ или послѣдній солдатъ, подвергался аресту. Военный совѣтъ судилъ его, сообразно донесенію инспектора, излагавшаго причины, по которымъ онъ произвелъ арестъ.

Это благодѣтельное установленіе было поколеблено установленіями 1763 года, коими полковнику дана неограниченная власть въ полковомъ хозяйствѣ. И не прошло съ тѣхъ поръ семи лѣтъ, какъ я уже былъ свидѣтелемъ позорныхъ злоупотребленій: многіе полковники пользовались властію, которая столь неосмотрительно была имъ предоставлена, для личныхъ своихъ выгодъ. Казна обкрадывалась съ невообразимымъ безстыдствомъ, и бѣдные солдаты безчеловѣчно были лишаемы тѣхъ ничтожныхъ денегъ, на которыя они имѣли право. Вотъ одна изъ темныхъ сторонъ въ этихъ установленіяхъ 1763 года. Безчеловѣчное отношеніе къ солдатамъ принуждало ихъ къ побѣгамъ. Я видѣлъ нашихъ храбрыхъ соотечественниковъ цѣлыми тысячами на службѣ у Прусаковъ и Австрійцевъ; а лица, бывшія въ Швеціи, увѣряли меня, что въ Стокгольмѣ и Готенбургѣ они видѣли слишкомъ двѣ тысячи Русскихъ, служившихъ въ Шведской арміи.

И такъ, желательно, чтобы у насъ возымѣли прежнюю силу всѣ указы Петра Великаго по хозяйственной части, какъ устроилъ ее этотъ великій Государь, равнымъ образомъ его Воинскій Уставъ и инструкція инспекторамъ. Полезное исключеніе можно было бы допустить только въ отношеніи къ одеждѣ, такъ какъ несомнѣнно, что во множествѣ нововведеній, сдѣланныхъ княземъ Потемкинымъ, есть одно только полезное и превосходное, именно одежда, которую

онъ въ послѣднее время далъ нашимъ войскамъ, одежда наиболѣе приспособленная къ климату, опрятная и удобная, и въ особенности охраняющая здоровья солдата—предметъ неоцѣненный, о которомъ надо всего болѣе заботиться.

Безчисленныя перемѣны, произведенныя въ нашемъ войскѣ послѣ покойной Государыни, не оставили въ немъ ни слѣда прежнихъ учрежденій; а между тѣмъ въ то время, какъ дѣйствовали учрежденія эти, наше войско одерживало побѣды при Полтавѣ, Вильманстрандѣ, Гельсингфорсѣ, Гроссегерсдорфѣ, Пальцигѣ, Франкфуртѣ, Ларгѣ, Кагулѣ; брало приступами Шлюссельбургъ и Выборгъ при Петрѣ Великомъ, Данцигъ и Очаковъ при императрицѣ Аннѣ, Бендеры, Журжу, Очаковъ, Измаилъ и Прагу подъ Варшавою при покойной Государынѣ. Нововведенія дѣлались въ подражаніе внѣшнему виду Прусской службы, которая не сходствуетъ съ нашею ни по климату, ни по нравамъ и обыкновеніямъ. Заимствовать у Прусаковъ слѣдовало не механизмъ и внѣшность вахтпарадовъ, не способъ составленія полковъ и внутренняго хозяйства, а высшую ихъ тактику, не имѣющую ничего общаго съ вахтпарадами и составленіемъ полковъ. Эта тактика приложима ко всѣмъ войскамъ въ мірѣ, и въ особенности къ войску, которая было устроено по учрежденіямъ Петра Великаго. Она имѣетъ предметомъ своимъ великія движенія, которыя слѣдуетъ производить въ присутствіи непріятеля, движенія очень простыя, такъ какъ все величіе этой тактики заключается въ ея простотѣ. Это—способъ сходиться въ колонны съ наибольшимъ порядкомъ и быстротою, съ изумительною внезапностью и стройностью развертываться, мѣнять фронтъ и растягиваться въ линію на какомъ угодно мѣстѣ, и все это съ такою отчетливостью, какой прежде не знали. Выучиться этимъ движеніямъ вовсе не трудно, но приложить ихъ къ дѣлу зависитъ отъ генія того лица, которое командуетъ войскомъ и умѣетъ примѣнять эти движенія къ мѣстности, гдѣ произойдетъ сближеніе съ непріятелемъ и гдѣ сей послѣдній будетъ находиться.

По несчастію, у насъ подражали Прусакамъ лишь въ томъ, что̀ безполезно и неприложимо къ намъ. Внутренній составъ ротъ, батальоновъ и полковъ нашихъ, не оставлявшій желать ничего лучшаго, былъ передѣланъ на Прусскій образецъ; а у Прусаковъ устройство это, введенное сто лѣтъ тому назадъ, оставалось неизмѣннымъ: ибо Фридрихъ Великій заботился только о тактикѣ и усовершенствовалъ ее, внутренній же составъ полковъ оставался при немъ тотъ самый, какъ былъ онъ учрежденъ его отцомъ. Люди, бывавшіе въ сраженіяхъ, знаютъ, что алебарды для унтеръ-офицеровъ и эспонтоны для офицеровъ составляютъ только лишнюю обузу, и что коль скоро унтеръ-офицеры не имѣютъ ружей, полкъ лишается до ста ружей, которыя могли бы дѣйствовать противъ непріятеля. Они знаютъ также, что коль скоро полковникъ и подполковникъ идутъ пѣшіе при отрядѣ, имъ нельзя видѣть дальше того небольшаго пространства, которое они проходятъ, и значеніе ихъ становится не больше, какъ и значеніе прапорщика, который

тоже командуетъ отрядомъ, между тѣмъ какъ въ Австріи и въ прежнее время у насъ всѣ штабъ-офицеры полка ѣздили на лошадяхъ; полполковникъ командовалъ первымъ батальономъ, премьеръ-маіоръ—вторымъ батальономъ. Находясь высоко на лошади, они могли видѣть весь свой батальонъ, во всю длину фронта, и когда происходилъ гдѣ либо безпорядокъ, чтò, во время сраженія, можетъ случиться очень часто, они являлись на мѣсто и возстановляли нарушенный строй. Полковникъ же, сопровождаемый секундъ-маіоромъ, также на лошадяхъ, видѣлъ фронтъ всего своего полка, могъ появляться въ самое короткое время то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ и, какъ главный начальникъ, силою власти своей немедленно устранялъ безпорядки, могущіе произойти гдѣ либо въ двухъ батальонахъ. Все это невозможво, когда полковникъ и подполковникъ идутъ пѣшкомъ, каждый въ срединѣ своего батальона, не покидая взвода, слѣдующаго за знаменемъ.

Другое нововведеніе, произведенное вовсе безъ всякой понудительной причины и вредное, какъ увидимъ ниже, состояло въ томъ, что уничтожены были многія степени воинской чинопослѣдовательности. Прежде, производство въ унтеръ-офицеры шло слѣдующимъ порядкомъ: капралъ, фурьеръ, прапорщикъ, картенармусъ и сержантъ. Теперь послѣ капрала уже нѣтъ степеней: всѣ одинаково унтеръ-офицеры. Этимъ уничтожены соревновеніе и надежда на повышеніе. Честолюбію не чѣмъ питаться. Коль скоро полученъ унтеръ-офицерскій чинъ, ждать дальше нечего, и это вредитъ также духу подчиненности, которая служитъ истиннымъ основаніемъ всему воинскому быту. Прежде, при всякомъ повышеніи пріобрѣталось больше власти и умножалось жалованье: сержантъ имѣлъ у себя въ повиновеніи картенармуса, сей послѣдній — прапорщика, который въ свой чередъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи фурьера; фурьеръ приказывалъ капралу, и каждый находился въ столь же строгомъ повиновеніи, какъ и самъ повиновался своему начальнику, офицеру. Въ кровопролитномъ сраженіи случается, что въ ротѣ всѣ офицеры убиты или ранены, т. е. выбываютъ изъ строю; тогда старшій по чину изъ унтеръ-офицеровъ самостоятельно командуетъ ротою, и рота ему повинуется, какъ бы капитану роты, чтò невозможно теперь, ибо всѣ унтеръ-офицеры въ одномъ чинѣ и считаютъ себя равными одинъ другому. Въ Цорндорфскомъ сраженіи, въ нѣкоторыхъ полкахъ выбыли изъ строю всѣ маіоры и капитаны; старшій поручикъ принялъ команду и командовалъ полкомъ до окончанія сраженія, а во многихъ ротахъ начальниками оставались сержанты.

Другимъ ненужнымъ нововведеніемъ было уничтоженіе секундъ-маіоровъ, отчего не сократились и расходы, такъ какъ въ каждому полку оставлено было по два маіора. Такимъ образомъ упразднился одинъ чинъ, задерживавшій слишкомъ быстрое производство; быстрота же производства всегда вредна. Капитаны, которымъ доставалось въ секундъ-маіоры, бывали довольны и оставались въ надеждѣ получить другое повышеніе, среднее между тѣмъ чиномъ,

какой они имѣли и подполковничьимъ, и служебная подчиненность опредѣлялась точнѣе, потому что секундъ-маіоръ всегда охотнѣе будетъ слушаться премьеръ-маіора, нежели маіоръ маіора, равнаго ему по чину, хотя и стоящаго выше его по старшинству производства.

Но самое вредное изо всѣхъ этихъ нововведеній, вызванное единство рабскою подражательностью Прусакамъ, есть учрежденіе полковыхъ шефовъ. Оно совершенно роняетъ полковничью власть. При шефѣ полковникъ уже не имѣетъ значенія въ глазахъ офицеровъ и солдатъ, а между тѣмъ ему приходится вести полкъ противъ непріятеля, такъ какъ генералъ можетъ иногда отсутствовать. Другое зло, отсюда проистекающее, состоитъ въ томъ, что надо имѣть столько же генераловъ, сколько полковъ, что̀ безполезно, стѣснительно и стоитъ государству несмѣтной суммы денегъ, которыя тратятся не только понапрасну, но и къ великому вреду службы. Эти шефы, распоряжаясь полковымъ хозяйствомъ, могутъ позволять себѣ вопіющія злоупотребленія, въ ущербъ комиссаріатской казнѣ, такъ что, если бы теперь и возстановить въ этомъ отношеніи порядки Петра Великаго, то сомнительно, чтобы инспекторъ комиссаріата осмѣлился подробно освидѣтельствовать хозяйство въ полку, шефомъ котораго состоитъ фельдмаршалъ или генералъ отъ инфантеріи.

Сюда относится еще одно соображеніе. Генералъ, командующій арміею или отдѣльнымъ корпусомъ, всегда будетъ пристрастенъ къ тому полку, въ которомъ онъ шефомъ; онъ отведетъ ему лучшее помѣщеніе, будетъ беречь его въ сраженіи, и при всякомъ случаѣ отзовется о немъ какъ объ отличившемся наиболѣе, что̀ конечно возбудитъ неудовольствіе въ другихъ полкахъ. Если возразятъ на это, что генералъ можетъ быть назначенъ командиромъ корпуса, въ которомъ не состоитъ его полкъ: въ такомъ случаѣ за чѣмъ нужны эти шефы? За чѣмъ отнимать власть у полковника, до такой степени, что въ отсутствіи шефа онъ не можетъ произвести въ унтеръ-офицеры и не можетъ назначить кого либо на порожнее мѣсто, не спросясь шефа, которому надо писать о томъ, а между тѣмъ онъ иногда находится гдѣ нибудь за двѣсти верстъ? Кто служилъ въ нашихъ войскахъ, тотъ несомнѣнно согласится со мною, что учрежденіе шефовъ вредно для службы, безъ нужды умножаетъ число генераловъ и сто̀итъ государству великихъ денегъ, которыя могли бы быть издержаны на что либо болѣе полезное. Штатами 1763 года положено имѣть въ Русскомъ войскѣ, пѣшемъ и конномъ, 50 генералъ-маіоровъ, 24 генералъ-лейтенанта, 7 генераловъ отъ инфантеріи, 1-го отъ кавалеріи и 3 фельдмаршаловъ. Съ того времени предѣлы Россіи значительно раздвинулись на Югъ и на Западъ, и оттого естественно умножилось число войска, хотя несомнѣнно, что умноженіе это произведено не въ уровень съ количествомъ народонаселенія, и что государство разорится, коль скоро въ этомъ отношеніи не будутъ наблюдать должной соразмѣрности. И такъ положимъ, что необходимо имѣть войска́ нѣсколько

болѣе противъ того, сколько было его въ 1763 году; въ такомъ случаѣ число генераловъ могло бы быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ: 60 генералъ-маіоровъ, 30 генералъ-лейтенантовъ, 15 генераловъ отъ инфантеріи и 3 генерала отъ кавалеріи. Число же фельдмаршаловъ не должно быть назначаемо, и генералъ-фельдмаршальство должно получаться только во время войны, не иначе какъ за несомнѣнно-выигранное сраженіе. Это званіе отнюдь не должно пріобрѣтаться выслугою, а быть наградою за блестящую побѣду. Спросятъ: но если такъ сокращать число генераловъ, то что̀ же дѣлать съ наличными? Единственный отвѣтъ на это: надо паче всего заботиться о благѣ государства и, удержавъ на службѣ вышеупомянутое число, 105 человѣкъ (дай Богъ, чтобъ они всѣ оказались людьми превосходными), остальныхъ генераловъ уволить съ предоставленіемъ получаемаго ими оклада, чтобы имъ не на что было жаловаться.

Есть еще одно важное обстоятельство, котораго не слѣдуетъ забывать, именно число людей въ полкахъ. Лучше имѣть меньше полковъ, но такихъ, въ которыхъ бы было больше людей, и вотъ почему. Россійская имперія столь обширна, что военныя силы ея по необходимости разсѣяны на огромныхъ пространствахъ. Идетъ война съ Турками, и полки, находящіеся въ Финляндіи, Петербургѣ, Эстляндіи, должны пройти слишкомъ 1500 верстъ, чтобы добраться до Днѣпра; загорается война съ Швеціею, и полки, расположенные по Днѣстру и Днѣпру, должны совершить такой же переходъ, чтобы добраться до Финляндіи. Въ этихъ усиленныхъ передвиженіяхъ обыкновенно гибнетъ болѣе третьей части людей, такъ что въ дѣло съ непріятелемъ поступаютъ неполные батальоны, а между тѣмъ отъ каждаго батальона идетъ непремѣнно одинаковое число въ караулы и въ пикеты для охраненія лагеря, для передовой стражи, для авангарда и аріергарда во время переходовъ, что̀ удручаетъ солдата, когда въ батальонѣ мало осталось людей: потому что батальонъ, въ которомъ осталось всего 400 человѣкъ, долженъ дать на вышеупомянутыя службы столько же какъ и батальонъ, въ которомъ подъ ружьемъ имѣется 1000 человѣкъ. Въ Турецкую войну, при мнѣ, въ Кіевскомъ полку оставалось четыре взвода, потому что, какъ скоро полкъ обезлюдѣлъ на половину, оставшимся солдатамъ приходится работать безпрестанно и безъ отдыха; отъ изнеможенія они заболѣваютъ и мрутъ какъ мухи. Въ 1768 году, когда Турки объявили намъ войну, полки, не имѣя полнаго числа людей, шли поспѣшно на непріятельскую границу; болѣе третьей части солдатъ было кинуто на пути вслѣдствіе болѣзней, и когда началась кампанія, оставшееся число солдатъ гибло отъ истощенія силъ. Въ началѣ слѣдующей кампаніи, фельдмаршалъ Румянцовъ, прежде чѣмъ вступить въ Молдавію, изъ 8 пѣхотныхъ полковъ (у него было ихъ 30) отобралъ маіоровъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и послалъ ихъ въ Кіевъ, съ тѣмъ чтобы они дождались тамъ рекрутовъ и пополнились; солдаты этихъ 8-ми полковъ пошли на пополненіе остальныхъ 22-хъ. И не смотря на то, въ этихъ 22-хъ полкахъ не оказывалось четвертой до-

ли противъ положеннаго числа людей, а къ концу кампаніи ни въ одномъ полку не было и половиннаго числа людей. Я шесть лѣтъ командовалъ полкомъ, и никогда у меня не было 800 человѣкъ подъ ружьемъ, хотя полагалось ихъ 1360, и полкъ мой считался еще самымъ многолюднымъ въ арміи.

Изъ сего слѣдуетъ, что лучше имѣть 60 полковъ въ 2500 человѣкъ каждый, нежели имѣть 80 полковъ въ 1877 или 100 полковъ въ 1500 человѣкъ. Хотя во всѣхъ трехъ случаяхъ выходитъ 150.000 человѣкъ пѣшаго войска, но въ первомъ изъ нихъ меньше приходится имѣть больныхъ, батальоны идутъ на непріятеля въ бóльшемъ составѣ, количество боевой силы дѣйствительное, а не на бумагѣ только, и государство уменьшеніемъ числа полковъ сберегаетъ издержки на штабы.

Образованіе новыхъ гренадерскихъ полковъ совершенно безполезно и начетисто; довольно было бы имѣть на 60 пѣхотныхъ полковъ 4 гренадерскихъ. Равнымъ образомъ безъ пользы увеличили число егерей.

Очень важно также, чтобы количество конницы находилось въ надлежащемъ соотвѣтствіи къ количеству пѣхоты. Лучшіе знатоки дѣла, опираясь на мнѣніе величайшихъ полководцевъ, утверждаютъ, что конница должна относиться къ пѣхотѣ, какъ единица къ пяти или даже какъ два къ одиннадцати. Я не знаю, какъ у насъ теперь; но, принимая во вниманіе неумѣренную страсть князя Потемкина къ коннымъ полкамъ, надо полагать, что ихъ гораздо больше, нежели нужно; а между тѣмъ это войско дорогое, потому что тысяча всадниковъ, считая лошадей и ихъ прокормленіе, стоитъ дороже шести тысячъ пѣхотинцевъ. Если конница составляетъ свыше пятой части противъ пѣхоты, то ее необходимо сократить.

По этому случаю не могу не вспомнить своебытнаго, но вполнѣ вѣрнаго и основаннаго на неопровержимыхъ доводахъ мнѣнія, которое очень часто выражалъ фельдмаршалъ Румянцовъ. Онъ говаривалъ, что у насъ конные полки должны быть набираемы отнюдь не изъ Великороссіянъ, а непремѣнно изъ жителей Малой Россіи и изъ такъ называемыхъ Слободскихъ полковъ. По его словамъ, Русскій крестьянинъ—плохой ѣздокъ; онъ бережно садится на лошадь и не любитъ ея. Въ Русской деревнѣ на тысячу избъ не придется одного сѣдла: крестьянинъ ѣздитъ въ телѣгѣ или въ саняхъ, и когда, кинувъ телѣгу въ полѣ, онъ возвращается съ лошадью домой, то никогда не поѣдетъ на ней, а ведетъ ее въ рукѣ. Въ Малой же Россіи и въ семи Слободскихъ полкахъ, каждый поселянинъ имѣетъ сѣдло, ѣздитъ верхомъ, любитъ свою лошадь, умѣетъ управлять ею и отлично ходитъ за нею. Это мнѣніе покойнаго фельдмаршала постоянно оправдывалось на дѣлѣ, и я сошлюсь на всю нашу армію, что ни одинъ изъ нашихъ кирасирскихъ и карабинерныхъ полковъ не могъ сравниться съ гусарскими полками, набранными въ Харьковѣ, Ахтыркѣ, Изюмѣ, Сумахъ и пр. Съ того времени, кромѣ Малой Россіи, поставляющей солдатъ, мы пріобрѣли еще пространства, населенныя такимъ же

народомъ, земли Кіевскія, Волынскія, Подольскія и Брацлавскія. Стало быть, намъ есть изъ кого набирать нашу конницу, которая будетъ красивѣе и полезнѣе для службы, нежели теперешняя. А въ случаѣ недостачи, у насъ есть Казанскіе Татары и Башкиры, которые тоже привычны ѣздить верхомъ.

Говоря объ этомъ различіи въ характерѣ двухъ главныхъ народностей, составляющихъ Россійскую имперію, одинаковыхъ по происхожденію, но имѣющихъ разнствующіе нравы и обычаи и говорящихъ языкомъ, хотя и однаго и того же корня, но не совсѣмъ одинаковымъ, замѣчу, что если Малороссіяне несравненно превосходятъ Великороссіянъ, какъ ѣздоки, за то Великороссіяне суть безспорно лучшіе пѣхотинцы въ цѣломъ свѣтѣ, и крайне жаль, что въ послѣднее время испортили эту великолѣпную Русскую пѣхоту, допустивъ въ нее Чухонцевъ и Эстовъ, худшее изъ племенъ, населяющихъ Сѣверъ и неспособное слиться съ нашими. Изо всѣхъ народовъ, въ послѣднее время завоеванныхъ Россіею, одни Литовцы, и въ особенности населяющіе Бѣлую Россію, еще нѣсколько сходствуютъ съ Русскими характеромъ и могутъ безъ неудобства пополнять собою нашу пѣхоту. Что̀ касается до Чухонцевъ, Эстовъ, Ливонцевъ и Курляндцевъ, изъ нихъ можно брать людей въ денщики и фурлейтеры, при полкахъ и въ артиллеріи; если ихъ слишкомъ много для этихъ должностей, то выбирать только лучшихъ и тѣхъ, которые родомъ съ морскаго прибрежья: они годятся въ матросы. А если и за тѣмъ останется, посылать ихъ на гарнизонную службу, во внутреннія губерніи. Тогда въ пѣхотѣ и конницѣ будутъ люди наиболѣе способные къ этимъ двумъ родамъ службы.

Нельзя пройти молчаніемъ еще одного обстоятельства, относящагося до конницы. Я говорю о безполезности имѣть кирасировъ. На нихъ идутъ двойныя издержки по причинѣ дороговизны лошадей, которыхъ надо выбирать изъ самыхъ рослыхъ и крѣпкихъ и, не смотря на эти громадныя издержки, кирасиры приносятъ меньше пользы, чѣмъ карабинеры, драгуны и гусары. Кираса служитъ защитою, но она очень тяжела, и носить ее могутъ люди рослые, плотные и крѣпкіе. Такимъ образомъ вѣсъ всадника и вѣсъ вооруженія требуютъ, чтобы лошадь была огромная и крѣпкая. Люди бывавшіе на войнѣ знаютъ, что такъ называемый ударъ конницы на конницу есть вещь химерическая, и никто никогда не видалъ на самомъ дѣлѣ, чтобы осуществлялось ученіе механики, по которому вѣское тѣло, ударяя въ другое болѣе легкое, заставляетъ его идти назадъ. Допустимъ даже возможность такого столкновенія, согласимся, что подобный случай можетъ часто повторяться; но есть другое, общеизвѣстное правило механики, болѣе приложимое къ дѣйствію конницы, а именно, что тѣло, ударяясь о другое, каковъ бы ни былъ вѣсъ его, дѣйствуетъ не столько тяжестью своею, какъ усиленною быстротою своего движенія. Напримѣръ, если взять ядро въ 10 (фунтовъ) и бросить его изъ руки на 8 шаговъ разстоянія въ крѣпко утвержденную доску, оно не только не повредитъ доски, но даже не оставитъ на ней никакого знака, тогда какъ крошеч-

ный шарикъ, въ унцъ вѣсомъ, пущенный изъ пистолета, пробьетъ эту доску насквозь. Во всѣхъ войскахъ, гдѣ есть кирасиры, есть и карабинеры, драгуны и гусары; во время, сраженія они стоятъ въ одну линію и нападаютъ на непріятельскую конницу вмѣстѣ и въ одно и тоже время, а не такъ, чтобы гусары или драгуны нападали непремѣнно на непріятельскихъ гусаровъ или драгуновъ. Росбахское сраженіе было выиграно двумя Прусскими полками, ударившими на Французовъ, въ то время какъ они шли и прежде чѣмъ они успѣли развернуть свой строй для атаки Прусскаго лагеря. Это были кирасиры Зейдлица и гусары Цитена; они дѣйствовали одинаково и опрокинули непріятельскую пѣхоту и конницу. Скажутъ: если это такъ, за чѣмъ же въ Прусской арміи и до сихъ поръ имѣются кирасирскіе полки? Это отъ того, что, какъ упомянуто выше, Фридрихъ Великій измѣнилъ только высшую тактику и не коснулся внутренняго состава арміи, учрежденнаго его отцомъ. По завоеваніи Силезіи, когда ему надо было умножать свои военныя силы и набирать новые полки, онъ усилилъ конницу не кирасирами, а драгунами и гусарами, и повторилъ это въ другой разъ, когда опять умножилъ войско послѣ перваго раздѣла Польши.

Фельдмаршалъ Румянцовъ, котораго имя просится на уста, какъ скоро хочешь подтвердить свою мысль мнѣніемъ великаго полководца, этотъ необыкновенный человѣкъ, для котораго военная служба (онъ вступилъ въ нее съ 14 лѣтняго возраста) составляла предметъ непрестанныхъ помышленій, у котораго глубина познаній освѣщалась геніальными способностями и сужденія котораго о военномъ дѣлѣ основывались на постоянномъ, сознательномъ опытѣ, покрылъ себя славою въ войнѣ съ Прусаками и былъ ревностнымъ почитателемъ Прусской арміи. И однако почитаніе это не доводило его до предубѣжденій, которымъ поддаются лишь посредственные умы. Онъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что легкіе конные полки полезнѣе кирасировъ; вся Русская армія знаетъ, что по его распоряженію кирасы были сняты. И не смотря на то, полки, называвшіеся кирасирскими, оказались безполезными во время войны, потому что большія и тучныя лошади гибли отъ переходовъ, сколько нибудь усиленныхъ, и полки эти, идя въ атаку, даже на совершенно-ровномъ мѣстѣ или на ученьи, не могли скакать такъ быстро и такъ долго, какъ наши карабинеры и гусары.

Сказанное выше конечно подтвердитъ всякій, служившій въ нашемъ войскѣ, и послѣ всего этого не подлежитъ сомнѣнію, что государство сбережетъ весьма значительныя суммы, и армія будетъ имѣть лучшую и гораздо болѣе дешевую конницу, если уничтожатся кирасирскіе полки. Морицъ Саксонскій, этотъ высокій геній воинскаго искусства, не признаетъ другаго коннаго войска кромѣ легкой кавалеріи безъ кирасъ, безъ ботфортовъ, а въ легкихъ сапожкахъ, также съ очень легкими сѣдлами, которыя не давятъ и не трутъ хребта у лошади. Онъ желаетъ такой конницы, какою впослѣдствіи сдѣлались легкоконные полки въ Англіи, изо всѣхъ самые подвижные.

Остается поговорить о нашей артиллеріи и инженерахъ. Это самыя постыдныя части нашего войска. Стоитъ вспомнить, какъ осаждались Бендеры и Очаковъ въ двѣ послѣднія наши войны съ Турками, чтобы убѣдиться, что въ этомъ отношеніи мы пожалуй не выше Турокъ. Правда, полевая наша артиллерія дѣйствуетъ быстрѣе, но это зависитъ отъ пушкарей, которые вибираются изъ людей самыхъ здоровыхъ и ловкихъ и которыхъ учатъ проворно стрѣлять; но все что̀ относится до обученія офицеровъ — въ жалкомъ состояніи. Я встрѣчалъ между ними такихъ, которые не умѣли опредѣлить, на какую высоту слѣдуетъ поднять пушку, чтобы выстрѣлъ послѣдовалъ рикошетомъ. О высшихъ математическихъ знаніяхъ, необходимыхъ въ артиллеріи, о вычисленіи параболическихъ линій, описываемыхъ полетомъ бомбы, у насъ нѣтъ и помину. Такъ, въ началѣ кампаніи 1769 года, когда фельдмаршалъ князь Голицынъ перешелъ Днѣстръ, подошелъ къ Хотину и началъ его обстрѣливать, истрачены были всѣ бомбы артиллерійскаго парка, и ни одна изъ нихъ не попала въ непріятельскій городъ; бомбы перелетали за Днѣстръ и уничтожили до основанія несчастное Польское мѣстечко Жваницъ, погибшее жертвою невѣжества нашихъ артиллеристовъ. Объ этомъ знала вся Русская армія. Оно такъ и будетъ продолжаться вѣчно, къ стыду нашему, покуда не заведутъ школъ и не дадутъ имъ учителей свѣдущихъ въ артиллеріи и инженерномъ искусствѣ, которые бы обучали какъ можно лучше математическимъ наукамъ, физикѣ и химіи, соединяя съ теоріею практическія занятія, производя публичныя испытанія и выпуская въ артиллерійскіе и инженерные офицеры только такихъ людей, которые будутъ признаны достойными носить это наименованіе. Для учрежденія этихъ школъ можно обратиться къ Сардинскому королю. Нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ Франціи, не было такихъ отличныхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, какъ въ Сардинской арміи. Они очень привержены къ королю своему, и многіе изъ нихъ не захотѣли служить Франціи, а оставшіеся на службѣ служатъ по неволѣ, чтобъ не умереть съ голоду. Несчастный Сардинскій король укажетъ на тѣхъ изъ нихъ, которыхъ можно взять въ нашу артиллерійскую и инженерную службу, и они пойдутъ охотно, даже и тѣ, которые теперь служатъ Франціи, лишь бы обезпечили имъ кусокъ хлѣба въ Россіи. Въ этомъ случаѣ нечего торговаться о жалованьи; здравая бережливость предписываетъ не скупиться на издержки для пріобрѣтенія искусныхъ людей, въ которыхъ мы нуждаемся и которые образуютъ намъ хорошихъ артиллеристовъ и инженеровъ. Въ такомъ случаѣ нужно пригласить и профессоровъ, которыхъ эти офицеры укажутъ и поручить имъ составленіе плана для школъ или кадетскихъ корпусовъ, на подобіе существовавшихъ въ Піемонтѣ.

Другое обстоятельство, существенное для всякой арміи, большой и малой, заключается въ томъ, чтобы имѣть въ совершенствѣ то что̀ у насъ называется генеральнымъ штабомъ (въ Австріи grosse General-Stab, во Франціи état-major de l'armée). Этотъ штабъ долженъ быть у насъ весьма многочисленъ, такъ какъ наша армія

многочисленна. Я знаю, что онъ у насъ есть; но боюсь, что онъ существуетъ лишь по имени, и служащіе въ немъ можетъ быть таковы же, какъ наши инженеры, ничего несмыслящіе въ инженерномъ дѣлѣ. Чтобы служить въ штабѣ, надо быть весьма образовану, знать отлично всѣ части математики, быть свѣдущу по артиллерійской и инженерной частямъ, умѣть хорошо рисовать, и въ математикѣ имѣть какъ теоретическія, такъ и практическія познанія. Подъ рисованіемъ я разумѣю съемку плановъ и географическихъ картъ, основанную на свѣдѣніяхъ и наблюденіяхъ астрономическихъ, чтобы карты выходили не вымышленныя, а отличались наибольшею точностью. Стало быть крайне-нужна школа, въ которой молодые люди могли бы всему этому обучаться, и эта школа должна находиться въ деревнѣ, дабы теорія могла идти объ руку съ практикою, и искусные учителя имѣли бы возможность обучать молодыхъ людей. Въ этой школѣ должны быть запасены лучшіе инструменты, теодолиты, уровни, секстанты, телескопы и пр.; должна имѣться библіотека, составленная изъ книгъ, относящихся до вышепомянутыхъ наукъ и снабженная всѣми сочиненіями по военному искусству, въ особенности же такими, которыя исключительно посвящены кастраметаціи, а также всѣми книгами о походахъ, совершенныхъ великими полководцами. Школа эта, на 80 или на 100 юношей, должна существовать особо отъ кадетскаго корпуса, который и безъ того слишкомъ многолюденъ; къ тому же полковая служба совсѣмъ не то что̀ служба въ генеральномъ штабѣ. Экзамены должны производиться публично и очень строго, и въ штабъ надо допускать наиболѣе отличившихся изъ числа этихъ молодыхъ людей, а остальные пусть опредѣляются въ полки. Для успѣха необходимо усиленное прилежаніе, и при томъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; стало быть поступившимъ въ генеральный штабъ надо назначить больше жалованья и повысить ихъ въ чинопроизводствѣ сравнительно съ служащими въ полкахъ. Армія не имѣющая отличнаго генеральнаго штаба похожа на тѣло безъ души. По несчастію, у насъ оставляли эту часть въ пренебреженіи, и кромѣ порядка маршей, выбора лагерей и размѣщенія полковъ во время битвъ, подъ командою фельдмаршала Румянцова, коего могучій геній проявлялся во всѣхъ его дѣйствіяхъ, войска наши въ вышепомянутомъ отношеніи отличались такимъ невѣжествомъ, что только Турецкія могутъ быть поставлены съ ними рядомъ.

Поговоримъ теперь объ инспекторахъ, учрежденныхъ въ прошедшее царствованіе и объ уничтоженіи армейскихъ дивизій, состоявшемся тогда же. Эти инспекторы, разъ или два въ годъ, осматривали войска, проходившія передъ ними, знакомились съ ними поверхностно и, пользуясь, Богъ вѣсть почему, неограниченною властью и довѣріемъ, счастливили по своему произволу или губили полковниковъ и офицеровъ, подвергавшихся ихъ инспекціи. Не имѣя твердыхъ основаній для заключеній своихъ, руководясь пристрастіемъ, дружбою или враждою, они посылали Государю свои негласныя донесенія, послѣдствіемъ которыхъ бывала немилость или отставка. Старые офицеры цѣлыми тысячами покидали службу, и

армія наша погибала, предоставленная такимъ офицерамъ, которые позорили собою мундиръ. Поправить это зло весьма трудно, потому что многіе изъ отставныхъ не захотятъ опять вступить въ службу, а къ несчастію войско бываетъ хорошо или дурно, смотря по тому, хороши или дурны въ немъ офицеры.

Прежде войско распредѣлялось на 8 или 9 дивизій, которыми командовали фельдмаршалы или полные генералы, находившіеся при своихъ дивизіяхъ и отлично знавшіе тѣ полки, которые входили въ составъ этихъ дивизій. Такимъ образомъ существовала инспекція, такъ сказать, постоянная и непрерывная, и производство съ прапорщика до секундъ-маіора шло въ самыхъ дивизіяхъ. Съ секундъ-маіора до полковника производила въ чины во всемъ войскѣ Военная Коллегія. Но и въ дивизіяхъ, и въ Военной Коллегіи при чинопроизводствѣ строго наблюдалось старшинство. Офицеръ, недостойный офицерскаго имени, былъ увольняемъ Военною Коллегіею, на основаніи формальнаго и гласнаго донесенія, представляемаго начальникомъ дивизіи, который никогда не могъ рѣшиться на вопіющую и явную несправедливость и представить фальшивое донесеніе, тогда какъ донесенія нынѣшнихъ инспекторовъ суть такъ сказать секретныя бумаги: ибо они пишутся ни къ кому другому какъ къ Государю, который не имѣетъ ни времени, ни человѣческой возможности разъяснить истину, такъ что отъ произвола инспекторовъ зависитъ судьба офицеровъ, а инспекторы часто дѣйствуютъ по пристрастію или по связямъ.

Раздѣленіе войска на дивизіи, состоящія въ вѣдѣніи постоянныхъ командировъ, полезно было еще и потому, что этимъ порождалось соревнованіе между этими начальниками и ихъ дивизіями. Каждый командиръ старался перещеголять другаго, чтобы дивизія его была въ наилучшемъ порядкѣ передъ прочими, чтобы ученіе и продовольствіе производились на славу. Я былъ свидѣтелемъ этого соревнованія между дивизіями Украинскою, Смоленскою и Финляндскою, коими командовали фельдмаршалъ Румянцовъ, графы Чернышовъ и Панинъ.

Была тутъ и еще добрая сторона. Дивизіонные командиры ежемѣсячно получали самыя подробныя донесенія изо всѣхъ полковъ, находившихся въ ихъ вѣдѣніи, тщательно провѣряли эти донесенія и отсылали ихъ въ Военную Коллегію, которая въ свою очередь разсматривала ихъ, послѣ чего составлялся общій отчетъ о состояніи всего войска за данный мѣсяцъ. Военная Коллегія подносила таковые отчеты Государю за каждый годъ или за каждые шесть мѣсяцевъ; а въ случаѣ если Государь желалъ имѣть эти отчеты чаще, то Коллегія могла доставлять ихъ и за каждый мѣсяцъ. Для этого-то Петръ Великій и учредилъ Военную Коллегію. Цѣлью его было держать войско въ порядкѣ и имѣть центральное мѣсто военнаго управленія, гдѣ первоприсутствовали искусные генералы, заслужившіе своею честностью довѣренность Государя. Онъ далъ Военной Коллегіи право производить въ чины до подполковника, но по старшинству. Военная Коллегія и подписывала патенты на чины. Въ полковники никто не производился безъ соизволенія Го-

сударя, и патенты на чины, начиная съ полковника до фельдмаршала, подписывались самимъ Государемъ. Теперь же, когда рапорты отъ полковъ и отъ инспекторовъ поступаютъ прямо къ Государю, когда онъ обременяетъ себя этимъ безполезнымъ занятіемъ, и безъ него не производится въ слѣдующій чинъ ни одинъ подпоручикъ или поручикъ, Военная Коллегія, въ томъ видѣ какъ ее учредилъ Петръ Великій, дѣлается совсѣмъ излишнею: ибо она, какъ и другія Коллегіи въ Имперіи, учреждена съ тою цѣлью, чтобъ облегчать Императора и устранять отъ него мелочныя и утомительныя подробности. Не достигая этой цѣли, она уже не приноситъ пользы; власти же у нея меньше, нежели у другихъ государственныхъ коллегій. Въ тоже время Государь удрученъ рапортами, мелкими, безполезными и скучными частностями, на которыя у него уходитъ по два или по три часа ежедневно. Но если бы даже приходилось тратить на это и полчаса въ теченіи дня, то все таки государево время слишкомъ драгоцѣнно и могло бы быть употребляемо на внутреннее управленіе обширною Имперіею, по несчастію доведенное до полнаго разстройства и требующее отъ него полнаго отеческаго попеченія.

Есть еще вѣдомство, которое вопіетъ, чтобы обратилъ на него вниманіе человѣколюбивый и добродѣтельный Государь, коимъ счастлива Россія: это наши госпитали и лазареты, армейскіе и полковые. Они управляются возмутительнымъ образомъ. Больные терпятъ отъ невѣжества хирурговъ и за одно съ выздоравливающими нуждаются въ сносной пищѣ, въ постеляхъ, въ бѣльѣ и во всемъ для нихъ необходимомъ. Отсюда проистекаетъ ужасающая смертность. Когда подумаешь, что это люди, и притомъ отборные люди, что они гибнутъ отъ небреженія и что все это происходитъ въ малолюдной странѣ, гдѣ сбереженіе народонаселенія должно быть первою заботою правительства, приходится только горевать о томъ, что нашъ добродѣтельный Государь не имѣлъ случая видѣть, каково это вѣдомство, столь существенное въ большомъ войскѣ. Въ Англіи, въ арміи и во флотѣ, эта часть достигла образцоваго совершенства.

Остается теперь присовокупить, что войско, гдѣ всѣ офицеры—дворяне, конечно выше того войска, гдѣ офицеры—выскочки. Такъ и жду, что мнѣ скажутъ: вотъ аристократическое мнѣніе! Но я докажу, что мое утвержденіе неопровержимо. Прусская армія, составомъ своимъ и всѣмъ устройствомъ, безконечно выше Австрійской; и это оттого, что въ Пруссіи мелкаго дворянства слишкомъ достаточно для того, чтобы всѣ офицерскія мѣста занимались одними дворянами. Съ 7 и 8 лѣтъ они слышатъ отъ отцовъ и дѣдовъ своихъ о военномъ дѣлѣ; безпрестанно долетаютъ до ихъ слуха разсказы, какъ кто нибудь изъ родныхъ получилъ рану въ сраженіи, въ которомъ онъ отличился и за это былъ повышенъ чиномъ; какъ такой-то обратилъ на себя вниманіе главнаго командира своею геройскою храбростью на полѣ сраженія; какъ другой, въ сраженіи проигранномъ, не посрамилъ чести своей роты или своего полка, привелъ ее въ порядокъ, сберегъ знамёна и заслужилъ себѣ реко-

мендацію главнаго командира. Эти разсказы поселяютъ въ молодаго человѣка пламенное желаніе не посрамить славы своихъ предковъ. Онъ одушевляется страстью къ военному поприщу и надеждою когда нибудь отличиться и прославить свое имя. Такимъ образомъ съ дѣтскаго возраста всасывается чувство чести, безъ котораго войско есть не болѣе какъ людское стадо, обременяющее собою страну, позорящее ее и неспособное ее защищать. Въ Австріи нѣтъ мелкаго дворянства, а крупное богато и лѣниво до такой степени, что немногіе сыны его поступаютъ въ военную службу, предоставляемую дѣтямъ трактирщиковъ, почтальоновъ, лавочниковъ, никогда ни слыхавшимъ, чтобы предки ихъ отличались высокими подвигами и военною славою, съ раннихъ лѣтъ занимавшимся какими нибудь аптекарскими счетами мелочнаго торгашества, которымъ занимаются ихъ родители. Вмѣсто чести они заняты мыслію о прибыткѣ и поступаютъ въ военную службу по разсчету и въ надеждѣ, подъ конецъ жизни, какъ нибудь добиться полковничьяго или генеральскаго мѣста и обезпеченнаго куска хлѣба. Я увѣренъ, что кто, подобно мнѣ, видѣлъ и наблюдалъ оба эти войска, тотъ конечно согласится, что явное превосходство Прусскаго надъ Австрійскимъ обусловливается происхожденіемъ офицеровъ.

Служба у насъ, вслѣдствіе произведенныхъ въ недавнее время перемѣнъ и вслѣдствіе злоупотребленій со стороны полковыхъ шефовъ и инспекторовъ, сдѣлалась невыносимою, такъ что все наше дворянство принуждено было оставить ее. Прежде наши офицеры всѣ были изъ дворянъ, а теперь мѣсто ихъ заступили такія же личности, какими позорится Австрійская армія. У насъ никогда не будетъ хорошаго войска, коль скоро его не очистятъ отъ этихъ проходимцевъ и не постараются всевозможными способами (разумѣется кромѣ насилія) снова привлечь дворянъ въ службу, которая есть естественный удѣлъ ихъ. Но у насъ нѣтъ дворянъ, которые бы не были собственниками, и у самаго бѣднаго изъ нихъ есть деревушка, въ которой онъ имѣетъ себѣ убѣжище на старости лѣтъ и которую потому онъ не можетъ совершенно бросить; да и государственное благосостояніе требуетъ, чтобы тотъ кто служитъ не былъ подвергаемъ несчастной необходимости обнищать. На этомъ основаніи Петръ Великій указалъ, что всякій офицеръ можетъ, съ сохраненіемъ жалованья, быть увольняемъ въ отпускъ ежегодно на 29 дней, дабы онъ могъ заняться собственными своими дѣлами. Срокъ отпуска назначенъ потому столь короткій, что этотъ указъ великаго Государя состоялся въ самый разгаръ Шведской войны. Послѣ этого великаго человѣка, скончавшагося слишкомъ преждевременно, Россія значительно расширилась; разстоянія отъ центра къ границамъ чрезвычайно удлиннились, такъ что 29 дневный отпускъ сдѣлался недостаточнымъ. Поэтому не было бы никакого неудобства, а напротивъ было бы очень полезно, чтобы въ теченіи Ноября, Декабря, Генваря и Февраля, когда не бываетъ лагерей, ни ученій, всякій офицеръ, какого бы чина онъ ни былъ, имѣлъ право, съ сохраненіемъ жалованья, отлучаться на два мѣсяца для занятій своими дѣлами, такъ что напр. въ каждой ротѣ, если капи-

танъ и подпоручикъ уѣзжаютъ въ Ноябрѣ и Декабрѣ, то, по возвращенія ихъ, т. е. въ Январѣ и Февралѣ, могутъ отлучиться поручикъ и прапорщикъ. Также и въ высшихъ чинахъ, по возвращеніи полковника и премьеръ-маіора изъ двухъ-мѣсячнаго отпуска, могутъ воспользоваться этою льготою подполковникъ и секундъ-маіоръ. Служба отъ этого не потерпитъ, а служащіе не будутъ въ необходимости пренебрегать своимъ хозяйствомъ и бросать службу, которая ихъ разоряетъ и держитъ словно на привязи. Въ особенности странно, что вошло въ обычай не давать отпуска военнымъ даже и на 24 часа безъ непосредственнаго высочайшаго дозволенія. Государю ли тратить свое время, столь драгоцѣнное для государства, на подобныя неподобающія ему занятія, читать всѣ эти кипы прошеній объ отпускѣ и разбирать, кого отпустить, кого нѣтъ! Гарнизонный офицеръ въ Новгородѣ узнаётъ, что мать его умираетъ въ Петербургѣ и что ей осталось всего три дни жить. Прежде полковникъ увольнялъ его на четыре дня въ Петербургъ; а теперь офицеръ долженъ предварительно написать прошеніе къ самому Государю, и прежде чѣмъ получится разрѣшеніе, мать его помретъ, и онъ лишится отрады обнять ее. А каково офицеру, имѣющему крайнюю надобность отлучиться на 3 или 4 дня и служащему въ полку, который находится на разстояніи 700 или 800 верстъ отъ мѣстопребыванія Государя!

Вотъ соображенія, которыя изложилъ я, пользуясь моимъ досугомъ. Мнѣ желательно, чтобъ они были сообщены лицамъ, занимающимся, по должности, устроеніемъ нашего войска. Буду счастливъ, если хотя одно или два изъ моихъ замѣчаній заслужатъ ихъ одобреніе, и они сочтутъ ихъ достойными того, чтобы представить на усмотрѣніе нашему доброму Государю, который желаетъ только блага своему Отечесгву, который слишкомъ разуменъ, чтобы не видать, что въ государствѣ у него много золъ, требующихъ неотложнаго исцѣленія и который, не имѣя естественно другой передъ собою цѣли, кромѣ порядка и благоденствія, приметъ во вниманіе все что̀ ему представятъ полезнаго, хотя бы представляющій имѣлъ мало или вовсе не имѣлъ достоинствъ. Не рѣдко случается, что человѣкъ вовсе неспособный, но одушевленный горячею ревностью къ общественному благу, высказываетъ мысли, которыя оказываются полезными.

P. S. Я утверждаю въ этой запискѣ, что учрежденія Петра Великаго суть лучшія для нашего войска, и что по мѣрѣ того, какъ удалялись отъ нихъ, состояніе нашего войска ухудшалось. Мнѣ могутъ указать въ опроверженіе на великіе подвиги въ Италіи, совершенные Суворовымъ, въ то время когда дѣйствовали уже новыя военныя учрежденія; но это возраженіе будетъ несправедливо: всѣ знаютъ, что великій человѣкъ этотъ не примѣнялъ къ дѣлу ни одного изъ нововведеній покойнаго Императора. Подвиги Суворова служатъ, напротивъ, подтвержденіемъ тому что̀ я говорю.

ПИСЬМА СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА ВОРОНЦОВА

къ профессору Одесскаго Ришельевскаго Лицея Н. Н. Мурзакевичу ([1]).

(1842—1854).

Всякая черта государственнаго мужа принадлежитъ Исторіи.

1.

Милостивый государь Николай Никифоровичъ!

Докторъ медицины коллежскій совѣтникъ Шпиръ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 31 минувшаго Генваря, жалуется, что редакція Новороссійскаго Календаря, не отобравъ отъ него свѣдѣнія и желанія намѣренъ ли онъ остаться въ Одессѣ на жительствѣ, показала его въ Новороссійскомъ Календарѣ на настоящій 1842-й годъ, въ статьѣ адресовъ на стр. 272-й, въ числѣ вольнопрактикующихъ медиковъ въ Одессѣ и назвала лекаремъ. Вслѣдствіе сего докторъ Шпиръ проситъ объ исправленіи сей ошибки.

Сообщая объ этомъ вамъ, милостивый государь, я покорнѣйше прошу васъ исправить это недоразумѣніе напечатаніемъ соотвѣственной статьи въ Одесскомъ Вѣстникѣ и о послѣдующемъ меня увѣдомить.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, покорнѣйшій слуга „Г. Воронцовъ".

17 Февраля 1842 года.
Одесса.
Его высокоблагородію
Н. Н. Мурзакевичу.

Примѣчаніе. Адрессантъ, которому писано это письмо, въ это время состоялъ редакторомъ „Новороссійскаго Календаря", переданнаго графомъ Воронцовымъ Ришельевскому Лицею [2]), въ пользу бѣдныхъ учениковъ Одесскаго округа. Первые четыре года редактора руководствовали самъ графъ Михаилъ Семеновичъ и попечитель Одесскаго учебнаго округа Д. М. Княжевичъ, испросившій право изданія Календаря Ришельевскому Лицею. До сего, изданіе полезнаго въ свое время Календаря составляло собственность чиновниковъ его штата, гг. П. Т. Морозова и И. Яхневича. Странствующій докторъ Шпиръ распространялъ ученіе, что всѣ

[1]) Издаваемая переписка князя Воронцова помѣщается какъ матеріалъ годный для полной біографіи доблестнаго мужа, которая весьма желательна.

[2]) Ришельевскій Лицей учрежденъ 2 Мая 1817 года. Преобразованъ въ Новороссійскій Университетъ 1-го Мая 1865 года.

человѣческія болѣзни могутъ излечиваться единственно чистымъ воздухомъ. Поименованіе его лекаремъ, а не докторомъ сдѣлано Одесскою Врачебною Управою, сообщившею редакціи Календаря списокъ служившихъ и вольнопрактиковавшихъ медиковъ въ Одессѣ.

2.

Генуя, 6 Генваря 1844 н. ст.

Любезный Николай Никифоровичъ!

Пріѣхавъ сюда третьяго дни, я нашелъ письмо отъ Сафонова и другое отъ Щербинина [3]) объ одномъ предметѣ, касающемся до васъ и въ отвѣтъ на который я спѣшу теперь писать прямо къ вамъ. Я очень радъ, что вы уже успѣли найти вещь интересную и ученому свѣту неизвѣстную между моими манускриптами; я совершенно согласенъ къ напечатанію законовъ Псковскаго Вѣча и готовъ издержки взять на себя. Что жъ касается желанія вашего, чтобы Сборникъ [4]), въ которомъ помѣщены будутъ сіи законы, былъ названъ моимъ именемъ, то я и на это совершенно согласенъ, особливо ежели кромѣ сей статьи помѣщены будутъ въономъ и другіе какіе нибудь новые изъ моихъ манускриптовъ; ибо я не сомнѣваюсь, что таковые новые найдутся, какъ то было наприм. съ статьею прежде напечатанною Сафоновымъ „О походѣ Миниха въ Крымъ"; ежели же законы Псковскаго Вѣча напечатать особо прежде другихъ, то можно будетъ сказать въ предисловіи, что это начало выписки въ публику разныхъ статей изъ нашихъ манускриптовъ, которые по мѣрѣ приготовленія будутъ напечатаны.

Здѣсь я былъ въ архивахъ Банка Св. Георгія, изъ которыхъ мы уже получили двѣ или три рода любопытныхъ подробностей о владѣніяхъ Генуэзцевъ въ Ѳеодосіи и другихъ пунктахъ Крыма. Я узналъ, что болѣе всего намъ въ этомъ помогалъ и даже былъ всему причиною Россійскій вице-консулъ г. Бетцо. Чтобы ободрить его и на будущія розысканія и съ нами сообщенія, я напишу гра-

---

[3]) С. В. Сафоновъ, М. П. Щербининъ и баронъ А. П. Николаи состояли постоянно при графѣ въ качествѣ личныхъ секретарей, писавшихъ письма и офиціальныя бумаги подъ диктовку графа.

[4]) Предполагавшійся къ изданію въ свѣтъ „Сборникъ Историческій", по малочисленности оказавшихся старинныхъ Русскихъ документовъ, не состоялся. Положено было издавать акты новые, по мѣрѣ ихъ отысканія. Такимъ образомъ открыты въ библіотекѣ графа Михаила Семеновича: a) „Исторія о казакахъ Запорожскихъ, соч. князя Мышецкаго, издана особою книжкою въ 1847 году, б) „Статейный списокъ великаго государя его царскаго величества посланниковъ: стольника и полковника и намѣстника Переяславскаго Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова, писанъ со словъ, чрезъ огонь, въ Царевѣ-Борисовѣ городкѣ въ 7189 (1681) Мая въ „день"; а въ 1850 году изданъ во 2-мъ отдѣленіи II-го тома Записокъ Общества; c) „Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 году", издана отдѣльною книжкою въ 1847 году, а въ 1868 году издана вновь съ fac simile всей грамоты; d) „Письма царевича Алексѣя Петровича къ его родителю государю Петру Великому, государынѣ Екатеринѣ I Алексѣевнѣ и кабинетъ-секретарю Макарову", отдѣльною книгою въ 1849 году.

фу Нессельроде съ просьбою объявить ему за то благоволеніе правительства; а между тѣмъ мы сами можемъ ему сдѣлать вещь пріятную и которая будетъ для насъ весьма полезна, а именно назвать его почетнымъ членомъ въ нашемъ Обществѣ Древностей. Сдѣлайте милость поговорите о томъ съ кѣмъ слѣдуетъ и предложите его въ первомъ засѣданіи, если нужно отъ моего имени, объявивъ причину и удостовѣривъ, что г. Бетцо въ полной мѣрѣ заслуживаетъ сей знакъ нашей признательности и что онъ въ послѣдствіи весьма намъ будетъ полезенъ [5]). При семъ названіе и титулъ г-на Бетцо, о коемъ избраніи надобно будетъ отъ Общества, по порядку, ему написать прямо въ Геную. Прощайте, любезный Николай Никифоровичъ, и сдѣлайте милость напишите ко мнѣ нѣсколько строкъ à Rome, poste restante, въ отвѣтъ на сіе письмо и съ маленькимъ извѣщеніемъ о томъ что̀ у васъ дѣлается и по Обществу и по Одесскому Музеуму.

Остаюсь навсегда „преданный вамъ М. Воронцовъ".

P. S. Егоръ Бетцо, титулярный совѣтникъ и вице-консулъ.

3.

Генуя, 26 Декабря 1844 (7 Генваря 1845).

Любезный Николай Никифоровичъ!

По окончаніи вчерашняго моего письма, я имѣлъ случай узнать, что мы обязаны розысканіями о древнемъ управленіи Кафы преимущественно трудамъ здѣшняго главнаго архиваріуса г. адвоката Джіованни Батиста Беллоро, человѣка извѣстнаго въ ученомъ мірѣ своими изслѣдованіями, относящимися къ исторіи среднихъ вѣковъ. Такъ какъ г. Беллоро уже оказалъ намъ значительныя услуги, да и впредъ можетъ быть для насъ весьма полезнымъ, то весьма бы желательно было избрать его вмѣстѣ съ нашимъ вицеконсуломъ Егоромъ Антоновичемъ Беццо, по соображенію гг. членовъ, въ почетные члены, или же члены-крресподенты Общества Древностей. Прошу васъ, любезнѣйшій Николай Никифоровичъ, показать это мое письмо гг. членамъ, и если они будутъ согласны на мое предложеніе, позаботиться о доставленіи дипломовъ гг. Беццо и Беллори.

Остаюсь на всегда „преданный вамъ М. Воронцовъ".

Примѣчаніе. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1839 года, при живомъ участіи и ходатайствѣ графа Михаила Семеновича у министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, было открыто въ Одессѣ „Общество Исторіи и Древностей" для Новороссійскаго края и Бессарабіи. Графъ М. С. Воронцовъ 23 Апрѣля того же года избранъ почетнымъ президентомъ, а Д. М. Княжевичъ дѣйствующимъ президентомъ. Не однимъ званіемъ президента заявилъ себя графъ Обществу, но самымъ дѣломъ. Домъ его, огромная

---

[5]) Е. А. Беццо избранъ дѣйствительнымъ членомъ 5 Мая 1844 года; того же числа и упоминаемый въ слѣдующемъ письмѣ Беллоро. По выѣздѣ графа изъ Италіи, Общество отъ нихъ ничего болѣе не получало.

библіотека, были открыты для засѣданій, а книги для справокъ гг. членовъ. Уѣзжая за границу для поправленія здоровья, отъ секретаря Общества, какимъ былъ со дня открытія и до 1875 года адрессантъ, графъ освѣдомлялся о надобностяхъ Общества. Указанъ былъ Италіанскій архивъ Банка Св. Георгія въ Генуѣ, когда купечество сего города въ XIV и XV вѣкахъ владѣло въ Крыму городами Чембало (Балаклавою), Каффою (Θеодоссіею), Солдаіею (Судакомъ) и Черкіо (Керчью) и въ сказанномъ Банкѣ имѣло полный, неприкосновенный складъ бумагъ и распоряженій протекторовъ Крымскихъ колоній. Гг. Беллоро и Бецци удовлетворительно выполнили просвѣщенное любопытство графа и съ подлиннаго устава для Генуэзскихъ колоній въ Крыму списавъ вѣрную копію слѣдующаго названія: „Уставъ для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изданный въ Генуѣ 1449 года въ послѣдній день Февраля“, представили его сіятельству. Графъ передалъ драгоцѣнный актъ секретарю Общества. По трудности перевода съ Латинскаго, такъ сказать, кулинарнаго языка на Русскій и коммерческой техники, переводъ „Устава“ долго тянулся, и только въ 1863 году, по смерти графа, явясь въ свѣтъ (Записокъ Общества томъ V, трудъ профессора Юргевича), побудилъ Генуэзскихъ ученыхъ для разработки сказаннаго архива учредить Общество подъ именемъ „Societa Ligure“, и издавать труды подъ названіемъ „Atti“.

4.

Любезный Николай Никифоровичъ! Письмо мое къ Андрею Яковлевичу [6]), въ которомъ пишу о способѣ напечатанія найденныхъ въ библіотекѣ моей [7]) рукописей, было уже отправлено, когда я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 14 (26) Февраля. Въ изданіи, собственно ученомъ, я не могу рѣшительнаго мнѣнія подать особенно въ томъ, надлежитъ ли напечатать рукопись Русскими или Славянскими буквами; но, если по вашимъ соображеніямъ найдете, что лучше употребить послѣдній способъ печатанія, то я желалъ бы, чтобы это было преимущественно въ Кіевѣ, который ближе къ Одессѣ, чѣмъ Москва, и гдѣ есть хорошія Славянскія типографіи.

По моему мнѣнію наилучше бы было изъ найденныхъ рукописей напечатать только то, что̀ мало извѣстно, или вовсе неизвѣстно,

---

[6]) А. Я. Фабръ—правитель канцеляріи Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, какимъ состоялъ съ 1823 по 1846 годъ графъ (съ 1845 года князь) Михаилъ Семеновичъ. Фабръ въ 1836 году издалъ Русскій переводъ Арріанова Перипла Понта Евксинскаго; затѣмъ въ 1859 году „Достопамятнѣйшія древности Крыма“ и въ 1861 г. „Древній бытъ Эйоны, нынѣшняго полуострова Тамани“. Умеръ Екатеринославскимъ губернаторомъ.

[7]) Въ библіотекѣ манускриптовъ, помѣщавшихся въ личномъ кабинетѣ графа, нашелся „Лѣтописецъ Русскія земли по списку Новгородскому“. Этотъ списокъ графу хотѣлось издать; но по неудобству печатанія въ Кіевѣ, куда адрессантъ, по служебнымъ своимъ обязанностямъ, на продолжительное время не могъ отлучиться, а равно и по внимательномъ его расмотрѣніи „Лѣтописецъ“, не имѣющій ничего особаго противъ подобныхъ печатныхъ, къ изданію въ свѣтъ былъ отложенъ. Замѣчательно однако то, что въ этомъ Сборникѣ оказалась „Псковская судная грамота“, послѣ Русской Правды второй вѣчевой актъ.

особливо, если, какъ пишите, имѣете намѣреніе прибавить къ изданію объясненія и примѣчанія. Впрочемъ и тутъ предоставляю вамъ избрать лучшее, будучи вполнѣ увѣренъ, что вы не оставите руководствоваться основательными правилами и примѣрами. По собраннымъ свѣдѣніямъ я знаю, что въ Одессѣ есть уже весьма много сочиненій Италіянскихъ и Латинскихъ, которыя могутъ пополнить исторію нашего края въ среднихъ вѣкахъ [8]); за всѣмъ тѣмъ я не упускаю ничего изъ виду, чтобы сдѣлать въ этомъ отношеніи новыя пріобрѣтенія. Г. Бетцо обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, и онъ можетъ быть намъ чрезвычайно полезнымъ, находясь въ городѣ, который имѣлъ такъ великое вліяніе на всю торговлю Чернаго моря въ продолженіе нѣскольких столѣтій.

Остаюсь, любезнѣйшій Николай Никифоровичъ, вашъ покорнѣйшій слуга „Г. М. Воронцовъ".

5.

Карлсбадъ (4) 16 Іюля 1844.

Любезный Мурзакевичъ! Сынъ мой пишетъ мнѣ изъ Петербурга о письмѣ вашемъ къ нему, въ которомъ вы его просите поговорить со мною на счетъ двухъ или трехъ разрѣшеній, по дѣлу печатанія нѣкоторыхъ статей изъ моихъ манускриптовъ. По сему предмету я уже писалъ прямо къ вамъ изъ Неополя или изъ Рима; но не помню теперь, точно ли я отвѣчалъ вамъ на тѣже вопросы, о которыхъ пишетъ теперь ко мнѣ Семенъ Михайловичъ, и потому спѣшу повторить здѣсь, что я совершенно согласенъ на желаніе ваше напечатать Несторову Лѣтопись [9]) въ полномъ ея составѣ обыкновенными, а не Славянскими буквами, и непремѣнно въ Одессѣ. На счетъ списка съ нѣкоторыхъ Англійскихъ реляцій о дѣлахъ Россійскаго двора при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, я съ вами переговорю, по возвращеніи въ Одессу; ибо тутъ есть нѣкоторыя особыя обстоятельства [10]); я также согласенъ, чтобы,

---

[8]) При содѣйствіи графа, пользуясь книгами его прекрасной библіотеки, адресантъ въ 1837 г. издалъ „Исторію Генуэзскихъ поселеній къ Крыму", весьма понравившуюся Новороссійскому меценату; посему онъ и продолжалъ наполнять свою Одесскую библіотеку (а ихъ было много: въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Мо̀шнахъ, Алупкѣ) сказанными книгами. Одну изъ такихъ, именно соч. де ла Примоде́, „Исторію Черноморской торговли въ среднихъ вѣкахъ", поручилъ бывшему университетскому товарищу В. Г. Шостаку перевесть порусски, каковой переводъ и явился въ свѣтъ въ 1850 году. По причинѣ многихъ порученій по службѣ, адрессантъ не имѣлъ свободнаго времени для дополненнаго изданія исторіи Генуэзскихъ поселеній.

[9]) Подъ именемъ Несторовой Лѣтописи графъ разумѣлъ „Лѣтописецъ Русскія земли по Новгородскому списку". Оттиски первыхъ страницъ этой Лѣтописи, представленныя графу, были отложены до удобнаго свободнаго времени.

[10]) Кромѣ сказанныхъ реляцій были адрессантомъ отысканы подлинныя „записочки царевенъ Прасковьи, Анны, Марьи и Екатерины Михайловой (Екатерины I) нѣкоему архимандриту Варлааму", которыя графомъ были доставлены С. С. Ува-

по прежнимъ примѣрамъ, списокъ Несторовой Лѣтописи былъ напечатанъ въ Москвѣ съ моимъ именемъ, и объ этомъ, кажется, я уже вамъ писалъ прежде.

Братъ бывшаго Валахскаго господаря князь Михаилъ Гика, который пьетъ воды здѣсь въ Карлсбадѣ, сказалъ мнѣ на дняхъ, что онъ нѣсколько времени тому назадъ послалъ Д. М. Княжевичу, для представленія въ наше Общество Древностей, нѣкоторыя свѣдѣнія объ открытіяхъ въ Малой Валахіи [11]; но что, не получивъ никакого отвѣта, онъ не знаетъ, получены ли сіи свѣдѣнія. Сдѣлайте милость, скажите объ этомъ Дмитрію Максимовичу съ моимъ поклономъ и спросите, можно ли дать князю Гикѣ, по сему предмету, какое либо увѣдомленіе.

Я надѣюсь быть въ Одессѣ въ концѣ Сентября или въ началѣ Октября и очень радъ буду съ вами переговорить о томъ что̀ еще можно будетъ выбрать изъ нашихъ бумагъ и публиковать; между тѣмъ остаюсь навсегда „преданный вамъ М. Воронцовъ".

6.

Алупка, 14 Ноября 1844.

Милостивый государь Николай Никифоровичъ!

Полагая, что по случаю кончины Димитрія Максимовича Княжевича, Общество Исторіи и Древностей приступитъ къ избранію президента, я считаю нужнымъ предупредить васъ, что естьли бы было предположено Обществомъ избрать Андрея Яковлевича Фабра, то, зная, что онъ не захочетъ принять на себя сіе званіе, и потому, что по множеству и многосложности его занятій, ему невозможно было бы исполнить такое назначеніе, я полагалъ бы излишнимъ даже предлагать его и баллотировать: ибо онъ навѣрное откажется отъ званія предсѣдателя. Затѣмъ остается сообразить, кого бы желательно было бы намъ имѣть президентомъ. Это зависить будетъ отъ выборовъ и большинства голосовъ, слѣдова-

---

рову, а имъ препровождены С. Петербургской цензурѣ, но не были ею одобрены къ напечатанію: „какъ заключавшія въ себѣ однѣ обыкновенныя привѣтственныя „выраженія, не представляютъ ничего особенно примѣчательнаго въ историческомъ „отношеніи; но онѣ писаны наскоро, нѣкоторыми царственными особами, не пред„назначавшими ихъ къ гласности, и потому въ нихъ встрѣчаются многія выраже„нія, которыя хотя были свойственны старинымъ нравамъ, но въ наше время „могутъ показаться неприличными и подать поводъ легкомысленнымъ людямъ къ „неосновательнымъ догадкамъ, несовмѣстнымъ съ достоинствомъ и даже оскорби„тельнымъ для чести тѣхъ лицъ". Эти письма и письма царевича Алексѣя Петровича въ свое время ускользнули отъ взора инквизиторовъ, погубившихъ царевича. Оба сіи манускрипты поступили въ библіотеку графа изъ библіотеки князя Дмитрія Михайловича Голицына.

[11]) Статья съ рисунками древностей, найденныхъ въ Валахіи въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1840 года, достигла рукъ Общества и имъ помѣщена въ I томѣ Записокъ Общества, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1844 году. Доставитель рисунковъ бояръ Гика, 22 Генваря 1842 года, избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества.

вательно совершенно подчинено членамъ Общества; но я съ своей стороны полагаю, что если бы былъ избранъ президентомъ преосвященный Гавріилъ [12]), и онъ бы отъ того не отказался, то таковое пріобрѣтеніе было бы для насъ весьма удачное.

Посылаю вамъ при семъ для представленія Обществу Исторіи и Древностей собраніе монетъ, подаренныхъ мнѣ протоіереемъ Балаклавскаго Греческаго пѣхотнаго баталіона Антоніемъ Аргириди. Сдѣлайте милость, пріобщите ихъ къ хранящимся въ нашемъ Музеумѣ. Впрочемъ отъ васъ будетъ зависѣть, по разсмотрѣніи этихъ монетъ, достоинство которыхъ мнѣ вовсе неизвѣстно, отдать ихъ въ Городской Музеумъ или въ Общество [13]); а естьли есть двойныя монеты, то по одному экземпляру въ оба мѣста. Однимъ словомъ, я предоставляю это полному и совершенному вашему усмотрѣнію, помѣстить ихъ туда, гдѣ вы найдете приличнѣе.

„Примите увѣреніе въ моей преданности. Г. М. Воронцовъ“.

7.

Тифлисъ, 1-го Марта 1850 г.

Любезный Николай Никифоровичъ. Я весьма долго замедлилъ отвѣчать на письмо ваше отъ 1 Декабря 1849 и благодарить васъ за присылку столь любопытныхъ писемъ царевича Алексѣя Петровивича; но большое стеченіе дѣлъ и кратковременная впрочемъ боль въ головѣ не дозволили мнѣ раньше сего сдѣлать. Вамъ уже извѣстно, какой благосклонный пріемъ сдѣлали вашему труду Государь Императоръ и Наслѣдникъ [14]). Это пріятнѣйшая для васъ награда, и она мнѣ доставляетъ этимъ самымъ истинное удовольствіе.

---

[12]) Преосвященный Гавріилъ (Розановъ), архіепископъ Херсонскій и Таврическій, былъ изъ первыхъ избранныхъ Обществомъ въ дѣйствительные члены. Онъ извѣстенъ изданіемъ многихъ историческихъ матеріаловъ, между которыми были: a) Остатки христіанскихъ древностей въ Крыму, въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ; b) Историческая записка о Пустынно-Николаевскомъ Самарскомъ (Запорожскомъ) монастырѣ; c) Устныя сказанія Запорожца Л. М. Коржа; d) Хронологико-историческое описаніе церквей епархіи Херсонской и Таврической, и множество другихъ разновременно изданныхъ. Примѣрная пастырская забота объ устройствѣ ввѣренной ему пространной епархіи поглощала все его время, а потому онъ и отказался отъ предложеннаго единогласно членами вакантнаго президентства. Управленіе Обществомъ съ этого года по 1854 годъ было ввѣрено А. Ѳ. Негри, извѣстному оріенталисту, нѣкогда совѣтнику посольства въ Персіи при Ермоловѣ, посланнику въ Бухарѣ и переводчику: „Бахчисарайскихъ ханскихъ надгробныхъ надписей“, а также „Исторіи Крымскихъ хановъ“.

[13]) Въ Одессѣ съ 1825 года, по ходатайству графа Воронцова, былъ учрежденъ Городской Музей древностей (также и въ Керчи), а съ 1840 года подобный основался при Обществѣ. Въ послѣдствіи Городской Музей слился съ Музеемъ Общества, которому графъ указалъ удобное помѣщеніе, нынѣ обращающее на себя общественное вниманіе.

[14]) За поднесеніе княземъ Михайломъ Семеновичемъ писемъ царевича, Его Величествомъ и Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ издателю объявлены: Государя Императора благоволеніе, а Его Высочества благодарность.

Вѣрьте истинной моей къ вамъ привязанности.

„Князь М. Воронцовъ".

8.

Тифлисъ, 1-го Мая 1850.

Любезный Николай Никифоровичъ! Спѣшу благодарить васъ за письмо ваше отъ 15 Апрѣля и за пересылку весьма любопытнаго труда вашего: „Статейнаго списка дьяка Никиты Зотова" [15]). Я его просматривалъ съ большимъ удовольствіемъ и душевно радуюсь сей новой услугѣ, оказанной вами отечественной нашей исторіи. Жена моя также благодаритъ васъ и съ истиннымъ любопытствомъ читаетъ книгу, описывающую Крымъ, къ которому мы оба такъ привязаны.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. „Князь М. Воронцовъ".

9.

Тифлисъ, 15 Февраля 1852.

М. Г. Н. Н.

Князь Михаилъ Семеновичъ, получивъ письмо ваше отъ 31 минувшаго мѣсяца, изволилъ поручить мнѣ увѣдомить васъ, что онъ совершенно согласенъ на то, чтобы вы, при полученіи новаго вашего назначенія директоромъ Одесскаго Лицея, продолжали завѣдывать Одесскимъ Городскимъ Музеемъ [16]) и пользовались присвоеннымъ сей должности содержаніемъ. Его свѣтлость вмѣстѣ съ симъ пишетъ о томъ Павлу Ивановичу Ѳедорову. Ашику [17]) князь предоставляетъ пока только одну Библіотеку.

---

[15]) Сверхъ помѣщенія „Статейнаго списка дьяка Никиты Зотова" (учителя Петра I-го, потомъ князь-папы), помѣщеннаго во II-мъ томѣ Записокъ Общества, для князя, Д. Н. Блудова, А. Д. Черткова и другихъ любителей отечественной старины, издателемъ было сдѣлано нѣсколько особыхъ оттисковъ, особою книжечкою. Приготовляемые изъ библіотеки князя-намѣстника „Розряды XVI-го вѣка", по освѣдомленію, что подобные изготовляются къ печати Д. Н. Блудовымъ въ С.-Петербургѣ, издателемъ оставлены.

[16]) Князь Воронцовъ, обращая вниманіе на профессоровъ Ришельевскаго Лицея и входя въ ихъ весьма умѣренное содержаніе отъ казны, старался нѣкоторымъ изъ нихъ пособлять зависящими отъ него средствами. Такъ профессорамъ: естественныхъ наукъ: А. Д. Нордману, поручилъ управленіе Одесскимъ ботаническимъ садомъ; Химіи, Г. Х. Гаасгагену—Одесскими искусственными минеральными водами; Богословія, протоіерею М. К. Павловскому (нынѣ кавалеру ордена св. Анны 1-й степени)—законоучительство въ Одесскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ; Русской исторіи, Мурзакевичу—завѣдываніе Одесскими Городскимъ Музеемъ древностей и Публичною Библіотекою, княземъ основанными.

[17]) А. Б. Ашикъ, нѣкогда директоръ Керченскаго Музея древностей, занимавшійся раскопками въ Керчи и Тамани, издатель книги: „Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, росписными вазами, планами, картами и видами", Одесса, 1849. Три тетради.

Доводя до свѣдѣнія вашего таковое рѣшеніе его свѣтлости, весьма благосклонно къ вамъ расположеннаго, прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ къ вамъ уваженіи и преданности [18].....

10.

Тифлисъ, 1-го Марта 1852.

Милостивый государь Николай Никифоровичъ!

Я давно собирался писать къ вамъ и удосужился только теперь, чтобы благодарить васъ за прекрасныя изданія нѣкоторыхъ историческихъ рукописей моей библіотеки. Съ удовольствіемъ даю вамъ позволеніе поразсмотрѣть другія находящіяся у меня историческія рукописи, выбравъ изъ нихъ болѣе замѣчательное и полезное къ изданію въ свѣтъ, о чемъ я вмѣстѣ съ симъ пишу Шпигановичу, поручая ему выдать вамъ на изданіе приготовленной вами рукописи: „Историческое и дипломатическое собраніе дѣлъ происходившихъ между Россійскими Великими Князьями и бывшими въ Крымѣ Татарскими царями съ 1468 по 1533 годъ [19]"—200 р. сер. Очень буду радъ, если изъ моего собранія рукописей Русская публика и любители отечественной исторіи и старины снова получатъ какой нибудь любопытный документъ, благодаря просвѣщенной вашей дѣятельности. Само собою разумѣется, что на изданіе рукописей по примѣру прежнему нужно будетъ испрашивать разрѣшеніе въ Петербургѣ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

„Князь М. Воронцовъ".

11.

Тифлисъ, 15 Декабря 1852.

М. Г. Н. Н. Князь Михаилъ Семеновичъ получилъ давно письмо отъ декана и профессора юридическаго факультета Дерптскаго университета Тобина, занимающагося разсмотрѣніемъ и сличеніемъ древнихъ грамотъ, кодексовъ и тому подобнаго, въ которомъ онъ проситъ его свѣтлость о присылкѣ ему на короткое время подлинника изданной вами въ 1847 году и находящейся въ Одесской библіотекѣ князя „Псковской судной грамоты". Его свѣтлость, разрѣшивъ послать эту грамоту помянутому ученому въ Дерптъ, изво-

---

[18]) Письмо писалъ исправлявшій должность директора военно-походной канцеляріи, колл. сов. И. Ѳ. Золотаревъ.

[19]) Въ бытность князя въ 1847 г. въ Одессѣ, по личному соглашенію, отдѣльное изданіе этого фоліанта рѣшено помѣстить въ Запискахъ Общества, что̀ въ 1863 г. и исполнено: напечатано въ V томѣ съ 178-й по 420-ю страницу. Замедленіе произошло по случаю возникавшей и постигшей край восточной войны. Доставленныя деньги употреблены на переписчиковъ и корректоровъ. Авторъ этого собранія дипломатическихъ дѣлъ о Крымѣ—извѣстный археографъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій.

лилъ мнѣ приказать написать о томъ библіотекарю его въ Одессѣ г. Александру Гревсу, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить и васъ, милостивый государь, посодѣйствовать Гревсу [20]) въ отысканіи и отправленіи помянутаго манускрипта, уложивъ и запаковавъ его аккуратно, и адресовать въ Дерптъ, въ юридическій факультетъ тамошняго университета. Передавая вамъ таковое порученіе князя Михаила Семеновича, я покорнѣйше прошу васъ о послѣдующемъ мнѣ сообщить для доклада его свѣтлости и принять увѣреніе въ совершенномъ къ вамъ почтеніи [21]).

12.

Тифлисъ, 1-го Февраля 1854.

Любезный Николай Никифоровичъ! Княгини воображенію представляется, что въ Одесскомъ домѣ нашемъ можетъ случиться пожаръ, первою жертвою коего будутъ наши фамильныя бумаги и манускрипты, имѣющіе столько историческаго значенія, и потому желаетъ, чтобы все это было сложено въ особые ящики и поставлено въ безопасной отъ огня части дома. Хотя я и подшучиваю надъ ея неосновательнымъ страхомъ, и не вѣрю, чтобы могъ случиться пожаръ въ домѣ не имѣющемъ жильцевъ, однакожъ дѣйствительно очень жаль было бы потерять эти бумаги, столь интересныя для насъ и для будущаго; потому я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею присьбою оказать Шпигановичу дружеское содѣйствіе къ собранію и укладкѣ всѣхъ моихъ манускриптовъ въ особые ящики, въ такомъ порядкѣ, какой найдете лучшимъ и при особыхъ описяхъ, что̀ въ какой ящикъ положено. Затѣмъ мнѣ остается еще просить васъ не говорить объ этомъ предметѣ никому, потому что эта самая обыкновенная вещь, при нынѣшнемъ тревожномъ состояніи Одессы, можетъ дать поводъ къ какимъ либо толкамъ и заключеніямъ. Вы сами видите, что мы ничего не вывозимъ изъ дому, и всѣ наши вещи немало стоящія оставляемъ тамъ, а одни лишь бумаги, не имѣющія цѣны для другихъ, но важныя для насъ, желаемъ сохранить въ томъ же самомъ домѣ. Прощайте, любезный Николай Никифоровичъ, и вѣрьте моей преданности.

„Князь Воронцовъ".

Черезъ два мѣсяца съ небольшимъ, Англо-французскій флотъ (30 судовъ), неблагородно привязавшись къ неловкости карантиннаго чиновника П—на, 10 Апрѣля не устыдился осыпать Одессу всякаго рода пулями, ядрами и ракетами. Въ приморскій домъ князя Воронцова и его садъ насыпано было нѣсколько сотъ ядеръ; сѣнникъ ракетою былъ зажженъ, но распорядительностью управляющаго домомъ утушенъ; другая же завязла въ наружный

---

20) Библіотекарь Гревсъ не отличался знаніемъ своего дѣла. Книги, нужныя князю въ Тифлисѣ, адрессанту часто приходилось доставлять изъ собственной или лицейской библіотеки. Такъ, при отъѣздѣ князя въ 1845 г. на Кавказъ, сочиненіе Прокопія Византійскаго: „De aedificiis" было вручено изъ казенной библіотеки.

21) Писано И. Ѳ. Золотаревымъ.

уголъ между большимъ кабинетомъ князя и библіотекою. Укладка манускриптовъ кончилась 1-го Апрѣля. Всѣхъ манускриптовъ, вложенныхъ въ 17 ящиковъ, было до 400. Снесенные ящики въ подвалы, по уходѣ непріятельскаго флота изъ Одесскаго рейда, были затѣмъ перевезены Кіевской губерніи въ мѣстечко Мошну, а оттоль, по установленіи мира, обратно въ Одессу. Князь, прибывъ 5 Октября 1856 г. въ этотъ городъ на постоянное жительство и приглася охранителя манускриптовъ къ себѣ въ домъ, выразилъ теплую признательность за скромно исполненный трудъ, и тогда же выразилъ непремѣнную волю, по облегченіи болѣзни, совмѣстно заняться пересмотромъ и изданіемъ важнѣйшихъ документовъ; но 6-го Ноября Всемогущій Творецъ воззвалъ труженика къ себѣ. Послѣ канцлера графа Николая Петровича Румянцева, отечественная исторія наиболѣе обязана свѣтлѣйшему князю Михаилу Семеновичу Воронцову.

13.

Москва, 8 Мая 1854.

Любезный Николай Никифоровичъ! Испанскій консулъ въ Одессѣ г. Багеръ [22]) обратился ко мнѣ съ просьбою дозволить ему сдѣлать копію съ находящихся между моими манускриптами „Les mémoires du duc de Liria". Я васъ покорнѣйше прошу отдать г. Багеру эту рукопись подъ росписку; она должна быть сложена въ нашемъ домѣ подъ наблюденіемъ А. И. Шпигановича, которому по окончаніи копіи долженъ быть возвращенъ оригиналъ для отправленія на сохраненіе И. Т. Ягницкому въ Москвѣ. Что же касается до прочихъ манускриптовъ, то я васъ прошу, чтобы вы вмѣстѣ съ Шпигановичемъ, осмотрѣвъ сохранность ящиковъ, отдали бы ихъ сему послѣднему, который по моему приказанію отправитъ ихъ къ И. Т. Ягницкому въ Москву, гдѣ въ настоящее время они будутъ внѣ всякой опасности.

Прощайте, любезный Николай Никифоровичъ; примите увѣреніе въ чувствахъ истиннаго моего къ вамъ уваженія. „Князь М. Воронцовъ".

P. S. Обо всемъ вышеписанномъ я сегодня же пишу Шпигановичу.

„К. В".

СОЧУВСТВІЕ ВЕНГРІИ КЪ РОССІИ.

(Переводъ съ Латинскаго).

Въ журналѣ Генеральнаго Собранія 1784 года Ноября 30 дня въ Уйчели (Новомъ Городѣ) записано, подъ № 30, обнародованное отъ „Высоковелительнаго Королевскаго Намѣстническаго Совѣта" приказаніе, слѣдующаго содержанія.

№ 25450. Понеже два Россійскіе офицера, подпоручикъ Юрья Бируколассаръ и прапорщикъ Василій Боршанинъ, пріѣзжающіе часто въ сіе королевство для покупки подгорскихъ винъ, открыли здѣсь умыселъ свой въ томъ, что они въ будущее лѣто не токмо до нѣсколько тысячъ подгорскихъ виноградныхъ лозъ отсюду вывезть

[22]) Ловкій Багеръ, въ концѣ восточной войны, успѣлъ выходить себѣ вознагражденіе за раззоренный непріятелями хуторъ возлѣ Керчи отъ Франціи и Англіи и пособіе отъ Россіи.

намѣрены, но и не преминутъ также увезть съ собою въ Санктпетербургъ четверыхъ или пятерыхъ цесаро-королевскихъ подданныхъ, умѣющихъ ходить за виноградомъ: то какъ высочайшее цесаро-королевское повелѣніе кому надлежитъ здѣсь объявлено, дабы никто не дерзалъ людей изъ цесаро-королевскихъ областей выводить въ иностранные предѣлы, вышепоказанные офицеры всемѣрно береглися бы отъ таковаго поступка, естьли не хотятъ, чтобъ состояніе ихъ подвержено было худымъ слѣдствіямъ; почему и къ прапорщику, пріѣхавшему въ Петерварадинъ съ пашпортомъ отъ военнаго Венгерскаго начальства, приставленъ вдругъ ординарецъ для надзиранія.

Въ слѣдствіе чего Намѣстническій Королевскій Совѣтъ почтеннѣйшему комитату предписаніемъ симъ о вышеобъявленномъ его величества повелѣніи даетъ знать, дабы, въ случаѣ прибытія вышепомянутыхъ офицеровъ внутрь сего королевства, надсматриваемы они были недремлемыхъ окомъ и всячески отъ нарушенія таковаго его цесаро-королевскаго повелѣнія были предохраняемы. Ноября 3 дня 1784 года. Графъ Христофоръ Ницкій, С. Р. Стефанъ Вичъ С. Р. (мѣсто печати).

По сему препоручено судьямъ дворянства за оными Россійскими офицерами (виноградныя лозы и самыхъ виноградчиковъ доставить въ Россію старающимися) смотрѣть и къ произведенію таковаго ихъ намѣренія въ дѣйство всячески препятствовать. О чемъ кому надлежитъ въ уѣздномъ городѣ Уйчелѣ и дано знать.

Генваря 14 дня 1785 года.

Чрезъ присяжнаго почтеннѣйшаго Землинскаго комитата нотаріуса Антонія де Сирма (мѣсто печати).

Перевелъ Лука Сѣчкаревъ *).

(*Сообщено съ подлинника Н. Н. Мурзакевичемъ*).

ПОДВИГИ РУССКИХЪ СОЛДАТЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО.

Подвиги Русскихъ солдатъ такъ многочисленны, что ихъ всѣ собрать въ одну книгу нѣтъ никакой возможности. Изъ нихъ навѣрное составилось бы нѣсколько огромныхъ томовъ. Для этого не имѣется ни средствъ, ни времени. Посему мы, безъ всякаго выбора, взяли и выписали изъ по-

*) Сѣчкаревъ, переводчикъ съ Греческаго, Латинскаго и Польскаго языковъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, служилъ долгое время при канцеляріи князя Потемкина-Таврическаго.

длинныхъ дѣлъ и старыхъ печатныхъ списковъ нижнимъ чинамъ, награжденнымъ за военные подвиги знаками Военнаго Ордена, лишь нѣсколько обращиковъ Русской геройской отваги.

Григорій Александровъ.

1. Лейбъ-кирасирскаго Его Императорскаго Величества полка рядовой Сидоръ Годунъ, 14-го Декабря 1806 года, во время сраженія при Пултускѣ, когда подъ нимъ была убита лошадь, схватя непріятельское ружье, заколол ружьемъ нѣсколько человѣкъ и освободился тѣмъ отъ непріятелей. Награжденъ за сей подвигъ знакомъ отличія Военнаго ордена (Списки, ч. 2, стр. 102.)

2. Унтеръ-офицеръ Сидоръ Дмитріевъ, 27 Января 1807 года, въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау, выѣзжалъ въ охотники и когда подъ нимъ была убита лошадь и онъ окруженъ былъ непріятельскими фланкёрами, пѣшій съ саблею бросился на нихъ и рубилъ такъ удачно, что, доставъ при семъ себѣ Французскую лошадь, возвратился на ней опять во фронтъ. Награжденъ за это такимъ же знакомъ. (Той же части, стр. 101).

3. Рядовой Михаилъ Кудря, 1806 года Декабря 17, подъ селеніемъ Новой-Весью, двухъ непріятельскихъ гусаръ саблею изрубилъ и трехъ лошадей изъ карабина убилъ и одного Француза взялъ въ плѣнъ, котораго со всѣми вещами представилъ къ генералу Дохтурову; и 1807 г. Марта 14 храбро поступалъ противъ непріятеля подъ мѣстечкомъ Ортельсбургомъ, гдѣ и раненъ пулею. Награжденъ за храбрость тѣмъ же знакомъ. (Тамъ же, стр. 339).

4. Изюмскаго гусарскаго полка вахмистръ Макаръ Курочкинъ, 25 Января 1807 года, во время сраженія съ Французами подъ деревнею Гофъ, срубилъ семь человѣкъ драгуновъ и взялъ въ плѣнъ офицера.

5. Того же полка квартермистръ Юрій Лявданскій, 3 Февраля 1807 г., при деревнѣ Менсфельдъ, былъ въ охотникахъ, ободряя своихъ товарищей и, заскакавъ во флангъ непріятельскому отдѣленію, отрѣзалъ оное, перерубилъ многихъ и взялъ въ плѣнъ 15 человѣкъ.

6. Того же полка унтеръ-офицеръ Сергѣй Дудниковъ, 26 Января 1807 г., подъ городомъ Прейсишъ-Эйлау, когда генералъ-маіоръ Барклай-де-Толли былъ раненъ, съ особеннымъ рвеніемъ и разсудительностію, посадя сего генерала на свою лошадь, вывезъ его съ мѣста сраженія и тѣмъ спасъ жизнь его.

Всѣ трое награждены за подвиги ихъ такими же знаками. (Тамъ же, ч. 2, стр. 106, 108 и 109).

7. Низовскаго мушкетерскаго полка фельдфебель Петръ Сонцевъ, 14 Іюня 1808 г., когда услышалъ, что началось сраженіе, будучи неустрашимъ и рачителенъ къ службѣ, выпросился на мѣсто битвы и, придя туда, собравъ къ себѣ нѣкоторую часть разстроенныхъ охотниковъ, съ отличною храбростію способствовалъ прочимъ сотоварищамъ поражать непріятеля и отбилъ храбрымъ и мужественнымъ своимъ поступкомъ съ тою частью охотниковъ захваченныхъ непріятелемъ въ плѣнъ передоваго нашего пикета пять человѣкъ рядовыхъ и во всё время сраженія находился впереди, обороняя отъ непріятеля и поощряя товарищей своихъ. За сіи подвиги Совцевъ награжденъ тѣмъ же знакомъ отличія. (Списки, ч. 6, стр. 291).

8. Лейбъ-гвардіи гусарскаго полка унтеръ-офицеръ Тихонъ Рѣзниковъ, въ 1807 году, находясь въ фланкёрахъ, по окончаніи сраженія при

городѣ Фридландѣ, присоединяясь къ эскадрону, нашелъ оставленную безъ людей и лошадей нашу батарейную пушку, отъ которой отогнавъ трехъ непріятельскихъ стрѣлковъ, увѣдомилъ немедленно командовавшаго батареею л. гв. артиллерійскаго баталіона штабсъ-капитана князя Абамелика, отъ коего получилъ для спасенія той пушки одного фейерверкера, двухъ рядовыхъ и 6 лошадей, перевезъ оную чрезъ рѣку при совершенной опасности, когда уже съ одной стороны мостъ былъ зажженъ. За сіе отличіе получилъ знакъ Военнаго ордена. (Списки, ч. I, стр. 15).

9. Л. гв. Финляндскаго баталіона баталіонный барабанщикъ Тимофей Миздрюковъ, 2 Іюня 1807 года, при городѣ Фридландѣ, ударилъ егерскій походъ, посредствомъ коего собралъ около ста человѣкъ рядовыхъ, кои съ мужествомъ ударили на непріятельскихъ стрѣлковъ и прогнали ихъ. Награжденъ за это знакомъ отличія Военнаго ордена. (Той же части, стр. 67).

10. Углицкаго мушкетерскаго полка рядовые: Петръ Казачокъ, Степанъ Семеновъ и Иванъ Антоновъ, 1807 г. Января 22, у препятствій непріятелямъ переправы чрезъ рѣку Алле, при деревнѣ Берфидъ, примѣромъ своимъ ободрили товарищей и съ ними вмѣстѣ съ отличною храбростію, противъ моста, поражая неоднократно усиливающихся непріятелей, воспрепятствовали ихъ намѣренію; а 26 и 27 числъ, при Прейсишъ-Эйлау были въ охотникахъ и, не взирая на опасность, выгнали непріятеля изъ деревни и удачно совершили начальническое повелѣніе. Тогожъ года Мая 24, при деревни Шарнихъ, увидя непріятельскую многочисленную колонну, при неустрашимомъ стремленіи, напавъ съ товарищами, истребили оную пораженіемъ штыковъ и способствовали взять въ плѣнъ одного генерала, одного штабъ, четырехъ оберъ-офицеровъ и ста пятидесяти человѣкъ нижнихъ чиновъ; а 29 и 30 числъ, въ генеральномъ сраженіи подъ Гейльсбергомъ, были въ охотникахъ и удержали на правомъ флангѣ непріятельское стремленіе на наши батареи, отразили оное съ отличною храбростію и за сіи подвиги награждены знаками Военнаго ордена. (Списки, ч. 10, стр. 443—445).

11. Во время сильной пальбы съ крѣпости Свеаборга *) одинъ брандскугель, пущенный непріятелемъ съ крѣпости, проломилъ въ дѣйствующей противу оной, въ ночь, нашей подвижной полевой батареѣ зарядный ящикъ, наполненный боевыми зарядами, начиненными бомбами и брандскугелями, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась кипа пакли. Окружающіе оный артиллеристы ожидали, что ящикъ сей будетъ взорванъ и слѣдствія, отъ того произойти могущія, нанесутъ вредъ для всей батареи; но въ самое то время бомбардиръ 17-й бригады Иванъ Ѳедотовъ, съ полною неустрашимостію, кинулся на ящикъ, сорвалъ паклю съ брандскугелемъ и, опасаясь какаго-либо вреда отъ загорѣвшагося ящика, поспѣшно съ онымъ отъѣхалъ въ отдаленное мѣсто, а чрезъ сіе спасъ людей и самые снаряды. Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ онаго бомбардира знакомъ отличія Военнаго ордена, фейерверкеромъ 1-го класса и пятью стами рублей, съ выдачею о семъ отважномъ дѣйствіи печатнаго листа за подписью всѣхъ присутствующихъ Государственной Военной Коллегіи и за печатью ея. (Изъ Высоч. ук. 25 Марта 1808 г.).

---

*) Осадою Свеаборга управлялъ генералъ Сухтеленъ. Комендантъ этой важной крѣпости Шведскій адмиралъ графъ Кронштетъ сдалъ ее Русскимъ по капитуляціи 21 Апрѣля 1808 года. *Г. А.*

12. 1808 года, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, въ Шведской Финляндіи, при городѣ Куопіо, когда непріятель, ретируясь чрезъ рѣку, повредилъ мостъ для воспрепятствованія преслѣдовать его нашему отряду: то четыре человѣка рядовыхъ лейбъ-гренадерскаго полка, бросаясь въ воду и вынувъ изъ оной перекладины моста, обратно на оный положили и тѣмъ способствовали отряду переправиться чрезъ рѣку. Награждены знаками отличія Военнаго ордена. (Списки, ч. 9. стр. 4, объ отличившихся въ Финляндскую кампанію).

13. Одесскаго мушкетерскаго полка рядовой Жорносекъ въ Молдавской арміи, стоявъ на часахъ у моста Гирсова черезъ Дунай, усмотрѣлъ, пополудни въ 10-ть часовъ, приплывшихъ къ мосту изъ Силистріи на лодкѣ двухъ Турокъ и двухъ Молдаванъ, окликалъ ихъ и получилъ отзывъ, что они христіане; но Жорносекъ, не взирая на то, ударилъ штыкомъ въ лодку и опрокинулъ ее. Два непріятеля утонули, а одного Турка и одного Молдаванина успѣлъ онъ вытащить и, отобравъ отысканныя у нихъ письма изъ Силистріи въ Браиловъ, все то представилъ по командѣ. Въ письмахъ сихъ содержалось удостовѣреніе, что Турки сдѣлаютъ всевозможное покушеніе къ преподанію помощи Браиловской крѣпости. Оный Жорносекъ, какъ исполнившій прямой долгъ Русскаго солдата, произведенъ въ унтеръ-офицеры, и выдано ему изъ кабинета Его Величества сто рублей. (Изъ Высоч. повелѣній 17 Января 1810 года).

14. Возвратившійся изъ плѣна отъ Шведовъ Пермскаго мушкетерскаго полка рядовой Аѳанасій Дороховъ, представилъ Абовскому коменданту Ставракову артельныхъ денегъ 200 р. ассигнаціями и принадлежащихъ подпоручику Куроѣдову, два червонца и два рубля сер., кои были ввѣрены ему отъ роты, и онъ, будучи въ плѣну, сохранилъ ихъ. По таковому примѣрному его поступку, Его Императорскому Величеству весьма пріятно было усмотрѣть новый опытъ нравственной правоты и честности, издревле укоренившихся въ вѣрныхъ его подданныхъ, и всемилостивѣйше указано: артельныя деньги отослать въ Пермскій полкъ, а Дорохову выдать въ награду изъ кабинета 300 р. ассигнаціями. (Изъ Высочайшихъ указовъ 21 Февр. 1810 года).

15. 6-го числа Іюля 1810 года, толпа Турокъ, собравшихся въ лѣсахъ Силистрійскихъ, сдѣлала вечаянное нападеніе въ тѣсной дефилеѣ на команду, провожавшую въ Базарджикъ выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ. По долгомъ и упорномъ сопротивленіи офицеры изранены и нѣсколько рядовыхъ убито; но 32-го егерскаго полка рядовой Василій Пестряковъ, исполненный храбрости и отваги, съ 43-мя человѣками приверженныхъ къ нему сотрудниковъ, заступилъ мѣсто начальника, пробиваясь сквозь толпы непріятельскія, поражалъ ихъ и, нанеся послѣдній ударъ, вселилъ ужасъ и принудилъ Турокъ обратиться въ бѣгство. Главнокомандующій Задунайскою арміею, одобряя столь отличный доспѣхъ Пестрякова, произвелъ его въ унтеръ-офицеры, а Государь Императоръ къ достойнѣйшему награжденію онаго Пестрякова пожаловалъ прапорщикомъ и на экипировку ему 150 рублей. (Изъ приказа военнаго министра 4 Августа 1810 года за № 41).

16. Въ 5-й день Сентября 1810 года, на границѣ Карталиніи, Россійскія войска надъ 10-ти тысячнымъ корпусомъ Персіянъ и Турокъ одержали побѣду такимъ образомъ. Два батальона 9-го и 15-го егерскихъ полковъ, съ двумя легкими орудіями и частію казаковъ, пролетѣли обширный непріятельскій лагерь отъ одного конца до другаго. Устрашенные Персіяне и Турки, безъ оружія и одежды, спасались бѣгствомъ и бросались стремглавъ въ глубокій каменистый ровъ. Весьма богатый лагерь

достался въ добычу побѣдителямъ: все оружіе, множество лошадей, лучшія драгоцѣнности, золото и серебро раздѣлено между нижними чинами. Таковой необычайный подвигъ обратилъ на отличившихся воиновъ особенное благоволеніе Его Императорскаго Величества, что̀ послужитъ примѣромъ потомству: ибо усердіе, храбрость и труды замѣняютъ число войска и торжествуютъ надъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ. (Изъ приказа военнаго министра 22 Октября 1810 года за № 64).

17. Волынскаго уланскаго полка товарищъ Лисовскій, во время бомбардированія крѣпости Брегово, возвращаясь изъ отдѣленныхъ эскадроновъ, встрѣтилъ одинъ семь человѣкъ Турокъ, выѣхавшихъ изъ крѣпости съ намѣреніемъ при темнотѣ ночи проѣхать скрытно и спастись отъ предстоявшей имъ общей гибели. Лисовскій рѣшительно бросился съ саблею на первыхъ съ нимъ встрѣтившихся съ большимъ крикомъ, умышленно призывая на помощь товарищей, хотя близъ него никого не находилось, нанесъ Туркамъ удары, и устрашенные Турки, слѣзши съ лошадей, на колѣняхъ предъ однимъ храбрымъ Лисовскимъ просили пощады; но онъ приказалъ имъ на Молдаванскомъ языкѣ сложить съ себя оружіе, слѣдовать за нимъ пѣшкомъ и всѣхъ привелъ въ лагерь своими плѣнными. Сему неустрашимому воину, въ награду за таковой подвигъ, отданы всѣ лошади и оружіе, отобранное у тѣхъ плѣнныхъ; а Его Императорское Величество произвелъ его въ юнкера и пожаловалъ знакъ отличія Военнаго ордена. (Изъ приказа военнаго министра 26 Октября 1810 года за № 65).

18. Генералъ отъ кавалеріи Тормасовъ донесъ, что 28 Іюля 1811 года непріятельская партія до 500 человѣкъ, ворвавшись въ Карабагъ, одною частію напала на казачій постъ, огражденный плетнемъ, осыпаннымъ землею, въ которомъ находились только три казака и четыре Татарина. При каковомъ нападеніи три Татарина, перескочивъ за редутъ, передались непріятелю, а Донскаго Попова 16-го полка приказный Тереховъ, казаки Чукаринъ и Ушаковъ и одинъ Елисаветпольской Татаринъ рѣшились защищаться. Непріятель, послѣ многихъ угрозъ, троекратно дѣлалъ приступъ къ редуту и даже лѣзъ на валъ, но со всѣми усиліями и многолюдствомъ не могъ преодолѣть храбрыхъ и, видя уронъ ему нанесенный, отступилъ и ушелъ, оставя на мѣстѣ два ружья съ убитыхъ.

Его Императорское Величество указать соизволилъ: за столь мужественный и похвальный подвигъ наградить казаковъ знаками отличія Военнаго ордена, а Татарина серебряною медалью. (Прик. воен. мин. Барклай-де-Толли, въ дѣлѣ 1811 г., прик. эспед. № 66, оп. 58, св. 417).

19. Копорскаго мушкетерскаго полка, гренадеръ Филимонъ Карповъ, за отмѣнно храбрый и усерднѣйшій поступокъ, опредѣленъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ и награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена; а какъ сей почтенный гренадеръ служитъ (относится къ 1810 году) безпорочно 22-й годъ и находился въ девяти войнахъ и многихъ сраженіяхъ, то ему отъ господина военнаго министра доставленъ похвальный листъ, съ засвидѣтельствованіемъ предъ всѣми о его примѣрномъ геройскомъ подвигѣ—въ добровольномъ вызовѣ зажечь пороховой погребъ, ежели жители непріятельскаго города, послѣ выступленія нашихъ войскъ, осмѣлятся малѣйше обнаружить возмущеніе. (Изъ Высочайшаго указа 3-го Ноября 1810 года).

20. Бѣлевскаго мушкетерскаго полка двѣ команды, состоящія первая при подпоручикѣ Шеншинѣ изъ 4-хъ унтеръ-офицеровъ, 25-ти рядовыхъ и 1-го барабанщика, а другая при унтеръ-офицерѣ Яковлевѣ изъ 12-ти ря-

довыхъ и двухъ казаковъ, обороняли крѣпости Чхери и Мухури во все продолженіе въ Имеретіи бунта, цѣлый мѣсяцъ многочисленными мятежниками держаны были въ строжайшей блокадѣ, и нижніе чины, по недостатку провіанта, довольствовались только третьею частію обыкновенной дачи, ослабѣли въ силахъ, а нѣкоторые сдѣлались больными; но ничто не могло поколебать ихъ мужества и ревности. Особенно же отличился унтеръ-офицеръ Чеботаревъ, посыланный съ 12-ю рядовыми, въ ночное время за крѣпость за водою. Онъ на возвратномъ пути окруженъ былъ бунтовщиками, но несмотря на ихъ превосходство, храбро бросился сквозь нихъ, доставилъ воду и двухъ раненыхъ привелъ съ собою. Равномѣрно рядовые Иванъ Терещенко и Андріянъ Никифоровъ, которыхъ подпоручикъ Шеншинъ посылалъ съ извѣстіемъ о своемъ положеніи къ ближайшей воинской нашей командѣ, неустрашимо исполнили имъ приказанное, прокрались ночью между толпами мятежниковъ и, не взирая на очевидную опасность своей жизни, возвратились обратно съ отвѣтомъ. Его Императорское Величество, за таковые геройскіе подвиги, унтеръ-офицерамъ Яковлеву и Чеботареву пожаловалъ знаки отличія Военнаго ордена, въ пенсіонъ по смерть жалованье гвардейскихъ фельдфебелей и единовременно сто рублей; рядовыхъ Терещенка и Никифорова произвелъ въ унтеръ-офицеры, пожаловалъ имъ знаки отличія Военнаго ордена и единовременно пятьдесятъ рублей; прочимъ же всѣмъ нижнимъ чинамъ, оборонявшимъ обѣ крѣпости, повелѣлъ выдать каждому по 25-ти рублей. (Изъ приказовъ военнаго министра 15 Ноября 1810 г. за № 77).

(Моск. Отд. общаго Архива Гл. Штаба, дѣло 1811 г. № 54, прик. эксп., оп. 58, св. 416).

ПО ПОВОДУ МЕДАЛИ НА ЗАНЯТІЕ МОСКВЫ.

Во второй книгѣ Р. Архива сего года (стр. 409), оттиснута медаль на занятіе Москвы Французами въ 1812 году. Извѣстный нумизматъ, графъ Чапскій сообщаетъ намъ объ этой медали, что онъ не считаетъ помѣщенный у насъ оттискъ вполнѣ точнымъ. Желающіе удостовѣриться въ точности снимка могутъ видѣть нашъ подлинникъ въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ. Надо полагать, что графъ Чапскій владѣетъ другою медалью (тоже бронзовою), такъ какъ въ его экземплярѣ на лицевой сторонѣ находится имя художника: ANDRIEU. F., а на оборотной: буквы DE. D=B R. F., чего нѣтъ въ экземплярѣ принадлежащемъ Московскому Публичному Музею. Графъ Чапскій пишетъ, что ему случалось видѣть болѣе десяти экземпляровъ этой медали и что штемпель ея существуетъ на Парижскомъ монетномъ дворѣ. „Имѣю еще медаль (прибавляетъ онъ), съ надписью: RETRAITE DE L'ARMÉE NOVEMRE MDCCCXII *), съ изображеніемъ Эола, который прогоняетъ воина.

*

По поводу событій, вызвавшихъ эти медали, приводимъ читателю выписку сдѣланную нами изъ тогдашней газеты, выходившей въ Гамбургѣ

*) Т. е. Отступленіе арміи. Ноябрь 1812.

на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ (Hamburger unpartheicher Correspondent или Journal du département des bouches de l'Elbe). Это было офиціальное изданіе Наполеонова правительства. Извѣстій о знаменитой арміи, въ теченіи Ноября и Декабря, встрѣчается очень мало. Про самаго императора однажды упомянуто, что онъ *путешествуетъ инкогнито*. За тѣмъ напечатано увѣдомленіе о его пріѣздѣ въ Парижъ, 18 Декабря (въ нашъ Николинъ день), и наконецъ въ 208-мъ номерѣ этой Гамбургской газеты появилась рѣчь Наполеона, торжественно произнесенная имъ 20 Декабря 1812 года передъ собранными сенаторами. Разумѣется, винà неуспѣха приписана Эолу, но въ этой рѣчи Русскому читателю въ особенности любопытно слѣдующее мѣсто:

„La guerre que je soutiens contre la Russie est une guerre politique. Je l'ai fait sans animosité. J'eusse voulu lui épargner les maux qu'elle même s'est fait. J'aurais pu armer la plus grande partie de sa population contre elle-même, en proclamant la liberté des esclaves. Un grand nombre de villages me l'ont demandé; mais lorsque j'ai connu l'abrutissement de cette classe nombreuse du peuple russe, je me suis refusé à cette mesure qui aurait voué à la mort et aux plus terribles supplices bien de familles. Mon armée a essuyé des pertes, mais c'est par la rigueur prématurée de la saison etc". Т. е. „Война, которую я веду съ Россіею есть война политическая. Я воевалъ безъ злобы. Я желалъ избавить ее отъ золъ, которыя она сама себѣ причинила. Я могъ бы вооружить противъ нея наибольшую часть ея собственнаго народонаселенія, провозгласивъ свободу рабовъ. Множество деревень просило меня объ этомъ; но когда я узналъ, въ какой загрубѣлости пребываетъ этотъ многочисленный классъ Русскаго народа, я отказался отъ этой мѣры, которою столь многія семейства обрекались на смерть и на самыя жестокія мученія. Моя армія понесла потери, но это отъ преждевременной наступившей суровой погоды".

Въ связи съ этою рѣчью, въ общей исторической картинѣ той удивительной эпохи, находится актъ Англійскаго Парламента, коимъ присуждено было выплатить Русскимъ крѣпостнымъ крестьянамъ значительную сумму денегъ въ знакъ уваженія Англичанъ къ стойкости и вѣрности, которую явили свѣту Русскіе крестьяне въ 1812 году. Мы надѣемся сообщить читателямъ Русскаго Архива этотъ достопамятный актъ. *П. Б.*

ИЗЪ ХРОНИКИ МОСКОВСКИХЪ ЧУДАЧЕСТВЪ.

ЛОШАДЬ ВЪ ОЧКАХЪ.

Въ нумерѣ 36 Московскихъ вѣдомостей 1802 года помѣщено слѣдующее извѣстіе. „Мая 1 числа, на гуляньѣ, между чрезвычайнаго множества экипажей, была лошадь довольно странно убранная. Молодой поселянинъ держалъ за узду молодую, 3-хъ лѣтъ, чалую лошадь, на которой были очки, величиною вершка въ 4 въ діаметрѣ и обдѣланныя въ широкихъ полосахъ жести. Между очками, по переносью, на красномъ сафьянѣ,

подписано крупными литерами: *а только 3-хъ лѣтъ*. Лошадь въ очкахъ возбудила и общій смѣхъ, и общее любопытство, и кто ни спрашивалъ у поселянина, за чѣмъ лошадь въ очкахъ, онъ всѣмъ постоянно отвѣчалъ, что въ его селѣ всѣ лошади видятъ, а молодыя всѣ непремѣнно смотрятъ въ очки. Правду или нѣтъ, сказалъ мужикъ, остается рѣшить молодымъ знатокамъ въ дѣлѣ окулярномъ".

По поводу этого извѣстія, въ дѣлахъ Московской Управы Благочинія въ Архивѣ старыхъ дѣлъ, за № 381, отъ 5 Мая 1802 года, находится отпускъ слѣдующаго письма отъ Московскаго военнаго губернатора графа И. П. Салтыкова къ тогдашнему директору Московскаго университета Тургеневу: „Милостивый государь мой Иванъ Петровичъ. Помѣщенное въ смѣси прошлой Субботы Московскихъ публичныхъ вѣдомостей извѣстіе о бывшей Маія 1 числа на гуляньѣ лошади въ очкахъ подало мнѣ причину покорнѣйшее просить ваше превосходительство увѣдомить меня, отъ кого оное для внесенія въ вѣдомости доставлено и какимъ правиломъ руководствуясь помѣстила типографія въ газеты происшествіе, въ самой почти Москвѣ случившееся, безъ вѣдома и согласія начальства сей столицы: ибо хотя въ немъ и не означено мѣста, но то вообще уже извѣстно, и самое изданіе въ печать упадаетъ, какъ я слышу, насчетъ даннаго отъ сего начальства позволенія. Не сомнѣваясь, что вы согласитесь въ томъ, что подобныя извѣстія, до высочайше ввѣренной мнѣ столицы и губерніи относящіяся, слѣдовало бы доводимы быть до свѣдѣнія моего прежде нежели издадутся въ печать, я присовокупляю мою просьбу, чтобъ вы, милостивый государь мой, въ предупрежденіе могущихъ иногда быть каковыхъ либо на счетъ сего объясненій, приказали не оставлять впредъ о таковыхъ предварительно со мною сноситься. Пребываю впрочемъ съ моимъ истиннымъ и проч. *Графъ Салтыковъ*".

Вѣроятно, этотъ фарсъ устроенъ какимъ нибудь чудакомъ, подражателемъ Прокопію Акинфіевичу Демидову, который, чтобы осмѣять моду у молодыхъ людей носить очки, надѣлъ очки на своихъ лакеевъ, кучеровъ, форейторовъ и на лошадей. (См. Энциклоп. Лексиконъ *Плюшара*, томъ 16, стр. 136.

(*Сообщено А. А. Мартыновымъ*)

РАЗГАДКИ ШАРАДЪ

(См. выше, стр. 59—60).

1. Вино-вата.
2. Май-ковъ (Поэтъ прошедшаго столѣтія).
3. Шаръ-ада.
4. Ага-ѳонъ.
5. Финнъ-галлъ (трагедія Озерова).
6. Арфа-Марѳа-посадъ-По (рѣка)-садъ-Ницца: Марѳа Посадница.
7. Тюль-панъ.

Записки *Ильи Өедоровича Тимковскаго.*—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи, статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ө. Одоевскаго.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма *Д. В. Волкова* къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю Потемкину. — Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Канцлеръ князь Безбородко (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. И. Григоровича.* — Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма *графа П. И. Панина* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Изъ Записокъ *Н. И. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго* и письма *А. Ө. фонъ-деръ Бриггена* о Минихѣ въ Сибири.—Статья *И. В. Кирѣевкаго* о Баратынскомъ съ предисловіемъ *Н. А. Елагина.* — Семь стихотвореній *С. А. Соболевскаго.* — Неизданные стихи *Ө. И. Тютчева.*—Еще стихи *Ө. И. Тютчева* (Какъ ни бѣсилося злорѣчье).—Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья *И. С. Акакова.* Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

1875 ГОДЪ. *Книга первая.* Записки сенатора Е. Ө. Фонъ Брадке. Воспоминанія графини Блудовой. — Старая Записная книжка.—Письма императора Александра Павловича къ князю Васильчикову.—Записки и бумаги И. Б. Пестеля. Цѣна **2** рубля.

1875 ГОДЪ. *Книга вторая.* Сказаніе о Коліевщинѣ М. А. Максимовича.—Бумаги князя Васильчикова.—Старая записная книжка.—Москва въ 1812 году, Сочиненіе А. Н. Попова. Цѣна **3** рубля.

1875 ГОДЪ. *Книга третья.* Москва въ 1812 году. Сочиненіе А. Н. Попова.—Записки графа Ростопчина о Мартинистахъ.—Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги Жуковскаго и князя Васильчикова. Цѣна **3** рубля.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

О ПОДПИСКѢ

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1877 году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства,

въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи **10** рублей, въ Англіи въ Швейцаріи и Италіи **11** рублей.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору Русскаго Архива, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.

Открыта подписка на Русскій Архивъ 1877 года (годъ пятнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ **12.**

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТПЕЧАТАНА И ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ ДЕСЯТАЯ КНИГА АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ Конторѣ Русскаго Міра, на Большой Морской, № 11-й.

Лица, подписавшіяся на Русскій Архивъ 1876 года въ бывшемъ магазинѣ Базунова и по случаю его несостоятельности не дополучившія своихъ книжекъ, благоволятъ обращаться за ними въ Магазинъ для Иногороднихъ, въ Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

(О Русскомъ Архивѣ прежнихъ годовъ см. на оборотѣ).

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева. — Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева. — Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ и пр.). Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча.—Записки графа І. И. Ростовцева.—Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова). Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. — Бумаги П. А. Демидова. — Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. — Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826 — 1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына.*—Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

V ГОДЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1877 ГОДЪ ГОДЪ V.

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ выходитъ еженедѣльными нумерами въ два **печатныхъ листа** (въ годъ 52 №№ или 832 страницы большаго формата in quarto); въ каждомъ нумерѣ помѣщается до четырехъ и болѣе художественныхъ гравюръ (въ годъ до 300). Въ теченіи года, всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ преміи**, ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе: **«ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО»** со множествомъ рисунковъ (въ годъ болѣе 200); въ отдѣльной продажѣ это приложеніе стоитъ съ пересылкою **4 руб.** Кромѣ того, въ продолженіи года, разсылается

НѢСКОЛЬКО ДРУГИХЪ ПРЕМІЙ.

Въ 1877 году **«Живописное Обозрѣніе»** будетъ издаваться нами по той же программѣ, какъ и въ предыдущіе четыре года, не отступая ни на шагъ отъ тѣхъ цѣлей, которыя были намѣчены при расширеніи программы журнала въ началѣ прошлаго года. Мы не станемъ похваляться тѣмъ, на сколько удалось намъ выполнять ожиданія нашихъ многочисленныхъ подписчиковъ; полагаемъ только, что широкое распространеніе нашего изданія, находящаго читателей въ самыхъ отдаленныхъ мѣстечкахъ Россіи, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, на сколько, дѣйствительно, мы вѣрно поняли требованія русской читающей публики. На будущее время мы ставимъ себѣ обязанностью продолжать улучшеніе изданія, во всѣхъ отношеніяхъ, не останавливаясь ни передъ какими затратами для развитія какъ художественной, такъ и литературной сторонъ журнала, хотя уже и въ прошломъ году мы сдѣлали все, что было въ нашей возможности. Особенное вниманіе будетъ обращено нами на художественную сторону изданія; съ этою цѣлью, не ограничиваясь работами въ нашемъ журналѣ русскихъ художниковъ, мы на будущее время заручились сотрудничествомъ многихъ заграничныхъ художниковъ, уже доставившихъ намъ свои работы. Что касается литературной стороны изданія, то въ этомъ отношеніи **«Живописное Обозрѣніе»** даетъ богатый матеріалъ для чтенія. Вслѣдствіе введенныхъ уже улучшеній каждый нумеръ нашего журнала заключаетъ въ себѣ, рядомъ съ белле-

тристикою, стихотвореніями и пр., статьи какъ по текущимъ вопросамъ, такъ равно и серьезнаго содержанія, изложенныя притомъ въ ясной, живой и доступной для всѣхъ формѣ. Кромѣ того, въ каждомъ нумерѣ журнала помѣщается до четырехъ и болѣе роскошныхъ политипажей, знакомящихъ со всѣмъ, что появляется замѣчательнаго въ области художествъ, какъ у насъ, такъ и за границей, или иллюстрирующихъ событія современной жизни. Наконецъ, съ цѣлью дать возможность читателямъ **«Живописнаго Обозрѣнія»** ознакомиться съ движеніемъ современной жизни и съ открытіями въ области наукъ и искусствъ, въ каждомъ нумерѣ журнала, подъ рубрикою: **«Новости наукъ и жизни»**, сообщаются новости по слѣдующимъ отраслямъ:

1) Печати и образованію, 2) Правительственнымъ распоряженіямъ, 3) Статистикѣ, 4) Путешествіямъ, 5) Археологіи, 6) Ботаникѣ, 7) Естественной исторіи, 8) Минералогіи. 9) Геологіи, 10) Метеорологіи, 11) Физикѣ, 12) Химіи, 13) Астрономіи, 14) Живописи, 15) Архитектурѣ, 16) Медицинѣ и Гигіенѣ, 17) Судебнымъ дѣламъ, 18) Путямъ сообщенія и телеграфамъ, 19) Желѣзнымъ дорогамъ, 20) Военному и морскому дѣлу, 21) Сельскому Хозяйству, 22) Некрологамъ замѣчательныхъ лицъ и пр. и пр., такъ что *этотъ отдѣлъ вполнѣ замѣняетъ для читателя всякую газету.*

Въ 1876 году нами было выдано три большихъ преміи: I) Большая гравюра: **«Тайная вечеря»**, копія съ картины Леонарда да Винчи. II) Подробная карта: **«Сербіи, Босніи, Герцеговины и Черногоріи»**, составленная по новѣйшимъ источникамъ и III) Ноты: **«Маршъ русскихъ добровольцевъ»**, сочиненіе Флоріана Германа (на 8 страницахъ). Для наступающаго года нами уже заготовлено нѣсколько премій, о выходѣ которыхъ будетъ объявлено своевременно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ безъ доставки 6 руб., съ доставкою въ С.-Петербургѣ и для иногороднихъ 7 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, Вас. остр., 3-я линія д. № 48. Гг. городскіе подписчики благоволятъ абонироваться въ книжномъ магазинѣ М. В. Попова, на Невскомъ проспектѣ, въ зданіи Пассажа. Въ Москвѣ—въ „Центральномъ книжномъ магазинѣ“, на Никольской улицѣ.

Въ конторѣ редакціи „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ имѣются также экземпляры журнала за 1875 и 1876 гг. Цѣна за каждый годъ безъ пересылки **6 руб.**, съ пересылкою **7 руб.**; въ золоченыхъ переплетахъ: безъ пересылки **7 руб.**, съ пересылкою **8 руб.**

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **прямо и исключительно** въ С.-Петербургъ, въ главную контору редакціи.

Издатель-редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА.

ОТЪ Н. Н. БАНТЫША-КАМЕНСКАГО КЪ КНЯЗЮ А. Б. КУРАКИНУ *).

1794 годъ.

I.

1 Марта.

Вашъ Пензенскій новый владыка Платонъ въ Воскресеніе посвященъ въ Успенскомъ соборѣ и на той недѣлѣ ѣдетъ къ вамъ. Мѣсто его въ Донскомъ монастырѣ и въ Синодальной Конторѣ займетъ, и уже занялъ, архимандритъ Іоанникій, о коемъ и вы столько хлопотали. Онъ еще изъ Нижняго не пріѣхалъ сюда.

Въ С.Петербургѣ сенаторъ Платонъ Храповицкій выпилъ чашку кофе и во ожиданіи, пока подадутъ карету со двора ѣхать, началъ было играть въ биліардъ; но упалъ тутъ же и умеръ.

Турецкой посолъ сегодня отсюда отъѣзжаетъ во свояси. Сказываютъ: Кутузовъ нашъ принудилъ Турковъ объявить, что сколько Французы ни стараются отторгнуть Порту отъ добраго съ нами согласія, но она не можетъ ни вѣрить, ни положиться на такихъ союзниковъ, кои сами въ опасности жизни своей.

Къ намъ прорицаютъ въ градоначальники гр. Николая Иван. Салтыкова, коего мѣсто займетъ г. Пассекъ! Et caetera....

P. S. Platon Zuboff переходитъ въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ князь Потемкинъ. Мѣсто его занимается Салтыковымъ, сыномъ Александра Михаиловича и внукомъ Михаила Михаиловича, бывшаго, въ Вотчинной [1]); мать сего новопереселяющагося есть по отцѣ Волчкова, и короткая Пассеку пріятельница.

2.

15 Марта.

Дѣльно вы желаете, чтобъ Агличане устояли въ благомъ своемъ намѣреніи. Все зависитъ отъ слѣдующей кампаніи. Авторъ плана

---

*) См. выше стр. 257 и слѣд., гдѣ помѣщены эти письма за 1791 и 1792 годы. Писемъ за 1793-й годъ намъ не удалось найти. *П. Б.*

[1]) Т. е. въ Вотчинной Коллегіи. Михаилъ Александровичъ, о которомъ здѣсь сообщается столь неожиданное для знавшихъ его извѣстіе, былъ впослѣдствіи тестемъ поэта барона Дельвига. *П. Б.*

оной есть славной полковникъ Макъ, бывшій у принца Кобурга адъютантомъ. Онъ перемѣнилъ образъ военнодѣйствія, уничтожилъ разорительные кордоны и раздѣлилъ союзныя арміи (кромѣ Прусской, о которой еще негоціаціи не кончились) на 5 армій, кои въ случаѣ нужды не болѣе какъ въ 48 часовъ вдругъ соединиться могутъ. Но при всемъ томъ слухъ пронесся здѣсь о взятіи Французами Остенды.

Князь Юрій Владиміровичъ [2]) пріѣхалъ уже сюда, но графъ Салтыковъ, говорятъ, еще, не двинулся изъ Петербурга. Сто тысячъ не меньше на уплату долговъ, кои его не выпускаютъ, требуется. Ah! comme il est cher, сказано.

Пр. Платону отпишу о вашемъ къ нему хорошемъ расположеніи. Не будете жалѣть, имѣвъ его у себя пастыремъ. Онъ теперь въ Козловѣ, ибо предмѣстникъ его не хочетъ ѣхать въ Астрахань, а послалъ нарочнаго къ Государынѣ просить или оставить его въ Тамбовѣ или дать келью.

3.

5 Апрѣля.

Графъ Алексѣй Кириловичъ [3]) еще сюда не пріѣхалъ, но точно на два года уволенъ и ѣдетъ съ гр. Кириломъ Григорьевичемъ въ Украйну. Онъ везетъ и дѣтей своихъ изъ Петербурга: знакъ, что больше тамъ жить не намѣренъ. Подлинно, сухія межевыя дѣла; и не ему по зубамъ. Вязмитиновъ отъ нихъ и отъ всего отказался. Нарекли было ему преемникомъ гр. Николая Петр. Шереметева; но сумнѣваюсь, чтобъ онъ за сіе принялся.

Лѣтомъ будемъ имѣть гостей въ Петербургѣ: Шведскаго короля, для коего и дача гр. Никиты Петр. Панина нанята, и начали уже къ пріуготовленію чинить распоряженія. Вы знаете причину и предметъ сего дѣла. Можетъ быть, послѣдуетъ и обрученіе. Дай Богъ! Сей союзъ свяжетъ насъ вѣчною дружбою съ сими ненавидящими насъ сосѣдями.

Уповательно, и г. Стрекаловъ за тѣмъ же опять поѣдетъ въ Германію на службу вел. кн. Константину Павловичу.

Старикъ Штакельбергъ, играючи въ Ермитажѣ въ жмурки, переломилъ руку.

Княжество гр. Зубова и графство г. Маркова поднесено (23 Марта) г. Кобенцелемъ чрезъ гр. Остермана Ея Величеству.

4.

19 Апрѣля.

Въ Краковѣ новая конфедерація: наѣздникъ Косцюшко съ Мадалинскимъ оною управляютъ. Конфедерація сія противъ насъ, Прус-

---

[2]) Долгоруковъ.

[3]) Разумовскій.

саковъ и самихъ Поляковъ благонамѣренныхъ. Уже 20 тыс. нашего, а 25 Прусскаго войска послано для усмиренія; уже генер. маіоры Рахманиновъ и Тормазовъ имѣли сраженія и, разбивъ дважды, прогнали ихъ шайку; но чѣмъ кончится сіе безпокойство—не знаю. По крайней мѣрѣ изъ Царяграда увѣряютъ миролюбіемъ и тишиною. Сіе всего лучше, а сіе и того паче, что на Дону все, слава Богу, кончено: они примирились.

Но изъ Ревеля вѣсточка какова покажется? Подъ самимъ городомъ открыта фабрика фальшивыхъ ассигнацій барона Гумберта. Онъ-то, сказываютъ, поднялъ вездѣ такой высокой на серебро лажъ (ибо въ Петербургѣ и здѣсь восходило до 45 к., а теперь въ Петерб. 27 и 25 к.), вымѣнивая свои ассигнаціи на серебро, которое потомъ въ монетѣ и въ слиткахъ заливалъ въ свинецъ, и такъ копилъ у себя и препровождалъ за границу. Для прилики же имѣлъ онъ стальную фабрику, которой присвоивалъ великіе доходы и отъ нихъ свое богатство; сверхъ того онъ былъ химикъ.

Препровождаю новое объ Аничковскомъ дворцѣ учрежденіе.

Софья Петровна (нынѣ уже, съ Понедѣльника) Тутолмина въ сосѣдствѣ у меня живетъ. Дѣло сдѣлано. Дай Богъ и долгую и веселую имъ жизнь! Мужъ ея отъ всѣхъ премилымъ слыветъ. Я вчера съ ними у тетушки вашей ужиналъ. Свадьба тишайше совершена. Гр. Анны Родіоновны (ибо заѣхала нарочно въ Смоленскъ) не было [4]); гр. Никита Петровичъ [5]) ея занималъ мѣсто.

5.

26 Апрѣля.

Непріятныя изъ Польши вѣдомости, что Косцюшко съ своими Якобинцами Польскими великія дѣлаетъ разоренія и убивства. Нашъ генералъ-маіоръ Тормазовъ и полковникъ Муромцовъ убиты, также нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ погибло. Косцюшко повѣсилъ двухъ знатныхъ Поляковъ, изъ коихъ одинъ Рыбинской имѣлъ голубую ленту, за согласіе ихъ съ нами, какъ онъ говоритъ. У него девизъ: guerre aux châteaux, paix aux campagnes. Слышно, что три полка, взятые въ нашу службу, перешли къ нему.

6.

3 Мая.

Что 21-го числа Апрѣля ничего не было, увидите тому причину изъ приложенія. Почти во всей Польшѣ умыслили вдругъ бунтъ и совершили оной. Игельстрома всѣ теперь винятъ. Но не лучше и въ Вильнѣ: и тамъ вдругъ нашъ генералъ-маіоръ Арсеньевъ схваченъ. 23 числа подписано полномочіе, и дана полная власть или главная команда надъ войсками кн. Николаю Васил., который

---

[4]) Это знаменитая фельдмаршальша Чернышова, родная тетка новобрачной Тутолминой.

[5]) Панинъ, братъ новобрачной.

на сей разъ къ несчастію страждетъ глазною болѣзнію. Ему велѣно и отъ гр. Салтыкова взять 36 тыс. войска.

Въ Неаполѣ также было безпокойство и заговоръ противу короля, коего хотѣли схватить и отвезть въ Парижъ; но, къ счастію, открылось.

7.

10 Мая.

Симоновъ монастырь точно тотъ, который на дорогѣ къ Коломенскому. Назначено было перевесть туда гофшпиталь, что̀ возлѣ дворца; но здѣшній городъ неотступно просилъ о возобновленіи онаго паки, и сіе обѣщано.

Посолъ нашъ Кутузовъ 18 Апрѣля былъ уже у Мачина, а Турецкой 13 Апр. выѣхалъ изъ Полтавы. Размѣна имъ будетъ въ концѣ сего мѣсяца. О постановленіяхъ его ничего не знаю; но знаю то, что Порта дружелюбныя нынѣ къ намъ имѣетъ расположенія.

Гр. Кирила Григорьевича не пускаютъ доктора въ Малороссію и едва отпустили въ Петровское. У него нога очень была опасна; но теперь мужикъ какой-то лечитъ, и ему легче. На самомъ колѣнѣ скопившіяся мокроты всю зиму его безпокоили, и почитали сіе водяною.

Вотъ что ко мнѣ отъ 28 Апрѣля пишутъ: „Игельстромъ пишетъ „теперь, что къ нему собралось войска 4000, и что онъ пойдетъ „прямо атаковать Косцюшку; но послѣ ужина горчица не вкусна „уже. Онъ отставленъ отъ всѣхъ дѣлъ, однакожъ (великое милосер-„діе!) съ полнымъ жалованьемъ“.

Не имѣемъ еще извѣстія, выѣхалъ ли кн. Репнинъ (у коего 40 тыс. войска будетъ) изъ Риги въ Польшу; но извѣстно то, что Прусскій король поспѣшаетъ съ 40 тыс. къ Варшавѣ, которая, уповательно, его будетъ; ибо о раздѣлѣ паки зачали говорить.

Въ Смоленскѣ учреждается коммиссія судить тѣхъ изъ присоединенныхъ въ Польшѣ, кои, нарушивъ данную намъ присягу, приняли сторону Косцюшки. Думаютъ иные, что тутъ же истяжутся и Россійскіе военачальники, отъ своего поста ушедшіе. Г-нъ Осиповъ, генералъ-маіоры Простоквашинъ и Мамоновъ и еще нѣсколько членовъ оную составятъ коммиссію.

Г. Леванидовъ простился сегодня со мною. Онъ посланъ въ Малороссію набрать 4500 стрѣлковъ; но еще заѣдетъ въ Воронежъ къ женѣ своей.

8.

17 Мая.

Отдумалъ Шведскій король къ намъ быть: такъ увѣряютъ. Тѣсной его съ Датчанами союзъ, можетъ быть, навлекъ бы въ лицѣ его краску.

Кн. Николай Вас. еще 9-го числа былъ въ Ригѣ; но и оттуда разсылаетъ, распоряжаетъ и собираетъ разсѣянныхъ и устрашенныхъ воиновъ. Ежели не имѣете копіи съ рескрипта къ нему, пользуйтесь сею. Княгиня его еще не рѣшилась, гдѣ будетъ въ отсутствіе супруга ея; но желаетъ тамъ быть, чрезъ которое мѣсто курьеры будутъ проѣзжать отъ него.

Чтобъ быть у насъ гр. Пушкину, не стану вѣрить и потому, что уже дважды онъ отъ сего предложенія отказался: то пожелаетъ ли въ третіе сдѣлать насиліе своему спокойствію и уединенію? Бодрой и дѣятельной намъ нуженъ начальникъ, свой глазъ вездѣ употребляющій. Москва не Пенза. Однимъ словомъ, желали бы паки Чернышова.

О Тормазовѣ авось-либо слухъ и лживъ будетъ. Мы утвердились на Косцюшкиномъ манифестѣ, въ числѣ мертвыхъ его поставившемъ. Доселѣ не можно вѣрно знать, убитъ ли кто, или въ полону? О полковникѣ кн. Гагаринѣ [6]) также говорили, что убитъ, но сумнѣваться паки начинаютъ; въ Петербургѣ о сей матеріи и говорить или толковать запрещено.

9.

24 Мая.

Вотъ что вѣрное, что всѣ пограничныя на Югѣ и Западѣ арміи поручены гр. Задунайскому; но тутъ ли и кн. Николай Вас., разные разно пишутъ.

13 числа скончался г. Шишковскій; преемникомъ ему разныхъ славятъ: Полѣнова, сенатскаго оберъ-секретаря, Ермолова что̀ при генералъ-прокурорѣ, Льва Васил. Елагина или Петербургскаго полиціймейстера Чулкова.

Кн. Юрію Волод. поручена ad interim Лифляндская дивизія (хотя ему и въ Ригу хотѣлось), и для того-то, думаю, и поскорѣе жену свою сыскалъ.

Не знаю, носятъ ли у васъ капоты, такъ называемыя шинели, въ кои здѣсь всѣ облеклись, не смотря что жарко въ нихъ ходить. Но въ Петербургѣ слѣдующая сыграна премудрая шутка: наряжены были полицейскіе фурманщики въ капоты съ 7 воротниками изъ самаго толстаго сукна, съ краснымъ подбоемъ, и впущены были въ лѣтній дворцовый садъ. Расхаживали они другъ противъ друга, и кто только имъ встрѣчался въ капотѣ, они присланивались къ каждому и привѣтствовали поклономъ. Господа капотисты съ негодованіемъ спросили сихъ фурманщиковъ, что̀ значитъ такая дерзость?— „Какая, сударь, дерзость? вѣдь и на насъ платьице тоже“, былъ ихъ отвѣтъ. Принуждены были всѣ выдти изъ саду и сбросить капоты. Выдумка сія не есть ума г. Глазова (ибо и молодые вел. князья носили капоты). Поводъ къ уничтоженію оныхъ былъ тотъ,

---

[6]) Князь Өедоръ Сергѣевичъ (отецъ княгини В. Ө. Вяземской), который дѣйствительно погибъ въ Варшавѣ отъ Поляковъ.

что капотъ былъ лозунгъ новыхъ Польскихъ мятежниковъ, чтобъ подъ капотомъ можно ходить sans culottes и носить свободно что-нибудь подъ мышкою.

10.

31 Мая.

Въ Варшавѣ—истой Парижъ. Косцюшко даетъ уже именныя повелѣнія, и самъ король отъ него зависитъ, и о семъ объявлено уже дипломатическому корпусу, что онъ не имѣетъ власти. Прусской король прислалъ было отзывную грамоту, чрезъ трубача, своему тамо министру Бухольцу, однако не могъ получить ни отпуску, ни пропуску. Всѣ усилія чужестранныхъ министровъ произвели только то слѣдствіе, что какъ съ нимъ, т. е. съ Бухольцомъ, такъ и съ нашимъ резидентомъ Ашомъ, съ дѣйств. стат. совѣт. г. Билеромъ, совѣтникомъ посольства Дивовымъ и пр. стали обходиться получше, держа однакоже все въ плѣну четверыхъ Польскихъ магнатовъ (видно намъ преданныхъ). Гетмана Озаровскаго, графа Анквича и двухъ братовъ Косаковскихъ, изъ коихъ одинъ бискупъ, Косцюшко въ Варшавѣ уже повѣсилъ, а другихъ арестовалъ. При укрѣпленіяхъ, въ Варшавѣ дѣлаемыхъ, должны всѣ, не разбирая пола, чина, возраста, вмѣстѣ работать. Самъ король, сказываютъ, явился съ заступомъ на работу. Неблагодарный! Почувствуетъ оскорбитель сей нашъ еще не то.

Бѣгство Игельстрома открыло всѣмъ путь спасаться, куда кто могъ; однакоже не всѣ были зайцы; были и львы, каковъ пострадавшій кн. Гагаринъ полковникъ.

Пожалѣйте: 1) о сметри гр. Ангальта (22 Мая), директора кадетовъ и 2) о болѣзни гр. Никиты Петровича Панина, съ 16 числа горячкою и развитіемъ желчи страждующаго.

11.

14 Іюня.

Если капоты васъ повеселили, то надо сказать и о шаляхъ. Съ первыми 7-го, а со вторыми 14 Мая слѣдующее происходило. Живущія въ смирительномъ домѣ нимфы выпущены были разряжены и одѣты въ шали на улицу, съ метлами, чистить по обыкновенію мостовую. На другой день послѣ сего ни одной въ дворцовомъ саду не видно было дамы въ шаляхъ. Сіе въ Петербургѣ происходило.

Г. Чичаговъ 31 Мая съ флотомъ пошелъ къ Рѣвелю, а несчастной вдовецъ Ханыковъ съ гребнымъ флотомъ 29 Мая выступилъ изъ Кронштата. Подтверждаютъ, что тѣло утопшей его жены, о чемъ я къ вамъ писалъ, не найдено въ морѣ, сколько ни старались.

12.

21 Іюня.

Вы уже знаете, что его Прусское вел. приходилъ самъ къ казаку Денисову на помощь и вмѣстѣ разбили Косцюшку, отнявъ у

него 17 пушекъ, хотя и дрался сей извергъ упорно. Съ симъ извѣстіемъ пріѣзжалъ королевскій генералъ-адъютантъ подполковникъ Линденау. Ему дана табакерка съ 2000 черв. и рекомендація на полковничій чинъ. Потомъ 29 Мая подъ городомъ Хелмомъ генералъ-поручикъ Дерфельденъ разбилъ Поляковъ, положивъ ихъ 5000 на мѣстѣ и 7 пушекъ взялъ. Тутъ дѣйствовалъ полкъ Апшеронской вашего крестника князь Дмитрія Ив. Лобанова, и его офицеръ привезъ сіе извѣстіе въ Ригу къ кн. Николаю Васил. Вскорѣ послѣ сего (какъ пишетъ изъ Риги отъ 8 Іюня ваша тетушка) тотъ же Дерфельденъ вторичное имѣлъ удачное съ Поляками сраженіе. Изъ Риги же пишутъ и сіе, что подполковникъ Обрѣзковъ, а вскорѣ за нимъ и подполковникъ графъ Толстой (коихъ обоихъ здѣсь мертвыми почитали, и послѣдняго мать отъ сей печали, Авдотья Львовна, графиня, умерла) привезли реляцію о пораженіи Косцюшки. Уже теперь съ Поляками война не есть тайна, какъ увидите изъ манифеста. Но князь Репнинъ все еще въ Ригѣ, какъ отъ 8 числа пишутъ. Руки у него уже развязаны, и всѣ отъ него присланные планы аппробованы, почему скоро, уповаю, и выѣдетъ онъ.

Степанъ Степ. Апраксинъ съ женою въ Ригѣ, и оба жестоко мрачны; ибо отъ команды отказано.

Чтò дѣлается съ Игельстромомъ, не знаю; говорятъ, будто онъ въ Кенигсбергѣ.

Слышно, что графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ просилъ объ увольненіи на нѣсколько лѣтъ. Отвѣтствовано съ удивленіемъ, что онъ одинъ, которой не хочетъ служить подъ фельдмаршаломъ.

Г. Державинъ подавалъ просьбу о увольненіи на два года; но ни гр. Зубовъ, ни гр. Безбородко не приняли поднесть оную; вручена чрезъ камердинера. Сказано: отставить его немудрено, но пусть прежде кончитъ новый тарифъ, сочиняемый коммерческою коммиссіею. Паденіе его отъ того, что онъ началъ себѣ присвоивать власть надъ таможнями, не ему, но Казенной Палатѣ принадлежащую.

13.

5 Іюля.

Не вините дядюшку, что не двигается изъ Риги: нужда велитъ. Поляки взволновали Курляндію и, овладѣвъ Либау, лишаютъ насъ связи сухимъ путемъ съ Европою. Варшава теперь почти безъ войскъ, и оставлено въ ней только 60 пушекъ. Поляки, въ случаѣ приступу къ ихъ столицѣ, хотятъ защищаться жизнію принадлежащихъ къ Россійскому посольству (баронъ Ашъ, баронъ Билеръ и множество другихъ), равно какъ и къ Прусскому, и самого короля.

Турецкой посолъ, тотчасъ по размѣнѣ съ нашимъ Кутузовымъ, былъ арестованъ принявшимъ его пашею. Сіе ему за то, что писалъ отсюда съ неудовольствіемъ на насъ къ своему двору и лгалъ много; но Турки всегда остаются (благодареніе Богу) въ хорошихъ къ намъ расположеніяхъ.

Говорятъ, будто лордъ Гудъ возвратился въ Лондонъ съ флотомъ; что онъ и самъ крайне разбитъ (хотя и Французы до 10 кораблей потеряли), и что четыре адмирала Англинскіе потеряли—иной руку, иной ногу, а одинъ и жизнь.

14.

10 Іюля.

Кн. Николай Вас. въ Несвижъ поѣхалъ. Дай Богъ ему всякое счастіе! А кн. Сергій Ѳед. Голицынъ съ 6000 вступилъ въ Курляндію, откуда идутъ уже депутаты (а можетъ быть и самъ герцогъ) просить насъ о подданствѣ и дать присягу намъ.

Краковъ отъ Прусаковъ отданъ Цесарцамъ и теперь уже въ рукахъ послѣднихъ. Но что́ съ Варшавою будетъ, время окажетъ.

Гр. Задунайскій намѣренъ обозрѣть Кременчугъ, крѣпость св. Елисаветы, Очаковъ, Николаевъ и, возвратясь въ Умань, въ нашей Польшѣ, тутъ основаться. Но когда сіе воспослѣдуетъ, еще не знаемъ.

Губернаторъ въ Екатеринославлѣ г-нъ Каховской умеръ. Говорятъ, мѣсто его займетъ Хорватъ, Воронежской губернаторъ.

Въ Гаджибеѣ велѣно г. Рибасу устроить гавань купеческую и крѣпость подъ начальствомъ генералъ-фельцейхместера.

P. S. Указъ объ окошкахъ точно отставленъ; а едва ли поземельныхъ не будетъ податей. Камергеръ Ржевской женился на Корсаковой дочери, Марьѣ Семеновнѣ. Свадьба огромная была, и блистательна экипажами. Но такова ли будетъ ихъ жизнь?

15.

12 Іюля.

Говорятъ, будто Косцюшко, видя худой своему обороту успѣхъ, застрѣлился. О, когда бы сіе подтвердилось! Но еще есть Заіончикъ и прочіе, о коихъ вы изъ газетъ усмотрите.

Изъ списка пожалованнымъ увидите, кто получилъ награду и въ какихъ мѣстахъ дрались. По секрету, видно, сія война идетъ.

О сожженіи Варшавы г-ну почтмейстеру во снѣ видно пригрезилось.

3 Іюля Нева превращалась въ пуншевую воду, то есть на биржѣ вылили въ воду привезеныя три бочки Французской водки и сожгли нѣсколько товаровъ. Не привозить было заповѣдныхъ!

16.

2 Августа. Акатово село.

Всѣхъ бѣдъ причиною Прусакъ. Онъ еще по сю пору не выставилъ Агличанамъ и Голландцамъ, по условію, войскъ воспомогательныхъ, да и въ Польшѣ недавно войска его не пропустили Цесарцовъ и стали было противъ нихъ въ боевой строй; но сіи удалились, сказавъ, что они не имѣютъ повелѣнія драться.

Что за вѣкъ нынѣ драчливый! Недавно въ Пензѣ съ губернаторомъ сіе произошло, но и изъ столицы подобное сему пишутъ. Трое камеръ-юнкеровъ, кн. Барятинской, Растопчинъ и кн. Голицынъ, поссорясь за дежурство, вызывали другъ друга на поединокъ. Сіе вскорѣ обнаружилось, и они наказаны: первому велѣно ѣхать въ армію для оказанія тамъ своей храбрости, другому въ деревню для поправленія экономіи; послѣднему же, которой меньше прочихъ былъ виновенъ, приказано сдѣлать жестокой выговоръ [7]).

Г-нъ Державинъ овдовѣлъ.

Тетушка ваша сдѣлала примѣчаніе касательно строгости вашей о вывозѣ заповѣдныхъ товаровъ, что не меньше и вы, какъ и она, постраждете отъ сего; ибо у васъ теперь гордеробъ слишкомъ великъ, и однихъ камзоловъ, сверхъ паръ, 75: то гдѣ же продолженіе брать, когда все запретится?

17.

9 Августа.

Одни говорятъ, что Вильна отворила было ворота нашимъ полковникамъ Дѣеву и Караваеву; но когда они вошли, или лучше, когда, какъ говорятъ, молодежъ вошла грабить, Поляки затворили городскіе вороты и начали всѣхъ рѣзать, такъ что одинъ только адъютантъ остался. Другіе же повѣствуютъ, будто наши хотѣли занять подъ Вильною высоту, и тутъ дошло до сраженія. Поляковъ 1000 легло, 300 съ 2-мя пушками въ полонъ взято; но храбрый Дѣевъ убитъ, а Караваевъ смертно раненъ; Вильна же не взята. Что̀ вѣрнѣе, время окажетъ. Говорятъ, что̀ или кн. Николай Васильевичъ самъ туда поѣдетъ или подкрѣпитъ генералъ-маіора гр. Николая Зубова и Кноринга, около Вильны дѣйствующихъ.

Не въ одной Пензенской Казенной Палатѣ дерутся: и въ Сенатѣ Петербургскомъ подобное нѣчто было. Нѣкто полковникъ Боборыкинъ, пришедъ въ Сенатъ торговаться на поставку вина, началъ прыгать на одной ножкѣ, и когда подъячій въ секретарской камерѣ сему засмѣялся, то онъ побилъ его палкою. О семъ поданъ докладъ, и рѣшено три дни держать его на хлѣбѣ и водѣ.

18.

23 Августа.

Не вѣрьте, чтобъ что нибудь такое въ Стокгольмѣ произошло, что̀ вамъ сосѣдка сказала. Неужели бы скрыто сіе отъ насъ было, и я бы умолчалъ? А вотъ что про сей дворъ говорятъ: будто оной съ Датскимъ или объявили уже, или хотятъ объявить Агличанамъ войну. Шалостей сихъ двухъ дворовъ, воплощеннымъ бѣсамъ (Французамъ) усердствующихъ, видно, не возлюбили Агличане и

---

[7]) Это были, если не ошибаемся, князь И. И. Барятинскій (отецъ фельдмаршала), графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и князь Ѳ. Н. Голицынъ (позднѣе попечитель Моск. университета).

не допускали провозу къ нимъ всячины; вотъ причина ихъ неудовольствія: это первое. Второе то, что нашъ посолъ гр. Румянцовъ уволенъ на годъ изъ Стокгольмской миссіи съ полнымъ жалованьемъ. Чтò бъ сіе значило? Сами добирайтесь.

Вильна и Слонимъ, благодареніе Богу, въ нашихъ уже рукахъ, и первая едва ли не вѣчно будетъ наша. Косцюшко проклятой окруженъ подъ Варшавою нашими и Пруссаками. По $\frac{1}{12}$ Августа никакого не было дѣйствія съ ними. Прусакамъ не доставало артилеріи, а потомъ слышно было, что Пруской король желалъ дѣло сіе кончить переговорами; но оные были безуспѣшны. И такъ ожидать надо дѣятельныхъ средствъ къ прекращенію сего зла.

Но между тѣмъ Поляки овладѣли паки Либавою и коснулись нашимъ предѣламъ; Динабургъ выжгли (но сіе вамъ только на ухо), идущую къ намъ иностранную почту похитили и почталіона убили. Что полковникъ храброй Дѣевъ убитъ, а полковникъ Караваевъ смертно раненъ (говорятъ, что уже и умеръ), это праведно.

Дворъ переѣхалъ изъ Сарскаго Села въ Таврической дворецъ 11-го числа, и 15 числа назначена аудіенція въ Лѣтнемъ дворцѣ Прусскимъ министрамъ: одному отпускная, другому пріемная.

Въ Гишпанію посылается изъ Даніи Криднеръ, а туда камеръюнкеръ баронъ Стакельбергъ.

Сенаторъ Глѣбовъ уволенъ съ полнымъ жалованьемъ.

Остервальдъ на томъ свѣтѣ уже.

Княгиня Дашкова на два года уволена съ полнымъ жалованьемъ; въ отсутствіе ея, поручена Академія камеръюнкеру Павлу Петр. Бакунину, сыну покойнаго Петра Васильевича.

Слѣдуетъ маленькій анекдотъ. Генералъ-маіора Хрущова жена и дочери двѣ попались Полякамъ. Онъ послалъ къ Косцюшкѣ письмо, въ которомъ, какъ мужъ и отецъ, просилъ его, какъ то онъ сего надѣется отъ его великодушія, не допустить ихъ до какой-либо обиды. Сей плутъ отвѣчалъ ему, благодаря за благородныя его объ немъ и Польской націи мысли, что за счастіе поставляетъ, что имѣетъ случай чрезъ то подтвердить его хорошее о немъ мнѣніе. Хрущовъ получилъ жену и дочерей, но исключенъ изъ нашей службы.

Праведное ваше мнѣніе, что правительство должно защитить святость присутственныхъ мѣстъ. Но кто же защититъ понесшаго нарушеніе X-й заповѣди?

19.

6 Сентября.

Не вы одни, всѣ удивляемся медленности успѣховъ на враговъ бритыхъ. Рвеніе должно быть общее съ нами Пруссаковъ и Цесарцовъ; но изъ нихъ первый отговаривается неполученіемъ осадной для Варшавы артилеріи и уповаетъ убѣдить безъ кровопролитія сдачу

сего города, требуя доброй ихъ воли. Другой, къ крайнему удивленію, ни шьетъ, ни поретъ въ Польшѣ. Задунайской послалъ, говорятъ, въ Вѣну и требуетъ рѣшительнаго отвѣта; а между тѣмъ, для всякаго случая и примѣчанія, поставилъ на Цесарской границѣ гр. Суворова съ полками; но сіе въ великомъ секретѣ, пока что̀ откроется.

Но вотъ вѣсточка не хороша. Пришедшее изъ Копенгагена купеческое въ Петербургъ судно привезло печальное извѣстіе, будто и тамъ началась революція. Какъ бы, казалось, ожидать сего тамъ?

Истребленіе Робеспіера ничего еще не произвело въ арміи ихъ. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ, что̀ еще будетъ послѣ сего. Но когда Якобинскій клубъ уничтоженъ и бумаги ихъ всѣ взяты и запечатаны, то есть надежда, что дѣла должны принять лучшій оборотъ. Но когда сіе угодно Богу! А инако, горшая узримъ съ симъ гордымъ и безбожнымъ народомъ.

Святое ваше примѣчаніе. Предки наши съ меньшимъ просвѣщеніемъ, но съ бо̀льшимъ удовольствіемъ жили; не имѣли такой роскоши и великолѣпія, но не имѣли же и такого страха и безпокойства. Что же еще дѣти и внучата наши узрятъ! Закроемъ сію мрачную завѣсу.

20.

13 Сентября.

Все, что̀ вы сказываете о пораженіяхъ на Рейнѣ и въ Нидерландахъ, единственно происходитъ отъ несогласія и эгоизма владыкъ. Одна Англія, кажется, доселѣ ревностно подвизается. Она объявила себя противъ мира и хочетъ подать помочь не только ослабѣвшимъ Цесарцамъ, но и возставить монархію во Франціи. Вслѣдствіе сего приглашается въ Лондонъ гр. д'Артуа (а monsieur, говорятъ, въ Гишпанію укрывается), который будетъ тамъ поставленъ главою новаго войска изъ выходцовъ.

Въ Парижѣ, по разрушеніи клуба Якобинскаго, воздвигнутъ Сенатъ (первымъ тутъ Ліонской комедіантъ Tallien), а не Конвентъ, и учреждается уже секта человѣколюбія; вездѣ начали тамъ говорить о человѣколюбіи, и изъ человѣколюбія, сказываютъ, перебито, вновь тысячъ 15 нечеловѣколюбивыхъ. Теперь можно бы, казалось думать уже о мирѣ; но, по непостоянству бѣшеной сей націи, можно ли на что либо положиться? И можетъ быть, чрезъ 2 или 3 мѣсяца паки будетъ l'horreur à l'ordre du jour.

О сожженіи Поляками Динаминда и о бытности ихъ въ Полоцкѣ, я чаю, вы знаете. Но прибывшій курьеръ первыхъ чиселъ возвѣстилъ, что кн. Циціановъ корпусъ ихъ, въ 15 тысячь состоящій, весь разбилъ. Сіе самое подтверждаетъ и крестникъ вашъ кн. Дмитрій Ивановичъ (какъ въ копіи письма его къ вашей тетушкѣ увидите).

Но что̀ будетъ съ Варшавою, Богъ вѣсть. 3-го числа сего мѣсяца курьеръ привезъ извѣстіе ко двору, что король Прусской оса-

ду Варшавы оставляетъ по какимъ-то домашнимъ его обстоятельствамъ!!! Мудренъ и Цесарь: ни шьетъ, ни поретъ въ Польшѣ, и чуть ли Задунайскій не послалъ спросить Его Вел-во, чтò сіе значитъ? А между тѣмъ гр. Суворовъ съ полками подвинулся къ границѣ.

Поляки очистили Курляндію, и дай Богъ, чтобъ паки не ворвались.

О Даніи не подтверждается; но вотъ что сказываютъ: будто наша яхта, изъ Риги шедшая, встрѣтилась съ Датскимъ судномъ, въ Либау везущимъ порохъ, которое и отведено въ Ригу. Неблагодарные! Такъ-ли за Голстинію платить должны намъ?

Вотъ еще анекдотъ нехорошій! Монтегю, Французъ-эмигрантъ, рекомендованный принцами, понравившійся въ Петербургѣ и принятый въ Черноморскій флотъ капитанъ-лейтенантомъ, присланъ былъ сюда, чтобъ сжечь нашъ Черноморскій флотъ. Онъ осужденъ быть продернуту подъ корабль по морскому уставу. Видите, какъ Богъ защищаетъ нашу Монархиню, благословляя всѣ ея дѣла. Отвсюду на насъ злоба, отвсюду ненависть! Но, аще Богъ съ нами, кто на ны?

21.

20 Сентября.

Гр. Суворовъ подъ Варшавою, и скоро ожидаемъ рѣшенія всему. Съ нимъ множество не пошло, но полетѣло войскъ; ибо по 60-ти верстъ въ сутки машетъ. Видно, намъ однимъ кончить сіи дѣла; авось, Богъ намъ и поможетъ.

Въ дѣлѣ Циціановомъ, какъ пишутъ отъ 6 Сентября, побито и въ полонъ взято до 1500; въ числѣ послѣднихъ и генералъ Грабовской, такъ какъ и нѣкоторыя дамы, захотѣвшія быть амазонками. Польскій корпусъ состоялъ изъ 6000 человѣкъ.

Изверги Французы успѣваютъ. Триръ, Кенуа и Слюисъ вновь сдѣлались жертвою ихъ буйства. Кобургской получилъ отставку; а и Клерфетъ, коему ввѣрено теперь начальство, о томъ же помышляетъ.

Англія становится главою воюющихъ державъ; слышно, что хочетъ подкрѣпить императора. Но теперь паки замѣшательство въ кабинетахъ, если справедлива вѣсть о кончинѣ Лудовика XVII-го, который отъ крѣпкихъ напитковъ кончилъ жизнь свою. Когда дѣлали столько затрудненій въ признаніи monsieur регентомъ, то захотятъ ли къ нему перенесть достоинство короля? А безъ короля гдѣ монархія? За кого будутъ сражаться эмигранты? И такъ, Богъ вѣсть, чѣмъ сіе кончится.

У насъ новой рекрутской наборъ—съ 500 пять; но указа еще я не видѣлъ.

Вышелъ указъ, отмѣняющій на сей годъ сборъ хлѣба.

P. S. Слышно, что гр. d'Artois остался волонтеромъ въ арміи Іоркскаго герцога. Кредиторы его не пустили его въ Лондонъ.

Кн. Николай Васильевичъ въ Несвижѣ, въ Радзивиловскомъ живетъ домѣ великолѣпномъ.

Директоромъ въ кадетской корпусъ Голенищевъ-Кутузовъ, бывшій въ Царегородѣ. Очень его хвалятъ.

22.

27 Сентября.

Спрашиваете о слѣдствіяхъ послѣ Робеспьера. По сю пору еще не видно; однако, кажется, человѣчнѣе становятся Французы: освобожденіе изъ тюремъ многихъ сіе доказываетъ; нѣкоторыя въ войскахъ перемѣны воспослѣдовали. Американцы и Генуезцы прислали къ нимъ своихъ повѣренныхъ и признали республикою. Но, дай Богъ, чтобъ послѣднее не сбылось. О смерти XVII-го Людовика нѣтъ подтвержденія еще; по крайней мѣрѣ нашъ дворъ надѣлъ бы трауръ. Говорить начали, будто Барреръ, Колло и д'Ербоа гильотированы; но вотъ вѣрное, что Валансіенъ и Конде сдались Французамъ, и прекрасная Голандская артилерія въ рукахъ сихъ извергoвъ.

Польскія дѣла молчатъ. Кн. Николай Васильевичъ въ Несвижѣ; а Суворовъ къ Варшавѣ полетѣлъ, и по городу съ сегодни начали говорить, что онъ сильно Косцюшку разбилъ; но изъ Петербурга подтвержденія не имѣемъ о семъ; а изъ росписи увидите, когда происходили сраженія и кто получилъ награжденіе.

Полангенъ, мѣсто претыканія нашей почты, теперь совсѣмъ очищенъ; и такъ, почта наша паки начала ходить сухимъ путемъ.

Гр. Иванъ Григор. Чернышова супруга скончалась въ чужихъ краяхъ; а онъ еще живъ, въ параличѣ, и внѣ своего Отечества.

P. S. Спрашиваете: кто былъ Гурьевъ Семенъ? Въ манифестѣ 24 Октября 1762 написано, что онъ Ингерманландскаго пѣхотнаго полку поручикъ, сообщникъ былъ съ Петромъ Хрущовымъ въ изблеваніи оскорбленія Величества, и за сіе оба лишены чиновъ, исключены изъ званія ихъ фамилій и изъ числа благородныхъ людей и сосланы въ Сибирь и публично ошельмованы; а какъ Гурьевъ умеръ, то дочери просили возвратить имъ дворянство, и сіе учинено.

23.

4 Октября.

Ежели Циціановъ мало дѣйствовалъ, то Суворовъ поправилъ: на 15 верстъ покрыта была земля трупами Польскими. Прочтите и подивитесь. Племянникъ его князь Горчаковъ привезъ реляцію къ гр. Задунайскому, сей препроводилъ его ко двору, и тамъ данъ ему чинъ бригадира. Но все еще Варшава не наша.

Вѣрьте мнѣ о Сенявинѣ: 30 Сентября проѣхалъ онъ изъ своихъ деревень въ Петербургъ для занятія въ Адмиралтействъ-коллегіи мѣста гр. Чернышова. Г. Сипягинъ, другъ мой, членъ здѣшней

Адмиралтейской Конторы, дважды у него былъ здѣсь и о семъ меня увѣрилъ.

Потужите о старикахъ Мосоловыхъ. Они ѣздили въ Кіевъ на богомолье, но потеряли сына Пафнутія Алексѣевича: занемогъ дорогою, ѣдучи изъ Кіева, и въ Коломнѣ погребли его. Старики здѣсь теперь и, къ несчастію, получили извѣстіе о другомъ сынѣ, что онъ въ полону у Поляковъ.

P. S. Прислали ко мнѣ изъ Петербурга носящіеся тамъ стихи гр. Суворова къ дочери его о побѣдѣ надъ Поляками.

„Намъ дали небеса
„Двадцать четыре часа.
„Потачки не даю моей судьбинѣ,
„А жертвую онымъ моей Монархинѣ.
„И чтобъ окончить вдругъ,
„Сплю и ѣмъ, когда досугъ.
„Здравствуй Наташа съ домашними.“

Плохъ стихотворецъ, но хорошъ воинъ.

Генералъ-маіоръ Бениксонъ взялъ у Поляковъ Ковно-городъ и нѣсколько пушекъ.

24.

1 Ноября.

18 Октября была въ Петербургѣ экзекуція барону Гумберту съ четырьмя товарищами за мастерство ассигнацій, въ Ревелѣ дѣлаемыхъ. Онъ привезенъ былъ изъ крѣпости подъ висѣлницу и съ однимъ товарищемъ, по ошельмованіи, заклейменъ на обѣихъ рукахъ, и оба сосланы въ ссылку безъ наказанія тѣлеснаго; другіе два высѣчены кнутомъ и тожъ заклеймены; а пятой доноситель, ихъ же и соучастникъ, безъ наказанія висланъ за границу.

25.

8 Ноября.

27-го Окт. получено непріятное о гр. Валеріанѣ Зубовѣ извѣстіе: что при переправѣ чрезъ Бугъ (отъ Варшавы 20 вер.) корпуса генералъ-поручика Дерфельдена, тяжело онъ раненъ ядромъ изъ пушки чрезъ рѣку; лошадь же его убита наповалъ, а у него ногу такъ раздробило, что принужденъ былъ отпилить. Говорятъ, будто и полковникъ Ророчъ тутъ же потерялъ ногу, и едвали сей живъ останется. Гр. Зубову посланъ во утѣшеніе Св. Андрея орденъ и соболья шуба.

Слышно, будто на мѣсто Костюшки выбранъ какой-то плутъ Денбровской. Ожидаютъ, что судьба Варшавы 27 или 30 Октября должна рѣшиться.

Пишутъ, будто въ медицинскую опредѣленъ президентомъ камергеръ Зиновьевъ; но не пишутъ, куда Васильевъ дѣвался.

Принцъ Нассау увольняется, по просьбѣ его, въ чистую отставку.

26.

15 Ноября.

Когда вы Ферзена побѣдою обрадовались, то графъ Суворовъ гораздо больше и обрадуетъ и удивитъ васъ. Сей герой нашъ, поражая нѣсколько разъ Поляковъ, наконецъ 23 Октября пришелъ къ Прагѣ, предмѣстію Варшавы. Выдержавъ отъ непріятеля пальбу сильную изъ пушекъ безвредно и самъ пострѣлявъ нѣсколько, 24-го числа умолкъ. Обрадовались Поляки, думая, что они его испугали и что онъ отойдетъ; но, вмѣсто того, на 25-е число вновь онъ съ семью колоннами (въ числѣ сихъ колонной одной начальствовалъ крестникъ вашъ кн. Дмитрій Ивановичъ) вошелъ къ нимъ чрезъ укрѣпленія; и какъ первыя двѣ колонны, зашедъ, закричали ура! и на штыкахъ ударили, то все побѣжало Польское скопище.

Къ невѣроятному чуду, съ нашей стороны не больше раненыхъ и убитыхъ, какъ 300 человѣкъ. Ожидаемъ теперь нетерпѣливо почты Петербургской о обстоятельствахъ входа въ Варшаву; а вы имѣйте между тѣмъ терпѣніе.

Прислали ко мнѣ изъ Кіева переводъ съ перенятаго къ Костюшкѣ письма, коего вы здѣсь въ копіи узрите. Пишутъ ко мнѣ оттудаже, будто первыхъ чиселъ сего мѣсяца ожидали въ Кіевъ Костюшку, везомаго подъ великимъ конвоемъ.

Крѣпко подтверждаютъ, будто кн. Николай Васильевичъ пожалованъ намѣстникомъ великаго княжества Литовскаго, съ прибавкою столовыхъ по 6000 рублей на годъ и съ полученіемъ права жаловать тамошнихъ до титулярнаго совѣтника.

Молва часъ отъ часу умножается, что не только Прусскій, но цесарь и Голландцы заключили миръ съ извергами Французами. Можно ли было сего ожидать по началамъ жаркаго ихъ наступленія на сихъ троглодитовъ!

27.

22 Ноября.

Ферзенъ посланъ преслѣдовать бѣжавшаго съ сокровищами Заіончика (т. е. зайчика), авось-либо и нагонитъ.

Кн. Николай Васильевичъ только Литовскимъ намѣстникомъ и будетъ жить въ Гроднѣ, городѣ пограничномъ Россійской имперіи.

Домъ, въ коемъ принцъ Нассау жилъ въ Петербургѣ, убирать поспѣшаютъ. Народъ пророчествуетъ, что Польское величество туда пріѣдетъ. И такъ къ намъ на хлѣбы; симъ Россія прямо докажетъ заповѣди Христовой исполненіе: Любите враги ваша!

Говорятъ, будто ушедшіе изъ Варшавы 10 тыс. съ сокровищами раздѣлились на три части, изъ коихъ главная въ 4000 съ Понятовскимъ нагната Ферзеномъ и въ полонъ взята; прочіе бѣжали въ Краковъ, и оной отняли у Прусаковъ.

Кн. Николай Васильевичъ располагаетъ уже въ Литвѣ намѣстническія дѣйствія. Бригадиръ Русановъ опредѣленъ туда въ Ли-

товскую губернію въ родѣ уголовныхъ дѣлъ совѣтника, и пожаловано ему 5000 рублей.

„Курляндія въ округѣ уже здѣшней“, такъ пишутъ. И такъ границею вода вездѣ: съ Прусаками Нѣмень, съ Цесарцами Бугъ, которой выше Варшавы впалъ въ Вислу.

28.

29 Ноября.

Крестникъ вашъ кн. Дмитрій Ивановичъ посланъ былъ отъ гр. Суворова уговаривать короля, чтобъ безъ кровопролитія сдалися; успѣлъ сіе сдѣлать, и теперь полкъ его на стражѣ денной и нощной въ Варшавѣ.

Третьяго дни графъ Шереметевъ далъ праздникъ въ Останьковѣ по причинѣ воздвигнутаго тамъ новаго театра: было зрѣлище, балъ и ужинъ. Но г. Остафьевъ, свойственникъ его, не выдержалъ сего торжества, занемогъ и едва довезли его оттуда домой; поутру пустили ему кровь, а съ нею и душа вышла. Весь городъ о семъ добродѣтельномъ раздавателѣ ассигнацій и денегъ сожалѣетъ. Дѣтей не осталось, да и не было ихъ. Слѣдовательно г. Мятлевъ наслѣдитъ его имѣніе. Ахъ, какъ мы не далеко отъ смерти!

P. S. 14-го числа Костюшко провезенъ чрезъ Черниговъ въ Петербургъ.

29.

6 Декабря.

Губернаторомъ въ Варшавѣ нашъ генералъ-маіоръ Буксгевденъ, а полиціймейстеромъ полковникъ Языковъ. Прусскія войска, хотя и желали, не были впущены въ Варшаву, и (dit-soit entre nous) Польскаго короля приказано перевести изъ Варшавы въ Гродну, куда и кн. Николаю Вас. велѣно ѣхать, у коего подъ присмотромъ онъ и будетъ. Ему положено содержаніе отъ 10 до 15 тыс. червонныхъ на мѣсяцъ, или по разсужденію князя Николая Васильевича; а притомъ велѣно внушить, что судьба его зависить будетъ отъ его поведенія.

Г. Державинъ хочетъ жениться. Не изъ стишковъ ли его о семъ догадываютъ?

Появилось еще здѣсь ѣдкое сочиненіе—Вельможа. Всѣ цѣлятъ на Державина, но онъ отпирается.

30.

27 Дек.

Рѣка Нарова, около Варшавы извивающаяся, уповательно, будетъ наша граница, въ томъ числѣ и Курляндія наша. Пруcакъ желаетъ, чтобъ вся область между Вислою и Наровою причислена была къ нему. Онъ желаетъ еще больше, то есть всего Кракова

съ провинціею Краковскою, въ чемъ сильно Цесарь оспориваетъ, и о семъ-то теперь идетъ негоціація между тремя министрами спорющихъ дворовъ въ Петербургѣ. Рѣшеніе сего труднаго дѣла, кажется, зависитъ точно отъ твердости или снисходительности обоихъ имперскихъ дворовъ.

Un certain m-r Harpe, major et chevalier de St. Vladimir, qui était en fonctions de précepteur de S. A. I. mgr grand-duc Alexandre, a eté pris et porté aude-là de frontière. On croit, que c'est son jacobinisme qu'on avait dévoilé, qui en fut la cause [8]). Вотъ какихъ мы за пазухою грѣемъ змѣй!

Въ Парижѣ, кажется, нѣкій благотворный показывается лучъ. Король отъ сапожника взятъ въ лучшее по достоинству его призрѣніе, и дѣло о убійствѣ его родителя разсматривается. Одному Богу остается привесть ихъ въ чувство и избавить прочее свое созданіе отъ сего пагубнаго ихъ переворота, о чемъ и мы должны по человѣчеству просить Его благость.

1795 ГОДЪ.

1.

3 Генваря.

Ожидаемъ эстафеты, что́ было въ новой годъ. Но едвали что̀ будетъ, исключая гвардейскихъ перемѣнъ. Потужите съ нами: дядюшка вашъ кн. Ник. Вас. прислалъ просьбу уволить его отъ всѣхъ дѣлъ по причинѣ день ото дня истаевающихъ силъ и умножающихся налагаемыхъ на него многихъ дѣлъ. Тетушка ваша о семъ пишетъ отъ 24 Декабря къ здѣшней вашей тетушкѣ, гдѣ я вчера читалъ сіи строки. Больно лишаться Отечеству толь дѣятельнаго мужа.

P. S. Не вѣрьте, что La Harpe сосланъ. Неправедно писано о семъ; но Монтегю, флота Черноморскаго капитанъ-лейтенантъ, 19 Ноября ошельмованъ на эшафотѣ публично переломленіемъ чрезъ палача на головѣ шпаги и ссылкою въ Сибирь въ вѣчную каторжную работу. Манифестъ о семъ печатный отъ 18 Декабря.

2.

10 Генваря.

Вы жалуетесь глазами, а я васъ обременяю чтеніемъ приложеній, утѣшительныхъ однако для васъ; ибо увидите тутъ братца вашего въ тайныхъ совѣтникахъ, тетушку съ портретомъ, дядюшку съ деревнями и домомъ (чуть ли не графа Остермана); внучка и наконецъ крестника, три почести въ день получившаго: крестъ

---

[8]) Нѣкто Лагарпъ маіоръ и Владимірскій кавалеръ, бывшій въ должности учителя при великомъ князѣ Александрѣ, взятъ и выпровоженъ за границу. Думаютъ что виною тому его вскрывшееся якобинство.

Владиміра, золотую шпагу и чинъ бригадира. О прочихъ умалчиваю; можетъ быть, и друзей тутъ найдете съ отличіемъ.

Сколько я порадовался, что вы одного со мною мнѣнія касательно производства не по времени, но по достоинствамъ. Лѣнивые только выигрываютъ чрезъ сіе, а трудники въ уныніи.

Князь Волконской сравненъ съ Потемкинымъ; слѣдовательно, выше его.

Дядюшка вашъ долженъ еще по крайней мѣрѣ годъ прослужить; а между тѣмъ можетъ быть я и буду столько счастливъ, что увижу свой домъ между домами двухъ маршаловъ, чего давно ожидаю [1]).

Польскія дѣла, кажется, приближаются къ концу. Всѣ члены бывшіе народнаго совѣта верховнаго арестованы, и едва-ли не въ Кіевѣ, куда и плутъ Колонтай, въ Галиціи захваченный, но только съ 2000 червонцовъ, повезенъ.

Отъ короля требовано непремѣнно, чтобъ онъ ѣхалъ въ Гродну, и думаю, что онъ уже выѣхалъ въ концѣ Декабря.

Велѣно къ веснѣ изготовить 26 кораблей или Лондонскому или Вѣнскому дворамъ на помощь, если не примирятся Французы.

3.

17 Генваря.

Прибыли въ Петербургъ шесть депутатовъ изъ Литвы просить о принятіи ихъ въ подданство: епископы Гедройцъ, Букати и Длуской аббатъ, генералъ Забѣло, баронъ Мантейфель и староста Межевичъ.

Къ 31 Декабря ожидали Польскаго короля въ Гроднѣ; приставъ у него будетъ графъ Илья Безбородко, и на мѣсяцъ положено по 10 тысячъ червонцовъ.

Графъ Иванъ Петр. Салтыковъ вторично прислалъ просьбу о увольненіи. Посланъ курьеръ уговаривать.

Потемкинъ гнѣвается, для чего съ нимъ сравняли Симолина и Ферзена. О tempora! o mores!

4.

24 Генваря.

Не сумнѣвайтесь о предложеніи дядюшки вашего и порадуйтесь, что Владычица наша собственноручное тогда жъ отправила къ нему письмо съ такими выраженіями, коихъ не послушаться нельзя любящему свое Отечество до чрезвычайности. Кн. Яковъ Ив. Лобановъ (которой теперь въ Петербургѣ ищетъ губернаторскаго мѣс-

---

[1]) Говорится про домà на Маросейкѣ фельдмаршаловъ князя Репнина и графа Румянцова-Задунайскаго (нынѣ этотъ домъ принадлежитъ Каулину).

та, dit soit entre nous) пишетъ о семъ отъ 13 числа къ своей родительницѣ, гдѣ я вчера бывъ, читалъ вышеписанное; домъ ему точно купленъ у вице-канцлера за 150 тыс., и одна комната будетъ отлично убрана иждивеніемъ двора.

Вчера собранія въ клубѣ не было по причинѣ прискорбія Наслѣдника нашего, лишившагося дочери своей (15 числа), великой княжны Ольги Павловны. Думаю, двѣ недѣли никакихъ въ городѣ публичныхъ веселостей не будетъ.

Сей день въ соборѣ было торжество у насъ по случаю новопросвѣщенной крещеніемъ великой княжны Анны Павловны, при пушечной пальбѣ и колокольномъ во весь день по всему городу звонѣ.

Въ самой новой годъ пріѣхалъ Польской король въ Гродну, гдѣ и будетъ на нашемъ содержаніи жить.

На сихъ дняхъ пріѣхала сюда парочка новобрачныхъ Шаховскихъ. Вы знали кн. Лизавету Борис. Шаховскую, вышедшую за Аремберга, отъ коего и дочь есть. Бракъ сей уничтоженъ Синодомъ, и она, противъ воли матери, возлюбила камеръ-юнкера кн. Петра Шаховскаго, внука кн. Якова Петровича, уѣхала съ нимъ въ Вяземскія его деревни, тамъ обвѣнчалась, и теперь дѣлаютъ по городу визиты. Но надолго ли сіе, не знаю; новобрачной сильно кашляетъ, знаки давно примѣчены—у него чахотка. Какъ быть? Хоть на часъ да вскачь!

5.

31 Генваря.

Погребеніе великой княжны 20 число совершилось. Дворъ весь присутствовалъ, кромѣ родителя. Учреждавшіе симъ печальнымъ дѣйствіемъ Кушелевъ и Валуевъ получили Аннинскія ленты.

У насъ не безъ проказъ. Въ прошлую пятницу бригадиръ Михайла Алекс. Новосильцовъ пистолетомъ лишилъ себя жизни, въ домѣ сестры своей Скворцовой, въ глубокую ночь. Онъ давно мраченъ былъ и отъ любви, и отъ дурнаго дѣла касательно повара. Тѣло повезено въ деревню его и погребено въ церкви, чего, кажется, не слѣдовало бы.

Мы все еще безъ начальника. Говорятъ, что если Иванъ Петр. Салтыковъ отречется, то Архаровъ будетъ. Намъ кто ни попъ, тотъ батька.

6.

7 Февраля.

Прошлаго 27 Генв. Курляндскій герцогъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ; квартира для него нанята въ новокупленномъ дядюшкѣ вашему домѣ Остермановомъ. Уповательно, и дѣло Курляндское скоро рѣшится.

Но Польское не такъ-то скоро. Упорствуетъ сильно плѣшивый Вильгельмъ; однако великая Екатерина научитъ его смиреномудрію! Слышно, будто корпусу князя Сергія Ѳед. Голицына велѣно подвинуться къ Мемелю, и Варшава, уповательно, замѣнитъ Краковъ.

Новая открывается у насъ губернія, Вознесенская, которая составится изъ части Малороссіи, изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Екатеринославской и Брацлавской губерній и изъ края новопріобрѣтеннаго отъ Турціи. Генералъ-губернаторомъ графъ Зубовъ, которой оною губерніею располагать будетъ, не давая отчета никому, кромѣ самой Государыни. 12 уѣздовъ оную составятъ; до построенія же города Вознесенска, присутственныя мѣста будутъ въ Ново-Миргородѣ.

Все сіе хорошо. Но Французы ужасъ наводятъ: уже въ Амстердамѣ, и вся Голландія трепещетъ.

Графъ Валеріанъ Зубовъ пріѣхалъ съ деревянною ногою въ Петербургъ.

7.

14 Февраля.

Какой будетъ отвѣтъ Литовскимъ, Курляндскимъ и Жмудскимъ посламъ, уповаю, означатъ въ Петерб. вѣдомостяхъ, и Мемель съ уѣздомъ нашъ. Водная граница вездѣ съ Прусаками.

Я уже писалъ къ вамъ объ отставкѣ графа Ивана Петр. Салтыкова, за нимъ и кн. Василья Вас. Долгорукова послѣдовала отставка. Слышно, гр. Михайло Петр. Румянцовъ идетъ также, и прочіе. Пусть же не ропщутъ, увидя Хлѣбниковыхъ, Лаптевыхъ и пр. сего рода въ генералахъ.

Не тѣ уже, кажется, годы, чтобъ искали людей для мѣстъ. Всѣ нынѣ и умны и просвѣщены, и шефами въ 30 лѣтъ быть желаютъ. Слѣдовательно, въ толикомъ множествѣ искать недолго, да и не нужно.

Мы все безъ намѣстника. Теперь вѣрно Архарова намъ дадутъ. Москва къ нему привыкла.

Сія недѣля произведетъ духовника Ея Величества, котораго доселѣ еще не выбрали по смерти Памфилова. Куды сколько желателей на сіе мѣсто! Но я думаю, что Лукьянъ, Преображенскій протопопъ, будетъ.

8.

21 Февраля.

Въ Пятницу, на масляницѣ, дворъ катался въ Таврическій дворецъ; тамъ былъ и ужинъ и сговоръ гр. Николая Зубова съ гр. Суворовою фрейлиною; катались и на горахъ великая княгиня и княжны молодыя. Тоже на другой день было въ Чесмѣ; но Павелъ и Марія за печалію не участвовали.

Нашъ министръ Колычовъ оставался небоязненно въ Гагѣ, но отпущенъ послѣ съ честію и уваженіемъ какъ къ его сану, такъ и къ тому лицу, которому онъ служитъ. Онъ выѣхалъ оттуда въ Россію съ паспортами Французскихъ генераловъ.

Говорятъ, что скоро Прусской король съ нами какой нибудь заключитъ миръ. Онъ упрямится еще въ дѣлѣ Польши, но долженъ будетъ уступитъ, ибо Россія не отстанетъ отъ своихъ требованій касательно Кракова.

Польской король въ Гроднѣ, смотрѣлъ нашей іордани incognito; князь Ник. Васильевичъ трижды уже у него кушалъ.

Новой духовникъ у Ея Величества и членъ Синода, придворный священникъ Савва Исаевъ, коего вы, думаю, знаете: старикъ съ достоинствами.

P. S. Нашъ губернскій предводитель Ступишинъ возвратился изъ Петербурга съ Александромъ на плечахъ.

9.

Послѣднее Февраля.

Я думаю, не допуститъ наша Премудрость помириться Прусаку съ тиграми; инакоже первой ничего не выиграетъ въ Польшѣ, и мы, яко побѣдители, имѣемъ право располагать всѣми участками, какъ хотимъ, и Богъ намъ поможетъ. Если развяжется Польскій узелъ, то, можетъ быть, дѣйствительно прійдемъ мы союзниками на помощь.

Равнымъ образомъ и о Курляндскомъ еще не вскрылось: онъ сопряженъ съ Польскими дѣлами и до тѣхъ поръ у насъ на хлѣбахъ со всѣмъ домомъ.

У насъ новой намѣстникъ, Мих. Мих. Измайловъ. Мы не ожидали его. Онъ не военной: то и говорятъ, будто военная часть отдается кн. Юрью Володимеровичу. Прозоровской же займетъ мѣсто въ арміи гр. Салтыкова, которой уже въ Петербургѣ и помолвилъ дочь свою за Мятлева.

Огорченную вдову гр. Зубову пріѣхали навѣстить изъ Петербурга два сына: гр. Николай и Димитрій; въ 56 часовъ совершили путь!

10.

7 Марта.

Г. Кутузовъ, получа дивизію Финляндскую, поскакалъ обозрѣть всѣ крѣпости пограничныя. Славятъ, что преемникомъ въ корпусѣ кадетскомъ будетъ гр. Валеріанъ Зубовъ, коему ежегодной пенсіи опредѣлено 20 тысячь.

Г. Измайловъ отказался быть у насъ главою и, слышно, обратилъ указъ обратно, сказавъ, что ему за 76 лѣтъ, и онъ не въ силахъ уже и тѣмъ править, чтó въ рукахъ имѣетъ.

Шевелятся что-то въ Стамбулѣ и напѣваютъ намъ возставить Польскую 1791 года конституцію; но, кажется, пора бы имъ очувствоваться, теряя всякой разъ, имѣя съ нами дѣло.

11.

21 Марта.

Дѣла Польскія еще не созрѣли уповательно; крѣпко молчатъ объ нихъ. Напротивъ, приготовленіе флота нашего подаетъ поводъ думать, что мы непраздны будемъ; но между тѣмъ слухи о неспокойствахъ будто на Шведскихъ и Турецкихъ границахъ продолжаются. Пустые ли, или съ намѣреніемъ распущены, знаютъ то владыки земные. Можетъ быть, они-то отговоркою послужатъ намъ противъ Аглинскаго домогательства, что покореніемъ Поляковъ не вовсе еще руки у насъ развязаны, и что предстоятъ другіе страхи, мѣшающіе принять дѣятельное участіе въ войнѣ съ тиграми. Но такъ ли? Увидимъ.

Турки и послѣднее дѣло съ нами о заплатѣ хозяевамъ засеквестрованныхъ при началѣ прошлой войны Россійскихъ судовъ кончили; они за сіи суда и ихъ грузы по согласію заплатили деньги.

Порадуйтесь: въ Парижѣ начали обѣдни пѣть, и тигры на сіе сквозь пальцы смотрятъ.

Сейчасъ спѣшу проводить обоихъ князей Лобановыхъ, кн. Дмитрія и кн. Якова, ѣдущихъ перваго—сдавать полкъ свой и переселиться уповательно въ дивизію князя Николая Васил., а втораго въ свои деревни, паки вино курить.

Письмо отъ Бѣлогородскаго при семъ посылаю. Скажите г. Заварицкому, что три епархіи теперь овдовѣли: Воронежская, Могилевская и Смоленская, и еще Старорусская; ибо старорусской Аѳанасій Волховской пожалованъ въ Могилевъ. Не попадетъ ли въ одну изъ сихъ и братецъ его, Донской архимандритъ?

12.

28 Марта.

Хотя крѣпко жужжатъ о брани съ Стокгольмцами; но, можетъ быть, погремитъ и перестанетъ. Екатерина не дремлетъ. Богъ ей побораетъ, и мы да наслаждаемся покоемъ.

P. S. Тетушка ваша кн. Репнина 13 Марта поѣхала въ Гродну; на дорогу ей прислала Государыня 5000 р. серебромъ. Говорятъ, что кн. Николай Васил. просилъ себѣ такого человѣка, кто бы ему помогалъ въ работѣ. Знаете ли, на кого палъ жребій? На графа Никиту Петровича; чуть-ли онъ туда не поѣдетъ, ибо постъ его министерскій въ Голландіи не существуетъ.

13.

4 Апрѣля.

Поздравьте насъ съ новымъ намѣстникомъ, сосѣдомъ моимъ Мих. Мих. Измайловымъ: сколько ни боролся, наконецъ принялся и третья-

го дня въ Успенскомъ соборѣ учинилъ присягу. Военная же часть въ городѣ поручена кн. Юрью Володим. Долгорукову. И такъ два начала. О семъ указъ 27 Марта состоялся; въ тотъ же день прежній кн. Прозоровской опредѣленъ въ армію къ гр. Задунайскому, и обѣщано дать ему 1-го класса Володиміра за управленіе Москвою.

Курляндія, отъ 27 уѣздовъ, столько же прислала депутатовъ просить нашего подданства. Герцогъ, не дожидаясь позыву, самъ сложилъ съ себя санъ свой и отдалъ какъ гербъ, такъ и прочіе знаки, вмѣстѣ съ будущею участію своею, Россійской Минервѣ.

P. S. Вчера тетушка ваша крестила у Нелединскаго новорожденнаго сына Гаврила. Вчера ввечеру между моимъ и вашимъ дворомъ была тревога: на подворьѣ Вятскомъ, возлѣ Златоустова, сгорѣлъ постоялый дворъ, сарай, сѣно и пр.; но дальшей бѣды не было. Однако изъ Клубу многіе выѣхали, въ томъ числѣ и градоначальникъ новой. Въ первой его репортъ о семъ будетъ пожарѣ.

14.

11 Апрѣля.

Манифестъ о присоединеніи Курляндіи и Вильны готовъ. Еще новая въ Изъяславлѣ готовится епархія второкласная; ибо одному Минскому архіепископу отъ Курляндіи до Каменца Подольскаго не управить. Сюда-то хочется управить брата г. Заварицкаго, и о семъ уже идетъ переписка; ибо онъ, то есть Донской, знаетъ совершенно Польской, сверхъ Латинскаго и Греческаго. Можетъ быть на той почтѣ и рѣшится сіе.

Въ Великую Субботу подписанъ указъ о бытіи по прежнему Симонову монастырю, которой былъ уничтоженъ.

15.

25 Апрѣля.

15-го числа пріѣзжала Государыня изъ Таврическаго дворца въ лѣтній, гдѣ въ присутствіи Синода, Сената и всѣхъ придворныхъ приняла отъ Курляндскихъ делегатовъ актъ подданства. Теперь ожидаемъ о семъ манифеста; а при томъ, слышно, будутъ и награжденія.

Въ тотъ же день совершились двѣ свадьбы: г. Мятлева съ гр. Салтыковою и гр. Николая Александровича Зубова съ фрейлиною Суворовою.

На другой же день погребено въ Невскомъ г. Полторацкій, столько лѣтъ капеллою управлявшій придворною.

Его Прусское вел., не успѣвая у насъ въ притязаніяхъ своихъ на два извѣстныя Польскія воеводства, перенесъ негоціацію о томъ въ Вѣну.

Данія отказала Швеціи въ соединеніи своей эскадры съ ея, по примѣру прошлаго года, основываясь: 1) на томъ, что тогдашняя ихъ конвенція тогда жъ и конецъ свой получила, 2) что возобновлять нѣтъ нужды.

Турецкое министерство, устрашась слуховъ, будто Порта намѣрена начать войну съ нами, объявило формально на письмѣ всѣмъ въ Константинополѣ чужестраннымъ министрамъ, что она и помышленія о семъ не имѣетъ.

Что Прусской король заключилъ уже съ Французами миръ, о томъ самъ писалъ уже къ нашему двору; но условія еще неизвѣстны.

P. S. Кн. Прозоровской уже здѣсь. Онъ бы поѣхалъ въ армію, но дочь у него очень больна; для того и новой намѣстникъ Измайловъ не переходитъ въ намѣстнической домъ.

16.

2 Мая.

Надѣлалъ пакостей Берлинской дворъ: выдалъ на жертву и Цесаря и Агличанъ! Исторію о семъ единственно для васъ сообщаю. Прочтите. Вотъ причина, что жалованныхъ 21-го никого, кромѣ Курляндскихъ новыхъ чиновъ, подданныхъ нашихъ, коимъ и намѣстникъ данъ Рижскій губернаторъ фонъ-деръ Паленъ; а въ Ригу губернаторомъ Кохіусъ.

17.

9 Мая.

Всѣ льнутъ къ Французамъ. За Прусаками и Гишпанцы не замедлили. Слышно, что Неаполитанской и Сардинской тоже учинятъ; но мы крѣпко стоимъ. Мы съ Англіею заключили оборонительный трактатъ, и сіе вѣрно; но вотъ что̀ сумнительно: будто и нашъ министръ (метятъ на г-на Маркова Аркадія Ив.) поѣдетъ пошептаться avec Barthélemy à Basle.

Вел. князь Константинъ Павловичъ ѣдетъ на двѣ недѣли въ Финляндію для осмотру строющихся тамо крѣпостей. Съ нимъ ѣдетъ Сакенъ и кавалеръ, да тамошній главнокомандующій гр. Кутузовъ.

Письмо ваше въ Бѣлгородъ сошлю. Идетъ тамъ священникамъ наборъ въ Польшу для занятія церквей изъ Уніи обращенныхъ къ намъ. Вопіютъ и не хотятъ, но больше вдовыхъ выбираютъ. 2000 надо поповъ. Сбылось рѣченное: и будетъ едино стадо и единъ пастырь.

P. S. Съ собственнымъ вашимъ праздникомъ въ гофшпитали поздравляю. Братецъ вашъ сегодни въ потѣ лица подвизаться будетъ [2]).

18.

16 Мая. Середа.

Великимъ меньшимъ князьямъ сдѣланъ surpris: принесены были двѣ связки съ платьемъ; большому мундиръ, яко шефу Екатерино-

---

[2]) Говорится объ извѣстномъ Куракинскомъ страннопріимномъ домѣ, близь Красныхъ воротъ, въ началѣ Басманной.

славскаго гренадерскаго полку; а меньшему, яко шефу С. Петербургскаго драгунскаго. Какое было порадованіе!

Меньшой 5-го числа поѣхалъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ въ Роченсальмъ на короткое время. Шепчутъ, будто-бы на стрѣтеніе невѣсты изъ дому Кобургскаго. Дай Богъ!

7 Мая въ Петербургскомъ театрѣ произошла нехорошая исторія. Французъ, полковникъ нашей службы и кавалеръ Саксъ, поссорясь съ гвардіи офицеромъ кн. Щербатовымъ (меньшимъ сыномъ князь Григорія Алексѣевича) ударилъ нашего въ рожу. Сей, имѣя палку въ рукахъ, раскроилъ ему лобъ до крови. За Француза вступились Французъ Брольо и Агличанинъ Макартней; но оберъ-полиціймейстеръ, всѣхъ забравъ подъ стражу, донесъ Государынѣ. Тотчасъ сіе послѣдовало рѣшеніе: кн. Щербатова выпустить, а чужестранцовъ выслать за границу, которые въ туже ночь въ кибиткахъ выпровожены.

Слышно, будто-бы Ст. Степ. Апраксинъ прощенъ, и велѣно ему ѣхать въ армію къ графу Задунайскому.

19.

23 Мая.

Ожидаютъ переворота (которой виситъ, кажется) Парижскаго. Тамъ всѣ недовольны. Желаютъ паки и головы и ума. Одни Шведы поборають злодѣямъ. Сталь объявленъ формально министромъ Шведскимъ въ Парижѣ; и въ какихъ выраженіяхъ адресовался онъ къ симъ бунтовщикамъ и цареубійцамъ! Видно, за сіе и у насъ непріятствуютъ имъ. Его Шведское вел. вздумалъ было почваниться наравнѣ съ Аглинскимъ и, произведя посла своего Штединга кавалеромъ Серафимскимъ, прислалъ сей орденъ къ Государынѣ, прося ее письмомъ, чтобъ она приняла на себя трудъ, вмѣсто его, возложить сей орденъ на Штединга. Государыня отъ сего отклонилась, отвѣтствуя, что она нездорова и что письмо не такъ написано, какъ должно.

У насъ сильной идетъ о картежныхъ академикахъ переборъ. Ежедневно привозятъ ихъ къ Измайлову. Дѣйствіе сіе въ моихъ глазахъ; ибо намѣстникъ возлѣ меня живетъ. Есть и дамы.... Basta!

Перечень письма изъ С. П. Б. отъ 5-го Іюня 1795.

Вы знаете, что Французы заставили Голандцевъ заключить съ ними союзъ и пр. Посему самому наложено embargo на всѣ корабли неблагопріятствующихъ Французамъ націй; въ томъ числѣ арестованъ купеческой корабль и подъ нашимъ флагомъ. Голандское правительство, отвѣчая на нашу извѣстительную грамоту о рожденіи великой княжны Анны Павловны, увѣдомило при семъ случаѣ насъ и о семъ поступкѣ Французскихъ начальниковъ, увѣряя впрочемъ, что оно искреннѣйше желаетъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи съ Россіею, и что оно будетъ стараться и уже сдѣлало такіе шаги, чтобы корабль нашъ Французскими

комисарами освобожденъ былъ. Сіе письмо, яко писанное отъ такого начальства, которое нами не признается и которое въ союзѣ съ Французами, не принято; а между тѣмъ данъ именной указъ таможнѣ, чтобы всѣ Голандскіе корабли, въ нашихъ портахъ находящіеся, арестовать, и потомъ повторительный адмиралтейству, чтобы оно приняло сіи суда со свидѣтельствомъ корабельщиковъ и съ ихъ росписками въ грузѣ и такелалѣ въ свое вѣдѣніе и употребило бы ихъ вмѣсто транспортныхъ судовъ. Англичане обрадуются сему.

20.

6 Іюня.

Не помню, писалъ ли я къ вамъ о кончинѣ оберъ-шенка Нарышкина. При семъ случаѣ произошло слѣдующее: камергеръ Валуевъ присланъ былъ отъ Государыни ко вдовѣ Аннѣ Никитишнѣ съ изъявленіемъ соболѣзнованія Ея Имп. Вел. и съ предложеніемъ ей переѣхать въ Царское Село (въ чемъ она отклонилась). Едва Валуевъ сію исполнилъ комиссію и пошелъ......упалъ, забредилъ и отвезенъ домой въ горячкѣ.

Сколько ни удерживали гр. Кирила Григорьевича отъ поѣздки въ Малороссію, но онъ все отвергъ и третьяго дни благополучно туда поѣхалъ.

21.

14 Іюня.

Здѣсь паки громко говорятъ о женитьбѣ гр. Задунайскаго на вдовѣ Capuani; но я Ѳома. Ожидаю изъ Ташани подтвержденія или опроверженія.

Академики картежные, видя крѣпкой за собою присмотръ, многіе по деревнямъ скрылись.

Вы уже знаете, что Воспитательный Домъ или паче Ломбарда его въ великой разстройкѣ или, лучше сказать, въ банкрутствѣ: ибо не платитъ тѣмъ, кои положили свои капиталы. Былъ здѣсь Минихъ, разбиралъ и поѣхалъ въ Петербургъ. Оттуда прислано повелѣніе учредить комитетъ изъ попечителей, кто есть въ Москвѣ, и изслѣдовать поступки Гогеля. Въ Понедѣльникъ начался сей комитетъ.

22.

27 Іюня.

Г. Хорватъ, открывавшій новое намѣстничество Вознесенское, получилъ за трудъ Александровской орденъ; а губернаторомъ въ сію губернію опредѣленъ вице-губернаторъ Тульской князь Оболенскій.

Похитившіе 200 тысячь рублей, посланные въ Екатеринославль для покупки хлѣба, пойманы, и одинъ начальнѣйшій изъ нихъ въ Гамбургѣ, куда и деньги они перевели чрезъ конторы. Фамиліи

его не знаю; но вѣдаю, что маіоръ и Россійскій дворянинъ, по несчастію.

Говорятъ, что скоро откроется раздача жалованныхъ деревень изъ Польскихъ пріобрѣтеній; а можетъ быть и производство будетъ, и сего завтрашняго числа надѣются.

Не слышно еще, когда поѣдетъ въ вашу сторону гр. Алексѣй Кириловичь и что̀ онъ здѣсь дѣлаетъ. Пренерѣшимый человѣкъ!

Дѣло о Польшѣ остановилось. Богъ вѣсть, какой будетъ оному конецъ. Но вотъ загадка: Прусское величество, къ удивленію всѣхъ, сыгралъ въ Берлинѣ свадьбу, выдавъ принцессу, двоюродную сестру свою, Фридерику Луизу за кн. Радзивила, которой и небогатъ и въ нашей службѣ только камеръ-юнкеромъ.

Пр. Брацлавскій Іоанникій еще здѣсь; ожидаетъ, пока г. Тутолминъ очиститъ въ Каменцѣ Подольскомъ архіерейской его домъ и монастыри для его епархіи.

23.

4 Іюля.

Желательно, чтобъ исполнилось ваше пророчество о всемъ томъ, что̀ ваше сіятельство упоминаете въ письмѣ своемъ отъ 20 Іюня. Но нерѣшимость доселѣ въ Французскихъ и Польскихъ дѣлахъ, кажется, не предвѣщаетъ скораго всему тому событія. Интриги сосѣда нашего Фридерика и Оттоманское буйнымъ Французамъ довѣріе сильную добрымъ нашимъ намѣреніямъ дѣлаютъ препону. Надо быть чуду, чтобъ на первой ногѣ поставить то, что̀ гораздо пошатнулось и почти изъ центра выступило. Увидимъ, заключитъ ли цесарь миръ съ извергами. Увидимъ, что́ значитъ посѣщеніе Шведовъ въ Шоны и приглашеніе туда Датскаго (который отрекся) наслѣдника. Не слышно еще и того, прошелъ ли нашъ вспомогательной Англіи флотъ Зундъ. Дай Богъ, чтобъ Агличане устояли въ твердости своего намѣренія; а мы не поколеблемся.

Желаете знать о таможенныхъ въ нынѣшнемъ случаѣ доходахъ. Приходящіе корабли изъ разныхъ мѣстъ къ намъ (о чемъ въ газетахъ видно) доказываютъ, что комерція наша не упадаетъ; да и можетъ ли упасть, когда всѣ до насъ имѣютъ нужду?

Г. Леванидовъ, гостившій двѣ недѣли у Задунайскаго, пишетъ ко мнѣ, что графъ точно испросилъ дозволенія жениться на бригадиршѣ Капуани; однако-же еще не рѣшился, когда быть свадьбѣ. Не грозитъ ли онъ симъ дѣтямъ своимъ, что ни одинъ изъ нихъ не женится доселѣ, и его всѣ оставили? Холодность ихъ къ родителю давно примѣчается.

Дѣло Гогеля еще не рѣшено. Должность его по надзиранію Дома, а не Ломбарды, поручена полковнику Гаврилову, который тамъ уже и живетъ. Ломбардою же управляютъ прежніе два члена, и третій новый Нечаевъ, изъ Сената экзекуторъ. Гогель ни въ какія уже дѣла не входитъ и не присутствуетъ. Комитетъ послалъ свое мнѣніе, послалъ и отвѣтъ Гогеля на доносы гр. Миниха. Другъ друга крѣпко язвили.

24.

18 Іюля.

Намѣреніе Задунайскаго о женитьбѣ распространило слухъ въ Петербургѣ, будто и гр. Кирило Григ. на Апраксиной тоже помышляетъ. Такъ ко мнѣ отъ 10 Іюля пишутъ; но, думаю, шутка на счетъ препочтеннаго мужа. И кто бы обвѣнчалъ его на родной племянницѣ и безъ всякой уже надобности плотской? Но скажу вамъ что̀ назадъ тому нѣсколько лѣтъ слышалъ изъ устъ самаго гр. Кирила Григорьевича. Разсматривая онъ нѣкогда въ залѣ своей картины, когда дошелъ до изображенія Соломона, приносящаго идоламъ жертву въ присутствіи своихъ любовницъ, съ воздыханіемъ изрекъ сіи слова: мы всѣ Соломоны! Должно бы прибавить: при старости.

Строгость гр. Кутузова въ кадетскомъ корпусѣ, заступившаго мѣсто обожаемаго гр. Ангальта, коего портрету часто кадеты поклоняются, строгость, съ каковою и солдатскіе полки соединены, взбѣсила кадетовъ. Въ Петровъ день одинъ изъ нихъ, по имени Лешъ (видно, Лифляндецъ) бросился съ верхней галереи на каменный дворъ и чрезъ 6 часовъ умеръ, а 7-го числа сего мѣсяца тоже сдѣлалъ нѣкто Акимовъ, но не умеръ; а потому выписанъ изъ кадетовъ въ писари на 24 рубля жалованья.

Въ Гроднѣ 28 Іюня открыто верховное Литовское правле́ніе торжественно. Были проповѣди и стихи и пр. и пр. Скучаетъ тетушка ваша присутствіемъ короля: руки имъ вяжетъ, ибо чиниться должно.

25.

25 Іюля.

Кн. Прозоровской въ великомъ огорченіи, лишась милой дочери; теперь лишается и жены, страждущей водяною, и для того не рѣшится ѣхать къ гр. Задунайскому, гдѣ его ожидаютъ.

Новый у насъ полиціймейстеръ, quidam Каверинъ, которой женатъ на побочной дочери Корсакова, изъ бойкихъ, съ крестомъ и въ чинѣ полковника, рекомендованный намѣстникомъ Новгородскимъ.

Князь Бѣлосельской вдовецъ помолвилъ на дочери Козицкаго! Видно богатства не любитъ. Долго онъ съ симъ нерѣшимымъ боролся домомъ.

26.

31 Іюля.

Что флотъ нашъ прошелъ Зундъ, сказано отъ меня было; но не сказано еще, что онъ требовалъ Шведскихъ и Датскихъ лоцмановъ, и даны; что, пришедъ на Копенгагенскую рейду, сталъ вмѣстѣ съ Шведскою и Датскою эскадрою, и что въ Категатѣ принятъ уже оной Аглинскими лоцманами. Прошелъ нашъ страхъ! И враги покосились, зашипѣли и умолкли.

Ни въ Стокгольмѣ, ни въ Константинополѣ до сихъ поръ Французскіе министры не имѣли еще аудіенціи; особливо Шведъ недоволенъ малыми (ибо только 500 тыс. ливровъ) Французскими субсидіями; а Французъ—малымъ вооруженіемъ флота.

27.

8 Августа.

Новой Французской король прислалъ къ намъ Естергазія паки министромъ; уповательно, мы признаемъ XVIII Лудовика.

Пріѣхалъ съ чѣмъ-то и Понятовской въ Петербургъ, cousin королевскій.

Велѣно скоро очистить Мраморный дворецъ, изъ коего и выслать всѣхъ: видно, гости ѣдутъ какіе-то. Не Кобургскіе ли?

Графа Алексѣя Кириловича не ждите къ себѣ: третьяго дня уѣхалъ онъ къ родителю въ Батуринъ.

ВѢСТИ ИЗЪ РОССІИ ВЪ АНГЛІЮ.

Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову *).

Послѣдній годъ XVIII-го столѣтія и первые семьдесятъ дней XIX-го были одною изъ самыхъ тяжкихъ эпохъ Русской исторіи. Ея лѣтописи, съ самыхъ временъ Ивана Васильевича Грознаго, не представляютъ намъ ничего подобнаго. Вопіющія жестокости Петра Великаго находили себѣ, если не оправданіе, то объясненіе въ трагическихъ отношеніяхъ между государемъ и его наслѣдникомъ и въ борьбѣ съ энергическими противниками насильственнаго преобразованія. Тупое тиранство Бирона всетаки прикрывалось политическими цѣлями: подавленіемъ бывшихъ верховниковъ и охраною внѣшняго правительственнаго порядка. Но у Павла Петровича никто не оспаривалъ власти, и все повиновалось ему безпрекословно; а между тѣмъ звонъ почтоваго колокольчика, возвѣщавшаго внезапную кару, лишеніе чиновъ, имущества, ссылку въ отдаленныя мѣста, наводилъ ужасъ на всю обширную Россію. Однимъ почеркомъ пера уничтожались постепенно введенные Екатериною порядки внутренняго управленія; Іезуиты получили доступъ въ кабинетъ Русскаго Государя; Поляки и Нѣмцы на западныхъ окраинахъ поспѣшали прибирать къ своимъ рукамъ главныя пружины мѣстной жизни; во внѣшней политикѣ великое государство служило цѣлямъ то барона Тугута, то перваго консула Французской республики. Наконецъ къ Русскимъ берегамъ приближается Нельсонъ, во главѣ Британскаго флота.... Это удивительное время, начавшееся именно съ 1800 года, должно быть предметомъ особаго историческаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, къ числу невзгодъ подобной эпохи принадлежитъ и то, что она обыкновенно повѣщается скудно: въ мирное время люди откровенны; въ дни же, которыми закончилось Павловское царствованіе, всякій жилъ съ опаскою и остерегался проговориться на словахъ и на бумагѣ. Поэтому и нижепомѣщаемыя письма, хотя писанныя лицемъ, находившимся у самаго источника событій, кратки, отрывочны и служатъ только намёками на то, что̀ происходило. Было еще обстоятельство, вслѣдствіе котораго письма эти не такъ обильны содержаніемъ, какъ за года̀ предъидущіе: графъ Ростопчинъ въ это время уже нѣсколько охладѣлъ къ своему Лондонскому другу; съ половины 1800 года между ними сталъ новый вице-канцлеръ графъ Н. П. Панинъ. *П. Б.*

1.

29 Января 1800. С. Петербургъ.

Егерь Калининъ передалъ мнѣ всѣ письма, которыя вы поручили ему доставить. Вы жалуетесь на здоровье, а я и жаловаться пересталъ, потому что не помню, когда я былъ здоровъ. Желудокъ не варитъ, жолчь разлита, ни минуты покоя и—лихорадочное желаніе ничего не откладывать до завтра. Такимъ образомъ жизнь

---

*) См. выше стр. 65.

мнѣ не въ радость, и остается одна отрада въ сознаніи, что одушевляюсь желаніемъ добра. Графу Панину я долженъ отдать справедливость: онъ отмѣнно талантливъ, усерденъ и честенъ въ дѣлахъ. По этой части мы отлично понимаемъ другъ друга, и до сей поры разногласія между нами не было. Курьеры являются безпрестанно, и рѣдко проходитъ двѣ ночи сряду, чтобъ меня не будили. Изъ Вѣны одни и тѣже вѣсти. По желанію Вѣнскаго двора, Государь приказалъ генералъ-маіору Милорадовичу ѣхать въ Вѣну и присутствовать на военномъ совѣтѣ, который соберутъ для разслѣдованія Анконскаго дѣла. Между тѣмъ съ графа Кобенцеля все еще не снято запрещеніе являться ко двору. Ежеминутно ждемъ извѣстія о морскомъ походѣ на Мальту, и если Ушаковъ сговорится какъ должно съ лордомъ Нельсономъ, то въ успѣхѣ сомнѣваться нельзя. Баронъ Криднеръ, съ производствомъ въ тайные совѣтники, назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, откуда посылаютъ сюда г-на Люзи, бывшаго прежде въ Лондонѣ. Италинскій—нашимъ представителемъ у короля Неаполитанскаго. Его произвели въ камергеры и послали на мѣсто графа Пушкина-Брюса (Палермскій дворъ жаловался на сего послѣдняго). По новому учрежденію Иностранной Коллегіи вы увидите, что Лондонская миссія состоитъ въ числѣ посольствъ. Назовите лицъ, которыхъ вы желаете удержать. Находящіяся при васъ могутъ оставаться до Мая мѣсяца, когда войдетъ въ силу новое учрежденіе. Я не позабуду о Смирновѣ: обнадежьте его. Юзефовичъ поѣхалъ на два мѣсяца въ Минскъ повидаться съ отцомъ. Жеребцовъ давно уже сдѣланъ переводчикомъ, и я удивляюсь, какъ до сихъ поръ васъ не увѣдомили о томъ. Весною къ вамъ явится прекрасный молодой человѣкъ, племянникъ барона Васильева, который мнѣ сказывалъ, что вы согласились принять къ себѣ на выучку этого юношу.—По желанію Государя, Французскій король посылаетъ ему орденъ св. Духа, а въ замѣнъ получитъ Андреевскую ленту. Хотѣлъ бы я, чтобы и вездѣ къ нему относились также, какъ въ Митавѣ и Петербургѣ. — Вотъ все что имѣю вамъ сказать, мой почтенный покровитель. Жена моя хворала съ горя по умершей графинѣ Ольгѣ Николаевнѣ Минихъ, урожденной Чоглоковой; она съ дѣтства была къ ней привязана. Мнѣ сдается, что воспитатель нашего Сережи—человѣкъ превосходный, и вся наша малая семья, со мною во главѣ, были бы благополучны, если бы пустили насъ на подножный кормъ, а здѣшній климатъ отвратителенъ: онъ сжимаетъ нервы и заставляетъ вздыхать по хорошей погодѣ.

2.

С. Петербургъ, 22 Февраля 1800.

Наши отношенія къ Вѣнскому двору не измѣнились. Его привычная медлительность, низкія увертки и весьма естественное желаніе не признаваться передъ цѣлымъ свѣтомъ въ винѣ своей заставляютъ думать, что всѣ эти сборы къ разслѣдованію Анконскаго дѣла, которые теперь происходятъ въ Вѣнѣ, не поведутъ ни къ чему.

Римскій императоръ прислалъ сюда какого-то ландграфа Фюрстемберга съ увѣдомленіемъ о прибытии въ Вѣну великой княгини Александры Павловны; но Государь не приметъ его, покамѣстъ не получитъ требуемаго удовлетворенія. Выборъ папы еще не состоялся. Барону Тугуту повидимому хочется, чтобы новый святой отецъ былъ надежнымъ Австрійцемъ; но онъ позабылъ, что нѣтъ такого кардинала, который не измѣнился бы въ мысляхъ, надѣвши тіару.— Наши должны быть теперь уже подъ Мальтою и, судя по обстоятельствамъ, можно считать успѣхъ этого предпріятія почти несомнѣннымъ. — Въ Вѣнѣ всѣ въ восторгѣ отъ нашей великой княгини.—Въ исходѣ слѣдующаго мѣсяца должны возвратиться въ Россію Итальянская и Швейцарская арміи, равно и корпусъ принца Конде. Генералиссимусъ уже отправился было въ путь, но дорогою заболѣлъ накожнымъ воспаленіемъ и, по послѣднему письму его, прибудетъ сюда не ближе, какъ дней черезъ 12. Онъ женитъ сына на старшей дочери покойнаго герцога Курляндскаго, за которою приданаго три милліона рублей [1].—Капитанъ Пофамъ ѣдетъ сюда черезъ Швецію, минуя Гафъ.—Генералъ Дюмурье на слѣдующей недѣлѣ возвращается въ Голстинію. Это человѣкъ на всѣ руки. Ему смертельно хочется, чтобы не прекращалась его извѣстность, и такъ какъ онъ думаетъ загладить прежнія свои дѣйствія, когда онъ служилъ противъ своего законнаго государя, то конечно онъ можетъ оказать большую пользу Французской монархіи.

Васъ удивитъ присылка орденскихъ знаковъ св. Лазаря. Самъ король просилъ позволенія послать ихъ вамъ, въ воздаяніе услугъ, оказанныхъ вами въ его пользу. Онъ предлагалъ соединить этотъ орденъ съ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, но предложеніе отклонили. Онъ послалъ также Государю орденъ св. Духа, и его привезетъ сюда почтенный аббатъ Еджвортъ де Фирмонъ. Король Сардинскій прислалъ великому князю Константину Павловичу орденъ Анунсіады, въ замѣнъ чего Государь пожаловалъ свои ордена герцогу Аостскому.

3.

28 Марта 1800.

Больной, страдающій и разбитый, беру противъ воли перо, чтобы въ первый разъ отъ роду жаловаться на васъ и вамъ самимъ. Я почелъ бы себя очень несчастливымъ, если бъ не былъ убѣжденъ, что лишь вслѣдствіе невѣдѣнія и отдаленія можете вы упрекать меня въ слабости и малодушіи. Я служилъ и служу еще на пользу моего Государя и земли моей. Труды мои напрасны. Я ни на что не годенъ, и только убиваюсь, глядя на то, что̀ дѣлается и чему воспрепятствовать я не могу. Узнайте же разъ на всегда, что Государь ни съ кѣмъ не говоритъ ни о себѣ, ни о дѣлахъ. Онъ не терпитъ, чтобъ ему заикались о нихъ; онъ отдаетъ прика-

---

[1]) Бракъ этотъ не состоялся. Князь Аркадій Александровичъ Суворовъ-Рымникскій женился вскорѣ на Еленѣ Александровнѣ Нарышкиной.

занія и требуетъ безпрекословнаго исполненія. Онъ хорошо знаетъ, что его не любятъ. Ближайшіе люди боятся его. Онъ обманутъ въ сердечныхъ своихъ привязанностяхъ и, кажется, что я буду правъ, сказавъ, что онъ боится самаго себя и не хочетъ самъ обсудить свои дѣйствія. Вы зовете меня министромъ, а я не болѣе какъ секретарь. На меня косо смотрятъ въ публикѣ, полагая, что я пользуюсь довѣренностью Государя, котораго не любятъ. Многіе министры подозрѣваютъ меня въ приверженности къ демократическимъ началамъ, потому что я былъ близокъ (и сначала къ полному моему удовольствію) съ графомъ Кутайсовымъ, находящимся подъ вліяніемъ Француженки Шевалье, мужъ которой слыветъ ярымъ Якобинцемъ. Я убѣжденъ, что Императрица и Наслѣдникъ терпѣть меня не могутъ. А между тѣмъ, въ четыре года адской работы, я разрушилъ себѣ здоровье и пришелъ къ увѣренности, что смерть застигнетъ меня въ расплохъ, какъ скоро я захочу переупрямить себя и не перестану работать. Мнѣ противно покидать службу на 36-мъ году возраста; но я сказалъ себѣ, что оставаться долѣе нельзя. Еще не знаю, когда именно настанетъ мое увольненіе; но лишь бы отказъ не состоялся въ выраженіяхъ, послѣ которыхъ повторительное прошеніе можетъ быть сопряжено съ опасными послѣдствіями, то черезъ три мѣсяца я поселюсь у себя въ деревнѣ и долго оттуда не выѣду. Тогда увидятъ, имѣлъ ли я вліяніе и былъ ли усерденъ ко благу. Во всякомъ случаѣ желаю, чтобы отставка моя принесла пользу дѣламъ. Вотъ мое неизмѣнное рѣшеніе. Меня вынуждаютъ къ тому моя честь, мое семейство и моя приверженность къ Государю, коего я буду любить, гдѣ бы ни находился, не переставая горевать, что Провидѣніе и проклятый гр. Панинъ вселили въ него подозрительность, вслѣдствіе которой усердіе преданныхъ слугъ представляется ему желаніемъ надъ нимъ властвовать. Я не могу ни перемѣнить своего характера, ни надѣвать личину и гнуться, смотря по обстоятельствамъ. Я дѣйствовалъ прямо у себя дома, у Государя; не измѣнился бы и на висилицѣ. Прошу отъ васъ одной милости: сожгите это письмо и считайте, что отвѣтъ вашъ не засталъ бы меня въ Петербургѣ. Будь вы здѣсь, можетъ быть вы отдали бы мнѣ справедливость, которая мнѣ подобаетъ во всѣхъ отношеніяхъ; но Богъ отказалъ мнѣ въ этой отрадѣ. Простите! Какъ ни тяжело огорченіе, которое вы мнѣ нанесли, но я во всю жизнь сохраню чувства благодарности и приверженности къ вамъ, которыми полна душа моя. Забудьте про обиду, мнѣ нанесенную, и пожалѣйте о моей участи [2]).

4.

Писано цифрами. 4 Апрѣля 1800. С. Петербургъ.

Видите, что̀ мнѣ приходится подписывать, и могу ли я оставаться! Если съ вами такъ поступаютъ, чего ждать мнѣ? Сердце мое

[2]) Къ сожалѣнію, писемъ графа Воронцова къ графу Ростопчину за это время не сохранилось; сей послѣдній жегъ ихъ, тогда какъ Ростопчинскія письма уцѣлѣли въ Англіи. *П. Б.*

обливается кровью, и мнѣ жаль васъ. Орошаю слезами ваши руки. Будемъ плакать вмѣстѣ. Дѣлать нечего [3]).

5.

9 Апрѣля 1800.

Я получилъ всѣ ваши письма ко мнѣ, посланныя съ г-номъ Пизани и курьеромъ Альбрехтомъ. Что графъ Рехтернъ не получилъ своего жалованья, отнюдь не виновата Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, очень исправно высылающая деньги, а скорѣе дороги, которыя, какъ вамъ извѣстно, часто бываютъ непроѣздны. Что касается до Форсмана [4]), то я уже занялся имъ и добуду ему позволеніе пріѣхать сюда, со всѣми льготами. По пути онъ можетъ заѣхать въ Лондонъ и побывать у васъ. Коль скоро Яковлеву [5]) нужно мѣсто, то мнѣ кажется можно опредѣлить его повѣреннымъ въ дѣлахъ при Виртембергскомъ дворѣ; онъ будетъ получать 3000 р. жалованья по курсу и можетъ устроиться отлично. Вы вѣроятно знаете, что графъ Николай Румянцовъ получилъ заграничный паспортъ, не просивъ о немъ; это въ слѣдствіе ужасовъ, которые надѣлалъ оберъ-гофмаршалъ [7]). Онъ устроилъ, что завѣщанія его дяди и отца признаны недѣйствительными и съумѣлъ получить отъ Государя помѣстій на два милліона; а графъ Николай, котораго считали наслѣдникомъ оберъ-шенкши Нарышкиной, передъ отъѣздомъ удержалъ себѣ изъ своихъ доходовъ 15 тысячъ, предоставивъ остальное теткѣ. Мнѣ досадно, что Нарышкинъ вамъ своякъ, потому что человѣкъ, уничтожающій отцовское завѣщаніе, способенъ на всякую мерзость. Домъ ихъ служитъ мѣстомъ сборища для сутяжниковъ, и супруга его, госпожа Нарышкина, слывшая добродѣтельною, осклабляется, сидя за туалетомъ и принимая дары въ видѣ стѣнныхъ часовъ, браслетовъ и пр. Очень и очень отвратительно! [8]) Министръ торговли, князь Гагаринъ, получилъ Андреевскую ленту. Сынъ графа Кутайсова, 18-ти лѣтній юноша, женится на второй дочери князя Лопухина. Говорятъ, что это бракъ по склонности, но въ сущности это дѣло князя Гагарина-отца, который есть пройдоха большой руки. Прощайте, графъ. Посылаю вамъ записку на счетъ графа Рехтерна. Жалованье онъ получитъ скоро; а 5000 р. на путевыя издержки онъ уже получилъ.

---

[3]) Относится къ внезапному увольненію графа Воронцова отъ службы. *П. Б.*

[4]) Форсманъ былъ нашимъ дипломатическимъ агентомъ въ Португаліи, а впослѣдствіи въ Гамбургѣ. Графъ С. Р. Воронцовъ оказывалъ ему благорасположеніе и покровительство. *П. Б.*

[5]) Льву Алексѣевичу (дядѣ Герцена) впослѣдствіи Московскому сенатору. *П. Б.*

[7]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ, женатый на М. А. Сенявиной (сестрѣ покойной супруги графа С. Р. Воронцова) и племянникъ оберъ-шенка А. А. Нарышкина, коего супруга (урожд. Румянцова) была двоюродною сестрою фельдмаршала графа Румянцова. *П. Б.*

[8]) Читатели уже знаютъ, что желчные отзывы графа Ростопчина часто не заслуживаютъ вѣроятія. *П. Б.*

6.

С. Петербургъ, 13 Апрѣля 1800.

Писано цифрами.

То, какимъ образомъ поступаютъ, меня огорчаетъ; тѣмъ не менѣе, я радъ за васъ, что вы ѣдете на материкъ. Вы устроитесь, будете съ Кочубеемъ и Загряжскою [9]); время возымѣетъ свое дѣйствіе, и вы вернетесь въ Лондонъ [10]). Пишу обо всемъ этомъ къ графу, вашему брату [11]).

7.

13 Мая 1800. С. Петербургъ.

Спѣшу отправить къ вамъ эстафету, чтобы сообщить о дѣйствіи, которое произвело письмо, присланное вами съ егеремъ Нейманомъ. Государь растрогался, читая его; я проронилъ нѣсколько слезъ. Пора вамъ имѣть успокоеніе.

Извѣстія о вашемъ здоровьи, привезенныя Нейманомъ, мнѣ не нравятся. Берегите себя для двухъ существъ, ради которыхъ вы живете. Я дожидаюсь пріѣзда свояченицы моей княгини Голицыной, чтобы распорядиться по семейнымъ дѣламъ и доставить ей и женѣ моей отраду плакать вмѣстѣ. Потомъ, вы уже знаете, что́ я сдѣлаю.

---

[9]) Находившимися тогда въ Дрезденѣ. *П. Б.*

[10]) Вотъ обстоятельства опалы графа Воронцова: „Вслѣдствіе неудовольствія Государя на Англію (пишетъ гр. Ростопчинъ къ графу Александру Романовичу) желалъ онъ весьма, дабы возвращеніе нашего флота и войскъ, зимующихъ въ островахъ Жерзе и Гернзе, воспослѣдовало какъ можно скорѣе. Графъ Семенъ Романовичъ представлялъ, что отправленіе прежде исхода Маія никакъ учинить невозможно, по причинѣ пріуготовленій, обмундированія солдатъ и назначенія судовъ для транспорта. За сіе Государь, прогнѣвавшись, написалъ къ нему письмо, гдѣ между прочимъ предавалъ на его волю оставить службу, если оная ему въ тягость; а черезъ недѣлю послѣ послалъ повелѣніе: объявя министерству, что получилъ позволеніе ѣхать къ водамъ, отправиться на континентъ“. Извѣстно, что Государь рѣшился въ это время на войну съ Англичанами, завладѣвшими островомъ Мальтою, которую Павелъ Петровичъ, по своему гросмейстерству въ орденѣ св. Іоанна Іерусалимскаго, считалъ своею принадлежностью. 22 Мая послѣдовала отставка графа Воронцова съ правомъ жить гдѣ угодно. Къ этому относится нижеслѣдующее (7-е) письмо графа Ростопчина.

Разочаровавшись въ своемъ слишкомъ тѣсномъ сближеніи съ Австріей и Англіей, императоръ Павелъ не взлюбилъ и тѣхъ, кто были свидѣтелями и дѣятелями этого сближенія. Графъ Ростопчинъ писалъ къ графу А. Р. Воронцову въ Москву, отъ 23 Мая 1800 года: „За разрушеніе союза съ коварнымъ Вѣнскимъ дворомъ означены четыре жертвы: князь Суворовъ, графъ Семенъ Романовичъ, Англія и я. Три первыя принесены, а я еще остался; но весьма холодно и спокойно ожидаю своего жребія. Чудно, что до сихъ поръ еще живъ“. *П. Б.*

[11]) Жившему въ отставкѣ еще съ 1794 года, въ Москвѣ и въ деревнѣ подъ Владиміромъ. *П. Б.*

8.

Въ Павловскѣ, 26 Мая 1800.

Писано цифрами.

Я не представлялъ вашего письма относительно пріѣзда вашего сына [12]): иначе могли бы его потребовать сюда на камергерскую службу. Я сообщилъ о томъ вашему брату. Рожерсонъ [13]) говоритъ, что я поступилъ какъ должно. Государь гнѣвенъ на васъ за ваше донесеніе. Обдумайте теперь хорошенько вашъ отвѣтъ. Вооружитесь терпѣніемъ. Онъ уже говорилъ мнѣ: „Когда Вѣнскій дворъ не дастъ мнѣ полнаго удовлетворенія, я отзову Колычова, и его можно будетъ послать въ Лондонъ, если графъ Воронцовъ обидился моимъ послѣднимъ письмомъ". Коль скоро вы оставите дѣтей вашихъ, они принуждены будутъ возвратиться сюда, быть при дворѣ и служить, что̀ удержитъ здѣсь и васъ самихъ.

Гнѣвъ простирается на Англію. Гортѣ [14]) отказали было въ паспортѣ; но послѣ обмѣна трактатовъ мысли перемѣнились. Португаліи не дадутъ войскъ и условленныхъ денегъ. Про васъ я не сказалъ ни слова, потому что прощать можно только виноватыхъ.

9.

28 Мая 1800. Павловское.

Не стану повторять вамъ то, что̀ уже писалъ. Письмо ваше растрогало меня сердечно. По счастію Государь позволилъ вамъ водвориться въ Англіи, и мнѣ бы хотѣлось, чтобы Ханенко засталъ васъ еще въ Лондонѣ.

Бѣды скопляются надъ головами нашими. Скоро мы останемся одни, и совершенно одни. Пока длится война, насъ не потревожатъ; но послѣ мы дорого поплатимся за это изъявленіе гнѣва. Простите. Не имѣю ни духу, ни силы писать къ вамъ. Сомнѣваюсь даже, узнаете ли вы меня въ томъ видѣ, каковъ я теперь.

10.

22 Іюня 1800. Петергофъ.

Государь прогнѣвался на камергеровъ; нѣкоторымъ велѣлъ служить въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, а 13 человѣкъ уволилъ, въ томъ числѣ вашего сына. Надѣюсь, что это увольненіе не только не обеспокоитъ васъ на счетъ его будущности, а напротивъ обнадежитъ въ томъ, что его не возмутъ отъ васъ. Въ 16 лѣтъ люди начинаютъ жить, и обстоятельства мѣняются столь часто, что ему довольно еще будетъ времени послужить и быть полезну.

---

[12]) Еще не зная о своей опалѣ, графъ Воронцовъ писалъ прошеніе на имя Государя, чтобы дозволено было пріѣхать въ Россію сыну его, который уже при Екатеринѣ числился въ Преображенскомъ полку, а потомъ, имѣя званіе камергера, состоялъ на службѣ при Англійскомъ нашемъ посольствѣ. *П. Б.*

[13]) Извѣстный Екатерининскій врачъ, другъ графовъ Воронцовыхъ. *П. Б.*

[14]) Португальскому посланнику. *П. Б.*

По представленію графа Кушелева, Смирнову [15]) данъ командорскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Я торгую имѣніе у графа Артемія Ивановича [16]), и у меня великія хозяйственныя затѣи. Племянница ваша Нарышкина выходитъ за мужъ за молодаго Суворова. Бракъ почетный для человѣка недавней знати; но вашимъ зятемъ ему бы никогда не удалось быть.

11.

Получено въ Соутгамптонѣ, 7 Сентября.

12 Іюля 1800. Петергофъ.

Письмо ваше доставило мнѣ удовольствіе, какого я давно не испытывалъ. Я полагалъ, что отправленная мною эстафета не застанетъ васъ въ Англіи, и что вы уже находитесь въ мукахъ путешествія, столь тягостнаго для васъ по многимъ отношеніямъ. Надѣюсь, что, пребываніе въ странѣ, къ которой вы привыкли нравственно и физически, возвратило вамъ душевный покой, а доброе здоровье графини освободило васъ отъ тяжкихъ мыслей о разлукѣ съ нею. Вы насладитесь счастіемъ располагать своимъ временемъ по произволу. Что́ можетъ быть отраднѣе, какъ вспоминать о прошедшемъ? Въ этихъ воспоминаніяхъ сколько для васъ утѣшительнаго по отношенію и къ настоящему, и къ прошедшему! Мы слишкомъ преданы настоящему, а будущее намъ неизвѣстно, тогда какъ прошедшее есть живая исторія. Горе человѣку, который боится заглядывать въ эту свою исторію. Къ сожалѣнію, ваша жизненная книга не можетъ быть всѣмъ доступна: то былъ бы учебникъ нравственности для юношества.

Прежде я презиралъ барона Тугута; теперь онъ внушаетъ мнѣ еще и ужасъ. Возможно ли было пожертвовать этими несчастными солдатами и подставлять ихъ подъ удары Французскаго оружія изъ за того только, чтобы во время предварительныхъ переговоровъ захватить нѣсколько мелкихъ клочковъ земли? Не думаю, чтобы Бонапартъ или кто другой сталъ усиливать Австрію и давать ей средства противъ себя, расширяя владѣнія ея въ Италіи. Вопреки несправедливостямъ, клеветѣ и низкой зависти, которымъ подвергался генералиссимусъ, проигранное сраженіе при Маренго будетъ прекраснѣйшимъ памятникомъ его славы. Безъ этой адской, чисто-австрійской политики, великій Русскій человѣкъ былъ бы живъ, побѣдилъ бы и довелъ бы до конца дѣло коалиціи. Какъ хорошо ваше письмо къ графу Старембергу! Вы относитесь къ нему, какъ

---

[15]) Ивану Ивановичу, брату Лондонскаго священника. И. И. Смирновъ былъ секретаремъ графа С. Р. Воронцова. *П. Б.*

[16]) Знаменитое Вороново, подмосковная по старой Калужской дорогѣ, гдѣ гр. Ростопчинъ сжегъ великолѣпный домъ свой, чтобы онъ не доставался Французамъ. Оно было куплено имъ у графа А. И. Воронцова. Нынѣ принадлежитъ графу А. Д. Шереметеву. Въ тамошней церкви похоронены графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ и супруга его, дочь славнаго Волынскаго. *П. Б.*

къ настоящему представителю его націи,—безпощадность при самомъ вѣжливомъ обращеніи. Государь написалъ прекрасное письмо къ Рибасу. Завтра дворъ переѣзжаетъ въ Царское Село, оттуда, въ Августѣ мѣсяцѣ, въ Гатчино. Думаютъ, что нынѣшній годъ возвращеніе въ Петербургъ послѣдуетъ раньше обыкновеннаго, такъ какъ новый Михайловскій дворецъ хотятъ достроить къ Сентябрю [17]). Завтра свадьба Нарышкиной съ княземъ Суворовымъ. Простите, благодѣтель мой. Забылъ сказать вамъ, что въ послѣднемъ производствѣ Рындину [18]) досталось въ тайные совѣтники, и онъ теперь старшимъ прокуроромъ въ Сенатѣ.

Письмо графа Ростопчина къ неизвѣстному лицу.

17 Февраля 1801.

Я рѣшился просить Государя объ увольненіи. Я не въ силахъ долѣе бороться противъ каверзъ и клеветы и оставаться въ обществѣ негодяевъ, которымъ я неугоденъ и которые, видя мою неподкупность, подозрѣваютъ, и не безъ основанія, что я противодѣйствую ихъ видамъ. Лишь бы дозволили мнѣ жить въ Вороновѣ, съ женою — вотъ чѣмъ ограничивается все мое домогательство [19]). Вы справедливо отзываетесь о высылкѣ графа Панина. Это настоящій демонъ интриги и законное чадо Макіавеля. Хотя онъ удаленъ, но продолжаетъ дѣйствовать и безъ сомнѣнія достигнетъ успѣха. Составилось общество великихъ интригановъ. Лопухинъ, Куракинъ, графъ Андрей [20]), и во главѣ всего Паленъ, желаютъ прежде всего раздѣлить между собою мои должности, какъ ризы Христовы, и имѣютъ въ виду остаться въ огромныхъ барышахъ, устроивъ Англійскія дѣла. Они видятъ во мнѣ помѣху, между тѣмъ какъ я только исполняю волю моего Государя, а эта воля не допускаетъ никакихъ изъятій, и я не скрываю, что, продолжая дѣйствовать, какъ до сихъ поръ, будучи до извѣстной степени увѣрены въ Пруссіи, мы можемъ извлечь для себя большія выгоды, упрочить настоящее положеніе Россіи и обеспечить свободу торговли. Но при этомъ не надо думать о своихъ собственныхъ барышахъ, какъ это дѣлаютъ наши господа, отставные и находящіеся на службѣ, и смотрѣть на нынѣшнюю Францію съ точки зрѣнія эмигрантовъ.

(Это письмо переведено съ неизданнаго Французскаго подлинника).

---

[17]) Дворъ переѣхалъ въ Михайловскій замокъ лишь 8-го Февраля слѣдующаго года. *П. Б.*

[18]) Кирилѣ Степановичу, другу графовъ Воронцовыхъ и военному сослуживцу младшаго изъ нихъ *П. Б.*

[19]) Графъ Ростопчинъ получилъ увольненіе отъ службы 20 Февраля 1801 года. *П. Б.*

[20]) Мы не знаемъ, кто это. *П. Б.*

*

Поводы и обстоятельства увольненія графа Ростопчина отъ службы до сихъ поръ въ точности намъ неизвѣстны. По вышенапечатаннымъ письмамъ видно, что онъ самъ сознавалъ шатость своего положенія и уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ собирался подать прошеніе объ отставкѣ. Кто съ увлеченіемъ отдается работѣ, тотъ знаетъ, какъ она обращается въ ежедневную привычку и какъ тяжело бываетъ съ нею разстаться. Къ тому же тогдашнія Европейскія дѣла и положеніе Россіи послѣ Суворовскихъ побѣдъ и Австрійской измѣны были такъ неопредѣлительны, что не представлялось возможности покинуть управленіе политическими сношеніями. Дѣла казались неконченными, и ожидался впереди какой-то исходъ. Осенью 1800 года Государь поручилъ графамъ Панину и Ростопчину представить ему свои сооображенія о томъ, какъ быть, въ какомъ направленіи вести дальше Русскую политику. Записка графа Панина прогнѣвила Государя. Сколько намъ извѣстно, Панинъ предлагалъ общій Европейскій конгрессъ и себя въ уполномоченные отъ лица Россіи. Графъ Панинъ подвергся опалѣ и удаленъ въ Москву. Ростопчинская записка, предлагавшая тѣсное сближеніе съ Франціею и раздѣлъ Турціи, была высочайше конфирмована (2-го Октября 1800 г.), и ею руководствовался императоръ Павелъ въ послѣдніе мѣсяцы своего царствованія. Графъ Растопчинъ долженъ былъ ѣхать во Францію для личныхъ совѣщаній и заключенія тѣснаго союза съ Первымъ Консуломъ [21]). Слѣдовательно проситься въ отставку было невозможно. Но въ тоже время и оставаться въ службѣ становилось невыносимо. Правительственная сфера была наэлектризована. Въ ней становилось душно, и голова шла кругомъ даже и не у такихъ впечатлительныхъ и горячихъ людей, какимъ былъ графъ Ростопчинъ. Къ тому же, къ числу его занятій принадлежала перлюстрація писемъ. Сомнѣніямъ, колебаніямъ, подозрѣніямъ не видно было конца. Личный врагъ графа Ростопчина, бывшій вице-канцлеръ графъ Н. П. Панинъ проживалъ подъ Москвою, въ Петровскомъ-Разумовскомъ. Увѣряютъ, будто представлено было Государю письмо, въ которомъ воздавалось почтеніе другому опальному человѣку, князю Репнину, увольненному внезапно отъ службы и жившему также подъ Москвою. Въ письмѣ этомъ князь Репнинъ названъ *Цинцинатомъ*, и письмо приписано графу Панину. Государь написалъ собственноручное приказаніе [22]) Московскому генералъ-губернатору графу Салтыкову—объявить графу Панину, что если онъ осмѣлится еще разъ такъ выражаться про людей, состоящихъ подъ царскимъ гнѣвомъ, то ему самому придется ѣхать подальше. Между тѣмъ графъ Панинъ вовсе не писалъ такого письма, а писано оно было нѣкіимъ Петромъ Ивановичемъ Приклонскимъ,домашнимъ человѣкомъ въ семействахъ Паниныхъ, Репниныхъ и Орловыхъ. Приклонскій поскакалъ въ Петербургъ и нашелъ возможность довести до свѣдѣнія Государя, что въ данномъ случаѣ графъ Панинъ вовсе невиновенъ. Тогда гнѣвъ Государя обрушился на того, кто завѣдывалъ почтою, т. е. на графа Ростопчина, который въ свою очередь долженъ былъ убраться прочь, въ Москву. Недоброжелатели графа Ростопчина дѣйствовали посредствомъ графа Кутайсова.

---

[21]) Записка графа Ростопчина, съ необыкновенно любопытными примѣчаніями Государя, была впослѣдствіи сообщена великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, отъ нея списана княземъ Гагаринымъ и напечатана въ „Сборникѣ историческихъ матеріаловъ", изд. М. Михайлова, Спб. 1873, стр. 102. *П. Б.*

[22]) Мы имѣли случай читать это приказаніе. *П. Б.*

Увольненіе это состоялось 20 Февраля 1801 года [23]), т. е. ровно за три недѣли до кончины Государя. Изъ лицъ, приверженныхъ къ Павлу Петровичу еще съ его великокняжества и взысканныхъ его царскою милостью, графъ Ростопчинъ удержался на мѣстѣ дольше всѣхъ.

Не знаемъ, гдѣ именно, въ Москвѣ или въ Вороновѣ, застигло его новое царствованіе. Извѣстно, что онъ вполнѣ и съ горячностью предался сельско-хозяйственнымъ заботамъ. Письмо изъ Лондона, полученное имъ въ деревенскомъ уединеніи, привело ему на память недавно протекшія треволненія, и онъ отвѣчалъ графу Воронцову нижеслѣдующею тетрадью, которая содержитъ въ себѣ цѣлый отчетъ объ его государственной дѣятельности при императорѣ Павлѣ.

12.

Вороново, 30 Іюня 1801.

Я получилъ письмо вашего сіятельства. Нечего говорить, какое удовольствіе оно мнѣ доставило. Съ той минуты, какъ я выѣхалъ изъ Англіи и до самой моей смерти я почиталъ васъ и не перестану почитать моимъ благодѣтелемъ. Я счастливъ, что мнѣ доводилось доказать вамъ на дѣлѣ мою признательность.

Я пересталъ къ вамъ писать, полагая, что переписка со мною не могла имѣть для васъ особеннаго значенія. Покойный Государь былъ къ вамъ несправедливъ, и мнѣ подумалось, не подозрѣваете ли вы меня въ недостаткѣ усердія въ вашу пользу. Графъ Панинъ показалъ мнѣ ваше письмо, въ которомъ вы именовали его вашимъ другомъ. Съ этой минуты я не захотѣлъ болѣе безпокоить васъ моими письмами, хотя въ глубинѣ души моей оставалось неприкосновенною святынею чувство приверженности къ вамъ. Я не понимаю, какъ существо столь почтенное, какъ графъ Воронцовъ, можетъ удостоивать столь презрительныхъ людей, какъ графъ Панинъ, именемъ своего друга. Чѣмъ могъ онъ заслужить ваше уваженіе? Дарованіями? Но онъ употреблялъ ихъ для личныхъ видовъ и для низкихъ каверзъ, ради которыхъ не удались переговоры въ Берлинѣ, веденные мелкою личностью, его дядею, княземъ Репнинымъ, и прервалась переписка съ Франціею, которую можно было бы тянуть долго, и все потому, что, не смотря на свой умъ, онъ смотритъ на Французскую революцію глазами Французскаго эмигранта. Потомъ, сдѣлавшись вице-канцлеромъ [24]), онъ занялся образованіемъ новой коалиціи, естественными плодами коей были безполезная трата нѣсколькихъ тысячъ храбрыхъ Русскихъ людей, вѣроятное усиленіе жадной Австріи и окончательно упроче-

---

[23]) На день передъ тѣмъ состоялся высочайшій указъ: „За недоплаченныя Лондонскими банкирами Пишелемъ и Брогденомъ казнѣ принадлежащія деньги 499 фунтовъ стерлинговъ, 14 шилинговъ и 5 пенсовъ, конфисковать на такую сумму имѣнія генерала графа Воронцова, прочее же его имѣніе, за пребываніе его въ Англіи, взять въ казенный секвестръ (Полн. Собр. Законовъ, № 19.756). Между тѣмъ Англійское правительство не выдавало бывшему Русскому посланнику паспорта на отъѣздъ, такъ какъ въ Россіи Англичанъ тоже задерживали. *П. Б.*

[24]) Осенью 1799 года. *П. Б.*

ніе высокомѣрнаго деспотизма Англіи. Я не стану распространяться о томъ, какъ велъ себя графъ Панинъ, лишившись вице-канцлерскаго мѣста. Его поведеніе заслуживаетъ презрѣнія честныхъ людей и удивленія негодяевъ. По законамъ, его слѣдовало бы повѣсить. Я горжусь тѣмъ, что онъ и ему подобные полагали, что именно меня надобно было удалить. Имъ удалось это при помощи безмозглаго графа Кутайсова и его любовницы. Тщетно указывалъ я покойному Государю на продажность его любимца. Сему послѣднему я тоже напоминалъ, что онъ больше не брадобрѣй, а оберъ-шталмейстеръ. Послѣ этого не мудрено, что меня прогнали отъ двора.

Что̀ касается до политической моей системы, то я не могъ ея имѣть при государѣ, который все хотѣлъ дѣлать самъ, который требовалъ, чтобы повелѣнія его исполнялись немедленно и не допускалъ никакого противодѣйствія малѣйшимъ своимъ желаніямъ. Приходилось наблюдать крайнюю осторожность, ловить благопріятныя мгновенія и пользоваться добрымъ расположеніемъ его духа, чтобы достигнуть отмѣны отданнаго приказанія, разубѣдить его въ чемъ либо и склонить къ мѣрамъ, которыя почиталъ я лучшими. Я знаю, что разрывъ съ Англіею приписанъ мнѣ; но я изложу вамъ какъ было дѣло и какъ я понималъ его, заявляя притомъ, что я уважаю Англійское правленіе и Англійскій народъ, но ненавижу Англійское министерство [25]).

Мысль о возобновленіи Морской Конвенціи принадлежитъ самому Государю. Первое запрещеніе на Англійскія суда было рѣшено вопреки моимъ представленіямъ. Это устроилъ князь Гагаринъ, имѣвшій тутъ исключительно свои выгоды. Я добился, что это первое амбарго было снято. Второе же вызвали сами Англичане своими дѣйствіями, именно захватомъ Мальты. Я думалъ и продолжаю думать, что минута была очень благопріятна для того, чтобы заявить права нейтральныхъ державъ и предоставить имъ свободную торговлю, вопреки державѣ, которая неправедно присвоиваетъ себѣ законодательство на моряхъ. Передъ кончиною покойнаго Государя, Англія находилась въ очень трудномъ положеніи. Ей грозила Франція [26]), у нея отнимались всѣ способы продовольствія, и закрывались кораблямъ ея всѣ Европейскіе порты, кромѣ береговъ Адріатическаго моря. Я очень хорошо зналъ, что эта система не повела бы ни къ чему. Покойный Государь былъ слишкомъ порывистъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ химерическое желаніе владѣть Мальтою въ качествѣ гросмейстера. Несчастную мысль о томъ подалъ ему князь Безбородко [27]), конечно не предви-

---

[25]) Любить это министерство было трудно: графъ С. Р. Воронцовъ свидѣтельствуетъ, что знаменитый Питтъ имѣлъ тайныхъ агентовъ въ Парижѣ, разжигавшихъ нарочно тамошнія республиканскія страсти, такъ какъ замѣшательства во Франціи были выгодны для Англіи. *П. Б.*

[26]) Высадкою, для которой дѣлались въ Шербургѣ громадныя приготовленія. *П. Б.*

[27]) Скончался въ Апрѣлѣ 1799 года. *П. Б.*

дѣвшій, какія печальныя послѣдствія оттого выдутъ. Безбородко думалъ позабавить Государя съ тѣмъ, чтобы удобнѣе склонить его къ союзу съ Австріею и Англіею, и за одно съ ними возстановить, какъ тогда говорили, Бурбоновъ на Французскомъ престолѣ. Что права нейтральныхъ державъ необходимо должны быть сохранены, это убѣдительно доказывается твердымъ положеніемъ, которое приняли дворы Копенгагенскій и Стокгольмскій; дворъ же Берлинскій, сверхъ ожиданія, поступалъ уклончиво. А между тѣмъ у насъ благопріятели Англіи возстановляли Государя противъ Шведскаго короля во время его послѣдняго пріѣзда въ Петербургъ, склонили его къ высылкѣ Розенкранца [28]), человѣка честнѣйшаго, и наконецъ, уже по отъѣздѣ моемъ, побудили предъявить Прусскому королю такія требованія, послѣ которыхъ оставалось только объявить ему войну. Я же полагалъ, что отнюдь нельзя довѣряться Сентъ-Джемскому кабинету, который, послѣдовательно, почти уже цѣлое столѣтіе, не щадитъ никакикъ усилій для полнаго возобладанія на моряхъ и въ настоящее время достигъ того, что война, обыкновенно убыточная и продолжаемая даже противъ желанія народа, подъ предлогомъ повидимому благовиднымъ, обогащаетъ Англію захватами и завоеваніями и приводитъ ее къ конечной цѣли ея замысловъ, т. е. къ погубленію Франціи. Я никогда не думалъ, чтобы Французское правительство, каково бы оно ни было, могло быть опасно для Россіи. Отдаленность одной страны отъ другой, гигантскія силы нашей имперіи, ея физическія условія и опора, которую она представляетъ для остальныхъ государей, обезпечиваютъ ей величавое ея положеніе. Коалиціи не страшны для нея. Доказательствомъ служитъ Французская революція. Коль скоро двѣ державы, угрожаемыя извергами, не съумѣли между собою согласиться, чтобы дѣйствовать единодушно противъ этой чудовищной анархіи, ниспровергавшей престолы, алтари и всякій общественный порядокъ, то чего бояться Россіи, когда она, кромѣ собственнаго своего могущества, служитъ еще оплотомъ для Сѣверной Европы и для всей Германіи?

На Французское правленіе смотрѣлъ я какъ на нѣчто преходящее. Франція, кажется мнѣ, пользуется лишь наружнымъ спокойствіемъ, и то благодаря своему утомленію и счастливымъ подвигамъ своего консула. Умри этотъ великій проходимецъ, и все можетъ перевернуться вверхъ дномъ. А кто, въ эту минуту, можетъ ручаться за долговременное существованіе человѣка слабаго здоровьемъ, изнуряемаго трудомъ, точимаго честолюбіемъ и окруженнаго убійцами? Этотъ послѣдній переворотъ во Франціи совершился при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, что нѣтъ возможности предвидѣть, какія выдутъ отъ того послѣдствія. Это въ родѣ бунта въ домѣ умалишенныхъ. Чтобы обуздать ихъ сумасбродство, нужны мѣры быстрыя и чрезвычайныя, которыя тотчасъ же становятся безполезными, коль скоро разумъ вступаетъ снова въ свою

[28]) Датскаго посланника. *П. Б.*

силу. По несчастію, употребленныя лекарства не соотвѣтствовали характеру болѣзни. Коалиціи и девятилѣтняя война повели только къ тому, что умы во Франціи стали приходить въ единеніе. Союзныя государства хотѣли показать, какъ дорого они цѣнятъ державное величество Бурбона; но первый походъ не удался и послужилъ только къ тому, что обнаружились тайные виды кабинетовъ. За тѣмъ посмотрите: всѣ остальныя операціи этой злосчастной и упорной войны происходили въ странахъ, покоренныхъ Французскимъ оружіемъ, и въ самую Францію ни разу не вступали войска союзниковъ. Рѣшиться на это было опасно. Я опираюсь на мнѣніи покойнаго генералиссимуса [29]), который смотрѣлъ на дѣла очень вѣрно. Удостоивая меня своей довѣренности, онъ многократно повторялъ, что вступленіе во Францію вызоветъ къ защитѣ ея всѣхъ ея обитателей и что покуда такъ называемая республиканская армія открыто не пожелаетъ возстановленія прежняго правительства, до тѣхъ поръ подавленіе республики останется лишь на бумагѣ, въ разглагольствіяхъ эмигрантовъ-проходимцевъ и въ головѣ политическихъ мечтателей. Въ добавокъ, еще неизвѣстно, будетъ ли Франція, раздробленная и приневоленная къ прежнему монархическому образу правленія, имѣть достаточно значенія, чтобы служить уздою для двухъ нашихъ сосѣдокъ и завистницъ, Австріи и Пруссіи. Какія бы однако ни возникли обстоятельства, и какъ бы ни мѣнялись политическія системы, но взаимное недовѣріе и ревность между Франціею и Англіею никогда не ослабѣютъ. Эти соперницы будутъ непрестанно изыскивать новые способы, чтобы вредить одна другой. Между тѣмъ, въ прошедшемъ году Европа находилась въ такомъ положеніи, что имъ можно было отлично воспользоваться для обузданія страшнаго самовластія Англіи. Теперь же обладаніе Мальтою и господство въ Египтѣ обогатятъ ее сокровищами этой земли, и вмѣстѣ съ Оттоманскою Портою она подчинитъ своему игу всю Левантскую торговлю. Такимъ образомъ она съ лихвою возмѣститъ свои издержки, получитъ еще болѣе возможности возжигать въ Европѣ новыя войны и платить деньгами за людей, которые будутъ гибнуть для ея выгодъ. Я убѣжденъ, что стоитъ предложить ей сильную коалицію противъ Франціи, и она согласится на раздробленіе Оттоманской Порты; а тутъ единственное поприще для того, кто хочетъ затѣвать новые проэкты.

Вотъ вамъ правдивое изложеніе мнѣній усопшаго министра. Теперь буду говорить о себѣ лично. Я былъ довѣреннымъ лицомъ у императора Павла до его восшествія на престолъ; потомъ мнѣ поручена была военная часть, потомъ я былъ уволенъ за неуступчивость [30]), потомъ опять призванъ и помѣщенъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ князю Безбородкѣ хотѣлось кѣмъ нибудь

---

[29]) Т. е. Суворовъ. *П. Б.*

[30]) Весною 1798 года. Немилость продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ. Поводы ея въ точности намъ неизвѣстны. *П. Б.*

замѣнить маленькаго Обрѣзкова. По волѣ случая очутился я во главѣ управленія иностранными дѣлами. Я дорого бы далъ, чтобы это мѣсто занимали вы или вашъ братъ; но вы отказались, а къ графу Александру Романовичу Государь не имѣлъ благорасположенія, и такимъ образомъ я поставленъ былъ въ необходимость исполнить желаніе моего Повелителя. Смѣло утверждаю, что я оказалъ Отечеству существенныя услуги. Три раза, по моему настоянію, отмѣнялось объявленіе войны съ Пруссіей, два раза съ Австріею. Я устроилъ подчиненіе Грузіи, весьма важное какъ по отношенію къ Туркамъ, такъ и по тѣмъ несмѣтнымъ выгодамъ, которыя со временемъ можно будетъ извлечь изъ Индѣйской торговли, коль скоро мы направимъ ее къ портамъ Каспійскаго моря, а эти порты также перейдутъ во владѣніе Россіи. Я имѣлъ много случаевъ удовлетворять внушеніямъ моего сердца и дѣлать добро безъ огласки и самолюбивой похвалы. Я удовольствовался тѣмъ, что мнѣ это удавалось и опасался заслонять собою Государя, ревниво желавшаго, чтобы добро дѣлалось по его собственному вчинанію. Я устроилъ, что Лифляндія, Эстляндія, Финляндія и Польскія губерніи стали отбывать рекрутскую повинность наравнѣ съ остальными частями имперіи. Я выхлопоталъ указъ объ учрежденіи 80 командорствъ, каждое съ доходомъ не менѣе 300 рублей въ годъ, для офицеровъ отличившихся на войнѣ, для вдовъ и сиротъ, коихъ мужья и отцы погибли на войнѣ. Благодаря мнѣ, отмѣненъ проэктъ каверзника Пестеля [31]), который, подъ предлогомъ усиленія почтовыхъ доходовъ, выхлопоталъ постановленіе запретить перевозку писемъ иначе какъ по почтѣ съ тѣмъ, чтобы губернаторы, коменданты и другія городскія власти имѣли право осматривать проѣзжающихъ, нѣтъ ни у нихъ писемъ. Я исходатайствовалъ новые штаты для Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и дозволеніе исключеннымъ снова вступать въ службу. Мною передано въ кассу почтоваго вѣдомства 2.400.000 рублей, и почтовые доходы удвоились при мнѣ вслѣдствіе прекращенія злоупотребленій и кражъ. Казна сберегала ежегодно по 30 тысячъ рублей моего жалованья, потому что я довольствовался жалованьемъ по званію третьяго члена Иностранной Коллегіи, занимая должность канцлера и главнокомандующаго почтами и не предъявляя права на домъ почтоваго вѣдомства и пр. Два года я пользовался преобладающимъ довѣріемъ и никого не сдѣлалъ несчастнымъ. Женщины не имѣли надо мною вліянія, потому что я слишкомъ люблю и уважаю мою жену; я былъ недоступенъ проискамъ лести и низкопоклонства, потому что заранѣе зналъ и изучалъ людей. Я остался тѣмъ же чѣмъ былъ. Я сохранилъ мои прежнія связи; мое сердце и моя честь вышли незапятнаны изъ этой пучины, сокрушающей въ себѣ всякую доблесть. Но клевета не пощадила меня. Говорили, что я проданъ Французамъ, что Бонапартъ прислалъ мнѣ золотую вазу, что я сочинялъ подложныя письма,

---

[31]) Бывшаго Московскимъ и потомъ Петербургскимъ почтдиректоромъ. Записки его въ Р. Архивѣ 1875 года. *П. Б.*

чтобы очернить графа Панина и проч. Предоставляю времени обнаружить правду, а между тѣмъ пользуюсь драгоцѣннѣйшимъ даромъ Провидѣнія, возможностью вкушать чистое счастіе въ уединеніи, которое я самъ себѣ выбралъ и въ которомъ устроиваюсь, какъ мнѣ хочется. Думаю не покидать его въ теченіи десяти лѣтъ, а потомъ доканчивать воспитаніе дѣтей моихъ въ чужихъ краяхъ. У меня 50 тысячъ ежегоднаго доходу и 280 тысячъ долгу.

Въ этомъ долгомъ письмѣ я ничего не сказалъ вамъ про покойнаго Государя. Онъ тридцать разъ, въ четырехлѣтнее царствованіе, оказывалъ мнѣ благодѣянія. Душа моя полна къ нему вѣчною признательностью, и языкъ не поворачивается судить о немъ. Похвала же моя его добрымъ качествамъ будетъ казаться пристрастіемъ. Исторія произнесетъ надъ нимъ слишкомъ строгій судъ; но я могу засвидѣтельствовать, что сей Государь, имѣя всѣ средства къ тому, чтобы царствовать со славою и быть обожаему, не пользовался никогда ни одною минутою благополучія и кончилъ также несчастливо, какъ и жилъ.

Вотъ настоящая истина. Она не покоробитъ васъ, потому что душа у васъ возвышенная. Вы меня хорошо знаете. У каждаго человѣка свои заблужденія; можетъ быть, я ошибался; но намѣреніе было чистое. Судите меня по этому и произнесите приговоръ.

Я нетерпѣливо желаю увидѣть вашего сына. Къ тому же мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что вы счастливѣйшій изъ отцовъ. Вотъ достойная награда вашей добродѣтели. Живите долго, и когда будете умирать, утѣшьтесь мыслію, что вы останетесь на землѣ въ лицѣ сына, воспитаннаго вами для Россіи.

Весь вашъ графъ Ростопчинъ.

*

Думалъ ли графъ Ростопчинъ, посылая въ Лондонъ это письмо, что черезъ двѣнадцать лѣтъ ему придется перечитать его въ печати и—отъ него отказаться? Между тѣмъ, по поводу этого письма, онъ долженъ былъ потерпѣть жестокую кару за свое необузданное злоязычіе. Вотъ какъ это случилось. Черновой подлинникъ этого письма оставался у него въ Московскомъ его домѣ на Лубянкѣ и доставленъ былъ въ 1812 году Наполеону, который тогда же велѣлъ напечатать его въ своемъ Имперскомъ Журналѣ (Journal de l'Empire), откуда его перепечатали въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ или такъ называемыхъ Усть-Эльбскихъ Вѣдомостяхъ. Эти вѣдомости у насъ тогда были довольно извѣстны. Бывшій совмѣстникъ и политическій врагъ графа Растопчина, графъ Н. П. Панинъ, столь опороченный имъ, проживалъ въ Москвѣ безъ должности. Онъ воспользовался однимъ выраженіемъ въ печатномъ письмѣ графа Ростопчина къ С. Н. Глинкѣ, заставилъ Московскаго главнокомандующаго формально отречься отъ собственныхъ показаній (коихъ своеручный подлинникъ хранится въ архивѣ князя Воронцова) и переписку свою по этому предмету огласилъ въ иностранныхъ газетахъ. Представляемъ читателю подлинные документы этого историческаго процесса. *П. Б.*

ПИСЬМО ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ ИЗДАТЕЛЮ РУССКАГО ВѢСТНИКА С. Н. ГЛИНКѢ.

Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я опроверженія ваши на изданныя неблагопристойныя лжи прежде бывшаго великаго Наполеона [1]). По мѣрѣ бѣдствій, постигшихъ его въ любезномъ Отечествѣ нашемъ, прибавились въ немъ безстыдства и злость. Хотя я съ тысячами людей исполнилъ наровнѣ обязанности вѣрнаго сына Отечества и слуги Государева, но былъ такъ счастливъ, что гнѣвъ Французскаго атамана обращенъ предпочтительно на мое лице; ибо изъ частныхъ людей одинъ лишь въ Англіи господинъ Сидней Смитъ удостоенъ, такъ какъ и я, отличія Наполеонова бѣшенства. Въ безразсудномъ своемъ самолюбіи, онъ не хочетъ признать и за истинну, что неудовольствіе его есть похвала, немилость—награда; гнѣвъ—слава, а печатная брань—грамота на безсмертіе. Я ему за сіе не могу быть благодаренъ, ибо чувство признательности не можетъ существовать въ душѣ честнаго человѣка къ врагу рода человѣческаго.

Естественно, что, лишась въ Россіи войска, славы и подлостію даннаго ему имени великаго, онъ обращаетъ свой гнѣвъ на тѣхъ, кои наиболѣе, по мнѣнію его, дѣйствовали къ его гибели. Онъ думалъ покорить Россію, свободою и Москвою: свободою прельстить народъ и обратить его къ себѣ; Москвою онъ мнилъ пріобрѣсть миръ, славный для себя, пагубный для Россіи. Но вольности у насъ никто не хочетъ, ибо лучшаго никто не желаетъ, а о мирѣ никто и не думалъ.

Россія спасена вѣрностію дворянства, непоколебимостью народа и горячею любовію къ Отечеству всѣхъ сословій. 1812-й годъ есть годъ погибели Наполеона и годъ славы Россіи. Ей опредѣлено было Провидѣніемъ давать законы въ Европѣ, а нынѣ, въ царствованіе Александра Перваго, дана власть освобождать народы, возстановлять царей и царства и даровать спокойствіе міру.

Главныя причины злости Наполеона на меня суть: выѣздъ изъ Москвы жителей ея, отправленіе сокровищъ, дорогихъ товаровъ, вооруженіе поселянъ и все, что я имъ говорилъ и писалъ. Взявъ Смоленскъ, онъ не имѣлъ ничего инаго въ виду, какъ занятіе Москвы. Для сего далъ при Бородинѣ баталію, въ которой потерялъ 53.000 человѣкъ, хотя бы могъ легко ея избѣжать, обойдя нашу позицію. Но ему опредѣлено было свыше идти къ Москвѣ, войти въ нее и въ ней найти конецъ своему могуществу.

---

[1]) *Примѣчаніе С. Н. Глинки.* Издатель имѣлъ честь получить сіе письмо по выходѣ четвертой книжки (Русскаго Вѣстника), въ которой находятся замѣчанія на первое и безстыдное Наполеоново посланіе къ Французскимъ солдатамъ въ Москвѣ. Графъ Ѳедоръ Васильевичъ ничего не отвѣчалъ на Бонапартіевы клеветы, къ личности его относящіяся, но возразилъ на то, что относится къ общей славѣ Россіи и Русскихъ.

Онъ меня называетъ злодѣемъ, варваромъ, богомерзкимъ, омерзительнымъ, дикимъ, звѣрскимъ и лютымъ, и такъ часто обо мнѣ напоминалъ, что и разбойники его имя мое употребляли вмѣсто брани. Но что̀ всего гнуснѣе, онъ напечаталъ въ газетахъ письмо, будто бы моею рукою писанное и найденное въ моихъ бумагахъ, перемѣня въ немъ и слогъ, и слова, и мысли. Онъ доказалъ всѣмъ, что мое мнѣніе на его счетъ было справедливо, почитая его чрезвычайнымъ, но отнюдь не великимъ человѣкомъ.

Но и со всѣмъ тѣмъ, хотя Бонапарте и содѣлалъ своими ругательствами имя мое незабвеннымъ; хотя въ Англіи народъ хотѣлъ имѣть мой гравированный портретъ, въ Пруссіи женщины модамъ даютъ мое имя; хотя честные и благоразумные люди отдаютъ мнѣ справедливость и оказываютъ признательность: но есть много Русскихъ, кои меня бранятъ за то, что они отъ нашествія злодѣя лишились домовъ и имущества и многіе ничего не имѣвшіе—милліоновъ!

Мое дѣло было сохранить спокойствіе въ столицѣ, и тишина въ ней пребыла до 2-го числа Сентября. Взятіе Смоленска, приближеніе непріятеля къ Москвѣ и Бородинская баталія не были тайны. Купцы начали отправлять свои товары съ половины Іюля; дворянство тронулось съ Августа. Вопрошаю: кого я задержалъ? у кого взялъ лошадей, повозки? Многіе говорятъ: *онъ увѣрялъ, что Москва взята не будетъ*; *отъ этого мы и погибли*. Но я опять спрашиваю: защита столицы отъ меня ли зависѣла? 2.800 рекрутъ, 160 полицейскихъ драгунъ и пожарная команда могли ли остановить Наполеона съ 130 тысячью войска?

Я сообщалъ Московскимъ жителямъ все, что̀ получалъ отъ главнокомандующаго арміями. Я даже не былъ приглашенъ 1-го числа на военный совѣтъ, гдѣ было рѣшено оставить Москву, о чемъ узналъ уже въ 11 часовъ вечера чрезъ письмо свѣтлѣйшаго князя Кутузова, требовавшаго у меня проводниковъ чрезъ городъ на Рязанскую дорогу. Теперь еще спрошу у вопіющихъ героевъ, рѣшившихся отчаянно защищать столицу, выѣхавъ изъ оной:

За что вы на меня негодуете?

Отвѣтъ. За то, что, повѣря вашимъ словамъ и полагая, что въ Москвѣ не было опасности, оставили все свое имущество въ домахъ, и оно сожжено и разграблено.

Вопросъ. А вы гдѣ же изволили быть?

Отвѣтъ. О! да мы давно уѣхали.

Заключеніе. Стало, что вы или мнѣ не вѣрили, или боялись оставаться, или не имѣли способовъ отправить вамъ принадлежащее?

Но можно ли было увезти всю Москву въ мѣсяцъ? Невѣроятно и то, что девять округъ (ибо четыре послѣ заняты были непріятелемъ) съ 15-го числа Августа по 2-е Сентября по наряду выставили 63.000 подводъ для отвоза казенныхъ вещей и для арміи; а 29-го Августа въ Троицкую, Коломенскую и Рогожскую заставы выѣхало по запискѣ 2600 экипажей. Я оставилъ самъ все свое, и

все разграблено, а загородный домъ сожженъ; но я желалъ, въ случаѣ общаго несчастія, имѣть въ ономъ равный съ другими жребій.

Еропкина хвалятъ за то, что во время возмущенія 1771 года изъ частныхъ людей никто ничего не лишился, а въ 1812 всѣ были въ тишинѣ. Но хотя благополучно всѣ жили и также и отправились; но меня бранятъ для того, что (если смѣю сказать) для многихъ здоровыхъ людей рубль дороже жизни.

Зная образъ вашихъ мыслей, любовь къ Отечеству и страсть ко всему Русскому, представляю себѣ, какъ вамъ больно, видя, что, послѣ всѣхъ адскихъ дѣяній Французскихъ разбойниковъ, послѣ очевидныхъ плодовъ разврата, ими посѣяннаго въ душахъ, сердцахъ и умахъ, пристрастіе къ нимъ не довольно не исчезло, но еще усилилось отъ учтиваго какого-то сostраданія къ несчастнымъ, съ восклицаніями на ихъ языкѣ. Нѣкоторые по губерніямъ взяли въ услуженіе Французскихъ солдатъ, забывъ, что руки, подающія имъ пить и ѣсть, грабили, убивали Русскихъ, жгли Москву и оскверняли храмы Божіи! Но заблужденіе, ослѣпленіе и пагубное пристрастіе столь сильны, что и 1812 годъ не можетъ искоренить сихъ дѣйствій нравственнаго магнита, притягивающаго насъ къ Французамъ. Сихъ Русскихъ, записанныхъ модою въ развратный цехъ, не тронетъ печальный видъ 7000 сожженныхъ домовъ, слѣды варварства, мужество крестьянъ, геройство воиновъ, усердіе и вѣрность всѣхъ сословій, слава Россіи, достойная награда твердости духа Государя, отца своихъ подданныхъ и друга человѣчества; но огорчитъ то, что въ Москвѣ и губерніи ея истреблено 100 тысячь Французовъ. Мало ихъ живыхъ осталось. Кузнецкій мостъ обрусѣлъ, и вмѣсто *Викторины Пешъ*, *Антуанеты Лапотеръ* и лавокъ à la corbeille, au temple du bon goût, торгуютъ Карпъ Майковъ, Доброхотовъ, Абрамъ Григорьевъ, Иванъ Пузыревъ и проч.

Горе мнѣ грѣшнику, что предчувствіемъ я 18 лѣтъ не люблю Французовъ, не испугался Наполеона и остался такъ, какъ и былъ Русскимъ, не взирая на толки, сплетни, брани и проч. и проч. и проч.

29 Марта 1813.

(Изъ Русскаго Вѣстника 1813 года, Майской книжки).

CORRESPONDANCE DU COMTE PANIN AVEC LE COMTE ROSTOPCHIN.

Première lettre du comte Panin.

Monsieur le comte.

Le gouvernement français s'est servi de votre nom, monsieur le comte, pour répandre, par la voie des feuilles publiques, des insolentes absurdités dirigées contre ma personne, et la lettre que vous avez adressée au rédacteur du Courrier Russe (Rouskoy Westnik) en date du 29 Mars 1813, me fait présumer que vous en aviez dès lors connaissance. Vous y faites mention d'*une lettre prétendue autographe pu-*

bliée sous votre nom, dont le style, les pensées et les expressions sont, dites-vous, *altérées*, et cette déclaration de votre part semble d'autant plus se rapporter au libelle inséré dans le Journal des bouches de l'Elbe, que cette pièce m'impute précisément le contraire de la conduite que j'ai tenue dans des affaires diplomatiques dont vous avez été témoin.

Cependant une supposition est insuffisante, monsieur le comte. Je ne peux pas laisser subsister un doute à cet égard et les motifs les plus légitimes m'autorisent à demander à v. e. si la lettre qu'elle a fait insérer dans le № 5 du Courrier Russe de l'année 1813 doit être considérée comme un désaveu formel et positif de la pièce rapportée aux № 185, 187 et 198 du Journal des bouches de l'Elbe de l'année 1812, sous le titre de: *Brouillon d'une lettre au comte Simon Woronzow du 30 Juin 1801*?

J'ai l'honneur d'être, monsieur le comte, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur (signé) Panin. A s. e. m-r le comte Rostopchin.

Moscou, ce 20 Février 1814.

Réponse.

Monsieur le comte.

J'ai eu connaissance il y a un an, de plusieurs lettres qu'il a plu à Buonaparte de faire imprimer dans la gazette de Hambourg et dans les journaux d'Allemagne. Ce que j'ai dit dans le Rouskoy Westnik contient ma façon de penser sur les moyens dont se sert Napoléon. Il est naturel que je ne puis avouer aucun papier qui sera imprimé et mis sur mon compte par ordre d'un homme vil qui m'honore de sa haine.

J'ai l'honneur d'être avec la considération la plus distinguée, monsieur le comte, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur (signé) comte Th. Rostopchin.

Du 21 Février 1814. Moscou.

Seconde lettre du comte Panin.

Monsieur le comte.

Je conviens avec vous, monsieur le comte, que la haine d'un homme tel que Buonaparte est un titre d'honneur, et en vous félicitant de l'avoir obtenu, je dois vous observer que vous n'en avez jamais reçu de témoignage plus éclatant, que celui qu'il vous a donné en imprimant sous votre nom une pièce aussi infâme, que celle dont je vous ai demandé un désaveu formel, parce que je m'y trouve compromis d'une manière qui a excité l'indignation générale contre son auteur.

D'après cette considération, j'étais fondé à espérer, que vous voudriez bien me répondre en termes assez précis pour rendre inutile toute explication ultérieure, et d'autant plus, que celui qui vous impute un libelle de ce genre vous fait plus de mal qu'à moi.

La réponse de v. e. n'a cependant pas rempli ma juste attente. Elle désavoue *ce qui sera* et non *ce qui est* imprimé sous votre nom par

ordre du Corse. Elle m'apprend que vous avez eu connaissance de *plusieurs* lettres qu'il a plu à Buonaparte de faire imprimer dans les gazettes, sans faire mention de celle qui a pour titre: *Brouillon* etc.

Cette omission (que je me plais à croire involontaire) m'oblige de mettre sous vos yeux la pièce qui a donnée lieu à ma première lettre, et que j'ai copiée littéralement moi-même d'une feuille de Hambourg. Je ne vois pas d'autre moyen de prévenir tout malentendu, qui sera entièrement écarté quand il plaira à v. e. de mettre sur la pièce ci-jointe qu'elle désavoue cet écrit, ou, si cela lui convient mieux, de m'exprimer dans votre réponse que la pièce publiée sous votre nom par le gouvernement français dans le № 186 et suivants du Journal des bouches de l'Elbe année 1812, *est comprise* dans ce que vous m'avez énoncé de vos sentimens sur tout ce qui sera imprimé et mis sur votre compte par ordre d'un homme vil, etc.

C'est à regret, monsieur le comte, que je vous détourne encore un moment de vos occupations, et c'est pour la dernière fois que je tente fixer sur cette affaire votre attention la plus sérieuse.

J'ai l'honneur d'être, monsieur le comte, de votre excellence, le très-humble et très-obéissant serviteur (signé) Panin. A s. e. m-r le comte Rostopchin.

Moscou, ce 22 Février 1814.

Réponse.

Monsieur le comte.

Ce que j'ai eu l'honneur de vous dire dans ma première lettre sur les libelles, les infamies et les sottises publiées par ordre de Buonaparte contre moi et en mon nom, se rapporte aussi au brouillon d'une lettre au comte Woronzow. Sa haine contre moi est assez connue, pour servir de preuve certaine, que les invectives contre les personnes nommées ont été écrites sous sa dictée ou par l'auteur de ses bulletins.

J'ai l'honneur d'être avec la considération la plus distinguée, monsieur le comte, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur (signé) comte Th. Rostopchin.

Du 23 Février 1814. Moscou.

ПЕРЕПИСКА ГРАФА Н. П. ПАНИНА СЪ ГРАФОМЪ Ѳ. В. РОСТОПЧИНЫМЪ.

Первое письмо графа Панина.

Милостивый государь графъ!

Французское правительство пользовалось именемъ вашего сіятельства, чтобы посредствомъ газетной печати распространять направленныя противъ меня возмутительныя нелѣпости, и я долженъ думать, что вы объ этомъ знали тогда же, судя по письму вашему къ издателю Русскаго Вѣстника, отъ 29 Марта 1813 года, гдѣ вы говорите: „Онъ (т. е. Наполеонъ) напечаталъ въ газетахъ письмо, будто бы моею рукою писанное и найденное въ моихъ бумагахъ, перемѣня въ немъ и слогъ, и слова, и

мысли" *). Слова эти, въ устахъ вашихъ, по видимому относятся къ статьѣ, помѣщенной въ Усть-Эльбской газетѣ, такъ какъ статьею этою мнѣ приписанъ образъ дѣйствій, противоположный тому, коимъ я руководился, проходя дипломатическое поприще, и коего вы были свидѣтелемъ.

Но одного предположенія недостаточно. Сомнѣніе въ этомъ случаѣ для меня невыносимо, и я имѣю полное и законное право обратиться къ вашему сіятельству съ вопросомъ, долженъ ли я почитать ваше письмо въ 5-й книжкѣ Русскаго Вѣстника 1813 года формальнымъ и положительнымъ опроверженіемъ вышеупомянутой статьи, появившейся въ 185, 187 и 198 номерахъ Усть-Эльбской газеты 1812 года, подъ заглавіемъ: „Черновое письмо къ графу Семену Воронцову отъ 30 Іюня 1801 года?"

Имѣю честь быть, милостивый государь графъ, вашего сіятельства покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою Панинъ.

Москва, 20 Февраля 1814.

Отвѣтъ графа Ростопчина.

Милостивый государь графъ!

Съ годъ тому назадъ дошло до моего свѣдѣнія, что Бонапартъ вздумалъ отдать напечатать въ Гамбургской и другихъ Нѣмецкихъ газетахъ многія письма. Въ Русскомъ Вѣстникѣ я изложилъ то, что̀ я думаю о средствахъ, коими пользуется Наполеонъ. Конечно я не могу признать своимъ ничего такого, что̀ будетъ напечатано подъ моимъ именемъ и мнѣ приписано по распоряженію низкаго человѣка, дѣлающаго мнѣ честь своею ненавистью. Съ отличнѣйшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь графъ, вашего сіятельства покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою графъ Ѳ. Ростопчинъ.

21 Февраля 1814. Москва.

Второе письмо графа Панина.

Милостивый государь графъ!

Я согласенъ съ вашимъ сіятельствомъ, что ненависть такого человѣка, какъ Бонапартъ, есть почетное титло и, поздравляя васъ съ этою ненавистью, я долженъ замѣтить, что онъ наиболѣе почтилъ васъ ею, напечатавъ съ вашимъ именемъ позорную статью, которую я просилъ васъ отвергнуть формально, такъ какъ въ ней я изображенъ красками, которыя возбудили общее негодованіе противъ ея сочинителя.

На этомъ основаніи, я въ правѣ былъ надѣяться, что вы соблаговолите дать мнѣ отвѣтъ опредѣлительный и отстраняющій всякое дальнѣйшее объясненіе, тѣмъ паче, что тотъ, кто вамъ приписываетъ подобнаго рода статью, вредитъ болѣе вамъ, нежели мнѣ.

Между тѣмъ отвѣтъ вашего сіятельства не соотвѣтствовалъ моему справедливому ожиданію. Вы отвергаете *что̀ будетъ*, а не то, что̀ *уже* напечатано подъ вашимъ именемъ по повелѣнію Корсиканца. Вы говорите, что знали о *многихъ* письмахъ, которыя Бонапартъ вздумалъ отдать напечатать въ газетахъ, но не упоминаете о томъ, которое озаглавлено „Черновое письмо" и пр.

Таковое опущеніе (невольное, какъ я желаю думать) заставляетъ меня препроводить къ вамъ статью, вызвавшую мое первое письмо и выписанную мною буквально и своеручно изъ Гамбургской газеты. Я не вижу

*) По сличеніи, существенныхъ разнорѣчій мы не нашли. *П. Б.*

другаго способа предотвратить всякое недоумѣніе, каковое исчезнетъ, когда ваше сіятельство соблаговолите на прилагаемой статьѣ обозначить, что вы не признаете ее своею; или можетъ быть вы сочтете удобнѣйшимъ выразить мнѣ въ отвѣтѣ вашемъ, что статья, опубликованная Французскимъ правительствомъ подъ вашимъ именемъ въ 185-мъ и слѣдующихъ номерахъ Усть-Эльбской газеты 1812 года, принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ вы отозвались, что не можете признать своимъ то, чтò будетъ напечатано и вамъ приписано по распоряженію низкаго человѣка и т. д.

Мнѣ досадно, что вторично на минуту отвлекаю васъ отъ вашихъ занятій. Рѣшаюсь въ послѣдній разъ подвергнуть это дѣло полному вашему вниманію.

Имѣю честь быть и пр.

Москва, 22 Февраля 1814.

Отвѣтъ графа Ростопчина.

Милостивый государь графъ!

То чтò имѣлъ я честь сказать вамъ въ первомъ моемъ письмѣ относительно статей, мерзостей и глупостей, публикуемыхъ по распоряженію Бонапарта противъ меня и подъ моимъ именемъ, простирается и на *Черновое письмо къ графу Воронцову.* Извѣстная ненависть ко мнѣ Бонапарта служитъ достаточнымъ ручательствомъ, что оскорбительныя выраженія этого письма писаны подъ его диктовку, либо составителемъ его бюллетеней.

Имѣю честь быть и пр.

23 Февраля 1814, Москва.

*

Графъ Панинъ не замедлилъ обнародовать за границею эту переписку и конечно имѣлъ на то полнѣйшее право самозащиты. Указаніемъ на нее мы обязаны князю П. А. Вяземскому, который, по выходѣ въ свѣтъ VIII-й книги „Архива Князя Воронцова“ (гдѣ, во Французскомъ бѣловомъ подлинникѣ, помѣщено письмо графа Ростопчина про графа Панина), писалъ къ намъ, изъ Гомбурга, отъ 30 Декабря 1875 ст. ст.: „Письмо на стр. 288-й вѣроятно то самое, которое захвачено было Французами въ 1812 году и по повелѣнію Наполеона напечатано. Появленіе этого письма породило переписку между Панинымъ и Ростопчинымъ, также въ послѣдствіи Панинымъ напечатанную въ Парижской газетѣ. Панинъ, съ пистолетомъ въ рукѣ—онъ былъ великій стрѣлокъ—пристаетъ къ Ростопчину и спрашиваетъ его, онъ ли писалъ это письмо. Ростопчинъ увертывается и отнѣкивается. Панинъ все ближе и рѣшительнѣе наступаетъ и наконецъ, сколько помнится мнѣ, торжествуетъ. Эта переписка происходила вѣроятно въ 1814, много въ 1815 году. Ясныхъ указаній въ памяти не нахожу, но въ сущности оно такъ, и впечатлѣніе осталось во мнѣ вѣрное“.

Наши поиски въ тогдашнихъ Французскихъ газетахъ оставались напрасными, пока случайно не встрѣтился намъ современный списокъ этой переписки у одного любителя старины. По указанію же самаго графа Панина удалось намъ отыскать Journal du département des bouches de l'Elbe 1812 г. или Hamburger unpartheischer Correspondent, гдѣ именно сказано, въ номерѣ отъ 18 Ноября 1812 года, что черновое письмо графа Ростопчина къ графу Воронцову перепечатано изъ Journal de l'Empire.

П. Б.

ОЧЕРКИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ФАМИЛІЙ. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВА ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ

СОБИРАЕМЫЕ А. М. ЛАЗАРЕВСКИМЪ *).

15. Капнисты.

1. Стаматело Капниссн, графъ; жилъ на о-вѣ Зантѣ. Ж. — Катерина Кимоне.
2. Христофоръ. Ж.—Сикури Масто . . . . 1.
3. Петръ. . . . . 2.
4. Василій, миргородскій полковникъ 1737 — 1751, кіевскій полковникъ. 1751—1756; бригадиръ; начальникъ слободскихъ полковъ 1757. Убитъ въ сраженіи при Гроссъ-эгерсдорфѣ 1757. Ж. — 1, дочь купца Согдена; 2, Софья Андреевна Дунинъ-Барковская . . . . 3.
5. Данило, бунчуковый товарищъ 1746. . . . . 4.
6. Ананій. . . . . 4.
7. Николай, екатеринославскій губернскій предводитель дворянства 1790 . . . . 4.
8. Петръ, гв. прапорщикъ 1775 . . . . 4.
9. Андрей . . . . 4.
10. Василій, 1757—1824. Полтавскій губернскій маршалъ дворянства. — Авторъ „Ябеды“. Имѣніе: въ Обуховкѣ (гдѣ и жилъ) и Зуевцахъ—300, а въ Трубайцахъ и Бригадировкѣ—500 кр. об. п. Ж.—Александра Алексѣевна Дьякова [1]). 4.
11. Иванъ . . . . 5.
12. Александра. М.—Рикланъ. . . . . 5.
13. Петръ, адъютантъ кн. Г. Н. Репнина. Ж. гр. Екатерина Романовна Делаваль. . . . . 7.
14. Илья, капитанъ; хорольскій предводитель дворянства 1838—1844. Имѣніе: въ Трубайцахъ, Бригадировкѣ и Поповкѣ — 1310 кр. об. п. Ж.—Лисавета Ивановна Магденко. . . 8.
15. Семенъ, 1794 — 1844; надвор. совѣтникъ; кременчугскій предводитель дворянства 1829—1838; директоръ училищъ полтавской губерніи 1838 – 1844. Ж.—Елена Ивановна Муравьева-Апостолъ . . . . 10.
16. Владиміръ. . . . . 10.
17. Иванъ, 1795—1854; тайный совѣтникъ; полтавскій губернскій предводитель дворянства 1829—1844; московскій губернаторъ. Имѣніе: родовое—200 и женино—430 крестьянъ. Жена: Пелагея Юрьевна Горленко. . . . . 10.
18. Алексѣй, подполковникъ; миргородскій предводитель дворянства 1829—1844 Ж. Ульяна Дмитріевна Бѣлуха-Кохановская. 10.

---

*) См. Р. Архивъ 1875, III, стр. 297.

[1]) О ней см. Русскую Старину 1872 г., № 2, стр. 222.

Капнисты, по ихъ показанію, происходятъ отъ венеціанскихъ графовъ Капнисси, жившихъ на о-вѣ Зантѣ. Одинъ изъ нихъ, приставъ, по преданію, къ русскому войску во время прутскаго похода, впослѣдствіи осѣлился въ городѣ Изюмѣ и сталъ называться Василіемъ Петровичемъ Капнистомъ. Въ Изюмѣ К-тъ принятъ былъ тогдашнимъ сотникомъ за сына и женился на дочерѣ богатаго купца какого-то Согдена. Ставъ изюмскимъ сотникомъ въ 1726 году, К-тъ отличился сначала тѣмъ, что отбилъ нападеніе на Изюмскій полкъ Калмыковъ; а впослѣдствіи, участвуя съ своею сотнею въ Крымскомъ походѣ Миниха, былъ замѣченъ послѣднимъ и по его предстательству, въ Январѣ 1737 г., назначенъ миргородскимъ полковникомъ на мѣсто убитаго тамъ же въ Крыму, Павла Апостола [2]). Въ грамотѣ 1743 г., заслуги К-та описаны такъ: Василій Капнистъ съ 1711 г., во время прутской акціи, оставя родителей своихъ, служилъ въ разныхъ походахъ, партіяхъ и разъѣздахъ по 1726 г.; а въ этомъ году, по усмотрѣнію князя Голицына, пожалованъ въ полковые сотники изюмскаго полку и чрезъ бытность въ томъ чину, во многихъ же былъ партіяхъ и надъ воровски впадающими въ границы русскія, крымскими и ногайскими татарами поискахъ; а въ 1734 г., надъ дикими команды Дундукъ-Омбо, Калмыками, въ нападеніе ихъ на изюмскій полкъ, отпоръ и изгнаніе чинилъ; участвовалъ также въ первомъ и второмъ крымскихъ походахъ. И за тѣ его службы, въ 1737 г., именнымъ указомъ пожалованъ онъ, К-тъ, въ миргородскій полкъ полковникомъ; и въ томъ же году былъ съ командою своею на приступѣ при взятіи Очакова; а въ 1738 г. отправленъ былъ отъ арміи, для поисковъ надъ непріятелями, въ Молдавію и здѣсь, переправясь чрезъ Днѣстръ, городъ Сороку и мѣстечки Балинцы и Могилевъ, разорилъ; участвовалъ также въ хотинской баталіи въ 1739 г.—Далѣе грамота говоритъ, что во время этихъ службъ К-та, деревня его въ изюмскомъ полку, Шпаковка и хуторъ Татарами разорены, почему К-тъ просилъ о награжденіи его свободными селами въ миргородскомъ полку: Манжелѣею, Обуховкою, Зуевцами, Трубайцами и Поповкою. Просьба К-та была поддержана Румянцовымъ (А. И.), и всѣ пять селъ отданы были К-ту, въ вѣчное владѣніе [3]).—Вмѣстѣ съ богатствомъ, К-тъ, овдовѣвъ, вторую жену высваталъ себѣ, внучку генеральнаго обознаго Василія Борковскаго и такимъ образомъ породнился съ стариннымъ мѣстнымъ панствомъ. Въ 1744 г., вмѣстѣ съ инженеромъ Боскетомъ, К-тъ составлялъ карту заднѣпровской Малороссіи и устраивалъ тамъ укрѣпленія въ защиту отъ татарскихъ нападеній. Въ 1750 г., К-тъ неожиданно обвиненъ былъ въ покушеніи на отравленіе гетмана Разумовскаго; но слѣдствіе раскрыло, что обвиненіе основывалось на ложномъ доносѣ войсковаго товарища Звѣнигородскаго [4]). Оправданный К-тъ получилъ отъ императрицы 1000 червонцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ, въ Январѣ 1751 г., начальникомъ всѣхъ слободскихъ полковъ, съ чиномъ бригадира. Въ послѣдній разъ К-тъ отличился въ Гроссъэгерсдорфскомъ сраженіи; но тутъ же онъ и голову свою сложилъ [5]).

16. Кочубеи.

1. Леонтій.

2. Василій, генеральный судья. Казненъ 15 Іюля 1708. Ж. — Любовь Өедоровна Жученко, ум. 1722. . . . . **1**.

---

[2]) Зап. Марков., II, 17. [3]) Дѣло о родѣ Капнистовъ въ арх. полт. двор. депут. собранія. [4]) Исторія Мал. Росс. III, примѣч. 254. [5]) Изюмскій слободской полкъ, Н. Гербеля. Спб. 1852, стр. 107.

3. Дочь. М.—Забѣла . . . . 2.
4. Анна. М. — Иванъ Павловичъ Обидовскій, стольникъ и полковникъ нѣжинскій . . . . 2.
5. Матрона . . . . 2.
6. Василій, полковникъ полтавскій 1727—1743. Ж. — Марѳа Ивановна Апостолъ (внука гетмана?) 29 Окт. 1742 . . . 2.
7. Дочь. М. — Семенъ Васильевичъ Чуйкевичъ, судья нѣжинскій 1730 . . . . 2.
8. Ѳедоръ, бунчуковый товарищъ, ум. 172. . . . . 2.
9. Прасковья . . . . 2.
10. Семенъ, полковникъ нѣжинскій 1746; генеральный обозный 1751; генералъ-майоръ 1764. Ж.—Ксенія Герасимовна Демешко . . . . 6.
11. Василій, бунчук. товарищъ 1748. Ж. — Марѳа Демьяновна Оболонская. У него: въ Ярославцѣ, Дубовичахъ, Ретикѣ, Конашевкѣ, Пескахъ, Бѣлыхъ Вѣжахъ и Загоровкѣ—5245 крестьянъ об. п. . . . . 6.
12. Павелъ, р. 1708: подкоморій 1766; потомъ статскій совѣтникъ, ум. 1786. Ж.—Ульяна Андреевна Безбородко . . 6.
13. Петръ, бунчуковый товарищъ . . . . 10.
14. Надежда. М. — полковникъ Потемкинъ, который увезъ ее тайно отъ отца, изъ Глухова, въ 1765 г., и обвѣнчался въ с. Есманѣ (Зап. Марковича II, 400) . . . . 10.
15. Михайло, р. 1751; подполковникъ. У него имѣнія: Жуки — 1174, Стасовцы—979, Искровка — 215, Писаревка—407, Ѳедоровка—162, Личкова — 1028, Дубовыя Гряды — 631, Сомовка — 382, Трибы—151 и друг.; всего 5880 крест. об. п. Жилъ въ Трибахъ. . . . . 10.
16. Ульяна. М.—Иванъ Михайловичъ Скоропадскій, генер. есаулъ 1759. (См. Зап. Марковича, II, 359) . . . . . 11.
17. Петръ (См. т. же) . . . . 11.
18. Василій, маршалъ глуховск. уѣзда. Ж.—Елена Васильевна Тарновская. У него: въ уѣздахъ глуховскомъ, конотопскимъ и Сосницкомъ—5108 крест. об. п. . . . . 11.
19. Аполлонъ, каммергеръ . . . . 12.
20. Викторъ, князь, р. 1768, ум. 1834. Ж.—Марья Васильевна Васильчикова. . . . . 12.
21. Александра. М.—Григорій Петровичъ Милорадовичъ. . 12.
22. Аграѳена. М.—Алексѣй Фроловъ-Багрѣевъ. . . . . . 12.
23. Семенъ, полтавскій губернскій маршалъ 1803 — 1805. Ж.— Прасковья Яковлевна Бакуринская. . . . . 15.

По преданію, родоначальникъ Кочубеевъ былъ крымскій татаринъ, вышедшій въ Малороссію въ XVI в. Первымъ извѣстнымъ лицомъ этой фамиліи былъ Василій Леонтьевичъ Кочубей, казненный въ 1708 г.; объ отцѣ его не сохранилось никакихъ свѣдѣній; въ козацкомъ реестрѣ 1649 г., онъ не записанъ, и самъ сынъ его въ своей автобіографической запискѣ [1]),

[1]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. 1859 г. I, 146.

ничего о немъ не говоритъ, хотя по обстоятельствамъ, вызвавшимъ эту записку, В. Кочубей не упустилъ бы случая блеснуть, передъ Орликомъ и Герцикомъ, своимъ происхожденіемъ, если бы отецъ его хоть чѣмъ нибудь выдѣлялся изъ своей среды. Въ той же запискѣ В. К-бей о себѣ разсказываетъ, что войсковую службу онъ началъ въ гетманской канцеляріи и уже при Бруховецкомъ считался не изъ послѣднихъ канцеляристовъ; что Дорошенко мѣтилъ его даже въ свои зятья, и что, какъ козакъ, бывалъ онъ и въ „оказіяхъ" военныхъ, гдѣ приходилось и кровью „помазатися"; „видѣли очи мои", говоритъ Кочубей, лиманъ днѣпровскій, Очаковъ, Дунай и Адріанополь...." Но главная служба Кочубея была канцелярская, и въ службѣ этой онъ былъ, какъ видно, однимъ изъ лучшихъ искусниковъ; въ 1681 г. онъ былъ уже реентомъ войсковой канцеляріи, т. е. правою рукою генеральнаго писаря [2]). Кочубей самъ разсказываетъ, что Самойловичъ поручалъ ему дѣла немаловажныя, посылалъ его и въ Москву и что вообще важныя бумаги въ гетманской канцеляріи не писались безъ его участія. Въ этомъ разсказѣ преувеличеній не должно быть, такъ какъ Мазепа, ставъ гетманомъ, выбралъ генеральнымъ писаремъ Кочубея, а Мазепа умѣлъ выбирать людей. Извѣстность Кочубея видна и въ его женитьбѣ: худородный канцеляристъ высваталъ себѣ дочь полковника Ѳедора Жученка, родъ котораго былъ однимъ изъ старѣйшихъ въ Малороссіи. Знакомство съ Жученкомъ у Кочубея было основано, какъ кажется, на сосѣдствѣ; повидимому, Кочубей былъ родомъ изъ Диканьки. Впрочемъ въ Диканькѣ у него не было никакихъ особенныхъ родовыхъ „грунтовъ". Первую награду за свою службу Кочубей получилъ въ 1688 г., когда Мазепа разомъ далъ ему три села: извѣстную Диканьку, Ярославецъ подъ Глуховымъ и Рудяковъ, въ переяславскомъ полку. Эти маетности дали Кочубею прочное положеніе въ средѣ тогдашняго панства; съ нимъ тогда же породнились Забѣлы; а позднѣе, вторую дочь его, Анну высваталъ самъ гетманъ за роднаго племянника своего, Обидовскаго. Должность генеральнаго писаря Кочубей правилъ до 1700 г. Въ этомъ году онъ рѣшился отказаться отъ службы и удалиться на покой, въ свою Диканьку. Принимая во вниманіе, что Кочубей уже при Бруховецкомъ былъ не изъ послѣднихъ канцеляристовъ,—въ 1700 году ему должно было быть не менѣе 60-ти лѣтъ: отдохнуть пора уже было. Величко разсказываетъ (III, 553), что на воскресенскихъ праздникахъ, когда въ Батуринъ съѣзжались всѣ главные старшины, Кочубей сдалъ съ себя урядъ писарскій и, положивъ публично предъ гетманомъ, при всей старшинѣ, въ избѣ гетманской столовой, печать войсковую, поблагодарилъ гетмана и всю старшину за урядъ свой писарскій, „хотя краткою, но красною и разума полною рѣчью". Не только полковники и вся старшина, но и самъ гетманъ, всѣ удивилась нежданному отказу Кочубея и, цѣня его опытность, стали было упрашивать остаться на писарскомъ урядѣ; но К-бей, разъ рѣшившись, поспѣшно уѣхалъ домой. По отъѣздѣ Кочубея, полковники и вся старшина рѣшили за обѣдомъ, что стараго писаря не слѣдуетъ оставлять безъ уряду и присудили поставить его генеральнымъ судьею; гетманъ принялъ предложеніе старшины и тогда же приказалъ найти межъ войсковыми клейнодами „лѣску судейскую, черную, гибановую, просто въ сребро оправную" [3]). А дня черезъ два, когда старшина опять съѣ-

[2]) Величко II, 509.

[3]) Знакъ судейской власти.

халась къ гетману, и когда тамъ же былъ и Кочубей, гетманъ объявилъ свое и старшины рѣшеніе быть Кочубею генеральнымъ судьею. Объ этомъ урядѣ Кочубей тѣмъ болѣе не думалъ, что генеральный судья Савва Прокоповичъ былъ на лицо; но старшина рѣшила Кочубею быть старшимъ судьею, а Прокоповичу остаться младшимъ. Долго Кочубей отказывался, по разсказу Величка, отъ этой должности, но ничего не могъ сдѣлать противъ рѣшенія всей старшины и войска и долженъ былъ наконецъ принять изъ рукъ гетмана судейскую лѣску, а отъ старшины — поздравленіе.

Ставъ судьею, Кочубей сохранилъ прежнія отношенія къ гетману: онъ былъ главнымъ исполнителемъ письменныхъ распоряженій Мазепы, но никогда не былъ его совѣтникомъ, не былъ близкимъ къ гетману человѣкомъ, оставаясь однимъ изъ главныхъ его приближенныхъ. Кочубей и Мазепа были два совершенно различные характера. Первый былъ, по природѣ, человѣкъ недалекій, никогда ничѣмъ неувлекавшійся, ничего не искавшій; честолюбіе его, человѣка, вышедшаго изъ массы, вполнѣ удовлетворялось тѣми должностями, которыя ему достались не по проискамъ, или черезъ связи, а исключительно за его труженичество и умѣнье ладить съ людьми; богатствъ Кочубей также не искалъ, будучи въ этомъ отношеніи даже рѣдкимъ исключеніемъ изъ современной ему старшины. Исчисляя во время пытокъ, въ Витебскѣ, свое имущество, Кочубей далъ исповѣдь, которая вполнѣ обрисовываетъ его личность, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля. „Многіе считаютъ меня богачемъ, говоритъ Кочубей, не разсуждая, что для того не имѣлось у меня способовъ; я не гонялъ воловъ въ Гданскъ (Данцигъ) и не выкуривалъ столько вина, чтобъ продавать бочекъ по тридцать, по пятьдесятъ разомъ; не случалось мнѣ продавать и пяти бочекъ въ разъ; моя водка продавалась только по шинкамъ, а доходъ шелъ на домашніе расходы; кромѣ расходовъ на харчи и напитокъ, нужно было одѣть и дѣтей, и челядь; да и духовенству, чужеземному и здѣшнему, милостыня давалась, больше „твердою“, чѣмъ мелкою монетою. А случалось, и не рѣдко, что кто талеромъ, другимъ „поклонится“, то я не бралъ, а отдавалъ назадъ. А что̀ бѣднымъ „чеховою“ монетою давалось, да на постройку нѣсколькихъ деревянныхъ церквей пошло сколько денегъ, о томъ грѣхъ бы и вспоминать, но не по своей волѣ объ этомъ говорю здѣсь...“ [4]).

Не таковъ былъ Мазепа, выбившійся изъ мелкихъ шляхтичей въ число избранныхъ сподвижниковъ Петра В. Хитроумный, честолюбивый и корыстный гетманъ никакъ не могъ сойтись съ простотою Кочубея. Мазепа цѣнилъ въ Кочубеѣ одну рабочую силу, которая неустанно лѣтъ двадцать служила ему и за которую прощалъ гетманъ своему безотвѣтному слугѣ нескромную подчасъ болтливость его жены.

Казалось, что Кочубей не могъ стать Мазепѣ ни на какой дорогѣ. Однакожъ случилось такъ, что обоимъ, Мазепѣ и Кочубею, стало тѣсно жить вдвоемъ...

Любовныя похожденія Мазепы въ его юности, подробно разсказанныя шляхтичемъ Паскомъ, не разъ служили основою для поэтическаго вымысла, въ различной его формѣ, начиная отъ романа Булгарина и кончая поэмою Байрона. Другой романъ Мазепы, съ дочерью Кочубея, въ подробностяхъ мало извѣстенъ, такъ какъ прошелъ среди общества, которое неспособно было записать на память потомству даже и канву этого романа.

---

[4]) Чтенія 1859, I, 141—142.

Мазепа былъ женатъ, но мы ничего не знаемъ о его женѣ; кажется, то была вдова какого-то заднѣпровскаго шляхтича Фридрикевича; по крайней мѣрѣ, не разъ встрѣчаются въ архивныхъ бумагахъ извѣстія о „пасынкѣ Мазепы", Криштофѣ Фридрикевичѣ. Повидимому, жена Мазепы умерла въ 1704 г. [5]), и онъ сталъ сватать дочь Кочубея, Матрону, свою крестницу. Кочубей, не желая быть „законопреступнымъ отцомъ и маловѣрнымъ христіаниномъ", на бракъ не согласился. Тогда Мазепа Матрону „изнасиловалъ блудомъ". Объ этомъ жена Кочубея разсказывала такъ: „Хотѣлъ онъ, гетманъ, ихъ родную, а свою крестную дочь, взять за себя замужъ, и они-де ея за него не дали, для того, что она ему крестная дочь; и онъ-де, гетманъ, ту ихъ дочь, зазвавъ къ себѣ въ гости, изнасиловалъ блудомъ" [6]). Самъ Кочубей объ этомъ писалъ въ письмѣ къ царю, такъ: „Егда же предастъ Мазепа гробу жену свою, тогда новую изобрѣтаетъ на мя вражду, прельщая мя, устрашая, моля и смертію прещаше, дабы вторую дочь мою, дѣвицу, ему же воспріемленную отъ св. крещенія духовную дщерь, взяти могъ въ супружество. Какую дьявольскимъ дѣйствомъ возбудити мнѣ печаль, дабы азъ явленъ былъ всея вселенныя законопреступный отецъ и маловѣрный христіанинъ, какъ бы желаніе свое исполнити, зѣло о томъ мнѣ насильствуя, явѣ не возмогъ. Нощи же единыя, яко волкъ овцу изъ ограды, тою онъ дщерь мою похити тайно. Увѣдавъ же каковъ въ дому моемъ содѣяся плачъ и рыданіе и вопль многъ, возврати мнѣ дщерь. Прельщая своими рукописанными грамотками дщерь мою непрестанно къ своему зломыслію, посылая ей дары различные, яко единой отъ наложницъ, дабыхъ азъ отъ печали животъ погубилъ; но егда не возмогъ лестію, преклонися къ обаянію и чародѣянію и сотвори дѣйствомъ и обаяніемъ, еже дщери моей возбѣситися и бѣгати, на отца и матерь плевати" [7]).

Страстный по природѣ, Мазепа не выдержалъ характера и соблазнилъ дочь заслуженнаго войсковаго урядника. Увлеченіе доведено было до того, что соблазненная стала „бѣгать" къ соблазнителю изъ отцовскаго дома, стала „плевать" на отца и матерь. Изъ сохранившихся „рукописныхъ грамотокъ" Мазепы къ Матронѣ, видно, что страсть разгоралась постепенно, что у гетмана было достаточно времени одуматься. Въ одномъ письмѣ, должно быть, послѣ первыхъ свиданій, Мазепа пишетъ: „Запечалился я, услыхавъ о твоемъ гнѣвѣ, что отослалъ тебя домой, а не оставилъ у себя. Посуди сама, что̀ бъ изъ того вышло: во первыхъ, родные твои не преминули бы разгласить, что, захвативъ дочь ихъ, ночью, держу у себя за наложницу; а другое, оставаясь у меня, ни я, ни ты—не смогли бы сохранить благоразумія; стали жить бы, какъ въ бракѣ живутъ; а за симъ явилось бы неблагословеніе отъ церкви и клятва, чтобъ намъ вмѣстѣ не жить. Куда же бы я тогда подѣлся? Да и тебя было бы жаль, чтобъ потомъ на меня не плакала!" Но благоразуміе стараго гетмана было недолгое; въ слѣдующихъ письмахъ встрѣчаемъ уже такія фразы: „Вспомни только свои слова, вспомни свою присягу, посмотри на свою руку, которую не разъ давала мнѣ въ залогъ, что до смерти любить

---

[5]) Чт. 1859, I, стр. 125 и 130. О владѣніи села Хрипковскаго (городн. у.) старожилы въ 1729 г. показали, что „Мазепа отдалъ то село пасынку своему Криштофу Фридрикевичу, которымъ онъ владѣлъ, а по немъ жена его и сынъ Григорій". Слѣдствіе о маетностяхъ черниговскаго полка 1729 г., рукопись.

[6]) Чт. 1859, I, 65.

[7]) Тамъ же, 125—126.

будешь, хоть будешь женою, хоть не будешь!"—„Цѣлую уста коралевіи, ручки бѣленькія и всѣ члонки тѣльця твоего бѣленькаго, моя любенько, коханая." Благоразуміе исчезло: Мазепа сталъ жить съ Матреною, „якъ малженство (бракъ) кажетъ". Но этого мало; соблазнивъ Кочубеевну Мазепа для поддержанія ея страсти, заставлялъ ее смотрѣть на отца и мать, какъ на враговъ. „Коли они (отецъ и мать), проклятые, чураются (отрекаются) тебя, иди въ монастырь...." „Тяжко опечалился, услыхавъ, что тая катувка (катъ-палачъ; рѣчь идетъ о матери) не перестаетъ тебя мучить; самъ не знаю, что̀ съ нею, гадиною, дѣлать..." [8]). Что̀ же сдѣлалъ Кочубей послѣ такого ужаснаго поруганія „чести дому?" Сохранились письма его къ Мазепѣ, писанныя, какъ видно, подъ первыми впечатлѣніями дочерняго позора. „Лучше смерть", пишетъ Кочубей, „чѣмъ жить въ моемъ настоящемъ положеніи! Горько мнѣ слыть въ числѣ тѣхъ, которые, ради житейскихъ выгодъ, жертвуютъ своими дочерьми, за что законъ грозитъ смертною казнью. Горе мнѣ несчастному! Могъ ли я надѣяться, послѣ тѣхъ службъ, которыя понесены мною для войска, нести такой укоръ! Чѣмъ же я заслужилъ такое презрѣніе, покрывшее меня своими язвами? Приходилось ли кому испытывать подобное положеніе, изъ тѣхъ, которые прежде меня жили при гетманахъ и служили имъ? Горе мнѣ несчастному, всѣми оплеванному, до такого конца дожившему! Изчезли всѣ надежды мои на счастье дочери; плачемъ стала радость, горемъ—веселье. Одни помышленія могутъ успокоивать меня теперь, — помышленія лишь о смерти! Покрывшій меня позоръ не позволяетъ мнѣ взглянуть прямо въ глаза не только чужимъ людямъ, но и своимъ близкимъ и домашнимъ. Будучи въ такомъ состояніи, проливая постоянныя слезы вмѣстѣ съ своею женою, „не могу бывати у вашей вельможности, въ чемъ до стопы ногъ в. в-ти рабски кланяюся, пренаипокорнѣ прошу себѣ милостиваго разсмотрительнаго пробоченья" [9]) (извиненія). Повидимому, приведенное письмо было отвѣтомъ на приглашеніе Кочубея Мазепою — бывать у него, по прежнему. Вѣрно, что по этому только поводу, Кочубей рѣшился излить передъ гетманомъ свое горе, не позволивъ себѣ однако сдѣлать ни одного личнаго упрека „рейментару". Сохранился и отвѣтъ Мазепы на жалобы поруганнаго отца, отвѣтъ, замѣчательный по тому тону, въ которомъ Мазепа нашолъ нужнымъ отвѣчать. „Жалуешься намъ на какое-то свое сердечное горе. Правильнѣе было бы жаловаться „на свою гордую, велерѣчивую жену", которую, какъ вижу, не умѣешь обуздать, забывая, что и на кобылъ надѣваютъ мундштукъ. Жена твоя, а не кто другой, причина твоей печали, коли такое случилось въ твоемъ домѣ. Св. Варвара уходила отъ отца своего Діоскора не въ домъ гетманскій, а принуждена была скрываться въ горнихъ ущельяхъ, межъ пастухами. Правду говоря, не будетъ обезпеченъ твой покой, пока ты не покинешь „своего бунтовничего духу", который объялъ тебя, не столько по природному упрямству, сколько по нашептыванію женскому. Если и приключилась тебѣ и дому твоему, по Божьему произволенію, какая пагуба, то не на кого тебѣ больше плакаться, какъ на свою и женину гордость и высокоуміе. Шестнадцать лѣтъ прощалъ я всякіе ваши проступки, смертью грозившіе, однакоже ничего добраго изъ того не вышло; терпѣніе мое и доброта никакихъ результатовъ не принесли. А что намекаешь въ сво-

---

[8]) Чт. 1859, I, 129—130.
[9]) Чт. 1859, I, 130.

емъ „пашквильномъ письмѣ" о какомъ-то блудѣ, о томъ я ничего не знаю и не понимаю твоего намека, развѣ самъ блудишь, слушая жену; не даромъ же народъ говоритъ: gdzie ogon rządzi, tam pewne głowa błądzi". Письмомъ этимъ Мазепа говорилъ: ни о какомъ блудѣ знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; а если дочь ваша и оставалась въ моемъ домѣ, то по нуждѣ, укрываясь отъ вашей же злобы; да при этомъ напомнилъ Кочубею о какихъ-то его „проступкахъ смерти годныхъ". Понимая свою силу, изъ обвиняемаго Мазепа становился въ положеніе обвинителя, и позоръ Матрены Кочубеевны былъ забытъ. Мазепа сталъ по прежнему бывать гостемъ у своего генеральнаго судьи. Вспоминали иногда и про Матрену. Разъ, будучи у Кочубея на именинахъ, Мазепа, вспоминая прошлое, спросилъ у Кочубеевъ: почему они не отдали за него Матрену? Старая Кочубеиха не утерпѣла сорвать сердце и отвѣчала: „Полно тебѣ коварничать! дочь ты нашу изнасиловалъ и съ насъ рвешь головы, будто мы переписывались съ Крымомъ" [10]). Мазепа продолжалъ, значитъ, отрекаться отъ обвиненія, самъ обвиняя К-беевъ, что, по ихъ упрямству, Матрена лишилась счастья сдѣлаться гетманшею.... Затѣмъ была забыта и Матрена, о которой не сохранилось никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній; нужно думать, что она умерла тогда же, можетъ быть, отринутая и осторожнымъ любовникомъ, и раздраженною матерью. Кочубей сталъ въ прежнія отношенія къ Мазепѣ, продолжалъ судействовать и, наконецъ, посвященъ былъ въ зародившуюся у гетмана мысль объ измѣнѣ.

Какъ по предположеніямъ Орлика, такъ и по показанію Кочубея, мысль объ измѣнѣ возникла у Мазепы не раньше начала 1706 г., въ Минскѣ, когда его честолюбіе встрѣтилось съ обѣщаніями отъ княгини Дольской черниговскаго княжества и другихъ почестей. Мазепа тогда же передалъ Кочубею содержаніе письма Дольской и вообще не скрывалъ отъ него зародившихся намѣреній, которыя ревностно поддерживалъ между прочимъ и Апостолъ, человѣкъ очень близкій Кочубею. Въ Маѣ 1707 г., одну изъ дочерей Кочубея посваталъ Чуйкевичъ. Мазепа завелъ обычай, что старшины спрашивали его окончательнаго позволенія на бракъ своихъ дѣтей. Кочубей разсказываетъ, что гетманъ, давая свое согласіе на этотъ бракъ, совѣтовалъ обождать, пока Малороссія присоединится къ Польшѣ, что тогда дочь его можетъ сдѣлаться женою какого нибудь значительнаго шляхтича. Кочубей, какъ видно, слушалъ мечтанія Мазепы наравнѣ съ другою старшиною, съ которою по связямъ родства и дружбы не могъ не быть единомышленникомъ. Мысль о доносѣ царю на гетмана не ему могла прійти, а его женѣ, на которую Мазепа давно уже совѣтовалъ мужу — надѣть мундштукъ... Подробности перваго осуществленія этой мысли вполнѣ подтверждаютъ эту догадку.

Проходя чрезъ Батуринъ, на возвратѣ изъ Кіева, два монаха сѣли подъ корчмою отдохнуть. Къ нимъ подходитъ козакъ и указываетъ на Кочубея, какъ на человѣка, не отпускающаго стороннихъ людей безъ милостыни. Монахи пошли въ домашнюю кочубееву церковь, на вечерню и нашли тамъ Кочубеиху. По окончаніи вечерни, на поклонъ монаховъ, Кочубеиха, спросивъ ихъ, что̀ за люди, позвала къ себѣ въ домъ, ужинать и ночевать. На другой день, воскресный, въ заутрени монахи опять встрѣтили Кочубеиху. По окончаніи заутрени, монахи стали было прощаться, благодарить ее за пріютъ, но Кочубеиха ихъ не отпускала,

---

[10]) Чтенія 1859, I, 65.

приглашая остаться на обѣдню и обѣдъ. Неотступно задерживала Кочубеиха монаховъ, пока мужъ рѣшился высказать имъ тайну, послѣ чего отступать уже будетъ поздно... Наконецъ тайна была высказана, при чемъ Кочубеиха говорила, повидимому, больше мужа [11]). Въ Сентябрѣ, Никаноръ, одинъ изъ монаховъ, былъ уже въ Москвѣ и подробно передалъ въ Преображенскомъ Приказѣ рѣчи Кочубеевъ. Однако разсказъ Никанора, повидимому, остался, безъ послѣдствій; о немъ даже не узналъ и самъ Мазепа, имѣвшій въ Москвѣ немало благопріятелей [12]). Можно думать, что послѣ разсказа Никанора за Мазепою слѣдили, но ничего подозрительнаго не замѣчали. Да и трудно было замѣтить: въ тотъ самый день, когда Никаноръ передавалъ въ Москвѣ разсказъ Кочубеевъ, въ тотъ самый только день Мазепа посвятилъ въ свою тайну ближайшаго своего подручника — Орлика [13]). Дѣло велось осторожно. Неостороженъ былъ Мазепа только съ Кочубеемъ, забывъ о его женѣ.

Между тѣмъ, Кочубеи недоумѣвали, что такъ долго не было никакихъ извѣстій о послѣдствіяхъ ихъ доноса чрезъ Никанора. Такъ дѣло протянулось до начала 1708 г. По царскому приказу, Мазепа собирался въ походъ за Днѣпръ; Кочубеи боялись оставаться при гетманѣ и отпросились въ Диканьку [14]). Здѣсь былъ составленъ планъ другаго доноса: уговорили поѣхать къ царю перекреста Еврея, Петра Яценка, которому содержаніе доноса передано было словесно [15]). Вслѣдъ за отъѣздомъ Яценка, Кочубеи, пригласивъ въ свой совѣтъ Искру и священника Святайлу, своихъ свойственниковъ, убѣдили ихъ ѣхать къ ахтырскому полковнику Осипову, просить еще и его — передать тотъ же доносъ царю. Кочубей спѣшилъ поставить себя по крайней мѣрѣ въ безопасное положеніе отъ Мазепы, который уже прослышалъ о доносѣ чрезъ Яценка. 24 Февраля гетманъ писалъ царю, что онъ получилъ подлинную вѣдомость о томъ, что перекрестъ Яценко посланъ въ Москву отъ кого-то изъ старшины, съ доносомъ, что будто онъ, гетманъ, царю невѣренъ.... [16]) Мазепа здѣсь хитрилъ: его уже извѣстили, что доносъ посланъ Кочубеемъ и Искрою. Царь прямо отвѣчалъ Мазепѣ, что доносъ ему присланъ отъ Кочубея и Искры, что, по его мнѣнію, участіе въ этомъ доносѣ принимаетъ и Апостолъ, что доносу онъ не даетъ и малѣйшей вѣры, а находитъ нужнымъ всѣхъ ихъ изловить, чтобъ не ушли, для чего предлагалъ „приманить" ихъ, разрѣшая Мазепѣ, „что если онъ, кромѣ сего способа, можетъ всѣхъ трехъ доносчиковъ достать, то, не спуская времени, пусть ловитъ и, сковавъ, присылаетъ къ нему" [17]). Мазепѣ только того и нужно было; онъ сейчасъ же распорядился послать въ Диканьку своего племянника Трощинскаго, гадяцкаго полковника, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ цѣлаго компанейскаго полка, пятисотъ „волоховъ" и ста выборныхъ козаковъ. Чего боялся Мазепа, посылая тысячный отрядъ, чтобъ взять двухъ старшинъ, у которыхъ подъ началомъ не было ника-

---

[11]) Чтенія 859, I, 63—68.

[12]) О доносѣ Никанора Мазепу извѣстилъ самъ царь только въ Мартѣ 1708 г., когда полученъ былъ уже Кочубеевъ доносъ чрезъ Яценка. Чт. 1859, I, 71.

[13]) Основа 1862, № 10, стр. 13.

[14]) Чт. 1859, I, 87.

[15]) Тамъ же, 120.

[16]) Тамъ же, 69.

[17]) Тамъ же, 71.

кого войска,—не знаемъ; можно предположить, что гетманъ боялся популярности Кочубея и Искры въ Полтавщинѣ, которая по своей близости къ Запорожью, вмѣстѣ съ послѣднимъ, вообще непріязненно смотрѣла на Мазепу. Отрядъ Трощинскаго прибылъ въ м. Будищи (10 верстъ отъ Диканьки) 18-го Марта и сталъ тамъ на ночлегъ,чтобъ утромъ идти и забрать Кочубея. Но Апостолъ, бывшій въ это время при Мазепѣ и котораго царь не даромъ подозрѣвалъ въ согласіи съ доносчиками, предупредилъ Кочубея. Миргородскій и прилуцкій полковники были главными повѣренными Мазепиной тайны; поэтому Апостолъ не могъ не знать о посылкѣ за Кочубеемъ Трощинскаго: а узнавъ объ этомъ, сейчасъ же послалъ нарочнаго—предувѣдомить „свата" о грозящей бѣдѣ. Апостоловъ посланецъ прибылъ въ Диканьку въ тотъ же вечеръ, когда Трощинскій остановился въ Будищахъ... Кочубей сейчасъ же послалъ своего гонца въ Полтаву за Искрою, и къ свѣту оба они поспѣшили въ Красный Кутъ (сотенный городокъ ахтырскаго полка), гдѣ могли считать себя внѣ власти Мазепы. Здѣсь ихъ встрѣтили, одинъ за другимъ, два офицера, Дубеневъ и Озеровъ, посланные Головкинымъ съ своей стороны „приманивать" Кочубея съ Искрой. Послѣдніе и не подозрѣвали, что ихъ заманиваютъ, какъ птицъ въ западню, и спѣшили уходить подъ защиту царя, вѣря, что ихъ зовутъ: „о томъ дѣлѣ разговаривать и совѣтовать, дабы же злое начинаніе возможно было упредить" и что за тѣмъ кромѣ „превысокой милости" имъ ждать нечего... Ровно черезъ мѣсяцъ по выѣздѣ изъ Диканьки, Кочубей съ Искрою привезены были въ Витебскъ, гдѣ ихъ встрѣтили Головкинъ и Шафировъ, назначенные царемъ для розыска. Царь, повидимому, твердо былъ убѣжденъ, что доносъ Кочубея является „по нѣкакой непріятельской факціи". Все слѣдствіе было направлено къ раскрытію этихъ факцій; вѣрность Мазепы при этомъ была внѣ всякаго подозрѣнія. Слѣдователи такъ и дѣйствовали. Съ одной стороны царскія предуказанія, а съ другой небезкорыстная пріязнь къ Мазепѣ [18]), заставили слѣдователей добиваться одного, — по чьимъ факціямъ задуманъ былъ доносъ... 10-го Апрѣля начато было слѣдствіе, а 21-го стали уже Кочубея съ Искрою подъ пыткою спрашивать, „по чьему наущенію, и не по факціямъ ли и не по подсылкѣ ли о томъ какой отъ непріятеля „явился доносъ?". Пытка произвела свое дѣйствіе: Кочубей повинился, что никакихъ къ нему подсылокъ отъ непріятеля не было, а все то затѣялъ онъ на гетмана ложно, по злобѣ [19]).... 24 Апрѣля Головкинъ писалъ царю, что такъ какъ Кочубей зѣло старъ и дряхлъ безмѣрно, того ради пытать его дольше онъ не рѣшился, чтобъ прежде времени не издохъ. Да и доискиваться болѣе нечего было. Головкинъ распорядился перевезти доносчиковъ въ Смоленскъ, чтобъ оттуда направить ихъ къ Кіеву, о чемъ умолялъ Мазепа слѣдователей, чтобъ не выпустить изъ рукъ опасныхъ ему людей. Но царь настаивалъ, что безъ непріятельскихъ факцій доносъ не могъ быть задуманъ. Кочубея съ товарищами снова вернули въ Витебскъ и снова пытали. 30 Мая Головкинъ снова писалъ царю, что доносъ Кочубея — одна его злоба на гетмана. Царь согласился кончить слѣдствіе, назначивъ преступникамъ за ложный доносъ — смертную казнь. Исполненіе казни Мазепа выпросилъ себѣ. 11 Іюля Кочубей и Искра привезены „съ большимъ опасеніемъ" въ Борщаговку, подъ Бѣлою Церковью, гдѣ стоялъ Мазепа лагеремъ.

---

[18]) См. письма Головкина и Шафирова, писанныя къ Мазепѣ во время слѣдствія. Чт. 1859, I.

[19]) Подробности въ Чт. 1859, I; Соловьевъ XV.

Исполняя царское указаніе, слѣдователи допытывались, по чьему наущенію Кочубей доносилъ; а желая угодить гетману, слѣдователи три раза допрашивали Кочубея о его пожиткахъ [20]), „сколько ихъ имѣетъ и гдѣ онѣ лежатъ". До малѣйшихъ подробностей исчислилъ еще въ Витебскѣ Кочубей свои пожитки; но Мазепа не удовлетворился этимъ показаніемъ. Онъ не интересовался причинами доноса, хорошо зная, что онъ затѣянъ „факціями" „Любки" (Любови, жены К-бея), но онъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ—увеличить, на счетъ враговъ, средства своего „скарба"; поэтому, не удовлетворяясь показаніями Кочубея, которыя тотъ далъ въ Витебскѣ, о своемъ богатствѣ, Мазепа поручилъ Ломиковскому съ Антономъ Гамалѣемъ, еще разъ передопросить подъ пыткою, Кочубея, объ этомъ, можетъ быть наканунѣ казни [21]). За тѣмъ 14 Іюля, среди казацкаго лагеря, Кочубей и Искра были обезглавлены.

Обратимся теперь къ оставленной въ Диканькѣ семьѣ Кочубея. Ночью 19-го Марта Кочубей оставилъ Диканьку, а утромъ туда прибылъ Трощинскій. Не повѣривъ уходу Кочубея, онъ обыскалъ весь домъ и вернулся въ Будищи. Это было въ Пятницу. Въ Понедѣльникъ Трощинскій снова прибылъ въ Диканьку уже со всѣмъ своимъ отрядомъ и сталъ квартирою въ концѣ села. Сюда Трощинскій приказалъ привести старую Кочубеиху, пославъ за нею волошскаго ротмистра съ нѣсколькими Волохами. Кочубеиха въ это время, вмѣстѣ съ невѣсткой, служила въ церкви молебенъ, кажется, по случаю имянинъ своего мужа. Ротмистръ пошолъ за нею въ церковь и звалъ къ Трощинскому. Но характерная Кочубеиха отвѣчала: „не пойду изъ церкви, лучше здѣсь пострадаю, передъ алтаремъ, какъ Захарія!" Однакожъ нужно было идти, и только что вышла она, ее, вмѣстѣ съ невѣсткой, подхватили Волохи, посадили въ коляску и отвезли къ Трощинскому. Здѣсь сказано Кочубеихѣ ждать, пока выйдетъ Трощинскій; но эта женщина не любила вообще пассивныхъ положеній: не смотря, что весь дворъ занятъ казачьими лошадьми, Кочубеиха сама пошла къ дому, гдѣ остановился Трощинскій, „тиснячись промежъ коньми войсковыми". Только что Кочубеиха подошла къ крыльцу, „ажъ Трощинскій выйшолъ и сталъ въ ганку (крыльцо) въ кафтанѣ бѣломъ, безъ пояса, только въ мештахъ (туфли) и совтыкъ, велико пьянымъ будучи". Не ожидая рѣчей Трощинскаго, Кочубеиха первая отозвалась: „Такъ это Мазепа прислалъ столько войска за моимъ паномъ, за вѣрную его службу войску, на писарствѣ и судействѣ!" Трощинскій, не отвѣчая, приказалъ Волохамъ стрѣлять по Кочубеихѣ... И не случись здѣсь Кожуховскаго (котораго компанейскій полкъ находился въ отрядѣ), не сдоброваля бы Кочубеиха: Кожуховскій удержалъ Волоховъ, которые взвели уже было курки въ ружьяхъ.... Кочубеиху отвезли въ ея домъ и окружили стражею. Жену молодаго Кочубея, Маѳу Ивановну, отпустили въ Сорочинцы (имѣніе Апостоловъ), какъ было разрѣшено Мазепою. Въ ночь на 21-го Марта Трощинскій получилъ отъ Мазепы приказъ забрать Кочубеиху со всѣмъ ея семействомъ и имуществомъ и перевезти въ Батуринъ. Здѣсь семья Кочубея оставалась до конца Октября. 23-го Октября Мазепа оставилъ Батуринъ навсегда, а дня черезъ три семью Кочубея забрала оттуда какая-то монахиня Новомлинскаго монастыря и отвезла въ Сорочинцы. Повидимому, сдѣлано это было по распоряженію Апостола, съ согласія Мазепы. Въ Сорочинцахъ собрались семьи Апостола и Кочубея;

---

[20]) Чт. 859, I, 126, 140 и 142.

[21]) Бант.-Каменскій, III, примѣч. 113, и Чт. 1859, I, 143.

сюда же подъѣхала и вдова Обидовскаго, Анна. Въ это время сторонники Мазепы были уже съ нимъ, у Карла XII-го. Семьямъ ихъ, какъ кажется, сказано было перебираться на правую сторону Днѣпра, ближе къ Польшѣ и тамъ ждать рѣшенія поставленнаго отцами ихъ вопроса..... Апостолъ распорядился отправить свою семью за Днѣпръ, въ Крыловъ. Переждавъ въ Сорочинцахъ родины внука Павла (Кочубея), старая Апостолиха двинулась въ путь, забравъ съ собою и семьи зятя Ломиковскаго, Василія Кочубея (молодого) и Анны Обидовской. Кочубеихѣ съ Искрихой уходить было незачѣмъ, и онѣ вдвоемъ поѣхали въ Полтавщину, гдѣ и пріютились въ Искриной пасѣкѣ (теперь с. Искровка), выжидая результатовъ совершавшихся событій... Какъ кажется, больше надѣялись на успѣхъ замысловъ Мазепы: иначе не пустила бы старая Кочубеиха своего сына Василія слѣдовать за семьею Апостола, уходившею за Днѣпръ только на время, пока перейдетъ военная тревога, поднятая неожиданно для Мазепинцевъ вступленіемъ Карла въ Малороссію [22]). Для Кочубеихи событія послѣдовали скорѣе, чѣмъ она ожидала. Взявъ Батуринъ, Меншиковъ послалъ въ Полтавщину къ старшему Кочубеенку письмо: „Господинъ Кочубей! Кой часъ сіе письмо получишь, той часъ поѣзжай до царскаго величества, въ Глуховъ и возьми матку свою и жену Искрину, и дѣтей, понеже великая милость государева на васъ обращается“. Письмо получила старая Кочубеиха и сейчасъ же послала гонца за сыномъ, который въ это время былъ уже въ Кременчугѣ, а сама поѣхала къ отцу, жившему на покоѣ въ с. Жукахъ. Здѣсь она ожидала сына.... Но—пріѣхалъ изъ Полтавы родственникъ съ извѣстіемъ, что Левенецъ, тогдашній полтавскій полковникъ, хвалится поймать старую Кочубеиху и отправить къ Мазепѣ. Нужно было уходить. 15-го Ноября Кочубеиха оставила Жуки и бѣжала въ Харьковъ, гдѣ разузнавши, что царь въ Лебединѣ, поспѣшила туда. Въ Декабрѣ Кочубеиха предстала предъ царя и на вопросъ, чего желаетъ, просила возвращенія имѣній и полтавскаго полковничества старшему сыну [23]). Имѣнія были возвращены, а полковничество обѣщано было по открытіи свободнаго уряда. Затѣмъ, грамотою 1718 г., Кочубеямъ были отданы и Искрины имѣнія (см. Искры).

Старый Кочубей оставилъ двухъ сыновей, Василія и Ѳедора. Старшій по смерти отца остался бунчуковымъ товарищемъ и только въ 1727 г. получилъ урядъ полтавскаго полковника. Службу свою Василій К-бей, въ 1741 г., описываетъ такъ:

1731. Все зимнее время съ полтавскимъ полкомъ, для предосторожности отъ нападенія легкомысленныхъ воровскихъ набѣговъ, при р. Днѣпрѣ, въ м. Кишенькѣ найдовался. 1732. По ордеру князя Шаховскаго, стояли на р. Тамлицѣ, для нѣкоторой опасности. 1733. Стояли на р. Орелѣ, съ полкомъ, подъ м. Нехворощею, въ командѣ генер. Шверина. 1734. По ордеру генерала Вейзбака, стояли чрезъ всю зиму съ полкомъ въ м. Кобелякѣ, для обереженья воровскихъ заграничныхъ набѣговъ, какъ и село Быркутъ за р. Днѣпромъ, Татарами разорено. 1735. Весь тотъ годъ въ Москвѣ, у переводу и своду правныхъ малороссійскихъ книгъ найдовался. 1736. Отправленъ я изъ Москвы, отъ помянутаго переводу и своду правныхъ книгъ, въ Украину до графа ф. Миниха и по его ордеру и по приказу кн. Шаховскаго, обрѣтался въ высылкѣ изъ

---

[22]) Соловьевъ XV, 325.

[23]) Ригельм. III, 88. Должно быть, вслѣдъ за казнью, Мазепа отобралъ Кочубеевы имѣнія.

Малой Россіи подводъ съ провіантомъ, за всероссійскою арміею, въ Крымскую область, до Перекопу. 1737. Стоялъ съ полкомъ всю зиму въ пограничномъ мѣстечкѣ въ Царичанкѣ, на р. Орелѣ, по указу графа ѳ. Миниха, а черезъ все лѣто найдовался, съ полкомъ же, при арміи, въ походѣ крымскомъ, подъ Карасевомъ, въ командѣ графа ѳ. Лесія. 1738. Стоялъ съ полкомъ своимъ, при украинской линіи, на стражѣ отъ непріятеля, у мѣст. Маятки, чрезъ зимнее время; а чрезъ лѣто обрѣтался при р. Кустоловой, съ оставшимися козаками и посполитыми, для обереженья отъ непріятельскихъ нападеній. 1739. Обрѣтался чрезъ зиму, съ полкомъ при р. Днѣпрѣ, въ м. Келебердѣ, подъ командою кн. Репнина; и подъ часъ нападенія въ то время татарскаго, на миргородскій полкъ ставшагося, ходили съ нимъ же въ миргородскій полкъ для прогнанья оттолѣ онаго непріятеля, а чрезъ все лѣто 1739 г. былъ съ полкомъ своимъ при арміи, подъ командою графа ѳ. Миниха, въ Хотинскомъ походѣ.

Служба Вас. Кочубея представляетъ собою довольно характерное изображеніе той дѣятельности „Войска Запорожскаго", на которую оно обречено было во второй четверти XVIII в. Правительство, желая заглушить въ этомъ „войскѣ" воспоминаніе о его самобытности, употребляло его преимущественно на форпостную службу, на которой, простаивая цѣлые годы, „войско", въ лицѣ своей старшины, окончательно деморализовалось. Старшина стала избѣгать этой службы и давала возможность своимъ подначальнымъ дѣлать тоже, собирая съ нихъ за это „знатныя датки". Въ 1736 г. Минихъ писалъ въ Петербургъ: „Въ прежнія времена гетманскіе козаки могли выставить въ поле до 100,000 человѣкъ; въ 1733 г. число служащихъ убавлено до 30,000 и въ нынѣшнемъ году до 20,000, изъ которыхъ теперь 16,000 человѣкъ наряжены въ крымскій походъ; имъ велѣно въ началѣ Апрѣля быть у Царичанки въ полномъ числѣ; но мы уже прошли 300 верстъ отъ Царичанки, а козаковъ гетманскихъ при арміи только 12,730 человѣкъ, и половина ихъ на телѣгахъ ѣдутъ, и отчасти плохолюдны, отчасти худоконны, большую часть ихъ мы принуждены возить съ собою какъ мышей, которыя напрасно только хлѣбъ ѣдятъ".... Говоря, какъ старшина всевозможными средствами старается избѣгать службы, Минихъ иронически замѣчаетъ между прочимъ и о полтавскомъ полковникѣ: „полтавскій полковникъ К-бей имѣетъ въ Москвѣ важное порученіе при составленіи новаго уложенія для Украйны, для такой земли, гдѣ никакого права нѣтъ, но кто больше дастъ, тотъ и дѣло въ судѣ выиграетъ [24])". Въ 1743 г. Кочубей былъ въ чемъ-то заподозрѣнъ: „ѣздили допрашивать полковника полтавскаго, Кочубея, противъ поданнаго на него доноса", отмѣчаетъ въ дневникѣ своемъ Марковичъ. Въ чемъ было дѣло—неизвѣстно. Въ томъ же 1743 г. Кочубей и умеръ, оставивъ трехъ сыновей: Семена, Василія и Павла, изъ которыхъ ни одного не успѣлъ и женить. Старшій въ это время былъ уже бунчуковымъ товарищемъ; положеніе свое онъ самъ себѣ устроилъ женитьбою на дочери бунчуковаго товарища Герасима Демешка, который только въ 1742 г. вышелъ изъ числа рядовыхъ козаковъ козелецкой сотни. Знатный происхожденіемъ въ ряду современной ему старшины, Семенъ Кочубей не задумался посватать Демешковну за то, что отецъ ея былъ родной дядя Разумовскихъ. Сговоръ сдѣланъ былъ въ Петербургѣ. „14-го Января 1746 г., въ домѣ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго былъ сговоръ Семену Васильевичу Кочубею съ двоюродною сестрою графскою Ксеніею Герасимовною, и ихъ же размѣняно перстнями, которые обоимъ,

[24]) Соловьевъ, XX, 98.

жениху и невѣстѣ, сама Государыня отдавать и на руки наложить изволила". Такъ записалъ въ своемъ дневникѣ Н. Д. Ханенко. „Потомъ была", продолжаетъ онъ, „вечеря, гдѣ и мы у стола сидѣли и кушали; а по ужинѣ были санти, до коихъ и насъ употреблено. Тогдажъ графъ (Раз-ій) принесъ золотую табакерку съ алмазами и подарилъ Кочубею" [25]). Засватаннаго Кочубея не замедлили назначить полковникомъ въ Нѣжинъ, гдѣ онъ праздновалъ и свадьбу свою, осенью въ томъ же 1746 году [26]).

Въ Февралѣ 1750 г. въ Глуховѣ происходила „элекція" Разумовскаго, а въ Мартѣ посланы были депутаты въ Спб. просить императрицу объ утвержденіи избраннаго гетмана; въ числѣ депутатовъ былъ и Кочубей. Новый гетманъ пріѣхалъ въ Глуховъ только лѣтомъ 1751 г., и однимъ изъ первыхъ представленій въ Спб. было ходатайство о назначеніи Семена Кочубея генеральнымъ обознымъ, урядъ котораго считался первымъ послѣ гетманскаго. Отказа въ ходатайствѣ, разумѣется, быть не могло. 15-го Октября Кочубей былъ пожалованъ урядомъ обозничества, а 12-го Ноября представилъ онъ гетману, что „въ бытность гетмана Апостола опредѣлено на тотъ рангъ 400 дворовъ, которыми и владѣлъ покойный генер. обозный Яковъ Лизогубъ; а въ прошломъ 1749 г. изъ тѣхъ ранговыхъ маетностей, самое лучшее—село Городище, синявской сотни, по сенатскому указу отдано черниговскому троицкому монастырю; а нынѣ на его рангъ осталось посполитыхъ только 80 дворовъ, да и то разоренныхъ во время послѣдней вакансіи обозничества, и что ему, Кочубею, по пристойности его чина, содержать себя изъ того разореннаго владѣнія нечѣмъ, ибо онъ всегда долженъ находиться при резиденціи гетманской. И просилъ поэтому Кочубей гетмана, дать ему на рангъ обознаго другія маетности, а именно мѣстечки Новые Млины, Конотопъ и Борзну, въ которыхъ, по ревизіи 1751 г., числится посполитыхъ 447 дворовъ, Гетманъ нашолъ просьбу Кочубея справедливою: „въ разсужденіи представленныхъ отъ обознаго генеральнаго резоновъ", писалъ гетманъ въ своемъ универсалѣ, „по данной намъ власти, опредѣляемъ вновь на рангъ его, обознаго генеральнаго Кочубея, другія маетности, а именно мѣстечки Новые Млины, Конотопъ и Борзну, со всѣми къ онымъ принадлежностями и угодіями [27])".

Мѣстечки въ старой Малороссіи были тѣми центрами, изъ которыхъ возникали нынѣшніе уѣздные города; они часто такъ и назывались „городками", въ отличіе отъ старыхъ большихъ городовъ: Чернигова, Нѣжина, Стародуба и друг. Населеніе ихъ состояло, какъ и теперь, изъ козаковъ и мѣщанъ. Первые входили въ составъ „сотни", центръ которой обыкновенно и находился въ такихъ городкахъ. Мѣщане составляли особый классъ, который вѣдала мѣстная ратуша; они хотя и составляли часть „посполъства", но посполъства свободнаго отъ „подданической" повинности; общественныя повинности мѣщанъ заключались въ поддержаніи мѣстнаго, городскаго хозяйства. До Разумовскаго мѣщане никогда не были отдаваемы въ „подданство" старшинѣ, по крайней мѣрѣ мѣщане тѣхъ городковъ, въ которыхъ существовало ратушное управленіе. Первый примѣръ такой отдачи видимъ въ приведенномъ универсалѣ Разумовскаго, по которому мѣщане трехъ городковъ, съ ихъ цехами, отданы были въ „подданство" Кочубею, на равнѣ съ крестьянами. Это былъ примѣръ

---

[25]) Рукописный дневникъ Н. Д. Ханенка, у Ал-ра Ив. Ханенка.

[26]) Зап. Марковича, II, 239.

[27]) Обозр. Рум. Описи Малор. 204—207.

необычайный для того времени; черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ этого, румянцовскіе чиновники, описывая м. Н. Млины, о крестьянахъ Кочубея отмѣтили, что въ крестьяне они записаны „изъ мѣщанъ свободныхъ“ [28]). Кочубей владѣлъ этими мѣщанами до смерти; разумѣется, лучшихъ ранговыхъ маетностей ни у кого не было, такъ какъ мѣщанство, занимаясь преимущественно ремеслами, было гораздо богаче сельскаго населенія.

Кочубей при Разумовскомъ пользовался первенствующимъ значеніемъ; при Румянцовѣ онъ назначенъ былъ однимъ изъ восьми членовъ Малороссійской Коллегіи, при чемъ получилъ чинъ генералъ-майора [29]).

Младшій сынъ стараго Кочубея, Ѳедоръ, послѣ отца остался еще „панычемъ“; изъ него впослѣдствіи вышелъ довольно типичный „державца“, можетъ быть подъ вліяніемъ того вниманія, которое было оказано правительствомъ семейству безвинно казненнаго отца. У насъ имѣется два эпизода изъ его державческой жизни. Первый случился въ 1717 г. съ атаманомъ с. Быстрика. На глуховской ярмаркѣ быстрицкій козакъ Морозенко, напившись пьянъ, побилъ дубовицкую крестьянку Яковиху (изъ с. Дубовичъ, „подданную“ Кочубея), которая сорвала съ него за это шапку. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Морозенко встрѣтилъ Яковиху на ярмаркѣ въ Кролевцѣ и пошолъ жаловаться за шапку „выѣзчему“ (особому чиновнику, котораго изъ Глухова высылали на значительныя ярмарки). Чиновникъ присудилъ вернуть шапку, а когда Яковиха успѣла скрыться, приказалъ Морозенку взять, за шапку, лошадь у одного изъ Дубовичанъ. Кочубей жаловался кролевецкому сотнику, что взята лошадь его подданнаго, вовсе къ дѣлу непричастнаго; сотникъ обѣщалъ „дать управу“, но обѣщанія не исполнилъ. Тогда Кочубей послалъ въ Быстрикъ семь душъ изъ своихъ „бояръ“ (дворовыхъ слугъ), приказавъ имъ отобрать у Морозенка коня, хотя и силою. Пріѣхавъ къ Морозенку, слуги Кочубея, не заходя въ хату, пошли искать коня по хлѣвамъ. Въ это время у Морозенка случился сельскій атаманъ, сидѣвшій у него „на учтѣ“ (въ гостяхъ).

—„Что̀ вы за люди“, спросилъ атаманъ, наѣхали на чужой дворъ, да и распоряжаетесь, какъ дома?—Мы посланы отъ п. Кочубея за конемъ, котораго если не отдадите доброю волею, возьмемъ и силою.—Силою не возьмете! А такъ, отдать можно, еслибы у васъ было письмо отъ п. Кочубея, или отъ нашего сотника. А письма нѣтъ, такъ и отъѣзжайте съ тѣмъ, съ чѣмъ пріѣхали! А станете насильничать,—прикажу въ колоколъ ударить, на тревогу.

Отъѣхавъ ни съ чѣмъ, посланцы донесли Кочубею, что быстрицкій атаманъ бранилъ и его и матку его, старую Кочубеиху.—Ѣдучи разъ въ кролевецкій свой хуторъ Ретикъ, Кочубей самъ заѣхалъ въ Быстрикъ, и остановившись у тамошняго священника, послалъ за Морозенкомъ, чтобъ привели его вмѣстѣ съ конемъ. Случилось такъ, что вслѣдъ за Кочубеемъ заѣхалъ къ священнику и быстрицкій атаманъ, возвращаясь изъ Подолова, отъ генеральнаго судьи (Чарныша).

При немъ уже приведенъ былъ и Морозенко.—Такъ это ты грабишь невинныхъ людей!“ крикнулъ Кочубей на Морозенка и ударилъ его два раза, по щекамъ. Морозенко бросился къ атаману, прося его защиты.—Такъ и врагъ мой здѣсь! обратился къ нему Кочубей и „ударивши

---

[28]) Обозр. Рум. Оп., 328. Въ концѣ XVIII в. въ названныхъ трехъ городкахъ мѣщане являются вновь свободными.

[29]) Ригельманъ IV, 23.

его по щекамъ, велѣлъ слугамъ принять его, которые, выведя атамана на дворъ передъ окна, стали бить его въ два кія...“ Свидѣтель этой сцены, тулиголовскій священникъ, не вытерпѣвъ „изъ жалю великаго, якъ невиные забиваютъ человѣка“, замѣтилъ при этомъ: „перво панѣ старая (Кочубеиха) по шлякахъ держала разбой, а теперь самъ паныч сталъ на селахъ разбивати!“

Когда побитаго атамана ввели снова въ домъ, Кочубей ему сказалъ: „Теперь иди къ сотнику, если хочешь! А хочъ казывати будешь и до пана гетмана и до пана судіи, мнѣ ничего за тебя не учинятъ! Завеличався, скурвый сыну, мужикъ, що у пана судіи пообѣдалъ.“

Приведенный разсказъ тулиголовскій священникъ дополнилъ, что пани старая Кочубеева, зачувши отъ него объ атаманова, же близкій смерти (отъ побоевъ) скорбитъ вельми, приказала ему съ глуховскимъ протопопомъ, побывать у атамана и упросить—помириться; они были у атамана и просили его не жаловаться гетману, обѣщая наградить его, чѣмъ захочетъ, но атаманъ мириться не захотѣлъ.

Не согласившись на миръ, атаманъ пожаловался гетману; произведено было слѣдствіе, записали все то, чтó приведено выше, но тѣмъ дѣло и кончилось [30])....

Другой эпизодъ характернѣе. Вдова тиницкаго козака Ѳедора Пеняка, Оришка, желая защитить свой вдовій дворъ отъ общественныхъ повинностей, „отдалась въ протекцію“, какъ тогда говорилось, мѣстнаго панка, канцеляриста Григорія Михайлова, т. е. продала ему свою усадьбу, съ правомъ жить въ ней, за что должна была отбывать повинности, наровнѣ съ крестьянами. Старая Кочубеиха разгнѣвалась на Пенячиху, что не въ ея протекцію отдалась она и распорядилась—побить за то ея сына, а подданнымъ отданъ былъ приказъ смотрѣть, не попадется ли скотъ Пенячихи въ потравѣ, чтобъ забрать его и на дѣлѣ показать—какъ не выгодно отдаваться въ протекцію мелкихъ панковъ обходя большихъ. Одинъ изъ кочубеевскихъ крестьянъ, Гикаченко, подстерегъ скотъ Пенячихи на потравѣ и забралъ вола, зная, что, въ случаѣ жалобы, паны его поддержатъ. Это было въ 1720 г. Пенячиха и не жаловалась, зная, что за Гикаченка горой станетъ старая Кочубеиха. Но умеръ Скоропадскій; настали новые порядки: явилась въ Глуховѣ Коллегія, которая должна была „давнины перемѣнить, а поступать по новому“. Пенячиха рѣшилась пожаловаться наказному гетману.—„Два года назадъ Илько Гикаченко засталъ на своемъ полѣ моихъ гусей и за эту потраву взялъ у меня вола, коня и свиту. Я давала, говоритъ Пенячиха, за потраву пять четвериковъ ячменю чистаго, но Илько требовалъ пятьдесятъ копъ ячменю; а та нива всего мѣрою на два упруга [31]). Коня Илька отдалъ во „дворецъ“ (усадьба) Кочубея, откуда мнѣ возвратили изъѣздивши его, только „животъ“; а вола и свиты не отдаетъ до сихъ поръ и работаетъ воломъ уже два года. Да еще вдалъ меня до пани Кочубеевой, которая, взявши сына моего, велѣла кіями бить и только что не до смерти убили, а лежалъ онъ отъ того бою цѣлый годъ. Да и панъ Кочубей съ своими подданными долегливости (притѣсненія) мнѣ чинитъ, говоря: я за то на васъ имѣю сердце, что вы дворъ свой продали Григорію канцеляристу. А Илько говоритъ: „хоть вы мнѣ и спошъ заплатите, то вола не отдамъ

---

[30]) Арх. Мрск. Колл. № 447.

[31]) Въ десятинѣ четыре упруга, каждый 600 кв. сажень.

и другого еще возьму, да надѣюсь я на своего пана!“ Гикаченко былъ вызванъ въ судъ, который нашолъ жалобу Өедорихи не только справедливою, но открылъ, что и нива, на которой сдѣланъ былъ спошъ, принадлежала Пенячихѣ; судъ присудилъ поэтому возвратить ниву истицѣ, а за вола обязать Гикаченка заплатить, что́ слѣдуетъ по оцѣнкѣ сосѣдей. Сосѣди приговорили вола и свиту вернуть, а за работу вола заплатить за каждый лѣтній и осенній день. Гикаченко пошолъ совѣтоваться съ Кочубеемъ; тотъ сказалъ отдать только вола, а за работу его не платить. Өедориха снова обратилась къ Полуботку. Это было въ туже осень 1722 г.; время это было, какъ извѣстно, самое тревожное для Полуботка и его товарищей: Малороссійская Коллегія смотрѣла за ними во всѣ глаза [32]). Поэтому, получивъ вторую жалобу, Полуботокъ въ Ноябрѣ писалъ Кочубею, что напрасно онъ помѣшалъ Гикаченку кончить дѣло миромъ, „чего ради сей нашъ ординуючи листъ, пильно приказуемъ, чтобы всеконечно приказалъ Ильковѣ заграбленнаго вола и свиту Пенячихѣ вернуть и во всемъ ее успокоить; да и сами в. м., за побои сына Өедоришинаго Никиты, учинилъ бы ему награжденіе„ ижъ бы они не похотѣли вдатися до Малороссійской Коллегіи и такъ в. м. и подданнаго Илька до немалой не привели трудности“. Но Кочубей, какъ видно, не зналъ, или не хотѣлъ знать сдѣланныхъ въ это время распоряженій Вельяминова и на совѣтъ Полуботка отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ: „Подданный мой Гикаченко пожаловался мнѣ, что тиницкая козачка Оришка Өедориха, продавъ съ сыномъ своимъ грунтъ свой бывшему канцеляристу Григорію и въ его же отдавшись протекцію, не разъ стравливала своимъ скотомъ его, Гикаченково поле; а прошлое лѣто Гикаченко за ту потраву забралъ ея гуси; но я приказалъ гусей Оришкѣ вернуть, а взять вола, за что Өедориха пожаловалась въ генеральный судъ, что неправильно забралъ Гикаченко вола и коня, при чемъ будто бы и сына ея били въ моемъ дворѣ до полу-смерти. И по той жалобѣ, генеральный судъ выдалъ указъ, чтобъ Гикаченко во всемъ челобитчицу уконтентовалъ, а въ противномъ случаѣ, „становился бы на судъ“. По тому указу Гикаченко подалъ въ судъ оправдательную челобитную; но канцеляристы не только что не приняли той челобитной, но и самаго Гикаченка „съ очей согнали“ и безъ всякаго судебнаго рѣшенія приказали ему „тую челобитчицу Хведориху контентовать, страшачи нещаднымъ битьемъ и туремнымъ вязеньемъ“. Дѣло это мнѣ хорошо извѣстно и заключается оно въ томъ, „что по указу покойной матки моей, сына ея, Хведорихи, велѣно мало выбить (побить) не изъ его подданнаго моего поводу (не по жалобѣ Гикаченка), лечъ за тое, что, безъ вѣдома си матчинаго, грунтъ свой продали Григорію [33]), съ чего подданнымъ нашимъ немалая чинится тяжесть; ибо въ нашемъ селѣ (Тиницѣ) много конскихъ дворовъ (принадлежащихъ панскимъ крестьянамъ), а повинности отбываютъ только наши подданные. При томъ же у Пенячихи Гикаченко взялъ только вола, а коня не бралъ, какъ она жалуется. Поэтому прошу принять мою инстанцію (ходатайство) и приказать разсмотрѣть дѣло по челобитной подданнаго моего Гикаченка“ (2 Ноября 1722 г.). Видя, что Кочубей не хочетъ понять, что времена измѣнились и затрудняетъ дѣло, которое необходимо кончить безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, Полуботокъ распорядился: „дѣло на

---

[32]) Соловьевъ XVIII, 223, 224 и 227.

[33]) Однимъ изъ средствъ къ обогащенію старшины было „притяганье козаковъ въ подданство“.

судѣ расправить". Но и здѣсь, какъ разсказываетъ Пенячиха, расправа не чинилась за дружбою къ Кочубею судящихъ, которые говорили истицѣ, что не придется ей съ п. Кочубеемъ „на правѣ стоята". Поэтому Пенячиха просила Полуботка поручить ея дѣло не „пленѣпотентамъ", а полковымъ чиновникамъ, прибавляя: „или позвольте въ Коллегію Малороссійскую вдатись и тамъ съ Кочубея управы просить". Какъ видно, адвокатъ Пенячихи зналъ, чѣмъ подвинуть „пленѣпотентовъ"; напоминаніе о коллегіи сдѣлало то, что на этомъ прошеніи въ тотъ же день, какъ оно было подано, 21-го Марта, Полуботокъ самъ написалъ резолюцію [34]): „По жалобѣ, въ сей супплѣцѣ выраженной, призвать передъ судъ войсковый енеральный самаго п. Өедора Кочубея въ отвѣтъ и если доведется що супплѣкуючіе на него доносятъ, то неотложено приказать ему обиженныхъ тутъ въ Глуховѣ, не зъѣздя, контентовати и во всемъ успокоити, такъ чтобъ впредъ отъ нихъ жадная не заходила аппеляція." Чрезъ два дня Кочубей дѣйствительно сталъ съ Пенячихою „на правѣ"; но и здѣсь отвѣтчикъ сохранилъ свое панское достоинство. На судѣ Кочубей не только не повинился, но „стоя у правѣ, явне предъ ихъ мил. ассесорами судовъ енеральныхъ, не уважаючи тое, что на правѣ стоитъ, сказалъ тіе слова: билъ я его Никиту (сына Пенячихи) и еще буду". Протестъ объ этомъ Пенячихи записанъ былъ въ протоколъ. Что̀ судъ сдѣлалъ съ Кочубеемъ, далѣе не видно; а на просьбѣ Пенячихи, поданной 21 Марта: осталась слѣдующая надпись 2 Апрѣля 1723 г., „Сей за̀водъ окончепъ полностію, Илько поступился напрасному (потерпѣвшему) сему Пеняковѣ дати вола за вола, ниву уступить и свиту и талерей десять грошей, и съ тимъ отправленъ Никита".

Судъ Кочубея съ Пенявами былъ соломоновскій судъ; такую быстроту въ процессѣ и такое полное удовлетвореніе (и ниву отдали, о которой не просили!) генеральный судъ врядъ ли когда являлъ! Видно, что въ это критическое для Малороссійской старшины время, она готова была жертвовать даже своими преданіями.

Но на Кочубея дѣло съ Пенявами не имѣло никакого вліянія. Обѣщавъ передъ судомъ побить еще разъ Пеняка, Кочубей вѣроятно зналъ, что̀ говоритъ; онъ былъ увѣренъ, что ему, сыну пострадавшаго головою отца, бояться суда нечего и доказалъ это на дѣлѣ. Въ томъ же мѣсяцѣ, какъ рѣшено было его дѣло съ Пенякомъ, онъ убилъ своего тиницкаго старосту. Жена убитаго писала уже не Полуботку, а въ самую Коллегію: „Въ прошломъ 1722 году, Апрѣля въ послѣднихъ числахъ, бунчук. тов. Өедоръ Кочубей мужа моего Андрея Данилова, который былъ у него старостою, сыскавъ въ городѣ Конотопѣ, привелъ въ дворъ свой, билъ смертно батожьемъ по спинѣ и по брюху, поливая виномъ и потирая солью, такожъ по тайнымъ удамъ и по пятамъ, отъ котораго бою оной мужъ мой живъ былъ съ недѣлю и умре". Затѣмъ вдова убитаго, исчисляя забратое Кочубеемъ ея имущество, прибавляетъ: „а меня съ дѣтьми онъ, Кочубей, держалъ подъ карауломъ пять мѣсяцевъ, и проситъ, „дабы онаго Кочубея въ Коллегію Малой Россіи сыскать и допросить". Прошеніе подано 26 Февраля 1724 г. и найдено нами въ архивѣ одиноко

---

[34]) Резолюціи на прошеніяхъ дѣлались старшимъ канцеляристомъ (помощникомъ генеральнаго писаря), какъ было и въ данномъ случаѣ: на первыхъ двухъ прошеніяхъ резолюціи сдѣланы, какъ видно по почерку, Николаемъ Ханенко, тогдашнимъ старшимъ канцеляристомъ.

подшитымъ къ разнаго рода дѣламъ Кочубея; видно, что и Коллегіи трудно было искоренять старые порядки.

Затѣмъ встрѣчаемъ еще слѣдующія жалобы на Кочубея и его жену. Тиницкіе козаки весною 1726 г. жаловались своему полковнику (Петру Толстому), что староста Кочубея Чигринецъ занялъ, 13 Апрѣля, статокъ ихъ (скотъ на житахъ); а какъ пошли они просить о своей „статчинѣ“, такъ староста забиралъ ихъ и бросалъ въ свою кухню, вмѣсто тюрьмы; да въ тотъ же день староста, упившись, хотѣлъ было забратыхъ козаковъ бить и приказалъ для этого выводить ихъ изъ кухни по одному; и только вывели Павленка, чтобъ бить кіями, случился сотенный писарь и бить ихъ козаковъ не допустилъ; но послѣ Чигринецъ все таки трехъ козаковъ, Савченка, Лиленка и Каюка, побилъ; за Лиленкомъ посланъ былъ ночью войтъ съ десятью дворовыми и какъ привели его въ дворъ, такъ били нещадно кіями, да и ведучи били дворовые съ войтомъ. Кромѣ этого Тиничане съ Бахмачанами жаловались на Кочубеиху, что въ Маѣ 1726 г. ѣхала она Кочубеиха въ свой хуторъ Пески, и встрѣтила за куренью „челядь молодую, козацкихъ и подданническихъ дѣтей, хлопцевъ, дѣвокъ и молодицъ, которые, какъ издавна бывало, ходили рыть коренье, прозываемое марену и насбиравши его, возвращались по домамъ; тогда Кочубеиха приказала слугамъ своимъ ту челядь въ хуторъ свой загнать и поотбирать коренье и заступы, а „сама, держачи за волосы, казала слугамъ своимъ бить канчуками, и били всѣхъ; а побивши, подносили всѣмъ горѣлки и кто не хотѣлъ пить, велѣла снова бить.

Обѣ эти жалобы подтвердились дознаніемъ войсковаго канцеляриста Стопановскаго, и генеральная войсковая канцелярія оба дѣла рѣшила однимъ приговоромъ: должны Кочубеева и староста ея Герасимъ за побои и за грабительство козакамъ самимъ платить по 12 рублей грошей, а женамъ и дочькамъ козацкимъ противъ того удвое; а особливо козаковѣ Логвину Каюченку, котораго билъ староста Герасимъ немилостиво, заплатить повиненъ онъ же староста за увѣчье и безчестіе 40 копъ грошей; что же она, Кочубеева, съ людми своими за шкоды свои, отъ козаковъ якобы починенніе, имѣла до нихъ свою претензію, тую сама утеряла безправіемъ, которое чинила надъ козаками самоволно, понеже всякъ кто право самъ себѣ чинитъ безъ суда, право тратитъ [35])“.

Но Кочубеи вообще не стѣснялись закономъ и „право сами себѣ чинили“. Тогдашній Нѣжинскій полковникъ Толстой, не смотря на свое исключительное положеніе, не могъ съ ними справиться, какъ показываетъ слѣдующее его письмо къ Полуботку, писанное въ Сентябрѣ 1722 г. „Мосцѣ пане полковнику черниговскій, мой велце мосцѣвѣй пане куме и благодѣтелю. Многія ко мнѣ изъ сотенъ полка моего заходятъ жалобы, что панове бунчуковое товариство отъ всякихъ общенародныхъ повинностей сами собою своихъ подданныхъ защищаютъ, какъ то напр. п. п. Кочубеи бахмацкаго атамана (потребовавшаго съ кочубеевскихъ подданныхъ слѣдующаго съ нихъ провіанта для квартирующихъ въ Бахмачѣ солдатъ) на батуринской ярмаркѣ, въ дворъ свой насильно затянувши, немилостивымъ окрыли боемъ, такъ что едва живъ остался. Того роди благоволи, вм. панъ, самовольство ихъ ускромнить, чтобъ впредъ продерзостей такихъ не чинили и отъ общенародныхъ повинностей подданныхъ своихъ не защищали [36])“.

---

[35]) По Литовскому статуту (разд. XI, арт. 27-28 и разд. XIII, арт. 4).

[36]). Арх. Млрск. Колл., № 1171.

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО.

ОПЫТЪ ОБРАБОТКИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ *).

ГЛАВА XIV.

Борьба съ Зубовымъ.—Награды за Ясскій миръ.

Императрица, Русское общество, особенно друзья и приверженцы Безбородки, вполнѣ цѣнили услуги, оказанныя имъ Отечеству заключеніемъ мира съ Турками. „Онъ теперь собираетъ на пути должную дань хваленій (писалъ про него 13 Февраля 1792 года графъ Ростопчинъ) и предполагаетъ быть здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) около 20 числа будущаго мѣсяца; но думаютъ, что онъ ускоритъ свой пріѣздъ вслѣдствіе послѣдняго письма Императрицы, гдѣ она говоритъ ему, что онъ окажетъ ей новую услугу, если прибудетъ къ ней какъ можно скорѣе" [1]). Безбородко возвратился въ Петербургъ 10 Марта 1792 года [2]). На другой же день Императрица поручаетъ ему написать указъ о производствѣ П. А. Зубова въ чинъ генералъ-поручика и генералъ-адъютанта. Храповицкій объяснялъ это порученіе „дѣйствіемъ графскаго пріѣзда" [3]). И дѣйствительно, въ Зубовѣ Безбородко нашелъ полнаго и притомъ окрѣпшаго соперника по вліянію при дворѣ. Всѣ дѣла, которыя, до отъѣзда Безбородки въ Яссы, производились въ его канцеляріи, теперь шли черезъ руки Зубова. Зубовъ сдѣлался такимъ же могущественнымъ совѣтникомъ Екатерины, какимъ прежде былъ Безбородко, съ тою разницею, что тотъ заслужилъ довѣренность своими многолѣтними трудами, а Зубову въ то время было всего 26 лѣтъ отъ роду. Не обладая ни опытностью, ни государственнымъ умомъ, Зубовъ, по необходимости, долженъ былъ отдаться въ веденіи дѣлъ чьему-нибудь руководству. Такимъ совѣтникомъ сталъ для него А. И. Марковъ, бывшій пріятель и сослуживецъ Безбородки по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто П. В. Бакунина, т. е. третьяго члена. Разумѣется, въ новыхъ рукахъ дѣла не могли идти тѣмъ твердымъ и разумнымъ порядкомъ, какъ они шли при Безбородкѣ: обнаружились колебанія и противорѣчія. Такъ, по Польскому дѣлу, для котораго съ такою поспѣшностью Безбородко отозванъ былъ изъ Яссъ, чтобы „учинить съ Польскими вель-

*) См. Русскій Архивъ 1876, кн. I, стр. 129.

[1]) Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову, въ Русскомъ Архивѣ, 1876 г., I, стр. 88 и 89.

[2]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, СПБ. 1874 г., стр. 393.

[3]) Тамъ-же, стр. 393.

можами рѣшительное положеніе", у Зубова пущены были въ ходъ и давно оставленный планъ князя Потемкина, и измышленія самаго Маркова. Зубовъ стѣснялся Безбородкою, избѣгалъ его, но по наружности отдавалъ ему первенство и помимо его никого не опредѣлялъ ко двору. Князь Ѳ. Н. Голицынъ разсказываетъ, что когда онъ явился къ Зубову съ просьбою объ опредѣленіи ко двору, то послѣдній спросилъ: „для чего не чрезъ графа Безбородку просите?" и добавилъ, что только графъ Безбородко могъ „предоставить ему отличіе представиться Императрицѣ" [4]).

Между тѣмъ сама Императрица продолжала обращаться къ Безбородкѣ по важнымъ государственнымъ дѣламъ. Такъ, когда вице-канцлеръ прислалъ ей извѣстіе о проѣхавшемъ чрезъ Кенигсбергъ 22 Марта „Французѣ съ злымъ умысломъ на здравіе Ея Величества, Екатерина, при собственноручной запискѣ, отправила пакетъ съ извѣстіемъ не къ кому иному, а именно къ Безбородкѣ" [5]).

Собственно говоря, положеніе дѣлъ было такое, какого Безбородко давно желалъ для себя. Изъ его вѣдѣнія оказалась изъятою хлопотливая обязанность докладовъ по всѣмъ дѣламъ, что̀ взялъ на себя Зубовъ; а за нимъ осталась честь являться, въ важнѣйшихъ случаяхъ, къ Государынѣ, въ тѣхъ именно, когда требовались испытанный государственный умъ и преданнѣйшая вѣрность. Естественно въ тоже время допустить, что Безбородко, увидѣвъ свои дѣла и обязанности въ рукахъ Зубова, почувствовалъ невольное огорченіе. Въ слѣдъ за Зубовымъ выдвинулись при дворѣ и новые люди, которые не раздѣляли воззрѣній Безбородки и его друзей. Это обстоятельство уже не могло не возбуждать въ немъ сожалѣнія о прежнемъ значеніи и не могло не производить въ немъ непріязни къ сопернику. Сдержанная, довольно старая вражда между молодымъ фаворитомъ и заслуженнымъ секретаремъ усилилась и перешла въ открытую борьбу. Можно предполагать, что дѣло уладилось бы само собою, если бы одинъ изъ соперниковъ подалъ другому руку. Но Зубовъ, не смотря на свою неопытность, не хотѣлъ первый обратиться за совѣтомъ къ Безбородкѣ. Безбородко, въ свою очередь, считалъ для себя унизительнымъ обнаружить искательство передъ новымъ любимцемъ придворнаго счастія, когда и къ покойному князю Петемкину „не учащалъ", даже во время „самаго тѣснаго согласія съ нимъ". Между тѣмъ, Екатерина искренно желала, чтобы старый преданный дѣлецъ Безбородко взялъ подъ свое руководство молодаго близкаго къ ней царедворца, изъ котораго она хотѣла создать энергическаго дипломата; она не разъ намеками предлагала графу поговорить съ Зубовымъ о томъ, о другомъ дѣлѣ. Но соперники были уже непримиримы. Положеніе при дворѣ Безбородки и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ,

---

[4]) Записки князя Ѳ. Н. Голицина, въ Русскомъ Архивѣ 1874 г., стр. 1302.

[5]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 395.

пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ Екатерины, живо обрисовано въ письмѣ графа А. Р. Воронцова, отъ 14 Мая 1792 года, какъ кажется, къ его брату, тогдашнему нашему посланнику въ Лондонѣ. Сказавъ, въ началѣ письма, что онъ „провождаетъ послѣдній кварталъ" своего „вѣка съ удовольствіемъ", графъ пишетъ: „Про дѣла общественныя помѣщаю краткій разговоръ. Изъ войны Турецкой вышли мы не безъ славы, но опустошили столько свои карманы, что долго пробудемъ въ голяхъ. Власть и расточительность покойника (князя Г. А. Потемкина) изрыла ямы. Его память и теперь съ похвалами, и о его имени многое течетъ, какъ прежде. Губерніи его приняла Государыня подъ собственное управленіе. Все, имъ сдѣланное, покрывается властію. Поповъ, человѣкъ безъ просвѣщенія и безъ талантовъ, вступилъ на постъ особливой довѣренности отъ единаго удостовѣренія, яко онъ былъ душа всѣхъ дѣйствій покойника, чего отнюдь не было; ибо умершій ни намѣреній постоянныхъ, ни плановъ опредѣлительныхъ ни на что не имѣлъ, а колобродилъ, какъ всякая минута вносила въ голову новую мысль, одна другую опровергающую. Для поглощенія Польши идутъ два новые Россійскіе Сципіона: Каховскій и Кречетниковъ. Правда, нѣтъ намъ тутъ опасности, ибо другія державы отступаются и въ новый союзъ съ нами входятъ; но муху бія обухомъ, натурально прибавляемъ истощенія, и что̀ могло бы сдѣлаться чрезъ единицы, то дѣлаемъ чрезъ десятки. Безбородко отсутствіемъ своимъ пріобрѣлъ славу имени, но сей случай лишилъ его прежней мочи въ дѣлахъ; ибо господинъ Зубовъ, въ его отлучку, вступя во всѣ экспедиціи, удерживаетъ ихъ въ своихъ рукахъ, а на удѣлъ Александру Андреевичу мало что̀ остается, и то почти для одной формы. Марковъ, войдя безпосредственно въ доклады по иностраннымъ дѣламъ, пріобрѣлъ къ себѣ довѣренность молодаго человѣка и сталъ пружиною въ томъ, совращающею участіе вице-канцлера и Безбородки. Департаментъ политическій влечется теперь противоборствами. О Зубовѣ имѣй мысль, что онъ—человѣкъ очень хорошій, весьма прилежитъ къ дѣламъ и, опричь оныхъ, чуждъ всякихъ забавъ; но еще новъ и потому брелся выше настоящихъ его силъ. При своемъ случаѣ онъ еще не взялъ поверхности надъ волею, что̀ можетъ придти отъ времени, а въ разсужденіи отличности въ степеняхъ онъ вѣсокъ будетъ. Благонравіе и правдивость въ немъ ощутительны. По сію пору нельзя его не хвалить, но счастіе обыкновенно людей портитъ, наипаче въ молодости, къ чему являются признаки. Фельдмаршалъ (графъ Румянцовъ) совершенно выздоровѣвшимъ себя кажетъ, но въ своей Переяславской деревнѣ безысходенъ и вовсе забытъ. Надобно случиться несчастливой нуждѣ, чтобъ его вспомнили: столько не благоволятъ о немъ. Михайла Гудовичъ здравствуетъ и теперь въ арміи Кречетникова, что́ идетъ въ Литву. Другъ нашъ Иванъ Васильевичъ [6]) получилъ въ прибавокъ своимъ трудамъ генералъ-губернаторство Кавказское, которое

---

[6]) Гудовичъ, Иванъ Васильевичъ, генералъ-аншефъ.

долженъ населить и устроить. Онъ служилъ отлично въ нынѣшнюю войну, не смотря, что Потемкинъ его ненавидѣлъ за любовь къ порядку. Дали ему крестъ на ряду съ другими, которые или за которыхъ умѣли лгать. По союзу мы должны помогать противъ Французовъ; предопредѣляется вести вспомогательный корпусъ князю Репнину; но когда то будетъ! Нельзя больше страдать малодушіемъ, какъ сей генералъ, впрочемъ у насъ теперь первый. Всякое низкое искательство онъ подъемлетъ; совсѣмъ тѣмъ мало удачи" [7]).

Въ это же самое время, и именно 15 Мая 1792 г., самъ Безбородко извѣщалъ своего друга, нашего Лондонскаго посланника, о своемъ тревожномъ состояніи и объ интригахъ Зубова. Предшествовавшее письмо графа А. Р. Воронцова, вѣроятно, было извѣстно Безбородкѣ, потому что онъ въ началѣ своего письма говоритъ: „Я надѣюся, что графъ Александръ Романовичъ васъ о всемъ извѣщаетъ, и что онъ тутъ же не преминулъ упомянуть, хотя отчасти, и о всемъ, до меня касающемся", и затѣмъ продолжаетъ: „Когда я, изъ единаго, конечно, усердія ко Отечеству напросился на поѣздку въ армію, я и тогда думалъ, что моя отлучка дастъ поводъ къ раздѣленію дѣлъ многочисленныхъ и силы человѣческія, паче же въ моихъ лѣтахъ и здоровьѣ, превышающихъ; но былъ спокоенъ, полагая, что успѣхъ моей комиссіи дастъ мнѣ способъ поставить себя такъ, что, ежели угодно, я буду отправлять самыя только важнѣйшія дѣла и найду для себя превеликое облегченіе, сходное съ чиномъ, состояніемъ и службою моими. По заключеніи мира зачали оказывать нетерпѣливость, чтобъ я скорѣе ѣхалъ, и такимъ лестнымъ для меня образомъ, что сама Государыня нѣсколько писемъ самыхъ убѣдительныхъ мнѣ прислала, и когда меня дорогою здоровье медлить принудило, неудовольствіе оказала. Я, однакожъ, пожертвовалъ всѣмъ и прямымъ путемъ поспѣшилъ исполнить ея волю. Но что сдѣлалось?! Нашелъ я идею изъ Зубова сдѣлать въ глазахъ публики дѣловаго человѣка. Хотѣли, чтобъ я съ нимъ по дѣламъ сносился, намекали, чтобъ я съ нимъ о томъ и другомъ поговорилъ, то есть, чтобъ я пошелъ къ нему. Но вы знаете, что я и къ покойнику не учащалъ, даже и тогда, когда обстоятельства насъ въ самое тѣсное согласіе привели. Вышло послѣ на повѣрку, что вся дрянь, какъ-то сенатскіе доклады, частныя дѣла, словомъ сказать, все непріятное, заботы требующее и ни чести, ни славы за собою не влекущее, на меня взвалено; а, напримѣръ, дѣла нынѣшнія Польскія, которыя имѣютъ съ собою связанныя распоряженія по арміямъ, достались г. Зубову. Зачали, было, политику по симъ дѣламъ тудаже присвоять исключительно, и Аркадій Ивановичъ Марковъ обратилъ къ тому перо свое. Привели, было, Совѣтъ въ совершенное всѣхъ дѣлъ отчужденіе, и только Государыня не хотѣла ни на что рѣшиться, не консультируя

---

[7]) Изъ Диканьскаго архива князя С. В. Кочубея.—Не ошибается ли изыскатель? Намъ кажется, что письмо это писано графомъ П. В. Завадовскимъ. *П. Б.*

вице-канцлера и меня [8]). Я, однакожъ, изъяснилъ ей, что гдѣ идетъ дѣло о войнѣ, тутъ никто на себя одного не возьметъ и, наконецъ, предуспѣлъ поставить Совѣтъ въ активитетъ. Вы не можете повѣрить, сколько колобродно шло сіе Польское дѣло. Изъ арміи прислалъ я мнѣніе мое и результатъ моихъ разговоровъ съ Поляками. Графъ Александръ Романовичъ (Воронцовъ), графъ Николай Ивановичъ (Салтыковъ) и вице-канцлеръ (графъ А. И. Остерманъ) его одобрили, и Государыня приняла за благо, чтобъ сему плану слѣдовать; но когда дѣло дошло до исполненія, то Поповъ продуцировалъ какой-то планъ покойника. Аркадій Ивановичъ далъ волю своей головѣ, а неискусный дѣлецъ пошелъ за ними въ слѣдъ, выдая будто за свое [9]). Все исковеркано; и ежели тутъ выходятъ хлопоты, то ихъ сущая вина. Много я потерпѣлъ непріятностей, борясь съ сею конфузіею, и много надобно было выдержать баталій, чтобъ хотя нѣсколько дѣло исправить, не зная еще, какъ кончится".

„Другая непріятность есть та, что когда князь Потемкинъ умеръ, мы тогда съ графомъ Александромъ Романовичемъ, съ графомъ Николаемъ Ивановичемъ и съ Петромъ Васильевичемъ (Завадовскимъ) полагали, что можно будетъ скоро поправить вредъ, имъ причиненный, возстановить порядокъ въ войскѣ и въ губерніяхъ его и прочая; но тутъ и вышло противное. Губерніи отданы Попову въ вѣдѣніе, такъ что дѣлаетъ все, что̀ хочетъ [10]). Боятся нарушать

---

[8]) Вѣроятно, по поводу этого обстоятельства, Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ: „По дѣламъ Польскимъ въ Совѣтѣ сдѣлано возраженіе, хотя былъ уже готовъ манифестъ и росписаніе войскъ работы Маркова и Попова: они 29 Марта подосланы были въ Совѣтъ для объясненія, но Совѣтъ написалъ свой протоколъ вопреки. Пошатнулись, было, и графъ Воронцовъ, и Завадовскій; но всѣхъ удержалъ графъ Безбородко, и такъ 29 Марта были сердиты". См. Архивъ Государ. Совѣт., т. I, ч. I, столб. 906, засѣд. 29 Марта, въ которомъ графомъ Безбородкою, по Высочайшему повелѣнію, предложены были: проэкты деклараціи по дѣламъ Польскимъ и рескрипты къ генераламъ Каховскому и Кречетникову, и повелѣно держать „сіи бумаги въ самой вышней тайнѣ". Совѣтъ на замѣчаніе о тайнѣ въ протоколъ свой занесъ слѣдующее: „Совѣтъ, пріемля съ должнымъ благоговѣніемъ монаршую довѣренность, ссылается на все прошедшее теченіе дѣлъ, что все, препоручаемое разсужденію его, сохраняемо было въ немъ въ тайнѣ, и ни одно дѣло изъ Совѣта не вышло въ знаніе тѣхъ, отъ которыхъ оно скрыто быть долженствовало".

[9]) Точно также смотрѣли на Зубова и лица, раздѣлявшія образъ мыслей Безбородки. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 14 Апрѣля 1793 года, говоритъ: „Какъ видно, г-нъ Зубовъ укоренился, и мнимые успѣхи обезпечиваютъ ему его пребываніе. Онъ чрезвычайно гордится послѣднимъ раздѣломъ Польши, ибо онъ начертилъ планъ дѣйствій, которому г. Каховскій соблаговолилъ послѣдовать" (Письма Ѳ. В. Ростопчина къ графу А. Р. Воронцову, въ Русскомъ Архивѣ 1876 г., кн. I, стр. 99).

[10]) Въ этомъ же смыслѣ писалъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову, отъ 13 Февраля 1792 года: „Поповъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ, отдавая отчетъ о предначертаніяхъ князя Потемкина, память котораго, хотя и ненавистная всѣмъ, имѣетъ еще сильное вліяніе на мнѣнія двора; къ нему нельзя

тестаменты покойника, которые Поповъ выдаетъ, и словомъ перспектива той же конфузіи, а для насъ развѣ брани: ибо всякое зло на счетъ нашъ станутъ ставить, какъ я видѣлъ примѣръ, что, говоря о безденежьяхъ, не приписываютъ ихъ тому, что болѣе 60 милліоновъ употребилъ и долги оставилъ, но намъ, будто мы не остерегали въ издержкахъ внутреннихъ. Когда дѣло коснется до прежней администраціи, Поповъ идетъ прямо докладывать, что хотятъ трогать память княжую, а тутъ и выходитъ амбарго на всѣ слѣдствія и изъясненія. Ваше сіятельство, судите сами, можно-ли тутъ располагать собою на дальнюю службу? И не согласитеся-ли со мною, что самое лучшее есть, отпраздновавъ миръ, мною сдѣланный, пожить для своего здоровья и удовольствія?"

Говоря о мирѣ, сколько я съ одной стороны похваляюся добрымъ мнѣніемъ публики о моемъ въ немъ участіи, столько долженъ признаться, что мало примѣтна при дворѣ моя заслуга. Кажется, что, не смотря на ее и не смотря на всѣ почести, изъ коихъ каждую я получилъ, по крайней мѣрѣ, не въ праздникъ, а при какомъ-либо полезномъ государству событіи, участвовавъ въ немъ лично, не прочь отъ того, чтобъ вести меня съ Турчаниновымъ, Державинымъ и Храповицкимъ, у которыхъ еще и дѣла никакого нѣтъ".

„Вотъ вамъ состояніе наше. Но, впрочемъ, повторяю, что ни о чемъ такъ не забочуся, какъ только избавить себя отъ того, что̀ мнѣ уже имѣть на рукахъ неприлично, и привести себя хотя въ праздное, но болѣе выгодное положеніе. Государыня назначала васъ посломъ съ Польшу, но какъ графъ Александръ Романовичъ (Воронцовъ) находилъ то съ вашими желаніями несходно, то и сдѣлалъ отвѣтъ отклонительный. Ей показалося, будто-бы я не ясно тутъ отвѣчалъ, и не прошу ли я для себя сей коммиссіи? Зубовъ и Марковъ меня зачали сондировать и уже было стали внушать о важности сего поста; но я на отрѣзъ и весьма рѣшительно то отвергнулъ. Я нашелъ уже было обычай, что г. Марковъ напишетъ депешу и, не показавъ ни мнѣ, ни моему товарищу, поднесетъ Государынѣ, а она, подписавъ „быть по сему", отдастъ ему, послѣ чего онъ изволитъ прислать вице-канцлеру и мнѣ ее для подписанія. Я, однакожъ, отвратилъ сію непристойность".

Понятно, что такая сильная борьба, поведенная Безбородкою противъ порядковъ, установленныхъ новымъ фаворитомъ въ его отсутствіе, не могла быть пріятною Екатеринѣ. Какъ ни скроменъ

примѣнить пословицу: morta la bestia, morte il venino" (У мертвой змѣи не остается яда). Въ письмѣ же отъ 28 Сентября 1792 года Ростопчинъ такъ характеризуетъ Попова относительно Безбородки: „Этотъ Поповъ преданъ графу Безбородкѣ, на сколько негодяй можетъ быть преданнымъ. Онъ примѣнился къ графу, по невозможности предуспѣянія въ партіи Зубова, вслѣдствіе непріятностей, понесенныхъ послѣднимъ отъ князя Потемкина, и въ которыхъ Поповъ служилъ орудіемъ". (Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову, въ Русскомъ Архивѣ, 1876 г., т. I, стр. 91, 95 и 96).

и уклончивъ, даже какъ ни правдивъ, по словамъ графа Воронцова, былъ Зубовъ; но, при своихъ близкихъ и постоянныхъ отношеніяхъ къ Императрицѣ и при своей враждѣ къ вліятельному царедворцу, значеніе котораго ему предоставлялось Государыней, Зубовъ едва-ли воздерживался отъ наговоровъ на Безбородку. Сама Екатерина, по всей вѣроятности, была тревожима тѣмъ, что старый царедворецъ отказывался уступить свое мѣсто молодому ея фавориту и безъ сомнѣнія чувствовала досаду на отсутствіе въ Безбородкѣ прежней безусловной поспѣшности къ исполненію ея приказаній. Всѣ эти обстоятельства послужили поводомъ къ тому, что у Екатерины зародилось неудовольствіе на своего стариннаго совѣтника и довѣреннѣйшаго секретаря. Подъ 20 Мая 1792 года, Храповицкій отмѣтилъ слѣдующій, весьма характерическій въ сказанномъ отношеніи фактъ: „По окончаніи разбора почты спросили, нѣтъ ли еще чего? Догадало меня нелегкое сказать, что есть доклады, графомъ Безбородкою оставленные. Tourmentez moi, si vous avez envie (т. е. мучьте меня, коли вамъ хочется). А по выслушаніи трехъ докладовъ, Екатерина отозвалась: c'est bien ennuyeux, mais il faut passer par là (т. е. очень скучно, но нечего дѣлать [11]).

Храповицкій записалъ у себя въ дневникѣ, что Безбородко признавался ему, 6 Іюля 1792 г., что „примѣтно во всемъ недовѣріе, стараются всѣхъ ссорить: его бумаги отдаютъ Попову, а по которымъ докладывалъ Поповъ, отданы графу“ [12]).

Но 11 Сентября, Екатерина совѣтовалась уже съ Безбородкою: кого назначить на генералъ-губернаторскую должность? Графъ назвалъ Храповицкаго; но ему отвѣчали, что бы хорошъ былъ Поповъ, человѣкъ довольно дальновидный и съ открытою головой, ежели бы ей самой не былъ нуженъ“. Разсказавъ объ этомъ Храповицкому, „графъ смѣялся и просилъ о секретѣ“ [13]), т. е. ясно давалъ разумѣть Храповицкому, что нынѣ Императрица смотритъ на людей уже не его глазами.

Еще яснѣе разсказываетъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, въ письмѣ своемъ графу С. Р. Воронцову, отъ 28 Сентября 1792 года, объ отношеніяхъ Екатерины къ Безбородкѣ за это время. „Я долженъ сообщить вамъ, о случаѣ, который былъ съ Безбородкою въ Сарскомъ Селѣ у Императрицы, и который извѣстенъ лишь немногимъ. Явившись однажды со множествомъ дѣлъ для поднесенія къ подписи, Безбородко при докладѣ замѣтилъ на лицѣ Императрицы выраженіе неудовольствія и тотчасъ взялъ назадъ бумаги. Удивленная этимъ, она спросила о причинѣ; на это онъ отвѣчалъ, что съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаетъ неодобреніе его работы Императрицею и предполагаетъ удалиться, опасаясь ее прогнѣвить. Это

---

11) Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. 1874 г., стр. 399.

12) Тамъ же, стр. 403.

13) Тамъ же, стр. 409.

подало поводъ къ объясненію, въ которомъ высказано было множество завѣреній и обѣщаній. Вы предусмотрѣли вѣрно, что вновь обратятся къ графу Безбородкѣ; и если считали, что онъ впалъ въ немилость, то поводомъ къ тому мнѣнію было добровольное удаленіе его отъ дѣлъ. Правда, его безпечность необъяснима, и образъ жизни его достаточно доказывалъ, что, онъ ни во что не хотѣлъ вмѣшиваться. Тонкіе политики увѣряли, что, потерпѣвъ неудачу въ честолюбивомъ замыслѣ захватить всю власть въ свои руки, онъ выжидалъ болѣе удобнаго случая для достиженія своихъ цѣлей. Другіе говорятъ, что онъ небрежно относился ко всему, предполагая скоро выдти въ отставку, и этотъ слухъ подтверждался высказаннымъ желаніемъ продать свой домъ, что̀ было принято за ловкій намекъ съ его стороны, чтобы получить увольненіе. Мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что графъ Безбородко, видя большую часть дѣлъ въ рукахъ у Зубова, счелъ за лучшее предоставить ему свободу дѣйствій, сохраняя при томъ свое вліяніе". Съ послѣдними словами Ростопчина нельзя не согласиться.

Наступившій 1793 годъ Безбородко рѣшился провести въ Москвѣ, служившей убѣжищемъ для недовольныхъ вельможъ.

Извѣщая Г. П. Милорадовича о своемъ отъѣздѣ въ Москву, назначенномъ на 20 Декабря, Безбородко говоритъ: „Въ Москвѣ насъ будетъ много. Со мною ѣдутъ: Василій Ивановичъ Левашевъ, Петръ и Терентій Петровичи, и Львовъ, а Осипъ Степановичъ (Судіенко) съ царскимъ старымъ войтомъ. Ратификаціи по Польскому раздѣлу размѣнены. Сверхъ 4000 червонныхъ каждому полномочному, наградили насъ Прусаки табакерками съ огромною и широкою своею персоною, такими, что, положа въ сравненіи съ Вѣнскими, онѣ сущія курфирстскія, а не королевскій подарокъ. Дюваль [14]) оцѣнилъ графа Остермана въ 5300 рублей, мою 4900, Маркова 3500, а Кобенцелеву въ 3800. Не разшибся же его величество! Послѣ завтра мѣняемъ мы ратификаціи на тройной союзъ съ императоромъ и Англіею. Говорятъ, и тутъ будутъ денежные подарки, а послѣ и вещи, но не табакерки. Я бы всего лучше счелъ картины; но все хорошо".

Пока Безбородко ѣздилъ въ Москву, въ Петербургѣ разнесся слухъ, что онъ намѣренъ даже уѣхать за границу. Храповицкій, отмѣтивъ подъ 23 Декабря о заграничномъ отпускѣ, данномъ на годъ графу А. Р. Воронцову, продолжаетъ: „Графъ Безбородко мнѣ сказывалъ, что онъ (Воронцовъ) уже не возвратится, да и самъ онъ (Безбородко) поѣдетъ къ водамъ [15]), коль скоро тамошнія мѣста очистятся, т. е. посмотря что̀ сдѣлаетъ будущая кампанія противъ Французовъ".

Поѣздка въ Москву оказалась неудачной для Безбородки: четыре недѣли онъ провелъ здѣсь въ тяжкой болѣзни, отъ которой

---

[14]) Извѣстный придворный бриліантщикъ.

[15]) Эти обѣ поѣздки не состоялись.

едва оправился и о которой писалъ Милорадовичу 20 Января 1793 г: „Завтра рано возвращаюсь въ Петербургъ, проживъ больной четыре недѣли и на силу оправившися“.

По возвращеніи въ Петербургъ Безбородко писалъ къ гр. С. Р. Воронцову отъ 27 Января 1793 г.: „Ваше сіятельство съ настоящимъ курьеромъ получите, по крайней мѣрѣ, полное разрѣшеніе какъ на случай дѣлъ Французскихъ, такъ и на случай искренняго расположенія Лондонскаго двора съ нами сблизиться. Заранѣе мы увѣрены, что коли только есть способъ и удобность, вы ничего не упустите и, конечно, достигнете связи, такъ давно желаемой и, по истинѣ, для насъ нужной и полезной; но заранѣе мы предвидимъ тѣ трудности, которыя вамъ встрѣтятся по случаю заключенной уже съ Пруссіею конвенціи о раздѣлѣ Польши. Я знаю, что ваши мысли не вовсе одобряютъ сію мѣру, и что усиленіе короля Прусскаго главнѣйше опорочиваетъ предъ вами сей планъ; но вѣрьте, что въ состояніи, до котораго дѣла доведены, не было способа распутать инако всѣ замѣшательства и что, по крайней мѣрѣ мы такъ свой удѣлъ расположили, что наша вещественная сила несравненный перевѣсъ передъ Прусаками дѣлаетъ. Землю вы знаете, такъ извольте взглянуть на карту. Черта наша есть отъ угла Семигаліи или отъ Друи на Двинѣ на Несвижъ, Пинскъ, Куніовъ, на уголъ цесарской границы межъ Вышгородка и Новой Гробли, такъ что часть воеводствъ Новогородскаго, Виленскаго, Брацлавскаго и Волынскаго, весь повѣтъ Мозырскій, Рѣчицкій, остальныя воеводства Полоцкое и Минское, Кіевское, Брацлавское и Подольское намъ достаются. Тутъ три милліона слишкомъ жителей; а въ части Прусской отъ Ченстохова чрезъ Раву на Салдау милліонъ съ небольшимъ, который чего-либо стоитъ. Дѣло невозвратное, но будетъ хорошее, если мы только умѣть будемъ имъ править. Мѣры наши взяты къ оборонѣ со стороны Порты, хотя бы и Французы, ее принудя, сами тутъ же вошли. Викторъ Павловичъ (Кочубей) уже поѣхалъ, а посолъ не прежде Апрѣля на Днѣстрѣ будетъ. Все прочее вы, конечно, знаете по письмамъ графа Александра Романовича и Аркадія Ивановича. Рѣшимость перваго удалиться весьма мнѣ чувствительна. Я знаю, что онъ для себя то долженъ былъ сдѣлать; но служба и добро государства весьма отъ того потерпѣли. Совѣтъ, который иногда и при князѣ Потемкинѣ болѣе, чѣмъ прежній значилъ, сдѣлался теперь совершеннымъ пустыремъ. Ничто не дѣлается, ибо никто не оспоритъ, что графъ Александръ Романовичъ тутъ двигалъ всѣми дѣлами. О внутреннихъ и говорить нечего. Мы всѣ ихъ мало знаемъ, а каковъ нашъ министръ de justice et de finances [16]), вы то вѣдаете. Хотятъ, чтобъ мы работали, но чтобъ въ публикѣ считали, что одинъ юный человѣкъ все самъ дѣлаетъ; и я могу вамъ признаться, что въ пущее время силы князя Потемкина онъ меньше ны-

---

[16]) Самойловъ Александръ Николаевичъ, въ это время назначенный генералъ-прокуроромъ и государственнымъ казначеемъ.

нѣшняго, а я уже несравненно болѣе нынѣшняго значилъ. Сколько я лично теряю въ графѣ Александрѣ Романовичѣ, о томъ мнѣ вамъ и говорить излишнее есть; но я взялъ свое намѣреніе дождаться конца Польскихъ дѣлъ и торжества мирнаго; а затѣмъ и по своей немощи, которой сильныя дѣйствія испыталъ я цѣлую осень, пролежавъ три мѣсяца съ ранами на ногахъ, поѣхать лѣчиться и, наконецъ, отдалить себя отъ весьма непристойной роли, которую я теперь представляю въ публикѣ. На справедливость вашу надѣюся, что вы мое намѣреніе одобрите".

14 (25) Марта 1793 заключены гр. Воронцовымъ конвенціи: одна торговая, а другая политическая о совмѣстномъ дѣйствіи Россіи и Англіи противъ Франціи. Безбородко писалъ къ нему отъ 6 Апрѣля: „Третьяго дня по утру прибылъ курьеръ Львовъ и привезъ ваши депеши отъ 15 (26) Марта. Я могу увѣрить ваше сіятельство, что Государыня весьма довольна обѣими конвенціями, вами заключенными, что она искренно желаетъ, дабы соединеніе между имперіею ея и Англіею укрѣпилось самымъ тѣснѣйшимъ образомъ, и что отдаетъ полную справедливость вашимъ трудамъ и искусству. Всѐ, чтò вы пишите о лордѣ Гренвилѣ, образѣ мыслей его и вообще о возвышенныхъ его качествахъ, отмѣнно принято за благо и потому болѣе, что большія и взаимно полезныя дѣла удобно съ такими только министрами и дѣлаются. Ратификаціи скоро посланы будутъ съ нарочнымъ; но не знаю, успѣютъ ли васъ извѣстить по тѣмъ пунктамъ, которые предлагаются г. Витвортомъ. Мы, конечно, не удалены по содержанію ихъ въ вопросѣ an? разнствуемъ же только въ quo modo? Но и тутъ постараемся соглашать обстоятельства нашего положенія и разныя уваженія съ тѣми чтó представляются съ другой стороны. Вся наша публика очень обрадовалась сближенію нашему съ Англіею, и тутъ-то прямо открылась разность, съ каковою всѣ отъ мала до велика пріемлютъ участіе въ связи самой естественной".

Черезъ недѣлю, 12 Апрѣля, курьеръ повезъ въ Лондонъ новое письмо графа Безбородки о политическихъ и придворныхъ дѣлахъ. „Курьеръ сей доставляетъ вашему сіятельству ратификаціи на заключенные вами два акта; но въ тоже время везетъ и самую трудную для васъ коммисію, въ которой дай Богъ вамъ успѣть, хотя есть надежда, что при настоящемъ оборотѣ дѣлъ не дойдетъ до употребленія нашихъ войскъ на берегахъ Французскихъ. Графъ д'Артоа ѣдетъ въ Пятницу въ Ревель и намѣренъ скоро поплыть въ Англію. Занятіе Польскихъ областей совершилось благополучно, и теперь ожидаемъ только извѣстія изъ Каменца. Сей разъ всѣ почти магнаты сами усильно на присягу напрашиваются, и сомнительно, чтобъ кто-нибудь рѣшился не вступить въ подданство". „Отъ графа Александра Романовича имѣю вѣсть, что онъ здоровъ. Ожидаю нетерпѣливо послѣднихъ (чиселъ) Мая, чтобъ во время поѣздки моей въ Москву навѣстить его въ деревнѣ".

„Положеніе мое точно таково, какъ я описывалъ вамъ и прежде. Я весьма желалъ бы, чтобъ меня въ покоѣ оставили при моихъ департаментахъ, а не обременяли-бы бездѣлицами, которыя ни съ чиномъ, ни со службою моею не согласуются, и которыя мнѣ только непріятности наносятъ. Все, что̀ значитъ важное дѣло, внутреннее, идетъ чрезъ нововыдавшаго себя человѣка. Но какъ идетъ? Недвижимо, или же, буде выходитъ, то, по истинѣ, мнѣ иногда жаль изъ самой благодарности къ Государынѣ и изъ привязанности къ Отечеству. Что̀ за выборъ людей! Напримѣръ, новый нашъ генералъ-прокуроръ. Другой—князь Юсуповъ [17], сговоренный теперь на вдовѣ Михаила Потемкина, которому навязали дѣлъ премного на шею, и теперь поручили ему съ Минихомъ и гр. Артеміемъ Ивановичемъ Воронцовымъ войти въ разсмотрѣніе о курсѣ и стараться его поправить. Сочиненія издаваемыхъ указовъ вы увидите изъ двухъ манифестовъ: одинъ отъ имени государева, а другой-отъ имени Кречетникова [18]). Я ручаюся, что еще Государыня никогда подобныхъ не подписывала. Эти господа, не надѣяся на таланты свои, нашли другое средство себя необходимыми поставить, и именно дискредитировать прочихъ и представить нѣкоторый родъ опасности или сомнѣнія употребленія ихъ. Одинъ еще только иностранный департаментъ держится; стиль и образъ веденія дѣлъ продолжаются тѣ самые, которые всегда служили къ чести нашего кабинета. Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, человѣкъ добрый, дѣятельный и ревностный къ тому, чтобъ поправить разстроенное наше военное управленіе, не имѣетъ довольной твердости противу всякихъ дворскихъ явленій; онъ же и не пользуется никакимъ кредитомъ, да кажется и въ упадкѣ сего кредита немалое имѣла вліяніе его дружба съ нами. Быть можетъ, что цѣлитъ на мѣсто военнаго министра. Впрочемъ, ваше сіятельство, конечно, слышите о всѣхъ безпорядкахъ по сей части. Вѣрьте, что не иного рода мотовства, которыя въ существѣ малозначущи, а народу еще и пользу циркуляціею принесли, но расходы армейскіе и нынѣ подъ именемъ превышенныхъ и чрезвычайныхъ суммъ привели всю казну въ крайнѣйшее истощеніе. Курсъ нашъ очень низокъ, именно 22 или 22½ штивера. Банкрутства привели въ сомнѣніе многіе домы, и для сего-то пишетъ вице-канцлеръ, чтобъ вы взяли у банкира сумму, а на меня выслали вексель. Сей вексель въ туже минуту будетъ заплаченъ, ибо у насъ на почтѣ денегъ много. При мнѣ ихъ скопилось до того, что имѣемъ полміліона въ Банкѣ на свои пенсіи изъ процентовъ, построили преогромныя зданія въ столицахъ и во многихъ городахъ, употребляемъ на разныя дачи по Коллегіи (Иностранныхъ Дѣлъ) до пятидесяти ты-

---

[17]) Юсуповъ, князь Николай Борисовичъ.

[18]) Упоминаемый манифестъ генералъ-аншефа Кречетникова, объявленный, по высочайшему повелѣнію, въ станѣ Россійскихъ войскъ при Полонно, о присоединеніи Польскихъ областей къ Россіи, напечатанъ подъ 27 Марта 1793 г. въ Полн. Собр. Зак., № 17108.

сячъ, дали сто тысячъ червонныхъ на Польскія дѣла, да всѣ подарки за прошедшіе трактаты и еще ежегодно до трехъ сотъ тысячъ имѣемъ въ остаткахъ. Но все это не въ честь, и дай Богъ скорѣе убраться. Прощайте, живите благополучно и преуспѣвайте въ вашихъ подвигахъ, какъ до сего вы то дѣлали къ вашей славѣ и къ добру Отечества. Вѣрьте, что моя къ вамъ преданность столь искренна, сколь и непоколебима".

Интрига враговъ Безбородки дошла до крайнихъ предѣловъ: „дискредитированіе" пыталось навести тѣнь на честное имя Безбородки, на его свѣтлый, не ослабѣвшій съ лѣтами умъ и на его извѣданную добросовѣстность. Безбородко вообще былъ не изъ тѣхъ людей, которые молчатъ въ такія времена. Въ частности, всякаго бы на его мѣстѣ постигло опасеніе, какъ-бы „дискредитированіе" не привилось къ мыслямъ Императрицы, которой мнѣніемъ и расположеніемъ Безбородко дорожилъ всего болѣе. Въ такомъ критическомъ положеніи графъ прибѣгнулъ къ послѣдней мѣрѣ для разъясненія отношеній, которыя появились между Екатериною и ея старѣйшимъ секретаремъ. Онъ рѣшился чистосердечно изложить Государынѣ свои мысли по поводу „тѣсно ограниченной сферы дѣлъ", въ которой онъ очутился. Съ этою цѣлію Безбородко представилъ Государынѣ обширную записку, обозначивъ на заглавномъ ея листѣ: „Къ собственному Вашего Императорскаго Величества прочтенію". Вотъ эта исповѣдь.

„Осьмнадцать почти лѣтъ продолжая службу мою при лицѣ Вашего Императорскаго Величества, бывъ удостоенъ отличной вашей довѣренности, имѣвъ участіе въ исполненіи многихъ важныхъ и государству полезныхъ вашихъ намѣреній и получивъ толь отличные знаки монаршаго благоволенія, поставлялъ я себѣ за правило идти путемъ правымъ и быть во всемъ предъ вами откровеннымъ. Въ совѣсти моей убѣжденъ я, что не сдѣлалъ ничего вреднаго службѣ вашей или предосудительнаго чести моей. Время открыло, да и болѣе еще откроетъ, что всякое на счетъ мой порицаніе было только клевета, завистію и злостію на меня воздвигнутая. Въ таковомъ совѣсти моей спокойствіи, осмѣливаюся предстать предъ Ваше Величество съ чистосердечнымъ израженіемъ настоящаго моего положенія".

„Послѣ мира со Швеціею, возведенъ будучи вами на одну изъ первыхъ степеней, могъ я спокойно оставаться при лицѣ вашемъ, пользоваться довѣренностію вашею и трудами моими подъ вашимъ руководствомъ продолжаемыми, споспѣшествовать исполненію дальнѣйшихъ вашихъ предположеній. Зная справедливость и щедроту, вамъ сродныя, былъ я несомнителенъ, что, по заключеніи мира съ Портою и по совершеніи многаго, что̀ и тогда уже было предвидѣно, усердіе и труды мои не осталися бы тщетны. Въ семъ положеніи застигла вѣсть о смерти фельдмаршала князя Потемкина. Въ минуту полученія ея, вѣдая, сколько заботы она принесетъ Вашему Величеству и знавъ, что мирная съ Турками негоціація, въ самыхъ прелиминаріяхъ испорченная долговременнымъ

срокомъ перемирія, новыми же по Кубанскимъ дѣламъ затрудненіями въ замѣшательство приведенная, не токмо продлиться, но и рушиться легко могла, рѣшился я представить мою готовность отправиться въ Яссы для руководства мирными переговорами. Ни безпокойства труднаго пути, для здоровья моего вредныя, ни неизбѣжность большихъ издержекъ, со званіемъ главнаго полномочнаго сопряженныхъ, ниже уваженіе, что, отлучаяся отъ двора, подвергаю себя жребію отсутствующихъ, кои часто теряютъ, не превозмогли надъ моимъ рвеніемъ угодить вамъ доставленіемъ Отечеству мира, толико для него нужнаго. По пріѣздѣ моемъ, нашелъ я дѣло безъ начала и путеводства. Полномочные, имѣвшіе болѣе доброй воли, чѣмъ въ дѣлахъ пріобычки, ниже плана не сдѣлали, какъ трактовать. За нѣсколько дней до пріѣзда моего, получивъ указъ объ открытіи переговоровъ, вступили они съ однимъ ультиматомъ въ рукахъ. По двумъ первымъ и ничего незначущимъ ихъ конференціямъ можно было предвидѣть и медленность, и малую надежду успѣха. По прибытіи моемъ негоціація взяла иное теченіе; но подробности ея извѣстны Вашему Величеству, и не одинъ разъ осчастливленъ я былъ изъявленіями вашего удовольства. Случалися иногда въ теченіи дѣла сего критическія минуты, которыя предвѣщали возможность разрыва. Я и тутъ готовился, если бы только вамъ угодно было, остаться среди военныхъ дѣйствій, раздѣляя съ другими всѣ опасности, способствовать имъ, по мѣрѣ усердія и смысла моихъ, и терпѣливо ждать времени къ совершенію возложеннаго на меня служенія".

„Сверхъ мирной негоціаціи, имѣлъ я отъ Вашего Императорскаго Величества препорученіе по дѣламъ Польскимъ, которыя, при жизни князя Потемкина, ведены были чрезъ мои руки. Много мнѣ стоило труда удерживать пылкость и неосновательность Поляковъ, ко мнѣ тогда прибывшихъ, покуда успѣлъ я одержать миръ, безъ котораго и помышлять о Польшѣ было нельзя. Наконецъ, совершенъ сей миръ на томъ основаніи, какъ желали. Сверхъ прочнаго спокойства, имъ уставленнаго, пользы, отъ него проистекшія, ощутительны. Какъ присоединеніе подъ державу вашу Крыма, Тамани и части Кубани было слѣдствіе мира Кайнарджисскаго: такъ, по истинѣ, настоящее, гораздо важнѣйшее того, пріобрѣтеніе можетъ почесться слѣдствіемъ Ясскаго мира".

„По милостивому пріему оконченной мною негоціаціи и по настоятельному образу повелѣній, отъ Вашего Величества ко мнѣ присланныхъ о поспѣшеніи пріѣздомъ въ Петербургъ, имѣлъ я причину ласкать себя надеждою, что довѣренность ваша ко мнѣ не умалилася. По возвращеніи моемъ, я и паче удостовѣрился, что подвигъ мой вамъ былъ угоденъ. Ваше Величество желали, чтобъ я паки за дѣла принялся; требовали, чтобъ я былъ точно на томъ же основаніи, какъ и прежде, чтобы, не обинуяся о всемъ, представлялъ вамъ и сказывалъ откровенно мои мысли. Сему монаршему изреченію повиновался и по долгу подданнаго, и по долгу благодарности. Я ссылаюся на все, что̀ я докладывалъ по

разнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и на мнѣніе мое, поданное о пользѣ и необходимости пріобрѣтенія Украйны и другихъ земель отъ Польши, какъ только первая къ тому удобность открываться начала. Если мнѣ казалося, что мои представленія не въ томъ уже видѣ и цѣнѣ принимались, какъ прежде я былъ осчастливленъ: то служило мнѣ, по крайней мѣрѣ, утѣшеніемъ, что я исполнялъ мою предъ вами обязанность, и что дѣла, о коихъ я писалъ, или говорилъ, производимыя въ исполненіе, приносили свою пользу. Не могу, однако, скрыть предъ Вашимъ Величествомъ, пользуяся дозволеніемъ вашимъ быть предъ вами откровеннымъ, что вдругъ нашелся я въ сферѣ дѣлъ, толь тѣсно ограниченной, что я предаюся на собственное ваше правосудіе: сходствуетъ-ли она и съ степенью, отъ васъ мнѣ пожалованною, и съ довѣренностью, каковой я прежде удостоенъ былъ? А сіе и заставило меня отъ многихъ дѣлъ уклоняться. Въ самомъ иностранномъ департаментѣ, гдѣ я, по высочайшей волѣ вашей, десятый годъ занимаю мѣсто втораго министра, встрѣчаются дѣла, которыя узнаю совсѣмъ посторонннимъ образомъ, какъ, напримѣръ, теченіе нынѣшняго сейма въ Гроднѣ—по Варшавскимъ газетамъ; а замѣшательства и затрудненія, тамъ происходящія,—по запискѣ конференціи Прусскаго министра, хотя я знаю съ другой стороны, что воля ваша была, дабы я оставался въ полномъ свѣдѣніи связи всѣхъ дѣлъ, и что, при многихъ случаяхъ, Ваше Величество вопрошали о бумагахъ, на апробацію Вашу взносимыхъ: видѣли-ли ихъ графъ Остерманъ и я"?

„Всемилостивѣйшая Государыня! Если служба моя вамъ уже неугодна, и ежели, по несчастію, лишился я довѣренности вашей, которую вяще заслужить послѣднимъ подвигомъ моимъ уповалъ, то, повинуяся достодолжно волѣ вашей, готовъ отъ всего удалиться; но если я не навлекъ на себя таковаго неблаговоленія, то льщу себя, что сильнымъ вашимъ заступленіемъ охраненъ буду отъ всякаго уничиженія, и что, будучи членомъ Совѣта вашего и вторымъ въ иностранномъ департаментѣ, имѣя подъ начальствомъ моимъ департаментъ почтъ и нося при томъ на себѣ одинъ изъ знатныхъ чиновъ двора вашего, не буду я обязанъ принятіемъ прошеній и тому подобными дѣлами, которыми я ни службѣ вашей пользы, ни вамъ угодности сдѣлать не въ состояніи. Готовъ я, впрочемъ, всякое трудное и важное препорученіе ваше исправлять, не щадя ни трудовъ моихъ, ниже самого себя".

„Чтó до жребія моего по мирной негоціаціи и по слѣдствіямъ, изъ нея съ толикою пользою для государства проистекшимъ, касается, оный, равно какъ и участь трудившихся въ той негоціаціи и прочихъ, подъ моимъ начальствомъ усердно и радѣтельно дѣла исправлявшихъ, осмѣливаюся препоручить монаршему правосудію и милости [19]".

---

[19]) Подлинная записка, писанная на двухъ золотообрѣзныхъ листахъ и сшитая шелкомъ, хранится въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея.

Эту записку графъ Безбородко подалъ 30 Іюня 1793 года, въ Царскомъ Селѣ, по совѣту Храповицкаго, чрезъ камердинера Захара Константиновича Зотова. На другой день, 1-го Іюля, Храповицкій записалъ: „По утру записка читана со вниманіемъ, никому не показывана, и съ отвѣтомъ на трехъ страницахъ запечатана, и къ графу Безбородкѣ возвращена. Зотовъ сказывалъ, что ни при чтеніи, ни при писаніи отвѣта не сердились, но задумчивость была примѣтна. Графъ, получа сей отвѣтъ, уѣхалъ въ городъ".

Отвѣтъ Екатерины еще не отысканъ мною; но, къ счастію, существенное содержаніе его вполнѣ занесено Храповицкимъ въ Дневникъ его подъ 5 Іюля 1793 года. „Нездоровы",—пишетъ Храповицкій. „Графъ Безбородко далъ мнѣ прочитать упомянутый на записку его собственноручный Ея Величества отвѣтъ. Въ немъ изображена: ласка, похвала службы и усердія. Писано въ видѣ оправданія противъ графской записки со включеніемъ слѣдующаго: „Всѣ дѣла вамъ открыты; Польскій сеймъ отправляется публично, и отвѣты къ Сиверсу или у васъ заготовляютъ, или вамъ и вице-канцлеру показываютъ, и я, при подписаніи, всегда о томъ спрашиваю. Но что̀ я сама пишу, въ томъ отчетомъ не обязана. Вы сами говорили о слабости здоровья своего и отъ нѣкоторыхъ дѣлъ отклонялись; челобитчиковыми же, думаю, никто не занимается; ибо всѣ просьбы присылаются ко мнѣ чрезъ почтамтъ, какъ и вамъ извѣстно. Кончено тѣмъ, что когда вы не столь много обременены дѣлами, то можете имѣть время смотрѣть, чтобъ исполнялись мои повелѣнія". „Графъ мнѣ сказалъ, что послѣ сего никакого съ нимъ разговора не было".

Отвѣтъ, которымъ Екатерина удостоила записку Безбородки, далъ ему почувствовать, что положеніе его Государыня вполнѣ понимаетъ и находитъ естественнымъ, а обидчивость его на стѣсненіе предоставленной ему сферы дѣлъ несправедливою; но въ этомъ-же отвѣтѣ ясно слышится тонъ старинной высокой покровительницы, считающей Безбородку столь къ себѣ близкимъ, что передъ нимъ и можно и сто̀итъ оправдывать себя въ новомъ, непривычномъ и тяжеломъ для него положеніи. Екатерина продолжала цѣнить и дарованія и службу Безбородки, и интригѣ не удалось поколебать ея взглядовъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, въ отвѣтѣ также ясно просвѣчивался намекъ на то, что приближеннѣйшимъ къ себѣ лицомъ, и даже по дѣламъ, Императрица имѣетъ еще ближе его человѣка. Графъ Ростопчинъ такъ извѣщалъ графа С. Р. Воронцова, отъ 6 Іюля 1793 года, о предпринимаемой г. Безбородкою поѣздкѣ въ Москву: „Графъ Безбородко уѣзжаетъ послѣ завтра; его отсутствіе продлится мѣсяцъ, и онъ предполагаетъ посѣтить вашего брата. Ему поручено изготовить всѣ бумаги, относящіяся къ наградамъ по случаю празднованія мира. Онѣ до сихъ поръ не подписаны, и даже у Императрицы никто не знаетъ, когда будетъ это празднованіе; нѣкоторые думаютъ, что послѣ свадьбы; а другіе, что прежде. Я вижу съ крайнимъ огорченіемъ, что графъ Безбородко удаляется отъ дѣлъ, и

что единственно страсть и привычка къ пышности его удерживаютъ: онъ ничего болѣе не дѣлаетъ и ни о чемъ не говоритъ. Это я слышалъ отъ графа Завадовскаго. Когда я сообщилъ ему о моемъ намѣреніи ѣхать къ вамъ и о моемъ объясненіи по этому поводу съ графомъ Безбородкой, который ободрилъ меня и обѣщалъ уладить все въ два дня, графъ Завадовскій сказалъ мнѣ, что этого не будетъ, что графъ Безбородко конечно ничего не можетъ сдѣлать и ничего не сдѣлаетъ, и потому совѣтовалъ мнѣ обратиться къ г-ну Зубову. Нѣсколько жалкихъ людей злобно отзываются о графѣ Безбородкѣ; но его можно упрекать развѣ за излишнюю доброту. Все, что̀ онъ сдѣлалъ хорошаго, уже забыли, а помнятъ только нѣкоторыя слабости, и еще выдумываютъ ихъ".

7 Іюля Безбородко отправился въ Москву, гдѣ строился у него громадный домъ, на который онъ полагалъ и свои досуги, и лишнія деньги, гдѣ ему легче, быть можетъ, переживалось ослабленное значеніе, которымъ въ недавнюю пору онъ пользовался у престола.

22 Іюля 1793, изъ Москвы, Безбородко писалъ къ графу А. Р. Воронцову, у котораго онъ побывалъ въ гостяхъ въ его помѣстьи подъ Владиміромъ. „Возвратный мой путь былъ покойнѣе гораздо отъ того, что я выигралъ цѣлую ночь и передъ полуднемъ въ Москву пріѣхалъ. Не считая такъ скоро имѣть удовольствіе видѣть ваше сіятельство, я ласкаюсь, по крайней мѣрѣ, часто получать извѣстія о вашемъ здоровьи и пользоваться вашими совѣтами, которыми всегда я, и къ лучшему, какъ по службѣ, такъ и собственно для себя, руководствовался. Въ исторіи, которая въ письмѣ А. Я. (Протасова) упоминается касательно брата моего, много смѣшнаго и стараго, о чемъ я забылъ вамъ разсказать. Еще въ началѣ Іюня получены отъ него два представленія. Въ одномъ описывалъ онъ свои распоряженія о разныхъ для посла [20]) заготовленіяхъ, въ другомъ требовалъ онъ присылки десяти или пятнадцати тысячъ рублей бумагами для того, что сумма у него большею частію серебромъ, изъ коихъ велѣно давать тайно деньгами послу. Бумаги сіи посланы отъ капитула, въ мое на дачѣ пребываніе, вмѣстѣ съ почтою. Не разумѣя ни дѣла, ни порядка, вдругъ заключили, что лошадей набрали много, а ихъ меньше, чѣмъ было у Игельстрома; что издержки могутъ быть очень велики, а онѣ условлены между двумя послами, то есть, что нашему тамъ тоже, что̀ ихъ послу у насъ дается. Государыня мнѣ, по выходѣ великаго князя, сама о томъ сказала. Я сдѣлалъ сцену съ жаромъ крайнимъ, изъяснивъ прискорбіе, что она такъ худо о людяхъ думаетъ; что братъ мой—человѣкъ честный и, конечно, возвышеннѣе мыслями всякаго, кто могъ-бы ей дѣлать внушенія, для чести его поносительныя; что онъ не въ состояніи поползнуться на корысть; что онъ уклонялся отъ сей коммиссіи, переходя изъ дивизіи въ дивизію, въ коей дѣла чаялъ; что я на своей совѣсти

[20]) Турецкаго.

имѣю, что не избавилъ его отъ сего дѣла, для котораго и онъ и я на пріуготовленія и остентаціи употребили мы своего вдвое болѣе противу того, что̀ Ея Величеству угодно было ему пожаловать на подъемъ, и что она великую милость ему окажетъ, если теперь-же освободитъ его отъ сего служенія; а онъ радъ во всякой арміи или дивизіи быть, покуда опять случай имѣть будетъ; что онъ служитъ не такъ, какъ многіе другіе, изъявивъ тому доводомъ охоту его къ службѣ, когда онъ, при Измаилѣ, сложивъ дежурство, пошелъ на штурмъ и тамъ получилъ рану претяжелую, изъ которой вынуто у него около сорока костей. Меня ласково унимали, чтобъ я не горячился и не толковалъ того въ худо, но я не вышелъ, не изъяснивъ по пунктамъ неосновательности всякаго тутъ сомнѣнія. Да и подлинно: нельзя лучше вести дѣла, какъ онъ его ведетъ, попавшись, по несчастію, подъ сіе иго. Симъ неудовольствовавшись, послалъ я съ Дмитріемъ Прокофьевичемъ (Трощинскимъ) къ Зубову весьма сильное и горячее письмо [21]). Онъ принялъ его ласково и обѣщалъ прочесть предъ Государынею. Не знаю, сдѣлалъ ли то, ибо она ни слова мнѣ не сказала; а Самойловъ, имѣвъ письмо отъ брата моего объ ассигнаціяхъ, не упустилъ ей толковать, что тутъ нѣтъ ни малѣйшей причины подозрѣвать, что онъ съ нимъ служилъ и зналъ его всегда, какъ благороднаго человѣка. Вы знаете, что въ мысляхъ ея трудно передѣлать взятыя однажды предубѣжденія. Съ того времени и не было ничто говорено; а я только внушалъ Моркову, чтобы онъ добился, какой отвѣтъ сказанъ по моему изъясненію; но напрасно и ничего не могъ извѣдать. Послѣ того два раза брали у меня объясненія по сему посольству: одинъ разъ чрезъ губернатора, который получилъ циркулярное письмо о лошадяхъ, на что ихъ такъ много, въ другой разъ—не поняли въ рапортѣ, сказано-ли о лошадяхъ-же, что марши не ускорены для того, дабы походомъ не изнурены были артиллерійскія, не перемѣняемыя до Петербурга. Тутъ сочли, что это сказано о людяхъ, а не о коняхъ, и что ихъ пѣшкомъ ведутъ. Смѣшно, по истинѣ, что, не читая и не внимая, такъ оскорбляютъ людей; а братъ мой вздумалъ щеголять перепискою, извѣщая о всѣхъ подробностяхъ и всякую недѣлю присылая репорты о людяхъ и деньгахъ. Кажется, однакожъ, что сія исторія, при моемъ отъѣздѣ, не существовала".

„Съ половины Іюня стали со мною обходиться получше въ наружности и подтверждали о скорѣйшемъ возвращеніи. Попову въ тотъ же день сказано, какъ я поѣхалъ, что я Богъ знаетъ для чего сію поѣздку предпріялъ, но что чрезъ двѣ или три недѣли возвращуся. Храповицкій пишетъ ко мнѣ, что, за день до изданія манифеста [22]), она его спросила: когда я возвращуся? А какъ онъ

[21]) Письма этого, къ сожалѣнію, я не отъискалъ.

[22]) Въ „Дневникѣ" онъ подъ 12 Іюля записалъ: „Зубовъ призывалъ Трощинскаго и подписали изъ заготовленнаго графомъ Безбородкою сокращенный манифестъ, чтобъ всемѣстно отпраздновать миръ (Ясскій) 2 Сентября".

отвѣчалъ: 3 или 4 Августа, то она молвила ему: „Онъ меня оставилъ въ такую пору, когда весьма нужно было ему здѣсь быть, и самъ то зналъ; а вотъ дѣла, которыя у меня на шеѣ", указывая бумаги о мирномъ торжествѣ и о прибавкѣ по кабинету облигаціи [23]). Ни Храповицкій, ни Дмитрій Прокофьевичъ (Трощинскій) не пишутъ, что̀ выше говорено было въ письмѣ А. Я. Не смотря на отзывъ, я прежде своего сроку, то есть 31 Іюля или 1, либо 2 Августа, отсюда не поѣду, развѣ точное получу приказаніе. Радуюсь я между тѣмъ, что назначеніемъ торжества прибавится и мнѣ... Поповъ ко мнѣ пишетъ, что̀ дѣлается въ политикѣ, отъ насъ сокрытой; а мои корреспонденты пишутъ, что дѣла въ Польшѣ берутъ лучшій оборотъ. Делегація съ обѣими дворами назначена, и инструкціи делегатамъ апробованы неограниченныя. Ни отъ Маркова, ни отъ канцеляріи графа Остермана экстрактовъ мнѣ не присылали изъ депешей, кои, по письму Храповицкаго, Вейдемейеръ отдаетъ въ канцелярію Зубова, такъ что онъ (т. е Храповицкій) дважды выбраненъ былъ, за чѣмъ поздно доставилъ почту для чтенія, которое производитъ самъ великій князь. Вотъ и мое письмо походитъ на такое-же А. Я".

Слова, сказанныя о Безбородкѣ Храповицкому Императрицею, показываютъ, что она считала графа необходимымъ для себя помощникомъ, отсутствіе опытности котораго составляло для нея чувствительный недостатокъ. Произнесенныя заочно и интимно слова эти даютъ чувствовать, что Императрица, въ это время, смотрѣла уже на Безбородку тѣми-же глазами, какими смотрѣла на него въ минуты, когда писала ему отвѣтъ, т. е. считала его умнѣйшимъ и заслуженнѣйшимъ изъ всѣхъ царедворцевъ.

Вполнѣ милостивое расположеніе Екатерины къ Безбородкѣ обнаружилось 2-го Сентября 1793 года въ день, когда совершилось давно уже предназначенное празднованіе заключеннаго Безбородкою съ Турками Ясскаго мира. Въ росписи наградъ, объявленныхъ по случаю этого празднованія, между прочимъ, читаемъ: „Дѣйствительному тайному совѣтнику графу Безбородку, за службу его въ заключеніи мира, всемилостивѣйше жалуетя: похвальная грамота и масличная вѣтвь, да при томъ деревня" [24]).

---

[23]) У Храповицкаго этотъ разговоръ подъ 10 Іюля 1793 года записанъ полнѣе и характеристичнѣе, а именно: „Сдѣланъ мнѣ вопросъ о графѣ Безбородкѣ: когда онъ воротится? Отвѣчалъ, что 3 или 4 Августа.—Какъ? Я считала, что онъ поѣхалъ только на 10 дней. Вотъ хорошо уѣзжать, когда самъ знаетъ, что есть до него дѣло (показывая на бумаги къ торжеству Турецкаго мира). Будетъ 4 Августа, а дѣло надобно кончить ко 2 Сентября, да самъ же и жалуется, что не поручаю дѣлъ".

[24]) Подлинная роспись хранится въ Архивѣ Прав. Сената, въ С.-Петербургѣ, кн. № 175, № 49, стр. 68. Похвальной грамоты я не доискался ни въ государственныхъ, ни въ частныхъ архивахъ, документами которыхъ пользовался для настоящаго труда. Деревня же была пожалована Безбородкѣ 18 Августа 1795 года въ Брацлавской губерніи; въ ней числилось 4981 душа.

3 Сентября, Безбородко, между прочимъ, писалъ В. П. Кочубею: „Торжество мира совершилось 2 Сентября, то есть вчера. Нѣтъ времени сообщить вамъ всѣ его подробности, а только скажу вкратцѣ, что въ разсужденіи меня наблюдено довольно пристойности. Мнѣ сказано было за нѣсколько дней, что праздникъ сей есть мой“. Перечисливъ за тѣмъ пожалованныя ему награды, Безбородко продолжаетъ: „Сіи послѣдніи (деревни) никому еще поимянно (не) назначены, для того, что ожидаютъ вѣдомостей; да и я не скучаю, бывъ доволенъ, что съ такимъ приличіемъ сохранены всѣ наружности“. Въ концѣ письма Безбородко называетъ лицъ, получившихъ награды и добавляетъ: „Всѣ конгрессные Ясскіе пожалованы по моему представленію, такъ какъ и моя канцелярія и часть нашей Коллегіи“ [25]). Въ письмѣ же къ матери, отъ 8 Сентября, Безбородко объясняетъ такъ значеніе полученной имъ за Ясскій миръ масличной вѣтви, что она, „яко знакъ мирный, дана для ношенія на шляпѣ, которая цѣною стоитъ до 25000 рублей“.

Самъ Безбородко видимо былъ доволенъ наградами за свои труды по заключенію мира, но еще больше радовался тому, что „въ разсужденіи его наблюдено довольно пристойности“.

Черезъ недѣлю, 16 Сентября, Безбородко просилъ Г. П. Милорадовича пріискать для него деревни, которыя ему обѣщаны были при празднованіи Ясскаго мира. „По сію пору вы, конечно, ознакомилися съ Польшею, намъ присвоенною, и для того въ состояніи найдетеся пособить мнѣ вашимъ добрымъ совѣтомъ. Вы знаете, что въ день мирнаго торжества трактованъ былъ я и множество мнѣ принадлежащихъ весьма хорошимъ и пристойнымъ образомъ, и что въ числѣ награжденій, мнѣ сдѣланныхъ, положены мнѣ и деревни, о коихъ мнѣ сказано, что дадутъ ихъ въ сей новой землѣ. Прошу, по дружбѣ ко мнѣ, постараться выбрать тысячи три-четыре душъ, чтобъ онѣ были значущія, а не дрянныя, не далекія; словомъ вы лучше вѣдаете, и напишите ко мнѣ подробно. Вы можете открыть сіе Тимоѳею Ивановичу“ [26]).

ГЛАВА XV.

Сближеніе съ Зубовымъ.—Третій раздѣлъ Польши.—Курляндія.—Сватовство Шведскаго короля.

Записка, поданная Безбородкою 30 Іюня 1793 года, возстановила прежнія отношенія его къ Императрицѣ. Въ предыдущей главѣ было замѣчено, что отвѣтъ Государыни на эту записку давалъ гра-

[25]) Изъ семейнаго архива графа Г. А. Милорадовича.

Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, 16 Сентября 1793 года (№ 74, стр. 1752), о денежныхъ наградахъ по случаю празднованія Ясскаго мира напечатано слѣдующее: „1793 года, Сентября 16 дня, послѣдовалъ отъ Е. И. В. указъ о выдачѣ изъ почтовыхъ доходовъ пожалованныхъ нѣкоторымъ чинамъ СПБ. почтамта 7000 рублей и на канцелярію д. т. с. Безбородки 10,000 рублей.

[26]) Тутолмину. Изъ семейнаго архива графа Г. А. Милорадовича.

фу чувствовать, что установившіеся при дворѣ новые порядки, направленные въ значительной мѣрѣ и къ облегченію его многосложныхъ трудовъ, должны оставаться неизмѣнными. Легко замѣтить также, что Екатерина желала считать и имѣть Безбородку своею правою рукою для всѣхъ важнѣйшихъ случаевъ и дѣлъ государственной жизни и, въ замѣнъ этого, ожидала отъ него почтенія къ неприкосновенности ея чувствъ и мыслей и, когда есть время, „наблюденія за исполненіемъ ея повелѣній". Такой именно характеръ и принимаютъ дальнѣйшія отношенія Безбородки къ Императрицѣ и государственнымъ дѣламъ. Безбородко призывается къ участію въ важнѣйшихъ событіяхъ императорскаго дома и къ направленію крупныхъ дѣлъ государственной жизни.

Такъ, когда все приготовлено было къ бракосочетанію обожаемаго внука Екатерины, Александра Павловича съ принцессою Баденскою, Императрица назначила Безбородку шаферомъ къ невѣстѣ великаго князя, въ то время какъ шаферомъ августѣйшаго жениха былъ его родной братъ, великій князь Константинъ Павловичъ. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ ставитъ эту чрезвычайную милость Императрицы къ Безбородкѣ въ связь съ обидою, причиненной ему Марковымъ. „Во время празднествъ по случаю мира, взбѣшенный тѣмъ, что въ спискѣ наградъ, прочтенныхъ съ престола, не упоминалось о пожалованіи ему земель, Марковъ пришелъ въ ярость, достойную грубаго мужика, свалилъ все на Безбородку, назвалъ его государственнымъ воромъ, лгуномъ и обманщикомъ, наговорилъ дерзостей Судіенкѣ, только что получившему орденъ св. Владиміра и, не довольствуясь этимъ, повторилъ всѣ свои ругательства въ присутствіи Завадовскаго, чтобъ тотъ передалъ ихъ графу Безбородкѣ. Императрица, узнавъ объ этой исторіи, разгнѣвалась на Маркова, и выражаетъ свое неудовольствіе усугубленіемъ вниманія къ графу Безбородкѣ. Онъ держалъ вѣнецъ надъ головою великой княгини Елисаветы Алексѣевны при совершеніи брачнаго обряда. Вы знаете, какъ дорожитъ графъ Безбородко внѣшними отличіями: ему очень польстило это" [1]).

Не прошло и недѣли послѣ радостнаго событія въ императорской семьѣ, какъ Безбородкѣ было пожаловано званіе оберъ-гофмейстера [2]). Это званіе до Безбородки носилъ И. П. Елагинъ, одинъ изъ довѣреннѣйшихъ лицъ Екатерины II-й. Оно не было для Безбородки новымъ, такъ какъ оберъ-гофмейстерскія обязанности при торжественныхъ церемоніяхъ, на которыхъ присутствовала Императрица, вмѣсто Елагина весьма часто исправлялъ Безбородко, будучи только гофмейстеромъ. Извѣстно, что Безбородко читалъ въ Казанскомъ и Никольскомъ соборахъ донесенія о побѣдѣ при Кинбурнѣ, 17 Ок-

---

[1]) Р. Архивъ, 1876 г. I, 107 и 108.

[2]) Высочайшія повелѣнія, объявленныя Прав. Сенату, въ Архивѣ его, въ С.П.Б., кн. 175, ук. № 107, стр. 213.

тября 1787 года, и о взятіи крѣпости Бѣлгорода, 14 Октября 1789 года [3]).

Полученіе Безбородкою оберъ-гофмейстерскаго званія произошло при непосредственномъ содѣйствіи всемогущаго Зубова. Желаніе Императрицы сблизить фаворита съ заслуженнымъ секретаремъ исполнено съ той и другой стороны. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ о томъ къ графу С. Р. Воронцову, 6 Октября 1793 г.: „Графъ Безбородко написалъ къ графу Зубову письмо [4]), ходатайствуя о своемъ назначеніи и ссылаясь на свои заслуги. Этотъ послѣдній, человѣкъ молодой и соединяющій въ себѣ всѣ званія покойнаго князя Потемкина (которому вчера была годовщина), пользуется безграничнымъ вліяніемъ“ [5]).

Друзья Безбородки неблагопріятно смотрѣли на его сближеніе съ фаворитомъ. А между тѣмъ это сближеніе вскорѣ отразилось и на усиленіи внѣ-придворнаго значенія Безбородки. Не далѣе, какъ въ концѣ того же 1793 года, графъ Безбородко былъ избранъ въ „почетные благотворители С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта“ [6]). Званіемъ такихъ „благотворителей“ пользовались, не считая двухъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ, только двѣнадцать государственныхъ сановниковъ, говоря документально „почтенныхъ знатными достоинствами особъ въ государствѣ“. Ихъ обязанности состояли въ охраненіи интересовъ Совѣта и въ принятіи иногда на себя ходатайства по дѣламъ Воспитательнаго дома [7]), производившимся въ Сенатѣ, Синодѣ и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ послѣдствіи увидимъ, что С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ по своимъ дѣламъ обращался за помощью къ Безбородкѣ. При дворѣ же, снискавъ прежнее расположеніе Императрицы, Безбородко не могъ не обратить своего вниманія на великихъ князей Александра и Константина Павловичей и особенно сошелся, какъ самъ выражается, съ „новобрачнымъ дворомъ“. Онъ писалъ къ В. П. Кочубею, 14 Января 1794: „Оба молодые великіе князья часто васъ вспоминаютъ, поручаютъ вамъ кланяться и отзываются о васъ очень хорошо. Новобрачныхъ дворъ поставленъ теперь на весьма хорошую ногу. Обѣдать къ нимъ ходятъ всѣ знатнѣйшіе, пославъ напередъ сказать гофъ-фурьеру. Вчера я тамъ обѣдалъ съ графами Остерманомъ, Завадовскимъ и Штакельбергомъ. Всякій вечеръ составляютъ они бесѣду у Государыни. Графъ Николай Ивановичъ (Салтыковъ) остался у нихъ по прежнему, Протасовъ также, графиня Шувалова изъ дамъ, кромѣ трехъ фрейлинъ, княженъ Голицыныхъ, да

---

[3]) С.П.Б. Вѣдомости, 1787 г., № 84, стр. 1137 и 1789, № 84, стр. 1319.

[4]) Письмо это не отыскано.

[5]) Р. Архивъ 1876, I, стр. 108.

[6]) Матеріалы для Московскаго Воспитательнаго дома. Москва. 1863 г., стр. 43.

[7]) С.Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго, историческое изслѣдованіе А. П. Пятковскаго, Русская Старина, 1875 г. № 2, стр. 360—365.

и весь дворъ ихъ хотя и небольшой, однако собранъ изъ знати“ [8]).

Сближеніе съ Зубовымъ, на которое рѣшился Безбородко для усиленія придворнаго своего значенія, произошло именно въ такой формѣ, въ какой желала Императрица. Безбородко вступилъ въ сношенія по дѣламъ съ Зубовымъ и за это получилъ завѣдываніе ими. Въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 28 Мая 1794 года, графъ Ростопчинъ говоритъ, что Безбородко, вступившій опять въ завѣдываніе дѣлами, нерѣдко принужденъ ходить къ Зубову съ бумагами, въ которыхъ тотъ иногда дѣлаетъ поправки. „Графъ Безбородко самъ по себѣ никогда не будетъ опасенъ для тѣхъ, что захочетъ овладѣть исключительнымъ вліяніемъ: онъ слишкомъ лѣнивъ, слишкомъ дорожитъ своимъ спокойствіемъ и въ тоже самое время слишкомъ увѣренъ въ своей полезности, чтобы стѣснять себя и хвататься за власть, которую онъ столько разъ имѣлъ въ рукахъ“.

„Полезность“ Безбородки, дѣйствительно была видна во всѣхъ государственныхъ вопросахъ. Въ концѣ описываемаго 1794 года устранено затрудненіе, возникшее для Россіи по Польскому дѣлу, въ основѣ котораго лежала непосредственная мысль Безбородки занять Польшу Русскими войсками. Варшавское возмущеніе, вызванное вторымъ раздѣломъ Польши, было подавлено, и 20 Ноября 1794 года, по случаю празднованія усмиренія Польши, Безбородко читалъ „объясненіе о причинахъ войны съ Польшею“, написанное его гибкимъ перомъ. Это объясненіе обнародовано въ тогдашнихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ [9]). 25 Ноября того же 1794 года Безбородко отправилъ къ Литовскому генералъ-губернатору, князю Н. В. Репнину, два замѣчательныя письма: одно о значеніи Россіи среди Европейскихъ державъ и о мѣрахъ обращенія съ завоеванными у Польши провинціями, а другое о переговорахъ съ Австріею относительно раздѣла Польскихъ провинцій. Первое есть подробная записка объ отношеніяхъ Россіи къ великимъ державамъ и съ наставленіемъ для генералъ-губернатора въ Литвѣ, въ способѣ управленія краемъ и обращенія съ мѣстными жителями. Безбородко, соглашаясь въ основныхъ взглядахъ съ Репнинымъ, держится принципа равноправности и уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ, господствовавшимъ издавна въ краѣ, недавно присоединенномъ къ Россіи.

„Съ должнымъ признаніемъ, соотвѣтствуя довѣренности вашего сіятельства, имѣю честь сообщить вамъ все, мнѣ представляющееся по настоящимъ дѣламъ, прося только оставить оное въ собствен-

---

[8]) Здѣсь кстати привести нѣсколько словъ изъ письма, отправленнаго Безбородкою къ Г. П. Милорадовичу, въ концѣ 1792 г. „Государынѣ угодно, дабы я 25 Генваря непремѣнно уже былъ въ Петербургѣ (по случаю предстоящаго бракосочетанія Александра Павловича)... Тутъ надобно много старой братіи вонъ выслать и ее пережаловать, новую набрать сызнова“.

[9]) 1794 г., № 94, стр. 2162.

номъ знанiи вашемъ и принять не инако, какъ знакомъ особенной откровенности. Вскорѣ по начатiи въ Польшѣ мятежа, когда приняты были мѣры къ утушенiю онаго, разсуждаемо было, къ какому концу доведетъ сiе дѣло. Опыты прошедшаго времени доказали, что помышлять сдѣлать для себя друзьями Поляковъ, и особливо послѣ раздѣла 1792, есть вещь невозможная. При всякомъ случаѣ, когда у насъ война съ Турками, скорѣе очутятся они на сторонѣ Прусаковъ и станутъ вредить намъ, по крайней мѣрѣ столько, сколько въ прошедшую войну. Малая обширность земли сей не могла уже быть достаточнымъ барьеромъ между нами и сосѣдями нашими; инако съ Австрiйцами учинилася уже у насъ и безпосредственная смежность. Кромѣ того и часто état intermédiaire [10]) въ существѣ бываетъ не иное что, какъ химера, особливо же, гдѣ первый дойти можетъ. Тутъ представляется и та невыгода, что образъ мыслей въ Полякахъ, наипаче въ молодыхъ, содѣлался такого рода, что зараза легко и далѣе распространиться можетъ; что вольность крестьянъ и тому подобное удобны раздразнить нашихъ поселянъ, одинъ почти языкъ и нравы въ сосѣдствѣ имѣющихъ; что, напротивъ того, безпосредственное сосѣдство съ Австрiйцами для насъ нимало не опасно: для того, что сiи двѣ державы никогда соединиться между собою не могутъ по непримиримому ихъ соперничеству и зависти; Россiя-же, порознь каждаго изъ нихъ сильнѣе, конечно, имѣетъ весь поводъ надѣяться, что всегда одного на своей сторонѣ имѣть будетъ. Сiи разсужденiя рѣшили на уничтоженiе Польши и на раздѣлъ ея земель, и вслѣдствiе того удалена уже была всякая мысль о составленiи конфедерацiи или собственной нашей партiи въ Польшѣ, которая означала бы тѣмъ законную участь, хотя г. Тугутъ, весьма хитро отвлекая насъ отъ раздѣла, то совѣтовалъ. Сочтено у насъ, что, поставя сiю землю однажды вверхъ дномъ, испровергнувъ ея правленiе, и (отнявъ) всю почти оружiемъ, заставимъ и по неволѣ другихъ съ нами соображаться".

„Сдѣлано было посему завременное весьма осторожное внушенiе союзникамъ; они не отвергнули доводовъ, впрочемъ неоспоримыхъ, но въ первомъ разѣ сильно замахнулися, такъ что намъ весьма малой удѣлъ оставили. Король Прусскiй затѣялъ присвоить себѣ остатокъ воеводства Краковскаго, все Сендомiрское и потомъ даже границу по теченiю Вислы до Закрочима, оттуда же по Нареву на рѣку Нѣманъ, противу самой Гродны, потомъ Нѣманомъ внизъ до нынѣшней Прусской границы; оттуда, переходя чрезъ Нѣманъ и дѣля съ нами Самогитiю, до вершины рѣки Виндавы и до устья ея, охватывая частицу, и лучшую еще, Курляндiи и увѣряя насъ, что мы, имѣя предѣломъ Нѣманъ, владѣя Гродною, Вильною и Ковною, частью Самогитiи и почти всею Курляндiею, превратя сiю изъ ѳiеѳа въ настоящее подданство, несравненно выиграемъ. Дворъ Вѣнскiй въ другомъ образѣ на нашъ счетъ распо-

---

[10]) Посредствующее государство.

рядилъ свое увеличеніе. Присвояя Краковъ и Сандоміръ, по рѣку Пилицу, отъ устья ея велъ черту по Вислѣ и Нареву, сходно съ Прусскою; а дошедъ до вершины Нарева, тамъ прямую линію до нынѣшней нашей границы, захватывая уже весь остатокъ Волыни, воеводство Брестское да и часть Новгородскаго. Въ несходствѣ таковомъ съ нашими видами положено у насъ: первое, назначить одинъ разъ черту и ея непремѣнно держаться и именно, съ южной стороны отъ Буга въ Вислу впадающаго, по теченію его вверхъ до Бреста-Литовскаго; оттуда прямѣйшею по удобности линіею на рѣку Свислочь, потомъ на устье ея въ Нѣманъ, Нѣманомъ до настоящей границы Прусской и потомъ по той же старой границѣ Прусской. Вкратцѣ сообщено сіе обѣимъ дворамъ и, ожидая на сихъ дняхъ курьера изъ Берлина, получимъ уже предварительную исповѣдь, что и король Прусскій, въ разсужденіи присвоенія нами всея почти Самогитіи, сколь ни отяготительно то для его торговли, ни мало не прекословитъ. Но что̀ касаетсд до предѣловъ съ Австрійскою монархіею, онъ долженъ соображать ихъ съ безпечностію своихъ владѣній. Не сходно ему было бы и вовсе впускать между Силезіею и Вислою Цесарцевъ; но онъ и тутъ, желая споспѣшествовать дѣлу, радъ найти mezzo termino, и именно поставить границею рѣку Нару, и тѣмъ почти все Сендомірское воеводство оставить Австрійцамъ, намекая, что они, получая Люблинъ, Хелмъ и другія мѣста, могутъ еще прибавить себѣ и остатокъ Волыніи. Ваше сіятельство изволите тутъ видѣть наклонность къ сближенію въ переговорахъ; да я думаю, что еще и далѣе можно выторговать, но надобно ожидать отвѣта изъ Вѣны. Предварительныя, между тѣмъ, наставленія дошли уже къ графу Кобенцелю, изъ коихъ мы видимъ: 1) Требованіе, чтобъ король Прусскій продолжалъ свое содѣйствіе въ войнѣ Французской, полагая сіе кондиціею sine qua non въ новомъ Польскомъ раздѣлѣ. 2) Домогательство, чтобы мы, по совершенномъ утушеніи Польскаго мятежа, дали имъ сорокъ тысячъ войска, къ коимъ присовокупить столько же Австрійскаго и наипаче Венгерской конницы; сверхъ того, десяти-тысячный корпусъ принца Конде и двѣнадцати-тысячный вспомогательный Прусскій (о коемъ мы имѣемъ отъ короля, по взятіи Варшавы, увѣреніе, что онъ его удержалъ при арміи Австрійской) и тѣмъ составя армію болѣе ста тысячъ, подъ главною командою Россійскаго генерала, дѣйствовать отъ Рейна далѣе, по возможности, и снимая на себя продовольствіе войскъ нашихъ. 3) Чтобъ земли по новому раздѣлу въ Польшѣ были наградою новыхъ усилій союзничьихъ противу Франціи. Было тутъ прибавлено, чтобъ, до окончанія дѣлъ Французскихъ, не дѣлать въ Польшѣ рѣшительныхъ постановленій; но графъ Кобенцель, вѣдая, что съ подобнымъ внушеніемъ весьма бы его нехорошо отпотчивали, пропустилъ сей пунктъ при сообщеніи своей инструкціи".

„Намѣреніе у насъ взято: начать порознь конференціи, и кто податливѣе окажется, съ тѣмъ прежде заключить конвенцію. Вѣроятнѣе, что Прусскій дворъ скорѣе на наши виды согласится, ежели мы будемъ умѣть за него хорошо приняться. Конча съ нимъ од-

нажды, Вѣнскій дворъ увидитъ и поневолѣ неизбѣжную нужду, тому же послѣдуетъ, и особливо, когда, съ одной стороны, соглашеніемъ можетъ надѣяться и пособія отъ насъ требуемаго, буде наши обстоятельства дозволятъ, и взаимной податливости на виды его въ той сторонѣ, гдѣ другому нашему союзнику нѣтъ ущерба; съ другой же представитъ себѣ въ противномъ случаѣ потерю съ нами связи, для него нужной, и сближеніе съ непримиримымъ его соперникомъ. Между тѣмъ мы будемъ себя весь будущій годъ держать вездѣ на готовѣ, оказывая повсюду крайнюю твердость, которою удалося уже намъ въ 1790 и 1791 году обратить въ стыдъ и поношеніе усилія Пруссаковъ и министерства Англійскаго, за Турокъ вступающагося. Ваше сіятельство признаете, конечно, что много тутъ предстоитъ труда и усилія, но безъ нихъ большія дѣла не дѣлаются; а въ политикѣ, какъ и въ войнѣ, часто многое (хотя впрочемъ съ разсмотрѣніемъ) и на отвагу брать должно, лишь бы только знать всему мѣру и конецъ".

„Миръ съ Французами не такъ еще близокъ, какъ газеты предвѣщаютъ; а кампанія 1795 года будетъ имѣть мѣсто—хорошо ли, худо. Въ Англіи уже очень скучаютъ войною, и г. Питтъ начинаетъ сильно терять кредитъ въ націи, но все еще сохраняетъ большинство голосовъ. Положеніе всѣхъ дворовъ самое странное, но наше несравненно всѣхъ выгоднѣе, и имъ не воспользоваться былъ-бы грѣхъ непростительный. Что̀ принадлежитъ до черты нашего владѣнія, которое на сей разъ, яко временное, будетъ управляться, ваше сіятельство получаете полное разрѣшеніе. Я увѣренъ, что и съ Берлинскимъ дворомъ тутъ не выйдетъ никакое недоразумѣніе, ибо онъ великое къ намъ оказываетъ уваженіе и ссориться не станетъ. Жалѣю только, что къ управленію подъ вами дѣлъ выбраны не такіе люди, кои могли бы дать важность Россійскому правительству. Въ старину не такъ дѣлали. Когда хотѣли, чтобъ Малая Россія обрусѣла и привыкла къ соединенію, то послѣ гетмана Апостола сдѣлано было верховное правленіе, въ которомъ членами посажены не русапеты и тому подобные, но генералъ-поручикъ князь Шаховской, генералъ-маіоръ князь Барятинскій и гвардіи маіоръ Шиповъ, да трое изъ тамошнихъ генеральныхъ старшинъ; въ трибуналъ — одинъ бригадиръ и два полковника вмѣстѣ съ тамошними чинами. Отъ сего выходило взаимное уваженіе; а въ Литвѣ, правду сказать, есть много людей гораздо починовнѣе, чѣмъ тогда въ Малой Россіи были. Тутъ вся надежда, что ваши добродѣтели дополнятъ недостатокъ и что вы особою своею заставите ихъ любить Россійскую власть и правленіе. Я согласенъ съ мыслями вашего сіятельства, что въ новыхъ областяхъ не только права, но даже и обряды добрые должно оставлять неприкосновенными. Люди къ старому очень привязаны. Всякая подать меньше для нихъ тягостна, чѣмъ потеря того, что̀ они за привилегіи свои почитали. Власть самодержавная будетъ въ полной силѣ и святости съ Литовскимъ Статутомъ столько же, сколько же и съ Уложеніемъ ни нравамъ, ни времени несообразнымъ. Искать педантически единообразія была бы такая же химера, какъ предполагать и ра-

венство между людьми. Всякая претензія имѣетъ мѣсто для себя особливое въ моральномъ или физическомъ отношеніи; для сего-то я настоялъ и при раздѣлѣ 1793 года, чтобъ жителямъ тамошнимъ оставлены были ихъ права и привилегіи; да, я думаю, тоже сохранится и при новомъ раздѣлѣ".

„О королѣ Польскомъ ваше сіятельство получаете также монаршія приказанія. Графъ Суворовъ не нашелся при занятіи Варшавы въ нужныхъ по обстоятельствамъ мѣрахъ. Графъ Петръ Александровичъ (Румянцовъ-Задунайскій), примѣтивъ то въ самомъ началѣ, далъ ему знать, что завоеванная столица есть принадлежность завоевательницы, и что потому правленіе долженствуетъ быть производимо чрезъ поставляемыхъ губернатора въ городѣ и коменданта въ зàмкѣ и прочее; но новый фельдмаршалъ слишкомъ тронутъ жалостію къ королю, коего вы больше всѣхъ насъ знаете и попустилъ ему мѣшаться въ дѣла. Посланы отсюда подробныя наставленія, которыя откроютъ глаза заблуждающимся. Между тѣмъ горячка въ Полякахъ дѣйствовать не престаетъ. Гетманъ Ржевускій прислалъ сюда курьеромъ своего адъютанта съ планомъ правленія Польскаго и заранѣ торгуется о власти гетманской. Одинъ Потоцкій видитъ инако дѣло: онъ считаетъ разрушеніе Костюшки и взятіе Варшавы концомъ всего и полагаетъ тутъ конецъ и своего гражданства въ Польшѣ, почитая, что онъ незазорно себя оставить можетъ Россіяниномъ. Ваше сіятельство извините пространство письма моего. Тѣсня все, чтò мнѣ на мысль пришло, я слѣдовалъ моей къ вамъ нелицемѣрной преданности, съ которою всегда есмь и пр."

Въ другомъ письмѣ, отъ того же 25 Ноября, относительно переговоровъ съ Австріею по раздѣлу Польскихъ провинцій, Безбородко писалъ: „Сегодня по утру получилъ графъ Кобенцель чрезъ нарочнаго, по Кіевской дорогѣ посланнаго отъ Тугута, увѣдомленіе, что другой курьеръ везетъ ему чрезъ Варшаву прямо новыя наставленія для окончанія нашей негоціаціи. Тутъ точно говорится, что, сколь ни прискорбно имъ настояніе наше о сокращеніи ихъ удѣла въ Польшѣ, рѣшились они, однакожъ, въ доказательство своего уваженія къ союзу съ Россіею, постановить границею съ нами рѣку Бугъ, въ Вислу впадающую, присвояя себѣ, кромѣ Кракова и Сандоміра, еще землю, между Буга и Вислы лежащую. Я думаю, что съ сею послѣднею легко будетъ ихъ помирить, а я боюся только одного Кракова. Повторяются тутъ же задачи о пособіи въ продолженіи и окончаніи Французской войны, обязывая къ тому же и короля Прусскаго. На сей недѣлѣ и отъ него ожидаемъ извѣстій. А теперь опасаются не сколько трудностей по негоціаціи предлежащихъ, сколько того, чтобъ графъ Александръ Васильевичъ (Суворовъ), заранѣе не наставленный, не нанесъ намъ безпокойствъ съ неугомонными Поляками. Онъ совсѣмъ иное понятіе взялъ о королѣ и о прочихъ. Дай Богъ, чтобъ наставленія, отъ фельдмаршала посланныя и тѣ, чтó недавно пошли отсюда, подоспѣли въ пору и открыли ему свѣтъ, да и чтобъ онъ нашелся въ возможно-

сти исполнить все, ему тутъ поручаемое, въ чемъ, конечно, и осторожность и въ запасъ силы надобны“ [11]).

Приведенныя письма Безбородки къ князю Репнину свидѣтельствуютъ, что отъ него уже не скрывали Польское дѣло и что онъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе.

Еще положительнѣе подтверждаетъ это соображеніе его записка объ отдѣленіи части Польши для Пруссіи. Въ послѣднихъ числахъ Ноября Прусскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Гольцъ представилъ карту Польши, гдѣ былъ отмѣченъ участокъ, желаемый Пруссіею. 2 Декабря Безбородкою, по порученію Екатерины, была составлена записка, въ которой читаемъ слѣдующее: „Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше докладываемо о домогательствахъ Прусскаго министра, графа Гольца, получить отвѣтъ на предъявленное со стороны короля его государя желаніе, касающееся до пріобрѣтенія имъ части земли отъ Польши, чертою на картѣ означенною, и до введенія войскъ его въ ту часть. По разсмотрѣніи всѣхъ бумагъ и разныхъ свѣдѣній по сей матеріи, Ея Величество указала въ высочайшемъ своемъ присутствіи и подъ собственнымъ ея усмотрѣніемъ протянуть черту на картѣ Польской для показанія того удѣла, который предназначается къ Всероссійской имперіи въ удовлетвореніе убытковъ ея и въ слѣдствіе общихъ видовъ обоихъ союзныхъ дворовъ поставить Польшу въ такое положеніе, чтобы она, служа барьеромъ между окружающими ее, не могла, однакожъ, сама собою безпокоить ихъ; въ лучшее же объясненіе монаршей воли, описавъ нѣкоторыя мѣста и урочища по той чертѣ, Ея Величество изволила утвердить оную своеручною припискою“ [12]).

Новый третій раздѣлъ Польши былъ рѣшенъ совершенно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Польское дѣло, служившее однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ международной нашей политики, какъ казалось, кончилось съ большою выгодою для Россіи.

За труды по этому дѣлу, 1 Января 1795 г., Безбородкѣ было пожаловано 50,000 рублей единовременно и по 10,000 рублей пожизненной пенсіи, „въ изъявленіе отличнаго нашего — какъ выражалась въ рескриптѣ Етатерина — благоволенія къ усердной вашей службѣ и ревностнымъ трудамъ въ исправленіи разныхъ дѣлъ и должностей, по особой нашей довѣренности, на васъ возлагаемыхъ, споспѣшествующимъ пользѣ государственной и приращенію доходовъ“ [13]). Въ этотъ же день, извѣщая о томъ мать свою, Безбородко писалъ: „Усердное приношу съ новымъ годомъ поздравленіе, желая, чтобъ Богъ сохранилъ васъ на долгое время и укрѣп-

---

[11]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XVI, стр. 5, 57—62.

[12]) Исторія паденія Польши, С. М. Соловьева. М. 1863 г., стр. 292.

[13]) Съ подлинника, хранящагося въ Почтовомъ Департаментѣ, въ книгахъ именныхъ указовъ, 1771—1797 гг., стр. 51.

лялъ въ трудѣ къ истинному для меня обрадованію. Графъ Илья Андреевичъ (Безбородко) пожалованъ въ генералы-поручики въ армію; Аполлону Павловичу (Кочубею) — чинъ дѣйствительнаго камергера, въ отставку; а Виктору Павловичу (Кочубею) также камергерскій чинъ, оставляя его въ прежней министерской должности".

Екатерина поручила дознанной опытности Безбородки довершить и устройство Польскихъ земель въ существеннѣйшихъ отношеніяхъ, возсоединеніе уніатовъ, населявшихъ пріобрѣтенный отъ Польши край, и составленіе акта объ обезпеченіи герцога Курляндіи, отошедшей къ Россіи по третьему раздѣлу Польши.

Возсоединеніе уніатовъ поручено было Безбородкѣ совмѣстно съ митрополитомъ Гавріиломъ и генералъ-губернаторомъ новоприсоединенныхъ областей Тутолминымъ. Въ именномъ указѣ, объявленномъ Св. Синоду 13 Апрѣля 1795 г., повелѣвалось: для управленія православными монастырями и церквами во вновь присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, часть ихъ отдѣлить къ смежнымъ губерніямъ, Екатеринославской, Черниговской, Кіевской, Могилевской и Полоцкой, а надъ остальными устроить особое епархіальное управленіе [14]. Тогда же назначенъ былъ преосвященный Викторъ, коадъюторъ Кіевской митрополіи, архіепископомъ Минскимъ, Изъяславскимъ и Брацлавскимъ. Въ вѣдѣніи его находилось въ трехъ означенныхъ губерніяхъ 40 монастырей и болѣе 250 приходскихъ церквей. Ему дана была подробная инструкція, какъ относительно вообще управленія епархіей, такъ особенно касательно отношеній къ уніатамъ и католикамъ. Въ тоже время данъ былъ указъ генералъ-губернатору Тутолмину, чтобы свѣтское начальство оказывало, въ чемъ слѣдуетъ, помощь и защиту желающимъ принять Православіе, а Св. Синоду, чтобы онъ приготовилъ отъ имени архіепископа Минскаго увѣщаніе къ жителямъ присоединиться къ православной церкви [15]. Но еще раньше обнародованія увѣщанія, многіе уніаты изъявили желаніе присоединиться къ Православію. Послѣ увѣщанія число ихъ простиралось болѣе милліона, съ 2328 церквами. Донося объ этомъ Св. Синоду, архіепископъ Викторъ выражалъ трудность одному управлять такою обширною и по пространству и по числу паствы епархіей, тѣмъ болѣе, что онъ надѣялся на присоединеніе и множества другихъ уніатовъ, и просилъ потому отдѣлить часть отъ его епархіи, для образованія новой, назначить ему викарія, учредить въ епархіи нѣсколько монастырей и снабдить вновь присоединенныя церкви богослужебными книгами. Всѣ эти представленія поручено было разсмотрѣть митрополиту Гавріилу, графу Безбородкѣ и Тутолмину. Безбородко и Тутолминъ подали мнѣніе вмѣстѣ. Оно состояло въ томъ, чтобы послать въ эти области даромъ церковныя книги,

---

[14]) Полн. Собр. Законовъ № 17,113.

[15]) Дѣло Св. Синода 1794 г. № 143.

чтобы, если не опредѣлять новыхъ архіереевъ, то послать на время викарія Кіевскаго митрополита, и чтобы основать въ каждой изъ новыхъ губерній, Минской, Изъяславской и Брацлавской, по одному мужскому и одному женскому монастырю, а при нихъ учредить и семинарію. Митрополитъ Гавріилъ находилъ, что книги можно послать по сбавленной цѣнѣ; что̀ же касается посылки Кіевскаго викарія, то это неудобно, а лучше назначить Виктору викарнаго архіерея. Касательно монастырей митрополитъ соглашался съ мнѣніемъ Безбородки и Тутолмина. Мнѣнія эти тогдашній оберъ-прокуроръ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, какъ видно, представлялъ Императрицѣ и, вѣроятно, по указанію ея, дѣлалъ помѣтки, какъ поступить. Рѣшено было: книги послать по сбавленной цѣнѣ только на первый разъ; назначить особаго епископа Брацлавскаго и кромѣ того викарнаго Житомірскаго въ пособіе Виктору; мнѣніе о монастыряхъ принять [14]).

Записка графа Безбородки, хотя и получила нѣкоторыя измѣненія подъ перомъ митрополита Гавріила, тѣмъ не менѣе она послужила къ устройству уніатовъ въ Бѣлоруссіи при Екатеринѣ. Для нашего же труда собственно важенъ самый фактъ, что такое спеціальное дѣло поручено было Императрицею Безбородкѣ, а не кому другому.

Кстати припомнимъ здѣсь мнѣніе Безбородки о Польскихъ бунтовщикахъ и эмигрантахъ, свидѣтельствующее о его высокопатріотическихъ чувствахъ. 19 Апрѣля 1795 года, по волѣ Государыни, представлены были „вѣдомости объ имѣніяхъ въ губерніяхъ Минской, Изяславской и Брацлавской и въ отдѣляемыхъ отъ нихъ частяхъ къ другимъ смежнымъ намѣстничествамъ, принадлежавшихъ подъ разными титулами Полякамъ, участвовавшимъ въ послѣднемъ бунтѣ, такожъ отлучившимся внѣ предѣловъ имперіи Всероссійской“. Совѣтъ, разсматривая эти вѣдомости, шестью пунктами положительно опредѣлилъ, какъ должно быть поступлено съ имѣніями, принадлежащими бунтовщикамъ, и выразилъ мысль, что „всѣ участвовавшіе въ бунтѣ дѣломъ, или совѣтомъ, или иными пособіями“, нарушивъ присягу, оказались прямыми измѣнниками, а потому должны лишиться всего благопріобрѣтеннаго ими имѣнія въ пользу казны, на основаніи общихъ государственныхъ законовъ; но что̀ касается до наслѣдственныхъ имѣній, принадлежавшихъ пре-

---

[16]) Исторія возсоединенія западнорусскихъ уніатовъ старыхъ временъ, соч. М. О. Кояловича, СПБ., 1873 г., стр. 368 и 369. Въ концѣ своихъ замѣтокъ Мусинъ-Пушкинъ написалъ: „По симъ высочайшимъ резолюціямъ заготовить отъ Синода докладъ какъ можно скорѣе“. Когда все это происходило, пишетъ авторъ Уніи, въ дѣлѣ не показано. На бумагѣ, заключающей въ себѣ мнѣнія Безбородки и Тутолмина, замѣчанія митрополита Гавріила и рѣшенія, писанныя рукою Мусина-Пушкина, число не выставлено. Крайнимъ предѣломъ можно полагать время отъ конца Декабря 1794 по 2 Апрѣля 1795 г., когда Св. Синодъ составилъ докладъ о кандидатахъ на епископство Брацлавское и викаріатство Житомірское. См. дѣло Св. Синода 1795 г., № 35, листы 2 и 3.

ступникамъ, Совѣтъ признавалъ ихъ неподлежащими конфискаціи. „Какъ публикованнымъ при возвращеніи помянутыхъ областей къ Россіи плакатомъ присвоены обитателямъ ихъ безъ изъятія всѣ права и выгоды, каковыми древніе Россійскіе подданные пользуются; а въ жалованной отъ Ея Императорскаго Величества Россійскому дворянству грамотѣ Апрѣля 21-го 1785 г. писано въ ст. 23: „благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію, да отдастся законному его наслѣднику или наслѣдникамъ", то означенныя наслѣдственныя имѣнія преступниковъ должны отданы быть наслѣдникамъ ихъ, буде они сами въ винѣ не участвовали, да и внутри предѣловъ Россійскихъ находятся: ибо если оные внѣ государства были и остаются, не могутъ правами подданныхъ пользоваться и оными защищаться".

Безбородко, какъ истинный юристъ, вникнувъ глубже въ дѣло, обратилъ вниманіе Совѣта на духъ закона Екатерины, выраженный въ грамотѣ, данной Россійскому дворянству. При подписаніи протокола, въ тотъ же день, 19 Апрѣля, онъ подалъ особое мнѣніе, писанное дословно его рукою, въ которомъ выразилъ свое несогласіе.

„По общимъ государственнымъ законамъ положено: обличеннаго въ бунтѣ и измѣнѣ лишать имѣнія его, въ чемъ и Статутъ Литовскій, Кіевскому, Брацлавскому, Подольскому и Волынскому воеводствамъ присвоенный, такимъ образомъ согласуетъ, что точно и именно въ немъ сказано: „хотя сынъ за отца терпѣть и за вину его отвѣтствовать не долженъ, однакожъ къ имѣнію измѣнника, въ казну конфискуемому, никакого права не имѣетъ, исключая добра матери его, буде она въ преступленіи не участвовала". Ея Императорскому Величеству угодно было издать жалованную грамоту Россійскому дворянству и въ ней 23-ею статьею ограничить, въ случаѣ преступленія, конфискацію имѣнія на одни благопріобрѣтенныя, исключая изъ того всѣ наслѣдственныя; но должно тутъ вникнуть въ прямой разумъ и намѣреніе законодателя. Грамота сія исчисляетъ знаменитыя заслуги Россійскаго дворянства, пособствовавшаго возведенію Имперіи на настоящую степень славы и величія и, опредѣляя многія милости и преимущества, въ знакъ монаршаго признанія, означаетъ, между тѣмъ, въ 23-ей статьѣ, и помянутое различіе между наслѣдникомъ и особою преступника пріобрѣтеннымъ имуществомъ. Тутъ явно намѣреніе законодателя, что если въ родѣ какомъ-либо найдется такой извергъ, который забылъ бы присягу вѣрности, то въ пользу несчастныхъ дѣтей его служитъ уваженіе заслугъ дѣдовъ, прадѣдовъ и отдаленныхъ предковъ ихъ, кои служили вѣрно Государю. Но Поляки, въ послѣднемъ мятежѣ участвовавшіе, какія имѣютъ предъ Имперіею Россійскою заслуги въ предѣлахъ ихъ, когда непосредственно за учиненіемъ клятвы на подданство и объявленіемъ, что будутъ они пользоваться правами и преимуществами Россійскими, тотчасъ въ явной измѣнѣ оказалися? Заключаю по тому, что сила жалованной дворянству Россійскому грамоты на нихъ не простирается, и что въ семъ пунктѣ

надлежитъ слѣдовать собственнымъ ихъ законамъ, по волѣ Ея Величества въ сихъ губерніяхъ употребляемымъ" [17]).

Другимъ важнымъ дѣломъ было окончательное опредѣленіе издержекъ Россіи на семью герцога Курляндіи, отошедшей въ составъ Русскихъ владѣній. По этому дѣлу была учреждена комиссія, и Безбородко былъ однимъ изъ первыхъ ея членовъ de jure и первымъ членомъ и работникомъ de facto. 29 Мая 1795 года Императрица подписала на имя коммиссіи рескриптъ, въ которомъ изображено было слѣдующее: „Пріемля за благо мнѣніе, намъ представленное отъ нашихъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, графовъ Остермана, Безбородки и Самойлова, генерала-поручика барона фонъ-деръ-Палена и тайнаго совѣтника Маркова, повелѣваемъ, съ герцогомъ Курляндскимъ постановить надлежащій актъ, на основаніи онаго съ тѣмъ однакожъ, чтобъ пенсіи, положенныя прежде сестрѣ, брату, женѣ и дѣтямъ сего послѣдняго, производимы были впредъ изъ 100,000 талеровъ, ежегодно помянутому герцогу опредѣленныхъ [18]) и чтобъ уже за настоящимъ распоряженіемъ всякаго рода притязанія со стороны его мѣста имѣть не могли. Проэктъ таковаго акта внесть предварительно на усмотрѣніе наше" [19]).

Присоединеніе къ Россіи земель отъ Польши по третьему раздѣлу усилило блескъ Екатерининскаго царствованія, которое и безъ того было богато присоединеніями. Но съ этимъ присоединеніемъ, естественно, не могли не явиться затрудненія въ сношеніяхъ Россіи съ другими державами, особенно съ участниками по раздѣлу. И въ отстраненіи этихъ затрудненій является всеобъемлющій и неутомимый умъ графа Безбородки. Это можно видѣть по его письму къ князю Репнину, отъ 17-го Іюня 1795 года, изъ Царскаго Села. „Считая, что ваше сіятельство были увѣдомлены вообще о положеніи дѣлъ, я васъ не безпокоилъ моими письмами, да и тѣмъ еще паче, что, всего менѣе можно назвать то положеніе дѣлъ яснымъ и удобнымъ къ вѣрнымъ заключеніямъ. Сія неизвѣстность продол-

---

[17]) Подлинная записка приложена при протоколѣ Совѣта, 19 Апрѣля 1795 года, хранящ. въ Архивѣ Государств. Совѣта, за 1795 годъ, стр. 90. Въ изданіи „Архивъ Государ. Совѣта", С.П.Б. 1869 г. она не напечатана.

[18]) Петръ Биронъ, послѣдній герцогъ Курляндіи, сынъ и наслѣдникъ Іоанна Бирона, бывшаго временщикомъ при императрицѣ Аннѣ, отрекся отъ своихъ правъ на Курляндію и продалъ всѣ свои коронныя и частныя имѣнія Русскому правительству за 2.000.000 талеровъ. Независимо отъ этой суммы, Петру Бирону Екатериною была дарована ежегодная пожизненная пенсія въ 100,000 талеровъ, около половины коихъ онъ предоставилъ на выдачу пенсій, назначенныхъ имъ въ прежнее время роднымъ, бывшимъ придворнымъ и слугамъ. (Русскій Вѣстникъ, 1870 года, Май, стр. 47).

[19]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связка 445, № 351. Рескриптомъ на имя графа Безбородки отъ 3 Іюля 1795 года повелѣвалось уплатить изъ почтовыхъ доходовъ 3000 рубл. князю Репнину, за наемъ у него дома въ С. Петербургѣ для пребыванія герцога Курляндскаго, съ 1 Января по 1 Іюля 1795 года. (Тамъ же, связка 445, № ук. 371).

жается и нынѣ. Поведеніе обоихъ нашихъ союзниковъ самое странное, наипаче же со стороны Австрійцевъ. Сами прежде спѣшили сдѣлать сообщеніе нашихъ условій Берлинскому двору, хотя я не находилъ большой нужды въ такой поспѣшности; но когда и повелѣнія уже отъ насъ были посланы въ Вѣну для доставленія въ Берлинъ, вдругъ отвѣчали, что еще войска у нихъ не собраны въ Богеміи, крѣпости не снабжены потребнымъ; словомъ—ничего не готово, и для того полагаютъ обождать нѣсколько времени. Пусть такъ; но въ тоже время хотятъ, чтобъ мы за нихъ ссорились съ Берлинскимъ дворомъ, чтобъ учинили ему сильныя представленія, даже и декларацiи, и чтобъ, предвидя иногда и рѣшимость Прусскую на военныя дѣйствія противу ихъ границъ, дали запасныя повелѣнія нашимъ генераламъ дѣйствовать по ихъ реквизиціи, и прочія неумѣстныя вещи. Кабинетъ Вѣнскій непохожъ нынѣ на тотъ, коимъ былъ при Кауницѣ, когда, надобно признаться, что было можно учиться у нихъ, какъ понимали и раздробляли дѣло. Теперь онъ сталъ похожъ на многіе, ему современные. Король Прусскій на настоящее время весьма далекъ отъ того, чтобъ доброю волею съ нами ссориться; и онъ, конечно, испытаетъ многія средства сладить съ нами. Можно и въ томъ быть увѣреннымъ, что у него нѣтъ точныхъ постановленій по Польскимъ дѣламъ съ Французами, которымъ теперь довольно заботъ дòма. Однò, чтò могло бы подать поводъ къ подозрѣнію въ противномъ, есть новый Французскій эммиссаръ въ Константинополѣ, Вертильякъ. Онъ подалъ Портѣ меморіалъ, приглашая ее въ союзъ съ Франціею и Швеціею, предвѣщая соглашеніе къ тому же и Пруссіи, чтобъ заставить насъ **возстановить бытіе Польши въ тѣхъ предѣлахъ, въ каковыхъ она послѣ раздѣла 1793 года осталася**: мысль, которую иногда и Берлинскій дворъ давалъ разумѣть на случай дальняго несоглашенія въ новомъ подѣлѣ. Турки не внемлятъ доселѣ такимъ предложеніямъ. Миръ Пруссіи и постыдное Шведское посольство въ Парижъ не почитаютъ они за достаточное убѣжденіе спѣшить признаніемъ республики Французской, откладывая оное до того времени, что которая либо изъ первѣйшихъ державъ то сдѣлаетъ и ясно разумѣя тутъ или насъ, или Австрію, или Англію. Нѣтъ сомнѣнія, что министерство нынѣшнее Турецкое, прямо многихъ основательнѣе, нынѣшній годъ, по крайней мѣрѣ, проведетъ въ недѣйствіи, но на будущій никто не поручится; а сіе и заставляетъ насъ помышлять заранѣе о мѣрахъ къ подкрѣпленію нашихъ плановъ. Ваше сіятельство знаете наши средства: людей, конечно, мы получимъ, хотя и съ тягостію народною; но гдѣ взять деньги, въ коихъ и теперь уже часъ отъ часу встрѣчается болѣе трудности, особливо же за пресѣченіемъ займовъ внѣшнихъ? По счастію всѣ насъ считаютъ еще сильнѣе, чѣмъ мы въ самомъ существѣ находимся, и такое доброе мнѣніе нѣсколько поможетъ выдти изъ хаоса, ежели мы только осмотрительно и скромно поступать станемъ. Сосѣдство Швеціи намъ нимало не опасно. Флотъ ихъ далеко отъ значущаго состоянія. Данія нимало не расположена на податливость къ ихъ видамъ, а ясно оказываетъ

къ намъ наклонность, наипаче же со времени сближенія нашего съ Англіею. Съ будущимъ курьеромъ я доставляю вашему сіятельству копію союзнаго трактата съ Англіею, по которому уже наша эскадра отправилась въ море. Другая же въ 19 корабляхъ осталась здѣсь въ запасѣ [20]“.

Военныя предпріятія и дипломатическія издержки, неизбѣжныя при разрѣшеніи Польскихъ затрудненій, неблагопріятно отозвались на денежныхъ дѣлахъ нашего Отечества. Финансовое положеніе Россіи, въ связи съ разными политическими ошибками Зубовской партіи и съ видами на будущія международныя отношенія, Безбородко изображаетъ въ письмѣ въ Лондонъ, отъ 11-го Іюня 1795 года, къ графу Воронцову. „Съ возвращеніемъ г. Смирнова, ваше сіятельство получаете отвѣтъ на депеши ваши. Мнѣ не остается, какъ только присовокупить здѣсь, по поводу письма вашего къ Аркадію Ивановичу Маркову, что я не вижу ни малѣйшаго неудовольствія противу васъ и увѣренъ, что никто тому не содѣйствуетъ; а что̀ касается до господъ Французовъ, то ихъ кредитъ у насъ гораздо упалъ. Я сожалѣю, что теперь только вообще холоднѣе всякое доброе дѣло и всякаго въ томъ участника трактуютъ, не одобряя людей, чего бы требовала и самая польза службы. Безъ войны съ королемъ Прусскимъ, по всѣмъ признакамъ, мы не обойдемся. Положеніе наше съ нимъ скоро объяснится, хотя Вѣнскій дворъ самъ причиною медленности; ибо по сію пору откладываетъ сообщеніе нашихъ трактатовъ. По всему видно, что и у нихъ не Кауницъ управляетъ кабинетомъ. Ежели успѣхъ войны зависитъ только отъ людей, то мы себя имъ ласкать можемъ. Армія наша усилится новымъ наборомъ со ста душъ и прибавкою войска, наипаче для пѣхоты. Генералами мы не щеголяе̇мъ, но видѣли и полководцевъ обоихъ сосѣдей нашихъ: люди также незавидные. Хлѣбъ у насъ сей годъ хорошъ, и магазейны будутъ изобильные. Но гдѣ взять денегъ? Съ 60 милліонами дохода мы бѣднѣе теперь несравненно, чѣмъ были съ 40 милліонами въ 1784 году. Серебро не входитъ, а и остатокъ ежегодно убываетъ: ибо граница открыта, и контрабанда едва ли не превышаетъ тотъ перевѣсъ, что̀ думали сдѣлать послѣднимъ запрещеніемъ. Надобно было въ несчастію, чтобъ, въ угодность негодныхъ Поляковъ, въ 1792 году, принятъ былъ поганый проэктъ одного здѣсь бродяги, Итальянца Алтести, объ открытіи сухопутныхъ таможенъ самыхъ воровскихъ, и чтобъ опорочена была самая полезная операція, тѣмъ болѣе достойная уваженія, что ее единогласно одобряли три весьма несогласныя особы, а именно: покойные князья Потемкинъ и Вяземскій, и графъ Александръ Романовичъ (Воронцовъ). Прибавьте къ сему хищенія, почти разбойническія, по многимъ частямъ, коихъ уже едвали кто въ нашъ вѣкъ и поправить можетъ. Я не знаю, какъ мы выпутаемся, или, лучше сказать, тѣ, кто дѣла въ руки свои захватили.

---

[20]) Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. XVI, стр. 206—208.

Критическое положеніе настоящее, конечно, затруднительнѣе того, изъ котораго мы вышли въ 1791 году. Какъ обнадеживаютъ на сихъ дняхъ новыми штатами арміи, то я, по изданіи оныхъ, не премину вамъ доставить вѣрныя свѣдѣнія о числѣ войскъ и росписаніи арміи и корпусовъ. Ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, слышите, что военная наша администрація идетъ не лучшимъ порядкомъ. Болѣе 50 тысячъ растаскано людей наличныхъ отъ полковъ; а и въ наличныхъ, сколько духовныхъ, роговыхъ и прочихъ музыкантовъ и пѣвчихъ? Провіантскій департаментъ самый пакостный. Коммисаріатъ еще посредственъ. Но бѣднаго старика Дурново едва и на то станетъ, чтобъ дурачества покойнаго Михайла Потемкина распутать".

„Со стороны Турецкой я покоенъ. Фельдмаршалъ имѣетъ еще здоровую голову и довольно большой кредитъ. Но флотъ Черноморскій никуда не годится. Хваленый нашъ Мордвиновъ болѣе свои дѣла дѣлаетъ. При князѣ Потемкинѣ было что-нибудь хотя въ полгнилое, но теперь по истинѣ вычесть въ ноль; а у Турокъ къ будущей кампаніи скопится до 25 линейныхъ кораблей".

„Кочубей продолжаетъ хорошо служить, и его трудами довольны. Ведетъ себя прямо, благородно. Но что̀ пользуетъ ему собственное его рвеніе? Онъ успѣлъ кончить четыре большія дѣла, а ему и втораго Владиміра сочли дать рано. Тайну онъ не получаетъ по...... *) у Порты у всѣхъ общему; за бераты же и прочее собирать доходы гнушается; но даже.... столовыхъ денегъ не имѣетъ, кои даны были Булгакову, по причинѣ, что онъ молодъ; дѣлаетъ даже расходы по службѣ изъ своего кармана, въ подрывъ послѣднему своему имѣнію. Я увѣренъ, что ежели встрѣтится мѣсто гдѣлибо знатнѣе или пріятнѣе, оно достанется негодяю Головину, или же незнающему Стакельбергу, или тому подобному".

„Я много васъ обезпокоилъ непріятными вещами; теперь дозвольте сдѣлать вамъ дистракцію дѣлами, для васъ посторонними, но и тутъ утрудить васъ моими собственными просьбами. Испытавъ въ жизни моей всякаго рода мотовства, вдругъ очутился я охотникомъ къ картинамъ. Случай раззореній Французскихъ благопріятствовалъ мнѣ достать нѣсколько отличныхъ штукъ, наипаче изъ школы Фламандской. Я получилъ три картины изъ коллекціи Орлеанскаго герцога, три изъ Шоазелевой и нѣсколько изъ другихъ. Дошли ко мнѣ также и весьма добрыя картины Итальянскія. Словомъ, съ моимъ жаркимъ стараніемъ, съ помощію пріятелей и съ пособіемъ до ста тысячъ издержанныхъ мною менѣе трехъ лѣтъ, составилъ я хорошую коллекцію, которая и числомъ, и качествомъ превзошла Строгановскую. Отъ сего вышелъ другой расходъ, что я долженъ былъ построить большую картинную галлерею, въ которую жду еще нѣсколько картинъ изъ Варшавы и штуки четыре изъ Италіи".

---

*) Такъ въ рукописи. *П. Б.*

„Ваше сіятельство соединяете въ себѣ и вкусъ, и знаніе, и искусство поступать съ хозяйскою бережливостію. Не встрѣтится ли способъ въ Англіи найти что-либо хорошее къ умноженію моей галлереи, и буде найдете, нельзя-ли условиться и дать мнѣ знать, и по крайней мѣрѣ каталогъ прислать съ вашими примѣчаніями, чтобъ я могъ вамъ доставить тысячъ десятокъ или и до пятнадцати невдругъ, а напримѣръ мѣсяца въ четыре? Но я долженъ сказать, что, имѣя Орлеанскаго Теньера, Мериса и Жерарда Дау, также и другихъ Фламандцевъ и, можно сказать, рѣдкіе пейзажи, болѣе жаденъ на Итальянскія, а изъ пейзажей развѣ бы Клода Лорена, котораго у меня нѣтъ. Но, напротиву только, есть у меня Сальваторъ Роза, какого и въ Эрмитажѣ нѣтъ, и къ которому Строгоновъ и профессора часто съ визитою пріѣзжаютъ. Извините мое многорѣчіе и вѣрьте, что я вамъ желаю здоровья и добра, сколько можетъ кто желать головѣ (sic) и искренней дружбѣ. Вамъ привязанный“.

Заботы о пріобрѣтеніи рѣдкихъ картинъ не отвлекали Безбородку отъ государственныхъ дѣлъ. Къ описываемому времени относится разслѣдованіе Безбородкою, по порученію Государыни, о пропавшихъ изъ Заемнаго Банка ассигнаціяхъ. „Передъ Рождествомъ“ — пишетъ Болотовъ—„случилась покража ассигнацій изъ Заемнаго Банка однимъ кассиромъ, который похитилъ болѣе чѣмъ на 600,000 рублей ихъ“. Деньги эти, по разсказу Болотова, были „будто бы какія-то резервныя и, будучи однажды пересчитаны совѣтникомъ и запечатаны казенною печатью и надписаны, что считаны, такъ всегда и свидѣтельствовались, и всѣ думали, что онѣ цѣлы“. Кассиръ, поддѣлавъ казенную печать, всѣ ихъ вынулъ и вмѣсто ихъ положилъ и запечаталъ мягкія бумаги, а „самъ далъ, было, стречка, но былъ пойманъ и „открылось“,—добавляетъ Болотовъ,—„что тутъ такая-же исторія, какъ Нѣженцева, и были переводы симъ деньгамъ и связи [21])“. Безбородко же короче писалъ объ этомъ гр. А. Р. Воронцову: „Ваше сіятельство увидите въ письмѣ Дмитрія Прокофьевича (Трощинскаго) странное происшествіе по Заемному Банку, весьма встревожившее общаго нашего друга [22]). Не называютъ по имени кассира, похитившаго такую сумму; но, кажется, что тамъ все были Нѣмцы, по рекомендаціи покойнаго Шмидта опредѣленные. Обрѣзковъ пишетъ только, что ничего новаго въ политической части нѣтъ. Кажется, что генералъ-прокуроръ не подалъ своей табели, испугавшись тревоги Банковой. Курьеръ, въ Англію отправленный, повезъ экспедицію, еще при мнѣ заготовленную, о содержаніи которой разскажу при первомъ свиданіи“.

---

[21]) А. Т. Болотовъ, Памятникъ претекшихъ временъ, изд. П. С. Киселева, Москва, 1875 г., стр. 10.

[22]) Завадовскій, Петръ Васильевичъ, который былъ тогда главнымъ директоромъ Банка.

Для разслѣдованія пропажи денегъ въ банкѣ былъ назначенъ знаменитый поэтъ нашъ Г. Р. Державинъ, но онъ оказался слѣдователемъ, по словамъ Екатерины, „жестокосердечнымъ", не смотря на то, что доносъ направленъ былъ Мятлевымъ на Завадовскаго, который, по словамъ участника въ дѣлѣ, сенатора И. А. Алексѣева, „такъ былъ пораженъ, что не только упалъ духомъ, но наконецъ лежалъ въ постелѣ и даже жизнь его считали въ опасности"; ободрился и поднялся съ постели только тогда, когда возвратился изъ Москвы Безбородко. Усердіе Державина не понравилось въ настоящемъ дѣлѣ Императрицѣ. Имъ производимое слѣдствіе называли „совершенною инквизиціею [23]). Она поручила переслѣдовать дѣло Зубову и Безбородкѣ. Безбородко же жилъ въ это время въ Москвѣ, откуда нарочно былъ вызванъ въ Петербургъ. Болотовъ сообщаетъ нѣсколько словъ о пребываніи Безбородки за это время въ Москвѣ, гдѣ „прожилъ онъ недѣли три или четыре: всѣ его угощали, поѣлъ всѣхъ стерлядей, дòроги были ужины. Носился слухъ, что онъ отбивался отъ министерства и хотѣлъ въ отставку, но трудно было вѣрить: поѣхалъ опять въ Петербургъ" [24]).

Дѣло о пропавшихъ изъ Заемнаго Банка ассигнаціяхъ окончательно было рѣшено при Павлѣ, а теперь оно послужило для Императрицы поводомъ принять рѣшительныя мѣры къ устройству государственныхъ финансовъ. Къ этому весьма важному труду Императрица признала нужнымъ призвать на все пригоднаго Безбородку.

8-го Мая 1796 г. былъ объявленъ Сенату указъ объ учрежденіи по разнымъ частямъ государственныхъ финансовъ особой коммисіи подъ вѣдѣніемъ и руководствомъ Государыни, „для скорѣйшаго приведенія", какъ сказано въуказѣ, „въ дѣйство предполагаемыхъ нами способовъ, посредствомъ которыхъ не только всѣ внутренніе долги, безъ всякихъ новыхъ налоговъ и отягощеній, выплачены, но и знатныя пособія къ лучшему утвержденію къ казнѣ довѣрія и къ легчайшимъ изворотамъ въ нуждахъ государственныхъ поданы, да и вообще оные (финансы) къ пользѣ и славѣ Имперіи нашей обращены быть могутъ" [25]).

Черезъ три дня, 11 Мая, Безбородко, сообщая Г. П. Милорадовичу о разныхъ распоряженіяхъ по почтовому вѣдомству, пишетъ: „7 Мая данъ у меня на 500 человѣкъ слишкомъ маскарадъ, который оба великіе князья съ ихъ супругами почтили присутствіемъ. Ужинъ былъ на 284 куверта, и все столь огромно, изобильно и

---

[23]) Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. XVI, стр. 401 и 402.

[24]) Памятникъ претекшихъ временъ, стр. 30.

[25]) Указъ напечатанъ въ 1-мъ Полн. Собр. Зак. № 17.455, и въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1863 г., кн. III, стр. 182 и 183.

странно (поразительно), что еще и поднесь говорятъ о немъ [26])". „У насъ устроена коммисія по разнымъ частямъ государственныхъ финансовъ, въ которую наименованъ первымъ я, вторымъ генералъ-прокуроръ, третьимъ князь Зубовъ, потомъ оба директора Банковъ, графъ Румянцовъ и Мятлевъ, и правитель Кабинета Поповъ, а правителемъ нашей канцеляріи—Ермоловъ. Дай Богъ успѣть! Но я знаю, какъ трудно доставать деньги, по себѣ, оставшися послѣ бала своего при одномъ червонцѣ и при 50-ти рубляхъ разнаго серебра и отлагая еще на годъ Московское новоселіе".

Чрезъ мѣсяцъ, 18 Іюня, Безбородко вновь писалъ Г. П. Милорадовичу: „Податель сего, корнетъ Калиневскій, урожденецъ Стародубскій, заѣхавъ сюда съ намѣреніями пристроиться въ Петербургѣ, благую часть избралъ возвратиться вспять, чтобы достать мѣсто въ вашемъ департаментѣ. Я его снабдилъ ордеромъ къ вамъ, а въ дополненіе симъ прошу прилежно помѣстить его, какъ и къ чему найдете способнымъ, лишь бы онъ служа имѣлъ хлѣбъ. Какъ онъ курьеръ не самый скорый, то я и не сталъ много писать тутъ, а скажу только, что нынѣшній годъ выбрался самый тяжелый для моихъ финансовъ. Бытность въ Москвѣ родила желаніе поспѣшить тамошнимъ домомъ. Я обратилъ туда тогда-же полугодовой доходъ, Осипомъ Степановичемъ мнѣ привезенный, и всѣ плоды негоціацій. Картинки, какъ вамъ извѣстно, ѣдятъ немало денегъ, да и строеніе здѣшнее не меньше того востребовало. Не довольно деревень, чтобъ только имѣть ихъ для счету душъ, а доходъ, видя на бумагѣ, полагать его къ возврату на тоже хозяйство, какъ-то я весьма сего опасаюся по Хмѣльницкой экономіи; но то вѣрно, что ежели меня еще годъ такъ на сухо оставятъ, то придется жить деревнями, то есть зачать ихъ продавать помаленьку. Отъ Осипа Степановича также давно нѣтъ писемъ. Прощайте! И вы рѣдко пишите". Въ особой припискѣ Безбородко отмѣчаетъ: „Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ я живу помонастырски и еще скучнѣе годъ отъ году".

Екатерина жила уединенно, и вся политика ея кабинета сосредоточивалась на двухъ пунктахъ: на поддержкѣ Французскихъ эмигрантовъ, которыхъ революція гнала во всѣ части свѣта, а между прочимъ (и притомъ въ значительномъ количествѣ) въ Россію, и на сближеніи съ враждебнымъ дотолѣ Россіи Шведскимъ дворомъ. Дружественныя наши отношенія къ нему видимо крѣпли вслѣдствіе предположеннаго бракосочетанія Шведскаго короля Густава IV [27]) съ

---

[26]) Объ этомъ маскарадѣ упоминаетъ и Державинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ В. В. Капнисту, именно въ письмѣ отъ 11 Мая 1796 года: „У графа А. Андреевича, въ прошлую Среду, былъ маскерадъ, гдѣ двое великихъ князей съ фамиліями присутствовали, и до 600 человѣкъ званыхъ (Сочин. Державина, т. VI, стр. 37).

[27]) Родился 1 Ноября 1778 года, царствовалъ съ 27 Марта 1792 года, отрекся отъ престола въ 1809 году и скончался 1837 года, въ Сантъ-Галленѣ, въ Швейцаріи.

великою княжною Александрою Павловною. Послу нашему въ Стокгольмѣ Будбергу [28]) удалось разстроить сватовство молодаго короля съ Меклембургскою принцессою и предложить въ невѣсты Русскую великую княжну, внучку Императрицы. Вслѣдствіе этого, 14-го Августа 1796 г., король, подъ именемъ графа Гаги, и герцогъ-регентъ, подъ именемъ графа Вазы, прибыли въ Петербургъ съ блестящею свитою и поселились въ домѣ, который занималъ Шведскій чрезвычайный посланникъ баронъ Стедингъ [29]). Весь Петербургъ пришелъ въ движеніе. Сама Государыня была озабочена встрѣчею гостей и писала къ Петербургскому генералъ-губернатору Н. П. Архарову: „Николай Петровичъ, держи ухо востро [30])". Прекрасная, умная и любезная великая княжна Александра Павловна, съ дѣтства привыкшая считать Шведскаго короля своимъ суженымъ, видѣла въ пріятной личности его осуществленіе своихъ завѣтныхъ ожиданій и привязалась къ нему со всей горячностію молодаго сердца. Вопросъ о бракѣ казался окончательно рѣшеннымъ. Король сватался и получилъ согласіе. Въ честь его давались безпрестанно пиры то при дворѣ, то у вельможъ. Государыня сама назначала дни, въ которые графы: Остерманъ, Безбородко, Самойловъ и Нарышкинъ должны были устроивать балы, обѣды и ужины. Праздникъ, данный Безбородкою, 28 Августа [31]), по словамъ участвовавшаго на немъ Державина, стоилъ 50,000 рублей. Поэтъ посвятилъ ему нѣсколько стиховъ:

---

[28]) Будбергъ, баронъ Андрей Яковлевичъ, скончался въ 1812 года генераломъ отъ инфантеріи.

[29]) Стедингъ родился 1746 г.; сначала былъ въ военной Французской службѣ; участвовалъ въ войнѣ Швеціи съ Россіею и, по окончаніи ея, сдѣланъ Шведскимъ посломъ въ С.Петербургѣ; послѣ снова былъ посланникомъ здѣсь, съ 1809 по 1811 годъ; умеръ въ 1837 году графомъ и фельдмаршаломъ, на родинѣ.

[30]) Русскій Архивъ, 1864 года, стр. 913.

[31]) Въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ того времени (1796 г., 5 Сентября, № 72, стр. 1703) о балѣ, данномъ Безбородкою, напечатано такъ: „Въ прошедшій Четвертокъ, 28 Августа, Ея Величество съ Ихъ Императорскими Высочествами и супругами ихъ, и со знаменитыми путешественниками, графами Гага и Ваза, удостоили всемилостивѣйшаго посѣщенія оберъ-гофмейстера, графа Александра Андреевича Безбородко, въ городскомъ его домѣ. По прибытіи въ два часа пополудни, Ея Величество съ помянутыми Высочайшими особами и съ прочими знатными обоего пола изволила обѣдать. По окончаніи стола и по собраніи приглашенныхъ къ балу, начался оный въ пятомъ часу по полудни. Въ осьмомъ часу Ея Величество возвратилась въ Таврическій дворецъ, а Его Императорское Высочество, Государь Цесаревичъ, въ Павловское. Въ одинадцатомъ часу, Ея Высочество, Государыня Великая Княгиня, съ прочими особами Императорской фамиліи, съ вышеупомянутыми путешественниками и другими гостями изволила ужинать за разными столами, послѣ чего балъ въ присутствіи ихъ продолжался до третьяго часа пополуночи". Вейдемейеръ въ сочиненіи своемъ „Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи" (С. П. Б. 1846 г., ч. II, стр. 150) пишетъ, что Безбородко, для пріема Государыни, которой тяжело было всходить по лѣстницѣ, устроилъ въ домѣ своемъ отлогій скатъ".

Что есть гармонія во устроеньи міра,
Пространство, высота, сіянье, звукъ и чинъ?
Не то ли и чертогъ, воздвигнутый для пира,
Для зрѣлища картинъ
Въ твоемъ, о Безбородко, домѣ?
Я въ солнцахъ весь стоялъ въ пріятномъ сердцу громѣ.

По словамъ Терещенки, весь этотъ блескъ, богатство, и особенно изящество вкуса изумляло гостей, и онъ свидѣтельствуетъ, что король пораженный этимъ сказалъ: „Это волшебный дворецъ [33]".

Празднества оставалось заключить торжественнымъ обрученіемъ и сговоромъ. Исполненіе этихъ церемоній возложено было на ближайшихъ къ Государынѣ лицъ: князя Зубова и графа Маркова, изъ которыхъ послѣдній былъ прежде нашимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. По словамъ Карабанова, „безпокойный его нравъ, находя возможность величаться и мстить въ Петербургѣ Стокгольскимъ непріятелямъ, все дѣло испортилъ [34]" и помѣшалъ совершиться этому браку, къ которому почти все уже было готово. 10 Сентября, въ тронной залѣ, въ присутствіи всей императорской фамиліи, вельможъ и дипломатическаго корпуса, произошла неожиданно-непріятная развязка. Юная великая княжна, въ брачной одеждѣ, явилась въ сопровожденіи своихъ молоденькихъ сестеръ, великихъ князей и ихъ супругъ. Наконецъ появилась и сама Императрица во всемъ своемъ величіи; не доставало только появленія въ тронной залѣ короля-жениха, котораго долгое отсутствіе стѣсняло всѣхъ. Ему, за часъ до пріѣзда во дворецъ, графъ Марковъ представилъ брачный договоръ, въ которомъ Густавъ нашелъ условія, о коихъ онъ не согласился съ Императрицею, а потому и отказался подписать договоръ. Усовѣщевать короля были посыланы и Безбородко, и многіе другіе вельможи; но Густавъ отказался рѣшительно подписать договоръ, найдя въ немъ противное законамъ своей страны [35].

---

[33]) Терещенко въ сочиненіи своемъ „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ" (С. П. Б. 1837 г., ч. II, стр. 189) описываетъ убранство комнатъ, какъ очевидецъ. Онъ говоритъ: „Великолѣпный домъ его блисталъ чрезмѣрнымъ богатствомъ. Лѣстницы были устланы Азіатскими коврами, стѣны убраны изящнѣйшими картинами, потолки горѣли люстрами и перекрестнымъ огнемъ алмазовъ, софы были обиты атласомъ съ золотыми кистями и окна украшены шелковыми занавѣсами, вазы съ цвѣтами, осыпанныя перлами, изумрудами и другими драгоцѣнностями". Авторъ сочиненія „Представители власти въ Россіи послѣ Петра I", В. В. Андреевъ, разсказываетъ, что въ домѣ Безбородки, въ 1795 и 1796 годахъ, стояли, во время празднествъ, горы золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, въ 6 футовъ вышиной и 3 фута въ ширину (стр. 231).

[34]) Русская Старина, 1872 г. т. V, стр. 462.

[35]) Сочиненія Державина т. I, стр. 515 и Памятники Новой Русской Исторіи, изд. В. Кашперовымъ, С.П.Б., 1871 г., кн. I, стр. 327.

О посольствѣ Безбородки къ королю Карабановъ разсказываетъ слѣдующее: „За рѣшительнымъ отвѣтомъ посланъ былъ графъ Безбородко и долго не возвращался. Екатерина, горя нетерпѣніемъ, приказываетъ графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину туда-же слѣдовать. Безбородко встрѣтился съ нимъ на дворцовой лѣстницѣ и сказалъ: „А ужъ дѣло испорчено! Король отвергъ, чтобы великая княжна осталась въ Греческомъ законѣ". Безбородко и Марковъ вошли въ кабинетъ, а Пушкинъ остался у дверей [37]). Растопчинъ въ своихъ Запискахъ дополняетъ приведенный разсказъ и пишетъ, что Екатерина, выслушавъ отъ Маркова докладъ объ отказѣ короля Шведскаго принять брачныя условія, не могла выговорить ни слова и съ отворенными ртомъ осталась нѣсколько минутъ, доколѣ камердинеръ ея, Зотовъ, извѣстный подъ именемъ Захара, припасъ и подалъ выпить ей стаканъ воды [37])". Оправившись, она встала съ мѣста въ великомъ гнѣвѣ и два раза ударила Маркова тростью, а Безбородкѣ сказала: „Я проучу этого мальчишку", потомъ сбросила съ себя мантію и измученно опустилась въ кресла... [38])".

На другой день Екатерина признавалась, что ночь съ 27 на 28 Іюня 1762 года (т. е. въ Петергофскомъ дворцѣ, передъ воцареніемъ), была для нея несравненно легче проведенной съ 10 на 11 Сентября 1796 года [39]).

---

[37]) Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 462.

[38]) Русскій заграничный сборникъ, 1858 г., кн. V, стр. 1.

[39]) Архивъ Князя Воронцова, VIII, 147.

СОЧУВСТВІЕ АНГЛИЧАНЪ КЪ РУССКОМУ НАРОДУ.

Изъ протоколовъ Англійскаго Парламента.

1812.

17-го Декабря (1812), отъ принца-регента было прислано въ Парламентъ предложеніе о назначеніи пособія пострадавшимъ подданнымъ Императора Россійскаго, добраго и великаго союзника его величества. Предложеніе это было назначено къ разсмотрѣнію въ обѣихъ Палатахъ на слѣдующій день.

18-го числа въ Палатѣ лордовъ, графъ Ливерпуль предложилъ составить адресъ, чтобъ побудить Палату согласиться на предложеніе регента. Въ предварительной рѣчи онъ изложилъ подробности нашествія Французовъ на Россію и систему защиты, принятую правительствомъ этой страны, систему, главнымъ образомъ состоявшую въ уничтоженіи жилищъ и имущества съ цѣлію лишить врага возможности воспользоваться ими. Кромѣ великой столицы, Москвы, разрушенной, по его словамъ, самими жителями, многіе города и деревни испытали туже участь, вслѣдствіе чего народъ сильно пострадалъ. А такъ какъ нашествіе имѣло также цѣлію нанести смертельный ударъ интересамъ нашей страны, то мы обязаны благодарностію содѣйствовать къ облегченію страданій Русскаго народа.

Лордъ Голландъ сказалъ, что онъ поставленъ въ непріятное и затруднительное положеніе тѣми соображеніями, на основаніи которыхъ было сдѣлано предложеніе. Онъ сомнѣвается въ томъ, будетъ ли сообразно съ здравой политикой согласиться на него, и въ тоже время чувствуетъ, что, послѣ того какъ подобное предложеніе уже заявлено, отвергнуть его было бы неблагоразумно и опасно. Потомъ онъ изложилъ причины, заставляющія его думать, что предположенное вспомоществованіе не окажетъ ожидаемой пользы. Но возставать противъ него онъ не можетъ, главнымъ образомъ потому, что не можетъ себѣ представить, чтобъ въ Палатѣ нашелся хотя одинъ членъ равнодушный къ достоинствамъ или къ страданіямъ Русскаго народа. Далѣе онъ думаетъ, что предложеніе можетъ служить очевиднымъ доказательствомъ того согласія въ дѣйствіяхъ и единомыслія, которыя существуютъ между обоими правительствами и выражаются не только въ желаніи продолжать войну, но также въ пониманіи цѣли этой войны и тѣхъ основаній, на которыхъ можетъ быть упроченъ всеобщій миръ.

Предложеніе объ адресѣ было единогласно принято.

Въ Палатѣ общинъ образовался комитетъ воспомоществованій. Канцлеръ казначейства началъ съ заявленія, что онъ не счелъ-бы нужнымъ предпосылать какія бы то ни было замѣчанія своему предложенію, если бы наканунѣ не обнаружилось нѣкотораго раз-

ногласія по этому предмету. Было замѣчено, что предложеніе принца-регента поразило Палату своею неожиданностію. И Правительство, и Палата были удивлены, такъ какъ имѣются благопріятныя свѣдѣнія объ изгнаніи враговъ изъ предѣловъ древней Россійской имперіи, а Парламенту предложено не медлить въ оказаніи помощи народу, пострадавшему за общее дѣло: иначе его предупредятъ щедрыя пожертвованія частныхъ лицъ. Говорилось также, что въ Петербургѣ уже открыта подписка, и въ разныхъ мѣстахъ Россіи устроены комитеты съ цѣлію опредѣлять потери, понесенныя частными лицами и выдавать имъ соотвѣтственное вознагражденіе. Мнѣнія могутъ быть различны относительно размѣровъ пособія, хотя, въ данномъ случаѣ, очевидно, что назначить небольшую сумму невозможно. Въ заключеніе онъ предложилъ ассигновать его величеству сумму не свыше 200,000 ф. ст., съ тѣмъ чтобы она была употреблена на облегченіе участи пострадавшихъ въ Россіи.

Мистеръ Понсонби сказалъ, что онъ вотируетъ за пособіе, но несогласенъ съ только что приведенными доводами. По его мнѣнію, этимъ способомъ скорой и дѣйствительной помощи пострадавшимъ оказано не будетъ; но онъ считаетъ, что сумма эта зачислится какъ бы поднесенная въ даръ Русскому Императору и будетъ служить знакомъ благодарности за чрезвычайныя усилія, употребленныя его народомъ для противодѣйствія Французскому владычеству и континентальной системѣ, которую оно навязывало.

Мистеръ Батгёрстъ сказалъ, что помощь справедливо можетъ быть названа „скорой и дѣйствительной", и чтобъ при этомъ имѣлись въ виду и другія мѣры къ облегченіи бѣдствій.

Мистеръ Уитбрэдъ заявилъ, что, по здравомъ размышленіи, онъ не можетъ допустить, чтобы предложеніе было принято безъ возраженія. По его мнѣнію пособіе не принесетъ ни малѣйшей пользы, и если Палата согласится дать его, то она этимъ нарушитъ чувство справедливости, съ которымъ она обязана относиться къ несчастіямъ своихъ соотечественниковъ. Для оказанія дѣйствительной помощи этой суммы недостаточно: она слишкомъ ничтожна. На Русскомъ правительствѣ лежитъ обязанность заботиться о своихъ подданныхъ и помогать имъ въ бѣдствіяхъ, которые ихъ постигли вслѣдствіе сожженія Москвы, событія, которому нѣтъ подобнаго во всемірной исторіи. Въ сущности это пособіе оказывается жалкой, ничтожной субсидіей, выдаваемой для продолженія войны.

Лордъ Кастьлрэ сильно возсталъ противъ послѣднихъ словъ оратора и сказалъ, что пособіе это будетъ служить къ поддержанію чувствительности и великодушія во всемъ мірѣ.

Сэръ Френсисъ Бурдетъ заявилъ, что онъ не можетъ согласиться пожертвовать такой суммой, которая недостаточна для облегченія бѣдствій Россіи, между тѣмъ какъ выдача ея ляжетъ тяжелымъ бременемъ на Англійскій народъ, и безъ того страдающій. Онъ считаетъ жестокостью требовать отъ народа, чтобъ онъ помогалъ эмигрантамъ всѣхъ націй. Когда наши умирающіе съ голоду фабричные рабочіе обратились съ просьбою о помощи къ Парламенту

то онъ отвѣчалъ, что въ настоящее время необходима строгая бережливость, и что онъ не въ состояніи выдать пособія въ такихъ размѣрахъ, чтобъ оно могло имъ принести дѣйствительную пользу.

Мистеръ Уильберфорсъ не сомнѣвался въ томъ, что предполагаемая денежная помощь окажется также полезной для Русскихъ, какъ и для другихъ въ подобныхъ случаяхъ. По крайней мѣрѣ Палата этимъ выразитъ свое сочувствіе къ бѣдствіямъ Русскаго народа. Онъ не можетъ понять, почему націи не могутъ отличаться такою же щедростью, какъ и отдѣльныя личности.

Вопросъ о пособіи былъ рѣшенъ утвердительно.

Ничего замѣчательнаго не произошло болѣе въ Парламентѣ, и вскорѣ сессіи были прекращены по случаю Рождественскихъ праздниковъ.

Нужно еще замѣтить, что кромѣ пособія, выданнаго Парламентомъ, значительныя суммы были собраны частными лицами по подпискѣ въ пользу пострадавшихъ въ Россіи.

Выписано изъ книги: Annual Register 1812, ч. 54, стр. 220. За указаніе на эту статью мы обязаны Н. В. Ханыкову, а за сообщеніе г-ну Ральстону. *П. Б.*

*

Эти прѣнія въ Англійскомъ Парламентѣ происходили 6 (18) Декабря 1812 года, т. е. въ тотъ же самый день, когда Наполеонъ увѣрялъ Парижанъ, будто Русскіе крестьяне просили у него свободы отъ помѣщичьей власти. (См. выше, стр. 379). Любопытно, что въ эти же именно роковые дни Европейской исторіи, въ Вильнѣ, государственный секретарь А. С. Шишковъ имѣлъ нижеслѣдующій разговоръ съ вождемъ Русскихъ силъ, княземъ Кутузовымъ.

РАЗГОВОРЪ ШИШКОВА СЪ КНЯЗЕМЪ КУТУЗОВЫМЪ.

Шишковъ.—Разрѣшите мое сомнѣніе, за чѣмъ идемъ мы за границу?

Князь Кутузовъ. Для продолженія войны.

Шишковъ. Зачѣмъ продолжать ее, когда она кончена? Можно ли предполагать, что Наполеонъ, пришедшій сюда со всѣми своими и Европейскими силами, и самъ, по истребленіи всѣхъ его полчищъ и снарядовъ, насилу отселѣ ускакавшій, можетъ покуситься вторично сюда придти?

Князь Кутузовъ. Я думаю, что не придетъ. Довольно и одного раза быть такъ отпотчивану.

Шишковъ. А сидя въ своемъ Парижѣ, какое можетъ онъ сдѣлать намъ зло?

Князь Кутузовъ. Намъ, конечно, нѣтъ; но господство его надъ другими державами, Австріею, Пруссіею, Саксоніею и проч. останется тоже, какое доселѣ было.

Шишковъ. Если мы идемъ освобождать ихъ, то цѣль войны должна быть та, чтобъ Наполеона свергнуть съ престола; ибо, если

въ нихъ самихъ не будетъ твердости, то онъ, и по замиреніи, рано или поздно, снова возбладаетъ надъ ними: честолюбивыя намѣренія его не престанутъ въ немъ пылать. Буде же предполагается вырвать изъ рукъ его Францію, то это, по многимъ причинамъ, не такъ легко: 1) Пруссія безсильна, порабощена; во многихъ ея городахъ и крѣпостяхъ сидятъ Французы; 2-е) Наполеонъ женатъ на дочери Австрійскаго императора и уже имѣетъ отъ нея сына; 3-е) Саксонскій король, по разсчетамъ своимъ, или отъ страха, преданъ совершенно Французскому двору. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, можетъ быть и самыя побѣды наши не ободрятъ ихъ столько, чтобъ поднять оружіе и вступить съ нами въ союзъ. И такъ, не будучи въ нихъ увѣрены, мы идемъ единственно для нихъ, оставляя сгорѣвшую Москву, разгромленный Смоленскъ и окровавленную Россію безъ призрѣнія, съ новыми надобностями требовать отъ ней и войскъ, и содержанія ихъ.

Князь Кутузовъ. Да! Признаться должно, что этотъ великодушный нашъ поступокъ и ожидаемая отъ того слава сопряжены съ немалымъ пожертвованіемъ и великою отважностью.

Шишковъ. Хорошо, если предпріятіе наше увѣнчается успѣхами; но ежели, паче чаянія, мы, зашедши далеко, принуждены будемъ, прогнанные и съ потерями, возвратиться назадъ: то, поднявъ опять Наполеона, не лишимся ли мы тѣхъ преимуществъ, какія теперь надъ нимъ имѣемъ? Не скажетъ ли Европа: они сравнялись, прогнали взаимно другъ друга, и кто изъ нихъ одержитъ верхъ— неизвѣстно.

Князь Кутузовъ. Да, это правда! Будущаго нельзя знать.

Шишковъ. Для чего бы не остаться намъ у себя въ Россіи, предлагая утѣсненнымъ державамъ, чтобъ онѣ воспользовались удобностью случая освободить себя изъ подъ ига Франціи? Можно, если онѣ ополчатся, обѣщать имъ вспомоществованіе частью нашихъ войскъ, какъ Павелъ I-й помогалъ Австріи, пославъ къ ней Суворова съ войсками, но не участвуя въ томъ всѣмъ своимъ царствомъ. Тогда, еслибъ и послѣдовали какіе неуспѣхи, уваженіе другихъ державъ къ могуществу Россіи, особливо же низложеніемъ исполинскихъ Наполеоновскихъ силъ пріобрѣтенное, нимало бы чрезъ то не уменьшилось.

Князь Кутузовъ. Я самъ такъ думаю; но Государь предполагаетъ иначе, и мы пойдемъ далѣе.

Шишковъ. Если и вы такъ думаете, то для чего же не настоите въ томъ предъ Государемъ? Онъ, по вашему сану и знаменитымъ подвигамъ, конечно уважилъ бы ваши совѣты.

Князь Кутузовъ. Я представлялъ ему объ этомъ; но, первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно; а другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцалуетъ. Тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ. (Записки Шишкова I, 167).

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ЯРОСЛАВСКОЙ СТАРИНѢ *).

VI.

Поэтъ Праволамскій.

Кто такой Праволамскій? Чтò это за „поэтъ"? въ правѣ спросить читатель, взглянувъ на заглавіе статьи.—Спѣшу отвѣчать.

Петръ Праволамскій былъ поэтъ, туземный, Ярославскій поэтъ, имя котораго, конечно, не попадетъ въ исторію литературы, но достойно попасть на страницы, посвященныя Ярославской старинѣ [1]). Грѣшно забывать людей, чѣмъ нибудь выдѣлившихся изъ толпы, какова-бы ни была степень ихъ дарованія. Не всѣмъ быть Дантами и Шекспирами; не всѣмъ занять такое видное мѣсто въ литературѣ, какое занялъ нашъ Ярославецъ, Н. А. Некрасовъ; надо-же кому-нибудь, для полноты и рельефности картины, играть въ ней роль тѣни, т. е. быть Праволамскими, Гашуковыми, Свибловыми, имъ же нѣсть числа. Согласимся, что и въ этихъ маленькихъ писателяхъ порою вспыхивала искра божественнаго огня, что и они, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ, вносили въ общество идеи о добрѣ, о любви къ человѣчеству, о красотахъ природы, идеи вѣчно-святыя, неумирающія, хотя и выраженныя дубоватыми стихами.

Обращаясь къ литературной дѣятельности Праволамскаго, я имѣю въ виду единственную изданную имъ книжку стихотвореній. Она напечатана въ 1839 году, въ типографіи Ярославскаго Губернскаго Правленія, и составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Вотъ названія стихотвореній, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, издать которую, вѣроятно, стòило для Праволамскаго немалаго труда: 1. Каинъ (фантастическая сцена); 2. Прощаніе; 3. Римъ; 4. Аукціонъ; 5. Она; 6. Генію; 7. Грусть; 8. Отчужденный; 9. Русь; 10. Звѣзда; 11. Къ ней; 12. Зима; 13. Незнакомка; 14. Мой цвѣтокъ; 15. Поэту и 16. Обольщеніе. Въ этой книжечкѣ, напечатанной довольно-разгонисто, 108 страницъ. О выходѣ ея напечатано слѣдующее объявленіе въ № 5-мъ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" 1839 г.: книжка „отпечатанная въ Ярославской гу„бернской типографіи подъ заглавіемъ: Стихотворенія П. П., поступи„ла въ продажу. Молодой талантъ, не объявляя ни малѣйшаго притяза„нія на славу, конечно, не будетъ имѣть недостатка въ поощреніи отъ „любителей просвѣщенія. Предоставляя опытъ г. П. П. на судъ благо„мыслящаго снисхожденія опытной публики, редакція Губернскихъ Вѣдо-

---

*) См. выше, стр. 314—344.

[1]) Мнѣ извѣстны нѣкоторыя попытки составить словари провинціальныхъ писателей. Такой словарь, касающійся Тульской губерніи, написалъ И. П. Сахаровъ. Затѣмъ П. И. Кеппенъ составилъ словарь Балтійскихъ и Харьковскихъ писателей. Въ Ярославлѣ собираетъ матеріалы для такого словаря, съ присовокупленіемъ краткихъ біографій, В. И. Лѣствицынъ. Намѣреніе очень полезное, хотя исполнить его довольно трудно: у насъ такъ недолговѣчны семейныя преданія, мы такъ нерашливо истребляемъ фамильныя бумаги! *Авт.*

„мостей съ удовольствіемъ беретъ на себя обязанность довести о новой „книжкѣ до свѣдѣнія публики и приглашаетъ желающихъ имѣть оную „адресоваться прямо въ редакцію, которая пріятнымъ долгомъ сочтетъ „удовлетворять немедленно съ возможною аккуратностью. Цѣна за книж„ку 25 коп. сер., съ пересылкою во всѣ мѣста 30 коп. сер. Имена удо„стоившихъ вниманія г. сочинителя напечатаны и розданы будутъ осо„бо всѣмъ г.г. подписавшимся на полученіе книжки стихотвореній“ [2]).

Праволамскій имѣлъ талантъ, хотя и не крупный, далеко не крупный. Чтобы познакомить читателей съ манерой и стихомъ нашего поэта, привожу слѣдующій небольшой отрывокъ изъ пьесы: „Отчужденный“.

Пусть говорятъ: я духомъ малъ,
Пусть ихъ твердятъ, что слабъ душою;
Но я предъ суетной толпою
Главы во прахъ не преклонялъ.
И что̀ мнѣ въ ней?.. Одинъ позоръ,
Страстей безумное боренье,
Корысти духъ, вражда, укоръ—
Ея любовь и наслажденье...
Забытый сынъ судьбы жестокой,
Безъ вѣры въ счастье, безъ друзей,
Давно угрюмъ и одинокій,
Брожу средъ міра и людей.
Мнѣ ихъ докученъ взоръ кичливый,
Несносенъ ихъ надменный видъ,
И тяжко-горестныхъ обидъ
Я не забуду до могилы...
Я одичалъ въ моемъ уединеньи,
Я одряхлѣлъ и жизнью, и душой;
Не для меня цвѣтутъ подъ солнцемъ наслажденья,
Средь юныхъ лѣтъ я смятъ уже грозой...

Кто изъ поэтовъ добраго стараго времени не писалъ: „Къ ней“? Такъ и Праволамскій написалъ стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ; но подъ именемъ „её“ онъ разумѣлъ не кого-либо изъ дѣвъ губернскаго города Ярославля, а свободу...

Вотъ годъ прошелъ!..—Еще два года,
Пройдетъ пора тяжелыхъ дней,
И навѣститъ меня свобода,
И сердцу будетъ веселѣй.
Она придетъ... Её дождуся;
Я ей на встрѣчу полечу,
И до земли ей поклонюся,
Предъ ней лампаду засвѣчу.
Завѣтный гость мечты счастливой,
Меня, цѣлуя, обойметъ.
Со мной изъ чаши неспѣсивой
Мое здоровье разопьетъ.

---

[2]) Этихъ именъ въ экземплярѣ, который принадлежитъ мнѣ, не оказывается. Вѣроятно, „Муза“ Праволамскаго не встрѣтила особеннаго сочувствія мѣстныхъ читателей. *Авт.*

Тогда враждующее горе
Я усыплю волшебнымъ сномъ,
И запируемъ на просторѣ,
Съ моею суженой вдвоемъ!

Суженая Праволамскаго „свобода", не олицетворялась въ свободѣ политической. Нѣтъ, это была самая маленькая, немного требовательная свобода, которую Праволамскій, студентъ Демидовскаго лицея, разумѣлъ въ освобожденіи себя изъ подъ гнёта лицейской жизни, пріуроченной въ его время къ жизни военно-учебныхъ заведеній [3]). Болѣе развитой, болѣе поэтически настроенный, чѣмъ его товарищи, Праволамскій, естественно, тяготился „лицеизмомъ", который, быть можетъ, и развивалъ юношей, но развивалъ не умственно, а физически, посредствомъ шагистики и тому подобныхъ прелестей. До нихъ нашъ поэтъ былъ небольшой охотникъ: онъ хотѣлъ быть „вольнымъ поэтомъ", а не фельдфебелемъ. Въ стихотвореніи „Поэту" онъ говоритъ:

Чудесенъ звукъ твоихъ стиховъ,
Но ты не рабъ покорный міра;
Твоя задумчивая лира
Стройна, какъ первая любовь...
Люблю тебя, когда спокойно
Глядишь на суетныхъ рабовъ,
И передъ ржавчиной оковъ
Не клонишь головы покорной...
Всегда съ собой, вездѣ одинъ,
Любя поэзію душою,
Творишь и рушишь всё мечтою,
Самодержавный исполинъ!
И всё ничто передъ тобою....
Когда-жъ завѣтный часъ пробьетъ,
Съ хрустальной чашей вдохновеній
Къ тебѣ слетитъ твой добрый геній,
Съ тобой веселье разопьетъ...

Когда, гдѣ, въ какомъ семействѣ родился Праволамскій, мнѣ неизвѣстно. Не знаемъ также, давно-ли онъ кончилъ свою странническую, много-мятежную жизнь. А жизнь онъ велъ, дѣйствительно, странническую, и не даромъ (какъ увидятъ читатели изъ нижеслѣдующихъ воспоминаній) сравнивалъ себя съ вѣчнымъ Жидомъ Агасѳеромъ...

— „Иди! иди!"

И Праволамскій идетъ.

Нашъ поэтъ, кстати замѣчу, часто говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, что́ придавало особенный комизмъ его рѣчи. Но въ душѣ своей Праволамскій былъ далеко не комикъ. Это видно и изъ стихотвореній его, пропитанныхъ байронизмомъ, и изъ самыхъ обстоятельствъ жизни поэ-

---

[3]) Государь Императоръ Николай I, посѣтивъ Демидовской лицей, остался весьма недовольнымъ студентами, которые не имѣли военной выправки, не могли порядочно маршировать и т. д. Для устраненія этихъ безпорядковъ, студенты были ввѣрены надзору военнаго ментора изъ штабъ-офицеровъ. Свѣдѣніе объ этомъ фактѣ, не особенно восхищавшемъ студентовъ, сохранилось въ „Очеркѣ исторіи Демидовскаго лицея", К. Д. Головщикова, напечатанномъ въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" подъ моей редакціей и отдѣльною брошюрой. *Авт.*

та. Судьба не баловала Праволамскаго, отчасти по собственной винѣ его: онъ имѣлъ несчастную страсть, и въ извѣстномъ настроеніи духа выражался зло, рѣзко, возмущаясь житейскими неправдами, за что̀ его преслѣдовали на каждомъ шагу. Такимъ-то образомъ Праволамскій разошелся съ начальствомъ одной гимназіи, гдѣ онъ занималъ должность учителя Русской словесности. Со всѣми случайностями его „бытія“ мы незнакомы, но знаемъ, что поэтъ, честный, правдивый до щепетильности, погибъ, какъ погибали и до сихъ поръ погибаютъ у насъ тысячи хорошихъ людей. Не упрекнемъ ихъ. Пожалѣемъ объ нихъ. На сколько ясно рисуется предъ нами грустная личность Праволамскаго, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ благородныхъ, но неудавшихся людей сороковыхъ годовъ, типы которыхъ представилъ Тургеневъ въ своихъ Рудиныхъ и другихъ герояхъ. А такіе люди не заслуживаютъ упрека: всё же они прокладывали намъ, новому поколѣнію, дорогу къ чему-то лучшему, свѣжему....

Воспитывался Праволамскій, какъ уже сказано, въ Демидовскомъ лицеѣ, но едва-ли кончилъ курсъ; по крайней мѣрѣ, имени его нѣтъ въ полномъ спискѣ студентовъ, напечатанномъ въ почтенномъ трудѣ—брошюрѣ К. Д. Головщикова [4]). Изъ той-же брошюры узнаёмъ, что Праволамскій, бывши еще въ лицеѣ, сочинилъ стихи на случай пріѣзда въ Ярославль принца Алберта Прусскаго и приподнесъ ихъ его высочеству чрезъ директора Лицея. Это было въ 1839 году,

Другихъ свѣдѣній о Праволамскомъ у меня нѣтъ, кромѣ воспоминаній доктора Никиты Васильевича Пирожкова, который былъ такъ любезенъ, что доставилъ ихъ въ мое распоряженіе.

Вотъ эти воспоминанія, живо представляющія нравственную личность Праволамскаго въ послѣдніе годы его незавиднаго существованія.

*

„Нѣсколько лѣтъ назадъ (пишетъ г. Пирожковъ), когда я служилъ докторомъ въ Ярославской больницѣ Приказа Общественнаго Призрѣнія, ко мнѣ явился плохо одѣтый господинъ, выразительной наружности, уже немолодой и, принявъ величественную позу, отрекомендовался:

— „Честь имѣю представиться: поэтъ Праволамскій. Можетъ быть, слыхали?“

— „Извините, я кое-что почитываю; но вашей фамиліи не помню. Что̀ же вамъ угодно? Вы больны?“

Праволамскій взялъ меня за руку и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— „Увы, докторъ! Я совершенно здоровъ. Праволамскій не затѣмъ пришелъ сюда, чтобы лечиться; Праволамскій обращается къ вашему сердцу; онъ ищетъ пріюта. Мнѣ жить нечѣмъ, докторъ. Укройте меня на нѣкоторое время въ больницѣ, и я благословлю за васъ небеса! Что̀ же касается божественнаго нектара, то уста Праволамскаго не прикоснутся къ ѳіалу. Вѣрьте“.

Субъектъ показался мнѣ очень интереснымъ. У него былъ зародышъ какой-то болѣзни, и потому я имѣлъ основаніе дать Праволамскому пріютъ въ больницѣ, но съ откровеннымъ условіемъ, чтобы, находясь тамъ, онъ избѣгалъ возможности настроивать свое воображеніе „божественнымъ нектаромъ“. Иначе его попросятъ удалиться.

---

[4]) Объ этой брошюрѣ, теперь довольно-рѣдкой и содержащей въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о Демидовскомъ лицѣе, сказано выше. *Авт.*

— „Не буду пить. Праволамскій даетъ слово, а если нарушитъ его... о, тогда прогоните меня безъ сожалѣнія!"

И такъ поэтъ, не имѣвшій средствъ къ жизни, поселился въ больницѣ. Нѣсколько времени онъ велъ себя очень скромно, и на вопросъ мой: хорошо-ли ему здѣсь? отвѣчалъ восторженно:

— „Отлично! Здѣсь рай, здѣсь я лечу мою разбитую душу-страдалицу."

— „Но помните обѣщаніе?"

— „Это на счетъ нектара, докторъ? Помню, и клянусь, что не брошусь въ объятія Бахуса, доколѣ пребуду въ семъ эдемѣ. Но если Праволамскій, сверхъ ожиданія, искусится, если онъ падетъ, какъ Адамъ въ раю... о, тогда, повторяю, выгоняйте его смѣло и поставьте у вратъ ангела съ огненнымъ мечемъ!"

Поэтъ разумѣлъ, конечно, больничнаго служителя и, къ сожалѣнію, я готовъ былъ рѣшиться на эту мѣру по слѣдующему случаю. Однажды я услышалъ на дворѣ крикъ. Выхожу и вижу Праволамскаго, что-то декламирующаго въ пьяномъ экстазѣ. Я упрекнулъ его:

— „Вотъ, господинъ поэтъ, вы и нарушили свое слово!"

— „Да, отвѣчалъ несчастный съ горькой улыбкой: виноватъ,—не превозмогъ! Праволамскій не удержался... Его одолѣла пагубная страсть... Онъ чувствуетъ свое паденіе и сейчасъ-же удалется. Прощайте, докторъ. Благодарю за любезность, и сохраню о васъ на вѣки добрую память..."

И бѣднякъ ушелъ. Мнѣ было жаль Праволамскаго, но я не имѣлъ права удерживать его въ больницѣ. Изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ, что онъ съ давняго времени идетъ „въ разрѣзъ съ судьбою", что „счастіе давно не улыбается ему въ жизни", что у него есть сынъ, воспитывающійся въ какомъ-то высшемъ учебномъ заведеніи въ Петербургѣ, и что онъ хотѣлъ-бы теперь какъ-нибудь добраться до Петербурга, чтобы обнять свое милое, любимое дитя, выплакать съ нимъ, на его груди, свое горе... Грустно было видѣть въ этомъ человѣкѣ проявленіе чувствъ отца, зная, что нерадостна должна быть встрѣча юноши-сына, быть можетъ полнаго лучшихъ надеждъ, съ несчастнымъ отцомъ, глубоко утопавшимъ въ омутѣ жизни.

Узнавъ отъ Праволамскаго, что изъ всѣхъ прежнихъ товарищей его по лицею остался въ Ярославлѣ только одинъ Н. А. Карауловъ, я передалъ ему исторію Праволамскаго. Г. Карауловъ просилъ меня отыскать поэта. Не сомнѣваясь, что онъ еще разъ заглянетъ въ больницу, я ждалъ его съ нетерпѣніемъ; и точно, дни черезъ три, онъ явился въ прежнемъ рубищѣ, но трезвый. Я посовѣтовалъ Праволамскому обратиться къ г. Караулову откровенно, безъ всякой щепетильности, съ просьбой о возможной помощи. Ободренный моимъ совѣтомъ, онъ не рѣшился, однакожъ, лично просить у г. Караулова пособія, а написалъ къ нему письмо. Содержанія этого письма вполнѣ я не припомню, но нѣсколько витіеватыхъ фразъ, характеризующихъ самого автора, память моя сохранила. Послѣ обычнаго вступленія Праволамскій писалъ: „Помните-ли вы, уважаемый товарищъ, тѣ времена, когда мы вмѣстѣ посвящали свои часы мудреной наукѣ?.. Всё прошло!.. Да, другъ мой! Судьбы превратны... Когда-то и я жилъ блистательно!.. Теперь, лишенный всѣхъ средствъ, прикрытый мантіею возможной цивилизаціи, обращаюсь къ вамъ съ просьбой протянуть руку помощи старому товарищу."

Письмо сдѣлало свое: старый товарищъ отогрѣлъ озябшаго, безпріютнаго поэта, усладилъ его сытнымъ обѣдомъ съ рюмкой хорошаго вина,

далъ ему денегъ на улучшеніе его костюма и пріютилъ въ нарочно-нанятой для него квартирѣ.

Надобно было видѣть восторгъ бѣдняка! Расцвѣлъ нашъ Праволамскій. Полилась бурнымъ потокомъ восторженная рѣчь съ пикантнымъ юморомъ своего рода, вырабатывающимся годами подъ вліяніемъ горегорькой жизни. Чего тутъ не было! Тутъ были воспоминанія о Петербургѣ, о Каратыгинѣ, Асенковой и многихъ другихъ свѣтлыхъ личностяхъ сороковыхъ годовъ. Поэтъ вдохновлялся воспоминаніемъ объ игрѣ Каратыгина въ Гамлетѣ и въ роли Жоржа-де-Жерманя; въ глазахъ его сверкали слезы, когда онъ рисовалъ предъ нами игру незабвенной Асенковой. Видно было, что всё прекрасное находило когда-то въ его душѣ свѣтлый уголокъ, и что еще не всё замерло въ ней, да горе-то, горе-то проклятое заѣло человѣка. Онъ читалъ намъ цѣлыя страницы изъ старинной драмы: „Жизнь игрока", приходя въ драматическій экстазъ весьма недурно. Праволамскій выходилъ отъ стараго товарища съ мечтами прилично устроиться, поступить на сцену Ярославскаго театра и вскорѣ дебютировать въ любимой его роли Жоржа-де-Жерманя. Добрый товарищъ, какъ я уже сказалъ, снабдилъ его деньгами на покупку платья и просилъ поэта приходить ежедневно къ нему обѣдать.

Что̀ же изъ всего этого вышло? Два дня сряду Праволамскій являлся къ Караулову, свѣжій, здоровый, безъ слѣда спиртныхъ паровъ, представляя каждый разъ свои покупки. Вмѣсто несчастныхъ валенецъ, на немъ были уже хорошіе сапоги; изношенная пилигримская шапка исчезла, и, взамѣнъ ея, поэтъ съ дѣтскимъ простодушіемъ восторгался приличною теплой фуражкой... Прошло еще нѣсколько дней: Праволамскаго нѣтъ! Еще день-два,—и вотъ мы узнаёмъ, какой вышелъ результатъ дружеской заботы: поэта нашли въ квартирѣ „въ крѣпкихъ объятіяхъ Бахуса", въ солдатской шинели, въ прежнихъ изорванныхъ валенцахъ... Всё таже картина прежняго паденія!

Съ той поры Праволамскій не являлся болѣе у Караулова и невѣдомо куда исчезъ.

Прошло три года. Однажды (это было зимою 1864 г.) въ мою квартиру взошелъ пожилой человѣкъ съ огромной сѣдой бородой, въ военномъ, не по сезону, холодномъ пальто, и спросилъ доктора Пирожкова. Мнѣ оставалось заявить, что я—то самое лицо, о которомъ онъ спрашиваетъ.

Не успѣлъ я вымолвить, какъ въ одно мгновеніе, съ восклицаніемъ самымъ патетическимъ: „Благородный человѣкъ, вы не узнаете меня? Я—Праволамскій!" старый знакомецъ сжималъ меня въ своихъ могучихъ объятіяхъ.

Встрѣча была оживленная. Поэтъ разсказалъ, что онъ ходилъ въ Сибирь... „да, да, въ Сибирь!.." Онъ жилъ тамъ; теперь возвращается оттуда, „изъ хладныхъ гиперборейскихъ странъ, и по прежнему все нагъ и нищъ! А, кажется, ходилъ за счастіемъ. Вотъ судьба!... Видно, нѣтъ для Праволамскаго счастія на землѣ!" Такъ, вздохнувъ, окончилъ свою рѣчь Праволамскій.

Что путешествіе его въ Сибирь не выдумка, я убѣдился въ этомъ положительно, сдѣлавъ съ этой цѣлью новому Улиссу довольно-строгій экзаменъ во всемъ, что̀ касалось этой страны. Кромѣ того, я убѣдился еще болѣе, когда онъ назвалъ городъ Тару, въ которомъ онъ почему-то дольше всего прожилъ, находясь въ Сибири. Въ Тарѣ было у меня знакомое

семейство. Праволамскій въ разсказѣ своемъ упомянулъ случайно и объ этой семьѣ. Я заинтересовался еще болѣе, не показавъ вида, что семейство это мнѣ извѣстно, и узналъ отъ поэта всѣ подробности о жизни моихъ знакомыхъ. Тутъ не могло быть вымысла.

— „Но что-же вы тамъ дѣлали?" спросилъ я Праволамскаго.

— „Все, все, все!.. Былъ на пріискахъ, работалъ какъ волъ, терпѣлъ всѣ бѣдствія... Сдѣлалось горько, невыносимо, и вновь, какъ Вѣчный Жидъ Агасѳеръ, я услышалъ тайный голосъ: „Праволамскій, иди! иди!" И Праволамскій идетъ опять въ Европу, въ Россію, идетъ къ матушкѣ Волгѣ, къ Ярославлю, и вотъ я опять у васъ. Благодарю милостивое небо, что я живъ, что вижу моего благороднаго врача!.. Праволамскій помнитъ всё, а вы забудьте, забудьте, что́ сдѣлалъ несчастный Праволамскій!"

Меня удивила эта непоколебимая рѣшимость идти добровольно, безъ средствъ, въ такой путь далекій, въ такую страну, куда другихъ уноситъ судьба, по большей части, только силою преступленія или путемъ несчастныхъ политическихъ обстоятельствъ. Ни этихъ обстоятельствъ, ни преступленія не было въ жизни злополучнаго поэта. Праволамскій не скрывалъ, что его манила впередъ новизна края, невиданнаго имъ, а возвратила назадъ тоска по родномъ краю, желаніе бѣжать отъ докучныхъ напоминаній прошлаго: вотъ тѣ причины, по которымъ онъ влечется въ тундры Сибирскія, въ тайгу къ золотопромышленникамъ, а затѣмъ возвращается на берега̀ Волги... Непостижимо, а вѣрно, истинно!

— „Гдѣ-же у васъ берутся средства къ дорогѣ?" спросилъ я.

— „Они падаютъ съ неба, изъ рукъ добрыхъ людей. Въ городахъ есть разумныя существа, которыя отогрѣваютъ бѣдняковъ, подобныхъ мнѣ; они даютъ пріютъ, даютъ пищу. Эти разумные существа—врачи. Они не отказываютъ Праволамскому въ больничной койкѣ, въ порціи щей, въ кружкѣ квасу. Да, врачи лучше другихъ людей понимаютъ горе человѣка, его нужды, его паденіе. Не упрекъ отъ нихъ я слышалъ, а теплое участіе, ласку, состраданіе. Они лечатъ не однѣ язвы тѣла: имъ доступны изгибы души человѣка, и туда они проливаютъ цѣлительный бальзамъ такимъ несчастнымъ, какъ Праволамскій. Вамъ я также много, много обязанъ, но мнѣ горько, горько!"

Я понялъ, что поэтъ вспомнилъ нашу первую встрѣчу, и старался уклониться отъ этого предмета. Недосугъ мой былъ причиною, что я не могъ подробно разузнать о жизни Праволамскаго въ Сибири. Въ этотъ разъ онъ пробылъ въ Ярославлѣ два дня, совершенно безъ вакхическихъ увлеченій и простился со мной „до радостнаго утра". Онъ шелъ въ Москву, въ Петербургъ. Въ Петербургѣ онъ хотѣлъ быть у нашего поэта Н. А. Некрасова, съ которымъ онъ, по словамъ его, когда-то дѣлилъ дни юности...

„Съ той поры ни вѣсточки, ни слуху о бѣдномъ Праволамскомъ..."

*

Недавно до насъ дошла вѣсть объ его смерти.—Миръ душѣ скромнаго Ярославскаго поэта!...

VII.

Ростовскіе кладоискатели. *)

I.

Нѣсколько дней спустя послѣ восшествія на престолъ императора Николая I-го, пріѣхалъ въ Петербургъ нѣкто Корчевскій мѣщанинъ Алексѣй Варламовичъ Садиковъ. Не любопытство и не торговыя дѣла вызвали его въ столицу, еще неуспѣвшую опомниться послѣ декабрьскихъ событій; нѣтъ, у Садикова была другая цѣль: бѣдный, почти нищій, онъ хотѣлъ доставить Русской казнѣ огромное сокровище.

Какимъ-то образомъ Садикову удалось подать лично, на высочайшее имя, прошеніе; въ немъ онъ объяснилъ, что съ давняго времени, именно съ 1227 года, хранится въ городѣ Ростовѣ кладъ, зарытый великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ. По увѣренію Садикова цѣнность клада простиралась, на худой конецъ, до трехъ милліоновъ рублей. Двѣнадцать боченковъ золота, столько-же боченковъ серебра, да еще цѣлый четверикъ жемчугу и драгоцѣнныхъ камней вотъ что̀ обѣщалъ открыть Садиковъ, если правительству будетъ угодно воспользоваться его донесеніемъ. Вмѣстимость каждаго боченка опредѣлялась отъ 3-хъ до 4-хъ ведеръ. Существованіе клада стало извѣстнымъ Садикову еще въ 1819 году; но, по словамъ кладоискателя, онъ „желалъ всемѣрно скрывать оное безъ „объявленія, намѣреваясь воспользоватся имъ вмѣстѣ съ знакомою помѣ„щицею Рачинскою; а теперь сія госпожа задумала присвоить себѣ все, „хочетъ золотыя монеты растопить и обратить въ слитки“, и проч. Донесеніе, какъ видитъ читатель, не отличалось правдоподобностью. Едва-ли злополучный князь Георгій Всеволодовичъ, мученически погибшій за свою родину на берегахъ Сити, въ роковой битвѣ съ Татарами, могъ скопить такое громадное сокровище и зарыть его въ Ростовѣ. Но, съ другой стороны, все-таки слѣдовало провѣрить показаніе Садикова, хотя-бы съ единственной цѣлью отыскать нѣсколько нумизматическихъ рѣдкостей XIII вѣка, важныхъ въ научномъ отношеніи, и за нихъ наградить кладоискателя. Послѣднему велѣно было явиться къ Петербургскому генералъ-губернатору Кутузову и отъ него узнать высочайшую волю.

— „Правду-ли ты написалъ въ своемъ доносѣ?“ спросилъ Кутузовъ.

— „Сущую правду“, отвѣчалъ Садиковъ:—„зачѣмъ же мнѣ лгать, ваше высокопревосходительство?.. Кладъ точно есть, и мѣсто мнѣ знакомое: найду какъ разъ“.

— „Хорошо. Но слушай: если твой доносъ окажется ложной выдумкой, пустымъ враньемъ, тебя накажутъ. Предупреждаю объ этомъ теперь-же, пока еще не поздно.“

— „Я знаю, гдѣ кладъ, настаивалъ Садиковъ: зарытъ онъ на дворѣ у мѣщанина Василья Рахманова, въ городѣ Ростовѣ.“

— „Ну, такъ собирайся туда скорѣе. Я пошлю съ тобой опытнаго чиновника.“

Опытный чиновникъ, о которомъ говорилъ Кутузовъ, былъ нѣкто Флемингъ, „коллежскій ассессоръ и кавалеръ“, одинъ изъ столичныхъ квартальныхъ надзирателей. Снабженный подорожною и особой инструкціею, онъ выѣхалъ на розыски, вмѣстѣ съ Садиковымъ, 10 Января 1826 года.

---

*) Настоящая статья составлена по архивнымъ документамъ. Авт.

Инструкція объясняла, какъ поступать съ кладомъ, если онъ будетъ найденъ: „Вы должны подробно описать оный и въ тоже время „отнестись къ мѣстному губернскому начальству, дабы приняты были „нужныя мѣры къ сохраненію того сокровища тамъ, гдѣ оное будетъ „открыто, или въ другомъ удобномъ мѣстѣ, и потомъ возвратиться съ „Садиковымъ и обо всемъ подробно донести“. Затѣмъ инструкція гласила: „Если-же показаніе Садикова окажется ложнымъ, то вы обязаны отдать „его подъ стражу въ городскую или земскую полицію, для преданія его, „за ложный доносъ, суду.“ Одновременно съ этимъ распоряженіемъ, Кутузовъ сообщилъ Ярославскому гражданскому губернатору Ал-ру Михаил. Безобразову, что въ послѣднемъ случаѣ, прежде чѣмъ судебное рѣшеніе будетъ исполнено, о немъ слѣдуетъ донести Государю Императору, который обратилъ свое вниманіе на это дѣло, имѣвшее „государственную важность“. И дѣйствительно, при не особенно блестящемъ состояніи русскихъ финансовъ, три милліона были-бы не лишними.

Въ свою очередь, и Безобразовъ далъ инструкцію чиновнику особыхъ порученій, князю Ухтомскому. При отправленіи въ Ростовъ, для содѣйствія Флемингу, князь Ухтомскій долженъ былъ запастись веревками, связать и запечатать драгоцѣнные боченки и привезти ихъ въ Ярославль, подъ крѣпкимъ карауломъ; если же Садиковъ окажется лжецомъ, то и его доставить въ Ярославль, какъ арестанта, подъ стражею. Во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, губернаторъ требовалъ, чтобы исканіе клада производилось отнюдь не келейнымъ образомъ, а гласно, при многихъ свидѣтеляхъ: при полиціймейстерѣ (тогда въ Ростовѣ былъ полиціймейстеръ Симоновскій), двухъ гласныхъ изъ Думы, двухъ магистратскихъ ратманахъ и 12-ти гражданахъ, пользующихся общимъ довѣріемъ. Такимъ образомъ была устранена всякая возможность сокрыть даже малѣйшую частицу баснословнаго богатства великаго князя Георгія Всеволодовича.

II.

Между тѣмъ наши кладоискатели, Флемингъ и Садиковъ, заѣхали въ Бѣжецкій уѣздъ, гдѣ жила небогатая помѣщица Матрена Ивановна Рачинская, о которой Садиковъ заявилъ, что она хочетъ присвоить себѣ отыскиваемое сокровище. Рачинскую взяли и отправились далѣе въ Ростовъ, куда и прибыли, всѣ трое, 17 Января. Матрена Ивановна не подозрѣвала, что её везетъ полицейскій чиновникъ, потому-что Флемингъ отрекомендовался ей частнымъ человѣкомъ, искателемъ кладовъ; она и повѣрила. Барыня была очень добродушная.

При первомъ свиданіи съ Ростовскимъ полиціймейстеромъ Флемингъ также не открылъ цѣли своего прибытія, ограничившись предъявленіемъ ордера генерала Кутузова, въ которомъ значилось: „Оказывать оному „чиновнику всяческое содѣйствіе въ исполненіи сдѣланной ему порученности, сколько по долгу службы и присяги зависитъ.“

Немедленно полетѣла въ Ярославль эстафета о прибытіи столичнаго квартальнаго надзирателя, „да еще съ какимъ-то секретнымъ предписаніемъ“. Но вскорѣ Флемингъ сбросилъ съ себя таинственность и объяснилъ полиціймейстеру, въ чемъ вся суть и зачѣмъ онъ прибылъ въ Ростовъ.

— „У васъ здѣсь огромный кладъ зарытъ, слишкомъ три милліона рублей, а вы и не знали?“

— „Кладъ? какой кладъ?“, удивился полиціймейстеръ: “ даже и слуховъ объ немъ нѣтъ... Не пригласить-ли стряпчаго?“

— „Пригласите. Вмѣстѣ съ нимъ сдѣлаемъ кое-кому предварительные допросы, въ ожиданіи чиновника особыхъ порученій..."

Явился уѣздный стряпчій, и допросы начались съ бѣдняги Садикова. Прежде всего замѣтили, что показаніе его не подкрѣпляется народной молвой, что нѣтъ никакого преданія о Ростовскомъ кладѣ.

Садиковъ, утверждая противное, добродушно прибавилъ:

— „А можетъ быть, оно точно, кладъ и не здѣсь?"

— „Какъ такъ?"

— „Да такъ, ваше благородіе. Если мы не отыщемъ его здѣсь въ Ростовѣ, такъ ужъ слѣдуетъ искать въ Ярославлѣ, у мѣщанина Ѳедора Яковлева; а больше объ этомъ знаетъ мѣщанинъ Василій Иванычъ Коноваловъ. Къ нему-бы теперь сходить да распросить всю подноготную."

Пошли. Коноваловъ жилъ въ домѣ Рахманова, у котораго, по словамъ доносчика, хранился кладъ.

Коновалова не застали дома: онъ былъ въ церкви. Дождавшись его возвращенія, Флемингъ выдалъ себя за брата Рачинской и спросилъ безъ обиняковъ:

— „Что̀, ты знаешь о кладѣ?

— „Знаю... Доподлинно есть кладъ, отвѣчалъ Коноваловъ: есть, да что̀ въ томъ толку?"

— „Какъ что́? Найдемъ, всѣ подѣлимся."

— „Нельзя, милый человѣкъ, то-есть и можно, да съ трудомъ. Нечистая сила бережетъ этотъ самый кладъ. Безъ разрывъ-травы ничего не подѣлаешь!.. Вотъ если-бы у вашей милости была такая трава, что̀ всѣ металлы разбиваетъ, я бы не прочь показать мѣстечко, гдѣ спрятанъ кладъ: оно не далеко отъ Ростова, верстъ десятокъ, не дальше".

Отвѣтъ Коновалова окончательно затемнилъ дѣло: сокровище оказывалось миѳомъ, баснею. Не могло-же оно переселяться съ мѣста на мѣсто, быть и въ самомъ Ростовѣ, и въ 10-ти верстахъ отъ него, и въ Ярославлѣ! Флемингъ приходилъ къ выводу, что ему пришлось имѣть дѣло или съ сумасшедшими, или съ суевѣрами; поэтому онъ нетерпѣливо ждалъ князя Ухтомскаго, чтобы, заодно съ нимъ, приступить къ формальнымъ допросамъ, обѣщавшимъ скорую развязку.

Наконецъ явился ожидаемый чиновникъ (съ веревками или безъ веревокъ, объ этомъ документы, изъ которыхъ заимствована эта невымышленная исторія, не говорятъ ни слова). По открытіи засѣданія, допросы опять начались съ Садикова; ему велѣно было, прежде чѣмъ идти искать многомилліонное сокровище, объяснить подробно, ка̀къ и когда онъ провѣдалъ о кладѣ, и Садиковъ объяснилъ слѣдующее. На этотъ разъ онъ былъ откровененъ.

III.

— „Въ первыхъ числахъ Октября минувшаго 1825 года (такъ началъ Садиковъ) случилось мнѣ быть въ городѣ Корчевѣ на базарѣ. Тамъ встрѣтились со мною двое незнакомыхъ крестьянъ; они громко толковали о разрывъ-травѣ."

— „Зачѣмъ вамъ, братцы, эта диковинка?" спросилъ Садиковъ.

— „А затѣмъ голубчикъ, что мы ищемъ её, вотъ ужъ два года, по найму барыни Матрены Ивановны Рачинской, и нигдѣ не можемъ отыскать; а нужна ей эта трава для того, чтобы найдти какой-то большущій кладъ."

— „Ладно, братцы. Вѣдь у меня такой корень есть.“
— „Неужто?“
— „Вѣрно говорю. Доложите своей барынѣ: продамъ съ охотой.“
— „А какъ цѣна?“
— „Шесть тысячь рублей, ни копѣйки меньше.“

Крестьяне обрадовались; распросивъ Садикова, кто онъ такой и гдѣ живетъ, они поспѣшили передать Рачинской важную новость. Матрена Ивановна приняла её также съ большимъ удовольствіемъ и вскорѣ получила отъ Садикова письмо, приглашавшее ее явиться къ нему „за нужною вещью,“ или прислать „хорошаго человѣка“ съ деньгами, не менѣе 6-ти тысячъ рублей. Рачинская двумя письмами умоляла Садикова пріѣхать къ ней въ усадьбу съ волшебной травой и показать на опытѣ ея силу. Второе письмо доставлено было съ дворовой дѣвкой Анной Николаевой, сообщившей мнимому владѣльцу разрывъ-травы, что отыскиваемый ея барынею кладъ находится въ Ростовѣ, у тамошняго мѣщанина Василья Коновалова, и что ей приказано ѣхать къ нему, также съ запиской.

— „Отвези, кстати, и мою писулечку, сказалъ Садиковъ: не хочетъ-ли онъ (Коноваловъ) со мною познакомиться? Наше дѣло общее: у него кладъ, а у меня корешокъ.“

Дней черезъ десять произошло свиданіе кладоискателей.

Познакомившись другъ-другомъ, они стали строить воздушные замки въ усадьбѣ г-жи подпоручицы Рачинской, мечтая о томъ, сколько достанется на долю каждаго. Выходилъ хорошій капиталецъ: на каждаго по милліону! Право участвовать въ дѣлежѣ принадлежало всѣмъ троимъ: Садикову—какъ владѣльцу разрывъ-травы, Рачинской — какъ особѣ, не жалѣвшей издержекъ для отысканія знахаря; а Коноваловъ имѣлъ еще бо̀льшее право за открытіе клада. Такъ и порѣшили: раздѣлиться безъ споровъ, полюбовно.

— „Василій Иванычъ, ты самъ видѣлъ кладъ?“ спросилъ Садиковъ.

— „Самъ, своими глазами. Дѣло-то, значитъ, было такимъ манеромъ: рыли у насъ погребъ, вырыли яму въ полтора аршина, да и наткнулись на каменную стѣну. Я проломалъ ее свѐрху и влѣзъ... такъ и обмеръ!“

— „Отчего-же обмеръ? Страшно стало?“

— „А какъ-же не страшно! Люди мы бѣдные, намъ сто рублей въ диковинку, а тутъ, за стѣной-то, 24 боченка рядомъ стоятъ, биткомъ набитые золотомъ и серебромъ. Поневолѣ испугаешься, глядючи на такое богатство.... И жемчугу пропасть, и алмазовъ не сосчитаешь,—полный четверикъ; да все жемчужины такія крупныя, алмазы такъ жаромъ и горятъ...“

— „Взялъ-бы ты малую-толику, Василій Иванычъ?“

— „Нельзя, Алексѣй Варламычъ. Принимался я, грѣшный человѣкъ, нѣсколько разъ за деньги. Наберу цѣлыя пригоршни, стану выносить,— и ослѣпну. Бился, бился, ничего не выходитъ. Нѣтъ, думаю, лучше быть нищимъ да зрячимъ, чѣмъ слѣпымъ милліонщикомъ, и положу деньги назадъ...“

— „Чудное дѣло!“ воскликнулъ Садиковъ.

— „Ахъ, батюшки!“ вздыхала Матрена Ивановна:—„стало быть, колдунъ какой-нибудь заклятіе положилъ, еретикъ окаянный?“

— „Въ томъ-то и дѣло, что не колдунъ и не еретикъ, а православный князь Владимірскій Георгій Всеволодовичъ.“

— „Диковинка!"

— „А вотъ дальше послушайте... У того-же погреба представилась мнѣ желѣзная дверь съ маленькимъ замкомъ; а передъ дверью мраморная доска; а на той доскѣ надпись: „Если кто найдетъ разрывъ-траву, тотъ можетъ получить сокровища, положенныя подъ сею доскою въ 1227 году, великимъ княземъ такимъ-то." Въ разрывъ-травѣ, значитъ, вся задача".

IV.

Фантастическій разсказъ Коновалова имѣлъ успѣхъ. Слушатели повѣрили, не замѣчая, что Коноваловъ самъ себя опровергаетъ: сначала говорилъ, что видѣлъ сокровище въ боченкахъ и прикасался къ нему, а потомъ, что кладъ лежитъ подъ мраморной доской.

— „Ну, такъ что же намъ дѣлать теперь?" спросилъ Садиковъ.

— „Какъ что?" отвѣчалъ Коноваловъ: „все отъ тебя зависитъ. Ты владѣешь разрывъ-травой; покажи намъ свое искусство, а ужъ я не обману, ей-Богу..."

— „Божиться грѣшно, а ты лучше со мной на чистую!"

— „Ка̀къ это на чистую?"

— „Заключимъ письменное условіе на гербовомъ листѣ,—оно крѣпче будетъ; и укажи ты мнѣ въ этой бумагѣ мѣсто, гдѣ кладъ зарытъ, а я обяжусь корешокъ доставить.Понялъ, братецъ?"

— „Понялъ. А откуда-же мы промыслимъ гербовый листъ?"

— „У меня есть. Пиши!"

И Коноваловъ живо настрочилъ условіе. Прочитавши его, Садиковъ удивился: изъ написаннаго оказывалось, что кладъ лежитъ не тамъ, гдѣ увѣрялъ Коноваловъ, не въ Ростовѣ, а въ Ярославлѣ, при домѣ мѣщанина Ѳедора Яковлева.

— „Что̀ это значитъ?" спросилъ Садиковъ.

— „Ничего... Я написалъ на гербовомъ листѣ, значитъ вѣрно. Теперь ты изволь показать намъ разрывъ-траву, и сдѣлай опытъ надъ желѣзомъ; если распадется оно, стало быть твоя правда. Гдѣ корешокъ?"

— „Со мной въ пузырькѣ."

— „Такъ начинай дѣло."

— „Врешь, прежде ты покажи кладъ."

— „Нѣтъ, любезный, прежде ты покажи свой корешокъ."

— „Не хочу!"

— „Значитъ, все это одинъ обманъ?"

— „Не я обманщикъ, а ты."

— „Нѣтъ, Алексѣй Варламовичъ, ты кривишь душой..."

Произошла ссора. Напрасно Рачинская хотѣла примирить кладоискателей: они разъѣхались, заподозривъ одинъ другаго въ хитрости и обманѣ. Но Садиковъ твердо былъ увѣренъ, что кладъ, тамъ или здѣсь, въ Ростовѣ, или въ Ярославлѣ, непремѣнно хранится, а потому немедленно поѣхалъ въ Петербургъ и донесъ Государю. Остальное извѣстно. Разсказъ свой Садиковъ кончилъ покаяніемъ въ обманѣ, будто-бы ему лично извѣстно мѣстонахожденіе клада. Хотя онъ и написалъ это въ доносѣ, но собственно для того, чтобы дать болѣе вѣроятности своимъ словамъ, и теперь проситъ великодушнаго монаршескаго прощенія, не отказываясь, однако, отъ мысли, что кладъ существуетъ, въ Ростовѣ или

въ Ярославлѣ,—это обнаружатъ розыски. Затѣмъ онъ передалъ слѣдователямъ письма Рачинской и Коновалова.

Тогда слѣдователи принялись допрашивать бѣдную, трепещущую Матрену Ивановну, которая объяснила это дѣло въ такомъ видѣ.

Однажды пришла къ ней въ усадьбу изъ деревни Дурынина, Кашинскаго уѣзда, дворовая „женка“ Маланья Исаева и принесла съ собой безграмотную записку, гдѣ, между прочимъ, было сказано: „Если кто найдетъ разрывъ-траву, то у меня есть поклажа, посредствомъ коей можно получить сокровище, и тотъ-бы пріѣзжалъ ко мнѣ въ Ростовъ.“ Подписано: Василій Ивановъ Коноваловъ. Рачинская слыхала отъ добрыхъ людей, что такая трава есть и что, способствуя открытію кладовъ, она, трава эта, кромѣ того, приноситъ счастіе тому дому, гдѣ находится: въ домѣ томъ все бываетъ хорошо. Соблазнившись легкимъ средствомъ добыть себѣ состояніе и счастіе, Рачинская, по совѣту Маланьи Исаевой, отправилась съ ней въ Ростовъ, нашла тамъ Коновалова, познакомилась съ нимъ и узнала, что у него при домѣ есть кладъ, да такой кладъ, что подобнаго въ мірѣ нѣтъ; но завладѣть имъ можно не иначе, какъ съ помощью разрывъ-травы.

— „Достаньте, сударыня, этотъ корешокъ!“ убѣждалъ Коноваловъ: „не будете въ накладѣ, богаче заморскихъ князей-королей сдѣлаетесь.

— „Непремѣнно достану!“ отвѣчала Матрена Ивановна.—Ей хотѣлось быть богаче заморскихъ королей, и она наняла двухъ крестьянъ искать повсюду разрывъ-траву. Они долго искали; наконецъ, судьба свела ихъ съ Садиковымъ.—Заключеніе разсказа Матрены Ивановны вполнѣ совпадало съ его показаніями, и потому, избѣгая повтореній, обращаемся къ третьему дѣйствующему лицу нашей исторіи, къ мѣщаниму Коновалову, который былъ также подвергнутъ допросамъ прежде, чѣмъ стали искать кладъ.

V.

Изъ словъ Коновалова открылось, что однажды сидѣлъ онъ въ трактирѣ и благодушествовалъ, распивая чаекъ. Тутъ же былъ мѣщанинъ Алексѣй Иванычъ Холщевниковъ. Они познакомились, выпили по нѣскольку рюмокъ водки. Языки у нихъ развязались, и Холщевниковъ спросилъ:

— „Нѣтъ-ли у тебя такой вещи, посредствомъ которой было-бы можно кладъ открыть?“

— „Вещи такой не имѣю, а знаю какъ она называется: разрывъ-трава.“

— „Желательно-бы найти её, очень желательно!“

— „А развѣ есть кладъ на примѣтѣ?“

— „Есть...“

И Холщевниковъ съ таинственностью шепнулъ, что великій князь Георгій Всеволодовичъ зарылъ все свое сокровище въ 1227 году, но гдѣ именно, Холщевниковъ не сказалъ, а только просилъ Коновалова, ради дружбы и взаимной выгоды, отыскать означенную траву. Послѣ того они нѣсколько разъ встрѣчались въ Ярославлѣ и все толковали о кладѣ. Коноваловъ обѣщалъ достать волшебную траву. Затѣмъ, случайно познакомясь съ помѣщицей Рачинскою, тоже большою охотницей до кладовъ, онъ передалъ ей и Садикову слухъ о сокровищѣ, разукрасивъ свой разсказъ вымышленными подробностями...

— „А зачѣмъ ты обманывалъ меня?“ спросилъ Флемингъ: „зачѣмъ говорилъ, что кладъ зарытъ гдѣ-то въ окрестностяхъ Ростова?“

—„Простите, ваше благородіе!“ повинился Коноваловъ: — „я думалъ, что вы братъ Матрены Ивановны, и что у васъ есть разрывъ-трава. Мнѣ хотѣлось видѣть сперва, какъ она дѣйствуетъ, какую силу имѣетъ; а потомъ я свезъ бы васъ въ Ярославль къ Холщевникову: онъ хвалился, что доподлинно знаетъ, гдѣ кладъ зарытъ.“

На очныхъ ставкахъ Коноваловъ и Садиковъ остались при своихъ показаніяхъ.

Казалось бы, дальше и толковать ни о чемъ не слѣдовало: вся исторія о Ростовскомъ кладѣ носила на себѣ явные признаки глупой выдумки, но Садиковъ не терялъ надежды открыть кладъ и умолялъ слѣдователей приступить къ розыскамъ въ погребѣ. Это самое обязывала сдѣлать и инструкція, данная слѣдователямъ; а потому, въ сопровожденіи членовъ Думы и Магистрата, полицейскихъ властей и 12-ти свидѣтелей, они отправились, куда указывалъ Садиковъ, вооруженные желѣзными щупами... Увы! Всѣ поиски ихъ были напрасны. „Тщетно (доносили потомъ Флемингъ и князь Ухтомскій Ярославскому губернатору) тщетно во всѣхъ „мѣстахъ чинили мы осмотръ, а въ особенности въ погребѣ, сараяхъ и „амбарѣ, углубляя яму болѣе двухъ аршинъ; пробовали и далѣе въ глу„бину трехъ-аршиннымъ желѣзнымъ щупомъ; но, кромѣ мягкой земли, „никакихъ сокровищъ и даже слѣдовъ къ тому въ видимости не открылось“.

Владѣлецъ дома, мѣщанинъ Рахмановъ, жена его и жена Коновалова отозвались, что они знать не знаютъ, слыхомъ не слыхали о кладѣ.

Слѣдственная коммиссія пробыла въ Ростовѣ пять дней, затѣмъ отправилась въ Ярославль, увезя съ собой Садикова. Онъ былъ заключенъ подъ присмотръ во 2-й полицейской части; тамъ же раздѣлили судьбу его и другія прикосновенныя къ этому дѣлу лица: мѣщане: Александръ Ясыревъ и Алексѣй Холщевниковъ, крестьянинъ Ростовскаго уѣзда Матвѣй Кручининъ, заштатный дьячекъ Николай Ивановъ и крестьянинъ села Великаго (Ярославскаго уѣзда) Егоръ Самаринъ *). Впрочемъ они недолго сидѣли въ части: губернаторъ распорядился отпустить ихъ на поруки. Но у Садикова не было въ Ярославлѣ ни знакомыхъ, ни родныхъ, а въ части не оказалось свободнаго мѣста, и потому его заключили въ острогъ, гдѣ онъ и высидѣлъ почти годъ.

Во время производства слѣдствія, въ холодную зимнюю ночь, Коноваловъ убѣжалъ изъ Ростова, безъ шапки и шубы, къ своимъ родственникамъ въ деревню Лялино, Ростовскаго уѣзда; но родственники представили его въ Земскій Судъ. Коноваловъ объяснилъ причину своего бѣгства страхомъ, что его увезутъ въ Петербургъ. Коновалова отправили въ Ярославль подъ присмотромъ квартальнаго Оголѣвцова. Здѣсь, на окончательномъ допросѣ, ни Коноваловъ, ни Садиковъ не могли ничего сказать въ свою защиту и, вслѣдствіе этого, преданы были суду, вмѣстѣ въ Рачинскою и другими „виновниками“. Всё это дѣлалось съ особенной быстротой и энергіей, какъ будто вина нашихъ героевъ была ужасная. Въ сущности-же была только одна вина: невѣжество, суевѣріе, то-есть такой грѣхъ, въ которомъ повиненъ и до сихъ поръ нашъ добрый народъ. Если теперь, предположимъ, не найдется помѣщицъ Рачинскихъ, то Садиковы и Коноваловы, вѣрующіе въ разрывъ-траву, конечно найдутся; но, къ счастію и славѣ нашего времени, на нихъ взглянутъ съ сожалѣ-

*) Какое участіе принимали въ этой исторіи послѣднія названныя лица, подробныхъ свѣдѣній у меня не имѣется. Вѣроятно, участіе было второстепенное, несущественное, что нѣсколько и разъясняется дальше, рѣшеніемъ Уголовной Палаты. *Авт.*

ніемъ, къ нимъ отнесутся гуманно, и во всякомъ случаѣ не отдадутъ въ руки палача, а Садиковъ, какъ сейчасъ увидимъ, рисковалъ побывать въ этихъ кровавыхъ рукахъ.

VI.

Общее присутствіе Ярославскихъ Уѣзднаго Суда и Городоваго Магистрата рѣшило это дѣло такъ:

„Подсудимаго Садикова, за лживый и неосновательный доносъ, равно и за обманъ, наказавъ плетьми, сослать въ Сибирь на поселеніе. Прикосновенныхъ же къ дѣлу сему мѣщанъ: ростовскаго—Коновалова и здѣшнихъ—Ясырева и Холщевникова, дьячка Николая Иванова и крестьянина Борисоглѣбскихъ-Слободъ Кручинина, также за обманъ одинъ другаго, изъ видовъ корыстолюбія, выдержать при рабочемъ домѣ, каждаго по три мѣсяца, и при возвращеніи ихъ въ мѣста жительства строго подтвердить имъ, чтобы впредь чинить сего не осмѣливались, подъ опасеніемъ сугубаго наказанія. Помѣщицу Рачинскую, чтобы она впредь съ подобными означеннымъ подсудимымъ людьми не имѣла сношеній, а особенно о подобныхъ предметахъ, выдержать при полиціи на хлѣбѣ и водѣ одну недѣлю. Крестьянъ-же Самарина и Карпачева, какъ въ соучастіи съ подсудимыми несознавшихся и ничѣмъ совершенно неуличенныхъ, отъ суда и слѣдствія освободить, а о сыскѣ и присылкѣ въ Уѣздный Судъ, къ законному сужденію, крестьянина Николая Ларіонова учинить публики“.

Затѣмъ дѣло поступило на ревизію въ Уголовную Палату, которая постановила слѣдующее рѣшеніе:

„Изъ дѣла сего видно: 1) мѣщанинъ Алексѣй Садиковъ Государю Императору донесъ, что онъ можетъ указать сокрытые съ давняго времени въ землѣ, въ извѣстномъ ему мѣстѣ, въ Ярославской губерніи, 12 боченковъ золота и столько-жъ серебра, да четверикъ жемчугу и разныхъ драгоцѣнныхъ камней. 2) Вслѣдствіе сего, по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, объявлено доносителю Садикову, что если показаніе его окажется ложнымъ, то поступлено будетъ съ нимъ по законамъ. 3) Мѣщанинъ Садиковъ и послѣ того остался при прежнемъ своемъ показаніи, утверждая, что помянутыя драгоцѣнности хранятся въ землѣ при домѣ Ростовскаго мѣщанина Василья Коновалова, живущаго у тестя своего, мѣщанина-жъ Василья Рахманова; а буде тамъ не окажется, то должно искать ихъ въ Ярославлѣ, при домѣ мѣщанина Ѳеодора Яковлева. 4) Когда, по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, учинено было въ домѣ мѣщанина Рахманова, чрезъ глубокое рытіе земли и пробы желѣзнымъ щупомъ, свидѣтельство, то по оному показуемыхъ Садиковымъ сокровищъ вовсе не оказалось а въ Ярославлѣ и мѣщанина Яковлева не отыскано. 5) При произведенномъ слѣдствіи, мѣщанинъ Коноваловъ о томъ, что сокровище имѣется при домѣ Рахманова, равно и о томъ, что извѣстно было ему другое мѣсто, гдѣ оное хранится, отозвался незнаніемъ, показавъ, что о таковомъ кладѣ ему, назадъ тому года полтора, сказывалъ Ярославскій мѣщанинъ (какъ нынѣ открылось) Иванъ Холщевниковъ, но о мѣстѣ, гдѣ оный кладъ хранится, не объявилъ. 6) Своякъ Коновалова, крестьянинъ Матвѣй Кручининъ, изъяснилъ, что 1823 года, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, мѣщане Алексѣй Ясыревъ (онъ-же и Холщевниковъ), Александръ Ясыревъ и крестьянинъ Егоръ Самаринъ открылись ему, что они знаютъ, гдѣ лежитъ кладъ, болѣе трехъ милліоновъ рублей и разныя драгоцѣнности; но къ поднятію онаго сокровища нужна трава-прыгунъ, которую отыскивать взялись Кручининъ и заштатный дьячекъ Николай Ивановъ, а мѣщанинъ Василій Ко-

коваловъ обѣщался стараться объ отысканіи той травы, и взялись также доставить оную Бѣжецкая помѣщица Рачинская. 7) Сія послѣдняя и дьячекъ Ивановъ отъ обѣщанія отыскать ту траву не отреклись, при чемъ дьячекъ Ивановъ пополнилъ, что онъ, вмѣсто требуемой мѣщанами Холщевниковымъ и Ясыревымъ, крестьянами Самаринымъ и Кручининымъ травы-прыгуна, далъ траву медунникъ; а Кручининъ, въ доказательство участія съ ними въ отысканіи клада и травы, представилъ письма, полученныя имъ отъ Ясырева и Холщевникова. 8) Александръ Ясыревъ первоначально во всемъ показуемомъ на него учинилъ отрицаніе, а при очной съ Холщевниковымъ ставкѣ сознался, что онъ отъ Холщевникова о томъ сокровищѣ слыхалъ неоднократно и объ отысканіи травы-прыгуна писалъ къ Кручинину письма со словъ Холщевникова. 9) Сей послѣдній показалъ, что онъ о томъ сокровищѣ слышалъ отъ крестьянина Николая Ларіонова, который ему сказывалъ, что у него есть, отъ Ярославля пути на два или на три дня, входъ въ палатку, въ коей хранится упомянутое сокровище, и для полученія онаго нужна трава-прыгунъ, что было повторяемо ему Ларіоновымъ неоднократно, и послѣ того онъ, Холщевниковъ, отыскивалъ ту траву чрезъ дьячка Иванова и крестьянина Кручинина, а потомъ чрезъ крестьянъ Самарина и Карпачева; но 10) сіи крестьяне, при допросахъ и на очныхъ ставкахъ, въ взводимомъ на нихъ учинили отрицаніе, показавъ, что они обо всемъ томъ ничего не знаютъ. 11) Крестьянинъ Николай Ларіоновъ находится въ самовольной отъ дома своего отлучкѣ, а прежде сего, по объявленію его, отыскивалъ съ экзекуторомъ Губернскаго Правленія *) въ Мышкинской округѣ таковой же кладъ, но онаго не оказалось. 12) Палата, соображая всѣ оныя обстоятельства, находитъ, что отыскиваніе клада началось съ показанія крестьянина Николая Ларіонова, который нынѣ находится въ бѣгахъ; отъ него объявлено было Алексѣю Холщевникову, а сей, со внукомъ своимъ Александромъ Ясыревымъ, стараясь отыскать, для поднятія того сокровища, траву, называемую прыгуномъ, объявилъ о семъ крестьянину Кручинину и дьячку Иванову, отъ которыхъ, впослѣдствіи времени, узналъ и мѣщанинъ Коноваловъ; а сей послѣдній, познакомясь съ бѣжецкою помѣщицею Рачинскою, довелъ, вмѣстѣ съ нею, до свѣдѣнія мѣщанина Садикова, и всѣ вмѣстѣ о сыскѣ той травы имѣли дружественную переписку, но гдѣ оное сокровище хранится и кѣмъ положено, отозвались невѣдѣніемъ. А хотя Садиковъ и показываетъ, что ежели онаго клада въ Ростовѣ, при домѣ Рахманова, не окажется, то должно искать, какъ слышалъ онъ отъ Коновалова, въ городѣ Ярославлѣ, при домѣ мѣщанина Ѳедора Яковлева; но Коноваловъ того не утвердилъ, а потому показаніе Садикова и вѣроятія не заслуживаетъ, который, не имѣвъ вѣрныхъ доказательствъ, а по однимъ неосновательнымъ слухамъ, возымѣлъ дерзость войти о томъ съ доносомъ къ Его Императорскому Величеству, чѣмъ въ отысканіи клада и произведеніи на счетъ онаго слѣдствія судебнымъ мѣстамъ и лицамъ, къ тому употребленнымъ, нанесъ напрасное затрудненіе. Для того учинить слѣдующее:

А) Мѣщанина Садикова, за ложный и неосновательный доносъ, по силѣ уложенія 2-й главы 12-й статьи и указовъ 1718-го Января 19, и 1762 годовъ Октября 18-го, 6-го отдѣленія, наказать плетьми, сорокà ударами, и потомъ обратить въ общество, со строгимъ подтвержденіемъ, дабы впредь подобнаго не дѣлалъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ бòльшаго наказанія, по законамъ.

---

*) Въ документахъ нашихъ этотъ чиновникъ не названъ. *Авт.*

„Б) Поелику мѣщане Коноваловъ, Ясыревъ и Холщевниковъ, также дьячекъ Николай Ивановъ и крестьянинъ Кручининъ, разглашеніемъ о мнимомъ кладѣ и отыскиваніемъ для онаго травы, содѣйствовали подсудимому Садикову къ приведенію въ исполненіе предпринятаго всѣми ими замысла, въ которомъ хотя, кромѣ неосновательности предпріятія, отъ необразованности происшедшаго, злаго намѣренія и не усматривается, но тѣмъ самымъ вошли и другихъ подвергнули отвѣтственности по законамъ, то ихъ, мѣщанъ Коновалова, Ясырева, Холщевникова и крестьянина Кручинина, для удержанія впредь отъ подобныхъ поступковъ, на основаніи устава Управы Благочинія 270-й статьи, выдержать при полиціи подъ арестомъ, каждаго по мѣсяцу, и потомъ подтвердить: если на будущее время окажутся въ таковыхъ-же разглашеніяхъ, то неминуемо подвергнутъ себя бо́льшему еще, по законамъ, наказанію. Въ исполненіи чего Ярославской градской полиціи предписать указомъ.

„В) Поступокъ дьячка Иванова, по силѣ указа 1818 года Августа 18 дня, отнесть на опредѣленіе Духовной Консисторіи, въ которую, съ прописаніемъ изъ дѣла слѣдующаго, сообщить.

„А какъ Г) и помѣщица Рачинская съ мѣщанами Садиковымъ и Коноваловымъ, относительно кладовъ, входила въ сношеніе, званію ея неприличное, почему за оное сдѣлать ей выговоръ съ подтвержденіемъ, дабы впредь отъ всякихъ неосновательныхъ и состоянію ея неприличныхъ поступковъ удалялась. А крестьянъ Самарина и Карпачева, по невинности ихъ, согласно съ мнѣніемъ общаго Уѣзднаго Суда съ Городовымъ Магистратомъ присутствія, отъ суда и слѣдствія освободить. О сыскѣ-же и присылкѣ къ суду крестьянина Ларіонова учинить надлежащія публики“.

Такимъ образомъ злополучному Садикову грозили страшныя плети. Къ счастію для него, послѣдовалъ всемилостивѣйшій манифестъ 22-го Августа 1826 года, освобождавшій отъ суда и слѣдствія чиновниковъ и всякаго званія людей по дѣламъ, незаключавшимъ въ себѣ смертоубійства, разбоя, грабежа и лихоимства. Поэтому, Уголовная Палата, отмѣнивъ назначенныя уже ею наказанія, ограничилась только тѣмъ, что подтвердила Садикову и остальнымъ подсудимымъ, „дабы они восчувствовали таковую высочайше дарованную имъ милость и впредь подобныхъ поступковъ дѣлать не осмѣливались, подъ опасеніемъ въ обратномъ случаѣ неминуемаго уже наказанія“. Но Рачинская всё-таки получила выговоръ.

Въ Январѣ 1827 года императоръ Николай I изволилъ выслушать докладъ Петербургскаго генералъ-губернатора Кутузова о рѣшеніи настоящаго дѣла, и повелѣлъ: „въ приведеніи онаго опредѣленія въ дѣйствіе поступить, какъ по законамъ слѣдуетъ“.

Садиковъ и Рачинская отправились изъ Ярославля восвояси... Съ тѣхъ поръ слухъ о Ростовскихъ кладоискателяхъ прекратился на вѣки. Безъ сомнѣнія, и сами они давно сошли съ житейской сцены, разочарованные въ своихъ мечтахъ быть наслѣдниками великаго князя Георгія Всеволодовича, тѣнь котораго они потревожили напрасно.

Л. Трефолевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ПРИКАЗЫ ВОЕННАГО МИНИСТРА БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ.

I.

Печатаемый ниже приказъ замѣчателенъ во 1-хъ) тѣмъ, что оный былъ первымъ по вступленіи сего генерала въ управленіе военнымъ министерствомъ; во 2-хъ что онъ говоритъ о славномъ эпизодѣ нашей военной исторіи, весьма богатой отличными подвигами Русскихъ войскъ, которыя покрыли себя неувядаемою, громкою славою въ бояхъ съ врагами нашего Отечества; и въ 3-хъ) что военный министръ, неограничиваясь бюрократическими занятіями по своему министерству, выступаетъ изъ сферы ихъ и отъ лица своего, какъ высшая власть надъ войсками, объявляетъ по онымъ свой приказъ. При семъ должно замѣтить, что приказы по войскамъ, собственно отъ лица военнаго министра, ввелъ графъ Аракчеевъ, который, управляя министерствомъ, въ приказахъ своихъ объявлялъ свою личную благодарность, а также выговоры, замѣчанія, аресты и т. п. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ по разнымъ, замѣченнымъ имъ въ войскахъ и управленіяхъ, хорошимъ или худымъ, порядкамъ.

Григорій Александровъ.

*

С.Петербургъ. Января 29 дня 1810 года.

Войскамъ 5-й дивизіи, возвратившимся изъ Шведской кампаніи.

Воины! Знаменитые подвиги ваши при Умео, Зефарѣ, Ратанѣ и Питіо извѣстны любезнѣйшему нашему Отечеству и чужеземнымъ народамъ. Вы переносили тягчайшіе труды съ мужествомъ и усердіемъ, претерпѣвали случавшіеся недостатки безъ малѣйшаго ропота. Непріятель возмечталъ превосходствомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ своихъ помрачить вашу славу; онъ явился съ девятью тысячами въ тылу у васъ; восемь тысячъ шли противъ васъ съ переди; многочисленный флотъ его нападалъ на берега, вами защищаемые. Но вы, храбрые воины, въ числѣ шести тысячъ, безъ содѣйствія морской нашей силы и будучи лишены способовъ къ доставленію провіанта и военныхъ запасовъ, явили новое чудо военнаго искусства и мужества: вы трое сутокъ сражались безпрерывно, и каждый день былъ ознаменованъ необычайными подвигами. Наконецъ, совершенная побѣда ваша уничтожила всѣ дальновидные умыслы непріятеля, и славнѣйшій миръ былъ послѣдствіемъ успѣховъ вашихъ.

Всемилостивѣйшій Государь Императоръ нашъ съ большимъ удовольствіемъ осматривалъ храбрые полки ваши. Монаршее Его Величества благоволеніе и щедроты, объявленныя сего числа въ высочайшемъ приказѣ, да усладятъ чувства ваши, поощрятъ васъ къ новымъ подвигамъ и возвысятъ духъ геройскій. Лестна заслуженная награда: гордитесь ею и побѣдоноснымъ вашимъ оружіемъ!

(Прик. Экспед. оп. 39, св. 165, № 87).

Въ упомянутомъ выше высочайшемъ приказѣ, 29 Января 1810 г., сказано, что за храбрость, усердіе, вѣрность и устройство войскъ 5-й дивизіи, бывшей подъ командою генерала графа Каменскаго 2-го, объявляется монаршее благоволеніе, а солдатамъ пожаловано по рублю, чаркѣ вина и по фунту говядины на человѣка.

II.

Въ Санктпетербургѣ. Августа 4 дня 1810 г. № 41-й.

6-го числа прошедшаго Іюля, толпа Турокъ, собравшись въ лѣсахъ Силистрійскихъ, сдѣлала нечаянное нападеніе въ тѣсной дефилеѣ на команду провождавшую въ Базарджикъ выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ и Булгарскія каруцы, на которыхъ доставленъ былъ въ Силистрію порохъ, снаряды и пр.

По долгомъ и упорномъ сопротивленіи офицеры изранены, нѣсколько рядовыхъ убито, и побѣда казалась уже сомнительною, какъ внезапно 32-го егерскаго полка рядовой Василій Пестряковъ, исполненный храбрости и отваги, съ 43 человѣками приверженныхъ къ нему сотрудниковъ, заступаетъ мѣсто начальника, пробивается сквозь толпы непріятельскія, поражаетъ ихъ и, нанеся послѣдній ударъ, вселяетъ ужасъ и принуждаетъ Турокъ обратиться въ бѣгство.

Такимъ образомъ рядовой Пестряковъ, удержавъ съ честію и славою поле сраженія, совершаетъ похороненіе убитыхъ тѣлъ своихъ сотоварищей, собираетъ всѣ оставленныя отъ страха Булгарцами ихъ каруцы, съ имуществомъ офицеровъ и солдатъ и, воздѣвъ на себя отбитое у непріятеля оружіе, въ семъ видѣ, какъ герой украшенный трофеями, окруженный изранеными воинами, является къ начальству въ Базарджикъ.

Главнокомандующій Задунайскою арміею, одобряя толь отличный доспѣхъ, производитъ Пестрякова въ унтеръ-офицеры; но Государь Императоръ, отъ взора коего наималѣйшій подвигъ не можетъ быть сокровенъ, къ достойнѣйшему награжденію сего рядоваго, удостоиваетъ его прапорщичьяго чина, пожаловавъ еще на его экипировку денегъ 150 рублей.

Я, побуждаясь долгомъ званія моего, поспѣшаю происшествіе сіе сдѣлать извѣстнымъ по арміи на тотъ конецъ, чтобы сей ознаменованный рядовымъ Пестряковымъ подвигъ, являющій въ немъ истинную черту усердія и вѣрности Россійскаго воинства къ Государю, службѣ, закону и Отечеству, могъ воспламенить и прочихъ, предъ симъ его сотоварищей, солдатъ къ подобному примѣрному отличію.

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. оп. 39. св. 172, № 515).

III.

С.Петербургъ. Октября 26-го дня 1810 г. № 65-й.

Волынскаго уланскаго полка товарищъ Лисовскій, во время бомбардированія крѣпости Брегово, находясь для посылокъ у генералъ-

маіора графа Орурка и возвращаясь отъ отдѣленныхъ эскадроновъ, куда посыланъ былъ съ приказаніемъ, встрѣтилъ одинъ семь человѣкъ Турокъ, выѣхавшихъ изъ крѣпости съ намѣреніемъ, при темнотѣ ночной, проѣхать скрытно и спастись отъ предстоявшей имъ общей погибели. Неожиданная встрѣча не поколебала нимало присутствія его духа: онъ рѣшительно бросается съ саблею на первыхъ съ нимъ встрѣтившихся, наноситъ имъ удары и, хотя зналъ, что никого близь его не находится, но умышленно съ большимъ крикомъ призываетъ на помощь товарищей. Устрашенные Турки, считая себя окруженными, слѣзаютъ съ лошадей и на колѣняхъ предъ однимъ храбрымъ товарищемъ Лисовскимъ просятъ пощады. Онъ на Молдаванскомъ языкѣ приказываетъ имъ сложить съ себя оружіе, слѣдовать за нимъ пѣшкомъ и всѣхъ приводитъ въ лагерь своими плѣнниками. Генералъ-лейтенантъ Зассъ, въ награду за таковой примѣрной подвигъ, приказалъ отдать неустрашимому воину всѣхъ лошадей и оружіе, отобранныя у сихъ плѣнныхъ; а Его Императорское Величество, по представленію о семъ главнокомандующаго арміею генерала отъ инфантеріи графа Каменскаго 2-го, высочайше указать соизволилъ: товарища Лисовскаго произвесть въ юнкера и дать ему знакъ отличія Военнаго Ордена.

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., оп. 39, св. 174, № 730).

IV.

С.Петербургъ. Ноября 15-го дня 1810 года. № 77-й.

Усердіе и преданность вѣрныхъ Россійскихъ воиновъ, и въ самомъ стѣсненномъ положеніи, отличны благороднѣйшею народною нравственностію. Бѣлевскаго мушкетерскаго полка двѣ команды, состоящія: первая, при подпоручикѣ Шеншинѣ, изъ 4-хъ унтеръ-офицеровъ, 25-ти рядовыхъ, 1-го барабанщика, и другая, при унтеръ-офицерѣ Яковлевѣ, изъ 12-ти рядовыхъ и 2-хъ казаковъ, обороняли крѣпости Чхери и Мухури во все продолженіе въ Имеретіи бунта. Цѣлой мѣсяцъ многочисленные мятежники держали ихъ въ строжайшей блокадѣ, и нижніе чины, по недостатку провіанта, довольствовались токмо третьею частію обыкновенной дачи, ослабѣли въ силахъ, а нѣкоторые сдѣлались больными. Но ничто немогло поколебать ихъ мужества и ревности. Особенно же отличились: унтеръ-офицеръ Чеботаревъ, посыланный съ 12-ю рядовыми, въ ночное время, за крѣпость, за водою. Онъ на возвратномъ пути окруженъ былъ бунтовщиками; но, не смотря на превосходство, храбро пробился сквозь ихъ, доставилъ воду и двухъ раненыхъ привелъ съ собою. Равномѣрно рядовые Иванъ Терещенко и Андріянъ Никифоровъ, которыхъ подпорутчикъ Шеншинъ посылалъ съ извѣстіемъ о своемъ положеніи къ ближайшей воинской нашей командѣ, неустрашимо исполнили имъ приказанное, прокрались ночью между толпами мятежниковъ и, не взирая на очевидную опасность своей жизни, возвратились обратно съ отвѣтомъ.

Получа отъ господина главнокомандующаго въ Грузіи генерала отъ кавалеріи Тормасова увѣдомленіе о таковыхъ геройскихъ подвигахъ, мнѣ всего пріятнѣе, по долгу званія моего, докладывать объ отличающихся Всемилостивѣйшему Государю Императору нашему. Его Императорское Величество высочайше повелѣлъ: подпоручика Шеншина произвесть въ поручики; унтеръ-офицерамъ: Яковлеву и Чеботареву дать знаки отличія Военнаго Ордена, въ пенсіонъ по смерть жалованье гвардейскихъ фельдфебелей и единовременно сто рублей; рядовыхъ Терещенка и Никифорова произвесть въ унтеръ-офицеры, дать имъ знаки отличія Военнаго Ордена и единовременно пятьдесятъ рублей; прочимъ же всѣмъ нижнимъ чинамъ, оборонявшимъ обѣ крѣпости, выдать каждому по двадцати пяти рублей.

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. оп. 39, св. 175, № 798).

V.

С.Петербургъ. 28-го Іюля 1811 года. № 40-й.

Командиръ 1-го корпуса генералъ-лейтенантъ графъ Витгенштейнъ донесъ мнѣ, что 25-го егерскаго полка гренадеръ Михайла Ивановъ, служившій напредъ сего въ 20 егерьскомъ полку, находясь въ сраженіи противу Французовъ, прошлаго 1807 года Января 22-го числа, подъ Гутштадомъ, былъ захваченъ въ плѣнъ, имѣя при себѣ ввѣренныхъ ему артельныхъ денегъ девять имперіаловъ и одинъ полуимперіалъ, кои во время нахожденія его въ плѣну и по болѣзни въ гошпиталяхъ сохранилъ, и по прибытіи нынѣ въ полкъ минувшаго Іюня 25-го числа изъ С.Петербургскаго гошпиталя представилъ оныя для отсылки въ 2-й егерьской полкъ.

На всеподданнѣйшее мое о семъ донесеніе, Его Императорскому Величеству весьма пріятно было всемилостивѣйше указать: артельныя деньги отослать въ 20-й егерьской полкъ, а гренадеру Иванову, за столь честный и похвальный поступокъ, выдать въ награду изъ кабинета пять сотъ рублей ассигнаціями.

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., оп. 39, св. 183, № 531).

VI.

С.Петербургъ. Сентября 21-го дня 1811 года. № 56-й.

Польскаго уланскаго полка штабсъ-ротмистръ Бороздичъ, стоявшій на извѣщательномъ посту при деревнѣ Кабернемъ, усмотрѣвъ, что Англійское военное судно, приближась къ берегу, терпитъ, какъ казалось, кораблекрушеніе, послалъ немедленно для спасенія погибающихъ людей нѣсколько человѣкъ своихъ уланъ и крестьянъ; но Англичане приняли ихъ вооруженною рукою, улановъ захватили въ плѣнъ, а крестьянъ переранили и прогнали. Тогда штабъ-ротмистръ Бороздичъ, видя, что Англійское судно, при всемъ усиліи матросовъ за противными вѣтрами удалиться не можетъ,

собралъ 13-ть лодокъ и, разсадивъ на оныя полу-эскадрона уланъ и крестьянъ, вооруженныхъ штуцерами и пистолетами, окружилъ сіе судно. Непріятель встрѣтилъ его ядрами, но лодки наши подошли подъ пушечные выстрѣлы безъ всякаго вреда, атаковали судно сильнымъ огнемъ со всѣхъ сторонъ и, по упорномъ сраженіи, принудили его спустить флагъ и сдаться. Въ числѣ оставшихся людей на суднѣ взяты въ плѣнъ Англійской службы капитанъ Пегатъ, квартирмейстеръ 1 шкиперъ 1 и матросовъ 7 человѣкъ. Въ добычу побѣдителямъ досталось товаровъ на 250 т. рублей и бригъ стоющій, по объявленію шкипера, 25,000 рублей.

Его Императорское Величество, за столь похвальный и мужественный подвигъ штабсъ-ротмистра Бороздича, указать соизволилъ; произвесть его, за отличіе, въ ротмистры и взятое судно и товары отдать въ награду всѣмъ военнымъ чинамъ и крестьянамъ. бывшимъ въ сраженіи, какъ военный призъ, для раздѣленія на основаніи морскихъ узаконеній.

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., оп. 39, св. 185, № 654).

VII.

С. Петербургъ. Октября 22-го дня 1810 года. № 64-й.

Знаменитая побѣда, одержанная на границѣ Карталиніи, въ 5-й день Сентября, надъ 10-т. корпусомъ Персіянъ и Турокъ, едвали не однимъ Россійскимъ воинамъ была возможна. Два баталіона 9-го и 15-го егерьскихъ полковъ, съ двумя легкими орудіями и частію казаковъ, въ холодную и ненастнѣйшую погоду, идутъ трое сутокъ чрезъ снѣговую гору, которою жители тѣхъ мѣстъ и непріятель считали непроходимою, и въ самую полночь приближаются въ такомъ порядкѣ и тишинѣ, что непріятельскіе караулы открыли ихъ во стѣ шагахъ отъ своего лагеря. Неожиданное появленіе, залпъ изъ ружей и артиллеріи и быстрое стремленіе въ штыки распространяютъ непреодолимой ужасъ между многочисленнаго непріятеля. Храбрые Россійскіе воины пролетаютъ обширный лагерь отъ одного конца до другаго, и устрашенные Персіяне и Турки, безъ оружія и одежды, спасаются бѣгствомъ, бросаясь стремглавъ въ глубокой каменистой ровъ. Весьма богатый лагерь достался въ добычу побѣдителямъ; все оружіе, множество лошадей, лучшія драгоцѣнности, золото и серебро, раздѣлено между нижними чинами; прочее же богатство въ экипажахъ и палаткахъ, по невозможности поднять и половины онаго, истреблено.

Таковой необычайной подвигъ обратилъ на отличившихся воиновъ особенное благоволеніе Его Императорскаго Величества и послужитъ примѣромъ потомству, что усердіе, храбрость и труды замѣняютъ число войска, преодолѣваютъ препоны самой природы и торжествуютъ надъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ.

Сей приказъ и подобные, отдаваемые за отличные военные подвиги, предписывается читать при собраніи ротъ всѣмъ нижнимъ чинамъ.

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., оп. 39, св. 174, № 724.)

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1876 ГОДА.

*

*

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА

1876 года.

Записки *Ильи Өедоровича Тимковскаго.*—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи, статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ө. Одоевскаго.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма *Д. В. Волкова* къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю Потемкину. — Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Канцлеръ князь Безбородко (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. И. Григоровича.* — Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма *графа Н. И. Панина* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Изъ Записокъ *Н. И. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго* и письма *А. Ө. фонъ-деръ Бриггена* о Минихѣ въ Сибири.—Статья *И. В. Кирѣевкаго* о Баратынскомъ съ предисловіемъ *Н. А. Елагина.* — Семь стихотвореній *С. А. Соболевскаго.* — Неизданные стихи *Ө. И. Тютчева.*—Еще стихи *Ө. И. Тютчева* (Какъ ни бѣсилося злорѣчье).—Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья *И. С. Акакова.* Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

1875 ГОДЪ. *Книга первая.* Записки сенатора Е. Ө. Фонъ Брадке. Воспоминанія графини Блудовой. — Старая Записная книжка.—Письма императора Александра Павловича къ князю Васильчикову.—Записки и бумаги И. Б. Пестеля. Цѣна **2** рубля.

1875 ГОДЪ. *Книга вторая.* Сказаніе о Коліевщинѣ М. А. Максимовича.—Бумаги князя Васильчикова.—Старая записная книжка.—Москва въ 1812 году, Сочиненіе А. Н. Попова. Цѣна **3** рубля.

1875 ГОДЪ. *Книга третья.* Москва въ 1812 году. Сочиненіе А. Н. Попова.—Записки графа Ростопчина о Мартинистахъ.—Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги Жуковскаго и князя Васильчикова. Цѣна **3** рубля.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

О ПОДПИСКѢ
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
ВЪ 1877 ГОДУ

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1877 году на прежнихъ основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, изъ 12 тетрадей, составляющихъ три большія книги, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на омъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ ти **восемь** рублей съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительтва, *въ Москву, на Никитскій бульваръ*, *въ домъ Дюгамеля, въ Контору Рускаго Архива*.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи **10** рублей, ъ Англіи въ Швейцаріи и Италіи **11** рублей.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору Русскаго Архива, если подписа была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоаго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.